This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Star 605.95

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

1872

РУССКАЯ СТАРИНА

"RUSSKAIA STARINA"

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

"6 1872" 1485 34

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1872 г.

ТОМЪ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая ул., д. № 49 — 2).
1872.

PSlaw 605.25
~~Slaw 25.10~~

Harvard [illegible]
Jan. 1 [illegible]
PIERCE FUND.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ третій. ІЮЛЬ. 1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки партизана **Дениса Давыдова**: воспоминанія о польской войнѣ 1831 года . . . 1

II. Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ въ 1826—1827 гг.: донесенія и письма. Сообщ. **П. И. Вріони** 39

III. Записки **И. П. Липранди**: Мнѣніе по такъ-называемому «Дѣлу Петрашевскаго». Сообщ. **И. П. Липранди** 70

IV. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Историческіе разсказы и анекдоты, записанные **П. Ѳ. Карабановымъ** (87). 2. Распоряженіе имп. Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и о замѣнѣ ихъ другими. Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій** (98).

V. Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1794 гг. **томъ третій**, части XVII и XVIII, письма 175—183: Бытъ русскаго дворянства 1774—1775 гг.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. **1872 г.** Цѣна съ доставкой въ Петербургѣ и Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города **восемь** руб.

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій, **„Русской Старины“ 1872 г.** осталось немного экземпляровъ, **печатается второе изданіе.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1872.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Дневныя морскія записки, веденныя на кораблѣ «Урилъ», во время плаванія его въ Средиземное море, съ эскадрою, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина состоящею. Г. М. Мельникова. Спб., 1872 г., in 8, VIII, IV и 234 стр. Съ гравированнымъ въ Англіи портретомъ автора. Часть первая.

Эти записки были представлены дочерью автора, графиней Александрой Григорьевной Шереметсвой въ ученое отдѣленіе морского техническаго комитета. Изданная нынѣ первая ихъ часть обнимаетъ эпоху отъ назначенія и приготовленія эскадры и отплытія ея изъ Кронштадта 10 сентября 1805 г., до прекращенія военныхъ противъ французовъ дѣйствій, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о Тильзитскомъ мирѣ. Записки покойнаго Григорья Михайловича Мельникова исключительно морского содержанія — далеко не такъ занимательны и разнообразны, какъ «Письма морскаго офицера» (Броневскаго).

Изъ записокъ этихъ узнаемъ впервые, напр.: что 1) по малонмѣнію на эскадрѣ (состоявшей изъ 5 кораблей и 1 транспортнаго фрегата), медицинскихъ чиновъ размѣщено было по судамъ въ Портсмутѣ 6 лекарей и 8 подлекарей, нанятыхъ въ Англіи, и 2) что въ октябрѣ мѣсяцѣ 1805 г. барометръ, даже въ англійскомъ флотѣ, былъ еще большою рѣдкостію: «22 числа — сказано въ запискахъ— отъ нашего флагмана отданъ былъ слѣдующій приказъ: «когда на англійскомъ адмиральскомъ кораблѣ (въ Портсмутѣ), поднятъ будетъ бѣлый флагъ съ синими каймами и сверху онаго синій вымпелъ, то значитъ, что опасно ѣздить гребнымъ судамъ по здѣшнему рейду». Чрезъ сіе давалось знать, что вскорѣ послѣдуетъ буря, которую уповательно заблаговременно показывалъ барометръ, на означенномъ адмиральскомъ кораблѣ находящійся».

Акты, собранные Кавказскою археографическою коммиссіею. Тифлисъ. Тип. Гл. Упр. in magno folio. Томъ I (1866, X и 816 стр.); Т. II (1868, VI и 1238 стр.); Т. III (1869, VI и 760 стр.); Т. IV (1870, III и 1015 стр.). Цѣна каждому тому 30 рублей.

Кавказская археографическая коммиссія основана въ апрѣлѣ 1864 года, по мысли и предложенію статсъ-секретаря А. П. Николаи и при высокомъ покровительствѣ августѣйшаго намѣстника Кавказскаго, великаго князя Михаила Николаевича, выразившаго полнѣйшее сочувствіе этому учрежденію. Разбору коммиссіи предлежатъ четыре архива: архивъ главнаго управленія, Ставропольскій, Георгіевскій и Кизлярскій: «послѣдній, по свидѣтельству коммиссіи, едва-ли не самый интересный на Кавказѣ: въ продолженіе 50-ти лѣтъ, до устройства Моздокской линіи, Кизляръ былъ, такъ сказать, столицею, а потому всѣ наши сношенія съ горцами и съ Грузіей, подготовившія дальнѣйшее развитіе правительственной дѣятельности, могутъ быть объяснены и выведены наружу только разслѣдованіемъ Кизлярскаго архива».

Но прежде чѣмъ почтенная коммиссія дойдетъ до второго архива, ей предстоитъ довольно труда въ архивѣ главнаго управленія. Архивъ этотъ содержитъ въ себѣ 128,000 объемистыхъ дѣлъ и 877 переплетенныхъ томовъ. Коммиссія дѣлитъ архивъ главнаго управленія на три періода: 1-й отъ 1801 до 1816, т.-е. до вступленія генерала Ермолова въ управленіе Грузіею; 2-й обнимаетъ все время управленія А. П. Ермолова; затѣмъ начинается 3-й періодъ —до настоящаго времени.

Первый томъ, изъ вышедшихъ томовъ актовъ, состоитъ изъ двухъ частей: въ первую вошли такъ-называемые гуджары или жалованныя грамоты на грузинскомъ языкѣ царей и другихъ владѣтельныхъ особъ Грузіи, а также фирманы персидскихъ шаховъ и другіе документы на языкахъ: арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ; вторая часть этого тома обнимаетъ акты, относящіеся ко второй половинѣ XVIII столѣтія и за время управленія Кнорринга до смѣны его кн. Циціановымъ, въ концѣ 1802 года. Къ первому тому приложены портретъ Кнорринга и карта Кавказа, съ показаніемъ его политическаго состоянія до 1801 года. Второй томъ — время управленія князя Павла Дмитріевича Циціанова (1802—1806); къ этому тому приложены три портрета: послѣдняго Грузинскаго царя Георгія XII, царевича Давида и кн. Циціанова. Третій томъ — время управленія генералъ-фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича (1806—1809); къ третьему тому приложено шесть портретовъ: царя Ираклія II, царевича Іоанна, царицы Дарін, царевича Вахтанга, католикоса Антонія II и гр. Гудовича, и листъ со снимками съ печатей и факсимиле нѣкоторыхъ членовъ грузинскаго царскаго дома и главныхъ дѣятелей первой эпохи водворенія на Кавказѣ русскаго владычества. Четвертый томъ—время управленія А. П. Тормасова (1809—1811); къ четвертому тому приложено пять портретовъ: царевичей Баграта, Теймураза, Парнаоза и супруги послѣдняго царевны Анны и Тормасова.

Отсюда видно, что система изданія актовъ, принятая кавказскою археографическою коммиссіею,—хронологическая: время управленія каждаго главнокомандующаго

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Читатели „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, оживили въ своей памяти рыцарскій обликъ личности партизана Давыдова, по прочтеніи мастерски набросаннаго его сыномъ біографическаго очерка (см. въ „Русской Старинѣ“, т. V, стр. 624 — 639). Нынѣ предлагаемъ „Записки“ партизана о польской кампаніи 1831 г. Этотъ историческій памятникъ созданъ бойкимъ, даровитымъ перомъ поэта и партизана въ 1836 г., слѣдовательно, по самымъ живымъ воспоминаніямъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ, либо принималъ непосредственное участіе, либо слышалъ о нихъ, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Наблюдатель глубоко просвѣщенный, воинъ — безъ упрека, представитель бойцовъ славной памяти двѣнадцатаго года — Денисъ Давыдовъ — внесъ въ печатаемыя нынѣ „Записки“ много мѣткихъ замѣчаній, полезныхъ даже теперь;—сорокъ лѣтъ спустя, послѣ того какъ были набросаны его замѣтки, онѣ не утратили своей свѣжести и интереса. Что касается до описанія событій, то оно отличается присущимъ таланту Давыдова свойствами: живостью разсказа, образностью выраженій, и тѣмъ увлеченіемъ, которое водило его къ побѣдамъ и окрыляло его своеобразную музу.

„Воспоминанія о польской войнѣ 1831 г.“ издавна извѣстны любителямъ новѣйшей отечественной исторіи по многимъ спискамъ. Они долго ходили по рукамъ, и нѣсколько списковъ перебывало и въ нашемъ собраніи рукописей. Лучшій изъ нихъ, къ сожалѣнію, не полный, подаренъ намъ уважаемымъ Петромъ Павловичемъ Зуе-ъ, къ которому перешелъ отъ брата Д. П. Зуева, а къ тому, въ о очередь, поступилъ отъ подпоручика корпуса путей сообщенія нивцева († 1843 г.). Этотъ молодой человѣкъ былъ, если не ибаемся, племянникомъ Д. В. Давыдова, и изъ кабинета дяди полилъ полный списокъ его записокъ, до восемнадцати небольшихъ традей. Весь этотъ манускриптъ разстратился у генералъ-лейтенанта

Серг. Гавр. Веселитскаго; уцѣлѣла лишь тетрадь въ 26 полулистовъ мелкаго, убористаго письма, находящаяся въ нашемъ распоряженіи.

Затѣмъ основнымъ спискомъ при изданіи мы приняли рукопись, сообщенную сыномъ партизана, Василіемъ Денисовичемъ Давыдовымъ. Списокъ этотъ, какъ свидѣтельствуетъ сообщившій его, снятъ съ подлинной рукописи автора.

Для удобства чтенія—мы раздѣлили весь разсказъ на главы. Въ концѣ записокъ приведены варьянты изъ прочихъ списковъ и дополненія В. Д. Давыдова къ біографическому очерку, помѣщенному въ „Русской Старинѣ", т. V, стр. 624.

Ред.

I.

Паденіемъ Наполеона заключилась великая эпоха войнъ, справедливо названная эпопеей военнаго искусства. Каждое государство, участвовавшее въ низверженіи завоевателя, требовало себѣ вознагражденія за убытки, понесенные въ теченіе тягостной и продолжительной войны. Порфира исполина была разорвана на части; Англія, Австрія, Пруссія, Швеція и прочія союзныя государства были вознаграждены расширеніемъ границъ своихъ на счетъ владѣній Наполеона и его союзниковъ.

На долю главной виновницы сего чуднаго переворота—Россіи досталось герцогство Варшавское, обнаженное отъ герцогства Познанскаго, доставшагося Пруссіи, Краковской области, признанной независимою, и округъ въ Галиціи, вошедшій въ составъ австрійскихъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху вещественнаго и нравственнаго могущества Россіи, когда еще не остылъ пепелъ Москвы, курившійся на жертвенникѣ отечества и штыки 200,000 испытаннаго русскаго войска, предводимаго опытными и искусными генералами, сверкали на поляхъ Франціи, она могла пріобрѣсти несравненно болѣе того, что она получила; не взирая на хвастовство французовъ, Франція, сознавала себя гораздо болѣе побѣжденной, чѣмъ Наполеонъ и Германія, утомленная своими собственными побѣдами.

Но великодушный государь нашъ удовольствовался лишь пріобрѣтеніемъ для Россіи полнаго права гражданства въ Европѣ, участія въ совѣщаніяхъ европейскихъ государствъ между собою и чугуннаго шара на кровавыхъ баллотировкахъ спорныхъ мнѣ-

ній совѣщателей. Александръ I, ограничившись присоединеніемъ къ Россіи царства польскаго, хотѣлъ ввести здѣсь, въ видѣ опыта, тотъ родъ учрежденій, коихъ духъ возникъ послѣ паденія Наполеона. Онъ ласкалъ себя надеждой, слѣдуя по противоположной стезѣ, превзойти славу падшаго соперника. Раздѣлъ Польши былъ окончательно признанъ и утвержденъ 21-го апрѣля (9-го мая) 1815 г. торжественнымъ актомъ, подписаннымъ уполномоченными трехъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи. Вотъ статья трактата, относящаяся къ Россіи и царству польскому, помѣщенная въ договорѣ съ Пруссіей: «Статья 5-я. Герцогство Варшавское, за исключеніемъ тѣхъ частей онаго, о коихъ упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ и трактатѣ, сего же дня подписанномъ между его величествомъ императоромъ всероссійскимъ и его величествомъ королемъ прусскимъ, навсегда присоединяется къ имперіи россійской»; это условіе, весьма ясное, не требуетъ потому никакихъ комментарій. Высокія договаривающіяся державы, какъ будто недостаточно успокоенныя на счетъ выраженія, опредѣляющаго полное и вѣчное подданство царства польскаго Россіи, присовокупили къ слову навсегда — на вѣчныя времена. «Отъ благоусмотрѣнія его величества императора будетъ зависѣть распространеніе учрежденій, дарованныхъ царству польскому, въ польско-россійскія губерніи и присоединеніе сихъ послѣднихъ къ царству». Приведеніе въ исполненіе сего послѣдняго условія предоставляется, какъ выше видѣли, единой волѣ императора, но дарованіе присоединенному царству особаго управленія требуется весьма ясно и положительно. Хотя нашъ государь, сообразно съ существующимъ порядкомъ и обычаемъ, долженъ присоединить къ прочимъ своимъ титуламъ титулъ царя (короля) польскаго, но поляки, находящіеся въ подданствѣ высокихъ договаривающихся сторонъ, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ родомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу совладѣній. Спрашивается: какой образъ политическаго существованія можетъ быть признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для области, поступающей на вѣчныя времена въ составъ владѣній великаго государства? тотъ ли, коего духъ наиболѣе согласуется съ духомъ политическаго су-

ществованія государства, къ коему область присоединяется, или тотъ, который рѣшительно противоположенъ учрежденіямъ, искони въ этомъ государствѣ существующимъ. Безъ сомнѣнія, первый. Разсуждать иначе значило бы руководствоваться одностороннимъ взглядомъ, метафизическими отвлеченностями, а не благоразуміемъ. требующимъ не разрозненія, а напротивъ, приведенія духа учрежденій областей многосложнаго государства къ общему знаменателю, безъ чего невозможно единство, которое одно составляетъ силу государства. Итакъ, сія 5-я статья договора состоитъ, сама по себѣ, изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ послѣдній совершенно противорѣчитъ первому,—это было вѣроятно включено въ означенные договоры не безъ задней мысли.

По подписаніи договора между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ подобный же съ Австріей. Они были внесены въ акты вѣнскаго конгресса уполномоченными всѣхъ великихъ державъ. На основаніи этого нашъ государь, вооруженный правами, торжественно признанными всей Европой, приступилъ къ дѣлу.

Во-1-хъ, его величество принялъ царство польское въ потомственное и вѣчное владѣніе.

Во-2-хъ, онъ не счелъ нужнымъ распространить дарованный имъ этому царству образъ правленія на польско-россійскія губерніи и присоединить ихъ къ нему.

Въ-3-хъ, онъ принялъ титулъ царя польскаго, присовокупивъ его къ прочимъ имъ носимымъ достоинствамъ.

Въ-4-хъ, его величество уклонился, подъ разными предлогами, отъ введенія въ присоединенное царство представительнаго образа правленія, какъ чрезмѣрно отличающагося отъ учрежденій, искони въ Россіи существующихъ. Онъ ограничился лишь дарованіемъ ему отдѣльнаго и особаго управленія, подобно тому, какое существовало уже въ Финляндіи.

Вотъ на какомъ основаніи Александръ I принялъ царство польское, права на котораго онъ передалъ своему законному наслѣднику.

II.

Наполеонъ сказалъ однажды: «Европа занималась чтеніемъ исторіи французской революціи, но я положилъ замѣтку и закрылъ книгу. Наступитъ время, когда замѣтка выпадетъ и Европа вновь обратится къ чтенію закрытой мною книги». Пророчество

великаго человѣка сбылось: замѣтка выпала и все ринулось на поприще возникшихъ преній и переворотовъ. Самые владыки Европы не могли не подчиниться вліянію этого всеобщаго движенія умовъ; почти въ одно время были дарованы хартіи: Людовикомъ XVIII—Франціи, Вильгельмомъ—Нидерландамъ, Александромъ—Польшѣ. Книга революціи раскрылась и съ тѣмъ вмѣстѣ военное ремесло уступило права свои на всеобщее вниманіе гражданскому началу, которое въ теченіе 15-ти лѣтъ, скромно довольствуясь неизвѣстностью, вдругъ воспрянуло. Явились адвокаты, журналисты, разнаго рода витіи, молодые люди, незнакомые съ военной службой, либо жалко въ ней служившіе отъ недостатка въ дарованіяхъ къ подобному роду занятій, кои скрывались до сего времени въ глубинѣ общества. Они заняли мѣста полководцевъ — этихъ кумировъ устарѣвшаго богослуженія, капиталистовъ — монеты, курсъ которой упалъ столь значительно. Громъ оружія былъ замѣненъ напряженіемъ гортаней и скрипомъ перьевъ. Великія побоища были забыты, пренія же палатъ депутатовъ приковали къ себѣ всеобщее вниманіе. Грустно было нашему воинственному, но невѣжественному поколѣнію, быть вынужденнымъ отстраниться, для того, чтобы дать мѣсто лицамъ, кои, выдвинувъ свои вещественныя и словесныя батареи, стали оглашать своими звуками несравненно большее пространство. Многіе убѣждены, что усилія ратоборцевъ настоящей эпохи клонятся лишь къ пользѣ общей, къ доставленію человѣчеству наибольшей суммы благосостоянія, свободы и просвѣщенія. Нисколько! не всѣ и далеко не всѣ движимы столь высокою любовью къ человѣчеству. И тогда, и нынѣ на человѣчество смотрѣли, какъ на собраніе цифръ, которыми рѣшались и рѣшаются задачи личныхъ честолюбій и корыстолюбій; и тогда, и нынѣ лишь жажда къ пріобрѣтенію личной извѣстности или достоянія побуждаетъ многихъ къ неутомимой дѣятельности, посвященной, по ихъ мнѣнію, одному благу человѣчества. Причина всего кроется лишь въ всепоглощающемъ *я;* войны всѣхъ эпохъ происходили большею частію лишь отъ этого. Различіе заключается лишь въ образѣ битвы, оружіи и въ способахъ ими дѣйствовать. Вмѣсто Массенъ, Даву, эрцъ-герцоговъ Карловъ, Кутузовыхъ, Барклаевъ, Багратіоновъ—мы видимъ Одильоновъ, О'Конелей, Могеновъ и Лелевелей.

Самый Наполеонъ, этотъ очаровательный и исполненный

поэзіи исполинъ, былъ замѣненъ 90-ти-лѣтнимъ дитятей Лафайетомъ, въ маскарадномъ платьѣ польскаго гренадера; битвы размѣра гомерическаго, баснословнаго уступили мѣста свои свалкамъ черни въ лохмотьяхъ; фразы Жомини — фразамъ аббата Ламене, повторяемымъ многими глупцами, вовсе ихъ непонимающими, но пользу благосостоянія, истинная свобода народовъ (я нисколько не разумѣю подъ этимъ именемъ анархическое состояніе, въ коемъ находятся въ настоящее время нѣкоторыя государства) должны, повидимому, вѣчно оставаться распятыми на крестѣ между двумя разбойниками: честолюбіемъ военнымъ и честолюбіемъ гражданскимъ, никогда не обнаруживающими ни малѣйшаго раскаянія. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія; но эти исключенія въ нашемъ вполнѣ меркантильномъ вѣкѣ слишкомъ рѣдки, чтобы оказать на большинство умовъ, увлеченныхъ общимъ потокомъ идей, едва замѣтное вліяніе. Намъ, живущимъ въ этомъ эгоистическомъ вѣкѣ, нельзя не привѣтствовать отъ души это радостное, хотя и слишкомъ рѣдкое появленіе избранныхъ личностей, любвеобильныхъ не столько на словахъ, сколько на дѣлѣ.

Я можетъ быть ошибаюсь, но тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ томъ, что не желудкамъ нашего нравственно-хилого вѣка переваривать такую пищу, какъ свобода; на это потребны желудки древнихъ грековъ и римлянъ, которые могли ею безвредно насыщаться и пресыщаться ею. Ихъ могучая природа принимала съ пользою благодать, ниспосылаемую благимъ Провидѣніемъ народамъ, исполненнымъ любви и самоотверженія и твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но мы, проникнутые космополитизмомъ, именуемымъ любовью къ человѣчеству, какъ будто бы: люблю всѣхъ не означаетъ никого не люблю, кромѣ самого себя; мы, бездушные и жалкіе скептики, безпощадно анализирующіе все святое; мы, чахлые, гнилые и вполнѣ прозаическіе — мы не должны дерзать мыслить о свободѣ. Нѣтъ, надо сперва постараться сдѣлаться достойными этой небесной манны, и лишь тогда она сама собой низойдетъ къ намъ съ неба; но пока всепоглощающее *я* будетъ единымъ кумиромъ, единымъ рычагомъ всей нашей дѣятельности, всѣ наши усилія и стремленія будутъ тщетны. Нашъ удѣлъ до того времени одинъ: либо — рабство, либо — анархія, удѣлъ римлянъ и грековъ послѣ ихъ паденія съ высоты добродѣтели и любви

къ отечеству въ то преступное, нравственное растлѣніе, въ то утонченное себялюбіе, въ коихъ мы нынѣ такъ погрязли.

Свѣжа еще въ нашей памяти французская революція, Іюльскій переворотъ и мятежъ царства польскаго,—все это, по мнѣнію тогдашнихъ говоруновъ, было совершено лишь для блага общаго; но пусть назовутъ мнѣ хотя одну личность изъ числа многихъ вспрянувшихъ, такъ сказать, среди этихъ кровавыхъ событій, для котораго общее благо стояло бы выше собственнаго—къ сожалѣнію, вы не назовете ни одной. У каждаго, какъ у лисицы Крылова «рыльце въ пуху». Вникнемъ въ Тьера, сего панегириста французской революціи, и мы увидимъ проклятое *я*, всплывающее какъ бы противъ воли автора надъ самыми патріотическими побужденіями и порывами людей, имъ прославляемыхъ. Послушаемъ Лафайета и его сообщниковъ, возбудившихъ, при помощи огромныхъ капиталовъ, іюльскій переворотъ; о чемъ горюютъ они? предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ, о чемъ же имъ вздыхать? оно вѣдь удался для всѣхъ прочихъ, но не исключительно для тѣхъ, кои волновали умы для удовлетворенія собственнаго честолюбія.

Послушаемъ Солтыка, превозносящаго героизмъ и самоотверженіе поляковъ во время послѣдняго мятежа, и мы убѣдимся, что происки членовъ народнаго правленія приготовили для Польши тотъ рядъ бѣдствій, кои она испытала и которыя были лишь послѣдствіемъ стремленія каждаго—извлечь изъ всего наибольшую выгоду, нимало не заботясь о прочемъ. Вѣрьте послѣ этого забвенію личныхъ выгодъ для общаго блага этихъ Брутовъ и Ликурговъ нашего вѣка, съ очками на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ, у коихъ вовсе нѣтъ убѣжденій. Денежная выгода и коммерческій разсчетъ—вотъ убѣжденія нашего вѣка. Грустно становится мнѣ при мысли, что въ нашъ вѣкъ, богатый открытіями всякаго рода, просвѣщеніе,—этотъ великій двигатель человѣчества по стезѣ усовершенствованій, допустило его пасть столь низко на этой нравственной лѣстницѣ!

Уже на второмъ сеймѣ [1]), открывшемся въ 1820 году, въ

[1]) На этомъ сеймѣ цесаревичъ, избранный депутатомъ отъ Праги, держалъ рѣчь; нѣкоторые польскіе депутаты заставили молчать присланнаго на сеймъ генералъ-адъютанта Чернышева. Генералъ-контролеръ царства Околовъ, человѣкъ вполнѣ замѣчательный по своимъ необыкновеннымъ способностямъ и

Варшавѣ, обнаружились стремленія нѣкоторыхъ лицъ къ пріобрѣтенію личной извѣстности выходками, лишенными даже приличія. Члены сейма не столько занимались сужденіями о предметахъ, представленныхъ имъ правительствомъ, сколько предавались буйнымъ противъ него возгласамъ; они находили, что введенныя нашимъ правительствомъ учрежденія были еще слишкомъ тягостны для развитія благосостоянія страны; они забыли, что для Польши самостоятельность есть дѣло весьма трудное и доселѣ невозможное; до сего времени, едва лишь Польша была предоставлена самой себѣ, какъ она накликала на себя рядъ бѣдствій и вмѣшательство сильныхъ сосѣдей становилось необходимымъ.

Духъ своеволія, вспыхнувъ въ этой несчастной странѣ, могъ легко распространиться въ областяхъ, смежныхъ съ нею. Императоръ Александръ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій подобнаго порядка вещей, повелѣлъ производить пренія безъ свидѣтелей и безъ обнародованія ихъ. Такимъ образомъ, пренія членовъ сейма сдѣлались недоступными для любопытствующихъ; путь къ удовлетворенію славолюбія пресѣкся для многихъ и не представлялось болѣе для закоренѣлыхъ враговъ Россіи возможности къ возбужденію противъ нея возстанія.

Вотъ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ усиленія ненависти къ Россіи всего польскаго шляхетства; къ этому надо присовокупить и то, что новыя учрежденія царства не были введены и въ польско-россійскія губерніи, слѣдовательно надежда на возстановленіе польскаго государства въ полномъ его составѣ исчезла навсегда. Но въ то самое время, какъ мы явно подавали новые поводы къ усиленію ненависти, питаемой къ намъ во всѣ времена поляками, мы приступали къ образованію польской арміи и тѣмъ давали имъ средства къ явному противъ насъ возмущенію.

свѣдѣніямъ, сказалъ собравшимся депутатамъ: «Такъ какъ вамъ невозможно изобрѣсти лести, которую бы императоръ всероссійскій не выслушалъ уже, я совѣтую вамъ сказать его величеству: мы, государь, ни полной зависимости, ни полной самостоятельности одинаково сносить не умѣемъ». Государь, увидавъ, какіе безпорядки возникли во время преній сейма, лишилъ поляковъ конституціи, данной имъ въ 1815 г., объявивъ, что они «еще не умѣютъ пользоваться свободой». Околовъ сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Государь сдѣлалъ большую ошибку, дозволивъ полякамъ собираться на сеймъ; это слово, напоминая имъ былое, въ состояніи свести съума не одну голову». Д. Д.

Попеченіями россійскаго правительства земледѣліе, промышленность, торговля царства были приведены въ цвѣтущее состояніе. Въ первые годы владычества Россіи надъ этимъ царствомъ, изнуренномъ войнами, контрибуціями всякаго рода, всѣ расходы были приняты Россіею на свой счетъ, доходы же его были обращены лишь на удовлетвореніе потребностей царства. По распоряженію нашего правительства выданы были ссуды для торговыхъ операцій; изъ кредитной кассы было роздано отъ 72 до 106 милліоновъ рублей въ видахъ поощренія земледѣлія; пошлина съ ввозимыхъ въ Россію польскихъ суконъ была уменьшена до одного процента, отъ чего таможня потеряла въ теченіи 15-ти лѣтъ до 60 милліоновъ рублей. Польскимъ войскамъ было назначено жалованье, значительно превосходящее окладъ, опредѣленный россійскимъ; оружіе всякаго рода, порохъ и заряды были высылаемы съ изобиліемъ изъ Россіи; крѣпости были улучшены по новѣйшимъ системамъ; крѣпость Замостье, столь много впослѣдствіи намъ вредившая, была возобновлена и значительно усилена. Русскій корпусъ, расположенный близъ границъ царства, получилъ особое образованіе; всѣ, служившіе въ немъ русскіе, были переведены въ коренные россійскіе корпуса, расположенные въ нѣдрахъ имперіи, выбранные изъ нихъ уроженцы польско-россійскихъ губерній поступили въ составъ этого корпуса, наименованнаго Литовскимъ, коему были назначены постоянныя квартиры на самой границѣ царства. Назначенный восьмилѣтній срокъ для службы рядовымъ польской арміи послужилъ прекраснымъ средствомъ къ постепенному ознакомленію всей націи съ военнымъ ремесломъ; при первомъ востребованіи уволенныхъ отъ службы, польская армія могла быть весьма легко удвоена и утроена безъ малѣйшей потери времени на обученіе вновь поступающихъ рекрутовъ. Наконецъ алчность поляковъ къ почестямъ и наградамъ была вполнѣ удовлетворена неисчислимыми щедротами его величества, ежегодно осыпавшими своимъ милостями поляковъ, коихъ ревность къ службѣ была засвидѣтельствована цесаревичемъ.

Такъ поступалъ Александръ I относительно поляковъ! Дѣйствія этого великодушнаго, но слишкомъ недовѣрчиваго монарха не приносили и не могли принести желанныхъ результатовъ. Его либеральныя воззрѣнія, значительно измѣнившіяся чрезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе пагубнаго вліянія Меттерниха, руково-

дили его въ отношеніи поляковъ. Заблужденіе этого монарха, надѣявшагося навсегда прекратить исконно существующую между Россіею и Польшею вражду, стоили намъ дорого. Это не только не произвело дѣйствій, противныхъ тому, чего ожидали, но доставило, напротивъ, полякамъ огромные способы къ возстанію и продолжительной борьбѣ съ Россіею, о коихъ они не смѣли бы и помышлять.

Такимъ образомъ Польша, чреватая мятежомъ, зарожденнымъ въ ней Александромъ I въ минуту несчастной либеральной склонности его, нетерпѣливо ожидала срока своего разрѣшенія. Великій князь Константинъ Павловичъ послужилъ ей въ этомъ случаѣ неожиданно.

Надлежало впослѣдствіи обнаружить великія усилія для того, чтобы сокрушить оружіемъ возстаніе, которому дали полную свободу развиться до большихъ размѣровъ; къ тому же, рядъ бѣдствій разразился въ то время надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ: холера, свирѣпствовавшая по всей Россіи; мятежъ, вспыхнувшій въ военныхъ поселеніяхъ; смертоносныя болѣзни, проявившіяся въ войскахъ, возвращающихся съ Дуная, а главное — гибельная система отталкивать людей, способныхъ, безкорыстныхъ, постоянно предпочитая имъ личности ничтожныя, бездарныя, корыстолюбивыя, кои могли быть лишь слѣпыми исполнителями....

Итакъ, зародышъ заговора въ царствѣ польскомъ можно отнести къ концу того года, въ который были прекращены публичныя пренія въ палатахъ; оскорбленные тѣмъ поляки скрывали свои замыслы подъ личиною преданности къ нашему правительству, предъ которымъ они, можно сказать, пресмыкались съ полнымъ забвеніемъ собственнаго достоинства. Нельзя позабыть, до какой степени отвратительнаго раболѣпства доходила во дни безмятежія большая часть поляковъ, относительно цесаревича (Константина Павловича); впослѣдствіи эти, выдвинутые мятежомъ, личности незамедлили оскорблять его высочество дѣломъ и словомъ. Всѣ вообще, но въ особенности завѣдывавшіе какими-либо важными военными управленіями, старались, наперекоръ собственнаго нерасположенія къ фронтовой службѣ, обнаруживать безграничное къ ней рвеніе; они не щадили средствъ, чтобы угодить малѣйшимъ капризамъ своенравнаго цесаревича, которыя благосклонность и довѣріе они домогались пріобрѣсти. Они успѣли

исподтайствовать чрезъ него разныя улучшенія въ заведываемыхъ имъ частяхъ, и тѣмъ приготовили себѣ способы къ будущей борьбѣ съ Россіею. Они, подъ предлогомъ негодности оружія, испросили чрезъ него присылку изъ Россіи новаго, и когда было доставлено нѣсколько десятковъ тысячъ ружей, это никуда негодное оружіе было ими задержано и впослѣдствіи употреблено противъ насъ. То же самое повторялось относительно пушекъ, пороха, зарядовъ и прочихъ предметовъ.

Поляки испросили также позволеніе обнести Варшаву глубокимъ рвомъ и высокою насыпью, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы затруднить ввозъ контрабанды; наконецъ, за нѣсколько времени до возстанія они просили о возведеніи крѣпости въ Тирасполѣ, насупротивъ самаго Бреста-Литовскаго, но на это, къ счастью, не послѣдовало согласія его величества. Хотя все это происходило лишь въ царствѣ, но вѣтви заговора простирались далѣе. Шляхетство польско-россійскихъ губерній вполнѣ сочувствовало всему тому, что дѣлалось въ Варшавѣ, и можно достовѣрно сказать, что все шляхетство отъ береговъ Вислы до береговъ Двины и Днѣпра волновалось.

III.

Чтобы яснѣе видѣть цѣль мятежниковъ, я выписываю изъ сочиненія Солтыка описаніе предначертаній заговорщиковъ за два мѣсяца до открытія возстанія:

«Въ исходѣ сентября 1830 года, т. е. въ половинѣ сентября по вашему лѣтосчисленію [1]), главные члены «патріотическаго общества» собрались въ Варшавѣ для совѣщанія; имъ было представлено для плана. Сочинитель первое требовалъ внезапнаго возстанія въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Изъ этого горнила пожаръ долженъ былъ разлиться по всему древнему польскому государству съ такою быстротою, чтобы извѣстіе о томъ могло достигнуть трехъ сосѣднихъ государствъ, не ранѣе какъ за двое или трое сутокъ до занятія нашими войсками поименованныхъ имъ у насъ областей. Онъ хотѣлъ, чтобы мы воспользовались выгодами, которыя могли представить намъ быстрота и внезапность дѣйствій. Огромныя средства были накоплены нашими капиталистами какъ будто бы для того, чтобы содѣйствовать нашему возстанію, которое, по силѣ и обширности своей, не имѣло ничего равнаго въ лѣтописяхъ исторіи. Армія царства, состоящая изъ 60,000 чел., была расположена слѣдующимъ образомъ: одна треть въ Варшавѣ, другая — на берегу Вислы, а кавалерія находилась на границѣ Познанскаго Герцогства; остальная треть — на правомъ берегу Вислы, съ кавалеріей, которой кантониры-квартиры простирались отъ Сѣдлеца до Замостья, касаясь россійскихъ границъ по Бугу. Большая часть

[1]) Я буду вездѣ руководствоваться нашимъ мѣсяцесчисленіемъ. Д. Д.

офицеровъ вышесказанныхъ войскъ, принадлежа патріотическому обществу, любила безъ сомнѣнія свое отечество. Одна русская гвардейская дивизія, силою въ 7,000 чел. при 24-хъ орудіяхъ, находилась въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Эта дивизія, будучи, такъ сказать, окружена нашею арміею, не можетъ оказать сильнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что всѣ солдаты были уроженцами похищенныхъ у насъ губерній, а слѣдовательно они болѣе склонны присоединиться къ намъ, чѣмъ дѣйствовать противъ насъ. Размѣщеніе нашихъ войскъ таково, что возстаніе въ Варшавѣ должно было возбудить подобное во всей арміи, немного какъ чрезъ двое сутокъ; наши войска, расположенныя на правомъ и лѣвомъ берегахъ Вислы, имѣли потому возможность достигнуть въ нѣсколько дней границъ царства и легко проникнуть прямо въ области, къ намъ прилегающія. Россія не только снабдила насъ оружіемъ, зарядами и пушками, но, сверхъ того, расположеніемъ своихъ войскъ значительно уменьшила затрудненія для наступательнаго движенія нашей арміи. Въ самомъ дѣлѣ, корпусъ, называемый «литовскимъ», состоящій изъ 40,000 челов., при 120 орудіяхъ, былъ разсѣянъ на пространствѣ отъ Дубны до Вильны на разстояніи 100 польскихъ миль (700 верстъ); будучи исключительно составленъ изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, онъ необходимо долженъ пристать къ намъ. Треть офицеровъ корпуса уже въ сношеніи съ членами патріотическаго общества, а генералы не могутъ сосредоточить ни на одномъ пунктѣ достаточныхъ силъ для отраженія нашего нападенія. Безъ всякаго сомнѣнія наши войска, въ соединеніи съ литовскимъ корпусомъ, будутъ въ состояніи предпринять нападенія на Кіевъ, Бобруйскъ, Динабургъ и Ригу. Успѣхъ при этомъ тѣмъ менѣе сомнителенъ, что можно легко достигнуть его съ помощью окрестныхъ жителей до появленія въ тѣхъ краяхъ нашихъ войскъ. Въ Галиціи обстоятельства еще болѣе благопріятствуютъ нашему дѣлу: тамъ не болѣе 18,000 солдатъ, которые, будучи всѣ уроженцами польскими, занимаютъ эту область; 30,000 человѣкъ распущено по домамъ съ полной аммуниціей, хотя у нихъ отобрано оружіе, но оно хранится въ штабныхъ цейгаузахъ. Ни одинъ изъ нихъ не успѣетъ прибыть къ своему мѣсту до занятія нашими этой области, ибо войска наши, квартируя въ окрестностяхъ Радома и Конска, отстоятъ не далѣе трехъ усиленныхъ переходовъ отъ австрійской Галиціи. Всѣ войска края поспѣшатъ пристать къ намъ и составятъ кадры нашей арміи, а жители, увлеченные всеобщимъ движеніемъ, будутъ дѣйствовать по усмотрѣнію патріотовъ. Познань была справедливо и искони почитаема горниломъ пламеннѣйшаго патріотизма, и потому все ея народонаселеніе возстанетъ разомъ. При появленіи въ ней нашихъ воиновъ 30,000 пѣшихъ и конныхъ, исправно вооруженныхъ ландверовъ, отлично знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, умножатъ наши ряды. Число войскъ, составляющихъ прусскіе гарнизоны, не превышало 15,000 человѣкъ. Такъ какъ Познанская крѣпость едва вооружена, то эти войска могутъ лишь соединиться за Одеромъ. Она снабжена огромнымъ арсеналомъ и гарнизономъ въ 15,000 чел., весьма мало бдительнымъ, что весьма часто бываетъ въ мирное время; этою крѣпостью можно овладѣть врасплохъ».

Изложивъ всѣ способы, коими могли располагать наши и непріятельскія войска, авторъ изложилъ средства для приведенія въ исполненіе своего предначертанія. По его мнѣнію, надлежало взбунтовать въ трое сутокъ всю польскую армію, учредить диктаторство, захватить цесаревича и главныхъ генераловъ, обезоружить русскую гвардейскую дивизію, опредѣлить 2,000 офицеровъ въ кантониръ-квартиры войскъ для образованія рекрутовъ и кадровъ для 2-й арміи, ко-

торая не должна была быть слабѣе 30,000 чел.; она должна была состоять изъ 20,000 солдатъ, выпедшихъ въ отставку и 10,000 волонтеровъ высшихъ сословій; они хотѣли двинуть немедленно отрядъ изъ 2,000 человѣкъ чрезъ Брестъ и Дубно на Волынь, другой такой же силы чрезъ Бѣлостокъ и Вильну—и 3-й, въ 5,000 человѣкъ чрезъ Новомясты, Тарновъ, въ Галицію. Этотъ отрядъ долженъ былъ пресѣчь путь, идущій изъ Лемберга въ Вѣну; 2,000 человѣкъ краковскихъ волонтеровъ должны были двинуться для того, чтобы поставить австрійцевъ между двухъ огней. Наконецъ они хотѣли направить 5,000 человѣкъ въ Познань для содѣйствія жителямъ къ возстанію и занятію крѣпости въ Глогау, отстоящей отъ границъ герцогства недалѣе 20 миль. Вотъ первоначальныя мѣры, кои имѣлъ въ виду сочинитель этого предположенія. По его мнѣнію, все это могло совершиться въ 10 или 12 дней, и тогда возстаніе могло охватить уже всю Галицію, Познань, Волынь и часть Литвы.

«Число войскъ, коими наше отечество будетъ въ состояніи располагать, возвысится до 180,000 человѣкъ при 276 орудіяхъ, а именно:

1-я армія, нынѣ вся подъ ружьемъ изъ	30,000	чел.	при 96	оруд.
Резервная, образующаяся на Вислѣ	30,000	»	» 60	»
Эти орудія поступятъ изъ арсеналовъ и послѣ обезоруженной русской гвардейской дивизіи.				
Литовскій пѣхотный корпусъ	40,000	»	» 120	»
Польскія войска, входящія въ составъ австрійской арміи, расположенныя въ Галиціи, не считая милиціи.	48,000	»	» —	»
Ландверы познанскіе	30,000	»	» —	»
Волонтеры краковскіе	2,000	»	» —	»
Итого	180,000	чел.	при 276	оруд.

«По изгнаніи чужеземцевъ изъ столь обильнаго государства, можно будетъ приступить къ набору 200,000 рекрутовъ и 50,000 лошадей. Для вооруженія этой огромной массы войскъ послужатъ ружья, коими мы овладѣемъ при взятіи Велички, Глогау, Динабурга, Бобруйска, Риги и Кіева, гдѣ по крайней мѣрѣ большая часть сдѣлается неминуемо нашей добычей; расширеніе нашихъ границъ, сосѣдства и дружба съ Венгріею и Силезіею, и удобства выгрузки оружія на берега Литвы, могутъ также значительно тому содѣйствовать.

«Благопріятное стеченіе обстоятельствъ обѣщаетъ намъ полный успѣхъ, надо однако умѣть этимъ воспользоваться.

«Слѣдуя вышеизложенному предначертанію, мы можемъ быть вынуждены вести въ одно время войну съ Россіею, Пруссію и Австріей; но принимая въ уваженіе военное положеніе этихъ трехъ державъ и политическія обстоятельства Европы, намъ нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ нашего предпріятія. Если мы не станемъ считать литовскій корпусъ, Россія въ теченіе двухъ мѣсяцевъ можетъ выставить противу насъ лишь 80,000 челов.; главная причина тому слѣдующая: разстройство и убыль полковъ, возвращающихся изъ Турціи. На возстаніе наше не замедлитъ откликнуться Курляндія и Бѣлоруссія. Австрія и Пруссія, имѣя въ настоящее время мало войска подъ ружьемъ, еще въ оцѣпенѣніи вслѣдствіе іюльскаго переворота. Мертвая Италія, Сѣверная и Средняя Германія начинаютъ волноваться; дворянство венгерское вполнѣ намъ сочувствуетъ; католическое народонаселеніе Пруссіи тяготится игомъ лютеранъ, и вообще вся земля стонетъ отъ владычества чужеземныхъ обладателей. При таковомъ всеобщемъ возстаніи Франція не останется, безъ сомнѣнія, равно-

душные зрительницей, обратившись къ истинной и естественной своей политикѣ, она, либо рѣшится, исправя трактатъ 1815 года, дѣйствовать наступательно, и тогда 250,000-ная армія, усиленная волонтерами Германіи и Италіи, можетъ въ три мѣсяца развернуть свои знамена на границахъ Польши; либо избравъ политику, менѣе великодушную, менѣе достойную для высокой французской нацiи, она по крайней мѣрѣ поспѣшитъ признать независимость Польши. Опираясь тогда на правѣ, воспрещающемъ вступаться вооруженною рукою въ дѣла посторонннихъ державъ, она не допуститъ австрійцевъ и пруссаковъ противиться нашему возрожденію, принудитъ ихъ, такимъ образомъ, сообща дать строгій нейтралитетъ.

Авторъ находитъ, что нарушеніе трактата 1815 г. возбужденіемъ Польши противъ Россіи, есть дѣло вполнѣ законное. Не довольствуясь тѣмъ, онъ требуетъ отъ Франціи подобнаго же нарушенія признаніемъ независимости Польши, и все это для какой цѣли? Для защиты этой страны противъ Россіи, которая будто бы нарушила этотъ трактатъ. Онъ также требуетъ, чтобы Франція, опираясь на правѣ, воспрещающемъ вступаться вооруженной рукой въ дѣла посторонннихъ державъ, не дозволяла бы Австріи и Пруссіи потушить мятежъ въ польскихъ областяхъ, имъ принадлежащихъ въ силу прежнихъ трактатовъ и окончательно признанныхъ ихъ собственностью трактатомъ 1815 года. Онъ настаиваетъ на необходимости вмѣшательства Франціи вооруженною рукой въ спорныя дѣла государствъ, вовсе для нея посторонннихъ.

«Въ первомъ случаѣ, продолжаетъ Солтыкъ, Пруссія и Австрія, отвлеченныя въ противную сторону силами Франціи, могутъ лишь выставить слабыя силы противъ насъ, и мы можемъ двинуть значительныя силы противъ Россіи. Во второмъ случаѣ — вся польская армія двинется противъ русской, значительно ей уступающей въ силѣ, которую стоитъ лишь нѣсколько разъ побѣдить.

«Большая часть членовъ общества, будучи вполнѣ согласна относительно возбужденія къ возстанію жителей Польши и польско-россійскихъ губерній, возражала однако противъ остальной части плана. Всѣмъ не безызвѣстно, говорили они, что страсти нашего общества никогда не проникали правильнымъ образомъ въ Познань и Галицію; хотя патріотизмъ жителей этихъ областей не подлежитъ сомнѣнію, но возможно ли поручиться въ томъ, что при первомъ появленіи нашихъ войскъ они тотчасъ возстанутъ? Войска, занимающія ихъ, могутъ ли быть легко истреблены или присоединены къ нашей арміи? Наши силы достаточны для нанесенія сильнаго удара русскимъ, но при помощи жителей Литвы, Подоліи, Волыни, Бѣлоруссіи, Украйны и въ особенности при единомыслія съ литовскимъ корпусомъ, при неудачѣ въ Познани и Галиціи и при нападеніи на насъ всѣхъ трехъ державъ, выдержимъ ли мы ихъ удары? Не пожертвуемъ ли мы для надежды весьма сомнѣнной успѣхомъ почти несомнѣннымъ? Оставимъ въ покоѣ Австрію и Пруссію, не имѣемъ ли мы право надѣяться, что обѣ эти державы останутся лишь равнодушными зрительницами возстанія, которое можетъ имѣть для нихъ двоякую пользу, либо ослабленія

Россіи, вслѣдствіе войны ужасной и кровопролитной, либо раздробленіе этой державы на части. Та или другая будетъ весьма выгодна для государствъ, справедливо опасающихся ранняго или поздняго вторженія Россіи въ ихъ владѣнія. Имѣли нельзя надѣяться, что Австрія и Пруссія, предугадывая, что послѣ возрожденія нашего мы будемъ въ состояніи исторгнуть у нихъ силою области, коими они беззаконно владѣютъ, не отказались бы заблаговременно отъ нихъ, дабы добровольнымъ пожертвованіемъ затруднить Россію и тѣмъ оградить себя отъ извѣстной алчности ея къ завоеваніямъ. Это предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что уже въ 1815 году Австрія начинала намѣреніе отказаться отъ своего участка, если только Россія и Пруссія послѣдуютъ ея примѣру. Впрочемъ, если бы обѣ эти державы и не отказались добровольно отъ своихъ участковъ, какъ то должна бы имъ внушить здравая политика, въ такомъ случаѣ кто намъ помѣшаетъ нанесши пораженіе опаснѣйшему врагу нашему, обратиться на Австрію и Пруссію и отобрать у нихъ все насильно ими похищенное. Возможно ли тогда не разсчитывать на помощь Франціи, либеральные порывы которой возбудятъ во всѣхъ европейскихъ народахъ сильное сочувствіе.

«На это авторъ 1-го предположенія возразилъ: «развѣ возстаніе, какое я требую, не сблизитъ насъ съ Венгріей и Германіей? Въ случаѣ войны съ Россіею, Австрія и Пруссія лишатъ насъ, безъ сомнѣнія, огромныхъ средствъ, нынѣ сосредоточенныхъ въ Галиціи и Познани. Не грѣшно ли намъ будетъ оставить въ рукахъ естественныхъ, но доселѣ тайныхъ враговъ нашихъ, большія средства, коими мы могли-бы легко воспользоваться. Дай Богъ, чтобы это пренебреженіе не повлекло бы за собою нашей гибели: тогда будетъ поздно обращаться къ друзьямъ нашимъ, когда уже помощь ихъ будетъ для насъ совершенно необходима».

Не взирая на эту выходу, рѣшено было ограничиться возстаніемъ въ царствѣ польскомъ и польско-россійскихъ губерніяхъ. Между тѣмъ патріотическое общество, испуганное рѣшительными дѣйствіями нашего правительства, послѣ событія 14-го декабря, требовало немедленнаго приступленія къ дѣлу. Вслѣдствіе этого образовались два новыя тайныя общества: одно военное, другое — гражданское, предметъ коихъ состоялъ въ скорѣйшемъ возбужденіи къ возстанію, и потому было рѣшено:

40 рѣшительныхъ и вооруженныхъ юношей, въ плащахъ, явившись по одиночкѣ на Саксонской площади до развода, должны были скрыться въ толпѣ народа до прибытія цесаревича, котораго имъ надлежало тотчасъ убить. Это должно было служить сигналомъ для 50-ти подпрапорщиковъ къ нападенію на русскихъ генераловъ и взятію ихъ въ плѣнъ. Войска, собранныя для развода на площади, должны были, провозгласивъ независимость Польши, немедленно устремиться въ казармы, занимаемыя русскими войсками и обезоружить ихъ. Для того, чтобы поддержать это движеніе, было назначено нѣсколько сотенъ учениковъ изъ

военныхъ училищъ, студентовъ и саперный баталіонъ, на коемъ основалась главная надежда заговорщиковъ. По словамъ Солтыка, усердіе и преданность къ пользамъ Россіи русской гвардейской дивизіи, силою въ 7,000 чел., составленной изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, были такъ же весьма сомнительны.

8-е октября было назначено днемъ возстанія въ Варшавѣ по той причинѣ, что 7 и 8 были днями, въ которыхъ польскіе гвардейскіе гренадеры должны были содержать караулы. Порядокъ гарнизонной службы, заведенной цесаревичемъ, былъ слѣдующій: эта обязанность должна была быть исполняема въ теченіе двухъ дней сряду русскими, а въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней—поляками. Въ теченіе этого времени было взято подъ стражу нѣсколько молодыхъ людей; цесаревичъ сталъ, безъ всякаго намѣренія, измѣнять довольно часто порядокъ очередей по гарнизонной службѣ и рѣже присутствовать на разводахъ. Это побудило мятежниковъ отложить возстаніе до 29-го ноября.

Въ это время заговорщики, не желая терять времени, послали въ разныя воеводства для возбужденія возстанія между гражданами и войсками, и приведенія всего въ надлежащую готовность [1]). Звіерковскаго, Солтыка и другихъ важнѣйшихъ членовъ общества. Но въ половинѣ ноября стали распространяться слѣдующіе слухи: будто бы русское правительство высылаетъ въ Бельгію особую армію, которой приказано на походѣ обезоружить польскую; австрійцы выводятъ изъ Галиціи польскія войска въ Венгрію и замѣняютъ ихъ тамъ венгерскими; они свозятъ всѣ ружья и сабли польской милиціи въ крѣпости Моравіи, и наконецъ 30,000 прусскій ландверъ, выведенный также изъ Познани, размѣщенъ по крѣпостямъ Силезіи, гдѣ ему надлежитъ нести гарнизонную службу.

IV.

Итакъ, 17-го ноября, въ 7 часовъ вечера, покушенія нѣсколькихъ польскихъ подпрапорщиковъ убить цесаревича, въ Бельведерскомъ дворцѣ его, послужили сигналомъ къ всеобщему мятежу. Цесаревичъ, чудесно спасшійся, выступилъ въ ту же ночь съ

[1]) Невольно спросишь: что же дѣлала въ это время варшавская тайная полиція, которая, по мнѣнію самого Солтыка, стоила правительству около 3,600 руб. въ сутки. В. Д.

русскими и нѣкоторыми оставшимися вѣрными польскими войсками въ деревню Виржбу, по дорогѣ въ Гуры и находящуюся въ трехъ верстахъ отъ заставы; здѣсь собралось до 8,000 чел. при 28-ми орудіяхъ.

Между тѣмъ въ бушевавшей Варшавѣ сатурналіи и неистовства всякаго рода возрастали; вооруженное шляхетство и бездомная сволочь рыскали по городу. Буйная молодежь, махая саблями и осыпая ругательствами русскихъ, скакала по улицамъ; словомъ, наглость и самонадѣянность, столь свойственная полякамъ въ минуты успѣха, проявились здѣсь въ полномъ блескѣ. Но такъ какъ надлежало положить предѣлъ безначалію, Совѣтъ правленія, установленный еще въ 1815 г., принялъ въ ту же ночь бразды правленія; президентомъ его былъ—Соболевскій, а членами—Мостовскій, Грабовскій, Раутенштраухъ, Козецкій, Фредро и князь Любецкій. Это было предпріятіе весьма отважное со стороны Совѣта, обязаннаго своимъ значеніемъ той власти, противъ которой возбуждено было возстаніе. Члены Совѣта, обнаруживщіе здѣсь нѣкоторую ловкость и смѣлость, имѣли вѣроятно въ виду удержать за собою преимущества, сопряженныя съ званіями, ими до сего времени носимыми. Они избрали еще новыхъ членовъ изъ лицъ, наиболѣе любимыхъ мятежниками, такъ, напримѣръ: Чарторижскаго, князя Михаила Радзивилла, Кохановскаго, генерала Паца, Нѣмцевича и Хлопицкаго. Этотъ послѣдній предвидѣлъ лучше другихъ гибельныя послѣдствія мятежа, и не желая стать во главѣ правленія, какъ того всѣ желали, скрывался въ продолженіе нѣкотораго времени въ городѣ и его окрестностяхъ. Совѣтъ, предписавъ образованіе національной гвардіи, назначилъ генерала Паца (съ оговоркой, до прибытія Хлопицкаго) начальникомъ польскихъ войскъ, коихъ число не превосходило въ то время 4,500 человѣкъ, ибо нѣкоторые еще колебались приступить къ бунтовщикамъ, другіе же послѣдовали за цесаревичемъ.

Все сказанное Солтыкомъ явно опровергаетъ мнѣніе автора вышепредставленнаго предначертанія, который былъ, повидимому, твердо убѣжденъ въ томъ, что при первомъ извѣстіи о возстаніи Варшавы всѣ войска и сословія всего древняго польскаго государства не замедлятъ тотчасъ пристать къ мятежникамъ. Как велико было разочарованіе его и всѣхъ, подобныхъ ему мечтате-

лей, когда въ самой Варшавѣ—этомъ гнѣздилищѣ вражды противъ Россіи, вмѣсто 10,000 чел., на которые разсчитывали, по словамъ Солтыка, явилось лишь 4,500 человѣкъ! Чего же должно было ожидать отъ войскъ и жителей, расположенныхъ внѣ Варшавы! Возможно ли было послѣ того полякамъ вступить въ одно время въ Галицію, Познань, Литву, Волынь и овладѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней крѣпостями: Кіевомъ, Бобруйскомъ, Динабургомъ, Ригой и Глогау? Такъ всегда неограниченныя желанія легкомысленной толпы рождаютъ въ ней необъятные замыслы, далеко не соотвѣтствующіе средствамъ, коими они могутъ располагать. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, какъ легко было нашимъ войскамъ, вступивъ на слѣдующій день обратно въ Варшаву, потушить мятежъ въ самомъ его зародышѣ. Предложеніе о томъ было отвергнуто лишь вслѣдствіе воспоминанія о событіяхъ 1794 г. Войска Игельстрема понесли тогда жестокое пораженіе не по причинѣ пребыванія своего посреди возмутившагося города, но потому, что они, будучи разсѣяны въ немъ, и вовсе не готовы къ принятію боя, нашлись вынужденными пробиваться малыми частями сквозь огромныя толпы войска и вооруженныхъ жителей. Ничего подобнаго не могло здѣсь случиться, если бы войска наши рѣшились вступить въ городъ, чрезъ Мокотовскую заставу, 18-го поутру, одною колонною. Независимо отъ нашего матеріальнаго превосходства въ силахъ надъ мятежниками, смѣлость и рѣшительность съ нашей стороны могли дать важные результаты. Если бы даже это предпріятіе и неудалось, то мы могли, очистивъ еще разъ городъ, вступить уже не черезъ Мокотовскую заставу, а чрезъ Вислу въ Прагу, слѣдуя самымъ естественнымъ, прямымъ и удобнымъ путемъ сообщенія съ Россіею, что одно представляло огромныя выгоды. Ясно было, что одно шляхетство и городская сволочь изъ тунеядцевъ желали возстанія, но многочисленнѣйшій классъ народонаселенія, состоящій изъ хлѣбопашцевъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, слабо поддавался внушеніямъ заговорщиковъ. Не взирая на вліяніе генераловъ и офицеровъ, принадлежавшихъ къ патріотическому обществу, солдаты послѣднихъ трехъ классовъ весьма нерѣшительно и неохотно приставали къ мятежникамъ. Вообще нерѣшительность и малая надежда на успѣхъ были замѣтны у самихъ заговорщиковъ; хотя послѣдовало тайное приказаніе нѣкоторымъ полковымъ команди-

рамъ польскихъ войскъ, причастныхъ къ бунту, аттаковать въ расплохъ русскую гвардейскую артиллерію, квартировавшую въ Скерневицахъ, но такъ какъ никто не рѣшился привесть это въ исполненіе, артиллерія благополучно соединилась съ цесаревичемъ въ Виржбѣ.

Хлопицкій, бывшій весьма честнымъ, но бѣднымъ человѣкомъ, удостоился чести командовать французскими войсками во время Наполеона, возведшаго его въ званіе барона имперіи, что доставляло ему 6,000 франковъ ежегоднаго содержанія.

Ермоловъ, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ, въ 1821 году, сказалъ государю: «Я вполнѣ удивляюсь, какъ могли выпустить въ отставку Хлопицкаго».

На что его величество отвѣчалъ: «Я вынужденъ былъ уволить его потому, что онъ позволялъ себѣ явно насмѣхаться надъ нѣкоторыми подробностями нашей фронтовой службы».

Въ самомъ началѣ возстанія Хлопицкій, явившись къ цесаревичу, вызывался занять гвардейскимъ полкомъ арсеналъ, наполненный оружіемъ, и недопустить мятежниковъ овладѣть имъ; но его высочество не рѣшился воспользоваться этимъ предложеніемъ. Впослѣдствіи императоръ Николай имѣлъ одно время въ виду наказать его ссылкой, но когда ему объяснили, что мы обязаны Хлопицкому тѣмъ, что мятежъ не охватилъ Литвы, онъ назначилъ ему пожизненный пенсіонъ.

Хлопицкій, явившись 19-го ноября, нашелся вынужденнымъ принять на себя, послѣ продолжительныхъ отговорокъ, званіе главнокомандующаго всѣми польскими войсками. Возникшій между тѣмъ вполнѣ якобинскій клубъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Лелевеля, увлекалъ чернь и буйную молодежь дѣйствовать наперекоръ Совѣта, имѣвшаго въ виду дать всему дѣлу нѣкоторый правильный порядокъ. Вынужденный уступить требованіямъ большинства, Совѣтъ исключилъ изъ своего состава Соболевскаго, Грабовскаго, Раутенштрауха, Кавецкаго и Фредро, почитавшимися слишкомъ умѣренными, и замѣнилъ ихъ Дембовскимъ, Островскимъ, Молоховскимъ и Лелевелемъ, который, въ свою очередь, уступилъ свое мѣсто въ клубѣ Брониковскому. Вслѣдствіе объявленнаго цесаревичемъ желанія видѣться съ нѣкоторыми членами Совѣта для узнанія истинныхъ требованій націи, кои онъ желалъ по возможности удовлетворить, присланы были въ Вирж-

бу: Чарторижскій, Любецкій, Островскій и Лелевель; имъ было предписано требовать прежде всего возвращенія царству конституціи, дарованной ему въ 1815 году, и присоединенія къ нему польско-россійскихъ губерній. Сверхъ того имъ было поручено вывѣдать, косвенными путями, о истинныхъ намѣреніяхъ цесаревича, у котораго надлежало также исторгнуть рѣшительный отвѣтъ о назначеніи литовскаго корпуса: предписано ли ему вступить въ царство или нѣтъ? Послѣ пяти-часовой конференціи цесаревичъ, принявшій весьма благосклонно депутатовъ, вручилъ имъ слѣдующее письменное объявленіе:

«1) Его высочество объявляетъ, что, не имѣя намѣренія атаковать городъ войсками, находящимися подъ его начальствомъ, онъ, въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій, обязуется извѣстить о томъ правительство за 48 часовъ.

«2) Его высочество принимаетъ на себя ходатайство у престола его величества императора и короля о милосердномъ забвеніи всего прошлаго.

«3) Его высочество объявляетъ, что онъ не давалъ повелѣнія литовскому корпусу вступить въ царство польское.

«4) Плѣнные будутъ освобождены».

Чрезъ три дня Варшава представляла совершенно иной видъ. Совѣтъ правленія палъ и былъ замѣненъ вполнѣ мятежнымъ временнымъ правленіемъ; избраны были членами Совѣта: Чарторижскій, Лелевель, Островскій, Кохановскій, Пацъ, Дембовскій и Нѣмцевичъ. Сеймъ долженъ былъ быть собранъ къ 6-му декабря; полки Шембека и Скржинецкаго вступили въ городъ, гдѣ буйство клубовъ и черни достигло высшей степени. Сверхъ того было послано приказаніе Гельгуду, въ Радомъ, и Круковецкому, въ Раву, о направленіи ввѣренныхъ имъ войскъ къ Варшавѣ, для того, чтобы угрожать этимъ движеніемъ единственному пути отступленія цесаревича на Гуры и Пулаву. Это послѣднее обстоятельство побудило его высочество, оставивъ лѣвый берегъ Вислы, направить свой путь къ границѣ имперіи. Цесаревичъ почелъ нужнымъ переслать во временное правленіе другое объявленіе:

«Дозволяю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ до сей минуты вѣрными, присоединиться къ своимъ.

«Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ

столицы. Я надѣюсь на великодушіе польской націи, и увѣренъ, что мои войска не будутъ во время движенія ихъ къ границамъ тревожимы. Я ввѣряю покровительству націи охраненіе зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ».

По мнѣнію нѣкоторыхъ, цесаревичъ послалъ приказаніе русскимъ войскамъ, занимавшимъ Модлинъ, очистить эту крѣпость, которую мятежники поспѣшили занять. Не опровергая этихъ слуховъ, я однако не могу поручиться за ихъ достовѣрность. Того же числа, то-есть 29-го ноября, цесаревичъ, успокоенный циркулярнымъ приказаніемъ Хлопицкаго, запрещавшаго полякамъ тревожить наши войска во время ихъ движенія къ границамъ имперіи, выступилъ изъ Виржбы на Гуры.

Между тѣмъ во всѣхъ частяхъ правленія царствовалъ величайшій безпорядокъ; въ Варшавѣ же происходили неистовства всякаго рода. Хлопицкій, почитая необходимымъ положить предѣлъ безначалію, убѣдилъ 23-го числа временное правительство облечь его диктаторскою властью. Это было утверждено сеймомъ 8-го декабря при кликахъ черни, которымъ Хлопицкій едва внималъ. Новое правительство было учреждено на слѣдующихъ основаніяхъ: Диктаторъ, Надзирательная коммиссія, избираемая изъ членовъ сейма и имѣвшая право лишать, по своему усмотрѣнію, диктатора власти, и министры, отвѣтственные предъ сеймомъ.

Хлопицкій умѣлъ уладить дѣло такимъ образомъ, что надзирательная коммиссія находилась вполнѣ подъ его вліяніемъ, ибо значительнѣйшіе члены ея были имъ включены въ какую-то національную коммиссію, которая была ему непосредственно подчинена. Хлопицкій, вступивъ въ свои права, отправилъ въ Петербургъ князя Любецкаго и Езерскаго съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о прекращеніи имъ безначалія и всеподданнѣйшей просьбой возвратить царству конституцію 1815 года и даровать подобную же польско-россійскимъ губерніямъ. Хлопицкій выразилъ при этомъ собственныя чувства преданности, питаемыя имъ къ особѣ его величества. Отправивъ ихъ въ Петербургъ, онъ строго запретилъ, подъ опасеніемъ лишенія жизни, важнѣйшимъ мятежникамъ, вызвавшимся, подобно Солтыку, истребить войска цесаревича, либо захватить его самого въ плѣнъ, либо предпринимать что-либо противу нашихъ войскъ. Приказавъ закрыть всѣ клубы,

возникшіе въ Варшавѣ, онъ сталъ строго наблюдать за тайными обществами и скопищами всякаго рода. Онъ говорилъ явно всѣмъ, что, дѣйствуя лишь какъ вѣрноподданный короля своего (императора Николая), онъ продолжаетъ совершать акты именемъ его величества. Замѣчательно то, что во время диктаторства Хлопицкаго, имя нашего государя не переставало гремѣть въ храмахъ во время богослуженія. Онъ послалъ адъютанта своего, графа Замойскаго, къ командиру литовскаго корпуса барону Розену съ объявленіемъ, что по случаю отъѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ надеждѣ умиротворить край безъ пролитія крови, онъ требуетъ, чтобы не было предпринято съ его стороны какихъ-либо военныхъ дѣйствій; въ противномъ случаѣ Розенъ долженъ будетъ отвѣчать самому государю за пролитіе единой капли крови до полученія высочайшаго на то повелѣнія.

Не взирая на предложеніе, сдѣланное ему княземъ Любецкимъ до отъѣзда сего послѣдняго изъ Варшавы, о распространеніи возстанія въ польско-россійскихъ губерніяхъ и мнѣнія Солтыка и Кицкаго, вызывавшихся привести это въ исполненіе, Хлопицкій, несогласившись съ нимъ, объявилъ даже прибывшимъ депутатамъ Волыни, Литвы и Подоліи, что у него нѣтъ ни одного патрона къ ихъ услугамъ. Было очевидно, что диктаторъ, ожидавшій со стороны Россіи единства въ усиліяхъ, видѣвшій во всемъ царствѣ полное развитіе анархіи и ненадѣявшійся на счастливый исходъ возстанія, думалъ спасти свое отечество не прибѣгая къ оружію, а стараясь до полнаго подчиненія Польши Россіею привести ее предварительно въ совершенную отъ себя зависимость. Не взирая на эти явныя намѣренія Хлопицкаго, онъ не упалъ однако во мнѣніи своихъ соотчичей. Поляки, понимая по-своему характеръ Хлопицкаго, не могли допустить, чтобы этотъ человѣкъ былъ способенъ заглушать въ себѣ голосъ честолюбія и мщенія послѣ предосудительнаго и оскорбительнаго къ себѣ невниманія цесаревича и ряда личныхъ неудовольствій, испытанныхъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; большинство, мечтавшее лишь о войнѣ, полагало всѣ свои надежды на одного Хлопицкаго. За недостаткомъ лучшихъ генераловъ всѣ превозносили военныя дарованія Хлопицкаго, неимѣвшаго однако случая командовать большими массами войскъ. Какъ бы то ни было, но въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Хло-

пицкій, не имѣя соперниковъ, былъ потому человѣкомъ необходимымъ, котораго поддерживали даже тѣ, противъ желанія которыхъ онъ явно дѣйствовалъ. Однако благоразуміе требовало, чтобы онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки лицамъ, управлявшимъ общественнымъ мнѣніемъ, безъ чего ему было невозможно достигнуть избранной цѣли. Занявшись устройствомъ арміи, онъ отправилъ двухъ регименгаржей или главныхъ наборщиковъ и обучителей ополченія: одного—Солтыка, въ воеводства, лежащія на правомъ берегу Вислы, а другого—Малаховскаго, въ воеводства лѣваго берега. Поручивъ Чарторижскому вступить въ письменныя сношенія съ Австріей, онъ отправилъ Валевскаго въ Парижъ, Віалопольскаго—въ Лондонъ, Мостовскаго—въ Берлинъ. Всѣ мѣры, принимаемыя регименгаржами, не только не встрѣчали одобренія и поощренія со стороны диктатора, но онъ явно стремился затруднить приведеніе ихъ въ исполненіе. Наставленія дипломатическимъ агентамъ заключались лишь въ томъ, чтобы склонить дворы къ посредничеству между Польшей и Россіей, исходатайствованію у нашего государя возвращенія царству конституціи 1815 года и дарованію подобныхъ учрежденій польско-россійскимъ губерніямъ; въ нихъ не было упомянуто объ отторженіи этого царства и польско-россійскихъ губерній отъ Россіи. Диктаторъ, будучи глубоко убѣжденъ, что не въ самостоятельности Польши заключался залогъ ея благоденствія, но въ покровительствѣ Россіи этому царству, удовольствовался столь умѣренными требованіями.

V.

Между тѣмъ цесаревичъ отступалъ благополучно на Гуры и Пулаву; но здѣсь одна польская артиллерійская рота, неизвѣщенная еще о томъ, что Хлопицкій строго запретилъ безпокоить наши войска, приготовилась, вмѣстѣ съ жителями мѣстечка, преградить намъ переправу чрезъ Вислу. Но, къ нашему благополучію, повелѣніе Хлопицкаго пришло еще во-время, и потому эта рота, двинувшись въ Варшаву, не помѣшала нашимъ вступить въ Пулаву. Это приказаніе было сообщено ротѣ генераломъ Вейсфлокомъ, квартировавшимъ съ однимъ изъ уланскихъ полковъ своей бригады въ Люблинѣ. Прибывъ въ Пулаву, цесаревичъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ престарѣлую княгиню Чарторижскую, называемую имъ «Бабой-Ягой».

Хотя сынъ этой главнѣйшей виновницы возстаній поляковъ противъ Россіи въ теченіе цѣлыхъ 60-ти лѣтъ, носилъ еще званіе члена россійскаго государственнаго совѣта, но онъ былъ уже членомъ вновь учрежденной коммиссіи въ Варшавѣ.

Цесаревичъ, на котораго, какъ и на всѣхъ русскихъ, явно сыпались вездѣ страшныя ругательства, не могъ не замѣтить, что шапки и шляпы всей дворни княгини и вообще всѣхъ пулавскихъ жителей были украшены національными кокардами; выступивъ изъ Пулавы, онъ двинулся на Куровъ-Маркушевъ и Каменку, съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. Войска наши слѣдовали до самаго Любартова, по крайне дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, совершенно испортившимся вслѣдствіе продолжительной дурной погоды; главная забота цесаревича состояла въ томъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ польскими войсками, коихъ невозможно было опасаться: во-1-хъ, вслѣдствіе приказанія, отданнаго Хлопицкимъ; и во-2-хъ, по причинѣ значительнаго превосходства нашего корпуса надъ разбросанными, небольшими отрадами мятежниковъ. Цесаревичъ хотѣлъ двинуться изъ Любартова, чрезъ Коцкъ, на Брестское шоссе, около Біялы, но такъ какъ по слухамъ Біяла была уже занята нѣсколькими мятежниками, присланными сюда изъ Варшавы для наблюденія за литовскимъ корпусомъ, сосредоточеннымъ между Брестомъ и Бѣлостокомъ, то цесаревичъ предпочелъ, пробравшись вправо, на Влодаву, вступить въ границы нашей имперіи, гдѣ и расположился въ окрестностяхъ Ружанъ и Слонима, позади литовскаго корпуса.

Въ этомъ быстромъ и вмѣстѣ чрезмѣрно осторожномъ отступленіи видна господствующая мысль цесаревича: избѣгать, по возможности, встрѣчи съ мятежными войсками; онъ, вѣроятно не желая подавать повода къ рѣшительному разрыву съ царствомъ, думалъ, что пока между нашими и польскими войсками еще не воспослѣдовало кровавой встрѣчи, всегда было возможно приступить къ возобновленію мирныхъ переговоровъ, не унижая тѣмъ величія Россіи; если бы даже и нельзя было избѣжать стычки, онъ имѣлъ въ виду не допускать большого кровопролитія, что могло лишь ожесточить другъ противъ друга оба сражавшіеся народа. Такова была, повидимому, мысль цесаревича, которой онъ, можно сказать, остался вполнѣ вѣренъ во все продолженіе

войны. Малѣйшая капля крови, пролитая войсками цесаревича въ битвѣ съ поляками, могла отдалить на самое неопредѣленное время умиротвореніе страны: съ одной стороны исчезла бы навсегда возможность выдти съ честью изъ дѣла, предпринятаго весьма легкомысленно; съ другой—великодушное забвеніе о прошломъ становилось невозможнымъ, но надлежало, напротивъ, прибѣгнуть къ силѣ оружія для усмиренія возникшаго мятежа. Вообще всѣ дѣйствія цесаревича въ эту эпоху столь таинственны, что значительное большинство его подчиненныхъ, никогда ему ни въ чемъ не сочувствовавшее, явно обвиняло его .. .. Хотя я глубоко убѣжденъ, что русскій великій князь не могъ забыть обязанностей своихъ относительно своего государя и отечества, но я долженъ съ прискорбіемъ сказать, что поведеніе цесаревича подало поводъ къ нареканіямъ страшнымъ и неотразимымъ. Этотъ своенравный, но не мужественный человѣкъ, не привыкшій съ самаго дѣтства своего обуздывать порывовъ своего крутого и своевольнаго характера, требовавшій отъ всѣхъ лишь безусловнаго исполненія малѣйшихъ своихъ прихотей, былъ вынужденъ терпѣливо выслушивать надменныя и дерзкія требованія лицъ, незадолго предъ тѣмъ распростертыхъ у его ногъ. Онъ дѣлалъ все это, имѣя вѣроятно въ виду лишь пользу Россіи, которой онъ не могъ не любить. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаю я, но не такъ думали о томъ поляки. И подлинно, уваженіе, оказываемое цесаревичемъ крамольному совѣту во время оффиціальныхъ съ нимъ сношеній, по истинѣ непостижимо; онъ, казалось, весьма охотно признавалъ законность мятежнаго правительства, и тѣмъ поощрялъ европейскіе дворы къ провозглашенію независимости Польши. Цесаревичъ, постоянно взыскательный и мало привѣтливый съ своими подчиненными, совершенно измѣнился въ отношеніи къ полякамъ. Вниманіе и ласковое обращеніе его съ поляками, осмѣлившимися утруждать его предложеніями, вполнѣ оскорбительными для чести русскаго имени, возбудило во всѣхъ русскихъ всеобщее негодованіе. Не разъ на вопросы командировъ польскихъ полковъ, еще оставшихся вѣрными намъ: «куда прикажетъ имъ идти его высочество?» онъ отвѣчалъ: «повинуйтесь уже не мнѣ, а вашему новому правительству». .....

. . . . . .

Цесаревичъ, никогда не принадлежавшій къ числу безстрашныхъ

героевъ, въ чемъ я не разъ имѣлъ случай лично убѣждаться, страстно любилъ военную службу; но для лицъ, неодаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключалось лишь въ несносно-педантическомъ, убивающимъ всякую умственную дѣятельность, парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлываніе ружейныхъ пріемовъ, коимъ щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшительности, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ, поэтическихъ наслажденій [1]). Ряды арміи постепенно наполняются потому лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе частями, что̀ приноситъ этимъ личностямъ значительныя беззаконныя матеріальныя выгоды..... Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе .....: не щадятъ ни усилій, ни средствъ для приведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ, выдѣлыванія темповъ, наша армія, безспорно, превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку? Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію, и сознавая по опыту пользу строеваго образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого одного не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не столько поясняющихъ, сколько крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что над-

[1]) Просимъ не забывать, что все здѣсь сказанное относится къ давнему времени, почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время, въ виду извѣстныхъ реформъ по военному вѣдомству, подобные укоры не могутъ уже имѣть мѣста. Ред.

лежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ не стѣснить частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія которыхъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности—это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонятъ отовсюду способныхъ и просвѣщенныхъ людей, кои, либо удалятся со служебнаго поприща, либо, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремятся, не понимая истинныхъ требованій вѣка; какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены на гибельное развитіе системы, которая, если продлится, надолго лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Но дай Боже убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха! Мысль, что цѣлое поколѣніе воспитывается въ подобныхъ идеяхъ—ужасна; это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу. Мнѣ, уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, неудастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ лишь окружено толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усиліе этихъ лицъ, недопускать до него справедливыя требованія вѣка, могутъ лишь ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ [1]).

Войска польскія, не умѣя объяснить себѣ поведеніе цесаревича, которое они приписывали не желанію рѣшить вопросъ миролюбивымъ путемъ, но лишь чувству робости, потеряли къ нему всякое довѣріе; съ утратой довѣрія—исчезло всякое къ нему повиновеніе.

Меня увѣряли очевидцы, какъ поляки, такъ и русскіе, проживавшіе въ то время въ Варшавѣ, что послѣ выступленія на-

[1]) Эти вѣщія слова доблестнаго воина сказаны за двадцать лѣтъ до Севастопольскаго разгрома, пробудившаго Россію. Ред.

шихъ войскъ въ Виржбу, 17-го ноября можно было потушить народное волненіе въ самомъ городѣ; на другой день утромъ съ шестью баталіонами, къ вечеру того же дня—десятью баталіонами, но на слѣдующій день и 26,000 человѣкъ были бы уже недостаточны, тѣмъ болѣе, что въ городъ уже вступили нѣсколько мятежныхъ польскихъ полковъ, шляхетство и разная буйная сволочь, и тогда уже характеръ возстанія ясно обозначился. Это было весьма правдоподобно, ибо, какъ мы выше видѣли, Варшава заключала въ себѣ, еще 18-го ноября утромъ, не болѣе 4,500 чел. войска. Поляки утверждали, что оффиціальный характеръ сношеній цесаревича съ временнымъ правительствомъ придалъ ему видъ законности, а изъявленное его высочествомъ полное согласіе на статьи, поднесенныя ему этимъ правительствомъ, равносильно торжественному признанію независимости царства польскаго. Они еще болѣе выводили подобное заключеніе изъ слѣдующаго: извѣстно, что цесаревичъ приказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ польскихъ войскъ (въ числѣ коихъ находился командиръ полка Кржинецкій и Гельгудъ, командовавшій одной пѣхотной бригадой): повиноваться уже не ему, а народному правленію; это приказаніе было вѣроятно дано его высочествомъ изъ опасенія измѣны сихъ полковъ и собственнаго плѣна. Какъ бы то ни было, но эти полки превзошли, напротивъ, всѣ прочіе въ ненависти къ русскимъ и въ стараніи раздуть по возможности пламя бунта. Присоединеніе этихъ полковъ къ войскамъ цесаревича могло возродить въ царствѣ новую Вандею; многія изъ лицъ, еще колебавшихся принять явное участіе въ возстаніи, отъ недостатка ли смѣлости, отъ убѣжденія ли, что 4,000,000-ое народонаселеніе не въ состояніи бороться съ 54-хъ-милліоннымъ, или отъ справедливаго опасенія, что благоденствіе края, доселѣ ограждаемое законами, будетъ замѣнено всеобщимъ разореніемъ вслѣдствіе буйнаго своеволія, не затруднились бы, можетъ быть, пристать къ намъ. Хотя эти лица, увидавъ, напротивъ, что цесаревичъ дозволилъ польскимъ войскамъ присоединиться къ мятежникамъ, и опасались висѣлицы, выставленной Лелевелемъ и ксендзомъ Пулавскимъ, и хотя они оплакивали измѣненіе стараго порядка, но они не могли не объявить своихъ сочувствій къ народному дѣлу. Я предоставляю моимъ читателямъ выводить изъ всего сказаннаго свои собственныя заключенія; что же касается

лично меня, то я, какъ исключительно военный человѣкъ, не могу не надивиться слѣдующему обстоятельству: пренебреженію цесаревича захватить Замостьскую и Модлинскую крѣпости, которыя онъ бы могъ удержать за собой до прибытія нашихъ главныхъ силъ. Въ Модлинѣ находился малочисленный и неготовый къ оборонѣ гарнизонъ, коего часть, услыхавъ о возстаніи столицы, еще недоумѣвала на что рѣшиться, но большая его часть ничего еще о томъ не знала. Какъ много выиграли бы наши военныя дѣйствія въ самомъ началѣ войны, если бы наши главныя силы нашли эти крѣпости занятыми своими. Да не подумаютъ, что войскамъ, оставленнымъ въ этихъ крѣпостяхъ, предстояла какая-либо опасность со стороны противной арміи: Модлинъ былъ сильно укрѣпленъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Что касается до обороны крѣпости, послѣ овладѣнія ею, то это не могло представлять намъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что въ польской арміи не было ни одного осаднаго орудія; если бы она имѣла у себя нѣсколько такихъ осадныхъ парковъ, то и въ такомъ случаѣ она не рѣшилась бы отдалиться отъ Варшавы, куда ежеминутно ожидали прибытія нашей главной арміи. Диктатору пришлось бы потому ограничиться одной блокадой, которая, какъ извѣстно, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: осаждающіе, при первомъ извѣстіи о приближеніи нашей арміи, поспѣшили бы отступить къ Варшавѣ. Надо присовокупить, что цесаревичъ, отступая на Гуры и Пулаву, могъ тѣмъ легче занять Замостье. Чтобы захватить Модлинъ ему надлежало, оставивъ Пулаву, слѣдовать почти мимо Прагскаго предмѣстья, отъкуда поляки, собравшіеся въ Варшавѣ, могли аттаковать его; это могло подать поводъ къ битвѣ, чего цесаревичъ тщательно и явно избѣгалъ. Во всякомъ случаѣ ему надлежало достигнуть поспѣшнѣе Брестскаго шоссе, и тогда Модлинъ могъ бы быть легко занятъ нашими войсками. Сношенія цесаревича съ народнымъ правленіемъ приняли бы совершенно иной характеръ. Удержавъ за собой Модлинъ, мы могли господствовать надъ обоими берегами, что значительно облегчило бы нашей главной арміи аттаку Варшавы, обнесенной лишь небольшимъ валомъ. Въ случаѣ, если бы мятежники рѣшились отдалиться отъ Праги, неимѣвшей еще предмостнаго укрѣпленія, мы могли бы дѣйствовать противъ нихъ съ фланга, съ тыла или наперерѣзъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ поля-

ки не замедлили бы изъявить полную покорность. Занятіе нашими Замостья, не представляя для насъ тѣхъ же выгодъ, значительно способствовало бы успѣху войны. Это охранило бы Волынскую, Подольскую и Кіевскую губерніи отъ вторженія поляковъ и исчезли бы выгоды, доставляемыя имъ этою крѣпостью, которая находилась на прямѣйшемъ сообщеніи съ Галиціею, откуда поляки въ теченіе войны получали за деньги порохъ, оружіе и съѣстные припасы. Обмундированные, вооруженные и обученные военному ремеслу выходцы галиційскіе, соединившись со многими бѣглецами изъ Волыни, Подоліи и Кіевской губерніи, отправлялись вдоль австрійской Галиціи, къ Завихвосту; перейдя здѣсь Вислу, они слѣдовали лѣвымъ ея берегомъ въ Варшаву. Обладаніе сей крѣпостью избавило бы насъ отъ необходимости ослабить нашу армію, которой во все время войны угрожали съ лѣваго фланга и почти съ тыла сперва Дверницкій, потомъ Хржановскій, находившіеся близъ Замостья; мы нашлись впослѣдствіи вынужденными обезпечить свой лѣвый флангъ корпусами Крейца и Ридигера. Когда уже было явно, что Варшаву невозможно было усмирить 19-го поутру, мы могли выступить изъ Виржбы и, слѣдуя быстро сквозь разсѣянные малочисленные мятежные отряды, достигнуть Замостья, отстоящаго отъ Варшавы въ 260 верстахъ, не болѣе какъ въ 8 дней. Если ореолъ власти, озарявшій цесаревича, померкъ уже въ самой Варшавѣ, то онъ былъ еще въ полномъ блескѣ въ отдаленныхъ краяхъ царства; внезапное прибытіе цесаревича съ войсками къ малосильному и ни о чемъ еще неизвѣщенному гарнизону, привыкшему трепетать при одномъ словѣ его высочества, возымѣло бы на него сильное дѣйствіе, и, безъ сомнѣнія, ворота крѣпости тотчасъ бы растворились предъ нами. Мы, во всякомъ случаѣ, рисковали не многимъ; если бы намъ это предпріятіе не удалось, мы, подвергшись нѣсколькимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, и пройдя съ небольшимъ милю, могли вступить въ свои предѣлы, но уже не въ Влодавѣ, а въ Устилугѣ. Въ началѣ декабря литовскій корпусъ, въ соединеніи съ войсками цесаревича и въ ожиданіи прибытія главной арміи находился бы уже на нашей границѣ. Надо сознаться, что цесаревичъ и его окружающіе совершенно растеряли головы.

Здѣсь представляется вопросъ: надлежало ли ожидать прибытія главной арміи или, соединившись съ литовскимъ корпу-

сомъ, что составило бы около 50,0000 человѣкъ, тотчасъ открыть военныя дѣйствія противъ 30,000 польской арміи, еще не приведенной въ надлежащій порядокъ. Если бы въ литовскомъ корпусѣ офицеры и нижніе чины были коренные русскіе, тогда, безъ сомнѣнія, надлежало воспользоваться превосходствомъ нашихъ силъ надъ непріятелемъ, коего силы, будучи разсѣяны, не могли выдержать нашихъ ударовъ. На литовскій корпусъ, сформированный большею частью изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, невозможно было полагаться въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ успѣхъ и неудача много зависѣли отъ перваго удара. Хотя отсрочка въ дѣйствіяхъ представляла много выгодъ полякамъ, способствуя полному развитію ихъ средствъ, но при взаимной неготовности обѣихъ враждующихъ сторонъ, она дозволяла намъ одержать съ большею вѣроятностью рѣшительные успѣхи надъ непріятелемъ. Средства, коими могли располагать поляки, возросли бы, безъ сомнѣнія, въ теченіе первыхъ трёхъ мѣсяцевъ, но недалѣе, напротивъ, средства Россіи были, можно сказать, неистощимы. Основываясь на этомъ, было рѣшено съ нашей стороны отложить наступленіе до прибытія главной арміи.

Мы еще болѣе убѣдились въ пользѣ отсрочки изъ слѣдующаго: непостоянство поляковъ, коихъ увлеченіе и пылъ могли охладѣть; несогласія и споры, а можетъ быть и междоусобныя брани могли возникнуть среди многочисленнаго сборища людей, гдѣ господствовалъ духъ своеволія, столь враждебный мудрому единодержавію, умѣряемому лишь совѣтомъ свѣдущихъ, даровитыхъ и испытанныхъ мужей; лишь подобное единодержавіе было въ состояніи направить ихъ частныя усилія къ одной общей цѣли.

Теперь возникаетъ другаго рода вопросъ: если литовскому корпусу и войскамъ, приведеннымъ цесаревичемъ, надлежало воздержаться до прибытія главныхъ нашихъ силъ отъ наступленія, слѣдовало ли полякамъ до этого времени приблизиться къ мѣсту расположенія литовскаго корпуса. Хлопицкій воздержался отъ этого не потому, что польза этого движенія ускользнула отъ его проницательности, но потому лишь, что онъ ожидалъ спасенія Польши, легкомысленно начавшей кровавую борьбу съ Россіею, не отъ битвъ, но отъ мирныхъ переговоровъ. Я только этимъ объясняю себѣ пренебреженіе Хлопицкаго къ подобнаго рода дѣйствіямъ. Но неужели онъ надѣялся на успѣшный исходъ пере-

говоровъ, начатыхъ Любецкимъ и Озерскимъ? Оцѣняя по достоинству патріотизмъ Хлопицкаго, пожертвовавшаго своимъ честолюбіемъ высокому чувству истинной любви къ отечеству и клятвѣ, имъ уже произнесенной, я невольно вопрошаю себя: неужели надѣялся онъ, въ награду за обузданіе безначалія въ Варшавѣ, несогласіе на распространеніе мятежа въ польско-россійскихъ губерніяхъ, что нашъ государь изъявитъ свое согласіе на предложенія, присланныя ему чрезъ депутатовъ? Эти предложенія, украшенныя выраженіями, исполненными вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ, были въ сущности таковы, что русскій государь не могъ принять ихъ. Пятилѣтнее царствованіе императора Николая, обнаружившаго замѣчательную настойчивость, должно было открыть глаза Хлопицкому. Притомъ требованія его различествовали отъ требованій мятежниковъ лишь тѣмъ, что онѣ были облечены въ формы болѣе мягкія, тогда какъ требованія этихъ послѣднихъ были объявлены нагло и съ оружіемъ въ рукахъ. Въ сущности, требованія ихъ были однѣ и тѣ же, а потому уступка съ нашей стороны обличила бы въ насъ слабость и робость, коихъ мы въ себѣ нисколько не сознавали. Послѣ этого заблужденіе Хлопицкаго, пренебрегшаго принять мѣры къ скорѣйшему приготовленію себя для продолжительной борьбы на жизнь и смерть, и замедлявшему развитіе всѣхъ необходимыхъ для того средствъ, въ надеждѣ на заключеніе выгоднаго съ Россіею мира, непростительно. Жребій былъ брошенъ, и потому Хлопицкому надо было избрать одно изъ двухъ: либо не принимать на себя званія диктатора, и не вступая въ сношенія съ мятежниками, уклониться отъ участія въ возстаніи; либо принять это званіе съ явнымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ вести борьбу съ Россіею до полнаго изнеможенія силъ. Это было бы по крайней мѣрѣ вполнѣ согласно съ логикой; первая система могла возбудить противъ него ненависть и негодованіе поляковъ и подвергнуть его большой опасности; вторая же—должна была навлечь на него полное неблаговоленіе нашего государя. Но дѣлать было нечего; онъ долженъ былъ, принявъ на себя званіе диктатора, дѣйствовать рѣшительно въ пользу избравшихъ его, и не вѣрить въ возможность возстановленія мира въ самомъ разгарѣ войны, тѣмъ болѣе, что поляки, въ самомъ пылу справедливаго гнѣва государя, осмѣливались требовать, чтобы онъ пожертвовалъ для нихъ достоинствомъ и честью

своей имперіи. Едва ли самъ Хлопицкій въ минуты, когда онъ не увлекался несбыточными фантазіями, не отчаявался въ успѣхѣ начатаго дѣла. Итакъ, если Хлопицкій рѣшился захватить диктаторскую власть у временного правительства, то онъ долженъ былъ не замедлять и затруднять развитіе боевыхъ средствъ своего отечества, но, напротивъ, не щадить усилій для успѣшнѣйшаго и скорѣйшаго вооруженія и образованія наибольшаго количества войскъ, что̀ нисколько не помѣшало бы ему продолжать начатые мирные переговоры. Этому могло значительно содѣйствовать движеніе польской арміи къ нашей границѣ; она этимъ могла усилиться вслѣдствіе побѣговъ, которые не могли не оказаться въ корпусѣ, состоявшемъ изъ ихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, силы мятежниковъ при самомъ началѣ возстанія могли, независимо отъ резервовъ и поголовнаго ополченія, возрасти до 80,000 человѣкъ. Конечно, это предпріятіе могло не имѣть никакого успѣха, ибо въ теченіе войны литовскій корпусъ не измѣнялъ Россіи, но при всемъ томъ духъ этого корпуса былъ весьма ненадеженъ. Если этотъ корпусъ остался вѣрнымъ единожды принесенной имъ присягѣ, то это можетъ быть произошло отъ того, что онъ вошелъ въ общій составъ нашей арміи; этого бы не случилось, если бы онъ оставался въ одиночествѣ, порознь отъ нашей арміи, тѣмъ болѣе, что самъ Солтыкъ утверждаетъ, что третья часть офицеровъ принадлежала къ варшавскому патріотическому обществу. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что Хлопицкому надлежало, двинувъ свою армію къ нашимъ границамъ, приказать немедленно своимъ офицерамъ и солдатамъ войти въ тайныя сношенія съ чинами литовскаго корпуса, который, безъ всякаго сомнѣнія, присоединился бы къ своимъ соотечественникамъ; онъ могъ бы, такимъ образомъ, появившись съ 80,000-ною арміею въ Бѣлоруссію, возбудить противъ насъ Литву, гдѣ онъ присоединилъ бы къ себѣ все мѣстное ополченіе. Примѣру Литвы послѣдовали бы Волынь, Подолія и Украйна, обнаженныя отъ нашихъ войскъ. Если бы оно не и сдалось, онъ не подвергся бы ни малѣйшей опасности; мы въ то время не могли еще ни угрожать его тылу, ни наступать на него спереди, тѣмъ болѣе, что литовскому корпусу было строго воспрещено до сосредоточенія всѣхъ нашихъ силъ на границѣ Польши предпринимать малѣйшее наступленіе впередъ. Вмѣсто всего этого, какой имѣли результатъ

благочестивыя побужденія Хлопицкаго? Миръ несостоялся и не могъ состояться, а когда надо было прибѣгнуть къ оружію, поляки не располагали для продолженія войны тѣмъ количествомъ войскъ, какимъ они могли обладать; вмѣсто того, чтобы поддержать свои усилія присоединен'емъ литовскаго корпуса, возбужденіемъ къ возстанію Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Украйны, поляки были принуждены принять наши удары на свой щитъ, не будучи поддержаны жителями польско-россійскихъ губерній и имѣя уже противъ себя литовскій корпусъ.

VI.

Мы пришли теперь къ любопытному событію—къ паденію диктатора Хлопицкаго; хотя диктаторство его продолжалось около 40 дней, но оно имѣло рѣшительное вліяніе на весь характеръ военныхъ дѣйствій. Въ теченіе 42-хъ-дневнаго владычества своего, Хлопицкій былъ кумиромъ арміи и всего народонаселенія царства, но принятыя имъ строгія мѣры для прекращенія безначалія, явное его противодѣйствіе увеличенію военныхъ силъ и стремленіе къ прекращенію возникшаго между Россіею и Польшей разрыва, не прибѣгая къ оружію, возстановили противъ него всѣ буйныя головы шляхетства, членовъ закрытыхъ имъ якобинскихъ клубовъ и тайныхъ обществъ, требовавшихъ рѣшительной независимости Польши. Но эта ненависть къ Хлопицкому, кипѣвшая пока втайнѣ, не смѣла еще нигдѣ явно обнаружиться. Но вскорѣ накопившаяся гроза разразилась. Коммиссія, учрежденная для составленія манифеста, поднесла его на утвержденіе надзирательной коммиссіи; хотя эта послѣдняя коммиссія и утвердила его, но Хлопицкій возсталъ противъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя показались ему слишкомъ возмутительны, и строго запретилъ обнародывать столь непристойный актъ. Не взирая на запрещеніе, этотъ манифестъ, не скрѣпленный подписью Хлопицкаго, былъ тайно отлитографированъ и разосланъ по всему царству. Это обстоятельство усилило вражду между диктаторомъ и якобинцами, которые стали разглашать, что онъ измѣнникъ; а это, въ свою очередь, побудило Хлопицкаго увеличить національную стражу для подавленія недовольныхъ, если бы они вздумали явно возстать противъ правительства.

Къ этому времени, т.-е. 3-го января 1831 г. прибылъ изъ

С.-Петербурга, посланный туда курьеромъ, подполковникъ Величинскій, привезшій, между прочимъ, извѣстіе о движеніи нашей арміи къ границамъ царства и слѣдовательно о неизбѣжности войны. Онъ также привезъ отъ статсъ-секретаря польскихъ дѣлъ графа Грабовскаго оффиціальное письмо на имя Хлопицкаго, коему были объявлены высочайшее благоволеніе за изъявленныя имъ вѣрноподданническія чувства и настоятельное требованіе о буквальномъ исполненіи всѣхъ статей прокламаціи, обнародованной его величествомъ царству польскому 6-го декабря. Диктаторъ, поспѣшно собравъ всѣхъ членовъ національной коммиссіи, передалъ полученныя бумаги на ихъ обсужденіе. По мнѣнію меньшинства, надо было продолжать начатые переговоры, и пользуясь тѣмъ, вознаградить потерянное время поспѣшнымъ приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ силъ до открытія военныхъ дѣйствій; большинство же требовало, чтобы немедленно аттаковали литовскій корпусъ до прибытія русской арміи. Хлопицкій приказалъ созвать сеймъ къ 7-му января; хотя власть его видимо поколебалась, но враги его, не удовольствовавшись тѣмъ, рѣшились нанести ему окончательный ударъ. Тотчасъ послѣ удаленія членовъ національной коммиссіи явились къ Хлопицкому члены надзирательной коммиссіи, подъ предводительствомъ президента сената и маршала сейма. Хлопицкій, хладнокровно изложивъ имъ весь ходъ дѣлъ, указалъ на необходимость единства въ усиліяхъ, которое не могло имѣть мѣста при великомъ разногласіи въ мнѣніяхъ. Представивъ имъ несоразмѣрность матеріальныхъ средствъ Польши относительно силъ, коими могла располагать Россія, онъ предложилъ принять безусловно всѣ статьи, изложенныя въ вышесказанной прокламаціи его величества; это возбудило общее негодованіе всѣхъ членовъ, которые осыпали упреками Хлопицкаго, сказавшаго имъ съ твердостію: «Если ваша совѣсть дозволяетъ вамъ разрывать узы клятвъ, данныхъ вами законному государю, я васъ съ тѣмъ поздравляю; я не измѣню своихъ правилъ, и все, что я дѣлаю здѣсь, я дѣйствую лишь именемъ царя моего Николая». Хлопицкій подписалъ, такимъ образомъ, приговоръ своей власти; члены коммиссіи поспѣшили объявить ему, что онъ уже болѣе не диктаторъ. Въ отвѣтъ на это Хлопицкій закричалъ въ изступленіи: «Я самъ слагаю съ себя диктаторство и обвиняю всѣхъ васъ въ якобинствѣ, въ воз-

бужденіи народа и войска къ безначалію, и чрезъ это въ вовлеченіи отечества въ неминуемую гибель».

Когда умы нѣсколько успокоились, Чарторижскій сдѣлалъ Хлопицкому слѣдующее предложеніе, облеченное въ весьма ласковыя формы: «Мы надѣемся, генералъ, что вы, по крайней мѣрѣ, не откажетесь принять на себя командованіе арміей».

— «Ни за что, гнѣвно закричалъ Хлопицкій: будь я шельма, если приму какое-либо начальство, но какъ вѣрный сынъ отечества, я готовъ жертвовать жизнью на полѣ брани»!

Тѣмъ заключилось диктаторство мужественнаго Хлопицкаго, доказавшаго любовь свою къ отечеству своею сорокалѣтнею боевою службою и ранами, полученными на поляхъ чести. На концѣ своего поприща, Хлопицкій, будучи временною главою Польши, и желая спасти свое отечество отъ угрожавшихъ ему бѣдствій, избралъ цѣль мечтательную, которая не могла спасти поляковъ. Этотъ патріотъ, при всемъ желаніи блага своей родинѣ, причинилъ дѣлу, ему ввѣренному, едва ли не болѣе зла, чѣмъ самый коренной россіянинъ, которому было бы поручено потушить возникшій противъ Россіи мятежъ. Онъ принесъ за то нашему дѣлу едва ли не бо́льшую пользу, чѣмъ самъ Дибичъ во все время начальствованія его арміею. Это фактъ неопровержимый. При всемъ томъ никто не смѣлъ подозрѣвать его въ измѣнѣ; хотя Хлопицкій былъ лишенъ диктаторской власти, но, будучи убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, онъ ходилъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и круглой шляпѣ, смѣло и бодро. Чернь и войска смотрѣли съ благоговѣніемъ на сѣдины сего маститаго воина, не разъ отличавшагося подвигами мужества; почитая себя вполнѣ правымъ, онъ, можно сказать, заблуждался. Умственныя способности его далеко не соотвѣтствовали возвышенности его чувствъ.

Послѣ его паденія государь не переставалъ напоминать возмутителямъ о забытомъ ими долгѣ, но въ отвѣтъ на это пламя мятежа и вражды къ Россіи все болѣе и болѣе распространялось по царству.

Независимо отъ отлично обученной 30,000-й арміи, рядовые, получившіе отставки лишь за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, и множество волонтеровъ, возвысили численность арміи, которая усилилась до 80,000 чел.; кромѣ того, образовалась 9,000-ная резервная армія; многіе магнаты и помѣщики, въ числѣ коихъ нахо-

дились въ окрестностяхъ Остроленки — Харадецкій, Сѣдлеца — Кучинскій и Кушель, Ломжи - Уланъ, Люблина—Яросовскій, Варшавы — Замойскій, возбуждая крестьянъ своихъ къ возстанію, вооружали на свое иждивеніе эскадроны, баталіоны, отряды, исключительно предназначенные для партизанскаго рода службы.

Одно Августовское воеводство выставило въ теченіе 10 дней 5,000 вооруженныхъ всадниковъ, Варшава—1 полкъ пѣхоты и 1 полкъ кавалеріи [1]), и т. д.; буйная молодежь Познани и Галиціи, оставивъ дома родителей, университеты и ремесла, коими она занималась, спѣшила въ Варшаву. Въ теченіе 15-ти-лѣтняго владычества Россіи арсеналы царства были снабжены оружіемъ, изготовленнымъ на россійскихъ оружейныхъ заводахъ; народное правленіе приказало спѣшить выдѣлкой оружія на литейныхъ и оружейныхъ заводахъ Варшавы, Кракова и окрестностей Кельца, возвести прагское предмостное укрѣпленіе, усилить оборону Модлина и Замостья, и окружить Варшаву внѣшними укрѣпленіями. Пороховой заводъ въ Краковѣ былъ увеличенъ, и устроенъ новый въ Маримонтѣ. Магнаты, шляхетство и духовенство взнесли 120 милліоновъ [2]) руб.; наконецъ новое правительство стало возбуждать нравственныя силы поляковъ разными ложными обнародованіями о помощи Франціи и Англіи и о скоромъ прибытіи союзныхъ флотовъ и армій на театръ военныхъ дѣйствій. Поляки вѣрили всему этому, не понимая, что Англія никогда не станетъ проливать крови своей въ порывѣ политической чувствительности и что для Франціи, какъ въ то время выразился Себастьяни, нужны были 20-ти-лѣтній рядъ военныхъ чудесъ и Наполеонъ, чтобы проложить себѣ путь чрезъ Германію въ Польшу. Франція ограничилась высылкой графа Монтебелло, сына славнаго маршала Ланна, и полковника Ромарино. Я почитаю излишнимъ упоминать здѣсь о Лангермонѣ, Сюарѣ, Галлуа и другихъ безконечно малыхъ.

Первая забота сейма, открывшагося 7-го января, состояла въ томъ, чтобы избрать главнокомандующаго. Недостатокъ въ способныхъ генералахъ былъ столь великъ, что сеймъ внесъ въ число кандидатовъ нѣсколько молодыхъ штабъ-офицеровъ. Генералъ Вейссенгофъ былъ человѣкъ лишенный опытности и дарованія; полковникъ Шембекъ, пользовавшійся покровительствомъ яко-

[1]) Смотри Солтыка. Д. Д.
[2]) Смотри Солтыка. Д. Д.

бинцевъ, былъ человѣкъ умный, но не умѣвшій распоряжаться большими массами войскъ; генералъ Круковецкій, истинный представитель характера полькой націи—дерзкій, хвастливый и надменный, но хитрый и искательный, когда того требовали обстоятельства, желалъ провозгласить себя диктаторомъ, но онъ былъ неспособенъ ни къ военному, ни къ гражданскому дѣлу. Генералъ Пацъ [1]), также любимый якобинцами, человѣкъ красивой наружности, отличался ограниченнымъ умомъ, нерѣшительностью и весьма небольшими свѣдѣніями. Въ числѣ кандидатовъ находились: кн. Михаилъ Радзивиллъ и Скрженецкій. Князь Радзивиллъ былъ избранъ восемью голосами главнокомандующимъ; при избраніи своемъ онъ объявилъ, что готовъ передать власть и званіе тому изъ генераловъ, который въ теченіе войны окажется достойнѣйшимъ; наибольшее число голосовъ послѣ него получилъ—Пацъ. Выборъ Радзивилла, бывшаго уже полковникомъ въ 1807 году во время осады Данцига, и съ того времени неслыхавшаго боевого выстрѣла, удивилъ многихъ, но онъ объясняется слѣдующимъ образомъ: этотъ Радзивиллъ былъ роднымъ братомъ кн. Антонія Радзивилла, родственника королевы прусской и бывшаго въ то время намѣстникомъ Познанскимъ. Хлопицкій, еще до избранія Радзивилла, сказалъ членамъ сейма, что безъ сомнѣнія кн. Антоній, по дружбѣ своей къ брату, не откажется помогать ему. Итакъ, избраніемъ Радзивилла члены сейма думали, сдѣлавъ угодное королю прусскому, привлечь къ себѣ, если не Пруссію, то намѣстника [2]) познанскаго, близкаго и единокровнаго имъ сосѣда.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ ошиблись они и въ томъ, и въ другомъ предположеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) У Паца былъ богатый домъ въ Вильнѣ, на которомъ была сдѣлана слѣдующая надпись. «Палацо варто (достоинъ) Паца, Пацъ варто Палацо».

Д. Д.

[2]) Я самъ видѣлъ въ 1807 г. кн. Антонія Радзивилла въ нашей главной квартирѣ; онъ былъ тогда преданъ дѣлу, за которое стояли Пруссія и Россія противъ Наполеона, у котораго, въ числѣ польскихъ войскъ, служилъ въ то время кн. Михаилъ, о коемъ идетъ здѣсь рѣчь. Д. Д.

ЕРМОЛОВЪ, ДИБИЧЪ И ПАСКЕВИЧЪ.

1826—1827.

VI[1]).

(продолженіе).

12-го октября. Болѣе 12-ти дней, какъ я велѣлъ выдать деньги генералу Мадатову для покупки 200 скотинъ; онъ меня увѣрялъ, что ихъ нельзя достать ближе какъ за 60 верстъ, и которые мнѣ не доставлены до сихъ поръ. Между тѣмъ какъ нечаяннымъ образомъ я послалъ ширванскаго пѣхотнаго полка съ маіоромъ Юдинымъ партію казаковъ, которая открыла, не болѣе какъ въ 15 верстахъ отъ лагеря, до 25 тысячъ овецъ и до двухъ тысячъ рогатаго скота; я тотчасъ послалъ купить столько, что могъ давать по фунту въ день мяса людямъ, убавивъ фунтъ хлѣба. Такимъ образомъ, въ продолженіи всего времени, я уже не нуждался въ скотинѣ, а посланный отъ князя Мадатова для покупки онаго возвратился назадъ, послѣ 15 дней, пригнавъ только сто штукъ скота и сказавши мнѣ, что болѣе не могъ найдти. Хотя продовольствіе нѣсколько и поправилось, но все я не имѣлъ онаго въ мукѣ и на 4 дня. Я уговорилъ переводчика Корганова ѣхать въ дальнія деревни, дабы согласить армянскихъ жителей продать продовольствіе.

14-го октября. Коргановъ возвратился съ весьма хорошимъ извѣстіемъ, что онъ уговорилъ жителей раздѣлиться съ нуждающимися русскими войсками, и что закупилъ около 600 четвертей, также и нужное количество соли. Они съ удивленіемъ отвѣчали, что они не знали, что русскіе нуждаются, иначе бы они послѣднее отдали. Я получилъ также рапортъ отъ моихъ адъютантовъ и квартирмейстерскихъ офицеровъ, что они остановлены въ Тифлисѣ генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ.

15-го октября. Посланный къ аванпостамъ персидскимъ тата-

[1]) См. «Русскую Старину», т. V, стр. 706—726.

ринъ проѣхалъ мимо моихъ въ сторонѣ моего лагеря въ Шушу, гдѣ князь Мадатовъ тогда находился; о чемъ постороннимъ образомъ узнавъ, вытребовалъ его къ себѣ. Онъ сначала отвѣчалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ никакого порученія отъ Аббасъ-Мирзы, у котораго въ лагерѣ нѣсколько дней былъ, и хотя я стращалъ, что если онъ не скажетъ правду, а я послѣ узнаю, то сковавъ его пошлю въ Тифлисъ, но онъ остался въ запирательствѣ, да на другой день, видно побоясь моихъ угрозъ, пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что Аббасъ-Мирза поручилъ ему словесно сказать, что онъ хотѣлъ бы размѣнъ плѣнныхъ сдѣлать. Я это писалъ къ генералу Ермолову, говоря что онъ вѣроятно это знаетъ, ибо князь Мадатовъ держалъ его болѣе 4-хъ дней въ Шушѣ, также жаловался на таковые поступки его и на дурное управленіе.

21-го октября. Наконецъ, весь мой штабъ пріѣхалъ; они увѣдомили меня, что хотя другіе чиновники и были посылаемы въ отрядъ генерала Ермолова, расположенный на Гассан-су, они же остановлены были въ Тифлисѣ подъ предлогомъ невѣрности дорогъ. Генералъ Ермоловъ также отвѣчалъ въ письмѣ, что посластъ мнѣ мой штабъ, но что прежде не могъ сего сдѣлать, потому что сообщенія были весьма затруднительны, хотя я въ продолженіе всего времени получалъ письма и пакеты.

26-го октября. Въ походѣ моемъ чрезъ Аракс и обратно ничего замѣчательнаго не случилось, выключая что я замѣтилъ, что войска наши не привыкли драться въ горахъ.

2-го ноября. Я получилъ отъ генералъ-лейтенанта Вельяминова рапортъ, что по моимъ представленіямъ генералъ Ермоловъ приказалъ ему послать провіантъ и повозокъ, и что онъ отправляетъ 62 пароволовыхъ подводы и 248 четвертей на нихъ положенной муки— говоря, что болѣе не могъ собрать. Это ровно на три дня продовольствія на войска. Какая малость, это на смѣхъ сдѣлано, чтобы остановить совершенно мои предпріятія. Можно ли думать, чтобы нельзя болѣе достать повозокъ въ Грузіи и то небольшихъ арбъ сей земли, которыя подымаютъ до 8 четвертей въ четыре вола, а маленькія повозки, которыя совершенно никуда негодны, что я знаю по Молдавіи, и которые генералъ Ермоловъ возобновилъ здѣсь — я теперь узналъ, что болѣе 1000 арбъ весьма легко можно купить въ Грузіи.

Я, боясь наскучить повтореніями объ одномъ и томъ же предметѣ, многое не помѣстилъ здѣсь. Словомъ, недоброе желаніе къ общему благу я встрѣчалъ на каждомъ шагу. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

VII.

Паскевичъ—Дибичу.

(буквально).

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Я получилъ письмо вашего высокопревосходительства отъ 25-го числа октября; будучи на походѣ отъ Куры когда разпущены были войски: и также предположеніе на щетъ кампаніи; и записки полковника Друвиля. Не отвечалъ ибо ехалъ въ Тифлисъ, гдѣ тотъ часъ занялся соображеніемъ всехъ бумагъ и свѣденій которыхъ я здѣлалъ въ продолженіи кампаніи. Я не могъ прежде писать ибо письма и донесенія были отдаваемы въ Шуше и Тифлисе; гдѣ я весьма подозрѣвалъ чтобы не были въ скриты: при томъ-же я немогъ еще верныхъ свѣденій: получилъ при томъ же въ конце моего пребыванія въ Лагере, письма Аббасъ-Мирзы получилъ три дни тому назадъ. Я здесь все подозреваю после манери съ которымъ со мною обходились. Я былъ окруженъ шпіонами: нерасположеніе главнаго начальника разпространилось на его подчиненныхъ. По пріездѣ моемъ къ Отряду, я увидѣлъ, что я окруженъ Людьми преданными генералу Ермолову, и что онѣ не съ охотою будутъ мои приказанія исполнять; но я ихъ заставилъ.

Болѣе всехъ Лживѣе и обманчивѣе ето генералъ-лейтенантъ князъ Мадатовъ; я увѣренъ, что продовольствіе я могъ лутше имѣть естли бы усилія употребилъ: но всегда Мешалъ. При томъ же онъ весьма дурной Управляющій: и въ распоряженіяхъ своихъ способностей не имѣетъ, а только храбрый Гусаръ. Онъ ненавидимъ въ Провинціи; онѣ вообще ему приписываютъ удаленіе Хановъ, самыми непростительными средствами. Прочтите Урлуханова показанія: я со многими говорилъ онѣ подтверждаютъ. Я писалъ къ генералъ Ермолову, что онъ неспособенъ, Ермоловъ отвѣчалъ, что никто не знаетъ такъ хорошо етого края какъ онъ: и не только не хотѣлъ объ немъ объясниться: но разпустивши мой отрядъ его назначилъ командиромъ и къ войскамъ оставшимся прибавилъ другіе. Генералъ-маіоръ Вельяминовъ его потдерживалъ онѣ всѣ другъ друга потдерживаютъ: и ничего нѣтъ труднѣе какъ узнать истинну. Въ продолженіи Компаніи я не могъ получить довольное число повозокъ, отчего дальше не пошелъ: въ протчемъ все ястно объяснилъ въ рапорте моемъ Государю Императору. Прошу Вашего Высокопревосходительства: не взять въ дурное, что есть нѣкоторые противурѣчія между моимъ поведеніемъ съ нѣкоторыми людьми, и что послѣ я про нихъ говорю, но ето отъ того, что я объ нихъ не зналъ и послѣ уже получилъ объ нихъ свѣденія. Я боюсь что урокъ нынѣшней компаніи о системѣ раздроб-

леній не остался и на будущего: по крайней мере я не вижу приказаній озборе войскъ по полкамъ или артиллерійскимъ ротамъ: но вместо того все по прежнему остается, и вместо того чтобы при разпущеніи моего отряда соединить елико возможно полкъ къ полку: онъ оставилъ съ трехъ полковъ по баталіонамъ, а на двѣ роты оныхъ полковъ и 1 бат. Херсонскаго отпустилъ на квартиры, также и съ артиллеріею здѣлалъ; вместо того чтобы оставить цѣлую батарею 12 орудій онъ оставилъ по два и по четыре орудія другихъ ротъ; когда же оные успѣютъ получить Амуницію въ которой онѣ до того нуждаются, что совершенно въ самомъ дурномъ положеніи находятся; вообразите компанія начнется; а имъ должно будетъ двигаться безъ сапогъ, рубашекъ и шинели, у многихъ четвертый годъ донашиваютъ. Я предписалъ начальникамъ имъ доставить: но какъ прежде не подумало, что ето нужно будетъ.

По всѣмъ симъ причинамъ ваше высокопревосходительство видите, что мнѣ нельзя остаться съ генераломъ Ермоловымъ. Я и такъ здѣлался болѣнъ будучи безпрестанно имъ огорчаемъ. Но и для самой пользы службы мнѣ нельзя остаться: онъ будетъ мешать всемъ моимъ операціямъ, подвозу жизненныхъ припасовъ во время не будетъ, какъ то было нынѣшней Компаніи; отъ чего всѣ военныя дѣйствія могутъ остановиться. Уловки ухищренія меня приведутъ въ положеніе, что я не въ состояніи буду дѣйствовать; для пользы самой службы я не могу здѣсь остаться; заклинаю вашего высокопревосходительства пользою службы Государя Императора меня отъ сюда вызвать. Какъ Ермоловъ можетъ терпѣть кого при себѣ которой ему мѣшаетъ; онъ лутчи всѣ нарушитъ. Государь Императоръ найдетъ другова который угодитъ Генералу Ермолову: но я не могу; я думаю, что самое лутшее средство меня взять отъ сюда, ибо онъ совершенно объявилъ противу меня; и даже въ Самыхъ реляціяхъ хочетъ затмить мое имя; не упоминаетъ его; я имѣю дѣло съ самымъ злымъ и хитрымъ человѣкомъ. Не думайте чтобы я игралъ комедію: кто здѣсь останется будетъ въ весьма трудныхъ обстоятельствахъ: нужда въ провіантѣ будетъ велика; оной уже въ здорожалъ въ двое: ячменю болѣе 10,000 четвертей нѣтъ во всей Грузіи. Ето мѣсячная пропорція только для 8,000 лошадей, словомъ ничего не приготовлено; а лето должно ужасать всякаго кто въ этомъ краю будетъ. Мы теряемъ золотое время; и по отношеніи Аббасъ-Мирзе ко мнѣ; доказываетъ что онъ не хочетъ съ Ермоловымъ имѣть дѣла: ето большой знакъ его желанія къ миру. Но ето все потеряно нашимъ недѣйствіемъ.

Примите увереніе и проч. Иванъ Паскевичъ.

Декабря 11 дня, 1826 года.

Тифлисъ.

VIII.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь писать къ вашему высокопревосходительству съ адъютантомъ моимъ поручикомъ Оперманъ, о моемъ здѣсь положеніи; вчера я отправилъ черезъ почту донесеніе мое государю императору обо всемъ, что только до моего свѣдѣнія дошло о положеніи здѣшнихъ дѣлъ.

Изъ рапорта моего ваше высокопревосходительство усмотрѣть можете, какъ здѣсь дѣла идутъ; и что командованіе здѣсь такъ раздѣлено, что многіе указываютъ: но никто не отвѣчаетъ.

О себѣ имѣю честь сказать, что остаться мнѣ здѣсь, вмѣстѣ съ генераломъ Ермоловымъ, для самой службы вредно, ибо я увѣренъ, что всѣ средства будутъ употреблены для остановки во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ. Ваше высокопревосходительство сами знаете, что можно ли служить съ начальникомъ, который всякимъ случаемъ пользуется, чтобы сдѣлать непріятное подчиненному. Одно его удерживаетъ отъ прямыхъ непріятностей, это то, что я имѣю счастіе репортовать государю императору. Съ истиннымъ и проч. Иванъ Паскевичъ.

Декабря 21 дня, 1826 года.
Тифлисъ.

IX.

Ермоловъ—Дибичу.

Милостивый государь баронъ Иванъ Ивановичъ. Въ короткихъ словахъ дамъ себя выразумѣть вашему высокопревосходительству: радъ душевно, что вы ѣдете сюда и знаю сколько облегчены будутъ мои дѣйствія. Имѣю честь быть, и проч. Алексѣй Ермоловъ.

Февраля 19 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

X.

Паскевичъ—императору Николаю.

Всемилостивѣйшій Государь! Ваше императорское величество изъ приложенной при семъ записки извольте усмотрѣть дознанное мною въ первый день моего пребыванія въ Тифлисѣ; чувствуя всю важность возложеннаго на меня препорученія я не ускорю рѣшительный шагъ безъ точнаго убѣжденія, не останавливая ходъ мѣръ, могущихъ служить приготовленіемъ къ будущимъ дѣйствіямъ.

Я надѣюсь, что возможно будетъ занять еще въ мартѣ мѣсяцѣ окружности Эривана достаточнымъ авангардомъ и тѣмъ спасти тамошнихъ армянъ и способы къ продовольствію; что въ первыхъ числахъ апрѣля могутъ начаться дѣйствія со стороны Карабаха и

движеніе главныхъ силъ на поддержаніе авангарда и для совершеннаго занятія ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго; а естли въ ономъ найдется нѣсколько способовъ, то полагаю возможнымъ еще до зимняго времени овладѣть Маранпомъ, гдѣ равно какъ въ Хоѣ находится много армянъ — а можетъ и Тавризомъ. Если показываемая генераломъ Ермоловымъ довѣренность имѣетъ малѣйшее основаніе, то можетъ быть будетъ полезно для службы, чтобы я остался до начатія кампаніи; въ такомъ случаѣ, на который не смѣю еще надѣяться, полезно будетъ, чтобы первый блистательный успѣхъ далъ бы ему съ званіемъ главнокомандующаго (не прибавлю великія преимущества положенія большой дѣйствующей арміи до точнаго исполненія всего предписаннаго), нѣкоторое поощреніе. Если-же онъ нынѣ старается только обманывать, то сіе вѣрно откроется весьма скоро передъ откровенностію моихъ поступковъ.

Армянскій архимандритъ Нарзесъ принялъ высочайшій рескриптъ съ глубочайшею благодарностію, рескриптъ будетъ читанъ въ церквахъ и публикованъ на армянскомъ языкѣ; онъ ручается за вѣрность и усердіе армянскаго народа, и надѣется при благовременномъ вторженіи въ Эриванское ханство найти у тамошнихъ армянъ еще довольно запасовъ, въ чемъ и я увѣренъ.

Посланцу персидскому, пріѣхавшему сюда съ письмомъ министра ихъ иностранныхъ дѣлъ, къ графу Нессельроду, и увѣряющаго насъ, что уполномоченъ на заключеніе перемирія, полагалъ я неловкимъ отказать въ свиданіи, которое онъ просилъ. Онъ началъ говорить о истинномъ желаніи шаха заключить миръ — я ему отвѣчалъ въ увѣренности моей, что ваше величество всегда готовы согласиться на условія отвѣчающимъ наглому нарушенію мира обезпеченіемъ нашихъ границъ отъ побочныхъ дѣйствій съ должнымъ вознагражденіемъ за понесенные убытки.

Когда онъ старался оправдать ихъ дѣйствія поступками нашихъ пограничныхъ начальниковъ, по словамъ письма Аббасъ-Мирзы, при начатіи войны, то я увѣрялъ его, что конечно ваше величество не изволите даже принимать предположеніе о мирѣ, когда онъ не признаетъ совершенную вину Персіи въ наглomъ нарушеніи онаго; что, впрочемъ, письменныя сношенія по сему предмету не должны остановить ходъ военныхъ дѣйствій, и что перемиріе заключать я не въ правѣ, развѣ дадутъ въ залогъ искренняго желанія къ миру, и въ основаніе онаго, крѣпости и пространство земли, которое почту нужнымъ потребовать. Онъ сказалъ, что на сіе не имѣетъ уполномочія, а я ему повторилъ, что послѣ того не о чемъ и говорить. Симъ кончилось и свиданіе наше, которое, впрочемъ, можетъ быть будетъ еще имѣть послѣд-

ствія, судя по безпрестаннымъ увѣреніямъ его въ миролюбивыхъ видахъ шаха и о согласіи посланца, что уполномоченные могли бы трактовать и о лучшемъ устройствѣ границъ, и о могущихъ быть претензіяхъ за убытки.

Замѣчанія мои отъ Ставрополя я сегодня не успѣлъ привести въ порядокъ для представленія ихъ вашему императорскому величеству, но могу сказать, что вообще состояніе кабардинскаго пѣхотнаго полка, владикавказскаго гарнизона и въ особенности линейныхъ казачьихъ полковъ весьма удовлетворительно, а духъ войскъ и усердіе ихъ отвѣчаютъ совершенно желанію вашего величества. Съ экстрапочтою, которая отправится въ четвергъ 24-го февраля, буду имѣть счастіе представить продолженіе моихъ донесеній, ибо онѣ здѣсь въ совершенной независимости, а конвертъ вложу на имя князя Александра Николаевича Голицина. Простите государь ошибку, вкравшуюся въ послѣдней запискѣ моей: при Ставрополѣ, гдѣ я командующаго 22-й артиллерійской бригадою назвалъ Ладыжинскимъ, когда фамилія его Радожицкой. Съ вѣрноподданнѣйшею преданностью, и проч. Иванъ Паскевичъ.

Февраля 21 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XI [1]).

Дибичъ—императору Николаю.

Послѣ довольно труднаго переѣзда чрезъ кавказскія горы я пріѣхалъ сюда, въ Тифлисъ, вчерашняго числа въ два часа пополудни. Генералъ Ермоловъ, въ отвѣтъ на письмо мое изъ Владикавказа, прислалъ мнѣ при семъ письмо въ Апанеуръ; вскорѣ послѣ онаго пріі-

---

[1]) Важность и интересъ настоящихъ документовъ какъ для исторіи Россіи въ царствованіе имп. Николая Павловича, такъ въ особенности для исторіи Кавказа и жизнеописанія трехъ видныхъ дѣятелей того времени (Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ)—несомнѣнны. Для полноты укажемъ, что донесенія Ермолова, за эти годы тревогъ и оскорбленій для него, помѣщены въ II части Приложеній къ его запискамъ, помѣщеннымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи 1867 г., кн. IV, стр. 250—358. Паскевичъ отправленъ къ Ермолову 11 авг. 1826 г. О пріѣздѣ его Ермоловъ доносилъ государю 4 сентября 1826 г.; Дибичъ явился въ Тифлисъ 22 февраля 1827 г. съ обширными полномочіями, посредникомъ между Ермоловымъ и Паскевичемъ, но явнымъ недоброжелателемъ перваго: съ 25 февраля начинается сообщеніе ему обширныхъ письменныхъ объясненій со стороны Ермолова относительно плановъ войны, заготовки запасовъ и проч. Они напечатаны въ «Чтеніяхъ» 1867 г., гдѣ помѣщены и письма императора Николая къ Ермолову съ 16 декабря 1825 г., по февраль 1827 г. Увольненіе Ермолова послѣдовало 29 марта 1827 г.—оно было объявлено Дибичемъ. Ред.

ѣхалъ и адъютантъ его штабъ-ротмистръ Талызинъ, тотъ самый, который былъ въ Москвѣ, съ экипажемъ своего генерала. Я пріѣхалъ прямо къ нему на квартиру, находящуюся ближе моей у въѣзда, и былъ встрѣченъ имъ дружески съ увѣреніемъ въ совершенной своей откровенности и съ требованіемъ таковой же отъ меня. Онъ притомъ изъяснялся, что онъ не знаетъ, почему полагаютъ меня съ нимъ непріятелями, ибо мы нигдѣ не встрѣчались въ короткихъ сношеніяхъ и не могли имѣть къ тому причинъ; но что онъ увѣренъ въ моей справедливости и желалъ бы имѣть меня своимъ судьею даже и тогда, когда бы я не былъ начальникомъ главнаго штаба. Я со своей стороны увѣрилъ его, что и я столько же не постигаю, почему бы могли считать насъ непріятелями, и что руководствуясь всегда по службѣ одною лишь справедливостію и откровенностію, я съ сими же правилами буду дѣйствовать въ дѣлѣ порученномъ мнѣ высочайшею волею. Послѣ сихъ первыхъ объясненій я объявилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ главныя причины, по коимъ ваше величество должны по прежнимъ дѣйствіямъ сомнѣваться, чтобы успѣхи могли быть столь быстры и рѣшительны, какъ сего требуетъ воля ваша и важность общихъ дѣлъ. На сіе генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ признаетъ себя нынѣ виновнымъ, что послѣ елизаветпольскаго сраженія не рѣшился идти къ Таврису; но не видя въ персидскихъ войскахъ весьма значительной потери ни въ людяхъ, ни въ артиллеріи, онъ не могъ полагать, чтобы ихъ разстройство было столь велико и ожидалъ, что Шахъ подкрѣпитъ на Аракѣ Аббасъ-Мирзу, и посему не считалъ выгоднымъ переправиться чрезъ Араксъ до прибытія новыхъ подкрѣпленій, не усмиривъ прежде Ширвана, Щеки и Чарцовъ. На счетъ же пріуготовленія продовольствія, нашелъ онъ большія затрудненія въ совершенномъ разстройствѣ Карабаха и Ширвана, и что по сему и по недостатку подножнаго корма для кавалеріи въ зимнее время, не могъ рѣшиться на зимнюю кампанію, когда уже удостовѣрился въ совершенномъ разстройствѣ Персіи; но признается, что онъ ошибся въ первоначальныхъ сужденіяхъ своихъ о состояніи персидской арміи; что онъ къ первымъ числамъ апрѣля надѣется имѣть на два мѣсяца провіанта и достаточные способы къ подвозу (о чемъ покажетъ мнѣ подробныя вѣдомости, какъ и вообще о всѣхъ своихъ пріуготовленіяхъ и распоряженіяхъ); что къ тому же времени подвинетъ передовыя войска къ границамъ, поддерживая ихъ главными силами; и что онъ ручается головою, что сходно повелѣніямъ вашего величества займетъ все пространство ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго до Аракса прежде знойнаго времени; регулярную же кавалерію, по невозможности имѣть въ здѣшнемъ краѣ овса и даже ячменя, пола-

гаетъ держать болѣе въ резервѣ и придвинуть оную только въ маѣ мѣсяцѣ, когда уже наступитъ хорошее травяное продовольствіе. Я ему представилъ, что по позднему сбору войскъ непріятель не только соберетъ больше силъ, но, что всего важнѣе, разоритъ всѣ способы, находящіеся до сихъ поръ въ селеніяхъ армянскихъ и прочихъ Эриванскаго ханства; что посему я полагалъ бы занять сардарство Эриванское хотя частію войскъ, съ открытіемъ травы которая вѣроятно покажется даже въ первыхъ числахъ марта (ибо здѣсь до сихъ поръ ни малѣйшей нѣтъ еще зелени при весьма жаркихъ дняхъ); и что я не предложилъ бы таковой мѣры частнаго дѣйствія противъ другаго непріятеля, но что опыты всѣхъ кампаній противъ персіянъ и въ особенности послѣдней, должны насъ вести къ заключенію, что опасаться намъ должно не отъ ихъ оружія, но отъ голода. Генералъ Ермоловъ на сіе согласился, но просилъ меня обо всемъ рѣшительно условиться, когда мнѣ покажетъ всѣ средства, какія онъ имѣетъ и полагаетъ имѣть.

Говоря на счетъ сношеній съ генераломъ Паскевичемъ, генералъ Ермоловъ старался отклонить сей предметъ, но наконецъ говорилъ, что Паскевичъ кажется ему характера не довольно твердаго и подъ вліяніемъ другихъ, ибо не всегда ровно съ нимъ обходится; что онъ, какъ полагаетъ г. Ермоловъ, надѣялся послѣ него командовать; но онъ, г. Ермоловъ, привыкнувъ исполнять высочайшую волю, не могъ рѣшиться при пріѣздѣ г. Паскевича сказаться больнымъ, какъ бы можетъ быть сдѣлали на его мѣстѣ другіе; что послѣ генералъ Паскевичъ сталъ требовать отъ него всѣ бумаги и приказы, которые онъ отдаетъ, и отвергнулъ предложеніе его, чтобы сообщать оные отъ дежурства Ермолова дежурному штабъ-офицеру Паскевича; и что онъ, Ермоловъ, не почелъ себя въ обязанности давать ему отчетъ въ бумагахъ по управительной части. Я ему на сіе сказалъ, что ваше величество зная г. Паскевича еще болѣе, нежели мнѣ онъ извѣстенъ, изволили препоручить мнѣ ручаться за него, что при деликатномъ обхожденіи онъ будетъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ. Генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ повторяетъ, что радъ моему пріѣзду, надѣясь, что я разграничу отношенія долженствующія быть между ними съ учрежденіемъ новыхъ штабовъ, и увѣренъ, что устрою такъ, что будетъ безобидно для званія его.

Послѣ сего предварительнаго съ генераломъ Ермоловымъ (разговора), отправился я въ свою квартиру, гдѣ нашелъ караулъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка въ отличномъ порядкѣ; тутъ же были Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ и весь генералитетъ съ штабъ и оберъ-офицерами здѣшняго гарнизона. Послѣ первыхъ привѣтствій съ собранными

офицерами, въ коихъ я нашелъ, сколько по виду судить можно, лица довольныя и совершенное приличіе, отпустивъ ихъ и потомъ прочихъ собравшихся, остался наединѣ съ генераломъ Паскевичемъ. Объявивъ ему порученное вашимъ величествомъ, что онъ принялъ съ извѣстными вамъ чувствами, онъ повторилъ мнѣ, при вопросѣ о полученіи послѣдняго моего письма, о невозможности ему служить съ генераломъ Ермоловымъ; что повторя при дружескихъ моихъ вопросахъ о дѣйствительности всѣхъ причинъ, сначала ими огорчился, но потомъ съ благородностію уважилъ мои резоны, оставаясь однакоже непоколебимымъ и увѣряя меня, что я точно чрезъ недѣлю раздѣлю непремѣнно его мнѣніе на счетъ фальшивости генерала Ермолова и неспособности, которую онъ показывалъ и показываетъ какъ при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками и въ краѣ здѣшнемъ.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й говорилъ мнѣ въ томъ же смыслѣ, однакожъ полагаетъ, что генералъ Ермоловъ теперь можетъ дѣйствовать по предписанному плану, но что общее мнѣніе противъ его никакъ не позволяетъ оставить его начальникомъ здѣшняго края.

Флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій, неоправдывая бездѣйствія генерала Ермолова послѣ Елисаветпольскаго дѣла, увѣряетъ, что онъ убѣжденъ, что примиреніе между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ невозможно; но что въ семъ не причиною вражда перваго противъ послѣдняго, но болѣе чрезвычайная чувствительность генерала Паскевича и хитрое дѣйствіе одного поручика изъ армянъ, служащаго у г. Паскевича переводчикомъ, по личной враждѣ сего армянина къ генералъ-лейтенанту князю Мадатову. Я спрашивалъ у князя Долгорукаго (который отдаетъ полную справедливость достоинствамъ генерала Паскевича и, какъ мнѣ казалось, судитъ о вещахъ безпристрастно) о злоупотребленіяхъ здѣшняго края. Онъ полагаетъ ихъ существующими, но увеличенными; также спрашивалъ насчетъ неосторожныхъ разговоровъ генерала Ермолова, о коихъ бывали слухи. О семъ послѣднемъ онъ рѣшительно увѣряетъ, что не только таковыхъ никогда не слыхалъ, но напротивъ замѣтилъ, что генералъ Ермоловъ старается разсказывать доходящіе здѣсь часто изъ Санктпетербурга выгодные слухи и анекдоты.

Флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридрихсъ находится еще въ Баку, но я надѣюсь, что онъ въ скоромъ времени воротится по окончаніи слѣдствія, въ которомъ онъ полковника Розена нашелъ совершенно невиннымъ.

Я нынѣ еще не могу насчетъ здѣшнихъ дѣлъ никакого сдѣлать заключенія; но соберу со всевозможною поспѣшностію и точностію

всѣ свѣдѣнія къ симъ предметамъ, касающіяся отъ лицъ, нѣсколько довѣріе заслуживающихъ по военной и гражданской части; съ тѣмъ вмѣстѣ всякій день буду работать съ генераломъ Ермоловымъ, дабы удостовѣриться какъ въ способахъ заготовленій всякаго рода, такъ и въ собственныхъ его видахъ и распоряженіяхъ, и надѣюсь чрезъ недѣлю, а можетъ быть и скорѣе, нѣсколько рѣшительнѣе донести вашему императорскому величеству; когда же получу точное убѣжденіе съ какой бы то стороны ни было, неумедлю дѣйствовать по точной силѣ данной мнѣ инструкціи, съ тѣмъ прибавленіемъ, въ случаѣ удаленія генерала Ермолова, которое ваше величество изволили мнѣ предоставить по письму генерала графа Толстаго, полученному мною сего числа отъ 8-го февраля. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Февраля 21 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XII.

Дибичъ—императору Николаю.

Всемилостивѣйшій Государь! Не желая пропустить нынѣшнюю экстра-почту имѣю счастіе представить вашему императорскому величеству при семъ замѣчанія мои по дорогѣ изъ Ставрополя сюда.

Здѣшнія обстоятельства для меня до сего времени не довольно ясны, чтобы сдѣлать рѣшительное заключеніе.

Нельзя не признаться, что генералъ Ермоловъ сдѣлалъ въ прошедшую кампанію ошибки весьма значительныя, но до сего времени никакъ не могу еще увѣриться, чтобы онѣ были умышлены.

Онъ показываетъ желаніе дѣйствовать въ будущей кампаніи усердно по данному плану, но я столько же не смѣю еще удостовѣриться въ истинѣ сихъ увѣреній послѣ всего того, что мнѣ говорилъ генералъ Паскевичъ.

Когда по подробнымъ вѣдомостямъ всѣхъ заготовленій всякаго рода и способовъ перевоза, кои генералъ Ермоловъ мнѣ обѣщаетъ завтра и по повѣркѣ оныхъ, могу удостовѣриться въ истинѣ или не въ истинѣ всего того, что онъ мнѣ объяснилъ на словахъ, тогда только могу я сдѣлать рѣшительное заключеніе о дѣйствіяхъ его по военной части; но труднѣе будетъ раскрыть всю истину по внутреннему устройству войскъ и еще болѣе по управленію здѣшняго края.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что строгое обхожденіе генерала Ермолова съ здѣшними грузинами и армянами, и въ особенности съ дворянствомъ, возстановило многихъ противъ его, тоже какъ и въ мусульманскихъ провинціяхъ прогнаніе хановъ и строгость противъ бековъ; но вопросъ: не имѣетъ ли сіе выгоднаго вліянія на состояніе

нижняго работающаго класса, весьма различно разрѣшается лицами здѣшними, смотря по тому къ какой они принадлежатъ партіи.

Удержаніе низкихъ цѣнъ на продукты для пользы казны равномѣрно возстановило противъ него голосъ помѣщиковъ и купцовъ, и иногда кажется были приняты мѣры слишкомъ своевольныя, но всегда въ пользу казны.

Прежняя строгость его (о жестокостяхъ до сего времени не могъ еще получить ни одного доказаннаго примѣра) имѣла безъ сомнѣнія хорошее вліяніе на скорое покореніе взбунтовавшихся, и дѣйствуетъ и теперь съ пользою на умы безпокойныхъ.

Гораздо непростительнѣе снисхожденіе генерала Ермолова противъ лицъ, управляющихъ разными гражданскими дѣлами, которое по многимъ имѣющимся у меня свѣдѣніямъ оказывается весьма неограниченно.

Равномѣрно заслуживаетъ строгое порицаніе послабленіе его по экономической части полковъ и по употребленію въ работу нижнихъ воинскихъ чиновъ, хотя нельзя сказать, чтобы примѣтно было малѣйшее дурное вліяніе на дисциплину и на духъ войскъ, которыя, по всему что я до сего времени видѣлъ, кажутся ни мало не упущенными (я тутъ не говорю о фронтовой и гарнизонной службѣ, которыя конечно требуетъ прилежное занятіе).

Собравъ важнѣйшія изъ подобныхъ свѣдѣній съ нѣкоторыми доказательствами, я объяснюсь объ оном съ генераломъ Ермоловымъ со всею откровенностію, руководствуясь моею инструкціею.

Необыкновенно сухое время даетъ здѣсь нѣкоторое опасеніе на счетъ будущей жатвы и въ особенности подножнаго корма; дай Богъ, чтобы послѣ перемѣны луны имѣлось бы нѣсколько дней теплаго дождя; до сего времени нѣтъ ни малѣйшей травки. Съ вѣрноподданнической преданностью, и проч. Иванъ Дибичъ.

Февраля 23 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XIII.

Всемилостивѣйшій Государь. Ваше императорское величество изъ приложенной при семъ записки въ подробности изволите усмотрѣть мнѣніе мое насчетъ положенія здѣшняго края и причины, по которымъ я остановился рѣшиться на перемѣну въ здѣшнемъ главномъ начальствѣ. Я считаю долгомъ повторить здѣсь, что медленность въ исполненіи здѣсь происходящая, по истинному моему убѣжденію, не отъ дурной воли, но отъ привычки къ особенному ходу дѣлъ, равно какъ нѣкоторое фальшивое понятіе о силѣ непріятеля, основанное на излишней осторожности при дѣйствіяхъ, не обѣщаетъ мнѣ навѣрно

весьма дѣятельную и рѣшительную кампанію, равно какъ внутреннее убѣжденіе о способностяхъ генерала Ермолова, но что по тому же убѣжденію и по принятымъ и принимающимся мѣрамъ и имѣющимся средствамъ я навѣрно надѣюсь, что займетъ до жаркаго времени пространства до Аракса и съ начала осени овладѣетъ Таврисомъ. Генералъ же Ермоловъ мнѣ сказалъ, что за сіе ручается головою.

Упомянутая медленность и значительныя упущенія и послабленіе по гражданской части, о коихъ буду имѣть счастіе донести вашему императорскому величеству, когда соберу и сличу всѣ свѣдѣнія и объяснюсь объ оныхъ съ генераломъ Ермоловымъ, были бы достаточными поводами принять рѣшеніе и пользоваться разговоромъ генерала Ермолова о положеніи своемъ, дабы объявить ему увольненіе; но меня удержало, сверхъ причинъ въ запискѣ представленныхъ, также собственное сомнѣніе въ выборѣ замѣняющаго.

Интриги и духъ партій въ здѣшнемъ краю между жителями, особенно армянскими, превышаетъ прежнее ожиданіе мое. Перемѣна въ начальникѣ откроетъ имъ полную надежду, ибо тѣ самыя причины, кои служатъ основаніемъ разныхъ злоупотребленій отъ властолюбія генерала Ермолова и неограниченное законнымъ ходомъ послабленіе противъ чиновниковъ русскихъ, удержали тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ здѣшнихъ въ повиновеніи и страхѣ.

Генералъ Паскевичъ съ характеромъ благороднымъ, но чрезвычайно чувствительнымъ, соединяетъ недовѣрчивость страстную съ большимъ довѣріемъ къ тѣмъ, кои представляются ему водимыми подобными собственнымъ его благородными чувствами. Съ симъ характеромъ, по мнѣнію моему, можетъ подвергаться дѣйствіямъ сихъ интригъ, кои завалятъ его доносами и дѣлами тѣмъ болѣе, что нынѣшнее положеніе обратило на него взоры всѣхъ справедливыхъ и несправедливыхъ непріятелей генерала Ермолова, и что онъ никогда не управлялъ гражданскою частію. По военной части имѣетъ онъ качества отличныя, и хотя еще никогда не командовалъ отдѣльно большими силами, но я полагаю, что въ семъ отношеніи, особливо при одержанныхъ имъ въ семъ краю выгодахъ, онъ исполнитъ по желанію вашего величества, если только предубѣжденіе его противъ всѣхъ тѣхъ, кои служили ближе у генерала Ермолова, не можетъ имѣть вредное вліяніе и на военное управленіе.

Ваше императорское величество, зная гораздо ближе меня генерала Паскевича, лучше изволите рѣшить о справедливости опасеній моихъ, равно и о томъ, свойственна ли будетъ ему, какъ главному начальнику, та же предпріимчивость, которая его отличала и отличаетъ подъ начальствомъ другихъ.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ нашелъ бы въ краѣ, ему совершенно неизвѣстномъ, по управленію гражданскому подобныя затрудненія, какъ и генералъ Паскевичъ, и имѣлъ бы еще ту же невыгоду въ отношеніи военныхъ здѣшнихъ дѣйствій.

Впрочемъ я увѣренъ, что генералъ Паскевичъ,—хотя ему назначеніе другаго начальника будетъ чувствительно, ибо онъ полагалъ себя, по прежде данному ему препорученію, заступающимъ мѣсто Ермолова, но будетъ служить съ усердіемъ подъ командою графа Витгенштейна; желательно только, чтобы сношенія генераловъ Паскевича и Киселева не могли бы вредить доброму согласію.

По всѣмъ симъ уваженіямъ, всемилостивѣйшій государь, не рѣшился я и не считалъ себя въ правѣ рѣшиться перемѣнить посредственное положеніе дѣлъ безъ вѣрной надежды лучшаго.

При семъ осмѣливаюсь доложить, что въ случаѣ, когда ваше императорское величество, по вашему благоусмотрѣнію всего вышеописаннаго, нашли бы нужнымъ назначить вмѣсто генерала Ермолова сюда генералъ-фельдмаршала графа Витгенштейна, то, по мнѣнію моему, во избѣжаніе неудобствъ по гражданской части, назначеніе особеннаго главноуправляющаго Грузіею подъ главнымъ начальствомъ его могло бы быть весьма полезно, когда выборъ будетъ изъ сенаторовъ самыхъ твердыхъ и справедливыхъ.

Генералу Паскевичу можно бы въ такомъ случаѣ предложить остаться командиромъ корпуса; но я повторяю опасенія мои насчетъ сношеній съ генераломъ Киселевымъ.

Если напротивъ вашему величеству угодно будетъ, въ случаѣ удаленія генерала Ермолова, оставить здѣсь генерала Паскевича главнымъ начальникомъ, то подобное же отдѣльное назначеніе главноуправляющаго Грузіей подъ начальствомъ корпуснаго командира не могло быть соотвѣтственно важности перваго званія, и нужно будетъ тогда назначить сюда губернатора весьма отличнаго.

Предавая все сіе, основанное на истинномъ убѣжденіи моемъ, на высочайшее благоусмотрѣніе, имѣю счастіе присовокупить, что сходно съ повелѣніемъ вашего императорскаго величества оставаясь здѣсь въ ожиданіи рѣшенія высочайшаго и до смотровъ войскъ, хотя частію при будущемъ ихъ сборѣ, не упущу устроить все къ возможно лучшему ходу дѣлъ сколько моихъ силъ станетъ. Между тѣмъ въ продолженіи нѣкотораго времени надѣюсь донести вашему императорскому величеству, какой ходъ пріймутъ дѣла послѣ объясненій моихъ съ генераломъ Ермоловымъ, ибо если бы я замѣтилъ въ онныхъ противъ нынѣшняго убѣжденія моего дурное направленіе, то ни мало не остановлюсь исполнить по высочайше мнѣ ввѣренному полномочію

съ принятіемъ въ такомъ случаѣ, до высочайшаго разрѣшенія, управленія дѣлъ, почему и осмѣливаюсь просить въ случаѣ, что ваше величество по сему письму изволите оставить здѣсь генерала Ермолова, не объявить еще сію монаршую волю до полученія втораго донесенія моего, въ которомъ надѣюсь представить также болѣе подробностей о состояніи гражданскихъ дѣлъ.

Позвольте, всемилостивѣйшій государь, подвергать всемилостивѣйшему снисхожденію затруднительное мое положеніе въ краѣ мнѣ вовсе неизвѣстномъ, по которому я не могъ исполнить высочайшее мнѣ ввѣренное препорученіе такъ, какъ сего истинно желаю. Съ глубочайшею вѣрноподданнѣйшею преданностію имѣю счастіе пребывать, вѣрноподданный Иванъ Дибичъ.

Февраля 28 дня 1727 года.
Тифлисъ.

XIV.

Дибичъ — императору Николаю.

Я уже въ прежнихъ донесеніяхъ моихъ докладывалъ вашему императорскому величеству о содержаніи объясненій моихъ съ генераломъ Ермоловымъ, о признаніи его въ ошибкахъ, имъ сдѣланныхъ, особливо въ мнѣніи его о силахъ непріятеля и о распространеніи бунта между горскими народами, равномѣрно о сказанномъ мнѣ генералъ-адъютантами Паскевичемъ и Бенкендорфомъ. Стараясь, во все время пребыванія моего здѣсь, доходить до истины, сколько возможно съ должнымъ наружнымъ уваженіемъ къ главному начальству, я до сего времени сохраняю убѣжденіе, что по военной части ошибки и значительныя упущенія генерала Ермолова происходили сначала отъ неточныхъ свѣдѣній о силѣ и свойствахъ непріятеля, а потомъ отъ излишней боязни распространенія бунта въ горскихъ народахъ; и что неустройства и безпорядки по хозяйственной части войскъ происходили частью отъ послабленія по сей важной части, увеличивающагося оттого, что инспекторскіе смотры были сдѣланы, по разсѣянному положенію полковъ, однимъ бригаднымъ командиромъ, и то конечно не съ должною строгостію; частію же сіи неустройства были послѣдствіемъ безпрестаннаго употребленія войскъ на работы для разныхъ строеній по частямъ и безъ должнаго надзора, выступленія части оныхъ прямо съ работъ, въ походъ противъ непріятеля. Сей же образъ занятія войскъ увеличилъ еще существующее, и то уже по фронтовой части, на которую, однако-жъ, съ прибытія генерала Паскевича, обращается примѣтнымъ образомъ болѣе вниманія. Упущенія же дисциплины я нигдѣ не замѣтилъ. Объяснивъ обо всемъ

ономъ генералу Ермолову со всею откровенностію, я не могъ замѣтить ни въ чемъ, съ его стороны, упорства или нежеланія выполнить въ точности волю вашего императорскаго величества. При объясненіи о томъ, что отказался впослѣдствіи сообщить всѣ свѣдѣнія генералу Паскевичу, онъ отвѣчалъ мнѣ, что слова рескрипта вашего величества, „что генералъ Паскевичъ донесетъ вамъ", что онъ ему сообщитъ, служили ему руководствомъ объяснить ему о всемъ случающемся, но не полагалъ, что въ семъ заключается приказаніе сообщать ему о всѣхъ предположеніяхъ своихъ, и требовать его совѣта. Онъ впрочемъ отдавалъ справедливость способности и добрымъ намѣреніямъ генерала Паскевича; но убѣжденъ, что сей генералъ, получивъ подозрѣніе на поступки его, никогда не можетъ быть съ нимъ въ прежнемъ отношеніи.

Увѣрясь въ тщетности убѣжденій моихъ по сему предмету, осталось мнѣ еще разсмотрѣть мѣры, принятыя для будущей кампаніи. Я потребовалъ, какъ главное основаніе оныхъ, подробный отчетъ о способахъ продовольствія и перевозки. Какъ въ Карабахской и Ширванской провинціяхъ хлѣбъ доставляется большею частью отъ жителей, то получилъ до сего времени достаточныя свѣдѣнія по одной Грузіи. Они показываютъ, что генералъ Ермоловъ съ возвращенія въ Тифлисъ обратилъ на сей предметъ прилежное вниманіе, сколько обстоятельства и хлѣбородіе здѣшняго края сіе позволяетъ. Въ магазинахъ, въ Грузіи, находится и доставляется до 80 т. четвертей провіанта, изъ коихъ до 50 т. находится и доставится въ продолженіе марта и апрѣля въ три главные магазина праваго фланга: Шулавери, Лори и Тифлисъ: что составитъ 5-ти-мѣсячное продовольствіе войскъ, въ сей странѣ дѣйствующихъ; въ фуражѣ, напротивъ, есть чувствительный недостатокъ, ибо запасъ для праваго фланга не превышаетъ 16 т. четвертей ячменя, но способы здѣшняго края не могутъ снабжать достаточнымъ количествомъ, и необходимость принуждаетъ довольствоваться, большею частію, подножнымъ кормомъ. Я предложилъ употребить, по примѣру линейныхъ казачьихъ полковъ, вмѣсто ячменя просо, коего можно достать здѣсь еще отъ 8 до 10 т. четвертей. О семъ положено сдѣлать предварительную пробу. Впрочемъ, регулярная кавалерія теперь исправно продовольствуется, а до наступленія изобильнаго подножнаго корма полагается оставить таковую въ резервѣ, по невѣроятности встрѣчи значительныхъ непріятельскихъ силъ съ Аракса. Равномѣрно склонилъ я генерала Ермолова отмѣнить предположеніе, доставить бо́льшую часть ожидаемаго изъ Астрахани провіанта и овса на Шундруховскую пристань, откуда перевозъ по линіи и чрезъ кавказскія горы чрезвычайно за-

труднителенъ и дорогъ, а положено бо́льшую часть онаго обратить въ Баку, какъ пунктъ, ближайшій къ лѣтнимъ нашимъ квартирамъ, между Шушею и Нахичеваномъ, и къ будущимъ дѣйствіямъ на Таврисъ. Равно дано приказаніе о всевозможномъ стараніи перемолоть пшеницу въ муку и перепечь муку въ сухари. О семъ послѣднемъ я объявлю высочайшую волю и въ Астрахань. Для перевозки продовольственныхъ потребностей заготовлено до 2,000 арбъ, изъ коихъ каждая поднимаетъ до 50 пудъ; волы къ онымъ будутъ куплены съ наступленіемъ подножнаго корма. Въ Карабахѣ устроится подвижной магазинъ изъ 400 верблюдовъ. Запасы артиллерійскіе весьма достаточны даже для дѣятельнѣйшей кампаніи. Коммиссаріатскія вещи доставляются изъ Ставрополя; но объ оныхъ ожидаю еще отъ генералъ-лейтенанта Эммануэля подробнѣйшаго донесенія.

Соображая все сіе съ даннымъ мнѣ отъ вашего императорскаго величества наставленіемъ, я обратился къ генералу Ермолову вторично со всѣми замѣчаніями, какъ по прежнему, такъ и по нынѣшнему состоянію дѣлъ. Онъ принялъ, сколько я примѣтить могъ, съ полною готовностію исполнить высочайшую волю; почему мы положили общее предначертаніе дѣйствій военной кампаніи, которое генералъ Ермоловъ, съ симъ же фельдъегеремъ, представляетъ вашему императорскому величеству. Если по оному довольно позднее начатіе кампаніи (по причинѣ не показывающагося до сего времени подножнаго корму), не позволитъ идти до Тавриса, то генералъ Ермоловъ предполагаетъ начать осеннюю кампанію съ сентября, наступленіемъ всѣми силами отъ Нахичевана прямо на Таврисъ, и надѣюсь, что взятіе сего города покоритъ намъ весь Аджарбежанъ, и тѣмъ принудятся персіяне къ миру.

При разговорахъ о всѣхъ сихъ предположеніяхъ, и при настаиваніи, чтобы генералъ Ермоловъ объяснилъ со всею откровенностію, увѣренъ-ли онъ, что точно оныя исполнитъ, я ему, между прочимъ, говорилъ о дошедшихъ до меня слухахъ, что онъ, жалуясь на затруднительное свое положеніе, говорилъ, что чувствуетъ себя менѣе противъ прежняго способнымъ; при чемъ я присовокупилъ, что дѣло сіе слишкомъ важно, что онъ и я, отвѣчаемъ вашему величеству, если приметъ онъ дѣло, коего не чувствуетъ себя въ состояніи выполнить съ тою благородною увѣренностію въ себѣ, которая единственно можетъ служить основаніемъ военныхъ успѣховъ. Онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что чувствуетъ себя еще при прежнихъ своихъ силахъ и способности, но признается, что мысль, что онъ лишился высочайшей довѣренности—приводитъ его иногда въ нерѣшимость, и что чувствуетъ, что присутствіе генерала Паскевича, унижая его въ

глазахъ подчиненныхъ, ослабляетъ духъ и способности его. Я ему на сіе сказалъ, что удивляюсь, почему онъ, если полагалъ себя подвергнутымъ высочайшей недовѣрчивости, не адресовался къ вамъ, всемилостивѣйшій государь, съ вѣрноподданническою довѣренностію. Касательно же генерала Паскевича, я повторилъ ему убѣжденіе мое, что существующее несогласіе никогда бы не могло имѣть мѣста, если бы онъ былъ противъ него откровеннымъ. Генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, что положеніе съ самаго начала было такое, что подчиненные должны были видѣть генерала Паскевича наставникомъ его, и что при нынѣшнемъ положеніи онъ увѣренъ, что совмѣстное служеніе ихъ можетъ быть только вредно, коль скоро выѣду я изъ Грузіи; что онъ повинуется высочайшей волѣ, будетъ служить съ генераломъ Паскевичемъ и даже подъ начальствомъ его, когда указано будетъ, но считаетъ долгомъ объяснить, что сіе отнимаетъ у него духъ и способности; что онъ предвидитъ самыя вредныя послѣдствія, когда я отлучусь отсюда, и что онъ не смѣетъ просить увольненія во время войны, но полагаетъ, таковое полезнѣйшимъ, и подвергаясь оному съ вѣрноподданническою покорностію, надѣется доказать истинныя чувства свои и въ покорной гражданской жизни, о чемъ и просилъ меня довести до высочайшаго свѣдѣнія.

По сему объясненію я не полагалъ себя вправѣ принять окончательное рѣшеніе по слѣдующимъ причинамъ:

1) По смыслу данной мнѣ инструкціи, отрѣшеніе генерала Ермолова должно было послѣдовать отъ меня по совершенномъ увѣреніи въ неспособности или въ дурной волѣ его, и хотя я съ откровенностію доношу вашему императорскому величеству, что я не увѣренъ, чтобы генералъ Ермоловъ обѣщалъ блистательный успѣхъ, но полагаю, что выполнитъ предначертанный планъ; и сколь ни значительны ошибки его по военной части, и вѣроятно большія упущенія по гражданской, но не менѣе того, имя его страшно для горскихъ народовъ, что въ нынѣшнее время, мнѣ кажется, столько же уважительно, какъ и 10-ти-лѣтнее сношеніе съ разными особами въ Персіи.

2) Генералъ Ермоловъ, по настоятельному моему вопросу, не чувствуетъ ли онъ и безъ того, можетъ быть, нѣкоторое уменьшеніе силъ въ исполненіи своихъ обязанностей, повторилъ мнѣ, что онъ единственно пораженъ мыслію недовѣрчивости къ нему вашего величества, и увѣренъ, что присутствіе генерала Паскевича вредно для службы. Сіе родило во мнѣ опасеніе, чтобы удаленіе генерала Ермолова не могло быть выставлено въ видѣ, противномъ правиламъ службы, ибо секретная инструкція моя остается не всегда секретною, когда, напротивъ того, причина, по которой генералъ Ермоловъ про-

силъ удаленія, сдѣлалась бы со временемъ извѣстна. Посему рѣшился я сказать генералу Ермолову, что повторяю удивленіе мое, что онъ подобныя убѣжденія свои не представляетъ вашему императорскому величеству, когда вы изволили удостоивать его неоднократно своими рескриптами, что, впрочемъ, я донесу обо всемъ вашему величеству; что вмѣстѣ съ нимъ буду заниматься всѣми приготовленіями, надѣясь на совершенную откровенность нашихъ сношеній; и что я долженъ требовать, чтобы онъ непремѣнно сообщалъ генералу Паскевичу, какъ назначенному вашимъ величествомъ подъ нимъ командовать корпусомъ, по первоначальному, нынѣ прерванному порядку, о всякомъ распоряженіи, о которомъ для скорѣйшаго исполненія нужно дать прямое приказаніе. Генералъ Ермоловъ сказалъ, что сіе въ точности исполнитъ; повторялъ, что не опасается никакого неприличія, пока я здѣсь, и объявилъ мнѣ, что напишетъ письмо вашему величеству съ объясненіемъ своихъ чувствъ, не касаясь однако генерала Паскевича.

Что касается до сего генерала, то я долженъ отдать совершенную справедливость насчетъ откровенности и справедливости его видовъ; и хотя не могу раздѣлить мнѣніе его о причинахъ дѣйствій генерала Ермолова, кои онъ полагаетъ злонредными и упрямыми, но весьма понимаю, что въ положеніи генерала Паскевича оныя могли ему представиться въ такомъ видѣ. Генералъ Паскевичъ неоднократно мнѣ повторялъ и просилъ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что онъ никакъ не можетъ служить вмѣстѣ съ генераломъ Ермоловымъ и проситъ рѣшительно удалить его, когда я отъѣду, и сей генералъ останется командующимъ.

Представляя обо всемъ ономъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоразрѣшеніе, повторяю, что въ ожиданіи онаго я буду наблюдать за всѣми главными распоряженіями, до будущей кампаніи касающимися, и между тѣмъ буду также стараться болѣе и болѣе узнать положеніе здѣшняго края, о которомъ, къ сожалѣнію, всякой день получаю весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Въ Тифлисѣ.
Февраля 28-го дня 1827 года.

XV.

Паскевичъ — императору Николаю.

Его императорскому величеству генералъ-адъютанта Паскевича рапортъ. Имѣю счастіе всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству поданные мною генералъ-адъютанту Дибичу

записки о двухъ вопросахъ, сдѣланныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ, черезъ меня, генералу-отъ-инфантеріи Ермолову, его отвѣтъ, и то, что я впослѣдствіи открылъ. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

Февраля 28 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

О 42-мъ егерскомъ полку, полковникѣ Реуттѣ, и отчего Шуша не снабжена припасами?

(Объясненія Ермолова). 42-й егерскій полкъ расположенъ былъ на границѣ въ Карабагѣ, три роты влѣво, въ горахъ, для прикрытія въ горахъ кочевыхъ народовъ; ему предписано было отходить по узнаніи силъ, которыя противъ его идутъ: полковникъ Реуттъ, вмѣсто того, чтобы собрать весь полкъ вмѣстѣ, не далъ приказанія; отчего три роты были окружены не только взбунтовавшимися карабахскими татарами, по подстреканію ихъ хана, пріѣхавшаго изъ Персіи, но съ нимъ пришло и нѣсколько персидской конницы; баталіонный же командиръ, которому было приказано присоединиться къ полку, обманутый ложными извѣстіями о малочисленности непріятеля, пошелъ впередъ аттаковать и опрокинулъ ихъ, чѣмъ потерялъ два дня; потомъ непріятель получилъ подкрѣпленіе, они дрались съ неимовѣрною храбростію, отбили первыя аттаки; но наконецъ персіяне получили еще нѣсколько въ подкрѣпленіе: были окружены и сдались, будучи сутки безъ воды, потому что баталіонный командиръ не рѣшился бросить два орудія. Есть слухи, что бывшая съ нимъ татарская конница во время дѣйствія ему измѣнила и обратилась на насъ Подполковникъ Назимовъ командовалъ сими ротами.

(Замѣчанія Паскевича). 1) 42-й егерскій полкъ, долженствующій быть непремѣнно расположеннымъ въ самой крѣпости Шушѣ, находился Карабахской провинціи, въ Чинахчи. Причиною сему имѣніе генералъ-лейтенанта князя Мадатова, ибо стоявшіе тамъ солдаты строили ему домъ, и посему въ семъ мѣстѣ поставлены.

2) Полковнику Реутту не дано было настоящихъ приказаній отходить; но сказано было такимъ образомъ, что во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна была пасть на Реутта.

3) Баталіонному командиру присоединиться къ полку не отдано было сначала рѣшительнаго приказанія, но когда подполковникъ Назимовъ получилъ приказаніе отступать, то ему бросить орудія не сказано было, хотя и знали, что по той дорогѣ нельзя провезти артиллеріи; штабъ-офицеръ, не смѣя оставить тѣ орудія, былъ чрезъ то въ горахъ отрѣзанъ.

Отчего крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ?

(Объясненія Ермолова). Крѣпость Шуша никогда не входила въ операціонный планъ, оная всегда была оставлена, ее не считали постомъ, въ которомъ держаться должно. 42-й егерскій полкъ поставленъ былъ болѣе для содержанія въ повиновеніи тотъ край, и для своего продовольствія. Если бы и входило въ разсчетъ сію крѣпость держать, то и тогда бы трудно ее снабжать запаснымъ провіантомъ, ибо въ семъ краю зерно болѣе года не держится.

Полковникъ Реуттъ, по общему соображенію генерала Ермолова, долженъ былъ отступить, но никакъ не входить въ сію крѣпость; онъ потерялъ нѣсколько дней, узнавая о числѣ непріятеля. Сіе обстоятельство заставляетъ генерала Ермолова, вопреки его желанія, дѣлать въ нынѣшнее время экспедицію, дабы дать помощь оной крѣпости.

(Замѣчанія Паскевича). 1) Крѣпость Шуша всегда составляла важный пунктъ для военныхъ операцій, и если взять съ самыхъ временъ отдаленныхъ, то она служила оплотомъ Карабага, и нѣсколько разъ персидскіе шахи сею крѣпостію остановлены были, во время браней ихъ съ ханомъ; она также соединяла бы много удобствъ если бы только сдѣланы были три дороги: къ Елисаветополю, къ Аракcу и къ Герюсамъ, и когда бы возстановили развалившіяся стѣны, то крѣпость сія была бы одна изъ непреодолимыхъ пунктовъ. 10-ть лѣтъ мира достаточно для сего было, но генералъ Ермоловъ теперь только посылалъ начальника корпуснаго штаба для снятія плана сей крѣпости.

2) Хлѣбъ въ зернѣ весьма бы легко было сохранить: ибо въ ямахъ лежитъ оный два года, а въ магазинахъ 10-ть лѣтъ.

3) Полковникъ Реуттъ, вступленіемъ въ Шушинскую крѣпость, хорошо сдѣлалъ, но если бы рѣшился отступать, какъ ему отъ генерала Ермолова наконецъ предписано было, то пострадалъ бы совершенно. Генералъ Ермоловъ не зналъ числа войскъ непріятельскихъ, хотя и было наше посольство въ Персіи; извѣстно также, что тамъ легко имѣть можно шпіоновъ, но генералъ Ермоловъ, имѣя ихъ на каждомъ шагу въ городѣ Тифлисѣ, не заблагоразсудилъ имѣть въ Таврисѣ и Тегеранѣ. Какое дурное послѣдствіе было бы, если-бъ непріятель занялъ Шушу.

4) Настоящей причины, отчего полковникъ Реуттъ не нашелъ магазиновъ, генералъ Ермоловъ не хотѣлъ объяснить государю императору по слѣдующимъ обстоятельствамъ: генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ, взявшійся продовольствовать полкъ въ 1825 году, доставляя провіантъ въ полковую штабъ-квартиру, въ Чинахчи, и полу-

чившій впередъ деньги, не выставилъ оный и въ 1826 году, отчего полковникъ Реуттъ принужденъ былъ для продовольствія полка перевезти шушинскій магазинъ въ Чинахчи. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

Какимъ образомъ сдался каспійскій баталіонъ въ Ленкоранѣ, и какъ ввѣрили команду пограничной крѣпости ненадежному офицеру, майору Ильинскому? и государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ отдать его подъ судъ.

(Объясненія Ермолова). О каспійскомъ баталіонѣ вѣрнаго извѣстія нѣтъ: оный, какъ думаетъ генералъ Ермоловъ, перевезенъ на островъ Сарру, находящійся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Ленкорана, а оттуда въ Баку; военныя суда всегда у острова Сарру находятся; изъ Астрахани есть извѣстія, что оный постъ увеличенъ судами.

Крѣпости въ Ленкоранѣ не существовало, а ретраншементъ былъ разрушенъ наводненіемъ, такъ что не только укрѣпленія снесены, но и самые солдатскіе дома. По представленію генерала Ермолова солдаты были вознаграждены, за потерю ихъ вещей, покойнымъ государемъ императоромъ.

Проходъ къ Ленкорану со стороны Персіи невозможенъ; майоръ Ильинскій потерялъ нѣсколько постовъ, будучи аттакованъ тамошними возмутившимися жителями, которыхъ ханъ талышинскій взбунтовалъ. Маіоръ Ильинскій ошибся въ томъ, что ему бы собрать вмѣстѣ баталіонъ и держаться до приходу судовъ, ибо въ ретраншементѣ онъ не могъ долго быть.

Майоръ Ильинскій казался весьма хорошій офицеръ. Онъ служилъ въ гвардіи и съ большимъ состояніемъ пріѣхалъ сюда, чтобы здѣсь служить.

(Замѣчанія Паскевича). Грузинскаго гренадерскаго полка майоръ Ильинскій назначенъ былъ телавскимъ окружнымъ начальникомъ, гдѣ онъ дѣлалъ разные поборы; наконецъ поступила жалоба отъ жителей Велисцихъ, что они черезъ переводчика Энаколопова отдали ему, Ильинскому, за спорную землю въ лихву 1,000 рублей серебромъ, въ чемъ онъ при генералѣ-отъ-инфантеріи Ермоловѣ изобличенъ самимъ тѣмъ переводчикомъ; деньги сіи, по приказанію генерала Ермолова, возвращены жителямъ, и онъ, Ильинскій, смѣненъ, а чрезъ нѣкоторое время ввѣренъ ему каспійскій морской баталіонъ, и сдѣланъ начальникомъ талышинскаго ханства, гдѣ онъ, подобными поступками, довелъ хана талышинскаго до того, что тотъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, бѣжалъ въ Персію и потомъ первый началъ возмущеніе. Отецъ его, Мустафа и самъ онъ, въ 1812 году, укрѣпясь отъ персіянъ

въ горахъ, ѣли лошадей и верблюдовъ, но не сдались персіянамъ; потомъ были они выручены генераломъ Котляревскимъ. Сіе служитъ доказательствомъ тогдашней ихъ приверженности.

Майоръ Ильинскій, хотя государь императоръ высочайше повелѣлъ отдать его подъ судъ и о таковой его императорскаго величества волѣ объявлено мною генералу Ермолову, и по сіе время не отданъ. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

XVI.

Ермоловъ — императору Николаю.

Его императорскому величеству командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса генерала-отъ-инфантеріи Ермолова рапортъ. По соображеніи мѣстныхъ способовъ и обстоятельствъ, вмѣстѣ съ начальникомъ главнаго штаба вашего императорскаго величества господиномъ генералъ-адъютантомъ барономъ Дибичемъ, составленное общее предположеніе дѣйствій имѣю счастіе всеподданнѣйше представить на высочайшее вашего императорскаго величества усмотрѣніе.

При первой возможности прохода горъ, отдѣляющихъ Эриванское ханство отъ Грузіи, полагаю, 5-го числа апрѣля, занять передовымъ отрядомъ войскъ армянской Эчмадзинской монастырь и начать устройство онаго, какъ главнаго этапнаго пункта до взятія Эривана. Отрядъ сей будетъ состоять изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 12-ти орудій артиллеріи и части казаковъ.

По возможности имѣть подножный кормъ; полагаю, что между 10-мъ и 15-мъ числъ апрѣля войска главнаго корпуса соберутся въ Шурагели. Отрядъ лѣваго фланга въ Карабагѣ соберется къ Ахуглану въ первыхъ числахъ апрѣля.

2-ая уланская дивизія и нижегородскій драгунскій полкъ остаются въ нынѣшнемъ ихъ расположеніи и соберутся, когда будетъ достаточный подножный кормъ.

О нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ казначействѣ, послѣдовавшихъ по утвержденію г-на начальника главнаго штаба вашего императорскаго величества, буду имѣть счастіе всеподданнѣйше донести.

Продовольствіе для главнаго отряда будетъ доставляться изъ лорійскаго магазина на подводахъ и вьючныхъ быкахъ, въ Грузіи собираемыхъ, и къ 1 числу апрѣля составится $^1/_4$ подвижного казеннаго транспорта.

Отрядъ лѣваго фланга, собравшійся у Ахуглана, избираетъ удобнѣйшую, чрезъ Араксъ, переправу на пространствѣ между Худаперин-

скимъ мостомъ и Асландузомъ; по усмотрѣнію начальствующаго онымъ, переходитъ весь или посылаетъ авангардъ по направленію къ Агару, дабы узнать, сколько возможно, о силѣ и намѣреніяхъ персіянъ и о способахъ продовольствія того края. Войска должны отдаляться отъ Аракса на такое разстояніе, чтобы обратная ихъ переправа не была подвержена опасности и продовольствіе было вѣрно. Однѣ обстоятельства особенно выгодныя и непредвидѣнныя, какъ-то внутреннія безпокойства, явное неповиновеніе и благонадежныя представленія начальствующихъ провинціями, могутъ рѣшить дальнѣйшее наступленіе на Агаръ и до Тавриза. Продовольствіе отряда будетъ производиться изъ шушинскаго и ахугланскаго магазиновъ посредствомъ небольшаго подвижнаго магазина. Всѣ способы отъ земли за Араксомъ, кои можно достать безъ разоренія жителей, реквизиціею или покупкою, будутъ собираемы въ укрѣпленіе, устроенное при переправѣ на лѣвомъ берегу Аракса.

Если непріятель между Тавризомъ и Араксомъ будетъ имѣть значительныя силы, тогда отрядъ лѣваго фланга устроитъ только мостовое укрѣпленіе на Араксѣ и посылаетъ за рѣку одни легкіе отряды, дабы безпокоить непріятеля и отвлечь вниманіе его отъ стороны Нахичевана.

Если бы часть непріятельскихъ войскъ хотѣла перейти Араксъ, тогда аттаковать и разбить ихъ. Если же бы, противъ всякой вѣроятности, главныя непріятельскія силы переправились чрезъ Араксъ, то отрядъ лѣваго фланга, подкрѣпленный 1-й бригадой 2-й уланской дивизіи, довольно усилится, чтобы удержаться между Шушею и Елисаветполемъ до рѣшительнаго дѣйствія главныхъ силъ въ тылъ непріятеля.

Главныя силы, при первой возможности подножнаго корма, переходятъ границу въ двухъ колоннахъ по Талынской дорогѣ и черезъ Башабарань, и при благополучной дорогѣ могутъ быть подъ Эриваномъ около 5-го мая. При сей крѣпости, въ командѣ генералъ-лейтенанта Красовскаго, останется 8-мь баталіоновъ 20-й пѣхотной дивизіи, піонеры, 20-й артиллерійской бригады рота батарейная № 1-го, и всѣ единороги прочихъ батарейныхъ ротъ и нужное число казаковъ. Небольшой изъ сихъ же войскъ отрядъ останется въ Талыни для прикрытія транспортовъ хлѣба и обезпеченія подвоза онаго изъ Карса, гдѣ можно надѣяться произвести покупку.

Главныя силы, не останавливаясь, продолжаютъ быстро маршъ къ Нахичевану, куда могутъ прибыть къ концу мая, и если что не воспрепятствуетъ, не болѣе какъ въ 30-ть дней отъ перехода чрезъ границу. 2-я бригада 2-й уланской дивизіи, нижегородскій драгунскій

полкъ и конно-артиллерійская рота № 13-й слѣдуютъ сему движенію, когда достаточно будетъ травяного продовольствія. 1-я же бригада 2-й уланской дивизіи слѣдуетъ чрезъ Карабагъ къ Нахичевану, единственно въ томъ случаѣ, когда предпринято будетъ движеніе на Тавризъ.

Если непріятель находиться будетъ прямо противъ отряда лѣваго фланга не въ томъ положеніи, чтобы можно было ожидать наступленія главныхъ силъ его на Карабагъ, то оставляя для прикрытія онаго 42-й егерской полкъ, часть казаковъ и всю иррегулярную конницу, прочія войска, состоящія изъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, 41-го егерскаго полка, 8-ми орудій и полка казаковъ, идутъ чрезъ Гермусы и Карабагу къ Нахичевану, разсчитывая прибытіе туда въ одно время съ авангардомъ главныхъ силъ, но отнюдь не прежде. По соединеніи въ Нахичеванѣ, тотчасъ приступлено будетъ къ изысканію и собранію всѣхъ способовъ для устроенія переправы чрезъ Араксъ.

Главныя силы, дошедши до Нахичевана, смотря по удобности времени, буде зной еще не слишкомъ великъ, подножный кормъ достаточенъ и продовольствіе можетъ быть исправнымъ, идутъ на Тавризъ, которымъ овладѣвъ и расположа въ немъ сильный гарнизонъ, прочія войска располагаютъ въ мѣстахъ, менѣе подверженныхъ зною и для продовольствія удобнѣйшихъ.

Но если, напротивъ, знойное время, точное извѣстіе о недостаткѣ подножнаго корма и продовольствія могли бы движеніе на Тавризъ сдѣлать неудобнымъ, то главныя силы, учредивъ тотчасъ укрѣпленные посты на Араксѣ и занявъ достаточно Нахичеванъ, расположатся въ горахъ между Нахичеваномъ и Шушею, а отрядъ лѣваго фланга, или въ Агарѣ, буде оный до того занятъ будетъ, или же на лѣвомъ флангѣ главныхъ силъ на лѣвомъ же берегу Аракса, смотря по обстоятельствамъ. Генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

28 февраля 1827 года.
Тифлисъ.

XVII.

Ермоловъ—Потапову.

Командира кавказскаго отдѣльнаго корпуса въ Тифлисѣ, 3-го марта 1827 г. № 1,579. Дежурному генералу главнаго штаба его императорскаго величества господину генералъ-адъютанту и кавалеру Потапову. Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству всеподданнѣйшее мое письмо на имя государя императора; покорнѣйше прошу представить оное его императорскому величеству, по полученіи почтить меня увѣдомленіемъ. Генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

XVIII.

Ермоловъ—императору Николаю.

Ваше императорское величество. Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность вашего императорскаго величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить ваше величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности вашего императорскаго величества поставилъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается той мыслію, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь!

Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однако же просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми; но устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить вашему императорскому величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общею, которая всегда была главною цѣлію моихъ дѣйствій. Вашего императорскаго величества вѣрноподданный генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

3 марта 1827 года.
Тифлисъ.

XIX.

Дибичъ—императору Николаю.

Всемилостивѣйшій государь. Изъ приложенной при семъ записки ваше императорское величество изволите усмотрѣть послѣднія объясненія мои съ генераломъ Ермоловымъ; онѣ не могутъ служить ни къ какой перемѣнѣ мнѣнія моего, представленнаго вашему величеству 28-го февраля чрезъ фельдъегеря Иностранцева.

Я въ самомъ непродолжительномъ времени надѣюсь представить вашему императорскому величеству, чрезъ нарочнаго, соображенія мои о предположеніи для дѣйствій послѣ овладѣнія края до Аракса и также на тотъ случай, если послѣ взятія Тавриса персіяне не согласились бы на предполагаемыя вашимъ величествомъ условія. Я сіе соображеніе буду имѣть счастіе представить съ мнѣніемъ генерала Ермолова по тому же предмету. Съ тѣмъ же нарочнымъ надѣюсь пред-

ставить вашему императорскому величеству хотя частію отвѣты генерала Ермолова на отданныя ему сегодня записки.

Прибытіе флигель-адъютанта Адлерберга даетъ мнѣ, наконецъ, по военной части помощника вѣрнаго и совершенно безпристрастнаго, въ чемъ до сего времени имѣлъ я истинную надобность. Съ истиною и проч. вѣрноподданный Иванъ Дибичъ.

5 марта 1827 года.

Тифлисъ.

XX.

Дибичъ императору Николаю.

Послѣ отправленія донесенія моего отъ 28-го февраля, погода продолжается здѣсь все сухая и надежда на скорое появленіе подножнаго корма достаточнаго, дѣлается, можетъ быть, еще до начала будущаго мѣсяца сомнительною; впрочемъ и теперь небо обложено облаками и погода теплая.

Изъ послѣдняго письма моего къ графу Толстому, ваше императорское величество изволили увидѣть, что я при отправленіи послѣдней экстра-почты сомнѣвался въ томъ, что генералъ Ермоловъ отправилъ письмо къ вашему величеству и что въ семъ подозрѣвалъ явное нечистосердечіе. Онъ мнѣ послѣ сказалъ, что отправилъ письмо по той же почтѣ, вложивъ оное въ конвертъ на имя дежурнаго генерала.

При объясненіи по сему случаю, онъ повторилъ, что ни ему съ генераломъ Паскевичемъ, ни генералу Паскевичу съ нимъ служить нельзя. Объясненіе касалось вновь до причинъ неудовольствія между ими. Я просилъ его сказать мнѣ откровенно, въ чемъ считаетъ себя виновнымъ и правымъ, и еще разъ повторилъ ему пункты, по которымъ генералъ Паскевичъ полагалъ личное недоброжелательство къ нему генерала Ермолова, не касаясь до военныхъ дѣйствій. Генералъ Ермоловъ хотя принялъ сіе съ примѣтнымъ огорченіемъ, не менѣе того просилъ о продолженіи объясненій и далъ мнѣ слѣдующіе отвѣты:

1) Что удержаніе дежурнаго штабъ-офицера и адъютантовъ генерала Паскевича въ Тифлисѣ, которое онъ полагаетъ личностью и намѣреніемъ лишить его всякаго вѣрнаго помощника, было простое послѣдствіе затрудненія въ конвоѣ, которое въ то время, по употребленіи всѣхъ войскъ и по общему бунту татарскихъ дистанцій, было столь велико, что даже адъютантъ генералъ-лейтенанта князя Мадатова, посыланный съ извѣстіемъ о елисаветпольскомъ сраженіи, не могъ проѣхать прямою дорогою, а въ сопровожденіи одного только

мусульманскаго чиновника проѣхалъ чрезъ горы проселочными дорогами.

2) Что недостатокъ въ продовольствіи послѣ елисаветпольскаго дѣла былъ послѣдствіемъ разграбленія всего Карабага при нашествіи персіянъ; что все количество, доставленное мимо князя Мадатова армянскимъ переводчикомъ, простиралось только до 70-ти четвертей, и что впрочемъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе генералу Мадатову по представленію генерала Паскевича; но увѣренъ въ невозможности тогда устроить исправное продовольствіе.

3) Что не призвалъ онъ генерала Паскевича въ Ширванъ потому, что сей генералъ никогда не показывалъ ему подобнаго желанія, а напротивъ того, просился уже прежде за болѣзнію въ Тифлисъ, почему онъ рѣшился дать ему сіе позволеніе и временно распустить отрядъ, будучи увѣренъ съ своей стороны, что нельзя дѣйствовать большими силами за Араксъ, во-первыхъ, покорить прежде мусульманскія провинціи и горскіе народы; во-вторыхъ, по невозможности, по тѣмъ же причинамъ, имѣть тогда достаточнаго продовольствія для столь рѣшительнаго наступленія въ провинціи, уже разоренныя двукратнымъ проходомъ непріятельской арміи, чрезъ которыя, сверхъ того, пролегаютъ самыя затруднительныя и для артиллеріи почти непроходимыя дороги; и въ-третьихъ, что продовольствіе подножнымъ кормомъ въ зимнее время возможно только весьма въ малыхъ мѣстахъ, и то съ совершеннымъ изнуреніемъ лошадей.

4) Экспедицію на Муганскую степь не полагалъ онъ никогда важнымъ военнымъ дѣйствіемъ, въ каковомъ видѣ представлялъ объ оной и вашему императорскому величеству; и посему никакъ не полагалъ, чтобы таковое препорученіе, князю Мадатову сдѣланное, могло казаться для генерала Паскевича непріятнымъ.

5) На счетъ несообщенія всѣхъ бумагъ генералу Паскевичу повторилъ, что сначала приказано имъ было сообщать ему всѣ бумаги, до военной части касающіяся; но что онъ не считалъ себя въ обязанности доставлять ему такія бумаги, кои касались до распоряженій по ввѣренному ему краю, каковаго мнѣнія своего не перемѣнилъ и тогда, когда генералъ Паскевичъ требовалъ оныхъ для составленія своихъ донесеній вашему величеству, будучи увѣренъ, что пока ваше величество оставляете его главнымъ начальникомъ, то конечно требуете сихъ донесеній отъ него, и не изволите препоручать требовать таковыя отъ него оффиціально подчиненному, хотя весьма разумѣетъ, что при нѣкоторой недовѣрчивости могутъ доставляться таковыя довѣренною особою секретно. Генералъ Ермоловъ при семъ послѣднемъ объясненіи былъ чрезвычайно тронутъ, и прибавилъ, что уже

доходили до свѣдѣнія его открыто отзывы противъ него генерала Паскевича, хотя онъ долженъ былъ почитать въ немъ непосредственнаго своего начальника, пока его не перемѣнитъ высочайшая воля его императорскаго величества. Наиболѣе же огорчилъ его отзывъ генерала Паскевича противъ генералъ-лейтенанта Эристова и нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, что хотя по безпорядкамъ, найденнымъ имъ въ обмундированіи полковъ (въ коихъ генералъ Ермоловъ увѣренъ, что подробное изслѣдованіе откроетъ только нѣкоторое упущеніе по части коммиссаріата и послѣдствія чрезвычайнаго и совершенно неожиданнаго сбора войскъ при вторженіи непріятеля), слѣдовало бы предать ихъ суду, но что онъ представляетъ вашему величеству о прощеніи ихъ; каковымъ отзывомъ генералъ Паскевичъ, по мнѣнію его, явно показалъ, что уже не считаетъ генерала Ермолова ихъ начальникомъ, ибо въ противномъ случаѣ таковое представленіе должно бы идти чрезъ него.

Я о семъ говорилъ съ генераломъ Паскевичемъ, который мнѣ сказалъ, что подобныя слова онъ сказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ гораздо позже, что впрочемъ, видя безпорядки, могъ легко сіе сказать въ огорченіи, въ чемъ и я согласенъ. На другой же день подалъ мнѣ генералъ Паскевичъ записку, прилагаемую при семъ въ оригиналѣ. Представляя таковую вашему императорскому величеству, я съ моей стороны остаюсь при мнѣніи моемъ, что всякій инспекторъ имѣетъ право сказать подчиненному, что онъ о безпорядкахъ представитъ вашему императорскому величеству, но что лучше бы было не говорить, что представитъ о прощеніи, хотя весьма понимаю, что подобныя слова были сказаны совершенно не въ томъ видѣ, чтобы тѣмъ увѣрить въ ничтожествѣ нынѣшняго начальства.

Послѣ послѣдняго моего донесенія ходъ дѣлъ продолжается здѣсь попрежнему. Генералъ Ермоловъ показываетъ совершенную готовность исполнить въ точности волю вашего императорскаго величества. Позднее явленіе подножнаго корма внушаетъ ему нѣсколько опасенія, но онъ надѣется навѣрное, что сіе не можетъ перемѣнить предначертаннаго плана, въ которомъ онъ сіе также принялъ въ соображеніе.

По собраніи свѣдѣній о нѣсколькихъ довольно важныхъ злоупотребленіяхъ, въ коихъ винятъ здѣшнее начальство въ явномъ послабленіи противъ подчиненныхъ, я, составивъ краткую записку о таковыхъ, сегодня отдалъ оную генералу Ермолову, послѣ обыкновенныхъ соглашеній по военной части, прося его при первомъ свиданіи объясниться объ оныхъ. При семъ говорилъ ему о слухѣ, дошедшемъ до меня, что будто генералъ-майоръ Вельяминовъ, въ экспедиціи

въ Имеретіи, выдержалъ казачьяго офицера, связаннаго, на солнцѣ такъ, что сей умеръ послѣ отъ горячки, и что дѣло сіе было утаено. Генералъ Ермоловъ, принявъ сіе съ негодованіемъ, сказалъ, что ни малѣйшее, даже подобное, никогда не доходило до свѣдѣнія его, и просилъ меня подробнѣе узнать о времени и о постѣ, гдѣ говорятъ, что сіе случилось; я полагая подобное изслѣдованіе совершенно нужнымъ, приступлю къ оному и постараюсь открыть истину, еще во время пребыванія моего здѣсь.

Вслѣдъ за симъ я отдалъ генералу Ермолову мое оффиціальное увѣдомленіе о высочайшемъ выговорѣ за безчеловѣчное наказаніе татарина, объявя ему словесно содержаніе онаго; онъ мнѣ отвѣчалъ: „Я принимаю высочайшую волю съ покорностью и чувствую себя виновнымъ, но былъ увлеченъ злодѣйствомъ преступника“ (здѣсь говорятъ про него точно ужасы, что будто умерщвлялъ самымъ звѣрскимъ образомъ беременныхъ женщинъ, и тому подобное); я ему сказалъ, что никакія звѣрства не могутъ оправдать наказаніе равно неистовое; онъ съ симъ согласился, и прибавилъ, что сей случай одинъ, и что хотя его винятъ въ злодѣйствѣ и варварствѣ, но что можно взять справку по дѣламъ и сравнить число вообще смертныхъ казней во время управленія генерала Тормасова и его. Я постараюсь собрать подобныя свѣдѣнія.

По мѣрѣ какъ получу объясненія отъ генерала Ермолова на записку мою, буду имѣть счастіе доносить объ оныхъ вашему императорскому величеству, и частью уже чрезъ фельдъегеря, котораго надѣюсь отправить въ самомъ непродолжительномъ времени.

Войска занимаются здѣсь тщательно обмундированіемъ.

По возможности ускоряется перемолъ пшеницы въ муку и перепеченіе муки въ сухари, особливо по магазинамъ въ Лорахъ и Шулаверахъ. Надѣюсь, что по сей важной части прибытіе интенданта Жуковскаго, который уже 26-го февраля проѣхалъ Черкасскъ, принесетъ ощутительную пользу.

Набѣги персіянъ на нижнемъ Араксѣ малозначительны; о большихъ сборахъ ихъ еще нѣтъ никакого извѣстія.

Равномѣрно не подтверждаются до сего времени слухи о военныхъ пріуготовленіяхъ турокъ противъ персіянъ. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Апрѣля 5 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXI.

Паскевичъ — Дибичу.

Генералъ Ермоловъ упрекаетъ меня, что я говорилъ полковникамъ, государю напишу. Это слово заставило все дѣлать. Ваше высокопревосходительство.

1. Одѣвающуюся, (?)
2. люди удовлетворены,
3. нѣсколько выучены,

все это приписать надобно этому магическому слову.

Слово: къ Ермолову напишу, не имѣло бы никакого смысла, и значенія, заставило бы ихъ смѣяться, ибо генералъ Ермоловъ:

1. Опустилъ оную армію;
2. Недопуски были большіе;
3. Позволилъ ходить въ лохмотьяхъ;

то какимъ образомъ можно было мнѣ грозить тѣмъ человѣкомъ, который всѣмъ безпорядкамъ причиною.

Надобно было выше власти генерала Ермолова, которая бы заставила все это сдѣлать.

Я думалъ, что я имѣлъ эту власть, не написать, но сказать на словахъ; слова, которыя сдѣлали важнѣйшую услугу, ибо армія готова будетъ къ походу. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

Марта 4 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ И. П. ЛИПРАНДИ.

От редакціи. Представляя отрывокъ изъ записокъ г. Липранди, мы просимъ читателей не забывать, что «Русская Старина» есть не болѣе какъ сборникъ, котораго задача сохранить на своихъ страницахъ документы, имѣющіе значеніе въ новѣйшей исторіи русскаго государства или общества, или характеризующіе тѣхъ или другихъ общественныхъ дѣятелей. Такъ-называемое «Дѣло Петрашевскаго»—независимо отъ вопроса: имѣло-ли оно, по своей сущности, какое-либо значеніе—по времени своего возникновенія и по глубокому слѣду, имъ оставленному въ мѣропріятіяхъ правительства съ 1848 по 1855 годъ, имѣетъ очень важное значеніе. «Мнѣніе» г. Липранди, по собственному его изъясненію, дало этому дѣлу трагическій исходъ, и слѣдственно было исходною точкою многихъ, весьма памятныхъ распоряженій въ области народнаго просвѣщенія, относительно университетовъ, гимназій, также военно-учебныхъ заведеній, по цензурѣ и т. д. Отсюда понятно, что «Мнѣніе» г. Липранди есть уже историческій документъ, котораго не обойдетъ будущій историкъ Россіи—и мы не можемъ не быть признательными г. Липранди за его сообщеніе.

Замѣчанія, помѣщенныя въ «Мнѣніи» г. Липранди, написаны не теперь, а были включены въ оное при представленіи въ августѣ 1849 г. **Ред.**

Собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, по высочайшему повелѣнію, началось въ мартѣ 1848 года. Министру внутреннихъ дѣлъ (такъ какъ онъ первый доставилъ извѣстный литографированный листокъ, розданный въ дворянскихъ собраніяхъ нѣкоторымъ членамъ), приказано было по этому случаю снестись съ шефомъ жандармовъ, для надлежащаго разъясненія содержанія и смысла литографированной рѣчи. Вслѣдствіе чего, по обоюдному ихъ согласію, собраніе этихъ свѣдѣній было возложено на меня, и послѣдній присовокупилъ: «чтобы мои не знали во избѣжаніе столкновенія»[1]). Я согласился на при-

---

[1]) Это желаніе графа А. Ѳ. Орлова ставило меня въ крайне-неловкое положеніе въ отношеніи къ Л. В. Дубельту: съ нимъ мы были съ 1812 г. соштабниками 6-го корпуса Дохтурова, я, въ должности оберъ-квартирмейстера, а онъ—старшаго адъютанта, избраннаго начальникомъ штаба Ф. Ф. Монахинымъ (смертельно раненымъ при Бородинѣ), для занятія подъ его глазами относительно распоряженія движенія—гдѣ долженъ былъ неотмѣнно находиться и я. Съ тѣхъ поръ мы сохранили взаимное дружеское расположеніе. Находясь же въ Петер-

нятіе этого порученія, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы все то, что будетъ мною собираемо, я представлялъ записки министру внутреннихъ дѣлъ, какъ въ существѣ министру полиціи государства, и въ вѣдѣніи котораго я служилъ; такъ это и продолжалось во все время, т.-е., до 20 апрѣля 1849 г., когда приказано было мнѣ передать все дѣло Л. В. Дубельту съ четырьмя именными списками лицъ, болѣе или менѣе принадлежавшихъ къ обществу, съ отмѣтками противъ каждаго степени ихъ участія и пр., для произведенія, по усмотрѣнію шефа жандармовъ, единовременнаго ареста, безъ всякаго уже съ моей стороны участія.

Арестъ произведенъ былъ въ 6 часовъ утра, 23-го апрѣля, двадцати съ чѣмъ-то лицъ. Найденныя при этомъ нѣкоторыя бумаги вызвали учрежденіе двухъ коммиссій: одна, слѣдственная, подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Набокова; члены оной: князь П. П. Гагаринъ, князь В. А. Долгоруковъ, Я. И. Ростовцовъ и Л. В. Дубельтъ. Другая коммиссія, также въ крѣпости, для разбора громаднаго количества бумагъ (и частію книгъ), взятыхъ у арестованныхъ лицъ, и отобранія для препровожденія въ слѣдственную коммиссію тѣхъ изъ оныхъ, которыя болѣе или менѣе относились къ разсматриваемому дѣлу. Коммиссія эта находилась подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя А. Ѳ. Голицына; членами были служащіе въ III отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи тайный совѣтникъ А. А. Сагтынскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ А. К. Гедерштернъ. Отъ министерства же внут-

---

бургѣ съ 1840 года, старинная связь еще болѣе укрѣпилась; сверхъ того въ то самое время, когда послѣдовало рѣшеніе о собраніи свѣдѣній о Петрашевскомъ, года два предъ тѣмъ, и особенно въ то самое время, я ежедневно, а иногда и по два раза въ день видѣлся съ Л. В. въ III отдѣленіи, гдѣ, по высочайшему повелѣнію, содержались нѣсколько австрійскихъ раскольниковъ и на меня возложены спросы ихъ и слѣдствіе. Къ этому должно присоединить еще и то, что въ разныхъ слѣдственныхъ коммиссіяхъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, находились у меня постоянно два-три жандармскихъ штабъ-офицеровъ, проводившихъ очень часто цѣлый день. И при такой-то обстановкѣ я долженъ былъ сдерживать себя не разъ въ разговорѣ по подобнымъ дѣламъ. Вечеромъ, 20 апрѣля 1849 года, когда графъ, пригласивъ меня и Л. В. къ себѣ, передалъ высочайшую волю о прекращеніи мною дальнѣйшаго веденія дѣла, и о передачѣ его въ III отдѣленіе, для разсмотрѣнія и дальнѣйшаго распоряженія, а Л. В. Дубельту для немедленнаго исполненія и пр., послѣдній былъ пораженъ какъ громомъ: во-первыхъ, что графъ таилъ болѣе года предметъ, прямо принадлежащій III отдѣленію (здѣсь, по стекшимся обстоятельствамъ, графъ остался во всемъ безупречнымъ), а во-вторыхъ, что я, по испытанной 37-лѣтней взаимной дружбѣ, не сообщилъ ему своего порученія. Въ каретѣ я ему объяснилъ, какъ это все сложилось, и онъ сознался, что въ такихъ обстоятельствахъ поступилъ бы точно также, если бы ему объявилъ такое молчаніе мой прямой начальникъ. Къ пяти часамъ утра, все дѣло съ поясненіями было мною передано, и раннимъ утромъ, 23 апрѣля, въ одно время, послѣдовалъ арестъ. Это столкновеніе отнюдь не ослабило нашихъ взаимныхъ отношеній (несмотря на то, что были лица, искавшія пропустить между нами чорную кошку), что свидѣтельствуется значительнымъ числомъ писемъ, въ особенности же изъ его деревни, когда онъ оставилъ занимавшееся имъ мѣсто,—особенно замѣчательными и пр. И. Л.

ренныхъ дѣлъ — я. И такъ какъ для обширной канцелярской переписки не было никого, то князь А. Ѳ. поручилъ мнѣ частнымъ образомъ просить у Л. А. Перовскаго двухъ чиновниковъ, которыхъ сей послѣдній тотчасъ и приказалъ мнѣ, изъ числа находившихся при моихъ занятіяхъ, избрать двухъ; вслѣдствіе чего я и назначилъ надворнаго совѣтника И. П. Юрасова и коллежскаго ассесора П. Н. Ильюченко; сверхъ того г. министръ, узнавъ, что двѣ комнаты, назначенныя для комиссіи, были совершенно пусты, приказалъ отправить всю необходимую мебель и двухъ унтеръ-офицеровъ, болѣе надежныхъ изъ находившихся при разныхъ слѣдственныхъ и другихъ комиссіяхъ, бывшихъ въ то время подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Предъ окончаніемъ разбора взятыхъ бумагъ, предсѣдатель слѣдственной комиссіи ген.-ад. Набоковъ, съ разрѣшенія Л. А. Перовскаго, пригласилъ меня въ комиссію, гдѣ князь П. П. Гагаринъ сообщилъ мнѣ, что производство слѣдствія почти окончено, но для заключенія онаго комиссія признала не лишнимъ узнать мой взглядъ на сущность этого дѣла, какъ лица, имѣвшаго оное въ продолженіе болѣе года подъ своимъ руководствомъ и проч., и проч. Я отвѣчалъ, что готовъ исполнить желаніе комиссіи, но какъ не будучи членомъ оной, почитаю себя не въ правѣ сдѣлать это безъ разрѣшенія прямого моего начальника, министра внутреннихъ дѣлъ, что не всѣми однакоже членами было признано основательнымъ, однакоже послѣдовало о томъ отношеніе къ Л. А. Перовскому. Написанное мнѣніе представлено было мною моему начальнику, который и отправилъ оное чрезъ военнаго министра въ помянутую комиссію. Въ мнѣніи моемъ я вынужденъ былъ включить нѣкоторые какъ бы отвѣты на сдѣланные мнѣ однимъ изъ членовъ замѣчанія относительно составленія заговоровъ и проч. И. Л.

10 марта 1872.

Мнѣніе, представленное д. с. с. И. П. Липранди по требованію высочайше учрежденной комиссіи надъ злоумышленниками.

17 августа 1849 г.

....За симъ, по поводу упомянутому мною при поясненіи на донесеніе подъ № 15 [1]), считаю долгомъ войти въ нѣкоторыя подробности касательно моего взгляда на дѣло, въ продолженіе года находившееся подъ моимъ направленіемъ. Взглядъ этотъ, по новости для меня подобныхъ дѣлъ, могъ быть не вполнѣ вѣренъ; но будучи убѣжденъ въ его справедливости, я естественно основывалъ на немъ всѣ

---

[1]) Ни одно изъ лицъ, арестованныхъ по указаніямъ въ моихъ донесеніяхъ, не было мнѣ лично извѣстно, ни прежде, ни послѣ, до сихъ поръ; если я и былъ чиновникомъ министерства полиціи, и сверхъ того уполномоченный шефомъ жандармовъ, но сознаюсь откровенно, что находилъ предосудительнымъ включать то, что въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми я могъ прозрѣвать. Другой можетъ быть и исполнилъ бы это, но для меня не было силы, которая могла бы покорить мои убѣжденія. Я не былъ подготовленъ къ подобнымъ дѣйствіямъ... И. Л.

мои дѣйствія, почему и вмѣняю себѣ въ обязанность почтительнѣйше изложить теперь общее мое мнѣніе о сказанномъ дѣлѣ, съ нѣкоторою подробностію.

Во все то время, какъ я занимался наблюденіемъ по этому дѣлу, чѣмъ болѣе проникалъ я въ его подробности, тѣмъ болѣе казалось мнѣ, что оно никакъ не могло ограничиваться тѣми только данными, которыя представлялись здѣсь въ Петербургѣ, въ томъ кругѣ людей и дѣйствій, которые были непосредственно слѣдимы и наблюдаемы мною [1]), ибо:

1) Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество, даже и здѣсь, состояло изъ тѣхъ только людей, которыхъ

---

[1]) Здѣсь прежде всего полагаю необходимымъ объяснить, что не я открылъ, а еще менѣе, какъ молва говоритъ, донесъ о существованіи розыскиваемаго общества... Это происходило слѣдующимъ образомъ: въ началѣ марта 1848 года разнесся слухъ, что Петрашевскій роздалъ многимъ какую-то литографированную записку вреднаго, или по крайней мѣрѣ сомнительнаго содержанія. Получивъ приказаніе его сіятельства министра внутреннихъ дѣлъ — стараться достать экземпляръ этой записки, я не встрѣтилъ къ тому большого затрудненія, такъ какъ записка эта была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Содержаніе записки не могло не обратить вниманія г. министра, и она тотчасъ же была препровождена къ его сіятельству шефу жандармовъ, который равномѣрно усмотрѣлъ важность ея содержанія и оба они замѣтили, что это должно быть плодомъ тайнаго, обдуманнаго предначертанія. Тогда только, около 10 марта, по взаимному соглашенію ихъ сіятельствъ (гр. Л. А. Перовскаго и гр. А. Ѳ. Орлова), возложено было на меня собрать свѣдѣнія о Петрашевскомъ. И тутъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, ибо оказалось, что всѣ благомыслящіе знали Петрашевскаго за вольнодумца въ полномъ значеніи этого слова, разсказывали о немъ множество анекдотовъ и, между прочимъ, указывали на изданную имъ, подъ именемъ Кирилова, книгу (Карманный Словарь иностранныхъ словъ, входящихъ въ составъ русскаго языка. С.-Петербургъ, 1846 года и проч., и проч., первый выпускъ былъ въ 1845 году до буквы М, а второй, болѣе замѣчательный дерзостью, въ 1846 году до буквы О включительно), книгу, которая, по напечатаніи и выпускѣ въ продажу, отобрана была изъ лавокъ, подъ рукою, по распоряженію цензурнаго комитета, замѣтившаго всю преступность ея содержанія и направленія, при чемъ издатель остался безъ всякаго за то преслѣдованія, не спрошено было даже и о лицахъ, доставлявшихъ статьи, отличающіяся такими дерзостями, какія у насъ едва-ли когда бывали не только въ печати, но и въ рукописяхъ, пускаемыхъ въ общее употребленіе и т. д. Не трудно было также узнать, что у него, въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, бываютъ постоянныя, по пятницамъ, собранія, на которыхъ, по выраженію простолюдиновъ, онъ пишетъ новые законы. Тогда уже я образовалъ настоящее наблюденіе за этими собраніями, и мнѣ приказано было непремѣнно проникнуть въ нихъ путемъ введенія какого-либо благонадежнаго лица. Кто обращался съ подобными дѣлами, тотъ знаетъ съ какими затрудненіями это послѣднее со-

агентъ мой видѣлъ и слушалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго въ послѣднія шесть пятницъ. Это казалось мнѣ невозможнымъ уже потому одному, что въ тѣхъ собраніяхъ каждый разъ являлись новыя лица и притомъ изъ разговоровъ ихъ было видно, что съ ними въ большей или меньшей прикосновенности находились разные люди, которыхъ въ эти шесть пятницъ на лицо не было. Сколько же еще могло быть и такихъ, о которыхъ въ присутствіи агента не было случая упоминать? Притомъ агентъ доводилъ до свѣдѣнія о таковыхъ собраніяхъ, бывавшихъ у Плещеева, у Нагорнаго или Европеуса, у Кузмина и Бѣлецкаго и т. д. Кто независимо лицъ, видѣнныхъ агентомъ, на послѣднихъ шести собраніяхъ Петрашевскаго, бывалъ и на помянутыхъ сборищахъ—неизвѣстно, но нельзя было не заключать, что тутъ бывали и другіе, въ чемъ я тѣмъ болѣе убѣждался, что на собраніи, напримѣръ, у Бѣлецкаго агентъ мой самъ видѣлъ множество новыхъ лицъ разныхъ состояній и вѣдомствъ, которыхъ онъ у Петрашевскаго не встрѣчалъ. Это мое заключеніе согласуется совершенно и съ наставленіемъ Петрашевскаго агенту, какимъ образомъ должно составлять таковыя собранія По вскрытіи же бумагъ у арестованныхъ лицъ, обстоятельство это, по мнѣнію моему, не подлежало уже никакому сомнѣнію. Въ бумагахъ этихъ, сколько я помню, значится, что таковыя собранія были у Палѣма, Дурова и Щелкова (жившихъ вмѣстѣ) и у Монбеле.

пряжено. Тутъ недостаточно было ввести въ собраніе человѣка только благонамѣреннаго; агентъ этотъ долженъ былъ сверхъ того стоять въ уровень въ познаніяхъ съ тѣми лицами, въ кругъ которыхъ онъ долженъ былъ вступить, имѣть въ этой новой роли своей путеводителя болѣе опытнаго и наконецъ стать выше предразсудка, который въ молвѣ столь несправедливо и потому безнаказанно пятнаетъ ненавистнымъ именемъ доносчиковъ даже такихъ людей, которые, жертвуя собою въ подобныхъ дѣлахъ, даютъ возможность правительству предупреждать тѣ безпорядки, которые могли-бы послѣдовать при большей зрѣлости подобныхъ зловредныхъ обществъ. Такіе агенты за деньги не отыскиваются. Но я былъ столь счастливъ, что наконецъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ, и такимъ образомъ устроилъ постоянныя наблюденія, о которыхъ почти ежедневно, а въ послѣднее время и по нѣскольку разъ въ день доносилось, что продолжалось до 23 апр. 1849 г. Изъ сего можно усмотрѣть, что не я открылъ и не я донесъ, а мнѣ указанъ былъ предметъ, который я долженъ былъ только разузнать ближе. Не знаю, успѣлъ-ли я оправдать довѣренность помянутыхъ двухъ сановниковъ, но, по крайней мѣрѣ, я не могу себя упрекнуть въ томъ, чтобы я упустилъ что-либо изъ виду въ этомъ, для меня вовсе новомъ, порученіи первой государственной важности, требовавшей вмѣстѣ съ тѣмъ особеннаго сохраненія тайны, которая въ продолженіе болѣе года и была непроницаемою, несмотря на огромную переписку, которую я долженъ былъ вести независимо словесныхъ сношеній съ множествомъ разныхъ лицъ. И. Л.

Этотъ послѣдній обратилъ даже на себя вниманіе своего начальства, принявшаго впрочемъ оныя только за литературныя; но предметы, входившіе въ составъ преній на вечерахъ этихъ, какъ значится о томъ изъ отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Монбеле, едва-ли могутъ относиться прямо къ литературѣ, а дневникъ его и другія рукописи, сколько мнѣ казалось, ясно обнаруживали организованное общество пропаганды [1]). Что открылось въ коммиссіи по сему предмету и какое поясненіе, чистосердечное или уклончивое, могли дать ей арестованныя лица, мнѣ неизвѣстно, и я говорю здѣсь только о томъ, что для меня не тайна.

2) Въ то же время обозначилось, что люди, принадлежащіе къ наблюдаемому обществу, находились внѣ столицы, въ разныхъ провинціяхъ, и объ нихъ здѣшніе сочлены ясно говорили, что имъ поручено вездѣ стараться сѣять идеи, составляющія основу ихъ ученія, пріобрѣтать обществу соумышленниковъ и сотрудниковъ и такимъ образомъ приготовлять повсюду умы къ общему возстанію. Бумаги арестованныхъ лицъ обнаружили, что подобными миссіонерами были: въ Тамбовѣ — Кузминъ, въ Москвѣ — Плещеевъ, въ Ростовѣ — Кайдановъ, въ Сибири — Черносвитовъ, въ Ревелѣ — Тимковскій и проч. [2]). Такъ какъ общество существуетъ уже съ 1842 года, то мнѣ весьма естественно было предполагать, что подоб-

---

[1]) Здѣсь не упоминаю уже о какихъ-то женскихъ литературныхъ обществахъ, коихъ слѣды найдены въ бумагахъ Серебрякова; о двухъ кругахъ, образованныхъ въ Ревелѣ Тимковскимъ, о найденныхъ у разныхъ лицъ рѣчахъ, читанныхъ, или только приготовленныхъ къ чтенію на собраніяхъ и наконецъ о литературномъ обществѣ «Пропаганды», упоминавшемся не разъ Петрашевскимъ, о таковыхъ же обществахъ, упоминавшихся Катеневымъ и Толстовымъ и проч. Все это я полагалъ себя обязаннымъ не упускать изъ виду впослѣдствіи, на первый же разъ главное мое вниманіе было сосредоточено на обществѣ Петрашевскаго. 23 апр. арестовано было 33 человѣка (независимо другихъ 5), которыхъ агентъ мой лично самъ видѣлъ на этихъ собраніяхъ (Виттъ—учитель технологическаго института, избѣгъ этой участи). Въ донесеніяхъ же моихъ упоминается свыше ста человѣкъ, которые, по моему тогдашнему мнѣнію, болѣе или менѣе должны были сочувствовать помянутому обществу. Но степень ихъ участія въ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ не могла быть мною опредѣлена за скоростію послѣдовавшаго ареста. Впрочемъ, если можно было и тогда вникнуть въ тайны этого общества и, такъ сказать, ощупью достигнуть до нѣкоторыхъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ дѣлу, то въ настоящее время по имѣющимся фактамъ,—почерпнутымъ изъ бумагъ арестованныхъ лицъ, равно какъ изъ допросовъ, уликъ, очныхъ ставокъ и т. п., конечно дѣло это развернется въ самой удовлетворительной степени. И. Л.

[2]) Тоже можно сказать, кажется, объ Аристовѣ — въ Костромѣ. И. Л.

ныя миссіи ведутся издавна и потому идеи могли быть уже посѣяны и принести болѣе или менѣе плоды въ разныхъ мѣстахъ государства. Послѣдствія, казалось, оправдали это мое предположеніе: въ письмахъ изъ Ростова, Кайдановъ говоритъ о своей паствѣ, для которой онъ переводитъ на русскій языкъ сочиненія Видермана о соціализмѣ, на томъ основаніи: „чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка", онъ выписываетъ и читаетъ: Консидерана, Фурріе, Прудона, Люи-Блана, С-нъ Симона, Кабé, журналъ Фаланжъ, La guerre des Passions, Les trois nuits internes и т. п.; говоритъ, что „онъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурріе, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre Maître и проч.; благодаритъ (присылающихъ ему въ Ростовъ помянутыя книги) за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ его и всей здѣшней (Ростовской) небольшой паствы и пр.". Паства эта, незнающая иностранныхъ языковъ, въ такомъ городѣ какъ Ростовъ, конечно должна была состоять изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей средняго класса: уѣздныхъ чиновниковъ, а также и самыхъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. Какой ядъ долженъ былъ разливаться отъ такой закваски въ городѣ, куда на ярмарку стекаются со всѣхъ оконечностей государства? и какъ послѣ того я не могъ не подумать, что и въ другихъ мѣстахъ, особенно такихъ, гдѣ полупросвѣщеніе болѣе распространено и гдѣ знаніе иностранныхъ языковъ сильнѣе, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ, не завелись уже подобныя паствы? [1]).

3) Самая сущность общества уполномочивала меня къ заключенію, что оно необходимо должно имѣть обширныя и далеко пущенныя отрасли. По всему, что узналъ я, нельзя было, по моему мнѣнію, не видѣть, что это вовсе не какой-нибудь мелкій заговоръ, образовавшійся въ нѣсколькихъ разгоряченныхъ головахъ, съ опредѣленною мыслію исполненія какого-нибудь преступнаго дѣйствія, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Нѣкоторые изъ открытыхъ соучастниковъ, казалось мнѣ, могли быть точно заговорщиками въ изъясненномъ выше смыслѣ этого слова: у нихъ видны намѣренія дѣйствовать рѣшительно, не страшась никакого злодѣянія, лишь бы только оно могло привести къ желаемой ими цѣли. Но не всѣ были таковы. Наибольшая часть членовъ предполагали идти медленнѣе, но

[1]) Вообще всѣ письма Кайданова изъ Ростова казались мнѣ особенно замѣчательными по тому рвенію, которое онъ выказывалъ къ изученію «Апостоловъ нынѣшней западной пропаганды» и по тому восторгу, въ который онъ приходилъ отъ одного чтенія оныхъ. И. Л.

вѣрнѣе, и именно путемъ пропаганды, дѣйствующей на массы. Съ этой цѣлью, въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружать крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастія [1]); тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ: какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями Шевченки и т. д.). Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія. Для приведенія въ дѣйствіе этого плана очевидно нужны были пружины, расположенныя повсемѣстно, и я имѣлъ всѣ причины предполагать, что эти пружины уже устроиваются, а можетъ быть отчасти и устроены. Такъ, напримѣръ, для того, чтобъ пустить въ ходъ зажигательное истолкованіе десяти заповѣдей, назначенное, очевидно, для возмущенія простонародія [2]), необходимо было не только разослать эти заповѣди, но имѣть вездѣ людей, которые бы могли словесно разъяснять

---

[1]) Такъ французскіе энциклопедисты XVIII в., ослабивъ религіозныя чувства въ народѣ, приготовили революцію 1789 года. Если приготовленіе этого страшнаго переворота требовало тогда довольно долгаго времени, то единственно потому, что просвѣщеніе, или, правильнѣе сказать, грамотность не была еще достаточно распространена во Франціи. Германія же, напримѣръ, не требовала уже такого промежутка времени отъ появленія подобныхъ проповѣдниковъ до безумства, въ которое она впала въ прошломъ 1848 году. Въ настоящемъ случаѣ, казалось мнѣ, важно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь злоумышленные поджигатели мятежей видимо принимали за основаніе успѣха своихъ замысловъ разрушеніе религіозныхъ чувствъ, которыя одни еще въ силахъ бороться съ нелѣпыми, чудовищными порожденіями нынѣшнихъ зловредныхъ идей. Рѣчи: Петрашевскаго, Толя, Бѣлецкаго, Ястржембскаго и т. п.; рукописи Катенева (одна изъ таковыхъ найдена была также у кого-то изъ арестованныхъ членовъ Петрашевскаго общества); мнѣніе и возгласы Петра Григорьевича Шапошникова, Толстова и другихъ—все это служило въ моихъ глазахъ явнымъ доказательствомъ ихъ взаимнаго соглашенія въ этомъ главномъ началѣ ихъ предначертаній. И. Л.

[2]) Средства, употребляемыя обществомъ для распространенія своихъ идей, замѣчательны: члены опаго вступали въ разговоръ съ легковыми извозчиками во время переѣздовъ и усиливались направить ихъ и ожесточить противу

ихъ (обстоятельство не разъ упоминавшееся въ донесеніяхъ моихъ) и тѣмъ подстрекать массы къ волненію [1]).

4) Съ симъ вмѣстѣ, въ весьма естественной связи казался мнѣ и самый составъ общества, сколько я имѣлъ его подъ своими глазами.

помѣщиковъ и высшаго правительства. Таковыя свѣдѣнія получены изъ двухъ совершенно противоположныхъ источниковъ, которые, независимо многихъ другихъ подобныхъ же данныхъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію.

И. Л.

[1]) Слѣдуя за этимъ дѣломъ, я не могъ не принимать въ соображеніе и того, что съ нѣкотораго времени начали находить въ разныхъ губерніяхъ разбрасываемыя вреднаго содержанія записки, что между народомъ проявляются разные толки, конечно не безъ цѣли распускаемые, что поступали даже доносы и о разныхъ зловредныхъ затѣяхъ и заговорахъ (изъ коихъ одинъ, по моему мнѣнію, совпадалъ съ дѣломъ, которое я имѣлъ тогда въ рукахъ). Конечно, при первомъ взглядѣ, доносы эти могли казаться и незаслуживающими особеннаго вниманія; не менѣе того я думалъ, что они не могли-же народиться сами собою (и это я въ правѣ былъ основывать на развитіи настоящаго дѣла, къ чему послужила, вначалѣ, едва-ли многимъ замѣченная причина). Впрочемъ, въ послѣднее время нападали и на нѣсколько, въ полномъ уже смыслѣ, неблагонамѣренныхъ людей, искавшихъ распространить безпорядокъ, которые и были за то подвергнуты справедливой карѣ. Въ Вильнѣ же, Минскѣ и Лидѣ открытъ уже настоящій заговоръ, имѣющій связь, по сознанію нѣкоторыхъ лицъ, съ заграничными злоумышленниками, и въ этомъ заговорѣ участвуютъ: дворяне, мѣщане, ремесленники, солдаты, преимущественно же учителя, студенты и ученики разныхъ званій, изъ которыхъ множество подвергнуто аресту—и слѣдствіе дѣятельно продолжается, и т. п. Въ особенности поражало меня тогда, какъ и теперь поражаетъ, что здѣсь и въ другихъ городахъ молодежь и даже учащіеся въ школахъ позволяютъ себѣ разсуждать слишкомъ дерзко о предметахъ, вовсе до нихъ не относящихся и проч. Наконецъ, не могъ я не принять въ соображеніе и той ужасающей прогрессіи, въ какой въ послѣдніе годы представляется возрастающимъ число преступныхъ посягательствъ на власти въ народѣ, а также и число народныхъ бѣдствій, производящихъ въ массѣ безпокойства и волненія. Такъ, наприм.: случаевъ убійства помѣщиковъ своими крестьянами въ 1846 году было 12, а въ 1848—18. Случаевъ неповиновенія крестьянъ массами въ 1846 году было 27, а въ 1848—45 (изъ нихъ въ казенныхъ селеніяхъ въ первый годъ только 2, а въ послѣдній 4); одинаково замѣчательно также и изумительное ежегодное увеличеніе прогрессіи наказываемыхъ здѣсь въ столицѣ, въ съѣзжихъ домахъ: за грубость, буйство, неповиновеніе и т. п. дворовыхъ людей, посылаемыхъ ихъ господами. Наконецъ: пожаровъ въ 1846 году въ городахъ было 92, въ селеніяхъ 6,496, а 1848 году въ городахъ 199, въ селеніяхъ 10,312; обнаруженныхъ поджоговъ въ селеніяхъ въ 1846 году было 84, а въ 1848—102. (Обстоятельство это невольно напоминаетъ пренія въ обществѣ Петрашевскаго, о необходимости распространенія пауперизма и о средствахъ достигать того). Такое необыкновенное усиленіе несчастій было причиною особеннаго волненія въ народѣ, для успокоенія котораго отъ разныхъ властей были посланы довѣренные люди. А какими послѣдствіями можетъ

Безъ сомнѣнія не для чего иного, какъ съ цѣлію произвесть всеобщее повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званій по службѣ, но и неслужащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бываютъ большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ — рядомъ находятся некончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, казалось мнѣ, что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и, слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюдно [1]).

5) Весьма важнымъ обстоятельствомъ казалось мнѣ и то, что главную роль въ этомъ обществѣ играли наставники и воспитатели юношества, которыхъ, по испытаніи въ образѣ мыслей и въ правилахъ, старалось помѣщать повсюду. Тутъ цѣль, имѣвшаяся въ виду и послѣдствія, какія отъ того ожидались, слишкомъ очевидны, такъ что нѣтъ нужды о томъ распространяться: одинъ такой учитель ежегодно могъ приготовлять въ своихъ идеяхъ десятки, сотни молодыхъ людей, которые послѣ разсыпались во всѣ концы государства. До какой степени можетъ простираться дѣйствительный успѣхъ этого, по истинѣ, адскаго плана, я не имѣлъ ни времени, ни способовъ дознать положительно, сколько важность дѣла того требовала, но, признаюсь, одинъ только видъ такихъ задачъ, какъ, наприм., о Римской республикѣ и объ Александрѣ Невскомъ, которыя наставникъ имѣлъ духъ не только назначить воспитаннику,

---

сопровождаться подобное волненіе массъ, обнаружилось въ предпрошломъ году почти поголовнымъ движеніемъ всей Витебской губ. къ Петербургу, остановленнымъ уже на половинѣ пути подъ Порховымъ при посредствѣ благовременнаго и рѣшительнаго дѣйствія вооруженной силы,—обстоятельство, показывающее вмѣстѣ, какъ легко производить подобныя увлеченія въ толпахъ, ибо въ то же самое время такія движенія обнаружились еще въ трехъ губерніяхъ: Воронежской, Курской и Саратовской. Все это, я думалъ, не могло происходить безъ двигателя, достигающаго, хотя и различными путями, но до одной цѣли, до одного результата — безпорядка, анархіи.

И. Л.

[1]) Впослѣдствіи, какъ я слышалъ, открыто комиссіею, что была заготовлена и тайная типографія, долженствовавшая скоро начать работу и дѣйствовать, конечно, для удобства распространенія идей, а можетъ быть уже и для печатанія воззваній. И. Л.

но и потомъ возвратить съ торжественнымъ одобреніемъ Одинъ, говорю, видъ такихъ задачъ приводитъ въ невольное содраганіе, когда подумаешь, къ чему это вело и чѣмъ, рано или поздно, должно было кончиться [1]).

Наконецъ 6) Довольно было видѣть то убѣжденіе, тотъ жаръ и, можно сказать, фанатизмъ, которымъ это общество одушевлялось въ своихъ замыслахъ. Заговорщики, руководствуемые какою-нибудь частною идеею или страстью, напримѣръ: мщеніемъ, корыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и т. п., менѣе опасны: они не такъ легко могутъ сообщать другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ въ слѣдъ за собою. Въ настоящемъ дѣлѣ, конечно, я видѣлъ и такихъ, но въ большинствѣ молодыхъ людей, очевидно, какое-то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію мечтательными утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ и до сихъ поръ безпрепятственно проникали къ намъ путемъ литературы и даже самаго училищнаго преподаванія [2]).

[1]) Подобными фактами объясняются многіе и разные безпорядки, возникавшіе въ послѣдніе 10 лѣтъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ между учениками всѣхъ состояній и всѣхъ сословій. Спрашивается однако невольно: что-же имъ было дѣлать, когда нормальное умственное ихъ положеніе такъ приготовляется? Предметъ этотъ, какъ я смѣю думать, и до сихъ поръ весьма важенъ и требовалъ бы полнаго и совершенно-безпристрастнаго обслѣдованія и изложенія, чтобы показать высшему правительству настоящее положеніе этого обстоятельства и дать ему возможность, если еще есть время, излечить эту язву, заразившую въ корнѣ всѣ отрасли нашего училищнаго преподаванія, какъ о томъ будетъ сказано ниже нѣсколько подробнѣе. И. Л.

[2]) Въ бумагахъ у нѣкоторыхъ лицъ найдено было нѣсколько лекцій и даже цѣлые литографированные курсы. На меня было возложено пробѣжать нѣсколько таковыхъ, что я слегка и сдѣлалъ, представивъ замѣчанія мои г. статсъ-секретарю князю Александру Ѳедоровичу Голицыну отъ 17 мая, 17, 18 и 19 іюня. Нынѣ считаю нужнымъ сказать объ этихъ курсахъ вообще, что они представлялись мнѣ наполненными самыхъ вредныхъ, въ моемъ понятіи, правилъ, которыя какъ бы съ умысломъ разбросаны по всему ихъ тексту, иногда отъ лица самого сочинителя, а чаще въ видѣ цитатъ изъ другихъ сочиненій; правилъ, развивающихъ идеи, которыя гораздо полезнѣе было бы вовсе не знать молодымъ людямъ, пока головы ихъ не сформировались. Всего-же хуже, что правила эти, кстати и не кстати приставленныя, оставляются большею частію безъ всякой оговорки преподавателемъ и если иногда и встрѣчаются таковыя, то они такъ слабы, такъ ничтожны (а иногда и двухсмысленны), что никакъ не могутъ изгладить первоначальнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго съ тою рѣзкостію, съ какою они большею частію высказываются. Такимъ щитомъ, думалъ я, можно, пожалуй, прикрываться отъ тѣхъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понимать сущности дѣла, но ученикъ, съ жадностію слушающій преподавателя, легко проникаетъ за эту слишкомъ

Слѣпо предаваясь этимъ утопіямъ, они воображаютъ себя призванными переродить всю общественную жизнь, передѣлать все человѣчество—и готовы быть апостолами и мучениками этого несчастнаго самообольщенія. Отъ такихъ людей можно всего ожидать. Они

прозрачную завѣсу.—Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ мною курсовъ (найденныхъ въ бумагахъ Бѣлецкаго) находятся слѣдующіе отзывы о республиканскомъ правленіи: «...При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ (а объ нихъ ни слова) республика имѣетъ то особенное свойство что, несмотря на отсутствіе силы, управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ,—она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ управленіи и слѣдовательно долженъ получить образованіе, достойное этого участія. Отъ того республиканское правленіе въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. Самыя даже безпрерывныя возмущенія и междоусобныя войны, неразлучныя съ этимъ образомъ правленія, споспѣшествуютъ быстрому развитію духа». Вслѣдъ затѣмъ преподаватель укрѣпляетъ это примѣрами слѣдующимъ образомъ: «Это объясняетъ, какимъ образомъ въ небольшихъ греческихъ республикахъ искусства и науки могли достигнуть столь высокой степени совершенства, какъ мы ихъ получили и т. д.»— Въ другомъ подобномъ литографированномъ курсѣ (въ бумагахъ Филиппова) авторъ, говоря, какъ республиканское правленіе изъ Соединенныхъ Штатовъ перешло во Францію, вдается въ слѣдующія предсказанія: «Это распространеніе европейскаго духа еще продолжается и вѣроятно прекратится уже тогда, когда просвѣщеніе разольется по всему міру и такимъ образомъ соединитъ всѣ части въ одну великую государственную систему»; а далѣе, говоря о XVIII столѣтіи называетъ его, по преимуществу, временемъ революціонернымъ, потому что въ этотъ вѣкъ религія потеряла свое значеніе, что образовались республики, и выводитъ изъ того заключеніе, что «государственная система, основанная на политическомъ эгоизмѣ, не можетъ быть твердою, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ все полагается на войско, не прочно потому, что разъ войско разбито—все пропало и т. д.»—Вслѣдъ за такими блестящими и заманчивыми изображеніями преподаватель, для огражденія себя, можетъ, пожалуй, сказать, что «у насъ правленіе не республиканское, а монархическое» и при томъ прибавить нѣсколько сухихъ и оффиціальныхъ фразъ о пользѣ монархіи (чего впрочемъ я не встрѣтилъ) и т. п.—Снисходительное училищное начальство будетъ тѣмъ довольно и не привяжется къ преподавателю; но изъ учениковъ, конечно, большая часть или всѣ невольно спросятъ себя: да отчего же у насъ монархія, а не такая прекрасная и заманчивая вещь какъ республика?! Такая мысль тѣмъ естественнѣе можетъ пробудиться въ слушающихъ, когда исторія революціоннаго времени оканчивается, напримѣръ, слѣдующею вызывательною фразою: «Еще не настало время, въ которое возможно бы было дать совершенно чистое и непринужденное сужденіе о тѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ, коими ни одинъ еще періодъ всемірной исторіи не былъ такъ богатъ» — и затѣмъ предоставляется каждому произнести самому свое сужденіе!

не остановятся ни на чемъ, не затруднятся ничѣмъ, ибо, по ихъ понятіямъ, они дѣйствуютъ не для себя, а для блага всего рода человѣческаго, не для настоящей только минуты, а для вѣчности.

На сихъ главныхъ основаніяхъ, подкрѣпляемыхъ множествомъ част-

---

Приведу другой примѣръ: въ лекціяхъ, найденныхъ у Пальма, замѣчательныхъ уже тѣмъ, что въ нихъ, подъ придуманнымъ заглавіемъ «законовѣдѣніе», излагается Естественное право, встрѣчаются слѣдующія мѣста: «Самое главное свойство человѣка есть то, что онъ лицо, т.-е., существо, одаренное разумомъ и свободою.—Это свойство дѣлаетъ человѣка цѣлью для самого себя, и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ разсматривать его, какъ средство, какъ цѣль. Личность есть сознаніе самого себя, какъ существа свободно разумнаго; изъ понятія личности проистекаетъ понятіе права: я могу дѣлать все, что мнѣ угодно, потому что всякое дѣло мое будетъ слѣдствіе моей разумности. Равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода. Существуетъ одна только природа человѣческая, слѣдовательно во всѣхъ людяхъ природа одна и та же.—Это единство человѣческой природы служитъ источникомъ равенства людей между собою». Приводя затѣмъ вполнѣ мѣсто изъ Аристотеля, въ которомъ доказывается, что равенства никакъ быть не можетъ, сочинитель лекціи, вмѣсто того, чтобы поддержать это ученіе древняго мудреца, столь важное для охраненія общественнаго порядка,—рѣшительно опровергаетъ его такъ: «Но это совершенно несправедливо потому, что природа человѣческая не такъ различна, какъ душа и тѣло.—Мы сказали, что люди по природѣ всѣ равны, а слѣдовательно и рабства быть не должно.—Несправедливость рабства можно доказать и исторически, потому что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ».—Затѣмъ, продолжая разсуждать въ подобномъ духѣ о причинахъ неравенства людей, присовокупляетъ: «Третья причина неравенства людей есть феодальное и крѣпостное владѣніе: то и другое не имѣетъ нравственной необходимости и были слѣдствіемъ случайныхъ обстоятельствъ». Наконецъ вотъ и статья самого Законовѣдѣнія: «Когда законы наказываютъ преступника, то этимъ не лишаютъ его общественнаго уваженія». По такимъ образчикамъ можно судить объ общемъ духѣ преподаванія. Могутъ сказать, что я разсуждаю слишкомъ пристрастно, но таково мое убѣжденіе. — Кому говорятъ съ каѳедры, когда онъ еще не въ силахъ разсуждать самъ собою, что «равенство есть слѣдствіе единства человѣческой природы, а природа во всѣхъ людяхъ одна, что то и то не имѣетъ нравственной необходимости», а это то и то существуетъ у насъ и имѣетъ законную силу; что «лицо можетъ дѣлать все, что ему угодно и ни въ какомъ случаѣ не должно позволять разсматривать себя какъ средство; что законное наказаніе преступника не лишаетъ его общественнаго уваженія и т. д.», тому не дико будетъ впослѣдствіи чтеніе какого-либо Фурріе или Прудона, не трудно будетъ усвоить себѣ соціализмъ, коммунизмъ, а тамъ дальше и дальше. — Разительное доказательство тому представляется въ вышеупомянутомъ мною словарѣ Кирилова, гдѣ издатель имѣлъ дерзость напечатать, между безчисленнымъ множествомъ наполненныхъ ядомъ соціализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ, слѣдующія небывалыя на русскомъ языкѣ строки (на стр. 294) «Ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ все-

ныхъ наблюденій и соображеній, которыя здѣсь не мѣсто излагать подробно, я постепенно дошелъ до убѣжденія, что въ дѣлѣ этомъ скрывается зло великой важности, угрожающее кореннымъ потрясеніемъ общественному и государственному порядку [1]). Съ тѣмъ вмѣстѣ я чувствовалъ, что у меня въ рукахъ находятся только нѣкоторыя нити этого зла, и по этимъ-то нитямъ я полагалъ необходимымъ слѣдить тщательно во всѣ стороны, по всѣмъ ихъ направленіямъ и отраслямъ. Ободренный успѣхомъ первоначальныхъ дѣйствій и открытій, сдѣланныхъ мною безъ всякихъ оффиціальныхъ средствъ и пособій (къ чему впрочемъ и родъ службы моей не вполнѣ меня обязывалъ, но я имѣлъ на то разрѣшенія шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ [2]), я не сомнѣвался и въ дальнѣйшей полной благоуспѣшности дѣйствій по этому важному предмету, ведя оныя по предначертанному мною плану, а именно:

возможнымъ пиѳіямъ и пророцателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ и въ противоположность тому, являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлію водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности (подчеркнутыя слова въ подлинникѣ напечатаны курсивнымъ шрифтомъ)—съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ. Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія»... Что на это сказало бы самое хладнокровное безпристрастіе? Вообще, по моему понятію, всѣ эти курсы безъ изъятія требуютъ строгаго пересмотра людьми, не только благонамѣренными, но и спеціальными, понимающими дѣло. — Это тѣмъ болѣе необходимо, что все сказанное выше совершенно согласуется съ предположеніями Петрашевскаго, Толстова, Бѣлецкаго, Толя, Ястржембскаго и другихъ дѣйствовать чрезъ учителей на юношество.—Трое изъ упомянутыхъ выше сами уже были учителями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, военныхъ и гражданскихъ, и хвастали въ успѣхѣ своей пропаганды, а Петрашевскій и Толстовъ искали быть тѣмъ же, какъ видно изъ донесеній, сдѣланныхъ еще прежде разбора сказанныхъ курсовъ и самаго разсмотрѣнія бумагъ, вполнѣ подтвердившихъ это предположеніе. И. Л.

[1]) Можетъ быть мнѣ, повторяю, какъ новому и неопытному въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, сущность этого дѣла казалось болѣе важною, чѣмъ она показалась бы для тѣхъ, которые чаще имѣютъ возможность изучать подобныя дѣла. Но таковъ мой образъ мыслей и таково мое внутреннее убѣжденіе, вслѣдствіе котораго я не могъ позволить себѣ разсматривать это обстоятельство легче и снисходительнѣе того, какъ разсматривалъ. — Совѣсть и долгъ службы мнѣ того не позволяли, а сверхъ того, я и самъ отецъ трехъ сыновей. И. Л.

[2]) Впрочемъ, едва-ли не эта самая неоффиціальность и была главною причиною, что глубокая тайна была сохранена въ продолженіе столь долгаго времени, чего при оффиціальномъ дѣйствіи, какъ бы оно секретно ни производилось, соблюсти было бы невозможно, въ особенности, когда размѣръ собиранія свѣдѣній обнималъ такъ много лицъ. И. Л.

1. Я предполагалъ слѣдить за всѣми сношеніями здѣшнихъ членовъ по разнымъ мѣстамъ государства, въ особенности же за тѣми, которыя производятся чрезъ живыхъ эмиссаровъ, отправляющихся отсюда подъ разными предлогами въ разные города и губерніи.

2. Необходимымъ казалось мнѣ вникнуть точнѣе и обстоятельнѣе въ то вліяніе, которое пропаганда эта имѣетъ на разные классы общества, въ особенности же на воспитаніе юношества, заготовляющее въ молодомъ поколѣніи сѣмена столь опасной будущности.

3. Равнымъ образомъ, я полагалъ необходимо нужнымъ разузнать и разъяснить въ возможной точности, въ какой связи эта пропаганда состоитъ съ нашей литературой и вообще системою просвѣщенія, нынѣ у насъ существующею; при чемъ намѣреніе мое было стараться проникнуть не только въ настоящее положеніе этой гибельной язвы умовъ, но и въ тѣ причины, которыя содѣйствовали ея происхожденію у насъ и столь могущественному усиленію и распространенію [1]).

4. Не безполезнымъ казалось мнѣ обратить тщательное вниманіе на то, какія мѣста на службѣ и какое положеніе въ обществѣ занимаютъ пропагандисты: ибо симъ только могла быть опредѣлена съ достаточною вѣрностью степень ихъ силы въ настоящемъ времени,

---

[1]) Въ этомъ отношеніи между прочимъ весьма примѣчательно, что всевозможныя зловредныя сочиненія нынѣшней западной пропаганды продавались у насъ въ книжныхъ лавкахъ безнаказанно и разсылались по всему пространству государства. — Случай доставилъ мнѣ поводъ учредить наблюденіе за однимъ только книгопродавцемъ (Лури), и у него найдено 2,500 томовъ подобныхъ книгъ, и гдѣ? просто на полкахъ въ магазинѣ! Изъ корреспонденціи же его и изъ конторскихъ книгъ, взятыхъ за десять лѣтъ, видно, что всѣ эти запрещенныя книги требовались и разсылались въ знатномъ количествѣ по всему пространству государства. И это только отъ одного книгопродавца, а сколько ихъ и гораздо значительнѣйшихъ въ одномъ С.-Петербургѣ? Изъ полученныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ видно, что запрещенныя книги въ провинцію высылались прямо по почтѣ: изъ Риги и Дерпта. Сдѣланный тамъ обыскъ у книгопродавцевъ равномѣрно открылъ знатное же количество таковыхъ книгъ въ ихъ магазинахъ. Утвердительно можно сказать, что едвали не каждый изъ этихъ торговцевъ промышляетъ этимъ ядомъ, чему цензура, при существующихъ постановленіяхъ, не вправѣ противодѣйствовать.— Это одно обстоятельство, по практическому моему понятію, было достаточнымъ въ убѣжденію меня въ послѣдствіяхъ, которыхъ должно ожидать отъ подобныхъ обольстительныхъ ученій, кружащихъ головы многихъ даже положительныхъ людей, но къ несчастію подчинившихся безотчетному фанатизму, что будто бы невозможно противустать духу времени, плодъ, въ моемъ, можетъ быть и ложномъ мнѣніи, малодушія, которое было единственнымъ поводомъ всѣхъ послѣднихъ безпорядковъ въ Европѣ. **И. Л.**

равно какъ и степень вреда, приготовленнаго ими на предбудущее время [1]).

5. Съ симъ вмѣстѣ я имѣлъ въ виду собрать опытныя свѣдѣнія и о томъ, какое противуядіе можно противопоставить этому губительному злу, чтобы парализировать его разрушительныя дѣйствія.

---

[1]) Изъ бывшихъ въ Европѣ опытовъ я составилъ себѣ понятіе, что всякій заговоръ рождается въ головѣ одного или весьма немногихъ главныхъ зачинщиковъ. Они въ свои тайны посвящаютъ тоже весьма немногихъ. — Но для приведенія въ дѣйствіе своихъ преступныхъ замысловъ, сами заговорщики всегда безсильны: имъ нужна физическая сила, которая одна рѣшаетъ успѣхъ въ открытомъ противуборствѣ съ правительствомъ.—При этомъ главные двигатели заговора имѣютъ правиломъ, сами оставаясь невидимыми, искать разными путями и всегда пропагандою возбуждать всѣ классы къ негодованію на правительство, на существующій порядокъ вещей, на лица, въ которыхъ они думаютъ видѣть себѣ преграду; и такимъ образомъ, слѣдуя методически этому плану, выжидаютъ удобнаго случая, чтобы произвести безпорядокъ, къ которому сами явно приступаютъ не прежде, какъ увидя, что онъ принимаетъ характеръ серьёзный, согласно съ тою степенью, которую тщеславіе ихъ себѣ предначертало. — Впрочемъ и въ этомъ случаѣ осторожность ихъ простирается до того, что, начиная вмѣшиваться въ дѣло, они прикрываютъ въ началѣ дѣйствія своего стремленіемъ ввести, будто бы, порядокъ въ происшедшей анархіи, ими же подъ рукой произведенной и раздуваемой: такимъ образомъ, вступивъ на поприще, измѣряютъ средства и силы свои и тогда уже явно обнаруживаютъ себя, когда находятъ шансы къ противоборству съ законнымъ правительствомъ. — Итакъ, сами заговорщики не производятъ гласнаго всеобщаго безпорядка, а имъ нужна подготовленная, какъ сказано, разными путями физическая сила, которую составляетъ низшій классъ, въ большихъ городахъ, или вообще чернь; эти массы негодяевъ вездѣ одинаковы и всегда болѣе или менѣе готовы къ произведенію буйства съ цѣлію грабежа, наживы, личнаго мщенія и даже съ одною мыслію воспользоваться и насладиться, хотя минутнымъ только безначаліемъ. — По принятому въ Европѣ какому-то, для меня рѣшительно непонятному правилу, настоящіе двигатели этихъ массъ, если они сами не захвачены на самомъ мѣстѣ кровопролитія, оставляются ненаказанными, хотя они и были главнымъ орудіемъ безпорядка, совершеннаго массами. — Ихъ извиняютъ тѣмъ что они завлекали другихъ — сами бывъ увлечены ложными убѣжденіями, фанатизмомъ молодости, страстями, обстоятельствами жизни и т. п. Но если это такъ, то какимъ же образомъ отнять возможность къ посѣянію въ массахъ вредныхъ сѣменъ, которыя рано или поздно, но неотмѣнно должны дать плодъ и произвести безпорядокъ? Я всегда думалъ и теперь увѣренъ, что разгонять всѣми мѣрами скопляющуюся грозу, прежде чѣмъ она успѣетъ разразиться, есть единственное средство отвратить пагубныя ея послѣдствія.— Этому-то убѣжденію слѣдуя, я почиталъ себя въ обязанности слѣдить всѣ нити порученнаго моему наблюденію дѣла, какъ бы они при первомъ взглядѣ ни представлялись ничтожными и незаслуживающими вниманія, ибо только эти нити, взятыя всѣ вмѣстѣ, по моему мнѣнію, могли довести, если не до самаго источника зла, то, по крайней мѣрѣ, близко къ оному. **И. Л.**

За двадцать или за десять лѣтъ, можно бы было удовольствоваться тѣмъ, чтобы, напавши на корень зла, подрѣзать его, и тѣмъ все бы затушилось, уничтожилось. Теперь, какъ видно, корень этотъ разросся крѣпко, ядъ, можно сказать, разлился всюду и напиталъ собою весь воздухъ общественной жизни, или вѣрнѣе сказать то, что составляетъ наше общественное образованіе. Нынѣ корень зла состоитъ въ идеяхъ, и я полагаю, что съ идеями должно бороться не иначе, какъ также идеями, противупоставляя мечтамъ истинныя и здравыя о вещахъ понятія, изгоняя ложное просвѣщеніе — просвѣщеніемъ настоящимъ, преобращая училищное преподаваніе и самую литературу въ орудіе, разбивающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія, или лучше сказать, сумасбродства [1]). Для этой борьбы, которую я считалъ и считаю единственнымъ спасительнымъ средствомъ, мнѣ казалось неизбѣжно нужнымъ извлечь изъ самаго опыта вѣрныя и положительныя указанія, какъ вести ее съ успѣхомъ, и я поставлялъ себѣ въ обязанность искать этихъ указаній во всѣхъ представлявшихся мнѣ фактахъ.

Симъ имѣю честь заключить изложеніе моего общаго мнѣнія о разсматриваемомъ дѣлѣ, которое я счелъ долгомъ высказать со всею искренностію и откровенностію, на основаніи убѣжденія, почерпнутаго мною изъ самаго дѣла и его развитія, когда оно было еще въ моихъ рукахъ, и это убѣжденіе такъ во мнѣ твердо, что я до сихъ поръ не имѣю причины отъ него отказываться.

И. П. Липранди.

17 августа 1849 года.

[1]) Въ этихъ случаяхъ я полагаю, что казнь за политическія преступленія оставляетъ всегда неблагопріятное впечатлѣніе въ народѣ. — Далѣе я молчу.
И. Л.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Ѳ. Карабановымъ.

VIII [1]).

Царствованіе императора Павла I.

1796—1801.

145.

Гвардіи капитанъ Степанъ Петровичъ Митусовъ присланъ былъ въ Москву съ увѣдомленіемъ о восшествіи на престолъ императора Павла I: главнокомандующій Мих. Мих. Измайловъ, угощая его и поднимая заздравный кубокъ, закричалъ хору пѣвчихъ: „Славься симъ Екатерина" (слова изъ польскаго, любимаго публикою), и, опамятовавшись, приведенъ былъ въ такое замѣшательство, что не зналъ, чѣмъ кончить, и могъ ожидать дурныхъ послѣдствій.

146.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины духовникъ ея величества, отецъ Савва, также избранъ былъ въ духовники къ ея наслѣднику; онъ безъ намѣренія на исповѣди дерзнулъ спросить у его высочества: „не имѣетъ ли чего на душѣ противъ государыни-матери?" Коль скоро императрица скончалась, новый государь даетъ повелѣніе: отца Савву, подъ строгимъ присмотромъ, отвезти въ Невскій монастырь; наряжаютъ судъ и по пунктамъ, писаннымъ рукою Павла, его допрашиваютъ: не имѣлъ ли онъ тайнаго повелѣнія отъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680; 767—772.

покойной государыни на исповѣди узнать о намѣреніяхъ великаго князя и не думалъ ли, что онъ о чемъ-нибудь проговорится? Духовникъ оправданъ, а между тѣмъ избранъ другой; государь въ недоумѣніи приказываетъ Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину: „Что мнѣ дѣлать! уговори Савву проситься въ отставку; жалую ему шеститысячный пенсіонъ по смерть.

Отъ графа Мусина-Пушкина.

147.

Синодскій оберъ-прокуроръ Алексѣй Михайловичъ Мусинъ-Пушкинъ докладываетъ императору Павлу въ первый день восшествія его на престолъ: „Не благоугодно ли будетъ его величеству пожаловать въ присутствіе св. синода".—„А зачѣмъ? спрашиваетъ монархъ: что мнѣ дѣлать тамъ?"—Пушкинъ отвѣтствуетъ: „Государь! вы изволите быть въ сенатѣ, а синодъ есть мѣсто равнаго достоинства".—„Дѣлайте, что хотите, довершилъ императоръ: моя власть исполнительная".—Образецъ разсужденія отъ французскихъ революціонныхъ правилъ; тогда въ Парижѣ безпрестанно твердили объ исполнительной власти.

Отъ него же.

148.

Лейбъ-гвардіи измайловскаго полка маіоръ Ѳедоръ Яковлевичъ Олсуфьевъ, по отношеніямъ своимъ къ двоюродной сестрѣ, дѣвицѣ Софіи Алексѣевнѣ Еропкиной, распоряжался 18-ти-тысячной ея суммой, отдавая въ проценты и не заплатя умеръ. Сестра и наслѣдница его, Анна Яковлевна Талызина, не имѣя удостовѣрительныхъ актовъ, платить оную отказалась. Еропкина слезами и жалобами, что лишилась пропитанія, приводитъ всѣхъ въ сожалѣніе. Сіе сдѣлалось извѣстнымъ императрицѣ и наслѣднику, всегда къ нему благоволившимъ. Начинается процессъ въ совѣстномъ судѣ; Еропкина избрала въ посредники графа Александра Романовича Воронцова, который совѣстнаго судью, графа Андрея Петровича Шувалова, склонилъ на ея сторону, но по голосу въ пользу Талызиной, дѣло это чрезъ Ермолова поступило къ Екатеринѣ, найдено сомнительнымъ и до кончины ея оставалось нерѣшеннымъ. Императоръ Павелъ I, на другой день вступленія на престолъ, потребовалъ дѣло на ревизію; не нарушая правосудія и не обличая дѣвицу Еропкину во лжи, рѣшилъ истинно по-царски, повелѣлъ отыскиваемую сумму выдать изъ кабинета.

Отъ него же.

149.

Павелъ I, возлагая на оберъ-церемоніймейстера Петра Степановича Валуева [1]) орденъ св. Александра Невскаго, сказалъ: „За погребеніе моей дочери (Ольги Павловны) вы получили Анну; за погребеніе моей матери [2]) надѣваю Александра—ие мнѣ награждать васъ Андреемъ".

Отъ Петра Степановича Валуева.

150.

На третій день кончины императрицы Екатерины, сенаторъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ позванъ былъ въ кабинетъ къ Павлу I, который, осыпавъ его похвалами, сказалъ: „Опредѣляю васъ директоромъ канцеляріи государственнаго совѣта, которому въ присутственные дни приказано у меня обѣдать, и вамъ позволяется".

На завтра въ данномъ указѣ, по недоброжелательству Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, должность его объяснена двусмысленно, да и предсѣдатель, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, приказалъ ему заготовить журналъ и заняться мелочами, неприличными сенаторскому званію.—Державинъ, почувствовавъ, что назначается не въ директоры, а въ настоящіе секретари, просилъ позволенія войти въ кабинетъ.

— „Что вамъ надобно?" спросилъ государь.

— „Осмѣливаюсь просить инструкціи на мою должность", отвѣчалъ Державинъ.

— „Какая вамъ инструкція, подите вонъ, разсердился Павелъ I. и отворя за нимъ дверь; закричалъ: онъ не хочетъ служить мнѣ—не пускать его во дворецъ"; потомъ остановя, довершилъ: „поѣзжайте въ сенатъ и смирно тамъ сидите, и оттуда прикажу выгнать!"— Скоро Державинъ написалъ оду, которая императору понравилась и его съ нимъ помирила.

Отъ гр. Мусина-Пушкина.

151.

Павелъ I, самолично съ оберъ-церемоніймейстеромъ, Петромъ Степановичемъ Валуевымъ, составлялъ церемоніалъ перенесенія Петра III во дворецъ и общаго съ Екатериною II погребенія; онъ собственною рукою назначалъ чиновниковъ къ несенію императорскихъ регалій, при чемъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-

[1]) 5 декабря.

[2]) Уволенъ въ 1800 г., принятъ на службу 7 апр. 1801 г., ум. въ 1814 году.

Чесменской написанъ къ коронѣ Петра III (жестокое, но правдивое наказаніе). Чрезъ повѣстку изъ печальной коммиссіи, избранныя особы приглашаются къ принятію повелѣній; Орловъ пріѣзжаетъ въ полпьяна, шумитъ, полагая, что Валуевъ самовольно дѣлалъ росписаніе, бранитъ его, за слабостью въ ногахъ рѣшительно отказывается.

Вѣроятно, что раздосадованный Валуевъ съ намѣреніемъ умолчалъ о семъ событіи, чтобъ чувствительнѣе наказать Орлова при собравшейся публикѣ. По прибытіи всего двора въ Невскую Лавру для поднятія гроба Петра III, государь тотчасъ увидѣвъ, что къ принятію короны подходитъ другой чиновникъ, спросилъ у Валуева: „Для чего не Орловъ?“ тутъ же находившійся. Ему докладываютъ, что Орловъ за слабостью отказался. Императоръ съ негодованіемъ выхвативъ подушку у чиновника державшаго оную, толкнулъ ею Валуева и громко сказалъ: „Ему нести въ наказаніе!“—Орловъ, принимая корону зашатался, и, съ помощію ассистентовъ, едва возмогъ донести до дворца.—Взаимная ихъ ненависть, т.-е. Орлова съ Валуевымъ, продолжалась въ царствованіе Александра Павловича.

Изустно отъ Петра Степановича Валуева.

152.

Небогатый дворянинъ Артемій Васильевичъ Путиловъ, умершій генералъ-лейтенантомъ, имѣлъ значительный процессъ въ землѣ, заселенной казеннаго вѣдомства крестьянами и не мыслилъ о полезномъ окончаніи.—Павелъ, по воспріятіи престола, занялся разбирательствомъ сего продолжительнаго процесса и оправдалъ Путилова. На другой день, призвавъ его къ себѣ, объявилъ, что спорную землю возвращаетъ ему по праву закона, а триста душъ, поселенныхъ на ней крестьянъ, жалуетъ ему за понесенные убытки.

153.

Генералъ-отъ-инфантеріи Николай Дмитріевичъ Дурново безпорочно служилъ Екатеринѣ и снискалъ ея довѣренность. По дошедшимъ извѣстіямъ о восшествіи на престолъ Павла Петровича поѣхалъ въ Петербургъ; государь, выхваляя его честность, дозволилъ свободный входъ и приказалъ безъ доклада у него обѣдать. Въ послѣдовавшее время Дурново, сидя за столомъ противъ императора, который не могъ съ нимъ наговориться довольно, за десертомъ скаталъ изъ хлѣба два шарика и отдавая, съ лѣвой стороны сидѣвшей, Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной, что-то прошепталъ. Дурново

не могъ себѣ представить, чтобы отъ сихъ шариковъ зависѣла его участь, но тотчасъ замѣтилъ, что государь началъ коситься, отворачиваться и пересталъ говорить, потомъ вскорѣ приказалъ проситься въ отставку.

Изустно отъ Мих. Дмитр. Дурново.

154.

При отъѣздѣ изъ Москвы императора Павла, дѣлается доносъ на одного заслуженнаго и надменнаго чиновника, отъ его слуги, въ неблагопристойномъ дѣлѣ; государь чрезъ Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго препровождаетъ сію бумагу къ военному губернатору Ивану Петровичу Архарову [1]) съ повелѣніемъ напомнить въ слѣдующее утро, и увидя Архарова, говоритъ: „Дѣло мерзкое, избавьте меня отъ разбирательства, подъ видомъ, что уѣзжаю; зная вашу вѣрность и полагаясь на совѣсть вашу, повелѣваю, по отъѣздѣ, разсмотрѣть и рѣшить моимъ именемъ; ежели будетъ надобность, можете объявить мой именной указъ, какой заблагоразсудите, хоть въ ссылку сослать".

Чиновникъ сдѣлалъ признаніе, слуга получилъ отпускную, а монархъ въ рескриптѣ объявилъ благоволеніе.

Изустно отъ Ив. Петровича Архарова, бывшаго тогда военнымъ губернаторомъ.

155.

Императоръ для коронаціи пріѣзжаетъ въ Москву и на другой же день съ поспѣшностью осматриваетъ въ Кремлѣ достойное любопытства. Тайный совѣтникъ Петръ Никитичъ Кожинъ [2]), человѣкъ отъ природы грубый и дерзкій, какъ начальникъ мастерской и оружейной палаты, долженъ былъ слѣдовать за государемъ и разсказывать. Возлѣ теремовъ, наравнѣ съ кровлей, находился круглый столбъ; лѣстница такъ крута, что входить опасно. Павелъ съ великою скоростію поднимаетъ ногу на лѣстницу, а Кожинъ кричитъ: „Постой, государь!" Императоръ отскакиваетъ, а тотъ продолжаетъ: Побереги голову, у тебя одна и намъ дорога". Сіи слова сильно подѣйствовали; Кожинъ награжденъ чиномъ, орденомъ св. Анны, деревнями, подарками и пенсіономъ. Тогда одно слово могло возвести на верхъ счастія или погубить на вѣкъ. Валуевъ [3]) нашелъ средство управить его въ отставку.

Отъ И. П. Архарова.

---

[1]) Иванъ Петровичъ Архаровъ ум. въ февралѣ 1815 г. генераломъ-отъ-инфантеріи.

[2]) Дѣйств. тайн. совѣтн. при отставкѣ, 25 февр. 1801 г.

[3]) Валуевъ уже былъ въ отставкѣ, когда Кожинъ оставилъ службу. Ред.

156.

Павелъ I, вскорѣ послѣ коронаціи, прибывъ въ Воскресенскій монастырь, обнаружилъ великое уваженіе къ памяти Никона патріарха. Посѣщая всѣ достопримѣчательныя мѣста, со всею императорскою фамиліею былъ въ Никоновой пустынѣ, все разсматривалъ съ любопытствомъ, исполненнымъ истиннаго благочестія, и потомъ сѣлъ на каменной его постелѣ и поцѣловавъ камень, служившій ему вмѣсто подушки, сказалъ: „Такъ-то святый старецъ нашъ покоился; почтимъ теперь его память“.

157.

Павелъ I поручилъ вице-канцлеру, князю Александру Борисовичу Куракину, по какому-то происшествію имѣть переговоры съ пребывающимъ въ Петербургѣ датскимъ посланникомъ, и наскоро привесть оные къ концу. Куракинъ, по извѣстнымъ причинамъ, не могъ скоро удовлетворить ожиданіямъ пылкаго государя, который адъютанту своему повелѣваетъ ѣхать къ нему и публично императорскимъ словомъ объявить, что онъ по датскому дѣлу настоящая (баба).

Посланный при входѣ къ князю, сидѣвшему за туалетомъ, окруженному множествомъ подначальныхъ, говоритъ: „Государь императоръ повелѣть соизволилъ, словомъ его величества, публично объявить вашему сіятельству, что вы по датскому дѣлу настоящая (баба)“. Куракинъ, вставши принять повелѣніе, подхватилъ: „Довершайте“, и услышавши послѣднее, опустился въ кресла: „Боже мой! за что такой гнѣвъ отъ всемилостивѣйшаго государя и отца!“ Нѣсколько разъ приподнимаясь повторялъ сказанное адъютантомъ, и отъ огорченія сдѣлался боленъ.

Отъ графа Мусина-Пушкина.

158.

Одинъ сочинитель музыки, при дедикаціи оной (т.-е. посвященіи), князю Александру Борисовичу Куракину, пропустилъ орденъ Датскаго Слона; для Куракина сего было довольно, чтобъ сказать: „какой дуракъ!“ и отослать безъ вниманія.

159.

На маневрахъ Павелъ I послалъ ординарца своего Рибопьера къ главному начальнику Андрею Семеновичу Кологривову съ

приказаніями. Рибопьеръ [1]), не вразумясь, отъѣхавъ остановился въ размышленіи и не зналъ, что дѣлать? Государь настигаетъ его и спрашиваетъ: „Исполнилъ ли повелѣнное?“ — „Я убитъ съ батареи, по моей неосторожности“, отвѣчалъ Рибопьеръ. —„Ступай за фронтъ, впередъ наука!“ довершилъ императоръ.

160.

По доносу графа Михаила Петровича Румянцова [2]) Павлу I, что у Суворова собирается много военныхъ чиновниковъ, повелѣно ему ѣхать въ деревню. Рекомендованный Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ въ приставы, Юрій Алексѣевичъ Николевъ, по пріѣздѣ туда, занимая весь домъ, стѣснилъ великаго полководца въ одну комнату и обращался съ нимъ съ неприличною грубостью. Суворовъ, сердясь, говаривалъ: „Отецъ твой былъ шпіонъ, доносчикъ, пьяница“, изобличая тѣмъ его качества. „Вы браните меня, пожалуюсь императору“, приставалъ опрометчивый.—„Нѣтъ, помилуй Богъ, ты добрый человѣкъ“, отвѣчалъ изгнанникъ. Когда сей великій мужъ вызванъ былъ въ Петербургъ, государь, обнимая его сказалъ: „Что тебѣ надобно, проси у меня“.—„Николева сына пожалуй въ офицера гвардіи“, было его требованіе.

Отъ Егора Ворисовича Фукса.

161.

Суворовъ, изгнанный въ Новгородскую деревню, много претѣрпѣлъ подъ строгимъ надзоромъ Николева, а когда по перемѣнившимся обстоятельствамъ вызванъ былъ въ столицу, то сей по оплошности захотѣлъ его увидѣть. При встрѣчѣ Суворовъ закричалъ: „Помилуй Богъ! Первый мой благодѣтель! Тришка (камердинеръ), сажай выше всѣхъ“. Тришка, поставивъ стулъ на диванъ, насильно втащилъ на оный глупаго гостя. Сія сцена кончилась всеобщимъ громкимъ смѣхомъ.

Отъ него же.

162.

Когда Павелъ I, отпуская Суворова командовать австрійскою арміею, возлагалъ на него мальтійскій крестъ; великій полководецъ, падая къ монаршимъ ногамъ, сказалъ: „Господи, спаси царя“. — А

[1]) Иванъ Александровичъ Рибопьеръ, будучи корнетомъ конной гвардіи, явился на службу 9-го сентября 1798 г.; флигель-адъютантомъ назначенъ 6-го февраля 1799 г., а чрезъ 7 дней (14 февраля 1799 г.), назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ.

[2]) Графъ Михаилъ Петровичъ Румянцовъ, впослѣдствіи дѣйств. тайн. совѣтникъ оберъ-шенкъ.

государь промолвилъ: „Иди спасать царей!...“ Множество придворныхъ бросились поднимать старика, который вскоча перевернулся на одной ногѣ, сказавши: „Эхъ взяли! самъ всталъ“.

Отъ него же.

163.

Суворовъ въ Вѣнѣ, приглашая на обѣдъ принцевъ и первѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, удивилъ всѣхъ остроумными разсужденіями; потомъ, обратясь къ Фуксу, сказалъ русскимъ, для прочихъ непонятнымъ, языкомъ: „Егоръ Борисовичъ! ѣдалъ ли въ харчевнѣ соленую рыбу?“

Отъ него же.

164.

Генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Михайловичъ Римской-Корсаковъ [1]), въ пріятельскомъ кругу сравнивалъ себя съ знаменитымъ Тюреномъ. Начальникъ его, Суворовъ, услышавъ сіе, при первой встрѣчѣ, сказалъ: „Ты русскій Тюрень! такъ ли другіе понимаютъ?“

165.

При началѣ царствованія Павла I, великій Суворовъ былъ изгнанъ и заключенъ въ деревнѣ, въ срединѣ царствованія возвеличенъ, а подъ конецъ снова впалъ въ немилость. Въ жестокую послѣднюю болѣзнь его въ Петербургѣ, 6-го мая 1800 года, императоръ не удостоилъ его посѣщенія, да и при погребеніи, 9-го мая, не оказана подобающая ему полная воинская почесть. Государь самъ-другъ верхомъ выѣхалъ смотрѣть печальную процессію и сказалъ по-латыни: „sic transit gloria mundi“ (такъ проходитъ слава міра сего).

166.

Александръ Александровичъ Чирковъ, при Павлѣ I изъ офицеровъ гвардіи, отставленный генераломъ-отъ-инфантеріи 1800 г., въ разговорахъ сказалъ графу Ивану Андреевичу Остерману: „Въ нашихъ чинахъ“. — „Нѣтъ, возразилъ канцлеръ, не въ нашихъ чинахъ, а въ вашихъ“.

167.

Смоленскій военный губернаторъ генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Михайловичъ Философовъ [2]), находясь въ отмѣнной ми-

[1]) Род. 13-го августа 1753 г., ум. 13-го мая 1840 г.

[2]) Род. 1732 г., генералъ-отъ-инфантеріи 25-го декабря 1796 г., ум. 27-го сентября 1811 г.

лости у императора Павла I, просилъ позволенія двухъ изъ военной службы выключенныхъ помѣстить въ статскую, во ввѣренной ему губерніи. Государь, разсердясь, изорвалъ въ клочки поднесенную записку, а Философовъ, имѣвшій позволеніе, сидя съ нимъ разговаривать, сказалъ: „Такъ и мнѣ пожалуйте отставку; можно ли, государь, служить съ честью, когда всѣ достойные люди помѣщены вашимъ величествомъ въ военную службу, а изъ великаго числа выключенныхъ ни одинъ не можетъ быть полезенъ отечеству?“—„Ты дѣло говоришь, простить ихъ“, сказалъ императоръ. На другой же день всѣмъ выключеннымъ объявлено общее прощеніе [1]). Случай, подавшій возможность составиться въ Петербургѣ обществу недовольныхъ.

168.

Бѣжавшій изъ одного полка рекрутъ былъ пойманъ и въ сдѣланномъ ему допросѣ объявилъ себя принадлежавшимъ ярославскому губернатору, князю Михаилу Николаевичу Голицыну [2]); сдѣланная справка подтвердила, что крестьянинъ сего имени и отчества, дѣйствительно находился въ бѣгахъ. Приговоръ суда утверждаетъ сего за помѣщикомъ, который приказалъ отдать его въ зачетъ за рекрута. Что же изъ того послѣдовало? Новобранца, по привлекательной наружности, какъ-будто нарочно опять препровождаютъ въ тотъ же полкъ; все происшествіе становится извѣстнымъ императору Павлу, который въ гнѣвѣ сказалъ генералъ-прокурору Обольянинову [3]): „Голицына отправить въ слѣдъ за Сибирскимъ [4])“. (Сей несчастный князь, бывъ генералъ-провіантмейстеромъ, обще съ товарищемъ Турчаниновымъ подверглись гнѣву и только-что пѣшкомъ отправлены были въ Сибирь).

Обольяниновъ спасъ Голицына, доложа императору: „Вамъ не слѣдуетъ брать его на нашу отвѣтственность, а прикажите нарядить слѣдствіе“, которымъ кн. Голицынъ былъ оправданъ.

169.

При Павлѣ I, многимъ военнымъ особамъ навсегда позволено было послѣ вахтъ-парада, переобувшись въ башмаки, пріѣзжать во дво-

[1]) Указы сенату отъ 1-го ноября 1800 г. (Полн. Собр. Зак. № 16,625 и 16,626).

[2]) Род. 19-го іюня 1756 г., ум. 1827 г.

[3]) Генералъ-прокуроръ со 2-го февраля 1800 г. по 16-е марта 1801 г.

[4]) Князь Василій Ѳедоровичъ Сибирскій, генералъ-кригсъ-коммиссаръ, генералъ-отъ-инфантеріи (съ 29-го октября 1799 г.), сосланъ въ Сибирь въ апрѣлѣ 1800 г.; приказано возвратить его 16-го февраля 1801 г., но прибылъ изъ Сибири только по смерти Павла, и 20-го апрѣля принятъ на службу съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

рецъ къ обѣду, только потребно было въ извѣстный часъ записываться у гофъ-фурьера. Они собирались подлѣ государева кабинета; за четверть часа до обѣда выходилъ гофъ-фурьеръ освѣдомиться для донесенія императору, потомъ отворенными дверями всѣ они, чрезъ кабинетъ, проходили въ столовую комнату. Въ одинъ изъ такихъ дней на вахтъ-парадѣ, фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, подойдя къ государю, сказалъ, что „погода хороша, но очень холодна". Императоръ, вмѣсто отвѣта, поднявъ голову, показалъ видъ неудовольствія.

Репнинъ поступилъ неосторожно тѣмъ, что поѣхалъ во дворецъ обѣдать; когда растворили двери, князь по чину первый подходитъ, а гофъ-фурьеръ останавливаетъ: „вамъ не можно!" — „Что такое?" спросилъ фельдмаршалъ.— „Васъ пускать не приказано".— Старикъ затрясся, поблѣднѣлъ и уѣхалъ.

Отъ графа Мусина-Пушкина, тутъ бывшаго.

170.

Въ строгое царствованіе Павла I, когда указомъ азартныя игры были прекращены повсемѣстно, графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ, его любимецъ, на балѣ въ его присутствіи сѣлъ играть въ настоящій банкъ, условясь изъясняться: „моя—твоя, твоя—моя". Павелъ съ любопытствомъ подошелъ къ столу, и засмѣявшись сказалъ: „Играть позволяется". Дерзновенная шутка, можетъ быть для пробы употребленная.

171.

Гвардіи офицеръ Вульфъ попросился въ отставку. Павелъ I лично спросилъ его о причинахъ, и находя оныя недостаточными, вынудилъ его сказать, что поступаетъ такъ утверждаясь на правѣ вольности, дарованномъ родителемъ его россійскому дворянству. „Хорошо, отвѣчалъ Павелъ, твоего не отниму, да и моего не дамъ (мундира)". Съ сего времени началась отставка безъ мундировъ.

172.

Въ царствованіе Павла I, одинъ офицеръ донесъ на своего товарища въ дѣланіи фальшивой ассигнаціи. Приговоръ былъ изготовленъ судомъ и поднесенъ императору на утвержденіе.

Прежде утвержденія сего государь приказалъ развѣдать обстоятельнѣе, какъ это случилось, въ какихъ связяхъ находились до того доносчикъ и обвиняемый, и въ какихъ они лѣтахъ? По вѣрной справкѣ оказалось, что одинъ былъ очень молодой человѣкъ, который изъ ре-

бяческой шутки взялъ лоскутокъ цвѣтной бумаги и нарисовалъ на немъ ассигнацію, а другой былъ его старшій лѣтами товарищъ и почитался его другомъ.

Императоръ, уважая нравственное чувство, для котораго верховная власть можетъ дѣлать отступленіе, далъ слѣдующее рѣшеніе: „Доносчика, какъ измѣнника въ дружбѣ, отрѣшить отъ службы и никуда не опредѣлять, а обвиняемаго, какъ неопытнаго въ дружбѣ и въ службѣ, посадить на три дня подъ арестъ".

173.

Предъ кончиною Павла Петровича, художникъ Саундерсъ выгравировалъ весьма сходственный портретъ его, и желалъ поднести, но не зналъ, какъ на то рѣшиться; онъ просилъ оберъ-камергера Нарышкина [1]), жившаго при государѣ въ Михайловскомъ замкѣ, быть его предстателемъ. Портретъ кладется на столъ въ томъ намѣреніи, что государь, войдя въ Нарышкину, тотчасъ его увидитъ. „Къ сіянію моей короны звѣзды не нужны; глупая мысль", сказалъ императоръ. Портретъ не понравился и художникъ разсудилъ не выпускать въ публику; оттого портретъ этотъ весьма рѣдокъ.

174.

Кто-то сказалъ о казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ, что это кладовая, наполненная драгоцѣнными вещами, безъ вкуса и порядка разставленными. Соборъ строенъ Воронихинымъ, крѣпостнымъ человѣкомъ графа Александра Сергѣевича Строганова, а планъ будто бы украденъ у одного итальянскаго архитектора, и Воронихинъ, получа свободу, скоро выведенъ въ чины. Смотрѣніе и расходы милліоновъ поручены были графу Строганову, собственнымъ имѣніемъ управлять неспособному; сооруженіе поручено человѣку, ничего не строившему.

Именнымъ указомъ извѣстный архитекторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ былъ подчиненъ Воронихину и вскорѣ умеръ отъ огорченія.

Державинъ сказалъ: „выговорите: коллонада, эхо повторитъ: не надо".

Андрей Никифор. Воронихинъ р. 1760 г., ум. 21 февр. 1814 года.

Строеніе Казанскаго собора возложено на него 22 ноября 1800 г., по представленному имъ плану. Освященіе Собора происходило 15 сентября 1811 года, при чемъ Воронихинъ, бывшій тогда надворнымъ совѣтникомъ, получилъ орденъ св. Анны 2-й степени (26 сентября 1811 года).

Отпускная выдана была Воронихину графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ 25 іюня 1786 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ, оберъ-гофмаршалъ (оберъ-камергеромъ назначенъ только 15 сент. 1801 г.), род. 14 апр. 1760 г., ум. 21 янв. 1826 г.

Распоряженіе императора Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими.

№ 940. Палаты суда и расправы второму департаменту, предложеніе.

По словесному мнѣ приказанію, его превосходительствомъ господиномъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ и его сіятельствомъ господиномъ тайнымъ совѣтникомъ сенаторомъ и кавалеромъ князь Павломъ Петровичемъ Щербатовымъ „о неупотребленіи словъ въ донесеніяхъ къ государю императору", препровождаю при семъ во 2-й департаментъ регистръ, къ должному наблюденію.

Губернскій прокуроръ Александръ Зузинъ.

№ 146, апрѣля 18-го дня 1800 года З. подъ № 446 С. 19 апрѣля.

Реестръ словамъ для замѣченія.

Не употреблять:	Писать:
Обозрѣть	Осмотрѣть.
Выполнить	Исполнить.
Степень	Классъ.
Пособіе	Вспоможеніе.
Стража	Караулъ.
Отрядъ	Деташаментъ или команда.
Общество	Собраніе.
Гражданинъ	Купецъ или мѣщанинъ.
Именитый гражданинъ . . .	Именитый купецъ или мѣщанинъ.

1800 года апрѣля 19 дня по слушаніи сего предложенія въ палатѣ, приказали: оное предложеніе имѣть впредь для вѣдома и надлежащаго по немъ исполненія. Подлинной за подписаніемъ господъ присутствующихъ и за скрѣпою секретаря.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. III, (стр. 531 — 532) мы напечатали со списка, сохранившагося въ бумагахъ С. Н. Глинки, высочайшее повелѣніе 1797 г. объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими. Нынѣ Г. К. Рѣпинскій весьма обязательно сообщилъ намъ подлинное исполненіе одного изъ повелѣній императора Павла, именно по тому же предмету улучшенія русскаго языка. Повелѣніе это относится къ 1800 году, въ немъ нѣкоторыя слова вторично изгоняются изъ русскаго языка. Ред.

Отъ конторы редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

1) Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, въ особенности казенныя учрежденія, выписавъ «Русскую Старину», до сихъ поръ не выслали слѣдуемыхъ денегъ. Редакція долгомъ считаетъ увѣдомить, что если подписныя деньги не будутъ доставлены до 15-го іюля сего года, то съ 1-го августа прекратится таковымъ лицамъ дальнѣйшая высылка книгъ нашего изданія.

2) Весьма многія казенныя и общественныя учрежденія, выписывая «Русскую Старину» и присылая деньги, просятъ доставлять имъ по почтѣ квитанціи; считаемъ необходимымъ напомнить, что квитанціи высылаются въ томъ только случаѣ, **если отъ подписчика доставлена почтовая марка.**

3) При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, по почтовымъ правиламъ,—слѣдуетъ вносить—64 к., при перемѣнѣ же иногороднаго на городской — 50 к.

4) Покорнѣйше просимъ извѣщать конторы наши о неполученіи какой-либо книги «Русской Старины»—непремѣнно въ теченіи того же мѣсяца, къ которому относится книга и никакъ не позже слѣдующаго мѣсяца, только въ такомъ случаѣ возможна справка и удовлетвореніе жалобы.

5) Небольшое количество оставшихся отъ подписки экземпляровъ **«Русской Старины» 1871 г.** въ **12-ти** книгахъ, съ приложеніями: записокъ, портретовъ, рисунка памятника и снимковъ съ писемъ,—продается въ Спб.: въ Редакціи «Русской Старины» и въ магазинѣ Базунова, а въ Москвѣ—въ магазинѣ Соловьева. Цѣна **восемь** руб. съ пересылкой.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, сочиненіе капитана **Джона Перри,** переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ **М. И. Семевскаго.** Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1872 г., въ 8-ю д., 200 стр.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Это полный, безъ пропусковъ, переводъ сочиненія извѣстнаго инженера Перри, выписаннаго изъ Англіи Петромъ Великимъ въ 1698 г. и пробывшаго въ Московскомъ государствѣ до 1715 г. Въ книгѣ заключается много подробностей о состояніи Россіи въ 1698—1715 гг. Переводъ исполненъ съ англійскаго языка, съ весьма рѣдкаго Лондонскаго изданія 1716 г.

II. **Записки А. Т. Болотова.** 1738—1771 гг., два тома. Спб., 1870—1871 гг., стр. 1002 и 1120, въ два столбца, съ рисунками въ текстѣ—Болотова, и съ портретомъ его, гравированными академикомъ **Л. А. Сѣряковымъ.** (Приложеніе къ «Русск. Стар.» 1870 и 1871 гг.).

Цѣна, въ отд. изданіи, за оба тома **6 руб.**

III. **Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго,** полиціймейстера—при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы, и сенатора при Екатеринѣ II. 1705—1777 гг., Спб. въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. 50 коп.

IV. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина.** 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 380 стр.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

составляетъ отдѣльную часть или томъ; затѣмъ акты въ каждой части распредѣлены по группамъ: гражданская часть, духовная, военная; — затѣмъ по отдѣльнымъ странамъ: Имеретія, Мингрелія, Гурія, Абхазія; Закавказскія мусульманскія провинціи и владѣнія, и т. д. Къ началу каждаго тома приложенъ выходный хромолитографированный листъ, а къ концу — алфавитный указатель (общій и для лицъ, и для мѣстъ).

Но, отдавая полную справедливость энергической дѣятельности коммиссіи, въ лицѣ ея почтеннаго предсѣдателя г. А. П. Берже (приравнивая вышедшіе четыре громадныхъ тома къ обыкновенному формату, получимъ на пять лѣтъ дѣятельности коммиссіи 16 томовъ), прекрасному шрифту, щегольской печати, бумагѣ и хромолитографіи, — мы должны сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Форматъ по истинѣ ужасенъ, и потому рѣшительно неудобенъ: длина — 10 вершк., ширина — 7, толщина отъ 2 до 2½ в. 2) Цѣна пропорціональна формату: за четыре тома 120 р.; между тѣмъ, по настоящему, цѣна не должна бы превосходить 32—40 р. При такихъ, весьма важныхъ, но неудобству, обстоятельствахъ, столь почтенные и хорошіе труды Кавказской археографической коммиссіи будутъ обречены на постоянное лежаніе въ книжныхъ складахъ: историковъ и вообще ученыхъ (людей, какъ извѣстно, небогатыхъ), устрашитъ и форматъ, и цѣна; наконецъ, слѣдуетъ помнить и то, что археографическія изданія, пущенныя въ продажу по уменьшонной цѣнѣ, дадутъ меньше дефицита, потому что тогда ихъ больше раскупятъ. 3) Желательно видѣть при каждомъ томѣ обстоятельное введеніе, въ которомъ было бы систематически разсказано содержаніе актовъ, вошедшихъ въ томъ, съ необходимыми поясненіями и дополненіями: прекрасный образецъ подобныхъ введеній предлагаетъ Кіевская археографическая коммиссія, въ каждомъ издаваемомъ ею томѣ. 4) Каждый изъ занимающихся отечественною исторіею былъ бы весьма признателенъ Кавказской коммиссіи, если бы она приложила указатель, не съ однѣми голыми цифрами, а описательный, если бы мѣста отдѣлила отъ лицъ, если бы пополнила указатель предметами и реченіями, которыхъ столь много разсѣяно въ первыхъ четырехъ томахъ, если бы въ текстѣ встрѣчались необходимыя подстрочныя поясненія; но исполненіе послѣднихъ пожеланій (пунктъ 3 и 4) — для Кавказской коммиссіи должно имѣть только тогда мѣсто, если подобные труды не задержатъ выхода томовъ актовъ; въ противномъ случаѣ, предпочтительнѣе какъ можно скорѣе и болѣе печатать, предоставляя послѣдующимъ изыскателямъ составить надлежащія разъясненія и систематически-описательные указатели. Но что легко теперь же исполнить въ послѣдующихъ томахъ—это то, чтобъ на верху каждой страницы или на поляхъ — было бы изложеніе, въ нѣсколькихъ словахъ, содержанія страницы, что необходимо для облегченія справокъ.

Надѣемся, что уважаемая Кавказская коммиссія не посѣтуетъ на насъ за наши замѣчанія, вызванныя искреннимъ желаніемъ преуспѣянія ея солиднымъ и важнымъ трудамъ. Во всякомъ случаѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ это изданіе послужитъ прочнымъ основаніемъ мѣстной исторической науки и какъ современниками, такъ и потомствомъ — будетъ причтено къ числу важнѣйшихъ и славныхъ дѣяній по управленію Кавказомъ августѣйшаго намѣстника этого края и его ближайшаго сотрудника барона А. П. Николаи.

Брошюры, изданныя къ юбилею Петра Великаго. Двухсотлѣтняя годовщина рожденія геніальнаго преобразователя ознаменовалась, между прочимъ, изданіемъ многихъ брошюръ и книгъ, изъ которыхъ остановимся пока на слѣдующихъ:

Первое мѣсто принадлежитъ рѣчи нашего почтеннаго академика Я. К. Грота, прочтенной въ торжественномъ собраніи Императорской академіи наукъ (31 мая) и напечатанной подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Петръ Великій — какъ просвѣтитель Россіи». Эта академическая рѣчь, посвященная доказательству того положенія, что Петръ, творецъ академіи, былъ неутомимымъ поборникомъ высшихъ интересовъ человѣчества, что онъ положилъ начало просвѣщенію своей могущественной націи и ввелъ ее въ кругъ дѣятельныхъ членовъ образованнаго міра, — эта рѣчь отличается задушевностью, живостью разсказа и легкостью изложенія.

Рѣчь, читанная въ томъ же академическомъ засѣданіи К. С. Веселовскимъ, касается Петра — «какъ учредителя академіи».

Біографическій очеркъ Петра Великаго (книжка въ 160 стр., цѣна 80 коп.), составленный П. Н. Петровымъ, любопытенъ и съ пользою можетъ быть прочтенъ. Къ очерку приложенъ портретъ съ оригинала, писаннаго Карломъ Моромъ, по гравюрѣ Якова Хубракена.

И. Божерановъ издалъ «Очеркъ развитія искусствъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго»; Николай Купріяновъ — «Исторію медицины (въ?) Россіи въ царствованіе Петра Великаго».

Тотъ же юбилей породилъ и спекулятерскія изданія, къ которымъ должна быть отнесена книжка г. Вл. Сорокина («Разсказы о Петрѣ Великомъ»). Въ книжкѣ этой замѣтно желаніе поддѣлаться подъ народную рѣчь; портретъ Петра, приложенный къ ней — изъ плохихъ.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третій годъ изданія.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой **гг.** иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ** и **Москвѣ, восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** —въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30;)** въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Лисицына и въ д. Трута кв. № 12.**

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. **записокъ Болотова**, поч. лейбъ-хир. **Д. К. Тарасова**, академика **А. Л. Витберга, Лагарпа, М. А. Бестужева**, и архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Стакельберговъ**, кн. **Щербатова**, свѣтл. кн. **А. А. Италійскаго** графа **Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. **Суворова**, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина**, — записки: гр. **Ѳ. П. Толстаго**, адмир. **Колзакова, И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго**, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, кн. **Барклай-де-Толли**, кн. **А. А. Шаховскаго**, партизана **Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); генерала **Фелькнера**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1775—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (до 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Дѣло **Волынскаго**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I, Александра I**, цесар. **Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны; Кулибина**; гр. **Аракчеева**, гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**; мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховитинова**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова. Жуковскаго, Тумапскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина**, статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова**, проф. **Брикнера, Н. П. Дурова**. Сообщ.: **К. С. Сербиновича**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина. Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе**, гр. **Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюлера, М. Ѳ. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи—

Михаилъ Ивановичъ Семевскій.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ третій. **АВГУСТЪ.** 1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки поч. лейбъ-хирурга **Д. К. Тарасова** Гл. XV—XVIII. 1824—1825 гг. (окончаніе). Сообщ. **А. Д. Тарасовъ**. . 99

II. Приложеніе къ запискамъ **Д. К. Тарасова:** 1) Александръ I въ Орлѣ (1823). Сообщ. **В. Н. Л—въ.** — 2) Александръ I въ Костромской губерніи. Сообщ. **М. Рангъ.**— 3) Маршалокъ Пусловскій: два письма его къ князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому. — Сообщ. **В. И. Васильевъ.**—4) Исторія болѣзни и послѣднія минуты имп. Александра I. Сообщ. **Н. П. Дуровъ** 144

III. Смерть А. С. Грибоѣдова, подробности трагической его кончины, (1829 г.). Сообщ. **А. Берже**. 163

IV. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) «Майоръ», стихотв. **П. А. Ѳедотова**, (208). 2) Замѣтка объ академикѣ Витбергѣ **Н. В. Верга**, (222). 3) Ѳ. С. Чернышевъ, авторъ «Солдатской Сказки», (223). 4) Стихотвореніе **М. А. Максимовича**, (224).

V. Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1794 гг. **томъ третій,** части XVIII и XIX, письма 184—192: Бытъ русскаго дворянства 1776—1777 гг.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. **1872 г.** Цѣна съ доставкой въ Петербургѣ и Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города **восемь** руб.

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій **„Русской Старины“ 1872** г.— первыя двѣ книги напечатаны и разсылаются подписчикамъ во **второмъ изданіи.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. Москва, 1872 г. Томы I и II, стр. 420 и 406; въ 8 д. л. Изданіе Николая и Дмитрія Востряковыхъ, подъ редакціею Г. В. Есипова.

Двухсотлѣтній юбилей дня рожденія Петра Великаго оставитъ слѣдъ въ русской исторической литературѣ; среди множества брошюръ и книжонокъ, спекулятивнаго свойства, вышло нѣсколько капитальныхъ трудовъ о Петрѣ Великомъ и его времени. Съ наибольшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы тѣ, которые представляютъ сырой матеріалъ; какъ ни много писано о Петрѣ, а все-таки сырого, подлиннаго, архивнаго матеріала о немъ и его времени, сравнительно, очень и очень еще мало напечатано. Вотъ почему большое спасибо надо сказать Г. В. Есипову, съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ разобравшему въ Москвѣ архивъ дворцоваго вѣдомства и нѣкоторые другіе архивы. Результаты своихъ розысканій онъ представилъ нынѣ въ двухъ обширныхъ томахъ. Матеріала для чтенія книги эти не даютъ; но изслѣдователямъ и писателямъ о эпохѣ великаго преобразователя Россіи — книги эти являются источникомъ весьма богатымъ. Въ первомъ томѣ приведены выписки: изъ столбцовъ дворцовыхъ приказовъ 1672—1701 гг., изъ кроильныхъ книгъ (1672—1692 гг.) и обширныя выписки изъ книгъ приходорасходныхъ казеннаго приказа и мастерскихъ палатъ и проч. Всѣ эти документы, при всей своей сухости и мелочныхъ подробностяхъ, ставятъ лицомъ къ лицу съ дворцовымъ хозяйствомъ эпохи дѣтства Петра, а слѣдовательно со всею обстановкою домашняго царскаго быта въ концѣ XVII столѣтія. Во второмъ томѣ помѣщены приходорасходныя книги Петра I-го, веденныя его кабинетными подъячими за время съ 1716 по 1723 гг., и расходы императрицы Екатерины I, 1721—1723 гг.; половину книги занимаютъ данныя для знакомства съ дѣятельностью московскихъ приказовъ: большого дворца, разряднаго, казанскаго дворца и большой казны. Въ отдѣлъ «Смѣси» вошло нѣсколько отдѣльныхъ любопытныхъ бумагъ, какъ, напр., перечень дворовъ въ Москвѣ 1701 г., опись шведскимъ знаменамъ 1709 г., о сокольникахъ и ястребникахъ, о птицахъ семеновскаго потѣшнаго двора 1722 г. и проч. Изъ приведенной въ этомъ отдѣлѣ «Записки о взносѣ вещей въ хоромы царицы Настасьи Кирилловны» 1672 г. Г. В. Есиповъ выводитъ заключеніе, что Петръ Великій родился не въ одномъ изъ подмосковныхъ селъ, а въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Обращаемъ вниманіе гг. издателей, какъ на образчикъ, на обширные, старательно составленные алеавитные указатели: 1) личныхъ именъ и 2) приказамъ, учрежденіямъ, церквамъ и проч. Тотъ и другой указатели являются необходимымъ ключемъ къ тѣмъ мелочнымъ, и между тѣмъ для изслѣдователя иногда весьма важнымъ фактамъ, которые разсѣяны въ обѣихъ книгахъ. Жаль только, что нѣтъ подробнаго оглавленія и что вверху страницъ или на поляхъ — нѣтъ заголовковъ, которые также облегчили бы справки. При обѣихъ книгахъ снимки съ рукописей и рисунковъ, очень хорошо исполненные.

Принимая во вниманіе, что такой трудъ, какъ настоящій сборникъ архивныхъ выписокъ, можетъ разойтись только въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, что слѣдовательно работа по составленію его далеко не окупится, нельзя не признать его вкладомъ вполнѣ безкорыстнымъ въ нашу историческую литературу; тѣмъ-то болѣе надо быть признательнымъ г. Есипову и гг. Востряковымъ, первому за собраніе, а послѣднимъ за напечатаніе столь полезныхъ матеріаловъ. Все изданіе гг. Востряковы пожертвовали (1,000 экз.) на составленіе отъ продажи его капитала, который будетъ обращенъ на расходъ по печатанію документовъ дворцовыхъ архивовъ. Пожелаемъ, чтобы примѣръ почтенныхъ издателей вызвалъ подражаніе на пожертвованія съ подобными же научными цѣлями.

Сочиненія и переписка Кондратія Ѳедоровича Рылѣева. Изданіе его дочери, подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб., 1872 г. въ 8 д. л., стран. X и 382. Цѣна 2 руб.

Красивый, компактно-изданный томикъ, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ, сколько-нибудь замѣчательныя сочиненія поэта, славнаго дарованіемъ и патріотизмомъ. Нѣкогда запрещенный плодъ—сочиненія Рылѣева, къ чести нашего времени, нынѣ могутъ занять мѣсто въ библіотекѣ каждаго любителя русской словесности, притомъ въ изданіи, составленномъ весьма обстоятельно, съ тѣмъ умѣньемъ и любовью къ дѣлу,—съ какими вообще относится г. Ефремовъ къ собраніямъ сочиненій русскихъ писателей, редакцію которыхъ онъ принимаетъ на себя.

Послѣ обстоятельной, хотя и краткой біографической замѣтки о Рылѣевѣ, въ книгѣ помѣщены «Думы». Изъ 27-ми здѣсь напечатанныхъ «Думъ», девятнадцать были уже помѣщены на страницахъ «Русской Старины», при чемъ многія изъ нихъ явились въ нашемъ изданіи впервые, либо напечатанныя съ подлинныхъ рукописей автора представили существенные варьянты противъ изданія 1825 года. Послѣ «Думъ» въ изданіи дочери поэта напечатана извѣстная всей Россіи по-

ВОСПОМИНАНІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(Записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова).

1792 — 1866.

Некрологъ: Александръ Дмитріевичъ Тарасовъ. † 8 марта 1872 г.

Приступая къ продолженію изданія Воспоминаній почетнаго лейбъ-хирурга Дмитрія Клементьевича Тарасова († 1866 г.), долгомъ считаемъ почтить словомъ скорби и сожалѣнія преждевременную кончину единственнаго сына его, сообщившаго „Русской Старинѣ“ эти любопытныя записки.

Помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, камергеръ А. Д. Тарасовъ род. въ 1839 г. и по окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, началъ службу въ 1859 г. сначала въ канцеляріи кавказскаго и сибирскаго комитетовъ, а съ 1862 г. въ государственной канцеляріи. Кратковременная жизнь А. Д. Тарасова поучительна въ томъ отношеніи, что она, какъ нельзя яснѣе, свидѣтельствуетъ о непрочности земного счастія. Человѣкъ, вполнѣ достаточный, молодой, образованный, Тарасовъ съ счастливою наружностью соединялъ прекрасное сердце. Александръ Дмитріевичъ женился на княжнѣ Маріи Николаевнѣ Барятинской, дѣвушкѣ замѣчательной красоты и исполненной привѣтливости и ума. Молодая чета была вполнѣ счастлива; самая нѣжная любовь соединяла обоихъ супруговъ и чувства Александра Дмитріевича къ женѣ уступало лишь одному: благоговѣйной любви къ достойнѣйшей матери и къ памяти покойнаго родителя. Трудно представить себѣ человѣка, который бы исполненъ былъ такого глубокаго чувства къ отцу, уже разлученному съ нимъ смертью; не было высшаго удовольствія для Александра Дмитріевича, какъ перечитывать его записки, въ кругу родныхъ, какимъ.... Многіе пріятные вечера провелъ пишущій эти строки въ счастливой семьѣ своего друга, слушая чтеніе Ал. Дм. „Воспоминаній“ его родителя.

Но вотъ, въ мартѣ 1871 г. молодую чету поразилъ первый ударъ: умеръ одинъ изъ трехъ ихъ малютокъ; они уѣхали въ деревню, радушно приглашая насъ къ себѣ; осенью А. Д. привезъ молодую свою красавицу-жену, уже страдавшую недугомъ, мысль объ опасности была однако далеко. Онъ отвезъ ее въ По, и тамъ скоротечная злая чахотка сразила красавицу. Отчаяніе Александра Дмитріевича было неизобразимое; чтобъ не разставаться съ прахомъ жены, онъ поручилъ лучшимъ врачамъ набальзамировать ея тѣло; въ крышку гроба, надъ прекраснымъ лицомъ покойной, вставлено было стекло... Самъ мужъ отвезъ прахъ супруги въ свою рязанскую деревню; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно посѣщалъ онъ могилу жены, служились панихиды... Молитвы и слезы не дали утѣшенія. Съ трудомъ удалось убитой горемъ матери отвлечь сына въ Петербургъ въ надеждѣ, что жизнь среди столичныхъ развлеченій разсѣетъ несчастнаго. Тщетная надежда! Среди живыхъ онъ уже не былъ жилецъ этого міра; имя жены не сходило съ его устъ, прелестный образъ ея былъ напечатлѣнъ въ его сердцѣ... Разсудокъ несчастнаго сталъ помрачаться...

Въ концѣ января текущаго года недугъ сразилъ его окончательно: молодому человѣку слышался голосъ его жены, она его звала къ себѣ... казалось, что его не хотятъ пустить къ ней... то, вдругъ вспоминалъ онъ бальзамированіе тѣла жены, и предавался сильнѣйшимъ припадкамъ душевной болѣзни.

8-го марта 1872 г. — А. Д. Тарасова не стало...

Миръ праху твоему! Ты умѣлъ любить глубоко, искренно; ты былъ любимъ; слѣдовательно, ты извѣдалъ высшее счастье, какое только представляетъ жизнь человѣческая. **Ред.**

XIV [1]).

По окончаніи маневровъ гвардейскаго корпуса подъ Краснымъ-Селомъ, въ началѣ августа, разнесся при дворѣ слухъ, что здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны, замѣтно ослабѣвающее, требуетъ путешествія и продолжительнаго пребыванія въ благопріятномъ климатѣ южнаго края. Слухъ этотъ наконецъ уже не составлялъ секрета при дворѣ. Но довольно долго не былъ разрѣшенъ вопросъ: отправится ли императрица за границу — въ чужіе края, или въ южную часть Россіи, и въ какое именно мѣсто? Гг. лейбъ-медики назначили для пребыванія ея величества южный берегъ Крыма, на берегу Чернаго моря. Императоръ медлилъ и долго

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г. Т. IV, стр.: 223—261; 597—645; изд. 1872 г. т. V, стр. 355—388.

не рѣшался изъявить свое соизволеніе на такое назначеніе. Наконецъ, его величество самъ назначилъ мѣстомъ пребыванія императрицы Таганрогъ, на берегу Азовскаго моря, и первому изъ лейбъ-медиковъ, баронету Вилліе, предварительно объявилъ о томъ, который, по соображеніи обстоятельствъ и условій, нашелъ этотъ выборъ мѣста благопріятнымъ для возстановленія здоровья императрицы. Между тѣмъ прочіе лейбъ-медики: Штоффрегенъ и Рюль, а особенно вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна, были противнаго мнѣнія, и предпочитали Таганрогу Крымъ.

На такое рѣшеніе императора, поддерживаемое г. Вилліе, противная сторона представляла много возраженій, изъ коихъ нѣкоторыя казались основательными и, повидимому, заслуживали уваженіе. И дѣйствительно, уединенное и степное положеніе Таганрога, удаленное отъ сообщенія съ столицами, незначительное населеніе его, состоящее преимущественно изъ грековъ, а особенно перенесеніе торговаго порта изъ Таганрога въ Керчь, отнимали у него самыя важныя преимущества. Между тѣмъ извѣстно, что въ Крыму, на южномъ берегу, климатъ и природа равняются, по географическому положенію, средней Италіи, дачи или мызы нѣкоторыхъ вельможъ устроены великолѣпно и со всѣми удобствами для жизни, зима бываетъ едва чувствительна и растительность роскошна и великолѣпна. Всѣ эти данныя довольно долго колебали вопросъ о мѣстопребываніи императрицы. Наконецъ сама императрица Елизавета Алексѣевна приняла на себя положить конецъ всѣмъ преніямъ, и объявила императору, что рѣшается предпринять путешествіе неиначе, какъ въ Таганрогъ, который она, по внутреннему убѣжденію, предпочитаетъ Крыму. Такимъ образомъ прекратились всѣ споры, и дано повелѣніе готовить все къ путешествію въ Таганрогъ.

Государь приказалъ приготовить все нужное для путешествія двумъ свитамъ: одной для императора, а другой для императрицы, и первая должна предшествовать второй.

Приготовленія въ это путешествіе сопровождались какимъ-то особеннымъ чувствомъ равнодушія. Никто не зналъ на сколько времени императрица отправляется въ Таганрогъ, постоянно ли съ нею останется императоръ тамъ, или предприметъ оттуда путешествіе въ другія страны Россіи, и какое мы тамъ найдемъ общество.....

Въ самомъ же государѣ замѣтно было особенное желаніе озаботиться положеніемъ здоровья императрицы и провести съ нею нѣкоторое время для того, чтобъ все ее окружающее могло благопріятствовать возстановленію ея здоровья, и чтобъ она находилась внѣ всякихъ придворныхъ этикетовъ, столь обременительныхъ для ея положенія.

Государь выѣхалъ изъ Царскаго-Села въ концѣ августа, а нѣсколькими днями позже назначенъ выѣздъ императрицы, такъ чтобъ она прибыла въ Таганрогъ, по крайней мѣрѣ, недѣлею позже императора. Свитою императора управлялъ баронъ Дибичъ, а императрицы князь Волконской.

Выѣздъ императора изъ Петербурга сопровождался обстоятельствами, которыя какъ по себѣ, такъ особенно впослѣдствіи оказались весьма знаменательными. Въ день выѣзда, проѣзжая съ Каменнаго острова, чрезъ Троицкой, на Невѣ, мостъ, онъ приказалъ кучеру, Ильѣ Байкову, остановиться среди моста. Несмотря на то, что онъ заѣзжалъ въ Петропавловскую крѣпость, поклониться прахамъ своего родителя, бабки и предковъ, привставъ въ коляскѣ, помолился крѣпостному собору св. Петра и Павла и разсматривая видъ съ Невы къ Зимнему дворцу и биржѣ, сказалъ: «Какой прекрасной видъ и какое великолѣпіе зданій!» Замѣтно было, что эти слова онъ произнесъ съ какимъ-то глубокимъ чувствомъ успокоительнаго удовольствія и скрытаго предчувствія!?....

Отсюда его величество отправился въ Казанскій соборъ и въ Александроневскую лавру, поклониться святымъ иконамъ и св. мощамъ Александра Невскаго, и получить благословеніе отъ митрополита на предпринимаемое имъ путешествіе. Въ лаврѣ его величество пожелалъ видѣть схимника, который своею строгою, благочестивою жизнію и рѣшительнымъ отчужденіемъ отъ свѣта заслужилъ всеобщее уваженіе и довѣренность. Пробывъ полчаса у него одинъ, при отъѣздѣ изъ лавры, приказалъ князю А. Н. Голицыну сдѣлать приношеніе святынѣ Невской обители, состоящее изъ восковыхъ свѣчей, деревяннаго масла и ладону.

Изъ Невской лавры его величество отправился прямо въ свое Царское-Село, чтобъ на-завтра предпринять путешествіе въ Таганрогъ. При выѣздѣ изъ своей столицы, государь, остановясь у

тріумфальныхъ воротъ, посмотрѣлъ на Петербургъ, помолился св. храмамъ и поѣхалъ далѣе [1]).

Августа 22-го, государь, въ 8 часовъ утра, выѣхалъ изъ Царскаго по бѣлорусскому тракту, съ котораго на границѣ Псковской губерніи путешествіе направлено было чрезъ городъ Торопецъ и другіе уѣздные города, на тульскій трактъ. Его величеству угодно было миновать Москву, чтобъ избѣжать обременительныхъ церемоній и представленій. Въ это путешествіе нигдѣ не было ни военныхъ смотровъ, ни парадовъ, ни маневровъ. На всѣхъ ночлегахъ, его величество заботливо осматривалъ всѣ удобства помѣщенія; и это дѣлалъ для того, что государыня императрица слѣдовала за нимъ въ Таганрогъ, по тому же тракту и тѣ же самые имѣла ночлеги, если только положеніе ея здоровья не измѣнитъ этого порядка въ путешествіи.

4-го сентября, государь благополучно прибылъ въ Таганрогъ вечеромъ, и остановился въ приготовленномъ заблаговременно для помѣщенія ихъ величествъ домѣ. Домъ этотъ, принадлежавшій прежде частному человѣку, каменный, въ одинъ этажъ, съ подвальнымъ этажемъ для службъ, расположенъ на площади, предъ крѣпостію или земляннымъ укрѣпленіемъ и гаванью, основанными еще при Петрѣ I, и составлялъ самое скромное помѣщеніе. Половина императрицы состояла изъ 8-ми небольшихъ комнатъ, въ коихъ, при ея величествѣ, помѣщались еще двѣ камеръ-фрейлины: Валуева и княжна Волконская. Въ срединѣ дома большой сквозной залъ, назначенный для пріема и большой столовой. При отдѣленіи императрицы, въ особой комнатѣ, помѣщена была походная церковь. Половину императора составляли двѣ комнаты, съ другой стороны пріемнаго зала; въ одной, довольно пространной, угловой, расположенъ былъ кабинетъ его величества, которая была вмѣстѣ и его спальнею, а другая—была туалетная или уборная, гдѣ государь одѣвался, въ одно окно на дворъ, очень небольшая, полукруглая. При этихъ двухъ комнатахъ былъ корридоръ съ просвѣтомъ изъ туалетной, для дежурнаго камердинера, а гардеробная была внизу, въ подвальномъ

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія получены отъ кучера императора, Ильи Иванова Байкова и рейткнехта Потапова, бывшихъ тогда при его величествѣ. Первый около 1830 года умеръ отъ паралича, а послѣдній служилъ потомъ камердинеромъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

этажѣ. При домѣ довольно обширный дворъ и небольшой садъ, съ плодовыми деревьями, забытый, но къ прибытію императора приведенный въ возможный порядокъ. Изъ комнатъ императрицы былъ въ него выходъ. Домъ меблированъ самымъ простымъ, но приличнымъ образомъ, безъ всякой роскоши и богатства, столь необходимыхъ для чертоговъ царскихъ.

11-го сентября прибыла въ Таганрогъ императрица Елизавета Алексѣевна со своею свитою, коею начальствовалъ князь П. М. Волконскій. Для встрѣчи ея императоръ выѣзжалъ на 1-ю отъ Таганрога станцію, и въ дормезѣ съ нею вмѣстѣ, въ 7 часовъ вечера, прибылъ въ Таганрогъ, въ Варваціевскій монастырь, гдѣ ожидало ихъ величества все таганрогское духовенство и почти все населеніе города. По выслушаніи благодарственнаго молебствія о благополучномъ прибытіи императрицы, ихъ величества прибыли въ вышеописанный ихъ дворецъ, при коемъ былъ почетный большой караулъ отъ донскаго войска, подъ командою полковника Николаева. Комендантомъ же императорской квартиры назначенъ былъ лейбъ-гвардіи московскаго полка полковникъ Фридрихсъ. На это время гарнизонъ таганрогскій составлялъ наилучшій полкъ донскихъ казаковъ, командуемый тѣмъ же полковникомъ Николаевымъ.

Замѣчательно, что императрица, которой слабое здоровье едва позволяло въ Петербургѣ сдѣлать самое малое движеніе отъ изнуренія силъ, по прибытіи въ Таганрогъ, довольно бодро сама, безъ помощи, вышла изъ дормеза и вошла въ церковь подъ руку съ императоромъ.

Свиту императрицы, кромѣ князя Волконскаго, составляли: камеръ-фрейлины княжна Волконская (родная сестра князя) и Валуева; статсъ-секретарь Лонгиновъ, лейбъ-медикъ Штоффрегенъ, докторъ Рейнгольдъ и гофъ-медикъ Доббертъ, а также аптекарь придворный Проттъ.

Вообще же соображая, весь таганрогскій императорскій дворъ, по скромности и простотѣ своей, представлялъ не болѣе, какъ благоустроенное хозяйство, или усадьбу зажиточнаго провинціальнаго помѣщика.

Съ прибытіемъ императорской фамиліи, весь Таганрогъ оживился; многіе помѣщики пріѣхали изъ Екатеринославля, Харькова, а особенно много прибыло донцовъ, какъ служащихъ, такъ

и ветерановъ, оставившихъ уже военное поприще, украшенныхъ сѣдинами и знаками отличія за ихъ военныя заслуги во время послѣднихъ войнъ. Прибылъ также и донской наказной атаманъ генералъ Власовъ, съ своимъ штабомъ, для представленія его величеству. Государь необыкновенно милостиво принималъ донцовъ, коимъ оказывалъ особенное монаршее вниманіе, называя ихъ таганрогскою своею гвардіею.

Въ концѣ сентября государь предпринялъ путешествіе въ землю донскихъ казаковъ—въ Новочеркаскъ, для обозрѣнія этой донской столицы, недавно основанной ихъ храбрымъ атаманомъ графомъ Платовымъ.

Особенно его величеству желательно было удостовѣриться на мѣстѣ въ пользѣ преобразованія донского края, которое произведено высочайше учрежденнымъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Чернышева, коему и повелѣно было къ тому времени прибыть изъ С.-Петербурга въ Новочеркаскъ, и ожидать пріѣзда государя.

Для встрѣчи его величества у Новочеркаска собранъ былъ значительный отрядъ казаковъ, который ожидалъ государя на обширномъ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ Новочеркаска. Очень любопытно было въ этомъ храбромъ войскѣ видѣть многихъ генераловъ—въ орденахъ, лентахъ—съ бородами. Государь, въ верстахъ трехъ отъ Новочеркаска, на мызѣ графа Платова, переодѣлся, и потомъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ съ своею свитою къ ожидавшимъ его донцамъ. Съ неизъяснимымъ восторгомъ донцы встрѣтили своего государя. Атаманъ Власовъ, подъѣхавъ къ его величеству, представилъ рапортъ о состояніи войска и благосостояніи края. Государь, поздоровясь съ войскомъ, слѣдовалъ въ городъ среди многочисленнаго стеченія народа. Ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ.

Замѣчательно мѣстоположеніе Новочеркаска. Графъ Платовъ раскинулъ донскую столицу на высокомъ обширномъ холму, и притомъ съ такимъ просторомъ, что, стоя на одной сторонѣ городской площади, едва видишь домы на другой, противоположной сторонѣ, и самыя улицы необыкновенно широки. Императоръ, осмотрѣвъ городъ, отозвался: «По всему видно, что покойный атаманъ Платовъ любилъ жить просторно».

На другой день донцы давали императору великолѣпный балъ.

Его величество, замѣтивъ, что многія донскія дамы были не въ національномъ донскомъ нарядѣ, а въ платьяхъ и костюмахъ нѣмецкихъ или французскихъ, приказалъ барону Дибичу купить дорогихъ шелковыхъ и парчевыхъ матерій для подарка донскимъ дамамъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ непремѣнно носили свое національное платье, т.-е. кабелеки и казацкіе головные уборы.

Въ Новочеркаскѣ государь пробылъ три дня и пребываніемъ своимъ остался очень доволенъ. Только мѣстоположеніе города несовсѣмъ понравилось его величеству, что и дѣйствительно справедливо. Ибо столь возвышенное положеніе города подвергаетъ его почти постояннымъ вѣтрамъ; въ самомъ городѣ нѣтъ воды и невозможно получить ее изъ колодцевъ. А хотя подлѣ города протекаетъ рѣчка, но она такъ незначительна, что весною пересыхаетъ.

Изъ Новочеркаска государь отправился въ Аксайскую станицу, расположенную на берегу Дона. Любуясь положеніемъ Аксая, государь отозвался: «Вотъ бы самое лучшее мѣсто для Новочеркаска, и жаль, что эта мысль не пришла въ голову графу Платову!» Аксайская станица занимаетъ самое выгодное и прекрасное мѣстоположеніе на возвышенномъ правомъ берегу величественнаго Дона, окруженное обширною плодородною долиною, со всѣми удобствами для жизни. Въ Аксаѣ императоръ обѣдалъ; обѣдъ состоялъ почти исключительно изъ произведеній Дона, а именно: изъ стерляжей богатѣйшей ухи, свѣжей зернистой икры и разныхъ другихъ лучшихъ рыбъ Дона. Къ столу приглашены были: генералъ-адъютантъ Чернышевъ, атаманъ Власовъ и нѣсколько заслуженыхъ генераловъ войска донского.

Изъ Аксая государь отправился въ Нахичевань—греческую колонію, поселившуюся здѣсь во времена императрицы Екатерины II, гдѣ имѣлъ и ночлегъ. Въ этой колоніи живутъ большею частію зажиточные греки, занимающіеся коммерціею и выдѣлываніемъ разныхъ водокъ. Торгъ они ведутъ черезъ городъ Ростовъ-на-Дону, который отстоитъ отъ Нахичевани только на двѣ версты. Между Нахичеванью и Ростовомъ, на половинѣ разстоянія, находится Дмитріевская крѣпость, въ коей расположенъ баталіонъ военныхъ кантонистовъ и небольшой военный госпиталь. Государь посѣтилъ эти учрежденія, которыми остался доволенъ.

На другой день императоръ, выѣхавъ изъ Нахичевани, посѣ-

тилъ городъ Ростовъ; былъ въ соборной церкви, осмотрѣлъ торговую пристань и гарнизонную команду, потомъ отправился по тракту въ Таганрогъ. На берегу одного гирла Дона, при самомъ впаденіи онаго въ Азовское море, на хуторѣ (одного) отставного заслуженаго донского полковника, назначенъ былъ обѣдъ. Его величеству угодно было видѣть, какъ донцы занимаются рыбною ловлею. Хозяинъ хутора, у коего производится значительная рыбная ловля, приказалъ рабочимъ своимъ закинуть большой неводъ, и притомъ доложилъ его величеству, что онъ надѣется изъ этой тони приготовить осетровую икру, которая будетъ немедленно представлена къ столу. Государь, принявъ предложеніе хозяина, приказалъ метръ-дотелю Миллеру не подавать кушанья, пока не будетъ приготовлена обѣщанная икра. (Его величество особенно любилъ эту икру, такъ что она доставлялась даже на конгрессы въ Австрію и Италію чрезъ фельдъегерей для собственнаго стола). Во все время тони государь, изъ любопытства, стоялъ на берегу и дожидался, когда будутъ вытаскивать тоню. Когда концы или крылья большого невода приблизились къ берегу и рабочіе начали вытягивать его (на берегъ), то на пространствѣ воды, охваченной неводомъ, замѣтно было особенное движеніе, производимое большими рыбами. Когда же неводъ довольно близко притянутъ былъ къ берегу, хозяинъ приказалъ нѣсколькимъ работникамъ идти въ воду и изъ захваченной неводомъ рыбы выбрать матерого осетра; ловкіе рабочіе довольно скоро нашли икрянаго осетра, и захвативъ багромъ, вытащили на берегъ. Въ присутствіи государя осетръ этотъ былъ выпотрошенъ, вынута изъ него икра, которая неболѣе 10-ти минутъ особымъ механизмомъ была очищена, просолена и представлена его величеству. Государь, отвѣдавъ, нашелъ икру превосходнаго качества, которая и была подана къ обѣду. Замѣчательно, что въ эту тоню, кромѣ мелкихъ разныхъ рыбъ, поймано осетровъ и севрюгъ до 150 штукъ. Удивительное рыбное богатство! Государь въ продолженіе обѣда былъ очень веселъ, очень лестно отзывался о Донскомъ краѣ и вообще о донцахъ и отблагодарилъ хозяина за гостепріимство.

Въ 7 часовъ вечера государь благополучно прибылъ въ Таганрогъ и былъ встрѣченъ императрицею, коей здоровье очевидно улучшалось. Несмотря на наступившій октябрь, погода стояла самая благопріятная; императоръ съ императрицею ежедневно

передъ обѣдомъ прогуливались пѣшкомъ, а послѣ обѣда въ коляскѣ. Мѣстомъ прогулки былъ загородный садъ, расположенный на самомъ берегу Азовскаго моря, изъ котораго видъ на море представлялъ очаровательную картину.

Императрица очень любила небольшой садъ при домѣ, въ коемъ помѣщались ихъ величества, въ которой они часто выходили съ своими фрейлинами и любовались фазанами, которые были доставлены изъ Черноморіи главнымъ врачемъ Дмитріевскаго военнаго госпиталя Корниловичемъ, по порученію лейбъ-медика Виллié.

Въ Таганрогѣ государь оказывалъ особенное вниманіе къ донскому войску. Генералъ-адъютанту Чернышеву позволено было изъ Новочеркаска прибыть съ молодою своею супругою въ Таганрогъ. (Онъ только что въ августѣ женился въ третій разъ на внукѣ князя Куракина, дочери графа Зотова, весьма хорошо образованной и высокихъ достоинствъ). Цѣль приглашенія ген. Чернышева въ Таганрогъ наиболѣе заключалась въ томъ, что государю угодно было окончательно заняться благоустройствомъ Донского края, коимъ занимался особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Чернышева. Донское войско, содержавшее въ Таганрогѣ корпусъ и составлявшее гарнизонъ онаго, императоръ, какъ выше сказано, всегда называлъ своею таганрогскою гвардіею, а меня штабъ-докторомъ этой гвардіи, такъ что, когда донскіе генералы приглашались къ высочайшему столу, то всегда приглашался и я, подъ названіемъ штабъ-доктора Донского войска [1]).

Такое вниманіе къ донскому войску и нѣкоторыя другія обстоятельства возбуждали предположеніе, что государь императоръ располагался на долговременное пребываніе въ Таганрогѣ, который нравился и императрицѣ. Здѣсь они вели тихую и уединенную жизнь, свободную отъ всѣхъ придворныхъ этикетовъ; по всему было видно, что государь остальную часть жизни своей, при великихъ своихъ государственныхъ занятіяхъ, расположенъ былъ посвятить семейной и спокойной жизни; ибо высокое свое призваніе онъ вполнѣ уже оправдалъ своими славными дѣлами, по-

---

[1]) Между тѣмъ, какъ я, находясь при баронетѣ Виллié и въ свитѣ государя слишкомъ 6-ть лѣтъ, былъ не болѣе какъ баталіонный лекарь л.-гв. преображенскаго полка, по милости шотландскаго эгоизма моего ближайшаго начальника, которымъ овладѣла мысль, что государь, на мѣсто его, оставитъ при себѣ меня, и это я замѣчалъ изъ отношеній его ко мнѣ. Т.

ставившими его на самую высокую степень земного величія и всеобщаго въ Европѣ уваженія и признательности. Единственною его заботою въ Таганрогѣ было возстановленіе здоровья императрицы и предупрежденіе всѣхъ ея желаній, чтобъ пребываніе ея тамъ сдѣлать возможно пріятнѣйшимъ. Во время загородныхъ ихъ прогулокъ, императрицѣ особенно понравилось одно мѣстоположеніе на берегу моря близъ карантина. Государь немедленно повелѣлъ расположить на этомъ мѣстѣ садъ, самъ начертилъ планъ оному и приказалъ князю Волконскому вытребовать изъ Ропши садовника Грея, которому по пути къ Таганрогу повелѣно было сдѣлать нѣкоторыя геогностическія наблюденія, какъ образованному садовнику и ботанику. Всѣ свитскіе, радуясь такой семейной жизни государя съ императрицею, называли ихъ, между собою, молодыми супругами.

Многіе изъ знатныхъ особъ, военныхъ и гражданскихъ, стали пріѣзжать въ Таганрогъ. Между ними замѣчателенъ былъ графъ М. С. Воронцовъ, прибывшій изъ Одессы, съ донесеніемъ его величеству о благосостояніи ввѣреннаго ему обширнаго Новороссійскаго края. Онъ упросилъ государя посѣтить Крымъ, который подъ управленіемъ графа Воронцова въ короткое время достигъ до замѣчательнаго благоустройства, какъ въ отношеніи къ населенію, такъ и промышленности, особливо винодѣлія и садоводства. Императоръ принялъ это предложеніе.

Здѣсь замѣтить слѣдуетъ, что какъ всегда, такъ особенно въ послѣдніе годы, государь имѣлъ особенное расположеніе и охоту къ путешествіямъ, которыя предпринимались всегда съ важною патріотическою цѣлью, которая состояла преимущественно въ обозрѣніи отдаленныхъ краевъ обширнѣйшей его имперіи, въ повѣркѣ порядка государственнаго управленія въ дальнихъ его подраздѣленіяхъ, въ узнаніи быта и благосостоянія жителей и разныхъ отраслей промышленности и видовъ хозяйства ихъ.

Такимъ образомъ, кромѣ путешествія въ Крымъ, предположены были путешествія въ Грузію, Астрахань и въ Сибирь, даже до Иркутска. Необходимыми для этихъ путешествій топографическими соображеніями спеціально уже занимались трое опытныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые на сей конецъ и были вызваны барономъ Дибичемъ въ Таганрогъ и постоянно работали подъ его надзоромъ.

XV.

17-го октября назначенъ былъ выѣздъ въ Крымъ. Въ это путешествіе его величеству угодно было обозрѣть въ Таврической губерніи поселеніе нагайцевъ въ ихъ степяхъ, городъ Бердянскъ, гдѣ предполагалось устроить торговую гавань, и находящіяся тамъ разныя колоніи иностранцевъ.

По выѣздѣ изъ Таганрога, государь первый ночлегъ имѣлъ въ городѣ Маріуполѣ, расположенномъ на берегу Азовскаго моря, гдѣ существуетъ незначительная торговая пристань. Населенная нагайцами страна представляетъ большею частію степь дикую, мало обработанную. Но нѣмецкая колонія менонитовъ, расположенная по рѣчкѣ Молочной, обратила на себя особенное вниманіе его величества своимъ благоустройствомъ и богатствомъ произведеній. Занявъ первоначально необитаемую дикую степь, трудолюбивые и досужіе нѣмцы въ короткое время преобразовали этотъ край въ лучшую населенную провинцію. Здѣсь нельзя неудивиться дѣятельности, трудолюбію и мастерству пользоваться мѣстностію и качествомъ почвы. Колонія раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ поселковъ, недалеко одинъ отъ другого отстоящихъ. Всѣ дома и усадьбы въ каждомъ поселкѣ устроены совершенно однообразно по предначертанному съ большимъ благоразуміемъ плану. Вездѣ и во всемъ наблюдается примѣрный порядокъ и чистота. Всѣ поля обработаны съ необыкновенною тщательностію и раздѣлены прекрасными аллеями. Колонисты поля свои засѣваютъ преимущественно пшеницею, а равно и другими хлѣбами для собственнаго употребленія, но въ меньшемъ размѣрѣ. Сверхъ того, они занимаются шелководствомъ, которое у нихъ введено недавно съ успѣхомъ, и принимаетъ значительное развитіе. Но всего замѣчательнѣе ихъ плантаціи лѣса и садовъ, которые разведены при каждомъ поселкѣ, что придаетъ всей колоніи видъ обширнаго парка. Плодородіе превосходной почвы, большое скотоводство и разныя отрасли промышленности, въ непродолжительное время обогатили эту колонію, такъ что она пріобрѣла первенство надъ всѣми прочими въ тамошнемъ краѣ колоніями. Должно притомъ замѣтить, что менониты отличаются строгою нравственностію и безусловнымъ повиновеніемъ своимъ старшинамъ и высшему начальству.

При колоніи устроены общественныя заведенія, которыя содержатся въ большомъ порядкѣ, какъ-то: каменный, очень красивый костелъ, больница и училище. Императоръ остался чрезвычайно доволенъ колоніями менонитовъ. Она по рѣчкѣ называется тоже Молочною.

Еврейская колонія, для коей отведено большое пространство земли, находится въ самомъ, можно сказать, ничтожномъ состояніи. По причинѣ отвращенія евреевъ къ осѣдлой сельской жизни и земледѣлію, они всемѣрно удаляются отъ такого образа жизни. Два только еврейскія семейства водворились въ колоніи и живутъ въ бѣдномъ положеніи.

Въ Таврической губерніи, на берегу Азовскаго моря, поселены сосланные туда правительствомъ духоборцы, за ихъ вредный расколъ. Они всѣ изъ Архангельской и отчасти Олонецкой губерніи, сосланы сюда въ царствованіе императрицы Екатерины II; земля, данная имъ для поселенія, чрезвычайно плодородна, которую они засѣваютъ преимущественно пшеницею и содержатъ обширное скотоводство хорошей черкасской породы. Деревни ихъ и самые дома удерживаютъ ихъ первоначальный бытъ сѣвера. Всѣ духоборцы вообще, какъ мужчины такъ и женщины, отличаются высокимъ ростомъ, дородностію и крѣпостію силъ. Въ расколѣ своемъ они доселѣ остаются непреклонными; впрочемъ, правительству и начальствамъ покорны, и во всѣхъ общественныхъ повинностяхъ всегда исправны.

23-го октября государь прибылъ на ночлегъ въ Симферополь—столицу Крыма. Его величество остановился въ домѣ, занимаемомъ генералъ-лейтенантомъ Удомомъ, начальникомъ округа внутренней стражи.

Въ теченіе двухъ дней пребыванія въ Симферополѣ государь занимался смотромъ войскъ, военнаго госпиталя, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній. На третій день государь съ свитою отправился верхомъ на татарскихъ лошадяхъ, особенно пріученныхъ къ ѣздѣ по горамъ, для обозрѣнія южнаго берега Крыма, въ сопровожденіи графа Воронцова. Обѣдъ назначенъ былъ въ Алупкѣ—имѣніи, принадлежащемъ графу Воронцову. Вся дорога на южный берегъ идетъ по неприступнымъ, большею частію, горамъ, и на каждомъ шагу представляются взору самые очаровательные виды и ландшафты. Путешествіемъ государь былъ чрезвычайно

доволенъ и веселъ; по прибытіи въ Алупку, сойдя съ лошади, сказалъ свитѣ: «Послѣ такого пріятнаго путешествія, господа, можно покушать съ хорошимъ аппетитомъ».

Обѣдъ былъ приготовленъ поваромъ графа Воронцова; ибо кухня съ метръ-дотелемъ Миллеромъ, всѣ экипажи и канцелярія барона Дибича были отправлены изъ Симферополя чрезъ Бахчисарай въ Байдарскую долину, гдѣ они должны дожидаться прибытія туда императора. Обѣдъ приготовленъ былъ во вкусѣ императора, самымъ, впрочемъ, изысканнымъ образомъ. Но особенно замѣчателенъ былъ дессертъ при этомъ обѣдѣ; столъ, на коемъ былъ накрытъ обѣдъ, былъ круглый, соотвѣтственной величины; на срединѣ стола возвышалась большая пирамида, составленная изъ всѣхъ фруктовъ, какіе только производитъ богатый Крымъ. Отъ основанія до вершины пирамида эта, съ особеннымъ искусствомъ, составлена была такъ, что наилучшіе и самые деликатные фрукты составляли бока этого построенія—лакомаго и привлекательнаго. Императору чрезвычайно понравилась эта пирамида, и онъ долго любовался ею. Вина за столомъ исключительно были крымскія, полученныя изъ бордоскихъ и эпернейскихъ лозъ, и нимало неуступали въ достоинствѣ своемъ французскимъ винамъ.

27-го октября государь прибылъ въ Байдарскую долину, гдѣ въ одномъ татарскомъ селеніи, въ домѣ татарскаго старшины, приготовленъ былъ обѣдъ; но его величество приказалъ Миллеру съ обѣдомъ прямо ѣхать въ Севастополь и ожидать его къ обѣду тамъ; изъ Байдарской долины отправился въ Балаклаву, для осмотра находящагося тамъ греческаго легіона. По выѣздѣ изъ Балаклавы, приближаясь къ Севастополю, государю угодно было всю свою свиту, кромѣ фельдъегеря Годефроа, отпустить въ Севастополь, не исключая даже и барона Дибича, который долженъ былъ пересѣсть въ запасную коляску съ полковникомъ Соломкою; а самъ, совершенно одинъ, въ сопровожденіи только одного татарина, державшаго для него верховую лошадь, отправился безъ шинели, въ мундирѣ, въ Георгіевскій монастырь, расположенный на высокой обрывистой скалѣ, возвышающейся на самомъ берегу Чернаго моря. Это было уже въ 6-ть часовъ пополудни.

День этотъ былъ теплый и прекрасный, но къ вечеру подулъ сѣверовосточный вѣтеръ съ моря и стало чувствительно холодно.

Прибывшая въ Севастополь свита въ квартиру его величества, приготовленную въ комендантскомъ домѣ, ожидала прибытія государя. Метръ-дотель Миллеръ съ безпокойствомъ ожидалъ его величество къ обѣду, который былъ приготовленъ къ 4-мъ часамъ. Наступила темнота почти осязаемая, холодный вѣтеръ усиливался съ порывами; но государь не возвращался. Всѣ ожидающіе его мѣстные начальники, а равно и свитскіе начали безпокоиться, не зная чему приписать такое замедленіе прибытія императора. Георгіевскій монастырь находился отъ Севастополя въ верстахъ 6 или 7. Адмиралъ Грейгъ приказалъ полиціймейстеру поспѣшить съ факелами на встрѣчу государю, чтобъ освѣтить ему дорогу, которая въ этомъ мѣстѣ довольно гориста.

Наконецъ, ровно въ 8 часовъ прибылъ государь. Принявъ адмирала Грейга и коменданта, въ залѣ, отправился прямо въ кабинетъ, приказавъ поскорѣе подать ему чаю, отъ обѣда же отказался, и это было тѣмъ необыкновеннѣе, что прежде никогда въ путешествіи этого не случалось, и государь въ дорогѣ всегда имѣлъ хорошій аппетитъ и любилъ подчивать другихъ.

На другой день, 28-го октября, императоръ всталъ довольно рано и въ кабинетѣ принялъ барона Дибича, а послѣ адмирала Грейга. Въ 11 часовъ было общее представленіе всѣхъ морскихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, и мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 12 часовъ его величество присутствовалъ при спускѣ на воду небольшого морскаго судна «Воробей»; послѣ того осматривалъ во всей подробности всѣ укрѣпленія, устроенныя на берегу моря, при входѣ въ бухту. Въ присутствіи его производилась съ батарей стрѣльба раскаленными ядрами.

Послѣ укрѣпленій государь осмотрѣлъ ордонансъ-гаузъ; по выходѣ изъ онаго, на площади передъ гаубтвахтою, неожиданно, явился передъ государемъ арестантъ изъ морскихъ офицеровъ и съ замѣтнымъ раздраженіемъ началъ объяснять свое дѣло. Государь не могъ скрыть своего негодованія на такую дерзость, которая явно выражалась на лицѣ арестанта, и приказалъ произвести строгое изслѣдованіе этому происшествію.

Потомъ былъ подробный осмотръ флота, стоявшаго въ бухтѣ. Государь особенно занимался осмотромъ линейнаго корабля «Францъ I» о 120-ти пушкахъ, которымъ преимущественно былъ доволенъ. Послѣ флота государь посѣтилъ морской госпиталь и морскія казармы.

Въ послѣднихъ обратило вниманіе его величества размѣщеніе наръ для матросовъ, въ два яруса, одинъ надъ другимъ. Адмиралъ Грейгъ старался доказать пользу такого размѣщенія и выгоду въ хозяйственномъ отношеніи, представивъ его величеству, что англійское адмиралтейство отдало преимущество такого рода морскимъ казармамъ. На это государь сдѣлалъ весьма справедливое и основательное замѣчаніе: «Очевидно, здѣсь выигрывается выгода въ размѣщеніи большаго числа людей, но не страдаетъ ли при этомъ здоровье людей, отъ недостатка воздуха въ казармахъ, необходимаго для дыханія». На это адмиралъ не нашелъ возраженія, и замѣчаніе императора осталось въ полной своей силѣ.

Въ этотъ день былъ большой обѣдъ у императора, къ которому были приглашены всѣ генералы и штабъ-офицеры, сухопутные и морскіе и мѣстные гражданскіе высшіе чины. Лейбъ-медикъ Виллié, по случаю поздняго возвращенія, наканунѣ, императора изъ Георгіевскаго монастыря, спросилъ его величество о положеніи его здоровья, и получилъ самый удовлетворительный отвѣтъ, и въ наружности его не было замѣтно никакой неблагопріятной перемѣны.

На другой день государь осматривалъ городъ и замѣчательныя окрестности онаго, сохранившіе нѣкоторые остатки, и памятники древности, и въ 12-ть часовъ утра, 29-го октября, переправился чрезъ бухту и отправился по тракту въ Бахчисарай, нѣкогда столицу крымскихъ хановъ, куда и прибылъ въ 4 часа къ обѣду.

Въ Бахчисараѣ императоръ остановился въ ханскомъ дворцѣ, который сохраненъ вполнѣ и содержится точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при ханахъ, кромѣ принадлежностей надворныхъ, которыя, какъ видно, съ самаго покоренія Крыма не возстановляются и не поддерживаются. Самый знаменитый фонтанъ, такъ знаменито воспѣтый Пушкинымъ, остается безъ возобновленія. Онъ устроенъ внутри сераля и окруженъ обветшалыми диванами.

Но главная мечеть, турецкія бани и мраморный древній колодезь поддерживаются въ возможной исправности. Татарскій муфти предложилъ государю посѣтить мечеть, гдѣ будетъ совершаться молитва о его здравіи, и обрядъ ихъ обрѣзанія и брака. Государь принялъ такое предложеніе. Собственно въ мечети государь

не былъ, но былъ на скрытыхъ хорахъ мечети, гдѣ никѣмъ изъ молящихся дервишей не могъ быть видимъ. Въ это время при государѣ и я находился, и чрезвычайно былъ удивленъ молитвоприношеніемъ этихъ турецкихъ монаховъ. Обрядъ ихъ состоялъ въ томъ, что они, среди мечети, въ числѣ человѣкъ 50-ти, стали въ кругъ и начали съ замѣтнымъ усиліемъ кланяться очень скоро и низко, производя при этомъ очень дружно и въ тактъ восклицанія, очень похожія на хрюканье свиней, и это продолжали до тѣхъ поръ, пока отъ усталости начали нѣкоторые изъ нихъ падать въ обморокъ. Каждаго упавшаго немедленно относили въ сторону, и старшій изъ дервишей нагибался надъ нимъ и, казалось, что-то шепталъ ему на ухо. Прочіе дервиши продолжали свое хрюканье, и когда нѣсколько ихъ попадало, тогда эта молитва и кончилась. Послѣ, изъ любопытства, я былъ въ мечети во время ихъ обыкновеннаго служенія, на что получилъ позволеніе отъ главнаго ихъ муллы, но съ тѣмъ, чтобъ я входя въ мечеть надѣлъ данныя мнѣ прислужникомъ туфли.

Вечеромъ императоръ, въ сопровожденіи нашего генерала изъ татаръ, командующаго крымскими казаками, въ частномъ домѣ присутствовалъ на обрядѣ обрѣзанія и брака; изъ свиты же при императорѣ никого не было, татары никого не приглашали.

Въ Бахчисараѣ императоръ, призвавъ меня въ кабинетъ, приказалъ, чтобъ я приготовилъ ему изъ рису то самое питье, какое онъ пилъ въ 1824 году, въ январѣ, во время своей горячки съ рожею на ногѣ. Я немедленно выполнилъ это повелѣніе и въ тоже время счелъ нужнымъ увѣдомить о томъ баронета Вилліе, присовокупивъ, что у государя разстроенъ желудокъ. Впрочемъ, онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровьи, однако-жъ кушалъ въ этотъ день одинъ перловый свой супъ и котлету.

31-го октября поутру, въ сопровожденіи своей свиты и старѣйшихъ магометанъ Бахчисарая, государь отправился верхомъ въ Чуфутъ-Кале, для осмотра этого замѣчательнаго селенія караимовъ, которые просили императора осчастливить ихъ своимъ монаршимъ посѣщеніемъ. Государь казался быть совершенно здоровымъ, былъ веселъ и ко всѣмъ обращался съ обычною своею благосклонностію. Чуфутъ-Кале отстоитъ отъ Бахчисарая верстахъ въ 5-ти или 6-ти, расположенъ въ самой глубинѣ бахчиса-

райскаго ущелья, на неприступной, высокой и обрывистой скалѣ, такъ что нельзя неудивляться, почему караимы избрали для своего жилища такое неприступное и удаленное отъ всѣхъ почти сообщеній мѣсто, гдѣ нѣтъ даже воды, которая доставляется на скалу изъ ущелья, изъ источника ослами, нарочито пріученными къ тому и безъ проводниковъ.

Ущелье между Бахчисараемъ и Чуфутъ-Кале населяютъ большею частію цыганы, ведущіе жизнь полу-осѣдлую, и придаютъ грустную картину этому уединенному мѣсту. Напротивъ того, селеніе караимовъ составляютъ люди коммерческіе, богатые, живущіе въ красивыхъ домахъ восточной архитектуры. Всѣ жители, кромѣ женщинъ, которыя живутъ въ сераляхъ, вышли на встрѣчу императору и приняли его съ неописаннымъ восторгомъ. Государь входилъ въ ихъ синагогу, помѣщаемую въ великолѣпномъ каменномъ зданіи, въ коемъ при синагогѣ находится училище. Потомъ его величество посѣтилъ начальника караимовъ, у коего была приготовлена великолѣпная закуска изъ всѣхъ богатыхъ сластей востока. Хозяинъ, вопреки закону караимовъ, представлялъ государю свое семейство, т.-е. своихъ женъ съ дѣтьми, живущими въ отдѣльномъ сералѣ. Нѣкоторыя изъ женъ очень красивы, но чрезвычайно блѣдны; при нихъ нѣсколько маленькихъ дѣтей. Весь этотъ гаремъ былъ одѣтъ очень богато въ восточномъ вкусѣ.

Вблизи этого караимскаго селенія находится обширное древнее кладбище караимовъ, на коемъ много замѣчательныхъ мраморныхъ памятниковъ, и которое содержится у нихъ въ большомъ уваженіи.

На обратномъ пути, въ ущельи, государь посѣтилъ Успенскій монастырь, который чуднымъ образомъ помѣщается въ висячей скалѣ, повидимому, совсѣмъ готовой ринуться въ ущелье. Императоръ и мы всѣ, свитскіе, за нимъ, по высѣченной въ самой скалѣ узкой лѣстницѣ, не безъ страха, вошли въ эту уединенную святыню. Государя встрѣтили два инока и повели прямо въ церковь; его величество приложился къ св. иконѣ Божіей Матери, и потомъ осмотрѣлъ кельи, похожія болѣе на пещеры. Нельзя не удивляться этой обители, которая съ усильнымъ трудомъ и самоотверженіемъ высѣчена въ мѣловой скалѣ, на высотѣ саженъ 20-ти отъ подошвы ущелья, отдѣлившейся вверху отъ горнаго хребта на значительное разстояніе. Въ монастырѣ помѣ-

щаются два отшельника-монаха; всѣ принадлежности обители и самая церковная утварь крайне бѣдны.

По возвращеніи въ Бахчисарай, государь отобѣдалъ и отправился по направленію въ Евпаторію, куда и прибылъ на ночлегъ. Я пріѣхалъ на ночлегъ уже за полночь; верстъ за 12-ть, не доѣзжая до Евпаторіи, ощущается невыносимый сѣрный запахъ, наносимый вѣтромъ съ минеральныхъ грязей, сякскихъ, коихъ цѣлительная сила въ разныхъ болѣзняхъ извѣстна во всей Россіи.

Евпаторія — уѣздный городъ Таврической губерніи, расположенъ на отлогомъ берегу Чернаго моря, имѣетъ торговую гавань, карантинную заставу и населенъ преимущественно караимами, производящими значительную торговлю. Замѣчательное зданіе города составляетъ великолѣпная мечеть. Впослѣдствіи тамъ устроенъ артезіанскій колодезь, который даетъ чистую прѣсную воду въ обильномъ количествѣ, и есть единственный во всей Россіи, успѣшно оконченный.

2-го ноября, выѣхавъ изъ Евпаторіи, государь имѣлъ ночлегъ въ Перекопѣ. На другой день, рано поутру, выѣхавъ изъ Перекопа, въ селеніи Знаменскомъ осматривалъ квартировавшую тамъ артиллерійскую бригаду, а потомъ бригадный лазаретъ, въ коемъ особенно былъ доволенъ пищею и преимущественно овсянымъ супомъ для больныхъ, котораго довольно покушалъ и за который приказалъ барону Дибичу выдать повару 25 руб. ассигнаціями.

Въ этотъ день обѣдъ былъ въ большомъ селеніи Таврической губерніи. Императоръ, съ самаго Бахчисарая, гдѣ онъ приказалъ приготовить для него питье, казался совершенно здоровымъ, и ни мнѣ, ни баронету Вилліе нимало не жаловался на свое здоровье. Здѣсь, во время обѣда, вдругъ онъ началъ разговоръ о крымскихъ госпиталяхъ и сталъ распространяться о тамошнихъ лихорадкахъ, и въ особенности о хинной соли (sulphas chinini), коей дѣйствіе выхвалялъ противъ этихъ болѣзней, но сожалѣлъ, что вкусъ этого врачебнаго средства долженъ быть очень непріятенъ. Баронетъ Вилліе, въ защиту этого лекарства, доложилъ государю, что вкусъ его вовсе непротивенъ, но только горекъ. Государь, какъ-бы не повѣривши ему, тотчасъ приказалъ мнѣ подать его величеству хинную соль изъ дорожной аптеки. Я немедленно представилъ баночку, содержащую эту соль. Государь самъ ее попробовалъ на языкъ, и поморщившись, сдѣлалъ гри-

масу, сказавъ мнѣ: «Вы съ Яковомъ Васильевичемъ не любите лакомить своихъ паціентовъ вкусными снадобьями». Потомъ, отдавая мнѣ банку, спросилъ: «А какъ вы даете это средство?» Я отвѣчалъ: «Даютъ его больнымъ въ видѣ порошка, пилюль и въ растворѣ». — «Спасибо за угощеніе, извольте положить его въ свое мѣсто», сказалъ мнѣ государь.

Послѣ обѣда, на дорогѣ, встрѣтилъ государя фельдъегерь Масковъ, съ депешами изъ С.-Петербурга и Таганрога отъ императрицъ. Масковъ подалъ депеши государю на послѣдней станціи отъ города Орѣхова, отстоящей отъ него верстахъ въ 25-ти или 30-ти.

Принявъ депеши государь приказалъ Маскову ѣхать за нимъ, тотчасъ сѣлъ въ коляску съ барономъ Дибичемъ и поѣхалъ на полныхъ рысяхъ къ рѣчкѣ, чрезъ которую былъ большой мостъ, на который дорога съ крутого берега поворачивается довольно круто. Государь и запасная коляска, въ коей сидѣли полковникъ Соломка и фельдъегерь Годефроа, проѣхали черезъ мостъ благополучно и поднимались шагомъ на противуположный крутой берегъ. Въ это время Масковъ тотчасъ сѣлъ на курьерскую тройку въ моихъ глазахъ, и сказалъ: «пошолъ!» Горячая тройка подхватила съ мѣста и понесла къ мосту вслѣдъ за государемъ; но при поворотѣ на мостъ, кучеръ, не управивъ, попалъ на кочку изъ отвердѣвшей глины. Телѣга на всемъ быстромъ стремленіи сильно ударилась о кочку, такъ что Маскова очень высоко выбросило вверхъ, и онъ ударился о твердую дорогу тычкомъ головою — и остался на мѣстѣ безъ движенія. Этотъ моментъ паденія увидѣлъ государь съ противуположнаго берега, ахнулъ и тотчасъ послалъ г. Годефроа съ приказаніемъ ко мнѣ, чтобъ я немедленно подалъ врачебное пособіе упавшему, и по пріѣздѣ въ городъ Орѣховъ лично доложилъ его величеству о положеніи Маскова.

Я поспѣшилъ на мѣсто приключенія и нашелъ Маскова уже безъ дыханія, распростертымъ на землѣ; изъ носу и ушей у него текла кровь, пульсу не было, глаза стоячіе съ расширенною зеницею, дыханія не было, оставалось только едва замѣтное, рѣдкое волнообразное движеніе въ сердцѣ. Изслѣдовавъ бездыханное тѣло Маскова, я нашелъ, что онъ, при вертикальномъ паденіи головою, получилъ сильное сотрясеніе мозга съ трещиною на основаніи черепа.

Немедленно я приказалъ земскому исправнику принять трупъ Маскова и похоронить его приличнымъ образомъ, на что выдалъ ему сто рублей ассигнаціями. Находящіяся же при немъ всѣ бумаги и вещи въ чемоданѣ предоставилъ принять находившемуся въ свитѣ въ одной со мною коляскѣ майору фельдъегерскаго корпуса Михайлову.

По причинѣ плохихъ лошадей, станцію до города Орѣхова я ѣхалъ очень долго, такъ что не могъ туда пріѣхать прежде полночи. Баронъ Дибичъ послалъ ко мнѣ на встрѣчу фельдъегеря съ приказаніемъ, чтобъ я по пріѣздѣ тотчасъ явился къ нему. Ожидавшій меня баронъ Дибичъ, встрѣтилъ меня съ встревоженнымъ видомъ и съ вопросомъ: «Отчего вы такъ долго непріѣзжали и что Масковъ?» На первое я обвинялъ лошадей, которыя были очень плохи и слабы, а на послѣднее; что Маскова я нашелъ на мѣстѣ паденія безъ дыханія и не было никакого средства спасти его; онъ умеръ отъ сильнаго сотрясенія мозга съ переломомъ черепа на основаніи его.

Изъявивъ знакъ глубокаго сожалѣнія, баронъ Дибичъ тревожно приказалъ мнѣ тотчасъ доложить лично о томъ императору, который, несмотря на позднее время, съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о положеніи Маскова.

По докладѣ камердинеромъ, я вошелъ въ почивальню государя; его величество сидѣлъ противъ камина въ кабинетной шинели въ рукава, и читалъ бумаги. Я замѣтилъ, что онъ имѣлъ безпокойный видъ и старался согрѣться у горящаго камина. Онъ тотчасъ, при переступленіи моемъ черезъ порогъ, спросилъ меня отрывисто:

— «Въ какомъ положеніи Масковъ?»

— Онъ при паденіи получилъ смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясеніемъ мозга и большою трещиною въ самомъ основаніи черепа; я нашелъ его на мѣстѣ уже безъ дыханія и всякое врачебное пособіе оказалось тщетнымъ.

Выслушавъ такое мое донесеніе, государь всталъ съ мѣста, сплеснулъ руками и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастіе! очень жаль этого человѣка!..» Потомъ, оборотясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ; оно пред-

ставляло что-то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить слѣдующее обстоятельство, которое, по важности своей, не могло не имѣть сильнаго вліянія на моральное положеніе императора. Екатеринославскій епископъ и гражданскій губернаторъ имѣли личную горячую ссору по какому-то дѣлу, и эта ссора или споръ простерся даже до личной расправы. Получивъ о семъ донесеніе, императоръ былъ очень огорченъ такимъ оскорбительнымъ для сана ихъ поступкомъ, и не приказывая этому происшествію давать огласки, намѣренъ былъ лично ихъ разобрать. На сей конецъ оба они были вызваны въ городъ Орѣховъ. На другой день государь далъ имъ обоимъ отдѣльно аудіенцію, и, съ свойственною ему деликатностію, очень строго далъ каждому изъ нихъ почувствовать всю неблаговидность поступка ихъ, какъ главныхъ представителей власти въ Екатеринославской губерніи. Очевидно, что его величество не могъ этого сдѣлать равнодушно, по крайней мѣрѣ безъ сильнаго внутренняго потрясенія.

XVI.

4-го ноября государь, заѣхавъ въ Орѣховѣ въ церковь и приложась ко св. кресту, отправился по направленію въ Маріуполь, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Прибывъ на ночлегъ въ 7 часовъ вечера, императоръ часу въ 10-мъ потребовалъ къ себѣ баронета Вилліе, которой нашелъ его величество въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма. Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пуншу съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ, сколько можно, теплѣе. Это усилило только безпокойство императора и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только 90 верстъ и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т.-е. 5-го ноября — такъ было назначено по маршруту.

5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, поутру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ 10-мъ утра, въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьею полостью, въ теплой шинели, отпра-

вился изъ Маріуполя и прибылъ въ Таганрогъ, въ 8-мъ часу вечера, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидала его императрица.

6-го ноября, въ 7 часовъ утра, лейбъ-медикъ Вилліе нашелъ государя въ довольно спокойномъ положеніи и безъ лихорадки, только языкъ покрытъ былъ бѣловатою слизью и непріятный вкусъ во рту. Назначивъ умѣренную діэту, прописалъ обыкновенныя, нерѣдко государемъ принимаемыя, пилюли изъ 6-ти гранъ сладкой ртути (Calomel) и полдрахмы корня ялаппа. Лекарство это оказало свое дѣйствіе, и весь день государь провелъ въ кабинетѣ довольно спокойно, но ничего не кушалъ, ибо не чувствовалъ никакого аппетита.

Въ ночи на 7 ноября государь имѣлъ сильный лихорадочный пароксизмъ и совсѣмъ не спалъ. Лейбъ-медикъ былъ очень опечаленъ положеніемъ императора и назначилъ ему микстуру слабительную (Infusum Sennae Salinum) три раза въ день по унцу. День прошелъ безъ лихорадки и государь чувствовалъ себя довольно изрядно, а въ ночи на 8 ноября даже спалъ спокойно часа 4. Поутру баронетъ Вилліе нашелъ императора въ удовлетворительномъ положеніи, такъ что возвратился отъ своего больного не только спокойнымъ, но даже веселымъ, и сказалъ мнѣ, что положеніемъ императора онъ совершенно доволенъ.

Здѣсь должно замѣтить, что означенныя пилюли и микстура были главными лекарствами баронета Вилліе, которыми ему многократно удавалось помогать своему августѣйшему паціенту, не прибѣгая къ другимъ средствамъ, которыя были не нужны при мужественномъ и сильномъ тѣлосложеніи государя.

Въ ночи на 9 ноября государь имѣлъ сильный лихорадочный пароксизмъ и вовсе не спалъ. Такое теченіе болѣзни государя стало безпокоить императрицу, и ея величество прислала своего лейбъ-медика г. Штоффрегена въ консультанты къ баронету Вилліе.

9-го ноября, пріѣхавшій изъ Петербурга курьеръ привезъ извѣстіе, что въ имѣніи графа Аракчеева, Грузинѣ, случилось важное происшествіе. Дворовые люди графа зарѣзали завѣдывавшую его хозяйствомъ и пользовавшуюся особенною его довѣренностію женщину, Настасью, столь извѣстную въ свое время. Убійство это такъ поразило гр. Аракчеева, что онъ заболѣлъ и отказался прибыть, по повелѣнію государя, въ Таганрогъ, куда его величество вызывалъ его для занятія съ нимъ дѣлами особенной важ-

ности. Это обстоятельство опечалило государя, какъ по случившемуся у графа такому происшествію, такъ и потому, что присутствіе графа въ Таганрогѣ было необходимо нужно для императора, такъ что, несмотря на уклоненіе графа, его величество приказалъ баронету Виллі написать къ нему, чтобъ онъ поспѣшилъ пріѣздомъ въ Таганрогъ. Письмо это писалъ я, которое, по своему содержанію, очень замѣчательно. Въ немъ изложено было участіе, принимаемое государемъ въ грустномъ положеніи графа, и что въ Таганрогѣ, гдѣ для него былъ приготовленъ наилучшій домъ, со всѣмъ комфортомъ, онъ найдетъ благосклонный и дружескій пріемъ, и глубокая грусть его можетъ здѣсь разсѣяться. Несмотря на все это, графъ Аракчеевъ не пріѣзжалъ въ Таганрогъ. Такой поступокъ графа, имѣвшій видъ ослушанія, унизилъ его въ общемъ и самого государя императора мнѣніи [1]).

Весь день 9-го ноября государь провелъ безпокойно. Употребляемыя имъ лекарства наскучили ему, не принося ожидаемой пользы. Ночь на 10-го ноября государь провелъ почти безъ сна, жалуясь на безпокойство и головную боль. Замѣтить должно, что императоръ все это время не переставалъ заниматься дѣлами, и хотя не выходилъ изъ кабинета, но всегда былъ въ сюртукѣ и проводилъ свободное время съ императрицею, которую положеніе его начало очень тревожить.

Съ 10-го на 11-е ноября въ ночи, отъ генерала Ротта, командовавшаго тогда пѣхотнымъ корпусомъ, прибылъ съ секретнымъ донесеніемъ офицеръ Шервудъ, котораго государь принялъ секретно въ кабинетѣ, полчаса говорилъ съ нимъ, и тотчасъ же приказалъ ему выѣхать изъ Таганрога, и притомъ такъ, чтобъ никто не могъ узнать о его пріѣздѣ въ Таганрогъ.

Въ ту же ночь государь потребовалъ къ себѣ полковника Николаева, командовавшаго отрядомъ донскихъ казаковъ при квартирѣ его величества, и коменданта города Таганрога, полковника гвардіи Фридерица, и давъ имъ важное секретное повелѣніе, приказалъ тотчасъ же немедленно выѣхать изъ Таганрога, такъ чтобъ никто не замѣтилъ ихъ выѣзда. Этого отправленія и даннаго высочайшаго повелѣнія не зналъ даже и начальникъ штаба его величества баронъ Дибичъ.

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. IV (стр. 262—294), подлинное дѣло объ убійствѣ любовницы гр. Аракчеева—Настасьи Шумской. **Ред.**

12-го ноября, поутру, у государя былъ пароксизмъ, за коимъ послѣдовала слабость, на которую его величество особенно жаловался. По случаю пріостановленія желудочнаго испражненія, баронетъ Вилліе и Штоффрегенъ назначили промывательное, которое и было поставлено штабъ-лекаремъ Рейнгольдомъ, состоявшимъ тогда при Штоффрегенѣ, врачемъ свиты ея величества императрицы. Это средство не принесло ожидаемой пользы, и замѣчено, что государь колебался въ довѣренности къ даваемымъ ему лекарствамъ.

13-го ноября, часу во 2-мъ пополудни, государь занимался какимъ-то важнымъ дѣломъ. Вдругъ нашло густое облако и произвело такой сумракъ, что государь потребовалъ огня. Камердинеръ Анисимовъ зажегъ двѣ свѣчи и поставилъ въ кабинетѣ предъ государемъ. Спустя полчаса, туча прошла и горизонтъ сталъ ясенъ попрежнему, но свѣчи оставались предъ государемъ незагашеными. Анисимовъ, вошедъ зачѣмъ-то въ кабинетъ и видя предъ государемъ горящія свѣчи, остановился, ожидая отъ него приказанія погасить свѣчи.

— Чего ты хочешь, Георговичъ? (такъ обыкновенно звалъ онъ Анисимова) спросилъ государь.

— Не хорошо, государь, что предъ вами днемъ горятъ свѣчи, отвѣчалъ Анисимовъ.

— А что-жъ за бѣда: развѣ по-твоему это что-нибудь значитъ недоброе?

— По нашему предъ живымъ человѣкомъ, среди бѣлаго дня, свѣчей не ставятъ, сказалъ Георговичъ.

— Это пустой предразсудокъ, безъ всякаго основанія, сказалъ государь; ну, пожалуй, возьми прочь свѣчи для твоего успокоенія.

Анисимовъ, загасивъ и принявъ свѣчи, вышелъ изъ кабинета. Это обстоятельство, которому послѣ придавали особое значеніе, слово въ слово передалъ мнѣ самъ Анисимовъ, старшій камердинеръ императора.

Въ ходѣ болѣзни и положеніи императора доселѣ не было ничего благопріятнаго. Характеръ лихорадки началъ измѣняться, и изъ перемежающейся она перешла въ непрерывную. 14-го ноября государь всталъ поутру въ обыкновенное свое время, въ 7-мъ часу, и тотчасъ приказалъ подать себѣ бриться. Только-что

началъ онъ, за уборнымъ своимъ столомъ, брить бороду, на подбородкѣ отъ трясенія руки сдѣлалъ порѣзъ, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ съ нимъ сильный обморокъ, такъ что онъ не могъ удержаться на стулѣ; камердинеръ не успѣлъ его поддержать и государь упалъ на полъ. Это произвело большую тревогу во дворцѣ. Баронетъ Вилліе совсѣмъ потерялся, г. Штоффрегенъ началъ государю растирать голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица, и государя уложили въ кровать въ бѣломъ шлафрокѣ. Ея величество чрезвычайно была опечалена положеніемъ своего супруга, и просила лейбъ-медиковъ принять дѣятельнѣйшія, извѣстныя имъ мѣры противъ усилившейся болѣзни императора.

Съ этого момента уже было видно, что болѣзнь императора приняла опасное направленіе. Онъ болѣе уже не могъ вставать съ постели. Изъ уборной перевели его на большой диванъ въ кабинетъ.

Въ 9-ть часовъ вечера его величество потребовалъ меня къ себѣ. Надобно здѣсь замѣтить, что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности зналъ, частію отъ баронета Вилліе (нежелавшему, какъ казалось, допустить меня въ почивальню государя), а частію отъ лейбъ-медика Штоффрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшаго тогда не совсѣмъ здоровымъ.

По докладу императору, я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ. Его величество былъ въ большомъ жару и безпокоенъ. Увидѣвъ меня, сказалъ:

— Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разболѣлся, останься при мнѣ, Якову Васильевичу одному трудно, онъ устаетъ и ему по временамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ.

При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положеніемъ, и какое-то безсознательное предчувствіе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣетъ и мы должны его лишиться. Это несчастное предчувствіе я секретно сообщилъ г. Рейнгольду, который видѣлъ его 12-го ноября, и вполнѣ раздѣлилъ со мною такое предсказаніе.

Въ 12-мъ часу вечера императрица вошла къ императору, весьма смущенною, усиливаясь въ виду государя казаться спокой-

ною. Сѣвъ подлѣ больного, на томъ же диванѣ, она начала разговоръ убѣжденіемъ, чтобъ государь аккуратно принималъ назначаемыя ему докторами лекарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

— «Я намѣрена предложить тебѣ свое лекарство, которое всѣмъ приноситъ пользу».

— Хорошо, говори, сказалъ государь.

Императрица продолжала: «Я болѣе всѣхъ знаю, что ты великій христіанинъ и строгій наблюдатель всѣхъ правилъ нашей православной церкви; совѣтую тебѣ прибѣгнуть къ врачеванію духовному, оно всѣмъ приноситъ пользу и даетъ благопріятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ».

— Кто тебѣ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лекарство?

— «Твой лейбъ-медикъ, Вилліе», отвѣчала императрица.

Тотчасъ Вилліе былъ позванъ.

Императоръ повелительно спросилъ его: «Ты думаешь, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?»

Вилліе, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи.

Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ, сказалъ императрицѣ: «Благодарю тебя, другъ мой, прикажи—я готовъ».

Тотчасъ былъ позванъ соборный протоіерей Алексѣй Ѳедотовъ; но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ, что, однако-жъ, не былъ настоящій сонъ, но сонливость (sopor). Въ такомъ положеніи государь оставался до 5-ти часовъ утра. Я всю эту ночь просидѣлъ подлѣ больного, и наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы св. Давида, не открывая глазъ.

Въ 5½ часовъ утра, 15-го ноября, императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «Здѣсь ли священникъ?» Я тотчасъ сказалъ о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Вилліе, проводившимъ всю ночь въ пріемномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

Немедленно введенъ былъ протоіерей Ѳедотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ ему: «Я хочу исповѣдаться и пріобщиться св. Таинъ,—прошу исповѣдать меня, не какъ императора, но какъ простого мірянина,—извольте начинать, я готовъ приступить къ св. Таинству».

Императрица и всѣ предстоявшіе удалились. Исповѣдь и св. причащеніе продолжались часъ съ четвертью. Послѣ вошли къ государю и всѣ прочіе, и поздравляли его величество съ принятіемъ св. Таинъ. Императрица поцѣловала государя въ лобъ и руку.

Государь казался ободреннымъ и спокойно разговаривалъ. Потомъ обратясь къ врачамъ, сказалъ:

— «Теперь, господа, ваше дѣло; употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными».

Лихорадочное состояніе постепенно усиливалось, припадки показывали, очевидно, пораженіе мозга. Немедленно мною поставлено было за уши и къ затылку 30-ть піявицъ, на голову положены холодныя примочки и назначены лейбъ-медиками внутреннія средства. Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ припадки не ожесточались.

16-го ноября. Ночь провелъ государь безпокойно, сна совсѣмъ не было, но была сонливость. Сильный жаръ, кожа сухая. Среди дня государь разговаривалъ съ императрицею, но прерывисто и голосомъ слабымъ.

17-го ноября. Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе; жаръ былъ менѣе сильный, пульсъ до 100 ударенiй. Поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала. День начался прекраснымъ утромъ, солнце свѣтило во всемъ блескѣ, коего лучи падали прямо на окна кабинета государя. Его величество, приказавъ поднять оконныя шторы, любовался свѣтомъ солнца, которое онъ вообще всегда очень любилъ, и сказалъ: «Какой прекрасный день и какъ благотворны лучи солнца!» Нѣкоторые и другіе признаки подавали поводъ полагать, что положеніе государя подаетъ нѣкоторую надежду на благопріятный оборотъ болѣзни, достигшей, впрочемъ, высшей степени своего развитія....

Такого содержанія былъ на этотъ день бюллетень, ежедневно отправляемый въ Петербургъ. Но къ вечеру положеніе государя

сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки угнетенія мозга были очень очевидны и погасили всякую надежду на благопріятный исходъ болѣзни.

18-го ноября. Ночь всю провелъ государь въ забытьи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица, сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. распятіе, крестился и читалъ молитвы. Это распятіе было на золотомъ медальонѣ, висѣвшемъ надъ диваномъ, на коемъ лежалъ больной. Святыня эта, какъ родительское его благословеніе, всегда и вездѣ сопровождала его величество и свято была имъ хранима. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда я давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и несвободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ 10-ть часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ 4-мъ часу за полночь, дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій.

Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

Наступило 19-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобъ получить вѣсть о положеніи императора.

Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и св. распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе стано-

вилось все рѣже и тише. Наконецъ, въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ утра незабвенный и великій монархъ мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ, и благочестивая великая душа его возлетѣла на небо! Нашъ Ангелъ въ небесахъ!!!.....

Государыня императрица, неотлучно сидѣвшая при августѣйшемъ своемъ умирающемъ, ровно 12-ть часовъ, встала съ своего мѣста въ этотъ торжественно-ужасный моментъ, помолилась на колѣняхъ св. распятію, висѣвшему на стѣнѣ предъ усопшимъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его нѣжно, еще перекрестила его, закрыла вѣки глазъ его; сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, наконецъ опять на колѣняхъ помолилась св. распятію, низко поклонившись усопшему, и, отерши свои слезы, вышла изъ кабинета въ свои комнаты. Князь Волконскій хотѣлъ-было слѣдовать за нею, но императрица, оборотясь къ нему, сказала: «Останьтесь князь, здѣсь; ваше присутствіе здѣсь теперь необходимо нужно».

XVII.

Нельзя описать того горестнаго положенія, въ которое повергнуты были всѣ присутствовавшіе при кончинѣ Александра Благословеннаго. Присутствовавшіе были: князь Волконскій, баронъ Дибичъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ, статсъ-секретарь Лонгиновъ; лейбъ-медики: баронетъ Вилліе, Штоффрегенъ, я и докторъ Рейнгольдъ. Бывшій при князѣ Волконскомъ живописецъ изъ этой печальной сцены составилъ картину, которая довольно вѣрно представляетъ кончину великаго изъ монарховъ этого времени.

Удивительны и непостижимы судьбы Провидѣнія Всевышняго! Великій монархъ, обладатель 50-ти милліоновъ, отлученный отъ родственнаго своего круга попеченіемъ о возстановленіи здоровья августѣйшей своей супруги, умираетъ въ отдаленномъ отъ столицъ и уединенномъ городѣ, не въ великолѣпномъ дворцѣ, а въ частномъ, самомъ скромномъ домѣ, безъ всякаго великолѣпія.

Всѣ присутствовавшіе, по выходѣ императрицы, въ безпрестанныхъ рыданіяхъ, простились съ усопшимъ императоромъ, и удалились изъ кабинета его величества.

Князь Волконскій и баронъ Дибичъ тотчасъ приказали чиновнику Пѣтухову, при себѣ, опечатать всѣ бумаги и портфели

въ кабинетѣ императора и составить подробную всему опись. Это немедленно и выполнено съ наивозможною аккуратностію.

Въ тотъ же день, 19-го ноября, въ 10-ть часовъ вечера у барона Дибича былъ чрезвычайный комитетъ, который составляли: князь Волконскій, баронъ Дибичъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ, статсъ-секретарь Лонгиновъ, духовникъ протоіерей Алексѣй Ѳедотовъ, лейбъ-медикъ Виллié и я. Комитету этому предложено составить государственный актъ о кончинѣ императора Александра I. Актъ этотъ немедленно былъ составленъ, я тутъ же переписалъ его набѣло, и всѣ члены, а равно и я, его подписали. Въ актѣ этомъ, между прочимъ, изображено: «Императоръ Александръ I, 19-го ноября 1825 года, въ 10-ть часовъ и 47 минутъ, въ городѣ Таганрогѣ, скончался отъ горячки съ воспаленіемъ мозга» [1]).

Тѣло скончавшагося императора помѣщено было тутъ же въ кабинетѣ на столѣ, окружено подсвѣчниками съ горящими свѣчами и начато священниками чтеніе св. евангелія. Въ 7 часовъ вечера была совершена первая панихида соборнѣ; въ послѣдующее время панихиды надъ тѣломъ императора были постоянно въ 11-ть часовъ утра и въ 7-мь вечера.

Предстояла необходимость бальзамированія тѣла императора. Князь Волконскій эту печальную операцію возлагалъ на меня; но я, изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору, не могъ принять на себя такой обязанности. Тогда составленъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Чернышева, изъ врачей: Рейнгольда, Добберта, Лакіера (таганрогскаго городового лекаря), штабъ-лекаря Васильева (состоявшаго при казацкомъ гарнизонѣ) и придворнаго аптекаря Протта.

Предъ бальзамированіемъ, которое предписано было совершить въ продолженіе только одной ночи, произведено было вскрытіе тѣла по установленному судебному порядку, и составленъ актъ. При вскрытіи найденъ въ мозгѣ воспалительный процессъ и значительное выпотѣніе суковицы, коей въ боковыхъ желудкахъ мозга найдено до трехъ унцовъ. Реданція этого акта составлена мною, и черновой хранится между моими бумагами; но я его не подписывалъ.

[1]) Актъ этотъ хранится въ государственномъ архивѣ вмѣстѣ съ документами императорской фамиліи россійской имперіи. Т.

Вслѣдъ за симъ немедленно приступлено было къ бальзамированію, которое, несмотря на всѣ встрѣченныя затрудненія въ отысканіи въ столь короткое время всѣхъ потребныхъ къ тому веществъ и составовъ, произведено было въ назначенное время и вполнѣ удачно, такъ что, по прибытіи печальной церемоніи 8-го марта 1826 года въ Царское-Село, несмотря на разстояніе почти 2,000 верстъ и продолжительность шествія печальной церемоніи, тѣло императора и форма лица были совершенно сохранены. Сердце императора помѣщено было въ серебряный, густо вызолоченый сосудъ, а внутренности въ особый кивотъ, или ящикъ, и герметически закупорены.

По совершеніи бальзамированія, тѣло императора одѣто было въ парадный общій генеральскій мундиръ со всѣми принадлежностями, кромѣ Андреевской ленты и шпаги. По положеніи тѣла въ гробъ, возложена была на голову императора корона. Гробъ былъ поставленъ на катафалкъ въ пріемномъ залѣ, который былъ весь обитъ трауромъ и убранъ всѣми императорскими принадлежностями и доспѣхами.

Въ день кончины государя, ввечеру императрица выѣхала изъ дворца въ домъ генерала Бабкова, съ своими фрейлинами, Валуевою и княжною Волконскою.

По отдаленности Таганрога отъ столицъ, всѣ потребности и вещи для печальной церемоніи надобно было выписывать или изъ Москвы, или Петербурга; это требовало значительнаго времени. Между тѣмъ вытребованы изъ Петербурга два генералъ-адъютанта и 8 флигель-адъютантовъ для дежурства при гробѣ императора.

2-го декабря была церемоніальная печальная процессія для выноса тѣла императора въ Варваціевскій соборъ, гдѣ оно въ парадномъ гробѣ поставлено было на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ императорскою короною. Въ соборѣ было ежедневно архіерейское служеніе, и поутру и ввечеру панихиды. Для сего былъ вызванъ изъ Екатеринославля епархіальный архіерей, и, замѣчательно, тотъ самый, которому, незадолго передъ тѣмъ, въ городѣ Орѣховѣ покойный императоръ, за поступокъ съ губернаторомъ, лично сдѣлалъ строгое замѣчаніе, какъ выше о семъ было сказано.

Для императрицы всегда служились панихиды надъ тѣломъ государя особенно. Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что им-

ператрица, при потерѣ августѣйшаго супруга, сохранила замѣчательное присутствіе духа, не показывая ни малѣйшей слабости, свойственной ея полу при такомъ ужасномъ для нея ударѣ. Она въ день кончины императора написала императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ письмо, которое должно считаться историческимъ, оно начиналось такъ: «Notre Ange est au ciel, et Moi, je végette encore sur la terre» и проч.

На третій день по кончинѣ императора, въ соборной церкви была присяга цесаревичу Константину Павловичу, которому въ тотъ же день былъ отправленъ курьеръ въ Варшаву съ рапортами отъ начальника главнаго штаба барона Дибича, о состояніи всей арміи и о другихъ управленіяхъ и частяхъ военнаго вѣдомства. На пакетахъ было надписано: «Его императорскому величеству государю Константину I». Курьеромъ былъ посланъ капитанъ фельдъегерскаго корпуса Веймаръ, который однако-жъ возвратился вскорѣ назадъ со всѣми депешами, которыхъ цесаревичъ не принялъ, а самого Веймара приказалъ тотчасъ ночью же выпроводить изъ Варшавы, не дозволивъ ему даже отдохнуть и строго запретилъ, чтобъ онъ ни съ кѣмъ не смѣлъ видѣться въ Варшавѣ.

Въ главномъ штабѣ дѣлались распоряженія о выводѣ войскъ на трактъ, по коему должна слѣдовать печальная процессія съ тѣломъ императора изъ Таганрога до С.-Петербурга. На разстояніи почти двухъ тысячъ верстъ, надобно было расположить кавалеріи и пѣхоты до 200,000. Кавалерія обыкновенно составляла эскортъ впереди и позади колесницы, а на ночлегахъ при церквахъ въ карауле всегда и вездѣ была пѣхота. Главнымъ военнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ, составлявшихъ эскортъ, назначенъ былъ войска донского генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ. При колесницѣ (при гробѣ) во все время шествія дежурили генералъ-адъютантъ и два флигель-адъютанта.

Предъ выступленіемъ изъ Таганрога печальной процессіи, императрица Елизавета Алексѣевна призвала меня, и прощаясь изволила мнѣ повелѣть:

— «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору, и потому я никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Получивъ повелѣніе ея величества, я поцѣловалъ ея руку, откланялся и вышелъ. Спустя нѣсколько минутъ императрица, призвавъ меня опять къ себѣ, изволила мнѣ пожаловать бриліантовый траурный перстень, сказавъ:

— «Вотъ вамъ отъ меня на память службы при императорѣ!»

22-го декабря 1825 года, по совершеніи въ Варваціевскомъ соборѣ архіереемъ литургіи и панихиды, съ значительнымъ казачьимъ эскортомъ, печальная процессія выступила изъ Таганрога. Жители города и окрестностей въ большихъ массахъ сопровождали постоянно гробъ императора, и не было никого, кто бы не оплакивалъ Благословеннаго монарха. Сопровожденіе гроба массою жителей постоянно продолжалось во все путешествіе печальной церемоніи до самаго Петербурга.

Лейбъ-медикъ Виллié поспѣшилъ уѣхать изъ Таганрога впередъ печальной церемоніи, и прибывши въ Петербургъ, немедленно уволилъ меня отъ управленія его канцеляріею, назначивъ главнымъ врачемъ артиллерійскаго военнаго госпиталя въ Петербургѣ. Это назначеніе, о коемъ я получилъ извѣстіе на дорогѣ въ Харьковѣ, при моемъ грустномъ въ то время положеніи, меня очень опечалило. Оно видимо показывало недоброжелательство начальника, которому я вѣрно, усердно и съ преданностію служилъ семь лѣтъ, и не заслужилъ даже того, чтобъ дождаться моего возвращенія въ Петербургъ и спросить меня о желаніи поступить на такое мѣсто. Главная цѣль его была та, чтобъ заблаговременно удалить меня отъ двора, при коемъ я уже пользовался вниманіемъ и извѣстностію, и особенно, какъ для меня было очень понятно впослѣдствіи, потому, что при покойномъ императорѣ, въ послѣдніе дни его болѣзни, я находился безотходно и ухаживалъ за нимъ, какъ самая усердная сердобольная. Это было замѣчено не только всѣми придворными и высшими особами, но и самою императрицею Елизаветою Алексѣевною, которая писала о томъ и въ Петербургъ [1]).

Шествіе печальной церемоніи, по выступленіи изъ Таганрога, продолжалось благополучно, по составленному барономъ Дибичемъ плану. Начальствующій надъ церемоніею и войсками, состав-

[1]) Эта одна черта г. Виллié уже показываетъ, въ какой степени онъ былъ эгоистъ, неблагодаренъ къ моимъ заслугамъ, а притомъ большой трусъ.

Т.

лицами эскортъ гроба, графъ Орловъ-Денисовъ наблюдалъ вездѣ строгій порядокъ и военную дисциплину. Всѣ ночлеги были въ селахъ, или городахъ, такъ что гробъ всегда ночевалъ въ церквахъ, въ которыя онъ былъ вносимъ и выносимъ 10-ю сильными донскими казаками, для поставленія на парадную колесницу подъ великолѣпный балдахинъ, увѣнчанный императорскою короною. Во время всего шествія ежедневно обѣдни и панихиды при гробѣ служили епархіальные архіереи. На всемъ пути, даже въ степныхъ мѣстахъ, стекались жители большими массами, чтобъ оплакать своего Незабвеннаго монарха. Но въ городахъ, особенно губернскихъ, это стеченіе народа простиралось до неимовѣрно обширныхъ размѣровъ и представляло самыя умилительныя и трогательныя сцены уваженія и благоговѣнія къ покойному императору.

Встрѣчи печальной церемоніи въ губернскихъ городахъ были описываемы, чрезвычайно трогательно и увлекательно, состоявшимъ при графѣ Орловѣ-Денисовѣ, адъютантомъ-ротмистромъ Элпидифоромъ Антіоховичемъ Зуровымъ [1]). Описанія эти помѣщались въ донесеніяхъ начальнику главнаго штаба барону Дибичу, и доводились до высочайшаго свѣдѣнія.

Кромѣ личнаго повелѣнія, даннаго мнѣ императрицею въ Таганрогѣ, я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостію тѣла императора во время всего шествія. Съ этою цѣлію я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо по временамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры, при особомъ комитетѣ въ присутствіи графа, производились секретно въ полночь пять разъ, и каждый разъ, по осмотрѣ, я представлялъ донесеніе графу о положеніи тѣла. Для ежедневнаго же наблюденія, въ гробѣ было сдѣлано отверстіе въ видѣ клапана, чрезъ которое всегда можно было удостовѣриться о цѣлости тѣла. Когда же морозъ понижался до двухъ или трехъ

---

[1]) Описанія эти открыли г. Зурову весьма лестный карьеръ службы; по прибытіи печальной церемоніи въ Петербургъ, баронъ Дибичъ, по рекомендаціи графа, взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Впослѣдствіи онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, за отличіе въ полковники, генералъ-маіоры. Наконецъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Тулѣ и Новгородѣ, изъ коего поступилъ въ сенаторы. Т.

градусовъ по реомюру, тогда подъ гробомъ постоянно держались ящики со льдомъ, нашатыремъ и поваренною солью, для поддержанія холода.

Замѣтить слѣдуетъ, что насчетъ кончины императора въ то время носились въ народѣ и распространялись людьми неблагонамѣренными разные нелѣпые слухи, которые доходили до графа Орлова-Денисова; но графъ всегда умѣлъ предупреждать ихъ своими благоразумными распоряженіями. Такъ, предъ въѣздомъ въ Тулу, на встрѣчу печальной процессіи вышли въ большой массѣ оружейники и просили позволенія отпречь лошадей и везти колесницу до города на разстояніи пяти верстъ. Графъ Орловъ согласился на усиленныя просьбы оружейниковъ, но въ то же время приказалъ усилить эскортъ съ заряженными ружьями [1]). Впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, здѣсь, кромѣ усердія и общаго благоговѣнія къ праху монарха, ничего другого въ народѣ не было. Все населеніе Тулы и всѣхъ окрестныхъ городовъ показало единодушное сочувствіе въ потерѣ государя.

По случаю бывшаго, 14-го декабря 1825 года, въ С.-Петербургѣ возмущенія въ день присяги императору Николаю Павловичу, до графа Орлова-Денисова изъ Москвы дошли слухи о замыслахъ людей неблагонамѣренныхъ, которые они будто намѣрены привести въ дѣйствіе при вступленіи печальной церемоніи въ Москву. Графъ счелъ нужнымъ предувѣдомить о семъ московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына съ тѣмъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ принять надлежащія мѣры къ предупрежденію могущаго произойти безпорядка.

Отъ самой Тулы военный эскортъ былъ усиленъ и шелъ постоянно съ заряженными ружьями. Не доходя до Москвы 12-ть верстъ, печальная процессія имѣла ночлегъ въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ гробъ поставленъ былъ въ церкви стараго дворца. На встрѣчу процессіи въ село Коломенское выѣхали изъ Москвы всѣ начальственныя лица, военныя и гражданскія. При встрѣчѣ

---

[1]) Слухи эти были различные: 1) Одни утверждали, что въ гробу, вмѣсто тѣла императора, лежитъ кукла. 2) Другіе, что государь въ Таганрогѣ скончался насильственною смертію; и 3) наконецъ, что гробъ везутъ пустой, а императоръ будто бы скрылся и отправился въ Америку, и еще другія подобныя нелѣпости, легко въ то время могущія произвести безпокойства и безпорядокъ въ народѣ. Т.

сцена была самая трогательная; плачъ и вопль былъ всеобщій. Для встрѣчи гроба выѣзжалъ изъ Москвы самъ митрополитъ Филаретъ, и совершилъ панихиду при гробѣ соборнѣ.

На другой день, въ 11-ть часовъ утра, назначно было парадное вступленіе печальной церемоніи въ Москву. На разстояніи версты отъ подольской заставы, по обѣимъ сторонамъ, выставлены были пѣхота и кавалерія (всѣ съ заряженными ружьями). Еще въ Коломенскомъ гробъ поставленъ былъ на парадную колесницу, въ Москвѣ приготовленную. Здѣсь прежнихъ лошадей замѣнили 8-ю придворными лошадьми цугомъ, въ сбруѣ съ глубокимъ трауромъ; дорожную прислугу замѣнила прислуга придворная. При этомъ случилось замѣчательное, хотя не такъ важное происшествіе. По смѣнѣ въ колесницѣ лошадей, лейбъ-кучеръ покойнаго императора Илья Байковъ поспѣшилъ и на новой парадной колесницѣ занять свое мѣсто на козлахъ; назначенный въ Москвѣ парадный въ траурѣ лейбъ-кучеръ подходитъ къ нему и проситъ его уступить мѣсто; Илья Байковъ положительно и настойчиво отказываетъ ему въ требованіи. На этотъ споръ подходитъ унтеръ-шталмейстеръ и приказываетъ Байкову оставить мѣсто; Байковъ не повинуется приказанію. Наконецъ это упорство Байкова доведено было до свѣдѣнія самого князя Голицына, который приказалъ было удалить Байкова силою, сказавъ ему, что онъ съ бородою не можетъ быть въ этой церемоніи. На это Байковъ, въ чувствѣ преданности къ императору, отвѣчалъ: «Я возилъ императора слишкомъ 30-ть лѣтъ, и хочу служить ему до его могилы, а если теперь мѣшаетъ только моя борода, то прикажите сейчасъ ее сбрить».

Князь Голицынъ, тронутый такою преданностію, приказалъ оставить Байкова на козлахъ [1]).

Вступленіе печальной церемоніи въ Москву совершилось въ должномъ порядкѣ. Шествіе продолжалось въ Кремль, и гробъ поставленъ былъ на катафалкѣ въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ царей русскихъ.

Стеченіе народа въ Кремль для поклоненія гробу императора было неимовѣрно большое. Въ теченіе 6-ти дней пребыванія въ Москвѣ тѣла императора, полиціею были приняты самыя дѣя-

[1]) Въ нашемъ собраніи портретовъ русскихъ людей есть довольно хорошо сдѣланный портретъ этого кучера Ильи Байкова (литографія). Ред.

тельныя и строгія мѣры, а равно и со стороны военной, къ предупрежденію безпорядка и смутъ. Во всю ночь ходили военные патрули по всей столицѣ, и въ 8 часовъ вечера всѣ вороты домовъ были заперты, и никто, безъ особенной причины и позволенія полиціи, не долженъ былъ выходить изъ дому.

Въ день выступленія изъ Москвы печальной процессіи, митрополитъ Филаретъ сопровождалъ гробъ за тверскую заставу до петровскаго дворца, гдѣ онъ совершилъ, со всѣмъ московскимъ духовенствомъ, послѣднюю литію. При полученіи отъ него прощальнаго благословенія, онъ мнѣ благосклонно замѣтилъ, что я не посѣтилъ его въ Москвѣ особенно; ибо ему нужно было побесѣдовать со мною о многомъ, и особенно насчетъ его здоровья, которое по временамъ у него тогда разстраивалось.

На другой день, по выступленіи изъ Москвы, въ 12 часовъ ночи, еще была, установленнымъ прежде порядкомъ, осмотрѣна гробница и тѣло императора, которое было найдено въ совершенной цѣлости и никакихъ признаковъ порчи и разложенія не замѣчено.

По Тверской губерніи шествіе печальной церемоніи продолжалось установленнымъ порядкомъ и благополучно. На границѣ Новгородской губерніи, на встрѣчу печальной церемоніи, по обыкновенію, выѣхалъ епархіальный архіерей, и при немъ извѣстный въ то время архимандритъ Фотій. Тутъ же къ кортежу присоединился графъ Аракчеевъ, который своимъ рыданіемъ и слезами выказалъ все свое чувство столь важной для него потери.

Въ городѣ Валдаѣ, по распоряженію графа Аракчеева, въ церкви для гроба былъ устроенъ катафалкъ, замѣчательный не столько по великолѣпію, сколько по значенію частей, его составлявшихъ. Тутъ устроено было такъ, что гробъ окружали, очень прилично, Софія (мудрость), Вѣра, Надежда и Любовь, съ приличными по мѣстамъ надписями. На ночлегахъ, по ночамъ, евангеліе при гробѣ императора большею частію читалъ архимандритъ Фотій.

Въ Новгородѣ встрѣча печальной процессіи была чрезвычайно многолюдна. Гробъ поставленъ былъ въ крѣпости, въ софійскомъ соборѣ. Здѣсь графъ Орловъ-Денисовъ отъ начальствующаго въ Петербургѣ надъ печальною процессіею князя Куракина получилъ предварительное отношеніе, содержащее въ себѣ всѣ [illegible]

товленія въ Петербургѣ для встрѣчи и принятія печальной процессіи. Отъ меня было потребовано подробное и самое обстоятельное донесеніе о положеніи и цѣлости тѣла императора. На этотъ конецъ я просилъ графа Орлова, по выступленіи изъ Новгорода, произвести послѣднее до Петербурга освидѣтельствованіе тѣла. Что и произведено было на второмъ переходѣ отъ Новгорода, въ присутствіи графа Аракчеева, подписавшаго вмѣстѣ съ прочими актъ освидѣтельствованія, которое и отправлено было къ князю Куракину въ Петербургъ.

8-го марта 1826 года, въ 5 часовъ пополудни печальная процессія приблизилась къ Царскому Селу; не доходя по ижорскому шоссе версты двѣ до колоніи, она встрѣчена была всѣми жителями Царскаго-Села съ духовенствомъ и крестьянами царскосельскаго дворцоваго вѣдомства, и здѣсь остановилась, ожидая императора. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь. Императоръ не замедлилъ выѣхать на встрѣчу съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ и всѣми первыми чинами двора. Сошедъ съ коляски, императоръ, приближась къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, взошедъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы тоже сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому-Селу; императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницою пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесенъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ.

Вся императорская фамилія въ то время была въ Царскомъ-Селѣ. Князья Куракинъ и Голицынъ немедленно подозвали меня и разспрашивали подробно обо всемъ, относящемся болѣзни и кончины императора, шествія печальной процессіи и цѣлости тѣла въ гробѣ. Князь Голицынъ, послѣ отозвавъ меня въ сторону и раздѣляя со мною слезы, съ особеннымъ участіемъ сказалъ мнѣ, что императоръ очень хорошо знаетъ о моей службѣ при его августѣйшемъ братѣ, и что я могу надѣяться на особенную монаршую милость; при семъ упомянулъ о званіи лейбъ-медика при дворѣ, котораго я могу ожидать. Въ смущеніи и тревогѣ я отблагодарилъ князя за его вниманіе къ моему положенію. Въ тотъ же вечеръ пригласила меня къ себѣ г-жа Питтъ, англичанка

высокаго образованія, находившаяся тогда при дворѣ въ качествѣ собесѣдницы при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и пользовавшаяся особеннымъ уваженіемъ покойнаго императора. Я нашелъ г-жу Питтъ больною; она изнурила меня вопросами, относящимися до покойнаго императора, такъ что насилу я могъ съ трудомъ удовлетворять имъ [1]).

На другой день, 9-го марта, лейбъ-медикъ Рюль прислалъ мнѣ объявить, что меня желаетъ видѣть вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна, и повелѣла ему представить меня ея величеству, въ 12-ть часовъ. Она занимала тогда въ старомъ дворцѣ половину въ бель-этажѣ, подлѣ церкви, съ коею ея комнаты имѣли сообщеніе.

И. Ѳ. Рюль доложилъ обо мнѣ государынѣ, и вышедъ отъ нея, сказалъ мнѣ, что она меня ожидаетъ. Вошедши въ пріемную, я увидѣлъ государыню, стоящую у камина. Протянувъ мнѣ руку, которую я почтительно поцѣловалъ, она мнѣ сказала:

— «Благодарю васъ, любезный Тарасовъ, за (всю) преданность и попеченіе о нашемъ покойномъ императорѣ, который при жизни всегда былъ доволенъ вашею службою».

Въ это самое время входитъ къ матери императоръ. Я отступилъ въ сторону. Императрица, подавъ ему руку, сказала:

— «Вотъ тотъ Тарасовъ, который столько преданъ нашему покойному государю и такъ хорошо служилъ ему».

Императоръ въ слезахъ сказалъ: «Я все это хорошо знаю,—и потомъ обратясь ко мнѣ, продолжалъ: благодарю тебя, и службу твою при императорѣ я никогда не забуду». При этомъ его величество подалъ мнѣ свою руку, которую я поцѣловалъ, и откланявшись ихъ величествамъ, вышелъ, заливаясь слезами отъ такой сцены.

10-го марта отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

— «Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?»

Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть от-

[1]) Собраніе собственноручныхъ писемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны съ госпожею Питтъ будутъ напечатаны въ «Русской Старинѣ». Ред.

крытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобъ въ 12-ть часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойникомъ.

Въ 11½ часовъ вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ спецій, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ и не было нималѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную.

По выходѣ императорской фамиліи, я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ, и снявъ корону, закрылъ гробъ по прежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе евангелія.

11-го марта [1]) печальная процессія выступила изъ Царскаго-Села, въ сопровожденіи войскъ гвардейскаго корпуса, до Чесмы, куда процессія прибыла въ 8-мь часовъ вечера. Гробъ былъ поставленъ въ церковь чесменскаго дворца. Въ 12-мъ часу вечера, въ присутствіи князей Куракина и Голицына, при подобающемъ церковномъ обрядѣ, тѣло императора, по моему указанію, изъ прежняго деревяннаго гроба, въ свинцовомъ гробѣ переложено въ новый бронзовый великолѣпный гробъ; ковчегъ съ внутренностями былъ помѣщенъ въ гробѣ, въ ногахъ, а ваза съ серд-

[1]) Замѣчательно, что этотъ день былъ днемъ восшествія на престолъ покойнаго императора Александра I. Т.

цемъ у самаго тѣла съ лѣвой стороны груди. Прежній же гробъ тутъ же былъ разобранъ и распиленъ, и со всѣми принадлежностями въ кускахъ помѣщенъ былъ въ новый. Всѣ церковныя распоряженія о перемѣщеніи тѣла въ новый гробъ поручены были таганрогскому духовнику Ѳедотову и мнѣ.

Въ чесменскій дворецъ предварительно были вывезены всѣ императорскія и княжескія короны, скипетръ, держава и всѣ регаліи на тотъ конецъ, чтобы печальная процессія петербургская начала свое шествіе отъ самой Чесмы. Для чего была приготовлена великолѣпная колесница, весь придворный кортежъ, весь гвардейскій корпусъ, всѣ власти военныя и гражданскія и всѣ сословія жителей столицы, такъ что полный церемоніалъ шествія церемоніи былъ расположенъ отъ Чесмы до Казанскаго собора.

12-го марта, въ 11 часовъ утра, по данному сигналу, процессія начала свое шествіе, и въ 3 часа пополудни прибыла къ Казанскому собору, гдѣ былъ устроенъ великолѣпнѣйшій катафалкъ, на коемъ и былъ поставленъ гробъ императора.

Въ Казанскомъ соборѣ гробъ стоялъ 7 дней, въ теченіе коихъ всѣ жители столицы приходили отдать послѣдній долгъ обожаемому своему монарху. Доложено было императору объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія, и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что̀ произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусо-древесною кислотою, которая, впрочемъ, нимало не измѣнила чертъ лица.

19-го марта, съ таковою же церемоніею, тѣло перевезено было въ Петропавловскую крѣпость и поставлено на катафалкъ въ соборной церкви. Шествіе печальной церемоніи изъ Казанскаго собора проходило чрезъ Неву по новому мосту, который былъ устроенъ по повелѣнію покойнаго императора и чрезъ который онъ первый переѣхалъ въ гробѣ.

22-го марта происходило отпѣваніе покойнаго императора. Всѣ жители столицы и войска окружали крѣпость. Не было ни одного, кто бы не проливалъ самыхъ сердечныхъ слезъ по Незабвенномъ монархѣ! Во 2-мъ часу пополудни залпы артиллеріи и батальные выстрѣлы съ крѣпостныхъ орудій и всѣхъ войскъ,

въ строю бывшихъ, возвѣстили міру, что великій изъ монарховъ снисшелъ въ землю на вѣчное упокоеніе.

Въ приготовленномъ изъ цоколя склепѣ былъ поставленъ мѣдный ковчегъ, въ коемъ и былъ помѣщенъ гробъ императора. Ковчегъ этотъ замкнутъ 4-ю замками, и потомъ задѣланъ сводъ склепа.

XVIII.

Съ погребеніемъ императора служебное мое поприще при дворѣ кончилось. Баронетъ Вилліе употребилъ всѣ свои средства, чтобъ я не былъ оставленъ при дворѣ—въ званіи придворнаго врача, и на запросъ князя Голицына, управлявшаго тогда придворною частію, о пожалованіи меня въ лейбъ-медики или лейбъ-хирурги, отвѣчалъ положительно, что я покойнымъ императоромъ награжденъ столько, что всякая награда была бы выше моихъ заслугъ[1]). Итакъ, высокія предположенія о наградѣ меня за службу при императорѣ окончились тѣмъ, что отобрали отъ меня придворный экипажъ, коимъ я пользовался два года въ двѣ лошади, и взамѣнъ онаго назначена мнѣ изъ императорскаго кабинета пенсія по 1,500 р. асс. въ годъ, сверхъ получаемаго на службѣ содержанія. Слѣдовательно, по вліянію баронета Вилліе, я не получилъ ничего по смерти государя, тогда какъ ему назначена пенсія по 7,000 р. асс. въ годъ за службу при покойномъ императорѣ. Обстоятельство это въ тогдашнее время всѣми было замѣчено, и многіе принимали во мнѣ участіе. Баронъ Дибичъ, князь Голицынъ и генералъ-адъютантъ Чернышевъ, ободряя меня, увѣряли, что я буду награжденъ впослѣдствіи и совѣтовали продолжать службу безъ ропота.

Выше было упомянуто о скороноспѣшномъ баронетомъ Вилліе назначеніи меня главнымъ врачемъ въ артиллерійскій госпиталь. Обезкураженный такимъ печальнымъ результатомъ службы моей при баронетѣ Вилліе, и особенно при покойномъ императорѣ, при коемъ, въ послѣднее время, по большей части я исправлялъ

---

[1]) Изъ этого можно судить, до какой степени былъ несправедливъ такой отзывъ моего начальника, которому съ самоотверженіемъ служилъ семь лѣтъ, спасъ ему жизнь въ Новомиргородѣ въ 1823 году, и даже въ Таганрогѣ спасъ его отъ бѣды, удержавъ его настоятельно отъ выѣзда оттуда предъ кончиною императора, котораго онъ рѣшился было оставить на рукахъ лейбъ-медика Штоффрегена, предвидя исходъ болѣзни своего больного. Т.

всѣ обязанности лейбъ-медика, я долженъ былъ стать въ обыкновенную колею труженической военно-медицинской службы, не имѣя въ виду ничего лестнаго для себя, кромѣ самыхъ тяжкихъ трудовъ по госпиталю, въ коемъ помѣщалось до 1,000 больныхъ.

Отъ редакціи. На этомъ мы прекращаемъ печатаніе „Воспоминаній Тарасова", такъ какъ далѣе онѣ, не представляя общаго интереса, заключаютъ въ себѣ подробности служебнаго и домашняго быта автора. Изъ его разсказа, между прочимъ, видно, что въ 1827 г. Тарасовъ былъ вызванъ барономъ Дибичемъ на Кавказъ; здѣсь генералъ Паскевичъ предлагалъ Тарасову мѣсто штабъ-доктора отдѣльнаго кавказскаго корпуса; но тотъ не принялъ этого предложенія, между прочимъ, какъ объясняетъ въ „Запискахъ": „въ виду особеннаго рода обхожденія генерала Паскевича съ подчиненными". Между тѣмъ, нерасположеніе къ Тарасову Виллié было такъ велико, что первый, по совѣту Дибича, принимавшаго въ немъ участіе, перешелъ изъ военнаго вѣдомства, т.-е. изъ-подъ начальства Виллié въ гражданское, и въ концѣ 1827 г. занялъ постъ генералъ-штабъ-лекаря по гражданской части. Въ 1829 г. Тарасовъ пожалованъ „за службу при императорѣ Александрѣ I" званіемъ лейбъ-хирурга, не въ примѣръ другимъ. За труды по прекращенію холеры въ 1831 г. Д. К. Тарасовъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Состояніе его росло, и въ 1834 г. онъ считалъ капиталъ свой до 150 т. руб. ассигн., кромѣ вещей золотыхъ и серебряныхъ, пріобрѣтенныхъ практикою. Впослѣдствіи это состояніе значительно увеличилось выгоднымъ помѣщеніемъ капитала у извѣстнаго откупщика Рюмина, взявшаго его въ залоги по откупамъ. 6-го августа 1836 г. Тарасову ввѣрено управленіе военно-медицинскимъ департаментомъ; до того времени званіе директора этого департамента носилъ баронетъ Виллié, получавшій полное по оному содержаніе, но не знавшій даже гдѣ находится его департаментъ. 11 іюня 1837 г. Д. К. женился на достойнѣйшей, образованной и добрѣйшей сердцемъ, дѣвицѣ Елизаветѣ Платоновнѣ Граматиной. „Ангельскій характеръ, скромныя манеры, образованіе и высокія нравственныя достоинства ея видимо ручались за счастливую нашу будущность". Д. К. Тарасовъ въ трогательныхъ выраженіяхъ отзывается о жизни въ супружествѣ съ Елизаветой Платоновной. „Е. П. своею супружескою нѣжностью,—пишетъ Д. К.,—ангельскою добротою и благоразумнымъ приноровленіемъ къ моему характеру, доставила мнѣ наслажденіе жизни и утѣшеніе въ трудностяхъ моей служебной обязанности".

6-го сентября 1846 г. Тарасовъ, по прошенію, уволенъ отъ управленія военно-медицинскимъ департаментомъ, съ назначеніемъ непремѣннымъ членомъ медицинскаго ученаго комитета, а затѣмъ — членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Впослѣдствіи Тарасовъ былъ предсѣдателемъ медико-филантропическаго комитета.

„Непредвидѣнная кончина императора Николая,—пишетъ, между прочимъ,—Тарасовъ, имѣла на меня самое горестное вліяніе. Я его зналъ очень близко.... По восшествіи на престолъ онъ сдѣлался замѣчательнымъ монархомъ, одареннымъ необыкновенною силою воли, твердостію характера и добротою души высокой, благородной и, если можно сказать, рыцарской. Продолжительное его царствованіе могло бы быть однимъ изъ блистательнѣйшихъ въ свѣтѣ, если бы онъ имѣлъ соотвѣтственныхъ ему помощниковъ—государственныхъ людей съ талантами, опытныхъ и патріотовъ. Въ выборѣ ихъ онъ былъ скоръ, а потому не всегда счастливъ".

Воспоминанія Д. К. Тарасова останавливаются на 1856 г.; затѣмъ въ собственноручной рукописи его автобіографіи помѣщены воспоминанія объ умершихъ его дѣтяхъ—Николаѣ и Надеждѣ и замѣтки о своемъ супружествѣ съ Е. П. Граматиной, о которой онъ говоритъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

20-го апрѣля 1866 г. петербургскими врачами былъ отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей медицинской службы доктора, тайнаго совѣтника Д. К. Тарасова (описаніе празднества юбилея помѣщено въ № 20 „Медицинскаго Вѣстника" 1866 г.). При милостивомъ рескриптѣ юбиляръ получилъ орденъ Владиміра 2-й степени, а собравшіеся представители всего русскаго медицинскаго сословія въ рѣчахъ и привѣтахъ выразили большое сочувствіе къ виновнику торжества. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Д. К. Тарасовъ скончался. **Ред.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Александръ I въ Орлѣ.

1823.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г. (т. IV, стр. 610—611) въ „Воспоминаніяхъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова“ напечатано, что во время трехдневнаго пребыванія императора Александра I въ Орлѣ въ 1823 году, губернаторомъ въ этомъ городѣ былъ дѣйств. ст. совѣтникъ „Солнцевъ, замѣчательный своею опытностью и распорядительностью“.

Былъ ли въ это время Солнцевъ губернаторомъ въ какой-нибудь другой губерніи, мнѣ неизвѣстно, но что онъ не былъ губернаторомъ въ Орлѣ во время пребыванія императора въ этомъ городѣ въ 1823 году, это доказывается несомнѣнно формулярнымъ о службѣ спискомъ тайнаго совѣтника Николая Ивановича Шредера. Изъ этого списка видно, что весь 1823-й годъ орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ именно Н. И. Шредеръ, состоявшій тогда въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника.

Подтвержденіе этого, если бы таковое было нужно, можно найти въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1824 г., издававшихся П. Свиньинымъ. Въ № 45 этого журнала за январь 1824 года помѣщены „Нѣкоторыя свѣдѣнія о путешествіи его императорскаго величества въ 1823 году совершенномъ“. Изъ этихъ „свѣдѣній“ оказывается, что Александръ I прибылъ въ Орелъ въ 12-мъ часу пополудни 3-го сентября, а выѣхалъ изъ Орла въ 8 часовъ утра 7-го сентября. Останавливался государь въ домѣ губернатора, гдѣ ему и поданъ былъ отъ д. с. с. Шредера рапортъ о благосостояніи губерніи, какъ только императоръ прибылъ на приготовленную ему въ этомъ домѣ квартиру. У шлагбаума же города Александръ I былъ встрѣченъ однимъ полиціймейстеромъ города.

Покойный Н. И. Шредеръ не разъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ пребываніи императора въ Орлѣ, при чемъ сообщалъ много подробностей, касавшихся лично его самого. Такъ, напримѣръ, онъ разсказывалъ, что во все время пребыванія императора въ Орлѣ, онъ въ теченіе трехъ сутокъ слишкомъ не снималъ мундира и даже ботфортъ (которые тогда носили и гражданскіе чиновники первыхъ пяти классовъ, кажется), въ которыхъ всѣ три ночи спалъ, сидя въ креслахъ. По отъѣздѣ государя ботфорты снять обыкновеннымъ способомъ уже не было возможности: ихъ пришлось разрѣзать.

Н. И. Шредеръ былъ очень обласканъ императоромъ и получилъ за вполнѣ исправное состояніе губерніи и города Орла награду, по тогдашнему времени, чрезвычайно рѣдкую. Будучи всего одинъ годъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, дававшійся тогда сплошь и рядомъ лишь тайнымъ совѣтникамъ, или уже заслуженнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ.

Независимо отъ этой награды, государь вспомнилъ о Н. И. Шредерѣ полгода спустя, какъ о дѣльномъ и распорядительномъ губернаторѣ, назначивъ его губернаторомъ въ Рязанскую губернію, для устройства этой губерніи, управленіе которою, повидимому, было запущено. Это подтверждается опять формулярнымъ о службѣ Н. И. Шредера спискомъ.

По поводу губернаторства Н. И. Шредера въ Рязани, мнѣ припоминается одна его, не лишенная остроумія, выходка.

Рязанская губернія была въ числѣ пяти губерній, составлявшихъ генералъ-губернаторство генерала Балашева, съ которымъ Н. И. Шредеръ былъ не въ ладахъ и который, по словамъ Н. И. Шредера, частенько надоѣдалъ ему разными запросами. При одномъ изъ личныхъ свиданій, Н. И. Шредеръ, по поводу именно этихъ запросовъ, сказалъ генералъ-губернатору Балашеву: „Знаете ли вы, ваше высокопревосходительство, что̀ мы съ вами дѣлаемъ? Я вяжу чулокъ, а вы у меня безпрестанно спрашиваете, сколько я рядовъ связалъ“.

Эта острота и вообще нелады Н. И. Шредера съ генералъ-губернаторомъ Балашевымъ стоили ему, однако, дорого. Въ 1826 году онъ лишился губернаторства и только въ 1831 году вновь былъ назначенъ губернаторомъ въ Витебскъ, гдѣ и оставался до 1836 года, когда окончательно вышелъ въ отставку, бывъ уже на службѣ тайнымъ совѣтникомъ.

В. Н. Л—въ.

II.

Александръ I въ Костромской губерніи.

1824.

Осенью 1824 года, въ октябрѣ, императоръ Александръ проѣзжалъ Костромской губерніей, изъ Вятки, въ Петербургъ. Съ нимъ были Дибичъ, Соломка и лейбъ-медикъ Вилліе. До Вятки ѣхали на колесахъ, но тамъ внезапно выпалъ большой снѣгъ; Костромской губерніей ѣхали на саняхъ. Недоѣзжая до Кологрива, государю былъ приготовленъ ночлегъ на станціи Ильинскомъ, въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ имѣніи г-жи Патерсонъ, въ 18-ти верстахъ отъ ея усадьбы Дюково, въ которой она жила. Тогда костромскимъ губернаторомъ

былъ генералъ Баумгартенъ, Карлъ Ивановичъ, а губернскимъ предводителемъ Сергѣй Ѳедоровичъ Куприяновъ; они были въ Костромѣ, а на станціи Ильинскомъ находились для встрѣчи государя: ветлужскій предводитель Михаилъ Ивановичъ Верховскій, и исправникъ, братъ его, Владиміръ Ивановичъ Верховскій. Изъ усадьбы г-жи Патерсонъ были привезены ковры, зеркала, канделябры, разная мебель; сама же Евгенія Акимовна Патерсонъ, урожденная Львова, женщина чрезвычайно гордая, обидѣвшись тѣмъ, что предводитель не ее пригласилъ принимать государя, съ другими дамами, на станціи, а выписалъ свою жену, Ольгу Карловну, гостившую въ то время у кого-то въ Макарьевѣ, и поэтому не захотѣла вовсе туда ѣхать, и отпустила въ своемъ экипажѣ горничныхъ, поглядѣть государя. Горничныя, между прочимъ, зашли въ ту избу, гдѣ кушалъ государевъ кучеръ, Илья Ивановичъ, и чтобы посмотрѣть его, забрались на полати. Покуда онѣ тамъ сидѣли, вошелъ въ избу исправникъ Верховскій и сказалъ, что государь завтрашній день будетъ кушать у Василія Васильевича Патерсона. Услышавъ это, горничныя скатились съ полатей, побѣжали къ своему экипажу и во весь духъ погнали домой, разсказать барынѣ. Барыня не повѣрила и сказала: „это опять штуки Верховскаго, насмѣхъ мнѣ выдумываетъ“. Но слѣдомъ за горничными пріѣхалъ лейбъ-медикъ Виллié.

Патерсонъ воспитывался вмѣстѣ въ дѣтствѣ съ Виллié и приходился ему какъ-то роднею; они были очень дружны и пріѣхали въ Россію вмѣстѣ, на одномъ кораблѣ, потомъ разстались и Виллié потерялъ Патерсона изъ виду. Государь, отдыхая на станціи, замѣтилъ довольно изящное ея убранство и спросилъ случайно, кто приготовилъ это для него, и въ чьемъ онъ имѣніи. Виллié пошелъ спросить объ этомъ мѣстныя власти и узналъ такимъ образомъ, что находится въ 18-ти верстахъ отъ своего школьнаго товарища и родственника; докладывая объ этомъ государю, онъ попросилъ позволенія съѣздить къ нему. Государь, отпуская его, вдругъ спросилъ: „а не хочетъ ли твой другъ Патерсонъ, чтобъ я у него завтра обѣдалъ?“

Виллié поспѣшилъ съ этой новостью въ Дюково. Г-жа Патерсонъ не знала Виллié и не понимала по-англійски; мужъ познакомилъ ихъ, и Виллié по-русски объяснилъ ей, какого гостя они будутъ принимать. Она, конечно, отвѣчала, что это величайшее счастіе, но что она боится не съумѣть сдѣлать достойный пріемъ, и освѣдомилась, какой долженъ быть столъ. „Если хотите походный, отвѣчалъ Виллié, такъ семь блюдъ; а если парадный, такъ сколько только вамъ возможно; обѣдъ въ 6 часовъ“. Она рѣшила, что будетъ парадный. Патерсоны были люди богатые и тутъ, конечно, сдѣлали все, чтобы не

ударить лицомъ въ грязь. На другой день государева кухня и 6 человѣкъ поваровъ пріѣхали заранѣе; густыя толпы народа собрались по дорогѣ около усадьбы. Отданъ былъ приказъ, чтобы полиціи не было и признаковъ, чтобы никакое чиновное лицо не сопровождало государя. Наконецъ, махальные, разставленные по дорогѣ, дали знать, что государь ѣдетъ. Онъ сидѣлъ съ Дибичемъ; сани не ѣхали, а летѣли. Когда экипажъ остановился у крыльца, некому было отстегнуть полость. Патерсонъ стоялъ на крыльцѣ съ Вилліе и съ сыномъ Дмитріемъ, мальчикомъ 13-ти лѣтъ; г-жа Патерсонъ, одѣтая вся въ бѣломъ, стояла въ сѣняхъ съ хлѣбомъ и солью. Патерсонъ, всю жизнь свою говорившій чрезвычайно плохо по-русски и всѣхъ называвшій „мой батюшкинъ“ вскричалъ: „постой, постой, мой батюшкинъ!“ сбѣжалъ съ крыльца, отмахнулъ полость и въ то же мгновеніе взбѣжалъ опять, помня, что не приказано никому быть около царскаго экипажа. Вошедши въ сѣни, государь принялъ отъ хозяйки хлѣбъ-соль и поцѣловалъ у нея руку. Затѣмъ сѣли за столъ: государь, хозяйка, Дибичъ и Соломка; хозяинъ съ Вилліе обѣдалъ въ другой комнатѣ. Обѣдъ состоялъ изъ 24 блюдъ, между ними 6 десертныхъ; государю очень понравилось варенье изъ поленики; послѣ обѣда Вилліе поднесъ ему двѣ большія банки этого варенья и сказалъ: „Вотъ, ваше величество, хозяйка проситъ принять на дорогу варенье, которое вы изволили похвалить“. Государь поблагодарилъ, поцѣловалъ у хозяйки руку и въ размѣнъ предложилъ десятокъ ананасовъ, изъ тѣхъ, которые были ему поднесены въ Вяткѣ кущами. За обѣдомъ государь спросилъ хозяйку: „Не родня ли былъ ея отецъ нашему воспитателю Лаврову?“—„Родной дядя ему, ваше величество“. „А, очень радъ, позвольте же мнѣ поцѣловать вашу руку“, сказалъ государь. Г-жа Патерсонъ сосчитала, что въ продолженіе своего посѣщенія императоръ поцѣловалъ у нея руку семь разъ. Мужа ея онъ спросилъ, почему онъ никогда не вступалъ въ русскую службу для пріобрѣтенія дворянскаго достоинства? и замѣтилъ, что это имѣетъ неудобство въ отношеніи воспитанія дѣтей, но тотчасъ же прибавилъ: „Я вамъ устрою это, и обратясь къ Вилліе сказалъ: запиши имя и фамилію и напоминай мнѣ при случаѣ“. И дѣйствительно, Дмитрій Патерсонъ былъ впослѣдствіи принятъ въ дворянскій пансіонъ при московскомъ университетѣ. При отъѣздѣ, государь подарилъ хозяйкѣ бриллiантовый фермуаръ, который она никогда не надѣвала, а пожертвовала на образъ казанской Божіей Матери въ своемъ приходѣ, такъ-называемомъ Село-Богородицы, гдѣ фермуаръ и по сіе время находится. Изъ Дюкова императоръ поѣхалъ въ Кологривъ, гдѣ останавливался въ домѣ городничаго Баева. По преданію, государю

должно было ѣхать оттуда въ Кострому, и его ждали; между прочимъ, онъ обѣщалъ одному помѣщику, Бестужеву, имѣть у него обѣденный столъ въ селѣ его, Парфентьевѣ, на пути изъ Кологрива въ Кострому; но вдругъ почему-то маршрутъ измѣнился, и государь поѣхалъ чрезъ Вологодскую губернію, на Тотьму.

Разсказъ этотъ записанъ, отъ слова до слова, со словъ дочери Патерсона, Екатерины Васильевны Ж., бывшей въ то время девятилѣтнимъ ребенкомъ.

Сообщ. **М. Рамъ.**

III.

Маршалокъ Пусловскій.

„Въ Русской Старинѣ“ (изданія 1872 г. томъ V, стр. 381), въ запискахъ лейбъ-медика Тарасова: „Воспоминанія моей жизни“, сообщено было нѣсколько свѣдѣній о Пусловскомъ. Въ свѣдѣніяхъ этихъ г. Осипъ Пржецлавскій нашелъ нѣкоторыя неточности, и исправивъ ихъ, прибавилъ нѣкоторыя черты для характеристики личности Пусловскаго (т. V, „Русск. Стар.“ 1872 г., стр. 684). При всемъ томъ, нельзя не сознаться, личность Пусловскаго остается все-таки недостаточно обрисованною. Поэтому считаемъ не лишнимъ предоставить самому Пусловскому обрисовать себя. Вотъ его собственноручныя письма къ генералъ-фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому.

Вадимъ Васильевъ.

I. Ваша свѣтлость! Обитатели Европы, желающіе общаго блага и спокойствія, не могутъ какъ просить Всевышняго, дабы сохранялъ здоровье и жизнь вашей свѣтлости, нужныя для увѣнчанія дѣла, видимо благословеннаго. Не буду считать милостей, Литвѣ изъявленныхъ, но скажу, что она счастлива и чувствовать будетъ, что должна сіе особѣ вашей свѣтлости. Я былъ бы нечувствителенъ и не заслуживалъ бы на будущую милость вашу, если бы таилъ предъ обществомъ отеческое, вашей свѣтлости, литовскихъ жителей покровительство. Я, съ дѣтьми моими, будемъ молить за здоровье нашего благодѣтеля. Нынѣ же осмѣливаюсь просить принять лекарство, которое да подкрѣпитъ его въ трудахъ: вино старое венгерское, какого въ Калишѣ и другихъ мѣстахъ достать не можно, будетъ полезнѣе всякихъ хинъ и другихъ аптекарскихъ лекарствъ. Примите изъясненіе благодарности, съ которою навсегда слуга вѣрной, В. Пусловскій.

Бутылокъ 24 при семъ препровождаю.

(Письмо относится къ февралю и марту 1813 г.).

II. Ваша свѣтлость! Въ Варшавѣ нашолъ я тотъ самой духъ, которой во всѣхъ отъ Польши войсками россійскими занятыхъ про-

винціяхъ расходится. Всѣ желаютъ миру и чтобы не быть раздѣлены, но принадлежать одному, Европѣ извѣстному, великодушному государю Александру. Легко сему вѣрить можно, ибо тяжкіе налоги и ненатуральное напряженіе силъ видимо истощаютъ край, а къ сему-жъ скажу: чиежъ сердце нечувствуетъ милостивое государя обращеніе! Никто не сомнѣвается, что мудрыя распоряженія войскъ, вашей свѣтлости повѣренныхъ, вскорѣ загремятъ на берегахъ Рейна. Если доносятъ, что есть классы дамъ, лишнее говорящихъ; то можетъ быть та только, которая видитъ, что ихъ любовники могутъ лишиться мѣстъ, дающихъ имъ пропитаніе. Не принадлежатъ къ сей классѣ имѣющія чувствіе и разумъ; затѣмъ надѣюсь, что сіе не сдѣлаетъ никакого вліянія на начальникахъ, установленныхъ по довѣрію его императорскаго величества и вашею свѣтлостію. Всѣ же важнѣйшія особы дѣлятъ желанія наши. Сіе мое донесеніе есть столь истинно, сколь дѣйствительно почтеніе и преданность, съ которою имѣю честь быть и проч. В. Пусловскій.

23-го марта 1813 года.

Съ Варшавы.

P. S. Не смѣлъ бы я утруждать правительство о помощи, но нѣсколько тысячъ душъ, лишенныхъ скота и насеня, побуждаютъ меня къ сему. Вашей свѣтлости извѣстно, сколь я усерденъ былъ услуживать во всѣхъ правительства требованіяхъ. Помощь, въ заимообразъ денегъ его императорскимъ величествомъ назначенная, чѣмъ скорѣе мнѣ доставлена будетъ, тѣмъ поспѣшнѣе поставитъ меня въ возможности подкрѣпить крестьянъ моихъ и быть готову на услуги правительства.

Сообщ. **В. И. Васильевъ.**

IV.

Исторія болѣзни и послѣднихъ минутъ императора Александра Павловича, основанная на достовѣрнѣйшихъ свѣдѣніяхъ.

(Переводъ съ французской рукописи).

Путешествіе въ Крымъ, имѣвшее такія роковыя послѣдствія для августѣйшаго путешественника, началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; вначалѣ государь былъ имъ доволенъ, какъ нельзя болѣе. Онъ выѣхалъ изъ Таганрога 20-го октября въ 8 часовъ утра, погода стояла великолѣпная, дожди, длившіеся передъ тѣмъ нѣсколько дней сряду, къ этому дню кончились, туманъ разсѣялся, и верстъ за 100 отъ города дорога оказалась не только сухой, но даже пыльной. По пріѣздѣ въ Крымъ, 25-го и 26-го октября государь осматривалъ южный берегъ его; живописная мѣстность приводила его въ восторгъ, въ особенности радовало его пріобрѣтеніе Оріанды; онъ рѣшилъ по-

строить на этомъ мѣстѣ дворецъ по проекту архитектора Эльсона, съ утвержденія императрицы, для которой предназначалось это владѣніе. 27-го октября государь выѣхалъ изъ Алупки, простившись съ княземъ Воронцовымъ на три недѣли, по прошествіи которыхъ они должны были встрѣтиться въ Таганрогѣ. Проѣздомъ чрезъ Балаклаву государь закусывалъ у Ревельотти, потому что повара и прислуга его были далеко. Вечеромъ, въ тотъ же день, оставивъ свиту на большой дорогѣ, онъ отправился одинъ, верхомъ, осматривать монастырь св. Георгія, не дозволивъ никому сопровождать себя; онъ рѣшительно отказался отъ бурки, которую ему предлагали, несмотря на то, что погода измѣнилась; подулъ пронзительный вѣтеръ, поднялась роса и въ воздухѣ чувствовалась холодная сырость; перемѣна эта была тѣмъ ощутительнѣе, что утро было жаркое и государь провелъ весь день въ дорогѣ подъ южнымъ палящимъ солнцемъ; ко всему этому надо прибавить, что по дорогѣ въ монастырь приходится спускаться въ пропасти, и выѣзжая изъ нихъ, взбираться на горы. Во время этой несчастной поѣздки государь простудился — этимъ началась болѣзнь, которая, развиваясь болѣе и болѣе, свела его наконецъ въ могилу. Пріѣхавъ къ ночи въ Севастополь, государь остановился въ этомъ городѣ ночевать. На другой день, 28-го октября, осматривая городъ, онъ заходилъ въ жилыя и неотстроенныя еще казармы и госпитали: въ первыхъ была нестерпимая духота, въ недостроенныхъ зданіяхъ безъ оконныхъ переплетовъ его, при входѣ, охватывало сквознымъ вѣтромъ; наконецъ, къ довершенію всего этого государь, вышедъ изъ душной казармы, сѣлъ въ лодку, какъ былъ, въ одномъ мундирѣ, не соглашаясь ни за что надѣть шинель, и поѣхалъ осматривать военный корабль. По возвращеніи на берегъ онъ завтракалъ вмѣстѣ съ адмираломъ Грейгомъ на открытомъ воздухѣ, въ палаткѣ. Послѣ обѣда онъ осматривалъ другія части города. На другой день, 29-го октября, онъ посѣтилъ арсеналы, порты и другія сооруженія. Въ эти дни простудное состояніе его сказалось сильнымъ насморкомъ, но онъ все-таки не хотѣлъ лечиться; болѣзнь при такихъ условіяхъ свободно развивалась, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не берегъ себя. Проѣздомъ чрезъ Бахчисарай онъ былъ въ особенности неосторожевъ: остановившись въ этомъ городѣ, онъ, чувствуя уже себя не совсѣмъ здоровымъ, поѣхалъ верхомъ, по обыкновенію, легко одѣтый, осматривалъ городскія окрестности и объѣхалъ весь городъ. 1-го ноября въ Козловѣ, 2-го въ Перекопѣ онъ уже чувствовалъ себя нехорошо. 3-го ноября въ Орѣховѣ ему сдѣлалось хуже, погода стояла ненастная; но онъ, не обращая на это вниманія, вышелъ на встрѣчу епископу екатеринославскому, который пріѣхалъ въ Орѣховъ нарочно для того, чтобы видѣть

его. 4-го ноября онъ велѣлъ пригласить къ столу казачьихъ офицеровъ, бывшихъ въ дорогѣ. Весь этотъ день онъ чувствовалъ ознобъ и по пріѣздѣ въ Маріуполь вечеромъ приготовилъ себѣ самъ стаканъ легкаго пуншу, положивъ всего три чайныя ложки рому на стаканъ горячей воды, и увѣряя, что это для него будетъ достаточно. Когда ему подбили шинель мѣхомъ, онъ на другой день казалось согрѣлся немного. 5-го ноября государь выѣхалъ изъ Маріуполя и пріѣхалъ въ тотъ же день въ Таганрогъ, чувствуя все еще лихорадочную дрожь. Въ $6^1/_2$ часовъ вечера онъ былъ уже дома во дворцѣ и, по обыкновенію, ничего не кушая и выпивъ только 2 раза зеленаго чаю, легъ спать. Я видѣлъ его на другой день, въ 10 часовъ утра, когда онъ выходилъ изъ покоевъ императрицы, возвращаясь на свою половину; мнѣ показалось, что лицо его горѣло и завѣтрѣло съ дороги. Я еще ничего не зналъ о болѣзни государя, но вскорѣ ея величество сказала мнѣ, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ и замѣчаетъ признаки крымской лихорадки. Въ этотъ день онъ цѣлое утро занимался дѣлами, окруженный кипами бумагъ, занимавшихъ весь письменный столъ его. Окончивъ дѣла, онъ съ императрицей вдвоемъ отправился къ столу, но ничего почти не кушалъ. Во время нашего обѣда дежурный камердинеръ принесъ записку г-ну Вилліе [1]), изъ которой мы узнали, что государь легъ отдохнуть, чувствуя лихорадочное состояніе въ сильной степени; г-нъ Вилліе тотчасъ отправился къ нему и возвратился къ концу обѣда недовольный состояніемъ, въ которомъ онъ нашелъ государя; государь, согласился однако принять легкое слабительное въ пилюляхъ. 7-го ноября я узналъ отъ ея величества, что государю стало легче, но въ тотъ же день вечеромъ повторились пароксизмы лихорадки. Государь приписывалъ усиленіе болѣзни лекарствамъ и не хотѣлъ болѣе о нихъ слышать; ночь онъ провелъ безпокойно, такъ что 8-го ноября былъ съ утра приглашенъ Штоффрегенъ [2]). День этотъ былъ воскресный и праздничный, государь захотѣлъ непремѣнно быть у обѣдни и оба врача, при содѣйствіи императрицы, едва уговорили его остаться дома. Вечеромъ изъ Таганрога былъ отправленъ курьеръ въ С.-Петербургъ, онъ отвезъ послѣднее письмо государя; оффиціальныя бумаги, отправленныя съ нимъ, всѣ были помѣчены, по приказанію государя, 9-мъ ноября. На

---

[1]) Лейбъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронетъ Яковъ Васильевичъ Вилліе, докторъ при государѣ, сопровождавшій его во время путешествія въ Крымъ; онъ былъ потомъ докторомъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ началѣ его царствованія. Н. Д.

[2]) Лейбъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кондратій .... Штоффрегенъ, докторъ при государынѣ. Н. Д.

другой день утромъ здоровье государя какъ будто поправилось, хотя лекарства не подѣйствовали, какъ того ожидали доктора; когда къ вечеру лихорадочное состояніе его усилилось, мы поняли, что онъ боленъ не простудою съ легкими лихорадочными припадками, какъ ему до сихъ поръ казалось, но что въ болѣзни его замѣчаются уже признаки сильно развившейся перемежающейся желчной лихорадки. Ночью государь чувствовалъ себя худо, утромъ 10-го ноября ему опять стало легче. Разговаривая въ этотъ день съ докторомъ онъ замѣтилъ ему, между прочимъ, что при обсужденіи его болѣзни слѣдуетъ принимать въ соображеніе сильное нервное раздраженіе, которое онъ чувствуетъ, и что при такомъ состояніи лекарства разстраиваютъ и безъ того уже слабые нервы его; эти слова навели насъ на мысль, что государь въ теченіе послѣдняго времени занимался вѣроятно какими-либо непріятными дѣлами, сильно его встревожившими. 11-го ноября я узналъ, что государь поутру чувствовалъ себя лучше, хотя ночью (съ 10-го на 11-е число) лихорадочные пароксизмы усилились. Онъ все еще думалъ, что у него крымская лихорадка, хотя по всему видно было, что болѣзнь его становится серьезной. 12-го ноября, въ теченіе дня государь чувствовалъ себя хорошо, но къ вечеру лихорадочные пароксизмы возвратились съ новою силою и на этотъ разъ были до того мучительны, что въ насъ впервые зародилось предчувствіе той опасности, въ которой находился больной. 13-го ноября утромъ государь почувствовалъ облегченіе послѣ того, какъ лекарство, данное ему въ пилюляхъ, подѣйствовало и выгнало много желчи, но онъ по прежнему, не довѣряя медицинской помощи, отвергнулъ предложеніе докторовъ пустить ему кровь. Къ вечеру онъ впалъ въ полное забытье, трудное и прерывающееся дыханіе его и сильныя судороги, сопровождавшія потерю сознанія, убѣждали въ необходимости болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, но государь отвергалъ ихъ настойчиво; послѣ этого тяжелаго вечера онъ провелъ самую безпокойную ночь, наши опасенія усиливались при столь очевидномъ и быстромъ развитіи болѣзни. На другой день, 14-го ноября, доктора рѣшительно потеряли голову; страхъ и печаль овладѣли всѣми, когда государь отвергнулъ всѣ, безъ исключенія, медицинскія пособія, которыя были ему предложены. Мы всѣ слышали трогательныя просьбы и неотступные доводы императрицы: она такъ краснорѣчиво убѣждала его, въ словахъ ея звучало столько высокаго религіознаго чувства, но всѣ усилія ея были тщетны; она не могла уговорить его, чтобы онъ дозволилъ поставить піявки къ головѣ и принялъ наконецъ энергическія мѣры, необходимыя теперь, когда болѣзнь начинаетъ принимать болѣе серьезный характеръ. Мы всѣ горько плакали при видѣ тщетныхъ усилій императрицы, когда на

всѣ доводы своей августѣйшей супруги государь отвѣчалъ одно: что онъ уже испыталъ безполезность лекарствъ, которыя раздражаютъ только нервы его и потому скорѣе способствуютъ развитію болѣзни, чѣмъ облегчаютъ ее. Когда государыня пробовала дѣйствовать на религіозныя чувства его, онъ отвѣчалъ ей: что съ полною вѣрою, искренность которой выдержала столько испытаній предъ Богомъ, онъ надѣется на свою крѣпкую натуру, которою онъ надѣленъ отъ Всевышняго. Послѣ всего этого у докторовъ опустились руки, Виллié плакалъ вмѣстѣ съ нами въ сосѣдней комнатѣ. Къ вечеру сонъ государя обратился вновь въ тревожное забытье, часто прерывавшееся. Докторъ Рейнгольдъ, находившійся при немъ ночью съ 13-го на 14-е ноября, сообщилъ мнѣ на другой день, что онъ, входя въ комнату больного, замѣтилъ признаки пораженія мозга и что болѣзнь приняла такой плохой оборотъ, что уже нѣтъ надежды на выздоровленіе. Въ теченіе всего этого дня государь лежалъ съ полнѣйшей потерей сознанія, къ вечеру пароксизмы лихорадки были столь сильны, что императрица рѣшилась приготовить его къ исполненію христіанскихъ обязанностей; онъ съ радостью согласился на это, и 15-го числа былъ призванъ соборный священникъ Ѳедотовъ, у котораго императоръ въ этотъ день исповѣдался и пріобщился. Онъ приступилъ къ Таинству съ особенно трогательнымъ благоговѣніемъ. Священникъ говорилъ ему, что религія наша не дозволяетъ пренебрегать своимъ здоровьемъ и подвергать этимъ опасности жизнь, дарованную намъ Богомъ; слова духовника подѣйствовали на государя и онъ обѣщалъ подчиниться совѣтамъ врачей. Я узналъ обо всемъ этомъ на другой день, какъ только проснулся и тотчасъ поспѣшилъ во дворецъ; тамъ ставили уже больному 30-ть піявокъ къ головѣ; хотя это средство и подѣйствовало замѣтно на состояніе больного, но оно было употреблено слишкомъ поздно для того, чтобы ожидать отъ него полнаго успѣха. Князю Волконскому сдѣлалось при этомъ дурно, онъ совершенно упалъ духомъ и обезсилѣлъ подавленный горемъ. Штоффрегенъ говорилъ, что только крѣпкая натура императора могла вынести пароксизмы этого утра, когда онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. Днемъ императоръ почувствовалъ минутное облегченіе, и обратившись къ императрицѣ, не покидавшей его въ эти дни, предлагалъ ей прогуляться и подышать свѣжимъ воздухомъ: онъ понялъ конечно настоящую причину ея отказа, когда она отговаривалась худой погодой, которая не была вовсе такъ дурна. Послѣ этого минутнаго облегченія онъ снова впалъ въ забытье съ полною потерею сознанія; когда ему поставили горчичники къ обѣимъ рукамъ, онъ на время пришелъ въ себя и съ горечью жаловался

на боль, которую онъ отъ нихъ чувствовалъ: „не мучьте меня“, говорилъ онъ окружающимъ. Желаніе его было исполнено; онъ тотчасъ послѣ этого потерялъ сознаніе и впалъ въ состояніе, близкое къ летаргіи; дыханіе его было тяжело, синеватая, мертвенная блѣдность покрыла лицо его, не утратившее еще того симпатичнаго добраго выраженія, въ которомъ такъ ясно отражалась свѣтлая душа его. Послѣ полуночи ему какъ-будто стало легче, но между 3-мъ и 4-мъ часомъ ночи вновь возвратились сильнѣйшіе пароксизмы лихорадки и продолжались на слѣдующій день, 16-го ноября, сопровождаемыя всѣми признаками близкой кончины и съ усиленіемъ болѣзни, силы больного замѣтно уже стали упадать. Въ теченіе всего этого дня государь былъ лишенъ всякаго сознанія до такой степени, что не чувствовалъ даже въ теченіе 10-ти часовъ горчичниковъ, приложенныхъ къ ногамъ, и только къ вечеру сталъ жаловаться на боль отъ нихъ. Мы думали, что нѣкоторыя части головы его, особенно глаза и языкъ были парализованы, но къ 11-ти часамъ онъ пришелъ въ чувство, узналъ императрицу, улыбнулся ей, сказалъ нѣсколько словъ и съ выраженіемъ трогательнаго чувства пожалъ и поцѣловалъ ея руки, потомъ спросилъ лимоннаго мороженаго, которое ему тотчасъ приготовили; послѣ этого онъ впалъ въ забытье, за которымъ по обыкновенію послѣдовали на слѣдующее утро усиленные пароксизмы лихорадки. 17-го ноября утромъ ему приложили мушки къ затылку, онъ нѣкоторое время не чувствовалъ ихъ, но потомъ послышались стоны его и жалобы на боль; нѣсколько разъ въ теченіе этого дня онъ узналъ еще императрицу, пожималъ ей руки, говорилъ даже съ ней слабымъ и прерывающимся голосомъ. День былъ ясный, солнечный и государь, замѣтивъ это, вдругъ воскликнулъ: „какая славная погода!“ и такимъ же почти твердымъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ здоровый, хотя при этомъ страданія продолжались; ему тяжело было малѣйшее движеніе, и промываніе ранъ отъ мушекъ мучило его, все-таки этотъ обманчивый признакъ облегченія болѣзни вызвалъ въ насъ вновь надежды, но не надолго: государь оживился не болѣе какъ на 2 часа. Къ вечеру болѣзнь, по всѣмъ признакамъ, начала усиливаться, и надо было наконецъ объявить императрицѣ, что всѣ медицинскія средства истощены. По временамъ замѣтны были мѣстныя судороги, и мы ждали съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. Около часа ночи забытье, въ которомъ находился государь, стало покойнѣе; на 18-е ноября усиленіе лихорадки опять встревожило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что силы государя безнадежно упали. Священникъ ожидалъ уже во дворцѣ, когда его позовутъ читать послѣднія молитвы; но часы пробили 9-ть, и государь обратилъ на нихъ глаза, еще

полные жизни. Когда вслѣдъ за этимъ онъ увидѣлъ дорогую и милую ему императрицу, онъ хотѣлъ говорить, но, увы! не могъ сказать ей привѣтливаго слова; онъ лишился уже языка и лишь по движенію губъ его можно было отчасти угадывать его желанія, онъ могъ только улыбнуться ей, пожать и поцѣловать ея руки. Къ вечеру онъ не въ состояніи былъ проглотить пищу; при видѣ конвульсій въ разныхъ частяхъ головы, особенно въ глазахъ, чувствовалась приближающаяся съ каждой минутой кончина этого привлекательнаго человѣка, столь дорогого для всей Россіи; дыханіе его обратилось наконецъ въ глухое хрипѣніе, послышились плачъ и стоны во дворцѣ, но спустя нѣсколько времени больной сталъ покойнѣе, черты лица его приняли обычное выраженіе, только ротъ оставался открытымъ; онъ узналъ еще императрицу и обратился къ ней съ обычною нѣжностью. Осматриваясь, онъ замѣтилъ доктора Добберта, котораго не привыкъ видѣть около себя, взглядъ его выразилъ удивленіе и любопытство; онъ хотѣлъ конечно спросить, зачѣмъ онъ тутъ, но не могъ и тотчасъ же закрылъ глаза. Въ насъ снова проснулась надежда. Анисимовъ, камердинеръ императора, выразился при этомъ весьма характеристично: онъ увѣрялъ, что государь „отбаливается и будетъ здоровъ“, но надеждамъ нашимъ не суждено было оправдаться. Такъ какъ государь не могъ ничего проглотить, то ему поставили клистиръ изъ бульона, сваренаго на смоленской крупѣ. Больной на нѣсколько часовъ успокоился и потерялъ сознаніе; забытье длилось не долго, съ наступленіемъ полуночи возобновились пароксизмы лихорадки. Въ четвергъ, 19-го ноября, день принесшій намъ и всей Россіи столько горя, что онъ не скоро изгладится изъ памяти народной, пароксизмы закончились долгой агоніей, тяжелое дыханіе его сопровождалось стонами, въ которыхъ слышалось страданіе, и икотой, предвѣстницей смерти. Дыханіе его становилось съ каждымъ разомъ короче и разъ 5-ть останавливалось вовсе; наконецъ, въ $10^{3}/_{4}$ часовъ императоръ скончался въ присутствіи императрицы. Ее оставили одну съ умирающимъ супругомъ, она молилась во все время агоніи и оставалась еще съ полчаса передъ бездыханнымъ трупомъ, закрыла глаза покойному и подвязала ему подбородокъ. Можно-ли было ожидать, чтобы слабая натура государыни, пораженная болѣе, чѣмъ неизлечимымъ недугомъ, вынесетъ столько нечеловѣческихъ усилій, если бы она не вмѣщала такой великой, твердой, сильной души? Кто бы подумалъ, что она, вопреки общаго порядка вещей, съ ея слабымъ и разстроеннымъ организмомъ, переживетъ человѣка сильнаго, крѣпкаго и здороваго, который природную крѣпость своего организма поддерживалъ строгою и воздержною жизнію. Два часа спустя, эта необыкновенная жен-

щина присутствовала уже на панихидѣ; тяжело было видѣть слезы ея, но твердая и бодрая наружность ея внушала невольное уваженіе. Чуждаясь мелкихъ заботъ житейскихъ, она, не развлекаемая ими, оставалась одна въ теченіе цѣлаго дня съ своимъ горемъ, и это не помѣшало ей вечеромъ явиться передъ нами снова на панихидѣ, по прежнему бодрой и твердой въ несчастіи ея, и тоже на другой день, утромъ и вечеромъ. 20-го ноября она согласилась наконецъ на просьбы князя Волконскаго и переѣхала въ домъ Шахматовыхъ на время вскрытія умершаго и приготовленій къ парадному выставленію тѣла. Она рѣшилась говѣть въ это время въ часовнѣ, которая на слѣдующій же день была устроена въ покояхъ ея. Каждый день въ $5^1/_2$ часовъ вечера она заходила во дворецъ взглянуть на покойнаго супруга своего. Мы имѣемъ основательный поводъ опасаться за физическія силы императрицы, душевныя же силы ея не падаютъ и стоятъ на той же нравственной высотѣ, достойной почтительнаго удивленія.

Вскрытіе производилось 20-го ноября вечеромъ и ночью. Тѣло покойнаго императора сохранило свои атлетическія формы. Въ задней части головы, какъ того и ожидали доктора, оказалось около полустакана воды; мозгъ съ лѣвой стороны почернѣлъ въ томъ мѣстѣ, на которое государь указывалъ, жалуясь на мучительную головную боль, и артерія около лѣваго виска перепуталась съ другою жилою до того, что казалась связанной съ нею вмѣстѣ. Сердце, въ отношеніи другихъ органовъ, было мало, и его нашли окруженнымъ небольшимъ количествомъ воды, которая могла образоваться еще до болѣзни; предположеніе это оправдывается тѣмъ, что императоръ, еще до болѣзни, жаловался на біеніе сердца. Печень не представляла никакихъ особенностей, она была только слишкомъ открыта и испускала много желчи, несмотря на сильное изверженіе желчи въ продолженіе 15-го и 16-го ноября, послѣ пріема лекарствъ. Хрящи между крестцовыми позвонками окостенѣли такъ, что между этими позвонками не видно было хряща и позвоночный столбъ въ этомъ мѣстѣ казалось состоялъ изъ однѣхъ костей. Остальные внутренніе органы найдены были въ нормальномъ состояніи.

Я передаю факты, которые происходили на моихъ глазахъ и тѣ подробности, которыя были разсказаны мнѣ объ этомъ роковомъ событіи, лишившимъ отечество величайшаго изъ монарховъ и подданныхъ попечительнаго отца. Не думая отдавать отчета о всѣхъ подробностяхъ этого общественнаго горя, я отмѣтилъ лишь важнѣйшіе факты. Записка моя составлена не для печати, а единственно для меня самого и друзей моихъ; къ тому же, доктора вели бюллютень болѣзни, который долженъ быть признанъ за единственный оффиціаль-

ный и легальный источникъ при разъясненіи хода болѣзни императора и переходовъ ея отъ перемежающейся лихорадки въ желчную, нервную, и наконецъ въ тифъ. Болѣзнь развивалась съ такой быстротой, что 10-ти или 12-ти дней достаточно было для того, чтобы разбить крѣпкое сложеніе императора, при которомъ можно было надѣяться, что онъ проживетъ вдвое долѣе.

Заканчивая эту печальную картину, я долженъ засвидѣтельствовать здѣсь два факта, которые доказываютъ, что государь имѣлъ предчувствіе смерти. Извѣстно, что онъ, предпринимая путешествіе, считалъ непремѣннымъ долгомъ отстоять службу въ казанскомъ соборѣ, въ Петербургѣ, передъ дорогою; отъѣзжая въ послѣднее путешествіе, онъ, по обыкновенію, отстоялъ обѣдню въ соборѣ наканунѣ, но на этотъ разъ, онъ ночью отдалъ приказаніе, чтобы къ 3 часамъ утра были готовы дрожки и велѣлъ везти себя на Каменный островъ, оттуда онъ приказалъ ѣхать въ Невскій монастырь. Это поразило кура его, Илью[1]), потому что ничего подобнаго не случалось прежде. Государь оставался въ монастырѣ около 2-хъ часовъ и вышелъ оттуда сильно растроганный; послѣ этого онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ столицы, въ которую ему не суждено было уже возвращаться. Однажды, во время бытности его въ Таганрогѣ, онъ занимался дѣлами; вдругъ, между 4 и 5 часами темная туча заволокла небо такъ, что онъ долженъ былъ потребовать свѣчей; только что зажженыя свѣчи были поданы, какъ небо прояснилось и солнце показалось вновь, тогда камердинеръ возвратился въ кабинетъ и спросилъ, не прикажутъ ли ему убрать свѣчи. Императоръ взглянулъ на него и сказалъ „Да! ты правъ; если кто съ улицы увидитъ въ комнатѣ днемъ зажженныя свѣчи подумаетъ, что здѣсь покойникъ; мнѣ тоже это пришло въ голову. Возьми ихъ". На другой день, по возвращеніи изъ Крыма, 6-го ноября, чувствуя себя дурно, государь напомнилъ тому же камердинеру этотъ случай, прибавивъ, что его опасенія могутъ на этотъ разъ осуществиться, потому что онъ чувствуетъ себя серьезно больнымъ [2]).

---

[1]) Илья Байковъ, кучеръ, сопровождавшій вездѣ государя; онъ же отвозилъ и тѣло его въ печальной церемоніи. Н. Д.

[2]) Эти два анекдота разсказаны, съ нѣкоторыми незначительными отличіями, при всѣхъ болѣе подробныхъ описаніяхъ кончины государя. Въ брошюрахъ, изданныхъ у насъ въ Россіи, первый разсказъ: о посѣщеніи императоромъ невскаго монастыря, обставленъ большими подробностями; въ нихъ описывается посѣщеніе императоромъ схимника, жившаго въ монастырѣ; переданъ разговоръ ихъ, тяжело подѣйствовавшій на него напоминаніемъ о смерти и другими подробностями. (См. Послѣдніе дни жизни незабвеннаго монарха государя императора Александра I, съ изображеніемъ Таганрога и плана дворца, изд. Ивана Заикина. «Спб. 1827 г., на 55 стр., въ 8°; переводъ этого сочи-

Слава покойнаго государя будетъ долго жить въ исторіи, Россія сохранитъ навсегда въ памяти его добродѣтели и благодѣянія и Господь вознаградитъ его за нихъ въ будущей жизни.

Примѣчаніе. Самыя подробныя печатныя свѣдѣнія о болѣзни и кончинѣ императора Александра, изданныя у насъ въ Россіи, можно найти въ перечисленныхъ выше трехъ брошюрахъ (см. примѣч. 4). Всѣ эти описанія имѣютъ болѣе или менѣе оффиціально-риторическій колоритъ; видно, что составители приготовляли ихъ для печати и считали долгомъ выражаться высокимъ слогомъ, приличнымъ событію. Мы считаемъ излишнимъ много распространяться о нихъ, потому что они доступны всякому; замѣтимъ только для тѣхъ, кого это интересуетъ, что письма о кончинѣ государя, напечатанныя въ первой изъ поименованныхъ выше брошюръ (Послѣдніе дни жизни незабвеннаго монарха и т. д.), изданной въ Петербургѣ въ 1827 году, принадлежатъ: камеръ-гофъ-фурьеру Данилѣ Бабкину (2-е и 4-е письма, подписанныя буквами Д. Б.) и адмиральшѣ Бачмановой (1-е и 3-е письмо); въ моей библіотекѣ имѣются копіи съ писемъ разныхъ лицъ о кончинѣ Александра Павловича, и между прочими копіи съ писемъ, напечатанныхъ въ этой брошюрѣ съ полными подписями авторовъ [1]).

ненія, съ пропускомъ приложенныхъ къ нему писемъ разныхъ лицъ о кончинѣ государя, изданъ подъ заглавіемъ: «Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I Empereur de Russie, traduit du russe S. P. B. 1834 г., на 35 стр., въ 8°» («Таганрогъ или подробное описаніе болѣзни и кончины императора Александра Перваго, составленное Николаемъ Данилевскимъ, М. 1828 г., на VI, 85 и 2 нен. стр. съ 2 картинами, портретомъ и планомъ»). Н. Д.

[1]) Между ненапечатанными здѣсь письмами, изъ имѣющихся у меня, наиболѣе интересно письмо князя Волконскаго графу Милорадовичу; вотъ оно:

«19-го ноября 1825 г., 10 часовъ утра. Послѣ труднаго дня, т.-е. 16-го числа, въ продолженіе коего его величество оставался безъ всякаго движенія, оказывалъ существованіе свое только тяжелымъ дыханіемъ, за нѣсколько времени до разсвѣта онъ заснулъ и проспалъ до 8 часовъ утра; пробудившись, онъ открылъ глаза и произнесъ довольно внятнымъ голосомъ: «Comme il fait beau!» Взглянувъ на окно, которое освѣщалось солнечными лучами, спросилъ государыню, поцѣловалъ ея руку, сказавъ: «Я думаю, вы устали»; потребовалъ бульону и лимонаду. Видя, въ какомъ положеніи его величество, у всѣхъ на сердцѣ стало весело, все оживилось и приняло другой видъ, полагая, что искра надежды еще не угасла къ спасенію жизни драгоцѣннѣйшаго для Россіи государя; того же утра всѣ спѣшили въ церковь, домы остались пусты, всѣ лавки заперли (кромѣ?) базара съ съѣстными припасами и нужнаго числа людей, прочіе же стекались на молебствіе о здравіи его величества. Я поѣхалъ туда же. Нѣтъ словъ описать картину, которой былъ я свидѣтелемъ: на колѣнахъ, съ благоговѣйными чувствами въ душѣ, всѣ граждане плакали и самъ священникъ неоднократно останавливался при чтеніи молитвъ, не могши продолжать оныхъ за слезами. Мертвая тишина царствовала во всемъ храмѣ и наруша-

Въ иностранной литературѣ того времени неожиданная смерть императора возбудила толки и догадки, самыя невѣроятныя; такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ №№ „Morning Post“ говорится, что государь, самъ того не подозрѣвая, былъ окруженъ заговорщиками, которые такъ ловко скрывали свои намѣренія, что онъ довѣрялся имъ вполнѣ; они, будто-бы, имѣя въ виду отвлечь всякія подозрѣнія, были особенно предупредительны, устраивали для него празднества, на которыхъ государь веселился отъ души, и что однажды, по возвращеніи его изъ Крыма, они устроили прогулку по морю, во время которой государь былъ окруженъ только лицами, принимавшими участіе въ заговорѣ, и когда лодка отъѣхала подалѣе отъ берега, заговорщики рѣшились дѣйствовать по заранѣе обдуманному плану и лишили его

лась вздохами: казалось, что дѣти одного семейства оплакиваютъ добродушнаго отца своего. Но Богомъ не услышаны наши теплыя молитвы, хотя того же утра около 12 часовъ возвратился..... изъ дворца въ хорошемъ расположеніи духа, обрадовавъ меня присылкою вѣсти, что государю гораздо легче, шпанскія мушки подѣйствовали и желудокъ очистился, и полагали, что того дня былъ переломъ болѣзни, послѣ коего надлежитъ ожидать радостнѣйшихъ послѣдствій. Но, увы! наши желанія не исполняются; вчера его величество дошелъ до такой неимовѣрной слабости, что не имѣлъ силы проглотить лекарства, всегда почти въ безпамятствѣ и доктора поддерживаютъ его существованіе безпрестанными бульенами и клистирами: вотъ до какого несчастія мы дожили!

«О состояніи здоровья ея величества не имѣю ничего хорошаго вамъ сказать; душевныя ея страданія видитъ одинъ Богъ, на котораго все упованіе наше возлагаемъ.

«2-й часъ пополудни—Россія осиротѣла; въ ¾11-го часа не стало государя. Оплакивайте потерю добрѣйшаго отца отечества. Государыня находилась при кончинѣ его величества до послѣдней минуты, сама закрыла глаза, сомкнула губы, приняла послѣдній его вздохъ..... слезы мѣшаютъ продолжать, прощайте!»

(Получено 27-го ноября въ 10 часовъ утра).

Жители столицы узнали также 27-го ноября о кончинѣ императора; ихъ оповѣстили объ этомъ повѣсткою за подписью Спб. оберъ-полиціймейстера Шульгина 1-го, напечатанной на четвертушкѣ сѣрой бумаги, слѣдующаго содержанія:

«Всевышнему Господу Богу угодно было отозвать къ себѣ обожаемаго нами монарха! Его императорскому величеству государю императору Константину Павловичу учинена присяга его высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, государственнымъ совѣтомъ, святѣйшимъ сунодомъ и войскомъ.

«По приказанію его сіятельства г-на санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, я извѣщаю о семъ всѣхъ жителей столицы, дабы они, послѣдуя долгу своему, обратились во храмы Божіи и тамъ, передъ престоломъ Всевышняго, учинили таковую же присягу на вѣрность подданства государю императору Константину Павловичу установленнымъ порядкомъ».

Ноября 27-го дня, 1825 года).

жизни, объявивъ по возвращеніи о скоропостижной смерти государя, и будто бы этимъ путемъ имъ удалось скрыть свое преступленіе (см. Vie privée, politique et militaire d'Alexandre Paulowitz premier du nom., etc., par. Cousin d'Avalon. Paris. 1826, въ 8^0, стр. 174—177).

Къ той же категоріи относится разсказъ Фридриха Файо (Frederic Fayot): „Императоръ, разсказываетъ онъ, проѣзжалъ по южному берегу Крыма и простуда, перешедшая впослѣдствіи въ лихорадку, заставила его остановиться у Воронцова. Шотландецъ Виллié, докторъ при особѣ его величества, предложилъ ему лекарство, но государь почувствовалъ себя хуже и приказалъ тотчасъ же собираться обратно въ Таганрогъ. Я видѣлъ его по пріѣздѣ: онъ сидѣлъ въ каретѣ, закутанный въ сѣрую шинель, на лицѣ его выражалось уныніе и страданіе. По неожиданному возвращенію императора узнали о его болѣзни. Сперва скрывали опасность, но кажется можно сказать утвердительно, что она съ самаго начала имѣла серьезный характеръ; императоръ, говорятъ, сразу почувствовалъ ужасныя подозрѣнія и отказывался положительно отъ предлагаемыхъ ему лекарствъ; несмотря на просьбы императрицы, онъ постоянно отстранялъ медицинскую помощь. Разъ только въ теченіе всей болѣзни удалось уговорить его и онъ дозволилъ поставить себѣ нѣсколько піявокъ. Болѣзнь быстро усиливалась, и когда не было уже надежды на выздоровленіе, Виллié составилъ бюллетень болѣзни, который былъ тотчасъ же отправленъ въ Петербургъ; все описываемое нами произошло въ теченіе какихъ-нибудь 4 или 5 дней. Слухъ о болѣзни императора быстро распространился по городу, и когда всѣ узнали объ опасности, народъ тѣснился у дворца, ожидая извѣстій о здоровьѣ государя. Императоръ все еще отказывался отъ всякихъ лекарствъ и мучился жестоко. Намъ сказали однажды, что онъ прогналъ Виллié изъ своей комнаты. Во все время болѣзни онъ просилъ постоянно холодной воды у камердинера: „она успокоиваетъ меня, говорилъ онъ, а ихъ лекарства жгли мнѣ внутри". Когда страданія его поутихли, онъ написалъ письмо и запечаталъ его, свѣча оставалась зажженой и онъ сказалъ своему камердинеру: „Погаси ее, другъ мой; увидавъ ее въ окно, можно подумать, что кто-нибудь изъ насъ умеръ". Виллié всѣми силами старался отстранить консиліумъ съ другими докторами, одинъ только Штоффрегенъ былъ допущенъ всего одинъ разъ, и то только послѣ многократныхъ и настойчивыхъ просьбъ императрицы. Болѣзнь императора продолжалась около 11-ти дней. Молодой французъ, докторъ, хорошо знающій свое дѣло, былъ тогда въ Таганрогѣ; онъ просилъ позволенія принять участіе въ консультаціи, но ему было отказано; я встрѣтилъ его наканунѣ смерти государя: онъ таинственно сообщилъ

мнѣ объ опасности, въ которой государь находился и предсказалъ исходъ болѣзни его: „императоръ погибъ", сказалъ онъ мнѣ въ заключеніе, и дѣйствительно государь скончался на другой день; нѣкоторые утверждаютъ, что смерть его послѣдовала наканунѣ оффиціально объявленнаго дня.... Вилліе выказывалъ страшное отчаяніе по смерти государя, онъ заперся въ своихъ комнатахъ и держалъ себя такъ, какъ человѣкъ, потерявшій съ горя разсудокъ; его нѣкоторое время дѣйствительно считали сумасшедшимъ. Недальновидные думали, что онъ погибнетъ и ожидали, что придворная карьера его кончена; но лишь только были получены первыя свѣдѣнія изъ Петербурга, Вилліе выѣхалъ изъ Таганрога, чтобы представиться новому государю и сохранилъ все, чего успѣлъ достигнуть долголѣтними интригами и успѣхами при дворѣ; онъ получилъ еще новое отличіе: его назначили первымъ медикомъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ" (см. Les souverains de l'Europe, б. озн. врем. и мѣста изд. въ 8°, стр. 204—207).

Этотъ разсказъ, какъ видно, послужилъ поводомъ къ самой черной клеветѣ на Вилліе, но предлагаемые документы опровергаютъ окончательно и тѣ шаткіе доводы, на которыхъ авторъ основываетъ свои подозрѣнія.

Существуетъ еще одинъ разсказъ объ этомъ событіи. Шуазель-Гуфье, рожденная графиня Тизенгаузенъ, въ своихъ мемуарахъ (Mémoires de la comtesse Choiseul-Gouffier, née comtesse Tisenhausen etc.) объясняетъ кончину императора, какъ слѣдствіе огорченія его, когда онъ узналъ о заговорѣ декабристовъ; она говоритъ, будто-бы извѣстіе объ этомъ заговорѣ сильно подѣйствовало на государя, что онъ нарочно удалился изъ столицы для того, чтобы обсудить это дѣло на свободѣ, вдали отъ двора и вліяній высокопоставленныхъ лицъ; будто бы во время болѣзни у него вырвались слова, которыя объяснили окружающимъ тревожившія его мысли; государь сказалъ будтобы: „чудовища! неблагодарные! я хотѣлъ только счастія ихъ". Она приписываетъ этому огорченію болѣзнь и самую смерть государя.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь преувеличено значеніе открытія заговора въ болѣзни государя, но можно кажется безошибочно сказать, что оно имѣло вліяніе на развитіе того нервнаго раздраженія, о которомъ говорилъ государь докторамъ и которое внушило ему пагубное убѣжденіе, что болѣзнь его главнымъ образомъ нравственная, и потому медицинскія пособія, раздражая его больные нервы, скорѣе вредны для него, чѣмъ полезны.

Таганрогъ славится въ народѣ здоровымъ воздухомъ, несмотря на нѣкоторыя рѣзкія особенности климата, состоящія въ чрезвычайно измѣнчивой температурѣ воздуха, въ значительной разности темпе-

ратуръ по временамъ года и въ силѣ вѣтровъ. По увѣренію мѣстныхъ врачей, нѣкоторыя хроническія болѣзни, не очень застарѣлыя, излечиваются здѣсь сами собой безъ медицинской помощи. Народная молва, разславившая этотъ городъ, побудила вѣроятно императора избрать его для переселенія выздоравливавшей императрицы и поселиться въ немъ самому. Городскіе старожилы и лица, сопровождавшія государя, разсказываютъ, какъ хлопоталъ онъ, чтобы устроить для императрицы небольшой одноэтажный домъ, принадлежавшій градоначальнику П. А. Шапкову, съ какимъ предупредительнымъ вниманіемъ онъ самъ разставлялъ въ немъ мебель, вбивалъ гвозди для картинъ и т. п. Поселившись въ городѣ, государь во время прогулокъ заходилъ на базаръ, прицѣниваясь къ жизненнымъ потребностямъ, дѣлалъ закупки, удивляясь дешевизнѣ всего. Любимая прогулка его была по Петровской улицѣ въ городской садъ, который, по его повелѣнію, распространенъ; кромѣ того, государь назначилъ особую сумму въ 11,500 руб. ассигнаціями на постройку садовыхъ службъ. До сихъ поръ городскіе жители указываютъ каменную скамейку за садомъ, на которой государь любилъ отдыхать послѣ прогулки. („Медико-топографическое описаніе таганрогскаго градоначальства", соч. лекаря П. Работина. Спб., 1868 г., стр. 15—17).

Н. П. Дуровъ.

СМЕРТЬ А. С. ГРИБОѢДОВА.

Подробности трагической кончины безсмертнаго творца «Горе отъ Ума» до сихъ поръ весьма мало извѣстны; поэтому читатели «Русской Старины»— не безъ интереса прочтутъ обязательно доставленную намъ предсѣдателемъ кавказской археографической комиссіи А. Берже настоящую статью; она вся состоитъ изъ документовъ, именно изъ нотъ, депешъ и донесеній высшихъ правительственныхъ лицъ Россіи, Персіи и Англіи объ этомъ роковомъ событіи—и всѣ эти важные матеріалы впервые являются въ печати. Ред.

Туркменчайскій трактатъ, заключенный съ Персіею, положилъ конецъ непріязненнымъ отношеніямъ между нами и этою державой, ознаменовавшимъ первое двадцатипятилѣтіе русскаго владычества въ Закавказьѣ. Вслѣдъ за возстановленіемъ дружественныхъ сношеній нашихъ, императоръ Николай, указомъ правительствующему сенату отъ 25 апрѣля 1828 года, учредилъ постъ полномочнаго министра при тегеранскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Тавризѣ. Въ званіе министра былъ тогда же назначенъ ст. сов. Грибоѣдовъ, а консуломъ Н. С. Амбургеръ: оба они были уже болѣе или менѣе близко знакомы съ Персіей. Въ іюнѣ того же года Грибоѣдовъ оставилъ Петербургъ. На пути чрезъ Тифлисъ, онъ женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе, а 30 января слѣдующаго 1829 года сдѣлался жертвою неожиданной катастрофы, разразившейся надъ нашимъ посольствомъ въ Тегеранѣ: почти въ цѣломъ составѣ оно было умерщвлено разъяренною толпою персидской столицы. Столь неслыханное происшествіе не могло не нанести сильнаго удара достоинству Россіи, въ отношеніи которой такъ явно были нарушены международныя права; но помимо политическаго значенія событіе это должно было невыразимо тяжело отозваться и среди всего образованнаго русскаго общества, которое въ лицѣ Грибоѣдова безвозвратно утратило творца безсмертой комедіи, служащей лучшимъ украшеніемъ и родной литературы и родной сцены. Вотъ почему извѣ-

стіе о трагической его смерти произвело у насъ самое грустное и тяжелое впечатлѣніе. Между тѣмъ фактъ этотъ и по сію пору остается не вполнѣ разъясненнымъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происшествіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ событія 30 января 1829 г., заключаются въ сдѣланныхъ Ев. Серчевскимъ извлеченіяхъ изъ „Сѣверной Пчелы“ (1829 г., № 34), прибавленіяхъ къ „Сыну Отечества“ и „Сѣверному Архиву“ (1830 г., IX т., № 1) и въ переведенномъ имъ же изъ Nouvelles annales des voyages (XII ann. 1830, t. 48, de la collection et 18 de la 2 série, pag. 337—367) разсказѣ персіянина, помѣщенномъ въ изданіи сочиненій Грибоѣдова. Разсказъ персіянина не лишенъ интереса, но, къ сожалѣнію, переведенъ крайне небрежно, въ особенности же искажены имена собственныя. Всѣ другія попавшіяся мнѣ свѣдѣнія сводятся къ стереотипной фразѣ: „Грибоѣдовъ погибъ жертвой неистовства тегеранской черни“, а подробности о его смерти и вовсе проходятся молчаніемъ. Оффиціальныхъ свѣдѣній относительно даннаго событія, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей печати до сихъ поръ не появлялось. А это, по моему мнѣнію, составляетъ довольно важный пробѣлъ въ нашей литературѣ, тѣмъ болѣе важный, что онъ непосредственно касается такой личности, какъ Грибоѣдовъ. Восполненіе этого-то пробѣла служитъ цѣлью настоящей статьи. Я обращу въ ней прежде всего вниманіе на правительственные документы, а затѣмъ сообщу и тѣ данныя, которыя успѣлъ собрать въ Грузіи, равно и въ самой Персіи, гдѣ я провелъ 1853—1855 годы. Но пользуясь источниками отечественными, въ видахъ всесторонняго разъясненія истины, не могу не послѣдовать извѣстному изреченію: „audiatur et altera pars“, къ чему побуждаетъ меня еще и то важное обстоятельство, что занимающее насъ событіе совершилось на почвѣ Персіи. Итакъ, начнемъ съ источниковъ персидскихъ.

Лучшимъ и болѣе достовѣрнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ можетъ послужить исторія Персіи, извѣстная подъ именемъ Роузет-уссефа [1]) (садъ удовольствія), составленная Ризою-Кули, по повелѣнію нынѣ царствующаго Наср-эддин-шаха. Риза-Кули описываетъ дѣло такимъ образомъ: „Было условлено, чтобы заключенный между обѣими державами (туркменчайскій) трактатъ былъ переданъ черезъ довѣренныхъ посланниковъ двумъ государямъ: Фетх-Али-шаху и великому императору Николаю. На сей конецъ выборъ со стороны россійскаго правительства палъ на генерала Грибоѣдова, племянника,

[1]) Подъ этимъ названіемъ извѣстна исторія Персіи, написанная Мирхондомъ, а Риза-Кули есть только ея продолжатель. А. В.

по сестрѣ, ген.-фельдм. Паскевича, главнокомандовавшаго въ Грузіи и на Кавказѣ, съ наименованіемъ его полномочнымъ министромъ высокаго россійскаго двора. Министръ этотъ принималъ участіе въ войнѣ (съ Персіей) и находился при заключеніи трактата. До прибытія въ Тегеранъ онъ ѣздилъ въ Петербургъ по вопросу о дополнительныхъ статьяхъ трактата и тамъ получилъ настоящее назначеніе, съ порученіемъ доставить императорскіе подарки, состоявшіе въ хрустальномъ канделабрѣ и разной посудѣ изъ яшмы. По прибытіи Грибоѣдова изъ Петербурга въ Тифлисъ, наслѣдный принцъ (Аббас-Мирза) назначилъ къ нему михмандаромъ [1]) Назаръ-Али-хана, Авшара Урмійскаго, который и сопровождалъ его оттуда до Тавриза съ большими почестями. Тамъ онъ имѣлъ аудіенцію у наслѣднаго принца, прожилъ въ этомъ городѣ съ мѣсяцъ, назначилъ консула и секретаря, и, не испросивъ согласія у персидскаго правительства, отправилъ также консула въ Гилянъ, послѣ чего, въ сопровожденіи михмандаря, выѣхалъ въ Тегеранъ. Подъѣзжая къ столицѣ 5 реджеба 1244 (1828) года, онъ былъ встрѣченъ Мирза-Мухаммед-Алиханомъ Кашанскимъ, визиремъ принца Зилли-султана [2]) и Мухаммед-Вели-ханомъ Авшаромъ Касумлинскимъ, посланнымъ къ нему на встрѣчу по повелѣнію шаха. Въ сопровожденіи названныхъ сановниковъ, онъ въѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ, отведенномъ ему близъ Шах-Абдул-азимскихъ воротъ. Нѣсколько времени спустя къ нему явились, по приказанію шаха, съ визитомъ: министръ иностранныхъ дѣлъ Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ Ширазскій, Аллах-Кули-ханъ Каджаръ и Мирза-Фезл-Уллахъ-Мустоуфи. Послѣ обычнаго привѣтствія они выразили ему радость по случаю согласія и дружбы, установившихся между обѣими державами. Спустя два-три дня Грибоѣдовъ, согласно этикету, соблюдаемому при представленіи шаху турецкихъ и европейскихъ посланниковъ, былъ введенъ къ его величеству; при чемъ до вступленія въ аудіенц-залу его пригласили на нѣсколько минутъ въ кешикъ-ханэ [3]), со всею при этомъ вѣжливостью и приличіемъ. Но обрядъ этотъ разсердилъ Грибоѣдова,

[1]) Чиновникъ, посылаемый на границу государства для встрѣчи чужестранныхъ посланниковъ и другихъ членовъ дипломатическаго корпуса и для сопровожденія ихъ въ Тегеранъ или другой городъ Персіи. Обязанность его состоитъ въ наблюденіи за ихъ безопасностью и въ доставленіи имъ всевозможныхъ облегченій въ дорогѣ. А. В.

[2]) Т.-е. «тѣнь шаха», титулъ Али-шаха, сына Фетх-Али-шаха. Онъ при отцѣ былъ губернаторомъ Тегерана, а при Мамед-шахѣ бѣжалъ изъ Персіи. А. В.

[3]) Палатка тѣлохранителей. А. В.

который, приписавъ его непочтительности къ сану посланника, сталъ выражаться дерзко и высокомѣрно.

„Я — составитель настоящей книги, хотя и находился тогда въ Фарсѣ и не былъ свидѣтелемъ этихъ происшествій, но слышалъ и читалъ въ разныхъ рукописяхъ, что Грибоѣдовъ, увлекшись успѣхами русскаго оружія въ Адербейджанѣ, началъ держать себя непомѣрно гордо и неблагопристойно обращаться съ шахомъ, превышающимъ достоинствами китайскаго хакана и владѣтелей туркестанскихъ. Благоразумные и проницательные люди объясняли ему, что счастье измѣняетъ нерѣдко и царямъ, при чемъ указывали на неудачи Петра Великаго противъ турокъ и Карла XII, и что въ виду этого именно обстоятельства посланникамъ подобаетъ сохранять къ вѣнценосцамъ вѣжливость и почтительность. Но совѣты не принимались и Грибоѣдовъ не перемѣнилъ поведенія; вельможи же молчали и его дерзости скрывали отъ шаха. Я слышалъ, что онъ однажды, идя къ его величеству, не снялъ галошъ даже на томъ священномъ мѣстѣ, на которомъ совершается лобызаніе великихъ царей, забывъ, что въ коранѣ говорится Моусею: „скинь сандаліи, ибо ты въ священномъ мѣстѣ [1]).

„Въ переговорахъ Грибоѣдовъ также былъ дерзокъ. Несмотря на все это, шахъ, превышающій достоинствомъ Афрасіаба [2]), а мудростью Пирана [3]), не переставалъ обходиться съ нимъ кротко и благосклонно. Сановники нѣсколько разъ и наединѣ высказывали Грибоѣдову, что его обхожденіе съ шахомъ неприлично; но все было тщетно. Шахъ же, во вниманіе къ тому, что онъ министръ русскаго императора и принималъ участіе въ заключеніи трактата; что онъ гость высокаго двора и наконецъ въ виду изреченія пророка: „чтите вашихъ гостей, хотя бы они были и гяуры“, не обращалъ вниманія на предосудительное поведеніе Грибоѣдова.

„Спустя нѣсколько дней случилось, что одинъ изъ евнуховъ шахскаго гарема, Якубъ, задолжавшій казнѣ знатную сумму, желая избавиться требованій правительства и основываясь на XIII ст. мирнаго трактата (туркменчайскаго), по смыслу которой всѣ плѣнные должны быть возвращены, отдался подъ покровительство русскаго посольства. Названный Якубъ, изъ эриванскихъ армянъ, былъ взятъ въ плѣнъ персіянами. Считая себя, на основаніи приведенной статьи,

---

[1]) Гл. XX, ст. 12. Это мѣсто въ коранѣ заимствовано изъ 2-й книги Моусея Исходъ, глава III ст. 5. А. В.

Царь Турана. А. В.

[3]) Визирь Афрасіаба, прославившійся своею мудростью. А. В.

свободнымъ, онъ началъ сообщать министру имена грузинскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ; изъ послѣднихъ многія состояли въ замужествѣ за разными лицами и имѣли дѣтей. Несмотря на это, равно и на то, что возвращеніе ихъ не только было трудно, но по правиламъ ислама даже позорно, нѣкоторыя жены были выданы Грибоѣдову. Въ числѣ прочихъ онъ задержалъ двухъ грузинокъ, перешедшихъ въ мусульманство и жившихъ въ домѣ Аллах-Яр-хана Асиф-уддоулэ [1]), которыя, не желая возвратиться къ христіанству, подали въ этомъ смыслѣ жалобу тегеранскимъ улемамъ. Но не ограничиваясь этими (женщинами), Грибоѣдовъ посылалъ Якуба съ своими людьми въ разные дома отыскивать плѣнницъ и забирать ихъ силою. Такая мѣра возбудила въ народѣ сильное волненіе. Улемы же и муджтехиды [2]), къ которымъ безпрестанно поступали жалобы, видя равнодушіе правительства къ дѣйствіямъ Грибоѣдова, заподозрили шаха въ потворствѣ. Тогда у нихъ и у казіевъ, шейховъ и сеидовъ [3]) заговорило чувство религіозной ревности, и было положено идти противъ министра. Они послали сказать ему, что если они и не имѣютъ права вмѣшиваться въ мирныя соглашенія обоихъ правительствъ, то обязаны нарушить молчаніе, когда дѣло касается основныхъ началъ шаріата; основы же ислама поколеблены, коль скоро результатъ трактата состоитъ въ томъ, чтобы плѣненныя въ Грузіи женщины были силою отбираемы у мусульманъ. „Мы, говорили они, какъ представители нашей религіи, согласно ея велѣніямъ, не можемъ оставаться равнодушными къ мѣрѣ, которая впослѣдствіи повлечетъ за собою народное возстаніе“. Когда посланные явились къ Грибоѣдову съ подобными доводами, онъ вспыхнулъ, и осыпавъ ихъ бранью и угрозами, отпустилъ, не давъ удовлетворительнаго отвѣта.

„Послѣ того улемы и сеиды собрались въ Тегеранской соборной мечети, гдѣ къ нимъ присоединился муджтехидъ Хаджи-Мирза-Месихъ, и съ общаго согласія рѣшили возстать противъ министра. Къ нимъ примкнула большая часть городского населенія и скоро толпа

---

[1]) Аллах-Яр-ханъ, одинъ изъ первостепенныхъ хановъ Юхари-баша,—колѣна каджарскаго племени, къ которому принадлежитъ нынѣ царствующая въ Персіи династія, ведущая свой родъ отъ ашага-баша, другого колѣна того же племени. Онъ былъ родной дядя (по матери) Мамед-шаха, сына Аббас-Мирзы и преемника Фетх-Али-шаха. А. В.

[2]) Высшее духовное лицо въ шіитской іерархіи. А. В.

[3]) Казій — судья; шейхъ — старецъ, лицо, пользующееся уваженіемъ по своимъ лѣтамъ и образу жизни, староста при мечети; сеидъ — потомокъ Мухаммеда. А. В.

недовольныхъ, увеличившаяся прибывавшими изъ окрестностей поселянами, достигла нѣсколькихъ тысячъ, такъ что дальнѣйшій ходъ дѣла былъ уже внѣ власти правительства и улемовъ. Первому трудно было бороться противъ 100 т. сборища, которое, постоянно усиливаясь, приняло грозный видъ и, наконецъ, хлынувъ къ дому Грибоѣдова, окружило его. Принцы и другіе вельможи, посланные шахомъ, чтобы уговорить толпу не предпринимать ничего опаснаго, возвратились безъ успѣха; она рѣшительно объявила, что если правительство станетъ ей препятствовать, она обратится противъ самого шаха. Между тѣмъ, посланникъ со всей миссіей, въ числѣ около 200 чел., заперся и взялся за оружіе; нѣкоторые же взобрались на крышу и начали стрѣлять, при чемъ убили изъ толпы 14-ти-лѣтняго мальчика. Увидя это, народъ съ оружіемъ въ рукахъ осадилъ посольскій домъ. Тогда Грибоѣдовъ приказалъ Якубу выдти къ толпѣ, которая тутъ же его изрубила и отрубила ему голову. Затѣмъ высланы были двѣ грузинки: ихъ тотчасъ же возвратили въ гаремъ. Изъ мусульманъ было убито 80 чел. Когда же нѣкоторые изъ толпы бросились на крышу посольскаго дома, принцъ Зилли-султанъ и др., снова обратились къ народу съ увѣщаніемъ, но все было тщетно. Грибоѣдовъ, съ 37-ю товарищами, былъ убитъ, а домъ разграбленъ и разрушенъ; толпа же разошлась въ разныя стороны и никто не зналъ, откуда она взялась и куда скрылась; изъ зачинщиковъ же и убійцъ никто не былъ открытъ. Секретарь Мальцовъ, при самомъ началѣ дѣла, скрылся у одного мусульманина и спасся. Онъ былъ призванъ къ шаху и осыпанъ его милостями.

„Правительство начало размышлять объ этой страшной катастрофѣ, при чемъ распорядилось о преданіи землѣ убіенныхъ на кладбищѣ тегеранскихъ церквей, а секретаря Мальцова, въ сопровожденіи Назар-Али-хана Авшара и съ почестями, отправило въ Тавризъ. Тамъ онъ лично подтвердилъ наслѣдному принцу (Аббас-Мирзѣ) всѣ ошибки Грибоѣдова“.

Такъ повѣствуетъ объ умерщвленіи нашего посольства персидскій историкъ. Не вдаваясь въ критическую оцѣнку подробностей, заключающихся въ приведенномъ отрывкѣ, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей задачи, замѣтимъ лишь, что, судя по сущности разсказа, причины постигшаго нашу миссія несчастія сводятся:

во-1-хъ, къ отсутствію въ Грибоѣдовѣ знакомства съ требуемымъ этикетомъ и незнанію имъ мѣстныхъ обычаевъ;

во-2-хъ, къ участію, принятому въ евнухѣ Якубѣ, и

въ-3-хъ, къ укрывательству у себя женщинъ.

Послѣднія два обвиненія, о которыхъ будетъ сказано ниже, спро-

ведливы. Что же касается перваго, то оно вполнѣ опровергается сколько личными качествами Александра Сергѣевича, столько же и тѣмъ близкимъ знакомствомъ его съ языкомъ, нравами и обычаями Персіи, изученію которыхъ онъ посвятилъ многіе годы. Но безпристрастное изображеніе событій настолько же мыслимо въ каждомъ персидскомъ повѣствователѣ, сколько всѣмъ вообще персіянамъ присуще самохвальство и хвастовство,—врожденныя качества этой націи.

Обратимся къ нашимъ документамъ.

Умерщвленіе русскаго посольства совершилось, какъ извѣстно, 30-го января 1829 года. Кромѣ Александра Сергѣевича, въ числѣ убитыхъ были: 2-й секретарь, протоколистъ Аделунгъ, шт.-кап. Шах-Назаровъ, канцеляристъ кн. Кобуловъ, переводчикъ кн. Соломонъ Меликовъ, ординаторъ эриванскаго госпиталя Мальмбергъ, грузинъ Ростомъ, Дадаш-бекъ, камердинеръ Александръ Дмитріевъ, поваръ Яковъ Захаровъ и пр., всего съ казаками 37 человѣкъ. Спасся только 1-й секретарь, тит. сов. Мальцовъ.

Извѣстіе о злополучной участи русской миссіи быстро распространилось по Персіи, откуда слухи не замедлили проникнуть и въ Закавказье. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они принимались недовѣрчиво, какъ вымыселъ, или вѣрнѣе сплетня, столько свойственная увлекающемуся воображенію восточнаго человѣка. Такъ военно-пограничный начальникъ въ Кахетіи генералъ-майоръ Раевскій, отъ 26-го февраля, доносилъ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса гр. Паскевичу-

„Честь имѣю донести вашему сіятельству, что въ Дагестанѣ распро: странились слухи о разрывѣ Персіи съ Россіей и о умерщвленіи нашего посланника въ Тегеранѣ. Я еще не знаю, если сіи извѣстія нечаянно распространились, или намѣреніемъ распущены муллами и хаджіями [1]). Я обратилъ всѣ свои старанія, чтобы уничтожить сіи ложные слухи предъ выступленіемъ нашихъ войскъ за границу, и дабы они не препятствовали набору лезгинскаго ополченія".

Въ другихъ же мѣстахъ слухи передавались въ преувеличенномъ видѣ: „Изъ-заграницы", доносилъ графу Паскевичу управляющій Карабагомъ майоръ Калачевскій: „безпрестанно привозятся свѣдѣнія, что полномочный нашъ министръ при дворѣ персидскомъ казненъ, по приказанію шаха".

Въ такомъ видѣ слухи доходили и до Тифлиса. Первое, болѣе подробное и обстоятельное донесеніе о событіяхъ 30 января графъ Паскевичъ получилъ отъ нашего генеральнаго консула Амбургера, который отъ 8 февраля писалъ:

---

[1]) Хаджи — мусульманинъ, совершившій путешествіе въ Мекку. А. В.

„Сегоднишняго утра прибылъ сюда человѣкъ Мирза-Муса-хана, который привезъ извѣстія изъ Тегерана о случившемся тамъ ужасномъ происшествіи. Кажется, что духовенство тегеранское было главною причиною возмущенія, содѣлавшаго нашего министра жертвою ожесточенной черни, ибо въ главной мечети провозглашали сборъ правовѣрныхъ. Злополучный Александръ Сергѣевичъ сдѣлался жертвою своей храбрости. Услышавъ шумъ, выбѣжалъ съ обнаженною саблею въ рукѣ, и въ то самое мгновеніе былъ пораженъ брошеннымъ камнемъ. Онъ палъ отъ удара, ворвавшаяся толпа совершила его ужасную участь! Покой душѣ его! Всѣ люди тутъ бросились къ нему и всѣ пали жертвою остервенѣлой черни.

„Все имущество ограблено кровопійцами, и домъ, данный министру шахомъ, совершенно разрушенъ [1]).

„Самъ шахъ заперся въ аркѣ и окружился своимъ войскомъ. Чернь цѣлый день носилась по городу и еще не извѣстно, какія другія неистовства произвела. Али-шахъ только съ величайшимъ усиліемъ могъ пробиться до дома министра; нѣсколько феррашей и и насакчіевъ [2]) его при семъ были убиты. Отъ Мальцова все еще нѣтъ сообщеній и до полученія оныхъ, какъ происходящихъ отъ очевидца, невозможно ручаться за справедливость получаемыхъ извѣстій. Наибъ-султанъ [3]) въ отчаяніи; при первомъ послѣ сего неимовѣрнаго злодѣйства свиданіи со мною, сказалъ онъ мнѣ: „Не знаю, какая злополучная судьба преслѣдуетъ меня! Только что успѣлъ я чрезвычайными стараніями и жертвами возстановить дружбу между Россіею и Персіею, сіе ужасное смертоубійство, Иранъ навсегда запятнавшее, разрушаетъ то, чего съ такимъ трудомъ достигъ. Да будетъ проклятъ Иранъ и самовольные жители его! клянусь тѣмъ Богомъ, въ котораго мы оба вѣруемъ, ибо Онъ единъ, что я былъ бы радъ замѣнить пролитую кровь кровью моихъ женъ и дѣтей. Что мнѣ сказать про шаха? продолжалъ онъ; бранить его не смѣю, молчать же о его слабости не могу. И это шахъ? не выходитъ изъ своего гарема и не думаетъ о приведеніи въ послушаніе и въ порядокъ своихъ подданныхъ! я не знаю, куда мнѣ дѣться отъ стыда“.

„Каймакамъ [4]) также глубоко чувствуетъ ужасъ происшедшаго. Онъ самъ вызвался съ Мамед-Мирзою ѣхать въ Тифлисъ, говоря, что

---

[1]) Въ бытность мою, въ 1853 г., въ Тегеранѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ Грибоѣдовъ, помѣщалась верблюжья артиллерія. А. Б.

[2]) Ферраши — ставщики палатокъ, шахская стража; насакчи — стража, предшествующая шаху во время выходовъ его изъ дворца. А. Б.

[3]) Наслѣдникъ престола. А. Б.

[4]) Мирза Безюргъ. А. Б.

оба они готовы смыть своею кровью пятно, сдѣланное Персіи симъ непримиримымъ злодѣяніемъ. Онъ показывалъ мнѣ письма, въ которыхъ Аббас-Мирза пишетъ къ Али-шаху, чтобы онъ немедленно настаивалъ у шаха приказать схватить главныхъ зачинщиковъ и прислать ихъ въ Тифлисъ.

„Я настаивалъ, чтобы тѣла министра и чиновниковъ, падшихъ жертвою кровопійцъ, были высланы въ Тифлисъ; и о семъ было писано въ Тегеранъ..

„Супругу министра я успѣлъ уговорить, не открывая ей о несчастной участи ея супруга, слѣдовать въ Тифлисъ, къ чему не мало способствовало полученное ею письмо отъ своей родительницы, которая ее приглашаетъ къ себѣ“.

Одновременно съ донесеніемъ Амбургера, графъ Паскевичъ получилъ изъ Тавриза письмо отъ Макдональда, англійскаго посла въ Персіи, помѣченное тѣмъ же числомъ, слѣдующаго содержанія:

(Переводъ). „Изъ полученнаго мною вчера отъ его королевскаго высочества (Аббас-Мирзы) письма, съ коего у сего прилагается копія, я впервые извѣстился объ ужасахъ въ Тегеранѣ и имѣю честь выразить вамъ мое глубокое и искреннее соболѣзнованіе, по случаю этой неслыханной катастрофы, событія обильнаго несчастіями, ввергшаго въ глубокую скорбь нѣсколько уважаемыхъ семействъ и лишившаго его императорскаго величества слуги даровитаго, ревностнаго и достойнаго, а ваше превосходительство, а равно и меня, любимаго и уважаемаго друга.

„По случаю отдаленности мѣста и за неполученіемъ до нынѣ подробныхъ свѣдѣній, я не могу представить другихъ разъясненій обстоятельствъ, вызвавшихъ такое ужасное нарушеніе народнаго права, кромѣ полученныхъ уже вами или имѣющихъ получиться отъ г. Амбургера и отъ его превосходительства каймакама, немедленно отправ-

---

(Подлинникъ). La copie de la lettre ci-jointe que j'ai reçue hier de S. A. R. de Perse m'a appris pour la première fois les horreurs qui ont eu lieu à Téhéran, et j'ai l'honneur de Vous offrir l'assurance de ma condoléance profonde et sincère sur cette catastrophe inouie; événement fertile en malheur public autant que privé qui a plongé dans la plus profonde douleur plusieurs familles aimables, enlevé à Sa Majesté Impériale un serviteur habile, zélé et distingué, et privé V. E. non moins que moi d'un ami à la fois chéri, estimé et affectionné.

A cette distance de la scène et avec l'information peu détaillé que jusqu'à présent je possède, il m'est impossible de fournir d'autres éclaircissements sur les circonstances qui ont produit cette infraction atroce du droit des gens, outre ceux que Vous avez déjà reçus ou que Vous devrez recevoir de M. Amboürger et S. E. le Kaïm-makam qui doit partir incessamment pour Tiflis. Mais tout obscurement que la chose se présente à moi, je n'hésite guère à déclarer

ляющагося въ Тифлисѣ. Но какъ неясно ни представлялось бы мнѣ дѣло это, я, не колеблясь, выскажу мнѣніе свое, основанное на знаніи шахскаго нрава и на результатахъ моихъ разслѣдованій о поводахъ къ этому грустному событію, что ни шахъ и никто изъ его министровъ непричастны дѣлу, которое всецѣло должно быть приписано свирѣпой и внезапной вспышкѣ народнаго неистовства, которое правительство не могло во-время утушить, дабы предупредить преступленіе, которое навсегда и неизгладимо обезчестило національный духъ и доказало несостоятельность ихъ правительства.

„Что касается Аббас-Мирзы, то я не допускаю, что его кто-либо могъ заподозрить, не исключая и тѣхъ, которые составили себѣ о немъ самое дурное мнѣніе. Разстояніе между Тавризомъ и Тегераномъ, его скорбь и изумленіе, его поспѣшность при отправленіи въ качествѣ депутатовъ, старшаго его сына и каймакама, для представленія вашему августѣйшему монарху всевозможныхъ удовлетвореній, суть сильныя и неотразимыя доказательства полной его невинности. Но какъ г. Амбургеръ безъ сомнѣнія уже довелъ до вашего свѣдѣнія, еще задолго до полученія настоящаго письма, обо всѣхъ подробностяхъ этого грустнаго событія, то, по моему мнѣнію, было бы безполезно и я переступилъ бы границы усердія, если бы болѣе останавливался на предметѣ, къ которому никто не можетъ отнестись безъ омерзѣнія и ужаса.

---

mon opinion fondée sur ma connaissance du caractère du Schah et sur les résultats des recherches que j'ai faites sur l'origine de cet événement malheureux, que ni Sa Majesté—ni aucuns de ses ministres peut être avec raison accusé d'avoir participé à un fait, que l'on doit entièrement attribuer à une effervescense féroce et subite de la phrénésie populaire et que le gouvernement ne pouvait dompter assez-tôt pour empêcher la consommation d'un crime qui restera toujours une tâche ineffaçable sur le caractère national et une preuve de l'inefficacité pitoyable de leur gouvernement.

Quant à s. a. r. Abbas-Mirza je ne crois pas que des soupçons puissent s'attacher à lui, même de la part de ceux qui ont la plus mauvaise opinion de lui. La distance entre Tebriz et Téhéran, sa douleur et consternation, sa promptitude à députer son fils aîné et son ministre le Kaïm-makam pour offrir à Votre Auguste Souverain tout expiation et réparation qu'il peut donner, sont des témoignages à la fois forts et irrécusables de son innocence entière. Mais comme M. Ambourger aura sans doute, longtems avant que cette lettre pourra Vous atteindre, porté à la connaissance de V. E. tous les détails de cet événement fâcheux, il serait à mon avis inutile et l'on pourrait même me trouver officieux si je m'arrêtais plus à un sujet que personne ne peut contempler sans éprouver en même tems l'horreur et l'épouvante.

La pauvre madame Griboyédof, ignorante encore le malheur irréparable qu'elle vient d'essayer dans la perte du mari le plus aimable et affectionné, est

„Бѣдная г-жа Грибоѣдова, невѣдающая еще о невознаградимомъ несчастіи, которое она понесла съ потерею мужа, имѣетъ пребываніе у насъ, гдѣ, какъ ваше превосходительство, такъ и скорбящіе родители ея могутъ быть увѣрены, не оставятъ приложить всѣ заботы и все вниманіе до устройства будущаго ея положенія.

„Если я буду такъ счастливъ, что успѣю убѣдить ее отправиться вмѣстѣ съ г. Амбургеромъ въ Тифлисъ (что въ ея положеніи есть самое спасительное средство, какое она можетъ избрать), то въ предупрежденіе всякой случайности въ теперешнемъ ея положеніи, не оставлю поручить одному изъ состоящихъ при мнѣ медиковъ имѣть за нею неослабное наблюденіе до сдачи ея на руки роднымъ или тѣмъ, кому будетъ поручено озаботиться о доставленіи ея къ нимъ.

„Чтобы открыто и разительнѣе выразить ужасъ и безграничную печаль мою по случаю означенной катастрофы, я изъяснилъ членамъ моей миссіи и всѣмъ пребывающимъ нынѣ въ Персіи великобританскимъ подданнымъ мое желаніе, дабы они наложили на себя трауръ на два мѣсяца. Затѣмъ я счелъ долгомъ открыто и формально протестовать противъ поступка, одинаково враждебнаго интересамъ всякой цивилизованной націи.

„Испытывая нѣкоторое опасеніе относительно безопасности г. Мальцова, я намѣренъ отправить капитана Макдональда въ Тегеранъ, дабы избавить г. Мальцова отъ всякой могущей ему приключиться обиды

à présent domiciliée chez nous, où V. E. et ses parents affligés peuvent s'assurer que tout soin et attention lui seront prêtés jusqu'à ce que l'on aura arrangé sa destination future.

Si nous sommes assez heureux pour pouvoir la décidée à se rendre avec m-r Ambourger à Tiflis (ce qui serait dans les circonstances de sa position malheureuse la mésure la plus salutaire qu'elle puisse adopter) je tâcherai pour prévenir tout accident incident à son état actuel de la faire soigner par un des médecins attachés à cette Mission, jusqu'à ce qu'elle sera remise entre les mains de sa famille ou des personnes auxquelles ils confieront le soin de la conduire chez eux.

Pour marquer de la manière la plus publique et la plus frappente mon horreur et regret sans bornes de cette catastrophe épouvantable, j'ai annoncé aux membres de cette Mission, aussi bien qu'à tout sujet Britannique qui se trouve actuellement en Perse, mon désire qu'ils portent le deuil pendant deux mois. Ensuite je l'ai cru de mon devoir de faire une protestation solennelle et formelle contre un acte qui est également hostile aux intérêts de toute nation civilisée.

Comme j'éprouve des craintes un peu vives pour le salut de m-r Maltzof, j'ai l'intention d'expédier m-r le capitaine Macdonald en poste à Téhéran pour délivrer m-r Maltzof du risque d'insulte ou de molestation ultérieure et pour le reconduire à Tébriz. Cette mésure j'espère sera agréé de V. E. Elle n'a été acceptée qu'avec le consentement et le concours de m-r Ambourger.

или дальнѣйшаго оскорбленія и сопровождать его въ Тавризъ. Мѣра эта, я надѣюсь, будетъ одобрена вашимъ превосходительствомъ; она принята съ согласія и при содѣйствіи г. Амбургера."

Но всѣ эти извѣстія исходили изъ источниковъ персидскихъ и потому ихъ надо было принимать съ большою осторожностью. Ближе всего должны были разъяснить происшествіе показанія Мальцова, но онъ могъ представить ихъ только по прибытіи въ Нахичевань, откуда отъ 18-го марта и доносилъ гр. Паскевичу:

„Наконецъ, достигъ я до границы нашей и могу имѣть честь донести вашему сіятельству объ участи россійскаго посольства, при персидскомъ дворѣ находившагося. Доселѣ не имѣлъ я никакой возможности исполнить сію обязанность, ибо въ Тегеранѣ былъ содержимъ, въ продолженіе 3-хъ недѣль, подъ карауломъ и потомъ съ конвоемъ провожаемъ до самой границы; я не имѣлъ при себѣ цифири и слѣдовательно не могъ ввѣрить бумагъ своихъ какому-нибудь персидскому курьеру.

„Въ Тегеранѣ посланникъ нашъ былъ принятъ съ такими почестями, которыхъ никогда не оказывали въ Персіи ни одному европейцу. Послѣ первой аудіенціи у шаха, при которой соблюдены были всѣ постановленія существующаго церемоніала и великолѣпныхъ угощеній, дѣланныхъ намъ, по приказанію шаха, тамошними вельможами, посланникъ имѣлъ приватную аудіенцію у его высочества. Шахъ обошелся съ нимъ весьма ласково; говорилъ ему: „Вы мой эминъ, мой визирь, всѣ визири мои ваши слуги; во всѣхъ дѣлахъ вашихъ адресуйтесь прямо къ шаху, шахъ вамъ ни въ чемъ не откажетъ", и много подобныхъ вѣжливостей, на которыя персіяне щедры въ обратной пропорціи скупости своей на все прочее.

„Все, что посланникъ требовалъ, было безъ отлагательства исполнено, а именно: послѣдовалъ строжайшій фирманъ на имя Яхья-Мирзы, воспрещающій въ Рештѣ всѣ притѣсненія, дѣлаемыя тамъ нашимъ промышленникамъ, о которыхъ ваше сіятельство изволили писать къ посланнику, и таковый же на имя казвинскаго шахзадэ [1]), повелѣвающій ему освободить всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ домѣ бывшаго сердаря эриванскаго Хусейн-хана. Шахъ прислалъ посланнику подарки и орденъ Льва и Солнца 1-й степени, а прочимъ чиновникамъ тотъ же орденъ 2-й и 3-й степени. Грибоѣдовъ сбирался ѣхать въ Тавризъ, а для сношеній съ министерствомъ шаха и для представленія его высочеству подарковъ отъ нашего двора оставлялъ меня въ Тегеранѣ; онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у шаха; лошади и катера были готовы къ

[1]) Принцъ крови. А. В.

отъѣзду, какъ вдругъ неожиданный случай далъ дѣламъ нашимъ совсѣмъ иной оборотъ и посѣялъ сѣмя бѣдственнаго раздора съ персидскимъ правительствомъ.

„Нѣкто Ходжа-Мирза-Якубъ, служившій болѣе 15-ти лѣтъ при гаремѣ шахскомъ, пришелъ вечеромъ къ посланнику и объявилъ ему желаніе возвратиться въ Эривань [1]), свое отечество. Грибоѣдовъ сказалъ ему, что ночью прибѣжища себѣ ищутъ только воры, что министръ россійскаго императора оказываетъ покровительство свое гласно, на основаніи трактата, и что тѣ, которые имѣютъ до него дѣло, должны прибѣгать къ нему явно, днемъ, а не ночью. Мирза-Якубъ былъ отосланъ съ феррашами въ домъ свой, съ увѣреніемъ, что персіяне не осмѣлятся сдѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія.

„На другой день онъ опять пришелъ къ посланнику съ тою же просьбою; посланникъ уговаривалъ его остаться въ Тегеранѣ, представлялъ ему, что онъ здѣсь знатный человѣкъ, занимаетъ второе мѣсто въ эндерунѣ [2]) шахскомъ, между тѣмъ какъ у насъ онъ совершенно ничего значитъ не можетъ и т. п.; но усмотрѣвъ твердое намѣреніе Мирзы-Якуба ѣхать въ Эривань, онъ принялъ его въ домъ миссіи, дабы вывезти съ собою въ Тавризъ, а оттуда, на основаніи трактата, отправить въ Эривань. Грибоѣдовъ послалъ человѣка взять оставшееся въ домѣ Мирзы-Якуба имущество, но когда вещи были уже навьючены, пришли ферраши Манучехр-хана [3]), которые увели катеровъ и вьюки Мирзы-Якуба къ своему господину.

„Шахъ разгнѣвался; весь дворъ возопилъ, какъ будто бы случилось велнчайшее народное бѣдствіе. Въ день двадцать разъ приходили посланцы отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями; они говорили, что ходжа (евнухъ) то же, что жена шахская, и что слѣдовательно посланникъ отнялъ жену у шаха изъ его эндеруна. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Мирза-Якубъ, на основаніи трактата, теперь русскій подданный, и что посланникъ русскій не имѣетъ права выдать его, ни отказать ему въ своемъ покровительствѣ. Персіяне, увидѣвъ, что они ничего не возьмутъ убѣдительною своею логикою, прибѣгли къ другому средству; они взвели огромныя денежныя требованія на Мирзу-Якуба и сказали, что онъ обворовалъ казну шаха и потому отпущенъ быть не можетъ. Для приведенія въ ясность сего дѣла,

---

[1]) Якубъ — житель г. Эривани, изъ фамиліи Маркарьянъ. А. В.

[2]) Внутренніе покои у мусульманъ. А. В.

[3]) Изъ тифлисскихъ армянъ, изъ фамиліи Ениколоповыхъ, впослѣдствіи правитель Испагани. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ персіянами при Эривани, во время управленія Закавказьемъ кн. Циціанова, привезенъ въ Персію и оскопленъ въ Тавризѣ. А. В.

Грибоѣдовъ отправилъ его вмѣстѣ съ переводчикомъ Шах-Назаровымъ къ Манучехр-хану. Комната была наполнена ходжами, которые ругали Мирзу-Якуба и плевали ему въ лицо. „Точно, я виноватъ, говорилъ Мирза-Якубъ Манучехр-хану: виноватъ, что первый отхожу отъ шаха; но ты самъ скоро за мною послѣдуешь". Такимъ образомъ, въ этотъ разъ, кромѣ ругательства, ничего не послѣдовало.

„Шаху угодно было, чтобы духовный судъ разобралъ дѣло; посланникъ на это согласился и отправилъ меня, чтобы я протестовалъ въ случаѣ противузаконнаго рѣшенія. Съ Мирзой-Якубомъ и переводчикомъ пріѣхалъ я въ домъ шаро (духовнаго суда) и объявилъ Манучехр-хану, что буде кто-либо позволитъ себѣ по прежнему какоенибудь ругательство въ моемъ присутствіи, то я этого не стерплю, кончу переговоры, уведу съ собою Мирзу-Якуба и они болѣе его никогда не увидятъ; что я, съ своей стороны, ручаюсь ему, что Мирза-Якубъ также не скажетъ никому обиднаго слова.—„Мирза-Якубъ долженъ казначею шахскому нѣсколько тысячъ тумановъ, сказалъ мнѣ Манучехр-ханъ: неужели теперь эти деньги должны пропасть?" Я отвѣчалъ ему, что Мирза-Якубъ объявилъ посланнику, что онъ никому не долженъ здѣсь гроша, и что слѣдовательно должно представить законные документы, и буде есть дѣйствительные векселя, т.-е. засвидѣтельствованные въ свое время у хакима, онъ принужденъ будетъ удовлетворить Зураб-хана.—„Такихъ документовъ нѣтъ, но есть росписки, свидѣтели".—На основаніи трактата, сказалъ я, извѣстно вашему высокостепенству, что такія росписки и словесныя показанія, буде самъ должникъ не признаетъ ихъ справедливыми, въ денежныхъ дѣлахъ не имѣютъ никакой силы; точно, Мирза-Якубъ получалъ деньги отъ Зураб-хана, но онъ былъ казначеемъ въ эндерунѣ и имѣлъ отъ шаха различныя порученія, на каковыя и издерживалъ получаемыя деньги. Онъ говоритъ, что можетъ это доказать имѣвшимися въ его домѣ бумагами и расписками; но ваше высокостепенство послали людей своихъ, которые силою проникли въ его домъ, когда онъ уже находился подъ покровительствомъ нашей миссіи, которые унесли вещи, увели катеровъ и лошадей его, а можетъ быть и выкрали означенныя бумаги; вамъ слѣдовало описать вещи и бумаги въ присутствіи русскаго чиновника, а не насильственно и самовольно захватить все, что попало, и слѣдовательно вся отвѣтственность за нарушеніе правъ русскаго подданнаго падаетъ на васъ; какимъ образомъ судъ можетъ приступить къ справедливому рѣшенію, когда Зураб-ханъ имѣетъ при себѣ документы, между тѣмъ, какъ бумаги Мирзы-Якуба у него отобраны и можетъ быть теперь уже уничтожены?—„Хорошо, сказалъ Манучехр-ханъ: но въ трактатѣ вовсе нѣтъ того, что вы говорите".—

Въ отвѣтъ ему, я приказалъ переводчику прочесть нѣкоторыя отмѣченныя мною статьи коммерческой конвенціи, и всѣ присутствовавшіе по выслушаніи оныхъ остолбенѣли отъ удивленія.—„Если такъ, сказалъ Манучехр-ханъ, то духовнаго суда по этому дѣлу быть не можетъ; пусть все останется какъ есть".

„На другой день посланникъ былъ у шаха и согласился на предложеніе его высочества разобрать дѣло Мирзы-Якуба съ муэтемедомъ [1]) и Мирза-Абуль-Хасан-ханомъ; но сіе совѣщаніе отлагалось со дня на день, до тѣхъ поръ, пока смерть посланника и Мирзы-Якуба сдѣлали оное невозможнымъ.

„Между тѣмъ, посланникъ прилагалъ неусыпное стараніе объ освобожденіи находившихся въ Тегеранѣ плѣнныхъ. Двѣ женщины, плѣнныя армянки, были приведены къ нему отъ Аллах-Яр-хана. Грибоѣдовъ допросилъ ихъ въ моемъ присутствіи, и когда онѣ объявили желаніе ѣхать въ свое отечество, то онъ оставилъ ихъ въ домѣ миссіи, дабы потомъ отправить по принадлежности.

„Впрочемъ, это обстоятельство такъ маловажно, что объ ономъ распространяться нечего. Съ персидскимъ министерствомъ объ этихъ женщинахъ не было говорено ни слова, и только послѣ убіенія посланника начали о нихъ толковать. Я это представилъ въ Тавризъ каймакаму, утверждавшему, что женщины были главною причиною убіенія посланника.—„Ваше высокостепенство, сказалъ я ему, имѣете въ рукахъ своихъ всю переписку посланника съ тегеранскимъ министерствомъ; тамъ много говорено о Ходжа-Мирзѣ-Якубѣ, но есть-ли хотя одно слово о женщинахъ?"—„Точно, о женщинахъ нигдѣ не упоминается, но онѣ были удержаны вами насильственно противъ своей воли". — Смѣю увѣрить васъ, отвѣчалъ я ему, что при мнѣ объявили онѣ посланнику желаніе возвратиться въ свое отечество, а лучшимъ доказательствомъ, что посланникъ никогда насильно не бралъ тѣхъ, которыя не имѣли желанія отсюда ѣхать, можетъ служить происшествіе, извѣстное вамъ, которому весь Казвинъ былъ свидѣтелемъ. Тамъ находились въ домѣ одного сеида двѣ женщины, изъ коихъ одна армянка, а другая—нѣмка, изъ прилежащихъ къ Тифлису колоній. Онѣ были приведены къ посланнику, и когда объявили, что желаютъ остаться въ Кавзинѣ, то немедленно же были отпущены къ сеиду.

„Между тѣмъ дошло до свѣдѣнія муджтехида Мирзы-Месиха, что Мирза-Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру. „Какъ? говорилъ муджте-

[1]) Собственно муэтемед-иддоулэ, т.-е. опора правительства,—титулъ Манучехр-хана. А. В.

хидъ, — этотъ человѣкъ 20-ть лѣтъ былъ въ нашей вѣрѣ, читалъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію, наругается надъ нашею вѣрою; онъ измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!" Также о женщинахъ доложили ему, что ихъ насильно удерживаютъ въ нашемъ домѣ и принуждаютъ будто-бы отступиться отъ мусульманской вѣры.

„Мирза-Месихъ отправилъ ахундовъ къ Шахзадэ-Зилли-султану; они сказали ему: „Не мы писали мирный договоръ съ Россіею, и не потерпимъ, чтобы русскіе разрушали нашу вѣру; доложите шаху, чтобы намъ непремѣнно возвратили плѣнныхъ". Зилли-султанъ просилъ ихъ повременить, обѣщалъ обо всемъ донести шаху. Ахунды пошли домой и дорогой говорили народу: „запирайте завтра базаръ и сбирайтесь въ мечетяхъ; тамъ услышите наше слово!"

„Наступило роковое 30-е число января. Базаръ былъ запертъ, съ самаго утра народъ собирался въ мечети. „Идите въ домъ русскаго посланника, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!" — грузина, находившагося въ услуженіи у посланника. Тысячи народа съ обнаженными кинжалами вторгнулись въ нашъ домъ и кидали каменья. Я видѣлъ, какъ въ это время пробѣжалъ чрезъ дворъ коллежскій ассесоръ князь Соломонъ Меликовъ, посланный къ Грибоѣдову дядею его Манучехр-ханомъ; народъ кидалъ въ него каменьями и вслѣдъ за нимъ помчался на второй и третій дворъ, гдѣ находились плѣнные и посланникъ. Всѣ крыши были уставлены свирѣпствующей чернью, которая лютыми криками изъявляла радость и торжество свое. Караульные сарбазы (солдаты) наши не имѣли при себѣ зарядовъ, бросились за ружьями своими, которыя были складены на чердакѣ и уже растащены народомъ. Съ часъ казаки наши отстрѣливались, тутъ повсемѣстно началось кровопролитіе. Посланникъ, полагая сперва, что народъ желаетъ только отобрать плѣнныхъ, велѣлъ тремъ казакамъ, стоявшимъ у него на часахъ, выстрѣлить холостыми зарядами, и тогда только приказалъ заряжать пистолеты пулями, когда увидѣлъ, что на дворѣ начали рѣзать людей нашихъ. Около 15-ти человѣкъ изъ чиновниковъ и прислуги собрались въ комнатѣ посланника и мужественно защищались у дверей. Пытавшіеся вторгнуться силою были изрублены шашками, но въ это самое время запылалъ потолокъ комнаты, служившей послѣднимъ убѣжищемъ русскимъ: всѣ находившіеся тамъ были убиты низверженными сверху каменьями, ружейными выстрѣлами и кинжальными ударами ворвавшейся въ комнату черни. Начался грабежъ: я видѣлъ, какъ персіяне выносили на дворъ добычу и съ крикомъ и дракою дѣлили оную между собою. Деньги, бумаги, журналы миссіи, — все было разграб-

лено (я полагаю, что бумаги находятся въ рукахъ у персидскаго министерства).

„Въ это время пришелъ присланный отъ шаха майоръ Хади-бекъ съ сотнею сарбазовъ, но у сего вспомогательнаго войска не было патроновъ; оно имѣло приказаніе противъ вооруженной свирѣпствующей черни употреблять одно краснорѣчіе, а не штыки, и потому было спокойнымъ свидѣтелемъ неистовствъ. Также присланъ былъ визирь Мирза-Мамед-Али-ханъ и серхенгъ (полковникъ). Увидѣвъ серхенга, съ которымъ я былъ довольно коротко знакомъ, я просилъ его къ себѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что посланникъ и всѣ чиновники миссіи убиты; что онъ не понимаетъ, какъ могъ я спастись, приставилъ къ комнатѣ мой караулъ и обѣщался вечеромъ посѣтить меня. За часъ до захожденія солнца, когда въ разоренномъ домѣ нашемъ оставались одни только сарбазы, пришелъ шахскій чиновникъ, который четыремъ стѣнамъ прочелъ громогласно фирманъ, повелѣвающій народу, подъ опасеніемъ шахскаго гнѣва, удалиться спокойно изъ нашего дома и воздержаться отъ всякаго безчинства.

„Въ 9-ть часовъ вечера пришелъ серхенгъ съ вооруженными гулямами, нарядилъ меня и людей моихъ въ сарбазскія платья и повелъ во дворецъ Зилли-султана.

„Всего убито въ сей ужасный день 37 человѣкъ нашихъ и 19 тегеранскихъ жителей".

Изъ донесенія Мальцова оказывается, что причиною убіенія Грибоѣдова послужили евнухъ Мирза-Якубъ и двѣ женщины изъ гарема Аллах-Яр-хана, въ чемъ показанія его въ общихъ чертахъ совершенно согласны съ разсказомъ персидскаго историка. Но что же вынудило Грибоѣдова такъ горячо за нихъ вступиться? Руководствовался ли онъ въ этомъ случаѣ исключительно статьею туркменчайскаго трактата, безъ какого-либо иного побужденія, или же здѣсь была замѣшана и посторонняя интрига? Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ вопросы, разрѣшеніемъ коихъ могутъ объясниться дѣйствія нашего министра, повлекшія за собою избіеніе всей нашей миссіи. Постараюсь отвѣтить на нихъ, руководствуясь данными и сообщеніями, такъ сказать, непосредственнаго мѣстнаго изыскателя, предоставившаго себѣ цѣлью всестороннее разъясненіе занимающаго насъ событія и обстоятельствъ, предшествовавшихъ ему и за нимъ послѣдовавшихъ.

Грибоѣдовъ на пути въ Персію, какъ извѣстно, остановился въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ принялъ къ себѣ на службу нѣсколько туземцевъ, изъ армянъ и грузинъ, людей неблагонадежныхъ, чуждыхъ всякаго образованія, и вдобавокъ, весьма сомнительной нравственности. Въ этомъ отношеніи изъ среды ихъ особенно выдѣлялись лично-

сти Дадаш-бека и Рустем-бека. Тутъ невольно напрашивается возраженіе, что Грибоѣдову, обладавшему столь глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, людскихъ страстей и пороковъ, никто не мѣшалъ быть осмотрительнѣе въ выборѣ чиновниковъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ данномъ положеніи Грибоѣдову выбирать было не изъ кого, а познаніе людей съ ихъ характеромъ и наклонностями достигается долгимъ непосредственнымъ наблюденіемъ той среды, изъ которой они вышли. А тифлисская общественная среда, особливо не аристократическая, Грибоѣдову мало была извѣстна; притомъ же на него могли повліять рекомендаціи и указанія новой родни, которую онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе своей, только что совершившейся женитьбы. Итакъ, чего же можно было ожидать отъ соприкосновенія подобныхъ упомянутыхъ личностей съ народомъ, съ которымъ мы только что успѣли покончить наши разсчеты, достигнувъ необыкновенно блестящихъ въ нашу пользу результатовъ, и который ни по нравамъ и обычаямъ, ни по вѣрѣ, — словомъ, ни съ какой стороны намъ не могъ симпатизировать? Недружелюбное настроеніе персіянъ противъ посольства обнаружилось еще во время слѣдованія его изъ Тавриза въ Тегеранъ. Обязанные нести всѣ расходы по переѣзду и продовольствію нашей миссіи, сельскіе жители нерѣдко подвергались со стороны вышепоименованныхъ закавказскихъ туземцевъ, а главнымъ образомъ со стороны Рустем-бека всевозможнымъ поборамъ и другимъ притѣсненіямъ, которыя въ Кавзинѣ, по случаю попытки освободить изъ неволи увезенную изъ Эриванн нѣмку, жену какого-то сеида, едва не имѣли трагическаго исхода. Съ прибытіемъ въ Тегеранъ они еще болѣе начали буйствовать, такъ что нерѣдко въ пьяномъ видѣ, съ обнаженнымъ оружіемъ и съ криками ходили по улицамъ, предаваясь открытому разврату, что само собою противорѣчило основнымъ правиламъ шаріата, задѣвая и безъ того возбужденную щекотливость жителей столицы. Чаша терпѣнія персіянъ должна была переполниться, когда названныя лица, въ своемъ неразумномъ ослѣпленіи, успѣли склонить Грибоѣдова дѣйствовать по ихъ видамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ родственницъ и друзей, плѣненныхъ персіянами при нашествіи Ага-Мамед-хана на Тифлисъ (1795 г.) и въ послѣдующихъ войнахъ Россіи съ Персіей за обладаніе Закавказьемъ. Высказываясь такимъ образомъ, я, само собою разумѣется, далекъ отъ мысли объяснять дѣйствія Грибоѣдова въ этомъ случаѣ исключительно вліяніемъ однихъ только лицъ, взятыхъ имъ на службу изъ закавказскихъ уроженцевъ, что̀ было бы недостойно нашего посланника;—нѣтъ, онъ въ своемъ образѣ дѣйствій руководствовался точнымъ смысломъ туркменчайскаго трактата, считая себя внѣ всякой

опасности. Дѣло только въ томъ, что подчинивъ себя вліянію людей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и дѣйствуя въ ихъ родственныхъ интересахъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко, простирая иногда свое покровительство на тѣхъ изъ плѣнницъ, которыя находились въ гаремахъ лицъ, слишкомъ значительныхъ и вліятельныхъ. И вотъ въ этомъ-то именно увлеченіи и заключается главная ошибка Грибоѣдова!

Принятіе подъ покровительство Мирзы-Якуба вооружило противъ Грибоѣдова самого шаха и всю придворную партію. Да и могло ли быть иначе? Мирза-Якубъ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ должность казначея и главнаго евнуха въ шахскомъ гаремѣ, зналъ всѣ его тайны и семейную жизнь шаха, и съ измѣною его все, чѣмъ такъ дорожитъ правовѣрный, должно было получить огласку, что̀ дѣйствительно и случилось. Едва только народъ узналъ, что Мирза-Якубъ ушелъ изъ шахскаго гарема и находится у русскихъ, какъ громко началъ заявлять о своемъ неудовольствіи. Когда же Грибоѣдовъ укрылъ у себя двухъ женщинъ изъ гарема Аллах-Яр-хана, вражда народная достигла крайняго ожесточенія и Аллах-Яр-хану, какъ человѣку, въ душѣ ненавидѣвшему шаха и Аббасъ-Мирзу и желавшему, во что бы то ни стало, вовлечь Персію въ новую войну съ Россіей, оставалось только воспользоваться представившимся ему удобнымъ случаемъ.

Относительно участія Фетх-Али-шаха въ дѣлѣ убіенія нашего посольства можно почти съ достовѣрностію сказать, что онъ не только въ немъ не участвовалъ, но и не предвидѣлъ такого рокового исхода. Одно не подлежитъ сомнѣнію: шахъ могъ желать убіенія только Мирзы-Якуба, въ чемъ его нельзя безусловно и обвинять, по указаннымъ уже соображеніямъ. Если же онъ не предупредилъ несчастной катастрофы и все ограничилось однимъ лишь пассивнымъ сопротивленіемъ персидскаго караула мятежникамъ, то это объясняется очень просто: вліяніе шаха было совершенно парализовано неожиданностью вспыхнувшаго народнаго мятежа, мгновенно возбужденнаго внушеніями фанатическаго духовенства. Всякая попытка его сдержать силою волненіе народа угрожала бы опасностью собственной его жизни. Въ этомъ случаѣ дѣйствительное вліяніе могла оказать только одна личность—муджтехидъ тегеранскій, мулла Месихъ[1]), но какъ отъявленный изувѣръ и врагъ христіанъ, а въ особенности русскихъ, онъ подлилъ

[1]) Мулла Месихъ вскорѣ послѣ описываемой катастрофы вынужденъ былъ оставить Тегеранъ. А. В.

въ огонь масла и однимъ сигналомъ „джехадъ“ [1]) погубилъ небольшую нашу колонію.

Что до наслѣдника престола, Аббас-Мирзы, то обстоятельства дѣла заставляютъ признаться, что онъ не только не участвовалъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ, но напротивъ того, содѣйствовалъ къ спасенію Мальцова, единственнаго члена нашей миссіи, избѣгшаго смерти..... „Изъ всѣхъ бумагъ видно, писалъ гр. Паскевичъ къ гр. Нессельроде, отъ 29-го марта: что Аббас-Мирза, дабы не увеличить произведеннаго въ Тегеранѣ злодѣянія умерщвленіемъ Мальцова, къ тому персидское правительство, по предположенію его, было уже наклонно, въ отчаяніи отъ таковаго преступленія, далъ совѣтъ сохранить жизнь его“. Къ тому же, Аббас-Мирза, какъ свидѣтельствовалъ Мальцовъ, находился въ явной немилости у шаха, который считалъ его измѣнникомъ своего отечества. А при такихъ обстоятельствахъ онъ не могъ не желать мира съ Россіей, ибо зналъ, что безъ покровительства императора ему никогда не удалось бы вступить на шахскій престолъ.

Но пусть лучше говорятъ документы; мы приводимъ вслѣдъ за симъ точные переводы съ фирмана Фетх-Али-шаха къ Аббас-Мирзѣ и съ писемъ сего послѣдняго къ императору Николаю и къ графамъ Нессельроде и Паскевичу [2]).

Фирманъ Фетх-Али-шаха на имя наслѣдника престола Аббас-Мирзы:

„Не знаемъ, какъ и описать превратности свѣта! Аллахъ, Аллахъ, какія случаются происшествія! По прибытіи россійскаго полномочнаго министра Грибоѣдова въ Тегеранъ мы приняли его, какъ посредника для укрѣпленія дружбы между двумя великими державами. Ему были оказаны должныя почести и ласки, пріемъ сдѣланъ благосклонный, мы осыпали его разнаго рода милостями и удостоили разрѣшеніемъ возвратиться. Но онъ остался здѣсь еще на нѣкоторое время, и вотъ съ нимъ случилось столь неожиданное и постыдное происшествіе, какого по сіе время не было ни видано, ни слыхано въ Персіи. И могли ли мы предвидѣть, чтобы тегеранцы рѣшились на это? Мирза-Якубъ, по прибытіи къ посланнику, былъ отправленъ къ эшик-агаси-баши (оберъ-церемоніймейстеру) съ переводчикомъ Мирза-Нариманомъ для

---

[1]) Слово арабское, въ переводѣ: священная война, война противъ невѣрныхъ. А. Ѣ.

[2]) Фирманъ и письма мы воспроизводимъ по старымъ ихъ переводамъ на русскій языкъ, позволяя себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя исправленія въ слогѣ переводовъ, а подлинныхъ текстовъ мы, къ сожалѣнію, не имѣли подъ рукою. А. В.

объявленія, что его берутъ съ собою. Нѣкоторые изъ товарищей Мирзы-Якуба по службѣ доложили намъ, что онъ, какъ завѣдывавшій казначействомъ, состоитъ казнѣ должнымъ, по крайней мѣрѣ, 40 или 50 т. тумановъ[1]), и что потому необходимо удержать его до окончанія счетовъ, а потомъ уже поручить его посланнику. Но мы изъ уваженія къ Грибоѣдову приказали не задерживать Якуба и отправить его обратно, дабы счеты были приведены въ извѣстность съ вѣдома посланника.

„Наконецъ было рѣшено разобрать дѣло Мирза-Якуба въ судѣ, куда онъ и явился на другой день съ людьми посланника и гдѣ началъ ругать законъ и вѣру мусульманскую. Ругательства его сильно огорчили чернь и почетныхъ людей и всѣ подняли ропотъ; но видя наши милости и наше расположеніе къ посланнику, замолчали. Въ это время посланникъ началъ требовать двухъ мушскихъ куртинокъ, издавна находившихся въ плѣну и которыхъ онъ называлъ караклисскими уроженками. Когда же хозяинъ тѣхъ плѣнницъ сталъ доказывать, что онѣ караклисскими жительницами не были, тогда мы, единственно въ угоду посланнику, велѣли отвезти ихъ къ нему для личнаго разбирательства. Грибоѣдовъ, убѣдившись, что онѣ не русскія подданныя, тѣмъ не менѣе удержалъ ихъ, при чемъ не обратилъ никакого вниманія на то, что онѣ нѣсколько лѣтъ какъ мусульманки и что одна изъ нихъ была даже беременна. Вопль упомянутыхъ женщинъ и нежеланіе ихъ остаться въ домѣ посланника взволновали городскихъ жителей, но они, изъ опасенія быть наказаны, ни на что не отважились. Въ тотъ же самый день люди посланника обругали какого-то сеида на базарѣ, а ночью затащили къ себѣ женщину. На слѣдующее утро жители, презирая жизнь, бросились къ посольскому дому съ цѣлью выручить удерживаемыхъ въ немъ женщинъ, но люди посланника и караулъ оказали сопротивленіе, при чемъ 4 или 5 человѣкъ изъ толпы убили и нѣсколько переранили. Увидя убитыхъ, народъ, не обращая уже ни на что вниманія, ни даже на увѣщанія духовныхъ, бросился къ дому посланника и началъ бросать въ него палками и каменьями, при чемъ участвовали даже дѣти. Стоявшіе въ караулѣ сарбазы открыли въ это время перестрѣлку и убили нѣсколько человѣкъ; со стороны посланника также нѣкоторые поплатились жизнью, и въ числѣ ихъ Мирза-Сулейманъ, племянникъ эшик-агаси-баши, который былъ посланъ къ министру съ порученіями. Какъ только донесли о семъ бунтѣ, сыновья Зилли-султана и начальникъ караула, съ дворцовою стражею,

[1]) Туманъ = 3 р. с., а въ то время слишкомъ 4 р. с. А. В.

тотчасъ были отправлены для его прекращенія. Но народъ до такой степени былъ ожесточенъ, что ничего нельзя было сдѣлать; поносили даже самого Зилли-султана. Людямъ его и сарбазамъ удалось спасти, и то съ большимъ трудомъ, одного только перваго секретаря министра съ 6-ю человѣками. Мы удивляемся, какъ могло случиться такое происшествіе, когда не оставили приложить все стараніе къ сохраненію взаимной дружбы. Подобнаго происшествія въ нашемъ государствѣ никогда не бывало. Когда намъ приходилось слышать, что въ томъ или другомъ государствѣ взбунтовался народъ, что такого-то министра смѣнили, что въ государственныхъ дѣлахъ случились перемѣны, то мы удивлялись и говорили: „Какъ при такихъ случаяхъ могъ удержаться порядокъ въ государственныхъ дѣлахъ". Въ то время, когда Хаджи-Халиль-ханъ, нашъ посланникъ, былъ убитъ такимъ же образомъ въ Индіи, мы не хотѣли вѣрить, чтобы это было сдѣлано народомъ; но когда убѣдились въ добромъ расположеніи англійскаго правительства, то узнали, что это произошло не намѣренно, а случайно.

„Мы не можемъ описать печали и того неудовольствія, какое намъ причинило это происшествіе; да и къ чему ихъ описывать? Мы лучше васъ умѣемъ цѣнить дружбу двухъ государствъ, и болѣе чѣмъ вы онечалены, ибо происшествіе это опозорило Персію, хотя не только ни одинъ благоразумный не припишетъ его благоразумному, но даже безумный безумному; но мы тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ сообщить вамъ обо всемъ происшедшемъ. Объясните все это подробно Амбургеру. Мы не различаемъ двухъ державъ (Россію и Персію) и для насъ все одно—случилось ли описанное несчастіе въ Петербургѣ или въ Тегеранѣ; пусть представятъ себѣ, что оно случилось въ Петербургѣ и пусть объяснятъ, что сдѣлали бы намъ, дабы мы, согласно съ правилами и обычаями обѣихъ державъ, учинили должное наказаніе и распоряженіе. Конечно, мы употребимъ все усиліе къ упроченію дружбы и союза между обѣими державами и смоемъ позоръ, нанесенный нашему правительству. Всѣ убитые съ должною почестью преданы землѣ. Мы утѣшаемъ перваго секретаря; виновниковъ же не замедлимъ наказать. Для окончанія этого дѣла мы ожидаемъ отъ васъ извѣстій, согласныхъ съ мнѣніемъ Амбургера. Старшаго секретаря, какъ очевидца и могущаго разсказать все какъ было, мы черезъ два дня отправимъ къ гр. Паскевичу вмѣстѣ съ Назар-Алиханомъ.

„Для уничтоженія и заглаженія сего посрамленія мы ожидаемъ вашего совѣта".

Письмо Аббас-Мирзы къ государю императору:

„Возславъ прежде всего хвалу Всевышнему, коему извѣстны всѣ тайны и принадлежитъ весь міръ, во власти котораго простить всѣ грѣхи и ниспосылать могущество государямъ; затѣмъ, изъявивъ покорность нашу его отличнымъ святымъ, направляющимъ на истинный путь, и пророкамъ, вѣдающимъ божественныя тайны и ходатайствующимъ за насъ въ день общаго воздаянія, доношу вашему императорскому величеству, лишающему и дарующему, подобно Дарію, царства, одаренному похвальными качествами, достойнѣйшему, извѣстному добротою и милосердіемъ во всемъ мірѣ, любезнѣйшему дядѣ моему и самодержцу всея Россіи, что хотя стыдъ, коимъ по измѣнчивости судьбы покрыла себя, выше всякаго описанія, Персія, но я полагаюсь на милость и великодушіе вашего императорскаго величества.

„Въ прошломъ году Персія, душою и сердцемъ, купила дружбу высокой россійской державы: она не пощадила въ семъ случаѣ ни трудовъ, ни достоянія, доколѣ по милости Аллаха и по великодушію вашего императорскаго величества не пріобрѣла себѣ того, чего столь сильно желала.

„Въ нынѣшнемъ же году я намѣревался для укрѣпленія этой дружбы и по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ отправиться въ путь, чтобы удостоиться свиданія съ вашимъ императорскимъ величествомъ. Между тѣмъ, съ россійскимъ полномочнымъ министромъ случилось такое происшествіе, какого въ Персіи никогда не бывало и котораго предупредить не представлялось возможности. Творецъ міра, вѣдающій всякую тайну, свидѣтель, что я предпочелъ бы скорѣе погибнуть со всѣми братьями и сыновьями, чѣмъ видѣть на Персіи такое безславіе. Всѣ вельможи и знатныя особы персидскаго двора, вслѣдствіе такого несчастнаго событія, наложили на себя нынѣ трауръ; его высочество шахъ находится въ великой горести. Не подлежитъ сомнѣнію, что Персія не желаетъ лишиться всѣхъ понесенныхъ ею въ прошломъ году безпокойствъ, трудовъ и убытковъ. Я самъ, желая ѣхать для свиданія съ вашимъ императорскимъ величествомъ, никогда не соглашусь отправиться въ настоящемъ положеніи; народъ же персидскій, какъ вельможи, такъ и чернь, неоднократно испытывалъ горечь вражды и сладость дружбы съ Россіею, и потому быть не можетъ, чтобы онъ пожелалъ промѣнять хорошее на худое, тишину на безпокойство. Клянусь всемогущимъ Творцемъ и вѣнцами всеавгустѣйшихъ государей, что это гнусное и постыдное происшествіе имѣло источникомъ возмущеніе простого народа. Въ городахъ, чуждыхъ порядка и благоустройства, подобныя возмущенія невѣжественной черни, особенно же въ Константинополѣ, столицѣ Турціи,

случаются весьма часто, но до минувшаго года въ персидскихъ городахъ этого никогда не бывало. Когда же по причинѣ прошлогодней войны нашей съ Россіей невозможно было заниматься другими дѣлами, въ нѣкоторыхъ городахъ Персіи произошли подобные безпорядки и возмущенія, за которые правительству нельзя было учинить взысканіе; по поводу же настоящаго случая въ Тегеранѣ оно приложитъ всевозможное стараніе для наказанія бунтовщиковъ и зачинщиковъ. А я потому единственно желалъ имѣть свиданіе съ вашимъ императорскимъ величествомъ, дабы съ помощью Аллаха укрѣпить между двумя державами сердечное единодушіе и расположеніе, и чтобы, благодаря высокимъ качествамъ вашего императорскаго величества, снова разцвѣло все потерпѣвшее разстройство чрезъ вражду съ Россіей; вослѣдствіи же милостію Аллаха, чрезъ вниманіе вашего императорскаго величества, въ Персіи прекратятся всѣ безпорядки. Лучшее средство для поправленія нынѣ случившагося событія,—это предоставить его вполнѣ благоугодному распоряженію вашего императорскаго величества. Въ заключеніе дерзаю просить ваше императорское величество удостоить меня высочайшимъ вашимъ на этотъ счетъ повелѣніемъ, чтобы Персія смыла съ себя позоръ; а что до меня, то я поспѣшу предстать предъ ваше императорское величество".

Письмо Аббас-Мирзы къ графу Нессельроде:

„Аллахъ и тѣ, кои здѣсь были, вѣдаютъ, какіе труды перенесли мы въ эти два мѣсяца для заключенія мира между двумя державами. Мы не имѣемъ нужды описывать ихъ, ибо они, конечно, уже извѣстны во всей подробности вашему сіятельству и донесены его императорскому величеству. Мы надѣялись въ началѣ текущаго года удостоиться узрѣть государя императора и загладить приличными извиненіями прежнюю вину, но его императорское величество изволилъ отправиться въ путь. Потомъ, когда по возвращеніи его въ столицу, мы съ величайшимъ удовольствіемъ начали готовиться въ дорогу, за два дня до отправленія получаемъ извѣстіе изъ Петербурга, чтобы отложили на время поѣздку; но, вслѣдъ за тѣмъ, по опредѣленію небесъ, случилась несчастная смерть россійскаго полномочнаго министра, противъ воли и желанія Персіи, которую это происшествіе крайне огорчило, такъ какъ подобнаго въ ней никогда не случалось. Но по безпредѣльной благости Всевышняго, по высокому духу двухъ государей, по благонамѣренности чиновниковъ обѣихъ державъ и по требованію существующей между ними дружбы, мы вполнѣ надѣемся и твердо увѣрены, что печальное событіе будетъ предано забвенію по чувству пріязни Россіи къ Персіи, которая послѣ всѣхъ понесен-

ныхъ ею потерь для пріобрѣтенія той дружбы, не пожелала бы, чтобъ труды и издержки ея оказались напрасными, и что она всецѣло должна быть признана непричастною гнусному поступку, нанесшему ей вѣчное безславіе. Равнымъ образомъ очевидно, что всеобщее возмущеніе и стеченіе народа въ Тегеранѣ, несмотря на существующій въ душѣ каждаго страхъ жестокаго наказанія, не были безъ причины. Впрочемъ, какъ объ этомъ, такъ и о поступкахъ народа, собравшагося около министровъ, будетъ впослѣдствіи сообщено вашему сіятельству, но за всѣмъ тѣмъ, мы, кромѣ извиненія, ничего лучшаго представить не можемъ".

Письмо Аббас-Мирзы къ графу Паскевичу:

„Удивляясь превратности настоящаго свѣта, и будучи покрытъ стыдомъ по случаю несчастнаго происшествія (съ Грибоѣдовымъ), не знаю, какъ его описать и какимъ образомъ открыть съ вашимъ сіятельствомъ двери разъясненій; г. Амбургеръ, видѣвши наше положеніе, конечно, донесетъ вашему сіятельству, какъ велико наше прискорбіе. Мы предпочли бы лучше со всѣми братьями и сыновьями смерть, лишь бы только на Персіи не лежало это вѣчное безславіе; ваше сіятельство сами можете судить, что никто этого не ожидалъ и что не было возможности предпринять что-либо заблаговременно. Происшествіе это случилось вдругъ, отъ необузданности народа, а безчестіе остается за нами, и потому всѣ чиновники нашего двора и управляющіе дѣлами здѣшняго края наложили на себя трауръ. Самъ шахиншахъ чрезмѣрно опечаленъ. Нынѣ, въ день 17-го шаабана, я получилъ отъ его высочества шаха фирманъ, коимъ повелѣваетъ мнѣ просить у вашего сіятельства инструкціи, какимъ образомъ увѣдомить объ этомъ происшествіи государя императора, почему и отправляемъ къ вамъ высокостепеннаго Мирза-Масуда, которому мы предписали переговорить о семъ съ вашимъ сіятельствомъ. Если вы заблагоразсудите, то отправьте его курьеромъ съ моимъ письмомъ къ государю императору; а равно и съ извинительнымъ письмомъ шаха, которое вслѣдъ за симъ къ вамъ будетъ доставлено съ особымъ чиновникомъ и съ секретаремъ министерства г. Мальцовымъ. Однимъ словомъ, повелѣніе шаха состоитъ въ томъ, что его высочество ни за что не измѣнитъ дружбѣ великаго россійскаго двора съ дворомъ персидскимъ, купленной сердцемъ и душой, и что Тегеранъ и Петербургъ онъ считаетъ за одно и то же. Если бы подобное происшествіе случилось въ Петербургѣ, то, конечно, министры россійскаго двора сдѣлали бы должное распоряженіе и дали бы необходимыя наставленія; а потому мы просимъ сообщить ихъ, дабы мы совершенно согласно съ тѣми наставленіями могли приступить къ наказанію виновниковъ

происшествія и къ испрошенію извиненія, и тѣмъ избавить Персію отъ бремени лежащаго на ней позора".

Между тѣмъ, еще за мѣсяцъ до полученія приведеннаго выше донесенія Мальцова, графъ Паскевичъ, отъ 20-го февраля, писалъ графу Нессельроде:

„Съ истиннымъ живѣйшимъ прискорбіемъ поспѣшаю препроводить при семъ полученную мною отъ генеральнаго консула нашего въ Персіи, надворнаго совѣтника Амбургера, на имя вашего сіятельства депешу подъ открытою печатью, въ коей описывается вѣроломное убійство въ Тегеранѣ полномочнаго посланника нашего, статскаго совѣтника Грибоѣдова и всей его свиты, исключая секретаря Мальцова и съ нимъ еще двухъ человѣкъ, спасшихся отъ неистовства злодѣевъ.

„Обязанностію поставляю приложить при семъ также (въ переводѣ) выписку изъ письма къ Аббас-Мирзѣ брата его Зилли-султана, генералъ-губернатора тегеранскаго, въ которомъ ужасное происшествіе, въ Тегеранѣ случившееся, описывается почти въ томъ же видѣ, какъ и въ депешѣ Амбургера [1]).

„Поелику всѣ извѣстія объ убійствѣ посланника нашего, не исключая и депеши г. Амбургера, основаны на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ персіянами, коихъ нельзя отнюдь принять за достовѣрныя, то и должно ожидать дальнѣйшихъ вѣрныхъ увѣдомленій о семъ печальномъ случаѣ; въ особенности же все происшествіе объяснить могутъ показанія Мальцова, который одинъ изъ всѣхъ чиновниковъ, бывшихъ при посольствѣ, остался живъ. За всѣмъ тѣмъ, зная характеръ персіянъ, я позволю себѣ нѣкоторыя предположенія о причинахъ столь вѣроломнаго поступка и неслыханнаго нарушенія правъ народныхъ.

„Усомниться можно, чтобы причины сіи были точно таковы, какъ онѣ изложены въ депешѣ Амбургера и письмѣ Зилли-султана, и вѣроятно многія обстоятельства представляются персіянами не въ томъ видѣ, для собственнаго ихъ оправданія; въ особенности въ письмѣ Зилли-султана, повторяемыя обвиненія противу Мирзы-Яхьи или Якуба, служившаго прежде при шахѣ, а потомъ прибѣгшаго подъ покровительство посланника нашего, заставляютъ предполагать, что все сіе происшествіе было предуготовлено прежде, и какъ начало самаго возмущенія, коего Грибоѣдовъ сдѣлался жертвою, произошло отъ Аллах-Яр-хана, который былъ главною пружиною предшествовавшей войны и признается всегда явнымъ непріятелемъ Аббас-Мирзы и

[1]) По этой-то причинѣ мы считаемъ излишнимъ привести здѣсь эту выписку. А. В.

сильнѣйшею опорою враждующихъ къ нему братьевъ, то съ нѣкоторою правдонодобностію заключать должно, что сіе горестное событіе было обдуманнымъ послѣдствіемъ самаго вѣроломнаго коварства и что поводомъ къ тому есть намѣреніе вовлечь опять шаха и Аббас-Мирзу въ войну съ нами, на тотъ конецъ, дабы истребить совершенно династію каджаровъ, или же отдалить отъ наслѣдства персидскаго престола Аббас-Мирзу въ пользу кого-либо изъ его братьевъ, партія коихъ, какъ выше сказано, подкрѣпляется Аллах-Яр-ханомъ.

„На счетъ причины убійства Грибоѣдова я спрашивалъ муджтехида Ага-Мир-Фетта, коему извѣстны всѣ дѣла и интриги двора персидскаго; онъ полагаетъ, что оно учинено съ умысломъ, дабы показать народу, что правительство персидское не такъ боится русскихъ, какъ полагаютъ.

„Если полагаться на персидскія извѣстія, то Фетх-Али-шахъ не только не участвовалъ, но и не предвидѣлъ возмущенія, противъ Грибоѣдова случившагося, ибо онъ самъ лично пріѣхалъ для укрощенія онаго вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, генералъ-губернаторомъ тегеранскимъ; въ подтвержденіе сей мысли можетъ служить и то, что изъ числа сарбазовъ, находившихся въ караулѣ при посланникѣ нашемъ, 4 человѣка убито, его защищая, и 30 человѣкъ ранено изъ войскъ Зилли-султана.

„Аббас-Мирза, сколько можно судить по его поступкамъ и въ особенности по письму каймакама къ Мирзѣ-Салеху [1]), въ коемъ живо описываетъ, сколько онъ былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти Грибоѣдова, повидимому, вовсе не причастенъ сему гнусному злодѣянію, тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ за десять дней утверждено имъ разграниченіе по новому трактату и весьма недавно прислано въ Аббас-Абадъ 8 т. тумановъ, въ счетъ 8 курура [2]).

„При неизвѣстности настоящихъ обстоятельствъ, выводя разныя заключенія, можно предполагать, что англичане не вовсе были чужды участія въ возмущеніи, вспыхнувшемъ въ Тегеранѣ, хотя, можетъ быть, они не предвидѣли пагубныхъ послѣдствій онаго (ибо они неравнодушно смотрѣли на перевѣсъ нашего министерства въ Персіи и на уничтоженіе собственнаго ихъ вліянія); доказательство неискренности ихъ къ намъ я нахожу въ рапортѣ ко мнѣ бывшаго при разграниченіи коммиссаромъ полковника Рененкампфа, который, между прочимъ, меня увѣдомилъ, что послѣ уже подписанія акта о границахъ персидскимъ коммиссаромъ Мирзою-Максудомъ, сей послѣдній по-

[1]) Чиновникъ особыхъ порученій при Аббас-Мирзѣ и одинъ изъ первыхъ персіянъ, получившихъ образованіе въ Парижѣ. А. В.

[2]) Курурь = 2,000,000 руб. сер. А. В.

лучилъ копію съ туркменчайскаго трактата, за подписью англійскаго министра Макдональда, въ которомъ съ умысломъ границы показаны были неправильно и названія написаны невѣрно; но разграниченіе, какъ выше сказано, было тогда подписано и потому происки г. англійскаго посланника остались тщетными.

„Впрочемъ, въ какомъ бы видѣ ни были представлены причины убійства посланника нашего въ Персіи и обстоятельства, оное сопровождавшія, достоинство россійской имперіи требуетъ разительнаго удовлетворенія за столь звѣрскій поступокъ и неслыханное нарушеніе правъ народныхъ. Но при настоящей войнѣ съ Турціею и при тѣхъ значительныхъ силахъ, которыя собираетъ она въ Азіи, дабы остановить и даже уничтожить успѣхи наши, въ прошлую кампанію пріобрѣтенные, при нынѣшнемъ числѣ войскъ, за Кавказомъ находящихся, совершенно невозможно начинать новую войну съ Персіею".

Предположеніе графа Паскевича объ участіи англичанъ въ событіяхъ 30-го января не лишено основанія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы переступили за главный хребетъ Кавказа, англійская политика, всемѣрно сохраняя въ интересахъ индійской компаніи доброе согласіе съ Персіей, изъ-подъ руки старалась поддерживать непріязненное настроеніе этой державы къ Россіи. Въ 20-хъ же годахъ, быстро развившаяся транзитная европейская торговля чрезъ наши закавказскія владѣнія съ Персіею до того встревожила сен-джемскій кабинетъ, что онъ, для окончательнаго уничтоженія ея однимъ разомъ, вовлекъ Персію въ открытую войну съ нами. Вынужденное блистательными успѣхами нашего оружія на крайне невыгодный миръ, персидское правительство видимо стало охладѣвать къ своимъ коварнымъ друзьямъ, которые, въ свою очередь, не будучи въ состояніи равнодушно глядѣть на рѣшительный перевѣсъ нашего вліянія, должны были быть замѣшаны, хотя косвенно и непримѣтно, въ событіяхъ 30-го января.

Чтобы этотъ выводъ не показался голословнымъ, не могу не привести здѣсь разсказа, слышаннаго мною отъ генерала Арцруни, старожила и хорошаго знатока Персіи, состоявшаго въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи уланскаго полка при генералъ-адъютантѣ князѣ Ник. Анд. Долгоруковѣ, преемникѣ Грибоѣдова.

Прибывъ въ Персію и остановившись въ Тавризѣ, кн. Долгоруковъ рѣшительно объявилъ, что въ Тегеранъ, гдѣ убитъ его предшественникъ, онъ не поѣдетъ, а пусть Фетх-Али-шахъ назначитъ ему по усмотрѣнію другое мѣсто въ государствѣ, гдѣ онъ и не замедлитъ ему представиться. Шахъ въ то время отправлялся въ Ширазъ, откуда и обѣщалъ сообщить о мѣстѣ аудіенціи. По прошествіи нѣко-

короткаго времени, кн. Долгоруковъ получилъ приглашеніе прибыть въ Испагань [1]), куда онъ немедленно и выѣхалъ, въ сопровожденіи Мамед-Хусейн-хана, адъютанта Аббас-Мирзы, назначеннаго къ нему въ качествѣ михмандара. Во время этого переѣзда, генералу Арцруни случилось какъ-то разговориться съ Мамед-Хусейн-ханомъ.

— Скажите, ханъ, началъ онъ: изъ-за чего затѣяли вы войну съ Россіей, войну, не обѣщавшую вамъ ничего, кромѣ новыхъ и невозвратныхъ потерь?

— „Аллахъ, Аллахъ! отвѣчалъ михмандаръ: стоитъ-ли объ этомъ говорить: развѣ не извѣстно цѣлому міру, что мы были вовлечены въ нее происками англичанъ?“

— Но какъ же вы, спросилъ снова генералъ Арцруни: могли рѣшиться на такой ни съ чѣмъ несообразный поступокъ, какъ истребленіе русскаго посольства?

— „По этому предмету, возразилъ ханъ, я разскажу вамъ слѣдующее:

„Однажды чертова жена съ своимъ ребенкомъ сидѣла неподалеку отъ большой дороги, въ кустахъ. Вдругъ они завидѣли идущаго по направленію къ нимъ крестьянина съ тяжелою ношею на спинѣ. Поровнявшись съ мѣстомъ, гдѣ сидѣли черти, онъ споткнулся о случившійся на дорогѣ большой камень и упалъ; а когда приподнялся, съ сердцемъ произнесъ: „будь ты, чортъ, проклятъ!“ Слова эти были услышаны чертенкомъ, который тутъ же, обратясь къ матери, сказалъ:—„Какъ люди несправедливы: они бранятъ насъ тамъ, гдѣ насъ нѣтъ; мы такъ далеки отъ камня, а все-же виноваты“.—Тс, молчи, отвѣчала мать, хотя мы и далеки, но хвостъ мой спрятанъ тамъ, подъ камнемъ....“

— „Такъ, заключилъ Мамед-Хусейн-ханъ, было и въ дѣлѣ Грибоѣдова: англичане хотя и жили въ Тавризѣ, но хвостъ ихъ все же былъ скрытъ въ русской миссіи, въ Тегеранѣ“.

Вообще нужно замѣтить, что предположеніе о поддержкѣ англичанами нерасположенія персіянъ къ русскимъ было въ то время значительно распространено въ Персіи и подтверждалось нѣкоторыми, весьма убѣдительными фактами: „Мнѣніе основательныхъ людей въ Персіи, писалъ, въ февралѣ 1829 года, майоръ Калачевскій къ военно-окружному начальнику нашихъ закавказскихъ мусульманскихъ провинцій, генералъ-майору князю Абхазову: есть то, что происшествіе сіе случилось отъ сыновей шаха (не безъ участія англичанъ) и что первые домогаются расторгнуть покровительство им-

[1]) Несмотря на это, аудіенція имѣла мѣсто въ Хамаданѣ. А. В.

ператора нашего къ Аббас-Мирзѣ, который, по ихъ мнѣнію, съ тѣмъ домогается отправиться въ С.-Петербургъ, чтобы испросить войска для уничтоженія не только ихъ, но и самого шаха".

4-го іюня того же года Мальцовъ доносилъ графу Паскевичу изъ Тавриза:

„ . . . . Я достовѣрно узналъ, что по прибытіи сюда тѣла покойнаго нашего посланника, никто изъ англичанъ не выѣхалъ ему на встрѣчу. По ихъ настоянію тѣла не ввезли въ городъ Тавризъ, а поставили въ маленькой загородной армянской церкви, которой также никто изъ англичанъ не посѣтилъ. Отъ Наиб-султана не было оказано тѣлу покойнаго Грибоѣдова никакихъ почестей, даже не былъ приставленъ почетный караулъ. Аббас-Мирза такъ поступилъ въ угодность Макдональду; признаюсь, что я такой низости никогда не предполагалъ въ англійскомъ посланникѣ; неужели и въ этомъ находитъ онъ пользу для ость-индской компаніи, чтобы мстить человѣку даже послѣ его смерти".

Но какъ бы враждебно ни относилась англійская политика къ возраставшему вліянію нашему въ Персіи, нельзя отрицать, что англичане не могли предвидѣть всѣхъ пагубныхъ послѣдствій тегеранскаго возмущенія. Пріютъ, данный у себя Макдональдомъ супругѣ Александра Сергѣевича и принятое въ ней участіе, фактъ не слишкомъ-то убѣдительный: это была простая вѣжливость европейца и притомъ дипломата, обусловливаемая положеніемъ женщины въ семьѣ цивилизованныхъ націй, соблюденіе весьма понятнаго приличія къ супругѣ своего собрата по званію и дѣятельности. Болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ неожиданности для самихъ англичанъ умерщвленія нашего министра можетъ служить помѣщаемое здѣсь письмо Макдональда къ министру иностранныхъ дѣлъ Мирзѣ-Абуль-Хасанхану, изъ Тавриза, отъ 21-го февраля:

„Съ чрезвычайнымъ ужасомъ и неудовольствіемъ нижеподписавшійся получилъ отъ его королевскаго высочества Аббас-Мирзы оффиціальное извѣщеніе объ убійствѣ россійской миссіи въ Тегеранѣ. Исторія народовъ не представляетъ подобнаго случая; самыя варварскія правительства, о которыхъ есть только свѣдѣнія, признаютъ необходимостію какъ въ мирное, такъ и въ военное время уважать и покровительствовать посылаемыхъ отъ государствъ представителей, и не станутъ оправдывать нарушенія сего постояннаго и непремѣннаго правила. Въ особенности отнести сіе должно къ настоящему случаю, происшедшему посреди совершенно мирныхъ расположеній, въ столицѣ самого государя, который изъ дворца своего могъ слышать шумъ, смятеніе и вопли жертвъ; но, несмотря на то, миссія дру-

жественной націи погибла въ присутствіи всѣхъ тѣхъ властей, которыя, по праву народному и по закону гостепріимства, обязаны были защищать ее.

„Если всякая довѣренность разрушается, то напрасно было бы думать, что представитель какой-либо націи могъ быть безопасенъ въ Персіи: или правительство персидское не хочетъ, или не въ состояніи оказывать ему своего покровительства. Когда даже оное не имѣетъ вниманія къ собственной славѣ и существованію (reputation or existence), при всемъ томъ оно обязано пещись о предохраненіи своего достоинства отъ нареканій, каковымъ нынѣ подверглось. Недовольно того, что правительство должно сдѣлать полное и совершенное удовлетвореніе; кромѣ того, нужно, чтобы были выданы зачинщики и участники убійства и чтобы ни званіе, ни постороннее предстательство, ни приводимые предлоги не укрыли ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Малѣйшая въ семъ предметѣ нерѣшительность со стороны правительства сочтена будетъ наклонностью защитить ихъ, и если оное недокажетъ совершенно неприкосновенности своей къ учиненному преступленію, то навлечетъ себѣ не только вражду со стороны Россіи, но и отъ всѣхъ образованныхъ государствъ.

„Посему нижеподписавшійся проситъ персидскихъ министровъ и особенно ваше превосходительство доставить ему по вышеозначенному обстоятельству подробнѣйшее объясненіе для представленія британскому правительству, которое сообразно съ тѣмъ сдѣлаетъ положеніе насчетъ продолженія настоящихъ сношеній своихъ съ тегеранскимъ дворомъ. Нижеподписавшійся искренно желаетъ и надѣется, что въ полномъ и удовлетворительномъ объясненіи насчетъ неприкосновенности правительства не будетъ предстоять затрудненія, хотя съ неудовольствіемъ и сожалѣніемъ замѣчаетъ, что не принято еще никакихъ мѣръ къ наказанію виновныхъ или къ арестованію ихъ.

„Капитанъ Макдональдъ, который вручитъ вамъ сію ноту, отправленъ въ Тегеранъ для принятія тѣхъ доказательствъ (documents), которыя представитъ персидское правительство. Нижеподписавшійся надѣется, что оныя не подадутъ ему повода къ прерванію сношеній своихъ съ министрами его шахскаго величества“.

Но какое же впечатлѣніе произвели событія 30 января на нашъ дворъ, и какъ Россія думала разсчитаться за смерть своего представителя? На это мы отвѣтимъ словами графа Нессельроде, который отъ 16-го марта писалъ къ графу Паскевичу слѣдующее:

„Ужасное происшествіе въ Тегеранѣ поразило насъ до высочайшей степени. Отношенія вашего сіятельства ко мнѣ по сему пред-

мету государь императоръ изволилъ читать съ чувствомъ живѣйшаго прискорбія о бѣдственной участи, столь внезапно постигшей министра нашего въ Персіи и всю почти его свиту, содѣлавшихся жертвою неистовства тамошней черни.

„Достоинству Россіи нанесенъ ударъ сильный; онъ долженъ быть торжественно заглаженъ явнымъ признаніемъ верховной персидской власти въ совершенной ея невинности по означенному случаю.

„При семъ горестномъ событіи его величеству отрадна была бы увѣренность, что шахъ персидскій и наслѣдникъ престола чужды гнусному и безчеловѣчному умыслу, и что сіе происшествіе должно приписать опрометчивымъ порывамъ усердія покойнаго Грибоѣдова, несообразившаго поведеніе свое съ грубыми обычаями и понятіями черни тегеранской, а съ другой стороны, извѣстному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и въ 1826 г. начать съ нами войну.

„Сопротивленіе мятежникамъ, сдѣланное персидскимъ карауломъ, бывшимъ у министра Грибоѣдова; немалое число людей изъ сего караула и изъ войскъ, присланныхъ отъ двора, погибшихъ отъ народнаго возмущенія; письмо тегеранскаго губернатора къ Аббас-Мирзѣ, наконецъ поведеніе сего послѣдняго, наложившаго у себя общій трауръ по сему несчастному случаю, служатъ, повидимому, достаточнымъ доказательствомъ, что дворъ персидскій не питалъ никакихъ противъ насъ враждебныхъ замысловъ. Опасеніе однако мщенія Россіи можетъ заставить оный приготовиться къ брани и внять коварнымъ внушеніямъ недоброжелателей каджарской династіи. Принимая все сіе въ соображеніе, его императорское величество соизволилъ въ полной мѣрѣ одобрить мнѣнія ваши и данныя Амбургеру наставленія.

„При настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя не ограничиться казнію главныхъ виновниковъ возмущенія и пріѣздомъ сюда Аббас-Мирзы или сына его съ письмомъ къ государю императору отъ шаха, въ коемъ бы объяснена была невинность персидскаго правительства въ гибели нашей миссіи и послѣдовавшее наказаніе за то преступниковъ.

„Если бы отъ персіянъ, при полученіи вашимъ сіятельствомъ сего отношенія моего, не былъ еще сдѣланъ рѣшительный шагъ касательно отправленія сюда кого-либо изъ принцевъ крови, то его императорскому величеству угодно, чтобы вы отозвались къ Аббас-Мирзѣ, что по самымъ сильнымъ доводамъ, вами изъясненнымъ высочайшему двору, сколь далеко персидское правительство отъ малѣйшаго участія въ злодѣяніи, свершившемся въ Тегеранѣ, и во вниманіи къ вашему предстательству государь императоръ соизволяетъ удовольствоваться

токмо пріѣздомъ сюда Аббас-Мирзы или сына его, съ письмомъ отъ шаха, какъ выше уже сказано, дабы въ глазахъ Европы и всей Россіи оправдать персидскій дворъ. Коль скоро кто-либо изъ сихъ особъ прибудетъ къ вамъ, то его величеству благоугодно, дабы поспѣшнѣе былъ отправленъ въ С.-Петербургъ самымъ приличнымъ образомъ; между тѣмъ, вы пришлете сюда расторопнѣйшаго курьера съ предварительнымъ о томъ увѣдомленіемъ и съ нимъ же извѣстите губернаторовъ по сему тракту о пріуготовленіи нужнаго числа лошадей для посольства.

„Отсрочку платежа 9 и 10 курура[1]) государь императоръ совершенно предоставляетъ благоразумію вашему".

Но не такъ думали въ Персіи. Амбургеръ еще отъ 4-го апрѣля доносилъ гр. Паскевичу:

„..... Увѣряютъ, что шахъ писалъ Аббас-Мирзѣ, что онъ достовѣрно узналъ, что государь императоръ не оставитъ смерть своего министра безъ наказанія и что Россія, будучи занята войною съ турками, можетъ быть, теперь не обратитъ вниманія на Персію, но что по окончаніи мира надобно ожидать войны.

„Также пишутъ, что значительное число ружей въ дорогѣ изъ восточной Индіи".

Въ такомъ же смыслѣ писалъ къ нему, двумя мѣсяцами позже, и Мальцовъ:

„..... Надежда возвратить при теперешней войнѣ нашей съ турками, потерянныя въ прошлую кампанію провинціи, Эриванскую и Нахичеванскую, побуждаетъ шаха къ враждебнымъ противъ насъ замысламъ. Онъ полагаетъ, что мы, по окончаніи войны съ турками, или завладѣемъ Адербейджаномъ, или будемъ требовать съ него, сверхъ двухъ послѣднихъ куруръ, штрафъ за кровь Грибоѣдова, и потому разсчитываетъ, что ему выгоднѣе теперь, соединившись съ турками, дать два курура войскамъ и отнять у насъ потерянныя провинціи. Онъ приказывалъ неоднократно Аббас-Мирзѣ напасть на пограничныя наши области и угрожалъ, въ случаѣ неповиновенія, лишить его Адербейджана....."

И дѣйствительно, персіяне продолжали собирать войска и соединили весьма значительныя силы въ Тавризѣ. „Къ войнѣ, писалъ отъ 23-го марта гр. Паскевичъ въ Петербургъ: дѣлаются всѣ приготовленія и я долженъ теперь же принять всѣ предосторожности, дабы сколько можно удержать персіянъ съ самаго начала отъ разоренія сосѣдственныхъ съ ними нашихъ провинцій; но главныя силы свои я

[1]) Два курура равны 4,000,000 руб. сер. А. В.

непремѣнно долженъ имѣть на турецкой границѣ, ибо турки не замедлятъ открыть кампанію и собираютъ весьма большое число войскъ со всѣхъ провинцій, и потому я въ необходимости нахожусь повторить, ваше сіятельство, что я не могу ручаться за совершенную безопасность ввѣренныхъ мнѣ областей до присылки просимыхъ мною подкрѣпленій, которыя во всякомъ случаѣ признаю я необходимыми.

„..... Словомъ, опасенія насчетъ явнаго разрыва съ Персіею возрастаютъ и ни за что нельзя ручаться".

Но начать войну съ Персіей было не въ видахъ Россіи. Къ тому же и самыя обстоятельства при тогдашней войнѣ съ Турціей, и ненадежное положеніе нашихъ Закавказскихъ владѣній, какъ это видно изъ помѣщаемаго здѣсь отношенія гр. Паскевича къ гр. Нессельроде, отъ 30-го марта, были далеко не въ нашу пользу:

„По всѣмъ соображеніямъ, хотя шаху персидскому и были извѣстны пріуготовленія къ возмущенію, жертвою коего содѣлался полномочный министръ нашъ въ Тегеранѣ, но что цѣль возмущенія сего состояла не въ томъ, чтобы учинить неслыханное надъ Грибоѣдовымъ злодѣяніе, а послѣдовало оное собственно для истребленія Мирзы-Якуба, который, находясь при шахѣ евнухомъ весьма долго, зналъ всѣ его тайны и всѣ происшествія его гарема.

„Извѣстно мнѣ, что достоинство Россіи требуетъ возмездія за убійство нашего посланника и что явное нарушеніе правъ народныхъ не можетъ быть оставлено безъ удовлетворенія; но зная совершенно положеніе наше и обстоятельства здѣшняго края, считаю себя обязаннымъ объяснить слѣдующее:

„Если поступокъ шаха признанъ будетъ неизвиняемымъ никакими оправданіями, и если онъ представленъ будетъ таковымъ предъ лицомъ всей Европы, то необходимо должно, дабы правитель Персіи собственно въ своемъ лицѣ былъ наказанъ за неслыханное злодѣяніе, надъ посланникомъ нашимъ совершонное, и для сего должно будетъ объявить ему войну непримиримую. Но при теперешней войнѣ съ турками предпринять оную съ надеждою успѣха нѣтъ никакой возможности. Для нанесенія шаху персидскому рѣшительнаго удара надобно вторгнуться въ его владѣніе и не только занять Адербейджанъ, но даже перейти Кафлан-кухъ; но какіе способы мы для сего имѣемъ?

„Войскъ, находящихся въ семъ краѣ, недостаточно даже для веденія оборонительной войны съ обѣими державами и просимыя мною подкрѣпленія не прежде могутъ придти, какъ къ исходу сентября. Начавъ наступательную войну съ Персіею, надобно везти съ собою огромные запасы провіанта, артиллерійскихъ зарядовъ и проч. въ сердце самой Персіи; но здѣшній край съ 1826 г. находится въ во-

еніемъ положеніи и потому всѣ способы снабженія войскъ и въ особенности транспортировки истощены совершенно до того, что и при теперешней войнѣ съ турками съ большими усиліями едва могу поднять всѣ тягости, нужныя мнѣ для наступательныхъ движеній.

„Если же, начавъ теперь же военныя дѣйствія противъ персіянъ, вести оныя оборонительно до окончанія войны турецкой, то симъ мы дадимъ имъ наилучшее средство приготовиться къ отчаянному сопротивленію; вторженіе наше въ Персію при наступательныхъ дѣйствіяхъ усилитъ внутренніе раздоры партій, что дознано прошедшею войною, но оборонительная война соединитъ всѣ партіи противъ общаго непріятеля, противъ коего ихъ будетъ подстрекать и собственная защита и дѣйствіе фанатизма, имѣющаго неограниченное вліяніе на народъ персидскій. Тогда война сдѣлается нескончаемою и будетъ продолжаться безъ всякой цѣли, между же тѣмъ провинціи наши будутъ разорены совершенно и собственными поставками для войскъ, и набѣгами непріятельскими.

„Итакъ, разсматривая положеніе наше съ сей точки, представляется вопросъ: не признается ли возможнымъ принять тѣ извиненія, которыя персидскій шахъ насчетъ убійства посланника нашего принести намѣренъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бунтъ въ Тегеранѣ былъ начатъ не противъ посланника, но собственно для того, дабы исторгнуть отъ него евнуха шахскаго, удержать коего при себѣ или истребить вовсе шахъ имѣлъ весьма важныя причины; опаснѣе всего доводить персіянъ до совершеннаго отчаянія. Словомъ, настоящія обстоятельства по дѣламъ Персіи требуютъ самыхъ внимательныхъ соображеній и отъ разрѣшенія вопроса: война или миръ съ сею державою? зависитъ безопасность Закавказскихъ нашихъ провинцій. Не долженъ я умолчать также, что при войнѣ съ Персіею нельзя никакъ ручаться, чтобы не возобновились тѣ же бунты и смятенія, которыя происходили въ 1826 г. во всѣхъ почти областяхъ нашихъ, и теперь уже по первому извѣстію о вооруженіяхъ персіянъ горцы оказываютъ непослушаніе. На сей разъ персіяне, конечно, не пощадятъ ни усилія, ни денегъ для возбужденія мятежниковъ, и если бунтъ возникнетъ и разольется даже въ Дагестанѣ, то имѣя двухъ непріятелей на границахъ и повсемѣстно враговъ внутреннихъ, съ трудностью можно будетъ намъ удержаться по полуденную сторону Кавказа, ибо если придутъ секурсы и число войскъ увеличится, то при общемъ бунтѣ неминуемо послѣдуетъ голодъ и прокормить ихъ будетъ нечѣмъ. Словомъ, въ семъ краѣ вести войну съ Турціею и Персіею въ одно время невозможно.

„О семъ я прошу покорнѣйше ваше сіятельство довести до свѣдѣнія его императорскаго величества".

Но еще за четыре дня до отправленія этой бумаги въ Петербургъ, гр. Нессельроде въ двухъ письмахъ, отъ 26-го марта, писалъ:

Въ первомъ. „Не взирая на безпокойные слухи, доходящіе къ вамъ безпрерывно изъ Персіи, государю императору пріятно еще вѣрить, что ни Фетх-Али-шахъ, ни Аббас-Мирза не причастны злодѣйскому умерщвленію нашего министра въ Тегеранѣ. Если правительство персидское доселѣ приступаетъ съ какою-то нерѣшимостью къ мѣрамъ удовлетворенія, то сіе должно приписать боренію и происканъ партій, раздирающихъ и дворъ, и государство персидское, и замедляющихъ стремленіе шаха и наслѣдника укрѣпить узы дружества съ Россіею. Турецкія козни, можетъ быть, также замѣшаны въ семъ дѣлѣ. Между тѣмъ пересылки Аббас-Мирзы съ Эрзерумомъ и воинскія приготовленія, замѣтныя въ пограничныхъ намъ персидскихъ областяхъ, кажется, можно скорѣе отнести къ страху нашего мщенія за убійство посланника, нежели къ наступательнымъ замысламъ противъ насъ со стороны персіянъ.

„Итакъ, вѣрнѣйшее средство удержать сей народъ въ мирѣ есть показать немедленно и ясно, что мы нетокмо далеки отъ мести, но твердо увѣрены въ невинности персидскаго правительства и готовы принять его торжественное оправданіе. Потому его величество вполнѣ соизволяетъ, чтобы Мирза-Масудъ [1]), если пожелаетъ сюда ѣхать, былъ съ приличіемъ безъ задержанія отправленъ, какъ равно и принцъ, когда таковой прибудетъ къ вамъ, дабы явиться сюда для объясненія (ибо пріѣздомъ одного сановника, какого бы достоинства онъ ни былъ, нашъ дворъ не можетъ себя признать удовлетвореннымъ). Ваше сіятельство справедливо разсуждаете, что во всякомъ случаѣ мы чрезъ то выиграемъ время и пріобрѣтемъ себѣ заложника.....

„Въ заключеніе необходимымъ нахожу я присовокупить, что несмотря на всѣ старанія наши сохранить тишину въ Персіи, враждебная намъ партія легко можетъ, при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, восторжествовать и ввергнуть Персію въ бездну междоусобій, которыхъ сѣмена тамъ давно зрѣютъ. Братья наслѣднаго принца могутъ овладѣть слабымъ умомъ шаха и не только пресѣчь Аббас-Мирзѣ путь къ престолу персидскому, но и покуситься на жизнь его. Въ такомъ случаѣ государю императору угодно, чтобы вы предложили у себя прибѣжище сему принцу, ибо не предстоитъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самъ шахъ душевно будетъ радоваться

[1]) Мирза-Масудъ — секретарь и переводчикъ Аббас-Мирзы. А. В.

всему тому, что будетъ клониться къ спасенію преимущественно предъ всѣми любимаго имъ сына.

Во второмъ: „...Поведеніе Аббас-Мирзы, объясненія его и самого шаха должны, кажется, служить достаточнымъ доказательствомъ, что дворъ персидскій не принималъ участія въ злодѣяніи тегеранскомъ; но сіи самыя объясненія заставляютъ заключать, что оное злодѣяніе учинено не случайно, по буйству черни, но есть послѣдствіе злобы и мести Аллах-Яр-хана и партіи ищущихъ гибели наслѣдника престола и отца его. Опасность, грозящая Персіи, была крайне прискорбна его императорскому величеству, ибо хотя съ вѣроятіемъ не должно теперь ожидать разрыва съ персидскимъ дворомъ, опасаться можемъ однако войны, могущей возродиться отъ междоусобныхъ раздоровъ въ томъ государствѣ, коими руководствуютъ лица, намъ враждебныя, и сія война озаботитъ насъ много по послѣдствіямъ своимъ, которыя, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе могутъ содѣлаться для насъ затруднительными. Чтобъ избѣгнуть таковаго положенія, должно желать, дабы Аббас-Мирза успѣлъ ниспровергнуть замыслы враговъ своихъ и восторжествовать надъ ними.

„Для достиженія однако сей спасительной цѣли достаточны ли будутъ однѣ у сего принца имѣющіяся силы? И въ противномъ случаѣ, не требуютъ ли собственныя наши выгоды дать ему подкрѣпленіе, буде средства ваши представляютъ къ тому возможность?

„Государь императоръ мысль сію ввѣряетъ совершенно соображенію вашему, уполномочивая васъ рѣшиться на то, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ покажется вамъ выгоднѣйшимъ для дѣлъ нашихъ. Чтобъ не останавливать долѣе отправленіе экстра-почты, я долженъ ограничиться тѣмъ, что̀ выше изложено; съ отъѣзжающимъ же на дняхъ генералъ-майоромъ княземъ Долгоруковымъ, который по высочайшей волѣ ѣдетъ къ вамъ для употребленія или при Аббас-Мирзѣ или индѣ, по вашему усмотрѣнію, я буду имѣть честь пространнѣе вамъ писать по разнымъ статьямъ сегодня мною полученныхъ депешъ вашихъ.

„Въ заключеніе остается мнѣ еще по повелѣнію государя императора сообщить вашему сіятельству, что по предмету доставленія вамъ нужнаго подкрѣпленія учинены уже должныя распоряженія“.

Но дѣло до войны, какъ извѣстно, не дошло и смерть Грибоѣдова осталась не отмщенною. Все ограничилось пріѣздомъ принца Хозрев-Мирзы, сына наслѣдника персидскаго престола, въ Петербургъ, гдѣ онъ отъ лица шаха просилъ императора предать вѣчному забвенію событія 30-го января [1]).

[1]) Весьма интересно было бы знать, почему первоначальное предположеніе Аббас-Мирзы, ѣхать самому въ Петербургъ, равно какъ и позднѣйшее на-

На другой или на третій день послѣ умерщвленія русскаго посольства, изуродованные трупы убитыхъ были вывезены за городскую стѣну, брошены тамъ въ одну кучу и засыпаны землей. Все это, конечно, не могло сопровождаться никакимъ религіознымъ обрядомъ. Спустя немного времени, тѣло Александра Сергѣевича было отрыто, положено въ простой гробъ и чрезъ Тавризъ отправлено въ Тифлисъ.

„Узнавъ, доносилъ изъ Нахичевани, отъ 16-го апрѣля 1829 года, Амбургеръ графу Паскевичу: что на дняхъ привезутъ сюда тѣло покойнаго нашего министра, безъ всякаго приличія сану его, я почелъ своею обязанностью приготовить здѣсь гробъ, балдахинъ и всѣ потребности для приличнаго сопровожденія тѣла его въ Тифлисъ. Я полагаю, что распоряженіе мое необходимо и надѣюсь, что ваше сіятельство одобрите оное. Что же касается до издержекъ на всѣ приготовленія, то я употреблю потребное число денегъ изъ суммы, присланной мнѣ вашимъ сіятельствомъ. Я почитаю своею обязанностью довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что генералъ-майоръ Мерлини всегда способствовалъ мнѣ во всемъ, какъ равно исправляющіе должность бригаднаго адъютанта Павлоцкій и Грековъ, которые взялись съ охотою исполнить подробности сей порученности“.

30-го апрѣля, покойника привезли въ Гергеры, гдѣ гробъ его видѣлъ А. С. Пушкинъ, упоминающій объ этомъ въ своемъ „Путешествіи въ Арзерумъ“; а 4-го мая Амбургеръ писалъ гр. Паскевичу:

„1-го мая, которое всегда приноситъ съ собою радость и веселіе, было для насъ днемъ грусти и печали. Въ этотъ день, наконецъ, тѣло покойнаго нашего полномочнаго министра въ Персіи было переправлено чрезъ Араксъ. Генералъ-майоръ Мерлини, полковникъ Эксанханъ и многіе чиновники поѣхали на встрѣчу онаго; впередъ былъ посланъ изъ Аббас-Абада священникъ, одинъ баталіонъ тифлисскаго пѣхотнаго полка, съ 2-мя полевыми орудіями, какъ и здѣсь приготовленный балдахинъ.

„Когда встрѣтили мы тѣло, баталіонъ выстроился въ два ряда. Гробъ, содержащій бренные останки покойнаго Грибоѣдова, находился въ тахтиреванѣ, сопровождаемомъ 50-ю конными, подъ начальствомъ Кеиб-Али-султана, который остановился посрединѣ. Когда вынули гробъ изъ тахтиревана и увѣрились сколько возможно, что онъ содержитъ тѣло покойнаго министра, отдали ему воинскую честь и отпѣли вѣчную память, послѣ чего положили его въ гробъ, здѣсь приготовленный, и поставили на дроги подъ балдахинъ. Скомандовали

мѣреніе отправить старшаго сына своего Мамед-Мирзу съ каймакамомъ въ Тифлисъ — было оставлено? А. В.

„на погребеніе", и тихо и величественно началось траурное шествіе при звукахъ печальной музыки.

„Дроги, везомыя шестью лошадьми, накрытыми черными траурными попонами и ведомыя людьми въ траурныхъ мантіяхъ и шляпахъ, которыхъ было кромѣ сихъ 12-ть человѣкъ, шедшіе съ факелами по обѣ стороны гроба, балдахинъ хорошо убранный—все это произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе, даже на персіянъ. Кромѣ священника русскаго, выѣхало на встрѣчу покойному все духовенство армянское, подъ начальствомъ архіерея Парсеха, что̀ еще болѣе придавало величія печальному шествію. Такимъ образомъ достигли Аланджи-чая, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ.

„2-го числа мая шествіе продолжалось. Когда достигли Нахичеванчайскаго моста, сдѣлали привалъ, люди одѣлись и духовенство облеклось въ ризы; русскій священникъ отслужилъ панихиду и отпѣли вѣчную память,—и шествіе продолжалось. Когда начинали приближаться къ городу, то вышли на встрѣчу генералъ-майоръ Мерлини, полковникъ Эксан-ханъ, подполковникъ Аргутинскій, майоръ Носковъ, я и переводчикъ Ваценко и всѣ военные и статскіе чиновники, которые находились въ Нахичевани и всѣ уже слѣдовали за гробомъ до церкви. Здѣсь офицеры сняли гробъ съ дрогъ и внесли въ церковь, откуда по отслуженіи панихиды и отпѣтіи вѣчной памяти всѣ удалились.

„Народу было неимовѣрное множество; мужчины, женщины и дѣти, всѣ, кажется, принимали живѣйшее участіе въ злополучной участи покойнаго и нерѣдко слышны были между ними громкія рыданія Женщины до самаго вечера не отходили отъ церкви; только надобно замѣтить, что это по большей части были армяне и таковое участіе, конечно, дѣлаетъ честь сему народу.

„На другое утро, 3-го мая, всѣ, которые участвовали прошедшаго дня въ церемоніи, опять собрались въ церковь, отслужили обѣдню, послѣ которой архіерей армянскій Парсехъ говорилъ рѣчь; по окончаніи оной отслужилъ панихиду и отпѣли вѣчную память. Тутъ офицеры тифлисскаго пѣхотнаго полка поперемѣнно со всѣми присутствующими вынесли гробъ, пронесли оный посреди въ двухъ рядахъ выстроеннаго войска, которое отдало воинскую честь, и поставили на дроги и шествіе опять тихо подвигалось впередъ. Стеченіе народа было еще бо̀льшее, нежели 2-го числа; трудно было вѣрить, что Нахичевань содержитъ въ себѣ такое огромное народонаселеніе.

„Всѣ находившіеся въ церкви, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры провожали покойнаго до второго источника по эриванской дорогѣ. Здѣсь сняли гробъ съ дрогъ, войско сформировало каре вокругъ

онаго и священникъ русскій отслужилъ панихиду и отпѣли вѣчную память; послѣ чего мы всѣ простились съ покойнымъ, прикладываясь ко кресту на гробѣ его. Исполнивъ такимъ образомъ послѣдній долгъ и отдавъ послѣднюю честь покойному, всѣ возвратились въ городъ.

„Пріятно и трогательно было видѣть живое участіе, которое всѣ принимали въ несчастной кончинѣ покойнаго Грибоѣдова, и это ясно доказываетъ, что кто хотя только одинъ разъ съ нимъ повстрѣтился, уже не могъ забыть его.

„Долго еще толпы народа съ печальными лицами стояли на высотахъ, окружающихъ городъ, и весьма медленно разсыпались.

„Съ сожалѣніемъ долженъ я упомянуть, что при открытіи гроба тѣло покойнаго Александра Сергѣевича не имѣло почти никакихъ признаковъ прежняго своего изображенія; оно, повидимому, было ужасно изрублено и закидано каменьями и перешло въ сильное тлѣніе, а потому и законопатили гробъ и залили нефтью.

„Тѣло препровождается отсюда чрезъ Эчміадзинъ на Гумри и такъ далѣе, съ командою, слѣдующею въ Джелал-Оглу, и прапорщикъ тифлисскаго пѣхотнаго полка Макаровъ провожаетъ оное до Тифлиса.

„Большое утѣшеніе, что послѣднее желаніе Грибоѣдова исполнилось, а именно, чтобы тѣло его не оставалось въ Персіи".

Желаніе Грибоѣдова, не разъ высказанное имъ женѣ, чтобы, въ случаѣ смерти, останки его были вывезены изъ Персіи и преданы землѣ въ церкви св. Давида, — „этой поэтической", по собственному его выраженію, „принадлежности Тифлиса", было исполнено. Графъ Паскевичъ, изъ лагеря близъ Ахалкалакской крѣпости, отъ 21-го мая, писалъ къ экзарху Грузіи митрополиту Іонѣ:

„Покойный министръ нашъ въ Персіи, статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ при жизни изъявлялъ желаніе быть погребеннымъ въ Тифлисѣ, въ церкви св. Давида.

„Тѣло статскаго совѣтника Грибоѣдова везется въ Тифлисъ. Желая исполнить волю покойнаго министра, я обращаюсь къ вашему высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою разрѣшить погребеніе тѣла въ церкви св. Давида и о томъ увѣдомить тифлисскаго военнаго губернатора, которому нынѣ же, согласно съ симъ, дано мною предписаніе" [1]).

На препровожденіе тѣла Грибоѣдова изъ Тегерана въ Тифлисъ и на погребеніе его при церкви св. Давида, по распоряженію графа Паскевича, было израсходовано 210 червонцевъ и 2,366 руб. 90 коп. сер. Сумма эта, по высочайшему повелѣнію, была принята на счетъ

[1]) Грибоѣдовъ преданъ землѣ 18-го іюля 1829 года. А. В.

государственнаго казначейства (письмо графа Канкрина къ графу Паскевичу, отъ 27-го февраля 1830 г.).

Что касается до труповъ остальныхъ членовъ посольства, сдѣлавшихся жертвами событія 30-го января, то они оставались за городскою чертою до 1836 года. Въ этомъ же году, полномочный министръ нашъ графъ Симоничъ, изъ Фируз-Кухъ, отъ 3-го августа, писалъ къ главнокомандовавшему на Кавказѣ, барону Розену, слѣдующее:

(Переводъ). „Съ тѣхъ поръ, какъ я съ товарищами живу въ Тегеранѣ, мы неоднократно вспоминали съ грустью, что останки нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ, павшихъ жертвою страшнаго покушенія 1829 г., находятся сложенными подъ земляною грудою внѣ города, вблизи большой дороги, которою мы, къ несчастію, часто должны были проѣзжать. Я имѣлъ еще въ прошедшемъ году мысль распорядиться о перенесеніи ихъ въ болѣе приличное мѣсто, но рядъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ воспрепятствовалъ ея осуществленію. Въ нынѣшнемъ году я былъ болѣе счастливъ и предположеніе мое исполнилось прежде чѣмъ я присоединился къ свитѣ шаха. Заручившись добрымъ расположеніемъ знатнѣйшаго городского духовенства, а въ особенности дружбою Имама-джум'э [1]), мнѣ было легко, при посредничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, испросить разрѣшеніе его высочества шаха. Имамъ-джум'э, которому я сообщилъ о своемъ намѣреніи, одобрилъ и похвалилъ его. Затѣмъ, по принятіи должныхъ мѣръ, вечеромъ 12-го числа текущаго мѣсяца, баронъ Боде отправился на мѣсто, гдѣ все было приготовлено для открытія останковъ несчастныхъ жертвъ. При этомъ, для поддержанія должнаго по-

---

(Подлинникъ). Depuis que nous habitons Téhéran mes camarades et moi, nous songions avec douleur que les restes de nos malheureux compatriotes, victimes de l'affreux attentât de 1829 se trouvaient amoncelés sous un tas de terre hors de la ville, près d'une grande route que par malheur nous étions obligés de traverser souvent. L'année passée j'avais déjà eu l'idée de les faire transporter dans un lieu plus convenable, mais une suite de circonstances imprévues en empêchèrent l'exécution. Cette année j'ai été plus heureux et mon projet a pu être rempli avant mon départ pour rejoindre le Roi. Etant assuré de la bienveillance des principaux membres du clergé de la capitale, surtout de l'amitié de l'Imam-djoumé, j'obtins facilement par l'entremise du ministre des affaires étrangères l'autorisation de S. M. le Schah. L'Imam-djoumé auquel je fis part ensuite de mon intention, approuva cette action comme une oeuvre méritoire. En conséquence après avoir pris les mésures nécessaires le 12 de ce mois

---

[1]) Имамъ-джум'э — вмѣстѣ съ тѣмъ и муджтехидъ, отличающійся отъ послѣдняго только тѣмъ, что читаетъ по пятницамъ молитву въ главной мечети и произноситъ хутбэ, т.-е. хвалу Богу, пророку, шаху и проч. А. В.

рядка, присутствовали со стороны Имама-джум'э два сеида, а со стороны беглербега 6-ть ферращей, но въ толпѣ зрителей не только не проявилось никакого волненія, но даже не замѣчено и малѣйшаго неудовольствія. Армянскій священникъ, въ полномъ облаченіи, читалъ молитвы во все время производства работъ. Останки на 10-ти дрогахъ были перевезены въ городъ и сложены въ заранѣе приготовленный склепъ. По отслуженіи панихиды, при которой находились оба сеида, около 11-ти часовъ ночи, всѣ разошлись.

„Не могу не замѣтить при этомъ, что персіяне, допустивъ перенесеніе тѣлъ въ городъ, побѣдили предразсудокъ, котораго настойчиво придерживаются. Я самъ удивляюсь, не встрѣтивъ въ настоящемъ случаѣ и малѣйшаго затрудненія. Армянская церковь, въ которой сложены останки, находится около воротъ Шах-Абдул-Азима и вблизи мѣста ужаснаго событія".

Въ продолженіе всего пребыванія Грибоѣдова въ Тегеранѣ супруга его оставалась въ Тавризѣ. Сначала отъ нея скрывали злополучную кончину ея мужа, тѣмъ болѣе, что она въ ту пору находилась въ интересномъ положеніи и столь неожиданное извѣстіе могло поразить ее какъ громомъ, и имѣть весьма нагубныя для нея послѣдствія.... „Удерживая Нину Александровну, писалъ Амбургеръ графу Паскевичу, отъ 10-го февраля 1829 г.: въ настоящемъ ея невѣдѣніи о ея несчастіи, я съ помощію супруги англійскаго посланника уговорилъ ее ѣхать въ Тифлисъ. Англійскій докторъ, г. Кормикъ, ее сопровождаетъ и я считаю обязанностью слѣдовать съ нею, о чемъ она меня просила, до нашей границы, гдѣ, я надѣюсь, она встрѣтитъ отца своего, котораго я предупредилъ".

Кромѣ молодой жены, изъ ближайшихъ родственниковъ Грибоѣдовъ оставилъ послѣ себя мать, Анастасію Ѳедоровну, которая въ то

---

au soir, le Baron de Bode alla sur les lieux où tout était préparé pour l'exhumation des corps de ces malheureux victimes. Deux seïds de la part de l'Imamdjoumé et six ferraches du Beglerbeg assistaient pour contenir la populace en cas de besoin, mais aucune marque non seulement de fermentation, mais même d'improbation n'a été remarquée parmi les nombreux spectateurs. Un prêtre arménien en habits sacerdotaux récitait des prières pendant qu'on y travaillait. Dix corbillards d'ossemens furent transportés en ville et déposés dans un caveau qui avait été préparé d'avance. Après un service funèbre auquel les deux seïds assistèrent, on se retira à 11 heures du soir. Il faut que je fasse remarquer à V. E. que dans cette circonstance les Persans ont passé par dessus d'un préjugé auquel ils tiennent beaucoup, en laissant transporter des corps morts dans la ville Je suis moi même étonné de n'avoir pas rencontré sur ce point la moindre difficulté. L'Église arménienne où ces restes sont déposés se trouve près de la porte de Schah-Abdoul-Azim et non loin du théâtre de l'horrible événement.

время проживала въ Москвѣ. Не говоря уже о той невознаградимой потерѣ, какую обѣ онѣ понесли въ нѣжно любимомъ и выше всего дорогомъ для нихъ человѣкѣ, положеніе ихъ было тѣмъ болѣе грустно, что Грибоѣдовъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія, а то немногое, что онъ имѣлъ при себѣ, было разграблено и расхищено въ Тегеранѣ. Но въ судьбѣ молодой вдовы принялъ теплое участіе императоръ Николай. Вслѣдъ за полученіемъ въ Петербургѣ извѣстія объ убіеніи Грибоѣдова, графъ Нессельроде, отъ 6-го апрѣля, писалъ къ графу Паскевичу: „Государь императоръ, сохраняя глубокое чувство сожалѣнія о преждевременной и бѣдственной смерти министра нашего въ Персіи, Грибоѣдова, изволилъ принимать тѣмъ живѣйшее участіе въ судьбѣ его вдовы, столь рано и столь ужаснымъ образомъ лишенной своего супруга. Побуждаемый таковыми милосердыми чувствами, его императорское величество желалъ бы найти средство облегчить горестную участь г-жи Грибоѣдовой, сколько сіе возможно.

„Непремѣннымъ долгомъ поставляя увѣдомить ваше сіятельство о семъ великодушномъ намѣреніи государя императора, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою почтить меня извѣщеніемъ о томъ, какія монаршія щедроты находили бы вы приличными настоящему положенію г-жи Грибоѣдовой".

Сообщеніе это вызвало со стороны графа Паскевича отвѣтъ, отъ 15-го мая, слѣдующаго содержанія:

„Ваше сіятельство увѣдомить меня изволили, что его императорскому величеству благоугодно знать мнѣніе мое, касательно вознагражденія женѣ бывшаго посланника нашего при персидскомъ дворѣ, статскаго совѣтника Грибоѣдова за имущество его, разграбленное въ Тегеранѣ при его убійствѣ.

„Вмѣстѣ съ отношеніемъ вашимъ по сему предмету, получилъ я письмо отъ московскаго губернскаго предводителя дворянства. Изъ онаго вы усмотрѣть изволите, что мать Грибоѣдова, употребивъ бо́льшую часть имущества на воспитаніе единственнаго сына, дабы сдѣлать его полезнымъ для службы, впала въ неоплатные долги и разстроила до того состояніе свое, что въ послѣдніе годы покойный удѣлялъ ей часть своего жалованья. Со смертью его лишилась и сей малой помощи; при болѣзни и старости, она остается безъ всякихъ средствъ къ содержанію.

„Жена Грибоѣдова находится въ положеніи, не менѣе плачевномъ. Получивъ пагубное извѣстіе о его смерти, она разрѣшилась прежде времени младенцемъ, который жилъ только нѣсколько часовъ. Такимъ образомъ, потерявъ все и не имѣя никакого средства, она должна испытывать всѣ нужды, съ бѣдностью сопряженныя.

„Движимая собственность Грибоѣдова, наличныя деньги и банковые билеты разграблены въ Тегеранѣ; все, въ чемъ состояло имущество покойнаго, составляло около 60 т. руб. асс. Четвертая часть сего имѣнія принадлежала бы по закону вдовѣ его, а остальныя три части сестрѣ Грибоѣдова, ближайшей по немъ наслѣдницѣ.

„Во исполненіе вышеизъясненнаго высочайшаго соизволенія, увѣдомляя о семъ ваше сіятельство, по милосердому вниманію всемилостивѣйшимъ государемъ въ память покойнаго Грибоѣдова оказываемому, и по заслугамъ его, которыя въ полной мѣрѣ вамъ извѣстны, осмѣливаюсь думать, что справедливо бы было, сверхъ удовлетворенія наслѣдниковъ Грибоѣдова за помянутое имущество, въ Тегеранѣ неистовою чернью расхищенное, оказать особенное пособіе двумъ ближайшимъ по родству къ покойному лицамъ—вдовѣ его и матери, въ крайнемъ положеніи находящимся, назначивъ первой изъ нихъ пожизненный пенсіонъ въ 1,000 черв.. въ годъ, что составитъ 6-ю часть жалованья, получаемаго ея мужемъ; послѣдней же для заплаты хотя нѣкоторой части долговъ и во уваженіе того, что изъ предполагаемаго вознагражденія наслѣдникамъ Грибоѣдова за разграбленное его имущество по закону она не можетъ воспользоваться никакою частію, единовременно 30 т. асс.

„Всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества на судьбу родственниковъ статскаго совѣтника Грибоѣдова и собственное выше благорасположеніе, коимъ пользовался всегда покойный, обнадеживаютъ меня, что вы не откажете благосклоннымъ содѣйствіемъ вашимъ къ облегченію участи жены его и матери, въ самомъ горестномъ состояніи остающихся“.

Ходатайство гр. Паскевича было не безуспѣшное: въ январѣ слѣдующаго 1830 года получено увѣдомленіе гр. Нессельроде о назначеніи вдовѣ и матери Грибоѣдова, каждой по 5,000 руб. асс. ежегодно пенсіи и, сверхъ того, единовременно по 30 т. руб. асс. Спустя почти двадцать лѣтъ, а именно въ августѣ 1849 года, пенсія Нины Александровны, благодаря ходатайству тогдашняго намѣстника кавказскаго кн. М. С. Воронцова, была увеличена 570 р. 50 к., такъ что она съ этого времени вмѣсто 5,000 руб. асс. получала 2,000 р. сер. (письмо гр. Вронченко къ кн. Воронцову, отъ 19-го августа 1849 г.).

Нина Александровна, вѣрная первой любви и драгоцѣнной памяти перваго своего супруга, осталась вдовою до самой смерти, послѣдовавшей лѣтомъ 1857 года. Она скончалась отъ холеры и погребена при церкви св. Давида, рядомъ съ мужемъ.

Выше мы упомянули, что изъ всѣхъ членовъ нашего посольства удалось спастись одному только Мальцову, состоявшему при Грибоѣдовѣ въ качествѣ перваго секретаря. Для полноты разсказа считаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько словъ, какъ онъ могъ избѣжать неминуемой смерти въ описанномъ поголовномъ избіеніи посольства.

Будучи еще молодыхъ лѣтъ и одаренъ весьма счастливыми способностями, Мальцовъ познакомился въ Тегеранѣ съ нѣкоимъ ханомъ, жившимъ въ смежности съ домомъ, который занималъ Грибоѣдовъ и часто его навѣщавшимъ. Разсказываютъ, что ханъ этотъ до того полюбилъ и привязался къ Мальцову, что предупрежденный объ опасности, угрожавшей русскому посольству, рѣшился спасти своего пріятеля. Въ этихъ видахъ ему удалось уговорить Мальцова, въ самый день убіенія Грибоѣдова, перелѣзть чрезъ крышу и укрыться въ его домѣ. Предложеніе было принято и Мальцовъ избѣгъ роковой участи.

Фетх-Али-шахъ думалъ-было удержать Мальцова въ Тегеранѣ и просить государя назначить его полномочнымъ министромъ, „по англійскій посланникъ,—писалъ Аббас-Мирза къ Мирза-Салеху: и Амбургеръ предпочли лучше его не удерживать, почему и просилъ я шаха оказать ему всѣ почести и отправить сюда“ (въ Тавризъ).

По прибытіи въ Тифлисъ, Мальцовъ до окончанія войны нашей съ Турціей былъ оставленъ въ распоряженіи гр. Паскевича (письмо гр. Нессельроде, отъ 23-го апрѣля 1829 года). Когда же Амбургеръ, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ, вызванныхъ его болѣзнью, былъ уволенъ къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, для пользованія, ему было поручено исправленіе должности генеральнаго консула въ Тавризѣ, гдѣ онъ и оставался до возвращенія Амбургера въ концѣ марта 1830 года. Затѣмъ Мальцовъ навсегда оставилъ Персію, и уѣхавъ въ Петербургъ, продолжалъ службу при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Ад. Берже.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

МАЙОРЪ.

Стихотвореніе П. А. Ѳедотова.

1849.

Въ „Русской Старинѣ" (изд. 1872 г., т. V, стр. 727—757) напечатана нѣкогда весьма распространенная въ русскомъ обществѣ поэтическая шутка знаменитаго художника и писателя Ѳедотова: „Майоръ". Напечатали мы ее по нѣсколькимъ спискамъ, но тогда же заявили, что въ нихъ есть нѣкоторые пропуски. Вслѣдъ затѣмъ нѣсколько лицъ изъ почтенныхъ нашихъ сотрудниковъ и читателей сообщили поправки, дополненія и варьянты къ „Майору", а именно: Н. В. Бергъ, И. Ѳ. Горбуновъ, Г. А. Думшинъ, П. А. Ефремовъ и г. Ибердусовъ.

„.... Прочитавши „Майора" въ 5-й кн. „Рус. Стар.", пишетъ къ намъ извѣстный артистъ И. Ѳ. Горбуновъ: я, къ сожалѣнію, не нашелъ многихъ стиховъ, которые читалъ въ подлинной рукописи покойнаго художника. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда была въ Москвѣ выставка картинъ Ѳедотова, о поэмѣ его „Майоръ" много говорили. Какъ-то разъ вечеромъ я пришелъ къ своему наставнику, нынѣ извѣстному и талантливому писателю Н. В. Бергу и засталъ у него двухъ-трехъ друзей, которымъ онъ читалъ „Майора" по подлинной рукописи Ѳедотова. Я попросилъ позволенія списать эту шутку-поэму, и списалъ два экземпляра: одинъ для себя, а другой для Н. В. Берга. Мой экземпляръ остался у меня только въ памяти, а у Н. В., вѣроятно, онъ цѣлъ въ рукописи...."

Пользуясь указаніемъ И. Ѳ. Горбунова, сообщившаго съ своей стороны нѣкоторыя дополненія къ „Майору", мы обратились къ Н. В. Бергу, который отозвался слѣдующимъ письмомъ:

„У меня, дѣйствительно, былъ очень вѣрный списокъ „Женитьба

Майора“ — Ѳедотова, гдѣ было внесено, съ его собственныхъ словъ, все то, что онъ, читая считалъ почему-то нужнымъ пропускать. Помню, что мнѣ стоило большихъ хлопотъ упросить его прочитать мнѣ нѣсколько разъ эти пропускаемые отрывки. Онъ все чего-то боялся. Такое было время. Но гдѣ этотъ списокъ—не знаю... Кажется, еще что-то есть Ѳедотовское. По крайней мѣрѣ помню, что онъ намъ читывалъ еще исторію какого-то „Тито“, читалъ свои басни и пѣлъ пѣсню „объ егеряхъ“.....“

Въ библіотекѣ П. А. Ефремова нашлось заграничное изданіе „Майора“ [1]), а г. Думшинъ доставилъ намъ очень хорошій списокъ этого стихотворенія. Такимъ образомъ мы возстановляемъ пропуски нашего изданія и приводимъ болѣе существенные варьянты.

Авторъ, какъ извѣстно, начинаетъ свое предисловіе извиненіемъ предъ читателемъ, что онъ не цеховой писатель и потому проситъ снисхожденія.

(Къ стр. 734, строка 15 сверху):

Меня судьба, отецъ, да мать
Назначили маршировать,
Ходить въ парады, на ученья,
Или подъ часъ въ кровавый бой
За славой, честью на убой.
Но какъ отъ русскаго штыка
Дыра довольно глубока,
Враги всѣ наши присмирѣли;
Ругая насъ издалека,
Тревожить явно ужъ не смѣли,
То я спокойно десять лѣтъ
Безъ пуль, картечъ и разныхъ бѣдъ,
Возился съ службой гарнизонной;
Вотъ доводъ, кажется, резонный
Что не могу я быть поэтъ....

(см. далѣе въ «Рус. Стар.», стр. 734).

Разсказавъ далѣе о всѣхъ тревогахъ полковой жизни, поэтъ говоритъ:

(къ стр. 735-й, строка 5-я)

Нѣтъ, некогда мечтать у насъ!
Солдатъ весь вѣкъ, какъ подъ обухомъ,
Тревоги жди пугливымъ ухомъ,
Поэты-жъ всѣ любятъ покой,
А ужъ у насъ покой какой!

(см. далѣе въ «Рус. Стар.» стр. 735).

---

[1]) «Поправка обстоятельствъ или женитьба майора». Изданіе Юрія Приваловскаго. Лейпцигъ, 1857 г., въ малую 8 д., 38 стр. **Ред.**

Не красива жизнь офицеровъ, женившихся на бѣдныхъ:

(къ стр. 736-й, строка 14-я снизу)

Вѣкъ съ плачемъ объ пустой сумѣ,
Съ роптаньемъ и сказать ужасно:
На добродѣтель ропщутъ гласно!
(См. далѣе въ «Рус. Стар.», стр. 736-я).

Не отрадное дѣло бракъ по любви, да безъ денегъ—это ядъ, тѣмъ болѣе опасный—разсуждаетъ майоръ:

(къ стр. 737-й, строка 3-я сверху)

Что онъ на вкусъ такой прекрасный!
Лизнешь—не хочется отстать,
Коварна брачная кровать!
А полюбить, да не жениться,
Такъ право лучше утопиться,
Да и топился не разъ,
Вѣдь есть же Лизинъ прудъ у насъ [1]).
Когда-же съ жизнью жаль разстаться,
Душой и тѣломъ вѣкъ больной
Ты будешь по-свѣту шататься
Вездѣ разсѣянный, шальной,
И стало быть всегда смѣшной,
Ну вотъ влюбленныхъ перспектива!
Нѣтъ, эта цѣль не такъ красива,
Чтобы любовь боготворить,
Намъ съ нею каши не сварить.

Теперь мы примемся за славу,
Необходимую приправу
Поэзіи. Но славѣ пиръ
Даетъ война, а тутъ былъ миръ.
Съ трубою, съ крыльями кумиръ
Не принимаетъ приношенья
Отъ тѣхъ, кто знаетъ лишь ученья,
Парады, лагерь, караулъ;
Кровавый любитъ онъ разгулъ.
Поэзію онъ въ уши трубитъ
Лишь тѣмъ, кто больше губитъ, рубитъ,
Кто кровь людскую льетъ рѣкой.
Я-жъ десять лѣтъ моей рукой
Махалъ на вольномъ только шагѣ,
Другой ей не было отваги.

---

[1]) Извѣстный прудъ, подъ Москвой, у Симонова монастыря; въ немъ Карамзинъ утопилъ героиню извѣстной своей повѣсти: «Бѣдная Лиза». Къ этому же пруду сдѣлана слѣдующая «надпись»:

Здѣсь утопилась Лиза, Эрастова невѣста.
Топитесь дѣвушки, для всѣхъ достанетъ мѣста.

И мой смиренный, кроткій мечъ
Не зналъ кровавыхъ, грозныхъ сѣчъ;
Тупой родясь, умретъ не точенъ,
Въ крови предъ славой непороченъ,
Служилъ онъ мнѣ лишь какъ косарь
Щепать лучины подъ алтарь.
А груды тѣлъ, а крови рѣки
Принесть ей въ даръ — знать въ томъ ужъ вѣкѣ;
Ошибкой родился мой мечъ!
И такъ о славѣ кончимъ рѣчь!

Ну вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
Питался отъ начала свѣта.
Еще пересчитаемъ вновь:
Природа, слава и любовь.
Иное нѣчто кровь мутило,
Да не до рифмъ тогда намъ было,
Мутило съ желчью пополамъ;
Иное-жъ вовсе чуждо намъ.
На чемъ-же тутъ душѣ развиться?
Воображенью порѣзвиться?
Пускай разсудитъ цѣлый свѣтъ—
Поэзіи тутъ пищи нѣтъ!
Гдѣ-жъ было мнѣ практиковаться
И чистоты въ стихахъ набраться
Такой, чтобъ критикъ злой иной
Не отыскалъ стишокъ больной.
Не придирайтесь, Бога ради,
Пока стихи еще въ тетради,
Пока не сжались подъ станокъ;
Я самъ къ печатнымъ очень строгъ.
Въ печать не лѣзу—знакъ смиренья,
Не правда-ль? стоитъ снисхожденья:
И потому: мое почтенье [1])!

А вотъ какъ разсуждаетъ майоръ о приближеніи командира на смотру:

(къ стр. 739-я, строка 10-я)

На смотру, глядишь, бѣда!...
Чуть начальникъ впереди
Покажись, стѣснитъ въ груди
И какъ иглами уколетъ,
Весь вздрогнешь, по тѣлу холодъ
И мурашки пробѣгутъ;

[1]) Вмѣсто послѣднихъ двадцати трехъ стиховъ, въ «Рус. Ст.» (стр. 737—738) приведено девяносто строкъ по другимъ спискамъ; очевидно, что Ѳедотовъ много передѣлывалъ, и то дополнялъ, то значительно сокращалъ свое произведеніе. Ред.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Дополненіе къ актамъ историческимъ. Томъ XII-й. Изданіе Императорской археографической коммиссіи. Спб., въ листъ. 1872 г.

Въ двѣнадцатомъ томѣ дополненій къ актамъ историческимъ напечатано 272 документа, относящіеся къ царствованію Іоанна и Петра Алексѣевичей и къ единодержавію Петра Великаго (съ 1684 по 1700 г.). Преобразовательная дѣятельность монарха, положившаго основный камень величія Россіи, видна и изъ напечатанныхъ актовъ, которые показываютъ, какъ онъ стремился поставить Россію во всѣхъ отношеніяхъ въ уровень съ Западною Европою, съ одной стороны, приглашая къ намъ изъ Голландіи, Пруссіи и Швеціи, а также изъ славянскихъ земель и Венеціи свѣдущихъ артиллеристовъ, инженеровъ и кораблестроителей, съ другой — посылая русскихъ для ученія за границу. Такъ въ 1697 году былъ посланъ Петромъ въ славянскія земли и Венецію дворянинъ Островскій «для науки морскихъ художествъ и воинскихъ дѣлъ», и въ томъ же году мы встрѣчаемъ за границею 20 человѣкъ архангельскихъ и холмогорскихъ посадскихъ людей, жившихъ тамъ «для ученія морскаго хода». Лучшимъ свидѣтельствомъ тому, какъ въ то время кипѣла дѣятельность въ государственномъ строѣ, служитъ флотъ, созданный изъ ничего и бо́льшею частію на средства частныхъ лицъ: именитый человѣкъ Григорій Строгановъ долженъ былъ построить три корабля; образованныя «кумпанства» обязывались выстроить на срокъ извѣстное число судовъ. Вообще кораблестроеніе было близко сердцу юнаго государя, что между прочимъ доказывается изданнымъ имъ въ 1699 году указомъ о запрещеніи впредь строить струги, коломенки, паузки и другія суда и о замѣнѣ ихъ шмаками и башкилерами, «потому что они будутъ въ кладѣ противъ прежнихъ судовъ прибыльнѣе вдвое».

Для исторіи Донского края и донскихъ казаковъ изданный томъ представляетъ много любопытныхъ данныхъ. Но особенно важны весьма подробныя свѣдѣнія о распространеніи раскола по рѣкѣ Дону и его притокамъ. Въ началѣ 1688 года 6-ть главныхъ распространителей раскола (кромѣ Кузьмы Косого, называвшаго себя папою) и 12-ть ихъ пособниковъ привезены съ Дона въ Москву, гдѣ надъ ними было произведено слѣдствіе. Одному изъ нихъ, распопу Самойлѣ, между прочимъ, вмѣнено въ преступленіе толкованіе въ библіи «орла». Описанное въ 3-й книгѣ Ездры видѣніе орла истолковано Самойломъ въ примѣненіе къ царямъ Алексѣю Михайловичу, Ѳеодору, Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и къ царевнѣ Софіи и дало ему поводъ проповѣдывать, что кончина міра будто бы послѣдуетъ «на осьмой тысящѣ». Въ мнѣ того же года расколоучители понесли достойное наказаніе «за противность святой церкви, за выскребаніе на святыхъ иконахъ, за толкованіе въ библіи орла, за непристойныя слова про ихъ великихъ государей, за возмущеніе народа къ воровству и походу на Волгу и подъ Москву, и за поношеніе и укоризну святѣйшаго патріарха». Впрочемъ, многіе изъ приверженцевъ «старой вѣры» избѣжали преслѣдованія и наказанія, удалясь на рѣку Куму и къ яицкимъ казакамъ, своимъ единомышленникамъ.

Исторія Сибири, для которой изданія археографической коммиссіи вообще представляютъ весьма богатый источникъ, пріобрѣла въ XII-мъ томѣ дополненій новые и не безъинтересные матеріалы, касающіеся распространенія русскихъ владѣній въ этомъ краѣ, походовъ нашихъ войскъ на тунгузовъ, столкновенія съ китайцами по поводу взятія ими Албазина и злоупотребленій воеводъ, широко пользовавшихся отдаленностію своею отъ правительственнаго центра. Кромѣ всего вышеизложеннаго изданный томъ даетъ немаловажныя свѣдѣнія для исторіи городовъ, епархій и монастырей, а также для финансоваго управленія, торговли и промышленности.

XII-й томъ «Дополненій къ актамъ»— изданъ подъ наблюденіемъ члена археогр. коммиссіи А. И. Тимоѳеева, — редактора весьма опытнаго, поэтому настоящій трудъ во всѣхъ его подробностяхъ безукоризненъ.

Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе В. Ключевскаго. М. 1871 (8º. III, 465 и VII). Цѣна 2 р.

В. С. Иконниковъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напечаталъ въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» цѣлое изслѣдованіе, въ которомъ, между прочимъ, разбиралъ участіе монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси, находя при этомъ древнерусскія житія источникомъ самымъ обильнымъ и свѣжимъ. Г. же Ключевскій увѣряетъ, что «чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый матеріалъ, тѣмъ яснѣе становились для него два вывода: во-первыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обиленъ, какъ о немъ думаютъ; во-вторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ». Какъ извѣстно, на эту тему господинъ Ключевскій помѣстилъ нѣсколько статей въ «Православномъ Обозрѣніи» противъ изслѣдованія господина Иконникова, такъ что между ними завязалась весьма оживленная полемика. Полемика, честная и добросовѣстная, какую мы ви-

ВОСПОМИНАНІЯ ЕВРОПЕУСА

о службѣ въ военномъ поселеніи и объ отношеніяхъ къ графу Аракчееву.

Въ изданныхъ М. И. Семевскимъ книгахъ: 1) «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.» (Спб., изд. 1870 г.), и 2) «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1816—1831 гг.» (Спб., 1871 г.) [1]), была упомянута моя фамилія, въ первой—сыномъ командира короля прусскаго полка Чевакинскимъ, а во второй—старшимъ священникомъ того же полка П. В. Воиновымъ. Это подало и мнѣ мысль сообщить мало кому извѣстныя черты характера графа Аракчеева, относящіяся лично ко мнѣ или занимаемой мною должности и могущія служить дополненіемъ будущей біографіи столь сильнаго государственнаго дѣятеля, равно и дополнить пропущенные факты о бунтѣ военныхъ поселянъ короля прусскаго полка. Разсказъ мой не вымышленъ, а основанъ на фактѣ и документѣ. Для объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ не лишнимъ полагаю сообщить, что по опредѣленіи меня въ 1820 году въ гренадерскій корпусъ, прикомандированъ я былъ къ госпиталю графа Аракчеева полка, оттуда назначенъ объѣзднымъ врачемъ поселеннаго баталіона короля прусскаго полка, а впослѣдствіи и старшимъ лекаремъ полка.

Въ бытность мою объѣзднымъ врачемъ, я имѣлъ возможность познакомиться не только съ бытомъ поселянъ, ихъ семейными отношеніями, нуждами, но и съ тяжелыми работами, какъ самыхъ поселянъ, равно резервныхъ войскъ, назначенныхъ для обработки

[1]) Первая изъ этихъ книгъ распродана до послѣдняго экземпляра, вторая—осталась въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Ред.

полей. Работы сіи были столь обременительны для солдатъ, помѣщенныхъ въ сырыхъ мазанкахъ и непривыкшихъ къ рубкѣ лѣса, осушкѣ болотъ, выворачиванію пней и камней до глубокой осени, что, несмотря на сытную пищу и графскую чарку водки, больныхъ было много, большая часть страдала лихорадками, поносомъ, цынгою, водяною и куриною слѣпотою. Смертность была значительна. Солдаты хотя и роптали, но съ работъ возвращались съ пѣснями и бубнами въ угожденіе начальству; за то ночью раздавались по всему лагерю стоны и оханье, ибо, по неимѣнію печей въ мазанкахъ, солдатамъ негдѣ было грѣться, тѣмъ менѣе сушить обувь и платье. Мнѣ помнится, что между офицерами ходили стихи подъ заглавіемъ: Политическая Сибирь или работа за гривну, а о женщинахъ-поселянкахъ сказано было: и за цѣну разврата покупали себѣ соль.

Обязанность моя, какъ объѣзднаго врача, состояла въ ежедневномъ осмотрѣ всѣхъ жителей округа, помѣщенныхъ въ болѣе 300 связяхъ, на разстояніи 30-ти верстъ. Что обязанность сія была не легка, пойметъ каждый, кому бы пришлось, несмотря ни на какую погоду, вязнуть нѣсколько разъ въ грязи, ибо шоссированныхъ дорогъ тогда еще не было, нѣсколько десятковъ разъ подниматься въ мезонины для осмотра заболѣвшихъ нижнихъ чиновъ или кантонистовъ и не быть увѣреннымъ, что тебя и ночью могутъ потребовать къ внезапно заболѣвшимъ или родильницамъ. Для этой цѣли находилась безотлучно пара лошадей при объѣздномъ врачѣ.

Не знаю, по какой причинѣ графъ особенно полюбилъ короля прусскаго полкъ и по недѣлямъ проживалъ въ любимой, для него передѣланной связи 3-й поселенной роты у Лажитовскаго моста, выстроеннаго производителемъ работъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Львовымъ, впослѣдствіи директоромъ придворной пѣвческой капеллы. Здѣсь онъ разговаривалъ съ бабами, слушалъ ихъ сплетни, заходилъ къ поселянкамъ во время отсутствія хозяевъ. Возвращаясь разъ осенью изъ бывшихъ саперныхъ ротъ, близъ мызы графа Сперанскаго, мимо связи, я взглянулъ по обыкновенію на окна и увидѣлъ, что графъ не только машетъ мнѣ рукою, но и стучитъ въ оконную раму. Я подумалъ: бѣда, вѣроятно какой-нибудь недосмотръ съ моей стороны, или со стороны фельдшера; я оробѣлъ и нельзя было не испугаться при тогдашнихъ строго-

стяхъ, но дѣлать было нечего, нужно было явиться. Очистивъ свою обувь отъ грязи, я вошелъ по заднему крыльцу въ пріемную залу. Не прошло нѣсколько минутъ, какъ въ пріемную вошелъ дежурный адъютантъ и спросилъ: «Что мнѣ угодно?» Когда я разсказалъ въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ доложилъ обо мнѣ графу, и возвратившись сказалъ: «графъ приказалъ вамъ ждать». Адъютантъ, замѣтивъ мое разстроенное лицо, спросилъ:

— «Все-ли у васъ въ порядкѣ, ибо графъ прогуливался еще рано утромъ и вѣроятно заходилъ въ нѣкоторыя связи, гдѣ вы можетъ не были и больнымъ не было дано помощи?»

Но каково-же было мое удивленіе, когда дверь кабинета отворилась и графъ, съ довольно веселымъ видомъ, кланяясь мнѣ оттуда, сказалъ:

— «Я, братецъ ты мой, былъ сегодня у тебя, желалъ съ тобою поближе познакомиться, но жаль, что не засталъ тебя дома.

Славу Богу, подумалъ я, а то быть бы на гауптвахтѣ.

— «Я слышалъ, что ты поселянъ бережешь и о нихъ заботишься; служи, какъ ты служилъ и я тебя не забуду. Прощай!»

Графъ исполнилъ свое обѣщаніе, ибо къ новому году я награжденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ. Возвратившись съ облегченнымъ сердцемъ домой, встрѣтилъ меня деньщикъ и передалъ, что послѣ моего отъѣзда, т.-е. около 6-ти часовъ пополуночи зашелъ никѣмъ незамѣченный графъ и спросилъ:

— «Дома ли лекарь?»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство; ибо баринъ мой давно уже уѣхалъ и ранѣе сумерекъ не возвратится.

— «Ты, братецъ, врешь, вѣроятно твой баринъ и дома не ночевалъ, а у кого-нибудь въ карты играетъ!»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, барину [illegible]да въ карты играть.

Получивъ такой отвѣтъ, онъ спросилъ:

— «А что у васъ тамъ въ мезонинѣ?»

— Аптека.

— «Веди меня туда!» и заставъ тамъ засаленнаго аптекарскаго ученика за работою, спросилъ обо мнѣ, и получивъ подобный же отвѣтъ сказалъ: «какъ же ты, братецъ, лжешь, когда деньщикъ мнѣ передалъ, что лекарь и дома не ночевалъ!»

— Деньщикъ не правъ, ваше сіятельство, ибо лекарь уже давно

уѣхалъ и по его рецепту я приготовляю лекарство въ 91 №, — былъ отвѣтъ засаленнаго фельдшера.

Графъ вообще не любилъ щеголей; полагая, что подобные люди плохіе работники и занимаются болѣе своею персоною, нежели дѣломъ. Поблагодаривъ деньщика за найденный уже такъ рано порядокъ въ комнатахъ, отправился дальше, не заходя въ другую половину связи, гдѣ жилъ священникъ Воиновъ, не желая безпокоить семейнаго человѣка такъ рано.

Нѣсколько времени спустя, пришлось мнѣ посѣтить одну больную поселянку, которая меня спросила:

— «Помните-ли, ваше благородіе, когда вы, съ недѣлю тому назадъ, проѣзжали здѣсь мимо, взглянули на окно и я вамъ кланялась?»

— Очень хорошо помню, но что же?

— «А болѣе ничего, что въ это время стоялъ графъ за моей спиной и спросилъ: кому я такъ низко кланялась? «Нашему лекарю, ваше сіятельство. Дай Богъ ему доброго здоровья, онъ насъ лечитъ и бережетъ!»

Этотъ маловажный случай былъ причиною посѣщенія графомъ моей квартиры и послужилъ мнѣ рекомендаціей, ибо не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я назначенъ былъ старшимъ лекаремъ короля прусскаго полка.

Графъ былъ, несмотря на его многосложныя обязанности, сопряженныя съ необыкновенною дѣятельностью и безсонными ночами, страстно мелоченъ не только по службѣ, но и въ домашнемъ быту; онъ имѣлъ подробную опись вещамъ каждаго изъ его людей, начиная съ камердинера и кончая поваренкомъ или конюхомъ. По этимъ спискамъ повѣрялъ онъ каждый годъ все имущество, при[illegible] кое-что передѣлать, починить или вовсе уничтожить. Мелочность эта по службѣ была даже несносна; такъ при устройствѣ госпиталя короля прусскаго полка, который долженъ былъ быть образцовымъ, графъ самъ показывалъ какъ поставить кровати, куда скамейки, гдѣ долженъ быть ординаторскій столикъ съ чернильницею и даже какого формата должно быть перо, т.-е. безъ бородки, въ видѣ римскаго Calamus. Хотя графъ и былъ увѣренъ, что его приказанія исполнялись съ точностью, но тѣмъ не менѣе хотѣлъ самъ во всемъ удостовѣриться, и зайдя нѣсколько дней спустя въ палату съ полковникомъ Чевакинскимъ, замѣтилъ

на подставкѣ для чернильницы брошенное испугавшимся фельдшеромъ перо съ бородкою; призвавъ къ столу полковника и меня, онъ сдѣлалъ намъ замѣчанія, а фельдшеру приказалъ дать пять розогъ.

Отъ проницательнаго взгляда графа не ускользали и безпорядки въ квартирахъ чиновниковъ. Такъ однажды, подходя къ дверямъ квартиры смотрителя Фарафонтьева, почувствовавъ что-то мягкое подъ ногой, приказалъ дежурному унтеръ-офицеру поднять матъ передъ дверями, и найдя подъ нимъ соръ и пыль, нахмурилъ брови; призвавъ къ себѣ г-жу Фарафонтьеву, сдѣлалъ ей родъ выговора, въ надеждѣ, что подобныхъ ужасныхъ безпорядковъ впредь не найдетъ. Еще примѣръ мелочности: какъ-то разъ получилъ я, по приказанію графа, выговоръ отъ дежурнаго штабъ-офицера за то, что мой суточный рапортъ подписанъ былъ не четкою рукою.

Вотъ какими мелочами занимался государственный человѣкъ, но онъ хотѣлъ показать, что его хватитъ на все, и не мудрено, что графъ мучился тоскою и біеніемъ сердца: болѣе 4—5 часовъ онъ не спалъ. Къ такой же дѣятельности пріучилъ онъ и начальника штаба, генерала Клейнмихеля, котораго онъ иногда такъ обременялъ работами, что ему часто вовсе не удавалось ложиться спать, а наклонившись къ пюпитру могъ только вздремнуть. Чѣмъ же наградилъ онъ Петра Андреевича за такую дѣятельность? У графа обѣдали ровно въ часъ и за нѣсколько минутъ до обѣда собирались всѣ въ пріемную, въ томъ числѣ и Клейнмихель; но каково же было его удивленіе, когда подошедшій къ нему камердинеръ объявилъ, что «для вашего превосходительства сегодня прибора нѣтъ», и сконфуженный начальникъ штаба принужденъ былъ послать за молокомъ и кускомъ хлѣба. Эту исторію передалъ мнѣ слуга, завѣдывавшій назначеннымъ для Клейнмихеля флигелемъ, въ которомъ и я впослѣдствіи останавливался.

Графъ любилъ блеснуть и показать все въ лучшемъ видѣ, обманывалъ посѣтителей, обманывалъ и государя, но не сердился, ежели кто ухитрялся и его обмануть. Такъ, однажды при посѣщеніи госпиталя онъ сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ за то, что много лежащихъ, и надѣется, что при будущемъ посѣщеніи столько трудныхъ больныхъ не найдетъ. Что было дѣлать? надобно было его обмануть, и это было не трудно, такъ какъ графъ уже послѣ

развода въ манежѣ заходилъ въ госпиталь. За полчаса до его прихода, надобно было больныхъ, могущихъ стоять, помѣстить на скамейкахъ между выздоравливающими. Графъ, поздоровавшись, окинулъ взглядомъ всю палату, и увидя только 3-хъ или 4-хъ лежащихъ, сказалъ: «Благодарю, теперь у васъ мало лежащихъ», а полковникъ Чевакинскій, посѣтившій еще утромъ госпиталь и увидѣвъ довольно много трудныхъ, усмѣхнулся при выходѣ графа изъ палаты, ибо понялъ въ чемъ дѣло. Но что послѣ подобныхъ осмотровъ число трудныхъ усиливалось, графъ и знать не хотѣлъ, а показать въ суточныхъ рапортахъ было рисковано.

Къ людямъ, въ которыхъ графъ нуждался, былъ онъ необыкновенно вѣжливъ и снисходителенъ, не только съ инженерами, архитекторами, механиками, но и съ простымъ мужикомъ-подрядчикомъ ходилъ подъ руку, выслушивалъ ихъ совѣты, хотя и торговался, но все-таки предоставлялъ имъ значительныя выгоды. При посѣщеніи графомъ только-что отстроеннаго лѣсопильно-мукомольнаго завода на рѣкѣ Волчаковѣ, жаловался ему, какъ надобно было полагать, начальникъ онаго инженеръ-майоръ Шахардинъ, любимецъ графа, на механика-машиниста англичанина Глина. Послѣ подробнаго осмотра завода, приказано было Глину явиться въ такъ-называемый государевъ домъ, выстроенный на высокомъ курганѣ, въ 1/4 версты отъ завода. Глинъ явился, засталъ у графа Шахардина. Графъ встрѣтилъ Глина сурово, сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе, что онъ къ начальству непочтителенъ и съ полезными людьми ужиться не можетъ, и грозилъ ему даже гауптвахтою.

— «На гауптвахту не хочу, у меня въ Петербургѣ удобная квартира, а въ Лондонѣ домъ! отвѣчалъ Глинъ. У вашего же Шахардина языкъ колокольчикъ (т.-е. болтунъ и сплетникъ), а голова вотъ что!» ударилъ пальцемъ по столу и вышелъ.

Графъ, чувствуя, что онъ безъ Глина обойтись не можетъ, звалъ его вторично къ себѣ, извинялся, что погорячился и просилъ его остаться; но гордый англичанинъ не долго служилъ и возвратился въ Англію.

Изъ Новгорода ѣздилъ я нерѣдко въ Грузино, не оттого, чтобы графъ не имѣлъ полной довѣренности къ состоящему при немъ врачу, его же имени полка, Степану Петровичу Орлову, но оттого, что графъ началъ сомнѣваться въ искренней къ нему пре-

данности Орлова, подозрѣвая его въ интимныхъ сношеніяхъ съ племянницею Настасьи Ѳедоровны, Татьяною Борисовною, несмотря на то, что Орловъ имѣлъ молодую, красивую и пріятную жену; но графъ вѣрилъ сплетнямъ людей, нелюбившихъ Орлова за его аккуратность и строгость, какъ дворовымъ, такъ и крестьянамъ графскаго имѣнія. Всѣ эти дрязги кончились однако же тѣмъ, что ни въ чемъ невиновную, скромную и тихую Татьяну Борисовну отправили въ новгородскій свято-духовъ монастырь, къ игуменьѣ Максимиллѣ Петровнѣ Шишкиной, будто для обученія рукодѣлію, а меня просилъ не оставить ее, въ случаѣ надобности. Послѣ же смерти графа наша плѣнница вышла замужъ за поручика Андреева, боровичскаго помѣщика.

Ежели графу необходимо было остаться на нѣсколько дней въ штабѣ короля прусскаго полка, то онъ возилъ съ собою и флигель-адъютанта М. Шумскаго, а меня просилъ заниматься съ нимъ шведскимъ разговорнымъ языкомъ, ибо состоящій при немъ учитель шведскаго языка А. Вульфертъ возвратился въ Финляндію. Какую графъ имѣлъ цѣль, не понимаю, но полагаю, что онъ желалъ приготовить Шумскаго къ одной изъ административныхъ должностей въ Финляндіи. Шумскій, какъ извѣстно, спился, отправленъ былъ на Кавказъ, и вышедши въ отставку, шлялся по новгородскимъ монастырямъ; былъ на Валаамѣ и въ Соловецкомъ монастырѣ, пробовалъ заняться частно въ одномъ изъ новгородскихъ присутственныхъ мѣстъ, кажется, въ казенной палатѣ, но не могъ, ибо сдѣлался совершеннымъ идіотомъ, забылъ все, даже французскій языкъ, а объ другихъ и говорить нечего. Графомъ назначено было ему 1,200 руб. ассигнаціями, и ежели бы не эта пагубная его страсть, то онъ все-таки могъ бы кое-какъ существовать. Куда онъ впослѣдствіи времени дѣвался, не знаю, но вѣроятно давно уже умеръ. Какъ-то разъ вечеромъ зашелъ графъ въ госпиталь въ то время, когда я занимался съ Шумскимъ. Я долженъ былъ встрѣтить и провожать графа; но каково же было мое удивленіе, когда я, возвратившись, нашелъ Шумскаго пьянымъ, ибо, видя мой шкафъ незапертымъ, онъ воспользовался случаемъ и выпилъ почти полбутылки рому. Насилу дотащилъ я его съ деньщикомъ на другую половину графскаго флигеля, приказавъ его раздѣть и уложить; явиться же къ утреннему чаю онъ не могъ и приказалъ

доложить графу, что бывши вчера у меня сильно угорѣлъ. Графъ повѣрилъ, но при выѣздѣ изъ штаба сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе.

По выступленіи короля прусскаго полка противъ польскихъ мятежниковъ, просилъ меня нашъ бригадный командиръ, генералъ фонъ-Фрикенъ, посѣщать его жену Анну Григорьевну, оставшуюся съ дѣтьми въ Собачьихъ-горбахъ (бригадная квартира, въ 3-хъ верстахъ отъ штаба короля прусскаго полка) и не оставить ихъ въ случаѣ надобности. При посѣщеніи г-жи Фрикенъ, познакомилась и моя жена съ его сіятельствомъ, тѣмъ охотнѣе, что Алексѣй Андреевичъ былъ въ женскомъ обществѣ необыкновенно вѣжливъ, предупредителенъ и всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Замѣтивъ мою жену въ интересномъ положеніи, онъ предлагалъ Аннѣ Григорьевнѣ быть съ нимъ воспріемниками будущаго ребенка, а женѣ пріѣхать съ Анною Григорьевною погостить въ Грузино. Графъ исполнилъ свое обѣщаніе и былъ воспріемникомъ моей дочери съ Анной Григорьевной, въ честь которой и графини Орловой, у которой я былъ врачемъ, наречена Анной.

Устройство военныхъ поселеній обратило на себя вниманіе иностранныхъ державъ. Ежегодно, особенно лѣтомъ, пріѣзжали акредитованныя лица; присутствовали, какъ водилось, сперва на парадѣ, потомъ возили ихъ повсюду, показывали церковь, манежъ, юнкерскую школу, госпиталь, ферму, офицерскія флигеля и общую для нихъ столовую. Въ 1830-мъ году удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ наслѣдный принцъ шведскій Оскаръ, впослѣдствіи король Карлъ XIV, въ сопровожденіи графа Вреде, адъютанта и доктора. Генералъ Клейнмихель водилъ ихъ повсюду, показалъ, между прочимъ, и госпиталь. Графъ Вреде и адъютантъ, замѣтивъ въ корридорахъ красной мѣди особеннаго устройства рукомойники, начали между собою споръ. Адъютантъ утверждалъ, что это русскія чайныя машины, т.-е. самовары, а графъ Вреде— что это рукомойники. Я, шедшій рядомъ, сказалъ адъютанту по-шведски, что это дѣйствительно рукомойники. Принцъ, услыхавъ незнакомый ему голосъ, говорившій по-шведски, спросилъ: «кто это говоритъ по нашему?» Графъ показалъ на меня и принцъ просилъ меня подойти къ нему поближе и спросилъ откуда я, и гдѣ воспитывался?

— Я изъ Финляндіи, ваше высочество, воспитывался перво-

начально въ абоскомъ университетѣ и кончилъ въ с.-петербургской медико-хирургической академіи.

— «Очень радъ съ вами познакомиться, тѣмъ болѣе, что я бывшій упсальскій студентъ и мы съ вами сосали одно и тоже молоко!» (такъ какъ абоскій университетъ тогда еще пользовался матрикулами шведскихъ университетовъ, изданныхъ въ 1655 году, въ царствованіе Карла-Густава); просилъ меня проводить повсюду, любопытствовалъ о житьѣ-бытьѣ поселянъ, но я счелъ благоразумнѣе держать языкъ за зубами, или выставить все въ лучшемъ видѣ, или дать двусмысленные отвѣты. Принцу понравились свѣтложелтые полы въ палатахъ и онъ просилъ меня приказать, къ возвратному его пути изъ Новгорода и Юрьева монастыря, приготовить образцовую дощечку, окрашенную краскою и мастикою, ибо онъ желалъ имѣть у себя въ больницахъ такіе-же полы. Изъ госпиталя отправился принцъ въ церковь, юнкерскую школу, присутствовалъ при гимнастическихъ занятіяхъ и плаваніи юнкеровъ, а доктору совѣтовалъ сдѣлать мнѣ визитъ и провести у меня время за вечернимъ чаемъ. Докторъ былъ веселаго характера, любилъ музыку—и вечеръ прошелъ незамѣтнымъ образомъ. На другое утро отправился принцъ съ генераломъ Клейнмихелемъ и со всею свитою въ Новгородъ, а на третій день возвратился въ штабъ короля прусскаго полка, зашелъ опять въ госпиталь любоваться полами; рапорта вторично отъ меня не принялъ, приготовленную дощечку просилъ передать доктору, а послѣ обѣденнаго стола отправился обратно въ Петербургъ.

Во время бунта военныхъ поселянъ австрійскаго и короля прусскаго полковъ, графъ находился въ Грузинѣ, но узнавъ, что нѣсколько троекъ назначены для поимки его, ускакалъ въ Тихвинъ, а не въ Новгородъ, какъ сказано въ брошюрѣ «Графъ Аракчеевъ», ибо по шоссе онъ проѣхать не могъ, такъ какъ тамъ поставлены были поселянами пикеты; по усмиреніи же мятежа, т.-е. скоро послѣ проѣзда государя, возвратился въ Новгородъ и остановился на Софійской сторонѣ, въ гостинницѣ купца Морошкина. Поговаривали, будто-бы губернаторъ А. У. Денферъ, узнавъ о пріѣздѣ графа, послалъ къ нему полиціймейстера съ просьбою о выѣздѣ изъ города, такъ какъ присутствіе его сіятельства могло быть опаснымъ для жителей, безъ того уже боявшихся нападенія со стороны поселянъ. Можете себѣ представить гнѣвъ и злость

графа, которому, несмотря на то, что онъ уже не былъ въ силѣ, все еще по старой привычкѣ кланялись и раболѣпствовали. Графъ отправилъ тотчасъ эстафету въ Петербургъ; ему разрѣшено было остаться въ Новгородѣ, а губернатору выставили его опрометчивость на видъ. Во время своего пребыванія въ Новгородѣ, графъ ни къ кому не ѣздилъ и никого не принималъ; заѣзжалъ иногда ко мнѣ по вечерамъ и любилъ играть въ бостонъ по грошу. Хотя графъ и былъ увѣренъ въ своей безопасности въ Новгородѣ, но тѣмъ не менѣе опасался за свою шкатулку, которую передалъ мнѣ и просилъ хранить въ безопасномъ мѣстѣ. Спрятавъ шкатулку подъ кровать, я очень обрадовался, когда графъ, нѣсколько дней спустя, самъ пріѣхалъ за шкатулкой, причинявшей намъ много безсонныхъ ночей. Не хорошо быть богатымъ, но еще хуже хранить чужое, можетъ быть милліонное богатство. Не помню долго-ли графъ прожилъ въ Новгородѣ, но помню, что разъ вечеромъ, выходя отъ меня, задѣлъ воротникомъ шинели за какой-то почти незамѣтный гвоздь въ дверяхъ, разсердился и сказалъ:

— «Вотъ какія у тебя неисправности; эту шинель снялъ со своихъ плечъ покойный государь на полѣ сраженія въ 1812 году и подарилъ мнѣ, и эту драгоцѣнность пришлось мнѣ разорвать у тебя. Прощай, никогда болѣе къ тебѣ не пріѣду».

И дѣйствительно не былъ, но предъ своимъ отъѣздомъ звалъ меня и жену на прощальный обѣдъ, былъ веселъ и любезенъ и просилъ меня, въ случаѣ надобности, пріѣхать въ Грузино.

По усмиреніи бунта въ Старой-Русѣ, возвратился въ Новгородъ генералъ Эйлеръ, въ сопровожденіи резервнаго баталіона карабинернаго полка, для начальствованія надъ войсками. Нѣсколько дней спустя, явился при мнѣ къ графу адъютантъ генерала Эйлера, штабсъ-капитанъ П. Н. Манкошевъ съ докладомъ: когда его сіятельству угодно будетъ принять начальствующаго надъ войсками.

— «Благодарите вашего генерала за оказанную мнѣ честь, но съ моей стороны было бы непростительно отрывать вашего генерала отъ столь важныхъ государственныхъ дѣлъ. Честь имѣю кланяться!» и ушелъ въ свой кабинетъ, а адъютанту пришлось передать саркастическій отвѣтъ графа Эйлеру.

Генералъ фонъ-Фрикенъ, возвратившись изъ польскаго похода, остался по прежнему въ хорошихъ и даже дружескихъ отноше-

ніяхъ къ графу. Возвратившись какъ-то разъ изъ Грузина, онъ передалъ мнѣ желаніе графа, чтобъ я оставилъ службу и переѣхалъ къ нему, предлагая мнѣ 2,500 руб. ассигнаціями, безъ прислуги, кромѣ одной кухарки. Ѳедоръ Карловичъ хотя и зналъ, что я на этихъ условіяхъ у графа остаться несогласенъ, тѣмъ болѣе, что при феодальномъ управленіи въ Грузинѣ за чертою селенія ничего не дозволялось покупать, но тѣмъ не менѣе передалъ мнѣ желаніе графа. Я просилъ генерала Фрикена поблагодарить графа за оказанную мнѣ честь и передать, что я на этихъ условіяхъ у него остаться не могу, что вѣроятно онъ и исполнилъ. Но, несмотря на сіе, пріѣхалъ ко мнѣ, нѣсколько дней спустя, домашній докторъ графа г. Орловъ, мой сослуживецъ въ графскомъ полку. Первое его привѣтствіе было:

— «Поздравляю тебя, ты назначенъ состоять при графѣ, а мнѣ предписано принять отъ тебя госпиталь. Вотъ тебѣ предписаніе медицинскаго департамента съ приложеніемъ высочайшаго приказа; распорядись какъ знаешь».

— Я въ Грузино не поѣду, былъ мой отвѣтъ, ибо ты хорошо знаешь, какое тамъ житье и какъ неделикатно графъ обращается съ врачемъ; пріѣзжай завтра въ госпиталь и вручи мнѣ бумаги въ конторѣ.

— «Прощай, братъ, завтра увидимся!» былъ отвѣтъ Степана Петровича.

Я не зналъ, что и начать, но подумавъ немного, поѣхалъ, хотя уже довольно поздно, къ генералъ-лейтенанту Данилову и разсказавъ въ чемъ дѣло, просилъ его превосходительство уволить меня хотя на 4 дня въ Петербургъ; на что онъ и согласился, хотя былъ вполнѣ увѣренъ, что всѣ мои хлопоты отдѣлаться отъ графа ни къ чему не поведутъ, тѣмъ болѣе, что высочайшій приказъ уже состоялся, а между тѣмъ приказалъ меня снабдить билетомъ. Прибывъ на другой день въ контору госпиталя, я засталъ тамъ г. Орлова, который мнѣ и вручилъ вышеозначенные документы при своемъ отношеніи, на которое я увѣдомилъ, что я еще вчера уволенъ генералъ-лейтенантомъ Даниловымъ въ С.-Петербургъ на 4 дня и до моего возвращенія приказалъ приготовить все необходимое для сдачи госпиталя, и передавъ свою должность, отправился въ Грузино, куда прибылъ около 6-ти часовъ пополудни и остановился въ домѣ для пріѣзжаю-

щихъ, въ такъ-называемой гостинницѣ. Съ полчаса спустя, пришелъ грузинскій полиціймейстеръ, г. Макаріусъ, котораго я просилъ доложить графу о моемъ пріѣздѣ и назначить, когда его сіятельству угодно будетъ меня принять. Г. Макаріусъ возвратился скоро и передалъ мнѣ желаніе графа видѣть меня теперь же, такъ какъ чай уже поданъ. Одѣвшись противъ обыкновеннаго въ мундиръ, я засталъ графа за чайнымъ столомъ; увидѣвъ меня въ полной формѣ, онъ спросилъ:

— «Что это у тебя, братецъ, новый мундиръ, что-ли, что пріѣхалъ въ мундирѣ?»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, но бывъ назначенъ состоять при особѣ вашей, долгомъ счелъ явиться; при чемъ я сообщилъ ему переданное мнѣ предписаніе медицинскаго департамента и высочайшій приказъ.

— Не думалъ я, чтобы государь такъ скоро исполнилъ мою просьбу. Спасибо Якову Васильевичу Вилліе за его дружбу ко мнѣ, больному старику. Вы уже совсѣмъ изъ Новгорода?

— Никакъ нѣтъ, и ежели ваше сіятельство позволите, то мнѣ нужно бы предварительно побывать въ Петербургѣ по нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ.

— «Хорошо, но пожалуйста поторопись, ибо Орловъ отъ меня уже отчисленъ».

— Слушаю, ваше сіятельство; но позвольте мнѣ доложить, что на условіяхъ, переданныхъ мнѣ генераломъ Фрикеномъ, я у васъ служить не могу. Вы даете мнѣ 2,500 руб. асс. и квартиру, но это для меня недостаточно, такъ какъ всѣ припасы у васъ въ Грузинѣ дороже. Я имѣю теперь уже двоихъ дѣтей и содержу двухъ старухъ, такъ что изъ опредѣленнаго вашимъ сіятельствомъ жалованья я ничего отложить не могу, и совѣсть попрекала бы меня въ томъ, что я, въ угожденіе вашему сіятельству, жертвую благосостояніемъ своего семейства. Прибавьте мнѣ 500 рублей— и я готовъ остаться у васъ до гробовой доски, поберечь васъ, сколько хватитъ знанія и опытности, готовъ пользовать и крестьянъ вашихъ по деревнямъ, какъ мой предмѣстникъ.

— «Ты, братъ, въ Новгородѣ избалованъ, сказалъ графъ: впрочемъ, здѣсь разсуждать нечего, у тебя высочайшій приказъ, и это свято».

— Я это очень хорошо понимаю, былъ мой отвѣтъ: но ка-

кая вашему сіятельству охота имѣть при себѣ врача, которому вы довѣряете свою жизнь, противъ его воли и желанія. Я обязанъ у васъ служить, но 1-го сентября подамъ въ отставку и все-таки вашему сіятельству придется искать себѣ другого врача.

Графъ, повидимому, разстроился, нахмурилъ брови и сказалъ:

— «Пора спать, скоро 10-ть часовъ. Утро вечера мудренѣе, ступай въ свой флигель и явись къ утреннему чаю, т.-е. къ 6-ти часамъ, тогда потолкуемъ!» и пожелавъ доброй ночи ушелъ.

Не спавши почти всю ночь, я долженъ былъ явиться къ графу къ 6-ти часамъ и засталъ его за столомъ съ чайникомъ въ рукѣ, ибо послѣ трагической смерти Настасьи Ѳедоровны онъ рѣдко кому довѣрялъ приготовить чаю, развѣ только приѣзжимъ дамамъ или Татьянѣ Борисовнѣ, которой онъ вполнѣ вѣрилъ. Походивши по комнатѣ съ четверть часа, и посматривая на меня какою-то насмѣшливою и язвительною улыбкою, спросилъ:

— «Хорошо-ли я обдумалъ вчерашній разговоръ?»

— Какъ-же, ваше сіятельство, но, къ сожалѣнію, я долженъ вамъ объявить, что, несмотря на ваше ко мнѣ благодѣяніе и ласки, я у васъ долѣе сентября остаться не могу. Извините мой дерзкій отзывъ, но я говорю отъ души, какъ отецъ семейства.

Графъ перемѣнился въ лицѣ, ибо онъ дѣйствительно былъ тронутъ моимъ отвѣтомъ.

— «Не ожидалъ я этого отъ тебя, любезный кумъ, сказалъ графъ, началъ ходить по комнатѣ, и послѣ нѣкотораго раздумья спросилъ: кто-же назначенъ на ваше мѣсто въ Новгородъ?»

— Г. Орловъ! былъ мой отвѣтъ.

— «Какой Орловъ?»

— Вашъ бывшій врачъ, Степанъ Петровичъ.

— «Гм! Гм! Гдѣ-же въ настоящее время вашъ госпиталь?»

— Въ порожнихъ строеніяхъ бывшей фабрики.

— «Какъ? Слѣдовательно стѣна объ стѣну съ Духовымъ монастыремъ?»

— Точно такъ.

Графъ, подумавъ недолго, проговорилъ вполголоса: «этому не бывать!»

— «Знаете-ли вы, за что я просилъ удалить отъ себя Орлова?»

— Слыхалъ кое-что, но мнѣ что-то не вѣрится.

— «Но это такъ, и потому я отправилъ Татьяну въ Духовъ

монастырь, а теперь предстоитъ имъ опять случай видѣться и возобновить прежнія отношенія; но этому никогда не бывать. Я хотѣлъ ихъ разлучить, но ваше начальство соединило ихъ опять. Шутить что-ли надо мною, старикомъ, хотѣли?»

Графъ, повидимому, былъ вполнѣ увѣренъ, что всѣ грузинскія сплетни должны быть извѣстны и медицинскому департаменту, который, чуждый всѣмъ грузинскимъ происшествіямъ, назначилъ Орлова въ Новгородъ, а меня въ Грузино.

— Позвольте мнѣ теперь отправиться, ибо я уволенъ только на четыре дня и г. Орловъ ждетъ меня въ Новгородѣ?

— «Подождите немного, зайдите въ церковь или въ библіотеку, гдѣ найдете разныя новыя модели и рисунки».

Я зашелъ въ церковь, гдѣ подъ бюстомъ императора Павла сторожъ показалъ мнѣ будущую могилу графа, а подлѣ ее и могилу зарѣзанной Настасьи Ѳедоровны. Полъ въ церкви чугунный, составленный изъ ромбоидовъ. Сторожъ замѣтивъ, что я обратилъ вниманіе на желтое колечко, прикрѣпленное къ одному ромбоиду, предложилъ мнѣ поднять оный. Подъ ромбоидомъ, на вызолоченной дощечкѣ, надъ могилою Настасьи Ѳедоровны, была надпись: здѣсь погребенъ 25-ти-лѣтній мой другъ, Настасья Ѳедоровна, убіенная своими людьми въ сентябрѣ 1825 года. Графъ заходилъ каждое утро въ церковь, поклониться праху 25-ти-лѣтнему своему другу и возобновлялъ увядшіе цвѣты свѣжими. Въ день смерти Настасьи Ѳедоровны, графъ былъ въ округѣ короля прусскаго полка и тотчасъ послѣ обѣда намѣревался отправиться по другимъ округамъ, но прискакавшій грузинскій голова объявилъ о случившемся главному доктору военныхъ поселянъ К. Х. Долеру, другу графа, который подъ видомъ внезапной болѣзни Настасьи Ѳедоровны насилу могъ уговорить графа возвратиться въ Грузино. Недоѣзжая нѣсколько верстъ, объявили графу о случившемся несчастіи. Графъ остолбенѣлъ, но черезъ нѣсколько минутъ началъ рыдать, рвать на себѣ волосы, бросился безъ фуражки изъ кареты, такъ что Долеръ и лакей насилу могли его удержать. Что было въ Грузино, не знаю.

Вышедши изъ церкви, я зашелъ къ графу, который вручилъ мнѣ письмо къ Якову Васильевичу и просилъ передать свой поклонъ. Я отправился тотчасъ же и на другой день явился въ ме-

дицинскій департаментъ, къ дежурному генералу и въ департаментъ военныхъ поселеній. Отовсюду одинъ вопросъ:

— «Вы изъ Грузино?»

— Точно такъ.

— «Хорошо, что исполнили такъ скоро волю государя».

Около двухъ часовъ явился къ Якову Васильевичу Вилліе. Тотъ же вопросъ:

— «Вы уже совсѣмъ переѣхали?»

— Никакъ нѣтъ.

— «Пожалуйста поторопитесь, ибо вы знаете, что графъ безъ врача долго оставаться не можетъ».

— Графъ просилъ передать вашему превосходительству свой дружескій поклонъ и вручить это письмо.

Яковъ Васильевичъ прочелъ письмо, взялъ свое увеличительное стекло, прочелъ вторично и задумался.

— «Вы увѣрили меня, что графъ здоровъ, но мнѣ кажется, что онъ съума сошелъ?»

— Не думаю, былъ мой отвѣтъ, ибо при моемъ выѣздѣ, вчера вечеромъ, я ничего особеннаго не замѣтилъ.

— «Знаете-ли вы содержаніе этого письма?»

— Никакъ нѣтъ.

— «Графъ проситъ меня объ одной милости у государя: оставить васъ на прежнемъ мѣстѣ въ Новгородѣ, обѣщая уже болѣе не безпокоить государя о назначеніи ему врача. Скажите, пожалуйста, что за причина столь быстраго и крутого поворота? Можетъ быть вы сами умоляли графа остаться въ Новгородѣ?»

— Я и подумать не смѣлъ,—и разсказалъ подробно всю исторію съ Татьяною Борисовною, прибавивъ, что болѣе всего разсердило графа вѣроятно то, что Орловъ, вопреки его предположеніямъ, назначенъ въ Новгородъ, а не въ Сибирь или на Кавказъ. За обѣдомъ Вилліе разсказалъ всю эту исторію своимъ знакомымъ, которые отъ души смѣялись, а хозяинъ остался не въ духѣ. Я возвратился прямо въ Новгородъ и вступилъ въ прежнюю должность; Орловъ назначенъ былъ, кажется, въ Чугуевскій госпиталь, а графъ нанялъ для себя вольнопрактикующаго врача, который не долго выдержалъ. Графъ, оставшись безъ врача, обращался къ состоящему при департаментѣ военныхъ поселеній, бывшему имени его полка, доктору К. П. Миллеру, а иногда и ко мнѣ.

Въ домашнемъ быту графъ былъ необыкновенно мелоченъ и аккуратенъ; все у него дѣлалось по часамъ, онъ любилъ порядокъ и чистоту, особенно же пыли нигдѣ терпѣть не могъ. Онъ былъ болѣе скупъ, нежели даже слѣдовало бы при его средствахъ, ибо часто вмѣсто свѣжаго жаркого подавали соленую телятину, а вмѣсто пирожнаго—гречневую кашу съ сахаромъ; рюмки же для вина были чисто гомеопатическія и не каждый изъ обѣдающихъ удостоивался получить рюмку вина или ликеру; за то на званомъ обѣдѣ существовала роскошь русскаго магната: все подавалось на серебрѣ или лучшемъ китайскомъ фарфорѣ, вино отличное, рѣдкое, равно и фрукты.

Что же касается до характера графа, то онъ былъ непостоянен, зависѣлъ отъ его занятій, окружающихъ его людей, другихъ обстоятельствъ, которыя вліяли на расположеніе его духа, такъ-что съ точностью опредѣлить свойство его характера трудно, тѣмъ болѣе, что онъ всегда былъ озабоченъ государственными дѣлами, да, сверхъ того, страдалъ разстройствомъ всей нервной системы, застоемъ печени и рефлективнымъ страданіемъ сердца; отъ этого происходили его мнительность, недовѣрчивость, безсонныя ночи, тоска и біеніе сердца. Хотя вспыльчивость иногда и доводила графа до изступленія, но злопамятнымъ и мстительнымъ къ людямъ, ниже его стоящимъ, никогда не былъ. Къ поселянамъ былъ снисходителенъ; такъ, замѣтивъ какой-нибудь безпорядокъ въ домѣ или около, дѣлалъ имъ только замѣчанія и предостерегалъ ихъ отъ взгляда графа Клейнмихеля или полкового командира. Поэтому графа и не такъ боялись и всю вину строгостей приписывали ближнимъ начальникамъ, которымъ графъ Клейнмихель внушалъ быть по возможности строже, а самъ оставался въ сторонѣ, сваливъ все съ больной головы на здоровую. Графъ былъ необыкновенно впечатлителенъ; такъ, при разсказѣ какой-нибудь печальной исторіи, онъ прослезится, бывало, какъ дитя, но замѣтивъ, что у какой-нибудь 10-ти-лѣтней дѣвчонки дорожки въ саду не такъ чисто выметены, въ состояніи былъ приказать строго ее наказать, но опомнившись, приказывалъ выдать ей пятачокъ. Это было при мнѣ; но всегда ли графъ такъ поступалъ, не знаю. Графъ, если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, имѣлъ обыкновеніе награждать исправныхъ хозяекъ-посе-

лянокъ за чистоту пятачкомъ, и эту награду цѣнили какъ царскую милость.

Вотъ все, что я могъ вспомнить о моей службѣ въ военномъ поселеніи съ 1820 и до конца 1832 годовъ. Можетъ быть мой разсказъ содержитъ въ себѣ много лишняго, собственно до меня касающагося, можетъ онъ мелоченъ, что касается личности графа; но именно эти мелочи обрисовываютъ характеръ этого государственнаго дѣятеля, государю и отечеству безъ лести преданнаго (девизъ герба графа Аракчеева).

Ив. Европеусъ.

Сельцо Покровское,
близъ г. Краснаго-Холма.

Сообщаемъ кстати послѣ интересныхъ записокъ г. Европеуса акростихъ на Аракчеева, составленный около 1823 года и бывшій въ большомъ обращеніи между армейскими офицерами того времени. Онъ записанъ со словъ Якова Ник. Сухотина. **Ред.**

Аггеловъ племя,
Рыцарь бѣсовъ,
Адское сѣмя,
Ключъ всѣхъ оковъ.
Чувствъ не имѣя,
Ѣшь ты людей;
Ехидны злѣе
Варваръ, злодѣй!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письма гр. Аракчеева къ Европеусу.

1. Любезной другъ, Иванъ Исаковичъ. Посылаю тебѣ дрожки на перевозъ; сдѣлай дружбу, съѣзди въ Духовъ монастырь, тамъ больна Танюша; посмотри ее, и пропиши ей лекарство, за что я буду весьма благодарной. Г. А.

Вторникъ.

2. Милостивой государь, Иванъ Исаковичъ. Поздравляю васъ съ новорожденною дочерью и съ наступающимъ праздникомъ, желаю вамъ и супругѣ вашей доброго здоровья. Благодарю за приглашеніе и съ удовольствіемъ желаю быть воспріемникомъ вашей дочери съ любезною Анною Григорьевной. Но не могу теперь назначить время; ибо, во-первыхъ, Анна Григорьевна нездорова, то и надобно дать ей оправиться; а во-вторыхъ, графиня Анна Алексѣевна Орлова обѣщалась ко мнѣ пріѣхать на праздникахъ, изъ Новагорода, то я и не знаю времени, когда она ко мнѣ пріѣдетъ; то послѣ середы я увѣдомлю васъ, любезнаго друга, чрезъ нарочнаго, къ вамъ посланнаго, о времени, когда мнѣ пріѣхать будетъ возможно.

Съ почтеніемъ пребуду навсегда вашъ покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Прилагаемое письмо прошу отдать.

Грузино.
18 апрѣля (1831 года),
въ 8 часовъ вечера.

II.

Письмо бар. Вилліе къ гр. Аракчееву.

Милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ Поспѣшаю увѣдомить ваше сіятельство, что я имѣлъ счастіе довести до свѣдѣнія государя императора полученное мною отъ васъ письмо. Его величество, прочитавъ оное, изволилъ благосклонно принять просьбу вашу и высочайше повелѣлъ мнѣ немедленно исполнить оную, отчисленіемъ отъ васъ состоящаго нынѣ при вашемъ сіятельствѣ штабъ-лекаря Орлова и опредѣленіемъ на его мѣсто къ вамъ или старшаго лекаря новгородскаго военнаго госпиталя Европеуса, или другого медика, къ кому вы имѣете довѣренность и кто добровольно согласится принять сіе мѣсто и пещись о сохраненіи вашего здоровья. Г. Европеусъ прослужилъ попынѣ отлично и пріобрѣлъ хорошую опытность, его поведеніе доселѣ было неукоризное, онъ отецъ довольно большаго семейства, для содержанія коего приличнымъ образомъ требуется немалыхъ средствъ, по сей причинѣ я осмѣливаюсь поручить г. Европеуса въ особенное покровительство и щедролюбіе вашего сіятельства и проч.

Декабря 8-го дня 1832 года.

Его сіятельству графу А. А. Аракчееву.

ЕРМОЛОВЪ, ДИБИЧЪ И ПАСКЕВИЧЪ.

1826—1827.

XXII.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилостивѣйшій Государь! Въ послѣднемъ донесеніи моемъ имѣлъ я счастіе предупредить ваше императорское величество о намѣреніи моемъ представить предположенія мои о военныхъ дѣйствіяхъ послѣ взятія Тавриза, вмѣстѣ съ мнѣніемъ на оныя генерала Ермолова; а въ отправленномъ по послѣдней экстра-почтѣ письмѣ графу Толстому просилъ я его доложить вашему величеству, что по полученіи упомянутаго мнѣнія генерала Ермолова, находя въ ономъ различіе съ прежде начертаннымъ планомъ, я почелъ за необходимость имѣть съ нимъ личное по сему предмету объясненіе. При семъ имѣю счастіе представить, подъ литерою А, предположенія мои, а подъ литерою В, отношеніе генерала Ермолова съ возраженіями на оныя и его мыслями о ходѣ, который должны имѣть наступающія кампаніи. Изъ сего отношенія ваше величество усмотрѣть изволите: 1) Что занятіе Тавриза, буде возможно еще до знойнаго времени, предложенное самимъ генераломъ Ермоловымъ въ планѣ, представленномъ имъ вашему императорскому величеству, представляется нынѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ, и возможность онаго почти только въ единственномъ случаѣ возмущенія въ Адербейджанѣ. 2) Что дальнѣйшія дѣйствія послѣ овладѣнія Тавризомъ разсчитаны такъ, что едва ли можно надѣяться навѣрное кончить войну прежде 1829 года. Сіе послѣднее послужило мнѣ только къ вящшему удостовѣренію въ томъ мнѣніи объ осторожности и недостаточной предпріимчивости генерала Ермолова, о которомъ я неоднократно имѣлъ счастіе доносить вашему величеству; но перемѣна мыслей его насчетъ предстоящихъ первыхъ дѣйствій противъ Тавриза требовала рѣши-

тельнаго вопроса: не оставилъ ли онъ намѣренія своего (нѣсколько разъ мнѣ повторяемаго, даже послѣ отправленія моего донесенія вашему величеству) рѣшительно наступать къ Тавризу еще въ продолженіе іюня мѣсяца, если какія-либо особенныя и важныя препятствія тому не помѣшаютъ?

Генералъ Ермоловъ въ отвѣтъ увѣрялъ меня, что онъ ни въ чемъ не перемѣнилъ рѣшенія своего, но считалъ долгомъ поставить на видъ всѣ затрудненія, кои могутъ встрѣтиться; признался, что изложилъ бы сіе съ большею ясностью, если бы не былъ увѣренъ, что я не буду сомнѣваться въ томъ, что онъ не въ состояніи отмѣнить то, о чемъ онъ уже представилъ вашему величеству. Касательно предположеній его о кампаніи, онъ объяснилъ, что изложилъ свое мнѣніе только на тотъ случай, если бы наступленіе къ Тегерану казалось необходимымъ, ибо въ моей запискѣ было о семъ упомянуто, и онъ, по собственному знанію тамошнихъ мѣстъ, почитая овладѣніе Султаніею въ зимнее время невозможнымъ, расположилъ планъ операцій сходно съ симъ убѣжденіемъ. Я на сіе отвѣчалъ, что требовалъ мнѣнія о дѣйствіяхъ рѣшительныхъ и сходныхъ съ тою необходимостію въ скорѣйшемъ окончаніи войны, о которой объявлялъ я ему высочайшую волю, и ожидалъ плана рѣшительнаго, хотя бы и совершенно несходнаго съ моимъ, но ведущаго къ той же цѣли, къ скорѣйшему окончанію войны, буде возможно еще будущею зимою, а отнюдь не позже весны 1828 года. Онъ повторялъ, что не такъ понялъ сдѣланное предложеніе, и хотѣлъ сегодня еще представить мнѣ другую записку.

Я съ сердечною откровенностію признаюсь вашему императорскому величеству, что все сіе не даетъ мнѣ болѣе прежняго увѣренности въ рѣшительности дѣйствій генерала Ермолова, и понудило меня къ повторенію вопроса: „не чувствуетъ ли онъ въ себѣ менѣе противъ прежняго рѣшимости и дѣятельности?“ Онъ повторялъ, что надѣется еще быть въ состояніи исполнить волю вашего величества лучше многихъ другихъ, хотя признается, что любитъ быть осторожнымъ, дабы не подвергаться отвѣтственности; что покоряется во всемъ волѣ вашего величества, не желаетъ никакого мѣста и будетъ жить спокойнымъ и вѣрнымъ гражданиномъ, если вашему величеству угодно будетъ отозвать его отъ начальства, но надѣется также, по извѣстности ему здѣшней страны, дѣйствовать съ пользою; а съ вящшею дѣятельностію и рѣшимостію, когда бы могъ быть увѣренъ, что частныя ошибки не будутъ представляемы вашему величеству отдѣльно, и тѣмъ, прежде заключенія о дѣйствіяхъ вообще, не навлекутъ на него гнѣвъ вашего величества. Я увѣрялъ его, что при ис-

полненіи вашихъ приказаній ошибки отъ рѣшимости и дѣятельности происходящія, конечно, никогда не прогнѣвятъ ваше величество.

Я ожидаю теперь обѣщанную записку, которую съ краткимъ мнѣніемъ моимъ буду имѣть счастіе представить съ симъ же фельдъегеремъ. Но каково бы ни было содержаніе оной, она не перемѣнитъ мнѣнія моего, что отъ генерала Ермолова нельзя ожидать блистательныхъ дѣйствій; но съ тѣмъ вмѣстѣ я увѣренъ, что съ числомъ войскъ, ему данныхъ и съ имѣющимися способами, онъ еще до зимняго времени займетъ пространство до Аракса, и полагаю, что даже рѣшится овладѣть Тавризомъ. Вѣроятно, что сіе доведетъ до желаемаго мира. Во всякомъ случаѣ, и при перемѣнѣ главнокомандующаго нельзя ожидать отъ весенней кампаніи значительныхъ выгодъ, и потому я не нахожу себя въ правѣ употребить данное мнѣ полномочіе, не будучи увѣренъ, какъ я и прежде доносилъ, чтобы перемѣною здѣшняго главнаго начальства посредственное было бы замѣняемо лучшимъ. Однако я прошу позволенія вашего императорскаго величества, послѣ приказаннаго мнѣ осмотра войскъ, которое не могу сдѣлать прежде какъ по сборѣ оныхъ, т.-е. послѣ 15-го апрѣля, остаться здѣсь еще недѣли двѣ, дабы удостовѣриться во всѣхъ распоряженіяхъ генерала Ермолова при самомъ началѣ кампаніи, и о вѣрномъ и надежномъ направленіи всѣхъ заготовленій, Каспійскимъ моремъ доставляемыхъ, къ дѣятельной осенней кампаніи. Дѣйствія генерала Ермолова въ продолженіе весенней кампаніи могутъ единственно удостовѣрить болѣе, полезно ли будетъ или нѣтъ оставленіе его въ здѣшнемъ краѣ въ случаѣ незаключенія мира.

Если вашему величеству такимъ образомъ угодно будетъ оставить здѣсь генерала Ермолова, то конечно необходимо надобно отозвать генерала Паскевича, какъ онъ сіе и самъ желаетъ; причемъ услуги сего генерала, оказанныя въ елисаветпольскомъ сраженіи, и усердіе, которое онъ употребилъ ко внутреннему устройству здѣшнихъ войскъ, безъ сомнѣнія обратятъ на него всемилостивѣйшее вашего величества благоуваженіе.

Если же ваше величество, потерявъ довѣренность къ генералу Ермолову, изволите рѣшить удаленіе его еще до весенней кампаніи, то при назначеніи другого главнокомандующаго необходимо нужно, во всякомъ случаѣ, опредѣлить особаго, ему подчиненнаго, начальника по гражданской части. Въ случаѣ назначенія генералъ-фельдмаршала графа Витгенштейна, или другого генерала, мнѣ кажется неизбѣжнымъ, чтобы я остался здѣсь до вступленія новаго начальника въ полное распоряженіе всѣхъ дѣлъ. Буде же вашему величеству угодно будетъ оставить здѣсь генерала Паскевича командую-

щимъ, то полагаю возможнымъ мнѣ отъѣхать послѣ осмотра войскъ. Съ вѣрноподданническою вѣрностію и проч. Иванъ Дибичъ.

Марта 10 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

А. 1) Всѣ собранныя мною свѣдѣнія насчетъ здѣшняго края и того, который долженствуетъ быть театромъ войны, не подаютъ надежды, чтобы въ оныхъ можно было найти подножный кормъ ранѣе половины апрѣля; почему и не полагаю возможнымъ открыть кампанію прежде, какъ въ концѣ того мѣсяца. Дабы обезпечить безостановочное слѣдованіе провіантскихъ и прочихъ транспортовъ, и тѣмъ предупредить остановку въ началіи дѣйствій, будутъ взяты здѣсь по возможности всѣ мѣры для благонадежнаго устройства фуражнаго продовольствія на пути до сборныхъ пунктовъ войскъ.

2) Несмотря на сіе медлительное приспѣваніе подножнаго корма, принуждающее къ позднему открытію весенней кампаніи, я совершенно увѣренъ, что можно будетъ достигнуть цѣль оной, т.-е. занять все пространство до Аракса. Взятіе же Тавриза (въ томъ предположеніи, что можно будетъ перейти чрезъ Араксъ въ концѣ мая мѣсяца), будетъ зависѣть наиболѣе отъ способовъ продовольствія и отъ дѣйствій непріятельской кавалеріи, которая появленіями въ тылу арміи можетъ останавливать слѣдованіе припасовъ къ оной подвозимыхъ, и тѣмъ самымъ замедлить и движеніе войскъ.

3) Насчетъ жаровъ въ Персіи имѣлъ я разговоръ съ здѣшнимъ епископомъ армянскимъ, жившимъ долгое время въ Эриванѣ и Тавризѣ; по словамъ его, зной въ тѣхъ странахъ бываетъ хотя сильный, но стерпимый и не таковъ, чтобы можно было опасаться причиненія вредныхъ заразительныхъ болѣзней. Основываясь на семъ, я мыслю, что переходъ черезъ Араксъ въ концѣ мая и быстрое потомъ движеніе на Тавризъ возможны, ежели удастся имѣть достаточные способы къ переправѣ и подвезти достаточный подвижной магазинъ. Наступленіе къ Тавризу и овладѣніе симъ городомъ, по мнѣнію моему, не представятъ важныхъ затрудненій.

4) Послѣ овладѣнія Тавризомъ, я полагаю, что надобно будетъ прекратить дальнѣйшее дѣйствіе до осени, и тогда же предложить персіянамъ миръ, на предначертанномъ основаніи, и даже перемиріе до 15-го сентября. Симъ временемъ можно-бъ было воспользоваться для устройства большихъ магазиновъ въ Нахичеванѣ, Агарѣ, Марандѣ и Тавризѣ; расположить войска на лѣтнія квартиры для отдохновенія и оправленія во всѣхъ отношеніяхъ; а въ случаѣ, что не принято будетъ перемиріе, легкіе отряды, вторгаясь между тѣмъ въ ханства Хои и Ардебиль, покорили бы сіи области и утвердили бы

совершенно намъ тылъ и фланги. Исполненіемъ сего предположенія приготовился бы и основался совершенный успѣхъ послѣдующихъ дѣйствій, если бы персіяне и не захотѣли согласиться на миръ, чего однако ожидать нельзя.

5) Если, напротивъ того, послѣ занятія до Аракса, недостатокъ въ способахъ для переправы и въ продовольствіи, или чрезвычайный жаръ принудятъ остановиться на нѣкоторое время, тогда надобно будетъ воспользоваться онымъ временемъ, чтобы устроить всѣ способы къ переправѣ и большіе двухмѣсячные магазины въ Нахичеванѣ и Ахугланѣ, долженствующіе обезпечить движеніе на Тавризъ. Тѣмъ временемъ бригада, расположенная въ Дагестанѣ, смѣненная войсками изъ Кавказской области, примкнетъ къ отряду лѣваго фланга; къ главнымъ же силамъ въ то же время присоединится, по всей вѣроятности, большая часть отряда, производившаго осаду Эривани; ибо можно предполагать, что крѣпость сія не устоитъ послѣ двухнедѣльнаго открытія траншей, а по взятіи ея нужно будетъ только оставить въ ней небольшой гарнизонъ.

6) Если же нужно будетъ отложить движеніе къ Тавризу до осени, то полагаю неприличнымъ вступать въ какіе-либо переговоры о перемиріи, развѣ персіяне очистятъ Эривань и Сардарабадъ (коихъ гарнизонамъ можно дать свободный проходъ), равномѣрно ханства: Талышинское, Агарское и Ардебильское.

7) Движеніе нужно начать къ 15-му сентябрю, въ двухъ колоннахъ, имѣя для всѣхъ войскъ двухмѣсячную пропорцію провіанта въ Ахугланѣ и Нахичеванѣ. Главныя силы идутъ изъ Нахичевани, прибывшія изъ Дагестана—изъ Ахуглана, чрезъ Агаръ, на Тавризъ, гдѣ будутъ въ послѣднихъ дняхъ того же мѣсяца. Какъ отрядъ лѣваго фланга слабѣйшій, то марши должны быть разсчитаны такъ, чтобы онъ прибылъ къ Тавризу въ одинъ день съ главными силами, но дѣлая послѣдніе два марша форсированные.

8) По овладѣніи Тавризомъ предложить миръ на высочайше утвержденныхъ условіяхъ, и заключить даже перемиріе на одинъ мѣсяцъ, но съ тѣмъ, чтобы очищены были ханства: Хои, Ардебиль и Талышъ; въ случаѣ же, если персіяне на сіе не согласятся, овладѣть оными легкими отрядами, и во всякомъ случаѣ приготовить въ Тавризѣ подвижной магазинъ на мѣсяцъ продовольствія и таковое же количество въ Агарѣ и Марандѣ съ способами доставки.

9) Весьма вѣроятно, что въ продолженіе сего времени, т.-е. при занятіи Тавриза, лѣтомъ къ 15-му сентября, а осенью къ 1-му ноября, или примутъ предложеніе о мирѣ, или откроется всеобщій бунтъ въ Персіи. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію моему, правила за-

конности намъ не позволяютъ участвовать въ ономъ; но принимая присягу на зависимость отъ хановъ занятыхъ нами провинцій, какъ-то: Хои, Агара, Ардебиля, нужно занять посылкою небольшихъ отрядовъ весь Адербейджанъ, Урмію, Гилянъ, и буде возможно Мазандеранъ, стараясь также склонить хановъ на покореніе себя Россіи, съ тѣмъ чтобы ханы сіи, за признаніе ихъ независимости и покровительство, подвергались заплатить дань, которая бы могла съ излишествомъ замѣнить всѣ издержки и убытки войны, и въ неслишкомъ продолжительномъ времени.

10) Если бы, напротивъ того, противъ всякаго вѣроподобія, всѣ провинціи остались спокойны и вѣрны шаху, тогда нужно рѣшиться на предпріятіе дальнѣйшаго похода.

11) Устроя оборону Грузіи и Арменіи изъ резервныхъ батальоновъ, изъ ополченій грузинскаго и армянскаго и изъ казаковъ, оставивъ въ Тавризѣ, Марагѣ и Агарѣ 20-ю дивизію съ одною бригадою уланъ въ резервѣ, которые бы заняли также озеро Урмію и переправу на Кизиль-Озанѣ, дѣйствующіе батальоны 21-й дивизіи, гренадерская бригада, 1-я бригада уланской дивизіи, нижегородскій драгунскій полкъ, сводный гвардейскій полкъ и 6-ть казачьихъ полковъ,—что всего составитъ:

въ 18-ти батальонахъ,
„ 18-ти эскадронахъ,
„ 6-ти полкахъ казаковъ,
„ 12-ти конныхъ
„ 24-хъ легкихъ } ротахъ
„ 12-ти батарейныхъ

примѣрно около 15 т. человѣкъ рядовыхъ, кромѣ казаковъ,—идутъ прямо на Тегеранъ, куда, при быстромъ наступленіи и вѣроятно по большомъ сопротивленіи, могутъ прибыть въ одинъ мѣсяцъ, а много въ два.

12) Съ тѣмъ вмѣстѣ собрать въ Дербентъ, или въ Баку, 4-ре батальона 22-й пѣхотной дивизіи съ 8-ю орудіями и однимъ казачьимъ полкомъ. Тамъ же заготовить транспортные суда съ двухмѣсячнымъ провіантомъ на 20 т. человѣкъ и съ артиллерійскими запасами на комплектъ всѣхъ орудій главнаго отряда. Сіи войска сдѣлаютъ десантъ около Хоремабада, три недѣли спустя послѣ выступленія войскъ изъ Тавриза, и устроивъ тамъ небольшую крѣпостцу, въ которой оставятъ одинъ батальонъ и 4-е орудія, съ остальными наступаютъ съ осторожностью къ Тегерану, когда получатъ извѣстіе, что наши силы приближаются къ оному.

13) Овладѣніе Султаніею и Тегераномъ (гдѣ хранятся всѣ сокро-

вища шаха) и вѣрное сообщеніе съ Каспійскимъ моремъ обѣщаютъ намъ миръ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Въ случаѣ непредвидимомъ, когда бы столь рѣшительные успѣхи не довели персіянъ до заключенія мира или до всеобщаго бунта противъ шаха, при которомъ оставалось бы признать независимость покоряющихся намъ, съ должнымъ вознагражденіемъ, потребуется усиленіе войскъ рекрутскимъ наборомъ, которымъ въ веснѣ 1828 года вся Персія непремѣнно покорена была бы россійскому оружію, чего однако же, по мнѣнію моему, ни ожидать, ни желать не должно. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

XXIII.

Ермоловъ—Дибичу.

(секретно).

Командира кавказскаго отдѣльнаго корпуса въ Тифлисѣ, 9-го марта 1827 года, № 12. Начальнику главнаго штаба его императорскаго величества господину генералъ-адъютанту и кавалеру барону Дибичу.

Вашему высокопревосходительству угодно было предложить мнѣ, чтобы я объяснилъ мнѣніе мое насчетъ дѣйствій войскъ нашихъ за Араксомъ, и если бы взятіемъ Тавриза не былъ положенъ конецъ войнѣ—о дальнѣйшихъ за тѣмъ предпріятіяхъ.

Изъ собранныхъ свѣдѣній ваше высокопревосходительство удостовѣриться изволили, что позднее появленіе подножнаго корма, особенно въ возвышенныхъ мѣстахъ, смежныхъ съ Персіею, не допуститъ перейти границу главными силами прежде, какъ въ концѣ апрѣля мѣсяца.

Не взирая на сіе, еще до наступленія жаровъ удобно весьма занять Нахичевань. Тамъ присоединившаяся часть войскъ изъ Карабага (если непріятель со стороны сей не употребитъ большихъ усилій), поставитъ передовыя войска наши отъ главнаго отряда въ твердое положеніе до того времени, какъ прочія силы присоединиться могутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Сардарь Эриванской, которому конечно даны будутъ подкрѣпленія, снабдивъ гарнизонами крѣпости Эривань и Сардарабадъ, будетъ еще имѣть достаточныя силы, чтобы безпокоить отрядъ нашъ, подъ Эриваномъ расположенный; паче же многочисленными толпами своей конницы быть весьма опаснымъ для транспортовъ, въ большомъ количествѣ провождаемыхъ, отчего необходимо движеніе ихъ подвергнется медленности, и войска едва ли будутъ имѣть всѣ нужные запасы, дабы тотчасъ, или лучше сказать, почти неостанавливаясь могли предпринять наступленіе за Араксъ къ Тавризу. Для удержанія Сардаря надобно будетъ немедленно оставить

часть войскъ, кромѣ тѣхъ, кои будутъ или наблюдать Эривань, или осаждать оный. Не трудно будетъ прогонять Сардаря за Араксъ, но столь же легко будетъ онъ опять возвращаться. Твердое положеніе за Араксомъ дастъ ему убѣжище отъ небольшихъ силъ, его преслѣдующихъ; изъ Хои и другихъ мѣстъ Адербейджана, будетъ онъ имѣть безпрепятственное продовольствіе. Большей части его конницы нельзя будетъ помѣшать дѣйствовать у насъ въ тылу.

Пріобрѣтеніе Эриванской области разрѣшило бы всѣ затрудненія и войскъ, оставленныхъ при оной, достаточно было бы владѣть провинціею и обезпечить сообщеніе. Но, по трудностямъ и неудобствамъ въ доставленіи необходимыхъ для осады припасовъ, свозимыхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, осада не можетъ быть начата въ скоромъ времени.

Итакъ, предлежитъ вопросъ: идти ли за Араксъ до занятія осады и непремѣнно въ знойное время, ибо до того, конечно, не успѣютъ прибыть къ войскамъ достаточные запасы продовольствія, котораго не будетъ за Араксомъ до новаго урожая; или идти въ половинѣ сентября, когда всѣ нужные запасы будутъ пріуготовлены и прекратившійся зной дастъ возможность дѣйствовать быстро и рѣшительно. Эривань въ то время, можетъ быть, достанется во власть нашу или по крайней мѣрѣ осада не допуститъ продлить сопротивленіе онаго.

Въ семъ послѣднемъ предположеніи соблюдена будетъ вся строгая осторожность, и потому успѣхъ менѣе подверженъ будетъ сомнѣнію. Продолженіе же движенія, не останавливаясь въ Эриванской области, можетъ быть приличнымъ въ томъ только случаѣ, если бы въ Адербейджанѣ обнаружились: неповиновеніе Аббасъ-Мирзѣ, возмущеніе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и готовность способствовать намъ средствами продовольствія.

Вѣроятно, что въ Эриванской области не рѣшится непріятель дать сраженія всѣми силами, ибо въ случаѣ потери онаго, въ тылу, Араксъ можетъ быть причиною большихъ бѣдствій, и тогда Адербейджанъ, гдѣ много недовольныхъ, не будетъ спокойнымъ свидѣтелемъ происшествій и неминуемо послѣдуетъ возмущеніе во многихъ мѣстахъ.

Итакъ, правдоподобнѣе, что непріятель всѣми силами противостанетъ между Тавризомъ и Араксомъ, гдѣ надобно будетъ аттаковать его.

Овладѣніе Тавризомъ необходимо, и сколько можно скоро, и хотя можно думать, что непріятель предложитъ о мирѣ, можетъ однако же быть, что онъ того и не сдѣлаетъ. Тогда надобно будетъ ожидать

мира или отъ внутреннихъ возмущеній, или внести войну далѣе во внутренность Персіи.

Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію моему, дабы произвести внутреннія безпокойства, надлежитъ остановиться въ Адербейджанѣ. Уничтоживъ въ Тавризѣ всѣ европейскія заведенія и укрѣпленія, оставить городъ, который, въ общемъ мнѣніи, потеряетъ всю свою важность, а войска расположить въ Марандѣ, Хоѣ и окрестностяхъ. Марага, отстоя отъ Тавриза на сто верстъ въ сторону, къ занятію неудобна. Въ семъ расположеніи надлежитъ провести зиму и сдѣлать всѣ пріуготовленія къ новой кампаніи.

Кампанію, думаю я, надлежитъ начать слѣдующимъ образомъ:

Оставить совершенно Адербейджанъ, ограничиться занятіемъ Эриванской области по Араксъ, силами впрочемъ достаточными, учредивъ нѣсколько укрѣпленныхъ постовъ, дабы между оными могли съ удобностію двигаться войска, ибо непріятель, безъ сомнѣнія, будетъ дѣлать вторженія, дабы наносить разореніе жителямъ. Въ укрѣпленныхъ мѣстахъ при войскахъ нашихъ употребить армянъ, которыхъ всѣхъ вообще вооружить. Укрѣпленія утвердятъ жителей въ понятіи прочнаго занятія нами Эриванской области, особенно если уже крѣпость будетъ во власти нашей. По устроеніи сего, перенести дѣйствія на нижній Араксъ, въ Карабагскую провинцію. Операціонная линія наша должна имѣть направленіе чрезъ Мегекинскій округъ, городъ Ардебиль, небольшую область Халхалъ, Зенганъ и далѣе. Симъ путемъ обойдены будутъ безводныя мѣста, между Зенганомъ и рѣкою Кизиль-Озень, никакого подножнаго корма непроизводящія и потому мало весьма населенныя. Отъ Аракса до Ардебиля устроить укрѣпленные посты, и между симъ городомъ и мѣстечкомъ Ларъ имѣть легкій отрядъ войскъ для прикрытія операціонной линіи.

Талышинское ханство тотчасъ придетъ въ покорность, въ близкомъ разстояніи лежащая Гилянская область выйдетъ изъ послушанія персіянамъ, и симъ воспользовавшись, надобно будетъ овладѣть Зинзилійскимъ портомъ, лучшимъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ при самомъ входѣ въ оный устроить крѣпостцу, которая въ руки наши отдастъ всѣ выгоды торговли съ изобилующею богатствами Гилянью. Учрежденіе сіе впослѣдствіи понудитъ шаха на большія пожертвованія.

Для сей экспедиціи достаточно двухъ тысячъ человѣкъ и тридцати орудій крѣпостной артиллеріи, для немедленнаго заложенія крѣпостцы. Войска могутъ быть отправлены изъ Баку; построеніе транспортныхъ судовъ должно быть сдѣлано, равно какъ и прочія пріуготовленія заблаговременно.

При всѣхъ выгодахъ дѣйствій со стороны Мазандерана я почитаю ихъ подверженными большимъ неудобствамъ и чрезвычайнымъ издержкамъ, ибо предпринять оныя не иначе можно, какъ съ силами значительными, для перевоза коихъ на берегъ, равно лошадей для артиллеріи и необходимой части конницы, для всѣхъ нужныхъ припасовъ надобно большое количество транспортовъ, которыхъ пріуготовить въ скорости нѣтъ возможности. Если же перевозить войска по частямъ, то сіе продолжится долгое весьма время, не можно допустить вѣрнаго въ ономъ разсчета, выгода внезапности потеряна будетъ, и Тегеранъ достанется также опустошеннымъ, какъ и при дѣйствіяхъ съ сухого пути.

При движеніи на Ардебиль и Халхалъ надобно распредѣлить дѣйствія слѣдующимъ образомъ: выступить изъ Карабага раннею весною; въ сіе время шахсеванцы и другіе кочующіе народы не имѣютъ другого убѣжища, кромѣ Муганской степи, и потому придутъ тотчасъ въ покорность.

Знойное время лѣта надобно остановиться въ Султаніэ и окрестностяхъ, гдѣ воздухъ чрезвычайно здоровый, пастбища изобильныя. По окончаніи зноя надобно, сколько возможно, быстро занять Тегеранъ. Но тамъ нельзя выжидать предложенія о мирѣ, ибо возвратный путь будетъ неудобенъ по той причинѣ, что возвышенныя мѣста около Султаніэ на большое пространство покрываются глубокимъ снѣгомъ и бываютъ жестокія мятели. Итакъ, если не будетъ предложенъ миръ, надобно разорить Тегеранъ и до зимы возвратиться въ Зенганъ, гдѣ войска могутъ имѣть отдыхъ.

Снабженіе провіантомъ и другими потребностями войскъ не иначе устроено можетъ быть, какъ изъ Баку. Осенью и въ продолженіе зимы должно оно свозимо быть чрезъ Муганскую степь, въ округъ Ужарлы, принадлежащій Талышинскому ханству, гдѣ надлежитъ сдѣлать укрѣпленіе и, кромѣ гарнизона, въ ономъ расположить часть войскъ для конвоированія подвозовъ. Дорога отъ рѣки Куры до округа Ужарлы, и далѣе отъ онаго до Ардебиля, съ небольшими исправленіями, весьма удобна. Отъ Зенгана до Ардебиля въ протекшемъ году шахъ прошелъ съ войскомъ и пушками. Къ берегамъ Талышинскаго ханства подвозить продовольствіе невозможно, ибо чрезъ горы, отдѣляющія ханство отъ Ардебиля, есть двѣ извѣстныя дороги чрезъ Зувантъ и Наминъ, но обѣ неудобны для повозокъ. Почти нельзя сомнѣваться, что Гилянская область доставитъ значительное количество провіанта, паче же когда въ оной обнаружатся безпокойства, что непремѣнно должно случиться.

Рѣшительно заключить возможно, что шахъ персидскій недопу-

стить войскъ нашихъ до Тегерана, дабы не произвести всеобщаго возмущенія противъ себя и всего племени каджаровъ, и поспѣшить предложить выгодный миръ. Конечно не затруднится шахъ уступить Эриванскую область, но развѣ одна, собственно лицу его грозящая опасность понудитъ его уплатить издержки войны и нанесенныя намъ въ доходахъ потери.

Съ нашей стороны не должно быть дѣлаемо никакихъ предложеній о мирѣ или перемиріи, ибо окружающіе шаха обольстятъ его мыслію, что должны быть обстоятельства насъ къ тому понуждающія, и таковымъ образомъ можетъ сіе истолковано быть легковѣрному народу, который легко обманывать возможно.

Молчаніе наше заставитъ шаха сдѣлать предложеніе, но предварительно надобно знать на сей предметъ точную волю его императорскаго величества.

Изложивъ мнѣніе мое на нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ о землѣ и народахъ основанное, долженъ я заключить тѣмъ, что дѣйствія отъ границъ нашихъ весьма отдаленныя, въ странѣ, представляющей чрезвычайно мало средствъ, должны быть обезпечены собственными способами, и что сложность таковой операціи требуетъ, паче при некомплектѣ корпуса, усиленія онаго одною пѣхотною дивизіею и нѣсколькими полками казаковъ. Генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

XXIV.

Дибичъ — Ермолову.

Милостивый государь, Алексѣй Петровичъ. Я читалъ съ большимъ вниманіемъ предположенія вашего высокопревосходительства на счетъ будущей кампаніи; они требуютъ непремѣнно личнаго и рѣшительнаго объясненія съ вами, ибо я опасаюсь, что не довольно ясно вамъ объяснилъ волю государя, вести сію войну быстро и рѣшительно, или не совершенно понялъ объясненія ваши о готовности и возможности исполненія. Время короткое, и рѣшимость и скорость могутъ единственно основать успѣхъ. Я прошу ваше высокопревосходительство покорно, принять меня въ 12-ть часовъ для объясненія о столь важномъ предметѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч. Дибичъ.

XXV.

Дибичъ — императору Николаю.

Имѣю счастіе представить при семъ на высочайшее усмотрѣніе вашего императорскаго величества особыя двѣ записки о состояніи

войскъ, въ каковомъ я нашелъ ихъ здѣсь въ Тифлисѣ, равно какъ гошпиталя и другихъ заведеній. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Марта 10 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

До сего времени я не успѣлъ еще, по занятіямъ другими предметами, донести вашему императорскому величеству о состояніи войскъ и прочихъ заведеній, кои видѣлъ я въ Тифлисѣ. Здѣсь нашелъ я такое распоряженіе, что разводъ дѣлается черезъ день, и я всякой день на ономъ бываю. Такимъ образомъ видѣлъ я до сего времени, кромѣ своднаго гвардейскаго полка (о коемъ докладъ мой представляю вашему величеству особо), слѣдующія войска: баталіонъ херсонскаго гренадерскаго полка, баталіонъ 7-го карабинернаго, двѣ роты 41-го, двѣ роты 44-го егерскихъ, и находящуюся здѣсь роту 8-го піонернаго баталіона.

Вообще нашелъ я въ сихъ полкахъ видъ людей хорошъ, въ особенности 7-го карабинернаго и 44-го егерскаго полковъ. Въ послѣднемъ люди очень молоды; въ херсонскомъ полку люди довольно старые и менѣе здоровы; но унтеръ-офицеры сего полка имѣютъ преимущество предъ прочими. Гг. штабъ- и оберъ-офицеры вообще своимъ приличнымъ наружнымъ видомъ и тѣмъ, что у развода замѣтить можно, превзошли мое ожиданіе; знаніе же по фронтовой части не могъ до сего времени замѣтить, ибо еще не дѣлалъ никакого ученья. Разводы дѣлаются, со времени прибытія генерала Паскевича, предписаннымъ порядкомъ: проходятъ скорымъ шагомъ и рядами. Одиночной выправки въ нижнихъ чинахъ весьма мало; лучше въ піонерахъ, потомъ въ 7-мъ карабинерномъ, херсонскомъ гренадерскомъ, 41-мъ и 44-мъ егерскихъ полкахъ. Одежда новая, чистая, но сшита безъ всякаго щегольства; аммуниція прочная, но дурно пригната, равно какъ и кивера; егерскіе же полки не имѣли съ собою киверовъ, ибо по причинѣ зноя въ лѣтнее время и опасенія простуды, при сильныхъ вѣтрахъ и безпрестанной перемѣнѣ въ климатѣ зимою, также и по невозможности возить кивера на подводахъ, существуетъ здѣсь съ давнихъ временъ положеніе, чтобы при дальнихъ переходахъ оставлять кивера въ штабъ-квартирахъ. О семъ, равномѣрно какъ о необходимыхъ по здѣшнему климату соображеніяхъ въ одеждѣ лѣтняго и зимняго времени, я неумедлю представить вашему императорскому величеству по изготовленіи образцовъ лейбъ-гвардіи въ сводномъ полку, ибо удостовѣрясь въ необходимости имѣть въ здѣшнихъ войскахъ другія правила на сей счетъ, полагаю, что таковыя должны быть опредѣлены закономъ, а не произволомъ здѣшняго начальства.

Осмотрѣвъ здѣшній гошпиталь, нашелъ я строеніе обширное, хотя еще не совершенно оконченное; во внутреннемъ же порядкѣ требуются большія исправленія какъ по медицинской, такъ и по коммиссаріатской части, въ чемъ принимаются нужныя мѣры. Большое число больныхъ, доходящее до 850 человѣкъ, когда гошпиталь положенъ только на 600, служитъ нѣкоторымъ, но недостаточнымъ извиненіемъ тому, что вообще не наблюдается тотъ порядокъ, каковой мы привыкли видѣть въ россійскихъ гошпиталяхъ, особенно же въ чистотѣ бѣлья и вещей и въ содержаніи палатъ.

Въ городовой тюрьмѣ, гдѣ содержатся и военные арестанты, нашелъ я также недостаточную чистоту; но долженъ хвалить здоровый воздухъ и свободное размѣщеніе арестантовъ.

Здѣшній городъ представляетъ странную смѣсь весьма красивыхъ европейскихъ строеній и основаній великолѣпныхъ зданій, съ самыми развалинами бѣднѣйшихъ хижинъ; нѣкоторыя площади правильны и улицы широки, но окружаются такими тѣсными переулками, гдѣ почти проѣхать нельзя и гдѣ нечистота превышаетъ даже мѣстечки Бѣлоруссіи. Всѣ новыя хорошія зданія построены во время управленія генерала Ермолова военнорабочими. Сіи работы и построеніе полковыхъ штабовъ можно полагать изъ главнѣйшихъ причинъ совершеннаго упущенія фронтовой части; они имѣли, какъ я уже прежде доносилъ вашему императорскому величеству, также вліяніе на безпорядки въ одеждѣ и аммуниціи дѣйствующихъ войскъ прошедшей кампаніи, ибо команды наряжались безъ должнаго порядка, сообразно составу войскъ, и посылались въ старой аммуниціи и въ ветхихъ мундирахъ, которые, равно какъ и бѣлье, на работахъ во время жаровъ износили и, не возвращаясь въ свои штабъ-квартиры, выступили прямо въ походъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Если, по благополучномъ окончаніи войны, будутъ продолжаться подобныя работы, какъ сіе кажется необходимо, то нужно бы завести тотъ самый порядокъ, который существуетъ въ полкахъ инженернаго вѣдомства. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Марта 8 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXVI.

Ермоловъ — Дибичу.

Командира кавказскаго отдѣльнаго корпуса въ Тифлисѣ, 10-го марта 1827 года, № 13. Начальнику главнаго штаба его императорскаго величества, господину генералъ-адъютанту и кавалеру барону Дибичу.

Объяснившись съ вашимъ высокопревосходительствомъ о сообщенныхъ мною предположеніяхъ насчетъ дѣйствій противъ персіянъ, я, согласно съ прежнимъ по сему предмету разсужденіемъ, отнюдь не отвергаю возможности идти на Тавризъ прежде знойнаго времени, но почиталъ полезнымъ, занявъ немедленно Нахичевань, остановиться въ Эриванской области, дабы медленно движущіеся позади транспорты могли достаточно подвезти провіанта и для подвижнаго магазина, за войсками слѣдующаго, и для составленія запаса, ибо случиться можетъ, что непріятель, избѣгая сраженія, заставитъ дѣлать движенія, дабы его къ тому принудить. Но какъ ваше высокопревосходительство къ прежнимъ подтвержденіямъ о возможномъ ускореніи окончанія войны изволили присоединить и то, что необходимо кончить оную, буде возможно, зимою 1827 года или, всеконечно, не позже весны 1828 года, я не могу не видѣть, сколько потребны всѣ необыкновенныя усилія, и надѣюсь, что къ половинѣ іюня съ мѣсячною и болѣе пропорціею провіанта войска будутъ за Араксомъ.

По занятіи Тавриза, ваше высокопревосходительство почитаете нужнымъ не оставить оный, и сіе легко исполнить.

Не перемѣняя операціонной линіи и не оставляя Адербейджана, изволите полагать продолжать дѣйствія отъ Тавриза. На сіе объясню, что по причинѣ совершеннаго недостатка подножнаго корма и воды, на пути отъ рѣки Кизиль-Озена до Зенгана представятся величайшія затрудненія, но всѣ употреблены будутъ усилія, дабы преодолѣть оныя.

Въ заключеніе остается мнѣ увѣрять ваше высокопревосходительство, что я весьма разумѣю выгоды скораго окончанія войны, и что на то всѣ обращены будутъ средства, которыя, знаю, что представиться мнѣ могутъ. Генералъ-отъ-артиллеріи Ермоловъ.

XXVII.

Дибичъ — графу Толстому.

Милостивый государь, графъ Петръ Александровичъ. Съ посланнымъ вчерашняго числа фельдъегеремъ отправилъ я къ государю императору подробное донесеніе о томъ, что здѣсь происходило и мною сдѣлано послѣ рапорта моего отъ 5-го числа сего мѣсяца. Со вчерашняго же дня по нынѣшній ничего заслуживающаго большого вниманія не случилось, почему и не почитаю нужнымъ утруждать его императорское величество особымъ о семъ донесеніемъ. Погода нѣсколько перемѣнилась, свѣжій вѣтеръ и небольшіе, весьма продолжительные холодные дожди замѣнили теплое и сухое время, предъ симъ

продолжавшееся; трава начинаетъ показываться, однако не подаетъ надежды къ появленію подножнаго корма прежде означеннаго мною въ предъидущемъ донесеніи срока, т.-е. не ранѣе половины апрѣля; совсѣмъ тѣмъ можно полагать навѣрное, что къ тому времени оный уже будетъ въ такомъ количествѣ, что дозволитъ приступить къ предположеннымъ начальнымъ дѣйствіямъ. Изъ Персіи никакія свѣдѣнія здѣсь не получены; извѣстія же о хищническихъ набѣгахъ непріятеля незначительными партіями на Нижнемъ-Араксѣ, продолжаются. Для прекращенія сихъ покушеній его соберется къ 5-му числу апрѣля отрядъ въ Карабагѣ, куда, для командованія онымъ, отправится на сихъ дняхъ генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ. По гражданской части тоже ничего особеннаго, уваженія достойнаго, до меня вновь не доходило.

Прося покорнѣйше ваше сіятельство довести о всемъ вышесказанномъ до высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія, съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Иванъ Дибичъ.

Марта 12 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXVIII.

Дибичъ—императору Николаю.

Всемилостивѣйшій государь. Вчерашняго числа имѣлъ я счастіе получить высочайшій рескриптъ отъ 27-го февраля. Пріимите, всемилостивѣйшій государь, искреннѣйшую благодарность мою за содержаніе онаго и за милостивое вниманіе къ представленію о генералѣ Эмануэлѣ; я увѣренъ, что монаршее благоволеніе усугубитъ еще усердіе его.

Сердечно желаю, чтобы ваше императорское величество изъ моихъ донесеній отсюда изволили усмотрѣть точное положеніе здѣшнихъ дѣлъ; я до сего времени не нахожу ничего таковаго, что-бы могло перемѣнить мнѣніе мое, которое старался основывать на безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ. Какое бы ни было рѣшеніе вашего императорскаго величества, но ласкаю себя надеждою, что прибытіе мое сюда могло быть полезно для хода будущей кампаніи, и что по крайней мѣрѣ имѣло ту существенную пользу, что явныя осужденія того или другого начальника, которые начали-было себѣ позволять, сдѣлались гораздо скромнѣе и я почту долгомъ употребить все стараніе предупредить впредь подобное. Хотя я надѣюсь, что движеніе къ Тавризу исполнится еще лѣтомъ, но весьма и съ моей стороны согласенъ, что предполагаемое вашимъ величествомъ занятіе, укрѣпленіе и удержаніе Зинзигиса можетъ имѣть важнѣй-

шую пользу. Ваше величество изволили видѣть изъ предположеній генерала Ермолова подобное его предположеніе, и я оное равно какъ движеніе со стороны Ардебиля, дабы приближаться къ Каспійскому морю, нахожу весьма заслуживающимъ вниманія, не могу только согласиться на большой интервалъ въ дѣйствіяхъ. Если персіяне послѣ взятія Тавриза не заключатъ миръ, то занятіе и укрѣпленіе Зинзигиса можетъ дѣлаться тѣмъ еще выгоднѣе, когда, вмѣстѣ съ онымъ, съ вѣроятіемъ можно считать на покореніе, хотя временное, Гилянскаго ханства; но даже и безъ сей надежды можно будетъ употребить на сіе съ пользою часть бригады генералъ-майора Граббе, когда у головы нашихъ главныхъ силъ совершенно обезпечится Ширванъ и Дагестанъ. Отвѣтъ графа Аракчеева удивилъ меня, ибо я полагалъ, что онъ принесетъ по крайней мѣрѣ чистосердечное признаніе вашему величеству, если самолюбіе ему не позволитъ быть откровеннымъ со мною.

Генералъ Паскевичъ и флигель-адъютантъ Адлербергъ приносятъ вашему величеству глубочайшую благодарность за милостивое вспоминаніе.

Въ послѣднемъ нашелъ я истиннаго помощника, совершенно мнѣ по сердцу и радуюсь, что сей случай насъ короче познакомитъ.

Съ вѣрноподданнѣйшею преданностію имѣю и проч. Иванъ Дибичъ.

Марта 16 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXIX.

Дибичъ—императору Николаю.

Послѣ послѣдняго донесенія моего вашему императорскому величеству здѣсь важнаго ничего не происходило. Продолжавшееся холодное время и бывшіе даже легкіе морозы покрыли вновь горы Безобдала и Башабарана снѣгомъ; о подножномъ кормѣ никакого нѣтъ еще признака. Въ Ширванѣ таковой достаточно уже показывается и въ послѣднихъ донесеніяхъ изъ Карабага упоминается также, что и тамъ начинаетъ являться трава.

Посему уже и дано повелѣніе войскамъ, составляющимъ отрядъ генералъ-лейтенанта князя Мадатова, собраться къ 5-му числу апрѣля къ Ахуглану; самъ князь Мадатовъ отправился вчерашняго числа въ Карабагъ.

Равномѣрно надѣемся, что возможно будетъ собрать главный авангардъ подъ командою генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа къ началу апрѣля въ Джелалъ-Оглу (Лоры), дабы быстрымъ, по возможности, нечаяннымъ наступленіемъ спасти армянскія селенія около Эри-

вани и Эчміадзина отъ разоренія; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ онъ стараться достать провіантъ карсскаго паши. Вообще надѣюсь, что въ провіантѣ недостатка не будетъ, но въ фуражѣ одна надежда на подножный кормъ.

Вслѣдствіе сего считаю, что собравъ теперь главныя силы прежде половины апрѣля мѣсяца къ Шулаверамъ, гдѣ я полагаю сдѣлать имъ смотръ, можно будетъ прибыть къ Эривани въ концѣ апрѣля мѣсяца и къ Нахичевани въ половинѣ мая.

Если тогда князь Мадатовъ при соединеніи съ авангардомъ обезпечитъ доставку провіанта изъ Ахуглана и Гируси въ такомъ количествѣ, чтобы вмѣстѣ съ привезеннымъ отъ Эривани, и найденнымъ въ землѣ, имѣть мѣсячное продовольствіе, то, по мнѣнію моему, ничто не помѣшаетъ наступать къ Тавризу, ибо транспортъ изъ-подъ Эривани будетъ продолжаться, равномѣрно какъ и доставка запасовъ въ Нахичевань, и сверхъ того можно будетъ надѣяться на таковую же доставку изъ Ахуглана, когда привезется хлѣбъ изъ Баку.

Изъ полученныхъ отъ генералъ-майора Граббе донесеній видно, что открывается надежда доставить часть хлѣба и фуража вверхъ по Курѣ—отъ Сальяна до Сардобъ; это самое можетъ имѣть выгодное вліяніе на успѣшное продовольствіе войскъ.

Большіе снѣга въ кавказскихъ горахъ замедлили также прибытіе генералъ-интенданта Жуковскаго, но я теперь ожидаю его ежечасно и надѣюсь, что присутствіе его также принесетъ ощутительную пользу.

Генералъ Ермоловъ не далъ мнѣ еще до сего времени никакого объясненія на записки мои по гражданской части, но я понынѣ не могу перемѣнить прежняго мнѣнія, что упущенія есть довольно значительныя, но что доносы о злодѣйствахъ и преступленіяхъ, основанныя только на слухахъ, ничѣмъ не доказанныя, и весьма часто даже по совершенному недостатку причинъ къ злодѣйскому поступку невѣроятныя, никакой вѣры не заслуживаютъ.

Начальникъ корпуснаго штаба генералъ-майоръ Вельяминовъ вступилъ въ исправленіе должности. Онъ человѣкъ съ познаніями и здравыми военными мыслями, но кажется, по весьма холодному характеру и систематическому образу сужденій, болѣе склоненъ къ вѣрнымъ, нежели къ блистательнымъ дѣйствіямъ. Сіе качество было бы полезнѣйшимъ при главномъ начальникѣ весьма предпріимчивомъ; въ нынѣшнемъ же положеніи дѣлъ оно можетъ быть менѣе выгодно. Взведенный на него поступокъ, причинившій будто смерть казачьяго офицера, здѣсь ничѣмъ не подтверждается; я о семъ снесусь съ атаманомъ донскимъ, ибо полагаю, что въ случаѣ выдумки должно подвергнуть выдумщиковъ строжайшему взысканію, особливо въ краю,

гдѣ, по несчастію, нахожу величайшую склонность къ выдумкамъ, укоризнамъ и клеветамъ самымъ злодѣйскимъ.

Флигель-адъютантъ баронъ Фредериксъ возвратился изъ Баку и представилъ слѣдственное дѣло; по разсмотрѣніи онаго, я буду имѣть счастіе представить объ ономъ вашему императорскому величеству.

Насчетъ здѣшнихъ дѣлъ все имъ мнѣ сказанное подтверждаетъ совершенно прежнее мое мнѣніе. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Марта 16 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXX.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилостивѣйшій государь! Холодная погода и выпавшій во всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ снѣгъ отняли, по несчастію, вновь надежду на скорое появленіе подножнаго корма.

Не менѣе того будемъ стараться не отлагать наступленіе авангарда генералъ-адъютанта Бенкендорфа долѣе первыхъ чиселъ апрѣля, и по возможности начать главное движеніе войскъ по прежнему предположенію.

Извѣстія изъ Персіи весьма различны, но самое время года не позволяетъ еще непріятелю дѣлать какіе-либо значительные сборы войскъ.

Сборъ отряда генералъ-лейтенанта князя Мадатова обезпечитъ лѣвый флангъ со стороны Карабага, и полноводіе въ Курѣ и Араксѣ, по всей вѣроятности, помѣшаетъ всякому немного значительному движенію непріятеля ближе къ устьямъ сихъ рѣкъ, гдѣ, впрочемъ, генералъ-майоръ Граббе прикрываетъ Дагестанъ цѣлою бригадою. Не менѣе того я въ полной мѣрѣ чувствую необходимость дѣйствовать отсюда съ первою возможностью; но безъ подножнаго корма ни въ какое время года нельзя считать на необходимый подвозъ подвижныхъ магазиновъ; это самое, по моему мнѣнію, чрезвычайно затруднитъ здѣсь военныя дѣйствія, начиная отъ половины декабря до конца апрѣля; ибо горные хребты, пересѣкающіе дороги по разнымъ направленіямъ, покрыты снѣгомъ, тогда какъ въ долинѣ трава осенняя и весенняя въ изобиліи. Я сіе считаю даже затрудненіемъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ, нежели лѣтніе жары, которые можно хотя нѣсколько избѣжать малыми и ночными переходами, а недостатокъ въ кормѣ зимою, особливо для подвозовъ, ничѣмъ замѣнить невозможно.

Извѣстіе о прокламаціи Аббасъ-Мирзы къ народамъ Дагестана и

береговъ Сунжи не будетъ имѣть никакого дѣйствія, когда мы двинемся къ Араксу; впрочемъ содержаніе оныхъ подлежитъ еще большому сомнѣнію.

Съ нѣкотораго времени начинаютъ армяне изъ Эривана подсылать своихъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы мы не наступали на Эривань, но преимущественно заняли бы Нахичевань, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ персіяне будутъ ихъ угонять. Генералъ Ермоловъ и армянскій епископъ полагаютъ, что подобныя извѣстія даются принужденно по внушенію эриванскаго сардаря, который вмѣстѣ съ симъ старается симъ способомъ узнать навѣрно о намѣреніяхъ нашихъ; посему и даются армянамъ обѣщанія, изъ коихъ не можно узнать о точныхъ предположеніяхъ нашихъ.

Всѣ извѣстія о войскахъ, въ Эриванѣ и Сардарабадѣ находящихся, не показываютъ большихъ мѣръ къ сопротивленію, ибо оныхъ полагаютъ въ первомъ мѣстѣ до 3,000 человѣкъ самаго дурного состава, а въ другомъ только 500, кромѣ армянъ; но увѣряютъ, что собрано чрезвычайно много припасовъ. Движеніе генералъ-адъютанта Бенкендорфа дастъ намъ о семъ вѣрнѣйшее понятіе, ибо я здѣсь, по несчастію, привыкъ видѣть, что со всѣхъ сторонъ стараются представлять вещи, какъ всякому лучше разсудится.

Я узналъ, что здѣсь на нѣкоторыхъ офицерскихъ обѣдахъ были званы Оржицкій, Пущинъ и Коновницынъ [1]). Первый уже отправленъ въ полкъ, и мною дано насчетъ его полковнику Раевскому должное наставленіе. Послѣдніе два находятся, по просьбѣ подполковника Евреинова, въ 8-мъ піонерномъ баталіонѣ, гдѣ служба ихъ точно можетъ быть полезна; однако я г-ну подполковнику Евреинову со всею строгостію замѣтилъ, что сія польза нимало не должна выводить ихъ изъ состоянія, въ которомъ они единственно милостію вашего величества поставлены для того, чтобы кровью могли заслужить монаршее снисхожденіе. Я равномѣрно не счелъ приличнымъ назначить поручика Депрерадовича адъютантомъ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, ибо полагаю, что таковое назначеніе могло бы вести къ подобнымъ же представленіямъ.

Объ участвовавшихъ въ означенныхъ обѣдахъ, кои, впрочемъ по собраннымъ по сіе время свѣдѣніямъ, не имѣли ни малѣйшей непозволительной цѣли, я узнаю подробнѣе и донесу вашему императорскому величеству.

Въ разговорѣ съ генераломъ Ермоловымъ о семъ предметѣ и по

---

[1]) Всѣ трое замѣшанные въ дѣло 14-го декабря и сосланные на Кавказъ. **Ред.**

совершенному согласію на принятыя мѣры, коснулась рѣчь до разныхъ толковъ о подобныхъ предметахъ. Онъ, какъ я увѣренъ, съ полною откровенностью жаловался на несчастіе свое, что нѣкоторыя ошибки молодыхъ его лѣтъ, никогда противъ правительства, но противъ начальниковъ, кои ему казались несправедливыми, а болѣе всего, какъ онъ полагаетъ, врожденное ему снисходительное обращеніе, особливо съ молодыми людьми, въ коихъ онъ замѣчаетъ особенное дарованіе, вели къ оскорбительному заключенію, что онъ можетъ быть причастенъ подобнымъ мыслямъ; что ему кажется, что званіе и лѣта его должны бы защитить его отъ подозрѣній такого рода, и что насчетъ своего обхожденія съ подчиненными, если оно и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ упрекамъ, справедливымъ въ строгомъ смыслѣ службы, онъ считаетъ себѣ оправданіемъ то, что ни одинъ изъ его окружающихъ въ этомъ отдаленномъ краю, и даже ни одинъ изъ его корпуса не былъ замѣшанъ въ гнусныхъ замыслахъ, ибо Якубовичъ, бывъ уговоренъ Волконскимъ, въ то же время удалился изъ корпуса; а Кюхельбекера онъ же самъ, по весьма короткомъ здѣсь пребываніи, выслалъ, отрекомендовавъ его князю Волконскому, какъ вольнодумца и весьма порочнаго молодого человѣка. Я не осмѣливаюсь затруднять ваше императорское величество содержаніемъ всего нашего разговора, но долженъ сознаться, что въ ономъ (какъ и прежде и во все время моего здѣсь пребыванія) я могъ удостовѣриться болѣе, что обвиненіе генерала Ермолова въ семъ отношеніи есть совершенно неосновательное и имѣло причиною наиболѣе время служенія его въ гвардіи начальникомъ главнаго штаба въ продолженіе прошедшей войны, но вашему величеству извѣстно, что тогда много было подобныхъ виновныхъ.

По болѣзненному состоянію генералъ-майора Вельяминова, которое ему не позволяетъ съ полною дѣятельностью заниматься должностью своею, я совѣтывалъ генералу Ермолову назначить ему въ помощники полковника Муравьева, командира 7-го карабинернаго полка, служившаго прежде въ свитѣ по квартирмейстерской части и отличавшагося усердною службою, скромностію и познаніями. Если выборъ сей, какъ до сего времени мнѣ кажется, оправдается, то я представлю о семъ на высочайшее утвержденіе, ибо здоровье генералъ-майора Вельяминова слабо, но лишиться его вовсе было бы жаль, такъ какъ онъ человѣкъ съ отличными познаніями и имѣетъ весьма хорошую репутацію насчетъ хладнокровія и распорядительности въ сраженіи.

При семъ имѣю счастіе приложить для свѣдѣнія вашего величества извѣстія о Персіи, доставленныя квартимейстерской части штабсъ-

капитаномъ Скалономъ, который былъ посланъ въ Джелалъ-Оглу для осмотра дорогъ. Съ вѣрноподданническою преданностью имѣю счастіе пребыть всемилостивѣйшій государь вашего императорскаго величества и проч. Иванъ Дибичъ.

Марта 19 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXXI.

Дибичъ—императору Николаю.

Погода сдѣлалась нѣсколько дней сряду теплѣе и трава показывается; но дождей нѣтъ и сіе даетъ опасеніе насчетъ недостатка въ травяномъ продовольствіи. Впрочемъ нѣсколько теплыхъ дней поправятъ все.

Авангардъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, назначенный для предварительнаго занятія Эчміадзина, монастыря и окружностей Эривани, дабы тѣмъ по возможности спасти армянскія селенія отъ угона жителей, соберется къ 30 марта въ Шулаверы и можетъ прибыть къ Эривани около 10-го апрѣля. Горы Безобдалъ и Башабаранъ еще покрыты снѣгомъ, и посему отрядъ сей составится болѣе изъ пѣхоты, а именно: изъ двухъ баталіоновъ грузинскаго гренадерскаго полка, изъ одного баталіона 7-го карабинернаго (другой дѣйствующій баталіонъ только завтра возвращается изъ Карабага, и ему необходимъ хотя короткій отдыхъ), изъ двухъ баталіоновъ ширванскаго полка, изъ одного баталіона тифлисскаго полка (другой баталіонъ въ резервѣ сему же отряду въ крѣпости Джелалъ-Оглу); изъ 12-ти орудій гренадерской артиллерійской бригады легкой роты № 3-го, и изъ двухъ полковъ казачьихъ: Карпова и Андреева. Резервная кавалерія не назначается, ибо по недостатку въ сухомъ фуражѣ и невозможности подвоза чрезъ снѣжныя горы, она бы скоро могла придти въ изнуреніе.

Я осмотрю сіи войска (исключая тифлисскаго баталіона и артиллеріи, кои находятся уже въ Джелалъ-Оглу) при Шулаверахъ, или 30-го марта при вступленіи, или 1-го апрѣля при выступленіи. Равномѣрно завтра осмотрю возвращающійся изъ Карабага баталіонъ 7-го карабинернаго полка.

21-го сего мѣсяца смотрѣлъ я разводное ученье херсонскаго гренадерскаго полка. По малому знанію своего дѣла офицеровъ и линейныхъ унтеръ-офицеровъ во всѣхъ почти построеніяхъ, приказалъ я чаще учить въ кадрахъ, но нижнихъ чиновъ велѣлъ освободить, ибо они для войскъ, возвратившихся изъ кампаніи и никогда почти небывшихъ въ сборѣ, исполняютъ дѣло свое изрядно и видно большое усердіе.

Насчетъ обѣда, о которомъ я доносилъ вашему императорскому величеству и на которомъ находились изъ разжалованныхъ, по происшествію 14-го декабря, одинъ только Оржицкій и выписанный изъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Шереметевъ, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ на ономъ совершенно ничего дурного не происходило. Кромѣ ихъ были на семъ обѣдѣ: лейбъ-гвардіи московскаго полка офицеры: Веригинъ и Бутурлинъ, корнетъ князь Суворовъ, адъютантъ генерала Паскевича Фелькерзамъ, адъютантъ генерала Давыдова Ломоносовъ и числящійся по арміи полковникъ Брунъ. Обѣдъ сей былъ въ трактирѣ, и Оржицкій въ особенности никѣмъ званъ не былъ. Я приказалъ всѣмъ онымъ офицерамъ замѣтить неприличіе обѣдать съ разжалованнымъ рядовымъ, но еще болѣе адъютанту моему Бухгольцу, который хотя и не былъ на семъ обѣдѣ, но имѣлъ непростительное легкомысліе принять Оржицкаго въ свою квартиру. Затѣмъ Оржицкій, не подавшій однако никакого повода къ попреканію начальства, отправленъ, какъ я уже предъ симъ доносилъ, въ свой полкъ, и полковнику Раевскому дано мною наставленіе вообще объ образѣ обхожденія со всѣми подобными, коихъ во ввѣренномъ ему полку достаточное число.

Впрочемъ, я долженъ во всѣхъ отношеніяхъ хвалить приличное поведеніе всѣхъ гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, гдѣ только случалось мнѣ ихъ видѣть. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Тифлисъ.
Марта 23 дня 1827 года.

XXXII.

Большой некомплектъ арміи и внутренней стражи требуетъ непремѣнно съ наступленіемъ будущаго года рекрутскаго набора, не менѣе какъ по два человѣка съ 500 душъ, а если вашему императорскому величеству угодно будетъ имѣть корпуса, дѣйствующіе въ полномъ комплектѣ, то можетъ быть потребуется даже и по три человѣка съ 500 душъ.

Кавказскій отдѣльный корпусъ, состоя нынѣ изъ трехъ дивизій пѣхоты, гренадерской бригады и пяти кавалерійскихъ полковъ, и имѣя, особенно въ 20-й дивизіи, уже нынѣ значительный некомплектъ, вѣроятно еще потеряетъ значительное число людей не столько въ сраженіяхъ, какъ отъ болѣзней знойнаго времени въ климатѣ, особенно нездоровомъ и гдѣ во время военныхъ дѣйствій невозможно будетъ пользоваться всѣми средствами, въ обыкновенное время употребляемыми.

Если сей некомплектъ пополнить новымъ рекрутскимъ наборомъ, и сей наборъ сдѣлается по обыкновенному, 1-го января, то рекруты

ни въ какомъ случаѣ не могутъ прибыть на линію прежде апрѣля 1828 года, на линіи должны быть немного обучены въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, и потомъ могутъ придти къ своимъ полкамъ не прежде августа или сентября того же 1828 года, и послѣ маршей въ самое знойное время; между тѣмъ какъ въ осеннюю кампанію баталіоны 20-й дивизіи едва-ли будутъ въ состояніи выводить по 400 человѣкъ, а къ веснѣ, конечно, и сіе число уменьшится одною третью.

Столь слабое состояніе войскъ при вящшемъ удаленіи отъ границъ нашихъ (если бы послѣ взятія Тавриза персіяне не заключили миръ), совершенно бы лишило возможности сдѣлать быструю зимнюю кампанію, отъ которой между тѣмъ зависитъ окончаніе или неокончаніе войны.

Сіе укомплектованіе войскъ нужно даже и въ томъ случаѣ, если бы заключенъ былъ миръ, для исполненія воли вашего императорскаго величества, дабы рѣшительнымъ и систематическимъ дѣйствіемъ противъ горскихъ народовъ восточной части кавказскихъ горъ совершенно покорить сію часть.

Сіи причины, по мнѣнію моему, поставляютъ въ необходимость, чтобы укомплектованіе, нужное для кавказскаго корпуса, прибыло еще во время осени. Для исполненія сего я вижу только два способа:

Первой. Сдѣлать наборъ еще лѣтомъ, и безъ промедленія въ тѣхъ губерніяхъ, кои назначаются для кавказскаго корпуса, именно же я полагалъ бы въ Астраханской губерніи, Кавказской области, въ Землѣ Войска Донскаго, въ губерніяхъ Таврической, Екатеринославской, Воронежской, Саратовской, Тамбовской и Пензенской, которыя, если взять по два рекрута съ 500 душъ, дадутъ 10-ть тысячъ человѣкъ, а если по три съ 500, то дадутъ 15-ть тысячъ человѣкъ. Набранныхъ рекрутъ отправить обыкновенными партіями въ резервные баталіоны 20-й и 22-й пѣхотныхъ дивизій, гдѣ необходимо нѣсколько ихъ обучить; потомъ отправить часть чрезъ Грузію, а часть чрезъ Дагестанъ къ дѣйствующимъ войскамъ. Но таковая мѣра снабдитъ корпусъ сей не только малообученными рекрутами, но такими людьми (какъ сіе доказано долговременными опытами), кои, по непривычкѣ въ военнымъ трудамъ, къ носкѣ аммуниціи и проч., подвергаются болѣзнямъ и смертности втрое болѣе, чѣмъ старые солдаты. Сверхъ того мѣра стараго набора въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ была бы новая, никогда еще въ употребленіи небывалая.

Итакъ, мнѣ кажется остается другой, вѣрнѣйшій и надежнѣйшій способъ, въ особенности когда не предвидится война противъ турокъ до будущей весны, а именно: войска, въ Персіи дѣйствующія, т.-е.

дѣйствующіе баталіоны 20-й и 21-й пѣхотныхъ дивизій, три полка 22-й дивизіи и три гренадерской бригады укомплектовать еще осенью старыми солдатами, такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ баталіонѣ было 1,000 человѣкъ (уланы могутъ укомплектоваться изъ своихъ резервовъ, драгуны и артиллерія изъ пѣхоты). На сіе полагалъ бы я достаточнымъ въ кругломъ счетѣ опредѣлить по 500 человѣкъ въ каждый полкъ, ибо хотя въ полки 20-й дивизіи потребуется до 1,000, но за то нѣкоторые баталіоны 21-й и 22-й дивизій будутъ почти въ 1,000-мъ комплектѣ, ибо имѣютъ нынѣ по 1,100 и по 1,200; слѣдовательно достаточно будетъ 9,000 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Еслибы на сіе опредѣлить по двѣ комплектныя среднія роты полковъ 3-го пѣхотнаго корпуса, или изъ 7-й, 8-й и 19-й пѣхотныхъ дивизій, какъ ближайшихъ къ Грузіи, то собравъ таковыя къ началу іюля, въ окружности Екатеринослава и Харькова, они могли бы въ первыхъ числахъ августа выступить оттуда и въ продолженіе хотя поздней осени прибыть къ дѣйствующимъ войскамъ, которыя тогда укомплектовались бы людьми старыми, привыкшими къ службѣ и трудамъ.

Въ полкахъ 1-й и 2-й арміи должны бы они замѣниться рекрутами набора 1-го января, кои если поступятъ изъ первыхъ набранныхъ въ новороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, въ хорошо обученные кадры ротные, сформированные изъ одной трети всѣхъ мушкетерскихъ и егерскихъ ротъ, будутъ къ веснѣ непремѣнно готовы ко всякому движенію.

Если сія мѣра удостоится высочайшаго утвержденія, то будетъ она тѣмъ полезнѣе, чѣмъ скорѣе приведется въ исполненіе.

Резервные же баталіоны здѣшнихъ войскъ и три полка 22-й пѣхотной дивизіи могутъ быть укомплектованы рекрутами, ибо они зимою, по бездѣйствію горцевъ, не имѣютъ надобности въ большомъ комплектѣ. На сіе потребно будетъ примѣрно отъ 5-ти до 6-ти тысячъ рекрутъ. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Марта 26 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXXIII.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилостивѣйшій государь! Вчерашняго числа имѣлъ я счастіе получить, чрезъ посланнаго фельдъегеря Петрова, высочайшій рескриптъ отъ 12-го марта, въ коемъ ваше императорское величество повелѣть мнѣ соизволили: если обстоятельства, послѣ донесенія отъ 28-го февраля мною обнаруженныя, не перемѣнили положенія здѣш-

нихъ дѣлъ, то приступить немедленно и не ожидая другого приказанія къ исполненію высочайшей воли, удаливъ генерала Ермолова отъ командованія отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и сопряженнаго съ онымъ главнаго начальства надъ краемъ, находящимся на военномъ положеніи, и назначивъ на мѣсто его генералъ-адъютанта Паскевича. Не замѣтивъ со времени отправленія помянутаго донесенія моего ничего такого, что могло бы мнѣ дать мнѣніе противное тому, которое я имѣлъ счастіе тогда представить вашему величеству, и не находя, чтобы въ послѣдовавшихъ рапортахъ моихъ были изложены какія-либо обстоятельства или мысли, могущія побудить ваше величество къ отмѣненію высочайшаго рѣшенія вашего, я почелъ долгомъ выполнить оное безъ задержанія. Посему объявилъ я вчерашняго же числа генералу Ермолову словесно, а сегодня въ отношеніи, съ коего списокъ приложенъ ко всеподданнѣйшему рапорту, при семъ представляемому [1]), что ваше величество всемилостивѣйше соизволяете на увольненіе его въ Россію, и что генералъ-адъютантъ Паскевичъ назначается на его мѣсто.

Онъ принялъ высочайшее рѣшеніе вашего величества съ величайшею покорностію и безъ малѣйшаго ропота или изъявленія неудовольствія.

При семъ считаю обязанностію повторить увѣренность мою, уже прежде изъявленную, что по всему, что я узнать и видѣть могъ, нельзя винить генерала Ермолова въ вредныхъ замыслахъ или умышленныхъ, противузаконныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ; но я сохраняю убѣжденіе мое, что извѣстныя вашему величеству значительныя ошибки и упущенія его произошли отъ нерѣшимости, недостатка предпріимчивости и принятаго имъ особеннаго образа управленія дѣлами, каковыя качества конечно не могутъ обнадеживать въ блистательныхъ и быстрыхъ, ниже въ вѣрныхъ успѣхахъ въ войнѣ.

Генералъ-адъютантъ Паскевичъ вступилъ въ управленіе сего же числа. Онъ изъявляетъ искреннюю глубочайшую благодарность за всемилостивѣйшую довѣренность, ему оказанную, и ревностное желаніе сдѣлаться оной достойнымъ усерднымъ стремленіемъ къ достиженію предназначенной вашимъ величествомъ цѣли скорѣйшаго и выгоднѣйшаго окончанія войны.

Съ согласія генералъ-адъютанта Паскевича, съ которымъ я имѣлъ только краткое еще сужденіе, я призналъ полезнымъ:

1) Препоручить временно исправленіе должности начальника корпуснаго штаба генералъ-лейтенанту Красовскому, котораго и вы-

---

[1]) Копій съ этого списка мы не имѣемъ. Ред.

требовать сюда немедленно изъ Аліабата, куда онъ на сихъ дняхъ обратно поѣхалъ; полковника же Муравьева оставить при немъ помощникомъ, а когда сей послѣдній современемъ болѣе пріобыкнетъ къ дѣламъ, сему званію присвоеннымъ, тогда можно будетъ, назначивъ его настоящимъ начальникомъ штаба, возвратить генералъ-лейтенанту Красовскому командованіе дивизіи; однако сіе полагаю возможнымъ сдѣлать только послѣ войны, или по крайней мѣрѣ не прежде окончанія хотя весенней кампаніи.

2) Командованіе 20-й дивизіи, на время откомандированія генералъ-лейтенанта Красовскаго, оставить старшему по немъ генералъ-майору Панкратьеву.

3) Управленіе гражданскою частью сохранить генералъ-лейтенанту Вельяминову на прежнемъ основаніи до прибытія генералъ-адъютанта Сипягина, о назначеніи коего я здѣсь не объявлю до воспослѣдованія высочайшаго о томъ указа; по вступленіи же сего послѣдняго въ должность генералъ-губернатора, я полагаю, что генералъ-лейтенанта Вельяминова надобно будетъ уволить въ Россію, точно также какъ генерала Ермолова, и съ полнымъ сохраненіемъ содержанія, ибо ничѣмъ еще не доказано, чтобы доносы и жалобы, его обвиняющіе, были основательны.

Сіи распоряженія безъ отлагательства приведутся въ исполненіе.

Сверхъ того полагаю: поручить начальство надъ 21-й дивизіей генералъ-лейтенанту князю Эристову, ибо генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ теперь уже долженъ будетъ оставаться здѣсь для управленія гражданскою частью; а генералъ-майора Вельяминова, теперешнаго начальника штаба, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ сію должность сохранить не можетъ, назначить командиромъ резервной гренадерской бригады.

Вмѣсто генералъ-лейтенанта князя Мадатова, въ коемъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ довѣренности не имѣетъ, онъ полагаетъ возможнымъ ввѣрить отрядъ лѣваго фланга войска донскаго генералъ-майору Иловайскому; однако онъ на сіе не совершенно еще рѣшился.

Управленіе же Карабагомъ онъ желаетъ поручить командиру 44-го егерскаго полка полковнику князю Абхазову, отличному офицеру, который, бывъ адъютантомъ у генерала-отъ-инфантеріи Котляревскаго, и будучи уроженецъ грузинской, столько же знакомъ съ образомъ управленія тѣмъ краемъ, сколько знаетъ нравы, обычаи и языкъ жителей онаго.

О сихъ послѣднихъ перемѣнахъ въ назначеніи частныхъ начальниковъ, которыя еще въ исполненіе не приводятся, я доношу вашему императорскому величеству только предварительно; рѣшитель-

ное же о нихъ представленіе я сдѣлаю не прежде какъ въ то время, когда генералъ-адъютантъ Паскевичъ (коего вниманіе на первыхъ дняхъ развлечено обращеніемъ вдругъ на столь различные предметы), вникнувъ болѣе въ положеніе дѣлъ, обдумаетъ и возьметъ болѣе твердое основательное намѣреніе, и когда я оное найду сходнымъ съ моими убѣжденіями о пользѣ, которую отъ того ожидать можно.

По совѣщаніи съ нимъ о всѣхъ предметахъ, до новыхъ его обязанностей относящихся, и по достаточномъ удостовѣреніи о ходѣ, который дѣла примутъ, я буду имѣть счастіе донести вашему величеству о времени, когда мнѣ можно будетъ предпринять обратный путь. Съ вѣрноподданническою преданностію имѣю и проч. Иванъ Дибичъ.

Тифлисъ.
Марта 29 дня, 1827 года.

XXXIV.

Всемилостивѣйшій государь! Изъ записки, приложенной къ послѣднему письму моему, ваше императорское величество усмотрѣть изволили, что дорога отъ Шулаверъ въ Джелалъ-Оглу и далѣе сдѣлалась чрезвычайно затруднительною отъ продолжительно-выпавшихъ снѣговъ. Извѣстія о таковомъ дурномъ состояніи сей дороги, подтверждаясь ежедневно, заставили нѣкоторымъ образомъ опасаться, что авангардъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа не будетъ въ возможности начать движеніе въ предназначенное время; однако, несмотря на сіе опасеніе, войска, составляющія оной отрядъ, собрались 30-го числа марта въ Шулаверахъ, куда и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отправился того же дня. Вчерашняго числа онъ донесъ, что хотя переходъ чрезъ Азабіюкъ дѣйствительно представляетъ затрудненіе, онъ однако, взявъ всевозможныя мѣры къ преодолѣнію онаго, не сомнѣвается въ успѣхѣ, и не останавливаясь, двинется впередъ по прежнему предположенію. Вслѣдствіе сего можно ожидать, что авангардъ выступитъ изъ Джелалъ-Оглу 5-го числа текущаго мѣсяца.

Предположенную мною поѣздку въ Шулаверы для осмотра авангарда я былъ вынужденъ отложить до прибытія онаго въ Джелалъ-Оглу по причинѣ, что нѣкоторые баталіоны, бывъ командированы впередъ для поправленія и расчищенія дорогъ, я не могъ бы видѣть тамъ весь отрядъ въ сборѣ. Завтра я отправлюсь въ Джелалъ-Оглу, гдѣ послѣ сказаннаго смотра, проводивъ войска чрезъ Безобдалъ, я буду въ состояніи судить о затрудненіяхъ, которыя переходъ черезъ гору сію представитъ нашимъ главнымъ силамъ, и личнымъ обозрѣніемъ удостовѣрюсь въ средствахъ продовольствія для подвижныхъ магазиновъ. Не скрою отъ вашего величества, что статья сія столь

важная для войны, особенно въ здѣшнемъ краѣ, не совершенную еще даетъ увѣренность въ ея благонадежности. Поздняя противъ обыкновенія весна и безпрерывно въ послѣднее время выпадавшіе на высокихъ мѣстахъ снѣга остановили появленіе подножнаго корма, и трава какъ около Тифлиса, такъ и въ Лорійской степи чрезвычайно скудна. Ваше величество сами разсудить изволите, сколько сіе можетъ имѣть вліянія на военныя дѣйствія, ибо подвозъ подвижныхъ магазиновъ, будучи учрежденъ на волахъ, можетъ производиться съ успѣшностью только тогда, когда на пути будетъ достаточное травяное продовольствіе. Совсѣмъ тѣмъ я не теряю еще надежды, чтобы движеніе главныхъ силъ не могло быть начато по предначертанію. Въ Карабагѣ трава уже показывается въ довольномъ количествѣ.

Генералъ-лейтенантъ Красовскій, вытребованный изъ Аліябата, прибылъ сюда третьяго дня и назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ весьма имъ доволенъ и желаетъ, чтобы онъ былъ утвержденъ въ семъ званіи. Зная способности генералъ-лейтенанта Красовскаго, я совершенно одобряю желаніе генерала Паскевича, и потому осмѣливаюсь просить ваше величество о высочайшемъ утвержденіи его настоящимъ начальникомъ штаба здѣшняго корпуса, причемъ однако полковникъ Муравьевъ долженъ остаться его помощникомъ.

По предположенію, представленному въ послѣднемъ письмѣ моемъ, надлежало, за откомандированіемъ генералъ-лейтенанта Красовскаго, командовать 20-ю дивизіею генералъ-майору Панкратьеву, но какъ онъ со ввѣренною ему бригадою находится въ отрядѣ лѣваго фланга, то остающіяся при главныхъ силахъ двѣ бригады поручаются генералъ-лейтенанту князю Эристову до прибытія главныхъ силъ къ Нахичевани, откуда уже генералъ-майоръ Панкратьевъ, присоединивъ къ оными свою бригаду, отправится подъ Эривань и приметъ начальство надъ дивизіею, а князь Эристовъ по прежнему вступитъ въ командованіе резервною бригадою.

Генералъ-лейтенантъ Иловайскій, отказавшись самъ отъ предводительства отряда лѣваго фланга, сохраняетъ команду надъ одними казаками; на мѣсто же генералъ-лейтенанта князя Мадатова генералъ-адъютантъ Паскевичъ рѣшительно положилъ назначить первоначально генералъ-маіора Панкратьева, придавъ ему въ начальники штаба полковника князя Абхазова, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и правителемъ Карабага. Генералъ Паскевичъ полную имѣетъ довѣренность въ способностяхъ сего офицера по обоимъ симъ отношеніямъ и надѣется, что съ помощію его генералъ-майоръ Панкратьевъ успѣшно выполнитъ предстоящія ему обязанности. По отдѣленіи сего

послѣдняго къ Нахичевани, генералъ Паскевичъ полагаетъ уже оставить князя Абхазова командиромъ лѣваго фланга.

Разсуждая съ генераломъ Паскевичемъ о будущей осадѣ Эривани и о необходимости имѣть для веденія оной опытнаго по сей части офицера, я предложилъ ему генералъ-адъютанта графа Мишо, и онъ на назначеніе его изъявилъ совершенное согласіе. Я считаю выборъ сей полезнымъ столько же потому, что графъ Мишо, съ познаніями искуснаго инженера и свѣдѣніями по военной части, соединяетъ большую опытность въ образѣ осадъ восточныхъ укрѣпленій, сколько по дружеской связи, существующей между имъ и генераломъ Паскевичемъ. Не благоугодно ли будетъ вашему величеству, если здоровье графа Мишо того позволяетъ, приказать ему отправиться сюда безъ замедленія.

Сардарь эриванской, обладаетъ большими сокровищами и богатствомъ, и потому нельзя надѣяться склонить его посредствомъ денегъ къ сдачѣ крѣпости; но можетъ быть онъ польстится на обѣщаніе оставить его и подъ правительствомъ россійскимъ въ званіи сардаря, съ сохраненіемъ всѣхъ, или большей части его доходовъ. Въ подобномъ оставленіи его правителемъ Эривани (разумѣется безъ всякой военной власти), я съ моей стороны не вижу неудобства, ибо онъ старецъ 80-тилѣтній и не имѣетъ сыновей. Если ваше величество изволите полагать сіе удобоисполнительнымъ, то нужно будетъ немедля уполномочить генерала Паскевича на заключеніе съ сардаремъ таковаго договора, на случай, когда-бъ сей послѣдній вступилъ въ переговоры и согласился бы на такихъ условіяхъ уступить имъ ввѣренную ему крѣпость.

Генералъ Паскевичъ, долженствуя въ скоромъ времени отсюда удалиться для военныхъ дѣйствій, которыя дадутъ ему немаловначительное занятіе, имѣетъ непремѣнную надобность въ дѣятельномъ, твердомъ помощникѣ по гражданской части; генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, по предшедшимъ обстоятельствамъ, не пользуется полной довѣренностью генерала Паскевича. Посему, считая присутствіе генералъ-губернатора необходимымъ, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше величество сколь возможно ускорить назначеніе генералъ-адъютанта Сипягина, повелѣвъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ прибыть сюда безъ отлагательства.

Въ предъидущемъ донесеніи моемъ я предварилъ ваше величество, что по совѣщаніи съ генераломъ Паскевичемъ и по достаточномъ удостовѣреніи о ходѣ, который дѣла здѣсь примутъ, я донесу вашему величеству о времени моего обратнаго отсюда отправленія. Въ столь короткое время невозможно мнѣ было основать положительнаго мнѣ-

нія о ходѣ дѣлъ, и потому нахожу нужнымъ промедлить еще нѣсколько моимъ отъѣздомъ, коего время можетъ опредѣлиться одними только обстоятельствами. Если осмотръ авангарда и взглядъ на край, изъ котораго операціи начнутся, дадутъ мнѣ довольно твердую увѣренность въ направленіи кампаніи и въ положеніи всѣхъ частей устройства арміи, чтобъ представить о всемъ томъ вашему величеству точное донесеніе, то мнѣ можно будетъ отправиться тотчасъ послѣ предположеннаго въ Шулаверахъ, около 16-го апрѣля, осмотра главныхъ силъ; если же сего поверхностнаго обозрѣнія не будетъ достаточно для моего удостовѣренія въ тѣхъ предметахъ, тогда я полагаю остаться здѣсь и слѣдовать съ главными силами до Эривани. Генералъ Паскевичъ самъ изъявилъ мнѣ желаніе, чтобъ я пробылъ здѣсь еще нѣкоторое время, и ожидаетъ оттого пользы въ успѣшномъ ходѣ дѣйствій. Коль же скоро армія двинется къ Нахичевани, что, я полагаю, исполнится въ первыхъ числахъ мая, я немедленно и безъ малѣйшаго замедленія предприму обратный путь. Однако и въ первомъ случаѣ раннее мое отбытіе можетъ быть затруднено переходомъ чрезъ горы, который часто не прежде дѣлается удобнымъ и безопаснымъ, какъ въ половинѣ или въ концѣ мая. Если такое препятствіе отправленію моему помѣшаетъ, я равномѣрно буду слѣдовать съ войскомъ, но отнюдь не далѣе Эривани.

Со дня объявленія высочайшей воли вашего императорскаго величества объ увольненіи въ Россію генерала Ермолова, и назначеніи на мѣсто его генералъ-адъютанта Паскевича, ничего замѣчательнаго здѣсь не происходило и все сохранило прежнюю тишину и порядокъ. Большая часть дворянъ, и особенно армянское купечество, кажется сею перемѣною довольны; на войска же, сколько я замѣтить могъ, она не сдѣлала никакого ощутительнаго впечатлѣнія, и я увѣренъ, по всему мною видѣнному, что войска здѣшнія въ такомъ устройствѣ относительно вѣрноподданнической ихъ преданности престолу, что никакая подобная перемѣна не можетъ имѣть вліянія на ихъ покорство и усердіе къ службѣ вашего величества. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ доноситъ, что при объявленіи о перемѣнѣ главнаго начальства ввѣренный ему отрядъ не изъявилъ ни малѣйшаго признака неудовольствія, но показалъ только совершенную покорность и ревность къ исполненію воинскихъ обязанностей своихъ.

Я обязанъ отдать генералу Ермолову справедливость, что онъ, скромнымъ и тихимъ поведеніемъ своимъ въ теперешнемъ положеніи, совершенно выполняетъ обѣщаніе свое жить мирнымъ гражданиномъ, совершенно покоряющимся священной волѣ вашего величества. Я имѣлъ съ нимъ разговоръ о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и

въ сужденіяхъ и мнѣніяхъ своихъ онъ оказывалъ истинное желаніе успѣха и блага.

Прилагаемый у сего послѣдній приказъ, имъ по корпусу отданный [1]), по несходству его съ выраженіями, въ коихъ объявилъ я ему высочайшее вашего величества рѣшеніе, вынудилъ меня имѣть съ нимъ объясненіе. Замѣчаніе мое, что таковое несходство можетъ подать поводъ къ заключенію для него невыгодному, его оскорбило и онъ отвѣчалъ мнѣ, что нимало не думая поступить тѣмъ противъ воли царской, онъ желалъ только отвратить отъ мыслей войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, мнѣніе, что какая-либо непріятность могла его заставить просить удаленія отъ службы и отъ поприща, гдѣ имъ предстоятъ опасности и труды. Не могу рѣшительно завѣрить, чтобы такова была дѣйствительно мысль его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣю и права думать, соображая скромность его поведенія, чтобы онъ имѣлъ другіе виды въ семъ отклоненіи отъ смысла словъ, въ коихъ ему было объявлено его смѣщеніе, по мнѣнію моему, самымъ деликатнымъ образомъ.

При семъ имѣю счастіе представить два списка съ предписаній, данныхъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, насчетъ дѣйствій ввѣреннаго ему отряда.

Отъѣздъ мой въ Джелалъ-Оглу и пребываніе мое тамъ вѣроятно не дозволятъ мнѣ отправлять донесенія по будущей экстра-почтѣ.

Съ вѣрноподданническою преданностію имѣю и проч. Иванъ Дибичъ.

Апрѣля 2 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXXV.

Копія съ предписанія, даннаго отъ господина генерала-отъ-инфантеріи Ермолова господину генералъ-адъютанту Бенкендорфу, отъ 27-го марта 1827 года, № 87-й.

Поручая вашему превосходительству начальство надъ особымъ отрядомъ, состоящимъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 12-ти легкихъ орудій и 2-хъ полковъ казачьихъ, предлагаю вступить въ командованіе онымъ и дѣйствовать въ силу особеннаго секретнаго моего повелѣнія, которое вслѣдъ за симъ получите.

Въ составъ сего отряда входятъ слѣдующія войска:

Два баталіона грузинскаго гренадерскаго полка, коими командуетъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридериксъ.

---

[1]) Приказа этого въ нашихъ бумагахъ неоказалось. Ред.

Два баталіона ширванскаго пѣхотнаго полка, подъ командою полковника Ковалева.

Одинъ баталіонъ 7-го карабинернаго полка, подъ командою майора Хомутскаго.

Симъ войскамъ предписано прибыть 30-го марта къ деревнѣ Шулаверамъ, гдѣ расположатся по распоряженію вашего превосходительства лагеремъ, и имѣя 31 растахъ, продолжаютъ 1-го апрѣля движеніе къ Джелалъ-Оглу. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ соединяются они 3-го апрѣля съ однимъ баталіономъ тифлисскаго пѣхотнаго полка, подъ командою командира онаго, князя Севаршидзева, съ легкою ротою № 3 кавказской гренадерской артиллерійской бригады, подъ командою подполковника Аристова, и съ казачьими полками: полковника Карпова 2-го и подполковника Андреева 1-го.

Во время растаха 4-го апрѣля, войска должны пополнить изъ лорійскаго магазина десятидневный провіантъ непремѣнно; а 5-го апрѣля продолжаютъ движеніе по распоряженію вашего превосходительства, сходно съ секретнымъ моимъ наставленіемъ.

Для исправленія должности начальника штаба при ввѣренномъ вамъ отрядѣ назначается свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части полковникъ Гурко. О прочихъ офицерахъ квартирмейстерской части и другихъ, въ штабъ отряда вашего поступающихъ, сдѣлайте нужное сношеніе съ начальникомъ корпуснаго штаба.

Съ подлиннымъ вѣрно: Полковникъ Муравьевъ 1-й.

XXXVI.

Копія съ секретнаго предписанія, даннаго господиномъ генераломъ-отъ-инфантеріи Ермоловымъ господину генералъ-адъютанту Бенкендорфу, отъ 27-го марта 1827 года, № 88.

Продолжавшаяся до сего времени сухая погода и совершенный недостатокъ подножнаго корма принуждаютъ еще на нѣкоторое время отложить движеніе главныхъ силъ нашихъ къ сторонѣ Эривани. Сіе промедленіе могло бы служить непріятелю какъ къ усиленію гарнизоновъ и оборонительныхъ средствъ въ крѣпостяхъ Эривани и Сардарабада, такъ и къ уничтоженію остатковъ запасовъ въ окружностяхъ сихъ крѣпостей и даже къ самому угону жителей, дабы тѣмъ затруднять дѣйствія наши.

Дабы, сколько возможно, воспрещать сему, равно для предварительнаго пріуготовленія главнаго для насъ этапнаго пункта въ армянскомъ монастырѣ Эчміадзинѣ, предположено отправить туда предва-

рительно сильный отрядъ, составленный наиболѣе изъ пѣхоты, по причинѣ затрудненій, кои могутъ встрѣтиться при переходѣ черезъ горы Безобдалъ и Башабаранъ, и по совершенному недостатку въ травѣ.

Сей отрядъ ввѣряется начальству вашего превосходительства. Составъ онаго, время и мѣста сбора, извѣстны вамъ изъ предписанія моего, за № 87.

По извѣстнымъ усердію и благоразумію вашего превосходительства, я навѣрно ожидаю преодолѣнія затрудненій и достиженія вышеупомянутой главной цѣли всѣми тѣми мѣрами, которыми обстоятельства, самая природа, положеніе и дѣйствіе непріятеля могутъ сдѣлать нужными. Для руководства же вашего предлагаю слѣдующее:

1) Грузинскому гренадерскому и ширванскому пѣхотному полкамъ въ Шулаверахъ пополнить издержанный ими въ пути провіантъ, и потомъ по сборѣ въ Джелалъ-Оглу, пополнивъ на растахѣ 10-ти-дневный запасъ провіанта и взявъ сухаго фуража, сколько имѣющіеся у васъ способы позволятъ, перейдя Безобдалъ, и по направленію прямой дороги отъ Амамли чрезъ Башабаранъ къ Эривани, наступать быстро къ Эчміадзину и овладѣть онымъ.

2) По занятіи Эчміадзина, мѣстныя обстоятельства, коихъ здѣсь предвидѣть нельзя, должны рѣшить направленіе ваше на Эривань, или на Сардарабадъ, оставляя въ Эчміадзинѣ достаточный гарнизонъ, примѣрно одинъ баталіонъ пѣхоты и 4 орудія.

3) Если по свѣдѣніямъ, которыя получите въ Эчміадзинѣ, должно опасаться угону жителей изъ окрестностей Эривани, а предвидится возможность помѣшать ему, или если ожидается подкрѣпленіе гарнизона эриванскаго войсками или припасами и можно надѣяться встрѣтить таковыя, то въ томъ и другомъ случаѣ наступать къ Эривани для исполненія того или другаго предмета.

4) Послѣ сего употребивъ необходимое время на успокоеніе, по необходимости, жителей и стараясь собрать сколько можно болѣе провіанта, фуража и способовъ къ перевозкѣ въ Эчміадзинъ, придти быстро и сколь возможно нечаянно къ Сардарабаду, и сдѣлать сильную рекогносцировку сей крѣпости, но отнюдь не сдѣлать настоящаго на оную нападенія, если по обстоятельствамъ нельзя быть совершенно увѣрену въ вѣрности успѣха.

5) Когда не предвидится вѣрнаго успѣха противъ Сардарабада даже нѣсколько-дневнымъ обложеніемъ и дѣйствіемъ артиллеріи, то не приступая къ таковому, тотчасъ послѣ рекогносцировки воротиться въ окружности Эривани и движеніемъ отряда наиболѣе между рѣками Абарономъ, Гарникаемъ и Араксомъ, не удаляясь болѣе двухъ маршей отъ Эчміадзина, исполнить главную цѣль отряда: спасеніе жителей

и селеній окружности Эривани, и сборъ всевозможнаго количества провіанта, фуража и способовъ перевозки въ Эчміадзинъ.

6) Если бы удалось взять Сардарабадъ, то по занятіи онаго достаточнымъ гарнизономъ, на что потребуется менѣе баталіона, поступать по сказанному въ 5-мъ пунктѣ.

7) Если съ первоначальнымъ прибытіемъ въ Эчміадзинъ не предвидится особенныхъ выгодъ отъ наступленія къ сторонѣ Эривани, то начать дѣйствіе со стороны Сардарабада и исполнить сходно съ сказаннымъ въ пунктахъ: 4, 5, и 6.

8) Командиру эчміадзинскаго гарнизона прикажете по возможности усилить оборонительныя средства сего монастыря и сдѣлать всевозможныя пріуготовленія для предварительнаго устройства въ ономъ госпиталя на 500 человѣкъ и для складу запасовъ артиллерійскихъ и провіантскихъ. Сбираемый вами хлѣбъ постарайтесь перемолоть въ муку; почему и стараться возстановить всѣ мельницы, буде онѣ разорены непріятелемъ. Фуража собрать по возможности болѣе, равно какъ арбы и другіе способы къ перевозкѣ.

Всѣ подобные сборы сдѣлать реквизиціею, платя жителямъ за доставленные ими по 3 руб. серебромъ за четверть пшеницы; по 2 руб. 40 к. за четверть ячменя и по 15 к. за пудъ сѣна или самана; за арбу по 7 руб., за вола по 10 руб., а погонщикамъ назначить, кромѣ продовольствія, по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ.

9) По всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, сардарь эриванскій не намѣревается оставаться въ оной крѣпости и вѣроятно будетъ стараться безпокоить ввѣренный вамъ отрядъ. Я увѣренъ, что вы разобьете, буде бы онъ осмѣлился вступить въ общее сраженіе. Противъ частныхъ же нападеній требуется осторожность всѣхъ начальниковъ, и быстротою движенія можно иногда наказать непріятеля.

10) Удаленіе значительныхъ силъ персіянъ не позволитъ думать, чтобы Аббасъ-Мирза могъ подкрѣпить сардаря эриванскаго прежде прибытія главныхъ силъ нашихъ. Но если бы сіе сдѣлано было частью, то я увѣренъ, что ввѣренный вамъ отрядъ довольно силенъ, дабы въ окружности Эчміадзина вступить въ рѣшительное сраженіе.

11) Выше объяснены причины, по коимъ нельзя было придать къ ввѣренному вамъ отряду кавалеріи. Но если вы найдете сверхъ чаянія достаточные способы къ продовольствію оной, то ожидаю о томъ вашего донесенія, дабы ускорить приближеніе таковой.

12) По имѣющимся свѣдѣніямъ, карапапахи, составленные изъ выбѣжавшихъ изъ Грузіи, готовы просить прощенія. Если сіе окажется справедливымъ, то уполномочиваю васъ входить о томъ въ сношеніе и удостовѣрить ихъ всемилостивѣйшимъ государя императора

прощеніемъ всего прежде бывшаго, обѣщать имъ неприкосновенность ихъ собственности, прежнихъ ихъ правъ и принять ихъ по прежнему въ вѣрноподданство Россіи. Карапапахи, имѣя многихъ значительныхъ старшинъ, повинуются Наги-хану, который можетъ обратить ихъ въ пользу нашу. Переговоры съ нимъ надобно вести такъ осторожно, чтобы сардарь того не замѣтилъ, и предварительно развѣдать, какіе отъ народа сего у сардаря есть аманаты; ибо по сему можно будетъ знать, до какой степени можно будетъ вѣрить обѣщаніямъ Наги-хана или оныя будутъ обманчивы.

13) Извѣстныя правила и усердіе вашего превосходительства увѣряютъ меня, что строжайшая дисциплина въ войскахъ сохранитъ жителей въ полномъ спокойствіи и оградитъ ихъ отъ всякой малѣйшей обиды, и что примѣрное наказаніе достигнетъ всякаго, какого бы званія ни былъ, который бы осмѣлился преступить приказанія, вами на сей счетъ отдаваемыя.

14) Прежнее сношеніе съ пашею карскимъ, о коемъ извѣстенъ подробнѣе полковникъ князь Севаршидзевъ, даетъ надежду, что изъ онаго пашалыка по прибытіи главныхъ силъ къ Эривани, а можетъ быть и до онаго, можно достать покупкою провіантъ и фуражъ. Я поручаю вашему превосходительству входить о семъ съ нимъ въ предварительное сношеніе. Равномѣрно постарайтесь удостовѣриться о возможности достать изъ Карса же лѣсъ для построенія мостовъ на Араксѣ, и возможно ли будетъ ставить таковыя внизъ до окружности Нахичевани?

15) Сколько бы ни желательно было подкрѣпить отрядъ вашего превосходительства подвозомъ провіанта, но чрезвычайно позднее, по здѣшнему климату, открытіе весны и невозможность движенія воловыхъ транспортовъ не подаетъ мнѣ къ сему основательной надежды, и я нахожусь въ необходимости предоставить вашему превосходительству, послѣ полученія въ Джелалъ-Оглу 10-ти-дневнаго провіанта, распорядиться въ дальнѣйшемъ продовольствіи войскъ ввѣреннаго вамъ отряда по обстоятельствамъ и усмотрѣнію вашему мѣстными способами, сколько таковыхъ найти можно, замѣною частію хлѣба мясомъ и крайнею бережливостью. Легко быть можетъ, что ни въ Эчміадзинѣ, ни въ ближайшихъ селеніяхъ нельзя будетъ достать на порцію скота, и потому надобно будетъ взять онаго изъ Джелалъ-Оглу; полковнику князю Севаршидзеву предписывается купить онаго у жителей по Лорійской степи.

16) О движеніяхъ вашихъ, о положеніи отряда непріятеля и земли и всѣхъ свѣдѣніяхъ, вами получаемыхъ, доносите прямо ко мнѣ какъ можно чаще: до Джелалъ-Оглу съ нарочными, а оттуда по летучей

почтѣ; въ важныхъ же случаяхъ съ нарочными прямо ко мнѣ. Равномѣрно имѣете доносить обо всемъ ономъ и генералъ-адъютанту Паскевичу.

17) Для соображенія вашего и единственнаго вашего свѣдѣнія предваряю васъ при томъ, что главныя силы соберутся между 15-го и 20-го апрѣля въ окружности Шулаверъ, и что взявъ съ оными прямое направленіе къ Эривани, я надѣюсь прибыть туда въ послѣднихъ числахъ апрѣля. До того времени остается въ Джелалъ-Оглу баталіонъ пѣхотнаго тифлисскаго полка.

Съ подлиннымъ вѣрно: Полковникъ Муравьевъ.

XXXVII.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ рапортомъ отъ 13-го числа текущаго мѣсяца доноситъ, что по причинѣ ненастной погоды и дурного состоянія дорогъ, онъ не могъ поспѣть въ одинъ переходъ отъ Судагента къ Эчміадзину. Переночевавъ съ 12-го на 13-е число въ 17-ти верстахъ отъ сего монастыря, онъ пришелъ къ оному 13-го же числа въ часъ пополудни, и тотчасъ имъ овладѣлъ безъ всякаго сопротивленія. Бывшіе тамъ до 400 человѣкъ сарбазовъ выступили къ Эривани за день до его прибытія, увезя съ собою пять старшихъ монаховъ и всѣ съѣстные припасы, за исключеніемъ только нѣкотораго количества вина. Въ Эчміадзинѣ онъ не нашелъ никого, кромѣ 22-хъ монаховъ. Съ 12-го числа утра, онъ былъ наблюдаемъ, во время марша, съ противоположнаго берега рѣки Аборона сильнымъ отрядомъ конницы, коимъ предводительствовалъ Измаилъ-Ага, одинъ изъ старѣйшинъ куртинцовъ. Хассанъ-ханъ съ многочисленною кавалеріею теперь окружаетъ его въ Эчміадзинѣ, и занимается вывозомъ изъ окрестныхъ селеній всѣхъ съѣстныхъ припасовъ и жителей, коихъ уже два дня предъ тѣмъ началъ отправлять за Араксъ. Послѣ необходимаго двухъ-дневнаго отдыха, устроивъ въ монастырѣ госпиталь, присоединивъ къ себѣ оставленныя въ Судагентѣ отрядъ и обозы, и собравъ надлежащія свѣдѣнія объ укрѣпленіяхъ и силѣ гарнизоновъ эриванскихъ и сардарабадскихъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ намѣревается дѣйствовать по обстоятельствамъ противъ той или другой изъ сихъ крѣпостей. Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Апрѣля 18 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXXVIII.

Всемилостивѣйшій государь (отправлено 21-го числа съ княземъ Меликовымъ)! Имѣю счастіе донести вашему императорскому вели-

честву, что состояніе дѣлъ, которое казалось угрожало весьма невыгодными послѣдствіями, взяло счастливый оборотъ.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ выступилъ 16-го числа въ 1-мъ часу пополудни изъ Эчміадзина къ Сардарабаду, встрѣтилъ въ 10-ти верстахъ отъ сей крѣпости куртинцевъ въ числѣ 1,000 всадниковъ. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ съ передовымъ отрядомъ своимъ, состоящимъ изъ 500 казаковъ, полковъ Карпова 2-го и Андреева, двухъ ротъ тифлисскаго полка и одного орудія, тотчасъ аттаковалъ непріятеля, а казаки, горя желаніемъ заслужить неудачу, понесенную въ послѣднемъ дѣлѣ при деревнѣ Айгланлу, съ невѣроятнымъ мужествомъ бросились на нихъ, въ одно мгновеніе опрокинули и погнали 7 верстъ. Одинъ изъ предводителей непріятеля, Измаилъ-ханъ, одинъ изъ довѣренныхъ военачальниковъ эриванскаго сардаря, взятъ въ плѣнъ, а племянникъ главнаго начальника куртинцовъ, Гуссейна-Аги, убитъ. По словамъ Измаилъ-хана, потеря непріятеля простирается до 80-ти человѣкъ убитыхъ, коихъ тѣла въ первый разъ онъ не успѣлъ увлечь за собою по обыкновенію; съ нашей стороны убито 5-ть казаковъ, ранено 17-ть, и 30-ть лошадей убито и ранено.

Къ Сардараббаду: 5 ротъ и 4 орудія.

Рекомендуетъ: полковника Карпова 2-го, графа Толстаго и адъютанта князя Меликова.

Князь Севаршидзевъ: находился 1-й баталіонъ ширванскаго, 2 роты тифлисскаго и казачій полкъ; рекомендуетъ: Андреева, Гурко и Коцебу.

Послѣ сего пораженія генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ остановилъ отрядъ свой въ 3-хъ верстахъ отъ Сардарабада. . . . . .

. . . . . .

XXXIX.

(Секретно). Хотя имѣю я секретное предписаніе вашего превосходительства доносить о происшествіяхъ, но не могу сего дѣлать, не будучи подверженъ открытію, а потому вложилъ я сію записку въ представленіе экспедиціи и самъ запечаталъ.

Послѣ побѣды, одержанной генераломъ Паскевичемъ надъ персіянами, должны бы казалось успокоиться и остановить себя всѣ, окружающіе Грузію народы: но напротивъ того лезгины, въ соединеніи съ другими горцами, сдѣлали нападеніе на Кахетію, и хотя они важнаго вреда не произвели, не менѣе того составляютъ народную диверсію въ пользу персіянъ. Дагестанъ также неспокоенъ.

Татарскія дистанціи, прилежащія къ Тифлисскому и Елисаветопольскому уѣздамъ, Борчалинская, Казахская и Шамшадильская не

благонадежны, и уже опыты доказали, что они вспомоществуютъ персіянамъ.

Въ казахской дистанціи на гемагнинскомъ посту перешедшая съ турецкой стороны партія убила двухъ казаковъ и увела двадцать три казачьихъ лошадей. Партія сія военная или воровская, еще неизвѣстно. Но извѣстно то, что до открытія войны съ персіянами подобныхъ происшествій не было со стороны Турціи.

Въ шамшадильскую дистанцію пробрались персіяне въ недавнее время, тому прошло недѣли три, истребили двѣ армянскія деревни. и какъ слухъ носится, увлекли до двухъ сотъ душъ въ плѣнъ, а шестьдесятъ человѣкъ убили.

Послѣ того пробрались также въ борчалинскую дистанцію и истребили двѣ армянскія деревни. Происшествіе сіе послѣдовало верстахъ въ 80-ти или нѣсколько болѣе отъ Тифлиса.

Въ сей же дистанціи одна нѣмецкая колонія истреблена.

Итакъ, Грузія со всѣхъ сторонъ окружена непріятелями и должна со всѣхъ сторонъ ожидать непріятеля. Самые грузины были бы сомнительны, если бы успѣхи россійской арміи были несчастливы.

Торговля пріостановилась въ ходѣ своемъ. Воздѣлываніе земли и посѣвы противу прежнихъ лѣтъ должны быть скуднѣе потому, что крестьяне заняты военными транспортами. Доходы казенные пришли въ великій упадокъ и не скоро могутъ быть возстановлены. Многіе откупщики оброчныхъ статей отказываются отъ откуповъ, по причинѣ невозможности содержать оные въ нынѣшнее время.

Подписалъ: начальникъ экспедиціи, статскій совѣтникъ Василевскій.

Сообщ. П. И. Вріонн.

Отъ редакціи. Приводимъ замѣтку историка Кавказа, И. Ѳ. Дубровина о напечатанныхъ выше документахъ.

«Донесенія Паскевича чрезвычайно интересны, но односторонни и несправедливы. Паскевичъ былъ посланъ на Кавказъ съ цѣлію, такъ или иначе, обвинить Ермолова и занять его мѣсто. Онъ достигъ того, что остался главнокомандующимъ, но никто не станетъ упрекать Ермолова въ томъ, въ чемъ упрекалъ его Паскевичъ. Впослѣдствіи (какъ видно изъ матеріаловъ и приказовъ), Паскевичъ самъ отказался отъ своихъ убѣжденій и во многомъ слѣдовалъ Ермолову. Уѣзжая съ Кавказа, онъ оставилъ войска тѣми же оборванцами, какими принялъ; осуждая Мадатова, онъ сдѣлалъ его своимъ близкимъ помощникомъ и даже вызвалъ потомъ, какъ извѣстно, въ Варшаву, гдѣ и оказывалъ полную довѣренность. Причина войны съ Персіею вовсе не та, какую изложили Паскевичу армяне Коргановы и друг. Самъ Коргановъ былъ первѣйшій плутъ и вмѣстѣ съ Угурлу-ханомъ личные враги Ермолова. Въ одномъ изъ своихъ донесеній, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ», Паскевичъ самъ говоритъ, что «персіянамъ нельзя вѣрить ни въ чемъ», а между тѣмъ все зданіе его нареканій на Ермолова построено на ихъ показаніяхъ. Чтобы указать невѣрности донесеній Паскевича на Ермолова, пришлось бы написать объемистую статью....»

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Повелѣнія императора Александра I.

I.

Объ обращеніи съ крестьянами.

1802.

(Проектъ циркулярнаго указа губернаторамъ).

Секретно.

Между обязанностями, на главнаго начальника учрежденіемъ для управленія губерній возложенными, 84-ю статьею онаго предписано ему, пресѣкая всякаго рода злоупотребленія, наипаче обуздывать тиранство и жестокости.

Разумъ сего предписанія столь самъ по себѣ очевиденъ, что не требуетъ никакого истолкованія. Ввѣряя главному начальнику губерніи управленіе градской и земской полиціи, законъ предвидѣлъ ясно и постановилъ, что предметомъ благочинія не можетъ быть одинъ внѣшній надзоръ и защищеніе жителей отъ явнаго воровства, грабительства и прочихъ злоупотребленій, но и огражденіе ихъ состоянія отъ внутреннихъ притѣсненій, часто болѣе вредныхъ, нежели самыя открытыя насилія.

Не взирая однако-жъ на ясность сего постановленія, къ удивленію моему, весьма рѣдко оно приводится въ исполненіе. Весьма рѣдко начальники губерній обращаютъ вниманіе на внутренній порядокъ управленія крестьянъ помѣщиками и не заботясь или не считая въ обязанности своей имѣть по сей части надлежащій надзоръ, не предупреждаютъ безпорядковъ въ началѣ ихъ, но доносятъ мнѣ только о послѣдствіяхъ ихъ, часто сопровождаемыхъ неповиновеніемъ и буйствомъ.

Между тѣмъ ежедневно почти доходятъ ко мнѣ жалобы отъ крестьянъ на притѣсненія отъ помѣщиковъ и особенныя слѣдствія по жалобамъ симъ на самыхъ мѣстахъ произведенныя открываютъ, что

нѣкоторые изъ помѣщиковъ, забывъ страхъ Божій, собственную честь и обязанности человѣчества, съ крестьянами своими поступаютъ столь жестоко и безчеловѣчно, что не только исторгаютъ у нихъ насиліемъ малую ихъ собственность, отягощаютъ ихъ непомѣрными работами и налогами, но и позволяютъ себѣ разнаго рода дѣлать имъ истязанія и людей, врученныхъ имъ отъ Бога и самодержавной власти для взаимной связи, порядка и управленія, употребляютъ, подобно безсловеснымъ, муча ихъ непомѣрными наказаніями, содержа въ тяжкихъ заклепахъ, истаевая гладомъ и въ утонченной свирѣпости вымышляя разныя на нихъ казни.

Жестокости таковыя конечно или бы не имѣли мѣста, или, по крайней мѣрѣ, рѣже случались, естьли бы начальники губерній не упустили совершенно изъ виду возложенной на нихъ закономъ обязанности обуздывать преступленія и пресѣкая злоупотребленія власти въ самомъ ихъ началѣ, не попускали бы имъ усиливаться до того, что крестьяне, не находя въ мѣстномъ начальствѣ защиты, принужденными себя находятъ прибѣгать съ жалобами ихъ къ верховному правительству, или уклоняться отъ повиновенія ихъ помѣщикамъ.

Сіи упущенія, только по существу своему и послѣдствіямъ ихъ важныя, заставляютъ меня, въ подтвержденіе силы учрежденія, предписать, чтобъ начальники губерній въ числѣ главнѣйшихъ обязанностей своихъ поставляли имѣть непримѣтныя и безгласныя, но точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о поведеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, и какъ скоро узнаютъ гдѣ-либо чрезмѣрное власти злоупотребленіе въ отягощеніи работами и налогами силамъ несоразмѣрными, а особливо въ жестокости и неумѣренныхъ наказаніяхъ, то избравъ надежнѣйшихъ и благомыслящихъ чиновниковъ и произведя на мѣстѣ открытое слѣдствіе, доносили бы мнѣ о всемъ подробно и ожидали бы повелѣнія для назначенія мѣръ, какія найдутся по обстоятельствамъ приличными, къ прекращенію насилія или къ наказанію жестокости. Естьли послѣ сего предписанія будутъ ко мнѣ по дѣламъ сего рода доходить жалобы, каждой разъ взыщу я отъ начальствующихъ отвѣта, для чего они не усмотрѣли сего злоупотребленія, не изслѣдовали его и мнѣ не донесли.

Слѣдующія примѣчанія при семъ общемъ предписаніи нахожу я нужнымъ сдѣлать. Первое. Чтобъ не подвигнуть крестьянъ къ непокоривости или неправымъ притязаніямъ на помѣщиковъ, вы должны содержать сіе въ тайнѣ и свѣдѣнія ваши о поведеніи помѣщиковъ такъ располагать, чтобъ чувствовали они примѣчаніе правительства къ ихъ поступкамъ, но въ правильномъ употребленіи ихъ власти не находили бы ни малѣйшаго стѣсненія. Второе. Не попускать ни

подъ какимъ видомъ крестьянамъ выходить изъ повиновенія къ помѣщикамъ, и хотя бы приносили они мнѣ или мѣстному начальству жалобы, они должны до рѣшенія дѣла оставаться въ совершенной зависимости и покорности, отъ коей и малѣйшія отступленія вы должны въ самомъ началѣ предостерегать приличными средствами, а буйство укрощать силою закона, сколь бы впрочемъ ни благовидны казались причины, къ нему подвигнувшія. Строгое наблюденіе и поспѣшное возстановленіе тишины и благоустройства въ сихъ случаяхъ, я считаю главнѣйшею вашею должностію и на особенный и точный отчетъ вашъ сіе возлагаю. Третье. Не по жалобамъ только до васъ на жестокости доходящимъ должны вы дѣлать надлежащія изысканія, но и по свѣдѣніямъ, какія вы о каждомъ управленіи имѣть можете. Но сколько свѣдѣнія сіи должны быть удалены отъ огласки, столько слѣдствія, по нимъ производимыя, должны быть открыты, безпристрастны и удостовѣрены на свидѣтельствѣ и мѣстномъ осмотрѣ лучшихъ и надежнѣйшихъ чиновниковъ; дабы помѣщики, симъ слѣдствіямъ подвергаемые, не могли считать себя устраненными отъ оправданія и отъ покровительства закона, никого тайно не обвиняющаго, но на всѣхъ дѣйствующаго въявѣ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

II.

Объ обращеніи съ солдатами.

1804.

Господину генералъ-лейтенанту, брестской и украинской инспекціи по кавалеріи, инспектору Боуру.

Доходитъ до свѣдѣнія моего, что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекрутъ экзерциціи наказываютъ ихъ съ такою строгостію, какую употреблять должно въ случаѣ важныхъ только преступленій. Метода сія, бывъ столько же вредна для службы сколь противна здравому разсудку, введена конечно, или отъ непонятія въ чемъ состоять должна воинская строгость, или же отъ природной нѣкоторыхъ наклонности къ жестокостямъ. Первое непростительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войскѣ отнюдь ослабляема быть не должна и взысканіе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающими виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ по неумышленности или отъ непривычки еще къ тому, о чемъ погрѣшающій не имѣлъ прежде никакого понятія. Преступленія моральныя, какъ запрещае-

мыя всѣми законами: грабежъ, воровство, обманъ и проч., такъ въ особенности нетерпимыя въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность, стоя на караулѣ, небреженіе ружья своего и амуниціи, отлучка безъ позволенія, трусость противъ непріятеля и тому подобныя, требуютъ неотложнаго взысканія, сужденія по воинскимъ артикуламъ и неизбѣжнаго наказанія. Но ошибки въ ружейныхъ пріемахъ, въ маршированіи, въ словахъ, когда рапортуетъ или является вѣстовымъ, особливо же въ новопринятомъ солдатѣ, требуютъ больше неусыпности офицера и способности его къ наученію, нежели строгости. Она въ семъ случаѣ не только не вмѣстна, но вредна для службы и для самыхъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго познанія; ибо кромѣ того, что чрезъ частыя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для понесенія трудовъ военныхъ; несогласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученье, имѣлъ въ намѣреніи своемъ ошибаться съ умысла, напротивъ того, ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особливо въ человѣкѣ торопливомъ, разстроиваетъ вниманіе его, и при всемъ напряженіи силъ исполнить наилучшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагу и при всякомъ словѣ.

Движимъ будучи чувствованіями состраданія къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей, и желая, чтобы какъ высшіе, такъ и другіе офицеры при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзерциціи давали себѣ больше труда ко вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ, и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтиться можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и пріобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости. Я рекомендую вамъ возымѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего копіи господамъ шефамъ полковъ ввѣренныхъ вамъ инспекцій, на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями, при случаяхъ приличныхъ, эскадроннымъ командирамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ, сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ въ одномъ только своемъ свѣдѣніи. Въ С.-Петербургѣ, іюля 12-го дня 1804 г. Александръ.

Сообщ. А. Н. Петровъ.

Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Ѳ. Карабановымъ.

(окончаніе).

IX [1]).

Царствованіе императора Александра I.

1801—1825.

175.

Послу при французскомъ дворѣ, графу Арк. Ив. Моркову [2]) предписано было сопротивляться намѣренію консула Наполеона овладѣть Пьемонтомъ. При семъ случаѣ консулъ сказалъ: „Удивляюсь, что вашъ дворъ вмѣшивается въ пьемонтскія дѣла, когда я молчу о персидскихъ!“

Морковъ отвѣчалъ: „Французскія пули никогда не долетятъ до Персіи, а русскимъ — до Пьемонта возможно“.

176.

Въ день погребенія великой княжны Елизаветы Александровны [3]) при собраніи всего двора, Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ сказалъ сенатору, барону Ѳедору Михайловичу Колокольцову [4]), дожившему до глубокой старости: „Ѳедоръ Михайловичъ, долго ли тебѣ жить?... Надобно честь знать!... Вѣдь обозъ твой давно отправленъ — у тебя ни глазъ, ни зубовъ нѣтъ.... Чего здѣсь недостаетъ? Архіереи собраны, колесница готова, самъ ты въ полномъ нарядѣ:

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680; 767—772; т. VI, стр. 767—773.

[2]) Съ 6 февр. 1802 по 16 окт. 1803 гг.

[3]) Род. 1806 г., ум. 1809 г.

[4]) Объ немъ говоритъ Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ», т. IV, стр. 132, ум. 1818 г.

совѣтую не пропускать сего случая — другого не будетъ; умри, и вели отвезти себя въ Невскій монастырь".

Колокольцовъ разсердился до крайности, занемогъ и едва не лишился жизни.

177.

Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская [1]) бывъ введена митрополитомъ Серапіономъ и ризничимъ въ Кіевопечерскую церковь, съ поднятіемъ рукъ сказала: „Сколько иконъ!... а въ Невскомъ монастырѣ только четыре образа". Сіе изреченіе растрогало сердца монаховъ престарѣлыхъ, которые залились слезами отъ радости.

178.

При входѣ французовъ въ Москву, русскій арріергардъ, подъ начальствомъ графа Милорадовича, не имѣлъ возможности скоро выступить и могъ быть отрѣзанъ. Милорадовичъ услыша, что ими командуетъ Себастіани, котораго лично зналъ во время войны съ турками, не взирая на опасность, скачетъ къ непріятелямъ и спрашиваетъ:

— „Гдѣ вашъ начальникъ, а мой старый другъ?...."

— „Не препятствуйте, говоритъ ему, выходить намъ, или я себѣ проложу дорогу по тѣламъ вашимъ; а выступя, продолжаетъ: посмотрите генералъ! какое прекрасное поле,—могли бы испытать наши силы". Къ тому же Милорадовичъ заключилъ условіе, чтобъ до семи часовъ въ нѣсколько рядовъ выѣзжающіе экипажи оставались неприкосновенными. Спасены тысячи повозокъ.

Отъ Фукса.

179.

Въ одномъ прусскомъ городѣ, на отведенной квартирѣ Милорадовичъ спрашиваетъ у хозяина: „кто онъ?" и на отвѣтъ: „купецъ", прибавляетъ „безъ торговли", а тотъ говоритъ: „и безъ денегъ". Милорадовичъ въ восторгѣ, бросясь къ нему на шею, восклицаетъ: „какъ я радъ! это насъ сближаетъ,—вотъ и я ничего не имѣю, все промотано!"

Отъ него же.

180.

Одинъ незначущій стихотворецъ подноситъ графу Милорадовичу дурные стихи, въ коихъ уподобляетъ его архангелу Михаилу. „Прекрасно! Превосходно! вскричалъ фанфаронъ: всего величествен-

---

[1]) Род. 1788 г., ум. 1819 г.

нѣе архангелъ Михаилъ! Чѣмъ награжу г-на сочинителя? Подайте мою соболью шубу!“

Отъ него же.

181.

Графъ Милорадовичъ, на походѣ противъ французовъ, въ день своихъ именинъ на громогласныя поздравленія солдатъ отвѣчалъ: „Друзья мои! далъ бы вамъ денегъ, но вы знаете, что у меня ихъ нѣтъ; за то дарю вамъ сію, въ виду находящуюся, колонну непріятельскую“.

Въ тотъ же день колонна разбита.

Отъ него же.

182.

Милорадовичъ, бывъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ, далъ казенной палатѣ предложеніе: что завтра, по случаю такого-то торжественнаго дня, обязанъ, по званію своему, сдѣлать угощеніе и дать балъ, а денегъ не имѣетъ, чтобъ отпустить 10 т. руб.

Не исполнено.

183.

Предъ нашествіемъ французовъ только-что опредѣленъ былъ къ церкви въ домъ главнокомандующихъ отставной священникъ, по прозванію „Пылай“ (извѣстная фамилія между московскимъ и особенно замоскворѣцкимъ духовенствомъ), котораго Наполеонъ на другой день входа въ Москву потребовалъ и приказалъ за собою слѣдовать въ Кремль.

Войдя въ Успенскій соборъ и облокотясь на престолъ, приказалъ ему въ полномъ облаченіи представить архіерейское служеніе съ осѣненіемъ свѣчей; потомъ, въ присутствіи его, приказалъ снимать драгоцѣнности со всѣхъ иконъ и съ великимъ небреженіемъ осматривалъ святыя мощи чудотворцевъ московскихъ, а иконы святителей Іоны и Филиппа, при нихъ находящіяся, хотѣлъ взять съ собою. Пылай, въ знакъ милости Наполеона, тутъ же облеченъ былъ въ найденную бархатную рясу и камилавку. По возвращеніи преосвященнаго Августина въ столицу, наполеоновское маскарадное платье снято съ Пылая, при отправленіи его самого въ Соловецкій монастырь.

(Достовѣрнѣйшее извѣстіе изъ устъ Петра Степановича Валуева, слышанное имъ отъ попа Пылая).

184.

Въ 1812 году, драгоцѣнности императорскія отправляемы были въ Олонецкую губернію. Императрица Елизавета Алексѣевна на

*

вопросъ, не прикажетъ ли чего о своихъ брилліантахъ, отвѣчала: „На что мнѣ они, если Александръ лишится короны!“

185.

Александръ, находясь при побѣдоносной арміи на Рейнѣ, пожелалъ вызвать къ себѣ супругу и писалъ о томъ къ матери. Вдовствующая императрица вручаетъ ей письмо присланное, а другое собственное. „Къ чему, въ слезахъ отвѣчала Елизавета, довольно одного слова“.

186.

Тончи, во Владимірѣ, разговаривая по-латыни съ тамошнимъ преосвященнымъ Ксенофонтомъ и увидя подлѣ себя вице-губернатора Платона Евграфовича Языкова, сказалъ:

— „Я между двумя великими мужами древности, Ксенофонтомъ и Платономъ“.

— „Развѣ потому, отвѣчалъ преосвященный, что славный Аппелесъ посреди ихъ [1])“.

Отъ Тончи.

187.

Начальникъ кремлевской экспедиціи кн. Михаилъ Дмитріевичъ Юсуповъ, возвращаясь изъ своего Архангельскаго, задержанъ былъ отъ прибыли воды въ Москвѣ-рѣкѣ на перевозѣ и разбранилъ приставленнаго офицера. Въ англійскомъ клубѣ говоритъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Циціанову:

— „Вы опредѣлили дурака, вѣрно изъ грузинъ?“

А тотъ отвѣчаетъ: „Ссылаюсь на всѣхъ, что грузины никогда не были глупѣе татаръ“.

Извѣстно, что Циціановы—изъ грузинъ, а Юсуповы—татарскаго происхожденія.

---

[1]) Сальваторъ Тончи, род. въ Римѣ 1756 г., ум. въ Москвѣ 1844 г., живописецъ, кол. сов., женатъ былъ съ 1805 г. на княжнѣ Наталіи Ивановнѣ Гагариной (род. 1778 г., ум. 1832 г.). Изъ писанныхъ имъ портретовъ наиболѣе извѣстны: портретъ Державина, въ мѣховой шапкѣ и шубѣ (гравированъ Іорданомъ), и портретъ графа Ѳ. В. Растопчина въ мальтійскомъ мундирѣ (гравированъ Клауберомъ). Карабановъ и Тончи были женаты на родныхъ сестрахъ. Біографическій очеркъ Тончи въ соч. Державина, изд. Грота, II. 399.

Л.

188.

Петръ и Николай Александровичи Соймоновы по дѣлу въ сенатѣ подали прошеніе; оберъ-секретарь, просмотря оное, возвратилъ за недостаткомъ литеры рцовъ; перечитываютъ и ненаходятъ описки. Мать ихъ, Прасковья Алексѣевна, вслушавшись, сказала: „Васъ считаютъ за умныхъ, и вы сами о себѣ тѣхъ же мыслей; а по моему вы безпомощные: рцы — значатъ это вложите сотенную ассигнацію и не будетъ недостатка въ буквахъ“.

На другой день бумага принята безъ возраженія.

189.

Павелъ Ивановичъ Глѣбовъ, подойдя къ столу, за которымъ генералъ-лейтенантъ Петръ Николаевичъ Жеребцовъ игралъ въ вистъ, сказалъ нѣсколько словъ противной сторонѣ, которая въ ту же всдачу и роберъ записала. Жеребцовъ разсердился:

— „Здѣсь вашихъ совѣтовъ не спрашиваютъ, сказалъ онъ: я постараюсь отплатить“.

— „Да какъ?“

— „Въ карты вы не играете — вырву изъ рукъ газеты“.

190.

Въ кадетскомъ корпусѣ былъ учитель, исправлявшій секретарскую должность, умный и съ познаніями, вышедшій изъ поповичей, Прохоръ Ивановъ Ждановъ. Ему отъ смоленскаго помѣщика Путяты, въ благодарность за сына, подарены были слуги: Семенъ и дѣвка Дарья. Сія, оказавшись беременною отъ новаго помѣщика, выдана имъ за слугу Семена, и отъ сей четы родилась знаменитая актриса Семенова [1]).

191.

Сенаторъ, царевичъ Миріанъ Ираклиевичъ [2]), совсѣмъ не

[1]) Въ замужествѣ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ.

[2]) Дѣйствит. тайн. совѣтн., сынъ царя грузинскаго Ираклія II, ум. 15-го октября 1834 года.

читая дѣлъ, только подписывалъ свое имя; его спрашиваютъ, для чего?

— „Болѣе читаю, болѣе не понимаю", былъ отвѣтъ.

Примѣчаніе. На этомъ разсказѣ оканчивается любопытное собраніе П. Ѳ. Карабанова. Этотъ замѣчательный—по своей любви къ русской исторіи и археологіи—собиратель достопамятностей, имѣлъ очень хорошую привычку записывать почему-либо заинтересовавшіе его разсказы объ историческихъ дѣятеляхъ. Записывалъ онъ на лоскуткахъ, и такъ составилась его коллекція анекдотовъ. Одному просвѣщенному любителю родной старины мы обязаны какъ приведеніемъ этого собранія въ порядокъ, такъ и обстановкою ихъ примѣчаніями, какъ читатели безъ сомнѣнія замѣтили, весьма обстоятельными. Всѣхъ разсказовъ 202; мы нашли нужнымъ опустить изъ нихъ только одиннадцать, и за тѣмъ лишь изъ весьма немногихъ исключить нѣкоторыя слова. Говорить о важности и интересѣ подобныхъ собраній «Историческихъ разсказовъ и анекдотовъ» — едва ли нужно. Если въ нихъ, какъ во всякомъ записанномъ съ устнаго пересказа фактѣ, попадаются иногда ошибки, генеалогическія или хронологическія невѣрности, за то почти всегда передаваемое въ нихъ, такъ или иначе, основано на дѣйствительно совершившемся событіи; кромѣ того, разсказъ нерѣдко весьма ярко рисуетъ время и дѣйствующихъ лицъ. И какъ часто случается, что какой-нибудь анекдотъ разомъ освѣтитъ того или другого историческаго дѣятеля, характеръ котораго до тѣхъ поръ являлся недостаточно разслѣдованнымъ.... Отсюда понятно, что нельзя не быть признательными такимъ лицамъ, какимъ былъ покойный П. Ѳ. Карабановъ: въ часы досуга набрасывая на отдѣльныхъ листкахъ разсказы родныхъ и знакомыхъ, онъ не потратилъ время безплодно. **Ред.**

А. П. Ермоловъ къ Ник. Гер. Устрялову.

17-го сентября 1847 г.

Увлекаясь общимъ любопытствомъ прочитать исторію достославнаго царствованія нашего государя императора, долго не могъ я пріобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемаго съ большимъ желаніемъ, и потому недавно ознакомился съ его содержаніемъ.

Не разсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почитаю себя вправѣ говорить, что въ немъ, упомянувши обо мнѣ, вы изволили изобразить меня въ чертахъ [1]), совершенно не свойствен-

[1]) Стр. 35 и 38 въ «Исторіи двадцатилѣтія царствованія императора Николая Павловича», соч. Устрялова.

ныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу, проведенному мною на службѣ, и что прежде, нежели приступить къ тому, не было бы излишнимъ принять въ руководство свѣдѣнія болѣе основательныя, или, по крайней мѣрѣ, правдоподобныя, хотя, впрочемъ, долженъ я, не желая подозрѣвать другую причину, предположить, что въ изложеніи вы искали соблюсти добросовѣстность.

Не въ защиту свою, въ которой не имѣю надобности, рѣшился я обнаружить ошибку вашу; но малѣйшее оскорбленіе истины оскорбляетъ достоинство исторіи и потрясаетъ довѣріе къ цѣлому труду.

По произволу вашему, приписавъ мнѣ недостатокъ способностей, вы отрицаете прозорливость покойнаго императора, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и низложеніе его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногимъ достигнуть предоставляетъ. Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ, имъ избираемыхъ, недостатки способностей могли легко укрываться отъ его проницательности и легко быть замѣчаемы другими. Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣляемы были непосредственно его волею. Такъ въ 1812 г., эпоху отечественной войны, былъ я начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи; въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80 т. войскъ, расположенныхъ на границѣ съ Австріею; наконецъ, за шесть лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначаемъ начальствовать арміею въ Италіи, болѣе нежели изъ 100 т. чел. составленною и для того вызванъ въ Лайбахъ, гдѣ отзывъ обо мнѣ покойнаго императора императору австрійскому могъ быть лестнѣйшею для каждаго наградою.

Прежняя война съ Персіею была современною войнѣ отечественной, и не взирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ генерала Ртищева, кончена со славою для оружія нашего и съ пріобрѣтеніями. Во время пребыванія моего въ Грузіи отличныя войска кавказскаго корпуса значительно умножены и, сверхъ того, нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ усилены были двумя дивизіями. Персіянами предводительствовалъ сынъ шаха, Аббасъ-Мирза, столько же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитый пораженіями русскихъ войскъ. Вамъ, милостивый государь, многое неизвѣстно; но я, знавши хорошо обстоятельства, войну съ персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ и чувствовать въ себѣ недостатокъ способностей, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными для персіянъ.

Не оскорбленное самолюбіе, но признательность къ довѣрію, котораго удостоенъ я былъ покойнымъ императоромъ до конца его

царствованія и уваженіе къ памяти обо мнѣ прежнихъ моихъ сослуживцевъ, вызвали меня замѣтить вамъ, милостивый государь, эту непозволительную ошибку.

Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть и проч.

Алексѣй Ермоловъ.

Примѣчаніе. Письмо это, весьма извѣстное любителямъ новѣйшей русской исторіи, было, если не ошибаемся, только разъ напечатано въ одномъ изъ заграничныхъ русскихъ сборниковъ. Мы имѣемъ нѣсколько современныхъ списковъ, изъ числа которыхъ два сохранены покойнымъ Н. И. Бахтинымъ и сообщены намъ Н. Н. Селифонтовымъ. Въ виду окончанія печатаніемъ въ настоящей книгѣ документовъ объ удаленіи Ермолова съ Кавказа, письмо его къ Устрялову имѣетъ особый интересъ. Ред.

Письмо св. Димитрія Ростовскаго.

1709.

Въ семействѣ моемъ съ давнихъ временъ хранятся икона св. Димитрія Ростовскаго въ серебряной ризѣ и собственноручное письмо святителя, отъ 20-го октября 1709 г., къ прадѣду моему, по матери, Михаилу Григорьевичу Грохольскому, перешедшія ко мнѣ, какъ правнуку, по прямому наслѣдству; а какъ я не имѣю дѣтей, то и счелъ болѣе всего соотвѣтственнымъ принести эти драгоцѣнныя для меня святыни по воспоминанію о великомъ ревнителѣ православія во вновь возрожденное свято-духовское братство, нѣкогда прославленное сподвижничествомъ св. Димитрія Ростовскаго, съ тѣмъ, чтобы икона, составляя принадлежность братства, была поставлена въ св. храмѣ свято-духовскаго монастыря, своды котораго, два столѣтія тому назадъ, оглашались вдохновенными рѣчами святителя, возбуждавшими мужество въ православныхъ.

Архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ, высокопреосвященнѣйшимъ Макаріемъ, св. икона, вмѣстѣ съ письмомъ святителя, передана въ совѣтъ свято-духовскаго братства для зачисленія въ собственность и для поставленія въ свято-духовскомъ монастырскомъ храмѣ.

Образъ святителя Димитрія писанъ масляными красками на доскѣ въ 6½ верш. вышины и 5½ ширины, какъ видно изъ надписи на ризѣ, вскорѣ по обрѣтеніи мощей святителя, совершившемся въ 1752 году. Св. Димитрій изображенъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, съ благословляющею правою рукою, лѣвая рука положена на столъ, на которомъ находится изображеніе сочиненныхъ имъ книгъ. Икона одѣта въ серебряную ризу чеканной работы, вѣсомъ въ 1 фунтъ и 6 золотниковъ. На правой сторонѣ ризы, ниже средины, находится четырехугольное отверстіе, въ которомъ хранится сложенное соб-

ственноручное письмо св. угодника и которое закрывается вызолоченною пластинкою на петляхъ; на пластинкѣ чеканная надпись: „Письмо собственноручное новоявленнаго святителя и чудотворца Димитрія, митрополита ростовскаго". Письмо это слѣдующаго содержанія:

„Его милости, пану Михаилу Григорьевичу,

Божіе благословеніе.

„Во знаменіе моего благодарствія за книжицу, отъ милости твоей дарствованную мнѣ, послахъ труда нашего худоумнаго часть первую, яже противу раскольщиковъ. Благоволи милость твоя малое сіе отъ насъ приняти, и егда случится лишнее время, читай вмѣсто рекреаціи.

Милости твоей всегда добра желающъ, смиренный архіерей Димитрій".

„8-bris 20, An. 1709".

По удостовѣренію лицъ, видѣвшихъ собственною рукою писанныя сочиненія святителя, и этотъ документъ писанъ дѣйствительно его собственною рукою. Замѣчательно, что письмо писано за 8 дней до блаженной кончины угодника Божія, послѣдовавшей, какъ извѣстно, 28-го октября 1709 года.

Такъ какъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1872 г., т. V, стр. 952, помѣщено уже одно письмо св. Димитрія Ростовскаго, то въ дополненіе къ оному препровождаю вышеприведенное письмо того же святителя къ моему прадѣду, на тотъ случай, если редакціи угодно будетъ помѣстить его въ уважаемомъ изданіи „Русской Старинѣ".

Александръ Потаповъ.

Примѣчаніе. Съ большимъ удовольствіемъ помѣщая весьма обязательное сообщеніе А. Л. Потапова, съ своей стороны добавимъ, что свято-духовское братство, нѣкогда прославленное сподвижничествомъ святителя Димитрія, принявъ св. образъ его, какъ видно изъ «Виленскаго Вѣстника» 1869 г., № 128, въ собраніи своего совѣта постановило: «устроить для св. иконы приличный кіотъ, съ надписаніемъ объ именитомъ жертвователѣ, и, внесши ее въ свято-духовскій монастырскій храмъ по чиноположенію церковному, поставить въ немъ при братскихъ иконѣ и хоругви на видномъ мѣстѣ, а его высокопреосвященство, почетнаго предсѣдателя своего, просить почтительнѣйше извѣстить о томъ его высокопревосходительство, Александра Львовича, съ выраженіемъ ему искренней признательности за знаменательный даръ его».

Постановленіе это, какъ видно изъ напечатаннаго въ той же газетѣ письма, архіепископа Макарія къ А. Л. Потапову, было исполнено. **Ред.**

О соблюденіи формы гражданскими чиновниками.

Отъ владимірскаго гражданскаго губернатора. 15-го марта 1833 г., № 3,482. Во владимірскую гражданскую палату. Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ предписаніи отъ 21-го февраля сего года сообщилъ мнѣ, къ надлежащему исполненію, что государь императоръ изволилъ замѣтить, что нѣкоторые чиновники гражданскаго вѣдомства, употребляя форменные сюртуки и шинели военнаго покроя, дозволяютъ себѣ являться въ публичныя мѣста и на гулянья въ фуражкахъ и безъ шпагъ, и при томъ нерѣдко оказываютъ сопротивленіе полицейскому распорядку. Посему его величеству благоугодно было повелѣть о строжайшемъ подтвержденіи гражданскимъ чиновникамъ, дабы при употребленіи форменныхъ сюртуковъ и шинелей, гдѣ таковыя по положеніямъ допускаются, не отваживались носить фуражекъ, но были бы непремѣнно въ форменныхъ шляпахъ и при шпагахъ; въ противномъ же случаѣ носили бы присвоенные каждому вѣдомству вицъ-мундиры или партикулярное платье съ круглыми шляпами, и чтобы вообще не дозволяли себѣ нарушенія полицейскихъ правилъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строжайшаго взысканія.

Давъ знать градскимъ и земскимъ полиціямъ о таковой высочайшей волѣ, для объявленія оной кому слѣдуетъ и надлежащаго со стороны ихъ наблюденія за точнымъ исполненіемъ оной, я извѣщаю о семъ гражданскую палату, предлагая учинить распоряженіе, дабы чиновники, находящіеся на службѣ въ штатѣ палаты, сюртуковъ и прочаго платья по военному покрою отнюдь не носили, и чтобы канцелярскіе служители, кои не имѣютъ классныхъ чиновъ, носили сюртуки и фуражки, согласно положенію о канцелярскихъ служителяхъ, 14-го октября 1827 года высочайше утвержденному, и по рисункамъ, разосланнымъ при высочайшемъ указѣ въ 1-й день мая 1832 года состоявшемся, съ вышивкою на фуражкахъ литеръ К. С. Гражданскій губернаторъ С. Ланской.

Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.**

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія и семидесятилѣтія съ основанія Харьковскаго университета).

30-го января, наступающаго 1873 года, исполнится 100 лѣтъ со дня рожденія основателя Харьковскаго университета, извѣстнаго (съ 1801 по 1843 годъ) украинскаго дѣятеля, В. Н. Каразина. Въ этомъ же году и также въ концѣ января (а именно 24-го), исполнится 70

лѣтъ со дня подписанія указа объ учрежденіи Харьковскаго университета, который открытъ 17 января 1805 года.

Въ формулярѣ В. Н. Каразина значится: „Подалъ мысль слободско-украинскому (харьковскому) дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который высочайше и утвержденъ въ 1803 году), послуживъ орудіемъ къ пожертвованію на оный 618,000 руб. сер. [1]).

Довольно одной этой заслуги, чтобы соотечественники В. Н. Каразина и, въ особенности, питомцы и преподаватели столькихъ поколѣній Харьковскаго университета почтили, къ этому дню, память В. Н. Каразина.

Изъ повременныхъ изданій 1865 года извѣстно, что еще десять лѣтъ назадъ, во время празднованія шестидесятилѣтія съ открытія Харьковскаго университета, въ Харьковѣ былъ возбужденъ вопросъ о постановкѣ памятника основателю этого университета. Теперь, когда въ „Русской Старинѣ“ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ явились въ свѣтъ до нынѣ неизданныя бумаги В. Н. Каразина, вызвавшія въ минувшемъ году такую оживленную полемику объ этомъ почтенномъ общественномъ дѣятелѣ южной Россіи, личность его окончательно обозначилась. Можно, въ настоящее время, не соглашаться съ тѣми или съ другими политическими убѣжденіями В. Н. Каразина. Но никто неотнимаетъ у него незабвенной заслуги, что ему югъ Россіи, семьдесятъ лѣтъ назадъ, былъ обязанъ основаніемъ, на пожертвованія мѣстнаго дворянства и купечества, Харьковскаго университета. Профессоръ послѣдняго, Н. А. Лавровскій, въ замѣчательномъ изслѣдованіи объ открытіи Харьковскаго университета („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1872 г., №№ 1-й и 2-й), на основаніи данныхъ мѣстнаго учебнаго архива, честь основанія этого университета также всецѣло приписываетъ В. Н. Каразину. Н. А. Лавровскій говоритъ (Журн. М. Н. Пр., 1872 г., № 1, стр. 74): „Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи университета для южной Россіи (въ Харьковѣ) состоялось 24-го января 1803 года,— во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи“. И въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ (стр. 60): „Первая мысль объ этихъ пожертвованіяхъ и воодушевленное возбужденіе къ нимъ дворянства и горожанъ Харьковской губерніи принадлежитъ Каразину, такъ что онъ дѣйствительно является,

[1]) Біографія В. Н. Каразина помѣщена въ книгѣ «Украинская Старина, матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія», Г. П. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 года, изд. Заленскаго и Любарскаго. Означенная книга г. Данилевскаго удостоена, въ 1868 году, преміи гр. Уварова отъ Императорской Академіи Наукъ. **Ред.**

на всѣхъ пунктахъ, единственнымъ виновникомъ назначенія Харькова для южнаго университета".

Въ 1863 году харьковское общество было еще раздроблено. Теперь всѣ сословія этой губерніи имѣютъ свое представительство въ харьковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Городъ Харьковъ также въ настоящее время имѣетъ свое отдѣльное представительство въ недавно-открытой въ немъ новой, городской думѣ.

Въ различныхъ углахъ Россіи давно уже поставлены памятники нѣкоторымъ изъ общественныхъ дѣятелей. Такъ, между прочимъ, Одесса поставила памятники Дюку де-Ришелье и князю Воронцову (основателямъ Ришельевскаго Лицея). Въ Петербургѣ, противъ Медико-Хирургической Академіи, воздвигнутъ памятникъ учредителю послѣдней, баронету Вилліе.

Харьковское земство, городъ Харьковъ и Харьковскій университетъ сдѣлали бы почтенное дѣло, если бы пособили постановкѣ памятника основателю этого университета, В. Н. Каразину. Слѣдовало бы открыть для этого общественную подписку при университетѣ, при губернской земской управѣ или при городской думѣ. Мѣсто для памятника вѣроятно было бы избрано на площадкѣ, вверху такъ-называемой университетской горки, лѣстница которой въ недавнее время перестроилась и украсилась значительнымъ пожертвованіемъ бывшаго харьковскаго губернатора, нынѣ почетнаго гражданина города Харькова, П. П. Дурново.

Г. Данилевскій.

1-го августа 1872 года.
С.-Петербургъ.

Замѣтка. Въ V т. «Р. Ст.», стр. 766, напечатана эпиграмма на исторіографа Н. М. Карамзина. Въ рукописныхъ сборникахъ, откуда мы взяли ее, она приписана А. С. Грибоѣдову; по свидѣтельству же П. В. Анненкова, она принадлежитъ А. С. Пушкину, еще лицеисту, и заключаетъ въ себѣ намекъ на сказку Карамзина: «Илья Муромецъ». См. «Полн. Собр. соч. Пушкина», изд. 1871 г., т. I, стр. 525.

Въ т. VI «Рус. Ст.», стр. 36, строчка 2-я снизу, грубая опечатка: «9,000 резервная армія»; читай: «90,000 резервная армія». **Ред.**

дѣмъ въ данномъ случаѣ, весьма много можетъ способствовать уясненію предмета, ибо всегда ведетъ за собою новую точку зрѣнія.

Цѣль изслѣдованія г. Ключевскаго — очистить источникъ настолько, чтобы прагматикъ, обращаясь къ нему, имѣлъ подъ руками предварительныя свѣдѣнія, которыя помогли бы ему правильно воспользоваться житіемъ. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ ограничился житіями, написанными въ сѣверовосточной Руси, не коснувшись кіевскихъ. Въ книгѣ множество библіографическихъ примѣчаній; есть и приложенія. Изслѣдованіе г. Ключевскаго пріобрѣтаетъ особенное значеніе еще и потому, что матеріалъ, подлежавшій разсмотрѣнію, исключительно рукописный, разсѣянный по разнымъ библіотекамъ, монастырскимъ, казеннымъ и частнымъ.

Все изслѣдованіе раздѣляется на восемь главъ, къ которымъ приложенъ указатель: древнѣйшія преданія о ростовскихъ святыхъ въ позднѣйшей литературной обработкѣ; древнѣйшія житія на сѣверѣ; Кипріанъ и Епифаній; Пахомій Логоѳетъ; русскія подражанія до макарьевскаго времени; житія макарьевскаго времени; перечень позднѣйшихъ житій и редакцій; общія замѣчанія.

Въ заключеніе отмѣтимъ слѣдующій курьёзъ. По сообщеніямъ московскихъ газетъ, нѣкто о. Пафнутій, недавно перешедшій изъ раскола, въ припадкѣ ревности не по разуму, публично обозвалъ, съ высоты кремлевскаго соборнаго крыльца, г. Ключевскаго—еретикомъ, а его книгу—еретическою!

Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Составилъ П. Н. Полевой. Часть вторая (средній возрастъ). Спб., 1872. Тип. Траншеля, 12°, VI, III и 374 стр. Ц. 70 коп.

Первая часть хрестоматіи издана въ 1869 году и успѣла уже выдержать три изданія, прежде чѣмъ П. Н. Полевому удалось вновь вернуться къ давно-начатому труду и выдать его въ свѣтъ. Въ этой второй части, предназначенной въ пособіе для изученія теоріи прозы, собраны одни прозаическіе отрывки, сгруппированные по особому плану, выработанному личнымъ педагогическимъ опытомъ П. Н. Полеваго. Первое мѣсто отведено въ книгѣ описаніямъ, за тѣмъ повѣствованіямъ, потому что съ этими прозаическими формами ученику и на школьной скамейкѣ и въ практической жизни придется чаще всего и болѣе всего имѣть дѣла. Всѣхъ отдѣловъ пять: 1) описаніе простое (описаніе растеній, животныхъ, производствъ, веществъ, неодушевленныхъ предметовъ, явленій природы, жилищъ человѣка, населенныхъ мѣстностей; болѣе обширныя и болѣе сложныя описанія различныхъ предметовъ, явленій и событій); 2) описаніе художественное; 3) повѣствованіе (лѣтопись, записки или мемуары, автобіографія, біографія, исторія); 4) разсужденіе, и 5) ораторская рѣчь. Каждому отдѣлу предшествуютъ краткія, сжатыя предварительныя объясненія, заключающія въ себѣ только такія теоретическія свѣдѣнія, которыя существенно необходимы для пониманія различныхъ образцовъ прозаическихъ формъ. Объясненія эти, говоритъ П. Н. Полевой, составлены по превосходной нѣмецкой хрестоматіи для австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, по хрестоматіи А. Эггера. Послѣ каждаго отрывка слѣдуютъ задачи, въ которыхъ указывается ученику путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать, чтобы научиться, на основаніи данныхъ ему образцовъ, точно и подробно описывать предметы, доступные его наблюденію, или обращается его вниманіе на планъ и расположеніе частей описанія у нашихъ образцовыхъ писателей, на красоты языка и слога. Къ концу приложенъ объяснительный словарь, въ которомъ обращено особенное вниманіе на разъясненіе терминовъ и на переводъ множества иностранныхъ словъ, которыми даже и лучшіе писатели наши такъ некстати привыкли пестрить родной языкъ.

Къ этому намъ остается прибавить, что изданіе довольно изящное, что, не смотря на компактность шрифта, книга отпечатана весьма чотко и по цѣнѣ весьма доступна.

Составители Кіево-Печерскаго патерика и позднѣйшая его судьба. Историко-литературный очеркъ М. А. Викторовой. Съ предисловіемъ И. И. Некрасова. Воронежъ, 1871, 8°, 39 стр.

Даровитѣйшая русская ученая писательница, М. А. Викторова, къ общему сожалѣнію, скончалась: это, дѣйствительно, большая потеря. О замѣчательномъ трудѣ ея, состоящемъ въ переводѣ древнерусскаго текста Патерика Печерскаго на современный языкъ литературный, было довольно обстоятельно сказано И. И. Некрасовымъ въ «Филологическихъ Запискахъ» (1870, вып. VI). Въ настоящемъ очеркѣ М. А. Викторова съ большимъ искусствомъ показала и объяснила превосходство древняго текста Печерскаго Патерика надъ общепринятымъ пока изданіемъ кіевскимъ 1661 г., вышедшимъ подъ редакціею тогдашняго ученаго ректора кіевской академіи, архимандрита Гизеля.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третій годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома,** изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія,** не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктъ-Петербургѣ и Москвѣ, восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** —въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30;)** въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Лисицына и въ д. Трута кв. № 12.**

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолженія: **записокъ Болотова, Лагарпа, М. А. Бестужева,** партизана **Дениса Давыдова,** и архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова,** кн. **Куракиныхъ,** гр. **Стакельбергова,** кн. **Щербатова,** свѣтл. кн. **А. А. Италійскаго** графа **Суворова-Рымникскаго,** именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. **Суворова,** свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина,** — записки: гр. **Ѳ. П. Толстаго,** адмир. **Колзакова, И. И. Горбачевскаго,** кн. **С. Г. Волконскаго,** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго,** записки ген. **Толя,** кн. **А. А. Шаховскаго, Европеуса** о бунтѣ военныхъ поселянъ, **И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831 - 1841 гг.); генерала **Фелькнера,** ак. жив. **А. В. Ступина** (1775—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича;** секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (до 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Дѣло **Волынскаго:** письма гр. **Бестужева-Рюмина,** гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II;** письма императоровъ: **Павла I, Александра I,** цесар. **Константина;** императр. **Елизаветы Алексѣевны; Трощинскаго;** гр. **Аракчеева,** гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова;** мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова,** письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховитинова;** неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина,** статьи **В. Н. Каразина;** сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щебальскаго;** статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади,** кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова,** проф. **Брикнера, Н. П. Дурова.** Сообщ.: **К. С. Сербиновича,** кн. **П. Д. Волконскаго,** кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго,** кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делянова, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе,** гр. **Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича,** бар. **Ѳ. А. Бюлера, М. Ѳ. Бороздина,** и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи — **Мих. Ив. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ третій. ОКТЯБРЬ. 1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русскій театръ при Александрѣ I, воспоминанія **П. А. Каратыгина.** 297

II. Записки партизана **Дениса Давыдова**: воспоминанія о польской войнѣ 1831 г., гл. VII—XVI (окончаніе). Сообщ. **В. Д. Давыдовъ** 309

Приложенія: 1. Рѣчь императ. Николая Павловича въ Варшавѣ. 1835 г. (391). 2. Обзоръ дѣйствій польской арміи въ 1831 г. Сообщ. **А. Распоповъ.** (393). 3. Замѣтки **В. Д. Давыдова** и **В. Лыкошина.** (399). 4. Письма партизана Дениса Давыдова. Сообщ. Док—ій. (403). 5. Указъ о Чарторыжскомъ. Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.** (405) . . . . . 391—405

III. Суворовъ: Письма его къ роднымъ. 1791 г. Сообщ. **А. А. Суворовъ, кн. Италійскій, гр. Рымникскій** . . 406

IV. Мысли фельдмаршала кн. И. Ѳ. Паскевича по поводу защиты и паденія Севастополя. 1855 г. Сообщ. **Н. П. Степановъ** . 427

V. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Радищевъ въ Сибири. Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.** (436). 2. Рылѣевъ: а) Замѣтка; б) Стихотвореніе на смерть Байрона; в) Предчувствіе о своей судьбѣ. (438). 3. Н. В. Гоголь: письмо къ И. И. Сосницкому о представленіи «Ревизора». (441). 4. Смотритель Сѣвскихъ училищъ Шелковъ. 1829 г. Сообщ. **С. Н. Гавриловъ.** (444). 5. Наставленіе ректору и деканамъ университетовъ. 1849 г. (448). 6. Переписка турецкаго султана съ запорожцами въ XVII ст., съ примѣчаніемъ **Н. И. Костомарова.** (450).

VI. А. Ѳ. Гильфердингъ † 20-го іюня 1872 г. 452

VII. С. Н. Палаузовъ † 14-го августа 1872 г. Воспоминаніе **А. С. Воронова** 471

VIII. Археологія: записка **Петра I** о вознагражденіи за археологическія находки. Сообщ. **П. И. Барановъ** 474

IX. Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленіе о подпискѣ на «Рус. Стар.» 1873 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1794 гг. **томъ третій,** часть XX, письма 203-207: Бытъ русскаго дворянства 1780—1781 гг.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ **1873** г. Цѣна **8** руб.

Подписка на „Русскую Старину“ изд. **1872** г. продолжается. Первыя двѣ книги напечатаны **вторымъ изданіемъ.** Цѣна за годъ 8 рублей.

„Русская Старина“ **1870** и **1871** гг. разошлись сполна по подпискѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе Археографической коммиссіи. Спб., 1872, 4°. Тип. Ак. Н. XIV, 512 и 63 стр. Ц. 3 р.

Лаврентіевскій списокъ лѣтописи, нынѣ хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, издавался нѣсколько разъ — цѣликомъ и отрывками. Такъ въ 1793 г. графъ Мусинъ-Пушкинъ издалъ «Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ». Въ 1804 году, по порученію московскаго историческаго общества, профессоры Чеботаревъ и Черепановъ приступили къ печатанію Лаврентіевскаго списка, сличая текстъ его съ сгорѣвшимъ впослѣдствіи Троицкимъ и Радивиловскимъ списками; въ теченіе семи лѣтъ издатели напечатали 10 листовъ; затѣмъ изданіе погибло во время московскаго пожара; немногіе сохранившіеся экземпляры считаются библіографическою рѣдкостью. Новое изданіе того же общества было поручено Тимковскому, который успѣлъ издать только 13 листовъ, и скончался; эти 13 листовъ, съ предисловіемъ Калайдовича, вышли въ свѣтъ въ 1824 году. Но собственно первое полное изданіе Лаврентіевскаго списка появилось въ 1846 году, отъ имени петербургской археографической коммиссіи, подъ редакціею Бередникова. Затѣмъ, въ 1860 году, Миклошичъ перепечаталъ петербургское изданіе 1846 года, придавъ языку Лаврентіевскаго списка правильность и однообразное правописаніе.

Первенство между вышепоименованными изданіями принадлежитъ Тимковскому, который не рѣшился, подобно Шлёцеру, возстановить Нестора сводомъ изъ разнородныхъ и разновременныхъ списковъ, достовѣрность которыхъ неопредѣлена (вотъ подлинныя слова Шлёцера: «изъ десяти найденныхъ разнословій опредѣлить одно настоящее слово, или отгадать, что̀ собственно писалъ Несторъ»), но руководствовался нѣсколько новыми правилами, именно: взявъ за основаніе древнѣйшій списокъ, Тимковскій съ точностью передавалъ чтеніе своего подлинника, объясняя и исправляя оный отъ ошибокъ переписчика посредствомъ варьянтовъ. Но, къ сожалѣнію, это почтенное изданіе не доведено до конца и печатано на крайне дурной, обверточной бумагѣ. Что касается Бередниковскаго изданія, то оно самою коммиссіею признано «не совершенно удовлетворительнымъ».

Такимъ образомъ, отсутствіе удовлетворительнаго изданія нашей первой, древнѣйшей лѣтописи чувствовалось, почему коммиссія, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была озабочена выработкою болѣе солидныхъ основаній для изданія лѣтописей; къ этому важному дѣлу были приглашены извѣстнѣйшіе ученые, русскіе и западно-славянскіе. Руководствуясь новыми правилами, еще въ прошломъ году была издана отъ коммиссіи «Лѣтопись по Ипатскому списку», о чемъ мы тогда же дали отзывъ («Русск. Стар.» 1871, декабрь). На дняхъ же вышла «Лѣтопись по Лаврентіевскому списку», при печатаніи котораго коммиссія постановила, между прочимъ, слѣдующее: 1) списокъ этотъ принять за основный, несмотря на то, что нѣкоторыя мѣста являются въ немъ испорченными переписчикомъ, и воспроизвести его буква въ букву, соблюдая даже грамматическія неправильности; но раскрыть, впрочемъ, въ немъ титла, замѣнить двойныя гласныя простыми и разставить знаки препинанія, какъ того требуетъ смыслъ; 2) сличить его съ двумя другими списками: Радивиловскимъ и Московско-Академическимъ, а также съ погибшимъ Троицкимъ, насколько сего послѣдняго сохранилось по изданію Чеботарева; 3) вносить въ него изъ побочныхъ списковъ пропущенныя въ немъ мѣста; 4) и 5) исправлять и возстановлять въ немъ явно-испорченныя мѣста и слова, если побочные списки представятъ къ тому достаточныя основанія, упоминая объ этомъ также въ примѣчаніяхъ.

Столь сложное и важное порученіе было возложено на главнаго редактора лѣтописей, А. Ѳ. Бычкова, и исполнено превосходно, съ тою тщательностью и добросовѣстностью, какими качествами отличаются вообще всѣ многочисленные труды этого почтеннаго ученаго. Существеннѣйшія отличія настоящаго изданія отъ изданія 1846 года слѣдующія: правильное чтеніе текста, приведеніе въ порядокъ разсказа за 6711—14 годы и указаніе на результаты повѣрки хронологическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ Лаврентіевскомъ спискѣ. Къ тексту приложенъ указатель лицъ, мѣстъ и предметовъ. Было бы желательно, въ видѣ дополненія къ этому прекрасному тому, имѣть подробное оглавленіе, раздѣленное на главы, соотвѣтственно княженіямъ, и словарь, который исчерпывалъ бы весь лексическій составъ лѣтописи, съ необходимыми филологическими толкованіями; наконецъ, было бы желательно видѣть при такомъ монументальномъ изданіи библіографію литературы о лѣтописи Нестора. Литература эта довольно обширна и представляетъ много изслѣдованій, статей, замѣтокъ и переводовъ весьма замѣчательныхъ.

Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, собранные и изданные Петербург. археографическою коммиссіею. Томъ седьмой. Спб., 1872. Тип. Пратца, 4°, VI, 10 и 398 стр. Ц. 2 руб.

Документы, вошедшіе въ этотъ томъ (чис-

ЗАПИСКИ П. А. КАРАТЫГИНА.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ со дня поступленія моего въ театральное училище, и я изъ приготовительнаго (танцовальнаго) класса перешелъ въ классъ балетмейстера Дидло. Этотъ знаменитый хореграфъ былъ тогда въ полномъ блескѣ своего таланта и монополія его деспотически распоряжалась въ театральномъ мірѣ. Воспитывающіеся обоего пола, всѣ безъ исключенія, обязаны были непремѣнно учиться танцовать, хотя бы имѣли страсть и способности къ другимъ сценическимъ искусствамъ. Конечно, для будущихъ актеровъ и актрисъ, пѣвцовъ и пѣвицъ— это дѣло не безполезное, танцовальной гимнастикой пріобрѣтается сценическая ловкость; музыкантамъ же, разумѣется, танцы вовсе ненужны, но для балетной обстановки Дидло необходима была безчисленная масса корифеевъ, фигурантовъ, фигурантокъ и статистовъ—и все это плясало по его дудкѣ, не говоря ни слова, начиная съ самого начальства. Личность Дидло была очень оригинальна: онъ былъ средняго роста, худощавый, рябой, съ небольшой лысиной; длинный, горбатый носъ, сѣрые, быстрые глаза, острый подбородокъ; вообще вся его наружность была небольно красива... Высокіе, туго-накрахмаленные воротнички рубашки закрывали въ половину его костлявыя щеки. Онъ постоянно былъ въ какомъ-то неестественномъ движеніи, точно въ его жилахъ была ртуть, вмѣсто крови. Голова его безпрестанно была занята сочиненіемъ какого-нибудь pas, или сюжетомъ новаго балета, и потому подвижное его лицо ежеминутно измѣнялось, а всю его фигуру то и дѣло подергивало; ноги держалъ онъ не-

обыкновенно выворотно, и имѣлъ забавную привычку одну изъ нихъ каждую минуту то поднимать, то отбрасывать въ сторону... Эту штуку онъ выкидывалъ даже ходя по улицѣ, точно онъ страдалъ пляскою св. Вита. Кто видѣлъ его въ первый разъ, могъ бы, конечно, принять его за помѣшаннаго, до того всѣ его движенія были странны, дики и угловаты. Вообще этотъ замѣчательный человѣкъ былъ фанатикъ своего искусства и все свое время посвящалъ на безпрерывныя, неутомимыя занятія.

Первый балетъ, который онъ началъ приготовлять при мнѣ, былъ: «Ациссъ и Галатея». Его давали въ Маломъ театрѣ (Больш[ой] театръ тогда еще не былъ возобновленъ послѣ пожара) 30-го [а]вгуста 1816 года, въ день тезоименитства императора Александ[ра] I. Мнѣ назначено было изображать Меркурія и спускаться съ [самаго] верха..... Честь довольно высокая, но не менѣе и опасная... Помню я, какъ моя покойная матушка, узнавъ объ этой воздушно[й] экспедиціи, пришла въ неописанный ужасъ!... Она боялась, чт[объ] я не сорвался со своего полета, или чтобъ меня не ушибли... На генеральной репетиціи меня, раба Божія, нарядили въ полный [костюмъ миѳологическаго Меркурія; подъ тю]ликомъ былъ у меня [корсетъ съ толстымъ крючкомъ на спинѣ], къ этому крючку при[цѣплялись проволоки, на которыхъ я долженъ былъ повиснуть; на головѣ была голубая шляпа съ бѣлыми крылышками; такія же [крылышки были и на ногахъ; въ руку мнѣ дали золотой кадуцей и я приготовлялся къ своему заоблачному путешествію...

Душа бѣднаго Меркурія [у]ходила въ пятки и посланникъ боговъ, конечно, желалъ бы въ ту минуту лучше провалиться сквозь землю (т.-е. подъ полъ), чѣмъ летѣть на небеса... Но судьба отвратила отъ меня эту напасть... Я ужъ былъ повѣшенъ на крючокъ, меня подняли отъ полу аршина на три, какъ вдругъ что-то на верху запищало, и Меркурій ни съ мѣста!... Стопъ машина! Она испортилась... Машинистъ Тибо полѣзъ на колосники (такъ называется верхній отдѣлъ сцены), суетился и кричалъ наверху, Дидло бѣсновался внизу, а я между ними висѣлъ, какъ баранъ, или какъ несчастная жертва, обреченная на закланіе!... Не помню, сколько времени я провисѣлъ между небомъ и землей, но наконецъ меня сняли съ крючка, велѣли раздѣться и сказали мнѣ, что этого эффектнаго полета вовсе не будетъ!

Языческій Меркурій бросилъ свой кадуцей, и снявъ шляпу, перекрестился обѣими руками! Вмѣсто неба потомъ я попалъ въ воду; мнѣ приказано было одѣться тритономъ; подвязали мнѣ чешуйчатый рыбій хвостъ, надѣли на голову зеленый длинноволосый парикъ и помѣстили меня на заднемъ планѣ, въ далекомъ морѣ, въ свиту Нептуна. Новая моя роль была и покойна и неопасна, мнѣ тутъ было, какъ говорится, море по колѣно и въ буквальномъ, и въ аллегорическомъ смыслѣ. На генеральныхъ репетиціяхъ новыхъ своихъ балетовъ, Дидло всегда бывалъ неприступенъ и доходилъ зачастую до совершеннаго изступленія. Малѣйшая ошибка или неисправность приводили его въ бѣшенство; онъ рвалъ на себѣ волосы, бросалъ свою толстую палку и кричалъ неистовымъ голосомъ. Къ концу репетиціи потъ лилъ съ него градомъ и онъ уже совершенно изнемогалъ и терялъ голосъ. Горе тому, кто подвертывался къ нему въ этотъ роковой вечеръ! Тутъ онъ себя непомнилъ и готовъ былъ прибить встрѣчнаго и поперечнаго, особенно послѣдняго, еслибъ тотъ осмѣливался ему въ чемъ-нибудь поперечить. Вспыльчивый, нетерпѣливый сангвиникъ, онъ былъ неукротимъ въ минуту досады; даже его единородный сынъ Карлъ Дидло (очень хорошій танцовщикъ) не избѣгалъ заушеній, колотушекъ, щипковъ и тому подобныхъ родительскихъ внушеній...

Въ то время въ Маломъ театрѣ уборныя воспитанниковъ помѣщались довольно далеко отъ сцены, такъ что мы, одѣтые въ свои костюмы, должны были проходить на сцену по театральному корридору, наполненному публикой. Помню я забавный эффектъ, когда мы, наряженные тритонами, въ зеленыхъ парикахъ, съ рыбьими хвостами, проходили однажды мимо почтеннѣйшей публики, и какъ иные шутники дергали насъ за эти хвосты, другіе стаскивали наши парики и потѣшались надъ нашимъ рыбьимъ безмолвіемъ; а намъ ничего больше не оставалось, какъ, подобравъ свои хвосты, бѣжать сломя голову отъ этихъ любезныхъ шутокъ почтенной публики.

Балетъ «Ациссъ и Галатея» имѣлъ въ то время большой успѣхъ; прекрасная музыка для него была сочинена капельмейстеромъ Антонолини. Ацисса — представляла Новицкая, первая танцовщица; Галатею — Истомина (та самая, о которой такъ поэтично отзывается Пушкинъ въ I главѣ «Евгенія Онѣгина»).

Она дебютировала этою ролью; трехглазаго Полиѳема изображалъ танцовщикъ и балетмейстеръ Огюстъ (Пуаро). Всѣ они давно уже въ царствѣ тѣней, но тогда были полные жизни и въ полномъ цвѣтѣ своего таланта.

Постановка каждаго новаго балета составляла эпоху въ театральномъ балетномъ мірѣ. Мѣсяца два или три происходили ежедневныя репетиціи, поутру и вечеромъ, и, разумѣется, въ это время всѣ наши словесные классы въ училищѣ умолкали; ноги и руки отдавались въ полное распоряженіе балетмейстера, а головы должны были думать только о томъ, что онъ приказывалъ.

Прошелъ годъ, я продолжалъ учиться у Дидло, который обѣщалъ моему отцу сдѣлать изъ меня первокласснаго фигуранта! Щелчки, пинки и прочія удовольствія, которыя я получалъ отъ него, доказывали, что онъ прилежно мною занимался и хотѣлъ сдержать свое обѣщаніе.

Однажды, во время класса, онъ заставилъ меня дѣлать pas, называемое технически тан-леве назадъ. На мою бѣду, все что-то неклеилось. Дидло выходилъ изъ терпѣнія, бранилъ и трепалъ меня безпощадно, заставлялъ нѣсколько разъ повторять это проклятое тан-леве, но дѣло неладилось. Грозно стуча своей толстой палкой, онъ энергически наступалъ на меня, а я, танцуя, подавался назадъ, и наконецъ, когда мы оба съ нимъ находились посреди залы, на потолкѣ которой висѣла тогда хрустальная люстра, онъ размахнулся своей палкой и разбилъ люстру въ дребезги. Толстые куски хрусталя упали на его лысую голову и до крови ее разсѣкли!

Тутъ окончательно онъ взбѣсился, ударилъ меня раза два или три и выгналъ изъ класса! Легко вообразить себѣ, какого шуму надѣлала у насъ эта кровавая катастрофа! Что меня прибилъ Дидло, разумѣется, это дѣло неважное, а какъ я смѣлъ довести его до того, что онъ разбилъ люстру на свою голову. Вотъ гдѣ преступленіе! Инспекторъ школы (отставной актеръ Рахмановъ) приказалъ мнѣ, послѣ класса, просить прощенія у моего учителя. Къ чести Дидло надо сказать, что при необыкновенной своей вспыльчивости онъ не былъ злопамятенъ, и когда я подошелъ къ нему и со слезами началъ у него просить извиненія, онъ погладилъ меня по головѣ и далъ мнѣ только наставленіе, чтобъ впредь я былъ прилежнѣе, а главное не подводилъ бы его

подъ люстру. «Это происшествіе оставило на нѣсколько дней у него красныя пятна на лысинѣ, а у меня синяки, на какомъ мѣстѣ, не помню. Я тоже незлопамятенъ.

Иногда добрякъ Рахмановъ вступался за насъ, горемыкъ, и говаривалъ Дидло: «Ты, мусье Дидло, пожалуйста, самъ-то ихъ не бей, а скажи лучше мнѣ, кто у тебя проштрафится, такъ я его послѣ накажу; а то, что же хорошаго? Искалечишь мальчишку, куда онъ потомъ годится?» Но, увы! вся эта добродушная логика не имѣла никакого вліянія на самоуправство деспота-балетмейстера.

Въ описываемое мною время ходилъ постоянно къ намъ на репетиціи и въ спектакли сбитеньщикъ, и какъ же былъ счастливъ тотъ изъ насъ, у кого была въ карманѣ гривна на это наслажденіе, особенно въ зимнюю пору. Грѣхъ сказать, чтобъ у меня всегда водились деньжонки, и мнѣ случалось иногда облизываться, глядя на наслажденіе моихъ товарищей; въ долгъ же мальчишкамъ жестокій сбитеньщикъ не вѣрилъ.

Однажды, во время репетицій вышеупомянутаго балета «Ациссъ и Галатея» пришелъ къ намъ другой сбитеньщикъ, который произвелъ необыкновенный эффектъ въ нашемъ закулисномъ муравейникѣ; онъ былъ очень высокаго роста, съ черной бородой и въ нахлобученной шапкѣ; въ баклагѣ у этого сбитеньщика былъ не сбитень, а отличный шеколадъ; кулекъ же его, вмѣсто обыкновенныхъ сухарей и булокъ, былъ наполненъ конфектами, бріошками и бисквитами, но что всего удивительнѣе, онъ подчивалъ всѣхъ даромъ! Эта новость, разумѣется, быстро разошлась между нами. Благодѣтельнаго сбитеньщика всѣ обступили и ротъ разинули отъ удивленія.

За кулисами, гдѣ обыкновенно помѣщался прежній нашъ сбитеньщикъ, было всегда довольно темно и потому мудрено было разсмотрѣть это новое лицо. Когда я подошелъ къ нему, около его составился тѣсный кружокъ воспитанницъ, которыя слетѣлись, какъ мухи къ меду; само собою разумѣется, что вся его баклага и кулекъ быстро опустѣли; на мою долю досталась одна конфекта, а шоколаду я и не понюхалъ. Эта курьезная новость дошла, наконецъ, и до старика Рахманова; онъ былъ тертый калачъ, и тотчасъ смекнулъ, что тутъ дѣло не ладно.

Едва только его тучная фигура появилась на мѣсто нашего

бражничанья, какъ всѣ бросились, съ крикомъ и визгомъ, въ разсыпную. Самъ же сбитеньщикъ побросалъ на полъ баклагу, кулекъ и стаканы и убѣжалъ опрометью изъ театра. Въ чемъ же заключалась эта закулисная комедія? Сбитеньщикомъ нарядился поручикъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка Якубовичъ (впослѣдствіи извѣстный декабристъ). Онъ тогда ухаживалъ за воспитанницей Дюмонъ (которая потомъ вышла замужъ за актера Ефремова) и пришелъ на репетицію, чтобъ передать ей любовную записку. Этотъ Якубовичъ въ молодости былъ отчаянный кутило и дуэлистъ.

По возвращеніи изъ славнаго похода въ Парижъ, гвардейскіе офицеры того времени были большіе повѣсы вообще, а уланы въ особенности, и въ скандалёзную хронику Петербурга, вѣроятно, вписано много гвардейскихъ шалостей и удалыхъ похожденій.

Помню я, какъ разсказывали въ то старое доброе время одинъ забавный анекдотъ: однажды ночью, послѣ веселаго ужина, разгульная компанія офицеровъ разбрелась потѣшаться по Невскому проспекту, и въ продолженіе ночи эти шутники перемѣнили нѣсколько вывѣсокъ надъ лавками и магазинами. Поутру у булочника оказалась вывѣска колбасника, надъ мясной лавкой—красовалась вывѣска французской модистки, надъ трактиромъ была вывѣска съ аптеки, надъ аптекой—гробоваго мастера и такъ далѣе. Нынче, конечно, подобныя проказы немыслимы, но въ ту пору не было ночного полицейскаго надзора и инвалидные будочники невозмутимо дремали у своихъ старозавѣтныхъ будокъ.

Шалость Якубовича, кажется, не была доведена до государя, и онъ за свой маскарадъ поплатился только пустой баклагой, разбитыми стаканами и расходомъ на закулисное угощеніе.

Во всѣхъ балетахъ того времени я участвовалъ въ кордебалетной толкотнѣ. На моей памяти Дидло сочинилъ и поставилъ: «Зефира и Флору», «Тезея и Аріадну», «Молодую молочницу», «Венгерскую хижину», «Рауля де-Креки», «Кору и Алонзо», «Калифа багдадскаго», «Хензи и Теа», «Тѣнь Либаса» и много другихъ. Вообще онъ ставилъ тогда по два, а иногда и по три новыхъ балета въ годъ. Дѣятельность этого необыкновеннаго хореграфа была изумительна. Онъ буквально цѣлые дни вплоть до ночи посвящалъ своимъ безпрерывнымъ занятіямъ. Ежедневно, по окончаніи классовъ въ училищѣ, онъ сочинялъ или пантомимы,

или танцы для новаго балета;. передавалъ свои идеи композиторамъ музыки и машинистамъ, составлялъ рисунки декораціямъ, костюмамъ и даже бутафорнымъ вещамъ. Онъ былъ человѣкъ очень просвѣщенный, начитанный и художникъ, вполнѣ преданный своему искусству. Не легко было, подъ часъ, совладать съ нимъ и композиторамъ музыки для его балетовъ; тутъ бывали у нихъ вѣчныя столкновенія, споры, и бѣдному маэстро приходилось по нѣсколько разъ передѣлывать, перекраивать, переиначивать свои произведенія. Каждая репетиція новаго балета съ полнымъ оркестромъ необходилась безъ исторіи, и Дидло, за частую, изъ одной лишней такты готовъ былъ разъиграть страшную фугу! Кончалось иногда тѣмъ, что разобиженный композиторъ махнетъ рукой и убѣжитъ изъ театра.

Года черезъ полтора послѣ моего поступленія въ школу, опредѣленъ былъ туда же Николай Дюръ (впослѣдствіи извѣстный актеръ); онъ былъ моложе меня пятью годами и я, какъ опытный уже воспитанникъ, помогалъ ему добрыми совѣтами и сдѣлался его искреннимъ пріятелемъ. Дюръ съ дѣтства готовился быть танцоромъ, и дѣйствительно имѣлъ большія способности. Вскорѣ Дидло особенно имъ занялся и, конечно, жестоко его билъ и мучилъ. Много было потрачено съ обѣихъ сторонъ и трудовъ, и времени совершенно безполезно; вмѣсто танцора онъ сдѣлался прекраснымъ актеромъ и комическимъ пѣвцомъ.

Вообще, опредѣлить въ дѣтскихъ годахъ направленіе таланта или способностей почти невозможно. Такъ, напримѣръ, Сосницкій — тоже готовился быть танцоромъ и уже занималъ роли въ балетахъ; потомъ, года за два до выпуска изъ школы, занялся механикой и хотѣлъ сдѣлаться машинистомъ, но князь Шаховской, который тогда былъ членъ репертуарной части и учитель декламаціи, указалъ ему другое поприще, вытащилъ его изъ-за кулисъ на сцену, и Сосницкій сдѣлался первоклассным актеромъ. Съ Мартыновымъ была та же исторія: мальчикомъ онъ учился живописи у декоратора Коноппи, растиралъ ему краски, и конечно бы стушевался въ его мастерской, еслибъ его также ненадоумили попробовать счастье на другомъ поприщѣ. Иногда случается и наоборотъ: въ ребенкѣ какъ-будто ясно видѣнъ зародышъ драматическаго таланта, а потомъ изъ него выйдетъ косолапый фигурантъ или безголосный хористъ. Въ мое время, напримѣръ, сла-

вилась воспитанница Плотникова, которая въ дѣтствѣ была развита не по годамъ, но съ лѣтами талантъ началъ пропадать, и войдя въ совершенный возрастъ, она сдѣлалась положительною бездарностью и затерялась въ толпѣ хористокъ.

Еще у насъ въ то время былъ воспитанникъ Кондратій Дембровскій (или Кондракинъ, какъ его выставляли тогда на афишахъ), который также въ дѣтствѣ обѣщалъ сдѣлаться замѣчательнымъ танцоромъ, но малый ростъ и некрасивая наружность преобразили его въ ничтожнаго фигуранта.

Однажды мы въ длинномъ фургонѣ (называемомъ линіей, форма которой и теперь еще не исчезла) возвращались съ репетиціи. Тогда противъ Большого театра жилъ нѣкто камеръ-юнкеръ Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, котораго Дембровскій училъ танцовать. Это было весною, кажется, въ 1818 году. Когда поровнялся нашъ фургонъ съ окномъ, на которомъ тогда сидѣлъ Всеволожскій и еще кто-то съ плоскимъ, приплюснутымъ носомъ, большими губами и съ смуглымъ лицомъ мулата, Дембровскій высунулся изъ окна нашего фургона и началъ имъ усердно кланяться. Мулатъ снялъ съ себя парикъ, сталъ имъ махать надъ своей головой и кричалъ что-то Дембровскому. Эта фарса насъ всѣхъ разсмѣшила. Я спросилъ Дембровскаго: «Кто этотъ господинъ?» и онъ отвѣчалъ мнѣ, что это сочинитель Пушкинъ, который тогда только-что начиналъ входить въ извѣстность, по изданіи первой своей поэмы: «Русланъ и Людмила». Тутъ же Дембровскій прибавилъ, что послѣ жестокой горячки Пушкину выбрили голову и что-де, на дняхъ, онъ написалъ на этотъ случай стихи, которые Дембровскій прочелъ намъ наизустъ:

«Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
«Худой, обритый, но живой.
«Его мучительная лапа
«Не тяготѣетъ надо мной!» и проч.

Вотъ случай, когда мнѣ въ первый разъ довелось увидѣть нашего поэта. Дембровскій самъ пописывалъ кое-какіе стишки и былъ страстный поклонникъ Пушкина; онъ, бывало, приносилъ къ намъ въ школу рукописныя его эпиграммы, экспромты и посланія. Какъ-то разъ, послѣ веселаго обѣда у Всеволожскаго, Пушкинъ вызвалъ Дембровскаго написать на него эпиграмму. Эпиграмму на Пушкина!!! Гигантъ вызвалъ карлика на борьбу съ

собою! Разумѣется, бѣдный фигурантъ долго отговаривался отъ этой опасной чести, но наконецъ рискнулъ и написалъ какую-то пошлость. Пушкинъ не задумался отвѣтить ему и отпустилъ, въ свою очередь, на Дембровскаго такую эпиграмму, которая его, бѣднягу, совершенно уничтожила.

Сколько мнѣ помнится, въ эпиграммѣ Дембровскаго было сказано что-то о некрасивой физіономіи Пушкина, и вотъ что отвѣчалъ ему Пушкинъ:

«Когда смотрюсь я въ зеркала,
«То вижу, кажется, Эзопа,
«Но станъ Дембровскій у стекла...
. . . . . .

Остальное неудобно для печати.

Теперь я поведу рѣчь о знаменитомъ актерѣ, который долго какъ солнце блисталъ на театральномъ горизонтѣ, но въ это время былъ уже на закатѣ своего славнаго поприща. Я хочу сказать объ Алексѣѣ Семеновичѣ Яковлевѣ. Это, дѣйствительно, былъ необыкновенный артистъ; умный, добрый и честный человѣкъ, но, къ несчастію, русская широкая его натура была слишкомъ воспріимчива и неудержима, и онъ съ молодыхъ лѣтъ предался грустной слабости, которая такъ обыкновенна въ русскомъ человѣкѣ и которая часто заставляетъ его преждевременно зарывать свой талантъ въ землю! Много, много на св. Руси погибло геніальныхъ людей отъ невоздержности и разгульной жизни! Ни свѣтлый умъ, ни воспитаніе, ни доброе и благородное сердце, ничто не въ состояніи ихъ удержать отъ пагубнаго увлеченія! Къ числу такихъ жертвъ принадлежитъ и Яковлевъ. По словамъ моего покойнаго отца, эта несчастная страсть появилась у Яковлева послѣ первой его поѣздки въ Москву (кажется въ 1805 или 1806 году); тамъ попалъ онъ въ общество богатыхъ и разгульныхъ купцовъ, которые были въ упоительномъ восторгѣ отъ прежняго своего собрата (Яковлевъ былъ москвичъ, изъ купеческаго званія); они задавали чуть не ежедневно въ честь своего гостя обѣды, пирушки и попойки, и положительно споили своего любимца!

Купеческія симпатіи къ артистамъ всегда имѣютъ такія грустныя послѣдствія. Не одинъ Яковлевъ, на моей памяти, сдѣлался жертвою этихъ простодушныхъ цѣнителей искусства.

Эта несчастная страсть довела бѣднаго Яковлева впослѣдствіи до бѣлой горячки, и однажды, въ припадкѣ этой болѣзни, онъ перерѣзалъ бритвой себѣ горло; но во-время поданная ему помощь спасла его отъ явной смерти; рану немедленно зашили и приняты были самыя старательныя мѣры для его излеченія.

Эта грустная катастрофа въ тотъ же день сдѣлалась извѣстна всему Петербургу. Всѣ классы общества были проникнуты горячимъ участіемъ и соболѣзнованіями къ своему любимому артисту. Старшіе воспитанники театральнаго училища, днемъ и ночью, поочередно дежурили у него на квартирѣ въ продолженіе шести недѣль, и я помню, по разсказамъ моего отца, что когда, по выздоровленіи, Яковлевъ вышелъ въ первый разъ на сцену въ роли Ярба (въ трагедіи Дидона, соч. Княжнина), то восторгъ публики дошелъ до изступленія; театральная зала дрожала отъ рукоплесканій и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ему невозможно было начать своей роли. Наконецъ крики и рукоплесканія умолкли; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали услышать снова знакомые звуки своего любимца. Онъ силился произнести первый стихъ—и не могъ. Растроганный до глубины души артистъ, можетъ быть, въ эту торжественную минуту вполнѣ сознавалъ свою вину. Голосъ его оборвался, крупныя слезы покатились по его щекамъ и онъ безмолвно опустилъ голову! Снова раздались рукоплесканія и крики, и наконецъ, кое-какъ собравшись съ силами, онъ началъ свою роль.

Въ этотъ вечеръ, по словамъ его современниковъ, онъ превзошелъ себя, а восторгъ публики былъ безпредѣленъ.

Года два или три послѣ этого происшествія, онъ, говорятъ, отсталъ отъ своей несчастной слабости и усердно занялся своимъ искусствомъ. Но, увы! широкая русская натура снова взяла свое, и закатъ его блистательнаго поприща зачастую былъ отуманенъ губительнымъ порокомъ.

Онъ умеръ въ 1817 году. На его надгробномъ памятникѣ написано:

«Завистниковъ — имѣлъ; соперниковъ — не зналъ!»

Эпитафія красива и звучна. Но кто же теперь повѣритъ этой восторженной аттестаціи? Да, надо признаться, что очень непрочна и мимолетна репутація сценическихъ артистовъ. Что можетъ быть при жизни заманчивѣе, пріятнѣе, лестнѣе славы

артиста?... Тутъ же, въ минуту своего труда, онъ получаетъ и награду. Каждая новая, съ успѣхомъ сыгранная имъ роль увеличиваетъ его славу; онъ ходитъ по цвѣтамъ, его вѣнчаютъ лаврами; онъ осыпанъ ласками восторженной публики, его слухъ оглушенъ громомъ рукоплесканій и крикомъ одобренія,— но все это эфемерная награда! Что же послѣ себя оставляетъ великій артистъ?... Ровно ничего! Художникъ, живописецъ, ваятель, архитекторъ, музыкальный композиторъ—всѣ они передаютъ на судъ потомства свои произведенія, по которымъ оно можетъ оцѣнить ихъ, опредѣлить силу ихъ дарованій, идей и талантовъ; но на какихъ данныхъ потомство можетъ сдѣлать оцѣнку таланта сценическаго художника. Нѣсколько журнальныхъ статей, нѣсколько мемуаровъ старинныхъ театраловъ—и только! Но развѣ новое поколѣніе уважитъ эти похвальные отзывы? Нѣтъ, оно скажетъ: «Да, это имъ казалось въ то время, а теперь бы ихъ знаменитый актеръ былъ просто смѣшонъ. Эти восторженные хвалители были тогда сами молоды, судили пристрастно и ошибочно увлекались». Что же возражать на это? Повѣрки сдѣлать нельзя. Современные зоилы не примутъ въ соображеніе того, что еслибъ этотъ знаменитый актеръ жилъ въ теперешнее время, онъ бы и игралъ иначе. Съ измѣненіемъ общественнаго вкуса, требованія и направленія драматической литературы, измѣнилась бы и метода умнаго и талантливаго артиста. Онъ также пошелъ бы за вѣкомъ.

Не спорю, что журнальные панегирики и восхваленія ничего еще не доказываютъ и бываютъ иногда очень подозрительны. За границей вообще, а во Франціи въ особенности, ни одинъ дебютантъ, а тѣмъ болѣе дебютантка, никогда не выступитъ на сцену, не задобривъ прежде одного или многихъ присяжныхъ театральныхъ рецензентовъ. Если знаменитый, въ свое время, критикъ Жюль-Жаненъ, какъ говорятъ, не могъ похвалиться своей неподкупностью, такъ мелкіе репортёры и подавно.

Чего не настрочитъ упитанный и упоенный аристархъ послѣ вкуснаго завтрака или обѣда; а за цѣнный подарокъ готовъ, пожалуй, написать хвалебную рекламу, хоть подъ диктовку своего протеже.

Разумѣется, у насъ этого ничего быть не можетъ, но смѣшно и грустно, если, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, будущее поколѣніе ста-

нетъ судить объ нынѣшнихъ артистахъ по нашимъ современнымъ журналамъ и газетамъ.

Я живо помню Яковлева въ трехъ роляхъ: въ Димитріи Донскомъ, въ Беверлеѣ и въ Мейнау (драма «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», Коцебу). Особенно послѣдняя производила на меня всегда сильное впечатлѣніе. Эта, такъ-называемая, мѣщанская драма не требовала классической декламаціи, и Яковлевъ былъ въ ней простъ и художественно высокъ; мимика, жесты — все было у него естественно и правдиво; голосъ его хотя тогда уже утратилъ прежнюю свою звучность, но все еще сохранилъ обаятельную способность глубоко проникать въ душу.

Знаменитая фраза Мейнау, въ сценѣ съ его другомъ Горстомъ, послѣ разсказа о своей несчастной исторіи съ женой, когда онъ, утирая слезы (которыя, дѣйствительно, текли по его лицу) говоритъ: «добро пожаловать, дорогіе гости!... давно мы съ вами не видались!...» производили всегда взрывъ рукоплесканій. Тутъ надо было имѣть очень черствое сердце, чтобъ не заплакать съ нимъ вмѣстѣ. Послѣдняя же сцена — прощаніе съ женой (которую тогда играла моя матушка) была верхъ совершенства; Беверлей былъ также изъ числа его лучшихъ ролей. Эта послѣдняя пьеса напомнила мнѣ анекдотъ, слышанный мною отъ моей матушки: однажды въ этой драмѣ дебютировалъ нѣкто Толстяковъ, неуклюжій, бездарный чудакъ. Въ этотъ вечеръ отчаянный игрокъ Беверлей, вмѣсто обычнаго ужаса, производилъ ежеминутный хохотъ, благодаря бездарности своего исполнителя. Въ сценѣ, когда Беверлей приходитъ домой послѣ окончательнаго проигрыша, и жена говоритъ ему: «Другъ мой! Не играй больше!» взрывъ рукоплесканій раздался по всей залѣ и общій хохотъ и браво были рѣшительнымъ отвѣтомъ и желаніемъ публики. Толстяковъ исполнилъ это требованіе: не игралъ больше, хотя и поступилъ на службу въ театръ. Онъ сдѣлался статистомъ.

П. А. Каратыгинъ.

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Вторая часть „Записокъ Давыдова“ состоитъ изъ обозрѣнія военныхъ дѣйствій русской арміи, обширнаго критическаго разбора плановъ и распоряженій Дибича, характеристики этого фельдмаршала, а также нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, и наконецъ сжатаго изложенія собственнаго участія въ кампаніи. Вся эта часть отличается тѣмъ же мастерствомъ изложенія, образностью и живостью красокъ въ описаніяхъ, мѣткостью и остроуміемъ въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ; для военныхъ же людей—это цѣлый курсъ чрезвычайной важности практическихъ замѣтокъ воина, перебывавшаго въ четырнадцати большихъ кампаніяхъ и со славою участвовавшаго въ безчисленныхъ сраженіяхъ и партизанскихъ стычкахъ.

Основный списокъ при изданіи этой части принятъ нами тотъ, который сообщилъ сынъ партизана, В. Д. Давыдовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы прибавили примѣчанія, какія нашли въ спискѣ, изданномъ кн. П. Долгоруковымъ (Лондонъ, 1863 г.) и въ спискѣ, обязательно сообщенномъ генераломъ А. Распоповымъ. Послѣдній списокъ полученъ генераломъ лично отъ покойнаго фельдмаршала кн. Паскевича и, по сличеніи его съ совершенно вѣрнымъ спискомъ сына автора, отличается слѣдующими особенностями: онъ видимо снятъ человѣкомъ, взявшимъ на себя трудъ исправлять и сокращать изложеніе партизана; эти исправленія отняли въ своеобразномъ слогѣ Дениса Давыдова всю прелесть, а сокращено изъ записокъ, т.-е. выкинуто все то, что относится къ критикѣ дѣйствій Дибича и въ особенности Паскевича, и объ отношеніяхъ послѣдняго къ Ермолову. Если всѣ эти передѣлки были сдѣланы лицомъ, поднесшимъ списокъ кн. Паскевичу, то такимъ образомъ фельдмаршалъ могъ до самой кончины не знать текста записокъ Давыдова въ ихъ подлин-

номъ видѣ. Въ замѣнъ критики дѣйствій русскихъ главнокомандующихъ въ спискѣ, принадлежавшемъ Паскевичу, помѣщена довольно большая замѣтка о дѣйствіяхъ польскихъ военачальниковъ. Замѣтку эту мы помѣстили въ приложеніи къ нашему изданію „Записокъ".

Ред.

VII [1]).

13-го января 1832 г. сеймъ на предложеніе нунція Солтыка, о коемъ такъ часто въ семъ сочиненіи упоминается, объявилъ престолъ царства польскаго празднымъ, и чрезъ то отнялъ у людей благомыслящихъ послѣднія надежды на посредничество Франціи и Англіи между царствомъ и нашимъ императоромъ [2]).

17-го января явилось новое правленіе, подъ названіемъ народоваго или національнаго. Исполнительная власть препоручена была пяти членамъ, безъ отчетности, и министрамъ, подвластнымъ отчетности сейма и сената. Это была пародія покойной французской Директоріи, какъ возстаніе царства пародія французской революціи 23-го ноября и Хлопицкій 18-го брюмеру и Наполеону, болтовня сейма — преніямъ Конвента, Лелевель — Робеспьеру и польская нація — французской.

Чарторижскій назначенъ былъ президентомъ этого правленія.

Между тѣмъ, съ нашей стороны, при самыхъ великодушныхъ и милосердныхъ увѣщаніяхъ, не было усыпленія относительно поборенія враждебныхъ усилій царства, въ случаѣ если увѣщанія останутся безъ успѣха. Летѣли курьеры въ корпуса, назначенные

---

[1]) См. «Русск. Стар.», изд. 1782 г., т. V, стр. 624—639; т. VI, стр. 1—38.

[2]) Франція по сему предмету выслала ко двору нашему герцога Мортемара. Мортемаръ встрѣтилъ на пути изъ Берлина въ Петербургъ польскаго дипломатическаго агента Козмяка, ожидавшаго его пріѣзда. Козмякъ, между прочими извѣстіями, объявилъ ему о предложеніи упраздненія престола польскаго, сдѣланномъ сейму. (Предъ отъѣздомъ Козмяка, т.-е. 9-го января сдѣлано было одно только предложеніе, которое не получило еще утвержденія сейма). Это извѣстіе поразило Мортемара. «Наставленія, данныя мнѣ, сказалъ онъ Козмяку: предоставляютъ мнѣ право дѣйствовать въ пользу царства въ такомъ только случаѣ, когда царство останется относительно къ Россіи такъ, какъ оно создано вѣнскимъ конгрессомъ; если же оно переступитъ за эту черту, то я торжественно предупреждаю чрезъ васъ польскую націю, не полагаться уже болѣе на помощь Франціи». Въ заключеніе Мортемаръ просилъ Козмяка немедленно скакать въ Варшаву и остановить опредѣленіе объ упраздненіи престола. Козмякъ возвратился въ Варшаву и объявилъ о предложеніи Мортемара, но уже было поздно: дѣло было сдѣлано. Д. Д.

въ составъ дѣйствующей арміи, съ повелѣніемъ немедленно слѣдовать къ западной границѣ нашей. Туда же двинулись огромные подвозы съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ; польско-россійскія губерніи объявлены въ военномъ положеніи и составленъ главный штабъ арміи изъ слѣдующихъ лицъ:

Главнокомандующій генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

Начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ графъ Толь.

Генералъ-квартирмейстеръ ген.-адъютантъ Нейдгартъ 2-й.

Начальникъ артиллеріи генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.

Генералъ-инженеръ генералъ-майоръ Денъ 1-й.

Генералъ-интендантъ сенаторъ Абакумовъ.

Директоръ госпиталей полковникъ Тишинъ 2-й.

Первый изъ нихъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ армію 18-го, второй 16-го декабря, прочіе прежде или немедленно послѣ нихъ.

Мы часто и понынѣ слышимъ порицанія Россіи за долговременную борьбу ея съ Польшею, обладающей средствами столь много уступающими средствамъ Россіи. И подлинно, нельзя не удивляться, какъ немедленно по возстаніи Польши 54-хъ-милліонному народонаселенію не задавить было 4-хъ-милліонное народонаселеніе, или арміи, состоящей изъ милліона воиновъ, армію, едва состоявшую изъ тридцати тысячъ войска. Задачу сію рѣшаетъ разстояніе и время. При внимательномъ и чуждомъ пристрастія разсмотрѣніи мы видимъ, что царство польское, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ, имѣло всѣ военныя средства свои подъ рукою, слѣдовательно было готово къ военнымъ дѣйствіямъ вскорѣ по выступленіи войскъ его величества изъ царства; тогда какъ Россія, обладающая несравненно бо̀льшими способами, вмѣстѣ съ симъ обладаетъ соразмѣрно съ ними и бо̀льшимъ пространствомъ, по коему способы сіи были разсѣяны. Нѣсколькихъ недѣль достаточно было для польскаго народнаго правленія, чтобы сплавить въ единый слитокъ всѣ свои силы, или по крайней мѣрѣ бо̀льшую часть оныхъ; Россія же нуждалась по крайней мѣрѣ въ двухмѣсячномъ срокѣ, чтобы сосредоточить на границѣ царства небольшую часть своихъ военныхъ силъ и всѣ необходимыя для веденія войны принадлежности. Словомъ, говоря языкомъ военнымъ, въ продолженіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ это царство въ отношеніи къ Россіи могло уподобиться сильной ко-

лоннѣ войскъ, готовой ударить на средину въ двадцать разъ сильнѣйшей, но чрезмѣрно растянутой ея арміи, слѣдовательно, не представляющей достаточной силы для отпора непріятеля, могущаго избрать одну лишь точку для натиска. И дѣйствительно, этотъ неожиданный мятежъ засталъ армію нашу частію едва возвратившуюся въ Россію послѣ двухлѣтняго гибельнаго пребыванія своего въ краѣ, изобилующемъ всѣми родами болѣзней, невыносимыхъ сѣверными жителями, гдѣ они погибали тысячами отъ чумной заразы [1]). Тѣ войска, которыя изъ Турціи пришли уже на мѣста, свои, заняты были необходимымъ устройствомъ всѣхъ частей, разстроенныхъ продолжительнымъ и изнурительнымъ походомъ, укомплектованіемъ себя рекрутами, ремонтами молодыхъ лошадей и вообще всѣми необходимыми потребностями. Сверхъ того, разстояніе отъ театра войны какъ этихъ войскъ, такъ и тѣхъ, кои не участвовали въ турецкой войнѣ, было чрезмѣрно велико. Нѣкоторыя получили повелѣніе выступить въ походъ изъ окрестностей Петербурга, Москвы, Орла, Харькова, Херсона и даже въ самый развалъ зимы, всегда неблагопріятной и затрудняющей перемѣщеніе всякаго рода войскъ, особенно артиллеріи и тяжестей. Вотъ причина двухмѣсячной отсрочки въ потушеніи мятежа царства польскаго. Мы далѣе увидимъ, что не отъ недостатка ревности и врожденной неустрашимости нашихъ войскъ, какъ то старались разглашать по Европѣ враги Россіи, и отъ недостатка въ съѣстныхъ подвозахъ, въ боевыхъ предметахъ и въ прочихъ потребностяхъ, необходимыхъ для военнаго дѣйствія, коихъ было весьма достаточно и даже изобильно, продолжалась борьба эта еще 7 мѣсяцевъ.....

Съ прискорбіемъ долженъ я сказать, что единственнымъ виновникомъ продолженія войны былъ самъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, главнокомандующій нашею арміею. Клеймо проклятія горитъ на его памяти въ душѣ каждаго россіянина, кто бы онъ ни былъ,— другъ ли его, или человѣкъ имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній.

[1]) Смертность въ нашихъ войскахъ, во время пребыванія ихъ въ Турціи, была такъ велика, что многіе полки, будучи два раза укомплектованы, состояли лишь изъ 70-ти рядовыхъ, въ томъ числѣ и музыкантовъ. Главная армія, съ которою Дибичъ намѣревался двинуться на Константинополь, заключала въ себѣ лишь 10,000 человѣкъ. Д. Д.

Дибичъ былъ для меня человѣкомъ рѣшительно чуждымъ, къ которому я никогда не питалъ особеннаго сочувствія, но онъ не былъ человѣкомъ злымъ и безусловно вреднымъ. Не взирая на чрезмѣрную запальчивость своего характера, онъ былъ одаренъ добрымъ сердцемъ и нѣкоторымъ военнымъ благородствомъ, нѣсколько помутившимся на поверхности отъ долговременнаго пребыванія при дворѣ, но въ глубинѣ еще яснымъ и чистымъ. Вотъ почему я, скрѣпя сердце, о немъ упоминаю, и будь онъ — онъ одинъ — жертвою своихъ проступковъ, я конечно умолчалъ бы о человѣкѣ, обладавшемъ нѣкоторыми блистательными качествами; но проступки его отразились на дѣвственную честь и славу невиннаго въ нихъ россійскаго воинства, и тутъ уже въ душѣ моей нѣтъ пощады ни брату, ни отцу родному. Да, Дибичъ есть единственный оскорбитель гордости народа русскаго, единственный оскорбитель чести, славы и оружія богатырской нашей арміи: недовершеніемъ побѣды ея подъ Гроховымъ, нелѣпостью послѣдующихъ предначертаній и дѣйствіями ощупью во всѣхъ предпріятіяхъ, потерей духа и разума во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а главное принятіемъ на себя въ столь важную эпоху обязанности выше силъ,—онъ во всемъ этомъ не только виновенъ, но даже великій преступникъ.

Я зналъ Дибича съ офицерскаго чина. Служа въ кавалергардскомъ, а онъ въ семеновскомъ полку, мы въ однихъ чинахъ стаивали вмѣстѣ во внутреннихъ караулахъ, и потому часто находились неразлучно по цѣлымъ суткамъ съ глазу на глазъ. Потомъ мы были оба подполковниками въ отечественную войну 1812 года, и когда, три года послѣ оной, онъ возведенъ былъ на степень начальника главнаго штаба 1-й арміи, я былъ въ той же арміи начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, что доставило мнѣ случай имѣть съ нимъ непосредственныя и довольно частыя сношенія по службѣ; наконецъ онъ вознесся еще выше, и я уже потерялъ его изъ виду. Я помню, что въ кавалергардской залѣ, у камина, онъ неоднократно разсказывалъ мнѣ, какъ за два года предъ тѣмъ онъ былъ привезенъ изъ берлинскаго кадетскаго корпуса въ Петербургъ совершеннымъ неучемъ, и какъ онъ самъ собою получилъ кое-о-чемъ весьма поверхностныя свѣдѣнія относительно военной науки. Онъ жаловался на бѣдность своего состоянія, непозволявшаго ему нанимать учителей и покупать воен-

ныя книги, которыя всѣ почти были съ планами и картами, и потому стоили не дешево. Я былъ въ томъ же положеніи, слѣдовательно мы другъ друга понимали, и вмѣстѣ горюя, прихлебывали у камина жиденькій кофе; другими напитками мы еще не занимались. Въ то время жилъ въ Петербургѣ нѣкто Торри, майоръ генеральнаго штаба, хвастунъ, пустословъ и человѣкъ весьма ограниченныхъ свѣдѣній, но пользовавшійся репутаціею ученаго по своей части, потому что часть эта была въ то время скудна въ знающихъ ремесло свое чиновникахъ, и потому Торри разсказывалъ всѣмъ и каждому о службѣ своей при маршалѣ Бертье, въ главномъ штабѣ Бонапарта; этого было довольно, чтобы считать его едва ли не четверть-Бонапартомъ и не пол-Бертье, относительно свѣдѣній и дарованій.

Не помню при какихъ обстоятельствахъ, Дибичъ и я, скопивъ небольшой капиталъ, стали брать, каждый на своей квартирѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уроки у Торри; собираясь во время карауловъ, мы другъ другу отдавали взаимно отчетъ въ оказанныхъ успѣхахъ. Въ то же время и у того же Торри брали уроки и графъ Михаилъ Воронцовъ, служившій тогда поручикомъ въ преображенскомъ полку и кн. Мих. Голицынъ, служившій въ семеновскомъ полку и убитый въ 1807 году подъ Ландсбергомъ.

Вскорѣ наступили наполеоновскія войны; раскрылась другого рода книга и другого рода Торри явился съ суровой ферулой наставника. Въ 1805-мъ году подъ Аустерлицомъ Дибичъ сражался, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ семеновскаго полка, и запечатлѣлъ кровью благородный порывъ своей храбрости. Въ 1807-мъ году, по прибытіи гвардіи на театръ военныхъ дѣйствій въ восточную Пруссію, Дибичъ изъ семеновскаго полка былъ приписанъ, на время кампаніи, къ генеральному штабу гвардіи. Я полагаю, что въ теченіе сего трехмѣсячнаго похода онъ пріобрѣлъ нѣсколько практическаго навыка по сей части, что же касается до теоретическихъ свѣдѣній въ военной наукѣ, то онъ послѣ Торри ни у кого уже не учился. Были слухи, что онъ бралъ урски и у генерала Фуля [1]); если это правда, то въ этомъ

[1]) Объ этомъ чудакѣ-генералѣ, своими совѣтами Александру I чуть не погубившемъ русскую армію въ 1812 г., см. свѣдѣнія въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. I, стр. 348 (по I-му изд.). **Ред.**

случаѣ можно выворотить на изнанку русскую пословицу и сказать: не ученье свѣтъ, а ученье тьма; но я этому не вѣрю. Вотъ все, что я знаю и врядъ ли кто болѣе знаетъ меня относительно источниковъ его познаній.

Дибичъ былъ человѣкъ умный — это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая-нибудь войнишка, съ какимъ-нибудь гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ ли онъ могъ бы управиться и съ королемъ саксонскимъ. Въ этомъ порукою Кулевча. И сія битва превзошла дарованія Дибича [1]). Приведя на память сіе сраженіе, можно судить, что̀ случилось бы, если-бъ турки вздумали умно защищать Балканы и Румелію? Словомъ, я полагаю, что помочи были необходимы для Дибича, и что званіе корпуснаго командира или начальника главнаго штаба у рѣшительнаго, твердаго и знающаго свое дѣло главнокомандующаго есть очеркъ Пошилія, чрезъ который никогда бы не слѣдовало ему переступать. Его двинули за сей очеркъ и спустили съ помочей отъ ложнаго заключенія, что тотъ, кто оказалъ дарованія въ званіи оберъ- и генералъ-квартирмейстера или начальника главнаго штаба арміи, неминуемо долженъ обладать всѣми качествами, необходимыми для главнокомандующаго. Безспорно, что нѣтъ правилъ безъ исключенія, но отличное исполненіе обязанностей въ сихъ званіяхъ не есть достаточное мѣрило дарованій и достоинствъ человѣка, опредѣленнаго быть главою и душою арміи. Предлагать начальнику отважныя предпріятія и при неудачахъ отстраняться отъ отвѣт-

---

[1]) Дибичъ, отличавшійся всегда замѣчательною храбростью, во весь день сраженія при Кулевчѣ находился въ шести верстахъ отъ поля битвы, съ зрительною трубой въ рукахъ; онъ при этомъ сказалъ: «Такъ какъ Толь составилъ планъ сраженія, то пусть онъ самъ и распоряжается въ немъ». Д. Д.

Отъ редакціи. Въ одномъ изъ списковъ настоящей рукописи есть еще слѣдующая приписка: «Сраженіе при Кулевчѣ было выиграно, какъ извѣстно, самымъ непонятнымъ и чудеснымъ образомъ, лишь благодаря паническому страху, распространившемуся въ турецкой арміи вслѣдствіе взрыва нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ. Графъ Толь, а еще менѣе Дибичъ, не виновны въ одержаніи этой побѣды, имѣвшей огромные результаты; позиція, избранная для нашей арміи, была крайне пересѣчена и невыгодна для принятія боя. Арнольди прискакалъ съ своими орудіями уже по отбитіи главныхъ аттакъ турокъ, которые, послѣ нѣсколькихъ блистательныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, обратились въ рѣшительное бѣгство».

ственности, оставляя ему все бремя, а при успѣхахъ раздѣлять съ нимъ славу предпріятія, не то, что самому рѣшаться на предпріятія, всегда болѣе или менѣе гадательныя и принимать на себя отвѣтственность предъ властями и общественнымъ мнѣніемъ за малѣйшую неудачу. Для послѣдняго необходимы рѣшительность и сила воли, которыя суть основныя стихіи нравственнаго состава истиннаго полководца; въ этихъ-то стихіяхъ нуждалась и нуждается большая часть военачальниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Вотъ отчего великіе полководцы столь рѣдки, и вотъ отчего мантія полководца была не по росту Дибичу.

Говоря о Дибичѣ, дабы не навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи, я не умолчу о благородномъ поведеніи его въ Грузіи, куда онъ былъ присланъ по высочайшему повелѣнію для произведенія слѣдствія надъ главнымъ начальникомъ края, котораго ему велѣно было смѣнить [1]). Генералъ-адъютантъ Паскевичъ, по наущенію Корганова, прозваннаго Ермоловымъ за вполнѣ предосудительное его поведеніе «Ванькой-Каиномъ», подалъ на своего начальника доносъ, по полученіи котораго отправленъ былъ въ Тифлисъ баронъ Дибичъ, который послѣ произведеннаго слѣдствія убѣдился, что это есть лишь гнусный вымыселъ противъ человѣка, заслужившаго всеобщую любовь, преданность и уваженіе. Донося о семъ государю, равно и о томъ, что дѣла въ Грузіи въ наилучшемъ порядкѣ, Дибичъ простеръ свою смѣлость до того, что осмѣлился представить его величеству необходимость вызвать изъ Грузіи генерала Паскевича, который, по его мнѣнію, не въ состояніи былъ постичь нуждъ края. Во время пребыванія своего въ Тифлисѣ, онъ ежедневно видался съ Ермоловымъ, готовившимся выступить съ нимъ подъ Эривань. Къ нему осмѣлился явиться Коргановъ, вызываясь сдѣлать доносы на Ермолова, но Дибичъ, не подражая Паскевичу, прогналъ его отъ себя. Около этого времени прибылъ въ Грузію флигель-адъютантъ полковникъ А., вѣроятно съ тайнымъ порученіемъ наблюдать за самимъ Дибичемъ, котораго поведеніемъ въ Грузіи не совсѣмъ оставались довольны въ Петербургѣ. Вскорѣ новый фельдъ-

[1]) Объ участіи Дибича на Кавказѣ въ дѣлѣ объ увольненіи Ермолова, лучше Давыдова, свидѣтельствуютъ подлинныя секретныя донесенія самого Дибича императору Николаю. Эти важныя бумаги впервые явились въ печати въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. V, стр. 706—726; и т. VI, стр. 39—70. **Ред.**

егерь привезъ барону Дибичу подтвердительное повелѣніе о смѣнѣ Ермолова. Это привело Дибича въ величайшее смущеніе, и онъ невольно вскрикнулъ: «они не понимаютъ, что̀ дѣлаютъ» [1]). Передавая Ермолову сіе высочайшее повелѣніе, онъ просилъ его не прощаться съ войсками, питавшими къ нему величайшую преданность и благоговѣніе. На вопросъ Дибича передать ему какую-либо просьбу, которую онъ обѣщалъ повергнуть къ стопамъ государя, Ермоловъ отвѣчалъ:

— «Я прошу лишь сохраненія правъ и преимуществъ чиновника 14-го класса, что избавляло бы меня, по крайней мѣрѣ, отъ тѣлеснаго наказанія».

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого событія, Дибичъ, чрезъ флигель-адъютанта князя Николая Долгорукова, просилъ Ермолова предупредить его своимъ выѣздомъ изъ Тифлиса, потому что онъ не могъ ручаться, чтобы Паскевичъ не нанесъ бы ему какого-либо оскорбленія.

— «Благодарите барона, отвѣчалъ Ермоловъ, за его обо мнѣ попеченія и заботы; это не можетъ случиться, ибо при малѣйшемъ покушеніи оскорбить меня, я прикажу войскамъ связать его, что будетъ тотчасъ исполнено, и тогда буду просить барона Ивана Ивановича успокоить государя, что начальство надъ войсками приму не я, но кто-нибудь изъ младшихъ по немъ генераловъ».

Дибичъ, возвращаясь въ Россію, встрѣтилъ на кавказской линіи ѣхавшаго въ Пятигорскъ генерала Сабанѣева, которому онъ сказалъ: «Государь не знаетъ кого онъ лишился; я нашелъ край въ блистательномъ порядкѣ и войско, одушевленное духомъ Екатерининскимъ и Суворовскимъ; Паскевичу будетъ легко пожинать лавры».

Я достовѣрно знаю, что Дибичъ сомнѣвался въ успѣхѣ при отъѣздѣ своемъ въ Турцію; но ни турецкая армія, ни турецкій народъ не защищались, и удача увѣнчала походъ баловня фортуны.

Упоенный удачами своими въ Турціи, Дибичъ уже ѣхалъ въ Польшу въ полной увѣренности на побѣду при первомъ своемъ

[1]) Я весьма много почерпнулъ изъ разсказовъ правителя дѣлъ барона Дибича, Ивана Зиновьевича Ваценко, кн. Ник. Андр. Долгорукова и почтеннаго Ивана Васильевича Сабанѣева.

(Примѣч. изъ другого списка Зап. Давыдова).

появленіи. Произошло однако то, чего должно было ожидать. Одержанные имъ успѣхи въ Турціи вознесли самонадѣянность его за предѣлы благоразумія, а первый отпоръ въ Польшѣ и многосложность неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вдругъ воспрянувшихъ и имъ вовсе непредвидѣнныхъ, окончательно поколебали эту самонадѣянность и совершенно убили въ немъ присутствіе духа, безъ котораго даже сдачу въ вистъ разыграть затруднительно. Таковъ былъ Дибичъ! Долго успѣхи сопутствовали ему во всѣхъ предпріятіяхъ, но чѣмъ окончились всѣ усилія его къ достиженію сферы, несоотвѣтствовавшей его дарованіямъ? Получивъ начальство надъ арміею въ Польшѣ, что почиталось его совмѣстниками за верхъ благополучія, онъ возвысился надъ толпой, насколько веревка возвышаетъ висѣльника. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и подозрѣнія, невольно запавшаго въ душу каждаго солдата, что главнокомандующій подкупленъ врагами, я написалъ слѣдующую пѣсню, имѣвшую нѣкоторый современный успѣхъ:

Голодный песъ.

Охъ какъ храбрится
Нѣмецкій фонъ,
Какъ горячится
Нашъ херъ-баронъ.
Ну вотъ и драка,
Вотъ лавровъ возъ!
Хватай собака,
Голодный песъ.

Кипятъ и рдѣютъ
На бой полки;
Знамена вѣютъ
Горятъ штыки,
И забіяка
Палашъ вознесъ!
Хватай собака,
Голодный песъ.

Адріанополь
Безъ битвъ у ногъ,
Константинополь
Въ чаду тревогъ;
Что-жъ ты зѣвака
Повѣсилъ носъ?
Хватай собака,
Голодный песъ.

Ляхъ изъ Варшавы
Намъ кажитъ шишъ,
Что-жъ ты шаршавый
Подъ лавкой спишь?
Задай, лояка,
Варшавѣ чосъ!
Хватай собака,
Голодный песъ!

— «Все это жжется:
Я брать привыкъ,
Что такъ дается.
Царь-градъ великъ,
Боюсь я ляха!»
А ты небось!
Хватай собака,
Россійскій песъ.

Такъ вотъ кресченды
Звѣздъ, лентъ, крестовъ,
Двѣ-три аренды,
Пять-шесть чиновъ:
На шнапсъ, гуляка,
Вотъ денегъ возъ!
Схватилъ собака,
Голодный песъ.

Вотъ тотъ, кому Россія обязана семимѣсячной отсрочкой въ покореніи царства польскаго, отсрочкою въ глазахъ ея порицателей столь предосудительной государству, употребившему не болѣе времени, чтобы побѣдить самого Наполеона и его европейскую армаду; но повторяю, корень зла скрывается не въ русскомъ войскѣ, а въ личности самого Дибича.

При всемъ томъ мнѣніе иностранцевъ не перестаетъ быть противнымъ чести русскаго оружія. Всѣ осуждаютъ армію нашу и частныхъ ея начальниковъ въ недостаткѣ энергіи и умѣнья прекратить войну единымъ ударомъ; но легче осуждать, основываясь на слухахъ и словахъ другихъ, чѣмъ до осужденія основательно изслѣдовать, въ какой степени мы заслуживаемъ порицанія. Спросите упорнѣйшихъ порицателей, до чего простиралось во время войны число войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ? Какія были предприняты движенія обѣими противудѣйствовавшими арміями? Къ удивленію вашему, они ничего не скажутъ, ибо ни о чемъ не знаютъ; я же, въ качествѣ свидѣтеля и участника, могу сказать,

что война эта носила на себѣ совершенно особенный отпечатокъ. Она достойна вниманія не по недостатку въ войскахъ нашихъ мужества и энергіи и дарованія въ частныхъ ея начальникахъ, а напротивъ, отъ особеннаго положенія той и другой воюющей стороны. Усилія нашей арміи не ограничивались одной борьбой съ польскимъ войскомъ и возставшими въ тылу ихъ польско-россійскими губерніями, но имъ надлежало въ одно и то же время бороться и съ полководцемъ, начальству котораго они были ввѣрены. Спрашиваю, какая армія въ мірѣ выдержала бы подобное испытаніе? Пораженная всѣмъ этимъ, она предавалась на побіеніе польскимъ войскамъ и ихъ начальникамъ, какъ окованный левъ стаѣ шавокъ и мордашекъ; но при всемъ томъ, если исключимъ частныя неудачи Гейсмара подъ Сточекомъ, Крейца подъ Казиницами и Розена на брестскомъ шоссе, всѣ сраженія были выиграны русскими, не взирая на то, что числительная сила обѣихъ воюющихъ армій мало въ чемъ одна другой уступала до самаго взятія Варшавы и были случаи, въ которыхъ превосходство войска было на сторонѣ непріятеля. Я говорю какъ было, а не такъ, какъ печаталось въ польскихъ, французскихъ, англійскихъ газетахъ и разглашалось россійскими общемірными гражданами.

VIII.

Армія наша, движимая той страстью къ военнымъ случайностямъ, столь свойственной каждому русскому, и всеобщимъ негодованіемъ при извѣстіи о наглыхъ требованіяхъ троекратно покореннаго ею народа того, что̀ самъ великій Наполеонъ совѣстился явно требовать, бодро выдержавъ всѣ трудности зимняго похода, явилась къ 20-му январю 1831 года на вызовъ своего противника. Въ сей день снѣжный горизонтъ восточной границы царства покрылся громадами войскъ нашихъ; холмы Нѣмана, Наревы и Буга закурились длинными рядами бивуаковъ, и штыкъ русскій сверкнулъ мщеніемъ предъ знакомымъ ему войскомъ польскимъ. Армія наша состояла изъ 1-го и 6-го (бывшаго литовскаго) пѣхотныхъ корпусовъ, гренадерскаго корпуса, 3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и гвардейскаго отряда; всего изъ 106-ти баталіоновъ пѣхоты, 135-ти эскадроновъ кавалеріи, 396-ти орудій артиллеріи и 11-ти казачьихъ полковъ.

Ополченіе сіе, двинутое для потушенія мятежа, вспыхнувшаго

въ области, торжественно признанной всѣми государствами собственностію Россіи, возбудило противъ себя всю либеральную милицію палатъ, чердаковъ и гостиныхъ. Журналы, газеты, витіи лѣвыхъ сторонъ англійскаго парламента и обѣихъ палатъ Франціи, проповѣдники модныхъ идей, модные люди, модныя дамы, модныя фразы и все вообще модное, завопило и стало дыбомъ на Россію; а между тѣмъ, что̀ тутъ было необычайнаго, сверхъестественнаго, и какое государство въ подобномъ случаѣ не сдѣлало бы того же самаго? Чѣмъ поступокъ Россіи предосудительнѣе поступковъ либеральной Англіи или либеральной Франціи: первой нѣкогда относительно Американскихъ Штатовъ, а нынѣ Ирландіи и Индустана, а послѣдней относительно Вандеи и африканскихъ бедуиновъ?

Не принимая этого въ уваженіе, вездѣ печаталось и провозглашалось, что Польша требуетъ только ей принадлежащее: самостоятельность, похищенную у ней Россіею, слѣдовательно Россія должна удовлетворить справедливыя требованія Польши.

Но Ирландія, Алжиръ и Индустанъ того же требуютъ, чего требовала Польша; отчего же никто не вопіетъ противъ Англіи и Франціи? Отчего же Англія и Франція не только не выполняютъ требованій Индустана, Ирландіи и Алжира, но употребляютъ, напротивъ, и силу оружія, и полицейскія, и инквизиціонныя мѣры для удержанія ихъ за собою? Неужели законы справедливости, воспрещающіе похищеніе чужого достоянія, существуютъ лишь для одной Россіи? Это допустить можно, если-бъ завоеванія Ирландіи, Алжира и Индустана были послѣдствіями необходимости, повелѣвающей иногда покореніе сосѣднихъ областей для сохраненія собственнаго существованія; но когда Алжиръ, Индустанъ и Ирландія посягали на независимость Англіи или Франціи?

Завоеваніе Алжира предпринято было для отмщенія дею за ударъ, нанесенный имъ вѣеромъ по носу французскаго консула, возстановленія министра-любимца (Бурмона) въ общемъ мнѣніи, ему враждебномъ и для помѣщенія пышной фразы въ рѣчи правительства при открытіи палатъ; Индустанъ же былъ покоренъ изъ торговыхъ видовъ; Ирландія по причинѣ алчности Англіи на пріобрѣтенія.

Возможно ли въ томъ упрекнуть Россію относительно Польши?

Борьба Россіи съ Польшею продолжалась нѣсколько столѣтій сряду. Были времена, когда Волынь, часть Литвы и часть коренной Польши принадлежали Россіи въ продолженіе довольно долгаго времени. Была эпоха, когда Польша около пяти лѣтъ сряду, и не далѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, владычествовала надъ Россіею оружіемъ, но болѣе всякаго рода кознями и пронырствами. Раздувая въ ней междоусобныя брани, покровительствуя всѣмъ самозванцамъ и мятежникамъ, она возвела-было на престолъ русскій короля своей династіи, и исторгнувъ изъ нѣдръ Москвы царя нашего, уморила его въ темницѣ и погребла въ Варшавѣ, какъ трофей своего могущества. И къ возстановленію этого-то государства намъ надлежало, по словамъ враговъ нашихъ, приступить при первомъ его востребованіи! И этому-то государству надлежало намъ дать мѣсто на такомъ разстояніи отъ насъ, чтобы ближайшій уголъ границы онаго находился отъ Москвы не далѣе четырехъ, а отъ Петербурга не далѣе пятисотъ верстъ! Само собою разумѣется, что столь благодушнымъ поступкомъ Россія сама бы себя изгоняла изъ среды европейскихъ государствъ, поступая добровольно въ составъ азіятскихъ государствъ; предавъ въ руки Польши всѣ отверзтія, чрезъ которыя проникаетъ къ намъ просвѣщеніе, она должна была совершенно отказаться отъ многихъ хозяйственныхъ, финансовыхъ и торговыхъ предначертаній своихъ и безпрекословно покориться игу Польши и Европы, не имѣя, по ихъ мнѣнію, права отстаивать свое нравственное и вещественное могущество. Что сказали бы эти порицатели, если-бъ Россія, уступая ихъ требованіямъ, отказалась бы отъ Польши, которою она владѣла въ силу трактатовъ и съ согласія всѣхъ государствъ Европы, что сказали бы они объ этомъ политическомъ самоубійствѣ, и этимъ ли ограничились бы ихъ умѣренныя требованія? Россія, возстановивъ Польшу, нашлась бы вынужденной признать самостоятельность и другихъ областей, поступившихъ искони и силою оружія въ составъ ея? Ибо чѣмъ права первой священнѣе правъ послѣднихъ? По возстановленіи Польши, не надлежало ли бы намъ возвратить всѣмъ сосѣдямъ всѣ земли, отъ нихъ пріобрѣтенныя? Законы справедливости, воспрещающіе похищеніе чужого достоянія, существуютъ не для одной Россіи, слѣдовательно примѣненіе оныхъ неминуемо касается и Франціи, и Англіи. Я здѣсь преимущественно говорю объ этихъ государ-

ствахъ, потому что они болѣе другихъ настаивали на добровольное съ нашей стороны удовлетвореніе требованіямъ польскихъ мятежниковъ, но вообще нѣтъ государства, котораго невозможно было бы разоблачить этимъ путемъ. Что же стало бы съ Франціей, если-бъ пришлось отрѣзать отъ нея провинціи, пріобрѣтенныя ею силою оружія? Что бы вышло изъ Англіи въ такомъ же случаѣ, и наконецъ, что же бы вышло изъ всѣхъ вообще государствъ земного шара, и какой конгрессъ ангеловъ согласилъ бы правительства при сихъ сложныхъ раздѣлахъ, отдачахъ, передачахъ, принятіяхъ и опять отдачахъ частей, изъ коихъ большее число не помнитъ первоначальнаго владѣльца, или эпоху ихъ самостоятельнаго существованія? Въ какой хаосъ превратились бы всѣ четыре части свѣта, и гдѣ былъ бы предѣлъ сихъ особаго рода межеваній земель и сортировки народовъ? И вотъ къ чему ведетъ слѣдствіе, происходящее отъ ложнаго и обманчиваго начала, которое само собою есть не что иное, какъ слѣдствіе начала не менѣе обманчиваго и ложнаго [1]).

Требованіе цеховыми либералами возвращенія самостоятельности Польшѣ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ раздѣленной между Россіею, Австріею и Пруссіею, основывалось на единодушномъ и всеобщемъ возстаніи всей польской націи. Въ этомъ они жестоко ошиблись. Безъ сомнѣнія, возстаніе существовало; но не все-

---

[1]) Франціи слѣдовало бы возвратить прежнимъ владѣльцамъ: Нормандію и Турень, завоеванныя Филиппомъ-Августомъ; Бурбоне и Овернь—Францискомъ I; Артуа, Лимуссенъ и Пуату—Карломъ V, часть Гасконіи и Гюени—Карломъ VII и Франш-Контѣ—Людовикомъ XIV. Мы исключаемъ изъ сего разряда Алжирскую область, можно сказать, вчера и предъ глазами нашими похищенную у дея, скитающагося нынѣ по Европѣ безъ пристанища. Еще трупы алжирцевъ не истлѣли, еще разгромленныя стѣны города вопіютъ о насиліи, а мы уже слышимъ надгробныя рыданія Франціи о Польшѣ и площадныя ругательства, изрыгаемыя ею на Россію за сію Польшу, съ 1772 года раздѣленную, при каждомъ ея возстаніи покоренную Россіею, и при каждомъ покореніи утвержденную за завоевателями общимъ согласіемъ всѣхъ державъ Европы!

Англіи слѣдовало бы возвратить прежнимъ владѣльцамъ Валлійскую область, завоеванную въ 1282 году Эдуардомъ I; Ирландію—въ 1172 году при Генрихѣ II и Шотландію, присоединенную послѣ продолжительныхъ войнъ въ 1603 году при Іаковѣ I. Сверхъ того, не слѣдовало ли бы ей отказаться и въ Азіи отъ всего почти Индустана и множества земель въ Африкѣ и Америкѣ, занимаемыхъ ея колоніями.

(Примѣчаніе это заимствовано изъ списка Паскевича Записокъ Давыдова, сообщ. генер. **Распоповымъ**).

общее и національное, а частное; ибо какія составныя части польской націи? Шляхетство, духовенство, средній и крестьянскій классы, изъ которыхъ послѣдній классъ превышаетъ, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ оба первые. Какой же витія палатъ или гостиныхъ увѣритъ меня, очевидца, что польскіе: средній классъ и крестьяне, соединенно съ шляхетствомъ и духовенствомъ, возстали въ сію войну на Россію для возстановленія разрушенной самостоятельности ихъ отечества? Если же средній и крестьянскій классы были чужды сему возстанію, то неужели частное возстаніе высшихъ двухъ классовъ можно было почитать возстаніемъ всеобщимъ и національнымъ? Россія еще потому не могла удовлетворить ихъ требованіямъ, что они могли быть противны выгодамъ въ двадцать разъ большей массы людей, не требовавшихъ и даже избѣгавшихъ сего удовлетворенія.

Во всѣхъ единодушныхъ, всеобщихъ и національныхъ возстаніяхъ всѣ безъ изъятія сословія добровольно вооружаются; такъ поступили Испанія и Россія, но не вслѣдствіе угрозъ, разорительной пени, побоевъ, заточенія или висѣлицы, какъ то было въ Польшѣ. Здѣсь добровольно возстали только шляхетство, духовенство и войско, съ трудомъ возбужденное къ возстанію своими генералами и офицерами, принадлежащими шляхетскому разряду; хотя средній классъ и крестьяне умножили ополченіе рекрутами, но не добровольно, а бывъ отторжены отъ своихъ семействъ народнымъ правленіемъ и своими помѣщиками. Находясь въ рядахъ мятежниковъ, они сражались храбро; это свойство славянскихъ народовъ, но отъ рекрутскаго набора они скрывались въ лѣсахъ. Въ солдатскомъ же званіи, коль скоро представлялся имъ случай къ побѣгу, они въ самую благопріятную эпоху для польскаго оружія немедленно и съ радостію удалялись въ жилища свои. Они нетерпѣливо ожидали исхода войны, каковъ бы ни былъ результатъ ея, и при первомъ извѣстіи о взятіи Варшавы никакая власть не могла уже удержать ихъ въ рядахъ ополченій. Они, разсыпавшись шайками въ двѣсти, триста и пятьсотъ человѣкъ, не причиняя ни малѣйшаго вреда никому изъ русскихъ, по одиночкѣ имъ на пути попадавшихся, достигли до пепелищъ своихъ и вновь обратились къ сельскимъ работамъ, какъ будто никогда не мѣняли сохи на оружіе. Равнодушіе къ исходу борьбы, предпринятой съ нами шляхетствомъ и духовен-

ствомъ, еще болѣе обнаружилось между домосѣдами. Они нимало не измѣнились противъ того, что были прежде начатія мятежа. Вездѣ курьеры, малосильныя команды и наши отсталые могли свободно разъѣзжать. Какъ часто мнѣ случалось (и кому изъ насъ этого не случалось?) одному нѣсколько разъ проѣзжать безопасно и по всѣмъ направленіямъ на почтовыхъ въ Польшѣ, иногда почевать на почтахъ или въ селеніяхъ, иногда на большихъ дорогахъ въ полѣ посреди пахарей. Это ли свойство народной войны и общаго возстанія? Проѣзжая одинъ изъ главной квартиры для принятія отряда, мнѣ ввѣреннаго и расположеннаго противъ Замостьской крѣпости, верстахъ въ десяти отъ Люблина, изломалась у меня почтовая бричка. Это случилось въ полѣ, далеко отъ селенія, слѣдовательно и отъ возможности перемѣнить повозку. Немедленно я послалъ почталіона моего со всею тройкою лошадей въ Люблинъ для высылки мнѣ съ почты крѣпкой брички, съ свѣжими лошадьми, и самъ сѣлъ въ изломанный экипажъ мой и закурилъ трубку, въ ожиданіи грядущихъ благъ и лошадей. Въ это время сотни крестьянъ удалялись съ легкими своими пожитками съ театра военныхъ дѣйствій въ безмятежнѣйшія убѣжища. Вся эта эмиграція въ продолженіе двухъ и болѣе часовъ проходила спокойно мимо меня, лежавшаго и курившаго трубку въ изломанной повозкѣ въ военно-россійскомъ сюртукѣ съ генеральскими эполетами. Многіе здоровались, многіе проходили молча, но ни одинъ не сказалъ мнѣ грубаго, даже насмѣшливаго слова, на которое, признаться, они могли быть вызваны моимъ страннымъ положеніемъ. Безъ сомнѣнія, эти случаи часто повторялись, и вѣрно не одному мнѣ въ теченіе этой войны крестьяне говаривали, почесывая голову и скрежеща зубами, когда производились нами наряды подводъ или фуражированія въ ихъ селеніяхъ:

— «О паны, паны!!! не вы, господа солдаты, а наши паны насъ губятъ. Одному хочется быть королемъ, другому — генераломъ, третьему — богачемъ, а мы за все платимъ и за все терпимъ!»

Отчего же происходитъ то равнодушіе крестьянъ и средняго класса къ этому предмету, котораго усиливались достигнуть духовенство и шляхетство польское? Оттого, что вездѣ и повсюду духовенство и дворянство, не довольствуясь наслажденіями вещественными, алчутъ сверхъ того и почестей, власти,

извѣстности и славы, тогда какъ среднее и низшее сословія ограничиваютъ желанія свои улучшеніемъ ремесленничества, добрымъ урожаемъ, выгоднымъ сбытомъ своихъ произведеній и покровительствомъ законовъ противу насилія сихъ высшихъ сословій, всегда ропщущихъ на твердое и благоразумное правительство, которое не терпитъ ихъ своеволія. Въ теченіе пятнадцати-лѣтняго владычества Россіи, всѣ состоянія царства вполнѣ наслаждались отличнымъ преуспѣяніемъ въ хлѣбопашествѣ, ремеслахъ, торговлѣ, и слѣдовательно были богаты; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, многіе факты это подтверждаютъ. Это благосостояніе разлилось и на классъ крестьянъ, оцѣнившихъ пользу находиться подъ скипетромъ россійской державы, способствовавшей развитію сего благосостоянія [1]). Кромѣ того, правительство русское значительно ограничило произволъ помѣщиковъ, коихъ извѣстная жестокость едва ли уступала жестокости англійскихъ и американскихъ колонистовъ относительно негровъ; въ подтвержденіе моихъ словъ я также могу привести многіе факты. Когда эти помѣщики возстали на Россію, въ надеждѣ войной удовлетворить свое неумѣренное честолюбіе, они возбуждали къ возстанію и крестьянъ своихъ; тогда легко было предвидѣть, что сіи послѣдніе, желая продолженія того благосостоянія, коимъ доселѣ пользовались, не войдутъ въ сообщничество съ ненавистнымъ для нихъ классомъ противъ правительства, имъ всегда покровительствовавшаго. Инстинктъ и разумъ народа гораздо проницательнѣе, чѣмъ полагаютъ ихъ вольнодумные апостолы аристократическаго свѣта. Вотъ почему всѣ усилія духовенства и шляхетства къ возбужде-

[1]) Вотъ что говоритъ Солтыкъ въ сочиненіи La Pologne, Солтыкъ, самый непримиримый врагъ россійскаго правительства: «Народонаселеніе царства въ 1830-мъ году состояло изъ 4-хъ милліоновъ жителей. Одна Варшава заключала ихъ до 150-ти тысячъ. Доходы царства простирались до 80-ти милліоновъ злотыхъ (48-ми милліоновъ рублей). Банкъ обладалъ капиталомъ, состоящимъ изъ 120-ти милліоновъ злотыхъ (72-хъ милліоновъ рублей), и должно сказать, что государственный кредитъ получилъ прочную осѣдлость. Повсюду возникали фабрики, коихъ издѣлія умножались вдесятеро съ 1815 года (эпоха поступленія царства во владычество Россіи). Устроены прекраснѣйшія шоссе и дороги, что весьма вспомоществовало сообщеніямъ въ торговыхъ дѣлахъ; человѣколюбивыя заведенія, произведенія художествъ и великолѣпныя зданія украсили столицу. Не одно царство пользовалось такимъ благодѣяніемъ: благоденствіе сіе достигло и до губерній польско-россійскихъ и проч.

(Списокъ Паскевича Записокъ Давыдова. Сообщ. генералъ **Распоповъ**).

нію средняго и крестьянскаго классовъ къ возстанію и къ вооруженію противъ Россіи остались тщетны. Вотъ почему такъ неудачно раздавались на каѳедрахъ и въ прокламаціяхъ слова: «для польскаго народа, народъ польскій, народомъ польскимъ». Никто добровольно не возставалъ, никто добровольно не вооружался, ибо эти сословія видимо не хотѣли отвѣчать на мятежныя воззванія духовенства и дворянства. Вотъ истинное положеніе дѣлъ въ Польшѣ, оно никогда не было таковымъ, какимъ его описывали въ иностранныхъ журналахъ. Но корифеямъ большого свѣта, повторяющимъ слова витій, палатъ и газетчиковъ, до правды дѣла нѣтъ; тамъ, въ Парижѣ и Лондонѣ, въ промежуткахъ двухъ кадрилій, двухъ партій виста, двухъ бутылокъ шампанскаго, требовали самостоятельности Польши!

IX.

Театръ военныхъ дѣйствій или царство польское граничитъ съ востока Россіею, съ сѣвера и запада Пруссіею, съ юга Австріею.

Оно представляется на картѣ въ видѣ нѣсколько округленнаго четвероугольныка съ узкою продолговатостію къ сѣверовостоку, проходящей между Гумбиненской провинціей прусскаго государства, Гродненской и Виленской губерніями.

Висла, направляясь отъ Завихвоста до Торуня, разсѣкаетъ этотъ четвероугольникъ почти надвое; близъ Торуня она вступаетъ въ границу прусскаго государства.

Восточная часть царства или часть онаго, находящаяся на правомъ берегу Вислы, заключаетъ въ себѣ воеводство Августовское, образующее вышесказанную продолговатость, Плоцкое, Подлясское, клинъ Мазовецкаго воеводства, отсѣченный Вислою, и Люблинское воеводство. Западная часть царства или часть онаго, находящаяся на лѣвомъ берегу Вислы, состоитъ изъ главной части клина Мазовецкаго воеводства, отсѣченнаго Вислою, изъ Калишскаго, Краковскаго и Сандомирскаго воеводствъ.

Восточная часть царства представляется для военнаго взора раздѣленною на четыре поля дѣйствія:

Первое пространство, заключающее въ себѣ Августовское и Плоцкое воеводства, лежащія между Пруссіей и правымъ берегомъ Нѣмана, а потомъ Наревы.

Второе пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Наревы и правымъ берегомъ Бута.

Третье пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Буга и правымъ берегомъ рѣки Вепржи.

Четвертое пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Вепржи и австрійскою Галиціею.

Западная часть представляетъ два поля дѣйствія:

Пятое пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ нижней Вислы и лѣвымъ берегомъ рѣки Пилицы.

Шестое пространство, заключенное между правымъ берегомъ Пилицы и лѣвымъ берегомъ верхней Вислы, или Краковской области и австрійской Галиціи.

Первое поле восточной части царства, весьма тѣсное отъ смежности съ нею границы прусскаго государства, Нѣмана и Наревы, изрѣзанное поперечными рѣками, ручьями, озерами и дефилеями, покрытое дремучими лѣсами и во многихъ мѣстахъ непроходимыми болотами, не представляетъ удобства для наступательнаго дѣйствія и весьма способствуетъ оборонительному. Поле сіе начинаетъ расширяться отъ черты, соединяющей Пултускъ съ Млавою, т.-е. отъ черты, отъ которой наступательное дѣйствіе съ нашей стороны не только весьма затруднялось, но здѣсь мы могли подвергнуться большимъ опасностямъ; непріятель, опираясь на Модлинскую крѣпость и прагское предмостное укрѣпленіе, съ полной и весьма основательной надеждой на успѣхъ, могъ произвести совокупными силами натиски чрезъ Сироцкъ и Пултускъ, во флангъ и тылъ арміи нашей, особенно если по какимъ-либо обстоятельствамъ она, перейдя рѣку Вкру, двинется въ глубину Плоцкаго воеводства. Наконецъ поле сіе, хотя и прорѣзано отлично устроеннымъ шоссе, простирающимся отъ Ковно до Варшавы, но этотъ путь — одинъ изъ самыхъ дальнихъ изъ всѣхъ, идущихъ отъ границы нашей къ Варшавѣ, ибо заключаетъ въ себѣ болѣе 400 верстъ.

Второе поле нѣсколько удобно для дѣйствія только у границъ нашихъ, до черты, соединяющей мѣстечки Нуръ и Остроленку; но по мѣрѣ углубленія своего къ главному предмету дѣйствія, т.-е. къ Варшавѣ, оно болѣе и болѣе стѣсняется рѣками Наревою и Бугомъ. Мѣстоположеніе онаго становится лѣсистѣе и болотистѣе, такъ что почти по всему пространству его нѣтъ другого

пути для арміи съ ея тяжестями, кромѣ пути, идущаго на мѣстечки Брокъ и Вишковъ; прочіе же суть только тропы, проложенныя поселянами по тундрамъ и дремучимъ лѣсамъ. Наревъ, представляя преграду весьма значительную, вовсе отдѣляетъ первое поле отъ второго. Путь, разсѣкающій это поле и идущій отъ Бѣлостока до Варшавы, заключаетъ въ себѣ немного болѣе 200 верстъ.

Третье поле дѣйствія представляетъ пространство весьма удобное для всякаго рода движенія, особенно для наступательнаго, ибо оно открыто и изрѣзано многочисленными путями сообщеній. Сверхъ того оно разсѣчено отлично устроеннымъ шоссе, идущимъ отъ Бреста до Варшавы, которое заключаетъ въ себѣ не болѣе 180-ти верстъ.

Наконецъ, четвертое поле не менѣе третьяго удобно для военныхъ дѣйствій; хотя оно и лишено искусственнаго шоссе, однако здѣсь встрѣчаются широкіе пути, разсѣкающіе его по всѣмъ направленіямъ, и хлѣбороднѣйшія части царства польскаго; операціонный путь, лежащій по сему полю отъ Устилуга до Варшавы, заключаетъ въ себѣ около 300 верстъ. На югъ отъ него находится Замостьская крѣпость, посредствомъ которой польская армія имѣетъ всѣ способы вторгаться въ Волынь, Подолію и Кіевскую губернію, и сверхъ того предпринимать набѣги въ тылъ нашихъ войскъ, занимающихъ Люблинское воеводство, или наступающихъ на Варшаву.

Модлинская крѣпость и прагское предмостное укрѣпленіе служатъ центрами, къ которымъ сходятся пути, разсѣкающіе 1-е, 2-е, 3-е поля и путь 4-го поля — въ случаѣ движенія нашихъ войскъ изъ Люблина на Зелеховъ, Шеницъ и Прагу. На случай, если бы они двигались по почтовому пути прямо на Варшаву, сей путь, проходя чрезъ Пулаву, минуетъ прагское укрѣпленіе.

Поля дѣйствія западной стороны царства состоятъ:

Изъ пятаго поля, заключеннаго между Вислою и Пилицею, бѣднаго лѣсомъ и вообще способнаго для военныхъ дѣйствій, по большему числу путей и открытому мѣстоположенію. Главные изъ нихъ суть: идущіе изъ Варшавы въ Краковъ, изъ Варшавы въ Люблинъ чрезъ Пулаву и изъ Варшавы въ Калишъ.

Изъ шестого поля, заключеннаго между Пилицею и верхнею Вислою, и покрытаго обширными лѣсами и песками. Главный

путь, разсѣкающій это пространство, есть продолженіе пути, идущаго изъ Варшавы въ Краковъ по 5-му полю; другіе пути хотя и удобны для слѣдованія войскъ, но идутъ почти всѣ сквозь обширные лѣса, затрудняющіе движеніе. Вообще по мѣстоположенію это царство весьма плоское и не имѣетъ значительныхъ возвышеній.

X [1]).

Графъ Дибичъ вошелъ, 27-го января, изъ Высокомазовецка съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Желая воспользоваться способами края, дабы занятіемъ вдругъ большого пространства онаго обезпечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ самомъ царствѣ польскомъ и сообразуясь съ высочайшею волею вашего императорскаго величества, я рѣшился немедленно начать военныя дѣйствія и соединенными силами вступить въ царство польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ пунктахъ и расположено такъ, чтобы 80,000 человѣкъ могли всегда въ теченіе 20-ти часовъ соединиться и нанести возмутителямъ рѣшительный ударъ, если бы они отважились принять сраженіе.

«24-го января вступилъ въ царство польское, при Ковнѣ, корпусъ гренадерскій генерала князя Шаховскаго нѣсколькими эшелонами, составляющими 18 баталіоновъ гренадеръ, 4 эскадрона кавалеріи, 60 орудій артиллеріи и казачій полкъ, направляясь по шоссе на Калварію и далѣе къ Августову. Неподалеку отъ Гродно при Домровѣ перешелъ генералъ-майоръ Мандерштернъ съ 5-ю баталіонами пѣхоты, двумя эскадронами кавалеріи, двѣнадцатью орудіями артиллеріи и казачьимъ полкомъ, направясь прямо на Августово.

«При Влодавѣ перешелъ генералъ-адъютантъ баронъ Гейсмаръ съ 24-мя эскадронами кавалеріи, 24-мя орудіями артиллеріи и двумя казачьими полками, имѣя направленіе къ городу Сѣдлецу.

«При Устилугѣ перешелъ генералъ-лейтенантъ баронъ Крейцъ съ 24-мя эскадронами кавалеріи, 24-мя орудіями артиллеріи и однимъ казачьимъ полкомъ въ направленіи къ Люблину.

«Наконецъ, малый отрядъ подъ командою полковника Анрепа изъ одного казачьяго полка и одного дивизіона уланъ, перешелъ въ Брестъ-Литовскомъ въ направленіи къ Сѣдлецу; сему отряду предназначено связать партіями дѣйствія генералъ-адъютанта Гейсмара съ главными силами арміи, которая на другой день, то-есть 25-го января, перешла границу, а именно: корпусъ генерала графа Палена изъ 21 баталіона пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 72 орудій артиллеріи и 2 казачьихъ полковъ, переправясь въ двухъ пунктахъ при Тикочинѣ и Желткахъ, направляясь на Заводы и далѣе на Дудки. Корпусъ генерала барона Розена изъ 26 баталіоновъ пѣхоты, 24 эскадроновъ кавалеріи, 120 орудій артиллеріи и 2 казачьихъ полковъ, переправясь въ двухъ пунктахъ при Суражѣ и Піонтковѣ, направился чрезъ Соколы на Высокомазовецкъ. При семъ корпусѣ слѣдовала главная квартира арміи съ своимъ конвоемъ изъ одного баталіона пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи и казачьяго полка. Корпусъ генерала графа Витта съ 4-мя баталіонами пѣхоты,

---

[1]) См. приложеніе № I. Ред.

28-ю эскадронами кавалеріи и 48 орудій артиллеріи, переправясь при Цекановцѣ и Граннѣ, направился на Нуръ и Стердынь, и наконецъ резервъ арміи изъ 22 баталіоновъ пѣхоты, 12 эскадроновъ кавалеріи и 36 орудій артиллеріи, перешелъ въ Суражѣ 25 и 26-го чиселъ, направясь на Соколы подъ командою его императорскаго высочества цесаревича».

Главнокомандующій изъ Венгрова отъ 1-го февраля вошелъ съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Получивъ свѣдѣніе, что войска мятежниковъ расположены двумя отрядами, первымъ при Остроленкѣ, Пултускѣ и Рожанахъ, а другимъ и главнѣйшимъ около Минска, Калушина и Владиславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ направленіи къ Вышкову, чтобы по переходѣ рѣки сей раздѣлить армію мятежниковъ на двѣ части, и оставя отрядъ генералъ-майора Мандерштерна въ Ломжѣ, для наблюденія лѣваго ея фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятежникамъ отступленіе праваго ихъ фланга къ Варшавѣ. Въ теченіе днёвки, которую имѣла армія, какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами, внезапно наступившій юго-западный вѣтеръ произвелъ такую перемѣну въ температурѣ, что послѣ 20-ти градусовъ мороза, 29-го числа всѣ поля были уже совершенно обнажены отъ снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоими берегами Буга неминуемо прекратится; а посему надлежало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія. Сообразно съ симъ, 30-го числа армія сдѣлала общее фланговое движеніе влѣво и перешла Бугъ въ двухъ мѣстахъ: 6-й пѣхотный корпусъ при Брокѣ, а 1-й пѣхотный при Нурѣ, сдѣлавъ форсированныхъ два марша отъ Ломжы и Замброва. Переправа совершилась хотя еще по льду, но съ большими предосторожностями. За первымъ корпусомъ перешелъ весь резервъ его императорскаго высочества цесаревича, а вслѣдъ за онымъ переправился фурштатъ всей арміи съ шестидневнымъ провіантомъ. Для обезпеченія оставленнаго арміею края на правомъ берегу Буга, предписалъ я генералу князю Шаховскому, имѣющему прибыть 4-го февраля съ тремя головными полками 3-й гренадерской дивизіи въ Ломжу, принять въ команду свою генералъ-майора Мандерштерна, находящагося въ семъ городѣ съ отрядомъ своимъ, и сосредоточивъ всю 1-ю гренадерскую дивизію эшелонами, по той же дорогѣ слѣдующую, составить впредь до повелѣнія особый отдѣльный корпусъ. Корпусъ сей состоять будетъ изъ 22-хъ баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ гусаръ, 2-хъ казачьихъ полковъ и 60-ти орудій артиллеріи.

«Независимо отъ сего оставленъ, въ родѣ партизана на правомъ берегу Буга, полковникъ Шиндлеръ съ казачьимъ полкомъ. Дѣлая поиски по всему пространству между Бугомъ и Наревомъ для разсѣянія всякаго вооруженнаго скопища, полковникъ Шиндлеръ будетъ находиться въ безпрестанномъ сношеніи, то съ генераломъ княземъ Шаховскимъ, то со мною. 31-го числа армія сдѣлала отъ береговъ Буга форсированный маршъ двумя колоннами въ направленіи къ Венгрову, который къ вечеру былъ занятъ авангардомъ графа Палена подъ командою генералъ-майора Сакена. Бывшій уже предъ симъ въ семъ направленіи и усиленный бригадою 1-й гусарской дивизіи, 1-й корпусъ въ сей день остановился въ Пашеевѣ, 6-й корпусъ при деревнѣ Тончѣ. Авангарды сихъ корпусовъ, имѣя повелѣнія занять переправы на Ливицѣ, нашли

мосты при Ливѣ и Старой-Веси совершенно истребленными. При первомъ изъ сихъ мѣстъ возмутители подъ прикрытіемъ артиллеріи старались воспрепятствовать возобновленію моста; но бригада егерей и сильный удачный огонь поставленныхъ противъ нихъ орудій принудили ихъ удалиться, такъ что въ сію минуту мостъ построенъ и авангардъ нашъ переправился.

«Коль скоро мосты совершенно устроены будутъ, авангардамъ 6-го и 1-го корпусовъ предписано перейти: первому на дорогу къ Дебрѣ, а послѣднему на дорогу къ Калушину. Главная моя квартира находится въ Венгровѣ.

«Резервъ его императорскаго высочества цесаревича переходитъ сегодня въ Соколовѣ, посылая авангардъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Въ распоряженіе его высочества цесаревича поручается 3-й резервный кавалерійскій корпусъ безъ 2-й бригады украинской уланской дивизіи, которая послѣ завтра только что присоединяется къ своему корпусу. Направленіе сіе даю я въ томъ предположеніи, чтобы быстро преслѣдовать мятежниковъ, находящихся при Сѣдлецѣ, войска коихъ вѣроятно отступятъ, узнавъ о занятіи Венгрова и ближайшемъ нашемъ движеніи къ Калушину.

«Относительно дѣйствій 5-й резервнаго кавалерійскаго корпуса, находящагося въ воеводствахъ Сѣдлецкомъ и Люблинскомъ, имѣю счастіе донести вашему императорскому величеству, что съ переходомъ онаго границы распространился всеобщій страхъ. Въ городѣ Сѣдлецѣ онъ былъ такъ великъ, что съ первымъ появленіемъ казаковъ партизанскаго отряда полковника Анрепа, они почти безъ сопротивленія заняли сей городъ. Возмутители, узнавъ, однако-жъ, что отрядъ полковника Анрепа не довольно силенъ, вошли вторично въ въ Сѣдлецъ съ двумя пѣхотными полками и артиллеріею. Тогда полковникъ Анрепъ выступилъ къ Збучину. Возмутители, не довольствуясь симъ, 28-го числа сдѣлали рекогносцировку двумя эскадронами къ Збучину, гдѣ полковникъ Анрепъ встрѣтилъ ихъ всѣмъ отрядомъ, аттаковалъ, и опрокинувъ ихъ немедленно, преслѣдовалъ на разстояніи 6-ти верстъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Послѣ сего полковникъ Анрепъ расположился при Угржановѣ, имѣя передовые свои посты въ 4-хъ верстахъ отъ города Сѣдлеца съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при малѣйшемъ видѣ къ отступленію напасть на арріегардъ возмутителей и преслѣдовать ихъ быстро. На сей конецъ находится онъ въ прямомъ сношеніи съ генералъ-адъютантомъ Гейсмаромъ, который изъ Лукова перешелъ въ Сточекъ, чтобы упредить непріятеля въ его отступленіи. Генералъ-лейтенантъ баронъ Крейцъ 27-го января былъ въ одномъ маршѣ отъ Люблина, который, по разсказамъ жителей, не занятъ никакими войсками. Отъ сего города генералъ Крейцъ имѣетъ повелѣніе идти къ Пулавѣ, и переправя тамъ часть казаковъ на лѣвый берегъ Вислы, стараться разсѣять тамошнія вооруженія.

«Всеподданнѣйше донося вашему императорскому величеству о первонаначальныхъ движеніяхъ моихъ по вверенной мнѣ арміи, я обязываюсь всеподданнѣйше присовокупить, что начатіе военныхъ дѣйствій столь неожиданно было для возмутителей, что повсюду находимъ продовольствіе, особенно въ фуражѣ, котораго при теперешней распутицѣ никакими средствами подвезти бы невозможно было. Изъ общихъ движеній возмутителей замѣтна нерѣшимость, они повсемѣстно избѣгаютъ встрѣчи съ нашими войсками и при появленіи оныхъ отступаютъ».

Сіи два донесенія достойны особеннаго вниманія. Они заключаютъ въ себѣ предсказанія всему тому, что впослѣдствіи совершили-

лось и должно было совершиться; здѣсь обнаруживается отсутствіе военныхъ дарованій составителя ихъ. Сверхъ того, какія противорѣчія, какое напряженіе къ введенію въ заблужденіе правительства насчетъ истиннаго положенія дѣлъ! Я одинъ изъ противниковъ военныхъ совѣтовъ, за нѣсколько тысячъ верстъ присылающихъ наставленія главнокомандующимъ насчетъ ихъ дѣйствія, тогда какъ каждая минута, каждый шагъ измѣняютъ обстоятельства войны. Невозможно при чтеніи означенныхъ рапортовъ не пожелать, по крайней мѣрѣ, какой-либо военной коммиссіи, учрежденной при главѣ правительства для разбора того, что уже исполнено и для открытія противорѣчій и ложныхъ извѣстій. Къ чему послужили бы донесенія правительству, если бы они ему не доставляли средствъ къ основанію на прошедшемъ и настоящемъ предначертаній для будущаго. Если донесенія полководца лживы, то предположенія и разсчеты правительства должны быть весьма ошибочны, слѣдовательно ему выгоднѣе не получать вовсе никакихъ донесеній, чѣмъ получать такія, которыя могутъ вводить его лишь въ заблужденіе. Можно не допускать полной правдивости въ донесеніяхъ о войнахъ съ восточными государствами. Тутъ большею частію и почти всегда встрѣчаются вымыслы тысячи и одной ночи. Тутъ являются на сцену и многолюдныя, несуществовавшія арміи, коихъ разрѣзываютъ надвое и разбитіе и перебросы ихъ за горы, коихъ не было и взятіе первоклассныхъ крѣпостей, изъ глины слѣпленныхъ, отъ холостыхъ выстрѣловъ разваливающихся, и громкія побѣды надъ сволочью, не выдержавшей грома единой пушки, и плѣны какихъ-то главнокомандующихъ [1]), сдающихся первому явившемуся штабъ-

[1]) Я положительно знаю о многихъ обстоятельствахъ войнъ персидской и турецкой, веденныхъ графомъ Паскевичемъ, блистательной храбрости котораго я всегда отдавалъ полную справедливость. Такъ, напримѣръ, Эривань взята была при слѣдующихъ обстоятельствахъ: защита этой крѣпости была поручена храброму племени шахъ-севенамъ, которые не хотѣли, повидимому, служить Аббасъ-Мирзѣ; находясь на стѣнахъ крѣпости, они открывали по насъ весьма слабый огонь, а иногда вовсе не стрѣляли, что давало намъ возможность безнаказанно подходить къ самому рву крѣпости. Въ то время какъ Паскевичъ отдыхалъ въ лагерѣ, піонерный поручикъ Трикилевичъ измѣрилъ весьма спокойно ровъ крѣпости. Генералы Красовскій и Лаптевъ, пользуясь тѣмъ и не будучи тревожимы непріятелемъ, обошли крѣпость, выломали ворота и проникли въ самую крѣпость; близъ воротъ былъ сильно раненъ лишь аудиторъ. Войска наши отыскали скрывавшагося въ какомъ-то подвалѣ

офицеру нашему. Бумага терпитъ, награжденія сыплются зря, и ложными извѣстіями введенное въ заблужденіе правительство можетъ часто дѣлать промахи, не подвергая однако тѣмъ опасности Россію, далеко превосходящую восточныя сосѣднія государства въ умственномъ и вещественномъ развитіи; напротивъ, чрезъ обнародованіе такого рода донесеній увеличивается въ европейскихъ государствахъ уваженіе къ превосходству нашего оружія и дарованіямъ нашихъ полководцевъ. Но война съ польскими мятежниками совершенно иная. Она, по вліянію своему на умы, угрожая Россіи ужаснѣйшими послѣдствіями, едва ли не была въ сущности грознѣе войны 1812 года. Одну можно назвать бурей, другую—заразой. Одну велъ человѣкъ великій, превосходный, но имѣвшій въ виду лишь одну вещественную цѣль; другая—неслась сама собою, скрывая въ чревѣ своемъ начало, полное разрушительными послѣдствіями всякаго единства, всякаго покоя, всякаго благосостоянія и порядка. Какая огромная обязанность лежала на правительствѣ! ему надлежало быть наиболѣе бдительнымъ, во-время обо всемъ извѣщеннымъ и полнымъ вниманія къ малѣйшему происшествію войны [1]). И при таковыхъ-то обстоятельствахъ, облеченный полною довѣренностію правительства полководецъ, на словахъ коего надлежало ему основывать всѣ пред-

---

извѣстнаго труса Гассанъ-Хана; оружіе сего презрѣннаго воина было подарено государемъ городу Ригѣ, гдѣ доставлено было извѣстіе о взятіи Эривани. Во время благодарнаго молебна стѣны Эривани, подобно стѣнамъ другого Іерихона, осыпались отъ дѣйствія холостыхъ выстрѣловъ. Государь, посѣтивъ Эривань въ 1837-мъ году, сказалъ о ней: «Славны бубны за горами». Во время войны въ азіятской Турціи Паскевичъ доносилъ государю, что онъ, не давъ соединиться двумъ турецкимъ арміямъ, разрѣзалъ ихъ, такъ сказать, уничтоживъ одну и взявъ въ плѣнъ главнокомандующаго, онъ разбилъ и другую. Двухъ армій никогда не было выставлено противъ нашихъ войскъ; воображаемая 2-я армія была не что иное, какъ весьма небольшой сбродъ сволочи, которой, такъ-называемый, главнокомандующій Гакки-Паша, спасаясь отъ своего начальника, искалъ случая передаться русскимъ, и съ радостью сдѣлалъ это, увидавъ полковника Верзилина. Паскевичъ хотѣлъ отдать подъ судъ генерала Сакена за взятіе при этомъ случаѣ малаго числа плѣнныхъ.

Д. Д.

[1]) Государь сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Во время польской войны я находился одно время въ ужаснѣйшемъ положеніи: жена моя была беременною на сносѣ, въ Новгородѣ вспыхнулъ бунтъ, при мнѣ оставались лишь два эскадрона кавалергардовъ; извѣстія же изъ арміи доходили до меня лишь чрезъ Кёнигсбергъ. Я нашелся вынужденнымъ окружить себя выпущенными изъ госпиталей солдатами». Д. Д.

варительныя мѣры и распоряженія, не постигаетъ важности и характера войны. Онъ продолжаетъ доставлять своему правительству донесенія, каковыя доставлялъ ему изъ-за Балкановъ, гдѣ велась такъ сказать война исключительно вещественная! И что всему этому причиною? Старанія скрыть дѣйствія свои при первомъ шагѣ за границу, проступокъ едва простительный прапорщику, опоздавшему къ разводу и извиняющемуся различными вымыслами предъ своимъ ротнымъ командиромъ.

Разберемъ предварительно мѣры Дибича и распоряженія его для перехода ввѣренной ему арміи за границу и вышеупомянутыя два донесенія императору.

Алчность къ начальствованію и увѣренность въ скоромъ вплетеніи новаго лавра въ Забалканскій вѣнокъ, столь легко пріобрѣтенный въ битвахъ ничтожныхъ, увлекла графа Дибича къ принятію начальства надъ арміей противъ врага образованнаго и свѣдущаго; онъ не имѣлъ для того необходимыхъ познаній и не успѣлъ, какъ оказалось, ознакомиться съ обстоятельствами, на коихъ надлежало основывать всѣ свои распоряженія. Ему представлялся, повидимому, мятежъ, простиравшимся не далѣе Варшавы. По крайней мѣрѣ онъ не постигалъ, что отрасли заговора могли проникнуть въ нѣдра польско-россійскихъ губерній, что этотъ мятежъ былъ послѣдствіемъ нравственныхъ корчей, терзавшихъ Европу; словомъ, онъ не ожидалъ, чтобы вспышка въ Варшавѣ была въ состояніи произвести взрывъ на всемъ пространствѣ отъ береговъ Варты до береговъ Днѣпра и Двины. Вмѣсто того, чтобы, принявъ на себя командованіе арміею, разглашать по Петербургу, что онъ задавитъ Польшу въ теченіе шести недѣль [1]), онъ долженъ былъ отклонить отъ себя принятіе тяжкаго для него бремени, столь много превышавшаго его средства. Я говорю это въ оправданіе Дибича, которому слѣдовало предварительно ознакомиться съ характеромъ страны, положеніемъ дѣлъ и оцѣнить какія могли быть для Россіи печальныя послѣдствія возстанія, могущаго вспыхнуть въ сосѣднихъ съ Польшей губерніяхъ. Если онъ понялъ, что желтая, красная и зеленая черты, отдѣляющія на картѣ эти губерніи отъ царства польскаго, не вещественнѣе линій, означающихъ экваторъ, тропики и ме-

[1]) Дибичъ звалъ даже своихъ знакомыхъ въ Варшаву на блины». Д. Д.

ридіанъ, тогда нѣтъ ему оправданія въ избраніи сихъ губерній основаніемъ дѣйствій нашей арміи, не занявъ ихъ предварительно и заблаговременно какими-нибудь войсками. Какъ ему не знать было, что основаніе для военныхъ дѣйствій арміи не избирается во враждебныхъ областяхъ. Мы видимъ противное въ двухъ только случаяхъ: тогда, когда основаніемъ служитъ самое государство, коему принадлежитъ дѣйствующая армія, какъ была для насъ коренная Россія въ 1812-мъ году; или когда основаніемъ служитъ государство, союзное съ тѣмъ, коего армія предпринимаетъ военныя дѣйствія, какъ были для насъ Австрія и Пруссія въ 1813-мъ году. Поясняю мысль мою мѣстнымъ примѣромъ: всѣмъ извѣстно, что Рейнъ и крѣпости Майнцъ и Страсбургъ представляютъ превосходныя основанія военнаго дѣйствія для арміи, намѣревающейся вторгнуться въ предѣлы Франціи; но если Майнцъ и Страсбургъ заняты уже французскими войсками, и сверхъ того великія герцогства Нассауское, Дармштадское и Баденское, королевства Виртембергское и Баварское въ союзѣ съ Франціею; то какой полководецъ въ мірѣ осмѣлится предпринять наступательное движеніе за Рейнъ и въ нѣдра Франціи безъ предварительнаго взятія или обложенія Майнца и Страсбурга и безъ занятія вышесказанныхъ герцогствъ и королевствъ сильною арміею?—въ томъ самомъ положеніи были и польско-россійскія губерніи относительно нашей арміи. Хотя эти губерніи и были объявлены на военномъ положеніи, но слово — не дѣло; чтобы военное положеніе существовало по истинѣ, а не въ воображеніи, слѣдовало занять эти губерніи войсками, исключительно назначенными для укрощенія возстаній, могущихъ здѣсь возникнуть. Хотя императоръ высочайше повелѣлъ о немедленномъ образованіи резервной арміи въ Литвѣ и о занятіи Волыни и Подоліи войсками 1-й арміи,—но приведеніе въ исполненіе сихъ спасительныхъ для насъ мѣръ требовало нѣкотораго времени, по причинѣ значительнаго разстоянія между собою войскъ; не излишне было бы для Дибича до прибытія ихъ на пункты, имъ опредѣленные, оставить на сихъ мѣстахъ оба фланга растянутой имъ отъ Ковно до границы австрійской Галиціи арміи, правый въ Вильнѣ и Минскѣ, а лѣвый въ Луцкѣ. Первый, составленный изъ гвардейскаго отряда и второго пѣхотнаго корпуса, былъ достаточно силенъ для удержанія въ повиновеніи литовскія губер-

ніи; послѣдній, состоящій изъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и резервныхъ баталіоновъ 25-й пѣхотной дивизіи, усиленныхъ войсками, впослѣдствіи составлявшими корпусъ Ридигера, представилъ бы твердый оплотъ противъ всякаго своеволія и возстанія въ Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ. И да не подумали бы, что оставленіемъ сихъ войскъ позади себя и внѣ круга боевыхъ происшествій Дибичъ ослабилъ бы чрезъ то массу дѣйствующихъ силъ, нимало. Онъ имѣлъ даръ распорядиться такимъ образомъ, что и изъ самыхъ войскъ, составлявшихъ главную боевую массу арміи, гренадерскій корпусъ едва былъ въ огнѣ 13-го февраля, придя лишь въ сумеркахъ на поле сраженія подъ Гроховымъ; а 7-го февраля подъ Милосной, сей корпусъ находился еще далѣе, ибо былъ въ 150 верстахъ отъ сражавшейся арміи. Что же касается до гвардейскаго отряда, 2-го пѣхотнаго корпуса и войскъ, образовавшихъ впослѣдствіи корпусъ Ридигера, о нихъ тогда и помину не было на театрѣ военныхъ дѣйствій, а корпусъ Крейца находился въ 200 верстахъ отъ обоихъ вышеозначенныхъ полей битвъ.

Итакъ, избравъ и упрочивъ основаніе свое и пути, съ тылу къ оному ведущіе, Дибичъ былъ бы уже свободенъ, и не опасаясь возстанія между жителями этихъ губерній, онъ могъ бы обратить все свое вниманіе на дѣйствія противу войскъ, непосредственно предъ лицомъ его находившихся. Тогда стоило ему только, сосредоточивъ впереди Бѣлостока на Наревѣ корпуса: гренадерскій, 1-й и 6-й пѣхотные, 3-й кавалерійскій, гвардейскій отрядъ цесаревича, 11-ть казачьихъ полковъ и до 350-ти орудій, двинуться всею этою стотысячною массою чрезъ Нуръ къ Венгрову, а оттуда къ Варшавѣ, и пользуясь превосходствомъ въ силахъ, аттаковать польскую армію съ полною надеждою на успѣхъ.

Отъ Бѣлостока до Варшавы не болѣе 200 верстъ. Полагая переходъ по 25-ти верстъ въ сутки, что не очень велико, Дибичъ могъ бы прибыть въ 8 сутокъ подъ Варшаву, слѣдовательно ему болѣе чѣмъ достаточенъ былъ обыкновенный запасъ хлѣба: трехдневный въ ранцахъ и десяти-дневный въ фуражахъ. Сверхъ того подводы могли прибывать отъ брестскаго магазина въ армію тотчасъ по вступленіи ея въ Венгровъ и занятіи Сѣдлеца, слѣдуя по шоссе прочному, который не могъ портиться отъ дѣйствія дурной погоды. Такъ какъ онъ перешелъ границу 25-го января,

то 2-го февраля онъ могъ бы быть уже подъ Варшавой. Ледъ на Вислѣ былъ еще весьма крѣпокъ, ибо въ это время и даже нѣсколько позже корпуса Крейца и Дверницкаго по два раза переходили Вислу по льду съ орудіями и тяжестями. Совокупное движеніе нашей арміи, вслѣдствіе котораго вся армія явилась бы 2-го февраля подъ Варшавой, совершенно уничтожило бы выгоду, которую должно было принести непріятелю прагское предмостное укрѣпленіе. Ледяной плотъ лежалъ въ то время по всей Вислѣ, слѣдовательно не для чего было аттаковать твердыню, защищавшую одну только точку рѣки, всюду по льду проходимой.

Сверхъ того замерзаніе рѣкъ и болотъ лишаетъ оборонительныя позиціи бо̀льшей части выгодъ, ими приносимыхъ; этимъ Дибичъ могъ легко воспользоваться, и чѣмъ весьма рѣдко пользуются полководцы, дѣлая предначертанія свои по картамъ, на которыхъ ни моря, ни рѣки, ни болота не замерзаютъ. Это кажется эпиграммою, но въ сущности это справедливо. Я помню сколько графъ Буксгевденъ употребилъ времени въ войнѣ Финляндіи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1808 года, на сочиненіе плана аттаки шведскаго корпуса, занимавшаго, по мнѣнію его, неодолимую позицію подъ Форсби, ибо фланги оной примыкали: правый къ Финскому заливу, а лѣвый къ изгибу широкой рѣки, протекающей предъ Форсби. Что же вышло? Корпусъ шведскій не остановился на сей позиціи, потому что тридцати-градусные морозы давно уже превратили и Финскій заливъ, и рѣки въ равнину, несравненно удобнѣйшую для наступательнаго дѣйствія, чѣмъ твердая земля въ Финляндіи, покрытая скалами и дремучими лѣсами. Есть военачальники, которые къ зимнимъ нелѣпостямъ присоединяютъ еще и лѣтнія. Они примыкаютъ фланги войскъ своихъ къ малому ручью или пруду, на картѣ означеннымъ, не принимая въ уваженіе: есть ли броды или нѣтъ ихъ на семъ ручьѣ, и достаточно ли воды въ немъ для плаванія лягушекъ? О таковыхъ-то полководцахъ великій Суворовъ говаривалъ: «Помилуй Богъ! эти великіе тактики не иначе даютъ сраженія, какъ примкнувъ флангами: однимъ — къ лужѣ, другимъ — къ навозной кучѣ!»

Но приступимъ къ разсмотрѣнію рапортовъ Дибича. Оставя на произволъ судьбы и основаніе и затыльные пути, ведущіе къ оному, Дибичъ, какъ мы выше видѣли, доноситъ:

«Желая воспользоваться способами края, дабы занятіемъ вдругъ большого пространства онаго, обезпечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ царствѣ польскомъ, я рѣшился немедленно начать военныя дѣйствія и соединенно вступить въ царство польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ пунктахъ».

За что принимаетъ графъ Дибичъ правительство, осмѣливаясь угощать оное подобными донесеніями? Пусть покажутъ намъ возможность занятія войсками большого пространства, не разбросавъ войска сіи по всему пространству; пусть укажутъ намъ средства начать военныя дѣйствія соединенными силами, предпринимая нападенія на разные пункты?

Дѣло въ томъ, что пространство, опредѣленное Дибичемъ для занятія арміею, ему ввѣренною, заключалось между восточною прусскою и австрійскою Галиціею, что составляло около 400 верстъ протяженія; разные пункты, чрезъ которые наступленіе производилось, находились на протяженіи отъ Ковно до Устилуга, что составляло около 700 верстъ. И таковую-то операцію въ донесеніи правительству Дибичъ называлъ дѣйствіемъ соединенными силами! Чудесная логика и не менѣе того превосходная стратегія! Впрочемъ, это предначертаніе имѣло основаніемъ, какъ онъ самъ говоритъ, обезпеченіе будущаго продовольствія арміи. Но на долго ли разсѣяніе военныхъ силъ по обширному пространству, въ шести переходахъ отъ сосредоточенной непріятельской арміи, можетъ обезпечить продовольствіе этихъ войскъ, если противодѣйствующія онымъ силы сосредоточены и военачальникъ ихъ предпріимчивъ и знаетъ свое дѣло? Правда, что для подобной же цѣли Наполеонъ разсѣявалъ свою армію, но не въ шести переходахъ отъ непріятельской арміи, а въ весьма дальнемъ отъ оной разстояніи; по мѣрѣ же приближенія своего къ ней, онъ снова ее сосредоточивалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прокормленіе арміи есть дѣло великой важности, но главная цѣль всякаго ополченія не есть лишь утоленіе голода его, а одержаніе побѣдъ, въ коихъ оно нуждается. Армія, расположенная близъ собственныхъ крѣпостей, снабженныхъ продовольствіемъ, можетъ съ полнымъ желудкомъ простоять всю кампанію безъ дѣйствія, и сохранивъ себя, можетъ погубить отечество. Армія, разсѣянная для пропитанія себя по чрезмѣрному пространству вблизи сосредоточеннаго непріятеля, можетъ съ полнымъ желудкомъ потерпѣть по частямъ пораженія, и погубивъ себя, погу-

бить отечество. Для этой ли цѣли собираются арміи? Въ 1796 г. Бонапартъ, принявъ начальство надъ войскомъ голоднымъ, въ рубищахъ, безъ казны и магазиновъ, и показавъ ему съ высотъ Аппениновъ роскошную Италію и полныя продовольствіемъ крѣпости, разливавшія изобиліе въ арміяхъ австрійской и сардинской, сказалъ войскамъ своимъ: «все это ваше», и все стало ихъ и приняло иной видъ: голодные насытились, нагіе одѣлись, милліоны насыпались въ казну арміи и Франціи; сытые же австрійцы и сардинцы познали голодъ, и растерявъ въ бѣгствѣ башмаки, предали во власть побѣдителей всѣ запасы, всѣ источники богатства изобильнѣйшаго края; вотъ доказательство, что не роскошное содержаніе арміи даетъ побѣду, а побѣда открываетъ средства къ содержанію арміи, поддерживая войну войною.

Изъ сего ясно видно, что для достиженія сего предмета нужно было обратиться къ способу, вовсе противоположному тому, который избранъ былъ Дибичемъ, а именно: прежде всего надлежало напасть совокупными силами на непріятеля, разбить его, и тогда уже легко позади побѣдоносной своей арміи приказать извѣстнымъ областямъ озаботиться о снабженіи арміи всѣмъ для нее необходимымъ. Для отысканія тому примѣра не надо было рыться въ чужеземныхъ исторіяхъ и заглядывать въ Италію; примѣръ тому легко найти въ русской арміи и на самомъ томъ мѣстѣ, на коемъ намѣревались тогда дѣйствовать. За тридцать шесть лѣтъ предъ симъ, Суворовъ, сосредоточивъ войска въ Брестѣ и обезпечивъ тылъ свой (хотя независимыми отъ него, но назначенными отъ правительства занимать Литву и Волынь корпусами кн. Репнина и гр. Салтыкова), двинулся усиленными переходами къ Варшавѣ, разбилъ подъ Кобылкою польскій корпусъ, отступавшій изъ-за Наревы и Буга къ сему городу, и взялъ приступомъ укрѣпленную Прагу; покоривъ Варшаву, онъ размѣстилъ войска свои на квартиры, опредѣливъ на доставленіе имъ продовольствія всѣ, вслѣдствіе побѣдъ его, падшія польскія воеводства. Вотъ способъ, коимъ благоразумному полководцу слѣдуетъ продовольствовать войска свои на счетъ жителей враждебной области до благопріятнаго разсѣченія гордіева узла; это обстоятельство болѣе чѣмъ сомнительно при разбрасываніи наступательной арміи въ близкомъ сосѣдствѣ съ сосредоточеннымъ непріятелемъ,

ожидающимъ, можетъ быть, сей ошибки, чтобы самому перейти въ наступленіе.

«Получивъ свѣдѣніе, что войска мятежниковъ расположены двумя отрядами: первымъ при Остроленкѣ, Пултускѣ и Рожанахъ, а другимъ и главнѣйшимъ около Минска, Калушина и Владиславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ направленіи къ Вышкову, чтобы по переходѣ рѣки сей раздѣлить армію мятежниковъ на двѣ части, а оставя отрядъ генералъ-майора Мандерштерна въ Ломжѣ для наблюденія лѣваго фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятежникамъ отступленіе праваго ихъ фланга къ Варшавѣ».

Это выходка для жоминистовъ. Дибичъ хотѣлъ показать оною, что и онъ умѣетъ, подобно Фридриху, Наполеону и Суворову, пользоваться внутреннею линіею; но на дѣлѣ этого не было, и славу Богу! ибо этотъ планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Чтобы избирать родъ дѣйствія, предметомъ коего служитъ раздѣленіе непріятельской арміи надвое, необходимо слѣдуетъ достовѣрно узнать, точно ли расположеніе ея тому способствуетъ; если слухи справедливы, то не ползти и не останавливаться на пути, а бѣжать, летѣть, бросаться стремглавъ на избранный предметъ дѣйствія, потому что операція такого рода болѣе другихъ требуетъ быстроты и внезапности. Въ этомъ случаѣ, еслибы извѣстіе о размѣщеніи польской арміи, полученное Дибичемъ, и не подлежало сомнѣнію, то было безразсудно слѣдовать со всею арміею по мѣстности лѣсистой между Бугомъ и Наревою, едва прорѣзанною кое-гдѣ узкими дорогами и тропинками и въ то время года еще заваленной снѣгами; непріятель между тѣмъ могъ удобно двинуть по широкимъ и удобнымъ шоссе, соединяющимся у Прагскаго укрѣпленія предъ Варшавою. При первомъ извѣстіи о семъ движеніи, непріятель могъ весьма спокойно отойти по обоимъ шоссе и сосредоточиться у Праги, прежде чѣмъ армія наша успѣла бы сдѣлать два перехода по затруднительнѣйшей мѣстности. Положимъ однако, что препятствія эти не устрашили Дибича, что онъ рѣшился преодолѣть ихъ, во что бы то ни стало, и предпринять движеніе, требующее быстроты и внезапности; онъ двинулся, и вдругъ..... что же пишетъ? «въ теченіе днёвки, которую имѣла армія...» Какъ днёвки?! Въ операціи, въ которой всякой шагъ впередъ, всякой часъ, всякая минута такъ дороги, полководецъ, предпринявшій оную, рѣшается остановить армію

для днёвки! Но что тому причиною? Послушаемъ еще самого Дибича:

«Какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами».

Право, не знаешь какое имя дать подобной наглости въ отношеніи правительства! Да чѣмъ же главнокомандующій занимался въ теченіе полуторамѣсячнаго пребыванія своего посреди арміи въ Бѣлостокѣ? Не устройствомъ ли въ окрестностяхъ сего города и въ Брестѣ магазиновъ, ежедневно наполняемыхъ подвозами изъ литовскихъ губерній и образованіемъ арміи, по мѣрѣ прибытія въ ея составъ войскъ изъ Россіи? И когда войска, составившія армію, подкрѣпили себя, первыя—десятидневнымъ, а послѣднія—пятидневнымъ отдохновеніемъ, когда магазины наполнились, по крайней мѣрѣ, двухнедѣльною пропорціею провіанта, когда, сверхъ того, большое количество запасовъ роздано было войскамъ: сухарей на три дня въ ранцы и на десять дней въ фуры, тогда Дибичъ двинулся, и послѣ двухъ переходовъ, снова остановился, «какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами», и гдѣ же? Въ землѣ, на коей оставлены были огромные магазины непріятельскіе, въ землѣ, противъ насъ возставшей и изобилующей всѣми родами съѣстныхъ припасовъ, на шестисуточномъ разстояніи отъ непріятеля, и имѣя съ собой одиннадцатисуточный запасъ продовольствія! Если это называется воевать, то какъ назовемъ мы походы Фридриховскіе, Наполеоновскіе, Суворовскіе и предшествовавшихъ имъ полководцевъ? Дошли ли бы до насъ исполинскія имена Александра, Аннибала и Цезаря, еслибъ на каждомъ второмъ переходѣ они, имѣя при себѣ достаточное количество провіанта, останавливали войска свои для отдохновенія и ожиданія подвозовъ съ пищею въ краяхъ, оною изобилующихъ?

Впрочемъ, это не новая уловка главнокомандующихъ нашими арміями. Я отслужилъ четырнадцать кампаній и почти въ каждой изъ нихъ читалъ по нѣскольку разъ подобнаго рода оправданія, посылаемыя ими правительству. Забавныя оправданія! Армія не можетъ идти впередъ, потому что еще подвозы съ запасами къ ней не прибыли. Но развѣ войско, стоя на мѣстѣ, можетъ обойтиться безъ пищи? А если оно употребляетъ не менѣе пищи во время стоянки, какъ и на походѣ, и пищу сію получаетъ

отъ жителей края, имъ занимаемаго, то не лучше ли ему утолять голодъ, подвигаясь впередъ, чѣмъ стоя на одномъ мѣстѣ? Тѣмъ болѣе, что отъ неподвижнаго пребыванія арміи край, ею занимаемый, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнуряется и не въ состояніи прокормить ее и жителей. При движеніи же впередъ, она на каждомъ шагу находитъ народонаселеніе свѣжее и еще не раздѣлившее съ войсками пропитанія своего, слѣдовательно обладающее бо̀льшею возможностію прокормить сіи войска, чѣмъ то, которое понесло уже ущербъ въ своихъ запасахъ. Если бы впереди находящійся край былъ, подобно Аравійской пустынѣ, лишенъ скота и хлѣба, тогда, безъ сомнѣнія, нельзя вступить въ него безъ огромныхъ запасовъ провіанта изъ магазиновъ, предварительно устроенныхъ въ хлѣбородныхъ областяхъ, съ нею граничившихъ. Но во всѣхъ европейскихъ войнахъ области, прилегающія спереди, съ боковъ и тыла къ той, въ коей полководецъ останавливаетъ армію свою для ожиданія подвозовъ, почти столь же изобильны продовольствіемъ, сколько и онѣ сами. Это разсужденіе не свыше понятій самаго обыкновеннаго человѣка. Что же причиною тому, что всегда пропадаетъ такъ много времени въ бездѣйствіи, подъ предлогомъ поджиданія подвозовъ съ провіантомъ? Не вслѣдствіе ли опасенія генеральнаго сраженія съ непріятелемъ, сего рокового удара, рѣшающаго въ нѣсколько часовъ судьбу всего похода? Вотъ истинная тому причина; поджиданіе же подвозовъ есть только отговорка, и это такъ быть должно. Самое превосходно обдуманное и данное на выгоднѣйшемъ мѣстоположеніи генеральное сраженіе зависитъ отъ бо̀льшихъ или меньшихъ случайностей; а чтобы любить случайности, надо быть преисполнену поэзіею ремесла нашего, исключительно поэтическаго и потому непостижимаго для людей, руководимыхъ единой разсчетливостію, ничего не оставляющихъ на произволъ случая, ничего не ввѣряющихъ порывамъ вдохновенія. Надо имѣть твердую, высокую душу, жаждущую сильныхъ ощущеній, безъ вліянія ихъ на умъ, ни отъ чего не смущающійся и всегда дѣятельный, на волю, сплавленную въ единый слитокъ и на мнѣніе о себѣ, полное неистощимаго запаса увѣренности въ способности творить успѣхи тамъ, гдѣ посредственность видитъ одну лишь гибель. Какъ же послѣ того предпринимать что-либо отважное полководцамъ покроя обыкновеннаго, дарованій сомнительныхъ и теряю-

щимъ силу соображеній при малѣйшемъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ? Какъ рѣшаться имъ на сшибку грудь съ грудью съ непріятелемъ, на сшибку, могущую въ одинъ день, а иногда и въ одинъ часъ времени, ниспровергнуть въ прахъ весь мозаическій слѣпокъ ихъ хрупкихъ репутацій? Вотъ почему полководцы эти прилѣпляются какъ ростовщики къ скопленному ими, всѣми позволительными и непозволительными способами сего рода капиталишку, рискуя онымъ не иначе, какъ мелкою монетою по денежкамъ и по копеечкамъ въ огромной понтировкѣ армій и народовъ. Вотъ почему они довольствуются ожиданіемъ при выигрышѣ арендъ, чиновъ, крестовъ, а при проигрышѣ наказанія, соразмѣрнаго съ подобными награжденіями; тогда какъ въ этой же понтировкѣ полководцы размѣра Фридриха, Наполеона и Суворова ставятъ на одну карту весь капиталъ необъятныхъ побѣдъ, ими пріобрѣтенныхъ и выигрываютъ государства и части свѣта, или проигрываютъ все до собственной жизни, до собственной свободы, какъ Аннибалъ и Наполеонъ, оставивъ славѣ своей лишь безсмертіе на пропитаніе.

Стоянка Дибича въ окрестностяхъ Ломжи и Высокомазовецка продолжалась трое сутокъ, тогда какъ слѣдовало бы ей продолжаться не болѣе того времени, которое нужно было для сваренія каши и легкаго отдыха. 30-го армія выступила въ походъ, но уже не на Вышковъ, а круто вправо на Броки и Нуръ, дабы безпрепятственнѣе и поспѣшнѣе переправиться чрезъ Бугъ, подъ предлогомъ опасенія скораго вскрытія сей рѣки. Вотъ что пишетъ о томъ Дибичъ:

«Внезапно наступившій юго-западный вѣтръ произвелъ такую перемѣну въ температурѣ, что послѣ двадцати градусовъ мороза 29-го числа всѣ поля были уже обнажены отъ снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоими берегами Буга неминуемо прекратится, а посему надлежало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія.....»

Правда, что во время трехсуточнаго замедленія арміи нашей въ Ломжѣ и Высокомазовецкѣ, наступила сильная оттепель, но въ эту часть года, т.-е. въ концѣ января нельзя было ожидать никакого рѣшительнаго появленія весны. Если поля обнажились отъ снѣга и дороги сдѣлались грязными, то грязь эта была на одной только поверхности дорогъ, грунтъ же ихъ оставался твер-

дымъ и еще далеко было до разлитія рѣкъ, ибо самый Бугъ былъ безпрепятственно перейденъ по льду гренадерскимъ корпусомъ князя Шаховскаго шестнадцать дней послѣ появленія означенной оттепели, а Висла вскрылась только въ началѣ марта. Такъ всегда бываетъ на широтѣ той части Польши, на коей происходили тогда военныя движенія. Для чего же приписывать отступленіе отъ начально избраннаго предначертанія опасности, которая будто бы угрожала намъ вслѣдствіе близкаго вскрытія Бугa? Пользуясь вполнѣ правами главнокомандующаго, не отъ Дибича ли зависѣло дѣйствовать какъ ему заблагоразсудится? Не обладалъ ли онъ полною волею слѣдовать по направленію, для него удобнѣйшему? Если прямой путь къ непріятелю представлялъ затрудненія, были пути и вправо и влѣво: ступай тѣмъ или другимъ, все хорошо, не ходи только тѣмъ, который ведетъ обратно въ Россію. Зачѣмъ же избирать кривой путь въ сношеніи съ правительствомъ? На это врядъ ли онъ имѣлъ разрѣшеніе. Но положимъ, что измѣненіе начальнаго предначертанія произошло отъ причины изъясненной въ разбираемомъ нами реляціи, и поспѣшность, употребленная для перехода на лѣвый берегъ Бугa, основывалась на намѣреніи избѣжать всякаго значительнаго препятствія между нашей арміей и непріятельской, слѣдовательно новое предначертаніе ручалось въ быстрѣйшемъ достиженіи главныхъ непріятельскихъ силъ и скорѣйшей развязкѣ возникшихъ споровъ — генеральнымъ сраженіемъ. Всѣмъ извѣстно, что для такого рѣшительнаго удара превосходство въ числительной силѣ весьма не лишнее по той причинѣ, что съ гораздо бо́льшею вѣроятностію можно надѣяться на побѣду съ 98-ми-тысячною, чѣмъ съ 78-ми-тысячною массою при нападеніи ея на 73-хъ-тысячную. Сверхъ того, однимъ изъ непростительныхъ стратегическихъ проступковъ почитается движеніе арміи двумя путями противъ одного пути, между ними находящагося и занятаго непріятелемъ, особенно если эти два пути отдѣлены одинъ отъ другого естественными преградами, какъ, напримѣръ: рѣками, озерами, болотами и проч. Для какого же предмета оставленъ былъ весь гренадерскій корпусъ кн. Шаховскаго и отрядъ генерала Мандерштерна около Ломжи на ковенскомъ шоссе, лежащемъ на правомъ берегу Наревы, во время перехода главной нашей арміи на лѣвый берегъ Бугa и при переносѣ ея дѣйствія на брестское шоссе, тѣмъ болѣе,

что точка соединенія обоихъ шоссе была въ рукахъ непріятельской арміи, расположенной впереди сей точки не въ дальнемъ отъ нея разстояніи? Что мѣшало обратить и корпусъ этотъ и отрядъ Мандерштерна вслѣдъ за нашей арміей, для которой войска эти составили бы резервъ и усилили бы ее чрезъ это 20-ю тысячами человѣками и 72-мя орудіями, вмѣсто того, чтобы вслѣдствіе очищенія ковенскаго пути опасаться непріятельскаго вторженія по немъ къ Вильнѣ? Но объ этомъ вторженіи непріятель не могъ имѣть тогда ни малѣйшаго помышленія, ибо рѣшился ли бы начальникъ польской арміи залетѣть всѣми силами за 500 верстъ отъ Варшавы при движеніи всей нашей арміи по брестскому шоссе къ столицѣ? Я увѣренъ, что если непріятелю и пришла мысль двинуться по сему направленію, то она явилась по той причинѣ, что онъ могъ увлечься желаніемъ истребить корпусъ, вчетверо слабѣйшій противъ польской арміи, который оставленъ былъ въ Ломжѣ на защиту этого пути и только лишь потому, что онъ былъ удаленъ отъ нашихъ главныхъ силъ. Слѣдовательно, этотъ корпусъ, вмѣсто того, чтобы охранять ковенское шоссе, служилъ только приманкою для польской арміи, съ которой онъ, по великому превосходству ея въ силахъ, не могъ и полсутокъ бороться. Я предоставляю читателю судить, что̀ произошло бы, еслибъ, по разбитіи этого корпуса при Ломжѣ, непріятель, недовольствуясь симъ успѣхомъ, двинулся немедленно къ Бугу и далѣе въ тылъ арміи нашей, направляющейся къ Варшавѣ? Какое вліяніе возымѣло бы на духъ польской арміи и польской націи извѣстіе о разбитіи 20-ти-тысячнаго корпуса нашего при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій? Въ какое положеніе это обстоятельство поставило бы Дибича, находившагося между вооруженною Варшавою, предмостнымъ Прагскимъ укрѣпленіемъ, Модлинской крѣпостью и польской арміей, устремляющейся на него съ тылу и могшей легко захватить всѣ его запасы, парки и резервы; кромѣ того, непріятель истребленіемъ гренадерскаго корпуса значительно бы возвысилъ этимъ нравственный духъ своихъ войскъ. Мнѣ скажутъ, что такое движеніе было бы чрезмѣрно отважно. Согласенъ, но такими только движеніями и пріобрѣтаются огромные успѣхи, спасаютъ отечества, живутъ въ потомствѣ. Размѣренныя, систематическія движенія заранѣе разсчитаны посредственностью и принаровлены къ мѣст-

ности, какъ разводъ къ городской площади; всякій знаетъ, что послѣ чего слѣдуетъ, и куда идти, куда придти, и что каждому изъ фигурантовъ надлежитъ дѣлать. Но эти вспышки генія непредвидимы и неисчислимы по своимъ послѣдствіямъ, ибо онѣ не только поражаютъ духъ непріятельскихъ войскъ, но ошеломляютъ, отуманиваютъ главнаго начальника, ниспровергая всѣ его предначертанія; съ планами, съ обѣихъ сторонъ по канвѣ расчисленными и систематически размѣренными, кампанія можетъ продолжаться для обѣихъ сторонъ до изнеможенія силъ, какъ минуетъ вѣка Людовика XIV, но нѣтъ такой глубоко обдуманной систематической кампаніи, которая была бы въ состояніи выдержать одного, а много двухъ движеній, подобныхъ тому, какое слѣдовало бы предпринять его сіятельству князю Михаилу Радзивиллу, при представленномъ выше распорядкѣ его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго. И да не подумали бы, что подобнаго рода движенія никогда не были приведены въ исполненіе. Кто усомнится въ этомъ, пусть раскроетъ описаніе кампаніи великаго Наполеона въ 1796 году въ Италіи. Пусть онъ взглянетъ на карту и представитъ себѣ Вислу—вмѣсто Адижа; польскую армію—вмѣсто французской арміи; Варшаву—вмѣсто Вероны; россійскую армію—вмѣсто австрійской; Дибича—вмѣсто Вурмзера; Радзивилла—вмѣсто Наполеона; дорогу, идущую отъ Бреста къ Варшавѣ—вмѣсто дороги, ведущей отъ Тревизы къ Веронѣ; Давидовича, расположеннаго при Трентѣ—вмѣсто Шаховскаго, расположеннаго при Ломжѣ; дорогу, идущую на Трентъ и далѣе къ Ботцену — вмѣсто ковенской дороги; движеніе Вурмзера отъ Бассано къ Веронѣ — вмѣсто движенія Дибича отъ Брокъ и Нуры къ Варшавѣ; разбитіе Наполеономъ Давидовича при Трентѣ — вмѣсто разбитія, угрожавшаго Шаховскому подъ Ломжою; движеніе отъ Трента по Саганской долинѣ (дорогѣ?) къ Бассано—вмѣсто движенія, которое Радзивиллъ долженъ былъ предпринять отъ Ломжи къ Бугу и за Бугъ въ тылъ Дибичу, послѣ разбитія Шаховскаго. Что же касается до движенія къ Вильнѣ малою частью арміи, то могло ли оно быть предпринято, тогда какъ все еще было спокойно въ Литвѣ, гвардейскій отрядъ находился въ окрестностяхъ Вильны и 2-й пѣхотный корпусъ былъ расположенъ около Минска? Да и какой сумасбродный полководецъ осмѣлился бы отдѣлять на второсте-

пенное и весьма гадательное предпріятіе какую-либо часть войскъ отъ массы, ожидающей съ часу-на-часъ рѣшительной борьбы съ подвигавшейся къ ней сосредоточенною непріятельскою арміею? Итакъ, мнѣ кажется, что не лишнее было бы Дибичу присоединить къ нашей главной арміи войска Шаховскаго и Мандерштерна.

XI.

12-го марта графъ Тиманъ и я прибыли въ главную квартиру, но Граббе насъ опередилъ сутками. Всѣ подняли меня на руки, прежде нежели я былъ допущенъ до высшихъ вождей. Генералъ-квартермейстеръ Нейдгардтъ принялъ меня по-дружески. На другой день мы съ Тиманомъ представлялись фельдмаршалу, который, принявъ насъ въ кабинетѣ, очень обласкалъ меня, и говоря со мной, безпрестанно повторялъ: «Денисъ Васильевичъ». Онъ звалъ меня обѣдать, и посадивъ возлѣ себя, говорилъ много, шутилъ и подливалъ мнѣ и себѣ много вина, разспрашивалъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, съ которымъ онъ такъ благородно поступилъ въ Грузіи [1]).

Отведя меня въ сторону, онъ прибавилъ:

«Я для васъ готовлю хорошее мѣсто и команду; подождите немного, завтра пріѣдетъ графъ Толь, мы съ нимъ объ этомъ потолкуемъ».

На другой день, по пріѣздѣ Толя, я поспѣшилъ къ нему. Онъ, увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ и обнялъ съ слѣдующими словами: «Здравствуй, любезный и милый Денисъ, жду тебя сто лѣтъ, послужимъ вмѣстѣ, найду тебѣ дѣло, и славное».

Въ тотъ же день за обѣдомъ фельдмаршала, возлѣ котораго сидѣлъ Толь, этотъ генералъ, пожавъ мнѣ дружески руку, сказалъ ему:

— «Ваше сіятельство, надо дать ему славное мѣсто, это давнишній мой другъ и пріятель съ самаго 1812 года».

---

[1]) За обѣдомъ графъ Дибичъ, вспоминая о Грузіи, говорилъ: «Карганов разсорилъ Ермолова съ Паскевичемъ, которымъ совершенно овладѣлъ; онъ увѣрилъ его, что Ермоловъ посылалъ его подъ Елисаветполь на вѣрную гибель и что даже непремѣнно хочетъ отравить его». Когда я самъ заболѣлъ, входитъ ко мнѣ Карганов съ разстроеннымъ лицомъ и объявляетъ мнѣ, по секрету, что онъ знаетъ навѣрное, что Ермоловъ отравилъ меня; но я закричалъ: «вонъ отсюда, мерзавецъ!»

(Примѣчаніе это написано Д. Давыдовымъ на особомъ листкѣ).

— «Да, да! непремѣнно, отвѣчалъ фельдмаршалъ, я васъ только дожидался».

Въ мѣстечкѣ Шеницы, 15-го марта, я получилъ предписаніе главнокомандующаго графа Дибича-Забалканскаго, слѣдующаго содержанія:

«Господину генералъ-майору и кавалеру Давыдову.

«Съ полученія сего, имѣете ваше превосходительство отправиться въ городъ Люблинъ, гдѣ явитесь къ генералу-отъ-кавалеріи графу Витту, командиру отдѣльнаго корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ, и коему при семъ прилагается предписаніе, относительно вашего назначенія, которое состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать въ родѣ летучаго отряда и составлять въ то же время и передовую стражу войска въ Люблинѣ и около сего города квартирующихъ. Ввѣряемый вамъ отрядъ состоитъ изъ казачьихъ полковъ: Катасанова, Платова и Кареева, имѣющіе въ подкрѣпленіи финляндскій драгунскій полкъ, расположенный нынѣ въ Красноставѣ, по дорогѣ отъ Люблина къ Замостью. Главная обязанность ваша состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать за движеніями мятежника Дверницкаго, находящагося нынѣ съ отрядомъ изъ 8-ми или 10-ти тысячъ человѣкъ въ сей крѣпости и ея окрестностяхъ.

«Предметъ его дѣйствій можетъ быть, съ переходомъ нашимъ за Вислу, сдѣлать поискъ къ Люблину, или партіями, стараясь взволновать край между Вепржомъ и Бугомъ, или наконецъ, оставя сію пѣхоту съ частью артиллеріи въ Замостьѣ, со всею кавалеріею (въ числѣ коей суть 5-й и 6-й эскадроны отъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го конно-егерскихъ и 1-го, 2-го, 3-го и 4-го уланскихъ полковъ и 4-хъ полковъ кракусовъ, каждый въ три эскадрона, что составляетъ всего 28 эскадроновъ, выводящихъ въ строй не болѣе 10-ти рядовъ, или 2,800 человѣкъ на конѣ), стараться изъ Замостья пробраться чрезъ Раховъ на лѣвый берегъ. Первыя два предположенія менѣе вѣроподобны, паче если онъ узнаетъ, что въ Устилугѣ собраны довольно значительныя силы нашихъ войскъ, при коихъ есть и казачій полкъ Попова 3-го, въ Грибешовѣ расположенный и имѣющій повелѣніе открывать всѣ движенія мятежниковъ со стороны Замостья. Третій случай требуетъ большой бдительности, чтобы мятежники, скрывъ отъ васъ свои движенія, не успѣли бы въ превосходныхъ силахъ напасть на генерала барона Крейца, въ Уржендовѣ находящагося, и удаливъ его, пробраться на лѣвый берегъ Вислы. Извѣстная опытность вашего превосходительства укажетъ вамъ способы, какъ остеречь войска наши отъ внезапнаго непріятельскаго появленія, а между тѣмъ и средства къ безпрестанному его безпокойству, дѣлая на него частые поиски. Для сего необходимо нужно вамъ быть въ весьма тѣсной связи съ генералъ-лейтенантомъ барономъ Крейцомъ, у коего состоять вамъ въ прямой зависимости и ежедневно доносить о происходящемъ какъ къ нему въ Уржендово, такъ и графу Витту въ городъ Люблинъ, дабы на случай движенія Дверницкаго на генерала барона Крейца, могли бы вы сблизиться къ нему и соединенно нанести превосходствомъ вашихъ силъ мятежнику пораженіе. Также нужно будетъ сохранять отъ времени до времени сношеніе и съ Устилугомъ, съ командиромъ тамошнихъ войскъ генералъ-майоромъ Лошкаревымъ». Генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

№ 1,141. 15 марта 1831. М. Шеницы.

Извѣстно, что въ это время фельдмаршалъ готовился къ переходу чрезъ Вислу. Онъ для сего избралъ мѣсто между рѣкою Вепржою и Прагою, противъ мѣстечка Рыки, гдѣ приготовлены были всѣ нужные матеріалы для построенія мостовъ въ нѣсколько часовъ времени. Изъ размѣщенія войскъ ясно видно, что для прикрытія главныхъ силъ арміи во время ихъ переправы, фельдмаршалъ оставилъ вправо отъ нихъ 6-й пѣхотный корпусъ генерала Розена у Дембевельке, на шоссе, идущемъ изъ Варшавы къ Брестъ-Литовску и влѣво сводный корпусъ генерала Крейца въ Люблинскомъ воеводствѣ [1]); изъ корпуса Розена отрядъ подъ командою Гейсмара поставленъ былъ въ Милоснѣ для наблюденія за непріятельской арміей, занимавшей Варшаву, а аванпосты отряда сего у самой прагской заставы. Изъ корпуса Крейца отрядъ, подъ моимъ командованіемъ, поставленъ былъ въ Красноставѣ для надзора за корпусомъ Дверницкаго, находившимся подъ Замостьемъ и въ окрестностяхъ сей крѣпости. Изъ этого явствуетъ, что важнѣйшія обязанности того времени лежали на Гейсмарѣ и на мнѣ, ибо мы были истинными очами главной арміи.

Мы должны были неотлучно находиться съ глазу на глазъ съ непріятелемъ и извѣщать о малѣйшемъ его движеніи, которое могло быть намъ опаснымъ во время нашего движенія.

Сверхъ того, какъ видно изъ сей инструкціи, намъ надлежало и послѣ переправы арміи продолжать наблюденія наши за тѣмъ же непріятелемъ для воспрепятствованія ему возбуждать волненія и возстанія въ краю, лежащемъ между Вислою и Бугомъ.

Кто не сознается, что для достиженія цѣли, для коей составлены были отряды наши, необходимо слѣдовало оставить насъ независимыми: Гейсмара отъ Розена, а меня отъ Крейца, ограничивъ отношенія наши къ Розену и Крейцу одними частыми извѣщеніями о происходящемъ? Безъ этого невозможно было бы имѣть вѣрное наблюденіе, ибо отъ непосредственной подчиненности Гейсмара — Розену, а меня — Крейцу, начальники наши

[1]) Въ инструкціи упомянуто о генералѣ графѣ Виттѣ, но графъ Виттъ въ день пріѣзда моего въ Люблинъ, т.-е. 20-го марта, получилъ повелѣніе: поступить обратно въ составъ главной арміи съ бо́льшею частію своего корпуса и усилить нѣсколькими полками корпусъ Крейца, заступившій его мѣсто въ Люблинскомъ воеводствѣ. Д. Д.

могли, по неосновательнымъ извѣстіямъ жителей или лазутчиковъ, перемѣщать насъ, — Гейсмара къ Модлину, или къ Оссеку, а меня къ Рахову или къ Хальшу и отвлекать насъ отъ главнаго предмета, указаннаго Дибичемъ, куда имъ заблагоразсудится. Гейсмару и мнѣ, при независимомъ положеніи, представлялась только одна обязанность: ему - стоять у Праги и наблюдать непріятельскую армію у главнаго ея выхода. Мнѣ—стоять у Красностава и наблюдать за Дверницкимъ, расположеннымъ у Замостья; намъ обоимъ надлежало немедленно извѣщать о малѣйшемъ движеніи находившихся противъ насъ войскъ, какъ главную армію, такъ и Гейсмару — Розена, а мнѣ — Крейца.

Въ выше представленной мною инструкціи я не безъ намѣренія подчеркнулъ двѣ статьи, одна другую уничтожающія. Первую ту, въ которой излагается весь духъ даннаго мнѣ порученія, т.-е. надзоръ за движеніями Дверницкаго, а второй — подчиненность моя Крейцу. Къ чему же столь подробное наставленіе чиновнику, коего другой, старшій ему чиновникъ, могъ однимъ словомъ отвлечь отъ предмета ему указаннаго, и чрезъ то разстроить всѣ виды главнокомандующаго, изложенные въ сей бумагѣ? Не лучше ли было бы прямо и просто сказать: «ваше превосходительство подчиняетесь генералу барону Крейцу, отъ коего получите всѣ нужныя наставленія». И все тутъ. По крайней мѣрѣ чрезъ то главный штабъ арміи избавился бы и отъ потери времени на сочиненіе мнѣ инструкціи, и отъ лишняго расхода чернилъ и бумаги.

Эта зависимость Гейсмара отъ Розена, а моя отъ Крейца, произошла не отъ сомнѣнія въ точномъ исполненіи Гейсмаромъ и мною данныхъ намъ порученій, ибо въ такомъ случаѣ избрали бы не насъ, а другихъ,— а единственно отъ педантическаго сохраненія правъ чиноначалія. Главнокомандующій счелъ необходимымъ, чтобы Гейсмаръ[1]), командовавшій частію войскъ, отдѣленныхъ отъ 6-го пѣхотнаго корпуса, и имѣвшій вблизи себя этотъ корпусъ, находился въ непосредственной подчиненности у

---

[1]) Генералъ баронъ Гейсмаръ, непоказывавшійся своимъ войскамъ часто въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, обнаружилъ въ польской войнѣ замѣчательную неспособность; блистательнымъ успѣхомъ своимъ въ войнѣ съ турками, въ 1828 году, онъ былъ исключительно обязанъ отличнымъ распоряженіямъ своего начальника штаба, полковника Граббе. Д. Д.

(Примѣч. изъ Долгоруковскаго списка, изд. 1863 г.).

корпуснаго командира. Та же мысль господствовала и при составленіи моей инструкціи.

Будучи солдатомъ тридцать два года сряду, я не возсталъ противъ святого долга подчиненія младшаго старшему; но, изучивъ ремесло свое и вникнувъ въ него, по мѣрѣ способностей, дарованныхъ мнѣ природою, я думаю, что есть случаи, въ которыхъ главному начальнику необходимо преступать за черту обыкновенія. Это необходимо надо было сдѣлать, въ особенности для начальника отряда, указавшаго еще въ 1812-мъ году на пользу партизановъ, коихъ обязанности должны быть чужды вліянія всякаго надъ ними начальства, исключая главнаго.

Въ строгомъ смыслѣ зависимость Гейсмара могла быть еще нѣсколько допущена, такъ какъ корпусъ Розена, главная армія и корпусъ Крейца стояли по одному протяженію и обращены были лицомъ къ общему имъ направленію, имѣя каждая изъ этихъ трехъ частей собственно принадлежащій ей авангардъ, и однимъ изъ нихъ могъ почитаться отрядъ Гейсмара. Но Дверницкій около Замостья былъ совершенно отдѣленъ отъ польской арміи, занимавшей Варшаву, слѣдовательно и отрядъ мой, назначенный для наблюденія за нимъ, долженъ былъ быть, подобно ему, отдѣленъ отъ нашей арміи, которая, какъ и главная непріятельская были расположены за Вислой. Послѣ этого, само собой разумѣется, что отряду этому ни подъ именемъ авангарда, ни подъ какимъ-либо другимъ именемъ и предлогомъ не слѣдовало принадлежать корпусу Крейца. Этотъ корпусъ, подобно корпусу Розена, находясь въ составѣ главной арміи, былъ подчиненъ общей системѣ дѣйствія и составлялъ отдѣльное лѣвое, какъ корпусъ Розена отдѣльное правое крыло главныхъ силъ нашихъ, обращенныхъ лицомъ къ Вислѣ, т.-е. въ сторону, почти противоположную той, къ коей обращенъ былъ мой отрядъ, занимавшій Красноставъ и наблюдавшій Дверницкаго, стоявшаго около Замостья.

Стоитъ только бросить взглядъ на карту и вспомнить размѣщеніе войскъ нашихъ въ то время, чтобы удостовѣриться, что истинный авангардъ Крейца находился между р. Вепржою и Юзефова, подъ командой генерала Пашкова. Авангардъ же главной арміи, выступившей тогда изъ Шеницы чрезъ Желиховъ къ Рыки, охранялъ правый берегъ Вислы, упираясь въ Вепржу, а

авангардъ Розена подъ командою Гейсмара стоялъ предъ Прагою. Польза независимости моего отряда и неудобство подчиненности, которою его оковали, окажутся въ своемъ мѣстѣ.

Достойно замѣчанія и то, что въ сей инструкціи изложены только три предположенія: 1) предпріятіе Дверницкаго между Вепржой и Бугомъ на Брестъ-Литовскъ; 2) движеніе его въ Люблину въ тылъ корпуса Крейца, расположеннаго около Уржендова, и 3) движеніе чрезъ Раховъ на Вислу для соединенія съ главною польскою арміею; но ни слова не было сказано о возможности вторженія его въ Волынь и далѣе, что однако не могло не бросаться въ глаза. И въ самомъ дѣлѣ, не достаточно ли ручались въ этомъ вторженіи: 1) удобство положенія Замостья, подъ пушками котораго находился корпусъ Дверницкаго; 2) обнаженіе отъ войскъ нашихъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній. Хотя изъ инструкціи и видно, что въ Устилугѣ стоялъ генералъ-майоръ Лошкаревъ, но онъ командовалъ только слабымъ отрядомъ, подкрѣпленнымъ своднымъ корпусомъ генерала Ридигера, весьма еще малочисленнымъ по случаю неприбытія всѣхъ войскъ, въ составъ его назначенныхъ. Онъ былъ слѣдовательно весьма недостаточенъ для отраженія десятитысячнаго корпуса Дверницкаго, привыкшаго одерживать успѣхи и составленнаго изъ кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи; 3) естественная невозможность царства польскаго продолжать борьбу съ Россіею, безъ распространенія мятежа въ польско-россійскихъ губерніяхъ, что не иначе можно было привести въ дѣйствіе, какъ посредствомъ войскъ, отдѣленныхъ отъ главной арміи мятежниковъ, и наконецъ, 4) духъ вражды ко всему русскому, господствовавшій искони во всѣхъ польско-россійскихъ губерніяхъ, со времени возстанія царства, успѣховъ нашихъ подъ Милосной и Гроховымъ, коими главнокомандующій нашъ не умѣлъ воспользоваться, и также частныхъ пораженій, нанесенныхъ Дверницкимъ Гейсмару и Крейцу, преувеличенныхъ недоброжелателями Россіи. Если бы Дверницкій, по переправѣ чрезъ Вислу въ Пулавѣ и по изгнаніи Крейца изъ Люблина въ исходѣ февраля, ограничился занятіемъ сего центральнаго пункта южной части театра войны, тогда не было бы возможности предусмотрѣть вторженія его въ Волынь. Все, что можно было бы предвидѣть—это набѣги его изъ Люблина къ Сѣдлецу или къ Біалѣ, т.-е. на путь сообщенія на-

шей арміи съ Брестомъ или на лѣвый флангъ оной во время расположенія ея около Шеницы, Паризова, Литовичи и Сточека, или быстрое отступленіе его обратно за сію рѣку (находившуюся отъ него на разстояніи одного сильнаго суточнаго перехода), въ случаѣ движенія на него части арміи нашей изъ-за Вепржа. Но когда по занятіи Люблина, по вскрытіи Вислы, при неимѣніи ни моста, ни паромовъ на сей рѣкѣ, Дверницкій, оставивъ городъ сей, двинулся къ Замостью, тогда не трудно было, видя, что онъ совершенно отдѣляется отъ главной польской арміи, постичь истинное его направленіе, долженствовавшее непремѣнно простираться гораздо далѣе этой крѣпости; можно было отгадать, что предметъ, имъ избранный, есть Волынская губернія; ибо какой, мало-мальски понимающій ремесло своé, начальникъ рѣшится предать въ руки непріятеля кратчайшее, и можно сказать, единственное сообщеніе свое съ главною арміею, коей онъ принадлежитъ, для того только, чтобы поглядѣть на крѣпость, вовсе въ немъ ненуждавшуюся, ни для усиленія своего гарнизона, ни для снабженія себя оружіемъ; напротивъ, прибытіе туда новыхъ силъ должно было уменьшить средства пропитанія, получаемыя ею изъ окрестностей?

Не взирая на то, весьма ясно видно, что нашъ главнокомандующій не только не постигъ возможности сего вторженія, но и первыя два предположенія, болѣе третьяго съ онымъ сходныя по своему наступательному свойству, бросилъ въ данную мнѣ инструкцію такъ, par acquit de conscience, чтобы не совсѣмъ быть грѣшнымъ предъ алкораномъ нѣмецкой методики. Главное вниманіе обращено было на прегражденіе Дверницкому обратнаго отступленія за Вислу.

Вотъ для чего и помѣщенъ былъ одинъ изъ полковъ моихъ въ Желкевкѣ и въ Высокомъ, съ повелѣніемъ ему дѣлать разъѣзды за Щербжечинъ и Франполь; вотъ для чего и помѣщенъ былъ корпусъ Крейца не въ Люблинѣ, а въ Уржендовѣ, ближе къ пути отступленія Дверницкаго, о чемъ онъ не гадалъ и не думалъ.

XII.

Мнѣ слѣдовало бы выѣхать изъ Шеницы немедленно по полученіи инструкціи. Уже товарищи мои, Граббе и гр. Тиманъ, разъѣхались по мѣстамъ имъ назначеннымъ. Первый на второй

день по пріѣздѣ нашемъ въ 1-й пѣхотный корпусъ, гдѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба; послѣдній на третій день, въ отрядъ Гейсмара бригаднымъ командиромъ конно-егерскихъ полковъ тираспольскаго и арзамасскаго. Нѣкоторыя, лично до меня касавшіяся, обстоятельства задержали меня, и я противъ воли долженъ былъ остаться въ Шеницѣ до 16-го числа.

Независимо отъ моего одиночества, главная квартира сама собою мнѣ смертельно надоѣла! Въ теченіе службы моей, я никогда не служилъ при главныхъ квартирахъ, но случалось мнѣ быть присылаему туда или съ извѣстіями, или за приказаніями отъ кн. Петра Ивановича Багратіона, безсмѣннаго начальника авангардовъ нашихъ армій во время войнъ Наполеоновскихъ, у коего я имѣлъ честь и счастіе быть адъютантомъ пять лѣтъ сряду. Впослѣдствіи, командуя самъ отдѣльными частями, я былъ туда призываемъ для доставленія свѣдѣній о непріятелѣ и полученія секретныхъ приказаній для внезапныхъ на него нападеній. Я помню главную квартиру Бенингсена въ 1806 и 1807-мъ годахъ въ восточной Пруссіи; я помню главную квартиру графа Каменскаго въ Турціи; я помню главную квартиру нашего Кутузова въ великій годъ войны отечественной, не говорю уже о главныхъ квартирахъ Шварценберга и императора Александра въ 1813 и 1814-мъ годахъ. Какое многолюдство! какая роскошь, какія веселости всякаго рода! Это были подвижныя столицы со всѣми ихъ очарованіями! Было гдѣ нашему брату, авангардному жителю, пристать и осушить платье, загрязненное на бивуакахъ, обмыть пахнувшіе порохомъ усы въ бокалахъ шампанскаго, натѣшиться разговорами и обмѣномъ остроумія въ любезнѣйшихъ обществахъ, напитаться свѣжими политическими новостями и отдохнуть отъ всечаснаго: «кто идетъ?» «садись!» и отъ безпрерывныхъ разспросовъ: «гдѣ непріятель? сколько?... пѣхота или конница?... есть ли пушки?...» и проч.

Но въ этой войнѣ главная квартира напоминала колонію квакеровъ или обитель траписговъ. Конечно, я не могъ жаловаться за себя; фельдмаршалъ удостоилъ меня отлично благосклоннымъ пріемомъ. Сверхъ того и начальникъ главнаго штаба, по пріѣздѣ своемъ изъ Люблина, обошелся со мною, можно сказать, совершенно по-дружески, за что я обоимъ имъ душевно благодаренъ; но справедливость не дозволяетъ умолчать, что какъ для меня,

такъ и для другихъ ничего не было утомительнѣе сей печальной, педантической, аккуратной въ распредѣленіи времени главной квартиры, гдѣ видимо преобладала крайняя нерѣшительность. Въ ней все наводило истинную тоску и грусть. Пустота на улицахъ, нигдѣ пяти человѣкъ вмѣстѣ, кромѣ караула главнокомандующаго или такъ-называемыхъ дѣловыхъ людей! Сіи послѣдніе, то отправлявшіеся безмолвно въ канцеляріи, то отсюда къ фельдмаршалу, представляли собой какъ бы процессію церковнаго причета, ходящаго съ запасными дарами къ лежащему на смертномъ одрѣ грѣшнику. Имъ недоставало только продолжительнаго колокольнаго звона и псалмопѣнія; а квартира фельдмаршала, подобно святынѣ, не иначе была доступна для насъ какъ во время скуднаго и скучнаго его обѣда. Все это хорошо для стяжанія царства небеснаго, но не для покоренія царства польскаго! Русской арміи необходима блистательная, многолюдная, шумная, веселая, роскошная главная квартира, или скромная, но побѣдная [1]), подобно Суворовской. Если гдѣ-нибудь можно извлечь какую-нибудь пользу изъ веселыхъ и любезныхъ, но ни къ какому дѣлу неприкладныхъ тунеядцевъ, то это въ русскихъ главныхъ квартирахъ, откуда громъ музыки и разливной хохотъ молодежи должны были всюду распространяться; сколько я примѣтилъ, что это всегда повторяется во всѣхъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и полковыхъ штабахъ, а это рождаетъ то расположеніе духа въ войскахъ, которое есть залогъ успѣха; разумѣется, это только тогда, когда при веселости, возбуждающей бодрость въ массахъ, мы видимъ въ главной квартирѣ и глубоко обдуманныя предпріятія, и быстрое, неизмѣнное исполненіе единожды избраннаго намѣренія.

Независимо отъ сего унынія, подавлявшаго нашу главную квартиру, надо признаться, что наружность фельдмаршала много вредила ея важности и блеску.

Безразсудно было бы требовать отъ военачальника — чертъ Аполлона, кудрей Антиноя, или стана Потемкина, Румянцова и Ермолова. Физическое сложеніе не во власти человѣка, да и къ чему оно? Не гремѣли ли славою и хромые Агезилаи, и горбатые Люксамбурги, и рыжіе Лаудоны? Но можно, должно и во власти Дибича было озаботиться, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ при-

[1]) Слово самого Суворова. Д. Д.

личіи въ одеждѣ и осанкѣ и нѣкоторой необходимой опрятности. Неужели помѣшало-бы его важнымъ занятіямъ нѣсколько пригоршней воды, брошенной на лицо грязное, и нѣсколько причесокъ головы сальной и всклокоченной? Онъ, какъ говорили приверженцы его, былъ выше этого мелочного дѣла; но имѣлъ ли онъ право такъ презирать всѣ эти мелочи, когда самъ великій Суворовъ тщательно наблюдалъ за чистотой одежды и бѣлья, имъ носимыхъ? Вообразите себѣ человѣка низенькаго, толстенькаго, съ опухлою и воспаленною физіономіею, небритаго, немытаго, съ рыжими, нечесанными волосами, падающими почти до плечъ, какъ у маймиста, въ запачканномъ сюртукѣ безъ эполетъ; все это было приправлено какими-то застѣнчивыми и порывистыми ужимками, ухватками и пріемами, означающими ничтожнаго выскочку, обязаннаго своимъ повышеніемъ лишь слѣпой фортунѣ; онъ ежеминутно озирался изъ подлобья и наискось, не возбуждаетъ ли онъ насмѣшливыхъ улыбокъ или взглядовъ людей, его окружающихъ.

Такимъ я видѣлъ Дибича въ Шеницѣ. Странность тѣлодвиженій, безобразіе и неопрятность его простирались до того, что самое ласковое обхожденіе его, самая благосклонность его ко мнѣ, разговоры, сужденія, шутки, часто остроумныя, пріятныя и веселыя, не имѣли силы побѣдить отвращенія къ нему присутствовавшихъ. Я не знаю, что происходило въ душѣ другихъ при видѣ Дибича, но что касается до меня, то я не переставалъ напрягать мысли мои, чтобы убѣдить себя въ томъ, что подъ сею неблагонадежною оболочкою скрываются превосходные таланты и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно былъ смущаемъ безотчетнымъ инстинктомъ, говорящимъ мнѣ: что я самъ себя обманываю, что Дибичъ не на своемъ мѣстѣ и что мы съ нимъ ничего славнаго не предпримемъ и не сдѣлаемъ. Сверхъ того, жестоко терпѣла во мнѣ и гордость россіянина, когда приходили къ нему обѣдать находившіеся при его особѣ коммиссары дружественныхъ съ Россіею дворовъ, австрійскаго и прусскаго [1]). Стыдъ выступалъ огненными вспышками на грустное лицо мое, и я невольно переносился мыслями въ прошедшее.

Я вспомнилъ Бенингсена, длиннаго и возвышавшагося надъ

[1]) Австрійскій—графъ Кобога, прусскій—полковникъ Каницъ, человѣкъ весьма умный. Д. Д.

полками—какъ знамя, холоднаго—какъ статуя коммандора въ Донъ-Жуанѣ, но ласковаго безъ короткости, благороднаго въ рѣчахъ и въ положеніяхъ тѣла, вопреки огромнаго своего роста, одареннаго тою степенностію, которая пріобрѣтается чрезъ долговременное начальствованіе, и словомъ, по обращенію съ подчиненными, истиннаго вождя вождей сильной арміи.

Я вспомнилъ умнаго, злаго, вулканическаго Каменскаго, вполнѣ понимавшаго великолѣпное подножіе, на которое онъ былъ возведенъ судьбою 32-хъ лѣтъ отъ роду.

Я вспомнилъ нашего Ахилла Наполеоновскихъ войнъ, моего Багратіона, его горделивую поступь, его орлиный взглядъ, его геройскую осанку, то магическое господствованіе надъ умами людей, превышавшихъ его въ учености, и наконецъ, тотъ рѣдкій даръ сохранять въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ ними преимущество первенствующаго лица, безъ оскорбленія ничьей гордости, ничьего самолюбія.

Я вспомнилъ скромнаго, важнаго, величественнаго Барклая, какъ будто привыкшаго съ самыхъ пеленъ начальствовать и повелѣвать, тогда какъ за пять лѣтъ до достиженія имъ званія главнокомандующаго, я самъ видѣлъ его генералъ-майоромъ, вытягивающимся предъ Багратіономъ, дававшимъ ему приказанія.

Я уже не говорю о Кутузовѣ; пятидесятилѣтняя репутація сего умнѣйшаго, тончайшаго, просвѣщеннѣйшаго и любезнѣйшаго собесѣдника блистательнѣйшихъ европейскихъ дворовъ и обществъ, полномочное посольство при Екатеринѣ и отечественный 1812-й годъ, суть достаточныя мѣрила глубокой и вѣрной оцѣнки имъ людей и искусства владычествовать надъ ними всѣми родами очарованія [1]).

Я невольно, наконецъ, вспомнилъ и объ Ермоловѣ въ Грузіи, гдѣ онъ хотя и не носилъ званія главнокомандующаго, но былъ имъ на дѣлѣ; его величавая осанка, классическія черты лица, глаза, исполненные жизни и огня, не могли не плѣнить войскъ и жителей сего края. Неуклонная справедливость при большой строгости, рѣдкое безкорыстіе, обширныя свѣдѣнія, особенно по части военнаго искусства, замѣчательный даръ слова и въ особен-

[1]) Далѣе — конецъ XII и вся XIII глава записокъ Давыдова опущены въ спискѣ, принадлежавшемъ кн. Паскевичу и имъ подаренномъ г. Распопову.
Ред.

ности ласковое и вѣжливое со всѣми обращеніе — стяжали ему удивленіе, любовь и привязанность войска и горцевъ, трепетавшихъ при его имени. Бывшій митрополитъ Грузіи Θеофилактъ, одаренный замѣчательнымъ умомъ, въ донесеніяхъ своихъ министру духовныхъ дѣлъ, называлъ его мудрымъ правителемъ Грузіи; графъ Каподистрія, въ письмахъ своихъ къ нему, называлъ его всегда âme antique. Ермоловъ съ ничтожными средствами упрочилъ владычество русскихъ въ этомъ краѣ, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность и торговлю, открылъ новые источники доходовъ, создалъ новыя военныя дороги, воздвигъ укрѣпленія на всѣхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ; наконецъ, построилъ столицу тамъ, гдѣ были лишь куча саклей и два караванъ-сарая. И все это совершено было съ примѣрнымъ соблюденіемъ казеннаго интереса; рѣдко проходили года, чтобы онъ не представилъ одинъ или два милліона экономіи, самый госпиталь и коммиссаріатское зданіе Тифлиса построены были на счетъ оставшейся послѣ посольства его въ Персію суммы, которую онъ имѣлъ полное право удержать у себя. Но главный его подвигъ состоитъ въ преобразованіи духа командуемыхъ имъ войскъ; подъ его начальствомъ каждый солдатъ становился героемъ, готовымъ идти въ адъ по гласу обожаемаго вождя. Горько было ему быть съ безчестьемъ изгнану съ поприща своихъ славныхъ подвиговъ..... Удаленіе его со служебнаго поприща, надолго лишило Россію отлично-умнаго, просвѣщеннаго, энергическаго и безкорыстнаго слуги.

XIII.

Ермоловъ, называемый въ Петербургѣ проконсуломъ Грузіи, никогда не пользовался благоволеніемъ государя императора Николая Павловича, почитавшаго его человѣкомъ опаснымъ, по своему либеральному образу мыслей. Онъ возъимѣлъ о немъ это мнѣніе съ самаго 1815 года. При вступленіи въ Парижъ одной дивизіи гренадерскаго корпуса, которымъ командовалъ Ермоловъ, императоръ Александръ остался недоволенъ фронтовымъ образованіемъ одного изъ полковъ этой дивизіи, вслѣдствіе чего послѣдовало высочайшее повелѣніе посадить 3-хъ штабъ-офицеровъ на гауптвахты, занятые въ тотъ день англійскими войсками. Ермоловъ горячо заступился за нихъ, говоря, что если они за-

служиваютъ наказанія, то ихъ приличнѣе арестовать въ собственныхъ казармахъ, но не слѣдуетъ срамить 3-хъ храбрыхъ штабъ-офицеровъ въ глазахъ чужеземцевъ; «такимъ образомъ, сказалъ онъ, нельзя пріобрѣсти любви и расположенія войска». Государь остался непреклоненъ. Ермоловъ, не исполнивъ высочайшаго повелѣнія, отправился въ театръ, куда прибылъ адъютантъ князя П. М. Волконскаго — Чебышевъ съ приказаніемъ тотчасъ арестовать виновныхъ. Встрѣтивъ тамъ великаго князя Николая Павловича, Ермоловъ сказалъ ему: «Я имѣлъ несчастіе подвергнуться гнѣву его величества. Государь властенъ посадить насъ въ крѣпость, сослать въ Сибирь, но онъ не долженъ ронять храбрую армію въ глазахъ чужеземцевъ. Гренадеры прибыли сюда не для парадовъ, но для спасенія отечества и Европы». Слова эти, столь неблагопріятно отозвавшіяся для Ермолова чрезъ 10-ть лѣтъ, были вѣроятно переданы государю, потому что онъ приказалъ приготовить въ занимаемомъ имъ дворцѣ Elysée Bourbon три кровати для арестованныхъ. Великій князь Николай Павловичъ сказалъ однажды покойному императору, что этотъ самостоятельный и энергическій начальникъ на границѣ государства весьма неблагонадеженъ. Но государь возразилъ на это: «Я хорошо знаю Ермолова, онъ слишкомъ полезенъ и безкорыстенъ, чтобы я могъ чего-либо опасаться».

Событіе 14-го декабря не могло не имѣть огромнаго вліянія на Ермолова, который получилъ извѣстіе о вступленіи на престолъ нынѣшняго государя близъ станицы Червленной, гдѣ онъ находился съ отрядомъ. Находясь среди раскольниковъ безпоповщинскаго толка, онъ долго не могъ быть приведенъ къ присягѣ. Благочинный, не получая на этотъ счетъ никакого предписанія отъ своего епархіальнаго архіерея, находившагося въ Астрахани, затруднялся приведеніемъ къ присягѣ, тѣмъ болѣе, что войска только-что присягнули великому князю Константину Павловичу. Войска и начальники присягнули великому князю Константину Павловичу съ замѣтною радостію, почитая его представителемъ русской партіи..... Въ Петербургѣ, гдѣ довольно долго не получали изъ Грузіи присяжнаго листа, возникли опасенія, преувеличенныя многочисленными врагами Ермолова, пользовавшагося въ то время во всей русской арміи громадной репутаціей. Утверждали, что Ермоловъ съ войскомъ спѣшитъ въ Петербургъ для

провозглашенія императоромъ великаго князя Константина Павловича. Однажды, на выходѣ во дворцѣ, австрійскій посолъ эрцгерцогъ Фердинандъ-Эсте спросилъ великаго князя Михаила Павловича:

— «Quelle nouvelle a-t-on de Géorgie? serait-il vrai, que le général Ermoloff et son armée soient en marche sur Pétersbourg?

Великій князь, смѣясь, отвѣчалъ громко: «Подождемъ немного его прибытія сюда, и тогда онъ самъ разъяснитъ намъ все дѣло».

Между тѣмъ государь и императрица посылали по нѣскольку разъ въ день освѣдомляться о пріѣздѣ фельдъегеря изъ Грузіи. Враги Ермолова, ненавидѣвшіе его за его острый языкъ, безкорыстіе и безграничную преданность къ нему войска, окончательно возстановили противъ него государя. Его величество сталъ его почитать опаснымъ либераломъ, безбожникомъ, безчеловѣчнымъ и горькимъ пьяницей, хотя многимъ извѣстно, что онъ всегда былъ весьма воздержанъ въ употребленіи вина. Вскорѣ прибылъ нетерпѣливо ожидаемый фельдъегерь съ присяжнымъ листомъ; императрица, извѣстясь о томъ, перекрестилась отъ удовольствія. Государь благодарилъ Ермолова письмомъ за принесеніе присяги. Въ письмѣ своемъ, отъ 1-го августа 1826 года, онъ даже писалъ ему:

«Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ» и т. д. [1]). Прибывшій изъ Грузіи фельдъегерь былъ званъ во всѣ значительные дома Петербурга, всѣ любопытствовали знать подробности о присягѣ Ермолова. Выведенный изъ терпѣнія частыми вопросами, онъ имѣлъ неосторожность сказать: «Алексѣй Петровичъ такъ боготворимъ въ Грузіи, что если бы онъ велѣлъ присягнуть персидскому шаху, всѣ бы тотчасъ это сдѣлали». Въ награду за это изреченіе онъ совершилъ путешествіе въ Якутскъ. Враги Ермолова пользовались всякимъ случаемъ, чтобы усилить недовѣріе къ нему Государя; воспрещено было даже посылать Ермолову медаль,

---

[1]) Это замѣчательное письмо, вмѣстѣ съ прочими письмами императора Николая Павловича къ Ермолову, напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи» 1867 г., въ прилож. къ «Запискамъ Ермолова», стр. 214—217 и др.

выбитую въ память коронаціи и обыкновенно разсылаемую особамъ первыхъ трехъ классовъ.

Отправляя Паскевича въ Грузію, государь писалъ, между прочимъ, Ермолову отъ 10-го августа 1826 года: «Этотъ бывшій начальникъ мой пользуется всею моею довѣренностію; онъ лично можетъ вамъ объяснить все то, что, по краткости времени и по безъизвѣстности не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, даю я вамъ отличнѣйшаго сотрудника, который выполнитъ всегда всѣ, ему дѣлаемыя порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостью. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ мнѣ все, что отъ васъ поручено будетъ давать знать, что и прошу дѣлать какъ найчаще». Такимъ образомъ генералъ Паскевичъ началъ свое военное поприще въ новое царствованіе.....

Прибывъ въ Грузію, Паскевичъ предложилъ Ермолову свое посредничество для донесенія государю, но, глубоко оскорбленный, Ермоловъ отвѣчалъ: «Я въ посредникахъ до сихъ поръ не нуждался, а прошу васъ исполнять лишь мои приказанія». Видя явное неблаговоленіе и недовѣріе къ себѣ государя, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ написать государю слѣдующее письмо отъ 3-го марта 1827 года:

«Ваше императорское величество.

«Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность вашего величества, я чувствую сколь много безпокоитъ ваше величество мысль, что при настоящихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, лишенному, по мнѣнію вашему, способностей и дѣятельности. Сей недостатокъ довѣренности вашего величества поставляетъ меня въ положеніе весьма затруднительное. Вашему величеству угодно предполагать, что я не одаренъ рѣшительностью, хотя не безъизвѣстно никому, что мнѣ природа въ оной не отказала, а потому дѣятельность моя невольно охлаждается при мысли, что я никогда не заслужу довѣренности вашего величества, столь необходимой главному начальнику войскъ и края. Въ этихъ обстоятельствахъ, не имѣя возможности быть полезнымъ для службы моего отечества, я почти вынужденъ желать увольненія отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не должно приписать того намѣренію уклониться отъ войны ничтожной.

«Устраняя всѣ личныя выгоды и разсчеты, я всеподданнѣйше осмѣлюсь представить вашему величеству эту мѣру, если только она согласна съ общей пользой, которая одна въ теченіе всего моего служебнаго поприща руководила моими дѣйствіями и проч. Ермоловъ» [1]).

По прибытіи въ Грузію барона Дибича, Ермоловъ, опровергнувъ по пунктамъ весь доносъ Паскевича, написалъ барону слѣдующее письмо:

«Милостивый государь! Ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мнѣ записку, заключающую въ себѣ фальшивые доносы о злоупотребленіяхъ, будто бы совершенныхъ мною во время моего командованія Грузіею. Въ нихъ не упоминаются источники, изъ которыхъ почерпнуты всѣ эти гнусныя клеветы; нѣтъ основательныхъ доказательствъ, которыя убѣждали бы въ справедливости этихъ показаній, и вамъ не угодно было выставить имя негоднаго доносчика, который, впрочемъ, слишкомъ извѣстенъ. Такъ какъ все въ нихъ упомянутое легко быть можетъ опровергнуто, я, не желая молчаніемъ дать новый поводъ къ выдумкамъ еще болѣе гнуснымъ и нелѣпымъ, которымъ въ Петербургѣ такъ охотно и слѣпо вѣрятъ, сдѣлалъ противъ каждаго изъ семи пунктовъ свои возраженія. Не признавая въ себѣ дара всевѣдѣнія, я потому не могу утверждать, чтобы во все 10-тилѣтнее управленіе мое Грузіей не сдѣлано было съ моей стороны какихъ-либо неумышленныхъ упущеній и ошибокъ; человѣку слишкомъ свойственно ошибаться, а потому я, подобно прочимъ смертнымъ, чистосердечно каюсь, что въ теченіе моего служебнаго поприща я не разъ весьма грубо ошибался. Но слишкомъ 35-ти-лѣтнее мое служеніе, въ продолженіе котораго я никогда не былъ руководимъ личными и корыстолюбивыми выгодами, служить можетъ ручательствомъ въ томъ, что я вовсе неспособенъ на дѣла, въ которыхъ доносчику меня обвинить было угодно. Одна ожесточенная злоба и низкая зависть могли изобрѣсти преступленія, несовмѣстныя съ моимъ характеромъ. Я слишкомъ

[1]) Текстъ этого письма нѣсколько отличенъ отъ того, какой напечатанъ въ «Чтеніяхъ Моск. Об. Исторіи» 1867 г., кн. III, стр. 244—245. Мы не знаемъ, помѣстилъ ли Давыдовъ этотъ документъ по памяти или имѣлъ одну изъ собственноручныхъ копій Ермолова, которыя онъ охотно впослѣдствіи раздавалъ людямъ, близко ему извѣстнымъ и уважаемымъ. Ред.

уважаю самого себя, чтобы унизиться до оправданія; но прошу ваше высокопревосходительство произвести строжайшее слѣдствіе, подвергнувъ примѣрному наказанію виновныхъ, хотя бы въ числѣ ихъ я самъ могъ находиться. Я спокойно буду ожидать суда, который обнаружитъ неосновательность взводимыхъ на меня обвиненій и имя гнуснаго клеветника, которому самый правдивый и непогрѣшительный Петербургъ не долженъ будетъ отказать на сей разъ въ полномъ презрѣніи. Грустно думать, что лица, которымъ, по своему высокому положенію въ мірѣ, знаніе истины должно бы быть наиболѣе священно и драгоцѣнно, съ видимою радостью вѣрятъ показаніямъ всякаго негодяя; я не могу ихъ уважать и дорожить ихъ мнѣніемъ, которое обнаруживаетъ или нелюбовь къ истинѣ и злонамѣренное противъ меня предубѣжденіе, или жалкое тупоуміе. Вамъ легко убѣдиться, что не любовь къ истинѣ руководила доносчикомъ, который долженъ былъ бы въ противномъ случаѣ обнаружить злоупотребленія ранѣе. Истина всегда можетъ достигнуть престола монарха, умѣющаго вникать въ нужды своихъ подданныхъ, благу которыхъ онъ обязанъ посвящать всю свою дѣятельность».

Ермоловъ былъ вызванъ и имя его не встрѣчается ни на одномъ изъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ воспоминаніе подвиговъ, совершенныхъ русской арміей и гвардіей въ 1812, 1813 и 1814-хъ годахъ. Одинъ изъ враговъ Ермолова въ Петербургѣ, мало разборчивый въ выраженіяхъ, сказалъ однажды кн. Дмитрію Владиміровичу Голицыну слѣдующія слова, достойныя человѣка, умѣющаго владѣть собою: «Этого ..... Ермолова выпроводятъ съ жандармами изъ Грузіи, гдѣ у него все распущено, въ страшномъ безпорядкѣ; онъ умѣетъ лишь заниматься до полудня, а послѣ, до слѣдующаго утра, онъ мертво пьянъ». Между тѣмъ всѣмъ была извѣстна изумительная дѣятельность Ермолова, который часто довольствовался лишь четырехчасовымъ отдыхомъ; относительно же употребленія крѣпкихъ напитковъ онъ былъ чрезвычайно воздержанъ. При этомъ то же лицо поддерживало слухъ, что Ермолова привезутъ связаннаго и скованнаго, подобно преступникамъ, ссылаемымъ въ Сибирь.

Шефомъ любимаго Ермоловымъ ширванскаго полка сдѣланъ былъ вскорѣ Паскевичъ, который не разъ говаривалъ этому безстрашному полку: «Это шотландцы; я выбью изъ васъ ермолов-

скій духъ». Когда изгнаніе Ермолова сдѣлалось извѣстнымъ, храбрые ширванцы умоляли Ермолова чрезъ своего полкового командира Ковалева, чтобы онъ выѣхалъ проститься съ ними. Тяжело было Ермолову не удовлетворить ихъ желанію, но вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ барона Дибича не прощаться съ войсками, Ермоловъ, не желая дѣлать сценъ и быть виновникомъ злополучія многихъ, воздержался отъ того. ..... Не полагаясь на многихъ изъ служившихъ при немъ, онъ сжегъ много любопытныхъ и драгоцѣнныхъ бумагъ и писемъ; желая избѣжать проводовъ, онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ три часа пополуночи. Обращаюсь къ прерваннымъ воспоминаніямъ о польской кампаніи 1831 г.

XIV.

Если бы отъ неимѣнія порядочной квартиры въ Шеницѣ, мѣстечкѣ скудномъ, не отвели мнѣ квартиры въ двухъ верстахъ отъ нея, въ деревнѣ Погоржелѣ, гдѣ стоялъ гренадерскій полкъ императора австрійскаго, напоминавшій мнѣ, что я въ арміи, и если бы не адъютанты главнокомандующаго, милая и любезная молодежь, къ которой приставалъ я каждое утро по пріѣздѣ моемъ въ Шеницы и которая меня закормила, запоила и, такъ сказать, отогрѣла замерзавшую мою душу, я бы не зналъ куда дѣваться; 16-го, отобѣдавъ у князя Михаила Горчакова, тогда начальника артиллеріи дѣйствующей арміи (нынѣ начальникъ главнаго штаба оной), я выѣхалъ къ своему мѣсту. Около вечера я сбился съ дороги и вмѣсто Паризова (Парщова?) попалъ въ Латовичи (Ластовичи?), гдѣ расположенъ былъ штабъ гренадерскаго корпуса. Я въѣхалъ прямо въ квартиру командира онаго, почтеннаго князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго и провелъ у него ночь; а поутру 17-го отправился далѣе на Желеховъ, куда въ тотъ день перешла главная квартира изъ Шеницы. Вся армія, кромѣ 6-го пѣхотнаго корпуса и сводnаго графа Витта, была въ движеніи къ переправѣ. Ростополь была ужасная; густая грязь, по колѣно лошади и по ось повозки, весьма затрудняла движеніе.

На пути изъ Серочина къ Сточеку я осматривалъ поле сраженія перваго неудачнаго нашего дѣла въ сей войнѣ. Я ѣхалъ именно по дорогѣ чрезъ лѣсъ отъ деревни Колодзя къ Сточеку, по коей выскакалъ полкъ переяславскій конно-егерскій, съ храб-

рымъ и знающимъ свое дѣло генераломъ Пашковымъ (Александромъ Васильевичемъ). Я любовался голыми возвышеніями, закрывавшими войска Дверницкаго и обширною плоскостью, за ними лежащею, по которой ему было столь легко, свивая и развивая войска свои, направлять главные свои натиски куда ему заблагоразсудится; не будучи видимъ нашими войсками, онъ могъ слѣдить за малѣйшимъ ихъ движеніемъ и наблюдать за ними, какъ на ладони. Я удивился и невольно содрогнулся, увидя на какомъ разстояніи находился конно-егерскій короля виртембергскаго полкъ въ то время, какъ, по повелѣнію Гейсмара, Пашковъ, увѣнчавъ имъ высоты, ударилъ на непріятеля прежде, нежели второй полкъ, долженствовавшій поддержать ударъ его, успѣлъ обогнуть оконечность лѣса! Разстояніе это было столь велико, что непріятель, разстроивъ переяславскій полкъ, успѣлъ обратиться всѣми своими силами на полкъ короля виртембергскаго, который понесъ участь, подобную первому. Вдобавокъ въ сему резервъ этихъ двухъ полковъ, состоявшій изъ конно-егерскихъ полковъ: тираспольскаго и арзамасскаго и двѣнадцати орудій, оставленъ былъ въ Серочинѣ, за пять верстъ отъ поля битвы. Я пожалъ плечами и поѣхалъ далѣе!

Къ вечеру я пріѣхалъ въ Желиховъ, куда только-что прибыла главная квартира. Пристанище мое было у полкового командира атаманскаго полка Кузнецова, который самъ стоялъ у казачьяго полковника Рудухина, находившагося въ свитѣ его высочества великаго князя Константина Павловича, и тогда числившагося въ гвардейскомъ отрядѣ, командуемомъ генераломъ графомъ Курутой, бывшимъ уже на походѣ къ Коцку.

Такъ какъ путь мой лежалъ чрезъ сіе же мѣстечко, то 18-го поутру мы съ Рудухинымъ выѣхали верхами къ Коцку. Двѣ брички наши едва тащились, и наконецъ такъ отстали, что я съ своею увидѣлся только въ Люблинѣ. Вся дорога была завалена повозками, на каждомъ шагу выбивающимися изъ грязи и изнуренными лошадьми гвардейскаго отряда, здѣсь оставленными или уже издохшими на дорогѣ.

Въ Окржѣ мы сдѣлали привалъ и тамъ я увидѣлъ большую часть сихъ хваленыхъ войскъ, для подражанія которымъ еще недавно стекались въ Варшаву всѣ истые любители фронтовой службы россійской арміи. И подлинно, я увидѣлъ истинно не-

подвижную Гатчину! все застегнуто отъ глотки до пупа! всякая пуговица, всякій ремешекъ, всякая пряжечка, всякій солдатъ, вахмистръ, офицеръ и генералъ на мѣстѣ, уставомъ имъ опредѣленномъ! За то какое изнуреніе, какія лохмотья! Какъ все грустно, все скудно людьми и лошадьми, хотя сей отрядъ ни разу еще не нюхалъ пороху. Педантство начальниковъ въ военное время есть тягчайшій ранецъ, тягчайшій вьюкъ для подчиненныхъ. Войску русскому необходима распашка, веселость и строгій порядокъ, безъ щепетильной взыскательности; тогда только оно здорово и бодро, а если къ этому еще добрая пища и побѣды, тогда и конь топочетъ и солдатъ хохочетъ, и нѣтъ для него недосягаемаго и неодолимаго.

Мы ночевали въ Гуловской-Волѣ и 19-го рано поутру выѣхали въ Коцкъ. Вдругъ на половинѣ дороги намъ послышались пушечные выстрѣлы, коихъ направленіе казалось со стороны Вислы. Сначала я полагалъ, что сіи выстрѣлы производились по рабочимъ нашимъ, близъ мостовъ находящимся и по войскамъ, къ нимъ подходящимъ, но гулъ выстрѣловъ вскорѣ усилился и продолжался до самаго вечера. Ясно оказывалось, что это была не простая канонада, а сильная битва. Впослѣдствіи мы узнали о нападеніи польской арміи на Гейсмара и Розена. Довольно замѣчательно, что отъ того мѣста, гдѣ мы были въ то время, до Милосны, гдѣ происходило сраженіе болѣе ста верстъ по прямой линіи; правда, что день былъ ясный и легкій, вѣтерокъ дулъ со стороны битвы.

Мы провели ночь въ Коцкѣ. 20-го, распростясь съ Рудухинымъ, я сѣлъ въ почтовую повозку и пріѣхалъ въ Люблинъ, гдѣ явился къ графу Витту. 21-го я пробылъ въ Люблинѣ и обѣдалъ у графа. 22-го я ночевалъ въ Пяскахъ, а 23-го къ обѣду достигъ, наконецъ, моего отряда въ Красноставѣ.

Скромность налагаетъ на меня печать безмолвія; но польщенное самолюбіе мое побуждаетъ меня сказать два слова о пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ войсками. Грѣшный человѣкъ, я слѣдую охотнѣе внушенію послѣдняго.

Удивительно и непонятно впечатлѣніе, произведенное моимъ появленіемъ на армію. Неужели тому причиною нѣсколько десятковъ лѣтъ боевой службы, нѣсколько весьма незначительныхъ партизанскихъ наѣздовъ, или нѣсколько разгульныхъ стишковъ, напи-

санныхъ у дымныхъ бивуаковъ и, по словамъ педантовъ, исполненныхъ грамматическихъ ошибокъ? Проѣздъ мой отъ Шеницы до Красностава былъ истинно тріумфальнымъ шествіемъ! не было офицера знакомаго или незнакомаго, стараго или молодого, не было солдата, унтеръ-офицера на походѣ, на привалахъ, или на бивуакахъ, которые бы, увидя меня и узнавъ, что это я, не бѣжали бы ко мнѣ на встрѣчу, или, догнавъ меня, толпами не окружали, какъ какое-либо невиданное чудо. Всѣ кричали мнѣ: «Ваше превосходительство, славу Богу, что вы пріѣхали; есть на кого опереться!» Нѣкоторые подходили ко мнѣ, поздравляя не меня, какъ говорили они, а армію и самихъ себя съ пріѣздомъ моимъ.

Я истинно краснѣлъ и лицомъ, и душею! Я имъ отвѣчалъ: «Не рано ли вы радуетесь? повремените, я постараюсь заслужить доброе ваше обо мнѣ мнѣніе.....» И тогда невольно вспомнилъ оковы, несомыя мною за пазухой въ инструкціи, данной мнѣ фельдмаршаломъ, касательно непосредственной моей подчиненности Крейцу,—оковы, которыя я долженъ былъ надѣть на себя въ самую минуту пріѣзда моего въ отрядъ мнѣ ввѣренный, и отъ коихъ, въ теченіе всей войны, я только на нѣсколько дней могъ освободиться вторженіемъ своимъ въ Волынь и взятіемъ приступомъ города Владиміра.

Начальникъ главнаго штаба графъ Толь простеръ до того благосклонное вниманіе свое ко мнѣ и нетерпѣніе доставить мнѣ средства удовлетворить мое рвеніе къ службѣ, а можетъ быть и собственное желаніе свое воспользоваться безъ замедленія моими, по мнѣнію его, способностями, что прежде, чѣмъ узналъ о прибытіи моемъ въ главную квартиру, онъ составилъ уже означенный отрядъ и поручилъ его полковнику Анрепу, съ оговоркою, до моего пріѣзда. Полковникъ Анрепъ ожидалъ меня съ часу-на-часъ, и слѣдовательно пріѣздъ мой нимало не удивилъ его. Однако нельзя не отдать справедливости благородному поступку сего отличнаго офицера при сдачѣ отряда, имъ командуемаго. Сколько я знаю чиновниковъ, истинно достойныхъ и по качествамъ душевнымъ, и по военнымъ дарованіямъ, которые исполняли бы сдачу сію по правиламъ, простирающимся до той черты, отъ которой начинается любовь къ общей пользѣ и забвеніе собственнаго неудовольствія; ибо какъ ни говори, а для молодого

штабъ-офицера сдача таковаго отряда, каковъ былъ мой, когда непріятель подъ глазами, не только прискорбно, но это есть великое несчастіе. Анрепъ[1]) сдалъ отрядъ мнѣ такъ, какъ немногіе. Онъ изложилъ мнѣ всѣ извѣстныя ему подробности о корпусѣ Дверницкаго, о Замостьской крѣпости, о распоряженіяхъ своихъ, о мнѣніи своемъ относительно надзора непріятеля, изложилъ мнѣ порядокъ службы, имъ заведенный, объѣздилъ со мною аванпосты свои, истолковавъ, по какимъ предположеніямъ и для чего каждый пикетъ на такой-то возвышенности, на такомъ-то скатѣ, показалъ на картѣ дороги и пункты, до коихъ доходятъ его разъѣзды; разсужденіями своими на счетъ общихъ и сего отряда частныхъ обстоятельствъ, онъ меня обрадовалъ находкою въ арміи столь ревностнаго офицера. Впослѣдствіи онъ отлично-усердною службой своей оправдалъ мое о немъ мнѣніе, а возвышенностію чувствъ, воинственною и какою-то рыцарскою осанкой, представилъ мнѣ ближайшее сходство съ тѣмъ идеаломъ истинно военнаго человѣка, который столь давно мерещился моему воображенію.

Говорятъ, что онъ похожъ на покойнаго отца своего, убитаго въ 1807 году, въ чинѣ генералъ-отъ-кавалеріи, при Морунгенѣ во время войны нашей съ Наполеономъ въ Восточной Пруссіи. Отецъ его пользовался общимъ уваженіемъ всей россійской арміи; его воинственная наружность, чистота нравственная, твердость душевная, свѣтлый разумъ и замѣчательная служба обворожили всѣхъ; я его не зналъ, но по пріѣздѣ моемъ въ армію, въ 1807 году, первое мертвое тѣло, которое я встрѣтилъ, было тѣло сего отличнаго генерала.

Общая диспозиція войскамъ своднаго корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ на 21-е марта была слѣдующая:

«Отрядъ генералъ-лейтенанта барона Крейца составляется:

«Изъ 2-й драгунской дивизіи; 1-й бригады 2-й конно-егерской дивизіи; гренадерской дивизіи (3 полка) 6-го пѣхотнаго корпуса, и казачьихъ полковъ: Платова, Кирѣева, Хоперскаго, Грекова и Катасанова.

«Съ симъ отрядомъ генералъ-лейтенантъ Крейцъ дѣйствуетъ отдѣльно, и съ полученіемъ сего всѣ свои донесенія дѣлаетъ уже прямо г. главнокомандующему арміею. Генералъ-майоры Пашковъ и Муравьевъ и полковникъ Анрепъ (эта бумага писана была за нѣсколько часовъ прежде моего прибытія въ Люб-

---

[1]) Іоспфъ Романовичъ Анрепъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи графъ Анрепъ-Эльмптъ, скончался въ 1860 году. Ред.

линъ и потому сказано Анрепъ, а не Давыдовъ) поступаютъ въ команду генералъ-лейтенанта Крейца.

«Главныя силы отряда генерала Крейца остаются расположенными около Урженлова.

«Генералъ-майоръ Пашковъ съ однимъ полкомъ (конныхъ егерей и Грекова казачьимъ полкомъ) содержатъ посты по Вислѣ отъ Вепржа (или отъ постовъ, выставленныхъ отъ главныхъ силъ вдоль Вислы и по лѣвому берегу Вепржа) до Юзефова, а отъ Юзефова до Завихвоста по Вислѣ содержитъ посты казачій полкъ Хоперскаго.

«Полковнику Анрепу (т.-е. Давыдову), оставаясь въ своемъ нынѣшнемъ расположеніи, усилить посты въ Горшковѣ и въ Желкевѣ для удобнѣйшаго наблюденія за непріятелемъ и сношенія съ главными силами генерала Крейца.

«Несвижскій карабинерный полкъ 21-го числа собирается въ Казиміржѣ, а 22-го слѣдуетъ къ мѣстечку Ополѣ. Одинъ изъ конно-егерскихъ полковъ съ 4 орудіями конной роты № 28 переходитъ 22-го числа во Вржеловецъ. Дивизіонъ драгунскаго герцога Александра Виртембергскаго полка, нынѣ находящійся въ Люблинѣ и Глускѣ, слѣдуетъ 22-го числа съ конною батарейною ротою № 27 въ Недржевице-Косцельна подъ командою полковника Шилинга, коему, принявъ въ свою команду и луцкій гренадерскій полкъ, расположенный въ Недржевице-Дюжу, доносить прямо генералу Крейцу, а равно и генералъ-майору Муравьеву. Самогитскій гренадерскій полкъ остается въ городѣ Люблинѣ подъ командою генералъ-майора Муравьева, какъ равно и легкая рота № 2 6-го пѣхотнаго корпуса.

«Рота литовскаго сапернаго баталіона остается по прежнему въ Казиміржѣ въ вѣдѣніи генералъ-майора Бракера и въ составѣ отряда генералъ-лейтенанта Крейца.

«Всѣ сіи войска отнынѣ прекращаютъ свои донесенія къ г. командующему отдѣльнымъ своднымъ корпусомъ (графу Витту) и должны относиться во всемъ къ генералу-лейтенанту барону Крейцу».

Эта бумага — послѣднее завѣщаніе графа Витта въ Люблинскомъ воеводствѣ. Немедленно послѣ того, онъ, усиливъ своими войсками корпусъ Крейца, выступилъ съ остальными войсками къ главной арміи, подвигавшейся въ мѣстечко Рыки, для переправы за Вислу и оставилъ Крейца между корпусомъ Дверницкаго, стоявшимъ подъ пушками Замостьской крѣпости и корпусомъ Серавскаго, расположеннымъ за Вислою, напротивъ мѣстечекъ Пулавы и Казиміржа; въ то время всѣ говорили, что отрядъ Серавскаго состоялъ изъ 7-ми или 8-ми т. человѣкъ новобраннаго и худо вооруженнаго войска.

Отрядъ мой, принадлежавшій корпусу Крейца, занималъ Красноставъ финляндскимъ драгунскимъ и казачьими Катасанова и Платова полками. Полкъ Кареева расположенъ былъ въ Желкевкѣ и Высокомъ. Первыя заботы мои по вступленіи въ командованіе ввѣреннаго мнѣ отряда были, какъ я сказалъ, немедленно

объѣхать аванпосты для обзора окрестностей Красностава, знакомство съ войсками и объявленіе въ приказѣ о поступленіи ихъ подъ мое начальство. Вмѣстѣ съ симъ я отправилъ курьера къ генералу Крейцу съ рапортомъ о моемъ прибытіи и о принятіи отряда въ мое вѣдѣніе, и наконецъ послалъ партію для открытія сообщенія съ генералъ-майоромъ Лошкаревымъ, выставивъ казачій постъ въ мѣстечкѣ Войславицѣ для этого же предмета. Партіи для наблюденія за Дверницкимъ производили поиски свои по устроенному полковникомъ Анрепомъ порядку; онѣ ходили съ одной стороны отъ Красностава до Ситанца, съ другой—изъ Желкевки почти до Сѣдлеца, а изъ Высокаго до Щербжечина и Франсполя.

Я узналъ, что генералъ-майоръ Лошкаревъ наблюдалъ отрядомъ своимъ теченіе рѣки Буга отъ села Кладнова, что противъ Дубенки до мѣстечка Летовижа, смежнаго съ австрійскою Галиціею.

Въ Грубешевѣ стоялъ отъ него казачій Попова полкъ, а въ Устилугѣ—два резервныхъ баталіона 26-й пѣхотной дивизіи. Гусарская бригада, состоявшая при семъ отрядѣ, заключала въ себѣ 1,350 сабель, казачій полкъ до 360 пикъ и два баталіона въ 660 штыковъ.

Отрядъ сей принадлежалъ сводному корпусу генерала Ридигера, который самъ съ передовыми войсками сего корпуса прибылъ во Владиміръ-Волынскій еще 7-го марта. Съ нимъ прибыли туда 2-я и 3-я бригады 10-й пѣхотной дивизіи въ весьма разстроенномъ составѣ и заключавшіе въ себѣ не болѣе 1,760 штыковъ. Прочія войска, долженствовавшія образовать сей корпусъ, были еще далеко и приближались съ различныхъ пунктовъ. Итакъ, у генерала Ридигера состояло въ командѣ всего 1,800 сабель и 2,420 штыковъ для защиты Волынской, Подольской и Кіевской губерній противъ десятитысячнаго корпуса, коимъ предводительствовалъ предпріимчивый Дверницкій, и многочисленнаго шляхетства означенныхъ губерній, тайно вооруженнаго и ожидавшаго съ нетерпѣніемъ прибытія сего польскаго генерала для общаго возстанія.

Теперь оставимъ Лошкарева въ Устилугѣ, Ридигера—во Владимірѣ, мой отрядъ—въ Красноставѣ, Крейца—въ Уржендовѣ, а непріятельскихъ генераловъ: Дверницкаго—у Замостья и Се-

равскаго—за Вислой, и перенесемся за Вепржъ, за Бугъ, за Нареву и посмотримъ на положеніе войскъ нашихъ, тамъ находившихся до 19-го марта.

XV.

Графъ Виттъ, усиливъ корпусъ Крейца частію войскъ своихъ, былъ на походѣ изъ Люблинскаго воеводства за Вепржъ для поступленія въ составъ главной арміи.

Главная армія находилась на походѣ изъ Шеницы на Желиховъ и Рыки для перехода Вислы между устьемъ Вепржа и мѣстечкомъ Казеницы, на лѣвомъ берегу рѣки лежащимъ.

6-й пѣхотный корпусъ Розена находился на брестскомъ шоссе у Дембелевки (Дембы-Вельки), имѣя авангардъ свой подъ командой Гейсмара въ Милоснѣ, а аванпосты его у самой заставы варшавскаго предмѣстья Праги.

2-й пѣхотный корпусъ графа Палена 2-го находился на походѣ изъ бѣлорусскаго Минска, чрезъ Брестъ-Литовскъ, къ Сѣдлецу на подкрѣпленіе Розена. Гвардія—въ Ломжѣ. Отрядъ Сакена—въ Остроленкѣ.

Нигдѣ еще не было слышно ни единаго выстрѣла, всюду господствовала тишина и спокойствіе!

Первая вспышка проявилась внѣ круга боевыхъ происшествій. Далѣе къ тылу праваго крыла дѣйствующей арміи возникаетъ мятежъ въ Шавельскомъ и Тельшевскомъ уѣздахъ Виленской губерніи, и почти въ то же время (14-го марта) корпусъ Уминскаго подходитъ къ Остроленкѣ.

Пора сказать о цѣли движенія Уминскаго.

Многіе полагали, что причина этого движенія была надежда послѣ четырехнедѣльнаго бездѣйствія застать въ расплохъ отрядъ Сакена и гвардію, воспользоваться ихъ усыпленіемъ и удовольствоваться однимъ какимъ-либо успѣхомъ на Наревѣ. Другіе думали, и это правдоподобнѣе, что пославшій Уминскаго генералъ Скржинецкій имѣлъ въ виду мысль, подобную той, которая, спустя 12-ть дней послѣ сего, была приведена въ исполненіе Дверницкимъ, то-есть вторженіе въ наши границы и доставленіе помощи возставшей шляхтѣ Виленской губерніи (возстаніе, о которомъ польское правительство заблаговременно было извѣщено), возбуждая при томъ къ таковому же возстанію и прочія литовскія губерніи, еще доселѣ спокойныя. Какъ бы то ни было, но

натискъ Уминскаго не удался и онъ, послѣ нерѣшительнаго покушенія на Остроленку, остался въ окрестностяхъ Пултуска и Сироцка. При всемъ томъ мятежъ, возникшій въ части Виленской губерніи, не переставалъ распространяться далѣе и далѣе!

Событія такого рода при началѣ наступательнаго движенія должны были неминуемо имѣть вліяніе на нерѣшительнаго, пылкаго и своенравнаго Дибича. Онъ, какъ и всѣ подобнаго рода люди, подчинялся впечатлѣнію измѣняющихся обстоятельствъ и уже при открытіи кампаніи твердость духа его поколебалась отъ неисполненія предначертаній своихъ, которыя впрочемъ не были приведены въ исполненіе отъ неумѣнія воспользоваться побѣдой подъ Гроховымъ. Дибичъ дрогнулъ, увидя, что счастіе начинаетъ ему измѣнять; это свойство всякаго баловня фортуны, лишеннаго отъ природы той твердости душевной, той самонадѣянности въ собственныхъ дарованіяхъ, которыя одни побѣждаютъ препятствія. Но эти два испытанія были только предисловіемъ тягчайшихъ и гораздо еще горестнѣйшихъ.

19-го марта, т.-е. спустя одни сутки по полученіи тревожныхъ извѣстій о мятежѣ въ Литвѣ и движеніи Уминскаго, и трехъ сутокъ послѣ выступленія главной арміи изъ окрестностей Шеницы, состоялся общій натискъ главныхъ силъ польской арміи изъ Варшавы на Гейсмара и Розена по брестскому шоссе въ трехъ переходахъ отъ Дибича во время марша его къ переправѣ.

Это событіе было весьма естественно, ибо неужели Свржинецкій потерпѣлъ бы одинъ часъ времени присутствія корпуса Розена, разбросаннаго по зимнимъ квартирамъ въ присутствіи главныхъ силъ, имъ предводимыхъ. Бездѣйствіе его до 19-го числа основывалось на опасеніи натиска главныхъ силъ нашихъ въ тылъ его войскамъ во время напора ихъ на Розена; едва узналъ онъ объ отбытіи Дибича къ Вепржу и преданіи Розена собственнымъ силамъ и произволу судьбы, онъ немедленно воспользовался и не могъ не воспользоваться превосходствомъ своимъ надъ войсками, противъ него находившимися. Фельдмаршалъ предвидѣлъ этотъ случай еще предъ выступленіемъ изъ Шеницы, ибо я самъ 16-го поутру видѣлъ призваннаго къ главнокомандующему Розена, которому было поставлено на видъ, что главнымъ предметомъ его есть отступленіе къ Бресту, при первомъ на него нападеніи, и соединеніе на пути со 2-мъ пѣхотнымъ

корпусомъ, идущимъ отъ Бреста, который онъ долженъ былъ защищать какъ хранилище складовъ и всего для арміи необходимаго.

Итакъ, если натискъ Скржинецкаго на Розена былъ въ порядкѣ вещей, а сверхъ того еще и предвидимъ фельдмаршаломъ, то не надлежало ли ему до начатія своего движенія прибѣгнуть къ сему простому разсужденію: нападеніе главныхъ непріятельскихъ силъ на Розена можетъ ли ниспровергнуть планъ, основанный на движеніи къ Вислѣ и переходѣ ея, и угрожаетъ ли онъ существованію нашей арміи? Если онъ угрожаетъ, то надо было остаться около Шеницы и чрезъ то спасти отъ разстройства планъ кампаніи и существованіе арміи, и вмѣсто движенія къ Вепржу и перехода Вислы, придумать какое-либо другого рода предпріятіе. Если же оно не угрожаетъ нашей арміи, то слѣдуетъ, оставивъ Шеницы, переправиться чрезъ Вислу, и чтобы ни приключилось съ корпусомъ Розена или съ другими отдѣльными частями надлежало, не изумляясь ничему, не упадая ни отъ чего духомъ, стремиться, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, къ достиженію цѣли, единожды избранной.

Это не есть съ моей стороны разсужденіе, какъ говорится, заднимъ умомъ, это даже не есть разсужденіе военное, это разсужденіе всякаго, который рѣшается на какое-либо предпріятіе военное, гражданское, мануфактурное, торговое или частное, и лично до него касающееся. Итакъ, если главное начальство рѣшилось уже двинуться къ переправѣ, не взирая на увѣренность въ нападеніи непріятеля въ превосходныхъ силахъ на корпусъ Розена, то, независимо отъ непоколебимости воли, необходимой для достиженія предмета, имъ единожды избраннаго, ему надлежало прибѣгнуть къ слѣдующимъ предосторожностямъ, требующимъ особеннаго его вниманія: во-первыхъ, до выступленія арміи изъ Шеницы, надлежало озаботиться на счетъ продовольствія Розена такъ, чтобы онъ могъ прокормиться провіантомъ, привезеннымъ уже изъ магазиновъ Бреста къ мѣсту имъ занимаемому; это дозволило бы ему, имѣя войска всѣ въ сборѣ на одномъ пунктѣ и сосредоточенными, отразить натиски непріятеля, а не разбрасывать войскъ для пропитанія по зимнимъ квартирамъ, какъ то случилось при нападеніи на него польской арміи. Это, къ несчастію, не могло не случиться, ибо на шоссе не было

ни куска обывательскаго или запаснаго казеннаго хлѣба; во-вторыхъ, соображаясь съ весеннею ростополью и съ положеніемъ дорогъ того времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ заранѣе предвидѣннымъ уже отступленіемъ корпуса Розена къ Сѣдлецу (что совершенно открывало тылъ нашей арміи во время ея движенія изъ Шеницы къ углу, образуемому Вепржемъ и Вислою), слѣдовало предварительно отправить впередъ всѣ парки, обозы и тяжелую артиллерію, дабы арміею прикрыть сіи тяжести, а не тяжестямъ симъ прикрывать армію; мы были свидѣтелями сего чудеснаго распоряженія [1]).

XVI.

Зависимость моя отъ генерала Крейца произвела обстоятельства, которыя можно было предупредить, оставивъ меня независимымъ и подчинивъ лишь графу Толю; при этомъ мнѣ слѣдовало однако извѣщать немедленно обо всемъ происходящемъ какъ генерала Крейца [2]), такъ и генерала Ридигера [3]), занимавшаго границу нашу по Бугу, а головными колоннами самый Владиміръ. Прибывъ въ Красноставъ, я немедленно придвинулъ разъѣзды свои до Замостьской крѣпости для ближайшаго наблюденія за Дверницкимъ, котораго я не долженъ былъ допускать къ Вислѣ, а потому я занималъ дистанцію въ 60 верстъ отъ Красностава до Высокаго. Этотъ отличный и предпріимчивый генералъ въ теченіе настоящей кампаніи разбилъ барона Гейсмара и взялъ у него 8 пушекъ, Крейца, у котораго взялъ 5 пушекъ и генерала Кавера, у котораго взялъ 3 пушки. У меня, за неимѣніемъ пушекъ, не могъ онъ ими обогатиться. Въ тотъ же день, по собственному побужденію, послалъ я отъ себя разъѣзды для открытія сношеній съ Ридигеромъ. Чрезъ два дня я получилъ отъ Крейца диспозицію на 25-е число, въ которой сказано было: «Отрядъ генералъ-майора Давыдова располагается въ Пяски».

Исполняя это повелѣніе, я немедленно извѣстилъ о томъ Ридигера, который, отъ 27-го марта за № 524, увѣдомилъ Крейца,

---

[1]) Весь дальнѣйшій разсказъ до конца не помѣщенъ въ рукописи, принадлежавшей кн. Паскевичу и сообщ. намъ генераломъ Распоповымъ. Ред.

[2]) Кипріанъ Антоновичъ Крейцъ, впослѣдствіи графъ и генералъ-отъ-кавалеріи, скончался въ 1850 г. Ред.

[3]) Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ, впослѣдствіи графъ, генералъ-отъ-кавалеріи, главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, скончался въ 1856 г. Ред.

что такъ какъ по всѣмъ слухамъ Дверницкій думаетъ идти на Волынь (чему онъ, по слабости силъ, противиться не можетъ, а будетъ вынужденъ отступить за рѣчку Стырь для присоединенія къ войскамъ, къ нему подходящимъ), то онъ убѣдительно проситъ оставить меня въ Красноставѣ, прибавляя: «Даже я полагаю, что нахожденіе отряда Давыдова въ Красноставѣ весьма много содѣйствовало тому, что Дверницкій до сего времени оставался въ Замостьѣ». Но Крейцъ не только не возвратилъ меня въ Красноставъ, но 29-го прислалъ мнѣ новую диспозицію, въ коей было сказано: «Генералъ-майору Давыдову дѣлать поиски на мѣстечко Туробань до рѣки Гутта и далѣе, если же Дверницкій уже пришелъ на Медлиборжище и Закликовъ, то генералъ-майоръ Давыдовъ быстро долженъ двигаться по слѣдамъ его». Крейцъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ наобумъ, ибо, отдаливъ меня отъ Красностава, онъ лишился средствъ получать вѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ Дверницкаго, который, по его мнѣнію, долженъ былъ обратиться къ Вислѣ на соединеніе съ Серавскимъ, о переправѣ котораго на правый берегъ Вислы ходили уже слухи.

На основаніи даннаго мнѣ предписанія, я уже 1-го апрѣля былъ на маршѣ изъ Туробана на Щербжечину, открывая моими партіями Франполь и Бельгерой.

Дверницкій же на другой день выступленія моего изъ Красностава сосредоточилъ свои войска у Замостья, и перейдя быстро Бугъ въ Крыловѣ, вступилъ въ наши границы, въ Волынь. Если бы я не былъ подчиненъ Крейцу, то ни въ какомъ случаѣ не двинулся бы въ Пяски, а оттуда на Щербжечину; понимая, что главная моя обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать за Дверницкимъ, я хотѣлъ даже 26-го двинуться къ Ситанцу, деревнѣ, отстоящей отъ Замостья въ 10-ти верстахъ. Вскорѣ Крейцъ узналъ о истинномъ направленіи Дверницкаго, объ отступленіи Ридигера, о возстаніи Волыни и о томъ, что Подолія и окрестности Кіева также въ сильномъ волненіи. Крейцъ, обвиняя меня въ томъ, что я проглядѣлъ Дверницкаго, за которымъ обязанъ былъ наблюдать, предписалъ мнѣ идти по его слѣдамъ. Пройдя мимо самаго Замостья, гарнизонъ котораго не только не дѣлалъ вылазокъ, но даже не показывался, я, 4-го апрѣля, находясь на сообщеніи Дверницкаго съ сею крѣпостью, захватилъ нѣсколько курьеровъ и небольшіе отряды его. Переправясь за

Бугъ, я былъ пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: на мѣстѣ, гдѣ непріятель еще недавно располагался лагеремъ, водружены были довольно высокіе шесты, на вершинѣ которыхъ были привязаны мѣшки. По осмотрѣ мѣшковъ, оказалось, что они вмѣщали въ себѣ возмутительныя прокламаціи. Поляки, не понимая высокой русской души Ермолова, котораго они почитали глубоко оскорбленнымъ и пылающимъ местью къ своей родинѣ, напечатали отъ его имени возмутительную прокламацію къ русскимъ [1]). Эти прокламаціи, пересланныя въ главную квартиру, были поспѣшно доставлены въ Петербургъ. Ермоловъ, извѣщенный объ этомъ происшествіи, былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что самыя нелѣпыя клеветы были столь легко и охотно удостоиваемы вниманія въ Петербургѣ, и не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ разилъ по крайней мѣрѣ своихъ враговъ насмѣшками. Онъ писалъ брату моему: «Этого мало; вы вѣрно услышите о одержанныхъ мною побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказываетъ фельдмаршалу Дибичу».

Перейдя Бугъ въ Крыловѣ по мосту, по которому слѣдовалъ Дверницкій, я предалъ его огню и взялъ 6-го городъ Владиміръ приступомъ. Бой живо кипѣлъ! Старъ и младъ, шляхта и духовенство, военные и мѣщане, все стрѣляло изъ оконъ, изъ-за заборовъ и оградъ, и подобно лазамъ или лезгинамъ, не просило пощады. Бой продолжался непрерывно въ продолженіи 4-хъ часовъ; съ моей стороны были спѣшены 3-й дивизіонъ финляндскаго драгунскаго полка, подъ командою полковника Кологривова, бо́льшая часть полка Катасанова, всѣ же прочіе были на конѣ. Побѣда увѣнчала мою рѣшительность; фельдмаршалъ и графъ Толь, будучи весьма довольны мною, вошли обо мнѣ съ представленіемъ о награжденіи знакомъ св. Георгія 3-го класса, чего я однако никогда не удостоился получить.

Движеніе мое на Владиміръ не было плодомъ необдуманнаго предпріятія, но послѣдствіемъ обмана жителей мѣстечка Крылова, которые меня увѣрили, что Дверницкій во Владимірѣ; я однако поставилъ здѣсь все верхъ дномъ и отбилъ навсегда охоту бунтовать. Я не могъ поспѣть 7-го, то-есть въ день сраженія Ри-

[1]) Поляками были напечатаны двѣ прокламаціи: въ одной мнимая главная квартира Ермолова была назначена въ Самарѣ, а въ другой, отпечатанной весьма скоро послѣ первой, въ Одессѣ. Д. Д.

дигера съ Дверницкимъ къ Боромелю(?), но если бы я явился хотя на другой день, то былъ бы не лишнимъ. Впрочемъ и Владиміръ былъ пунктомъ весьма важнымъ, какъ средоточіе одного изъ главныхъ мятежническихъ ополченій Волынской губерніи.

Въ «Газетѣ Варшавской» было сказано: «Генералъ Толь, узнавъ о выступленіи генерала Дверницкаго на Волынь, отрядилъ изъ своего корпуса часть войскъ для дѣйствія противу него. Когда этотъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Давыдова проходилъ близъ Замостья, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ счастливую вылазку. Письма изъ Замостья, отъ 20-го числа, утвердительно удостовѣряютъ, что корпусъ генерала Давыдова разбитъ волынскимъ ополченіемъ во время переправы его черезъ Бугъ».

Невольно вспомнишь Наполеона, который узнавъ, что австрійцы, имъ совершенно разбитые, утверждаютъ противное, сказалъ: «Laissez les faire, les rêves sont toujours la consolation des malheureux». Узнавъ во Владимірѣ о пораженіи Дверницкаго Ридигеромъ подъ Боромелемъ, я обратился поспѣшно на путь сообщенія его съ Замостьемъ, пролегавшій вдоль границы австрійской Галиціи. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, но Ридигеръ, искуснымъ направленіемъ своей кавалеріи, оттѣснилъ Дверницкаго отъ этого пути и принудилъ его обратиться къ Берестечку и Почаеву. Подойдя къ Дружнополю, мои разъѣзды встрѣтились съ разъѣздами Ридигера, посланными для развѣдыванія о Серавскомъ, который по слухамъ спѣшилъ на соединеніе съ Дверницкимъ. Узнавъ отъ нихъ объ истинномъ направленіи Дверницкаго, я обратился чрезъ Владиміръ къ Ковелю, гдѣ сильное скопище мятежниковъ производило страшныя неистовства. Одно приближеніе мое къ Ковелю заставило мятежниковъ поспѣшно бѣжать и искать спасенія въ лѣсистыхъ болотахъ. На основаніи предписаній Крейца, я, перейдя границу въ Устилугѣ, расположился въ Блонкахъ для наблюденія за Замостьемъ.

Въ самый день взятія Владиміра Крейцъ разбилъ Серавскаго подъ Казиміржемъ. Польскія газеты того времени осуждали Серавскаго за переходъ его чрезъ Вислу, тѣмъ болѣе, что у него изъ 7,000 человѣкъ едва 1,000 человѣкъ были вооружены ружьями. Между тѣмъ корпусъ Дверницкаго, тѣснимый Ридигеромъ, бросился на австрійскую границу; Ридигеръ остановился и протестовалъ, и австрійцы поспѣшили обезоружить ихъ.

Узнавъ о неудачѣ Серавскаго и Дверницкаго, Скржинецкій, находившійся у Сѣдлеца, отрядилъ изъ главныхъ своихъ силъ 7,000-тысячный отрядъ при 10-ти орудіяхъ, подъ командою начальника главнаго штаба Хржановскаго, которому велѣно было спѣшить на выручку Дверницкаго. Подошедъ никѣмъ незамѣченный къ Коцку, Хржановскій былъ однако открытъ здѣсь партіею корпуса Крейца, который, отрядивъ противъ него отрядъ генерала Фези, самъ двинулся къ Любартову; Фези былъ разбитъ, но Крейцъ, соединясь съ нимъ, настигъ въ Любартовѣ отрядъ Хржановскаго, который, остановившись на лѣвомъ берегу Вепржа, гдѣ не было ни мостовъ, ни бродовъ, безпечно варилъ кашу. Крейцъ, пришедшій изъ Люблина, аттаковалъ Любартовъ, занятый арріергардомъ непріятеля и этимъ далъ ему время опомниться, построиться и отступить съ малой потерей на Ленгну, гдѣ самъ Крейцъ остановился, пустивъ въ погоню за Хржановскимъ легкій отрядъ графа Алексѣя Петровича Толстаго. Такимъ образомъ ускользнулъ отъ насъ Хржановскій, котораго можно было превосходно покупать въ Вепржѣ. Можно было поправить эту ошибку слѣдующимъ образомъ: Крейцу слѣдовало изъ Ленгны усиленнымъ маршемъ слѣдовать чрезъ Бискунице въ Красноставъ, и пройдя здѣсь Вепржъ по прекрасному мосту, пресѣчь дорогу въ Замостье Хржановскому, который, двигаясь на Шедлице и Раіовецъ, описывалъ дугу, тогда какъ Крейцъ могъ идти хордой. Дорога, по которой шелъ Хржановскій, шла болотами, лѣсами и плотинами, а Крейцу предстояло слѣдовать по дорогѣ гладкой и открытой. Муравьевъ [1]) совѣтовалъ предпринять это движеніе, но его не послушали. Съ своей стороны Хржановскій понялъ опасность, которой подвергался, и узнавъ о пораженіи Дверницкаго, онъ съ неимовѣрной быстротой направился на Красноставъ; перейдя здѣсь рѣку, онъ сжегъ мостъ. Между тѣмъ Крейцъ воротился въ Люблинъ и занялся составленіемъ реляціи, превосходящей всякое вѣроятіе. О сраженіи подъ Любартовомъ, отстоявшемъ отъ меня во 100 верстахъ, я ничего не зналъ; я въ то время находился въ Блонкахъ, верстахъ въ 10-ти отъ дороги,

[1]) Николай Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи бывшій главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ. О дѣятельности его подъ Карсомъ, см. въ Запискахъ генерала Бакланова, въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. II.

Ред.

по которой долженъ былъ слѣдовать Хржановскій. Если бы корпусный командиръ заблагоразсудилъ предупредить меня о дальнѣйшемъ движеніи Хржановскаго, я могъ бы легко преградить ему дорогу около Руколона, Краслыгина, Сургова, Заставы, гдѣ, изломавъ мосты и плотины, я бы его здѣсь надолго задержалъ. Но обо мнѣ забыли, и я былъ извѣщенъ о дѣлѣ подъ Любартовымъ и о направленіи непріятеля лишь за часъ предъ разсвѣтомъ 29-го апрѣля. Я тотчасъ устремился къ Избицѣ, но непріятель, двигавшійся всю ночь, прошелъ уже это мѣстечко и направлялся быстро къ Старому-Замостью. Я здѣсь соединился съ графомъ Толстымъ, командовавшимъ авангардомъ нашего корпуса. Здѣсь сошлись четыре генерала: графъ Толстой, Анрепъ, Шиллингъ и я; такъ какъ я былъ старшій, то графъ Толстой подъѣхалъ ко мнѣ съ рапортомъ, но я сказалъ ему: «Ваше дѣло слишкомъ хорошо начато, чтобы я похитилъ у васъ и начальство и успѣхъ; продолжайте, я же стану помогать вамъ». Если бы Замостье находилось не въ 12-ти, а въ 30-ти верстахъ, то вѣроятно весь непріятельскій корпусъ, крайне утомленный, побросалъ бы оружіе. Но Замостье было близко, и онъ остановился, хотя съ большою потерею. Всѣ мы разошлись, а мнѣ вновь приказано было наблюдать за Замостьемъ. Тѣмъ кончился нахальный, можно сказать, походъ Хржановскаго отъ Сѣдлеца къ Замостью посреди нашей арміи. И здѣсь хотѣли обвинить меня и графа Толстаго въ томъ, что Хржановскому удалось спастись. Къ этому надо прибавить, что за сутки до полученія мною извѣстія о появленіи Хржановскаго въ Коцкѣ, Крейцъ безъ всякой надобности отобралъ у меня финляндскій драгунскій полкъ, который потому не могъ быть со мною подъ Старымъ-Замостьемъ, ни съ Крейцомъ — въ Любартовѣ. Спустя нѣсколько дней, онъ отобралъ у меня еще два полка казачьихъ и оставилъ меня съ однимъ полкомъ Кареева, въ которомъ было не болѣе 300 человѣкъ. Я не жалуюсь на Крейца [1]), человѣка добраго, но малодушнаго, какъ въ отно-

[1]) При извѣстіи о приближеніи непріятеля, носъ генерала Крейца вытягивался, можно сказать, на десять пораженій; онъ взялъ приступомъ Люблинъ, защищаемый сволочью, весьма слабо вооруженною; здѣсь отличался при взятіи мельницы баронъ Деллингегаузенъ, который былъ флигель-адъютантомъ и о которомъ государь изволилъ сказать: «Il est aussi brave, que menteur». Послѣ взятія Люблина Крейцъ въ своемъ донесеніи называлъ его второю Сарагоссою.
Д. Д.

шеніи своихъ враговъ, такъ и въ отношеніи своихъ пріятелей. Онъ былъ всегда со мною хорошъ, и вцослѣдствіи остался таковымъ же, но у него былъ начальникъ штаба баронъ Деллингсгаузенъ, зародышъ Макка будущихъ россійскихъ войнъ, который имѣлъ на него неограниченное вліяніе. Онъ сталъ дѣлать неудовольствія Муравьеву, Пашкову, Анрепу, графу Толстому и мнѣ; Крейцъ же молчалъ, какъ мокрая курица и извинялъ его въ письмахъ своихъ ко мнѣ. Короче Крейцъ былъ у него какъ ..... на содержаніи. Все мною здѣсь сказанное основано на письменныхъ оффиціальныхъ документахъ; самъ великій Деллингсгаузенъ не имѣетъ документовъ достаточно сильныхъ, чтобы опровергнуть тѣ, которые у меня и подписаны Крейцомъ и имъ самимъ.

Не могу понять, почему послѣ Остроленкской побѣды, которую можно назвать первымъ кризисомъ въ нашу пользу, вдругъ оказалось столь необходимымъ присутствіе въ главной арміи корпуса Крейца, которому приказано было, не ожидая смѣны своей Ридигеромъ, оставить Люблинское воеводство и спѣшить на соединеніе съ арміей; Ридигеръ же, который долженъ былъ смѣнить его, едва перешелъ границу въ Устилугѣ и не прежде могъ двинуться къ Люблину, какъ по прибытіи Кайсарова, который долженъ былъ заступить его мѣсто и имѣть предметомъ охраненіе Волыни. Между тѣмъ около Замостья находился корпусъ Хржановскаго, въ 80-ти верстахъ за Вислой корпусъ Дзѣконскаго, коего передовые посты доходили до Курова и Белжады; войсками его корпуса были сильно заняты Казиміржа, Пулава и Голомбъ, гдѣ былъ мостъ и предмостное укрѣпленіе. Подобное повелѣніе Крейцу могло быть объявлено ему до Остроленкскаго дѣла, когда готовы были всѣмъ жертвовать для усиленія нашего главнаго корпуса, ожидавшаго встрѣчи съ главными непріятельскими силами. Казалось, благопріятный исходъ дѣла долженъ былъ неминуемо измѣнить всѣ обстоятельства, по крайней мѣрѣ относительно поспѣшнаго выступленія Крейца изъ Люблина до смѣны его Ридигеромъ, который съ своей стороны не щадилъ ни убѣжденій, ни просьбъ, чтобы склонить Крейца не оставлять береговъ Вислы и Вепржа до своего появленія въ окрестностяхъ Люблина. Если Дибичъ уже рѣшился не оставлять корпуса Крейца, состоявшаго изъ 9,000 всадниковъ при 48-ми орудіяхъ, для защиты Волыни и удержанія сего края отъ неминуемаго возстанія, то слѣ-

довало бы ему, по крайней мѣрѣ, присоединить его къ главнымъ силамъ своимъ, а не давать ему направленіе, частью на Люблинъ, частью на Сточекъ и даже за Вислу для разсѣянія вновь формировавшихся непріятельскихъ войскъ; эти войска, которыя не могли быть сильны, должны были сами по себѣ разсѣяться при одномъ извѣстіи о пораженіи главной польской арміи, и для этой важной цѣли намъ слѣдовало напрягать всѣ умственныя и вещественныя усилія наши. Крейцъ выступилъ 19-го мая изъ Люблинскаго воеводства, на защиту котораго имъ была оставлена линь 2-я конно-егерская дивизія, состоявшая изъ 600 человѣкъ, неимѣвшихъ ружей, съ изнуренными лошадьми, Хоперскій казачій полкъ, Кареева полкъ въ 300 человѣкъ, всего 2,100 коней. Имъ надлежало наблюдать за непріятелемъ на протяженіи отъ Красностава до Завихвоста, отсюда до Бобровниковъ, а отсюда до Коцка; кромѣ того, надо было занять центральный пунктъ—Люблинъ достаточнымъ числомъ войскъ. Изъ города были вывезены Крейцомъ на подводахъ весь хлѣбъ и овесъ; больныхъ же, которыхъ слѣдовало перевезти въ числѣ 1,200 человѣкъ, оставили въ госпиталяхъ города, гдѣ, кромѣ того, брошено было на произволъ судьбы много пороху, зарядовъ и оружія. Даже 48-му егерскому полку, выступившему въ Россію для укомплектованія себя людьми, которому ничего бы не стоило оставаться въ Люблинѣ хотя нѣсколько лишнихъ сутокъ, приказано было, не взирая на всѣ просьбы Пашкова, остававшагося начальникомъ въ воеводствѣ и городѣ, поспѣшнѣе выступать. Жители не помнили себя отъ радости и явно говорили, что надняхъ въ городъ вступитъ польскій корпусъ, который неминуемо насъ всѣхъ плѣнитъ. Это было весьма правдоподобно.

XVII.

Въ это время, то-есть 20-го мая Ридигеръ, подъ начальство котораго я поступилъ уже восемь дней, далъ мнѣ изъ Камарова слѣдующее повелѣніе: «Оставить Кареева полкъ для наблюденія Замостья, спѣшить самому въ Люблинъ и принять подъ свое главное начальство всѣ войска воеводства». Я прибылъ 21-го въ Люблинъ, гдѣ узналъ о побѣдѣ подъ Остроленкой и о прибытіи нашей главной арміи къ Пултуску. Поляки, почитая меня жестокосердымъ, трепетали при имени моемъ. Я, подобно знаменитому нашему Алексѣю Петровичу Ермолову, съ намѣреніемъ разсѣевалъ

эти слухи, чтобы не быть вынужденнымъ карать непокорныхъ. Я находился нѣкоторое время въ крайней опасности, отъ которой избавился лишь видимымъ милосердіемъ Божіимъ. Какъ было не воспользоваться Дзѣконскому отдаленіемъ моимъ отъ главной арміи, находившейся за Наревомъ, отдаленіемъ отъ Ридигера и, наконецъ, выступленіемъ Крейца, котораго онъ могъ значительно удержать и не допустить до Пултуска. Кромѣ того, пользуясь малочисленностью моего отряда, онъ могъ безъ большихъ усилій захватить 1,300 больныхъ, много пороху, зарядовъ и нѣсколько сотъ ружей, въ коихъ мы сильно нуждались; но для него было всего важнѣе овладѣніе Люблиномъ, гдѣ онъ могъ легко соединиться съ Хржановскимъ, который съ своей стороны не замедлилъ бы прибыть туда, слѣдуя чрезъ Красноставъ и Пяски. Сосредоточеніе силъ непріятельскихъ могло быть для насъ тѣмъ болѣе гибельно, что въ то же время Скржинецкій готовился со всею арміею выступить изъ-подъ Праги къ Люблину. Движеніе это, предпринятое имъ лишь недѣлю спустя, не имѣло успѣха только потому, что Ридигеръ находился въ то время уже въ Люблинѣ. Зная мою слабость, онъ прислалъ мнѣ отрядъ генерала Плохова, и вскорѣ самъ сюда явился. Зная меня и Плохова со временъ войны въ Финляндіи, Ридигеръ питалъ къ намъ большую дружбу и постоянно оказывалъ большое довѣріе. Мнѣ было поручено начальство надъ 20-ю эскадронами, казачьимъ полкомъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Извѣстясь о движеніи Скржинецкаго, Ридигеръ быстрымъ движеніемъ за Вепржъ успѣлъ поразить часть его арміи подъ Лисабысомъ или Будзискимъ. Въ этомъ сраженіи, гдѣ Ридигеръ съ 6,000 человѣкъ одержалъ блистательную побѣду на 20,000 польскихъ войскъ, я, командуя авангардомъ, состоявшимъ изъ конно-егерской дивизіи Пашкова и двухъ егерскихъ полковъ 19-го и 20-го, при шести орудіяхъ, въ продолженіе трехъ часовъ выдерживалъ напоръ непріятеля, значительно превосходившаго меня числомъ (здѣсь сражалась противъ меня польская гвардія). Появленіе Ридигера, лично аттаковавшаго непріятеля за лѣсомъ, рѣшило судьбу сраженія. Благодаря Бога, я опрокинулъ непріятеля и соединился съ Ридигеромъ, который, слыша сильный съ моей стороны огонь, весьма опасался за меня. Послѣ сраженія онъ меня при всемъ корпусѣ благодарилъ. Въ этомъ дѣлѣ Плоховымъ взято было много офицеровъ и рядовыхъ,

обозъ съ артиллерійскими зарядами и ящикъ съ казной, гдѣ найдено было до 50,000 рублей. Возвратясь въ Люблинъ, Ридигеръ, узнавъ о выступленіи изъ Замостья Хржановскаго, прогналъ его за Вислу. Поручивъ мнѣ преслѣдованіе непріятеля съ 29-ю эскадронами, при которыхъ находились генералы Квитницкій, Ольшевскій, Плоховъ, графъ Тимманъ, онъ самъ возвратился въ Люблинъ; но непріятель бѣжалъ такъ быстро, что я не могъ его догнать. Этимъ вполнѣ блестящимъ и малоизвѣстнымъ подвигомъ, Ридигеру удалось отстоять Люблинское воеводство. Это — единственная классическая операція въ продолженіе всей войны, она достойна изученія, и Жомини не можетъ не быть въ восторгѣ, узнавъ, какую дѣятельность и энергію выказалъ здѣсь Ридигеръ.

Въ Люблинѣ Ридигеръ праздновалъ свои успѣхи; за обѣдомъ, за которымъ было до 60-ти человѣкъ (я былъ въ отсутствіи), онъ, между прочимъ, сказалъ: «Когда я въ Лисабысахъ услыхалъ ужасный огонь со стороны авангарда, трехчаснымъ жестокимъ боемъ успѣвшимъ удержать стремленіе главныхъ непріятельскихъ силъ, я, признаюсь, подумалъ, что если Давыдова собьютъ, мнѣ будетъ плохо; но Давыдовъ блистательно опрокинулъ непріятеля».

Я во время преслѣдованія сдѣлалъ двѣ ошибки, за которыя, знаю, онъ весьма сердился. Когда я прибылъ изъ авангарда и признался въ нихъ съ первыхъ словъ, Ридигеръ вмѣсто того, чтобы мнѣ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать за то замѣчаніе, сталъ себя обвинять и увѣрять меня, что если я не сдѣлалъ того, что слѣдовало, то этому причиною онъ самъ, съ чѣмъ я однако никакъ согласиться не могъ. Я никогда ни съ однимъ начальникомъ не былъ столь близокъ, какъ съ Ридигеромъ, который былъ обыкновенно не только не мягокъ, но весьма серьезенъ и строгъ; но я, кромѣ незаслуженнаго вниманія, ничего отъ него не видалъ. Зная его съ поручичьяго чина, потомъ полковникомъ и генералъ-майоромъ, я никогда не могъ думать, чтобы онъ былъ одаренъ столь замѣчательными военными способностями. Онъ мнѣ позволилъ и даже просилъ письменно и словесно сообщать ему все, что мнѣ придетъ въ голову. Я часто позволялъ себѣ давать ему совѣты, за которые онъ не зналъ какъ меня достаточно благодарить. Я весьма радуюсь и горжусь тѣмъ, что въ этомъ подвигѣ былъ ему главнымъ помощникомъ, въ особенности въ Лисабы-

сахъ, гдѣ принялъ на свой щитъ главный ударъ непріятеля, о чемъ онъ непрестанно говорилъ и за что баловалъ меня самымъ дружескимъ обращеніемъ. У насъ съ нимъ не было секретовъ; едва получалъ онъ какое-либо извѣстіе или важную бумагу, онъ тотчасъ посылалъ за мною, сообщалъ мнѣ все и мы съ нимъ по нѣсколько часовъ сидѣли вмѣстѣ. По представленію моему, принятому съ благодарностью Ридигеромъ, сдѣлана была по Люблинскому воеводству публикація; мною написанныя правила для аванпостной службы отданы были по его желанію въ приказѣ. Видя его военныя дарованія, рѣшительность и деликатное со мною обращеніе, я глубоко уважаю его, какъ одного изъ отличнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и добродушнѣйшихъ генераловъ нашихъ.

Если бы корпуса Дзѣконскаго изъ-за Вислы, Хржановскаго изъ Замостья и главная непріятельская армія, оставивъ достаточные гарнизоны въ Люблинѣ и Прагѣ и наблюдательные отряды противъ Ридигера и Розена, сосредоточились бы у брестскаго шоссе лицомъ къ Пултуску и Остроленкѣ и развернули бы свои колонны отъ Брокъ къ Ружиполю и Остроленкѣ въ тылу нашей арміи, мы неминуемо понесли бы жесточайшее пораженіе [1]).

XVIII.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій вступаетъ въ командованіе арміею. Я не могъ питать большого уваженія къ сему человѣку, потому что гнусные его доносы на Ермолова мнѣ были слишкомъ извѣстны [2]). Принадлежа къ числу безграмотныхъ, которому Грибоѣдовъ сочинялъ приказы и даже частныя письма, онъ, недовольствуясь уже отправленными въ Петербургъ доносами, прика-

---

[1]) До смерти своей графъ Дибичъ жаловался на графа Толя и получилъ въ отвѣтъ разрѣшеніе: «отправить его вонъ». Это письмо, полученное послѣ кончины фельдмаршала, было распечатано графомъ Толемъ. Великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ однажды графу Дибичу: «Смотри, герой Забалканскій, не будь плѣнникъ Завислянскій». Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ сказалъ Алексѣю Петровичу Ермолову: «Прибывъ въ армію, я въ графѣ Дибичѣ не нашелъ уже того фельдмаршала, съ которымъ я былъ въ сношеніяхъ въ эпоху адріанопольскаго мира; въ Европѣ многіе дураки утверждали, что я его отравилъ, мнѣ не нужно было этого дѣлать, потому что онъ самъ себя отравилъ ромомъ». Д. Д.

[2]) См. въ «Русской Старинѣ» донесенія Паскевича о Ермоловѣ и его дѣйствіяхъ. (Изд. 1872 г., т. V, стр. 706—726 и т. VI, стр. 39—69 и 243—280). Ред.

залъ написать отъ имени Аббасъ-Мирзы письмо, въ которомъ Ермоловъ былъ обвиненъ въ вѣроломномъ нарушеніи мира[1]). По его приказанію была вырѣзана армяниномъ печать, которая весьма походила на печать, которую Аббасъ-Мирза обыкновенно прикладывалъ къ своимъ граматамъ и письмамъ; это подложное письмо, снабженное этою печатью, было отправлено въ Петербургъ съ адъютантомъ главнокомандующаго графомъ Оппермановъ. Этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ лицамъ, состоявшимъ въ то время при графѣ. Не взирая на все это, я, какъ русскій, желалъ ему отъ души быть генералиссимусомъ, даже принцемъ крови, лишь бы война могла быть имъ окончена скоро и молодецки.

Я опять съ 25-го іюля въ Красноставѣ и вновь наблюдалъ за Замостьемъ, откуда нельзя было ожидать никакого нападенія съ тѣхъ поръ, какъ Хржановскій удалился въ Варшаву. Въ Люблинѣ жители повѣсили носы, говоря, что вскорѣ наступитъ миръ; хотя этого и нельзя было предвидѣть такъ скоро, но слухи эти ясно доказывали, что поляки почитали свое дѣло окончательно проиграннымъ. Я принадлежалъ арміи Сакена, но не Паскевичевой. У поляковъ еще до этого времени началась ужасная анархія, начальникъ существовалъ лишь для командованія войсками въ военное время; внѣ поля сраженія войска не призна-

[1]) Злонамѣренность сего доноса, который ..... превосходитъ всѣ предыдущіе, очевидна, ибо всѣмъ извѣстно, что Аббасъ-Мирза, вѣроломно нарушивъ миръ, вторгся неожиданно въ наши предѣлы. Графъ Паскевичъ отправилъ для этой цѣли негодяя Карганова (извѣстнаго подъ именемъ Ваньки-Каина) съ чиновникомъ на границу для принятія вымышленнаго письма. Это было передано Ермолову генераломъ Василіемъ Иловайскимъ, а послѣ подтверждено многими изъ подчиненныхъ фельдмаршала. Лучшимъ опроверженіемъ того, что Ермоловъ не нарушилъ мира, написавъ будто бы рядъ оскорбительныхъ писемъ Аббасъ-Мирзѣ, служитъ то, что въ теченіе десятилѣтняго славнаго управленія Грузіей всѣ письма, писанныя имъ Аббасъ-Мирзѣ и другимъ сосѣднимъ намъ были писаны его собственною рукою и ни одно не было предъявлено нашему правительству. Д. Д.

Мы не беремъ на себя отвѣтственность за правдивость данныхъ, сообщаемыхъ здѣсь партизаномъ Давыдовымъ. Кто знаетъ, быть можетъ фанатическая преданность Ермолову, доходившая въ немъ до обожанія этого героя — невольно заставляла Давыдова вѣрить многимъ, въ сущности несправедливымъ разсказамъ о дѣйствіяхъ Паскевича относительно Ермолова. Мы съ большимъ удовольствіемъ помѣстимъ всякое опроверженіе показаній Давыдова, и если ихъ печатаемъ въ возможной полнотѣ, то только для раскрытія исторической истины, для которой уже настало время,— разностороннимъ ея изслѣдованіемъ. Ред.

вали властей, отбирали у жителей послѣднее, говоря, что это для отчизны. Не взирая на то, что я къ полякамъ никогда не питалъ большого расположенія и сочувствія, война эта мнѣ казалась даже невыносимою, ибо часто со слезами на глазахъ я находился вынужденнымъ отрывать родителей отъ дѣтей и отсылать ихъ. Но къ утѣшенію моему, Крейцъ и въ особенности Ридигеръ весьма строго наблюдали за тѣмъ, чтобы солдаты наши не дозволяли себѣ грабить жителей.

19-го іюля я, командуя отрядомъ на Вислѣ, дѣлалъ фальшивую переправу, стрѣлялъ изъ орудій и ружей въ Пулавѣ, и это одно изъ послѣднихъ дѣйствій моихъ въ теченіе кампаніи. Корпусу нашему велѣно было переходить Вислу, и въ диспозиціи было сказано: «весь корпусъ переходитъ Вислу по мосту въ Юзефовѣ 25-го іюля, а отрядъ генералъ-майора Давыдова въ Пулавѣ съ 24-го на 25-е». (Тамъ моста не было, но я успѣлъ построить и поставить двѣ барки, на коихъ можно было помѣстить 50 человѣкъ пѣхоты и два плота, на коихъ можно было поставить человѣкъ 10-ть съ лошадьми). Отрядъ мой состоялъ изъ 100 человѣкъ стрѣлковъ, 1 казачьяго полка, 7-ми эскадроновъ конныхъ егерей. Весь противоположный берегъ былъ изрытъ длиннымъ валомъ, за которымъ сидѣли непріятельскіе стрѣлки, которые стрѣляли по всякому подходившему съ нашей стороны. Итакъ, мнѣ надлежало съ сотнею стрѣлковъ держаться противъ превосходнаго числомъ непріятеля болѣе сутокъ, ибо ранѣе, и то съ большимъ трудомъ, нельзя было перевезти мою конницу, потому что рѣка широка и быстра, плоты же были сдѣланы наскоро, гребцы нашлись съ трудомъ, къ тому же все это должно было находиться подъ выстрѣлами непріятеля. Всѣ мы видѣли явную гибель, къ которой стремились, но я, тридцатилѣтній солдатъ, хотя и сознавалъ вполнѣ свое опасное положеніе, долженъ былъ безпрекословно исполнить повелѣніе. Цѣлый день трудились мы надъ исправленіемъ плотовъ и паромовъ, подвергаясь во все время непріятельскимъ выстрѣламъ. При наступленіи ночи, я сталъ готовиться къ переправѣ; такъ какъ офицеры и стрѣлки обнаруживали большую робость, я рѣшился сѣсть на первую барку и ѣхать съ ними, можно сказать, на убой. Хотя генералъ Ольшевскій, завѣдывавшій конно-егерскими эскадронами, старинный пріятель мой, человѣкъ испытанной храбрости, и сказалъ

мнѣ: «je vous ai toujours cru brave, mais aujourd'hui vous agissez en héros», но я чувствовалъ себя далеко не такъ хладнокровнымъ и спокойнымъ. Ольшевскій оставался на берегу; изъ тѣхъ, коимъ слѣдовало быть со мною, никого не было, всѣ остались въ Пулавѣ, кромѣ моего любезнаго Кологривова, который былъ мнѣ преданъ, какъ сынъ и храбръ, какъ нельзя болѣе. Когда уже совершенно стемнѣло я началъ садиться въ первую барку съ 50-ю стрѣлками; по всему противоположному берегу затрещали выстрѣлы, градъ пуль сталъ осыпать насъ и въ самое короткое время ряды солдатъ убитыхъ и раненыхъ пали вокругъ меня. Едва только хотѣли мы отчалить, какъ послышались съ нашей стороны крики: «ваше превосходительство! курьеръ!»

Я выскочилъ изъ барки и при огнѣ фонарей прочелъ: «Отмѣнить переправу и идти къ мосту на Юзефовъ». Еще секунда, мы бы отчалили, полетѣли бы по быстрой Вислѣ, и уже никакой курьеръ насъ не могъ бы спасти. Огонь непріятельскій по насъ былъ такъ силенъ, что въ Пулавѣ раненъ былъ мой человѣкъ. Тутъ человѣческаго ничего не было, одинъ Богъ былъ виновникомъ нашего спасенія; я отъ полноты душевной принесъ Ему мою душевную молитву за столь чудное спасеніе! Полковникъ польскій, командовавшій на противуположномъ берегу, будучи впослѣдствіи взятъ въ плѣнъ, говорилъ мнѣ, что онъ, зная о нашей переправѣ, ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ, чтобы всѣхъ насъ истребить.

Въ 20-хъ числахъ августа я командовалъ отрядомъ въ предмостномъ укрѣпленіи на Вислѣ, близъ Казиміржа. Варшава была еще въ рукахъ непріятельскихъ. Вдругъ непріятель, въ довольно большихъ силахъ приблизившись къ намъ, выслалъ на приступъ двѣ колонны; такъ какъ я зналъ, что это были толпы мужиковъ, предводимыхъ Ружицкимъ, я открылъ по нихъ сильный огонь, отъ котораго они разсѣялись. Ридигеръ, бывшій постоянно моимъ ангеломъ-хранителемъ, бодрствовалъ по своему обыкновенію; онъ явился, преслѣдовалъ на разстояніи 30-ти верстъ непріятеля, который при этомъ лишился 1,000 человѣкъ убитыми и плѣнными 15 офицеровъ и 500 рядовыхъ. Чрезъ два дня я узналъ, что десятитысячный корпусъ генерала Ромарино, преслѣдуемый Розеномъ, направляется на меня; такъ какъ у насъ было всего 1,200 человѣкъ, я потому поспѣшилъ извѣстить о томъ Ридигера, на-

ходящагося въ 50-ти верстахъ. До полученія моей бумаги, онъ мнѣ предписалъ съ однимъ баталіономъ и 4 орудіями спѣшить въ Радомъ на подкрѣпленіе принца Адама Виртембергскаго[1]); я послалъ къ нему другого курьера, при чемъ писалъ ему, что полагаю свое присутствіе въ укрѣпленіи болѣе необходимымъ. Получивъ повторительное приказаніе выступить, я на разсвѣтѣ 1-го сентября двинулся, но на половинѣ дороги меня настигъ новый курьеръ съ приказаніемъ ночевать и возвратиться назадъ.

Утромъ получилъ я слѣдующее донесеніе отъ генерала Слатвинскаго, оставшагося въ укрѣпленіи: «Видя предъ собой непріятеля въ весьма большихъ силахъ, нашелся вынужденнымъ оставить укрѣпленіе праваго берега, и перейдя рѣку, я сжегъ мостъ». Онъ поступилъ весьма благоразумно и основательно; непріятель, за неимѣніемъ моста, двинулся къ австрійской границѣ, гдѣ, преслѣдуемый русскими, онъ положилъ оружіе. Такъ какъ Слатвинскій не успѣлъ кой-чего перевезти на тотъ берегъ, то подвергся сильнымъ нареканіямъ. Я бы испыталъ то же самое, но, къ счастію, Богъ меня отъ того спасъ.

Къ намъ стало возвращаться много офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, которые были свидѣтелями ужасныхъ неистовствъ жителей Варшавы. Такъ, напримѣръ, нѣкто ксендзъ Пулавскій ходилъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, умоляя со слезами народъ истребить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и евреевъ. Нѣсколько десятковъ евреевъ было повѣшено на фонарныхъ столбахъ. Генералъ Янковскій за неудачу свою подъ Лисабысомъ (или Будзискомъ), генералъ Буковскій и камергеръ Феншъ были изрублены и повѣшены. Графиня Гауке также была изрублена и повѣшена. Полковница Баханова, изуродованная сабельными ударами, была также повѣшена въ глазахъ ея дочери, тщетно умолявшей о пощадѣ и получившей также ударъ штыкомъ въ бокъ. Плѣнный офицеръ нашъ Кетлеръ былъ повѣшенъ вслѣдствіе просьбы какой-то женщины, которая просила народъ, въ случаѣ несогласія его на то, повѣсить ее. Офицеры наши, возвратясь изъ плѣна разсказывали, что чернь варшавская и войска всенародно объявили, что если меня возьмутъ въ плѣнъ, то тотчасъ повѣсятъ. При нихъ объявлено было нѣсколько разъ, что

[1]) Объ немъ я однажды сказалъ: «Quoique ce soit un prince du sang, et par dessus cela un Adam, mais ce n'est pas le premier des hommes». Д. Д.

Ридигеръ и я взяты и что насъ везутъ въ Варшаву, гдѣ намъ потому заготовлялись почетныя квартиры и на другой день мы должны были быть повѣшенными: «слышите ли, говорили поляки, что партизанъ Давыдко (это было мое прозвище) идетъ на насъ, жжетъ и рубитъ все безъ пощады, смотрите, будьте осторожны; но мы его скоро возьмемъ и повѣсимъ». На аванпостахъ сначала войны спрашивали лишь о принцѣ Адамѣ Виртембергскомъ, котораго ненавидѣли за то, что его мать была княжна Чарторижская и онъ самъ прежде служилъ въ польскихъ войскахъ; о Ридигерѣ, который своими славными побѣдами навелъ на нихъ страхъ, и о мнѣ недостойномъ.

Нѣкто генералъ Каминскій командовалъ отрядомъ, который мы полагали въ 1,500 человѣкъ, но онъ состоялъ изъ 4,000 человѣкъ; онъ весь положилъ оружіе, и павъ на колѣна, кричалъ: «Виватъ Николай, цесаржъ нашъ польскій!» Грустно становится смотрѣть на этотъ народъ, гордый и заносчивый въ счастіи, но низкопоклонный послѣ неудачи. Вспомнишь невольно слова Наполеона: «Cette nation porte sa ruine dans son caractère». Но, слава Богу, Варшава пала и лучъ русскаго штыка вновь засверкалъ старинной славой!

Денисъ Давыдовъ.

Сообщ. **В. Д. Давыдовъ.**

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЗАПИСКАМЪ Д. В. ДАВЫДОВА.

I.

Рѣчь императора Николая депутатамъ города Варшавы при пріемѣ ихъ во дворцѣ Лазенки.

4/16 октября 1835 года[1]).

Когда депутація отъ города введена была въ особенную залу, императоръ, въ присутствіи генералъ-фельдмаршала князя варшавскаго и военнаго губернатора, обратился къ ней съ слѣдующими словами:

„Вы хотѣли меня видѣть? — Вотъ я! Вы хотѣли говорить мнѣ рѣчи? — Этого не нужно! Я желаю избавить васъ отъ лжи! Да, господа, желаю избавить васъ отъ лжи! — знаю, что вы не чувствуете того, въ чемъ хотите меня увѣрить; знаю, что бо́льшая часть изъ васъ, если бы возобновились прежнія обстоятельства, были бы готовы опять то же начать, что дѣлали во время революціи.

„Не вы ли сами за пять, за восемь лѣтъ предъ симъ говорили лишь о вѣрности, преданности; не вы ли увѣряли меня въ привязанности вашей, — и что же? спустя нѣсколько дней, вы нарушили ваши клятвы, вы совершили дѣла ужасныя!

„Императоръ Александръ сдѣлалъ для васъ много, можетъ быть болѣе, чѣмъ русскому императору слѣдовало, — говорю такъ потому, что такъ думаю; онъ осыпалъ васъ благодѣяніями; онъ пекся объ васъ болѣе, нежели о своихъ подданныхъ настоящихъ; онъ поставилъ васъ въ самое счастливое, въ самое цвѣтущее положеніе; и вы, за все это, заплатили ему самою гнусною неблагодарностью; вы никогда не умѣли довольствоваться дарованными вамъ выгодами

[1]) Рѣчь эта была напечатана въ «Вѣстн. Юго-Зап. Россіи» 1863 г. и затѣмъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи» 1864 г.; мы ее приводимъ по двумъ спискамъ, сообщеннымъ А. Н. Яхонтовымъ и М. В. Клюхельбекеромъ; послѣдній списокъ болѣе исправный и оба они имѣютъ варьянты противу напечатанныхъ. Ред.

и сами разрушили свое благоденствіе; вы уничтожили, попрали ваши постановленія! Говорю вамъ истину, чтобы единожды навсегда вразумить васъ о взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ, и чтобы знали, чего должны держаться.

„Не словамъ, но дѣйствіямъ вашимъ я повѣрю; надобно, чтобы раскаяніе шло отсюда. (Государь указалъ на сердце). Вы видите, что я говорю вамъ хладнокровно, что я спокоенъ, не сержусь на васъ; я давно забылъ оскорбленія противъ меня и моего семейства; мое единственное желаніе заплатить вамъ за зло добромъ, сдѣлать васъ счастливыми, вопреки вамъ самимъ. Я далъ въ этомъ клятву предъ Богомъ, и никогда клятвъ своихъ не нарушаю.

„Фельдмаршалъ, здѣсь присутствующій, исполняетъ здѣсь мои намѣренія, помогаетъ мнѣ въ моихъ видахъ, и также печется о вашемъ благоденствіи. (При этихъ словахъ всѣ депутаты поклонились фельдмаршалу. Государь продолжаетъ):

„Что доказываютъ эти поклоны? Ничего! Прежде всего должны вы исполнять ваши обязанности, должны поступать, какъ поступаютъ честные люди. Вамъ представляются два пути: упорствовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно, вѣрными подданными, подъ моимъ правленіемъ. Если вы упрямо сохраняете мечты обо всѣхъ химерахъ, объ отдѣльной національности, о независимой Польшѣ, о всѣхъ этихъ несбыточныхъ призракахъ, вы ничего не можете сдѣлать, кромѣ того, что навлечете на себя новыя тяжкія бѣдствія.

„Я воздвигнулъ Александровскую цитадель, и объявляю вамъ, что при малѣйшемъ волненіи — разгромлю вашъ городъ; уничтожу Варшаву, и ужъ конечно не я выстрою ее снова!

„Мнѣ тяжело съ вами говорить, тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю для вашего блага; вамъ, господа, подумать о томъ, чтобы заслужить забвеніе прошедшаго.

„Только вашимъ поведеніемъ, вашею преданностію къ правительству можете вы достигнуть этого. Нѣтъ въ мірѣ такой полиціи, которая могла бы воспрепятствовать преступнымъ сношеніямъ съ иноземцами; но вамъ самимъ предлежитъ этотъ надзоръ; отъ васъ зависитъ удалить зло. Дайте дѣтямъ вашимъ хорошее воспитаніе, утверждайте ихъ въ правилахъ религіи и вѣрности къ ихъ государю.

„Вотъ средства, которыми вы удержитесь на пути истинномъ. И тогда, среди всѣхъ смятеній, потрясающихъ зданіе общественности, вы будете пользоваться счастіемъ, живя покойно подъ щитомъ Россіи — мощной, неприкосновенной, бодрствующей за васъ; и вѣрьте мнѣ, господа, принадлежать русской землѣ и пользоваться ея покровительствомъ—есть точно благополучіе! Ведите себя хорошо, испол-

няйте всѣ ваши обязанности, и тогда попеченіе мое распространится на всѣхъ васъ, и несмотря на все прошедшее, правительство всегда будетъ пещись о вашемъ благоденствіи и счастіи. Помните обо всемъ томъ, что я вамъ говорилъ!"

Лишь только одинъ изъ представителей варшавской депутаціи хотѣлъ говорить рѣчь, и началъ: Sire....

— „Остановитесь, сказалъ государь: я знаю что вы хотите сказать; вы послушайте лучше меня". (Депутаты начали кланяться).

—„Не кланяйтесь,—вы точно также кланялись въ 1829 году, и безстыднымъ образомъ измѣнили, пренебрегли благодѣяніями Александра, который не жалѣлъ для васъ и богатства своей земли; хорошую страницу вы оставили въ исторіи! Вы сами для себя построили цидатель, теперь помните, что при малѣйшемъ возмущеніи, въ 24 часа Варшавы не будетъ, и я уже въ другой разъ ее не построю. На нѣмцевъ и французовъ — не надѣйтесь; они вамъ не помогутъ, но вы можете надѣяться на мою милость; чтите законы, любите своего монарха, увѣряю васъ, что только въ такомъ случаѣ будете счастливы, и старайтесь дать дѣтямъ вашимъ иное воспитаніе".

II.

Дѣйствія польскихъ войскъ.

1831 г.

Вмѣсто изложенія донесеній Дибича о его планахъ и дѣйствіяхъ въ польской кампаніи и затѣмъ критическаго разбора тѣхъ и другихъ—въ Паскевичевскомъ спискѣ «Записокъ Давыдова» — помѣщенъ нижеслѣдующій разборъ дѣйствій польской арміи: это компиляція изъ сочиненія Солтыка, и едва ли не составлена переписчикомъ «Записокъ» для фельдмаршала Паскевича. Приводимъ ее вполнѣ. Ред.

Солтыкъ въ сочиненіи своемъ показываетъ, что польская дѣйствующая армія, при началѣ военныхъ дѣйствій, состояла изъ

	Пѣхоты.	Конницы.	Всего.
13-ти полковъ пѣхоты, по 4 баталіона каждый, что составитъ 52 баталіона; полагая баталіонъ въ 800 человѣкъ .	41,600	—	41,600
9-ти полковъ кавалеріи, по 5-ти эскадроновъ каждый, и 2 эскадрона карабинеровъ, что составитъ 47 эскад.; полагая эскадронъ въ 200 человѣкъ	—	9,400	9,400
Артиллеріи съ резервнымъ паркомъ на 126 орудій, полагая по 20 человѣкъ на орудіе	—	—	2,520
Фурштата	—	—	1,000

	Пѣхоты.	Конницы.	Всего.
Новосформированной пѣхоты	2,500	—	2,500
3-хъ баталіоновъ егерей, вооруженныхъ охотничьими ружьями и нѣсколько эскадроновъ кракусовъ.	1,000	500	1,500
Итого . . .	45,110	9,900	58,520
Изъ сего слѣдуетъ исключить:			
1) Гарнизоны крѣпостей Праги, Модлина и Замостья	—	10,000	14,500
2) Отрядъ Дверницкаго	—	2,500	
3) Отрядъ Сѣравскаго	—	1,500	
4) Отрядъ въ Сандомирскомъ воеводствѣ.	—	500	
Остается въ главной массѣ .	—	—	44,020

Какъ войско сіе образовалось на мѣстѣ и не могло потерпѣть при образованіи своемъ ни малѣйшей потери отъ походовъ и бивуаковъ, то полагая баталіонъ не въ 800, а въ 1,000 человѣкъ и три егерскіе баталіона не въ 1,000, а въ 3 т., вся польская армія состояла изъ 81,920 человѣкъ, а главная масса въ 67,420 челов. Сверхъ того формировалась резервная армія со всею поспѣшностію, требуемою обстоятельствами. Она состояла изъ 16-ти полковъ пѣхоты, по 3 баталіона каждый, изъ 20-ти полковъ кавалеріи и изъ 3-хъ баталіоновъ егерей,—она долженствовала заключать въ себѣ до 90 т. человѣкъ.

Главная масса дѣйствующей арміи, подкрѣпленная изъ послѣдней 2-мя полками пѣхоты и 18-ю орудіями, что по счету Солтыка возвышало силу ея до 50 т. человѣкъ и 144 орудій, а по истинѣ до 73,760 человѣкъ, расположена была эшелонами большею частію отъ Праги до Добре и Калушина, по брестскому шоссе, меньшею же частію отъ Праги до Пултуска, по ломжинскому шоссе, занимая легкими авангардами съ одной стороны берега Нарева до Остроленки, а съ другой—берега Ливицы, и разсѣкая промежутокъ, находящійся между Бугомъ и Наревою, безпрерывными разъѣздами партій и патрулей, связывавшихъ бо́льшую и меньшую части арміи. Многіе изъ поляковъ справедливо порицали правительство свое въ недостаткѣ предусмотрительности касательно оборонительныхъ мѣръ.

Во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы магазины, устроенные на счетъ жителей праваго берега Вислы, перемѣстить на лѣвый берегъ сей рѣки, правительство оставило ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были устроены; непростительная безпечность, за которую царство дорого заплатило! „Всѣ сіи магазины, говоритъ Солтыкъ,—захвачены

были россійскою арміею при первомъ ея движеніи, и польская армія, оставшись на скудномъ продовольствіи произведенія земли лѣваго берега, до того нуждалась въ пропитаніи, что правительство принуждено было производить закупъ хлѣба въ сосѣднихъ чужеземныхъ областяхъ посредствомъ чрезвычайныхъ цѣнъ и употреблять огромныя суммы, поступившія въ казну для другихъ не менѣе нужныхъ предметовъ.

Во-вторыхъ, великое число повозокъ собрано было для подвоза провіанта и фуража въ армію, но вмѣсто того, чтобы размѣстить ихъ по дивизіямъ или бригадамъ, повозки эти держали въ массѣ и чрезъ то умножили затрудненія въ постоянномъ и немедленномъ доставленіи продовольствія каждой части арміи особо.

Въ-третьихъ, никакого вниманія не было обращено на мѣстность, опредѣленную театромъ военныхъ дѣйствій. Вмѣсто того, чтобы воздвигнуть предмостныя укрѣпленія въ Плоцкѣ, въ Бобровникахъ, въ Мнишевѣ и укрѣпить тщательно Сироцкъ, что служило бы твердымъ опоромъ и основаніемъ оборонительному дѣйствію арміи на правомъ берегу Вислы, правительство обратило вниманіе свое только на исправленіе Модлинской крѣпости, на созданіе Прагскаго предмостнаго укрѣпленія и на обнесеніе укрѣпленіями Варшавы, не постигнувъ важности пунктовъ: Плоцкаго, могущаго оборонять нижнюю Вислу, Бобровниковскаго при впаденіи Вепржа въ Вислу, Мнишевскаго при впаденіи Пилицы въ ту же рѣку, и что еще непростительнѣе, не постигнувъ, какъ справедливо замѣчаетъ Солтыкъ, превосходство Сироцкаго пункта, давно самимъ Наполеономъ признаннаго важнѣйшимъ оборонительнымъ пунктомъ восточной части бывшаго Варшавскаго герцогства.

И подлинно, находясь на вершинахъ двухъ треугольниковъ: одного, имѣющаго основаніемъ Прагское укрѣпленіе и Модлинскую крѣпость, другого—Броки и Остроленку, Сироцъ есть истинная застежка теченія Буга и Наревы, и потому фланговое положеніе и слѣдственно вліяніе на движеніе нашей арміи въ нижней или средней Вислѣ, въ обоихъ случаяхъ неизчислимо! Могли ли бы мы безпрепятственно пройти отъ Пултуска къ Плоцку (что мы впослѣдствіи совершили), еслибъ польская армія, примыкая правымъ крыломъ къ Сироцкому укрѣпленію, а лѣвымъ — къ Модлинской крѣпости, двинулась вдоль рѣки Вкры въ тылъ нашей арміи? Въ какомъ положеніи была бы тогда наша армія, принужденная принять сраженіе тыломъ къ Пруссіи, государству нейтральному, правымъ флангомъ къ Плоцкому укрѣпленію, занятому непріятельскимъ гарнизономъ, и угрожаемая, сверхъ того, лишеніемъ единственнаго сообщенія своего съ Россіею главною

непріятельскою арміею, которая, при самой неудачѣ своей, сохранила бы свободное отступленіе къ Сироцку и Модлину? Съ другой стороны, не въ томъ же ли положеніи мы были, дѣйствуя по брестскому шоссе къ Прагѣ или къ средней Вислѣ? Единственное направленіе польской арміи изъ Сироцка чрезъ Вишковъ къ брестскому шоссе пресѣкало сообщенія наши съ Брестомъ, т.-е. съ Литвою и Россіею и обращало насъ къ невольному избранію устилугскаго пути, и слѣдственно къ невольному же перемѣщенію нашего базиса на Волынь. Какого рода дѣйствіе могли бы мы избрать, подавленные съ одной стороны польскою арміею, подвигавшеюся на нашъ флангъ и тылъ, и имѣя возлѣ невольно избраннаго нами сообщенія Замостьскую крѣпость и предъ собою два предмостныя укрѣпленія, Бобровники и Минишевъ? Правда, что время года мало благопріятствовало инженернымъ работамъ; при всемъ томъ оно не совершенно препятствовало заняться ими, ибо въ сіе же время исправлена была Модлинская крѣпость и возникло Прагское укрѣпленіе, безъ большого затрудненія.

Вдобавокъ ко всему этому, заключали поляки, правительство дѣйствовало по плану шаткому, темному, безъ увѣренности въ успѣхѣ и потому безъ силы воли, рѣшимости и упрямства въ достиженіи цѣли, однажды имъ избранной—и это сущая правда! ибо вообще съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны главнокомандующіе не употребили ни энергіи, ни отважности въ предпріятіяхъ, требуемыхъ обстоятельствами. Сверхъ того, они обняли эту войну не съ той точки зрѣнія, съ каковой надлежало обнять ее. Они почитали ее войною обыкновенною, правильною, систематическою, исключительно подвластною стратегическимъ правиламъ. Это ошибка! Война эта, по существу своему, переступала за черту обыкновенныхъ войнъ, и хотя въ окончательныхъ соображеніяхъ необходимо долженствовала склоняться къ непреложному началу чистой военной науки, при всемъ томъ ей надлежало, и весьма часто надлежало, въ начальныхъ предпріятіяхъ миновать преграды, воздвигнутыя теоріею и ускользать отъ узъ педантической строгости, употребляя разсчеты и средства имъ неподвластные, а часто и противоположные. Словомъ, это была война настолько же классическая, сколько романтическая. Ею должны были управлять начальники, похожіе въ военномъ отношеніи столько же на Шекспировъ и Байроновъ по вдохновенію и по отступленію отъ правилъ, основанныхъ на классическихъ истинахъ, сколько на Буало и Расиновъ по сохраненію порядка въ безпорядкѣ дѣйствія и по соблюденію мѣры отступленій отъ коренныхъ правилъ при самыхъ залетныхъ предпріятіяхъ. Подобная снаровка не изложена ни въ какихъ учебныхъ книгахъ и изложена быть не можетъ. Она внѣ со-

ображеній исключительно военныхъ, исключительное познаніе коихъ врядъ ли достаточно даже для второстепенныхъ чиновниковъ, еще менѣе для главнокомандующихъ, долженствующихъ соединять въ себѣ и качества воина, и качества политика, и что-то еще болѣе, безъ чего ни военныя, ни политическія знанія ни къ чему не служатъ. Это отсутствіе обширности въ обзорѣ, проницательности, въ оцѣнкѣ обстоятельствъ и соотношеній между собою противоположностей, приправленныя раздумьемъ на отважныя предпріятія, отличило въ теченіе всей войны предначертанія и дѣйствія большей части главныхъ начальниковъ обѣихъ воюющихъ армій. И должно признаться, что въ семъ случаѣ начальники польскихъ войскъ превзошли нашихъ. Обстоятельства, въ коихъ они находились, требовали отваги въ дѣйствіи болѣе отъ нихъ, чѣмъ отъ нашихъ военачальниковъ. Ихъ успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты и неожиданности движеній и ударовъ на тѣ пункты, которые по систематической войнѣ признаны неприступными, недосягаемыми и за чертой позволительныхъ соображеній классицизма. Но для сего надо было забыть о личныхъ выгодахъ, жертвовать не только званіемъ, мѣстомъ, властію и жизнію—но болѣе чѣмъ жизнію—репутаціею, славою, будущею жизнію въ исторіи. Для сего надо было полное самоотверженіе, безъ воспоминаній, безъ сожалѣній, безъ вздоховъ о диванахъ, каминахъ и сытныхъ обѣдахъ, въ золотыхъ палатахъ оставленныхъ; безъ страха заточенія, висѣлицы, пули въ лобъ на лобномъ мѣстѣ, и наконецъ, безъ большого еще страха пересудовъ и осужденій военныхъ педантовъ, управляющихъ мнѣніями общества и потомства. Обнаженъ мечъ—надо было бросить ножны его въ пламя бивуака, слушаться одного собственнаго вдохновенія, ожидать награды отъ собственной совѣсти и идти безъ оглядки. Смѣлымъ Богъ владѣетъ! вотъ что было нужно польскимъ военачальникамъ, и чего именно въ нихъ вовсе не доставало. И да престанутъ говорить, что ни въ какомъ случаѣ, ни съ какимъ военачальникомъ, ни при какихъ соображеніяхъ не было возможно польской націи ожидать успѣха по причинѣ несоразмѣрности въ силахъ съ ея противниками; что 73-хъ-тысячная армія съ 144 орудіями неминуемо должна была погибнуть отъ напора на нее 100-тысячной нашей арміи, влачившей съ собою 390 орудій. Это пошлая отговорка. Конечно, рано или поздно, Россія должна была укротить волненіе въ Польшѣ; но до этого укрощенія можно было нанести намъ опасные удары, продлить бореніе и отсрочить паденіе надолго. Все зависитъ отъ умѣнья, отъ знанія своего дѣла. Бо̀льшая или меньшая численная сила не иначе идетъ въ счетъ, какъ на поляхъ сраженій; но привести на поле сраженія бо̀льшее число войскъ въ сравненіи съ

войсками противника; но ринуть бо́льшее число войскъ на важнѣйшій пунктъ сего поля сраженія, принадлежитъ одному дарованію, принадлежитъ одному генію. Въ 1796 году три арміи, и каждая сильнѣе арміи, предводительствуемой Бонапартомъ, одна послѣ другой нападали на него, и каждая поодиночкѣ понесла пораженіе. Въ 1809 году Наполеонъ былъ въ десять разъ слабѣе австрійцевъ подъ Регенсбургомъ и Ландсгутомъ, а чѣмъ кончилась борьба его съ эрцъгерцогомъ? И наконецъ въ 1814 году онъ же предводительствовалъ арміею 23-мя тысячами слабѣе той, о коей здѣсь рѣчь идетъ, тогда какъ численная сила союзныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ него, доходила до 250 т. человѣкъ, а какова была кампанія? Онъ палъ оттого, что она постыдно оставила его одного въ минуту рѣшительную; но еслибъ Парижъ двое только сутокъ постоялъ за себя и чрезъ то далъ Наполеону время прибыть на помощь ему съ 50-ю т. войска, что было бы тогда? Кто тогда осмѣлился бы штурмовать каменный лабиринтъ сей изъ нѣсколькихъ тысячъ улицъ, между собою пересѣкающихся составленный, въ срединѣ коего находилась бы армія въ 50 т. съ 800 т. воспалительнымъ народонаселеніемъ и самъ Наполеонъ [1])? Возьмемъ въ уваженіе и то, что французская армія въ 1796 году въ Италіи и въ 1809 году въ Германіи нимало не могла надѣяться на содѣйствіе себѣ народонаселеній, въ тылу австрійцевъ оставленныхъ, тогда какъ въ войнѣ съ царствомъ польскимъ мы были въ томъ же положеніи, въ какомъ была бы союзная армія въ 1814 году, еслибъ Парижъ дождался Наполеона. Литва, Бѣлоруссія, Волынь, Подолія и Украйна, все шляхетство сихъ губерній кипѣло враждою на Россію, и готово было къ поднятію противъ насъ оружія всякаго рода, что впослѣдствіи оно исполнило на дѣлѣ и съ гораздо большимъ рвеніемъ самихъ жителей царства, но при обстоятельствахъ гораздо менѣе благопріятныхъ. Итакъ, если новое польское правительство отъ безпечности своей дозволило арміи нашей безпрепятственно соединиться на границѣ царства, то по крайней мѣрѣ надлежало бы, укрѣпя пункты, о коихъ выше упомянуто, избрать центральную позицію арміи своей предъ Вислою и въ то же время образовать партизанскую войну въ тылу нашей арміи на обширномъ пространствѣ пинскихъ болотистыхъ лѣсовъ и въ бѣловежской пущѣ, поддерживая набѣги партій вооруженнымъ населеніемъ Литвы и Во-

[1]) Въ это время 10 т. войска находилось между Версалью и Вандома. Въ парижскомъ арсеналѣ хранилось 54 т. ружей; вдвое можно было найти у жителей и независимо отъ артиллеріи, размѣщенной у заставъ города, 250 орудій на лафетахъ, съ ящиками полными зарядовъ, стояли на Марсовомъ полѣ. (Mémoires du Duc de Regio). Savary.

лыни. Ударяясь головою въ оплотъ, составленный изъ регулярной арміи и укрѣпленій, устроенныхъ на важнѣйшихъ пунктахъ предъ Вислою и угрожаемая съ тыла сильными и многочисленными партіями и народонаселеніемъ польско-россійскихъ губерній, армія наша была бы въ необходимости съ одной стороны къ подъятію изнурительныхъ трудовъ въ борьбѣ регулярной и систематической, а съ другой—къ отвлеченію силъ своихъ отъ боевой массы для защиты путей, по коимъ она долженствовала получать всѣ жизненныя и боевыя потребности, для войны необходимыя, на коихъ находились склады запасовъ пропитанія и зарядовъ, и посредствомъ коихъ сохраняла она сообщеніе съ внутренними губерніями имперіи.

Къ счастію, ничего этого не было сдѣлано, и польская армія, состоявшая изъ 81,920 человѣкъ дѣйствовавшихъ войскъ и 91 т. формировавшихся, что составляло 172,920 человѣкъ, ожидала прибытія нашей арміи изъ 110,620 человѣкъ составленной. Впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ всѣ эти силы разсѣяны были по всему царству и главныя боевыя массы состояли съ нашей стороны въ 98 т., а со стороны поляковъ въ 73 т., расположенныхъ эшелонами отъ соединенія шоссе ковенскаго и брестскаго, въ направленіи къ Пултуску и Калушину.

Сообщ. **А. Распоповъ.**

III.

Замѣтки о Запискахъ моего отца-старика Д. В. Давыдова.

Николай Лѣнивцевъ, о которомъ редакція упоминаетъ въ предисловіи къ запискамъ моего отца, („Русская Старина“ 1872 г., т. VI, стр. 1—2), не былъ его родственникомъ и рукописный экземпляръ „Записокъ“ получилъ не отъ Дениса Васильевича, а отъ меня, и вотъ по какому случаю. Отецъ его былъ бѣдный симбирскій помѣщикъ и служилъ уѣзднымъ судьею въ городѣ Сызранѣ, въ тридцатыхъ годахъ. Изъ уваженія къ отцу моему, онъ весьма часто съ женою и съ дѣтьми ѣзжалъ въ наше имѣніе село Верхняя Маза, и вслѣдствіе общей страсти съ отцомъ къ псовой охотѣ, весьма полюбился ему. Бывши человѣкомъ добрымъ и простымъ, по старинному хлѣбосольству, проживалъ у насъ довольно долго съ чадами и домочадцами. А такъ какъ я былъ одногодокъ съ сыномъ его Николаемъ, то мы, дѣти, порой и учились вмѣстѣ, но всего больше шалили сообща. Отецъ мой, имѣя всегда желаніе сдѣлать изъ меня ученаго офицера и прельстившись программою преподаванія въ корпусѣ путей сообщенія, находившагося тогда въ апогеѣ своей славы, приготовлялъ меня къ поступленію въ означенный корпусъ. Въ то время главноуправляющимъ корпусомъ путей сообщенія былъ

графъ Карлъ Ѳедоровичъ Толль, находившійся въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ отцомъ моимъ. Это побудило и старика Лѣнивцева приготовлять своего сына въ тотъ же корпусъ путей сообщенія. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: я, несмотря на всѣ старанія и средства, учился вѣтрено, кое-какъ, а Лѣнивцевъ неутомимо и прилежно, и потому, несмотря на всѣ желанія принять меня, я на экзаменѣ срѣзался, а онъ былъ принятъ. Неудача моя обратила меня на другую дорогу, хотя столь же ученую, но не столь спеціальную — въ л.-гв. конную артиллерію, и я Лѣнивцева потерялъ изъ вида. Послѣ смерти отца моего бумаги его очутились у меня, вслѣдствіе возвращенія ихъ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, которому матушка вручила ихъ для пересмотра. Въ то время генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій собиралъ матеріалы для исторіи финляндскаго похода. Какое, казалось бы, могло быть отношеніе между исторіографомъ-генераломъ и несчастнымъ прапорщикомъ, бѣгавшимъ изъ манежа въ гостинную, изъ гостинной въ манежъ? Къ несчастію, въ одной изъ гостинныхъ онъ, встрѣтившись со мною, удостоилъ меня спросить, доволенъ ли я составленной имъ біографіей отца моего для галлереи генераловъ 1812 года. Я отвѣчалъ ему, что нахожу его біографію составленною прекрасно, но удивляюсь одному, гдѣ могъ онъ набрать всѣ нужные для того матеріалы, такъ какъ всѣ бумаги отца моего находятся у меня. При этихъ словахъ генералъ Данилевскій разсыпался со мною на всевозможныя привѣтствія и любезности, и наконецъ, послѣ всевозможныхъ заискиваній, просилъ меня самымъ вкрадчивымъ образомъ привезти всѣ бумаги къ нему для пересмотра. Я растаялъ, и явился къ нему со всею кипой. Онъ, увидавши въ числѣ ихъ воспоминанія о Кульневѣ и предположеніе о формированіи войскъ на лыжахъ, убѣдительно сталъ меня просить оставить эти бумаги у него. Несмотря на обаяніе генеральскихъ ласкъ, я твердо отказалъ ему, чувствуя, что это не моя личная собственность, а всей моей семьи, и увезъ торжественно назадъ свои бумаги. Но тутъ начались въ полномъ смыслѣ слова преслѣдованія его. Онъ даже снисходилъ заѣзжать въ мою скромную, чтобы не сказать больше, прапорщью квартиру, и наконецъ уговорилъ меня дать ему объ статьи о Финляндіи всего на одинъ день. Увы! этотъ день продолжается донынѣ. Генералъ Данилевскій взялъ цѣликомъ цѣлыя страницы изъ означенныхъ статей и напечаталъ ихъ подъ своимъ именемъ въ его „Исторіи финляндскаго похода“, и кромѣ того, зажилилъ объ рукописи. По счастію черновыя находятся еще у меня. Несмотря на мои настоятельныя просьбы возвратить

мнѣ взятыя рукописи, онъ, какъ говорится, кормилъ меня завтраками, откладывая возвращеніе день за день, и наконецъ объявилъ мнѣ, что онъ мнѣ ихъ отдастъ, несмотря на то, что онѣ ему нужны, съ однимъ условіемъ, чтобы я ему отдалъ на время записки о польской кампаніи. Въ это время Лѣнивцевъ, уже выпущенный изъ корпуса путей сообщенія на службу, отыскалъ меня, и когда я ему въ числѣ прочихъ разговоровъ разсказалъ дѣйствія генерала Данилевскаго, то онъ, въ виду слабости моего характера и явнаго намѣренія генерала захватить часть бумагъ отца, предложилъ мнѣ отдать ему на сохраненіе рукопись о польской кампаніи, дабы имѣть предлогъ не поддаться на настойчивость генерала. Такъ и было сдѣлано. Каюсь, омутъ свѣтской жизни со всѣми ея треволненіями, лагерная жизнь, кутежи и проч., свойственныя тогдашнимъ моимъ лѣтамъ, совершенно изгладили изъ моей памяти бѣднаго путейскаго офицера Лѣнивцева и находящуюся у него рукопись отца. Онъ отправился куда-то на работы, а я—на Кавказъ, и уже въ 1845 году узналъ о его смерти. Всѣ розыски мои о судьбѣ врученныхъ ему бумагъ остались тщетны. Все, что я только могъ узнать, и то только какъ слухъ, что онъ умеръ въ крайней бѣдности, кажется даже въ госпиталѣ, и что малое количество вещей его было продано. Съ тѣхъ поръ о рукописяхъ не было ни слуху, ни духу. Помню только, что кто-то сказалъ мнѣ, что видѣлъ бумаги отца моего у покойника Лѣнивцева. Нынѣ изъ предисловія редакціи „Русской Старины“ узнаю, что онѣ имъ были переданы генералу Веселицкому, а тѣмъ затеряны. Для меня, къ счастію, эта потеря не имѣла послѣдствій, ибо всѣ статьи отца моего находятся въ двухъ или трехъ рукописныхъ экземплярахъ по причинѣ частыхъ его помарокъ, поправокъ и даже измѣненій. Слѣдовательно и записки о польской кампаніи имѣли, кромѣ потерянной рукописи, еще два экземпляра. Хотя редакція и говоритъ въ предисловіи, что эта оставшаяся часть Лѣнивцевской рукописи лучшая, но это несправедливо. Тотъ экземпляръ, который я доставилъ „Русской Старинѣ“, былъ вывѣренъ покойнымъ моимъ братомъ Денисомъ со вторымъ, который, по странному стеченію обстоятельствъ, попалъ въ руки покойнаго князя Петра Владимировича Долгорукаго, и имъ напечатанъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ въ Лондонѣ, въ 1863 году, въ 8°. Онъ въ этой книгѣ откинулъ больше трети и исказилъ все, сообразно съ его политическими и соціальными взглядами. Жалѣю очень, что въ настоящую минуту не могу разсказать, какимъ страннымъ и вполнѣ незаконнымъ путемъ эти записки достигли до князя, и какъ я тщетно гонялся за нимъ по Лондону, чтобы требовать отъ него отчета въ его неблаговид-

номъ поступкѣ. Теперь же ручаюсь, что рукопись, мною отданная покойному Лѣнивцеву, была не такъ полна, какъ та, которая нынѣ явилась на страницахъ „Русской Старины“.

Въ біографическомъ очеркѣ о моемъ отцѣ („Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 624—639) необходимо сдѣлать слѣдующія исправленія:

Стр. 624, строка 7 сверху, читай такъ: „Но пусть не сѣтуетъ на меня редакція, если я начну ab ovo и обращусь къ семейнымъ преданіямъ“....

Стр. 627, строка 7 сверху, напечатано: „могущество“ читай: „величество“.

Стр. 632, строка 10 снизу, читай: „тетка моя и мать Н. Н. Раевскаго по первому мужу“.

Стр. 634, строка 16 снизу, читай: „Longtemps épargné“.... тамъ-же: „au champ d'honneur“.

Стр. 637, строка 6 сверху, напечатано: „я тебѣ прямо говорю“... читай: „и тебѣ прямо говорю“....

Стр. 639, строка 14 снизу, послѣ словъ: „нынѣ они настали“. Читай: „Прошло сорокъ лѣтъ съ усмиренія Польши. Она съ тѣхъ поръ еще разъ попробовала помѣриться съ силами Россіи и пала снова подъ ударами другихъ уже войскъ, подъ начальствомъ другихъ уже лицъ. Возстаніе 1830 года стало давно прошедшимъ временемъ, и со смертію лицъ участвовавшихъ въ подавленіи его исторія вступаетъ въ свои права. Для нея уже настало потомство, справедливо выслушивающее всѣ стороны, взвѣшивая всѣ данныя на безпристрастныхъ вѣсахъ и говорящая свое послѣднее правдивое слово. Вотъ причины, побудившія меня обратиться къ страницамъ „Русской Старины“ для сохраненія рукописей, въ которыхъ авторъ, со всею откровенностью стараго воина, разоблачаетъ истину“.

„Рус. Стар.“, т. VI, на страницѣ 7-й сказано: „генералъ-контролеръ Околовъ“. Не ошибка ли это? По моему это должно быть извѣстный генералъ Окуневъ.

На стр. 10, строка 9 сверху, напеч.: „склонности“ читай: „похоти“; строка 12 напечатано: „не намѣренно“ читай: „повивальной бабкою“.

Василій Давыдовъ.

Помѣщенное на стр. 635 („Рус. Стар.“, т. V) письмо Давыдова писано не къ С. Н. Ланскому, какъ тамъ замѣчено со словъ А. В. Рачинскаго его сообщившаго, а къ другу партизана А. Д. Ольшевскому — командиру бѣлорусскаго гусарскаго полка. С. Н. Ланской

убитъ подъ Краономъ въ февралѣ 1814 года; письмо же писано въ 1816 году, что совпадаетъ со временемъ сватовства Давыдова въ Кіевѣ.

Г. Бѣлой. Владиміръ Лыкошинъ.

IV.

Въ дополненіе къ „Запискамъ Давыдова“ считаю не лишнимъ сообщить два его письма, списанныхъ мною съ подлинниковъ, хранящихся въ дѣлахъ бывшаго штаба арміи фельдмаршала Дибича. Первый изъ этихъ документовъ писанъ къ начальнику главнаго штаба его величества—графу Чернышеву:

1 января 1831 г.

„Не взирая на чрезмѣрное разстояніе между вашимъ сіятельствомъ и мною, разстояніе столь блистательными заслугами государю и отечеству вами, милостивый государь, пріобрѣтенное, вы не переставали никогда оказывать мнѣ особой благосклонности. Теперь вамъ, какъ начальнику моему, предстоитъ случай прибавить къ оной благосклонности и благодѣяніе. Въ Польшѣ возникли безпокойства; полагать должно, что загремитъ скоро тамъ оружіе; если этому быть должно, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ государя императора желаніе мое служить въ дѣйствующей арміи. Воля его священная употребить меня какъ, куда и чѣмъ его величеству угодно будетъ,—только за долгъ поставляю не скрыть отъ вашего сіятельства, что хорошо зная себя, я увѣренъ, что полезнѣе буду въ командованіи летучимъ отрядомъ, по чину моему составленнымъ, чѣмъ въ рядахъ, безъ собственныхъ вдохновеній и съ окованнымъ духомъ предпріятій.“

„Впрочемъ, смѣю повторить, ваше сіятельство, да будетъ священная воля монарха,—а я съ своей стороны ручаюсь честію русскаго солдата, что во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ не осрамлю высокую довѣренность его и благодѣтельное ходатайство вашего сіятельства“.

Это письмо, по высочайшему повелѣнію, препровождено было къ графу Дибичу, Денисъ Давыдовъ призванъ въ армію, и въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ въ командованіе летучій отрядъ. Дѣйствія его изложены выше въ „Запискахъ партизана“.

Изъ тѣхъ-же „Записокъ“ читатели видѣли, что не долго довелось Давыдову покомандовать отрядомъ въ томъ составѣ, въ какомъ онъ былъ данъ ему первоначально. Послѣ разныхъ урѣзокъ, отрядъ расплылся совершенно. Вслѣдствіе этого, Давыдовъ, глубоко обиженный, обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ начальнику главнаго штаба арміи графа Толю:

18-го мая 1831 г.

„Ваше сіятельство, моя единственная подпора и надежда! Какъ въ великомъ 1812 году, такъ и въ текущемъ, вы постоянно мнѣ благодѣтельствовали и благодѣтельствуете, и потому я смѣю утруждать ваше сіятельство моимъ собственнымъ дѣломъ, сопряженнымъ однако и съ пользою общею.

„Въ половинѣ марта я, по особенной благосклонности вашего сіятельства, получилъ блистательнѣйшій отрядъ. Я дѣйствовалъ онымъ какъ умѣлъ, и слышалъ, что заслужилъ одобреніе ваше, что для меня выше всѣхъ наградъ въ свѣтѣ!

„Вскорѣ начали отсѣкать части моего отряда: вначалѣ взяли полкъ драгунъ, полкъ сильный, ибо состоялъ изъ 800 чел., прежде загоненныхъ и изнуренныхъ, а у меня послѣ нѣкоторыхъ поисковъ и приступа гор. Владиміра, опять почувствовавшихъ теченіе въ себѣ русской крови и на все готовыхъ. Потомъ взяли у меня казачій полкъ Платова; я все молчалъ, исполняя долгъ мой съ остаткомъ моего отряда. Наконецъ взяли у меня казачій полкъ Катасанова, такъ что оставя меня съ однимъ казачьимъ Кирѣева полкомъ, коего сила числомъ людей не простирается далѣе 300 чел., уничтожили совершенно отрядъ, столь милостиво вашимъ сіятельствомъ мнѣ довѣренный; ибо полкъ Кирѣева, имѣя своего полковника, не есть уже отрядъ, который составляется изъ нѣсколько полковъ.

„Между тѣмъ я слышу, что генералъ-майоръ Шереметевъ сдѣлалъ партизанскій набѣгъ почти подъ глазами вашего сіятельства. Быть можетъ, что другой какой-либо генералъ готовится то же исполнить, или исполнилъ уже, а я долженъ о томъ слышать, и кипя рвеніемъ, готовый на таковыя же предпріятія, такъ давно вамъ извѣстный за знающаго свое дѣло, не имѣть способовъ дѣйствовать; ибо не имѣю войскъ, лишившись ихъ постепеннымъ разборомъ моего отряда.

„Такъ какъ я, сіятельнѣйшій графъ, состоя по кавалеріи, не принадлежу никакому корпусу и никакой дивизіи, и такъ какъ по разсѣяніи отряда вашимъ сіятельствомъ мнѣ ввѣреннаго, я совершенно здѣсь безъ дѣла, то не удостоите ли вы меня позволеніемъ прибыть къ вашей особѣ для полученія отряда такого, каковой ваша извѣстная ко мнѣ благосклонность опредѣлитъ составить. Я на все готовъ, на все радъ, только предоставьте мнѣ счастіе драться подъ вашего сіятельства распоряженіемъ и относиться единственно къ вамъ, какъ то было въ 1812 году, а не наблюдать непріятеля вдалекѣ отъ васъ и безъ сношенія прямаго съ вашимъ сіятельствомъ.

„Вѣрьте, сіятельнѣйшій графъ, чести моей, что ежели я и теперь всѣми силами стараюсь служить, какъ вѣрный сынъ отечества, то подъ

непосредственнымъ вліяніемъ и начальствомъ вашего сіятельства все то сдѣлаю, что умственныя и душевныя способности внушить мнѣ возмогутъ".

Графъ Толь отвѣчалъ, что графъ Дибичъ, принимая въ уваженіе, что при корпусѣ генерала Ридигера нѣтъ вовсе опытныхъ генераловъ, коимъ бы можно было поручить отдѣльную часть, не изъявилъ своего соизволенія на отозваніе Давыдова въ главную квартиру, но приказалъ, чтобы Ридигеръ употребилъ его при ввѣренныхъ ему войскахъ. Затѣмъ Давыдовъ и поступилъ въ полное уже распоряженіе генерала Ридигера, дѣйствовавшаго отдѣльно отъ главныхъ силъ фельдмаршала Дибича.

Сообщ. Дон—ій.

V.

Указъ Сенату о князѣ Чарторижскомъ.

6-го октября 1831 года.

Члена государственнаго совѣта и сенатора тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшаго во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ до самаго окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и правительствующемъ сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить.

Сообщ. Г. К. Рѣпнинскій.

СУВОРОВЪ.

Архивъ внука его Кн. Италійскаго, гр. А. А. Суворова-Рымникскаго.

1729—1800.

Александръ Аркадіевичъ Суворовъ, свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Рымникскій, весьма обязательно предоставилъ въ распоряженіе «Русской Старины» собраніе подлинныхъ бумагъ его родного дѣда — одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ. Собраніе это занимаетъ восемнадцать томовъ въ листъ, переплетенныхъ племянникомъ генералиссимуса—графомъ Дм. Ив. Хвостовымъ и составлявшимъ часть его громаднаго семейнаго архива. Послѣ смерти Хвостова, сынъ его, нынѣ покойный, передалъ «Суворовскія» бумаги кн. Александру Аркадіевичу; прочіе же документы историческаго и литературнаго содержанія до 80 томовъ, вмѣщающія въ себѣ весьма много интереснаго, перешли къ намъ при посредствѣ А. Ѳ. Волкова [1]).

Разобравъ Суворовскія бумаги, мы прежде всего остановились на собственноручныхъ письмахъ генералиссимуса; онѣ занимаютъ пять объемистыхъ книгъ in folio. Всѣ онѣ по преимуществу писаны къ Д. И. Хвостову, съ приписками, а иногда и съ отдѣльными цидулками, къ дѣтямъ, а именно «Наташѣ» и «Аркадію», а также къ сестрѣ Маріѣ Васильевнѣ Олешевой; кромѣ того, есть письма къ императрицѣ Екатеринѣ II, императору Павлу, къ генералу П. И. Турчанинову, барону Ф. В. Сакену, гр. Н. И. Салтыкову, Ивану Романовичу Горчакову, Мерлину, гр. А. А. Безбородко, кн. П. А. Зубову, графу Николаю Зубову и друг. Тутъ же письма къ разнымъ лицамъ, завѣдывавшимъ имѣніями и дѣлами Суворова. Всѣ эти документы, по своему изложенію и содержанію, носятъ рѣзкій отпечатокъ особенностей характера въ высшей степени самобытной и своеобразной личности Суворова; эти особенности вошли такъ сказать въ плоть и кровь его до того, что—какъ увидятъ читатели—онъ не могъ отъ нихъ отрѣшиться даже въ перепискѣ съ самыми близкими для него существами.

Лаконизмъ, крайняя отрывочность изложенія, безпрестанныя недомолвки,

---

[1]) Изъ этого собранія мы сообщили Академіи Наукъ обширную колекцію писемъ митрополита Евгенія Болховитинова, которыя были затѣмъ обработаны и изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Ред.

скрытія фамилій упоминаемыхъ лицъ подъ буквы, едва-ли не умышленная темнота выраженій, вразумительныхъ лишь для тѣхъ, которые привыкли къ языку писавшаго — вотъ особенности нынѣ представляемыхъ читателямъ «Русской Старины» писемъ знаменитаго Суворова. Эти особенности отнимаютъ у настоящихъ документовъ большую долю значенія какъ матеріала для чтенія; матеріалъ этотъ по преимуществу для біографовъ Суворова и для изслѣдователей о его времени, но за то матеріалъ по истинѣ драгоцѣнный; едва ли въ какихъ другихъ документахъ столь ярко очерчивается нравственная личность славнаго вождя, какъ въ этой массѣ отрывочныхъ, недосказанныхъ, безпрестанно затемненныхъ шутками, аллегоріями, плохенькими стишками бесѣдахъ его съ родными! Тутъ можно встрѣтить все: домашнія распоряженія о хозяйствѣ, непрестанныя заботы о пристройствѣ «Наташи», т.-е. о выдачѣ ее замужъ, отзывы о политическихъ событіяхъ, характеристики историческихъ дѣятелей его времени, отзывы о друзьяхъ и недругахъ (къ послѣднимъ Суворовъ относилъ въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія знаменитыхъ кн. Никиту Васильевича Репнина и кн. Юрія Долгорукаго-Крымскаго), выраженіе неудовлетвореннаго честолюбія, сознаніе своихъ заслугъ и достоинствъ, раскрытіе и объясненіе казавшихся Суворову, а быть можетъ и дѣйствительно бывшихъ противъ него интригъ, наконецъ распоряженія по службѣ: о постройкѣ укрѣпленій въ Финляндіи, раскрытіе военныхъ плановъ и предположеній..... Конечно, есть письма и замѣтки малосодержательныя; таковыя мы опустили, но впрочемъ весьма немногія, такъ какъ въ нашемъ понятіи довольно одного какого-нибудь слова или выраженія, почему-либо интереснаго и характеристичнаго для того, чтобы строки, начертанныя рукою Суворова, заслуживали сохраненія для потомства.

Предлагаемая нынѣ переписка Суворова начинается съ 1791 года. Для возможнаго ея уразумѣнія напомнимъ главнѣйшія данныя изъ его жизни до этого года:

Александръ Васильевичъ родился въ 1729 году. Отецъ его—генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Суворовъ, бывшій въ семилѣтнюю войну кёнигсбергскимъ губернаторомъ, превосходно очерченъ Болотовымъ въ I-мъ и II-мъ томахъ его записокъ (прилож. къ «Русской Старинѣ» 1870 и 1871 гг.). Пятнадцати лѣтъ Суворовъ поступилъ на дѣйствительную службу рядовымъ, въ л.-г. семеновскій полкъ. Въ 1754 году переведенъ въ армію поручикомъ. Въ семилѣтнюю войну, въ чинахъ майора и подполковника, Суворовъ обратилъ на себя вниманіе, какъ лихой партизанъ-наѣздникъ; командуя летучимъ отрядомъ, онъ одержалъ рядъ успѣховъ. Въ 1762 г. сдѣланъ полковымъ командиромъ одного изъ армейскихъ полковъ; съ этого времени начинаются чудачества, напущенныя имъ на себя для того, чтобы выдѣлиться изъ общаго уровня офицеровъ; чудачества его, а вмѣстѣ съ тѣмъ пламенная любовь къ нему подчиненныхъ, съ необыкновеннымъ умѣньемъ всегда имъ поддерживаемая, сдѣлали его популярнѣйшимъ полковымъ командиромъ. Въ 1768 г., въ войнѣ съ конфедератами, онъ командуетъ бригадой; въ 1769—1772 гг.—авангардомъ корпуса генерала Нумерса, потомъ Веймарна и отдѣльными отрядами. Чинъ генерала, двѣ звѣзды (въ томъ числѣ Александра Невскаго) и орденъ Георгія 3-го класса были наградами его подвиговъ.

Въ первой турецкой войнѣ, Суворовъ прославилъ себя переправою чрезъ Дунай, взятіемъ Туртукая (см. «Русскую Старину» 1871 г., т. IV, стр. 591) и нѣсколькими другими побѣдами. Воздаяніемъ были: чинъ генералъ-поручика и орденъ Георгія 2-го класса. Извѣстно участіе его въ Пугачевщинѣ. Въ весьма

любопытныхъ запискахъ Павла Рунича объ этомъ времени есть нѣсколько страницъ, безспорно драгоцѣнныхъ для біографіи Суворова («Русская Старина» 1870 г., т. II, стр. 321—346).

Въ 1776—1779 гг. новый рядъ его подвиговъ: дѣйствія въ Крыму, на Кубани, въ Новороссіи и Ногайскихъ степяхъ показали, что этотъ человѣкъ—независимо отъ генія полководца — одаренъ былъ умомъ великаго администратора. Вторая турецкая война застала Суворова въ чинѣ генералъ-аншефа и кавалеромъ Владиміра 1-й ст. Побѣды подъ Кинбурномъ, Фокшанами, на берегахъ Рымника и штурмъ Измаила (11-го декабря 1790 г.) возвели его на верхъ славы; имя его стало громко во всей Европѣ. Орденъ Андрея Первозваннаго, шпага украшенная алмазами и лаврами, титулъ графа римской имперіи (отъ Австріи) и графа Рымникскаго, орденъ Георгія 1-го класса, званіе подполковника л.-г. измайловскаго полка — были наградами. Потемкинъ изъ чувства зависти помѣшалъ Суворову тогда же получить жезлъ фельдмаршала. Изъ этого же недобраго чувства Суворовъ, по прибытіи его въ началѣ 1791 г. въ Петербургъ, былъ удаленъ въ Финляндію, съ порученіемъ укрѣплять границы.

Съ этого года начинается рядъ писемъ его къ роднымъ, которыя внукъ Суворова, въ видахъ разработки отечественной исторіи и біографіи великаго своего дѣда, весьма обязательно представляетъ нынѣ на страницахъ «Русской Старины»... [1])

Въ письмахъ къ роднымъ часто упоминаются члены фамиліи Суворова; напомнимъ, что герой Рымникскій женился въ 1775 году на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской. Бракъ этотъ, какъ извѣстно, былъ несчастливъ: Суворовъ послѣ многихъ огорченій (доля вины въ которыхъ падаетъ на него самого) разъѣхался съ женой, и читатели его писемъ не безъ удивленія увидятъ, что онъ почти ни разу о ней не упоминаетъ. Отъ этого брака было двое дѣтей: дочь—Наталья и сынъ—Аркадій [2]). Прилагаемъ краткое родословіе княжеской вѣтви фамиліи Суворовыхъ [3]). **Ред.**

---

[1]) Изъ поступившаго въ распоряженіе «Русской Старины» собранія Суворовскихъ бумагъ 14-ть книгъ были извѣстны Д. А. Милютину—при составленіи имъ второго изданія замѣчательнѣйшаго труда его: «Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей» (Спб., 1857 г.). «Изъ всѣхъ означенныхъ 14-ти книгъ, пишетъ г. Милютинъ: извлечено мною все, что только могло относиться къ содержанію моего сочиненія; затѣмъ остается еще много нетронутаго матеріала собственно для жизнеописанія знаменитаго русскаго полководца и отчасти для исторіи его эпохи». **Ред.**

[2]) Кн. Аркадій утонулъ въ рѣкѣ Рымникѣ; см. извѣстіе о его смерти въ одномъ изъ писемъ кн. Мих. Ил. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго («Русск. Стар.» 1872 г., т. V, стр. 262). **Ред.**

[3]) Предокъ его шведскій выходецъ въ началѣ XVI ст. Въ роду Суворовыхъ были дьяки, стольники, степенный ключникъ кормоваго дворца, воеводы. Девятнадцать Суворовыхъ владѣли населенными имѣніями въ 1699 г. (Рос. Родосл. книга, кн. Долгорукаго. Спб. 1855 г., ч. II, стр. 65). **Ред.**

РОДОСЛОВІЕ СУВОРОВЫХЪ.

(княжеская вѣтвь этой фамиліи).

Василій Ивановичъ, ген.-аншефъ, сенаторъ, св. Александра Невскаго кав., род. 1705 † 1776 г.

- Александръ Васильевичъ, кн. Италійскій, графъ Рымникскій, генералиссимусъ, кав. всѣхъ рос. орд. перв. степени и прус. орд. черн. орла, р. 13 ноября 1729 † 6 мая 1800 г. Женатъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской, р. 1750 † 1806 г.
  - Князь Аркадій Александровичъ, ген.-лейтен., ген.-адъютантъ, род. 4 августа 1780 г., утонулъ 13 апрѣля 1811 г. въ рѣкѣ Рымникѣ; женатъ на Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной, р. 1785 г. † 3 дек. 1855 г. (во 2-мъ бракѣ за кн. Вас. Серг. Голицынымъ).
    - Князь Александръ Аркадіевичъ, генер.-адъют., ген.-отъ-инфан., членъ госуд. совѣта; женатъ былъ на Любови Васильевнѣ Ярцовой. †
      - Князь Аркадій Александр. род. 1833 г. Женатъ на Базилевской (въ 1 бр. за Шупинскимъ, во 2 бр. за гр. Николаемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко р. 1835 † въ Ниццѣ 11 апр. 1862 г.).
    - Князь Константинъ Аркадіевичъ, женатъ на Елисаветѣ Алексѣевнѣ Хитрово. † 22 февраля 1859 г.
      - Кн. Любовь: въ 1-мъ бр. за кн. Алексѣемъ Вас. Голицынымъ; во 2-мъ за Владим. Владим. Молоствовымъ.
    - Княжна Марія: 1) за княземъ Михаломъ Михаловичемъ Голицынымъ. 2) за Остолоповымъ.
      - Княжна Александра Александровна.
    - Княжна Варвара: 1) за д. с. сов. Дмитр. Евлампіев. Башмаковымъ; 2) за кн. Андр. Ив. Горчаковымъ, ген.-отъ-инфант.
      - Алекс. Дмитріевичъ Башмаковъ.
  - Наталія Александровна, род. 1 августа 1775 † 30 марта 1844 г. за оберъ-шталмейстеромъ гр. Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ, р. 1763 † 1805 г.
- Анна Васильевна за генер.-поруч. кн. Иваномъ Романовичемъ Горчаковымъ.
- Марія Васильевна за дѣйст. стат. сов. Алексѣемъ Васильевичемъ Олешевымъ.

1.

Суворовъ — Хвостову.

Кюменгородъ, ч. 11-го іюня 1791 года.

К. Петру Николаевичу (Долгорукову) покорнѣйшее мое почтеніе; я очень отъ вояжей и дѣла усталъ, насилу это письмо кончу.

Господинъ полковникъ князь Алексѣй Ивановичъ (Горчаковъ) благодарите Бога ревностью къ службѣ вашей, великой императрицѣ, и въ моральномъ видѣ будьте моральны.

Что дитя читаетъ, шьетъ, вяжетъ и для здоровья прыгаетъ, гуляетъ, за рапортъ благодарность П. Гр — чу (Корицкому).

Дмитрія Ивановича (Хвостова) поздравляю съ наслѣдникомъ Магометовымъ; желаю скоро поздравить съ Наташею въ отцовскомъ домѣ, хоть бы тамъ, батюшка, мѣсяца два ее не видалъ, да сердце его будетъ спокойно. Ай-да душа моя, Наташа, поѣзжай на корабликѣ, то-то тамъ весело кататься и вездѣ тамъ кошечки; какихъ же у насъ ловятъ прекрасныхъ лососей живыхъ. Я въ пятницу пишу, а ты въ пятницу хотѣла поѣхать къ графинѣ Натальѣ Володиміровнѣ; вотъ приходитъ въ одинъ день, и въ самый тотъ часъ, какъ ты гдѣ-нибудь кушаешь, и мнѣ пора кушать. Много писалъ, глаза будто въ стеклышкахъ, что на носъ надѣваютъ. Божіе благословеніе съ тобою! Поцѣлуй за меня тетушку.

2.

Кюменгородъ, ч. 19-го іюля 1791 года.

Судите вы, Дмитрій Ивановичъ (Хвостовъ) сами: надобна ли иногда сія цидула, чтобъ мѣсто добраго слова не было огласки; знаетъ кн. П. Н. Долг.: вотъ пунктъ моего кораблекрушенія.

Petites causes produisent les grands événements — пишите ко мнѣ о слухахъ, новизнахъ, малыхъ происшествіяхъ, правящихъ часто жребіями; чрезъ моихъ курьеровъ мнѣ вѣрно доходить будетъ.

Крейсованье за вѣтромъ не состояло, я не былъ.

Душа моя, Наташа, здравствуй; я безъ тебя очень не веселъ; лишь бы ты была съ тетушкою, Христосъ съ тобою!

3.

Ч. 19-го іюля.

Между нами: вы знаете у меня больше всего на сердцѣ благонравіе моего невиннаго ребенка, при высоч. милости, только-что ей пока жить въ отцовскомъ домѣ, у ея двоюродной замужней сестры. Дойдетъ до васъ, будь ваше доброе слово.

4.

Кюменгородъ, ч. 20-го іюля 1791 года.

Сонное суевѣрство. Нѣчто о томъ слыхали. Нынѣ я видѣлъ, потерявши, отыскавши Наташу, въ присутствіи вел. гет. съ 5-ю Мальтицовыми дѣвицами на ряду калмыковатую съ горбомъ, такъ что разсмѣялся.

Поди, поди гетманъ,
Казакъ твой на арканъ,
Ты Терзиту подобенъ.
Магя пошлетъ Геркулеса,
А ты пошлешь Зевеса,
И Царь-Градъ вамъ покоренъ.

Г. Н. І. С. (Салтыкова) сынъ... Тупой отвѣтъ, — для чего не помолвка, сговоръ, обручанье: отложить года на два; холодный отвѣтъ: почиваетъ тутъ цѣль! К. П. Н — у здѣсь особо не пишу, будьте съ нимъ откровенны. Какая? Ускромя, г. А. П. (Шувалова) Гет. и сераль — Боже соблюди!

Между тѣмъ не въ оковахъ, въ ласканіи: чужіе краи — и то временить.

Не слышу, отсутственъ, предвижу обновившуюся возрастшую силу, Перунъ въ рукахъ, кто не припадетъ? Летитъ моя глава....

К. П. Н. (Долгорукой) ясно пишетъ; пишите и вы, всякой свои мысли.

Ни пропозиція, ни докладъ, рѣшимо судить: я далеко.

Безъ сочиненнаго, не загадкой, чисто: знакомымъ — ласково.

Г. П. Ал. С — ъ съ отвѣсомъ, твердъ, мнѣ усерденъ.

У П. А. (Зубова?) длятъ, избираютъ время, у гет — а (гетмана) все секунды.

Всѣ мои письма, къ кому бы ни были, лично вручать — кто бы ни былъ. Кор. иной вѣрный.

Здѣсь скоро не кончится, до разоруженія, позже и недовѣдомо. Отлучка—простужаетъ; власть коварству, крамолѣ—невозбранная. Но гдѣ-жъ Наташа? Утверждена ли у васъ, что за препятствы? Пріятное обличается само собою, непріятное поспѣшно объяснять для мѣропріятіевъ. Малыя причины рождаютъ великія приключенія.

Цѣлую тебя, Наташа!

5.

Кюменгородъ, ч. 22-го іюля 1791 года.

На письмо ваше сего отъ 19-го ч. Я бы очень желалъ получать ваши политическія газеты, какъ онѣ меня въ здѣшней глуши непре-

мѣнно интересовать должны; письма вѣроятно доходятъ; и догадки руководствуютъ хотя бы и сумнительно. Нужнѣе непріятное извѣстіе для предодоленія, нежели пріятное — для утѣшенія. Но

Съ Наташею не рѣшено. Боже мой! что такое? Крушусь....

Сегодня празднуемъ въ Роченсальмѣ.

Н. П — ъ и то. К. Н. В. Реп — у при 1-мъ классѣ. Одного желаю истинно такого-жъ и другого, токмо не по зависти, ниже ревнованію моему, но по таковымъ въ титлѣ ближняго и публики вкупѣ съ успѣхами Ив. В. Гуд — а не навлекаетъ ли мнѣ то упадокъ?... Какъ особливо мнѣ здѣсь скучнѣе и тяжелѣе тамошняго. Отъ П. Г. Кор(ицкаго) тоже получилъ и лишь о здоровьѣ.

Любезной Наташѣ благодарность за письмо и благословеніе Божіе!

Письмо къ П. И. Т. (Турчанинову) по казенному — отвезетъ и курьеръ.

Е. в. церв — ъ (цесаревичъ) ко мнѣ милостиво своеручно писать изволилъ.

К. П. Н. Д. (Долгорукому) мое почтеніе; письма нынѣ отъ него не было.

6.

Роченсальмъ ч. 4-го августа 1791 года.

Придворный лакей, г. Людвигъ, человѣкъ женатый, въ Царскомъ-Селѣ, получалъ отъ меня въ недѣлю 5 руб., добрый и умный человѣкъ; хорошо бы его имѣть домовымъ пріятелемъ. Здѣсь ему на домашніе расходы въ титлѣ несвиданья мѣсяца 25 руб. (коли не мало), и принялъ бы.... Такъ и впредь были бы мѣсяцы (не надобно ли что милое и бывшимъ у меня истопникамъ?)

Вправду, не пошлете-ли оду к. Н. В. Р. (Репнину)? Тѣмъ пѣиты утверждаютъ въ патріотствѣ. Какъ думаете?

Въ Тоузаковѣ мнѣ здѣсь крайняя нужда, какъ слабъ, далъ бы ему здѣсь полный покой.

Наташа! мѣсяцъ — что уѣхалъ — мнѣ казался одинъ годъ. Я очень сожалѣю, что тебя, душа моя, такъ весьма долго время тебя не видалъ и дядюшку и тетушку, Христосъ съ тобой!

Адресъ: «Его высокоблагородію, милостивому государю моему, Дмитрію Ивановичу Хвостову».

7.

Кюменгородъ, ч. 6-го августа 1791 года.

Что за слухи? Будто подъ Мачиномъ наши потеряли нѣсколько сотъ больше — это не важно; притомъ, что визиря тутъ не было. Турки послѣ перешли Дунай въ Валахіи. К. Г. А. (Потемкину) по-

велѣно аттаковать визиря въ Шумнѣ. Дошло, что у него 12 мил. въ Гол. С.-П.-Б. долги заплатить изъ казны.... Такіе и подобные интересуютъ. К. Н. В—у Р—у, какъ патріоту, желаю блага.

Буде тѣ не милост. извѣстія отъ к. Г. А—а, то неколи имъ поспѣть. Я ближе къ Россіи, Кор. (Корицкій) къ его хутору; я окованъ Наташею, онъ раскованъ и сестрами, честь его иногда въ хорошемъ слогѣ и тонѣ. Переселится Наташа до моего возврата; докладъ его мнѣ поздъ, хотя бы онъ былъ и для ускромленія мнимаго беззаботія, и мечтательно препятствіе мое. Она въ бурѣ безправна? Вы и онъ съ нею нѣсколько часовъ, прочіе на клавикорды и Рылѣевыхъ. Кто при дворѣ мнѣ отзывается зложелательнымъ? Надобно ихъ имена мнѣ знать для ежевременныхъ предосторожностей, и чтобъ не принять ель за сосну.

Вотъ недѣля, что я отъ васъ ни строки не получалъ. Уже нѣтъ ли непріятнаго? но и сіе должно вѣдать скорѣе пріятнаго. Обнимаю васъ.

Для домашняго здѣсь Тоузаковъ мнѣ необходимъ. Никого нѣтъ. Курисъ не здоровъ и вовсе ускромился.

Любезная Наташа, Божіе благословленіе съ тобою!

Адресъ: «Его высокоблагородію, милостивому государю Дмитрію Ивановичу Хвостову».

8.

Кюменгородъ, ч. 8-го августа 1791 года.

На послѣднія ваши, но и на всѣ, хотя зрѣло разсуждать; токмо полно, тяжело за отлучкою; догмы на противостоянія требуютъ ежевременнаго частнаго раздробленія, для мгновеннаго по сихъ производства, подобно какъ фортуна на быстромъ лету имѣетъ на лбу длинные волосы—лови, затылокъ голъ—не поймать.... К. П. не о К. К.—К. Г.—это малость, на сихъ патріотъ не стой, иди далѣе, онъ колоссъ! Непріятно, слухъ уменьшаетъ побѣду к. Н. В. Р—а, перевѣсу нѣтъ; армія побьетъ визиря—онъ генералиссимусъ; Г. А. Г. О. Ч. [1]), Ѳ—ъ паче какъ миръ, г. А. А. Б—о (Безбородко) канцлеръ, вотъ и тріумвиратъ... Хотя бы того не было, но возможное (письма мои не ввѣряйте, отберите изъ нихъ читать—сказывать), тогда коли связны—опрокидываютъ, разгласны—колеблютъ. Колоссъ сей власть свою держать долженъ и еще по правилу, что не возрастаетъ—упадаетъ; Перунъ его грозитъ, его рогъ изобилія привлекаетъ. Какое-жъ средство? Надеждою питать.... Титла безъ власти или съ уменьшеніемъ ея, чинъ страшенъ! Хотя бы к. Н. И. С. (Салтыковъ) принялъ по

[1]) Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

побѣдѣ надъ визиремъ, хотя бы тогда к. Н. В. Р. и Ѳ—ъ не удержитъ балансъ, въ существительномъ развѣ, въ лицемѣрномъ патріотствѣ, что еще опаснѣе, нынѣ обузданъ его самолюбіемъ и ложнословіемъ мачинской побѣды, которою мечталъ миръ! Буде унизилъ к. П. блистаніе дѣла, сколько-жъ онъ слабъ протягать сію.... По побѣдѣ надъ визиремъ, чѣмъ далѣе к. П. (Потемкинъ) пойдетъ, тѣмъ опаснѣе; я помню дерскій приказъ—арнауты принадлежать гет—й булавѣ. Онъ имѣетъ инсигніи донскихъ и иныхъ казаковъ; его поминаютъ за выносомъ безъ синода, съ прибавленіемъ его арміи военной; газетчины даютъ ему І. Я легкій временщикъ, и для него прахъ, развѣ быть въ такъ-называемой его арміи помощникомъ к. Н. В. Р. Какое-жъ было бы мнѣ полномочіе? вогнавши меня во вторую ролю, шагъ одинъ до послѣдней; я милости носилъ, но былъ въ ссылкѣ и прописаніи, не говорю общемъ отдаленіи и странствованіи въ чужихъ краяхъ.

Твердый дубъ падаетъ не отъ вѣтра или самъ, но отъ сѣкиры. Здѣсь колебался к. П., тамъ к. Н. В. Р. далъ ему новыя силы, такъ чтобы лучше вовсе не было Мачина. О предградѣ къ предосторожности упомянулъ выше.

9.

Г. А. Р. В. (Воронцовъ) твердъ самъ и въ совѣтѣ, но долженъ быть усиленъ.

П. В. З. (Завадовскій) добръ въ софизмѣ и сцептикъ, мало догмы. Н. Н. Р. З. забрызжетъ. О другихъ противостояніяхъ к. П. ищите въ прежнихъ моихъ письмахъ, хотя во всемъ спѣши по малу; но ожидать отъ времени тожъ, что давать голову въ петлю.

И засыхаетъ роза! ежели съ сыномъ г. Н. И. (Салтыкова) отложено, не довольно ли? На что было надеждою питать, что останется тамъ, гдѣ я въ С.-П.-Б—ѣ живу, и не видно ли, что я годенъ, но равенъ г. М. П. г. Б. г. Ч—у. У васъ постигнуть можно причины, опишите: мнѣ ихъ, не дѣло мое до такъ-называемой точности, чѣмъ тупозрачность покрывается. Берите происходящее съ худой стороны. Но я еще и не г. адю—тъ; видите меня готовымъ быть Наташу отдать Б. Малт—ѣ (Мальтицѣ) безъ шуму, какъ казнили въ Бастиліи; но при возвращеніи двора въ С.-П.-Б., страшась безнравія, будетъ г. Н. В—а присмотръ надъ ей, какъ былъ до моего возвращенія, которое скоряе и соверши Господь Богъ! М. Б. (Богородицы) подъ покровъ; писать мнѣ для Нат. себя облегчать, я безъ того пишу. Хотя П. Г. Кор—у (Корицкому) я благодаренъ, но остатки его гибкости цвѣтутъ ко вреду. Для Наташи предлогъ болѣзни, коли и то кстатѣ.

Постигнуть: 1) препорученія мнѣ здѣсь прибавляются; 2) стремглавное мое сюда подъ праздники удаленіе (давно Г. А. Г. О. Ч. (Орловъ-Чесменскій) со мною одну штуку игралъ).

Все таковое мнѣ надобно безъ ублаженія знать для мѣропріятіевъ къ разрушенію тайнаго подкопа.

Здравствуй, любезная Наташа!

П. А. З. (Зубову) о докладѣ.... вѣжливый отказъ. На что было томить? Но, о! Катонъ, смотри глубину. Боже! истина въ маскѣ, тотъ же Стиксъ по степенямъ. Таже Мальтицъ, тоже мѣсто, тѣже обстоятельства. Тотъ же Барят. (Барятинскій) — к. Г. А. (Потемкина) наперсникъ, и никто иной, какъ онъ нынѣ переселіемъ дѣйствуетъ. Судите физику вещи, у васъ — одно, у К. Г. А.—101 орудіе. Особа та, что меня отравляла, 3-жды 3 раза его орудіемъ моего ниспаденія. Онъ властъ имѣетъ ихъ испытывать, перемѣнять, пріобрѣтать новые, и стыдъ до него коснуться не смѣетъ. К. Ухт. и иныя — дѣти; глаза болятъ, повѣрить не кому. Тоузакова еще нѣтъ изъ благодарности. Корицкій приѣзжайте разговѣться къ Успнѣнію на словесность; не будьте только угоднымъ, но полезнымъ, постигайте лучше нежели по дохмат. Мон. напускѣ съ Вас. Степ. (Поповымъ) и докладѣ Малт., вотъ какіе плоды мое геройс.... Не явилась ли лесть? Удаленъ отъ двора и контрастъ скрытъ онъ гоненія — освѣчено ли! и далеко ли отъ уподобленія ссылкѣ Астр — й (Астраханской)? остается въ недоумѣніи, но заскромдятъ и того хуже. Въ штилѣ я разума не чту, сдѣлай по моему.

Наташѣ и тетушкѣ покорнѣйше благодарю за вишеньки.

Та тетушка и Мальтица съ ея дѣвицами право ничего не значатъ, только умѣть съ ними управляться; первая спроста, желательно, чтобы была объяснена, и что все то для новиціата; какъ она добронравна, вторая-жъ дряхла, безнравна и труслива. Неужли меня съ Рылѣевымъ поровняютъ? но и по галломаніи тѣ дѣвушки взрослыя, себя разумѣютъ и моего ребенка орѣхами замечутъ. Опять Корицкій, по его-то—въ красные разсказы, по моему-жъ—примѣчаніе для дѣйствія.

Нэ нашэ дiѣло що входыты якъ хочэ, може южъ самъ скоро будэ А. М. Т.

У него какой мусіе на головѣ созжетъ вержетъ. Не то спалыть.

И мнѣ то диво, Г. Н. И. (Салтыковъ), предназначившемуся въ родню, какъ стерпѣть, чтобъ Мальтица ѣздила съ нѣмкою! тогда и дочь мнѣ не дочь.

10.

Сакенъ — къ Суворову.

(Переводъ). Ваше сіятельство! Графиня живетъ съ ея кузиной, что возможно, пока двора нѣтъ здѣсь, но коль скоро онъ вернется, нѣтъ никакой причины ея удерживать. Вы знаете, какими красками росписывали враги ваши поступки, когда вы требовали ея возвращенія. Самолюбіе—вещь щекотливая, и вы умѣете щадить даже частныхъ лицъ; впрочемъ, уже нѣтъ здѣсь того человѣка, который могъ бы бросить на васъ тѣнь; поэтому мой совѣтъ былъ бы: дѣйствуйте съ большею деликатностью. Нужно, чтобы графиня была уже при дворѣ въ тотъ день, когда императрица вернется въ городъ. Что миръ заключенъ—это вѣрно, и поговариваютъ о поѣздкѣ двора въ Москву для празднованія его. Этотъ случай не самый ли удобный изъ всѣхъ, какіе только можно было придумать, чтобы оставить графиню тамъ? Всѣ приличія были бы соблюдены, а невинность ея навсегда ограждена отъ всякаго преслѣдованія.

Г. Тоузаковъ дѣйствительно боленъ; онъ отправился за 30 верстъ, чтобы полечиться. Признаюсь вамъ, что въ вашемъ домѣ не дышатъ здоровымъ воздухомъ. Онъ соединяетъ нечистоту съ многими другими непріятностями. Я знаю, графъ, что вы, по своей скромности, всегда предпочитаете хижину мужика дворцу князей. Великій мужъ славится добродѣтелью; но я знаю, какъ много вы любите чистоту,

---

(Подлинникъ). Monsieur le comte! La comtesse demeure avec sa cousine, et cela passe autant que la Cour n'est pas ici; mais aussitot qu'elle revienne, il n'y a aucune raison à donner pour la retenir. Vous connaissez les couleurs sous lesquelles vos ennemis avaient peint votre démarche lorsque vous la redemandiez. L'amour-propre est une chose délicate et vous savez ménager même celui des particuliers. D'ailleurs l'homme qui pouvait vous donner de l'ombrage n'est plus ici. Mon avis est donc, qu'il faut agir avec la plus grande délicatesse et que le jour que l' Impératrice rentre en ville, la comtesse soit déjà à la cour. La paix est sûre et on parle déjà du voyage de la Cour pour la célébrer à Moscou. Cette occasion ne serait-elle pas la plus heureuse que toutes celles qu'on aurait pu imaginer pour faire rester la comtesse là bas? Toutes les convenances seraient gardées et son innocence mise à jamais à l'abri de toute atteinte.

M-r Tousakow est réellement malade; il est allé à 30 verstes d'ici pour se retablir. J'avoue que votre maison n'est pas un endroit où l'on respire un air sain, elle réunit plusieurs désagréments avec la plus grande malpropreté. Je sais, Monsieur le Comte que Votre modestie naturelle vous a fait toujours préférer les cabanes des paysans aux palais des princes. Un grand homme brille

она эмблема вашего нрава. Хотите, чтобы сказалъ, что вы переносите эти вещи, столь противныя вашему характеру, только потому, что онѣ вамъ мало стоятъ. Вамъ поручаютъ новые труды, потому что очень рады найти человѣка, такъ хорошо и дешево ихъ выполняющаго. Это только дальнѣйшія приготовленія къ предвидимой войнѣ. Но ежели хвалятъ ваше безкорыстіе, то въ то же время и обвиняютъ васъ въ томъ, что вы не платите солдатамъ. Смѣю напомнить вамъ нѣмецкую пословицу, извѣстную всему міру, отъ хижины и до престола, даромъ одна смерть. Вашей справедливости и добродѣтели должно быть больно слышать, что говорятъ, что вы хотите пріобрѣсть себѣ заслуги насчетъ тѣхъ, которые служатъ вамъ орудіемъ. Графъ Салтыковъ принялъ меня милостиво и обѣщалъ свое ходатайство, и слѣдуетъ ожидать какого бы ни было послѣдствія. Впрочемъ, всегда буду сочувствовать вашимъ благодѣтельнымъ намѣреніямъ, и имѣю честь быть съ глубокимъ почтеніемъ и истинною привязанностію и проч. Сакенъ.

Петербургъ, 11-го августа 1791.

11.

Суворовъ—Хвостову.

Августа 12-го дня 1791 г.

Милостивый государь мой, Дмитрій Ивановичъ! Спасающійся шведскій поручикъ Карлъ Іоганнъ Гардингъ слѣдуетъ въ С.-Петербургъ,

---

par ses vertus, mais je connais aussi le cas que vous faites de la propreté; elle est l'emblême de la pureté de vos mœurs. Voulez-vous qu'on dise que vous ne souffrez des choses si contraires à votre caractère, que parcequ'elles vous coutent peu?

On vous charge de nouveaux ouvrages, par ce qu'on est charmé de trouver un homme qui s'en acquitte si bien et à si bon marché. Ce ne sont que des précautions lointaines et nullement amenées par la probabilité d'une nouvelle guerre, mais si on loue votre désintéressement on vous donne aussi des torts, de ce que vous ne payez pas les soldats. J'ose vous rappeler ici ce proverbe allemand, dont on est pénétré d'un bout du monde à l'autre, depuis la cabane jusqu'au trône: umsonst ist der Tod. Votre justice, votre générosité doivent être blessées à entendre dire, que vous voulez vous faire mérite au dépend de ceux, qui vous servent d'instruments. M-r le comte Soltikow m'a reçu avec bonté et m'a promis sa protection; il faut en attendre le résultat. Tel qu'il soit, je serai toujours pénétré de vos intentions bienfaisantes et j'ai l'honneur d'être avec les sentiments de respect et d'attachement dont ma franchise fait foi Monsieur le Comte de Votre Excellence le très-humble et obéissant serviteur Sacken.

Pétersbourg, le 11 Août 1791.

котораго не оставьте принять ласково и благосклонно, какъ ищущаго покровительства. Когда захочетъ остаться, дать квартиру и столъ, какъ и иныя выгоды. „Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій".

12.

Суворовъ — Н. И. Салтыкову.

Кюменгородъ, ч. 17-го августа 1791 года.

Милостивый государь мой, графъ Николай Ивановичъ! Съ симъ славнымъ миромъ васъ поздравляю! Свидѣтельствую Платону Александровичу (Зубову) мое почтеніе.

Ни о женихѣ — что рано, ни о богатствѣ, ни о свѣтскихъ просвѣщеніяхъ моей дочери не мышлю, но о одномъ цѣломудріи; не она — но оно дороже мнѣ жизни и собственной чести. Всегда съ совершеннымъ почтеніемъ, дружбою и преданностью и проч. „г. Александръ Суворовъ-Рымникскій".

13.

Суворовъ — Хвостову.

Кюменгородъ, (августа) ч. 20-го 1791 года.

За письмо сего отъ 17-го ч. князя Петра Николаенича (Долгорукаго) покорно благодарю, съ дружбою и почтеніемъ. Очень недосугъ; вчера мы праздновали миръ на Орлиномъ острову.

Любезная моя дочь Наташа, Божіе благословеніе съ тобою!

И ваши 17-го ч. „Не слушайте сихъ пріятныхъ грековъ съ волнистой бородой и украшеннаго юностью", говорилъ Катонъ; сенатъ ему насмѣялся, ими изумленъ и обманутъ. Кор. (Корицкаго) красный слогъ подобенъ; къ тому-жъ, загадкой извлечетъ слова равно къ вреду или пользѣ, дастъ ему отвѣсъ, назоветъ совѣтомъ и умоетъ руки. Шествуйте одною стезею благоразумія вашего, на мѣстѣ вы постигли выше моихъ предвидѣніевъ.

Извлечь изъ дворца Наташу. О! ежели Господь Богъ въ томъ препособилъ! худо. Б. Сакенъ не назвалъ мнящихъ особъ, буде К. И. Сакенъ, то суперфино г. Г. А. Ост. (Остенъ) околоденъ, жена его въ нимфоманіи; г. Н. И. С. (Салтыковъ) правимъ женою; ея гороскопъ, при вступленіи ко двору первые три дня первая, вторые три дня — въ войнѣ со всѣмъ дворомъ и придворками. Упряма — въ своенравіи, въ цѣломудріи — непорочна.

Душа моя, Наташа! очень тебѣ благодарствую за гостинцы и покорно кланяюсь тебѣ, дядюшкѣ, тетушкѣ и Софьѣ Ивановнѣ; отъ нихъ и отъ нее тверди уроки о благонравіи.

Къ полезнымъ угодностямъ какъ лучше ж. н. х. (жениха?), что не разглядитъ Аполлона и Меркурій на крылошкѣ подхватитъ. О! какъ же гнусно... Я радъ, что теперь пролицъ, знать выписался прежде.

Увы! бурная погода отбиваетъ отъ работъ, вѣтеръ ушибъ человѣка и 5. в. (верстъ) идти осушаться; ужасно боюсь....

Изъ сего и сихъ всегда открывайте, кому что надлежитъ. Влагая, обращаю для соображеніевъ.

14.

Роченсальмъ, ч. 7-го сентября 1791 года.

Сего числа, въ темнѣйшую полночь, выступалъ я къ Рымнику, отчего и ты, Наташа, Рымникская; я весьма благодарствую, что ты твоему бѣдному офицеру отдала для гостинца; ежели послѣ такъ будешь думать и дѣлать, то Богъ тебѣ станетъ давать два гостинца, такъ и тетушкѣ. Мы вчера кушали первую салакушку, такая жирная; дождь идетъ, камни стрѣляютъ, какъ изъ пушекъ, бревна ломаютъ, сортія упала. М...шій вы можете быть Лизандромъ, я не великій царь. Рибасъ лучше въ Италію, нежели принять на себя, Сам. не знаетъ, Лаш. не смѣетъ, вотъ возрастъ страшнаго наставленія, ужаснѣе $^{6}/_{12}$ цѣпь на духъ достойнѣйшихъ? Страдалъ я при концахъ войны: прусской — проигралъ старшинство, Польша — бѣгъ шпицрутенной, прежней турецкой — ссылки съ гонорами, Крымъ, Кубань — проскрипціи; нынѣ благотворностью Провидѣнія, наставленіевъ (К. П. Н (Долгорукому) примѣтьте силу слова) чуждъ. Но каково вамъ это и мнѣ? мнѣ не уѣзжать... Строгое правило, данное мнѣ самому отъ меня самого, толико я здѣсь долженъ быть обязанъ и будущій годъ больше настоящаго; се вамъ судьбы непорочныхъ въ должностяхъ; токмо П. І. Т. (Турчаниновъ) разумѣлъ бы уѣзжать, не есть отъѣзжать, такъ и вы! который для Наташи второй батюшка при милости тетушки ной и доколѣ—такъ—дворецъ ей не мѣшаетъ, при правилахъ вашихъ. Съ письма у меня копіи нѣтъ. Всевышняго благодарю за благопріятіе.

15.

Кюменгородъ, ч. 10-го сентября 1791 года.

По тяжкой работѣ пишу; противъ 20-го числа буду въ Вильманстрандѣ, и ежели сюда на краткое время не обращусь (повѣртесь съ П. И. Т—мъ) по Роченсальму, ѣду въ Нейшлотъ — куда не пишите, и Господь Богъ съ вами и Наташей до нерапняго свиданія въ С.-П.-Б., коли тѣ-жъ обстоятельства будутъ; окружнымъ сюда мимоѣздомъ! Правой характеръ Г. Н. В. очень милъ. Порученіемъ мнѣ финл — й див. поспѣшитъ; я отъ нея могу откомандированъ быть

всюду, но въ ней мнѣ будетъ пристань; вспом. К... отличенъ и пріятенъ, токмо не когда Мирабо въ Лифл. мнѣ давалъ летучей и проскриптировалъ, и г. Бр. Г. О. Р., и кого хотите мнѣ препоны, они лучше уступятъ достоинству родства и свойства, нежели достоинству моихъ испытанныхъ качествъ. Для Россіи-жъ хоть трава не расти. Не знаю, какъ к. П. Н. (Долгорукой) вы ли? Сіе у г. Н. И. (Салтыкова) предостеречь и сколько должно въ томъ же П. И. Т. (Петрѣ Ив. Турчаниновѣ) для котораго:

Какъ въ бакховомъ соку Тразибулъ утопясь,
Какъ въ креслахъ висковыхъ сей Іонсонъ углубясь,
Какъ бабочка весной летитъ изъ розъ въ лилеи —
Такъ форты, Роченсальмъ, мнѣ ложи и постели.

Г. Н. И. остерегать г. инспекр — а, чтобъ (хорошо бы для к. П. Н.) безъ Выс. в. къ реформамъ не приступать. Генераловъ рогомъ изобилія не прижимать и Перуномъ не кассировать; довольно ему пол. инструк. въ титлѣ главы повелителя; въ гл — хъ повел — хъ означать высоч. пов — я, наставленія... описывать въ какихъ правилахъ, дабы ясно различіе видно было между ген — а и корпорала и неопрокинуть вовсе субординацію (предпочтеніе) съ ней и дисциплину; иначе гоцъ-гоцъ. Безъ регулъ и принципіевъ — не диспозиція, а прибаска, загадка, кою пусть угадываетъ самъ. По журналу дѣйствія видны; я далъ Кинбурнской — затаенъ — изъ него родилась грамата, иныхъ нѣтъ, развѣ урывками. О, о моей граматѣ — не принимайте и забудьте, будетъ какая нелѣпая (какъ г. А. А. Без.; о вензелѣ Наташи не упоминайте, будетъ вязать обѣщаніями), влагаю ей лучше замѣну къ прочимъ для моей у васъ шкатулы.

а) Одной рукою онъ въ шахматы играетъ,
а) Другой рукою онъ народы покоряетъ;
Одной ногой разитъ онъ друга б) и врага,
б) Другою топчетъ онъ вселенны берега б).

а) Изъ автора „Россъ въ Измаилѣ“.
б) Удаленіе въ деревни
б) 1 шагъ 50 верстъ } Автору Гоцъ-Гоцъ.

16.

Вильманстрандъ, ч. 20-го сентября 1791 года.

Соображая Г. Н. В—ѣ для текущихъ обстоятельствъ, съ ея покойнымъ братомъ К. Вас. Сем. на франкфуртской бат — еи скачетъ по полямъ, ищетъ лебедку. Самъ Господь правитъ арміею; на слѣдующій годъ безъ команды свиститъ К. П—а (Потемкина) и абшидъ, но безъ ея капри-

зовъ: мущинѣ-жъ — скромность, женщинѣ — притворство. Еслибъ мнѣ быть Ком. вспом. К — а не проникло бы или то была летучая прибаска, а той замашкой хотѣть меня въ С.-П-Б., то для чего-жъ я не г.-адъ — ть [1]), какъ то почиталось не мудреннымъ? Могло бы то мнѣ пріобрѣсти перемѣну моего отъ періода ж. н. х. плана, иначе я только буду мартышкинъ каштанный котъ. Что-жъ я до сего выигралъ кромѣ временностей, правда, къ пользѣ доказалъ мои качества; но непріязненнаго мнѣ к. П. сдѣлалъ или вѣчнымъ злодѣемъ или обратиться мнѣ паки къ нему въ сателлиты, послѣдуя всѣмъ прочимъ до единаго, и въ обоихъ видахъ ждать гибели... Г.-ад — мъ и въ непріятномъ положеніи оплечился бы я съ г. Анг — мъ. Между тѣмъ знаю, что Г. Безб. мнѣ сюда предграждалъ, такъ нынѣ, по наказу к. П.: „дивизіею неугодить его обременять, онъ потребенъ на важнѣйшее". Онъ же: П. И. Т — у ему давно Финлд. див. опредѣлена. Какъ терминъ давно (съ весны) стоитъ въ письмѣ его: Vague incertitude, которою сей угодствуетъ, а г. Н. И. [2]) не разумѣетъ. Мѣсто того, что поднесть только указъ мнѣ-то Брюсу, то означая вступающіе полки хоть бы вѣкъ не вступили, какъ то всегда въ росписаніяхъ к. П. Буде-жъ генерально росписанія сдѣлать рано или нельзя, то частно означить для насъ двухъ, претекстъ истинный — мое здѣсь управленіе. Безб. повременить лучше съ Губствомъ отводъ; всѣ здѣшніе, кромѣ Бр — а Ком — а не были Губ — и, и въ семъ одномъ лицѣ прилично временить — не въ двуличіи, въ чемъ Безб. изобилуетъ и въ покровѣ простоты Зав. (Завадовскій) его замѣняетъ. Я или на сутки съ оборотомъ поѣду къ Роченсальму или дни черезъ три прямо въ Нейшлотъ; но положеніе мое такъ странно, что мнѣ почти хоть миновать С.-П.-Б. или и воспятить могутъ. Прости Наташа! Правда, теперь она у мѣста, тяжелъ присмотръ и пріятенъ благотворствомъ. О! коли-бъ ж. н. х.... развѣ сынъ г. А. С.? Не разумѣю, предметной на облакахъ или орудіемъ связи.

На оборотѣ адресъ: «М — му государю моему, Дмитрію Ивановичу Хвостову. Въ С.-Петербургѣ».

17.

Кюменгородъ, ч. 25-го октября 1791 года.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ! Гостяпріимца, пріятеля моего Антона Ефимьевича Ната поручаю въ дружбу вашу; прошу оказывать ему ласковость, и платить хлѣбомъ-солью. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и проч. „Г. Александръ Суворовъ-Рымникскій".

---

[1]) Генералъ-адъютантъ.

[2]) Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

18.

26-го ч. октября.

Еще мнѣ не очень досугъ васъ, Дмитрій Ивановичъ, съ любезною Наташею видѣть; будетъ высоч. день 24-го ден.; развѣ сами пожалуете ко мнѣ на салакушку, чтобъ я спросилъ, зачѣмъ Богъ принесъ? Man muss in seinem Vornehmen richtig seyn [1]).

Благодарю за письмо, радуюсь что здоровы.

19.

Вильманстрандъ, ч. 30-го октября 1791 года.

Быть такъ, удосуживаюсь, чуть хоть на сутки на Михайловъ день, къ Высочайшему-жъ (дню) подолѣ. О, ежелибъ новыхъ недосуговъ не сдѣлалось. Прости, Наташа, jusqu'à revoir. Покажите это Петру Ивановичу.

20.

Суворовъ — Турчанинову.

Кюменгородъ, октября дня 1791 года.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ! Я чистъ душею и сердцемъ предъ Богомъ и великой императрицей; совѣсть меня не упрекаетъ; никогда мой пріѣздъ въ С.-П.-Б. неподозрителенъ. Желаніе мое всегда пасть предъ освященнѣйшими стопами сей милосердной матери.

Развѣ не помните; оной мнѣ совѣтовалъ взять подъ Кинбурномъ полонъ, не понимая реляціи. На того-жъ пріемъ, какъ Леопольдъ Собѣйскаго, мой отвѣтъ памятью воздвиженіе его въ дѣткахъ отъ отца въ бригадиры, при природномъ титлѣ. Предъ выѣздомъ моимъ сюда осужали въ кампаніи невѣжды мою дисциплину и субординацію, полагая первую — въ кичливости, другую — въ трепетѣ подчиненныхъ. Дивизія здѣшняя одѣта полковниками; кромѣ исходящихъ сроковъ, я вижу много новыхъ мундировъ и донашиваютъ старые; къ неистовости противообразія прибавлю, что работные имѣютъ теплую казенную одежду. По нерегульной моей суточной жизни, кажется мнѣ, что я вчера съ вами разстался; непохвально тѣмъ частнымъ особамъ платить такъ мою службу и одолжаютъ меня, чтобы я требовалъ удовольствія. Кончимъ персональность, мѣшающую исправленіямъ; препобѣдимъ гидру новыми трудами.

Приступя къ пограничнымъ укрѣпленіямъ, облегчалъ солдатство, и, между прочимъ, кирпичи дорого покупалъ. Лѣтомъ, по увѣдомле-

[1]) (Переводъ) Надобно быть постоянну въ своихъ намѣреніяхъ.

ніямъ вашимъ, вошелъ я въ пріуготовленія сихъ матеріаловъ своими, и что утверждено; судите, ежели ямбургской кирпичь съ внутреннимъ только вдвое дороже своего.... Но уже то невозвратно, запасъ на него въ производствѣ и дрова кончатся до большихъ морозовъ, къ обжигѣ будутъ сухіе. Новикова известь была очень хороша, съ поставкою 1 р. 35 к., когда-бъ на то не явился Мерлинъ въ $72^{3}/_{4}$ к. или съ его подрядными дровами $86^{1}/_{2}$ к., знатный перевѣсъ противу и 1 руб. 20 к. къ одному берегу Новиковыхъ. Сколь благоразумно вы въ движеніе привели известь нейшлотскую, туда вы мнѣ уважали изнуреніе казны; полезныя мѣроположенія въ полномъ теченіи. Казна — нервъ государственный, соблюдаетъ тысячь 25, какъ донесетъ вамъ Штейнгель. На Роченсальмъ ассигнованіе на весь будущій годъ въ добавку только 47,582 руб. Скажемъ о Мерлинѣ, изъ оной суммы 18,582 руб. на известь повѣрить ему тѣ деньги хоть черезъ меня съ выборомъ казначея; послѣ чего вамъ отъ него затрудненія не будетъ, но отнесется ко мнѣ.

Прево, при его талантахъ, какой галломаніи не вѣрьте; при красномъ слогѣ не можетъ онъ знать россійскихъ обычайностей, какъ самъ признается.

Будьте дѣятельны, тверды и рѣшимы, какъ начали и орудіемъ успѣховъ овлажьте по пограничнымъ фортамъ; съ Кюменгородомъ они развалятся черезъ три года; подобное жребіе съ Роченсальмомъ; къ беззаконному невниманію мы одни въ порицаніи.

Нейшлотъ собою уже къ сему сближался, направлено; по его отдѣленности лишь бы Г. М. [1]) Неклюдовъ тамъ мѣсто меня пожилъ. Не уклоня какъ сдѣлалъ на одно обозрѣніе, вотъ въ чемъ таинствѣ препятство.

Быть такъ, предлога нѣтъ; Симанскій къ вамъ пріѣхалъ; но точно чрезъ семь дней долженъ ко мнѣ возвратиться въ Вильманстрандъ, гдѣ до него я буду ближе къ вамъ и нынѣ-жъ чрезъ укрѣпленія туда отправляюсь, какъ описанное происшествіе меня больше всего интересуетъ. Его дѣло только подвигнуть В А. Козляинова къ сочтенію для употребленія Мерлину транспортныхъ судовъ, и по ихъ грузу узнанія количества найма вольныхъ, которое, какъ не можетъ быть знатно, выходитъ почти въ одинъ рейсъ, взирая на предуспѣяніе въ извести. Въ смѣтѣ на мелкія по гавани суда 5,000, по симъ онъ премѣнится.

Какъ прозрачнаго человѣка въ пользѣ къ высочайшей службѣ васъ обнимаю! и буду съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый го-

---

[1]) Генералъ-майоръ.

сударь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга „Александръ Суворовъ-Рымникскій".

Примѣч. Письмо это и слѣдующее за симъ только подписано Суворовымъ. Ред.

21.

Суворовъ — барону Сакену.

Вильманстрандъ, ноября 2-го дня 1791 года.

Баронъ Фабіанъ Вильмовичъ! Я держалъ газеты нѣмецкія, гамбургскія, вѣнскія, берлинскія, эллангеръ, французскія: „Бареннъ", „Курье-де-Лондръ", варшавскія польскія, санктпетербургскія или московскія русскія, французскій малый журналъ „Анциклопедикъ Дебуліонъ"; нѣмецкій гамбургскій политическій журналъ. Канъ годъ въ исходѣ, и надлежитъ заказать на будущій новый, то покорно прошу вашего высокоблагородія принять сей трудъ на себя, съ тѣмъ, не изволите ли вы прибавить „Нувельэкстраординеръ", и по всѣмъ симъ вышеозначеннымъ газетамъ тѣ ли благопріимите или опредѣлите держать какія иныя — отдаюсь на вашу волю во всей моей покорности; тако уже извольте заказать хотя съ задаткомъ, какъ водится, и меня о всей цѣнѣ увѣдомить для немедленной отъ меня заплаты денегъ. „Г. А. Суворовъ-Рымникскій".

22.

Суворовъ къ дочери и Хвостову.

Вильманстрандъ, ч. 10-го декабря (1791 года).

Душа моя, Наташа, Божіе благословеніе съ тобою!

Гр. Н. И. (Салтыковъ). Знакомъ я съ нимъ 33 года, 2-й разъ холодность, хоть не разрывъ, а 3-й разъ боюсь; съ такимъ честнымъ человѣкомъ готовъ бы я былъ умереть. П. И. Т. (Турчаниновъ) совершенно съ г. Без. и сей сильняе всѣхъ близокъ будетъ къ Бестужеву, коль паче и по достоинству, и всѣ къ нему прильнутъ. К. Р. не уклонилъ ли уже парусъ; стеречься, чтобы подлинно Т. не навелъ мнѣ какого гнѣва, какъ онъ и нынѣ игралъ со мною обыкновенную свою музыку; чрезъ Трощин. Е. В. увѣрять долженъ П. А. З. (Зубовъ) о моей безпредѣльной преданности и весьма г. Без. менажировать. Вотъ что П. И. Т. Каковъ Кахо—ій [1]), я бы могъ сказать: слабъ, но ордонансъ у васъ и г. Без. въ корридорѣ! Кто ген.—пор. не на мѣсто ли? избавь Боже. Г. Н. И. по малой мѣрѣ есть видъ, и какъ внушить г. Н. И. не чрезъ К. П. Н. ли? или вы сами?... токмо-жъ и открыть ему

[1]) Каховскій.

мой возвратъ къ вамъ въ титлѣ со-не-пре-кращенія здѣсь работъ за полъ-января, и это правда. Я-жъ нынѣ къ Нейшлоту, и коли не чрезъ Кексгольмъ берегомъ на Шлиссельбургъ, то ажъ на Олонецъ, Ладогу въ С.-П.-Б.; что придетъ около и ниже 15 ч. въ Нейшлотѣ недосугъ на сутки и 12-го ч. у молебна. 13-го числа въ Сардовалѣ отъ васъ чрезъ Кексгольмъ, буде крайность. Иначе-жъ коли тутъ на 14 не будетъ вашей цидули, то я спокойнѣе буду гулять. Г. Без. и его пріятели мнѣ не были враги, и не такъ какъ П. И. Т., который нынѣ по службѣ былъ со мною исправенъ, по персональности-жъ весьма бывалъ вреденъ, даже до ссылокъ и удаленіевъ; но жаль г. Н. И., и коли мѣсто его креату—ра г. Без., то сему перемѣниться легко, какъ и душить добрыхъ людей, ему непріятнѣе вѣра на меня, что я ни во что не вмѣшаюсь.

23.

Нейшлотъ, ч. 12-го декабря 1791 года.

Прикажите запечатать, подписать; отвезете сами и деликатно увѣрите П. И. Т. (Турчанинова), что я ни мѣшать кому, ни вмѣшиваться во что не буду; но пребуду, сколько дозволитъ Богъ, при васъ спокойно, и поручаю Наташу въ Божіе благословеніе!

Съ г. Н. И. (Салтыковымъ) непремѣнно прежняя связь.... кромѣ; то-жъ съ к. П. Н. (Долгоруковымъ) сколько слѣдуетъ.

Г. А. А. Б. (Безбородко) не столько хитръ, но больше мудръ, какъ покойный, и не такъ предателенъ, при рѣшимостяхъ частыя прійдутъ двуличія, къ чему несумнѣнно склонны будутъ его креатуры; сіе то и опасно по воинскому департаменту, если его инфлюенція онымъ осилѣетъ; медлительнѣе Панина и слабозрачнѣе Бестужева, хорошо коли-бъ онъ остался Остерманомъ—отцемъ... Г. Н. И. [1]) лучшій на своемъ мѣстѣ правитель, и сатрапы подъ особливымъ начальствомъ.

Захаръ Константиновичъ (Зотовъ) честный человѣкъ, онъ пріятель Александру Лукичу, такъ тутъ ваша связь внушеніевъ: Е. В. хаст. съ Дмит. Прок. (Трощинскимъ) вообразительно, какъ отъ одного себя. П. И. Т. (Турчаниновъ) противъ твердости не устоитъ, розвязи съ нимъ быть не должно и иногда временить, хотя останется всегда опаснымъ.

Сорировака, Кексгольмъ, Шлюссельбургъ до васъ (верстъ) за 400 или 4 — 5 дней, т.-е. противъ 17 до 19-го ч. Г. Н. И. можетъ то знать, П. А. З. (Зубову) крайнюю привязанность.

Дѣйствуйте постоянно. Перехожу Рубиконъ.

---

[1]) Салтыковъ.

24.

Фридрихсгамъ.

Боже благослови Наташу на великій постъ!

И ты бы, сестрица, здѣсь съ тетушкою запрыгалась; я отъ Астрахани такъ не веселился, да и тово лучше; порядочнѣе С.-П.-Б. 101 разъ. Загавливаться и говѣть въ Кюменгородъ!

И. Л. Г. Кут—а письмо, и впредь такія распечатывайте. Г. Гол. часть не 300 душъ; по 242 р. и прежней суммы разсчетъ, такъ съ уменьшеніемъ ли? Декретъ вашъ. Деньги-жъ К. И. Р. сколько есть и будетъ, лучше нынѣ же въ банкъ для дохода.....

Легче мнѣ Роченсальмъ у П. Нас (принца Нассаускаго), лишь бы не было двугосподства. У меня вольнѣе Кюменгородъ для исправленіевъ къ сѣверу. Что-жъ Рибасова?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Кн. Италійскій гр. А. А. Суворовъ-Рымникскій.

МЫСЛИ ФЕЛЬДМАРШАЛА КН. ПАСКЕВИЧА

по поводу обороны и паденія Севастополя.

16-го сентября 1855 г.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ письмо генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, къ генералъ-адъютанту князю М. Д. Горчакову, диктованное камеръ-юнкеру С. Ѳ. Панютину (нынѣ тайн. совѣт.) 16-го сентября 1855 года.

«Послѣ паденія Севастополя князь Горчаковъ прислалъ къ покойному фельдмаршалу обзоръ дѣйствій своихъ со времени вступленія въ командованіе крымскою арміею. Фельдмаршалъ былъ тогда въ безнадежномъ состояніи, но, несмотря на страданія, онъ по прочтеніи записки, диктовалъ 16-го сентября 1855 года свои замѣчанія, которыя, какъ онъ говорилъ: «Рано или поздно займутъ мѣсто въ военной исторіи Россіи». Замѣчанія эти диктованы въ формѣ письма и приведены слово въ слово безъ всякихъ отступленій. Письмо это, по случаю усилившейся болѣзни князя, а затѣмъ его смерти въ 1856 г., не было отправлено по назначенію». Ред.

Я только что приготовилъ отвѣтъ на послѣднее письмо ваше, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, какъ получилъ другое, при которомъ приложенъ обзоръ дѣйствій вашихъ въ Крыму. Благодарю васъ за извѣщеніе и за откровенность.

Буду съ вами откровененъ какъ всегда, буду говорить вамъ по убѣжденію. Вотъ уже другой мѣсяцъ какъ я серьезно боленъ; желудокъ ничего не переноситъ, а потому я ослабѣлъ до крайности. Въ болѣзненномъ моемъ положеніи, я въ письмахъ къ вамъ не въ силахъ уже выбирать слова, чтобы смягчать иногда мою мысль; позвольте мнѣ писать такъ, какъ слова приходятъ для выраженія моихъ мыслей.

Думаю, что мнѣ теперь должно говорить то, что̀ моя опытность мнѣ внушаетъ. Простите, если иногда мысли мои не будутъ сходны съ вашими.

Поговоримъ сначала о вашемъ завидномъ положеніи въ мартѣ 1855 года, когда вы были сильнѣе непріятеля 20 или 25-ю тысячами человѣкъ. Отчего вы тогда не начали наступательныхъ дѣйствій, которыя при превосходствѣ вашихъ силъ могли бы имѣть счастливыя и славныя послѣдствія? Вы ничего не предприняли и смотрѣли только, какъ союзникамъ каждый день подвозили свѣжія войска. Словомъ, дали время имъ оправиться, опомниться послѣ убійственной зимы, уничтожившей болѣе половины англійской арміи.

Въ такой нерѣшительности вы простояли мѣсяцъ, и тогда уже было поздно помышлять о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Надобно было по необходимости ограничиться пассивною обороною Севастополя, которая, какъ вы пишите, была необходима для удержанія Австріи.

Отдавая полную справедливость русскому солдату, отстоявшему своею грудью, въ продолженіе 11-ти мѣсяцевъ, земляныя укрѣпленія, и которому, говоря безъ лицемѣрія, Россія единственно обязана безпримѣрною обороною, я однако не могу согласиться, что защитники Севастополя могли помѣшать 200 тысячамъ австрійцамъ вторгнуться въ Польшу. Нѣтъ, ваше сіятельство, не геройская оборона Севастополя остановила австрійцевъ, а благородная твердость короля прусскаго, великодушно забывшаго всѣ наши непростительныя насмѣшки и даже дерзости, которыя ему дѣлали въ 1848 году и послѣдующихъ годахъ. Еще намъ помогли наши крѣпости въ Польшѣ. Вы, безъ сомнѣнія, не забыли все, что мы съ вами писали и говорили, когда я, въ предвидѣніи сбывшихся обстоятельствъ, настаивалъ на необходимости постройки крѣпостей въ избранныхъ пунктахъ. Не для удержанія же только порядка въ Польшѣ согласился покойный государь издержать столько милліоновъ для сооруженія Модлина, Бреста, Ивангорода. Онѣ намъ необходимы какъ оплотъ въ случаѣ европейской коалиціи. Для Польши же во время мира, при энергическомъ правленіи, даже безъ Александровской цитадели, достаточно 30-ти тысячъ человѣкъ. Слѣдственно король прусскій и крѣпости наши въ Польшѣ, вполнѣ оправдавшія въ 1854 и въ 1855 годахъ свое назначеніе, спасли насъ отъ вторженія 200 тысячъ австрійцевъ.

Извините, ваше сіятельство, я отвлекся отъ предмета, но необходимо было изложить обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ они дѣйствительно должны быть представлены безпристрастнымъ историкомъ, который будетъ описывать событія нынѣшней войны.

Затѣмъ спѣшу возвратиться къ Севастополю. Отъ марта до славно отбитаго штурма вы потеряли передовыя укрѣпленія: Селенгинское, Камчатское, уступили непріятелю безъ выстрѣла Федюхины-горы и Байдарскую долину, гдѣ союзники, какъ въ обѣтованной землѣ, нашли

все, что до сихъ поръ имъ недоставало, т.-е. воду и траву. Наконецъ, когда подошли къ вамъ сильныя подкрѣпленія, вы вмѣсто того, чтобы маневрировать вдоль Черной рѣчки въ тылу непріятеля съ 50 или 60 тысячами и держать его въ постоянномъ недоразумѣніи на счетъ вашихъ намѣреній, что поставило бы его въ весьма затруднительное положеніе, рѣшились 4-го августа на дѣло несбыточное и пошли, такъ сказать, на проломъ (по-русски, на-авось) аттаковать позицію, которая, какъ вы сами говорите, сильнѣе Севастопольскихъ укрѣпленій.

Здѣсь рождается вопросъ: какія стратегическія соображенія могли васъ заставить уступить непріятелю Федюхины-горы? Вѣроятно, чтобы дать ему время укрѣпить ихъ, и когда они сдѣлались неприступными, идти на вѣрное пораженіе, зная, что всякая ваша попытка съ этой стороны, какъ мы сейчасъ же увидимъ изъ вашихъ же словъ, должна быть отбита со стыдомъ и съ большимъ уономъ.

Иначе никакъ не могу объяснить дѣйствій вашихъ подъ Черной, и при всемъ желаніи оправдать ихъ, дохожу, послѣ реляціи сраженія 4-го августа, до грустнаго убѣжденія, что оно принято безъ цѣли, безъ разсчета и безъ надобности, и что всего хуже, окончательно лишило васъ возможности предпринять что-либо впослѣдствіи.

Вы пишете: „Наступательное движеніе это, которое..... было необходимо для удовлетворенія общаго мнѣнія Россіи (точно Бородинское сраженіе было необходимо прежде отдачи Москвы!), я намѣренъ былъ сдѣлать съ большою осмотрительностію и только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на которыя, впрочемъ, мало разсчитывалъ, перейти къ дѣйствительному наступленію“. Приводя параграфъ сей слово въ слово, я дѣлаю нѣкоторыя замѣчанія. . . . . .

. . . . . .

Хотя Провидѣнію угодно было послать мнѣ конецъ мучительный, но я встрѣчаю смерть безъ страха и ропота съ увѣренностью, что соотечественники мои отдадутъ мнѣ справедливость, когда убѣдятся, что въ предвидѣніи всѣхъ несчастій обрушившихся нынѣ на Россію, и которыя можно было предупредить, я умѣлъ, какъ увидимъ ниже, говорить правду покойному государю, за которую заплатилъ моею жизнью.

Но что такое моя жизнь и страданія, когда дѣло идетъ о Россіи

Однако пора обратиться къ дѣлу подъ Черной.

4) Почему, рѣшившись идти аттаковать неприступныя позиціи, вы не сдѣлали сего со всѣми вашими силами? Почему вы оставили въ Перекопѣ гренадерскій корпусъ? Чего вы опасались?

Не подлежитъ сомнѣнію, что союзники не могли въ одно время

осаждать Севастополь, аттаковать васъ у Инкермана и идти на Перекопъ. Оставивъ въ Перекопѣ гренадеръ, вы въ рѣшительную минуту лишили себя 20-ти тысячъ отборнаго войска, погибшаго впослѣдствіи безъ пользы отъ болѣзней.

5) Нельзя также согласиться, что дѣло подъ Черной было столь необходимо, какъ бородинское сраженіе до отдачи Москвы.

Дѣло подъ Черной будетъ вѣчнымъ позоромъ нашей военной исторіи, а бородинская битва одна изъ лучшихъ ея страницъ. Правда, послѣ Бородина мы отдали Москву, но въ ея, хотя неокровавленныхъ развалинахъ [1]) (слова высокаго краснорѣчія) непріятель нашелъ свою погибель. Подобнаго результата не представляетъ дѣло подъ Черной, слѣдственно и сравненіе Черной Бородинымъ неправильно.

6) Никакъ не могу понять, чтобы вы начали наступательное движеніе съ увѣренностію въ неудачѣ. Зачѣмъ же было дѣлать наступленіе? Слѣдственно вы согласны, что дѣло подъ Черной предпринято безъ цѣли, разсчета и надобности.

7) Далѣе вы говорите, что это только была попытка. Нѣтъ, ваше сіятельство, это была не попытка, а страшная ошибка, сдѣланная вслѣдствіе дурныхъ, необдуманныхъ распоряженій, въ которыхъ вы не сознаетесь, ибо изыскиваете средства оправдаться противорѣчивыми объясненіями, а именно: въ обзорѣ вашихъ дѣйствій, вы говорите, на что уже я вамъ отвѣчалъ, что наступательное движеніе это или попытка (не знаю какъ назвать сраженіе подъ Черной), было въ видахъ (общественнаго мнѣнія), и что впрочемъ вы имѣли мало надежды на успѣхъ.

Въ письмѣ же, писанномъ вскорѣ послѣ 4-го августа, вы говорите, что успѣхъ вашего наступательнаго движенія былъ разсчитанъ вѣрно и что отвѣтственность въ неудачѣ должна пасть на Реада, неисполнившаго вашихъ предначертаній, вслѣдствіе чего планъ вашъ не удался и сраженіе было проиграно. Что за противорѣчія!

Прошу ваше сіятельство извинить меня за откровенность; но согласитесь, что по сличеніи двухъ вашихъ объясненій я никакъ не могъ пройти молчаніемъ столько противоположныхъ оправданій. Вѣроятно, писавъ обзоръ вашихъ дѣйствій, вы позабыли, при многотрудныхъ обязанностяхъ, письмо ваше ко мнѣ, въ которомъ вы обвиняете не Реада. Рѣшившись обвинять Реада, излишне было бы искать другія причины къ оправданію, ибо ничего нѣтъ удобнѣе, какъ сложить все на мертвыхъ. Такъ и хочется прибавить къ этому „мертвые бо срама не имутъ“.

---

[1]) Телеграфическая депеша кн. Горчакова послѣ взятія Севастополя.

Храбрый Реадъ и достойный начальникъ штаба Веймарнъ, павшіе жертвами при исполненіи невозможнаго предпріятія, не могли бы вамъ отвѣчать изъ своихъ могилъ, и исторія внесла бы въ свои скрижали имена Реада и Веймарна какъ виновниковъ для Россіи дня 4-го августа [1]).

За симъ обращаюсь къ другимъ обстоятельствамъ, изложеннымъ въ обзорѣ вашихъ дѣйствій. Вы между прочимъ пишете, что еще въ маѣ мѣсяцѣ были намѣрены очистить южную часть Севастополя.

Здѣсь рождаются два вопроса: почему, принявъ такую рѣшимость, вы заблаговременно не взяли мѣръ для уменьшенія отчасти потерь вещественныхъ и оставили врагамъ между „окровавленными развалинами“ до 4-хъ тысячъ орудій? Къ вѣчному нашему стыду, кажется это единственный примѣръ въ исторіи, и вы еще дерзаете сравнивать пораженіе подъ Черной съ Бородинымъ!

Почему не были сдѣланы мины подъ Севастопольскими укрѣпленіями? Кажется это было дѣло первой необходимости. Недостатокъ въ порохѣ не можетъ служить оправданіемъ, ибо союзники послѣ вашего отступленія нашли значительные запасы. Вотъ, ваше сіятельство, вопросы, на которые вамъ трудно будетъ отвѣчать предъ Россіею и потомствомъ. По прочтеніи же всего обзора, я вижу что у васъ не было заранѣе обдуманнаго плана, который бы служилъ основаніемъ вашихъ дѣйствій. Вы жили день за день, никогда не имѣли собственнаго мнѣнія и соглашались съ тѣмъ, кто послѣдній давалъ вамъ совѣты. Въ заключеніе, я не могу умолчать, что задняя мысль, руководившая вами при составленіи обзора вашихъ дѣйствій, была увѣренность, что никто вамъ возражать не будетъ и по истеченіи нѣкотораго времени все, что вы писали, будетъ признано фактомъ историческимъ.

Хитрости сего рода часто удаются въ Россіи. Не знаю, удастся ли вамъ изложить событія настоящей войны съ вашей точки зрѣнія, увѣрить всѣхъ, что военныя дѣйствія ваши были безукоризненны? Но во всякомъ случаѣ это будетъ легче, чѣмъ представить безукоризненный отчетъ по хозяйственному управленію арміею, ибо я увѣренъ, что послѣ заключенія мира откроются тысячи безпорядковъ и недочетовъ, происходящихъ отъ того, что вы не умѣли предупре-

---

[1]) Покойный князь говоритъ условно, между тѣмъ фактъ совершился: въ реляціи кн. Горчакова вся вина сложена на Реада. Несчастное слово «не читайте», присланное кн. Горчаковымъ чрезъ адъютанта Реада, было причиною гибели арміи. Горчаковъ не слышалъ выстрѣловъ со стороны Реада, послѣдній понялъ, что, согласно диспозиціи, слѣдуетъ начинать аттаку, что было несвоевременно.

дить или остановить ихъ во-время, или отъ противорѣчій вашихъ приказаній. О дальнѣйшихъ предположеніяхъ вашихъ вы умалчиваете, ибо вы опасаетесь справедливыхъ замѣчаній. Прошло уже то время, когда вы спрашивали моихъ совѣтовъ, говорили и писали мнѣ, что одно мое слово проясняло мысли ваши, наводило на путь истинный и что даже вы живете моимъ умомъ.

Признаюсь, я виноватъ предъ отечествомъ, что былъ отчасти причиною возвышенія вашего на ту степень, на которой вы нынѣ находитесь.

Покойный государь былъ правъ, когда онъ, въ февралѣ 1854 года, хотѣлъ, послѣ всѣхъ неудачныхъ дѣлъ на Дунаѣ и неосновательныхъ распоряженій въ Княжествахъ, отозвать васъ изъ арміи. Тогда я еще полагалъ, что вы съ пользою можете служить Россіи. Нынѣ, откладывая всякое самолюбіе въ сторону, откровенно сознаюсь, что я жестоко ошибался.

Изъ приводимаго здѣсь разговора съ покойнымъ Государемъ, ваше сіятельство можете судить, что участь ваша была въ моихъ рукахъ. Мнѣ достаточно было молчать для того, чтобы рѣшить вашу судьбу.

Это было въ первыхъ дняхъ моего прибытія въ Петербургъ, въ 1854 году, когда я уже согласился принять командованіе надъ всѣми войсками, расположенными на западной границѣ и въ княжествахъ.

Я пришелъ къ государю около 12-ти часовъ съ докладомъ. Мы были въ рабочемъ его кабинетѣ, гдѣ онъ впослѣдствіи скончался. Государь былъ чрезвычайно грустенъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

—„Отецъ-командиръ! Я весьма недоволенъ распоряженіями Горчакова. Сраженіе подъ Ольтеницею и Четати служатъ явнымъ доказательствомъ вовсе необдуманнаго плана, словомъ сказать, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видны нерѣшительность и суета. Судя по ходу всѣхъ его дѣлъ, мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть главнокомандующимъ. Сомнѣваюсь даже, будетъ ли онъ въ состояніи командовать во время войны отдѣльною частью? По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю отозвать его изъ арміи и тебѣ предоставляю избрать себѣ кого хочешь въ начальники штаба“.

Сознаюсь, я былъ крайне удивленъ, услыхавъ столь рѣзкое сужденіе и почти приговоръ надъ человѣкомъ, служившимъ всегда съ большимъ отличіемъ. Прошло нѣсколько минутъ пока я собрался съ мыслями. Вотъ, кажется слово въ слово, отвѣтъ мой Государю:

„Позвольте, ваше величество, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе князя Горчакова. Я его знаю слишкомъ 23 года, знаю его храбрость и способности. У насъ въ арміи нѣтъ человѣка, который бы съ

бо́льшею пользою могъ занять во время войны мѣсто начальника штаба. Его обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ управленія арміею, его военныя способности, смѣю думать, не подлежатъ сомнѣнію. Нельзя осуждать главнокомандующаго, находящагося отъ своихъ отрядовъ во ста и болѣе верстахъ, въ ошибкахъ, сдѣланныхъ подъ Ольтеницею и Четати. За всѣмъ тѣмъ, не могу не обвинить Горчакова въ томъ, что, не слѣдуя великой истинѣ, сказанной Наполеономъ, держать войска свои всегда въ кулакѣ, онъ растянулся съ малочисленными своими отрядами на 600 верстъ".

Государь, выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, изволилъ сказать:

— „Дай Богъ, отецъ-командиръ, чтобъ я ошибался. Желаю тебѣ вѣрить".

Послѣ сего разговора государь уже ни разу не говорилъ и не намекалъ о вызовѣ вашего сіятельства изъ арміи.

Будучи озабоченъ въ дѣйствіяхъ моихъ отдать отчетъ потомству, я откровенно соглашаюсь въ моей ошибкѣ и прошу соотечественниковъ моихъ простить мнѣ, что я въ заблужденіи моемъ еще въ 1854 году считалъ ваше сіятельство способнымъ быть самостоятельнымъ начальникомъ.

Сознаніе это доставляетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе и въ минуты тяжкихъ страданій и душевнаго негодованія, мнѣ отрадно вспомнить, что до начала войны, когда еще можно было предупредить всѣ бѣдствія, постигшія впослѣдствіи Россію, я противъ мнѣнія всѣхъ въ эту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились закидать всю Европу шапками, осмѣлился 27-го февраля 1854 года представить покойному государю записку слѣдующаго содержанія:

„Четыре европейскія державы предлагаютъ намъ свой ультиматумъ. Мы находимся въ томъ положеніи, что теперь вся Европа противъ насъ, на морѣ и на сухомъ пути. Англія, Франція, Турція уже объявили намъ войну; Австрія, можно сказать, на ихъ сторонѣ; Пруссія можетъ быть также увлечена скоро.

„Никогда еще Россія не бывала въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ.

„При императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ 1812 году, Англія была за насъ; съ Турціею успѣли заключить миръ; неограниченное властолюбіе Наполеона заставило задолго предвидѣть 1812 годъ и дало намъ полтора года на приготовленія. Въ 1810 году мы уже могли начать формированіе новыхъ полковъ; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины въ тылу и потому въ 1812 г., начавъ отступленіе до самой Москвы, пополняли убыль въ войскахъ резервами.

„Нынѣ обстоятельства такъ быстро измѣнились, что не дали намъ возможности приготовиться.

„Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что нельзя уже сомнѣваться, что Пруссія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австріею противъ насъ.

„Имѣя двухъ непріятелей въ центрѣ, тогда какъ французы высадятся на Черноморскихъ берегахъ, австрійцы изъ Трансильваніи выйдутъ на коммуникаціи нашей дунайской арміи, а пруссаки обойдутъ флангъ въ Литвѣ, мы уже не можемъ держаться ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ, а отступая, не найдемъ магазиновъ.

„Европа можетъ повторить кампанію 1812 г., но вѣроятно избѣгнетъ ошибокъ Наполеона. Она будетъ вести войну методически, отброситъ насъ за Днѣстръ и отнявъ Польшу, усилится нашими крѣпостями въ царствѣ и Литвѣ. Несчастія и потери тогда Россіи—трудно теперь предвидѣть. Таковы, мнѣ кажется, послѣдствія войны теперь со всею Европою: пока она въ соединеніи, мы съ нею бороться не въ силахъ. Намъ дорого время; чтобы выиграть его, думаю, что на ультиматумъ ея можно бы отвѣчать: что предложенія принимаются съ тѣмъ, чтобъ назначить сроки нашего выступленія изъ Княжествъ и въ одно время непріятельскихъ флотовъ:

„1-й срокъ. Мы очищаемъ Малую Валахію; флотъ выходитъ изъ Чернаго моря.

„2-й срокъ. Мы выходимъ изъ Большой Валахіи; флотъ — изъ Босфора.

„3-й срокъ. Мы очищаемъ Валахію; флотъ оставляетъ Дарданеллы. О послѣднемъ условіи лучше даже умолчать, ибо нѣтъ надежды, чтобы оно было принято. Для опредѣленій сроковъ и приготовленій къ отступленію, заключить перемиріе на шесть недѣль. Шесть недѣль намъ очень важны, для насъ каждый день дорогъ! Отступая, мы не отдаемъ своей земли, но возвращаемся на свои границы. По крайней мѣрѣ мы удержимъ, можетъ быть, Австрію и Пруссію, показавъ, что не желаемъ войны.

„Австрія боялась-бы Сербовъ, но съ нашимъ отступленіемъ изъ Валахіи ей нѣтъ предлога держать 50 тыс. на сербской границѣ. Если бы морскія державы не согласились на наши предложенія, то и тогда мы, по крайней мѣрѣ, выиграемъ время; имѣя полтора, два мѣсяца, успѣемъ укрѣпить настоящую стратегическую позицію на Днѣстрѣ; турки не войдутъ въ Княжества, а останутся въ Болгаріи. Въ центрѣ будутъ войска, соберемъ магазины; словомъ, займемъ стратегическіе пункты и приготовимъ продовольствіе.

„Европейскимъ державамъ будетъ время одуматься. Ихъ лихорадочное состояніе можетъ быть успокоится и разсудокъ возьметъ верхъ.

„Конечно, мы и тогда не въ состояніи держаться на центрѣ, если и Пруссія противъ насъ; но неужели нѣтъ возможности отдѣлить ее отъ другихъ державъ и склонить въ нашу пользу?

„Несчастія, которыя могутъ постигнуть Россію въ случаѣ общаго на насъ возстанія, будутъ неисчислимы и не скоро изгладятся. Еслибъ ихъ можно было предупредить, хотя бы съ нѣкоторыми уступками, которыя всегда будутъ сравнительно менѣе важны и впослѣдствіи при благопріятныхъ обстоятельствахъ вознаградятся.

„Конечно, больно для самолюбія каждаго русскаго рѣшиться теперь уступить; но со временемъ Россія пойметъ, что оттого зависѣла ея судьба и благословитъ, какъ спасителя, того, кто великодушно рѣшится теперь на пожертвованія!“

Сообщ. **Н. П. Степановъ.**

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

А. Н. Радищевъ.

1791.

Въ правительствующій сенатъ, изъ иркутскаго намѣстническаго правленія рапортъ. Тобольское намѣстническое правленіе отъ 26-го числа минувшаго іюля, подъ № 17,823, сообщеніемъ увѣдомляетъ, что посланнымъ изъ онаго къ тобольскому городничему указомъ велѣно состоящаго въ присмотрѣ его арестанта Александра Радищева, присланнаго въ Тобольскъ изъ пермскаго, а въ оное изъ казанскаго намѣстническихъ правленій, туда-жъ изъ с.-петербургскаго губернскаго правленія, отправить въ сіе намѣстническое правленіе за присмотромъ одного унтеръ-офицера тобольскихъ баталіоновъ и при томъ отъ сего намѣстническаго правленія требуетъ, дабы благоволило помянутаго арестанта Александра Радищева въ назначенное ему мѣсто отправить отъ себя, а посланнаго оттоль унтеръ-офицера отпустить обратно къ командѣ, по прежнему, въ Тобольскъ и о доставленіи того Радищева до Иркутска. Сему-жъ правленію даетъ знать о дачѣ-жъ тому конвойному до Иркутска и обратно двухъ подводъ за указные одинакіе прогоны, то-есть по деньгѣ на версту и лошадь дана отъ онаго правленія въ надлежащей силѣ подорожна; а по справкѣ въ правленіи оказалось: въ сообщеніи с.-петербургское губернское правленіе, отъ 8-го числа сентября прошлаго 1790 г. присланномъ, прописывало имянной ея императорскаго величества указъ, данной правительствующему сенату 4-го числа сентября за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ

[1]) Архивъ прав. сената, дѣло 2 департамента, № 284.

оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги подъ названіемъ: „Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву", наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми изображеніями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того лживой поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно, за таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ С.-Петербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя по роду толь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную, но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всей общей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды во благо имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Ишимской острогъ, на десятилѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ [1])".

Въ намѣстническомъ правленіи опредѣлено: съ прописаніемъ справки и сего сообщенія здѣшнему городничему, предписать указомъ и велѣть, вслѣдствіе высочайшаго соизволенія, упомянутаго арестанта Александра Радищева, посредствомъ здѣшняго нижняго земскаго суда, отправить въ Ишимской острогъ съ исправнымъ унтеръ-офицеромъ и двумя рядовыми солдатами, немедленно на десятилѣтнее безъисходное пребываніе въ ономъ острогѣ, и тому унтеръ-офицеру приказать явиться для полученія, по расчисленію верстъ отсель до Ишимска, прогонныхъ денегъ въ казенной палатѣ; а какъ тому унтеръ-офицеру съ солдатами быть при немъ, Радищевѣ, и имѣть его въ смотрѣніи, дать ему отъ намѣстническаго правленія особливое наставленіе, а казенную палату о выдачѣ на двѣ подводы прогонныхъ денегъ, съ прописаніемъ сего сообщенія, сообщить, а здѣшнему нижнему земскому суду дать знать указомъ, съ таковымъ предписаніемъ, дабы оной за тѣмъ Радищевымъ, сверхъ приставной стражи, имѣлъ и свое надзи-

[1]) См. полное собраніе законовъ, т. 23, стр. 168.

раніе, и къ надлежащему о семъ свѣдѣнію правительствующему сенату симъ отрапортовать.

(Подлинный подписанъ двумя совѣтниками, секретаремъ и скрѣпленъ канцеляристомъ).

Октября 15-го дня 1791 г.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

I.

Замѣтка о его стихотвореніяхъ.

Въ почтенномъ изданіи „Русская Старина“, въ 1871 г. (т. III, стр. 485 — 524), была напечатана поэма Рылѣева: „Войнаровскій“ съ нѣкоторыми исключеніями, отчасти впослѣдствіи дополненными („Русская Старина“ 1871 г., стр. 647). Нынѣ изданы въ Петербургѣ „Сочиненія и переписка Рылѣева“, гдѣ также напечатанъ Войнаровскій не совсѣмъ исправно. Сколько можно припомнить, въ старинныхъ спискахъ не было точекъ, и вмѣсто стиха:

О странникъ, странникъ, всѣ мечтали.

Было:

О странникъ, всѣ предузнавали,

Вмѣсто: „въ Батуринъ переманилъ“,—было: „переселилъ“. Вмѣсто: „Надежды родины“, — „свободу родины“. Вмѣсто: „чтить славныхъ“, было: „чтить Брута“. Тогда были понятны стихи: „защитникъ Рима“ и „достойный укоризны“ и прочее, чего за давностію трудно вспомнить.

Г. Ефремовъ, редактируя нынѣ изданіе сочиненій Рылѣева, означаетъ годъ его рожденія 1797, а г. Кропотовъ—1789 г.; было бы достовѣрнѣе сослаться на статью А. Бестужева: „Взглядъ на старую и новую словесность“, помѣщенную въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 года, гдѣ на 29-й страницѣ этой статьи означенъ годъ рожденія Рылѣева 1795; таковая ссылка была-бы тѣмъ вѣрнѣе, что оба издателя „Звѣзды“ были еще живы въ 1823 г. и знали другъ друга.

Въ давно прошедшее время, стихотвореніе, напечатанное въ альманахѣ на 1828 годъ „Альбомъ Сѣверныхъ Музъ“: „На смерть Байрона“ приписывалось автору Войнаровскаго, но объ этомъ ничего не упоминаетъ г. Ефремовъ. Во всякомъ случаѣ, стихотвореніе это, кажется, достойно быть перепечатано въ „Русской Старинѣ“, слѣдящей за исторіею отечественной литературы.

Любитель Старины.

21-го іюля 1872 года.

II [1]).

На смерть Байрона.

Стихотвореніе, приписываемое Рылѣеву.

О чемъ средь ужасовъ войны
Тоска и трауръ погребальный?
Куда бѣгутъ на зовъ печальный
Священной Греціи сыны?
Давно отъ слезъ и крови взмокла
Эллада въ дни святой борьбы....
Какою-жъ вновь бѣдой судьбы
Грозятъ отчизнѣ Ѳемистокла?

Чему на шаткомъ тронѣ радъ
Султанъ роскошнаго Востока?
За что благодарить пророка
Спѣшатъ въ Стамбулѣ старъ и младъ?
Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средь храма
Предъ алтаремъ святымъ стоитъ,
Весь катафалкъ огнемъ блеститъ
Въ прозрачномъ дымѣ ѳиміама.

Рыдая, вкругъ его кипитъ
Толпа шумящаго народа:
Какъ будто въ гробѣ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежитъ;
Какъ будто цѣпи вѣковыя
Влачить опять она должна,
И вновь ярмомъ отягчена
Возникнувшей Эллады выя....

Царица гордая морей!
Гордись—не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своихъ дѣтей!
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянулъ Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ—
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть—не будетъ ничего.

---

[1]) Благодаря г. «Любителя Старины» за его указаніе, перепечатываемъ изъ имѣющагося въ нашей библіотекѣ «Альбома Сѣверныхъ Музъ» 1828 г., изд. А. И., стихотвореніе: «На смерть Байрона» (стр. 244—247).

Ред.

Грядой возлягутъ на твердыни
Почить усталые вѣка,
Ихъ безпощадная рука
Преобратитъ поля въ пустыни.

Изчезнутъ порты въ тьмѣ временъ,
Падутъ и запустѣютъ грады,
Погибнутъ страшныя Армады,
Возникнетъ новый Карѳагенъ....
Но сердца подвигъ благородной
Не истребится никогда!
Къ могилѣ Байрона всегда
Звѣздой онъ будетъ путеводной.

Британецъ дряхлый позднихъ лѣтъ
Придетъ, могильный холмъ укажетъ,
И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
«Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
Онъ жилъ для Англіи и міра;
Былъ къ удивленью вѣка онъ—
Умомъ—Сократъ, душой—Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ,
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ;
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
И дара музъ не унижалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца;
Но пылкая душа пѣвца
Людей не вовсе разлюбила.

Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
Въ странѣ, отъ родины далекой,
Убитый грустію жестокой
О немъ сказалъ Европѣ грекъ:
«Друзья терзаемой Эллады—
Вездѣ въ слезахъ, въ укоръ судьбы;
Лишь Магометовы рабы
Его внезапной смерти рады».

1825 года.

III.

Предчувствіе Рылѣева о своей судьбѣ.

Въ 1813 году, во время занятія русскими войсками Дрездена, князь Репнинъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, а тесть мой Михаилъ Николаевичъ Рылѣевъ—комендантомъ города. Состоя въ весьма близкомъ родствѣ съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ Рылѣевымъ,

онъ далъ ему должность при комендантскомъ управленіи и даже помѣстилъ его въ своемъ домѣ.

Одаренный необычайною живостію характера и саркастическимъ складомъ ума, Кондратій Ѳедоровичъ не оставлялъ никого въ покоѣ: писалъ на всѣхъ сатиры и пасквили, быстро расходившіяся по рукамъ и вооружилъ тѣмъ противъ себя все русское общество Дрездена, которое, выведенное наконецъ изъ терпѣнія, жаловалось на него князю Репнину, прося избавить отъ злого насмѣшника... Князь передалъ жалобу общества Михаилу Николаевичу и предложилъ, во избѣжаніе ссоръ и непріятныхъ столкновеній, удалить отъ себя безпокойнаго родственника.

Подъ впечатлѣніемъ замѣчанія сдѣланнаго княземъ, Михаилъ Николаевичъ, возвратясь домой и увидавъ Кондратія, сталъ строго выговаривать ему его легкомысліе, и объявивъ, что увольняетъ отъ занятій по комендантскому управленію, приказалъ ему въ двадцать четыре часа уѣхать изъ Дрездена; при этомъ съ сердцемъ сказалъ: „Если же ты осмѣлишься ослушаться, то предамъ военному суду и разстрѣляю!“

— „Кому быть повѣшеннымъ, того не разстрѣляютъ!“ отвѣтилъ пылкій молодой человѣкъ, выходя отъ разсерженнаго родственника, и тотчасъ же, ни съ кѣмъ не простясь, уѣхалъ изъ Дрездена....

О пророческихъ словахъ этихъ я часто слыхалъ отъ покойной тещи моей, Маріи Ивановны Рылѣевой, при которой все сказанное происходило: „Самъ себѣ злую судьбу свою предсказалъ!“ всегда добавляла она, вздыхая, и въ умныхъ, добрыхъ глазахъ ея блистали невольныя слезы....

А. И. Фелькнеръ.

Н. В. Гоголь къ И. И. Сосницкому о постановкѣ „Ревизора“.

1846 г.

Въ 1846 году Гоголь задумалъ поставить «Ревизора» въ дополненномъ и исправленномъ видѣ и вмѣстѣ съ сценами: «Театральный разъѣздъ» или «Развязка Ревизора». Мысли свои по поводу этого предположенія онъ изложилъ въ подробномъ письмѣ къ Щепкину въ Москву, напечатанномъ въ изданіи Кулиша (Спб. 1857 г., т. VI, стр. 275). Изъ этого документа, между прочимъ, видно, что Гоголь намѣревался весь сборъ съ продажи новаго изданія «Ревизора» вмѣстѣ съ сценами «Разъѣзда» обратить въ пользу бѣдныхъ. Щепкинъ долженъ былъ, въ свой бенефисъ, съ театральныхъ подмостокъ пригласить публику покупать это изданіе. То же долженъ былъ сдѣлать Сосницкій въ свой бенефисъ на петербургской сценѣ.

Въ томъ же письмѣ Гоголь просилъ Щепкина съѣздить въ Петербургъ и похлопотать какъ о разрѣшеніи поставить на сцену «Ревизора» въ его полномъ видѣ, такъ и о томъ, чтобы передать Сосницкому мысли его о лучшей

постановкѣ пьесы. «Поговорите съ Сосницкимъ,—пишетъ Гоголь—чтобъ увидать, можно ли то же самое сдѣлать въ Петербургѣ, сколько возможно такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ. Прежде его испытайте, онъ немножко упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ.....»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Щепкину (изд. Кулиша, т. VI, стр. 278), Гоголь опять, возвращаясь къ тому же предмету, замѣчаетъ: «Если вы совершенно сошлись и условились съ Сосницкимъ относительно постановки «Ревизора» въ новомъ видѣ, то вотъ вамъ маленькое письмецо къ Сосницкому, которое влагаю незапечатаннымъ, чтобы могли прочесть его также и вы, и встрѣтить тамъ, можетъ быть, что-нибудь нужное и для собственнаго соображенія.....»

Послѣ смерти И. И. Сосницкаго, въ немногихъ оставшихся послѣ него бумагахъ, найдено упомянутое выше письмо Гоголя. Покойный артистъ очень дорожилъ имъ, и мы еще при жизни его слышали отъ Ивана Ивановича объ этомъ письмѣ. Сообщеніемъ его нынѣ на страницахъ «Русской Старины», мы обязаны почтенному артисту И. Ѳ. Горбунову. Ред.

2-го ноября 1846 года.

Если вы уже все узнали отъ Щепкина и рѣшились сдѣлать дѣло васъ достойное, добрѣйшій мой Иванъ Ивановичъ, то присоединяю еще двѣ-три строчки моей убѣдительнѣйшей просьбы. Обратите ваше вниманіе на послѣднюю сцену „Ревизора“. Обдумайте, обмыслите вновь. Изъ заключительной пьесы „Развязка Ревизора“, вы постигнете, почему я такъ хлопочу объ этой послѣдней сценѣ и почему мнѣ такъ важно, чтобъ она имѣла полный эффектъ. Я увѣренъ, что вы взглянете сами другими глазами на „Ревизора“ послѣ этого заключенія, котораго мнѣ, по многимъ причинамъ, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно. Употребите всѣ ваши силы, чтобъ „Ревизоръ“ былъ обстановленъ со всѣхъ сторонъ и вполнѣ хорошо, чтобъ всѣ актеры сдѣлали свое дѣло хорошо. Вы сдѣлаете этимъ дѣло не только доброе, но истинно христіанское. (Продажа „Ревизора“ въ новомъ видѣ съ „Развязкой“ назначена въ пользу бѣдныхъ, а вы игрой своей и обстановкой можете возвысить его продажу). Не полѣнитесь сыграть сами предуготовительно передъ актерами роль Хлестакова, которую, кромѣ васъ, рѣшительно никто не можетъ выполнить. Вы можете этимъ дать имъ разъ навсегда мотивъ. Теоретически изъ нихъ никто не можетъ понять, что эту роль непремѣнно нужно сыграть въ видѣ свѣтскаго человѣка comme il faut, вовсе не съ желаніемъ сыграть лгуна и щелкопера, напротивъ, съ чистосердечнымъ желаніемъ сыграть роль чиномъ выше своего собственнаго, но такъ, чтобы вышло само собою въ итогѣ всего—и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкоперъ во всѣхъ отношеніяхъ. Все это вы можете внушить имъ только одной игрой своей, а словами и наставленіями не сдѣлаете ничего, какъ бы ни убѣдительно имъ разсказывали. Сами знаете, что второклассные актеры передразнить ха-

рактеръ еще могутъ, но создать характера не могутъ; насилуя себя произвести послѣднее, они станутъ даже ниже самихъ себя. Потому-то примѣръ, вами данный, болѣе наведетъ ихъ на законную дорогу, чѣмъ ихъ собственное разсужденіе. Что же касается до игры въ послѣдней пьесѣ, то-есть въ пьесѣ „Развязка Ревизора“, то насчетъ этого прочтите мои строки въ письмѣ къ Щепкину. Въ нихъ я дѣлаю ему прямо и откровенно мои замѣчанія и даже совѣты, зная, что онъ, по страсти и любви къ искусству, готовъ себя считать вѣчнымъ ученикомъ и выслушивать даже и не весьма умные по виду совѣты, даже и отъ простыхъ людей. Замѣчанія эти вы все-таки примите къ свѣдѣнію, хотя знаю, что они вамъ не совсѣмъ идутъ, потому что вашъ талантъ имѣетъ свою своеобразность и качества другія нежели у Щепкина (сильно желалось бы мнѣ когда-нибудь увидѣть васъ обоихъ въ одной пьесѣ, въ двухъ различныхъ роляхъ, ни чуть не похожихъ одна на другую, но равно великихъ и трудныхъ, чтобъ увидѣла ясно публика, что такое собственно Щепкинъ и что такое собственно Сосницкій). Одно то, что вамъ, равно обоимъ, замѣчу и что долженъ замѣтить всѣмъ, кто бы несталъ играть въ пьесѣ „Развязка Ревизора“ первую роль, то-есть роль комическаго актера,—это то, чтобъ произносить какъ можно тверже, крѣпче и проще слова, какъ бы самую простую, но близкую къ дѣлу и нужную рѣчь. Храни Богъ отъ всякой сантиментальности и напряженнаго жару, вдругъ не станетъ голоса къ концу монолога, пересохнетъ горло и останешься въ какомъ-то вяло-плаксивомъ и пьяномъ положеньи, тогда какъ слѣдуетъ пребывать во все время монолога въ трезвомъ и свѣтломъ состояніи духа. Слѣдуетъ изворотиться молодцомъ. Слѣдуетъ показаться полководцемъ, бодрящимъ и подстрекающимъ другихъ на битву, а не рядовымъ солдатомъ, кидающимся самому въ пылъ сраженія. Словомъ, голосъ актера здѣсь долженъ быть побѣдоносно-торжествующій, истинно генеральскій голосъ. Этихъ словъ не пропустите, Иванъ Ивановичъ, и Щепкину также это скажите. И Богъ вамъ въ помощь обоимъ. По окончаніи пьесы, когда васъ вызовутъ, вы, раскланявшись съ публикой, скажите ей, что не угодно ли ей купить „Ревизора“, который продается, при выходѣ изъ театра, въ пользу бѣдныхъ, по рублю серебромъ съ „Развязкой“ вмѣстѣ. Кто же пожелаетъ дать больше, тотъ вручалъ бы деньги вамъ самимъ и покупалъ бы лично изъ вашихъ рукъ, а вы все это доставляйте Плетневу, которому порученъ сборъ денегъ и отъ котораго поступятъ онѣ къ тѣмъ, на которыхъ возложена раздача бѣднымъ. Побывайте у Плетнева теперь же и спросите его, не нужно ли какого вспомоществованія собственно отъ васъ въ дѣлѣ изданія „Ревизора“ относительно-ли

корректуры или чего другого. На немъ слишкомъ навьючено теперь всякихъ обувъ и ему довольно тяжело и трудно управляться одному. За все это поблагодарю васъ лично, когда приведетъ Богъ встрѣтиться. Смотрите, чтобы продажа въ театральныхъ лавкахъ поручена была надежнымъ продавцамъ и не употребляйте для этого въ посредство какого-либо актера. Говорю это потому, что одинъ изъ этихъ господъ, на котораго я вздумалъ-было положиться, денежки прибиралъ къ себѣ и на нихъ кутилъ, складывая вину на продавцевъ, которые ему не приносятъ; а когда я вздумалъ, наконецъ, разспросить продавцевъ, дѣло открылось. Это примите къ свѣдѣнію. На этотъ разъ грѣхъ будетъ большой на душѣ того, кто украдетъ копѣйку—деньги эти въ пользу бѣдныхъ; это имъ объявите.

Но прощайте. Если захотите мнѣ написать, хотя двѣ строчки, что мнѣ будетъ очень пріятно, адресуйте въ Неаполь (Poste restante).

Затѣмъ обнимаю васъ, искренно васъ любящій Г.[1]).

Смотритель училищъ въ 1829 г.

Въ Орловской губерніи довольно распространены у любителей курьезовъ копіи съ прошеній нѣкоего Ильи Шелкова, бывшаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія штатнымъ смотрителемъ училищъ въ городѣ Сѣвскѣ. С. Н. Гавриловъ сообщилъ намъ точный списокъ съ подлинныхъ бумагъ, писанныхъ чудакомъ-педагогомъ. Бумаги эти—прошенія, доносы и объяснительныя письма Шелкова къ попечителю московскаго учебнаго округа Писареву и къ начальнику Орловской дирекціи училищъ Арсеньеву. «Какъ фактъ, свидѣтельствующій о состояніи, въ какомъ должна была находиться у насъ учебная часть при дѣятеляхъ подобныхъ Шелкову и Давыдову—настоящее дѣло, по справедливому замѣчанію г. Гаврилова, не лишено интереса»—и мы приводимъ изъ него три документа. Ред.

Священно-избранный генералъ, милостивый государь! Послѣднее убѣжище для изнуренной старости, Александръ Александровичъ Писаревъ!

Малая птичка, по повѣсткѣ матери своей, отъ налетающаго коршуна прячется подъ вѣтвистый кустъ; роды Везувія извѣщаютъ земнороднаго: „прячься, прячься въ пещеры Аппенина!“

Обветшавшая отъ 40-ка-лѣтнихъ трудовъ старость, няньчась съ 6-ти-лѣтками, изнуренная отъ набѣгавшихъ ненавистниковъ старости, разстрѣленная кривосудіемъ быстро-ученыхъ, гдѣ съищетъ себѣ хотя соломенную кровлю отъ гордыхъ мразовъ? Куда ей кинуться поползкомъ?

---

[1]) Нѣсколько спустя, Гоголь отступился отъ своего намѣренія поставить на сцену «Ревизора» съ «Развязкой» и устроить продажу его изданія съ благотворительною цѣлью. См. объ этомъ письмо его къ Плетневу въ изд. Кулиша т. VI, стр. 296). Ред.

Конечно, уже къ близкой гавани Сизепольской (sic)—къ Писареву. Священно-избранный генералъ! Выслушай историческій разсказъ, старымъ поповичемъ, за 40 лѣтъ послужившимъ отечеству, составленный:

„Священной памяти визитаторъ училищъ, Ѳедоръ Ивановичъ Чумиковъ, 1825 года, ангельски явился, ангельски дѣло свое началъ. Умный, справедливѣйшій судья, строгоразсыпчатый, милостиво-ласковый отецъ. Чего бы дитя и не домыслилось, но естественно постигаетъ и лепечетъ на ласки священному милостивцу своему. Чумиковъ — не крикунъ; Чумиковъ бесѣдуетъ съ дѣтьми въ царскіе часы; Чумиковъ, какъ благородный судья, изъ палаты вышедшій, не повѣствуетъ и встрѣчному и поперечному, что въ судѣ дѣлается, а рапортуетъ совѣту, отъ котораго посланъ. Чумиковъ ангельски прибылъ, ангельски и простился съ дѣтьми.

„А противоположность: 1829 г., визитаторъ училищъ Давыдовъ [1]) не далъ и знать о своемъ пріѣздѣ; въ 7 часовъ бѣгалъ въ училищѣ съ пріуготовительною сердитостью на встрѣчу мнѣ: „Шелковъ!“ пробѣжалъ съ грознымъ лицомъ изъ класса въ классъ; вопрошаетъ: „Гдѣ деньги? Гдѣ библіотека? Гдѣ письмоводство? Копъ! копъ! копъ! и мгновенно азартно кричитъ: „Какъ вы смѣли?“ „Да, какъ вы смѣли?“ Болѣе трехъ часовъ кричалъ азартно. Богу благодареніе! Старость моя удержала свою батарею.—Вотъ почему; вотъ что дѣлается.... Но ни вниманія, ни изслѣдованія — нѣтъ. „Неправда! старики лгутъ!“ кричалъ визитаторъ... Пошелъ въ классы и назначаетъ учителямъ—Цвѣткову и Сновалову вопрошать. Какая противоположность! Визитаторъ тихъ; ложная поддѣлка учителей; блестящая красота! (№ 15 затвердилъ: „ежели“...; № 20 затвердилъ: „а буде“...).

„Дѣти 6-ти лѣтъ, ученики нижняго отдѣленія, запертые въ тѣсной горницѣ, числомъ до 40, просидѣли безъ дѣла, безъ выхода, болѣе 6-ти часовъ, опотѣли, обчесались, дремали, спали. Визитаторъ училищъ, въ исходѣ 1-го часа, указалъ спрашивать мнѣ, и не спросилъ я трехъ отвѣтовъ, какъ мгновенно вскакиваетъ и азартно кричитъ визитаторъ: „Ахъ, Боже мой! ужъ и русской-то грамоты не знаютъ!“ т.-е. грамматики. А я скажу: „Россійская грамматика есть тайна Божія для 10-ти-лѣтняго, да какая еще тайна для того, на котораго кричатъ, который болѣе 6-ти часовъ на ногахъ и дремлетъ....

Визитаторъ идетъ къ запертымъ малюткамъ, и увидѣвъ одного опотѣвшаго и дремлющаго, вскричалъ: „Не видишь ли ты, мужланъ,

---

[1]) Извѣстный впослѣдствіи директоръ педагогическаго института Иванъ Ивановичъ Давыдовъ. Ред.

и сидишь?“ Ко мнѣ: „Вотъ, сударь, ваша служба! Тутъ нечистоты, парши, язва, зараза!....“ Визитаторъ въ квартирѣ своей со всѣмъ усиліемъ разсказываетъ сѣвскому казначею, какъ онъ нашелъ у меня все худое, съ усиліемъ сколько разъ повторяя одно и то же. Казначей взаходы смѣется; учителя хохочутъ; одинъ скромный директоръ училищъ не смѣется, а оборотясь ко мнѣ, утѣшаетъ: „Молчи, молчи; я упрошу Ивана Ивановича...“

„Визитаторъ не поддержалъ училища, а болѣе разстроилъ: учитель Сновалевъ бросилъ классы, обуявшись пьянствомъ; въ полночь вломился въ домъ благородный, буянитъ матершиной при молодой боярынѣ, дѣвицахъ, и бывъ изгнанъ, бросилъ картузъ хозяину; въ моровъ бѣжалъ болѣе 100 саженъ, простудился и боленъ, ни вонъ изъ горницы уже 36 дней, а ученики бѣдствуютъ. Съ 1-го августа понынѣ я одинъ въ 3-хъ классахъ; почетный училищъ смотритель ни раза не былъ въ училищѣ въ 4 мѣсяца. Грѣхъ непростительный и училищному комитету университета! Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ вызванъ изъ Сѣвска учитель Стариковъ во Мценскъ, а о сѣвскихъ ученикахъ не попечалились: не бѣдствуютъ ли они? Кто съ ними бѣдствуетъ уже 4 мѣсяца?

Восплачуся, яко старикъ есмь русскій! Что ученые зрятъ и на монаршее заведеніе гордымъ и несытымъ сердцемъ, а старости изнуренной, разстрѣленной ожидать ли отъ нихъ утѣшенія?

Священно-избранный генералъ! Вонми себѣ и спабди руку твою и настави сыны твоя. Есть ли для тебя на свѣтѣ что лучше, какъ старость призрѣть?

Если бы ты зналъ, каковъ я былъ въ молодости! Грейгъ, Крюзъ, Пущинъ, въ Кронштадтѣ по головкѣ меня погладили за 150 учениць и учениковъ. Почиталъ я васъ повиновеніемъ въ молодости моей, а вы презрите меня въ старости моей: у меня есть еще законная старуха и дочь горькая..... Жалуй мнѣ пенсіонъ по новому штату и дѣло какое дай; не хощу быть празднымъ.

Милостивый попечитель! Надѣюсь и жду, что ты не забудешь старости моей. Еще, еще караулю въ 3-хъ классахъ одинъ. Штатный смотритель училищъ Илья Шелковъ. 1829 года, 22-го ноября, изъ Сѣвска“.

Вслѣдствіе предписанія попечителя, директоръ училищъ немедленно затребовалъ къ себѣ въ Орелъ Шелкова, поручивъ ему сдать должность смотрителя старшему по немъ учителю, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующій рапортъ Шелкова отъ 13-го декабря, за № 293. „Предписаніе вашего высокородія, за № 3579, получено и во исполненіе онаго до-

ношу. Благодареніе Богу! Я во всякую секунду приготовлялся къ отвѣтамъ перекрестнаго огня, но вижу небесную милость начальства ко мнѣ: „для совѣщанія по дѣламъ, касающимся до службы, явиться мнѣ въ Орелъ".

И того же бы 12-го декабря кинулся я, полетѣлъ бы къ вамъ, но естественныя есть препятствія: ей, ей! нѣтъ ни копѣечки на дорогу— 300 верстъ.

То соблаговолите—отъ Сѣвска до Орла, отъ Орла до Сѣвска, положить прогонныхъ на двѣ лошади — 15 р. и 15 к., какъ сказалъ почтмейстеръ; также на дорожное пропитаніе старику во время походное назначить изъ декабрьскаго жалованья, какую часть соблаговолите.

2-е препятствіе: строптивый учитель Сновалевъ шалостями своими лишилъ невинныхъ учениковъ, отнялъ у нихъ царское ученье, пролежавъ въ квартирѣ 36 дней, и теперь чуть-чуть ходитъ, но и голосу нѣтъ.

Протоіерей Цвѣтковъ, самовольно пролетавъ сѣмо и овамо 11 дней и теперь не идетъ въ классъ. Учитель Алленовъ есть также участникъ въ нарушеніи училищнаго благоденствія; но сей незнающъ ни въ нижнемъ отдѣленіи, ни въ историческомъ классѣ.

Такъ на кого же положиться въ монаршемъ заведеніи? И еще мню, и еще увѣщеваю млада протоіерея: „малыхъ сихъ дѣтей государственныхъ учити заповѣдямъ Божіимъ, а самъ оскорбляешь монаршее заведеніе. Со строптивымъ бесѣдуешь, строптиваго слушаешь, строптивому послѣдуешь: презираешь классы.

Вразумите и вы нарушителей; поручить мою должность протоіерею Цвѣткову, ежели уже нѣтъ лучшихъ средствъ—изъ Орла кого послать.

3-е. Какъ я уже имѣлъ несчастіе войти съ донесеніями моими не только къ вамъ, но и къ попечителю университета, то соблаговолите, чтобы я взялъ съ собою часть какую бумагъ училищныхъ на справку мою, ибо яко старикъ изнуренный всего не припомню прошедшаго. Смотритель училищъ Илья Шелковъ".

Вотъ предписаніе попечителя Писарева объ увольненіи Шелкова:

„Министерство народнаго просвѣщенія. Московскій учебный округъ. Отъ попечителя онаго округа. 3-го декабря 1829 года. № 1,655. Господину директору орловскихъ училищъ.

Препровождая при семъ полученную мною съ почты безсмысленную просьбу одного изъ учителей вашихъ, штатнаго смотрителя сѣвскаго уѣзднаго училища Шелкова, отъ котораго неоднократно уже подобныя прежде сего получалъ, честь имѣю предложить вашему высокоблагородію, вытребовавъ сего учителя къ себѣ на лицо и лично

увѣрившись въ его безразсудности, немедленно о томъ представить училищному комитету; до того же времени должность его поручить другому, и воспретить ему, чтобы онъ впредь, мимо своего мѣстнаго начальства, подобныхъ просьбъ не разсылалъ, вопреки всѣхъ узаконеній противъ подчиненности, и о послѣдующемъ меня особенно увѣдомить. Попечитель московскаго учебнаго округа генералъ-майоръ Писаревъ".

Наставленіе ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультетовъ.

24 октября 1849 г.

1) Въ инструкціи ректору и деканамъ изложены ихъ обязанности и порядокъ дѣйствія въ надзорѣ за университетскимъ преподаваніемъ. Между тѣмъ современныя политическія обстоятельства и господствующія въ западной Европѣ идеи требуютъ особеннаго въ этомъ отношеніи предостереженія, которое, по самому существу своему, не подлежитъ гласности и должно быть извѣстно только лицамъ, имѣющимъ ближайшее наблюденіе за ходомъ образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

2) Ректоръ университета и деканы факультетовъ, будучи обязаны имѣть постоянный и дѣятельный надзоръ за преподаваніемъ всѣхъ вообще предметовъ, входящихъ въ кругъ университетскаго ученія, обращаютъ особенное и самое бдительное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыхъ изложеніе, по предосудительному духу настоящаго времени, можетъ подавать неблагонамѣренности болѣе случаевъ ко внушенію молодымъ людямъ неправильныхъ и превратныхъ понятій о предметахъ политическихъ. Таковы, напримѣръ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія коихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

3) При предварительномъ разсмотрѣніи программъ этихъ наукъ, которыя, по своей важности, утверждаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, при посѣщеніи лекцій и во время испытаній, ректоръ и деканы строго наблюдаютъ за неприкосновенностію начала, служащаго основою нашего государственнаго быта. Оно состоитъ въ томъ, что Россія, какъ по мѣстному своему положенію, нравамъ народнымъ и потребностямъ всѣхъ сословій, такъ и по вѣковымъ историческимъ событіямъ, упрочившимъ ея благоденствіе, не можетъ и не должна имѣть инаго образа правленія, кромѣ монархическаго самодержавнаго, въ которомъ государь, какъ покровитель церкви и отецъ отечества, есть не только средоточіе, но и соединеніе всѣхъ

властей въ государствѣ: законодательной, судебной и исполнительной. Посему въ университетскомъ преподаваніи ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допускаемо не только порицаніе нашего образа правленія, но даже изъявленіе сомнѣнія въ пользѣ и необходимости самодержавія въ Россіи.

4) Въ настоящее смутное время, когда большая часть такъ-называемой просвѣщенной Европы, забывъ евангельскую заповѣдь о повиновеніи законнымъ властямъ, поколебала и отчасти ниспровергла престолы царей съ провозглашеніемъ верховнаго властительства народа,—болѣе, нежели когда-либо надлежитъ ограждать университетское юношество отъ чуждыхъ намъ понятій о мнимомъ превосходствѣ республиканскаго или конституціоннаго правленія, объ ограниченіи монархической самодержавной власти, о равенствѣ всѣхъ состояній и тому подобнаго. Не довольствуясь отстраненіемъ этихъ зловредныхъ мнѣній, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ программахъ и преподаваніи рѣшительно ничего могущаго ослабить чувства преданности, вѣрности и покорности высочайшей власти и законамъ отечественнымъ.

5) Въ ректорѣ и деканахъ предполагается ясное понятіе о возникшихъ въ наше время, преимущественно во Франціи, разныхъ политико-экономическихъ системахъ, каковы сенъ-симонисты, фуріеристы, соціалисты и коммунисты, въ особенности о двухъ послѣднихъ, играющихъ столь важную роль въ современныхъ событіяхъ на западѣ Европы. Основная мысль ихъ, какъ извѣстно, есть достиженіе всѣми возможными средствами безусловнаго равенства. Объявивъ непримиримую войну всему, что возвышается надъ безземельною и бездомною чернью, коммунизмъ нагло подводитъ подъ свой желѣзный уровень всѣ состоянія, съ уничтоженіемъ всякихъ отличій породы, заслугъ, богатства и даже ума. Слѣдя внимательно за развитіемъ столь гибельнаго и, по несчастію, преуспѣвающаго мнѣнія въ Европѣ, ректоръ и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматриваемыхъ ими программахъ и воспрещать въ устномъ преподаваніи съ каѳедръ все, что можетъ, даже и косвенно, содѣйствовать къ распространенію у насъ этихъ разрушительныхъ началъ или служить имъ нѣкоторою опорою. Къ сему относятся разсужденія, имѣющія цѣлію унизить достоинство и пользу какого бы то ни было сословія въ государствѣ, или поколебать установленныя законами отношенія между разными состояніями, двусмысленные или сомнительные намёки на счетъ несбыточныхъ теорій объ общности капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, однимъ словомъ, всякаго рода попытки притязанія пролетаріевъ къ общественной и частной собственности.

6) Съ этимъ же намѣреніемъ и въ видахъ охраненія внутренняго въ Россіи спокойствія, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ лекціяхъ профессоровъ изъявлять, въ неумѣренныхъ выраженіяхъ, сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, говорить съ преувеличеніемъ о злоупотребленіи власти помѣщиковъ, или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ была бы полезна для государства.

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ.

Собственною рукою императора Николая Павловича написано: «Совершенно справедливо».

Сообщ. Фонъ-деръ-Ховенъ.

Султанъ турецкій и Запорожцы.

Во многихъ рукописныхъ сборникахъ попадается весьма курьезное письмо Запорожцевъ къ одному изъ турецкихъ султановъ въ XVII столѣтіи. У насъ два списка — одинъ въ объемистомъ сборникѣ прошлаго столѣтія, сообщ. А. А. Шишковымъ, а другой — списанъ покойнымъ Н. И. Бахтинымъ изъ бумагъ московскаго архива и сообщенъ намъ Н. Н. Селифонтовымъ. Мы приводимъ письмо Султана по первымъ двумъ спискамъ, а отвѣтъ Запорожцевъ по списку Н. И. Костомарова съ его примѣчаніемъ. Отмѣтимъ, что одинъ изъ варьянтовъ — письма Запорожцевъ — былъ, кажется, помѣщенъ въ «Описаніи хронографовъ» Андр. Попова. Ред.

Султанъ Мухамедъ IV къ запорожскимъ казакамъ.

1680 года.

Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ—солнца и луны, внукъ и намѣстникъ Божій, владѣтель всѣхъ царствъ: Македонскаго, Вавилонскаго и Іерусалимскаго, великаго и малаго Египта; царь надъ царями; властитель надъ всѣми существующими; необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый; хранитель неотступный гроба Іисуса Христа; попечитель Бога самого; надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, повелѣваю вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія, и меня вашими нападеніями не заставьте безпокоить! Султанъ турецкій Мухамедъ.

Запорожцы — турецкому Султану.

Ти шайтанъ турецкий, проклятого чорта братъ и товарищъ и самого люциперя секретаръ! який ти въ чорта лицарь, чортъ с..е, а ти и твое вийсько поживае. Не будешъ ти годенъ синівъ християньскіхъ підъ собою мати; твого вийська ми не боімося, землею и водою будемъ биться ми зъ тобою. Вавилонский ти кухарь, македонсь-

кий колесникъ, іерусалимський броварникъ, александрийський козолупъ, великого й малого Египта свинарь, армянська свиня, татарьский сагайдакъ, камінецький катъ, подольський злодіюка, самого гаспида внукъ и всёго світа и підсвіта блазень, а нашого бога дурень, свиняча морда, кобиляча с..ка, різницька собака, некрещений лобъ, ... бы твою чортъ паривъ! Оттакъ тобі козаки відказали, плюгавче, не вгоденъ еси матери вірнихъ християнъ. Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, місяць у небі, а годъ у книжиці, а день такий и у насъ якъ у васъ, поцілуй за се въ г...о насъ! Кошовий отоманъ Захарченко со всімъ кошомъ запорозькимъ.

Примѣчаніе. Вотъ въ какомъ видѣ извѣстенъ мнѣ отвѣтъ казаковъ султану. Трудно рѣшить, дѣйствительно ли былъ данъ такой отвѣтъ, или это измышленіе, но во всякомъ случаѣ старое, запорожское. Отвѣтъ этотъ можетъ относиться ко времени Мухамеда IV (царствовалъ съ 1648 по 1687), завоевавшаго Каменецъ (1672 г.) и Подоль; на это намекаютъ слова: «камінецький катъ, подольскій злодіюка». Для сопоставленія сравни приводимую въ Дневникѣ Титловскаго (напечатано въ приложеніяхъ къ I тому лѣтописи Величка стр. 3—5) переписку между королемъ польскимъ Сигизмундомъ III и турецкимъ императоромъ Османомъ.

Н. И. Костомаровъ.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ.

Род. 2 іюля 1831 г. † 20 іюня 1872 г.

Смерть Гильфердинга навсегда останется тяжкою утратою для лицъ искренно сочувствующихъ развитію науки въ нашемъ обществѣ, столь еще бѣдномъ ея подвижниками. И чѣмъ внезапнѣе вырвала она изъ среды нашей этого дѣятеля, тѣмъ болѣе всѣхъ поразила. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе: человѣкъ въ полномъ развитіи физическихъ и духовныхъ силъ, пріобрѣвшій всеобщее уваженіе на разнообразныхъ поприщахъ государственной и ученой, публицистической и общественной дѣятельности, — послѣ семидневной болѣзни, обращается въ бездыханный трупъ.

И гдѣ роковая смерть подстерегла свою жертву? Гдѣ скосила она безъ жалости еще одну жизнь — крайне полезную для нашего отечества?—На дальнемъ сѣверѣ, вдали отъ горячо любящей жены, вдали отъ друзей и многочисленныхъ почитателей, на рукахъ лишь преданнаго слуги, пораженнаго горемъ, а затѣмъ повергнутаго въ тотъ же недугъ, который погубилъ его господина.

А. Ѳ. Гильфердингъ скончался на 41-мъ году отъ рожденія, 20-го іюня 1872 года, въ Каргополѣ, ничтожномъ, нѣкогда ссылочномъ, городкѣ въ сѣверномъ углу Олонецкой губерніи.

Еще 7-го іюня мы видѣли его полнымъ силъ и въ обычномъ ему добромъ расположеніи духа. Весело простился онъ съ своими товарищами по службѣ и немногими знакомыми, и 8-го іюня отправился, въ сопровожденіи слуги, въ путешествіе по сѣвернымъ окраинамъ Россіи. То была вторая поѣздка его, исключительно съ ученою цѣлью, въ край суровый по климату, но привлекательный для него по тѣмъ драгоцѣннымъ памятникамъ народнаго творчества, какіе впервые открыты здѣсь г. Рыбниковымъ и которые провѣрилъ и дополнилъ но-

вымъ богатымъ собраніемъ А. Ѳ. въ прошлогоднее свое туда путешествіе.

Еще 10-го іюня А. Ѳ. писалъ къ женѣ, что онъ благополучно проѣхалъ на трешкотѣ семьдесятъ верстъ въ 17 часовъ, и ѣдетъ далѣе, а чрезъ десять дней—его не стало. Думаютъ, что, бесѣдуя съ крестьянами, которыми былъ переполненъ трешкотъ, онъ встрѣтилъ зараженнаго тифомъ, въ свою очередь заразился, и—это свело его въ могилу [1]). Такимъ образомъ онъ палъ жертвою любви къ наукѣ и той жажды любознательности, удовлетворенію которой онъ посвящалъ весь досугъ отъ занятій по службѣ.

I.

Александръ Ѳедоровичъ родился 2-го іюля, 1831 года. Отецъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, многіе годы служилъ директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ въ Царствѣ Польскомъ, князѣ Варшавскомъ, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Такимъ образомъ, въ Варшавѣ А. Ѳ. провелъ годы отрочества и юности. Рано потерявъ мать, нашелъ онъ въ отцѣ самый нѣжный, самый заботливый уходъ за его воспитаніемъ и образованіемъ. Трудно было встрѣтить человѣка добрѣе и мягче Ѳедора Ивановича. Всѣ свойства своего добраго сердца старикъ, какъ бы цѣликомъ, передалъ единственному своему сыну и другу. Лучшіе воспитатели и ученые, какіе 20-ть лѣтъ тому назадъ были въ Варшавѣ, окружали Александра Ѳедоровича, и мальчикъ, одаренный необыкновенными способностями, удивлялъ своими успѣхами, особенно въ языкахъ иностранныхъ. Не говоря уже о славянскихъ нарѣчіяхъ и о языкахъ новѣйшихъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ: ими онъ владѣлъ какъ роднымъ—А. Ѳ. въ совершенствѣ и весьма рано усвоилъ себѣ языки древне-греческій, латинскій и впослѣдствіи ознакомился съ языкомъ санскритскимъ.

Во всеоружіи знанія явился 17-ти-лѣтній юноша въ 1848 году въ московскій университетъ и здѣсь на самомъ трудномъ и серьёзномъ факультетѣ, каковъ историко-филологическій, сразу занялъ онъ первое мѣсто. Пріѣхалъ А. Ѳ. въ Москву въ тяжелый для университета періодъ: рядъ стѣснительныхъ мѣръ по народному образованію тормозилъ его ходъ; но еще были даровитые труженики, еще наука въ Россіи находила подвижниковъ, и полнѣйшее средоточіе ихъ все-таки оставалось въ стѣнахъ московскаго университета.

Въ 1852 году А. Ѳ. блистательно кончилъ курсъ кандидатомъ.

---

[1]) См. приложеніе I, корреспонденцію одного изъ жителей Каргополя въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» о послѣднихъ дняхъ жизни Гильфердинга.

Имя его стоитъ первымъ въ спискѣ вышедшихъ въ тотъ годъ изъ московскаго историко-филологическаго факультета. Въ слѣдующемъ 1853 году Академія Наукъ радушно приняла на страницы своихъ „Извѣстій“ трудъ молодого ученаго: то было сочиненіе Гильфердинга: „О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ“, и въ томъ же году защищалъ онъ, на степень магистра славянскихъ нарѣчій, диссертацію подъ заглавіемъ: „Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ“ (М. 1853 г.).

По свидѣтельству историка К. Н. Бестужева-Рюмина, одного изъ товарищей Гильфердинга по университету, „московская жизнь имѣла рѣшительное вліяніе на развитіе А. Ѳ.: онъ попалъ въ кругъ А. С. Хомякова, и такимъ образомъ рано вошелъ въ соприкосновеніе съ людьми, тогда еще стоявшими, казалось, въ сторонѣ отъ движенія общественной мысли, но вліянія которыхъ на ея развитіе теперь никто отрицать не будетъ. Многихъ ненужныхъ колебаній избавился онъ этимъ счастливымъ путемъ“.

Но А. С. Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы и весь этотъ кругъ благородныхъ и искреннихъ славянистовъ только укрѣпилъ А. Ѳ. въ томъ направленіи, какое подготовлено было въ немъ домашнимъ воспитаніемъ, его отцемъ—искреннимъ и просвѣщеннымъ патріотомъ и въ особенности уроками славяниста Паплонскаго (въ Варшавѣ), а затѣмъ университетскою наукою.

Вполнѣ отдавшись идеѣ сближенія западныхъ славянъ съ родственною имъ Россіею, молодой ученый углубился въ изученіе исторіи, нравовъ и быта народовъ западно-славянскаго міра; въ 1854 году мы видимъ его за двумя весьма замѣчательными сочиненіями: „Исторія Балтійскихъ Славянъ“ (въ „Москвитянинѣ“ и отдѣльной книгой т. I, М. 1855 г.) и „Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ“ (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русской Бесѣдѣ“ и отдѣльной книгой М. 1856—1859 годовъ). Очень хорошо понимая, что для изученія странъ и народовъ излюбленнаго имъ славянскаго міра мало одного книжнаго труда, А. Ѳ. постарался избрать такой родъ службы, который могъ бы дать ему наиудобнѣйшее положеніе для ученыхъ изысканій; въ этихъ видахъ онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и, по заключеніи мира въ 1856 году, принялъ мѣсто консула въ Босніи. Въ теченіе трехлѣтняго служенія въ странѣ, погруженной, вслѣдствіе ея порабощенія, въ совершенное невѣжество, А. Ѳ. всесторонне изучилъ славяно-турецкій міръ, изъѣздилъ край во всѣхъ направленіяхъ и результаты своихъ наблюденій передалъ въ обширномъ трудѣ: „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія“ (С.-П.-Б. 1859 г.). „Этотъ трудъ, по отзыву историка г. Бестужева-Рюмина, рядомъ

съ живыми очерками мѣстностей, заключаетъ въ себѣ много археологическихъ и историко-литературныхъ свѣдѣній. Сочиненіе это обратило на себя вниманіе всей русской литературы безъ различія лагерей".

Въ то же время Гильфердингъ представилъ мастерской обзоръ новѣйшихъ движеній западнаго славянства. Этотъ обзоръ изданъ имъ для западной Европы на французскомъ языкѣ, въ особой брошюрѣ: „Les Slaves Occidentaux", напечатанной, безъ имени автора, въ Парижѣ въ 1858 году.

Въ концѣ 1858 г. А. Ѳ. женился заграницей на В. Ф. Ридель, московской уроженкѣ.

Въ 1859 году, пишущій эти строки познакомился съ семействомъ Гильфердинга и съ полною искренностію долженъ сказать, что тринадцатилѣтнее знакомство съ Гильфердингами, навсегда пребудетъ самымъ дорогимъ, самымъ отраднымъ для меня воспоминаніемъ...

II.

Въ 1861 году А. Ѳ. оставилъ службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и принявъ приглашеніе государственнаго секретаря В. П. Буткова, поступилъ въ государственную канцелярію, гдѣ вскорѣ получилъ должность помощника статсъ-секретаря, при А. П. Заблоцкомъ-Десятовскомъ.

Здѣсь, съ 1861 по 1863 годъ включительно, А. Ѳ. Гильфердингъ работалъ въ департаментѣ государственной экономіи, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ предсѣдателя департамента государственной экономіи К. В. Чевкина.

Дѣятельность этого департамента государственнаго совѣта—всегда обширная, весьма многосложная — была особенно трудна въ указанные выше годы: въ то время выработывалась та новая система составленія финансовыхъ смѣтъ, государственнаго бюджета, разсмотрѣнія и затѣмъ дальнѣйшаго контроля по исполненію смѣтъ и бюджета, которая легла основаніемъ въ преобразованіи финансоваго управленія Россіи. А. Ѳ. Гильфердингъ скоро явилъ отличныя способности въ дѣятельности по департаменту государственной экономіи. Обширная память, быстрота соображенія, поразительное умѣнье схватить сущность дѣла и изложить его ясно, возможно кратко и въ то же время полно — весьма скоро выдвинули А. Ѳ. на служебномъ поприщѣ.

Въ теченіе восьми лѣтъ, пишущій эти строки былъ почти ежедневнымъ свидѣтелемъ служебной дѣятельности покойнаго. Невозможно повѣрить, до какой степени легко давалась самая многосложная работа этому человѣку. Сноровка и быстрота, съ какими работалъ

Гильфердингъ, почти вошли въ пословицу въ тѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ которыхъ онъ служилъ: все, что другимъ доставалось нерѣдко весьма усидчивымъ и упорнымъ трудомъ, что у другихъ выходило послѣ безчисленныхъ перемарокъ, то изъ-подъ пера Гильфердинга, въ немногіе часы, излагалось какъ-бы шутя, просто, легко, почти безъ помарокъ — и всегда въ изложеніи сжатомъ и ясномъ. Почеркъ его, кстати сказать, былъ очень четокъ и красивъ.....

Разъ въ недѣлю, обыкновенно по четвергамъ, вечеромъ, собирался у него небольшой кругъ друзей и знакомыхъ; въ послѣдніе годы въ эти вечера чаще всего сходились члены славянскаго комитета, и веселая, дружеская бесѣда и чтеніе новѣйшихъ произведеній литературы протягивались далеко за полночь. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ не предавался отдыху: почти каждое лѣто предпринималъ онъ поѣздки, то къ турецкимъ славянамъ, то къ австрійскимъ, то наконецъ по Россіи...

Въ 1863 году грянула надъ Россіею давно скоплявшаяся туча: возстала шляхетская Польша, двинулась дипломатическимъ походомъ вся западная Европа.

Послѣ ряда ошибокъ и колебаній Россія заговорила голосомъ смѣлымъ и достойнымъ.

Но кромѣ слова, нужно было и дѣло. И вотъ выдвигается на политическую арену дѣятель славный умомъ, по истинѣ государственнымъ, рѣшительный и смѣлый, незабвенный Н. А. Милютинъ.

Первою и едва-ли не наиболѣе блестящею его заслугою было умѣть выбрать ближайшихъ сотрудниковъ въ задуманномъ имъ, по высочайшей волѣ, всестороннемъ преобразованіи Польши. И вотъ въ числѣ лицъ, имена которыхъ тѣсно связанные съ трудами по освобожденію въ Россіи крестьянъ — навсегда пребудутъ достояніемъ исторіи, — приглашенъ на трудное дѣло А. Ѳ. Гильфердингъ.

Ему, взросшему въ Польшѣ, весьма рано ознакомившемуся и практически и научно съ язвами, снѣдавшими этотъ край; ему, посвятившему себя на изученіе славянства и на подготовку своего отечества къ осуществленію, хотя бы въ отдаленной будущности, грандіозной идеи объединенія славянскаго міра подъ главенствомъ Россіи — ему приглашеніе Н. А. Милютина было крайне дорого.

Онъ со всѣмъ пыломъ отдался новому дѣлу. Въ рядѣ блестящихъ статей, помѣщенныхъ тогда же въ газетахъ: „Письмо къ г. Ригеру“, „За что борются русскіе съ поляками“, „Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?“, „Положеніе и задача Россіи въ царствѣ польскомъ“, и проч.— А. Ѳ. съ тѣмъ достоинствомъ, мягкостью и приличіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тою неотразимою логическою по-

слѣдовательностью,—какія отличали всегда его полемическое перо, ознакомилъ отечество и Европу (его статьи явились въ переводѣ и въ иностранныхъ газетахъ) со всею исторіею, причинами и развѣтвленіями польскаго вопроса, словомъ сказать, раскрылъ всю сущность русско-польскаго дѣла и провелъ параллель между народомъ-паномъ, какова есть Польша, съ ея клерикально-шляхетской закваской, и народомъ-мужикомъ, т.-е. Россіей, съ ея многочисленнымъ крестьянствомъ, въ которомъ растворяется созданное искусственно дворянство.

Отчетливо выдѣливъ въ польскомъ народѣ полякa-обывателя, т.-е. шляхтича и горожанина отъ полякa-крестьянина, Гильфердингъ заключилъ одну изъ своихъ статей по польскому вопросу слѣдующими многознаменательными строками:

«Если польскимъ вопросомъ называется антагонизмъ противъ Россіи высшихъ слоевъ польской націи, или польскаго обывательства, польской интеллигенціи, то этотъ вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ: ибо онъ истекаетъ изъ принциповъ непримиримыхъ, изъ требованій, которыя никогда не будутъ удовлетворены. Этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ; но время его упразднитъ и отъ насъ собственно зависитъ, чтобы это сталось скоро или не скоро. Польскій вопросъ будетъ упраздненъ, когда съ одной стороны польская народность утратитъ господство, не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью русскою и литовскою въ нашемъ западномъ краѣ, и когда, съ другой стороны, устойчивая сила крестьянскихъ общинъ въ царствѣ польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи польскаго обывательства.

«А до тѣхъ поръ, это намъ надобно сказать себѣ напередъ, власть наша надъ Польшею не перестанетъ носить на себѣ характеръ насилія. Серьезнаго, дѣйствительнаго примиренія съ польскимъ обывательствомъ, пока оно не утратитъ надеждъ на возвращеніе западно-русскихъ земель и пока не переродится подъ вліяніемъ крестьянскихъ общинъ, быть не можетъ. Но и въ отношеніи къ обывательству мы можемъ сдѣлать одно великое дѣло. Я говорю о просвѣщеніи. Какъ мы погрѣшили передъ польскимъ крестьянствомъ, не воспользовавшись 30-ти-лѣтнимъ миромъ, чтобы сдѣлать для него то, что приходится дѣлать теперь, среди неустройства и борьбы, такъ точно погрѣшили мы и передъ всѣми прочими классами польскаго общества, закрывая или затрудняя имъ доступъ къ высшему образованію. Въ ослѣпленіи своемъ, мы думали, что полякъ, мало образованный, есть врагъ менѣе опасный, чѣмъ просвѣщенный полякъ. Сколько времени въ самой столицѣ царства не было даже высшихъ классовъ гимназическаго курса? Давно ли считали нужнымъ замѣнять въ Польшѣ основательное образованіе поверхностью кое-какихъ реальныхъ и техническихъ свѣдѣній? Мы не понимали, что именно врагъ опасныхъ для насъ польскихъ идей и стремленій есть наука и просвѣщеніе, что эти идеи и стремленія, будучи основаны на религіозномъ фанатизмѣ и исторической неправдѣ или ошибкѣ, принуждены либо игнорировать выводы науки, либо искажать ихъ. Настоящія событія въ Польшѣ доказываютъ съ достаточною ясностью, что самые злые противники наши между поляками люди или

полуобразованные, или вовсе невѣжественные. Съ поляком, основательно и серьезно образованным, мы можемъ еще столковаться; полуобразованный или вовсе невѣжественный обыватель будетъ всегда игрушкою людей, которые захотятъ фанатизировать его религіозную и патріотическую ненависть къ москалямъ. Всякое правительство, коль скоро оно беретъ въ свои руки общественное образованіе, съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя обязательство содѣйствовать ему всѣми своими силами: это для него долгъ совѣсти передъ народомъ. Но въ Польшѣ это для насъ даже болѣе, чѣмъ долгъ совѣсти; наша прямая политическая задача, для нашей собственной пользы—развивать въ этой странѣ всѣми средствами серьезное, основательное, научное образованіе. Прежняя система имѣла въ этомъ отношеніи, между прочими, очень важный, по моему мнѣнію, недостатокъ. Мы опасались скопленія юношей въ Варшавѣ и отправляли ихъ въ русскіе университеты; туда же обращали мы поляковъ, уроженцевъ западныхъ губерній, не дозволяя имъ ѣхать учиться въ Польшу. Конечно, при слабомъ управленіи и при дурной полиціи, значительное число молодежи въ столицѣ царства польскаго можетъ подать поводъ къ непріятнымъ для насъ демонстраціямъ и т. п.; но мнѣ кажется, что отъ насъ зависитъ предупреждать ихъ, и впрочемъ, всякія приключенія такого рода совершенные пустяки въ сравненіи съ положительнымъ вредомъ, происходящимъ отъ искусственнаго удаленія польской учащейся молодежи изъ центра страны. Пусть поляки отправляются добровольно слушать лекціи въ нашихъ университетахъ; чѣмъ больше будетъ такихъ охотниковъ, тѣмъ лучше. Но когда мы насильно заставляемъ поляка учиться въ Москвѣ или въ Петербургѣ и мѣшаемъ ему ѣхать въ Варшаву, то мы тѣмъ самымъ внушаемъ ему недовѣріе къ преподаваемой у насъ наукѣ. Онъ не можетъ не сказать себѣ: «должно быть въ наукѣ, какъ ее преподаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, кроются какіе-нибудь правительственные разсчеты: иначе зачѣмъ заставлять меня учиться непремѣнно тамъ, а не у себя дома?» Вотъ почему русское университетское преподаваніе получаетъ такъ мало вліянія на поляковъ и оказывается вообще такъ мало способнымъ внушать имъ серьезную любовь къ наукѣ. Прибавимъ еще другую вредную сторону этой системы. Полякъ, уроженецъ Литвы или Украины, желалъ бы ѣхать въ польскій университетъ; мы ему велимъ отправляться въ русскій. Неужели онъ отъ этого обрусѣетъ, неужели его польскій патріотизмъ ослабнетъ? Напротивъ, онъ является въ Москву или въ Петербургъ въ нѣкоторомъ смыслѣ изгнанникомъ, а въ изгнаніи, какъ извѣстно, ростутъ мечты, которыя на родной почвѣ разбиваются о живую дѣйствительность. Замѣчаютъ, что лучшее средство излечить поляка изъ западныхъ губерній отъ мечтательной идеи о великой, идеальной Польшѣ — послать его въ малую дѣйствительную Польшу, т.-е. въ царство польское; а мы, вмѣсто того, отправляемъ его еще дальше отъ родной его почвы, въ русскую среду, гдѣ, окруженный чужими, онъ долженъ еще болѣе сосредоточиться въ исключительности своихъ національныхъ идей.

«Я указалъ тѣ два предмета, которые составляютъ, какъ мнѣ кажется, существеннѣйшую задачу нашу въ царствѣ польскомъ. Наша обязанность тамъ,—и для нашей собственной пользы, и для блага польской націи,—доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго, научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія

не можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ, какъ я сказалъ, неразрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, и упразднить его могутъ только соціальныя средства....»

Такъ писалъ А. Ѳ. Гильфердингъ въ декабрѣ 1863 года и въ этихъ словахъ развивалъ программу тѣхъ реформъ, въ которыхъ ему довелось принять непосредственное и важное участіе: 19-го февраля 1864 года изданъ рядъ законоположеній, распространившихъ благодѣтельное дѣйствіе положеній 19-го февраля 1861 года на крестьянство привислинскаго края; 30-го августа 1864 года, обнародованъ рядъ указовъ относительно устройства народнаго образованія въ Польшѣ; объ учрежденіи десяти дирекцій для наблюденія надъ народными школами, объ освобожденіи сихъ школъ изъ-подъ вѣдѣнія ксендзовъ и шляхты и объ основаніи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ сельскихъ гминъ, народныхъ училищъ; объ учрежденіи въ Варшавѣ русскихъ учебныхъ заведеній (мужской и женской гимназій съ русскимъ же начальнымъ училищемъ). Къ январю 1866 года явился рядъ уставовъ для среднихъ учебныхъ заведеній, и десять (съ того же 1866 года) губерній царства польскаго покрылись сѣтью правильно организованныхъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, съ русскимъ языкомъ для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ [1]), съ хорошо устроенною организаціею для управленія ими, значительными окладами содержанія для преподавателей и воспитательницъ и проч., и проч. Всѣ эти труды совершились въ особомъ, тогда еще не объявленномъ оффиціально комитетѣ по дѣламъ царства польскаго, въ канцелярію котораго, въ началѣ 1864 года, и перешелъ изъ департамента экономіи А. Ѳ. Гильфердингъ, принявши также участіе и въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Въ обширной дѣятельности этихъ обоихъ учрежденій А. Ѳ. принималъ самое живое участіе, и говорить о его служебныхъ трудахъ за время съ 1864 по 1872 годъ включительно, значитъ излагать всѣ тѣ обширныя законодательныя работы, которыя, выработанныя или разсмотрѣнныя въ обоихъ этихъ комитетахъ, удостоились высочайшаго утвержденія и были обнародованы въ видѣ уставовъ, положеній, указовъ, правилъ, высочайшихъ повелѣній и проч.

Такъ по польскому комитету мѣры по устройству учебной части въ царствѣ завершены были учрежденіемъ университета въ Варшавѣ, и доразвитіемъ многихъ мужскихъ и женскихъ прогимназій въ цѣлыя гимназіи. Относительно духовенства бѣлаго и чернаго,

[1]) Позднѣе, именно въ 1870—1871 годахъ введено преподаваніе всѣхъ предметовъ по-русски. Ред.

католическаго и грекоуніатскаго, послѣдовалъ также рядъ реформъ: закрыто множество монастырей, этихъ разсадниковъ невѣжества, политическаго и религіознаго изувѣрства въ царствѣ; духовенство освобождено отъ земель и содержаніе его, въ весьма достаточныхъ размѣрахъ, переведено на средства казны. Все административное управленіе края съ 1866 года преобразовано: съ новымъ раздѣленіемъ на губерніи и уѣзды, явились губернскія и уѣздныя правленія, при этомъ точно и ясно опредѣленъ кругъ дѣятельности этихъ учрежденій особымъ положеніемъ; составлены штаты ихъ и проч. Возникла земская стража, организація, оказавшаяся съ теченіемъ времени въ высшей степени благодѣтельною для края. Наконецъ, въ концѣ 1871 и въ 1872 гг. А. Ѳ. выпала доля принять весьма дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ по устройству судебной части въ царствѣ польскомъ, долженствующихъ довершить преобразованія въ этой странѣ....

Въ разностороннихъ и обширныхъ трудахъ по комитету по дѣламъ царства польскаго, Н. А. Милютинъ находилъ въ Гильфердингѣ помощника неутомимаго. Въ трудъ свой онъ внесъ обычную ясность и глубину мысли и поразительную быстроту работы; въ обширномъ образованіи и необыкновенной начитанности черпалъ онъ массу свѣдѣній, необходимыхъ для разработки важныхъ государственныхъ актовъ, являвшихся изъ-подъ его пера въ первоначальной ихъ редакціи. Какъ „редакторъ", т.-е. какъ излагатель соображеній и рѣшеній комитетовъ и государственнаго совѣта, А. Ѳ. Гильфердингъ не многихъ имѣлъ себѣ равныхъ. Такой простоты, ясности, можно сказать, изящества въ изложеніи давно не видала государственная канцелярія, издавна между тѣмъ, со временъ еще Сперанскаго и Тургеневыхъ — привыкшая видѣть въ своей средѣ многихъ весьма способныхъ и образованныхъ чиновниковъ.

Коснувшись дѣятельности А. Ѳ. по польскому комитету, мы не станемъ излагать его трудовъ по главному комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ коротко, что въ теченіе восьми лѣтъ изъ множества дѣлъ, иногда весьма сложныхъ и по существу своему важныхъ, не было почти ни одного, сколько-нибудь значительнаго, въ которомъ такъ или иначе А. Ѳ. не принималъ бы участія.

III.

Служебная дѣятельность, какъ ни была она разнообразна, и можно сказать, интересна, не могла однако вполнѣ поглотить покойнаго. Напротивъ, наблюдая этотъ гибкій, тонкій умъ и ту поразительную

легкость и быстроту, которыя онъ проявлялъ въ своихъ трудахъ, можно было ещe подумать (хотя не совсѣмъ вѣрно), что служба для него—дѣло такъ себѣ, между прочимъ, но что сущность его трудовой жизни—занятіе наукой. Да, это былъ подвижникъ науки въ полномъ смыслѣ этого слова..... Многіе годы посвятилъ онъ труду весьма обширному и важному: „Исторіи Славянъ", изъ которой весьма лишь небольшіе отрывки были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы". Этотъ трудъ, отличающійся широтою замысла, замѣчательною ученостью автора, перечитавшаго массу самыхъ разнообразныхъ къ нему источниковъ, такъ и остался не оконченнымъ. Невозможно и думать, чтобъ Россія, по крайней мѣрѣ скоро, выдвинула изъ среды своихъ сыновъ продолжателя этого капитальнаго и единственнаго труда, столь же ученаго и даровитаго, какимъ былъ покойный А. Ѳ. Гильфердингъ.

Около 1868 года, въ Петербургѣ открытъ отдѣлъ московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Предсѣдателемъ отдѣла и истинною душою его оживлявшаго, былъ покойный Гильфердингъ.

Дѣятельность отдѣла хорошо извѣстна изъ ежегодныхъ, своевременно-обнародованныхъ отчетовъ. Число членовъ отдѣла значительно; засѣданія его посѣщались многими лицами. Здѣсь можно было встрѣтить представителей всѣхъ классовъ и кружковъ петербургскаго общества: ученые, литераторы, артисты, банкиры, негоціанты, военные, чиновники, представители высшихъ классовъ общества—все это здѣсь соединялось ..... Всею душой отдаваясь развивавшейся дѣятельности славянскаго комитета, Гильфердингъ не могъ не радоваться, что идея, одушевлявшая его съ юныхъ лѣтъ, о необходимости нашего духовнаго единенія съ западно-славянскимъ міромъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе русскаго общества.

28-го сентября (10-го октября) этого года, какъ извѣстно изъ газетъ, должно было происходить торжество освященія православной церкви въ Прагѣ.

Этотъ первый храмъ православія созданъ въ столицѣ родной намъ Чехіи при усиліяхъ и пожертвованіяхъ петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, правильнѣе сказать благодаря энергіи его предсѣдателя.

И вотъ на этомъ многознаменательномъ торжествѣ не суждено присутствовать одному изъ главнѣйшихъ его виновниковъ!

Что-то будетъ теперь, послѣ кончины Гильфердинга, съ петербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета?

Онъ его создалъ, онъ провелъ его среди нѣкоторыхъ преградъ явившихся въ началѣ его бытія; онъ развилъ его дѣятельность, на-

конецъ близко было то время, когда разсѣялась бы и послѣдняя тѣнь предубѣжденія, существующая и въ литературѣ и въ обществѣ, противъ дѣятельности такъ-называемыхъ „славянофиловъ“; но сомкнулись вѣжды лучшаго изъ поборниковъ идеи славянства въ Россіи, и кто знаетъ апатію нашего общества и его неустойчивость во всякомъ добромъ начинаніи, тотъ не удивится, если послѣ немногихъ лѣтъ замретъ и память о петербургскомъ славянскомъ комитетѣ.....

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ А. Ѳ. былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія географическаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что географическое общество вообще и этнографическое ея отдѣленіе въ особенности поспѣшитъ воздать должное заслугамъ покойнаго на поприщѣ разработки этнографіи нашего отечества.

Независимо отъ того, что въ годы предсѣдательства Гильфердинга засѣданія отдѣленія этнографіи значительно оживились, а литература наша пріобрѣла нѣсколько капитальныхъ трудовъ по этнографіи, таковы: „Сборникъ пѣсень, г. Шейна“, „Сборникъ народныхъ заклинаній Л. Майкова, труды гг. О. Миллера, Носовича (бѣлорус. загадки и послов.), Барсова („духовные стихи“), Микуцкаго („остатки жизни Полабскихъ славянъ“) и друг., самъ уважаемый предсѣдатель принесъ многоцѣнный вкладъ въ науку этнографіи. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1871 года, онъ, съ немалыми трудностями, нерѣдко верхомъ, по самымъ непроѣзднымъ тропинкамъ, объѣздилъ самыя дальнія глухія захолустья Олонецкой губерніи и смежныхъ съ нею уѣздовъ другихъ губерній, и вывезъ оттуда громадное собраніе былинъ [1]). Образчики этого собранія были представлены имъ на страницахъ „Русской Старины“ (изд. 1871 г., т. IV, стр. 451—459 и 1872 г., т. V, стр. 497—517). По его стараніямъ петербургское общество имѣло случай познакомиться съ однимъ изъ замѣчательныхъ пѣвцовъ былинъ, 78-ми-лѣтнимъ старикомъ Рябининымъ [2]). Этотъ крестьянинъ былъ зимою 1871 г. въ Петербургѣ и пѣлъ въ засѣданіяхъ этнографическаго общества, славянскаго комитета и у многихъ лицъ на дому. Читатели газетъ конечно помнятъ тотъ характеристическій эпизодъ, который произошелъ въ совѣтѣ географическаго общества, когда этнографическій отдѣлъ вошелъ съ ходатайствомъ о награжденіи Рябинина медалью. Въ газетахъ было въ то время разсказано, съ какимъ достоинствомъ А. Ѳ. Гильфердингъ велъ себя въ этомъ

[1]) Весьма любопытное описаніе этой поѣздки помѣщено Гильфердингомъ въ III кн. «Вѣстника Европы» 1872 г.: «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» (стр. 82—130).

[2]) Портретъ этого пѣвца былинъ, въ прекрасной гравюрѣ академика А. Л. Сѣрякова, приложенъ къ 3-й книгѣ «Русской Старины» 1872 г.

прекраніи и о томъ, какъ Рябинину, по ходатайству августѣйшаго предсѣдателя географическаго общества, высочайше дарована была медаль.

Поѣздка, предпринятая А. Ѳ. нынѣшнимъ лѣтомъ съ тою же ученою цѣлью собранія этнографическихъ матеріаловъ, въ самомъ началѣ привела его къ преждевременной смерти....

IV.

Ученые и публицистическіе труды покойнаго были весьма разнообразны и многочисленны. Въ теченіе 20-ти лѣтъ (съ 1852—1872 годовъ) они появлялись въ весьма многихъ органахъ нашей печати, а именно: въ „Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ“, „Запискахъ Географическаго Общества“, „Русской Бесѣдѣ“, „Днѣ“, „Русскомъ Инвалидѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Русскомъ Словѣ“, „Москвитянинѣ“, „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“, „Зарѣ“ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, и въ „Русской Старинѣ“.

Въ 1868 году пишущему эти строки удалось убѣдить покойнаго собрать хотя нѣкоторыя изъ болѣе замѣчательныхъ его статей, разсѣянныхъ по журналамъ и газетамъ и выпустить въ свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи. Мы предложили даже свои труды и средства по напечатанію этого перваго собранія его сочинсній. Всегда скромный, А. Ѳ. долго не соглашался, наконецъ, намъ удалось его убѣдить.

Изданіе вышло въ свѣтъ въ томъ же 1868 году, подъ его редакціею, въ двухъ томахъ, въ большую осьмушку, весьма изящно отпечатанное на хорошей бумагѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Собраніе сочиненій А. Гильфердинга“. Томъ I (440 стр.), т. II (600 стр.). Цѣна за оба тома 5 рублей. [1]).

Въ первомъ томѣ помѣщены: „Исторія Сербовъ и Болгаръ“ (въ 2-хъ частяхъ), „Изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи“, и „Очеркъ исторіи Чехіи“.

Во второмъ томѣ — подъ общимъ заглавіемъ: „Статьи по современнымъ вопросамъ славянскимъ“ — собрано восемнадцать наиболѣе замѣчательныхъ монографій Гильфердинга. Они обнимаютъ собою весь славянскій міръ, какъ западный, такъ и восточный. Статьи эти слѣдующія: 1) Славянскіе народы въ Австріи и Турціи. 2) Народное возрожденіе сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи. 3) Развитіе на-

[1]) Авторъ подарилъ въ библіотеку пишущаго эти строки особый библіографическій экземпляръ своихъ сочиненій съ надписью: «Виновнику бытія сей книги».

родности у западныхъ славянъ. 4) Венгрія и славяне. 5) Историческое право хорватскаго народа. 6) Государственное право сербскаго народа въ Турціи. 7) Чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ славянъ? 8) Взглядъ константинопольскаго грека на болгарскія и славянскія дѣла. 9) Духъ народа сербскаго. 10) Гавличекъ. 11) Славянскія народности и польская партія въ Австріи. 12) Взглядъ западныхъ славянъ на Россію. 13) Письмо къ г. Ригеру въ Прагу о русско-польскихъ дѣлахъ. 14) Польскій вопросъ. 15) Литва и Жмудь. 16) Россія и ея инородческія окраины на западѣ. 17) Древній Новгородъ. 18) Сельская община.

Одинъ перечень статей, вошедшихъ въ это изданіе, указываетъ на разнообразіе и интересъ его. Желательно, чтобы и всѣ остальныя сочиненія Гильфердинга, разсѣянныя въ поименованныхъ выше періодическихъ изданіяхъ, были собраны въ послѣдующіе томы этого собранія и вышущены въ свѣтъ. Академія Наукъ должна бы принять на себя изданіе его „Исторіи славянъ“; этимъ бы она загладила тотъ стыдъ, который нанесенъ ей нѣмецкими ея сочленами, забалотировавшими, года два тому назадъ, Гильфердинга—въ члены академіи,—единственно вслѣдствіе служенія его славянству и анти-нѣмецкимъ интересамъ.

Обширный сборникъ собранныхъ Гильфердингомъ въ 1871 г. былинъ и побывальщинъ, еще при жизни автора, начатъ изданіемъ въ особой книгѣ, въ большую осьмушку, въ два столбца; вся рукопись (1203 полулиста) приготовлена къ печати и сдана въ типографію самимъ Ал. Ѳ—мъ; до сихъ поръ отпечатано съ небольшимъ 20-ть листовъ, весь же томъ будетъ изъ 40 листовъ. П. А. Гильтебрандтъ, принимавшій участіе въ первой половинѣ труда Гильфердинга, передалъ окончаніе печатанія сборника профессору петербургскаго университета О. Ѳ. Миллеру.

V.

Въ заключеніе нашего очерка, остановимся на нравственныхъ качествахъ покойнаго Гильфердинга. Обыкновенно въ умершихъ находятъ одни лишь достоинства; но мы отъ всей души должны сказать, что наши похвалы вызываются полнѣйшею правдою, а отнюдь не обычаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ссылаясь на всѣхъ, кто только зналъ А. Ѳ. Гильфердинга, скажемъ отъ всего сердца, что благороднѣе, гуманнѣе, добрѣе этого человѣка не было въ нашемъ обществѣ. У него были друзья, были пріятели, были многочисленные знакомые, но не было завистниковъ и враговъ. Не только во всю жизнь онъ никому не сдѣлалъ зла, но никто, положительно никто не слыхалъ отъ него о комъ-либо дурного слова. Сдержанность и замѣча-

тельный тактъ въ обращеніи были отличительными чертами его характера. Еще менѣе расположенія было въ немъ къ педантизму: какъ въ служебныхъ, такъ и въ частныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда одинаковъ, всегда готовъ помочь словомъ и дѣломъ. Двадцатилѣтняя служба въ канцеляріяхъ не очерствила его сердце и не измѣнила его гуманнаго обращенія съ знакомыми и сослуживцами... Постоянно привѣтливый, онъ никогда даже не былъ, какъ говорится, не въ духѣ. По крайней мѣрѣ, въ тринадцать лѣтъ нашей дружбы я не видывалъ, чтобы нездоровье, многосложные труды, или какія-либо непріятности и горе (а у него было его не мало) сколько-нибудь повліяли на всегда ровное, неизмѣнно доброе состояніе духа. Повторю совершенно справедливыя слова К. Н. Бестужева-Рюмина:

„Личности, болѣе изящной, какимъ былъ покойный А. Ѳ. Гильфердингъ, какъ въ умственномъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случалось видѣть... Будемъ надѣяться, что такія лица являются въ обществѣ не даромъ, что они своимъ примѣромъ и воспоминаніемъ о себѣ приносятъ существенную пользу".

Редакція „Русской Старины", съ чувствомъ глубокой скорби занося на свои страницы эту тяжкую для нашего отечества утрату,— долгомъ считаетъ засвидѣтельствовать, что въ немъ она находила всегда добрый совѣтъ и поддержку въ трудахъ по изданію, и самая программа нашего ежемѣсячнаго сборника была составлена при содѣйствіи А. Ѳ. Гильфердинга.

Послѣ Александра Ѳедоровича осталась прекрасная библіотека (слишкомъ 6 т. томовъ), собранная съ большимъ выборомъ. Желательно, чтобы она, въ полномъ составѣ, была пріобрѣтена какимъ-либо ученымъ обществомъ или учрежденіемъ въ Россіи.

Рукописи, вывезенныя Гильфердингомъ изъ славянскихъ земель, еще при жизни, проданы имъ одному московскому купцу, какъ мы слышали, за 6 т.

Бумаги покойнаго, по его завѣщанію, разобраны К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, В. И. Ламанскимъ и г. Будиловичемъ. **Ред.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга.

«По словамъ камердинера, Ефима Ивановича, который за болѣзнію три недѣли находился въ Каргополѣ, въ больницѣ, Гильфердингъ ѣхалъ по Свири на пароходѣ съ начальникомъ губерніи, Г. Г. Григорьевымъ, возвращавшимся изъ Лодейнаго-Поля, и былъ совершенно здоровъ. Разставшись съ губернаторомъ на Вознесенской пристани, Александръ Ѳедоровичъ, увлекаемый интересами

науки, захотѣлъ пробыть нѣкоторое время между толпой простого народа, прислушаться къ его говору, услышать старинную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешкотѣ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзнью. На трешкотѣ всегда толпа чернаго, рабочаго народа, въ которой часто бываютъ полубольные или заболѣвающіе тифомъ; доѣхавъ до Вытегры, они обыкновенно поступаютъ въ больницу; да и вообще скучиваніе большой массы рабочихъ людей въ одномъ мѣстѣ, подъ палящими лучами солнца, не можетъ не повліять вредно на свѣжаго съ слабымъ организмомъ человѣка, попавшаго въ эту массу. Какъ только покойный сошелъ въ Вытегрѣ съ трешкота, тотчасъ почувствовалъ упадокъ силъ, потерю аппетита и общее разстройство здоровья, но, къ несчастію, такъ мало придавалъ всему этому значенія, что вовсе не обратился къ доктору за совѣтомъ; а докторъ, конечно, сдѣлалъ бы правильную діагностику и выяснилось бы тогда, что у него развивается страшная болѣзнь — брюшной тифъ. Немедленное возвращеніе въ столицу на пароходѣ, привычная обстановка, попеченія родныхъ и искусство врачей — болѣе чѣмъ вѣроятно спасли бы жизнь нашего ученаго; но судьба опредѣлила иначе. По какому-то необъяснимому ослѣпленію, а очень можетъ быть, вслѣдствіе утраты сознанія, почти въ бреду, покойный считалъ себя совершенно здоровымъ, за исключеніемъ потери аппетита, а потому выѣхалъ изъ Вытегры и проѣхалъ еще 200 верстъ по гористой дорогѣ. По пріѣздѣ въ Каргополь, 15-го іюня, вечеромъ, симптомы болѣзни выразились съ такой силой и въ такихъ формахъ, что продолжать поѣздку было невозможно, и врачебная помощь оказывалась необходимою. Нашъ городовой врачъ, докторъ медицины Волоцько, призванный къ больному, съ ужасомъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ быстро развивающимся брюшнымъ тифомъ, а отъ прислуги узналъ, что болѣзнь, имѣвшая въ высшей степени острый характеръ, продолжается уже нѣсколько дней. Самъ же больной увѣрялъ, что онъ совершенно здоровъ и просилъ только объ одномъ: возвратить ему аппетитъ. Докторъ съ перваго раза увидѣлъ, что болѣзнь развита въ такой степени, при которой благополучный исходъ весьма сомнителенъ, за всѣмъ тѣмъ взялся за леченіе съ неутомимой энергіей и посѣщалъ своего паціента 10—15 разъ въ сутки. Между тѣмъ, по прибытіи покойнаго въ Каргополь, на другой день послана была телеграмма къ супругѣ его въ Петербургъ, извѣщавшая объ опасной болѣзни ея мужа. Черезъ четыре часа отвѣтъ: «Принять всевозможныя мѣры къ спасенію страждущаго, не жалѣя никакихъ издержекъ». 18-го іюня, когда была потеряна всякая надежда, докторъ, чтобъ не поразить внезапнымъ ударомъ родственниковъ своего паціента, уклонился отвѣтомъ на полученную телеграмму отъ г-жи Гильфердингъ, просившей сообщить о положеніи мужа, и телеграфировалъ на имя г. Б. Р., своего человѣка въ семействѣ Гильфердингъ, — что надежда на выздоровленіе немыслима, а потому просилъ приготовить супругу и родныхъ къ роковому извѣстію. Наконецъ, 20-го іюня, во вторникъ, около полудня, послѣ сильной рвоты, послѣдовала смерть—и въ тотъ же день получена телеграмма изъ Петербурга, извѣщавшая, что г-жа Гильфердингъ собирается выѣхать въ Каргополь и привезти съ собой доктора. Г. Волоцько отвѣчаетъ черезъ того же г. Б. Р., что все кончено, и послѣ этого телеграфъ передаетъ уже только распоряженія относительно похоронъ, отправки тѣла въ Петербургъ и проч.».

II. Поминки Гильфердинга въ Карлсбадѣ.

Вѣсть о смерти А. Ѳ. Гильфердинга была принята русскимъ обществомъ съ глубокимъ соболѣзнованіемъ; оно поспѣшило выразить уваженіе къ памяти достойнаго дѣятеля. Во многихъ періодическихъ нашихъ изданіяхъ появились, проникнутые глубокимъ чувствомъ, некрологи (особенно замѣчательна статья о покойномъ, одного изъ его близкихъ друзей, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина въ газетѣ «Голосъ») [1]). Въ Петербургѣ—Славянскимъ комитетомъ, русскимъ кружкомъ въ одномъ изъ городовъ Прибалтійской окраины, и въ Каргополѣ отслужены панихиды по покойномъ....

За роднымъ рубежемъ, въ Карлсбадѣ, протоіерей от. Кустодіевъ, послѣ литургіи, отслуженной 24-го іюня въ русской церкви, взволнованнымъ голосомъ объявилъ присутствовавшимъ вѣсть о смерти А. Ѳ. Гильфердинга; при этомъ почтенный священникъ сказалъ, какъ извѣстилъ корреспондентъ газету «Голосъ», приблизительно слѣдующее: «Нынѣ дошло сюда горестное извѣстіе о смерти извѣстнаго нашего литературнаго, общественнаго и даже церковнаго дѣятеля Александра Ѳедоровича Гильфердинга. Извѣстіе это до того меня поразило, что я чувствую потребность сообщить его вамъ, и сообщить именно здѣсь, въ храмѣ. Конечно, немногіе изъ васъ не знаютъ имени покойнаго; вижу среди васъ и людей, знавшихъ его лично, какъ и я зналъ его. Александръ Ѳедоровичъ умираетъ еще молодымъ, когда, по нашимъ человѣческимъ разсчетамъ, нужно бы было еще надѣяться на долгую его жизнь, и умираетъ, судя по короткому извѣстію о его смерти въ Каргополѣ, жертвой своихъ ученыхъ трудовъ на нашемъ дальнемъ сѣверѣ, куда онъ благополучно отправлялся и въ прошломъ году для своихъ ученыхъ изысканій. Мысль его многоплодно простиралась и на сѣверъ, но она болѣе утверждалась на югѣ въ той великой задачѣ, къ рѣшенію которой онъ стремился съ свойственною ему настойчивостью и благоразуміемъ. Вотъ что сердечно жаль: молодымъ онъ оставилъ эту жизнь! Что-то есть странное и страшное въ томъ, замѣченномъ уже явленіи, что у насъ добрые и энергическіе дѣятели, почти на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, умираютъ преждевременно. Впрочемъ, беру назадъ слово преждевременно по отношенію къ усопшему нашему собрату: не въ храмѣ, не передъ Богомъ произносить это слово. Господь дѣлаетъ все въ свое время, а жизнь наша въ рукахъ Господа. Мы потеряли въ усопшемъ, что особенно нужно замѣтить и чего особенно недостаетъ въ нашей общественной и церковной дѣятельности, дѣятеля съ энергіей и послѣдовательностью въ тѣхъ задачахъ, которыя онъ преслѣдовалъ. Будемъ помнить это, примемъ къ сердцу эту потерю. Помолимся объ усопшемъ, да Господь Богъ изъ его смерти, какъ изъ сѣмени, воздвигнетъ тысячи подобныхъ дѣятелей».

Послѣ этого, протоіерей Кустодіевъ отслужилъ панихиду по усопшемъ, за которою оставались всѣ присутствовавшіе въ храмѣ за обѣдней.

III. Погребеніе Гильфердинга въ Петербургѣ.

4-го іюля, рано утромъ, тѣло А. Ѳ. Гильфердинга привезено въ Петербургъ изъ Каргополя въ свинцовомъ гробѣ; его тогда же встрѣтила большая толпа

---

[1]) Кромѣ статьи г. Бестужева-Рюмина въ «Голосѣ» (№ 53, 23-го іюня), укажемъ статьи о Гильфердингѣ: въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 года, №№ 168 и 195; въ «Бирж. Вѣд.» статья П. А. Гильтебрандта (іюнь 1872 г.) и въ «Вѣстникѣ Европы» 1872 г., кн. 8 статья г. А. П.

знакомыхъ и почитателей покойнаго. На пароходѣ «Царь», на которомъ привезено тѣло, совершена была литія архимандритомъ въ сослуженіи нѣсколькихъ іереевъ. Родственники, друзья и близкіе покойнаго Александра Ѳедоровича вынесли къ пристани на рукахъ тяжелый гробъ и поставили на приготовленную колесницу. Печальная процессія потянулась черезъ весь городъ къ Новодѣвичьему монастырю, гдѣ послѣ заупокойной обѣдни было предано землѣ тѣло ученаго труженика.... Вотъ слово, сказанное при совершеніи печальнаго обряда ректоромъ санктпетербургской духовной семинаріи, архимандритомъ Хрисанфомъ. Оно настолько замѣчательно, что не должно затеряться въ газетныхъ листахъ. Перепечатываемъ его съ позволенія о. Хрисанфа и съ его поправками:

«Не часто и не во множествѣ являются среди насъ лица, подобныя умершему, съ которымъ такъ неожиданно разстаемся мы нынѣ на вѣки... Его смерть есть потеря не для близкихъ только его сердцу, не для друзей его только. Это потеря общественная. Говоря это, мы, конечно, высказываемъ лишь общую мысль, общее чувство всѣхъ окружающихъ въ настоящую минуту его гробъ. Да, имя умершаго, какъ общественнаго дѣятеля, извѣстно всей мыслящей Россіи, оно не безъизвѣстно и за ея предѣлами, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ слышится наша родная, славянская рѣчь—отъ сѣвера до горъ Карпата и до нашего стариннаго «синяго моря»...

«Это былъ служитель науки, знанія. Всякое знаніе есть нравственная сила, движущая человѣка по пути къ совершенству Таково оно и предъ христіанскимъ Богомъ, который есть Богъ «разумовъ». Но наука, которой служилъ почившій, имѣетъ для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самаго близкаго къ намъ вопроса — вопроса о насъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея завѣтными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его сродствѣ съ другими единоплеменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ. Изучить народный языкъ, органъ нашей духовной жизни, уяснить народныя преданія и вѣрованія, оставшіяся отъ былыхъ временъ, уловить складъ народной мысли и чувства, войти въ самый духъ народной жизни, показать живую связь его бытовой жизни съ другими однородными племенами — вотъ задачи его научной дѣятельности.

«Нужно ли говорить о важности этой задачи, о томъ, что съ этимъ вопросомъ о нашемъ народномъ самосознаніи связанъ вопросъ о нашемъ будущемъ, что развитіе національнаго чувства и сознанія обусловливаетъ собою самый ростъ народной жизни? Первый признакъ нравственнаго развитія народа, какъ и отдѣльнаго человѣка — это чувство самосознанія, самоуваженія. Гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ нѣтъ и разумнаго стремленія къ лучшему, совершеннѣйшему. Тамъ младенчество, дѣтство народной мысли. Гдѣ нѣтъ любви къ своему родному, ближайшему, тамъ нѣтъ любви ни къ кому, и ни къ чему— тамъ апатія, нравственное усыпленіе. Напрасно мнимые граждане цѣлаго міра — космополиты, хотятъ прикрыть свое бездушное чувство именемъ любви къ цѣлому человѣчеству. Человѣчество мы узнаемъ прежде всего въ лицѣ народа, которому принадлежимъ. Его только и можно любить живой любовью. Иначе нѣтъ для насъ предмета живой привязанности. Иначе это человѣчество существуетъ для насъ только въ понятіи, въ идеѣ.... Нѣтъ, народъ, незнающій себя, непривязанный къ своей родной землѣ, безплодная вѣтвь на деревѣ человѣчества, ничего не внесетъ онъ изъ себя и въ общее достояніе народовъ міра.... Впрочемъ, не въ виду этого гроба одного изъ ревностныхъ подвижниковъ народной идеи раскрывать эту несомнѣнную истину.

«Но этотъ, такъ важный для нашей общественной жизни, вопросъ былъ особенно важенъ въ наше время, и именно потому, что до послѣдняго времени мы не знали и не хотѣли знать себя. Это былъ одинъ изъ самыхъ живыхъ, современныхъ вопросовъ, потому что только теперь мы начинаемъ приходить къ сознанію необходимости самостоятельной жизни среди другихъ народовъ, только нынѣ начинаетъ развиваться въ насъ чувство народнаго самоуваженія, только недавно вспомнили мы и о нашихъ единокровныхъ братьяхъ, нѣкогда близкихъ къ намъ, а теперь удаленныхъ отъ насъ и пространствомъ, и своими историческими судьбами. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія мыслью и чувствомъ мы тяготѣли къ жизни другихъ народовъ, забывая о своей родной странѣ, мы знали ее менѣе, чѣмъ страны отъ насъ далекія, мы отчуждались и отъ вѣры нашихъ отцовъ и отъ народнаго быта. Отъ насъ исходили ревнители и ревнительницы чуждыхъ намъ религій, поборники чуждыхъ намъ интересовъ.

«Хвала тебѣ, почившій поборникъ національныхъ стремленій, за то, что своимъ словомъ будилъ нашу народную мысль; хвала и всѣмъ еще прежде него почившимъ братьямъ, среди которыхъ воспитался умершій и которые были первыми, еще мало признанными проповѣдниками народной идеи.

«Но почившій собратъ нашъ служилъ своему дѣлу и призванію не однимъ научнымъ трудомъ. Много значитъ его литературная дѣятельность, но далеко не все. Онъ любилъ свое призваніе, говоря словами писанія: «Не словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною». Это была одна изъ тѣхъ живыхъ, энергическихъ натуръ, которыя стремятся воплотить слово въ дѣло и фактъ, для которыхъ мало было отозваться на современную потребность однимъ словомъ сочувствія.

«Это былъ дѣятель въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова.... Не напрасно и не по имени только здѣсь, у насъ, онъ былъ центромъ всѣхъ живыхъ, дѣятельныхъ стремленій нашихъ во имя славянства. Всѣ мы знаемъ это, знаютъ объ этомъ и тамъ — среди самихъ славянскихъ племенъ. Въ самой государственной службѣ онъ является, какъ ревностный помощникъ одного, также недавно умершаго поборника русскаго дѣла, русскихъ интересовъ въ борьбѣ съ одноплеменнымъ, но непріязненнымъ намъ народомъ. Словомъ, вся жизнь его была однимъ нераздѣльнымъ, цѣльнымъ служеніемъ одному дѣлу — одной національной идеѣ.

«Но не то же ли говоритъ о немъ и самая смерть его, такъ поразившая насъ своею неожиданностью? Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу. Смерть застигла его въ глухомъ краю, куда стремился онъ единственно за тѣмъ, чтобъ собрать дорогія для него преданія народной жизни изъ устъ народа, среди котораго еще уцѣлѣли слѣды первобытныхъ временъ, имѣющіе скоро и здѣсь исчезнуть.... Конецъ, достойный жизни!

«Правда, жертва эта не искупаетъ нашей потери.... Еще много и много обѣщала эта жизнь, прерванная такъ внезапно и среди полнаго развитія своихъ силъ.... Фактъ, повидимому, совершенно подавляющій мысль.... Съ нимъ никакъ не мирится наше чувство.

«Да! смерть разумныхъ существъ вообще есть печальная тайна, «таинство» какъ называетъ ее церковь.... Въ эту тайну съ трудомъ проникаетъ наша мысль. Что значитъ эта смѣна разумной жизни этимъ видимымъ ничтожествомъ? зачѣмъ жизнь носитъ въ себѣ зародышъ смерти и откуда въ ней эта

другая, враждебная ей сила смерти? Что дѣлается при этомъ съ разумнымъ достояніемъ нашего духа, ужели и оно гибнетъ?... На эти вопросы не отвѣчаетъ наша мысль, или отвѣчаетъ колеблясь, съ недоумѣніемъ....

«Но мы здѣсь, въ храмѣ живаго Бога, который не сотворилъ смерти и самъ не знаетъ измѣненій. Мы вѣруемъ въ глаголы вѣчной жизни, исходящіе изъ Того, кто Самъ есть воскресеніе и жизнь; мы знаемъ, что сила духа и мысли—самая царственная и господственная изъ всѣхъ міровыхъ силъ, та сила, что покоряетъ себѣ всѣ силы природы, сама не можетъ умереть, смѣшаться съ этими другими силами, исчезнуть въ общей жизни природы, что она не «разліется, яко мягкій воздухъ»... Мы знаемъ также, что не умираетъ и достояніе разумной жизни въ исторіи. Надъ нами есть высшая сила, сила Провидѣнія, которая движетъ и направляетъ судьбы человѣчества. Не случайны созданія нашей разумной жизни и не затѣмъ являются онѣ, чтобъ когда-либо случайно погубила ихъ слѣпая сила природы, чтобъ онѣ безслѣдно исчезли отъ какой-нибудь физической катастрофы, какъ думаетъ объ этомъ та мудрость, что не признаетъ ничего, кромѣ бездушныхъ силъ матеріи.

«Смерть въ физическомъ смыслѣ есть зародышъ новой жизни. Въ соціальномъ и нравственномъ она есть также сѣмя будущаго. Не затѣмъ является живая многоплодная мысль, чтобъ пропасть и затеряться. Не умираютъ, не умрутъ высокія нравственныя начинанія. Они развиваются и осуществляются дѣятелями, оставшимися въ живыхъ, и грядущими поколѣніями. Таковъ законъ исторіи, указанный Провидѣніемъ. Не умретъ, не должна умереть среди насъ и дѣятельность почившаго, посвященная высокой нравственной цѣли.

«Итакъ, намъ, живымъ, и нашимъ грядущимъ родамъ предстоитъ развить, докончить начатое имъ и его предшественниками. Да не оскудѣваетъ же въ насъ вѣра въ правоту общаго—ихъ и нашего—дѣла. Вѣрою жили они, только вѣрою и умирали, не пріемше обѣтованій. Слово ихъ было только словомъ, и не возбуждало сочувствія. Но вѣра оправдала ихъ. Воспринявшій отъ нихъ эту вѣру нынѣ почившій дѣятель видѣлъ уже лучшіе дни для своей дѣятельности..., Будемъ надѣяться, что мы увидимъ дни еще лучшіе.

«Вотъ завѣтъ, данный намъ смертью одного изъ ревностныхъ поборниковъ нашихъ народныхъ стремленій. Предъ его гробомъ дадимъ обѣтъ навсегда быть вѣрными нашему общему родному дѣлу, нашей отечественной странѣ.....

«А ему воздадимъ благодарность за его ревность, за его труды на общую пользу. Теперь, когда онъ уже не существуетъ для нашего міра, и здѣсь, предъ лицомъ Бога, съ нашей стороны самымъ лучшимъ выраженіемъ благодарности къ нему можетъ быть только теплая молитва къ Вѣчному Источнику жизни объ успокоеніи души его.

«Помолимся же, да Господь «учинитъ душу его идѣже вси праведніи упокоются».

СПИРИДОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПАЛАУЗОВЪ.

† 14-го августа 1872 г.

Вскорѣ послѣ смерти академика П. П. Пекарскаго, послѣдовавшей въ нынѣшнее лѣто въ Павловскѣ, тамъ же, 14-го августа, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался, 53-хъ лѣтъ отъ роду, другой, русскій ученый, Спиридонъ Николаевичъ Палаузовъ, хотя не столько извѣстный, но также не мало потрудившійся для русской науки. Покойный С. Н. Палаузовъ получилъ весьма основательное и многостороннее образованіе; онъ зналъ весьма хорошо древніе языки: греческій и латинскій; изъ новыхъ языковъ: нѣмецкій, французскій и итальянскій, почти всѣ славянскія нарѣчія и языкъ турецкій. Болгаринъ по происхожденію, онъ родился 16-го іюля 1818 г. въ Одессѣ, и послѣ окончанія курса тамъ въ лицеѣ, отправился для усовершенствованія своего за границу, гдѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изучалъ въ разныхъ университетахъ преимущественно историко-филологическіе предметы, а въ мюнхенскомъ университетѣ и науки политико-экономическія, за что и былъ удостоенъ этимъ университетомъ ученой степени доктора политико-экономическихъ наукъ По возвращеніи въ Россію, онъ поселился сначала въ Москвѣ и выдержалъ тамъ въ университетѣ, въ 1845 году, испытаніе на степень кандидата по 1-му отдѣленію философскаго факультета (т.-е. историко-филологическаго). Съ этого времени опредѣлилось будущее направленіе его ученой дѣятельности; сдѣлавшись въ слѣдующемъ, 1846 году, дѣйствительнымъ членомъ императорскаго общества исторіи и древностей, состоящаго при московскомъ университетѣ, онъ сталъ посвящать свое время на изученіе исторіи и преимущественно исторіи славянскихъ племенъ. Первымъ замѣчательнымъ трудомъ Палаузова въ этомъ направленіи было историческое изслѣдованіе, появившееся въ печати въ 1852 году подъ названіемъ: „Вѣкъ болгарскаго царя Симеона“, знакомящее съ состояніемъ церковно-славянской литературы въ ея

древнѣйшую эпоху и весьма важное для занимающихся славянскою и русскою литературою. Въ томъ же 1852 году С. Н. Палаузовъ, по переселеніи своемъ въ С.-Петербургъ, удостоенъ былъ с.-петербургскимъ университетомъ ученой степени магистра славянской словесности и вслѣдъ за тѣмъ поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Теоретическія изслѣдованія С. Н. Палаузова по части исторіи славянскихъ племенъ имѣли прочную почву; они были провѣрены и личными наблюденіями, сдѣланными имъ въ разное время во время путешествія его по славянскимъ землямъ въ Турціи и въ Австріи. На него смотрѣли, какъ на знатока въ этомъ дѣлѣ и этому-то обстоятельству онъ былъ обязанъ тѣмъ, что во время послѣдней англо-французско-турецкой войны онъ, состоя на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, былъ, по высочайшему повелѣнію, временно откомандированъ въ распоряженіе командующаго войсками 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ князя Горчакова, какъ лицо, по знанію языка и мѣстныхъ обстоятельствъ въ Турціи, въ Княжествахъ и въ Болгаріи, могущее быть весьма полезнымъ. Въ этой командировкѣ Палаузовъ находился съ марта до конца октября 1864 года, и кромѣ другихъ обязанностей, исполненныхъ съ полнымъ усердіемъ и неутомимостью, участвовалъ весьма дѣятельно въ устройствѣ переселенія въ предѣлы Россіи значительнаго числа болгарскихъ семействъ, которые, послѣ снятія нами осады крѣпости Силистріи, оставили свое отечество, опасаясь мщенія турокъ. Наблюденіе за переселенцами, приведеніе въ извѣстность ихъ числа и имущества, устройство порядка ихъ слѣдованія и обезпеченіе ихъ нуждъ возложены были на дѣйств. ст. сов. Озерова и полковника графа Адлерберга, въ помощь которому былъ приданъ С. Н. Палаузовъ. Всего переселенцевъ было 890 семействъ въ числѣ 5,614 душъ и при нихъ состояло 1,357 возовъ имущества.

Не исчисляя здѣсь всѣхъ многочисленныхъ трудовъ С. Н. Палаузова, напечатанныхъ частью отдѣльно и бо́льшею частью въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и непрерывавшихся даже и во время службы его въ министерствѣ финансовъ, во время управленія имъ варшавскою таможнею, мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Кромѣ вышеупомянутаго сочиненія: „Вѣкъ болгарскаго царя Симеона“, имъ изданы: „Румынскія государства“ (1859 г.), „Австрія со времени революціи 1848 года“ (1860 г.), „Венгрія въ современныхъ отношеніяхъ къ Австріи“ (1861 г.)

Въ числѣ предметовъ изученія покойнаго С. Н. Палаузова занимали видное мѣсто Болгарская исторія и исторія древней Византіи. Кромѣ того, что напечатано имъ было по этимъ вопросамъ, отъ него

осталось, какъ намъ извѣстно, значительное собраніе матеріаловъ, относящихся къ Болгарской и Византійской исторіи, изъ которыхъ многіе уже вполнѣ обработаны. Изданіе ихъ, безъ сомнѣнія, было бы цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки, такъ какъ въ нихъ авторъ раскрываетъ еще непочатой источникъ — внутреннюю жизнь византійцевъ и болгаръ. Въ послѣдніе годы своей жизни С. Н. Палаузовъ посвящалъ значительную часть своего времени на редакцію трудовъ археографической коммиссіи, гдѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ членовъ при своемъ отличномъ знаніи древнегреческаго языка и славянскихъ нарѣчій и при своемъ основательномъ филологическомъ образованіи, доказательствомъ чему можетъ служить вышедшее въ 1871 году подъ его редакціею изданіе „Лѣтописи по Ипатьевскому списку“ 1871 года [1]). Кромѣ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, С. Н. Палаузовъ состоялъ членомъ ученыхъ обществъ: Императорскаго русскаго археологическаго общества (преимущественно по части отечественныхъ древностей и въ особенности тѣхъ, которыя имѣютъ соотношеніе съ Византійской археологіей), императорскаго Русскаго Географическаго общества и Одесскаго общества исторіи и древностей.

Въ частной жизни С. Н. Палаузовъ былъ примѣрнымъ семьяниномъ и отличался рѣдкою добротою и довѣрчивостію, не оставлявшею его даже послѣ многихъ разочарованій, испытанныхъ имъ въ жизни. Одно изъ такихъ разочарованій, лишившее его небольшого капитала, составлявшаго значительную часть его достоянія, вмѣстѣ съ другими неудачными попытками обезпечить будущность своей семьи и съ безсонными ночами, проведенными имъ въ послѣдній годъ за изнурительными трудами, ради насущнаго хлѣба, подѣйствовали пагубно на его здоровье, бывшее до того времени крѣпкимъ и сильнымъ, и свели его въ преждевременную могилу.

Миръ праху твоему, честный труженикъ науки, вѣрный товарищъ и истинно добрый человѣкъ!

А. С. Вороновъ.

Сентября 16-го, 1872 года.

---

[1]) Нѣкоторые недостатки этого изданія, ни мало впрочемъ не умаляющіе его достоинствъ, были указаны въ «Русской Старинѣ» 1871 г., кн. XII, (библіогр. листокъ). **Ред.**

АРХЕОЛОГІЯ.

Распоряженіе Петра I о вознагражденіи за археологическія находки.

За человѣческие кости за всѣ (ежели чрезвычайного величества) тысячю рублефъ, а за голову пят сот рублеф. За денги і протчие вещи, коі спотписью, вдвое чего онѣ стоят.

За камни спотписью по разсужденію.

Один гроб скостми привесть не трогая.

Гдѣ наидутца такие всѣму дѣлать чертежи, как что наидут.

Сообщ. П. И. Барановым.

Въ описи архива правительствующаго сената, составленной П. И. Барановымъ (Спб., 1872 г., т. I, стр. 50), подъ № 561, 1718 г., іюня 11, значится: «Собственноручная записка Петра I о размѣрѣ вознагражденія за вырытыя изъ земли археологическія вещи, съ приказаніемъ дѣлать чертежи всему найденному».

Пользуясь этимъ указаніемъ, мы обратились къ П. И. Баранову и благодаря его весьма обязательному сообщенію, приводимъ этотъ интересный документъ. Ред.

ломъ 124), извлечены изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и относятся къ событіямъ, происходившимъ въ Малороссіи въ 1668 году. Здѣсь читатель встрѣтитъ весьма важныя свѣдѣнія объ измѣнѣ гетмана Брюховецкаго, о внутреннемъ состояніи Малороссіи въ ту эпоху, любопытныя біографическія подробности о Заднѣпровскомъ гетманѣ Петрѣ Дорошенкѣ, епископѣ Мееодіѣ, Лазарѣ-Барановичѣ и извѣстномъ въ старопечатной литературѣ архимандритѣ Иннокентіѣ Гизелѣ. Есть также одинъ документъ (№ 9), касающійся бунта Стеньки Разина, изъ котораго, между прочимъ, оказывается, что «нынѣ многіе въ войскѣ русскіе казаки и хохлочи говорятъ, что имъ на Волгу идти—будетъ воровать, а на Дону де жить имъ не у чего». Въ прибавленіяхъ къ этому тому напечатано 112 документовъ, извлеченныхъ изъ московскаго архива министерства юстиціи и относящихся къ исторіи малороссійскихъ казаковъ отъ смерти Богдана Хмельницкаго до весны 1663 года. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, въ которыхъ говорится объ измѣнѣ Выговскаго и о состояніи умовъ въ Малороссіи въ то время, о ссорѣ Выговскаго съ Пушкаремъ, о нападеніи Данилы Выговскаго на Кіевъ, о временахъ наказнаго гетмана Якима Сомка. Но особенно интересна отписка князя Григорія Ромодановскаго царю Алексѣю Михайловичу о странныхъ явленіяхъ и привидѣніи въ опустѣломъ городкѣ, построенномъ Хмельницкимъ. Царь велѣлъ кн. Ромодановскому «развѣдывать тайнымъ обычаемъ, подлинно: Богданъ Хмельницкой въ Чигиринѣ въ верхнемъ городкѣ для чего не жилъ, и городовое и иное какое строеніе, которое приказывалъ онъ въ томъ городкѣ строить, разбрасывалось, и отъ чего чинилоеь, отъ Божія ли изволенія, или отъ непріязни?» Изъ разспросныхъ рѣчей оказалось, что башню разбилъ громъ, сарай разломанъ вихремъ; на Пасху и на Рождество земля въ томъ городкѣ гремитъ «тѣмъ обычаемъ какъ стрѣляютъ изъ пушекъ»: на камнѣ, въ городкѣ, много разъ видѣли сидящаго человѣка, «самъ бѣлъ и платье бѣлое», и пр.

Седьмой томъ вышелъ подъ редакціей Н. И. Костомарова и, при внѣшнихъ достоинствахъ изданія, исполненъ глубокаго и живаго интереса.

Письма Петра В. хранящіяся въ И. П. Библ. и описаніе находящихся въ ней рукописей, содерж. матер. для исторіи его царствованія. Состав. А. Ѳ. Бычковымъ. Спб. Тип. Траншеля, 1872 года.

Мы говорили о юбилейныхъ изданіяхъ въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Петра Великаго («Рус. Стар.» 1872 г., кн. VI). Теперь къ нимъ прибавилось еще весьма интересное изданіе, составленное и изданное отъ имени Императорской Публичной Библіотеки, неутомимымъ ея дѣятелемъ, А. Ѳ. Бычковымъ. Въ первое отдѣленіе книги вошло 44 письма и указа (между ними одинъ трактатъ); во второмъ—подробно и обстоятельно описано 38 сборниковъ, хранящихся въ И. П. Библіотекѣ и содержащихъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для исторіи Петра Великаго. Къ концу книги приложенъ указатель лицъ (статья въ немъ о Петрѣ отличается особенною подробностію; свѣдѣнія о немъ расположены не только по годамъ, но даже по мѣсяцамъ и числамъ) и предметовъ (на предметный указатель обращаемъ вниманіе читателей: онъ представляетъ удачный опытъ соединенія предметнаго указателя съ содержаніемъ или оглавленіемъ).

Въ предисловіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ, между прочимъ, говоритъ: «Важность для отечественой исторіи всего, написаннаго Петромъ Великимъ, несомнѣнна. До сего времени было издано много его писемъ и бумагъ, но еще болѣе остается необнародованныхъ. Къ сожалѣнію, все, до сихъ поръ изданное напечатано бо́льшею частію крайне неисправно и небрежно и разбрасано въ сотняхъ томовъ, при чемъ нѣкоторыя письма были повторены по нѣскольку разъ, и каждый разъ съ новыми ошибками; кромѣ этого, подлинники нѣкоторыхъ изъ числа напечатанныхъ писемъ уже невозвратно погибли, или перешли къ заграничнымъ собирателямъ автографовъ. Въ виду всего этого нельзя не пожелать, чтобы приступлено было къ изданію такого собранія писемъ и бумагъ Петра Великаго, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ подъ его пера».

Это справедливое желаніе уже удовлетворено: не давно состоялось высочайшее повелѣніе объ образованіи коммиссіи для собранія и изданія всего, написаннаго Петромъ Великимъ.

Обозрѣніе книгъ, гравюръ и монетъ временъ царствованія Петра В. и Екатерины I. Сост. Я. Березинъ-Ширяевъ. Спб., 1872. 12°, X и 80 стр.

Коллекція эта принадлежитъ любителю отечественной старины г. Березину-Ширяеву и хранится въ его библіотекѣ, которая уже получила нѣкоторую извѣстность чрезъ изданные почтеннымъ ея владѣльцемъ «Матеріалы для библіографіи». Изъ этой брошюры видно, что въ библіотекѣ г-на Березина-Ширяева находится: 1) книгъ временъ Петра В.—41; 2) книгъ временъ Екатерины I—4; 3) гравюръ временъ П. В.—28; 4) монетъ временъ П. В.—71; 5) монетъ временъ Е. I—12; 6) сочиненій о жизни Петра Великаго—39. Все это описано съ нѣкоторою подробностію; жаль, что при книгахъ нѣтъ сличеній съ другими библіографическими пособіями и руководствами.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третій годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома,** изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія,** не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова** (**Невскій проспектъ, 30**); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Трута. кв. № 12.**

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны: **Записки Болотова** (томъ IV и послѣдній), **Лагарпа, М. А. Бестужева, Т. П. Пассекъ;** документы изъ архивовъ **кн. Голенищева-Кутузова,** кн. **Куракиныхъ,** гр. **Стакельбергова,** кн. **Щербатова,** свѣтл. кн. **А. А. Италійскаго** графа **Суворова-Рымникскаго,** именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералисимуса кн. **Суворова;** свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина,** — записки: гр. **Ѳ. П. Толстаго,** адмир. **Колзакова, И. И. Горбачевскаго,** кн. **С. Г. Волконскаго,** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго,** записки ген. **Толя,** кн. **А. А. Шаховскаго, Европеуса** о бунтѣ военныхъ поселянъ, **И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831 - 1841 гг.); генерала **Фелькнера,** ак. жив. **А. В. Ступина** (1775—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича;** секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг., дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Дѣло **Волынскаго;** письма гр. **Бестужева-Рюмина,** гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II;** письма императоровъ: **Павла I, Александра I,** цесар. **Константина;** императр. **Елизаветы Алексѣевны; Трощинскаго;** гр. **Аракчеева,** гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова;** мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова;** и воспоминанія о немъ **М. Н. Похвиснева;** 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховитинова;** неизданныя маги **А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина,** статьи **В. Н. Каразина;** сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щебальскаго;** статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади,** кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова,** проф. **Брикнера, Н. П. Дурова.** Сообщ.: **К. С. Сербиновича,** кн. **П. Д. Волконскаго,** кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго,** кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делянова, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзанова, Н. Ѳ. Крузе,** гр. **Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича,** бар. **Ѳ. А. Бюлера, М. Ѳ. Бороздина,** и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи — **Мих. Ив. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ третій. **НОЯБРЬ.** 1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Алексѣй Петровичъ **Ермоловъ**. Воспоминанія **М. Н. Похвиснева** 475

II. Донесенія и письма **А. П. Ермолова**: имп. Александру I, гр. Аракчееву, **кн.** Волконскому, Паскевичу и др. Сообщ. **М. Н. Похвисневъ** 493

III. Письма **А. П. Ермолова къ П. А.** Кикину. 1817—1832 гг. Сообщ. **кн. П. Д. Волконскій**. . 501

IV. **А. П. Ермоловъ** къ П. Н. Ушакову. 1851 г. Сообщ. **С. Г. Ушакова** 538

V. Знакомство съ Ермоловымъ. 1847 г. Сообщ. **С. И. Храповицкій** 539

VI. Письмо **Н. Н. Муравьева** къ А. П. Ермолову и отвѣтъ кавказскаго офицера. 1855 г. Сообщ. **И. А. Пузыревскій и Л. Н. Павлищевъ** 542

VII. Воспоминанія доктора **И. И. Европеуса** о бунтѣ военныхъ поселянъ 1831 г. 547

VIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Бутурлины и Юшковы, замѣтки **Н. Ѳ. Самарина**. (559). 2. Царица Прасковья: ея письма. Сообщ. **П. И. Барановъ**. (563). 3 Указъ Петра III св. Синоду о соблюденіи правосудія. 1762 г. (567). 4. Ф. И. де-Ливронъ: морской бой со шведами 1790 г. (569). 5. А. Н. Радищевъ, біографическій очеркъ Н. А. Радищева. (573). 6. Къ исторіи русской цензуры: а) Распоряженія 1817 и 1835 гг. (582). б) А. И. Красовскій. (583). 7. Аракчеевщина: разсказы, стихи и пѣсни его времени. (589). 8. Съѣздъ членовъ «Союза Благоденствія», отвѣтъ Н. М. Орлову — **Е. И. Якушкина**. (597). 9. К. Ѳ. Рылѣевъ: замѣтка **Д. Кропотова**. (602). 10. Къ исторіи Севастопольскаго погрома: а) Кн. И. Ѳ. Паскевичъ. (604). б) Записка имп. Николая Павловича барону Вревскому (605).

IX. Замѣтки, поправки и дополненія: (606).

X. Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на обертѣ). Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1794 гг. **томъ третій,** часть XXI, письма 208—215: Бытъ русскаго дворянства 1782—1783 гг.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. **1873 г.** (четвертый годъ изданія). Цѣна 8 руб. съ пересылкой и доставкой.

„Русская Старина“ **1870** и **1871** гг. разошлись сполна по подпискѣ. „Русская Старина“ **1872** г. (изданіе второе) можно получить всѣ 12-ть книгъ, цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Русская историческая библіотека, издаваемая петербургскою археографическою коммиссіею. Т. I. Спб., 1872, 8°, 2 нед., XIII и 846 столбцевъ, Ц. 2 р.

Въ концѣ 1869 года здѣшняя археографическая коммиссія обратила вниманіе на рукописи Императорской Публичной Библіотеки и главнаго штаба на иностранныхъ языкахъ, касающіяся западной Россіи и объясняющія ея отношеніе къ Руси Московской и Польшѣ, и собрала достаточное количество цѣннаго матеріала, который и рѣшено было издавать подъ названіемъ «Русская Историческая Библіотека».

Въ первый томъ, изданный нашимъ извѣстнымъ ученымъ М. О. Кояловичемъ, вошли: 1) отрывки дневника польскаго сейма 1605 года, относящіеся къ Смутному времени; 2) дневникъ событій (1603—1613), извѣстный подъ именемъ исторіи ложнаго Димитрія; 3) походъ Димитрія самозванца въ Москву; 4) походъ Сигизмунда III въ Россію (1609—1610); 5) отрывки дневника о войнѣ царя Михаила Ѳедоровича съ польскимъ королемъ Владиславомъ IV (1632—1634). Хотя эти матеріалы уже извѣстны нашимъ ученымъ, но археографическая коммиссія совершенно справедливо полагаетъ, что всѣ замѣчательные памятники и матеріалы, имѣющіе значеніе первоисточниковъ, открываемые и изучаемые нашими учеными, должны быть издаваемы, ибо трудно, почти невозможно бываетъ учесть и провѣрить изслѣдователя, работающаго по рукописямъ, доступъ къ которымъ для другого можетъ быть закрытъ по какимъ-либо обстоятельствамъ, напримѣръ по мѣсту жительства и т. п.

Памятники, вошедшіе въ составъ перваго тома «Русской Исторической Библіотеки», снабжены русскимъ переводомъ, что весьма важно для лицъ, незнакомыхъ или мало-знакомыхъ съ языкомъ польскимъ. На нашъ взглядъ: было бы менѣе обременительно для издателя и успѣшнѣе для дѣла (т.-е. томъ могъ выйти изъ печати нѣсколькими мѣсяцами раньше), еслибъ, вмѣсто переводовъ, прилагалось обстоятельное, подробное содержаніе памятника: мы вполнѣ убѣждены, что почтенный издатель и коммиссія согласятся съ нашимъ мнѣніемъ.

Къ тому приложены: примѣчанія, хронологическій указатель, списокъ находящихся въ томѣ документовъ, указатель лицъ и мѣстъ.

Архивъ Юго-Западной Руси. Часть первая. Томъ четвертый. Кіевъ, 1881, 8°, 4 нед., 100 и 747 стр. Ц. 2 р.

Кіевская археографическая коммиссія, занявшая, благодаря своимъ прекраснымъ и многимъ трудамъ, столь высокое мѣсто между однородными коммиссіями, начертала для себя, съ 1859 года, новый планъ работъ. Эта новая серія ея изданій называется «Архивомъ Юго-Западной Россіи», котораго досель издано одиннадцать томовъ и еще въ нынѣшнемъ году ожидается два или три тома. Вся эта серія распадается на нѣсколько самостоятельныхъ частей; въ каждой части свой порядокъ томовъ, отдѣльный. Документы каждой части располагаются въ строго-хронологическомъ порядкѣ и затѣмъ дѣлятся на томы, изъ которыхъ каждому предшествуетъ обстоятельное, ученое изслѣдованіе и указатель. Начатыя коммиссіею части распредѣляются такъ: I—исторія православной церкви и уніатской (4 т.); II—сеймы и сеймики (1 т.); III—казаки (2 т.); IV—шляхетскіе роды (1 т); V—города (1 т.); VI—крестьяне (2-й т., 1-й еще не вышелъ). Кромѣ этихъ частей, еще не оконченныхъ, коммиссіею обѣщаны слѣдующія: войны, судъ, государственная экономія, жиды. Коммиссія состоитъ изъ трехъ лицъ: предсѣдателя М. В. Юзефовича и двухъ членовъ: профессора университета В. Б. Антоновича и К. Е. Родохліба-Козловскаго, первые труды котораго по коммиссіи выйдутъ, какъ мы слышали, въ этомъ мѣсяцѣ.

Четвертый томъ первой части, изданный подъ редакціею талантливаго молодаго ученаго В. Б. Антоновича, содержитъ въ себѣ 239 документовъ, относящихся къ исторіи уніи и состоянію православной церкви съ половины XVII вѣка (1648—1798). Мы позволимъ сдѣлать одно только замѣчаніе, объ указателѣ: 1) онъ хотя и полонъ, но черезъ-чуръ голъ: почти однѣ нераскрытыя цифры; 2) указатель лицъ напечатанъ однимъ сплошнымъ крупнымъ шрифтомъ, во всю страницу; давнымъ-давно принято употреблять для текста указателя мелкій шрифтъ, а для названій такъ-называемый жирный, самый указатель всегда печатается въ два столбца, а иногда (in—4°) даже въ три; 3) ощутительно отсутствіе предметнаго указателя.

Архивъ правительствующаго сената. Томъ I. Составилъ П. Барановъ. Спб., Сен. Тип. 1872, 8°, XXXI и 167 стр.

Въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ хранится дѣлъ и документовъ — всего 3,613,808 нумеровъ; изъ нихъ выдѣляются, по своей важности, именные высочайшіе указы и повелѣнія съ 1704 по 1865 гг. (121, 240) и указы и протоколы верховнаго тайнаго совѣта съ 1726 по 1730 г. (2397). Изъ сличенія такъ-называемаго «Полнаго Собранія Законовъ», въ которое должны были войти всѣ высочайшіе указы и повелѣнія, съ матеріаломъ, хранящимся въ петербургскомъ сенатскомъ

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

(По поводу помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ матеріаловъ, подъ заглавіемъ: „Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ“).

Помѣщенный въ «Русской Старинѣ», за текущій годъ, рядъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: «Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ», исключительно состоящихъ изъ оффиціальныхъ донесеній и писемъ трехъ названныхъ лицъ, — значительно разъясняетъ одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ нашей новѣйшей исторіи. Обстоятельства, при которыхъ открылась персидская кампанія 1826 года, назначеніе Паскевича въ помощь Ермолову по военной части, возникшія между этими генералами неудовольствія, поѣздка въ Грузію начальника главнаго штаба барона Дибича, съ обширными полномочіями, для разслѣдованія истиннаго положенія дѣлъ и принятія мѣръ къ точному исполненію высочайшихъ предначертаній, за тѣмъ увольненіе Ермолова и замѣщеніе его Паскевичемъ, — всѣ эти событія, полныя историческаго интереса какъ по своей сущности, такъ и по участію въ нихъ трехъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи императора Александра и его Преемника, до послѣдняго времени были покрыты нѣкоторою таинственностью, и нерѣдко служили предметомъ самыхъ противорѣчивыхъ толковъ и сужденій. Статьи г. Погодина о Ермоловѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1863 и 1864 годы, и напечатанныя въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1867 — 1868 годовъ донесенія генерала Ермолова императорамъ Александру и Николаю, равно переписка его съ управлявшимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельроде, впервые ознакомили русскую публику съ одною стороною этихъ со-

бытій. Другая сторона уясняется напечатанными нынѣ въ «Русской Старинѣ» письмами и донесеніями Паскевича и Дибича. Благодаря этимъ документамъ, мы имѣемъ теперь возможность составить себѣ довольно вѣрное понятіе объ истинномъ положеніи дѣлъ на нашей кавказской окраинѣ при воцареніи императора Николая, о характерѣ и образѣ дѣйствій трехъ главныхъ дѣятелей въ этомъ краѣ, наконецъ, о той коллизіи, которая возникла между тогдашнимъ знаменитымъ правителемъ Грузіи и его счастливымъ противникомъ,—коллизіи, которая усложнилась еще болѣе съ прибытіемъ третьяго лица, уполномоченнаго для принятія мѣръ къ прекращенію этой распри и для раскрытія истины, но, по нашему мнѣнію, не вполнѣ безпристрастно исполнившаго возложенное на него порученіе.

Въ нашемъ обществѣ, гдѣ Ермоловъ пользуется огромною популярностью, нерѣдко слышны отзывы, превозносящіе его на счетъ Паскевича. Мы не признаемъ этихъ отзывовъ вполнѣ справедливыми. Военныя дарованія послѣдняго несомнѣнны: онѣ засвидѣтельствованы цѣлымъ рядомъ блистательныхъ успѣховъ на поляхъ Персіи, Турціи и Польши. Скажемъ болѣе: самъ Ермоловъ съ отличной стороны отзывался о Паскевичѣ, какъ о военномъ человѣкѣ [1]). Намъ даже извѣстно, что, въ предвидѣніи неизбѣжности войны съ Персіею и Турціею испрашивая, у государя Александра Павловича усиленія войскъ кавказскаго корпуса и присылки къ нему опытныхъ генераловъ, онъ, между прочими, указывалъ на генерала Паскевича. Но, при всемъ нашемъ уваженіи къ военнымъ достоинствамъ князя Варшавскаго и графа Забалканскаго, мы не можемъ не сказать, что величавый образъ Алексѣя Петровича Ермолова,—какъ онъ сложился и живетъ въ памяти русскихъ людей,—не только не теряетъ, а еще рельефнѣе выступаетъ отъ сопоставленія его съ двумя его соперниками. Мы, кажется, не безъ основанія можемъ отнести и генерала Дибича къ числу его соперниковъ, судя по тому образу дѣйствія, котораго онъ держался при своемъ посредничествѣ между главнымъ начальникомъ кавказскаго края и его помощникомъ. Далѣе мы постараемся ближе разъяснить нашу мысль въ этомъ отношеніи.

---

[1]) См. Записки Ермолова, изд. Н. П. Ермолова, Москва, 1865 г., стр. 243 и 253. М. П.

На основаніи вышеуказанныхъ документовъ и не менѣе вѣрныхъ свѣдѣній, добытыхъ нами изъ другихъ источниковъ, мы имѣемъ полное право утверждать, что тѣ тяжкія обвиненія, которыя были взведены на Ермолова, лишены основанія и происходили частію отъ его недоброжелателей, — а ихъ у него, какъ у необыкновеннаго человѣка, по особымъ свойствамъ его ума и характера, было не малое число,—частію же отъ особаго стеченія неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ, возбудившихъ противъ него предубѣжденіе, какъ противъ опаснаго честолюбца, злоупотреблявшаго своею властью и изъ личныхъ видовъ, способствовавшаго къ разрыву нашему съ Персіею. Чтобы доказать неосновательность этихъ обвиненій и разъяснить, какимъ образомъ могло составиться такое предубѣжденіе, считаемъ нужнымъ бросить бѣглый взглядъ на служебное поприще Ермолова и войти въ нѣкоторыя подробности о личныхъ его свойствахъ, къ чему мы имѣемъ нѣкоторую возможность, благодаря находящемуся въ нашихъ рукахъ не малому числу документовъ [1]) и личнымъ родственнымъ отношеніямъ нашимъ къ Алексѣю Петровичу. При этомъ мы, конечно, не дадимъ себѣ труда опровергать тѣ недостойные доносы, которые обвиняли его въ распущенности кавказскихъ войскъ, въ неблагонадежности кавказскихъ генераловъ, въ какихъ-то никогда недоказанныхъ значительныхъ упущеніяхъ по гражданской части и даже едва-ли не въ вольнодумствѣ. Неосновательность этихъ обвиненій, въ настоящее время, слишкомъ очевидна. Скажемъ одно: съ этими распущенными войсками, съ этими генералами, каковы были Вельяминовъ, князь Мадатовъ, Красовскій, Муравьевъ и др. Паскевичъ выигралъ всѣ свои баталіи въ Персіи и Азіатской Турціи [2]); что же касается до обви-

---

[1]) Старшій братъ пишущаго эти строки, по окончаніи курса ученія въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, поступилъ на службу въ канцелярію А. П. Ермолова и послѣдніе годы управленія его Грузіею, находился при немъ въ качествѣ ближайшаго довѣреннаго чиновника. Неограниченно преданный Алексѣю Петровичу, онъ, вмѣстѣ съ нимъ, выѣхалъ изъ Грузіи. Послѣ смерти его осталось множество бумагъ и вѣрныхъ списковъ съ подлинныхъ бумагъ, относящихся до служебной дѣятельности Алексѣя Петровича. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ, какъ матеріалы для характеристики Ермолова, мы передаемъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины». М. П.

[2]) Д. В. Давыдовъ въ своихъ запискахъ приводитъ слова Дибича, сказанныя имъ, по возвращеніи изъ Грузіи, генералу Сабанѣеву: «Я нашелъ тамъ

неній по гражданской части, то самъ Дибичъ, при видимой его неблагосклонности къ Ермолову, признавалъ ихъ неосновательными и не могъ не заявить при этомъ случаѣ о заслугахъ его по управленію Грузіею.

Государь Александръ Павловичъ имѣлъ къ Ермолову особое благоволеніе и довѣріе. Замѣтивъ его умъ и дарованія, государь постоянно отличалъ его. Ему дозволялось многое: и смѣлое, правдивое слово и смѣлое дѣло, что не всегда простилось бы другимъ. Видимо государь дорожилъ имъ, какъ собственнымъ своимъ выборомъ и предназначалъ его къ высшимъ званіямъ. Дѣйствительно, Ермоловъ, почти отъ полковничьяго чина, всѣми своими назначеніями былъ непосредственно обязанъ самому государю [1]). Такъ передъ началомъ отечественной войны онъ, противъ собственнаго желанія, по волѣ государя, переводится изъ арміи въ гвардію, сначала бригаднымъ командиромъ, а затѣмъ вскорѣ получаетъ назначеніе начальника гвардейской дивизіи. Въ минуту грознаго нашествія Наполеона, когда требовались необыкновенныя усилія и энергическіе люди, онъ, молодой, малоизвѣстный генералъ, назначается начальникомъ главнаго штаба въ армію Барклая, вопреки вліятельнаго графа Аракчеева, рекомендовавшаго Тучкова. Въ этомъ званіи, въ самый разгаръ войны, онъ дѣлитъ съ Барклаемъ труды и опасности славнаго отступленія нашего отъ Дриссы до Смоленска, своими распоряженіями много способствуя достиженію тогдашней высшей цѣли нашихъ военныхъ дѣйствій: соединенію 1-й и 2-й армій. Во все это время онъ, съ особаго разрѣшенія, непосредственно доноситъ государю о положеніи дѣлъ, настоятельно прося о назначеніи одного главнокомандующаго арміями; при этомъ всѣ его симпатіи на сторонѣ князя Багратіона. По соединеніи армій, при антагонизмѣ Барклая и Багратіона, пользуясь оффиціальною близостью къ первому и сердечною близостью ко второму, онъ, къ чести своей, постоянно употребляетъ всѣ усилія для поддержанія возможнаго согласія между обоими

войска, одушевленныя духомъ Екатерининскимъ и Суворовскимъ». Такого отзыва въ донесеніяхъ Дибича мы, однако, не находимъ. М. П.

[1]) Когда, въ началѣ 1812 года, Ермоловъ просилъ о переводѣ его въ Молдавскую армію, государь приказалъ сказать ему, что впредь назначенія его по службѣ будутъ зависѣть отъ самого государя и что онъ ни въ комъ нужды не имѣетъ. (См. Записки Ермолова. Ч. I. стр. 113, изд. Н. П. Ермолова). М. П.

главнокомандующими, изъ коихъ одинъ былъ старше въ чинѣ, а другой считалъ себя старшимъ по званію военнаго министра. Съ прибытіемъ Кутузова, положеніе Ермолова въ главной квартирѣ, нѣсколько стушевывается: на первый планъ выступаютъ любимцы стараго князя: Коновницынъ и Толь. Но и въ это время Кутузовъ, имѣвшій въ рукахъ своихъ переписку Ермолова съ государемъ, и потому не слишкомъ приближавшій его къ себѣ, постоянно употребляетъ его во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ и подъ Бородинымъ, гдѣ кровью своею запечатлѣлъ Ермоловъ памятный, въ военныхъ лѣтописяхъ, геройскій подвигъ отбитія у французовъ нашего центральнаго редута, и подъ Тарутинымъ, и подъ Малоярославцемъ, и подъ Вязьмою, и подъ Краснымъ, всегда называя его: «Голубчикъ, Алексѣй Петровичъ», и своею медлительностію нерѣдко выводя его изъ терпѣнія. Въ головѣ особаго отряда, преслѣдуя по пятамъ бѣгущаго непріятеля, оканчиваетъ Ермоловъ достопамятную войну 1812. года. При открытіи заграничной кампаніи 1813 года, онъ уже начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій, но послѣ Люценскаго дѣла, вслѣдствіе несправедливо взведеннаго на него, какъ утверждаютъ свѣдущіе люди, обвиненія въ недостаткѣ снарядовъ, временно впадаетъ какъ бы въ немилость и остается безъ команды до самаго Кульмскаго боя, гдѣ, начальствуя нашею славною гвардіею, вмѣстѣ съ Остерманомъ геройски отражаютъ натискъ превосходнаго силами непріятеля и тѣмъ временемъ даютъ возможность союзнымъ арміямъ, разбитымъ подъ Дрезденомъ, спуститься съ Богемскихъ горъ и довершить пораженіе Вандамова корпуса. Примиреніе съ государемъ и Александровская лента были наградой за Кульмъ. Наполеоновскія войны Ермоловъ блистательно заканчиваетъ подъ стѣнами Парижа, при взятіи котораго командуетъ русскою и прусскою гвардіею. Парижу обязанъ онъ вторымъ Георгія со звѣздою, который съ своей груди надѣваетъ на него цесаревичъ Константинъ Павловичъ [1]). По низложеніи Наполеона, Ермолову поручается въ командованіе 80-ти-тысячный обсерваціонный корпусъ на границахъ Австріи, а затѣмъ, въ 1817 году, онъ назначается главноуправляющимъ Грузіею и командиромъ

[1]) Слышано отъ самого Алексѣя Петровича. М. П.

отдѣльнаго кавказскаго корпуса, при чемъ на него, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, возлагается дипломатическое порученіе въ Персію. Цѣль этого посольства—приведеніе къ окончанію возникшихъ у насъ, съ персидскимъ правительствомъ, недоразумѣній и споровъ о границахъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ нами, по гюлистанскому трактату пріобрѣтеній. Веденный имъ журналъ посольства въ Персію навсегда останется памятникомъ его ума, твердости и достоинства, съ коими онъ умѣлъ выполнить обязанности представителя великой державы при восточномъ дворѣ и той остроумной наблюдательности, того своеобразнаго изложенія, которое ставитъ его въ число замѣчательныхъ русскихъ писателей. Девятилѣтнее управленіе Грузіею обнаружило въ немъ высшія способности администратора и государственнаго человѣка. Проложеніе черезъ Кавказскій хребетъ военно-грузинской дороги, этого, по выраженію Бестужева-Марлинскаго, Ермоловскаго Симплона, сооруженія руками военно-рабочихъ по отзыву Дибича, лучшихъ новыхъ зданій въ Тифлисѣ, возвышеніе благосостоянія края поощреніемъ торговли и промышленности, перенесеніе Кавказской линіи въ болѣе здоровую и удобную мѣстность, образованіе кавказской области, открытіе для европейской торговли транзитнаго пути черезъ наши закавказскія владѣнія, устройство кавказскихъ минеральныхъ водъ, строгое преслѣдованіе казнокрадства и чиновничьихъ злоупотребленій, привлеченіе на службу даровитыхъ молодыхъ людей, которые всецѣло покорялись его обаятельному вліянію несмотря на его разсчетливость и даже скупость на награды,—вотъ его гражданскіе подвиги. Грозные походы въ горы для наказанія хищническихъ набѣговъ, для постройки крѣпостей и проложенія дорогъ, до нынѣ живутъ въ памяти обитателей Кавказа. Съ незначительными силами, страхомъ своего имени, держалъ онъ въ покорности еще непокорившіяся намъ племена. Въ доказательство, какъ высоко цѣнилъ государь военныя способности Ермолова, мы припомнимъ, что въ 1821 году, когда въ Италіи вспыхнуло революціонное движеніе и на Лайбахскомъ конгрессѣ рѣшено было, для подавленія возстанія, двинуть соединенныя австро-русскія войска, государь вызвалъ Ермолова въ Лайбахъ, для назначенія его главнокомандующимъ этою арміею. Въ проѣздъ его черезъ Петербургъ въ Лайбахъ, графъ Аракчеевъ, по порученію государя, вручилъ ему

Владимірскую ленту [1]). Вмѣстѣ съ управленіемъ Грузіею, по особому довѣрію государя, на Ермолова возложено было веденіе дипломатическихъ сношеній и переговоровъ по дѣлу о границахъ съ персидскимъ правительствомъ. Изучивъ на мѣстѣ, во время посольства своего въ Персію и затѣмъ пребыванія въ Грузіи, положеніе дѣлъ и свойства правителей Персіи и вообще характеръ сосѣдственныхъ съ нами восточныхъ народовъ, Ермоловъ зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями персидской политики и ревниво оберегалъ интересы Россіи. Съ персидской стороны веденіе дипломатическихъ сношеній съ русскимъ правительствомъ, возложено было шахомъ на любимаго его сына Аббаса-Мирзу, самонадѣяннаго и честолюбиваго, мечтавшаго о возможности вознагражденія за тѣ потери, которыя понесло его отечество въ послѣднюю войну съ Россіею (1812 г.). Постигнувъ свойства и намѣренія этого принца, который, съ непріязненными для насъ цѣлями, умножалъ войска и

[1]) Пріѣхавъ въ Петербургъ, Алексѣй Петровичъ заболѣлъ или сказался больнымъ, но только всесильный тогда графъ Алексѣй Андреевичъ долженъ былъ первый пріѣхать къ нему для передачи, по приказанію государя, царской награды и другихъ словесныхъ порученій.

Въ это же время Ермоловъ проѣзжалъ черезъ Варшаву, гдѣ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, имѣвшій особую къ нему пріязнь, приготовилъ ему почетную встрѣчу. Алексѣй Петровичъ, врагъ всякихъ церемоній, отдѣлался отъ этой встрѣчи весьма оригинальнымъ образомъ. На послѣдней передъ Варшавою станціи его ожидалъ экипажъ великаго князя. На ту пору у проѣзжавшаго въ Варшаву генералъ-интенданта Канкрина сломался экипажъ. Ермоловъ уговорилъ Канкрина отправиться въ приготовленной для него коляскѣ, а самъ поѣхалъ вслѣдъ его, въ тележкѣ. Канкринъ, ничего не подозрѣвавшій, при въѣздѣ въ Варшаву былъ принятъ съ почестями, которыя предназначались для Ермолова. Вообще во время тогдашняго пребыванія своего въ Варшавѣ, Алексѣй Петровичъ, пользуясь особыми милостями цесаревича, позволялъ себѣ разныя проказы. Разскажемъ слышанные нами отъ современниковъ два случая, не ручаясь за ихъ достовѣрность.

Цесаревичъ показывалъ Ермолову свою польскую гвардію. Вызвавъ изъ строя молодца-гренадера, онъ особенно выхвалялъ ловкость, выправку людей и ихъ обмундировку. Ермоловъ былъ отъ всего въ восхищеніи, а между тѣмъ обронилъ свой платокъ и попросилъ гренадера поднять его. Бѣдный гвардеецъ, при тогдашней обтянутой формѣ, безъ особыхъ усилій не могъ этого исполнить. Великій князь нахмурился, но скрылъ свою досаду. Въ довершеніе его неудовольствія, когда онъ показывалъ Ермолову Варшаву, послѣдній въ присутствіи польскихъ генераловъ началъ разсказывать о Суворовскомъ штурмѣ Праги, въ которомъ, какъ извѣстно, самъ участвовалъ. Все это было причиною размолвки цесаревича съ Ермоловымъ. Впослѣдствіи они помирились, какъ это видно изъ переписки, напечатанной въ приложеніяхъ къ запискамъ Алексѣя Петровича. М. П.

поддерживалъ тайныя связи съ подвластными намъ мусульманскими народами, возбуждая ихъ къ непокорности, Ермоловъ не могъ оставаться равнодушнымъ ко всѣмъ изворотамъ двуличной персидской политики. Онъ постоянно обличалъ персіянъ и доводилъ до свѣдѣнія государя и нашего министерства иностранныхъ дѣлъ объ ихъ замыслахъ, предсказывая неизбѣжность войны съ Персіею и съ Портою. Къ несчастію, взгляды его на восточныя дѣла расходились съ воззрѣніями министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, и это послужило поводомъ къ личнымъ между ними неудовольствіямъ, которыя впослѣдствіи, конечно, имѣли значительную долю вліянія въ дѣлѣ удаленія Ермолова изъ Грузіи. Обширная переписка его съ графомъ Нессельроде служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ вѣрно понималъ онъ интересы Россіи и вообще положеніе дѣлъ на востокѣ. Государь Александръ Павловичъ, послѣ усиленной борьбы съ Наполеономъ, утомленный величіемъ и славою, въ послѣдніе годы своего царствованія какъ-будто искалъ покоя отъ земныхъ тревогъ, и главною цѣлью своей политики поставлялъ сохраненіе мира до послѣдней крайности. Въ этомъ смыслѣ Ермоловъ постоянно получалъ наставленія, поддерживать всѣми силами дружественныя сношенія съ Персіею и во избѣжаніе разрыва, который, впрочемъ, наше министерство признавало невѣроятнымъ, дѣлать всевозможныя уступки. Исполняя волю государя, онъ обнаружилъ полную готовность къ прекращенію затянувшагося спора о границахъ и предложилъ значительную уступку изъ земли, которая слѣдовала намъ по смыслу трактата, но персидское правительство, изъ-подъ руки подстрекаемое англичанами, этимъ неудовольствовалось. Уступки вызывали новыя требованія и претензіи. Ермоловъ, въ виду умноженія персидскихъ войскъ на нашихъ границахъ и неминуемости разрыва, не переставалъ настоятельно требовать усиленія кавказскихъ войскъ. Ему не давали вѣры и надѣляли предписаніями, сохранять пріязненныя отношенія, несмотря на возрастающую наглость персіянъ. Среди этихъ-то натянутыхъ отношеній нашихъ съ Персіею, послѣдовала кончина императора Александра Павловича. Новый императоръ, одушевленный желаніемъ сохраненія мира, тотчасъ по вступленіи на престолъ, подтвердилъ Ермолову о необходимости прекращенія распри съ Персіею путемъ миролюбиваго соглашенія и, съ этою

цѣлію, возложилъ на генерала князя Меншикова дипломатическое порученіе къ шаху. Но въ то время, какъ князь Меншиковъ трактовалъ о границахъ, персидскія войска вторглись въ наши предѣлы, не объявляя намъ войны. Предсказанія Ермолова сбылись. Но несчастію онъ не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы тотчасъ же отразить превосходныя силы персіянъ. Къ этому присоединились неудачи нѣкоторыхъ изъ пограничныхъ нашихъ частныхъ начальниковъ, подвергшихся нападенію. Внутри Грузіи и на Кавказѣ взволновались мусульманскія племена. Извѣстія объ этихъ событіяхъ возбудили сильное неудовольствіе въ Петербургѣ. Отъ Ермолова были потребованы рѣшительныя дѣйствія, но онъ не могъ предпринять ихъ, не имѣя подъ рукою достаточнаго войска. Между тѣмъ разрывъ съ Персіею недоброжелатели Ермолова постарались истолковать, какъ послѣдствіе неуступчивости его въ сношеніяхъ по дѣлу о границахъ и даже личныхъ замысловъ его честолюбія. Еще и раньше сего, нѣкоторое промедленіе въ доставленіи донесенія о принесенной войсками кавказскаго корпуса присягѣ, промедленіе, легко объяснимое отдаленностью края и разбросанностью отдѣльныхъ частей войска, враги его готовы были истолковывать самымъ недостойнымъ образомъ. Вотъ начало того прискорбнаго предубѣжденія, которое составилось противъ Ермолова и которое, въ связи съ другими неблагопріятными обстоятельствами, впослѣдствіи повлекло за собою удаленіе его съ поприща государственной службы, лишивъ, такимъ образомъ, и государя, и отечество одного изъ замѣчательныхъ и преданныхъ имъ слугъ. Просматривая со вниманіемъ переписку Алексѣя Петровича по персидскимъ дѣламъ и донесенія его государю, приходишь къ убѣжденію, что если можно обвинить его, то единственно въ слишкомъ прямодушномъ, въ слишкомъ твердомъ образѣ дѣйствій, но уже, конечно, не въ недостаткѣ предусмотрительности и тѣмъ менѣе въ умышленномъ нарушеніи воли государя. Причины войны съ Персіею и то положеніе, въ которое былъ поставленъ Ермоловъ дѣйствіями нашего министерства, разъяснены съ особенною силою и убѣдительностію, въ замѣчательномъ донесеніи его императору Николаю, отъ 30-го іюля 1826 года[1]). Въ донесеніи томъ, оправдывая себя въ глазахъ новаго своего государя, онъ, со свойственною ему откро-

[1]) См. «Записки Ермолова» въ Приложеніяхъ ко II части, стр. 257, изд. Н. П. Ермолова. М. П.

венностью, излагаетъ какъ свои собственныя дѣйствія, такъ и дѣйствія министерства по отношенію къ персидскимъ дѣламъ. Мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ правдивостиего словъ. Впрочемъ, и самъ графъ Нессельроде, и самъ Паскевичъ вначалѣ по малому знакомству его съ мѣстными дѣлами, обвинявшій Ермолова въ возбужденіи войны, впослѣдствіи измѣнили свой образъ мыслей объ этомъ предметѣ. Такъ Нессельроде, по поводу убіенія Грибоѣдова, писалъ Паскевичу отъ 16-го марта 1828 года, что прискорбное происшествіе это должно быть приписано, между прочимъ, «извѣстному фанатизму и необузданности тегеранской черни, которая одна вынудила шаха и въ 1826 году начать съ нами войну». Истинныя причины персидской войны, по нашему мнѣнію, всего основательнѣе объяснены въ интересной статьѣ г. Берже о смерти Грибоѣдова [1]). Въ ней сказано: «англійская политика, всемѣрно сохраняя, въ интересахъ индійской компаніи, доброе согласіе съ Персіею, изъ-подъ руки старалась поддерживать непріязненное настроеніе этой державы къ Россіи. Въ 1820-хъ годахъ, быстро развившаяся транзитная европейская торговля чрезъ наши закавказскія владѣнія съ Персіею, до того встревожила сентъ-джемскій кабинетъ, что онъ для окончательнаго уничтоженія ея однимъ разомъ, вовлекъ Персію въ открытую войну съ нами».

Но возвратимся къ Ермолову. Въ виду неудовлетворительныхъ извѣстій изъ Грузіи, государь, дотолѣ постоянно выражавшій ему милостивое благоволеніе, высказалъ ему свое неудовольствіе. Повелѣно было усилить войска кавказскаго корпуса, а генералъ-адъютанту Паскевичу немедленно ѣхать въ Грузію, въ помощь Ермолову, съ разрѣшеніемъ доносить обо всемъ прямо государю. Съ самаго пріѣзда въ Грузію, Паскевичъ поставилъ себя въ непріязненныя отношенія къ Ермолову. Увлекаемый излишествомъ усердія, онъ сталъ розыскивать какія-то злоупотребленія по всѣмъ частямъ управленія, громко и неосторожно заявлять свои мнѣнія о замѣчаемыхъ имъ недостаткахъ и упущеніяхъ, и къ сожалѣнію, мнѣнія свои часто основывалъ на свѣдѣніяхъ, которыя собиралъ посредствомъ такихъ сомнительныхъ личностей, каковы были Кархановъ и ему подобные. Самъ Дибичъ въ донесеніяхъ своихъ говоритъ о чрезмѣрной чувствительности генерала Паске-

[1]) «Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 190.

вича и излишней довѣрчивости его къ недостойнымъ ея людямъ. Оскорбленный Ермоловъ не оставался въ долгу, а услужливые люди еще болѣе раздували вражду. Донесенія Паскевича усиливали неудовольствіе на Ермолова въ Петербургѣ. Рѣшено было послать Дибича, чтобы положить конецъ этой распри, неудобной при тогдашнихъ обстоятельствахъ и принять мѣры къ успѣшнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ персіянъ, съ уполномочіемъ объявить Ермолову, если это окажется необходимымъ: высочайшую волю объ отозваніи его изъ Грузіи. Напрасно Ермоловъ радовался пріѣзду Дибича, ожидая отъ него облегченія въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Вмѣсто того, чтобы снять съ Ермолова, котораго онъ не могъ не знать, взведенныя на него обвиненія и совершенно очистить его въ глазахъ государя, желавшаго знать одну правду, Дибичъ началъ едва не формальное надъ нимъ слѣдствіе, подвергая его оскорбительнымъ допросамъ, и принявъ систему развѣдыванія, разспрашиванія, собиранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ и управленіи Ермолова. Въ донесеніяхъ своихъ государю, онъ не выражаетъ рѣшительнаго о немъ мнѣнія; о генералѣ же Паскевичѣ относится съ бо̀льшею благосклонностью, выражая симпатію свою къ его благородному характеру, хотя и не оправдывая его образъ дѣйствій относительно Ермолова. Поперемѣнно, то защищая послѣдняго отъ обвиненій въ значительныхъ злоупотребленіяхъ, то бездоказательно обвиняя его въ властолюбіи, одновременно одобряя многія изъ его дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, порицая общую систему его управленія, Дибичъ положительно высказываетъ только одно: сомнѣніе въ благонадежности и способности обоихъ, т.-е. и Ермолова, и Паскевича, къ управленію краемъ и веденію войны, а потому и медлитъ объявить первому волю государя объ его увольненіи, опасаясь, чтобы замѣщающій не былъ хуже замѣщаемаго. Отказывая Ермолову въ рѣшимости и предпріимчивости, повторяя за Паскевичемъ, что отъ него нельзя ожидать блистательныхъ дѣйствій, Дибичъ, главнымъ образомъ, занимается составленіемъ плановъ для будущей кампаніи и распоряжается принятіемъ нужныхъ по военной части мѣръ, точно какъ бы онъ былъ уже настоящій главнокомандующій. Среди этого невыносимаго положенія, Ермоловъ рѣшается на послѣдній шагъ; онъ пишетъ государю извѣстное письмо свое (отъ 3-го марта 1827 г.), въ которомъ, не смѣя прямо просить

объ увольненіи, при недостаткѣ довѣренности къ нему, предлагаетъ эту мѣру, какъ согласную съ общею пользою. Между тѣмъ Дибичъ продолжаетъ доносить о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ, для чего находитъ необходимымъ продлить свое пребываніе въ Грузіи, какъ-будто, въ самомъ дѣлѣ, ни Ермоловъ, ни Паскевичъ не могли бы распорядиться безъ его указаній и содѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не перестаетъ заявлять о необходимости назначенія новаго главнокомандующаго, при чемъ однако рекомендуетъ не Паскевича, выражаясь такъ: «желательно, чтобы посредственное (т.-е. Ермоловъ) было замѣнено лучшимъ (т.-е. не Паскевичемъ)». Въ отвѣтъ на свои представленія, онъ, наконецъ, получаетъ рѣшительное повелѣніе, въ случаѣ, если не произошло особой перемѣны въ положеніи дѣлъ, немедленно объявить Ермолову высочайшую волю объ его увольненіи и о назначеніи на его мѣсто генерала Паскевича, что̀ имъ и исполняется 29-го марта 1827 года. Таковъ былъ результатъ миссіи Дибича.

Обсуждая его образъ дѣйствія, невольно задаешь себѣ вопросъ: что̀ побуждало его поступать такимъ образомъ? Поддерживая въ мысляхъ государя сомнѣніе насчетъ способностей начальника края и его помощника, поступалъ ли онъ, въ тогдашнихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, искренно и чистосердечно, повинуясь единственно совѣстливому исполненію долга, или тутъ имѣли мѣсто побужденія другого рода? Понятно, что онъ могъ еще сомнѣваться въ способностяхъ генерала Паскевича, до того времени не управлявшаго отдѣльною гражданскою частію и не начальствовавшаго арміею. Но какъ объяснить себѣ мнѣніе его о Ермоловѣ, которому онъ отказывалъ даже въ необходимыхъ для военнаго человѣка качествахъ, отъ котораго не ожидалъ блистательныхъ дѣйствій? Не могъ же быть ему неизвѣстнымъ мудрый правитель Грузіи, герой Валутина, Бородина, Кульма, Парижа? генералъ, съ которымъ вмѣстѣ служилъ онъ и въ отечественную, и въ заграничныя войны? Неужели и въ отношеніи къ нему онъ былъ искренъ и не покривилъ душою? Мы позволяемъ себѣ въ томъ сомнѣваться.

Нѣкоторые изъ его современниковъ, близко стоявшіе къ дѣлу, предполагали (судя по перепискѣ Дибича, такое предположеніе допустить возможно) что онъ дѣйствовалъ такъ, не безъ личнаго разсчета, что онъ былъ не чуждъ желанія занять самому

мѣсто Ермолова, въ званіи главноуправляющаго, изъ-за котораго, быть можетъ, ему уже виднѣлся жезлъ фельдмаршала. Судьба рѣшила иначе. Постъ Ермолова достался Паскевичу. Дибичъ достигнулъ званія главнокомандующаго на другомъ театрѣ дѣйствій. Ермолову-же выпалъ жребій: въ полномъ развитіи силъ (ему тогда было не болѣе 50-ти лѣтъ), сойти со своего блистательнаго поприща, и остальную половину своего долгаго вѣка доживать, хотя среди общаго почета, но медленно угасая въ московскомъ бездѣйствіи.

Мы близко знали Алексѣя Петровича. Образъ его неизгладимо запечатлѣнъ въ нашей памяти. Да и кто, хотя разъ видѣвшій его, могъ забыть его колосальную фигуру, его львиную голову, его проницательный, глубокой взглядъ, изъ-подъ нависшихъ бровей? Кто же имѣлъ случай наслаждаться его несравненною бесѣдою, тотъ, конечно, навсегда живо сохранилъ въ своей памяти и одушевленныя черты его лица, и его одушевленную умную рѣчь. Происходя изъ старинной небогатой дворянской фамиліи, Орловской губерніи, Алексѣй Петровичъ получилъ, по тогдашнему, тщательное образованіе, которое впослѣдствіи пополнилъ собственными трудами и начитанностью. Богато одаренный отъ природы, онъ соединилъ въ своемъ нравственномъ и физическомъ обликѣ черты характера обоихъ своихъ родителей. Отъ отца [1]) онъ унаслѣдовалъ серьезный, дѣловой складъ ума, нависшія брови и то суровое выраженіе, которое виднѣлось на его лицѣ въ минуты гнѣва или душевнаго нерасположенія. Отъ матери [2]) къ нему перешло живое остроуміе и колкость языка,

[1]) Петръ Алексѣевичъ умеръ въ 1832 году. Служилъ при генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ. Императрица Екатерина II, передъ самою кончиной своею, пожаловала ему, въ чинѣ статскаго совѣтника, Владиміра 2-й ст. со звѣздою, но не успѣла подписать указа. Императоръ Павелъ приказалъ выдать орденъ и отставить отъ службы. Ермоловы были въ родственныхъ отношеніяхъ съ людьми, приближенными къ Екатеринѣ. Имъ велѣно было жить въ Орловской деревнѣ, гдѣ они и прожили до самаго воцаренія Александра Павловича. Алексѣй же Петровичъ, служившій тогда въ артиллеріи, въ чинѣ подполковника, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и затѣмъ сосланъ на житье въ Кострому, гдѣ оставался до вступленія на престолъ Александра Павловича. Въ Костромѣ онъ основательно выучился латинскому языку. Объ этомъ городѣ онъ сохранялъ самыя пріятныя и, какъ кажется, сердечныя воспоминанія. М. П.

[2]) Марья Денисовна, рожд. Давыдова, родная тетка партизана-поэта, была въ первомъ замужествѣ за Каховскимъ, отъ котораго имѣла одного сына,

качества, которыя доставили ему громкую извѣстность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣлали ему много вреда. Острыя, язвительныя рѣчи его, не всегда справедливыя, но всегда мѣткія, обошли всю Россію. Очаровательный въ обхожденіи, доступный, привѣтливый къ подчиненнымъ, онъ, въ молодыхъ годахъ, не всегда уживался съ начальниками, хотя всегда отличался строгимъ исполненіемъ долга и служебныхъ обязанностей. Какъ всѣ необыкновенные люди, онъ магически дѣйствовалъ на окружающихъ. Его обаятельному вліянію поддавалась не одна молодежь; обаяніе это испытывали на себѣ и такіе люди, какъ государь Александръ Павловичъ, какъ цесаревичъ Константинъ, Багратіонъ, Платовъ и множество другихъ не рядовыхъ людей. Самъ могущественный Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ долженъ былъ считаться съ нимъ, и однажды, въ минуту откровенности, съ свойственнымъ ему цинизмомъ, высказалъ Ермолову: «Алексѣй Петровичъ! мы съ вами не перегрыземся [1])». Люди, лично къ нему нерасположенные или склонные видѣть во всемъ одно дурное, нерѣдко объясняли дѣйствія и поступки Ермолова его непомѣрнымъ самолюбіемъ, честолюбіемъ, приписывая ему и хитрость, и лицемѣріе, и даже коварство. Какъ у всякаго человѣка, у него были свои слабости и недостатки. Да. Онъ былъ и самолюбивъ и честолюбивъ, но, какъ мы думаемъ, въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Сознавая свои достоинства, онъ часто, особенно смолоду, увлекался ими за предѣлы благоразумія. Вообще, какъ умный русскій человѣкъ, онъ былъ не безъ лукавства. Не даромъ великій князь Константинъ Павловичъ говаривалъ Ермолову: «Я васъ люблю искренно и вы меня любите, но съ обманцемъ» (см. статью Погодина въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1864 г., май стр. 239). Зная чудесное дѣйствіе, производимое его ласкающимъ, подъ-часъ льстивымъ, словомъ, онъ иногда не въ мѣру расточалъ чары своей любезности передъ нужными ему людьми, но бо̀льшею частію, съ какою

Александра Михайловича, служившаго съ отличіемъ въ военной службѣ, въ чинѣ генерала. Почти все царствованіе Павла онъ провелъ въ заточеніи въ крѣпости. Императоръ Александръ возвратилъ ему свободу, но не могъ возвратить ему потерянnаго здоровья. Умеръ въ отставкѣ, кажется, въ Смоленской своей деревнѣ. Алексѣй Петровичъ высоко цѣнилъ умъ и дарованія своего старшаго брата и часто говаривалъ, что послѣдній во всемъ былъ выше его. М. П.

[1]) Слышано отъ А. П. М. П.

цѣлью? Для того, чтобы достигнуть успѣха въ какомъ-нибудь полезномъ дѣлѣ, чтобы помочь бѣдняку, доставить выгоду по службѣ достойному. Мы могли бы привести множество примѣровъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ. Примѣры его коварства намъ неизвѣстны. Мы знаемъ, что въ молодые годы онъ былъ пылокъ, порывистъ, рѣзокъ въ сужденіяхъ, со вредомъ для себя. Впослѣдствіи, въ лѣтахъ зрѣлыхъ, занимая высокія должности, онъ умѣлъ себя воздерживать, сдѣлался умѣреннѣе, осторожнѣе, оправдывая избранный имъ девизъ: «nec temere, nec timide». Рѣдкое его безкорыстіе нѣкоторые люди также охотно истолковывали побужденіями тщеславія и гордости [1]). Но каковы бы ни были эти побужденія, желательно было бы видѣть побольше примѣровъ въ этомъ родѣ. Нѣкоторые обвиняли его въ фамильярности, въ панибратствѣ съ молодыми людьми. Правда, онъ любилъ окружать себя молодежью, но его власть, какъ начальника, и польза службы оттого не страдали. Благодаря своей доступности, онъ пользовался любовью и неограниченною преданностью подчиненныхъ, и конечно, ни одинъ начальникъ не имѣлъ болѣе усердныхъ къ дѣлу сотрудниковъ. Писалъ Алексѣй Петровичъ, не говоря уже о его изящномъ почеркѣ, замѣчательно-своеобразнымъ языкомъ. Слогъ его былъ нѣсколько тяжеловатъ, иногда изысканъ, но всегда полонъ силы, чуждъ рутинной гладкости и часто возвышался до истиннаго краснорѣчія. Приказы его по войскамъ считаются, между военными людьми, въ своемъ родѣ образцовыми. За то и выпала ему честь написать знаменитый приказъ, отданный государемъ по арміямъ нашимъ, въ Парижѣ, въ 1814 году. Въ его частныхъ письмахъ, нѣсколько кокетливыхъ по формѣ, искрится неистощимое остроуміе. Несмотря на блестящія свои качества (любезность, остроту, неподражаемое умѣнье разсказывать), онъ

[1]) Извѣстно, что А. П. всегда умѣлъ обходиться на службѣ однимъ жалованьемъ, уклоняясь отъ полученія денежныхъ наградъ. Въ 1821 году, по возвращеніи его изъ Лайбаха въ Петербургъ, когда государь былъ особенно къ нему милостивъ, ему назначена была, 30-го августа, аренда, но онъ отъ принятія оной отказался. Въ запискахъ своихъ, онъ, по этому случаю, говоритъ: «Равно великодушенъ былъ государь и награждая меня, и выслушивая отзывъ мой, что я награды не пріемлю. Могу признаться, что въ отказъ мой не вмѣшивалось самолюбіе, но почиталъ я награду свыше заслугъ моихъ и мнѣ ни по какимъ причинамъ не принадлежащею». (Записки А. П. Ермолова, ч. II, Москва, 1865 г., изд. Н. П. Ермолова). М. П.

не любилъ свѣта и предпочиталъ кабинетную бесѣду, гдѣ онъ могъ быть, такъ сказать, на распашку и давать полную волю своему смѣлому слову; но выше всего любилъ онъ серьезный трудъ. Въ своемъ московскомъ уединеніи любимыми его занятіями были: чтеніе и затѣмъ устройство своей библіотеки [1]). Продавъ свое родовое орловское имѣніе, онъ купилъ домъ въ Москвѣ и небольшую подмосковную, въ которой обыкновенно проводилъ лѣтніе мѣсяцы года. Тамъ, вблизи дома, онъ выстроилъ каменную бесѣдку для безопаснаго помѣщенія своей библіотеки, и занимался составленіемъ каталоговъ и переплетомъ книгъ. Въ послѣднемъ мастерствѣ онъ достигнулъ замѣчательнаго совершенства и любилъ этимъ похвастаться. Простымъ до суровости, солдатскимъ образомъ жизни, онъ, дѣйствительно, напоминалъ собою героевъ древности, съ которыми его современники, любили его сравнивать. Въ московской жизни своей онъ былъ окруженъ общимъ почетомъ и уваженіемъ. Проѣзжавшіе черезъ Москву кавказцы и всякій, кто цѣнилъ въ Ермоловѣ представителя русскаго ума и русской славы, заѣзжали поклониться «батюшкѣ Алексѣю Петровичу» (такъ называло его одно высокопоставленное лицо). При этомъ Ермоловъ обыкновенно крестилъ своею рукою молодого человѣка, начинавшаго карьеру или отъѣзжавшаго въ дальній путь, на трудный подвигъ, и мы знаемъ, что нѣкоторымъ въ прокъ пошло его благословеніе. Физическая сила его была необычайна. Бестужевъ-Марлинскій, въ одной изъ своихъ повѣстей, говоритъ, что Алексѣй Петровичъ однимъ ударомъ своей шашки отсѣкалъ голову у быка. Мы не знаемъ, въ какой степени это достовѣрно, но намъ извѣстенъ другой, быть можетъ, болѣе изумительный примѣръ его силы. Этотъ случай разсказанъ намъ однимъ изъ нашихъ знакомыхъ, докторомъ П. А. Зыковымъ, который, изъ-за привязанности къ Алексѣю Петровичу, едва не поплатился при этомъ своею жизнію. Ермоловъ гостилъ въ рязанскомъ имѣніи у П. А. Кикина [2]), съ которымъ былъ связанъ

---

[1]) Библіотека эта, замѣчательная богатымъ собраніемъ картъ и сочиненій по части военнаго искусства и исторіи, при жизни Ермолова была пріобрѣтена московскимъ университетомъ. М. П.

[2]) Петръ Андреевичъ Кикинъ, въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта, исправлялъ должность дежурнаго генерала 1-й арміи во время войны 1812 года. Впослѣдствіи перешелъ въ гражданскую службу и былъ на-

дружбою еще съ 1812 года. Зыковъ былъ домашнимъ врачемъ въ семействѣ Кикиныхъ. Познакомившись съ Ермоловымъ, обвороженный его умомъ и обращеніемъ, онъ искренно къ нему привязался. Замѣтивъ свое вліяніе, Ермоловъ вздумалъ пошутить надъ нимъ. Однажды въ комнату Зыкова вбѣгаетъ жена П. А. Кикина, зовя его: «Докторъ! Ради Бога спѣшите поскорѣе на помощь къ Алексѣю Петровичу. Ему дурно». Зыковъ бросился и нашелъ его въ креслахъ безъ движенія, съ мертвенною блѣдностію на лицѣ, схватился за пульсъ—пульсъ не бьется. Видя, что на рукахъ у него умираетъ такой человѣкъ, онъ зашатался и упалъ безъ чувствъ. Насилу привели его въ себя, объяснивъ, что съ нимъ шутили. Оказалось, что Ермоловъ обладалъ способностію, однимъ усиліемъ, останавливать въ себѣ, на нѣсколько мгновеній, кровообращеніе, а бѣдный докторъ былъ подверженъ припадкамъ болѣзни, которые случались при особенно сильномъ душевномъ движеніи. Алексѣй Петровичъ впослѣдствіи подтвердилъ намъ справедливость этого разсказа и прибавилъ къ тому, что въ лѣтописяхъ медицины, какъ его увѣряли ученые, извѣстны два или три примѣра подобной способности, но что ему совѣтовали не пользоваться этимъ даромъ, подъ опасеніемъ, чтобы мнимая смерть не обратилась въ настоящую. Все было необычайно у этого человѣка: такъ кожа у него на тѣлѣ была какъ слоновая, и намъ случалось слышать, какъ Алексѣй Петровичъ шутя говаривалъ, что онъ лишенъ чувства осязанія и что для него «на-ощупь все равно: что ручка красавицы, что заслонка».

Таковъ былъ Ермоловъ — это одно изъ счастливыхъ и лучшихъ проявленій русскаго ума, богатырской русской натуры. Онъ умеръ на 85 году жизни, въ Москвѣ, 11-го апрѣля 1861 г., переживъ обоихъ своихъ соперниковъ и сохранивъ, почти до глубокой старости, физическія и нравственныя силы. Въ послѣднемъ борепіи съ смертью, онъ еще выказалъ свою жизненную силу. Молодой врачъ, находившійся при немъ въ послѣдніе дни его безотлучно [1]), разсказывалъ намъ, что однажды Алексѣй Петровичъ почувствовалъ ночью особенно сильный приступъ болѣзни.

значенъ статсъ-секретаремъ его императорскаго величества. Женатъ былъ на Торсуковой, внучкѣ извѣстной Марьи Савишны Перекусихиной, отъ которой все состояніе перешло къ женѣ Кикина. М. П.

[1]) А. М. Макѣевъ. М. П.

Схвативъ за руку доктора, онъ требовалъ настоятельно помощи, громко говоря: «Да ты понимаешь ли, мой другъ, что я жить хочу, жить хочу».

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, по желанію, похороненъ въ Орлѣ, рядомъ съ своимъ отцемъ. Въ 1869 году мы посѣтили его могилу. Онъ положенъ въ Троицко-кладбищенской церкви, вправо отъ алтаря, въ нарочно пристроенномъ къ церкви каменномъ придѣлѣ или палаткѣ, въ склепѣ подъ помостомъ. На одной изъ стѣнъ палатки вдѣланы рядомъ, двѣ доски съ надписями, справа: «Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ скончался 1832 года, мая 23-го, на 85 году отъ рожденія». Слѣва: «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ скончался 1861 г., апрѣля 11-го дня, на 85 г. отъ рожденія». Передъ послѣднею могилою теплится чугунная лампада, поразившая насъ своимъ устройствомъ и происхожденіемъ. Она утверждена на мѣдномъ пьедесталѣ и состоитъ изъ чашки чугунной гранаты, въ которую вставлена стеклянная лампа. На чугунѣ, грубыми литерами отчеканено: «Служащіе на Гунибѣ кавказскіе солдаты».

Лампада, какъ объяснилъ намъ священникъ, устроена усердіемъ нижнихъ чиновъ кавказскаго войска, на собранную ими сумму въ сорокъ рублей.

На наши глаза — такой памятникъ краше всякаго мавзолея.

Мы передаемъ на страницы «Русской Старины» нѣсколько документовъ изъ имѣющейся у насъ переписки А. П. Ермолова. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ, какъ, напримѣръ, письма его къ государю Александру Павловичу въ 1812 году, не лишены историческаго интереса. На нихъ ссылается Богдановичъ въ своей исторіи 1812 года, о нихъ упоминаютъ въ своихъ запискахъ самъ Ермоловъ и Давыдовъ, но, если мы не ошибаемся, письма эти до сего времени, нигдѣ не были напечатаны. Другія предлагаемыя нами читателямъ «Русской Старины» бумаги, относящіяся ко времени управленія Ермолова кавказскимъ краемъ, любопытны какъ матеріалъ для его характеристики.

М. Н. Похвисневъ.

Отъ редакціи. Къ документамъ, сообщеннымъ М. Н. Похвисневымъ, присоединяемъ нѣсколько другихъ матеріаловъ къ біографіи Ермолова, а именно: весьма любопытную, какъ читатели увидятъ, переписку Алексѣя Петровича съ статсъ-секретаремъ Кикинымъ (1817—1832 гг.); разсказъ г. Храповицкаго; письмо къ Ермолову Ник. Ник. Муравьева-Карскаго и проч.

ДОНЕСЕНІЯ и ПИСЬМА А. П. ЕРМОЛОВА.

I.

Императору Александру I.

Всемилостивѣйшій государь! Должность, по волѣ вашего императорскаго величества, при арміи мною отправляемая, всѣ обстоятельства извѣстными дѣлая мнѣ, обязываетъ повергнуть къ стопамъ государя, мнѣ благотворящаго, мои, относительно положенія арміи, замѣчанія.

Послѣ пяти дней, безполезно въ лагерѣ при Дриссѣ проведенныхъ, въ намѣреніи приготовить продовольствіе войскамъ, армія выступила въ Полоцкъ. Между тѣмъ непріятель, представляя повсюду передовымъ нашимъ постамъ малыя весьма силы, спѣшилъ собрать главнѣйшія. Движеніе на Полоцкъ было одно, обѣщавшее соединеніе со 2-ю арміею. Нужна была скорость. На третьемъ, отъ Полоцка къ Витебску, переходѣ надобно было идти на Сенно и Коханово. Симъ движеніемъ если еще и не соединялись арміи, но та, по крайней мѣрѣ, происходила выгода, что 1-я армія становилась уже на дорогу, идущую чрезъ Смоленскъ въ Москву, закрывала сердце Россіи и всѣ средства, для дѣятельнѣйшихъ мѣръ, поставляла за собою. Непріятель, какъ изъ послѣдствій видно, обратя въ Могилевъ главнѣйшія свои силы, безсиленъ былъ по прямому на Смоленскъ направленію. Непріятель, видя себя между двухъ армій, на близкомъ разстояніи, не могъ бы дать сраженія, но долженъ былъ бы отступить. Главнокомандующій согласился - было перепраviться въ Будиловѣ чрезъ Двину, но отмѣнилъ по причинѣ недостатка продовольствія и армія двинулась къ Витебску. Между тѣмъ необычайной скорости маршами непріятельскія силы, на третій день пребыванія арміи

въ Витебскѣ, прибыли и соединеніе армій болѣе, нежели когда-либо сдѣлалось сомнительнымъ. Три дня сраженія продолжались упорнѣйшія съ довольно значущими силами арміи нашей и мы отступили къ Поречью. Далѣе главнокомандующій не объявилъ еще направленія Непріятель можетъ быть прежде насъ въ Смоленскѣ, отбросивъ далеко 2-ю армію. Естьли непріятель предпріимчивъ, можетъ заградить намъ путь. Мы опрокинемъ и пройдемъ, но обозы арміи подвергаются опасности. Во слѣдъ за нами идетъ непріятель, много превосходящій насъ силами. Трудны пути ему, войско изнурено, но на семъ невозможно основывать успѣховъ; тѣ же трудности путей и для войскъ вашего императорскаго величества и для насъ не могутъ онѣ быть не чувствительны. Непріятель имѣетъ числомъ ужасную кавалерію, наша чрезвычайно потерпѣла въ послѣднихъ дѣлахъ. Отъ генерала Платова даже ни одна партія съ нами не соединилась. Ваше императорское величество истинное сіе дѣлъ нашихъ изображеніе. Точное положеніе армій опредѣлитъ, какія средства предпринять должно къ уничтоженію усилій непріятеля. Государь! 1-я армія одна противостать должна непріятелю, и безъ соединенія его съ другою его арміею несравненно сильнѣйшему — успѣхъ сомнителенъ! Корпусъ графа Витгенштейна безполезно отъ насъ отдаленъ. Если непріятель силенъ противъ него, то онъ слабъ сдержать его стремленіе. Если онъ останется безъ дѣйствія, то слишкомъ силенъ его корпусъ, чтобы армія не чувствовала его отдаленія. Государь! Необходимъ начальникъ обѣихъ армій. Соединеніе ихъ будетъ поспѣшнѣе и дѣйствія согласнѣе. Вашему императорскому величеству угодно было одобрять смѣлость мою, съ каковою всегда говорилъ истину. Государь! Ты одинъ изъ царей, могущихъ слышать ее безбоязненно! Вѣрноподданный начальникъ главнаго штаба 1-й арміи генералъ-майоръ Ермоловъ.

Помѣты: Резолюція: «Къ свѣдѣнію». «Получено 27-го іюля отъ кн. Любомірскаго».

Іюля 16-го дня 1812 года. Лагерь при Велидичи.

II.

Всемилостивѣйшій государь! Главнокомандующій, донося вашему императорскому величеству о всѣхъ происшествіяхъ въ точномъ ихъ видѣ, не избавляетъ меня обязанности повергать къ стопамъ вашего императорскаго величества доиесенія мои, хотя бы для того единственно, чтобы служить могли доказательствомъ образа понятія моего о всемъ, что до положенія арміи относится.

Отступленіе наше отъ Витебска, необычайною рѣшительностію

произведенное, чтобъ не дать ей именованіе дерзости, тогда какъ иначе неизбѣжно было общее дѣло, приведя непріятеля въ недоумѣніе, доставило намъ возможность прибыть въ Смоленскъ. 2-я армія, грубою погрѣшностью маршала Даву, ожидавшаго нападенія въ Могилевѣ, послѣ жестокаго сраженія, храбрымъ генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ даннаго, скрывая движеніе свое, безпрепятственно, также прибыла къ Смоленску. Маршалъ Даву долженъ былъ прежде насъ занять Смоленскъ. И безъ большихъ усилій, ибо въ Оршѣ были части войскъ, его армія принадлежавшихъ. Итакъ, неожидаемо и въ близи многочисленныхъ непріятельскихъ силъ, арміи соединились. Ваше величество, мы вмѣстѣ. Арміи наши слабѣе числомъ непріятеля, но усердіемъ, желаніемъ сразиться, даже самимъ озлобленіемъ, содѣлываемся не менѣе сильными. Нѣтъ возможности избѣжать сраженія всѣми силами, ибо непріятель не можетъ терять время въ праздности. Могутъ приспѣть къ намъ усилія, можетъ сблизиться армія генерала Тормасова, не столько опасная въ нынѣшнемъ ея отдаленіи и самыми успѣхами ея ничего рѣшительнаго непроизводящая, до тѣхъ поръ какъ станетъ на операціонной линіи непріятеля. Покрывшая себя славою молдавская армія, неравнодушный взглядъ непріятеля на себя привлекающая, можетъ получить опасное для него направленіе. Государь! Наши способы не менѣе самихъ онъ знаетъ, нельзя медлить ему. Соглашенное всѣхъ армій дѣйствіе, соединенныя всѣхъ способовъ напряженія гибельны для него. Итакъ, уничтоженіе арміи, въ преддверіяхъ такъ сказать Москвы стоящей, должно быть единственною его цѣлію. Симъ не только умедливается составленіе нашихъ ополченій, но частію уничтожается, и угрожаемая Москва, какъ сердце Россіи, не можетъ не произвести вліянія на прочія страны имперіи. На семъ основываетъ коварный непріятель свои разчисленія. Государь! Арміи вашего величества имѣли уже успѣхи, солдатъ неустрашенъ и мы русскіе! но напряженіе всевозможныхъ усилій необходимо. Малѣйшее медленіе опасно.

Государь! Арміи вмѣстѣ и два начальника, но согласно предприняли наступленіе на непріятеля, разбросившаго на большое разстояніе свои силы. Опредѣлено сдѣлать нападеніе на центръ ихъ. Дѣйствіе наступательное оживило духъ воиновъ еще болѣе и арміи двинулись, одинъ маршъ по направленію на Рудню. Одной колонны, по причинѣ трудности путей, медленно было движеніе и однимъ маршемъ уменьшилась скорость дѣйствій нашихъ, а однимъ маршемъ уменьшились затрудненія непріятеля собрать свои силы, которыя, конечно, собираются по направленію нашему. Главнокомандующій, желая воспользоваться ослабленіемъ лѣваго крыла ихъ, отклонилъ

прежнее направленіе вправо къ Поречью, для пріобрѣтенія частной выгоды, по предположенію вѣрной. Въ случаѣ превосходства непріятеля имѣемъ мы вѣрное отступленіе. Подобныя предпріятія основываются навѣрныхъ свѣдѣніяхъ о силахъ непріятеля, но я нескромо отъ вашего величества, что, кромѣ свѣдѣній отъ плѣнныхъ или бѣжавшихъ мужиковъ, мы ничего не знаемъ, слѣдовательно и предпріятія невѣрны. Наступленіе на Рудню болѣе имѣетъ голосовъ на сторонѣ своей, дѣйствіе на лѣвый непріятеля флангъ—менѣе. Можно сказать, что, дѣйствуя на Поречье, нападаемъ на конечность пространной линіи, слѣдовательно и усиленіе пункта сего, не скоро и не удобно. Легко заставишь отступить и на время отрѣжешь сообщеніе съ корпусомъ маршала Удино, которому, конечно, послано подкрѣпленіе, но сіи выгоды мгновенны и нерѣшительны. Непріятель отступитъ на центръ свой и операціонная линія его всегда въ его власти. Аттакуя центръ, при счастіи, бросишь часть силъ ихъ на трудные пути по лѣвому берегу Двины, и обратясь, имѣешь удобность дѣйствовать на другую часть, по необходимости оторванную на большое разстояніе, слѣдовательно приведенную въ то положеніе, въ каковомъ мы доселѣ находились. Вотъ, государь, мнѣніе мое вашему величеству, повелѣвшему мнѣ принять носимое мною званіе, нужное къ свѣдѣнію.

Государь! нужно единоначаліе, хотя усерднѣе къ пользамъ отечества, къ защитѣ его, великодушнѣе въ поступкахъ, наклоннѣе къ пріятію предложеній, быть невозможно достойнаго князя Багратіона, но не весьма часты примѣры добровольной подчиненности. Государь! ты мнѣ прощаешь смѣлость мою въ изрѣченіи правды! Вѣрноподданный артиллеріи генералъ-майоръ Ермоловъ.

Іюля 27-го дня, 1812 года.

Помѣты: «Получено 31-го іюля въ полдень». «Получено 5-го августа». Резолюція: «Къ свѣдѣнію».

III.

Графу Аракчееву.

12-го іюня 1812 года.

Я, почитая себя обязаннымъ представить государю императору мнѣнія мои о дѣйствіяхъ армій, имѣю честь препроводить оныя вашему сіятельству, съ тѣмъ, что если изволите вы найти ихъ достойными вниманія его императорскаго величества, благоволили бы ихъ представить. Если же признать изволите ихъ безполезными, оставить или возвратить мнѣ. Я имѣю честь покорнѣйше объяснить вашему сіятельству, что я взялъ смѣлость писать не съ какимъ другимъ намѣреніемъ, какъ открыть образъ мыслей моихъ относительно

положенія армій и предположенія о намѣреніяхъ непріятеля. И открываю удобность оцѣнить мои способности, ибо лучше хочу, чтобы видѣнъ былъ недостатокъ оныхъ, нежели, скрывая, занимать недостойно мѣсто, по обстоятельствамъ слишкомъ важное, и на которое нельзя сыскать человѣка слишкомъ способнаго.

IV.

Дистанціонному коммиссіонеру.

4-го октября 1818 года.

Вы доносили о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ вами въ отысканіи фурщиковъ для перевозки провіанта. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ ихъ достаточно, но съ вами дѣла никто имѣть нехочетъ; ибо весьма недавно нанятыя вами фуры у помѣщицы Устиновой, продержали вы въ среднемъ Егарлыкѣ восемь дней сверхъ договора, принудили фурщиковъ пересыпать муку изъ ветхихъ кулей въ новые, досыпать неполновѣсные. По доставленіи въ Ставрополь провіанта, всѣхъ денегъ по договору не заплачено, потому что смотритель Магалейко выдалъ квитанцію письменную, а не печатную; вы не можете отговориться, что о томъ вамъ было неизвѣстно, развѣ признаетесь, что вы нерадивый и обязанностей своихъ неразумѣющій коммиссіонеръ. Строго о семъ я развѣдаю, и если точно найду, что самовольнымъ дѣйствіемъ вашимъ, повреждаете кредитъ казенный, контракта не соблюдая, могу увѣрить васъ, что отдамъ васъ подъ судъ и посажу въ крѣпость, изъ которой вы не иначе выйдете, какъ на испытаніе лучшій вы ли солдатъ или коммиссіонеръ? За симъ хочу вѣрить, что о недостаткѣ подводъ не будетъ уже отъ васъ донесеній.

Не забудьте, что уже разъ болѣзни вашей совѣтовалъ я помогать движеніемъ и выгналъ васъ въ средній Егарлыкъ изъ Ставрополя, гдѣ вы питали лѣность вашу.

V.

Императору Александру I.

25-го сентября 1820 года. Тифлисъ.

Высочайшую волю вашего императорскаго величества объявилъ я служившему въ нижегородскомъ драгунскомъ полку майору Вангалену[1]), что онъ какъ недостойный продолжать россійскую службу, высылается заграницу.

---

[1]) Донъ-Жуанъ Ванъ-Галенъ, извѣстный испанскій генералъ, принимавшій дѣятельное участіе въ событіяхъ, происходившихъ въ Испаніи, въ те-

Майоръ Вангаленъ опровергаетъ взнесенное на него обвиненіе, оправдываетъ поведеніе свое самою наградою его величества короля; возвращеніемъ въ отечество доказываетъ, что не сдѣлалъ противъ него преступленія, не только измѣны, и что, напротивъ, признаваемы были его заслуги. Заключеніе инквизиціею, подобно какъ и многихъ другихъ, не было слѣдствіемъ преступленія.

Не рѣшился я, государь, отправить его съ фелдъегеремъ и передать австрійскому правительству и исполненіе воли вашего императорскаго величества искалъ сдѣлать приличествующимъ образомъ великодушію и милосердію государя, коего люблю я славу. Я приказалъ майору Вангалену, прибывъ въ городъ Дубно, ожидать тамъ повелѣнія. Если благоугодно будетъ вашему императорскому величеству, то и оттуда можно будетъ вывезти его съ фелдъегеремъ и передать въ Австрію.

Не ожидаю подвергнуться гнѣву вашего величества, но не менѣе долженъ бы былъ скорбѣть, если бы иноземецъ, вѣрно и съ честію служившій, могъ сказать, что за вину, въ коей не изобличенъ, получилъ наказаніе отъ государя правосуднаго.

Строгія правила мои недопускаютъ поблажать вольнодумствующимъ, но и сего въ теченіе года незамѣчено въ майорѣ Вангаленѣ. Объясненіе, имъ поданное, представилъ я начальнику главнаго штаба вашего величества.

VI.

Князю П. М. Волконскому.

25-го сентября 1820 г., Тифлисъ.

Объявивъ служившему въ нижегородскомъ драгунскомъ полку майору Вангалену, что недостоинъ будучи продолжать россійскую службу, по высочайшему соизволенію высылается онъ заграницу, долженъ я былъ объявить и о полученномъ на счетъ его обвиненіи. Онъ возразилъ противъ клеветы, на него вымышленной, оправдывая

ченіе первой половины текущаго столѣтія. Въ 1830 году начальствовалъ бельгійскими войсками въ послѣдніе дни борьбы ихъ съ голландцами.

Въ 1820 годахъ, по политическимъ обстоятельствамъ, оставивъ свое отечество, онъ былъ принятъ нашимъ правительствомъ въ русскую службу и опредѣленъ на Кавказъ, въ нижегородскій полкъ, съ чиномъ майора. Подъ начальствомъ Ермолова, съ отличіемъ, участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ. Послѣ разныхъ превратностей, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, по приглашенію королевы Христины, вернулся въ отечество, гдѣ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи.

Проживая частнымъ человѣкомъ въ Бельгіи, онъ издалъ свои любопытныя записки, въ которыхъ помѣстилъ описаніе пребыванія своего въ Россіи. Къ запискамъ приложенъ портретъ А. П. Ермолова (Mémoires de Don-Juan Van-Halen, 2 vol, Paris, 1827). М. П.

поведеніе свое самыми наградами, отъ короля полученными, и не будучи противъ отечества преступникомъ, увѣренъ воспользоваться въ ономъ прежними выгодами. Я имѣю честь представить поданное имъ объясненіе, на которое прошу ваше сіятельство обратить ваше вниманіе. Вы усмотрѣть изволите, что многое, чѣмъ ищутъ обвинить его, можетъ быть истолковано преданностью къ отечеству, и таковою принято имъ хитростію освобожденная крѣпость Лерида не можетъ сдѣлать ему безчестіе; доставные же имъ шифры непріятеля недопускаютъ упрека. И то, и другое сдѣлаетъ благороднѣйшій офицеръ, и конечно, достоинъ будетъ похвалы.

Я нерѣшился отправить его съ фелдъегеремъ и передать австрійскому правительству, но взялъ съ него слово ожидать въ городѣ Дубно разрѣшеніе на мое представленіе. Легче исправить мою ошибку, ибо теперь можно вывезти его съ фелдъегеремъ и передать австрійскому правительству или просто предупредить его, но подвергнуть иноземца наказанію за вину, въ которой онъ неизобличенъ, за вину, сдѣланную не въ Россіи, гдѣ служилъ онъ съ честію и усердіемъ, противно будетъ справедливости и великодушію императора.

Не смѣю думать, чтобы я погрѣшилъ въ образѣ моего сужденія, но изъ прямаго усердія не постыжусь и самой ошибки. Болѣе бы виновнымъ я былъ, если бы не принялъ оправданія майора Вангалена и его не представилъ. Не мнѣ можно снисходить ему, но государю и благотворить приличествуетъ.

Командиръ дивизіи, квартирующей въ Дубно, секретно извѣщенъ мною, что туда прибудетъ майоръ Вангаленъ и на счетъ его должно послѣдовать вашего сіятельства повелѣніе.

25-го сентября 1820 года, Тифлисъ.

VII.

Генералу Паскевичу.

18-го апрѣля 1827 г.

Желая доставить офицерамъ, по крайней мѣрѣ, не подалеку отъ Тифлиса расположеннымъ, возможность заниматься чтеніемъ, приступилъ я къ собранію книгъ для корпусной библіотеки. Въ составъ оной поступили предпочтительно творенія и переводы на отечественномъ языкѣ и мое намѣреніе было присовокупить къ нимъ на иностранныхъ языкахъ тѣ книги, кои объемлятъ предметы до военнаго искусства относящіеся и нѣкоторое количество топографическихъ картъ.

Препровождая вашему высокопревосходительству каталогъ книгъ сей библіотеки за моимъ подписаніемъ, съ означеніемъ цѣны оныхъ,

я прошу покорнѣйше приказать принять ихъ отъ коллежскаго секретаря Похвиснева, при мнѣ служившаго, и меня о полученіи оныхъ благоволить увѣдомить.

Имѣю честь быть и проч.

Сообщ. М. Н. Похвисневъ.

VIII.

Дежурному генералу главнаго штаба.

Генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ просилъ бывшаго начальника главнаго штаба, о награжденіи одного священника наперснымъ крестомъ. По заведенному порядку требовали мнѣнія оберъ-священника, который отвѣчалъ, что онъ до полученія «достовѣрныхъ свѣдѣній» о семъ священникѣ, не можетъ согласиться на награду.

О таковомъ отзывѣ увѣдомленъ Ермоловъ. По сему случаю вторичное послѣдовало отношеніе Ермолова къ бывшему дежурному генералу главнаго штаба [1]).

„При отношеніи отъ 2-го ноября за № 9,603, ваше превосходительство препроводить мнѣ изволили копію съ отзыва г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о томъ, что полевой оберъ-священникъ, въ ожиданіи достовѣрныхъ свѣдѣній объ исправности тифлисскаго военнаго госпиталя протоіерея Джевахова, отказываетъ просимую ему мною награду.

Господинъ оберъ-священникъ, въ премудрой осторожности своей противъ свидѣтельствованія моего объ усердіи протоіерея, конечно, не проститъ мнѣ суетнаго сужденія, что въ званіи командира корпуса, удостоиваемый важной довѣренности чиновникъ, могъ бы не подпасть подозрѣнію въ пристрастіи въ подобномъ случаѣ; но какъ ожидаемыя имъ достовѣрныя свѣдѣнія, конечно, не сообщаются ему откровеніемъ свыше и, подобно мнѣ, долженъ онъ разсматривать предметы, даетъ онъ, г. оберъ-священникъ, поводъ, довольно правдоподобный къ заключенію, что въ разстояніи 3,000 верстъ не лучше можетъ онъ видѣть ихъ, какъ я и самъ, когда оные у меня подъ глазами.

Не чуждо было бы, по крайней мѣрѣ, приличія, если бы г. оберъ-священникъ благоволилъ изыскать лучшую причину къ опроверженію представленія моего о вознагражденіи протоіерея.

Отношеніе было доложено покойному государю, на которомъ послѣдовала резолюція: «Дать протоіерею приличную награду, а оберъ-священнику препроводить съ онаго копію».

---

[1]) Письмо это помѣщено М. П. Погодинымъ въ статьѣ о Ермоловѣ (въ «Русск. Вѣстн.»); приводимъ его здѣсь по другому списку, доставленному Б. М. Ѳедоровымъ. Ред.

ПИСЬМА А. П. ЕРМОЛОВА КЪ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ КИКИНУ.

1817—1832.

Статсъ-секретарь Петръ Андреевичъ Кикинъ, любитель искусствъ, человѣкъ высокой честности и прямоты характера, былъ однимъ изъ лучшихъ друзей Ермолова. Знаменитый воинъ, какъ увидятъ читатели, былъ весь на распашку предъ Кикинымъ и потому настоящая переписка является не маловажнымъ матеріаломъ для знакомства съ Ермоловымъ. Обращаемъ особое вниманіе на письма 1826 — 1827 гг. Объ общественномъ и служебномъ положеніи Кикина сказано выше М. Н. Похвисневымъ въ примѣчаніи на стр. 490 и 491.

Подлинники писемъ Ермолова сохранились въ семейномъ архивѣ свѣтлѣйшаго кн. П. Д. Волконскаго, которымъ и сообщены «Русской Старинѣ», при обязательномъ посредствѣ Ѳ. К. Опочинина. При изданіи этихъ документовъ, мы опустили два письма (отъ 12-го сентября 1824 г. изъ Кабарды и отъ 23-го іюля 1832 г. изъ Москвы), и отрывокъ изъ письма отъ 12-го октября 1827 г. изъ Орла. Въ опущенныхъ письмахъ и отрывкѣ дѣло идетъ исключительно о г. Павловѣ, мужѣ сестры Ермолова, Анны Петровны. Примѣчанія къ письмамъ принадлежатъ М. Н. Похвисневу. **Ред.**

1817 г.

28-го октября 1817 г. Тифлисъ.

Любезный братъ, Петръ Андреевичъ. Хотя не давно разстались мы, но видно много ты отъ меня отвыкаешь, ибо не вѣряешься въ счастіе мое, со мною неразлучное. Скорое возвращеніе мое изъ Персіи дало тебѣ сумнѣніе на счетъ успѣха порученныхъ мнѣ дѣлъ, но оно уже разсѣяно, ибо послѣ письма твоего, чрезъ два дни, долженъ былъ пріѣхать отъ меня курьеръ съ донесеніемъ, что дѣла по желанію окончены, что Персія отступаетъ отъ претензій своихъ на нѣкоторыя изъ областей нашихъ, что положено доброе основаніе дружбѣ и что можно ею пользоваться, сколько намъ приличествовать будетъ. Я не дипломатъ, но въ рукахъ нашихъ сохранилъ средство и быть въ пріязни

или завтра за бороду! Не трудно умничать, когда и государя слава велика и мать Россія могущественна! Многіе не рѣдко промышляютъ симъ средствомъ, а часто имъ относятъ въ особенную способность и приписываютъ талантамъ. Я чистосердечнѣе ихъ, и признаюсь, что къ успѣху способствовали и огромная фигура моя и пріятное лицо, которое омрачилъ я ужасными усами и очаровательный взглядъ мой, и грудь высокая, въ которую, ударяя, производилъ я звукъ, подобный громовымъ ударамъ; когда говорилъ я, персіяне думали, что съ голосомъ моимъ соединяются голоса ста тысячъ человѣкъ, согласныхъ со мною въ намѣреніяхъ, единодушныхъ въ дѣйствіи. Однимъ таковымъ средствомъ гордость персидская уступить удобна, и по счастію моему, я попалъ на выборъ средства. Я не преступилъ данныхъ мнѣ наставленій dans les résultats. Не перешелъ предѣловъ, но признаюсь, что былъ на крайней чертѣ оныхъ. Не остановиться на самой было бы тоже, что дать впередъ нѣсколько шаговъ надъ собою. Неужели русскій предъ тономъ шаха долженъ пасть на землю и съ уничиженіемъ принести въ дань области, пріобрѣтенныя кровію нашею. Не знали персіяне могущества Россіи и во мнѣ ожидали найти подобнаго многимъ изъ предмѣстниковъ моихъ, которыхъ восхваляютъ умѣренность. Надмѣнность персидская ожидала отъ меня низкихъ угожденій, а кончилось тѣмъ, что самъ шахъ хвасталъ вниманіемъ моимъ къ нему и то не оставилъ безъ замѣчанія, что я, отказавши покориться оскорбительному этикету, входить безъ обуви въ красныхъ чулкахъ, когда бывалъ у него въ сапогахъ, позволялъ при входѣ сопровождавшему меня лакею моему обтирать съ нихъ пыль. И это принималось за одолженіе. Болѣе всего нравилась лесть, которой отраву пріуготовлялъ я на европейскій манеръ, для шаха довольно въ новомъ родѣ. Собственныхъ льстецовъ, какъ и у всѣхъ царей, у него также много, но къ нимъ онъ прислушался, а иностранцы въ таковыхъ случаяхъ имѣютъ преимущество.

Ты хочешь описанія моего путешествія. Но когда было его сдѣлать. Самое любопытное время было пребываніе мое въ Султаніи, но я все его употребилъ на лесть шаху, на споры и иногда ругательства министровъ. Есть нѣкоторыя записки, собственно до меня касающіяся, и правду скажу, что самыя вздорныя; я обѣщалъ ихъ прислать Закревскому, прежде пожелавшему ихъ имѣть, и тогда ты возьмешь ихъ у него.

Потеряли мы добраго пріятеля Кутузова, а я лишился въ немъ наилучшаго помощника и мнѣ здѣсь необходимаго. Сюда не скоро заманишь хорошаго. Я, какъ говоришь ты, существо, но какое впрочемъ ни есть, ты долженъ признаться, что не всякій, подобно мнѣ,

пойдетъ сюда на безпрерывные труды и съ успѣхомъ, весьма сумнительнымъ. Я не génie créateur, а здѣсь всему надобно дать начало и въ нѣкоторой степени совершенства; здѣсь одно только зло.

Посылаю, любезный Петръ Андреевичъ, сестрѣ шаль изъ подаренныхъ мнѣ шахомъ. Къ ней не адресуюсь для того, что выгоднѣе къ тебѣ, какъ человѣку, столько же мало, какъ я, знающему. Представь, что я самъ выбиралъ и съ моимъ въ сихъ вещахъ вкусомъ. Одно оправданіе, что она изъ числа шахскихъ шалей. Я увѣренъ, что почтенная сестра приметъ снисходительно отъ человѣка усерднаго. Твой вѣрный братъ А. Ермоловъ.

Почтенная сестра, Марія Ардаліоновна. Какое начало! на клочкѣ бумаги, въ одномъ письмѣ съ мужемъ! Кто пишетъ? Посолъ!! Чего ожидать можно добраго отъ такого невѣжды и ему поручаются дѣла, какъ порядочному человѣку! Представьте, какую перемѣну произвело во мнѣ кратковременное въ Персіи пребываніе. Давно ли изъ Петербурга? Я помню себя тамъ милаго и любезнаго въ обществѣ, особенно пріятнаго въ обращеніи съ женщинами; словомъ, помню себя душею общества. Болѣе всего мучитъ меня то, что завидовавшіе моимъ совершенствамъ восторжествуютъ. Я вижу брата Петра Андреевича, который даже о красотѣ моей говоритъ съ презрѣніемъ. И взглядъ его кажется ему пріятнѣе и улыбка милѣе; а до сего времени трудно было рѣшить, на кого изъ насъ природа болѣе разсыпала щедрыхъ даровъ своихъ.

Со всею, однако же, перемѣною во мнѣ, я сохранилъ тоже совершеннѣйшее почтеніе и истинную приверженность, съ коими имѣю честь быть покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

1820 г.

5-го сентября 1820 г. [1]). Тифлисъ.

Рѣдкій братъ Петръ Андреевичъ. Прими благосклонно подателя письма сего Chevalier de Gamba [2]) человѣка достойнаго. По соизволенію своего правительства объѣзжалъ онъ Грузію и мусульманскія наши области, съ намѣреніемъ учредить компанію для торговли съ Азіею, и буде можно ввести нѣсколько колонистовъ для разведенія

[1]) Вверху письма неизвѣстною рукою помѣта (едва ли не Кикина): «Августа 11-го, 1821 года». Ред.

[2]) Извѣстный французскій путешественникъ, впослѣдствіи генеральный консулъ въ Тифлисѣ. Книга его: «Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces, situées au delà du Caucase, fait depuis» 1820, jusqu'en 1824 (2 vol. Paris, 1826), пользуется заслуженною извѣстностью. М. П.

различныхъ плантацій, которыхъ лишилась Франція съ потерею своихъ колоній. Въ здѣшней странѣ люди, могущіе обращать большіе капиталы, весьма полезны, и заведенія всякаго рода въ рукахъ частныхъ пойдутъ успѣшнѣе. Не намъ и не здѣсь учреждать возможно казенныя фабрики. Дюкъ-де-Ришелье, рекомендовавшій мнѣ сего иностранца, кажется занимающимся симъ предметомъ и войдетъ въ сношеніе съ нашимъ министерствомъ. Я нахожу большія для насъ выгоды, если правительство изъявитъ на то свое согласіе; боюсь только, что не обратитъ на то должнаго вниманія, или, не имѣя о здѣшнемъ краѣ достаточныхъ свѣдѣній, не обойметъ предмета во всѣхъ его отношеніяхъ. Что сказать о себѣ? Къ вамъ не попадешь никакимъ образомъ, здѣсь дѣло одно за другимъ и свободной нѣтъ минуты. Въ теченіе года времени у меня большія перемѣны, которыхъ польза еще была бы ощутительнѣе, еслибъ не помѣшалъ бунтъ въ Имеретіи (который давно однако же кончился) и Гуріи. Долженъ сказать съ прискорбіемъ, что между христіанами правительство имѣетъ злѣйшихъ враговъ и что мусульмане, не взирая на различіе вѣры, криво истолковываемой невѣжественнымъ духовенствомъ, въ короткое время будутъ вѣрнѣйшими и послушными подданными. Теперь уже многіе изъ нихъ служатъ вмѣстѣ съ войсками нашими, а христіане проливали нашу кровь въ бунтахъ противъ правительства, съ ужаснѣйшимъ ожесточеніемъ. Теперь, благодаря дѣятельности начальниковъ и храбрости войскъ, отысканы мятежники въ мѣстахъ неприступныхъ и дѣйствуетъ ужасъ тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста великодушію. Въ Гуріи также кончились безпокойства! Не всегда употребляя средства самыя строгія, но, не пропуская вины безъ наказанія, обуздываю я здѣшніе народы, и часто преступники сами себѣ произносятъ приговоръ. Такъ теперь бѣжалъ генералъ-лейтенантъ Мустафа-ханъ-ширванскій, чувствуя вину свою и зная, что не умедлится взысканіе. Давно онъ мошенничалъ, но я занятъ былъ другими дѣлами и лишь только сдѣлался свободнѣе, онъ разсудилъ за благо не ожидать вразумительнаго поученія пушекъ. Бѣгство его отягчило насъ сладкимъ бременемъ болѣе полумилліона дохода. Это достано безъ выстрѣла! Въ прошедшемъ году одинъ изъ хановъ умеръ и я, растолковавъ трактатъ, какъ муллы объясняютъ Алкоранъ, взялъ ханство въ россійское управленіе съ полумилліономъ же дохода. Итакъ, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, не все я здѣсь дерусь безполезно, какъ говорятъ обо мнѣ, а сіе то и производитъ, что смиряя лютѣйшихъ, заставляю слабѣйшихъ вознаграждать за труды наши. Прощай, поцѣлуй ручку у сестры несравненной! Вѣрный по смерть А. Ермоловъ.

30-го ноября 1820 г. Тифлисъ.

Любезный братъ и благороднѣйшее существо! Не хочу ничего скрывать отъ тебя, ниже моихъ ошибокъ. Въ черную минуту, каковыя жизнь здѣшняя доставляетъ во множествѣ, о тебѣ, какъ о человѣкѣ значущемъ, судилъ я по другимъ, но ты существо пречудесное и я обманулся! Казалось мнѣ, что просьбу мою о братѣ почелъ ты прихотливою, тронуло чувствительно, что не обратилъ вниманія на состояніе его по истинѣ бѣдное. Я узналъ, что необходимо было соизволеніе государя, не могъ не знать, что собственныя правила твои изъяснятъ тебѣ, что необыкшій просить, не рѣшается просить безъ крайности, и какъ послѣ того могъ я истолковать твое молчаніе?

Но сильнѣе самой ошибки моей чувствую я цѣну благороднаго твоего поступка и вмѣстѣ съ братомъ благодарность наша есть жертвою, тебя достойною! Ты сдѣлалъ болѣе, нежели къ чему и самая обязанность наклонять можетъ, сдѣлалъ для тѣхъ, кому ни чѣмъ не обязанъ, теперь пусть, что хотятъ дѣлаютъ сильные!!!

Какая странная мысль пришла тебѣ показать письмо мое и я, не помня точно содержанія онаго, боюсь, не въ желчь ли обмакалъ я перо мое. Ты можешь повредить моей скромности.....

Я пропалъ, если что-нибудь говорилъ о вельможахъ, и развѣ только то спасетъ меня, что уже не можетъ возрасти ихъ ко мнѣ неблаговоленіе. Хорошо однако же сдѣлалъ ты, что мужественно защищалъ выпускъ въ свѣтъ письма моего. Это не Академическая выставка и могла бы не быть мнѣ полезною. Я уже прекрасно во многихъ случаяхъ рекомендованъ и за связь со мною были бы и тебѣ упреки.

По возвращеніи императора не упусти припомнить министру. Вельможъ насыщаютъ привѣтствія людей твоего разряда и дѣло отъ того можетъ имѣть благопріятный оборотъ. Меня и Дружининъ [1]) не удостоилъ отвѣтомъ, чего же мнѣ ожидать отъ вельможи?

Ты однако же бранишься въ письмѣ твоемъ и я готовъ бы съ тобою схватиться, но какъ просителю не прилично возражать, то и оставляю объясненіе до личнаго съ тобою свиданія. Какая ловкость! За что же у знатныхъ не снискиваю къ себѣ благоволенія? Хочется мнѣ побывать у васъ и какъ нынѣ ко всему восточному есть особенное вниманіе, то и на меня вы оное обратите. Что доселѣ съ нашей стороны появлялось у васъ, едва ли могло, по справедливости, занимать мѣсто между людьми, и мнѣ кажется, чтобы дать о себѣ выгод-

[1]) Директоръ одного изъ департаментовъ, кажется, министерства финансовъ. М. П.

ное понятіе, они весьма не ловко дѣлаютъ, что приводятъ съ собою лошадей. Тогда не затруднишься дать преимущество!

Что за вздоры происходятъ у васъ въ мірѣ просвѣщенномъ? Головокруженіе хуже чумы нашей, а укрощать и ту болѣзнь не легче; у насъ та выгода, что возстающихъ противъ законной власти и разрушающихъ установленный порядокъ, просто называютъ бунтовщиками и ихъ душатъ, ибо напрасенъ трудъ вразумлять не разсуждающихъ, а при переворотахъ таковыми является большая часть людей; движущія же пружины въ маломъ всегда числѣ или многосложная машина сама собою повреждается. Не нравится мнѣ новый характеръ революцій, производимыхъ арміями. Если сіи послѣднія способствовали иногда властолюбивымъ удерживать народы въ порабощеніи, то сколько же разъ были оградою внутренняго царствъ спокойствія, благоденствія народовъ Не въ нынѣшнія времена могутъ быть арміи слѣпыми орудіями власти, слѣдовательно не имъ приличествуетъ содѣйствовать къ разрушенію оной! Просвѣщеніе открываетъ народамъ пользу ихъ, изучаетъ властителей не пренебрегать общимъ мнѣніемъ и довольно! Кто нынѣ не разумѣетъ, что лучше сегодня дать добровольно то, что завтра можетъ быть вырвано насиліемъ. Достоинство есть свойственный видъ власти, ей приличествуетъ даръ добровольный, не совмѣстно соглашеніе, а народы не менѣе воспользоваться могутъ имъ принадлежащимъ.

Владыкамъ, собравшимся на конгрессъ въ Троппау, нельзя терять столько времени, какъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ. Сосѣдній Франціи пожаръ не благопріятенъ. Гишпанцы не взяли за образецъ хартію Людовика XVIII, слѣдовательно можно думать, что есть что-нибудь лучшее. Напрасно возлагать надежды спокойствія на одномъ рожденіи герцога Бордо. Онъ долго не будетъ полезнѣе напитка сего имяни, а это не много!

Неаполитанцы прикидываются, будто чувствуютъ себя людьми; впрочемъ, для безпорядковъ много годныхъ инструментовъ, и если ладзарони возмечтаютъ, что революція можетъ дать имъ лучшую пищу, нежели излавливаемые въ морѣ черви, то и ими пренебрегать не должно.

Благодари, что я при концѣ страницы, иначе могъ бы тебѣ наскучить пустымъ разсужденіемъ, а болтать была охота необыкновенная. Не много солдатъ великихъ политиковъ. Смѣйся, я этого ожидаю!

Поцѣлуй у безподобной сестры ручку. Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

1822 г.

28-го іюля 1822 г. Константиногорскъ.

Сію минуту вздумалъ, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, что кромѣ удовольствія писать къ существу несказанному, я имѣю даже и просьбу.

Благодаря заботливости графа В. П. Кочубея, утверждены проекты зданій и для минеральныхъ здѣшнихъ водъ и даже отпущены уже на строеніе деньги. Но недостаетъ архитектора, о чемъ я и писалъ къ нему.

Ты любишь покровительствовать заведеніямъ и вообще предпріятіямъ полезнымъ; безъ сумнѣнія, лучше многихъ извѣстны тебѣ художники, и что болѣе, мнѣніе твое имѣетъ вѣсъ [1]); возьми на себя трудъ, пріищи съ хорошими способностями молодаго въ академіи архитектора и склони г. Кочубея, чтобы его прислали сюда. У меня былъ нѣкто г. Вильстеръ, молодой искусный человѣкъ, и если бы кто и менѣе его имѣлъ дарованія, я былъ бы доволенъ.

Вы сами не богаты архитекторами, но здѣсь не изобрѣтать, а уже предложенное приводить въ исполненіе нужно. У меня же и таковыхъ нѣтъ на кавказской линіи, а изъ Грузіи, по множеству работъ, отдѣлить невозможно!

Сдѣлай дружбу, похлопочи любезный и рѣдкій братъ. Не слушай А. Н. Оленина. Здѣсь былъ нѣкто г. Юни, тебѣ, какъ говоритъ онъ, весьма знакомый. Я, давъ ему порученіе, лучше однако же разсудилъ самъ къ тебѣ написать. Онъ напомнитъ тебѣ и о профилѣ галлереи таврическаго дворца. Прикажи сдѣлать его и пришли!

Есть еще одна просьба.

Стѣсненное состояніе бывшаго атамана донскаго генералъ-лейтенанта Денисова и гоненіе человѣка беззащитнаго въ его старости, солдата, издавна уважаемаго по его храбрости, заслуживало бы лучшей участи. Не виню въ оной Чернышева, человѣка знатнаго и въ дѣлахъ не весьма свѣдущаго; но тѣмъ больнѣе, что долговременная и отличная служба можетъ быть помрачена Б — мъ, разбойникомъ, управлявшимъ перомъ Чернышева. Счастіе сего мошенника, что невозможно изобличать во взяткахъ и что дающій долженъ равномѣрно укрываться преслѣдованія законовъ, а то здѣсь славную имѣетъ онъ репутацію, и точно достоинъ, ибо уже и награж-

[1]) П. А. Кикинъ любилъ искусство и покровительствовалъ художникамъ. Своимъ участіемъ способствовалъ онъ развитію таланта знаменитаго Брюлова. Былъ однимъ изъ основателей петербургскаго общества поощренія художниковъ. М. П.

день лентою. Денисовъ чрезъ тебя писалъ государю. Не откажи оказать ему по силамъ помощь. Не твоего характера люди могутъ страшиться сильныхъ. Положи честь твою и правила твердымъ, въ покровительствѣ угнетаемаго, оплотомъ. Еще мы съ Чернышевымъ ничего не брали штурмомъ! Ты не оставляешь безъ вниманія просящаго, истина даетъ силу словамъ.

Я болѣе двухъ мѣсяцевъ таскаюсь по Кабардѣ, хочу перенести гнусную и убійственную прежнюю кавказскую линію. Не безъ трудовъ, но прибавь къ имени существа прилагательное счастливгоа, и буду тотъ же вѣрный братъ, который любитъ тебя душевно, почитаетъ по достоинству. Ермоловъ.

(1822 г.).

Я думаю нѣкогда изъ разговоровъ ты слыхалъ, что я имѣю родную сестру, она замужемъ за Павловымъ [1]), котораго, конечно, видалъ ты у меня въ Петербургѣ. По обстоятельствамъ переселяются они на житье въ столицу, гдѣ зять мой, въ маленькомъ и ничтожномъ чинѣ его, надѣется получить мѣсто съ лучшимъ, нежели гдѣлибо, жалованьемъ. Сдѣлай дружбу, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, приласкай его и сестру мою, которую и познакомь съ милою женою. Сестра женщина не молодая и ты увидишь, что весьма умная, которая, конечно, благорасположеніе ваше сыщетъ и, безъ сомнѣнія, заслужитъ.

Прости сестрѣ нѣкоторую неловкость, какъ женщинѣ, брошенной обстоятельствами, среди незнакомаго міра, въ бѣдности, которая сопровождаема нѣкоторою застѣнчивостію и собственно къ самому себѣ лишаетъ довѣренности. Предувѣдомь сестру мою, любезную и рѣдкую жену твою, что ласка ей оказанная, будетъ собственно мнѣ милостію. Привези къ ней родныхъ моихъ самъ, и если когда пожелаетъ она, чтобы они у нея бывали, то просто посылай за ними экипажъ, ибо по бѣдности они его имѣть не въ состояніи. Я уже писалъ имъ, чтобы умѣли они не стыдиться бѣдности.

Надобно думать, любезный и рѣдкій братъ, что я не въ блистательномъ положеніи, если въ подобномъ состояніи терплю сестру, которая только одна и есть у меня. Я бы по бѣдности годился быть военачальникомъ лучшихъ временъ республики. Меня это нимало не

---

[1]) Алексѣй Александровичъ Павловъ былъ женатъ на сестрѣ А. П., Аннѣ Петровнѣ. Состоялъ въ званіи камергера и занималъ должность за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ синодѣ. Былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему клерикальному міру, къ Фотію, къ графинѣ А. А. Орловой и другимъ. М. П.

огорчаетъ, но и я бывалъ молодъ, и не такъ легко было привыкать къ подобному состоянію и познакомиться съ мыслію, что съ таковымъ надобно окончить жизнь. Теперь я въ семъ отношеніи не уступлю наилучшему изъ философовъ.

Прощай! Вѣрный по смерть А. Ермоловъ.

4-го августа 1822 г. Владикавказъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Отправивши къ тебѣ письмо съ Похвисневымъ [1]), я очень заболѣлъ и до сего дни было мнѣ весьма тяжело. Теперь пишу съ трудомъ, но уже не имѣю причины опасаться болѣзни. Правъ ты совершенно на счетъ заведеній при водахъ. Боюсь потери денегъ, не перестаю думать объ устройствѣ водъ, но нѣтъ у меня человѣка. Имѣю одного чудеснаго для сего предмета, но не могу безъ него обойтись въ Тифлисѣ, и на немъ лежатъ обширныя порученія. Хочу экономическую часть поручить Павлову, человѣку, конечно, съ рѣдкими и наилучшими правилами, и тогда за деньги бояться не буду. Не думай, рѣдкій братъ, чтобы желчь моя заставляла меня видѣть все съ худой стороны, и чтобы не любилъ я слышать правды. Это не справедливо, но надобно, чтобы основательны были дѣлаемыя предложенія и въ соображеніе взяты были средства мои. Въ доказательство, что желчь не всегда дѣйствуетъ, я не вижу даже много худаго изъ тѣхъ мерзостей, которыя надѣлалъ мнѣ мудрый Лисаневичъ. О Грековѣ жалѣю, и не знаю кѣмъ замѣнить его. Усталъ смертельно, прощай, писать буду къ тебѣ изъ Грозной. Не могу выразить досады, что тебя не увижу. Думаю, что чувство сіе способствовало усиленію болѣзни. Послѣ буду писать, послѣ. Вѣрный Ермоловъ.

Въ какой маленькой запискѣ, въ какомъ маломъ числѣ словъ, милая сестра сколько сказала правды. Кисловодскъ точно St.-Hélène, и кто живетъ здѣсь, скоро уже девять лѣтъ, не мало заслуживаетъ состраданія. Еще несноснѣе подобная ссылка тому, о комъ и не вспомянутъ впослѣдствіи. Знаменитому узнику была утѣшеніемъ слава! Нельзя безъ нѣкотораго героизма прожить въ здѣшней странѣ долгое время, и зная, что каждое дѣйствіе отравляетъ клевета.

Прекрасное предположеніе ваше, что я отдѣлался разными предлогами, чтобы не видѣться съ вами, отъ страха слышать правду. Это свойство господствующихъ, а я самъ подъ игомъ иноплеменныхъ, и могу ли я, какъ они, бояться правды. Je suis un bien pauvre Sire! А вы, мои единственные ближніе, противъ меня!

[1]) Ник. Ник. Похвиснев, молодой человѣкъ, служившій при А. П., съ которымъ вмѣстѣ выѣхалъ изъ Грузіи и затѣмъ вскорѣ умеръ. М. П.

Прощайте, цѣлую ручки милой сестры, чудесной женщины! Душевно-преданный А. Ермоловъ.

Браните меня еще и всегда, но живитъ сердце мое чувство благодарности за благосклонное расположеніе ваше къ сестрѣ моей, боялся оскорбить васъ выраженіемъ милости.

16-го ноября 1822 г. Тифлисъ.

Любезный братъ, существо рѣдкое! Родные мои, встрѣтившись съ вами въ Кіевѣ, пишутъ, что тобою и милою сестрою были чрезвычайно обласканы. Чувствую я одолженіе сіе и благодарность вамъ, для меня любезнымъ, есть чувство сладостное. Ты однако же, конечно, не похвасталъ предъ моею сестрою, что пишешь ко мнѣ часто, что тѣмъ услаждаешь скучную и единообразную жизнь мою. Тебѣ бы надлежало сказать ей, что ты хоть и рѣдкое существо, но столько же лѣнивое, что отъ тебя иногда можно добиться отвѣта, но что самъ никогда на переписку не вызовешься, и что любишь, чтобы пріятели твои вѣрили, что ихъ помнишь безъ всякаго, со стороны твоей, на то доказательства. Однако же, не шутя скажи, какъ можно такъ долгое время оставитъ безъ всякаго о себѣ извѣстія? Я даже и то хотѣлъ бы знать: на богомолье ѣздилъ ты въ Кіевъ или, наконецъ, почелъ за нужное навѣдаться о твоемъ имѣніи, которое въ той сторонѣ? Какъ человѣкъ обыкшій къ жизни въ столицѣ, посѣтилъ провинцію, и какъ ему она показалась? Или уже чувство старости наклоняетъ къ набожности, которая, какъ помнится, не сильна была прежде.

Я здѣсь, по обязанностямъ моимъ, ближе васъ къ церкви, ибо безпрерывно обороняюсь отъ ея присвоеній, и понимаю, что значило, когда обладала она имѣніями въ Россіи. Здѣсь не болѣе нашего ловко духовенство, а достаточно ощутительно, что со священными хищниками ничто въ алчности сравниться не можетъ. Покойный Феофилактъ былъ знаменитый поборникъ церкви!

Извѣстный тебѣ Тимковскій [1]) служитъ со мною. Я намѣренъ занять его изысканіями о разныхъ здѣшнихъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ, народахъ. Можетъ быть со временемъ появится какое-нибудь о нихъ описаніе, или, по крайней мѣрѣ, по недостатку удовлетворительныхъ историческихъ свѣдѣній, сообщатся какіе-нибудь любопытные отрывки. Исключительно, на первый разъ, займу я его обитающими въ предѣлахъ нашихъ калмыками и остатками монголовъ, нашими властелинами.

---

[1]) Егоръ Ѳедоровичъ Тимковскій, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Китай черезъ Монголію. М. П.

Я переношу бо́льшую часть прежней убійственной кавказской линіи въ мѣста прелестныя и здоровыя, работы у меня ужасныя, средства ничтожныя!

Все идетъ медленно и съ пламеннымъ моимъ характеромъ несогласно. Живу здѣсь давно, ничего не сдѣлалъ и это меня мучитъ до крайности. Браните меня, предайте проклятію, но не станетъ терпѣнія и я бѣгу! Горестно оглянуться на шесть лѣтъ пребыванія въ здѣшней странѣ и ничего не произвести довольно ощутительнаго, чтобы свидѣтельствовало объ успѣхахъ. Самому внимательному наблюдателю могутъ только быть примѣтны перемѣны, слѣдовательно онѣ не велики, или еще при самыхъ началахъ. Вотъ, любезный и рѣдкій братъ, досадное состояніе нетерпѣливаго человѣка. Прощай! Удивишь, если, превозмогши лѣнь, напишешь; ни мало не удивишь, если по прежнему любить будешь. Поцѣлуй ручку у несравненной сестры. Вѣрный Ермо́ловъ.

1823 г.

8-го іюня 1823 г. Тифлисъ.

Любезное существо, рѣдкой братъ! Благодарю за письмо съ послѣднимъ курьеромъ, хотя и безъ милосердія ругаешься. Хотѣлъ бы удовлетворить желанію твоему въ разсужденіи описанія здѣшнихъ народовъ, но сколько ни умѣрено оное, теперь сдѣлать не могу. Если бы даже одного было довольно извѣстія, гдѣ живутъ сіи чучелы, то и въ семъ случаѣ вкрались бы невѣрности, ибо не со всѣми изъ нихъ мы знакомы, а проживши здѣсь семь лѣтъ, издать въ публику пустое, признаюсь, не хочется.

Ты думаешь, что я мелочьми пренебрегаю. Посмотри со вниманіемъ и увидишь, что по образу устройства нашего управленія, едва ли чѣмъ, кромѣ ихъ, заниматься возможно? Не весьма легкій выставилъ ты образецъ къ подражанію. Ты говоришь о безсмертномъ Петрѣ и указываешь, что между великихъ дѣлъ его, имѣли мѣсто мелочи. Но знаешь ли, что у людей, у коихъ всѣ дѣйствія ничто иное какъ мелочи, они дѣлаются скучными. Не многимъ предоставлены средства придавать имъ благородство дѣяніями необычайными!

Ты великодушно предначертываешь мнѣ: „положить всему начало, сдѣлать общую систему, назначить чему быть черезъ 200 лѣтъ“, какъ легко сказать сіе и какъ бы самолюбиво было съ моей стороны почитать себя того способнымъ! Обратимся къ другому предмету.

Ты не правъ въ разсужденіи Мошкова. Подарокъ, сдѣланный ему государемъ, не составилъ ему того, чтобы могъ онъ пріобрѣсти, если бы имѣлъ способы, виды имъ нарисованные, предать литографіи. Государь не платилъ ему за работу, но оказалъ благоволеніе, какъ

воспитаннику академіи, попеченіями которой получилъ онъ образованіе. Тамъ сдѣланы государемъ издержки, но за нихъ нельзя требовать вѣчной, даромъ, работы. Справедливо удѣлить ему часть изъ выгодъ, которыя пріобрѣтутся продажею литографированныхъ видовъ по мѣрѣ издержекъ, которыя вы на то употребите.

Я хотѣлъ сказать мнѣніе мое, впрочемъ, если и ничего вы не дадите, дѣлать нечего! Не стану оправдывать его, чтобы лѣнивъ онъ не былъ, ибо и самъ его въ томъ упрекаю. Теперь, однако же, составляетъ онъ другую коллекцію видовъ, несравненно лучшихъ, нежели прежніе, и для сего объѣзжаетъ горы.

Ты увѣдомляешь о пріѣздѣ брата и сестры твоихъ къ водамъ кавказскимъ. Хорошо, что предупредилъ ты генерала Сталя, но и то боюсь, что по множеству, въ нынѣшнемъ году, посѣтителей, трудно ему будетъ доставить имъ выгодное помѣщеніе, ибо всѣ дома заблаговременно разхвачены.

Теперь, по желанію твоему, объяснимся въ разсужденіи сестры моей. Начну благодарностію за великодушное участіе, которое въ ея положеніи ты принимаешь. Точно, состояніе ея не представляетъ никакихъ надеждъ благопріятныхъ. Не можетъ не тягчить сердца моего неблаговоленіе къ ней родителя и вижу съ горестію, что тщетны были всѣ мои старанія склонить его къ прощенію.

Ты не усомнишься, что въ разсужденіи недостатка ея, готовъ былъ бы я подать всякую помощь, но извѣстны тебѣ мои средства, и я могу сообщить тебѣ, что кромѣ весьма не роскошнаго, по мѣсту, жалованья, я ничего не имѣю. Не достаетъ мнѣ онаго, и я потому только не вошелъ доселѣ въ долги, что проживаю нѣкоторые остатки, сбереженные отъ званія посла, по коему получая содержаніе, могъ я сохранять то, что принадлежало мнѣ по мѣсту здѣшняго начальника. Ты въ письмѣ твоемъ изрекъ уже приговоръ за эгоизмъ мой и не умѣстное честолюбіе. Въ первомъ заслуживалъ бы я упрекъ, если бы могъ ты упомянуть хотя объ одномъ случаѣ, гдѣ я о моей только старался пользѣ, но самыя дѣйствія мои доказываютъ противное. Въ честолюбіи признаюсь, но его заключаю я въ томъ, чтобы ничего не просить и не получать не заслуживая. Сіе необходимо потому, что усталость отъ трудовъ требуетъ отдохновенія и не хочу я, чтобы могли сказать, что и на самыя расточаемыя мнѣ награды не взирая, я неблагодаренъ и трудовъ уклоняюсь. Я, можно сказать, наканунѣ того, чтобы кончить службу мою, могу ли принять награду, за которую заплатить не въ состояніи? Не мое это правило, и если кто осуждать меня станетъ, конечно, многихъ будетъ имѣть за себя, ибо не

каждому выгодно руководствоваться подобными правилами, но это не значитъ еще, чтобы оныя были не хороши.

Вотъ слова письма твоего: „Подумай обо всемъ хорошенько и напиши обстоятельно, но безъ всякаго вздора, смотри на вещь, въ какомъ она нынѣ положеніи и отнюдь ни слова отчего и какъ". Въ семъ предложеніи, конечно, не то трудное, чтобы не говорить вздора, ибо иногда умѣю я избѣгать того, но странно требованіе, чтобы могъ я основать разсужденіе, не принимая въ соображеніе причинъ.

Подъ таковыми условіями не легко удовлетворить твоему желанію а я признаться долженъ, что и не въ состояніи! Повторю тебѣ, какъ наилучшему изъ друзей, какъ человѣку благороднѣйшему, что готовъ помогать сестрѣ всѣмъ, что собственно отъ меня зависитъ, что достоинъ былъ бы презрѣнія, если бы думалъ иначе одну минуту. Къ ея услугамъ всѣ въ распоряженіи моемъ средства, но не могу выпрашивать чужихъ, а паче тогда, какъ чувствую, что права на нихъ не имѣю.

Не угрожай мнѣ прекращеніемъ твоей дружбы, довольно причиняетъ горестей худое состояніе моего семейства и невозможность быть ему полезнымъ. Не знаю успѣлъ ли Арсеній Андреевичъ [1]) до отъѣзда своего сдѣлать что-нибудь Павлову, но досадовалъ, что не можетъ дождаться его изъ Москвы. Онъ имѣлъ надежду доставить ему мѣсто, но если уѣхалъ, то еще затруднительнѣе будетъ положеніе ихъ! Прощай, и люби по прежнему. Вѣрный Ермоловъ.

Забылъ о сочиненіи Броневскаго о Кавказѣ [2]). Доселѣ не было обстоятельнѣйшаго описанія страны здѣшней, и во многомъ столько истины, что трудно было бы поправить или сказать что-либо достовѣрнѣйшаго. При таковыхъ началахъ удобно будетъ кому-нибудь другому пріобщить подробнѣйшія извѣстія. Тутъ отыщешь ты всѣ народы, коихъ издаются литографные костюмы.

Прибывшій фельдъегерь доставилъ мнѣ письмо сестры моей, которая увѣдомляетъ, что кромѣ благосклоннаго расположенія вашего, вы оказываете ей и самыя благодѣянія, позволивъ на время отсутствія брата твоего, расположиться въ его домѣ. Мазаровичъ [3]) же,

---

[1]) Арсеній Андреевичъ Закревскій, тогда дежурный генералъ, бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ А. П. Ермоловымъ. М. П.

[2]) «Новѣйшія Географическія и Историческія свѣдѣнія о Кавказѣ», соч. Семена Броневскаго, 2 ч. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1823 г. М. П.

[3]) Мазаровичъ, Семенъ Ивановичъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ. Былъ близокъ къ Ермолову и дѣйствовалъ въ одномъ съ

съ коимъ говорилъ ты о положеніи сестры, пишетъ, что ты имѣешь великодушное намѣреніе доставить ей помощь. Знаю, что нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ просьбы. Государь все можетъ, но тѣмъ достойнѣе его благотворить женщинѣ собственно по ея бѣдности и даже крайности, нежели для того сдѣлать добро, чтобы наложить на меня новыя обязанности, тогда какъ я прежнихъ исполнить силъ не имѣю. Не понимаю, какъ ты это сдѣлаешь, но въ отчаяніи буду, если войдетъ въ разсчетъ мнѣ собственно дѣлать милости и мнѣ за нихъ платить трудами несноснѣйшей моей службы. Сего принять на себя я не въ состояніи.

Теперь о другомъ:

Какъ покровитель артистовъ и со вниманіемъ вникающій въ таланты ихъ, скажи мнѣ твое мнѣніе о коллекціи потретовъ, гравируемыхъ попеченіемъ живописца Довъ. Мнѣ еще не случилось видѣть ни одного гравированнаго, но Закревскій прислалъ мнѣ свой и оный литографированъ довольно искусно. Я, еще бывши въ Петербургѣ, подписался на нѣсколько портретовъ и высматриваю въ газетахъ, которые уже появляются въ публику. Посему узналъ я, что и я пропечатанъ Довомъ. Я отношу къ нѣкоторому сумасшествію его, желать взять за бюстъ мой по 50 рублей. Такъ дорого не платятъ и за людей необыкновенныхъ! Онъ обманется жестокимъ образомъ, а мы, по уменьшеніи вскорѣ цѣны, узнаемъ, что они съ рукъ не сходятъ. Странная мысль продавать мой бюстъ, тогда какъ желающимъ имѣть мою рожу гораздо удобнѣе получить ее напечатанную на листѣ.

Какія у васъ перемѣны неожиданныя. Какъ могли вы разстаться съ Гурьевымъ[1])? Грозитъ паденіе и О—ву. Неужели потерпятъ, чтобы кто съ великимъ симъ мужемъ вступилъ въ одинаковыя грабить права безъ отвѣтственности. Это было бы неблагодарно и не признательно къ великимъ его заслугамъ. Кто же послѣ трудиться захочетъ?

Воображаю Дибича[2]), который, конечно, земли не чувствуетъ подъ собою. Но едва ли не вредно вельможамъ надолго отдаляться отъ двора и допускать дѣлать къ другимъ привычку. Такимъ образомъ можетъ Волконскій не быть уже столько надобнымъ. Что сдѣлаете вы съ другими изъ сильныхъ, но нѣкоторыхъ изъ министровъ неопасно замѣнить худшими. Прощай! Ермоловъ.

нимъ духѣ по персидскимъ дѣламъ. Оставилъ службу почти одновременно съ Ермоловымъ. Женатъ былъ на Рибопьеръ. М. П.

[1]) Графъ Д. А. Гурьевъ, министръ финансовъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ. М. П.

[2]) Занявшаго, по случаю отъѣзда начальника главнаго штаба князя П. М. Волконскаго, должность послѣдняго. М. П.

1824 г.

Благодарю васъ, почтенная и милая сестра, за нѣсколько безцѣнныхъ строкъ въ письмѣ брата. Я думаю и тѣмъ обязанъ вамъ, что его писать заставили, ибо лѣнь имъ овладѣла. Онъ тогда только не чувствуетъ оной, когда бранитъ меня. Тутъ онъ и неутомимъ, и краснорѣчивъ равномѣрно.

Сестра моя увѣдомляетъ меня, съ какою благосклонностію вы ее приняли, и я, подобно ей, не въ состояніи выразить чувствъ признательности. Ищу утѣшить себя, что не однимъ несчастнымъ состояніемъ своимъ, обращаетъ она ваше на себя вниманіе и пріятно мнѣ думать, что она будетъ умѣть снискать ваше благорасположеніе. Будьте къ ней милостивы и я не отниму у себя наслажденія, быть вамъ, почтенная сестра, благодарнымъ. Если бы знали вы, что переноситъ бѣдная сія женщина! Къ скукѣ, которая сопровождаетъ жизнь мою, долженъ я прибавлять и горести семейственныхъ неустройствъ, а вашъ Петръ Андреевичъ увѣряетъ, что мнѣ и помышлять не позволительно о сокращеніи моего здѣсь пребыванія. Какія великодушныя обо мнѣ заботы! Побраните его за меня, если умѣете, а я намѣренъ выдти совершенно изъ послушанія.

Примите увѣреніе въ неограниченномъ моемъ высокопочитаніи. Истинно преданный А. Ермоловъ.

Сестрѣ вы подарили портретъ мой. Что нѣтъ необходимости имѣть въ домѣ пугалища, я согласенъ, а живописецъ точно не употребилъ ни малѣйшей лести. Вижу торжество брата и сожалѣніе, что, лишаясь портрета моего, теряетъ выгоды сравненія!

22-го января 1824 г. Дагестанъ.

Рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ! Ты бы уже бранилъ меня, что я давно не писалъ къ тебѣ, если бы не равное также имѣлъ я на то право. Итакъ, о семъ ни слова!

Съ сентября мѣсяца я оставилъ Тифлисъ, живу между татаръ въ Дагестанѣ, въ прегнусной деревнѣ, скукѣ ужаснѣйшей. Такъ по большей части, провожу я восьмой годъ моего здѣсь пребыванія; но сей разъ счастливѣе прочихъ, ибо, прибывъ въ Дагестанъ, кончилъ я возникшій мятежъ безъ выстрѣла; заставилъ признать власть нашу, тѣ изъ горскихъ народовъ, которые никогда намъ не покорствовали. Они дали аманатовъ (заложниковъ) и теперь повинуются. Я вскорѣ выѣзжаю для обозрѣнія мусульманскихъ нашихъ провинцій, и, конечно, не для пріятнѣйшей жизни. Присылайте другаго наслаждаться симъ вожделеннымъ состояніемъ! А вы насъ совсѣмъ уничто-

жили, а кавказскую линію отдали въ обладаніе закубанцамъ. Впрочемъ, не мѣшало бы отдать имъ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей минеральныхъ водъ. Трусость ихъ заставила распустить нелѣпые слухи и между сими разскащиками главнѣйшій есть нѣкто знаменитый генералъ-маіоръ Аклечѣевъ. Надобно было бы шепнуть мнѣ на ухо, а я бы и выдалъ! Смѣшна выдумка, будто-бы на выкупъ Желтухина собираема была подписка. Не бойтесь, друзья любезные, не такъ много нанесено вреда, и уже болѣе, нежели вчетверо заплачено за оный. Не въ мое время останется оскорбленіе неотомщеннымъ! Увѣдомь, о какой проказѣ моей по крестамъ солдатскимъ писалъ ты ко мнѣ? Это еще вымыселъ и мнѣ никогда и ничего въ голову о томъ не приходило. Я любопытенъ знать, что такое?

Ты говоришь, что я у васъ стекла выбиваю и что по климату вашему это нѣсколько жестоко. Я право не знаю, въ чемъ еще мнѣ упрекаютъ; но мнѣ кажется, что я менѣе никогда не производилъ шуму. Впрочемъ, мудрено, однако же, согласить меня молчать, когда будутъ вызывать на бой министры по-часту нелѣпыми бумагами, или возмечтавъ быть начальниками. Теперь задираетъ меня Ланской [1]), а я ему и на тронѣ польскомъ не удивлялся. Не прикажите ли и ему раболѣпствовать? Напрасно вооружаешься (какъ говоришь) противъ сильныхъ моихъ порывовъ и грозишь мѣрою изобрѣтенія противъ нихъ оплота. Ты не подумалъ, что мѣра таковая потребуетъ вниманія на вещь и дѣятельности, а тогда не будетъ мѣста порывамъ. Не думаю, чтобъ неусыпностію своею могли быть страшными гг. министры.

Совсѣмъ непонялъ я пріуготовляемой тобою мнѣ казни за жену З*, и что не удивился бы ты, если изъ Италіи очутится она въ Тифлисѣ. Давно ли произвелъ ты меня въ ловеласы? Я самъ не подозрѣвалъ, что я человѣкъ столько опасный, хотя столько же, какъ и ты, не сомнѣвался въ могуществѣ прелести своей. Могу увѣрить тебя, что я столько же и виноватъ, какъ ты, и со стороны ея, кажется, не болѣе преступленія! Ничего не знаю о пребываніи ея въ Италіи и ее не защищаю, но въ отношеніи ко мнѣ ничему не подверглась она предосудительному, и я, если бы даже 20 лѣтъ былъ моложе, умѣлъ бы въ подобномъ случаѣ заставить уважать мои правила. Тутъ же и торжества ни малѣйшаго не было надъ собою, ибо съ обѣихъ сторонъ, кромѣ равнодушія, не было другаго чувства.

---

[1]) Вас. Сергѣев. Ланской, въ то время управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, бывшій съ 1813 по 1815 гг. временнымъ правителемъ герцогства варшавскаго. М. П.

Прошу, любезный другъ, не оскорблять меня столько несправедливымъ подозрѣніемъ, или надобно лучше знать добраго пріятеля!

И ты, рѣдкій братъ, присутствуешь въ сенатѣ. Конечно, столько же какъ и я, ты удивленъ былъ тѣмъ, ибо вѣрно почести сей ты не добивался.

У васъ 12-е число было богато милостями, и кромѣ множества наградъ, я также получилъ штукъ до 15-ти коллеговъ. И ты утѣшишься, если нѣкоторыхъ сдѣлаютъ товарищами по сенату.

Прощай, принеси почтеніе мое почтеннѣйшей женѣ твоей, сестрѣ моей несравненной. Душевно-любящій Ермоловъ.

Изъ послѣдняго письма сестры моей видѣлъ, что ты былъ очень боленъ, но она же обрадовала меня, что ты поправился—и я радъ, какъ за себя. Богъ не можетъ оставить человѣка, тебѣ подобнаго.

30-го мая 1824 г. Тифлисъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Рѣдко пишемъ мы одинъ къ другому, но не случалось мнѣ видѣть фельдъегеря безъ письма твоего и потому грустно было не получить онаго. Или захлопотался, или залѣнился, но вѣрно нѣтъ другой, молчанію, причины. Не перемѣнишь ты ко мнѣ дружбы твоей, желаніе мнѣ добра неистощимо! Что скажу о себѣ? Живу скучно по прежнему, но къ сему издавна сдѣлалъ привычку, увѣривъ себя, что со мною другаго встрѣчаться не должно. Тружусь по прежнему, но охлаждаютъ пламенное усердіе мое, кажется умышленно дѣлаемыми непріятностями.

И послѣ сего станутъ упрекать мнѣ друзья мои, что иногда я огрызаюсь. Испытывалъ я средства терпѣнія и чрезъ долгое время даже признака не давалъ моего существованія, но мнѣ насылаютъ запросы и замѣчанія, тѣмъ болѣе досадныя, что никакой основательности не имѣютъ. По содержанію таковыхъ, подозрѣваю иногда, что имя царя употребляется всуе. Легко могутъ проистекать оныя отъ единаго неблаговоленія сильныхъ. Какой способъ повѣрки?

Вразуми, что должно заставлять меня нести службу, давно потерявшую прежнюю очаровательную свою силу? Я исполнилъ обязанности мои и готовлюсь къ новымъ ожидающимъ меня въ состояніи гражданина. Равнодушіе въ службѣ — развратъ. Съ сими чувствами полезнѣе отъ оной удалиться. Прежде, собственнымъ примѣромъ, возжигалъ я усердіе сотрудниковъ. Неудобно произвести таковое душа хладѣющая. А гдѣ тѣ, коихъ усердіе неоживляемо поощреніемъ?

Читалъ письмо Рыхлевскаго къ пріятелю его. Тебя благодарилъ въ сердцѣ за великодушный твой поступокъ и его хвалю, что чувствовать умѣетъ, сколько тебѣ обязанъ, и что обязанъ тебѣ еди-

ному. Какъ похоже на тебя: благотворить и думать, что дѣлаешь обыкновенное! Едва было не подвергнули наказанію самому жестокому и винѣ, совершенно не соразмѣрному.

Сестра моя пишетъ ко мнѣ о милостивомъ къ ней расположеніи рѣдкой жены твоей. Не новая причина быть тебѣ благодарнымъ. И прежде таковыми были вы къ роднымъ моимъ. Поцѣлуй у почтенной сестры ручку.

Многія съ нѣкотораго времени произошли перемѣны. Закревскій, какъ пишетъ, свыше ожиданія, занявъ мѣсто по многимъ отношеніямъ лестное, недоволенъ имъ, ибо чувствуетъ, что оному не соотвѣтствуютъ его способности. Я однако же уговариваю не оставлять его, ибо правила его, безкорыстіе и любовь къ порядку много произведутъ полезнаго.

Много смѣялся я заключенію твоему на счетъ исходящаго зловонія. Однако же не помѣшало, и, по успѣху его судя, кажется, не менѣе дѣйствуетъ упояющаго сладостію аромата.

Здѣсь часто говаривалъ я о тебѣ съ Мазаровичемъ, въ душѣ тебя уважающемъ; онъ многое разсказалъ мнѣ и о твоей неизмѣняемой ко мнѣ дружбѣ. Не знакомъ я съ бонтоннымъ Рибопьеромъ, но жена Мазаровича недостатокъ красоты замѣняетъ умомъ и любезностію [1]). Самъ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые осуждены переносить нѣкоторыя непріятности за то, что служатъ со мною или мною одобряемы.

Прощай, любезный братъ, рѣдкое существо! Гдѣ и когда мы съ тобою увидимся? Поклонись безпримѣрной женѣ твоей.

Люби вѣрнаго Ермолова.

1825 г.

20-го января 1825 г. Тифлисъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Мы съ тобою чудесную ведемъ переписку. Я тебя ни о чемъ не спрашиваю, а ты радъ, что есть журналы, Свиньина записки и даже о наводненіи не скажешь ни слова, которое и тебя должно было постигнуть въ загородномъ твоемъ замкѣ.

Прошу увѣдомить, ибо зная тебя заботливымъ охотникомъ до садовъ, великимъ домостроителемъ, жалѣлъ бы о разрушеніяхъ въ твоихъ заведеніяхъ. Какія бѣдствія причинило наводненіе, и нѣтъ причины, чтобы еще не повторилось, а быть можетъ и жесточайшее! Не утѣшительно для столицы, великолѣпнѣйшей въ мірѣ, если оно періодическое и если даже одно въ 50 лѣтъ! Немного будетъ охотниковъ жить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода наиболѣе свирѣпствовала и

[1]) Урожденная Рибопьеръ. М. П.

въ семъ отношеніи едва ли роскошныя дачи съ тѣмъ же, какъ прежде, возстанутъ великолѣпіемъ? Если въ прекрасномъ Петербурга климатѣ останутся опустошенными его окрестности, еще пріятнѣе онъ будетъ. Я вамъ не завидую!

Вопрошаю не шутя. Скажи, существо рѣдкое, но столько же и лѣнивое, для чего по нѣсколько мѣсяцевъ ни строки я отъ тебя не имѣю? Знаю, что имѣешь ты занятія, но не уже-ли каждое изъ нихъ лучше того, какъ когда ты ко мнѣ пишешь? Люблю слышать о тебѣ, ибо слышу справедливую похвалу благороднѣйшимъ свойствамъ твоимъ. Теперь есть у меня Шимановскій [1]), котораго заставляю повѣствовать о тебѣ. Люблю сего молодаго человѣка и люблю болѣе съ тѣхъ поръ, какъ отнялъ у него портретъ твой, который сохранялъ онъ съ большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ, тебѣ благодарный.

Ты, который печатаешь разнаго рода мои каррикатуры, почему не хотѣлъ дать мнѣ твой портретъ, который нахожу я чрезвычайно похожимъ?

Искусный художникъ, набросивъ на тебя лѣтъ десять молодости, умѣлъ скрыть морщины, которыя, конечно, не умножаютъ твоихъ прелестей, но въ то же время далъ совершенное лицу выраженіе, и я, если не плѣняюсь красотою, люблю видѣть спокойствіе души прекраснѣйшей. Будешь опять ругаться, но обратись къ самому себѣ, и узнаешь, можно ли заставить тебя говорить вопреки чувствъ твоихъ. Почему же мнѣ отказывать тѣ же свойства? Тебѣ я льстить не стану, существо чудесное!

А вы, любезная и рѣдкая изъ женщинъ, милая сестра, не думаете ли, что я не знаю, что у васъ есть портретъ мой, самимъ Довомъ сдѣланный. Знаю, что вы равнодушны къ прелестямъ лица моего, но я замѣтилъ, что вы особенную находили пріятность въ кроткомъ и привлекательномъ выраженіи зеленоватыхъ глазъ моихъ, которые умѣлъ Довъ выставить въ настоящемъ видѣ, и что составляетъ всю цѣну его картины.

Остроумный живописецъ, изобразивъ горы, хотѣлъ дать разумѣть, что посреди ихъ природа скрываетъ свои сокровища. Онѣ производятъ алмазъ и драгоцѣнные каменья. Онъ болѣе чувствовалъ, а я, по скромности, даю сіе истолкованіе [2])! Прекративъ пустословіе, скажу

---

[1]) Николай Викторовичъ Шимановскій служилъ въ Петербургѣ, въ коммиссіи прошеній, при Кикинѣ; за тѣмъ перешелъ на службу въ Грузію и состоялъ при А. П. во все время управленія его тѣмъ краемъ. Находился при кончинѣ Ермолова. М. П.

[2]) Одинъ изъ лучшихъ портретовъ А. П. Ермолова писанъ, упоминаемымъ здѣсь, членомъ королевской лондонской академіи художествъ и санкт-

вамъ, что благодарный за благосклонность къ сестрѣ моей, храню я къ вамъ чувства совершеннѣйшаго и искренняго почтенія. А. Ермоловъ.

24-го мая 1825 г. Тифлисъ.

Любезный братъ, рѣдкое существо! Въ ожиданіи свиданія съ наслѣдникомъ Персіи, я терялъ надежду застать тебя на водахъ, но перемѣнились обстоятельства, и я тебя увижу. Глупые персіяне, отвергая сдѣланныя мною о границѣ предложенія, доставляютъ мнѣ сіе удовольствіе.

Между тѣмъ, хочу сказать тебѣ нѣсколько словъ прежде свиданія, какъ изъявившему готовность (по точнымъ выраженіямъ послѣдняго письма твоего) рураться, если что найдешь не соотвѣтствующаго твоимъ желаніямъ. Прежде надлежало бы опредѣлить мѣру желаній сихъ, соразмѣрить ихъ способамъ, отъ меня зависящимъ и не ожидать отъ меня того, чего другой на мѣстѣ моемъ, съ равными средствами, также бы исполнить не былъ въ состояніи, Тогда укоризна справедлива была бы, если бы что упущено было отъ нерадѣнія, но если еще ожиданія превосходятъ и самую мѣру моихъ способностей, то вините правительство, неизбирающее людей, болѣе годныхъ для исполненія его видовъ. Вопросите его, дало ли оно въ руководство какое-либо начертаніе, по которому бы судить можно было объ уклоненіи отъ его намѣреній. Ругаться столько же не трудно безъ основанія, какъ легко обвинять несправедливо!

Ты, будучи на водахъ празднымъ, конечно, изъ любопытства пожелаешь собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о странѣ и столькихъ различныхъ племенахъ. Жалѣю, что не будетъ моего Вельяминова, котораго долговременное пребываніе довольно познакомило, и онъ могъ бы, во многомъ удовлетворить тебя. О мусульманскихъ земляхъ, лежащихъ на полуденной сторонѣ Кавказа или ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ, Карабахскомъ, въ которыхъ ввелъ я русское управленіе, можетъ дать тебѣ свѣдѣніе, служащій при мнѣ по части пограничной, коллежскій совѣтникъ Нагибинъ. Менѣе его времени находится при мнѣ надворный совѣтникъ Устимовичъ, но, болѣе образованный, дастъ тебѣ извѣстія, занимательныя и съ большею связью. Прошу познакомиться съ колежскимъ совѣтникомъ Ребровымъ [1]), ты найдешь въ немъ человѣка, весьма умнаго,

---

петербургской Дау; гравировалъ Т. Рейтъ. Величественно грозная фигура Ермолова поставлена бокомъ, онъ опирается на шашку, на мундиръ накинута бурка; на заднемъ планѣ скалы, надъ головой нависли тучи. Экземпляръ этой гравюры (нынѣ довольно рѣдкой) имѣется въ нашемъ собраніи. Ред.

[1]) Алексѣй Ѳедоровичъ Ребровъ, извѣстный на Кавказѣ хозяинъ—шелководъ. Былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Кавказской области. М. П.

и конечно, о Кавказской области никто основательнѣйшихъ свѣдѣній не имѣетъ, и ему извѣстны многія изъ моихъ предположеній. О военныхъ дѣлахъ тебѣ поговорить не съ кѣмъ. Ты ѣдешь въ нашу сторону, конечно, не весьма хорошо о ней предупрежденный, но взгляни на нее пристально и ты можешь разсѣять многихъ другихъ предубѣжденія, которыя не мало вредятъ ей. Весьма досадно, что будучи такъ близко отъ Грузіи, ты не увидишь земли, во всѣхъ отношеніяхъ превосходной, и которую нельзя сравнить съ гнусною Кавказскою линіею.

Поклонись отъ меня любезной сестрѣ, достойнѣйшей супругѣ твоей. Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

12-го іюля 1825 г. Тифлисъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Давно слухи, что ты на водахъ и не было извѣстія вѣрнаго, но письмо отъ 21-го іюня, вице-губернаторомъ доставленное, весьма однако же медленно, удостовѣрило наконецъ, что воды наши напояютъ существо рѣдкое. Досадую, что проклятыя дѣла меня здѣсь удерживаютъ и что я уже не съ вами. Еще болѣе досадно будетъ, если только, предъ самымъ отъѣздомъ, васъ застану.

Благодарю за Воейкова [1]), который увѣдомляетъ меня о благосклонномъ пріемѣ ему, тобою сдѣланномъ, и о ласкахъ, которыхъ его удостоилъ. Справедливо замѣтилъ благороднѣйшія его свойства и мы всѣ таковымъ его знаемъ. Не знаю, почему не понравились тебѣ другіе. Они имѣютъ также хорошія стороны, хотя во многомъ не похожи на Воейкова.

Познакомься съ Ребровымъ. Несмотря на странности человѣка, безъ воспитанія, ты найдешь въ немъ хорошій, основательный умъ и лучшія о краѣ свѣдѣнія. Это живой архивъ. Догадываюсь, что Устимовича ты уподобляешь Тимковскому, но между ними есть разница. Первый не имѣетъ тѣхъ гнусныхъ свойствъ неблагодарности, которыми повсюду отличается послѣдній. Впрочемъ, мнѣ надобенъ человѣкъ, для службы годный, хотя бы ко мнѣ и не имѣлъ большой нѣжности.

Устимовичъ способенъ и въ должности мудрено быть усерднѣе. Нагибинъ флегма и не скоро понравится, но достоинъ уваженія честностью правилъ. Сей выигрываетъ когда короче узнаютъ его!

Читалъ письмо твое къ Роману Ивановичу [2]) и удивляюсь не у мѣста употребленному тобою выраженію: „Славны бубны за горами“.

[1]) Николай Павловичъ Воейковъ, адъютантъ Ермолова. М. П.

[2]) Романъ Ивановичъ Ховенъ, тифлискій губернаторъ. М. П.

Кто прославлялъ ихъ? Не у насъ ли въ любезномъ отечествѣ лучшія намѣренія и дѣйствія не могутъ быть представляемы въ видѣ не только противномъ, но, по произволу, даже и въ преступномъ? Не вы ли, господа, близкіе государю, въ состояніи смирить клевету, чтобы она не раздирала невиннаго и отвратить поражающіе его удары? Славу составляетъ общее мнѣніе, у насъ нѣтъ его и смѣютъ ли обнаружить мнѣніе, вопреки желанія сильныхъ?

Меня, кажется, давно уже предали порицанію, и если бы я былъ лучше того, что я въ самомъ дѣлѣ, то тщетно было бы мое рвеніе! Нѣтъ въ насъ ничего славнаго, но принадлежитъ справедливое уваженіе терпѣнію нашему, ибо мы, безъ надежды на воззрѣніе, употребляемъ всѣ усилія и всѣ тѣ способности, которыя даны намъ. Это истинный героизмъ!

Почему всюду не употребляете вы способнѣйшихъ, вы, творцы существъ необыкновенныхъ, столько ими избыточествующіе? Что можетъ укрыться отъ прозорливости вашей всеобъемлющей.

Увидимся — поговоримъ! Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

Обѣимъ сестрамъ мое искреннѣйшее почтеніе.

30-го іюля 1825 г. Владикавказъ.

Любезный и рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ! Со мною должны встрѣчаться всѣ странные случаи и все, что непріятно.

Не въ семъ числѣ должно быть возмущеніе чеченцевъ и горскихъ ихъ сосѣдей, ибо здѣсь это довольно обыкновенно, и если бы живъ былъ отличный генералъ-маіоръ Грековъ, то все было бы приведено въ порядокъ, и мнѣ не нужно было бы самому туда ѣхать, слѣдовательно, я засталъ бы тебя на водахъ, хотя одинъ или два дня, но надобно, чтобы судьба во гнѣвѣ дала мнѣ генералъ-лейтенанта Лисаневича, который, по чрезмѣрной ограниченности своей, думалъ, что онъ все лучше другихъ знаетъ, и потому, не слѣдуя мнѣнію Грекова, человѣка умнаго, дальновиднаго и опытнаго, взялся самъ распоряжать всѣмъ.

Правда, что какъ человѣкъ храбрый, онъ рѣшился съ горстью войскъ напасть на многочисленныхъ мятежниковъ, разбилъ ихъ и разсѣялъ, но не хуже его сдѣлалъ бы тоже и генералъ-маіоръ Грековъ, но, вслѣдъ за симъ совершеннымъ успѣхомъ, который давалъ выгодный дѣламъ оборотъ, онъ умѣлъ безполезно и безъ нужды попасть на кинжалъ злодѣя.

Вызвавши къ себѣ жителей города Аксая, явно измѣнившихъ намъ и учавствовавшихъ въ нападеніи на укрѣпленіе Герзели-Аулъ, отъ коего съ уономъ отбиты были мятежники, онъ, выговаривая имъ въ

измѣнѣ, вздумалъ взять главнѣйшихъ виновниковъ. Не могъ отклонить его Грековъ, представлявшій, что не прилична мѣра сія и не время еще употреблять строгость и розысканія, онъ не послушалъ. Двое преступниковъ, вызванные изъ толпы, предстали съ покорностію, но когда взяли третьяго, онъ бросился на Лисаневича съ кинжаломъ и его ранилъ смертельно, Грекова же убилъ однимъ ударомъ. Истребили убійцу, но это не заплата за достойнаго Грекова!

Увидя происшествіе прочіе аксаевцы бросились бѣжать, но ожесточенные солдаты, возбужденные сверхъ того приказаніемъ Лисаневича колоть ихъ, истребили ихъ на половину, бо́льшею частью обезоруженныхъ. Прекрасныя и благоразумныя дѣйствія Лисаневича. Я, въ донесеніи императору, ничего, по обыкновенію, не скрывая, признался, что еще одинъ на линіи начальникъ—подобный Лисаневичу и дѣла наши надобно будетъ исправлять не малыми пожертвованіями. Просилъ я сюда Дениса Давыдова [1]), но мнѣ не разъ отказали, думая, что въ сорокъ лѣтъ онъ такой же повѣса, каковымъ былъ въ молодыя лѣта, хотя и тогда онъ имъ не бывалъ для того, кто коротко зналъ его.

Государю нельзя знать всѣхъ генераловъ и потому назначилъ онъ Лисаневича, котораго вѣрно хорошо ему рекомендовали. Если бы зналъ онъ, что могущественный Дибичъ, желая избавить друга своего, генерала Рота, отъ Лисаневича, совершенно безполезнаго, представилъ его для помѣщенія на линію, думаю, не былъ бы доволенъ.

Желая мнѣ вредить, не надобно вредить службѣ государя!!!

Не станетъ меня, другъ любезнѣйшій, если бы даже и болѣе былъ я способнымъ, когда такихъ будутъ давать мнѣ помощниковъ, и когда я только то и долженъ буду дѣлать, что исправлять ихъ ошибки. Отъ меня нельзя требовать свыше силъ моихъ, а я не стыжусь признаться, что мнѣ, по неблаговоленію сильныхъ, дѣлается затруднительнымъ мое положеніе.

Ожидаю, что дѣла здѣшнія будутъ разглашеніями доведены до государя въ прекрасномъ видѣ и, конечно, далекія отъ истины, и во всемъ, обыкновенно, долженъ я быть виноватъ одинъ. Государь также долженъ будетъ вѣрить какъ и добродѣтелямъ Лисаневича, и меня ожидаетъ пріятная перспектива.

Надобно быть моего характера, чтобы не терять доброй воли къ службѣ и я могу увѣрить тебя, какъ рѣдкаго моего друга, что зная вымышляемыя на мой счетъ мерзости, я берусь всегда за дѣло съ

---

[1]) Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, партизанъ и поэтъ. М. П.

духомъ свободнымъ и тою дѣятельностію, которую ничто не умерщвляетъ.

Иду къ чеченцамъ, всюду бунтъ, все подъ ружьемъ и давно на меня готовятся кинжалы. Но со мною мое счастіе и знаю, что Богъ поможетъ мнѣ все, по желанію, кончить.

Девять лѣтъ знакомства съ краемъ, безпрерывная подвижность, знакомая здѣшнимъ народамъ, даетъ мнѣ большія средства. Не порадуются виновные моему посѣщенію и знаютъ, что тогда бѣда, когда появлюсь я кроткимъ!

Смѣните меня другимъ начальникомъ и увидите, что не тѣ еще будутъ обстоятельства. Умнѣе меня не долго пробудетъ здѣсь, ибо надобенъ будетъ въ важнѣйшемъ мѣстѣ, или будетъ чувствовать, что имѣетъ на то право и не согласится по моему мучиться здѣсь.

Если же мнѣ подобный или, можетъ быть, нѣсколько и слабѣйшій, то нѣтъ причины, чтобы лучше управилъ онъ дѣлами.

Я не шутя ожидаю смѣны, которая, можетъ быть, и потому нужна, чтобы дать мѣсто кому-нибудь изъ кліентовъ людей могущественныхъ!

Какъ бѣситъ меня то, что я тебя не увижу и будучи въ такомъ уже близкомъ разстояніи, но въ семъ случаѣ знаю, что мы одинаковыхъ чувствъ, то-есть, что, во-первыхъ, должны идти обязанности по службѣ, а тамъ друзья и дѣла постороннія!

Досадно также, что не увижу сестры моей, которой безподобная жена твоя, по дружбѣ и по милости, доставила случай быть на водахъ.

Поцѣлуй ручку Маріи Ардаліоновны. Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

(Особая записка). Не найдешь ли ты за нужное сберечь письмо мое и показать его Самому, какъ ты то сдѣлалъ одинъ разъ, когда писалъ я объ арендѣ брата моего и жаловался на министра Гурьева.

Увѣдомь меня, сдѣлаешь ли или не почитаешь нужнымъ?

Выставь на видъ то, что я съ тобою не видался!!!

14-го августа 1825 г. Крѣпость Грозная.

Вижу изъ письма твоего, милая сестра Анна Петровна [1]), что безпокоитъ и напугала тебя болѣзнь моя и что даже готовилась ты ко мнѣ ѣхать. Сколько ни былъ бы я радъ тебя видѣть, но жалѣлъ бы о трудѣ твоемъ, ибо, конечно, не болѣе сутокъ случилось бы пробыть намъ вмѣстѣ.

Гораздо до письма сего возвратится къ вамъ Николай, слѣдовательно и говорить тебѣ о здоровьи моемъ нечего, а только то могу доба-

[1]) Анна Петровна Павлова. М. П.

вить, что довольно скорый маршъ и одинъ день весьма знойный ни малѣйшаго вліянія на него не сдѣлали, и мнѣ кажется, что только движенія одного недоставало для совершеннаго выздоровленія.

Итакъ, прошу тебя не безпокоиться ни мало, ибо уже нѣтъ во мнѣ и признаковъ болѣзни, а только оставила она мнѣ талію стройную и прелестную, которою хвастаю я, конечно не предъ прекраснымъ поломъ, но предъ окружающими меня, изъ которыхъ, къ счастію, нѣтъ ни одного красавца.

Прощай, мой другъ, прошу Бога, чтобы далъ тебѣ здоровья и душевнаго спокойствія. Вѣрный братъ А. Ермоловъ.

А вы, милая сестра Марія Ардаліоновна, хотя и бранитесь со мною, но пожалѣли-таки о болѣзни моей. И тутъ вы послѣдовали вашей неперемѣняющейся справедливости, ибо, если ни на что я уже не гожусь, какъ говорятъ многіе, но могу быть добрымъ и постояннымъ пріятелемъ. По словамъ вашимъ спущусь съ горъ, но скажите, гдѣ наконецъ вы спокойно жить будете? Я спущусь въ это мирное и счастливое обиталище рѣдкихъ друзей моихъ, и буду умѣть проститься съ ложными мечтами, которыя, гнѣздясь въ пустой головѣ моей, довольно до позднихъ дней, удалили меня отъ настоящаго счастія. Не правду ли сказалъ, что я pauvre Sire? но что же заключить должно о тѣхъ, которые и таковому завидуютъ положенію? Сюда точно думаютъ ѣздить на царство, и сіи-то цари, предмѣстники мои, заставили меня вести жизнь кочевую и оставили столько заботъ, что многіе изъ наслѣдниковъ моихъ съ ними не сладятъ. Съ трепетомъ смотрю на письмо ваше, вы сказали въ немъ то, что надобно было скрывать подъ непроницаемою тайною. Вы отъ богатырской воды всякій день были пьяны. Прощай, источникъ несравненный, единственный! Исчерпаютъ его вице-губернаторы вмѣсто простой воды, которою доселѣ надѣляли les amateurs государственнаго напитка. По скупости, которую находитъ во мнѣ братъ Петръ Андреевичъ, я не прочь удалить посѣтителей водъ, а ихъ отдать на откупъ. Какъ будутъ благодарить меня! Тогда я истинно прославлюсь, а вы, господа, на половину пріѣзжающіе здоровыми, довольствуйтесь горячими и другими водами, пока еще не открыли мы въ нихъ подобныхъ свойствъ замѣнять государственный напитокъ. Вѣроятно, что люди искусные не оставятъ ихъ безъ точнѣйшихъ изслѣдованій! Вы милостивы къ сестрѣ моей, покажите ей письмо мое и она увѣрится, что я здоровъ, ибо больному рѣдко можно бываетъ съ такою свободою написать столько много вздора.

Между тѣмъ, прощаясь съ богатырскою водою, вышейте ее на

здоровье! Можетъ быть, поможетъ и чистосердечное мое желаніе. Душевно преданный А. Ермоловъ.

13-го декабря 1825 г. Екатериноградъ.

Любезный и рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ! Давно мы ведемъ себя прекрасно, ты совсѣмъ забылъ меня и не пишешь, я, полагая тебя въ разъѣздахъ, въ свою очередь, письмами тебя не безпокою. Наконецъ рѣшаюсь.

Три скучныхъ мѣсяца занимавшись построеніемъ укрѣпленій, проживши въ лагерѣ до порядочныхъ заморозовъ, пріѣхалъ я поближе къ Кабардѣ, чтобы взглянуть пристальнѣе на возгорѣвшійся тамъ мятежъ, по счастію скоро ослабѣвшій, дожилъ я до того, что пришло внезапное извѣстіе о кончинѣ императора и теперь привожу я къ присягѣ войска новому государю.

Помня заботы твои о минеральныхъ водахъ, вызвалъ я сюда архитектора, обо всемъ собралъ нужныя свѣдѣнія и, благодаря дѣятельности маіора Павлова, увидѣлъ лучшій порядокъ въ строительной коммиссіи, успѣшное заготовленіе для предстоящихъ весною работъ и надѣюсь, что при немъ все приметъ другой видъ. Помню замѣчанія твои объ украшеніяхъ, по истинѣ необходимыхъ, ни противъ одного изъ замѣчаній не возражаю и съ пріятностію приступилъ бы къ исполненію, но связываетъ руки неловкость, съ которою я къ тому приступаю.

Не остановлюсь признаться тебѣ, что ты не совсѣмъ не правъ, упрекая мнѣ бережливостью и что даже можетъ оная иногда быть не у мѣста; но нерѣдко не изъ видовъ бережливости боюсь я издержки, а просто не умѣю приняться за вещь и въ понятіи моемъ недостатки здѣсь средствъ, дѣлаютъ приступъ страшнымъ.

Позвольте, милостивый государь, почтительно вопросить васъ, какое право имѣете вы требовать утонченной разборчивости, изящнаго вкуса отъ солдата, проводившаго лучшую часть жизни на отдаленной границѣ или въ болотахъ и лѣсахъ, или постоемъ въ корчмахъ жидовскихъ. Въ понятіи таковаго, — удобства заключаются въ тѣсныхъ предѣлахъ, а роскошь и прихоти—голова не вмѣщаетъ. Знаю изъ разсужденія, что въ нѣкоторой степени онѣ привлекательны и уже сдѣлались потребностію, но предоставь мнѣ пріуготовленіе оныхъ, и конечно, долженъ выдти вздоръ. Въ разведеніи садовъ, простригу я деревья въ видѣ рыбъ и звѣрей; посажу плакущую иву на сыпучемъ пескѣ, а крыжовникъ у журчащаго источника; бесѣдки размѣщу, какъ почтовые дворы. Въ убранствѣ комнатъ, сдѣлаю преступное соединеніе цвѣтовъ. У меня древній люстринъ займетъ мѣсто нѣжной ткани, восхититъ прочностію гродетуръ. Никто не

смѣй упомянуть о мебеляхъ новѣйшаго вкуса, вездѣ будутъ у меня канапе и комоды. Вспомню, что римляне не ѣдали сидя. Вмѣсто канделябровъ, жирандолей, всюду паникадила! Курю комнаты роснымъ ладономъ и, изрѣдка, стираксою.

Доволенъ ты готовностью моею, блеснуть роскошью и всѣ употребить обвороженія, чтобы привлечь къ водамъ посѣтителей? Если же ты въ состояніи придумать что-нибудь лучшее, то, не укоряя меня въ недостаткѣ вкуса, пришли хорошіе рисунки, внятно напиши наставленіе, какъ приступить къ тому, куда адресоваться, чтобы, по незнанію, не быть обманутымъ и чтобы не насмѣшить невѣжествомъ.

Помоги твоею заботливостію, твоею неподражаемое волею стремящеюся къ улучшенію всѣхъ вообще предметовъ. Я отъ души поблагодарю тебя какъ брата и друга и ты за меня краснѣть не будешь! Знаю, что милая сестра Марія Ардаліоновна довольна будетъ моимъ описаніемъ и порадуется объ усовершенствованіи моего вкуса и успѣхахъ въ просвѣщеніи, за что цѣлую ея ручки. Прощай! Вѣрный по смерть Ермоловъ.

1826 г.

31-го мая 1826 г. Кавказская линія.

Любезный братъ и рѣдкое существо! Благодарю за письмо и радъ, что ты здоровъ. Это одно, что можно видѣть изъ письма твоего, ибо ни слова не говоришь ты болѣе! Для подобной переписки намъ надобно будетъ изобрѣсти новый форматъ. Столько въ короткихъ словахъ неловкій человѣкъ не будетъ умѣть пожелать добраго утра. Скажу о себѣ:

Я возвратился изъ Чечни, гдѣ болѣе рубилъ дрова, нежели дрался. Я прочищалъ лѣса и пролагалъ пути, а непріятель прятался повсюду и показывался рѣдко. Теперь со мною, какъ съ искусившимся, не говорите ни слова о дорогахъ, или приглашу видѣть ихъ въ Чечню. Тацитъ не болѣе ужасными описывалъ лѣса Германіи и точно, встрѣчались мнѣ древнѣйшіе многихъ знаменитыхъ фамилій, которыя не могли бы при нихъ быть даже ничтожными пеньками. Все одолѣвалъ я небольшимъ числомъ людей, но трудами и терпѣніемъ добрыхъ нашихъ солдатъ.

Вотъ уже одиннадцатый мѣсяцъ я изъ Грузіи и уже седьмой на чистомъ воздухѣ безъ крыши. А у васъ противъ меня всѣ ругательства, но только, по чрезмѣрной нелѣпости своей, къ счастію моему, не весьма оскорбляющія.

Думаю, около мѣсяца я еще протоскаюсь здѣсь и потомъ въ Тифлисъ, гдѣ тоже не на покой.

Несчастное происшествіе, какъ слышу, заставило отложить коронацію, но меня мучитъ, что и совсѣмъ тѣмъ я пріѣхать не могу, ибо не смѣю, въ настоящихъ обстоятельствахъ, отдалиться отъ моего мѣста. Чувствую, что для меня, не менѣе какъ для самихъ дѣлъ по службѣ, было бы сіе необходимо.

Желалъ бы я, чтобы мнѣ позволено было пріѣхать когда то могу безъ упущенія должности.

Вспомнишь ли ты, что говаривалъ мнѣ о садовникѣ для минеральныхъ водъ. Я понималъ, что онъ нуженъ, но теперь, видѣвъ множество прелестныхъ полевыхъ цвѣтовъ, которые бы впрочемъ украсить могли великолѣпные цвѣтники ваши, я начинаю вѣрить, что можно къ нимъ пристраститься.

Вижу, что уже готовъ ты съ требованіемъ, но я отражу невѣжествомъ. Не знаю, которые бываютъ въ луковицахъ, которые въ сѣменахъ, и когда собираютъ то и другое. Итакъ, обратись къ просвѣщеннѣйшему.

Скажи, за что больна единственная и милая сестра моя Марія Ардаліоновна? Ты скажешь, что не помогли воды кавказскія, а мнѣ позволительно ли спросить, почему помочь не умѣютъ искусные врачи столицы? Я тоже нѣсколько лѣкарь и думаю, что не мѣшало бы оставить, на нѣкоторе время, прекрасный климатъ вашъ и, вырвавшись изъ болота, подышать чистымъ воздухомъ въ деревнѣ. Нѣсколько жизни безпечной, средство цѣлительное!

Скажи милой сестрѣ мое совершенное почтеніе. Прощай, люби по прежнему.

Не безпокойся за меня, не вѣрь нелѣпымъ слухамъ; вѣрь одному, что за меня никогда не покраснѣешь! Вѣрный по смерть А. Ермоловъ.

1827 г.

6-го августа 1827 г. Орелъ.

Любезный и рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ. Жалѣю, что путешествіе твое въ Ревель, лишило меня удовольствія писать къ тебѣ; еще болѣе жалѣю о причинахъ путешествія твоего. Что сдѣлалось съ сестрою, которой подобныхъ мало! Порадуй, если поправилось ея здоровье.

Тебѣ г. Мазаровичъ все скажетъ, относящееся до меня. Онъ былъ въ Тифлисѣ послѣднее время моего тамъ пребыванія и ты услышишь множество странныхъ вещей.

Продолжительно было бы описаніе всего, но нѣчто вкратцѣ писалъ я А. А. Закревскому и просилъ его показать тебѣ письмо мое!

Ты не удивишься, ибо нѣтъ ничего новаго подъ луною! Можетъ быть найдешь не совсѣмъ справедливымъ поведеніе могущественныхъ людей противъ меня, но и сіе весьма обыкновенно, какъ и то, что поправшихъ меня увидимъ паденіе въ свою очередь. Разница въ томъ, что меня давно престало баловать счастіе и перемѣна положенія моего не постигла меня внезапно, что съ другими можетъ случиться иначе!

Я здоровъ, живу со старикомъ моимъ въ деревнѣ, нашелъ его уже слабымъ; но, сколько могу, служу ему утѣшеніемъ. Привыкаю къ новому состоянію моему и, благодаря Бога, нахожу средства быть имъ довольнымъ. Давно разстался со многими мечтами и ближайшее разсужденіе о нихъ обуздываетъ прежнія лѣтъ молодыхъ страсти. Перваго злодѣя — честолюбіе, гоню изъ обиталища моего; рѣдко уже бесѣдуетъ со мною льстивая подруга-надежда и я очень хорошо разумѣю, что жизнь спокойная, безъизвѣстная есть моимъ удѣломъ! Не время дѣлать новыя связи, новыя знакомства; счастливъ буду, если сохраню прежнія и въ числѣ маломъ мнѣ достаточныя! Люби меня по прежнему и обѣщай, въ утѣшеніе мнѣ, что я тебя увижу. Хотѣлъ бы видѣть твое семейство, моихъ родныхъ, но гдѣ и когда?.... Я буду въ Москвѣ зимой, ты въ Москвѣ не бываешь. Въ Петербургѣ мнѣ быть не зачѣмъ! Вельяминовъ [1]), обитатель Тулы, сосѣдъ мой, пускается отъ кавказскихъ водъ и вскорѣ здѣсь будетъ и это ближайшій мой знакомый. Здѣсь я иностранецъ, вышедшій на берега африканскіе. Какъ все пусто, какъ дико! Люди съ состояніемъ живутъ въ столицахъ; съ умѣреннымъ — прячутся по деревнямъ удерживаемые падшими доходами и нашъ городъ Орелъ кажется взятымъ штурмомъ ябедниками и подьячими.

Не взирая на все сіе, я строю каменный двухэтажный домъ въ городѣ. Не пугайся, онъ въ фасадѣ имѣетъ до 6-ти саженей и будетъ вмѣщать въ себѣ три небольшія для меня комнаты и три, въ коихъ расположится не весьма многочисленная моя библіотека. У меня есть изрядныя книги, которыя вмѣстѣ съ тобою пріобрѣтали мы въ заграничныхъ нашихъ прогулкахъ. Найду какое-нибудь упражненіе, но жалѣю что писать ничего не въ состояніи и соглашаюсь съ тѣми изъ доброжелательствующихъ мнѣ, которые, ко многимъ другимъ обо

---

[1]) Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, бывшій начальникъ штаба кавказскаго корпуса, впослѣдствіи начальникъ Кавказской линіи, извѣстный своимъ хладнокровнымъ, стойкимъ характеромъ и отличными военными познаніями. Вельяминовъ умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Императоръ Николай Павловичъ оцѣнивъ его заслуги, пожаловалъ Алексѣю Александровичу, за нѣсколько дней до его кончины, Владиміра 1-й степени. М. П.

мнѣ заключеніямъ, присоединили и то, что я очень поглупѣлъ. Прощай! Поцѣлуй ручку у чудесной сестры моей, которая, въ письмахъ твоихъ ко мнѣ, присоединяла всегда пророчества на мой счетъ и которыя сбывались непремѣнно! Пришли нѣсколько хорошенькихъ рисунковъ для шкафовъ въ библіотеку, но прошу не слишкомъ вдаваться въ majestoso. Вѣрный Ермоловъ.

12-го октября 1827 г. Орелъ.

.....Удивляетъ меня, что дѣла въ Персіи идутъ несовсѣмъ успѣшно. Однако же, если, какъ ты увѣдомляешь, пошелъ Паскевичъ съ 30 т. прямо въ Тавризъ, онъ дастъ оборотъ дѣламъ. Я думаю, что если персіяне встрѣтятъ его на пути, то онъ не будетъ имѣть битвы кровопролитной; Тавриза же, ожидаю, они защищать не станутъ и онъ войдетъ въ оный безъ препятствія, и тамъ ничего не найдетъ изъ всѣхъ европейскихъ заведеній, т.-е. онъ разрушитъ пустыя стѣны литейнаго дома и ничтожной ружейной фабрики, которая еще въ младенчествѣ. Я бы на мѣстѣ Аббасъ-Мирзы въ опустошенный Тавризъ открылъ дорогу, подослалъ бы людей съ просьбою, чтобы онъ поспѣшилъ освободить ихъ, какъ недовольныхъ правительствомъ и боящихся за то наказанія, а самъ аттаковалъ бы на Араксѣ переправу, ее уничтожилъ и насѣлъ бы на хвостъ арміи, и разорялъ бы транспорты съ продовольствіемъ. Паскевичъ не найдетъ въ Адербиджанѣ средствъ существованія, ибо ихъ истребить возможно и долженъ будетъ возвратиться назадъ. Приближается время, въ которое чрезъ горы, на границѣ лежащія, дороги сдѣлаются неудобными, транспорты будутъ двигаться весьма медленно и всякое предпріятіе подвержено будетъ многосложнымъ соображеніямъ. Еще было занесъ перо, но вспомнилъ, что не мое дѣло разсуждать о семъ, когда я признанъ за неспособнаго человѣка.

Не дай Богъ, чтобы узналъ графъ Дибичъ! Прощай, прочти письмо мое Закревскому, чрезъ Мазаровича посланное. Вѣрный по смерть Ермоловъ.

Октября 1827 г. Орелъ.

Почтеннѣйшая сестра, Марія Ардаліоновна! Сестра Анна Петровна доставила мнѣ письмо ваше, и не взирая на насмѣшки ваши, что я просилъ васъ о милостивомъ къ ней расположеніи, мнѣ не менѣе пріятно благодарить за то, что вы ей оное оказывать изволили. Она безъ слезъ не говоритъ мнѣ объ васъ, и едва ли удовольствіе видѣть меня въ состояніи смягчить горесть разлуки съ вами. Жить близко

васъ, сдѣлалось для нея потребностію, и никогда болѣе не жалѣлъ, что Алексѣй Александровичъ [1]) оставилъ службу.

Вы меня просите за нея, сомнѣваясь, какъ-будто, что привязанность моя къ ней не заставитъ меня употребить всѣ возможныя средства къ ея успокоенію. Не такъ легко ладить со стариками, что думаю, я и вы, милая сестра, и вы нѣсколько знаете. Могло занятіе мое прежде службою и долговременное отсутствіе много мнѣ препятствовать, но теперь, будучи свободнымъ, близко къ отцу моему, конечно, не упущу я ни одного случая, чтобы обратить его къ ней нѣжность. Увѣренъ, что не нужно къ тому никакихъ усилій, судя по удовольствію, съ которымъ встрѣтилъ онъ сестру. Итакъ, почтеннѣйшая Марія Ардаліоновна, по благосклонности къ сестрѣ, будьте на счетъ ея покойны.

Въ самомъ дѣлѣ, вы проницательны въ выборѣ людей по ихъ способностямъ, назначая мнѣ должность при братѣ, Петрѣ Андреевичѣ. Требующей умственныхъ способностей, конечно, не приму я на себя, какъ-то учиться экономіи, домоустройству, ибо я поглупѣлъ очень, какъ вы вѣрно уже слышали. Если же хотя мало усомнитесь вы въ томъ, то я представлю убѣдительное свидѣтельство графа Дибича и многихъ другихъ, благоволящихъ ко мнѣ особъ. Но сохранилъ я еще нѣсколько силъ и пахаремъ буду усерднымъ, подъ хорошимъ руководствомъ.

Вы настращали меня вашими пророчествами. Вы предсказали мнѣ удаленіе, или справедливѣе назвать, изгнаніе изъ службы, но теперь, обращая меня къ земледѣлію, вы не вселяете въ меня страха. Не правда ли, что можетъ назваться счастливымъ тотъ, которому нечего бояться? И глупость моя не мало способствовать будетъ счастію. Ей благодаря, не станутъ называть меня либераломъ, карбонари и видѣть во мнѣ человѣка, стремящагося нарушать порядокъ. Но что будетъ и со многими другими, когда съ тою же прозорливостію будутъ разсматривать ихъ способности? Неужели одинъ я долженъ былъ поглупѣть, и такъ поздно сіе примѣтили. Подсмотрятъ впослѣдствіи тоже и во многихъ нынѣшнихъ мудрецахъ и избранныхъ.

Однако же позвольте мнѣ спросить васъ, милая сестра, когда могу я надѣяться увидѣть моего Seigneur du village. О васъ не смѣю я думать, ибо вижу, что со столицею не легко вамъ разставаться. По мнѣнію нашему, жителей деревенскихъ, могъ бы чистый воздухъ, движеніе, поправить здоровьѣ ваше. Подумайте о семъ; можетъ быть, въ семъ хотя случаѣ, вы не найдете мнѣніе мое глупымъ... Прошу

---

[1]) Павловъ, мужъ сестры Ермолова. М. П.

покорнѣйше сказать мое совершеннѣйшее почтеніе Екатеринѣ Васильевнѣ и искреннюю благодарность за благосклонное расположеніе къ сестрѣ моей.

Имѣю честь быть съ чувствами истинной приверженности и отличнаго почтенія душевно-преданный Алексѣй Ермоловъ.

Что скажете, однако же, о докторѣ Вольскомъ? Онъ смѣетъ любить меня и даже желать одолжить меня, предлагая мнѣ пристанище въ своемъ домѣ. Это не менѣе какъ героизмъ въ отношеніи къ человѣку въ моихъ обстоятельствахъ! Не смѣкнулъ ли онъ, какъ человѣкъ умный, что если излѣчивалъ онъ меня отъ болѣзни, можетъ возвратить мнѣ и прежнія умственныя способности.

26-го декабря 1827 г. Орелъ.

Почтенная и милая сестра, Марія Ардаліоновна! Чудесно счастливая мысль прислать сукна на сертукъ, ибо не только буду я имѣть щегольской, но избавлюсь насмѣшекъ, которыя, конечно, вызвалъ бы я собственнымъ вкусомъ. Я готовъ уже былъ выбрать какой-то аптекарскій цвѣтъ и появиться въ свѣтъ въ этой микстурѣ. Уже въ тяжкихъ спорахъ были мы съ Анною Петровною, а какъ теперь мнѣ, отставному, повелѣвать некѣмъ, то я находилъ удовольствіе, по крайней мѣрѣ, ее не слушать. Но въ то время, какъ исполненъ я благодарности за сукно, напуганъ рисункомъ, по которому я долженъ быть одѣтъ. Огромная фигура моя (умолчу что не весьма ловкая) не можетъ имѣть стройной таліи, которая требуется. Я рѣшался, несмотря на 50 лѣтъ, прибѣгнуть даже къ корсету, но и въ семъ случаѣ, не думаю, чтобы изъ меня что-нибудь вышло. До такой степени сдѣлался я ни на что негоднымъ! Въ рисункѣ означена шляпа дикаго цвѣта. Говаривали прежде, что это цвѣтъ людей подозрительныхъ правилъ и я содрогнулся. Впрочемъ, простите человѣку, долго жившему въ глуши, если не довольно знаетъ, какъ могутъ часто перемѣняться моды. Однако же, по боязни прежнихъ толковъ, не пущусь я на шляпу, подобнаго цвѣта! Если, согласно съ рисункомъ, будетъ въ петлицѣ роза, я надѣюсь, что вы не почтете, что я ношу собственное изображеніе. Много стоитъ скромности моей, когда нечаянно даже коснется красоты моей. Замѣтьте, что выше сего я говорилъ только о неловкости.

Итакъ, я одѣтъ по послѣдней модѣ, но сего недовольно, надобно, чтобы вы меня видѣли и потому надобно весною ѣхать въ деревню, куда я тотчасъ явлюсь. Я не возьму на свой счетъ, чтобы бесѣда моя способствовала вашему выздоровленію—не могу покорить всегда

излишней скромности—но буду умѣть отнести оное къ чистому воздуху, жизни свободной, беззаботливой и болѣе правильной.

Много люблю я Вольскаго, уважаю искусство его и пріобрѣтенную знаменитость, но смѣлъ бы сразиться съ нимъ, если не совѣтуетъ онъ испытать жизнь деревенскую. Выздоравливайте, любезная сестра, и намъ, любящимъ васъ, будетъ веселѣе!

Братъ, съ нѣкотораго времени, возгордился и ко мнѣ не пишетъ; я мщу ему и недоволенъ присланными имъ рисунками шкафовъ. Не шутя, однако же, скажу, что они точно весьма обыкновенны и ничего замысловатаго въ себѣ не имѣютъ. Братъ лучше меня знаетъ, что простота наиболѣе приближается къ совершенству, что не одно великолѣпіе составляетъ красоту, но вкусъ можетъ замѣнять оную. Въ рисункахъ, имъ присланныхъ, совсѣмъ нѣтъ послѣдняго. Вижу, любезный братъ, что сердишься, но справедливѣе долженъ на себя, ибо, конечно, не обратилъ вниманія на рисунки.

Продолжите мнѣ расположеніе ваше, мое почтеніе къ вамъ будетъ и совершеннымъ, и вѣчнымъ. Покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

1828 г.

Февраля 1828 г. Москва.

Почтеннѣйшій Петръ Андреевичъ! Изъ Москвы не писалъ я тебѣ, не имѣя вѣрнаго случая [1]). Я пріѣхалъ сюда за пять дней до масляницы и между родными, которыхъ довольно съѣхалось здѣсь, проживаю довольно не скучно; кромѣ ихъ, знакомыхъ мало и я почти нигдѣ не бываю. Особенная у меня пріязнь съ книгопродавцами и переплетчиками. Былъ, однако же, раза три въ театрѣ и два раза въ собраніи, гдѣ любопытная публика смотрѣла на меня съ нѣкоторымъ вниманіемъ или какъ на изгнанника, или какъ на человѣка замѣчательнаго щедрымъ пенсіономъ, который данъ безъ большихъ заслугъ. Словомъ, я столько же былъ бы любопытенъ въ отношеніи къ другому въ равныхъ обстоятельствахъ. Не знаю, что еще выдумаютъ на мой счетъ доброжелательствующіе мнѣ, но скромнѣе и осторожнѣе вести себя, конечно, невозможно! Виноватъ ли я, что обращаютъ на меня глаза и самыя происшествія въ Персіи. Всѣ говорятъ, что нѣтъ мира, а нѣкоторые смѣютъ думать, что Паскевичъ обманутъ, и будто не было бы хуже и при мнѣ. Нельзя воспретить мыслить! Вспомни собственныя слова твои: „страшусь торжества твоего“, я не могу желать сего, но, конечно, не все идетъ наилучшимъ образомъ! Посмотримъ на конецъ дѣла!

---

[1]) Податель письма г. Мацневъ, весьма порядочный человѣкъ, приласкай его. А. Ю.

Здѣсь хлопочу я сыскать учителя моимъ ребятишкамъ и слѣдую совершенно твоему совѣту. Съ сестрою говоримъ объ васъ, она сообщила мнѣ утѣшительное извѣстіе, что весною намѣреваетесь вы ѣхать въ Рязанскую деревню. Прославляю Вольскаго, что онъ вамъ сіе совѣтуетъ и ожидаю величайшей пользы!

Ты желалъ, чтобы я написалъ письмо и я исполнилъ мысль твою. Посылаю тебѣ копію. Достоинство его есть истинная благодарность, впрочемъ, у мѣста и краткость. Сдѣлай дружбу, прикажи отдать письмо, у сего включаемое, книгопродавцу Вейеру. Лучше еще, если дашь ему знать, чтобы онъ къ тебѣ пріѣхалъ. Ежели достанетъ онъ требуемыя мною книги, то возьми ихъ къ себѣ и сохрани до отъѣзда твоего въ деревню, гдѣ я получить ихъ могу. Ихъ немного и онѣ тебя необезпокоютъ. На почтѣ же отправить ихъ невозможно.

Достойнѣйшей Марьѣ Ардаліоновнѣ мое совершенное почтеніе. Прощай, любезнѣйшій братъ, продолжи мнѣ твое лестное для меня расположеніе. Благодарю за милостивое расположеніе къ Талызину [1]), Не знаю, за что гонитъ его несчастіе? Неужели, дабы вредить мнѣ, надобно было и его рѣзать. Прощай! Душевно-преданный Ермоловъ.

25-го февраля 1828 г. Москва.

Почтеннѣйшій братъ, Петръ Андреевичъ! Не хочу пропустить вѣрнаго случая, не писавъ тебѣ. Впрочемъ, я писалъ уже обо всемъ прежде и подробно.

Здѣсь я живу между родными, а далѣе—знакомство мое съ книгопродавцами и переплетчиками. Вчера былъ въ концертѣ, любовался на красавицъ, удивлялся многочисленности народа. На меня смотрятъ, вѣроятно, замѣчая, какое производитъ на меня вліяніе извѣстія о мирѣ съ Персіей. Конечно, происшествіе неожиданное, такъ скоро, особенно послѣ декларації, припечатанной въ газетахъ о разрывѣ, довольно поспѣшно составленной, и, можетъ быть, неосторожно. Цѣлую руку единственной сестры. Прощай! Душевно-любящій Ермоловъ.

Приласкай бывшаго адъютанта моего, Новикова, котораго рекомендую отлично.

(Особая записка). Любезный братъ, Петръ! Податель письма сего есть репрезентантъ цѣлаго семейства, состоящаго изъ десяти братьевъ, всѣхъ служащихъ государю. Выслушай терпѣливо кровную ихъ нужду и суди по добротѣ сердца твоего. У римлянъ удивлялись погибшей въ одинъ день фамиліи Фабіевъ. Въ одинъ день могутъ и у насъ лечь 10 родныхъ братьевъ, за славу своего государя. Прошу тебя за нихъ.

---

[1]) Талызинъ — дежурный штабъ-офицеръ въ штабѣ А. П. Ермолова. М. П.

Я видѣлъ слезы солдата и ты увидишь, что ихъ вырываетъ не собственное, но цѣлаго семейства бѣдствіе. Братъ по гробъ Ермоловъ.

На оборотѣ: «Его превосходительству Петру Андреевичу Кикину».

15-го апрѣля. Москва.

Любезный и рѣдкій братъ! Получилъ письмо твое и благодарю за увѣдомленіе о моей женитьбѣ, ибо могъ бы я и совсѣмъ о томъ не провѣдать.

Женщина, точно весьма достойная и привлекательная для всякаго желающаго жениться. Я видѣлъ ее одинъ разъ, два мѣсяца тому назадъ, встрѣтившись на званомъ обѣдѣ. Ты знаешь, какъ я ловокъ между незнакомыми людьми, особенно женщинами, къ которымъ я подойти не умѣю—и такъ я не знаю даже звука ея голоса! Не понимаю, изъ чего заключить возможно, что я ищу на ней жениться. Ты, любезный братъ, желаешь сего, боишься порывовъ упрямства моего, а сестра говоритъ: „но гдѣ ему такое умное дѣло сдѣлать“. И вотъ мое разсужденіе: всякій человѣкъ, въ 51 годъ, есть весьма плачевный Адонисъ, и я не удержался бы отъ невыгоднаго заключенія о томъ, кто въ подобныя лѣта вздумалъ бы жениться; а самого себя умѣлъ бы я видѣть смѣшнымъ. Какъ же добровольно породить такое въ себѣ чувство. Я боготворилъ бы жену, любящую пламенно, но не въ мои лѣта человѣкъ удобенъ возжечь подобное чувство; меньшей степени любовью я не довольствуюсь! Благоразуміе должно указать жену лѣтъ соразмѣрныхъ. Въ таковой ли можетъ быть священный огонь любви? Par convenance я составляю только партію въ вистъ. Итакъ, не знаю, болѣе ли меня вы правы, дѣлая мнѣ приговоръ на женитьбу. Также какъ и вы, разумѣю я ее естественнымъ предназначеніемъ для человѣка; увѣряютъ, что сладостно возродиться въ дѣтяхъ, вижу, сколько въ лѣтахъ, клонящихся къ старости, горестно одиночество, но хорошо, еслибы о семъ напомнили вы мнѣ по ранѣе. Долго увлекаемый любовью къ военному состоянію, я страстенъ былъ къ дамѣ Славѣ. Долго кокетствовала она со мною и измѣнила. Прошло время помышлять о женитьбѣ и въ сей послѣдней боюсь я равнаго счастія, какъ и на поприщѣ военномъ. Можетъ быть, жена не столько бы нашла меня негоднымъ, какъ слава, но великъ рискъ и я не хотѣлъ бы видѣть жену, сѣтующею, что не такъ легко плѣнять меня и, еще менѣе, владычествовать возможно. Хорошо тебѣ съ сестрою разсуждать; вы въ молодости любили одинъ другаго страстно, женились въ лучшія лѣта; постепенно на старость запасались взаимною довѣренностью, дружбою; слили, можно сказать, вмѣстѣ бытіе ваше; а отъ меня чего вы требуете? Любить страстно

въ мои лѣта смѣшно и едва ли возможно, и лѣтъ соразмѣрныхъ красавица не будетъ понимать сего; свыкаться поздно, или, по крайней мѣрѣ, безполезно для кратковременнаго пребыванія въ семъ мірѣ, и такъ остается собрать единственный плодъ умедленной женитьбы: колики, спазмы, подагру и прочія подобныя наслажденія, сопровождающія старость. Какъ сладостно замѣнять горячій поцѣлуй подогрѣтою припаркою; объятія нѣжныя, опоясанныя пластыремъ! И вы, безцѣнныя піявки, вы нерѣдко способствовать будете къ продолженію счастливаго существованія нѣжныхъ супруговъ! Не пустимъ Волѣскаго въ храмъ любви, да не сократитъ блаженныхъ дней нашихъ! Здѣсь у мѣста принаровить текстъ изъ письма сестры: „но гдѣ ему такое умное дѣло сдѣлать“. Готовъ на ужаснѣйшія возраженія и ожидаю тебя, любезный братъ, со всею твоею діалектикою! Вижу во гнѣвѣ сестру, раздраженную противъ меня описаніями красоты моей, особенной ловкости въ новомъ костюмѣ. Алексѣй Андреевичъ, въ пользу твою, конечно, наклоняемъ былъ братскою любовью, но онъ смущенъ былъ красотою моею и твоей не поставилъ впереди! Я не виноватъ въ этомъ и, право, не тщеславлюсь, дѣлая побѣды; я, можетъ быть, и не примѣтилъ бы того, еслибъ о томъ сестра не написала изъ зависти. Меня всегда отличала скромность! Однако же и во гнѣвѣ вашемъ я люблю васъ, достойнѣйшая сестра, и цѣлую ручки ваши. Не сердись, братъ любезный, что не попалъ въ посаженые отцы. Прощай! Душевно-преданный Ермоловъ.

Дорога исправляется и я чрезъ недѣлю ѣду. Какъ наскучила мнѣ здѣшняя праздная жизнь!

1832 г.

14-го августа 1832 г. Москва.

Любезный братъ, Петръ Андреевичъ! Совершенно нечего писать, но совѣстно пропустить случай, а особливо такой, какъ представляется.

Я по прежнему не весьма здоровъ, все лѣто прошло въ ненастной погодѣ и холодѣ и я не могъ употребить леченія, которое должно было предшествовать употребленію ваннъ, а потому и сіи послѣднія отложены. Теперь я въ Москвѣ остановленнымъ ежеминутнымъ ожиданіемъ великаго князя Михаила Павловича, ибо не ловко уѣхать въ деревню. Говорятъ, будто и государь, на возвратѣ изъ путешествія, проѣдетъ чрезъ Москву, но вѣрно никто не знаетъ когда.

По словамъ Алексѣя Андреевича, ты любезный братъ, намѣреваешься отправиться въ Петербургъ, такъ чтобы доѣхать туда хорошимъ временемъ. Не вижу необходимости торопиться, ибо, благодаря шоссе, дорога повсюду чудесная, а погода мало имѣетъ на оную вліянія. Впрочемъ, не безполезно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія, ибо

весьма опасаются, дабы холера не посѣтила Петербурга, а трусы, какъ зловѣщія птицы, уже разглашаютъ, что она есть въ Кронштадтѣ, будто изъ Любека завезенная. Я не выдаю сего за истину и тебя прошу не говорить, что я собщаю, ибо знаю, что стараются сокращать разглашенія.

Воображаю, сколько было бы тебѣ досадно еще одну зиму не быть въ Петербургѣ, чего, впрочемъ, случиться не можетъ, ибо если бы и была холера, до того времени она не можетъ продолжиться. А что до меня касается, я былъ бы въ восхищеніи, ибо не сомнѣваюсь я, что мнѣ продолжатъ мой отпускъ, въ чемъ необходимо буду я имѣть надобность по случаю раздѣла имѣнія, который не можетъ имѣть скораго окончанія, когда я не прежде сентября поѣду въ Орелъ, дабы пригласить людей, которые бы занялись приведеніемъ въ извѣстность и раздѣломъ имущества. Недѣли двѣ назадъ я послалъ прошеніе въ орловскую гражданскую палату, объ утвержденіи духовной покойнаго отца и сдѣлалъ публикацію въ газетахъ о кончинѣ съ вызовомъ кредиторовъ.

Между тѣмъ предварительно собираются нѣкоторыя нужныя свѣдѣнія. Жалѣть буду, если ты уѣдешь въ Петербургъ и ежели долженъ я буду прибѣгнуть къ посредству другихъ людей; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, я устранюсь и со стороны моей ни малѣйшаго не будетъ вліянія. Какъ бы хотѣлось мнѣ скорѣе кончить сіе дѣло и быть свободнымъ въ распоряженіяхъ. Не привыкъ я къ подобнымъ занятіямъ и всего менѣе пріятны они съ ближайшими родными. Но какъ бы то ни было, я хорошо выполню мое предположеніе.

Прощай, принеси засвидѣтельствованіе совершеннѣйшей моей преданности Екатеринѣ Васильевнѣ [1]). Будь здоровъ и благополученъ. Душевно-почитающій Ермоловъ.

Что если бы могъ я исполнить сію минуту представившуюся мысль посѣтить тебя въ твоей деревнѣ. Мысль преблагородная! Но отъѣздъ твой въ Петербургъ, что съ нимъ дѣлать?

(Особая записка). Любезный братъ, Петръ Андреевичъ! Всегда о людяхъ хорошихъ способностей и заслуживающихъ особенное твое вниманіе, ты предупреждаешь меня письмомъ пріятельскимъ и заставляешь имѣть о таковыхъ попеченіе. Не такое извѣщеніе доставлено о Б....мъ, и я тебя зная, столько же знаю какое о нихъ имѣть понятіе. Вѣрный Ермоловъ.

Сообщ. кн. П. Д. Волконскій.

---

[1]) Екатерина Васильевна Торсукова, мать жены П. А. Кикина. М. П.

А. П. Ермоловъ къ Пав. Ник. Ушакову.

Приводимыя здѣсь два письма написаны Ермоловымъ въ 1851 г. къ генералъ-адъютанту, предсѣдателю комитета учрежденнаго 18-го августа 1814 г., Павлу Николаевичу Ушакову и сообщены его вдовой С. Г. Ушаковой.

Ред.

30-го марта 1851 г. Москва.

Милостивый государь, Павелъ Николаевичъ! Если могу я надѣяться привести себя на память вашему высокопревосходительству, не посмѣю въ то же время сомнѣваться, чтобы просьба стараго сослуживца не была принята съ благосклоннымъ вниманіемъ.

Податель письма моего, уволенный отъ службы поручикъ Дыдымовъ, уроженецъ Кавказа, тяжело раненый храбрый офицеръ, проситъ принять его подъ покровительство комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ вашимъ. Распоряженія мѣстнаго начальства лишивши его, вмѣстѣ съ прочими, дарованной прежде земли, отняло средства содержанія себя.

Во время пребыванія моего на Кавказѣ, зналъ я отца его, отличнаго офицера, который убитъ, командуя однимъ изъ лучшихъ полковъ линейнаго казачьяго войска. Уважая память достойнаго, предстательствую за сына его, но что могу я безъ милостиваго вашего на него возрѣнія и на васъ единственно надежда моя.

Съ отличнымъ и совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

7-го мая 1851 г. Москва.

Милостивый государь, Павелъ Николаевичъ. Пріятнѣйшее письмо ваше я имѣлъ честь получить. Стараго сослуживца, ваше высокопревосходительство, изволили потѣшить благосклоннымъ вниманіемъ къ его просьбѣ, удостоивши покровительства вашего поручика Дыдымова, который по истинѣ того достоинъ. Я долженъ признаться, что рѣдки весьма случаи, въ которые могу я похвастать успѣхомъ въ подобныхъ, со стороны моей, предпріятіяхъ, но вы, милостивый государь, возбудите гордость мою до того, что я буду почитать себя годнымъ, по крайней мѣрѣ, ходатайствовать за достойныхъ.

Примите, почтенный Павелъ Николаевичъ, чувства искренной моей благодарности.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и неограниченною преданностью имѣю честь быть, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

Сообщ. С. Г. Ушакова.

Знакомство съ Ермоловымъ.

Воскрешая въ памяти прошедшее, я съ удовольствіемъ останавливаюсь на воспоминаніи объ одномъ вечерѣ, въ который мнѣ впервые выпало счастіе познакомиться съ А. П. Ермоловымъ. Признаюсь, что при первомъ взглядѣ на величавую фигуру героя, его львиную сѣдую голову на богатырскихъ плечахъ, я проникнулся чувствами восторга и благоговѣнія. Истиною звучали стихи къ портрету его, писанному Дау:

На снѣжномъ подножьѣ кавказскихъ вершинъ
Угрюмъ, одинокій стоитъ исполинъ.
Онъ буркой косматой, картинно одѣтъ,
Вокругъ его блещетъ румяный разсвѣтъ;
На шашкѣ булатной покоится длань.
Могучъ онъ и грозенъ, какъ смертная брань.
Свинцовая дума въ морщинахъ чела
Всей тяжестью смѣло, глубоко легла.....

Въ домѣ одного изъ образованнѣйшихъ московскихъ жителей (23-го января 1847 г.) почетнымъ гостемъ бесѣды былъ Алексѣй Петровичъ. Онъ, на этотъ разъ, мало говорилъ и, кажется, былъ болѣе расположенъ слушать другихъ; но вышло какъ-то иначе, наоборотъ. Разговоръ, прежде натянутый и вялый, становился оживленнѣе, когда Алексѣй Петровичъ вставлялъ свое мѣткое слово, по мѣрѣ того, какъ свитокъ давно минувшаго развертывался самъ собою. Отъ штурма Праги, отъ Суворова, Ферзена, Костюшки—доходили до людей и событій 1812 года; отъ полей Бородина—до береговъ Сены и гребней Кавказа. Полная живаго интереса рѣчь Ермолова электризовала общество. За ужиномъ, отличившимся огромною рыбою, хозяинъ поднялъ заздравный кубокъ въ честь знаменитаго гостя, а одинъ изъ собесѣдниковъ произнесъ:

Умомъ затминъ онъ блескъ алмаза,
Въ бояхъ былъ славный онъ боецъ,
Да здравствуетъ герой Кавказа!
Да здравствуетъ герой сердецъ!
За нимъ, предъ нимъ нѣтъ пышныхъ куколъ
Не громокъ онъ средь гордой знати;
Но за него усердный гласъ молитвъ
Непобѣдимой русской рати!

За тѣмъ другой изъ присутствующихъ продолжалъ:

Подъ буркою, надъ русскимъ станомъ,
Съ морщиной умной на челѣ,
Не разъ стоялъ онъ великаномъ
Монументально на скалѣ!

А шашка между тѣмъ чеченцевъ
Вела съ штыкомъ трехграннымъ споръ,
И именемъ его младенцевъ —
Пугали жены дикихъ горъ.
И вотъ еще изъ-за тумана,
Которымъ ликъ его покрытъ —
Глядитъ героемъ Оссіана
Онъ на мельчающій нашъ бытъ!
И подъ маститой сѣдиною,
Хоть взоръ орлиный и притасъ,
Но баснословной стариною
И славой обдаетъ онъ насъ!

На этотъ экспромтъ Ѳ. Н. Глинки — М. А. Дмитріевъ отвѣчалъ слѣдующимъ же экспромтомъ:

Ты бывалъ и самъ средь боевъ,
Видѣлъ близко славы слѣдъ!
Не изъ нынѣшнихъ героевъ
Ты не нынѣшній поэтъ.
Отъ того, какъ блескъ алмаза,
Блещетъ твой граненый стихъ
И въ тебѣ герой Кавказа
Вспламенилъ восторга мигъ!
Не видавъ войны кровавой,
Я смиренно созерцалъ
Мужа, избраннаго славой,
Пѣть не смѣлъ я и молчалъ.
Я дивился исполину,
Исполинскій былъ и вѣкъ —
И какъ горную вершину,
И его вѣнчаетъ снѣгъ.
Но какъ тотъ горитъ и блещетъ
Въ искрахъ солнечныхъ огней,
Мнѣ казалось, что трепещетъ
И надъ нимъ вѣнецъ лучей!

Алексѣй Петровичъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія, говорилъ увлекательно; рѣчь его, всегда сжатая, безъ всякихъ претензій на эффектъ, пересыпанная остротами, картинно воскрешала былое, чеканила настоящее. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что въ 1821 году былъ назначенъ главнокомандующимъ стотысячной арміей, долженствующей принять участіе въ усмиреніи смутъ въ Италіи, волнуемой карбонарами. Въ Неаполѣ произошелъ мятежъ, король принужденъ былъ подписать конституцію. Вскорѣ Ермоловъ былъ вызванъ въ Лейбахъ, въ которомъ находились союзные монархи, для совѣщаній. Алексѣй Петровичъ находился при императорѣ. Во время обѣда, государь подавалъ разные знаки кн. Волконскому, сидѣвшему противъ него, по-

казывая на его сосѣда. Волконскій не могъ понять пантоминъ императора, и потому на вопросъ его, по окончаніи обѣда, отвѣчалъ, что не догадывается, что государь хотѣлъ сказать ему, указывая на Ермолова.

— „Неужели ты не понялъ того, что я желалъ объяснить тебѣ, что Алексѣй Петровичъ, кажется, воображаетъ, что на немъ мантія и что онъ занимаетъ уже первыя роли".

Ермоловъ, стоявшій невдалекѣ, тотчасъ не смущаясь, отвѣчалъ:

—„Государь, вы нисколько не ошибаетесь, и еслибъ я былъ подданнымъ какого-нибудь нѣмецкаго принца, то, конечно, предположеніе ваше было бы совершенно справедливо; но служа такому великому монарху, какъ вы, съ меня достаточно будетъ и втораго мѣста".

Память его была изумительная, при обширной начитанности; никогда онъ не затруднялся въ названіи самой ничтожной деревушки, если она ознаменовалась, когда-либо, событіемъ или просто расположеніемъ части войскъ въ походахъ Фридриха и Наполеона. Такъ передъ Кульмомъ, когда ему говорили, что слѣдуетъ ознакомиться съ мѣстностью, онъ отвѣчалъ, что давно уже изучилъ ее топографически, со всѣми ея горными развѣтвленіями, что и подтвердилъ своими распоряженіями въ продолженіе боя, въ которомъ, предводительствуемая имъ гвардія покрыла себя славою! Хотя онъ и подчиненъ былъ Остерману, но всѣ распоряженія и приказанія исходили прямо отъ него. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ математическою точностію отдавалъ онъ приказанія безпрерывно подъѣзжавшимъ адютантамъ и начальникамъ частей, не переставая шутить съ окружающими. Такъ г. Кнорингу, прискакавшему съ извѣстіемъ о стремительныхъ аттакахъ нашей кавалеріи, онъ сказалъ:

— „Вы прекрасно разсказываете, но извольте тотчасъ же ѣхать къ вашему мѣсту, прежде додѣлайте, а послѣ уже доскажете".

Далеко за полночь длилась одушевленная бесѣда. Впослѣдствіи судьба поставила меня въ самыя короткія отношенія къ Алексѣю Петровичу, по тѣсной дружбѣ его съ покойнымъ отцемъ моимъ. Часто просиживая длинные зимніе вечера, въ его кабинетѣ на Пречистенкѣ, я съ упоеніемъ слушалъ его разсказы, постоянно увлекательные, и съ сердечнымъ прискорбіемъ напоминалъ себѣ глубокій смыслъ стиховъ, которыми завершу мою замѣтку:

Хоть дѣлъ великихъ окончанья
Рукою ты не довершилъ,
Но духъ твой изъ глуши изгнанья
Другихъ къ побѣдамъ предводилъ!
Свершить — тебѣ не дали время,

Но всюду тамъ твои слѣды.
Тобою брошеннаго сѣмя
Россія соберетъ плоды!

С. И. Храповицкій.

Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Николай Николаевичъ Муравьевъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, въ ноябрѣ 1854 года, на мѣсто кн. М. С. Воронцова. По осмотрѣ кубанской линіи, новый главнокомандующій прибылъ на лѣвый флангъ въ исходѣ января мѣсяца 1855 года и изъ крѣпости Воздвиженской направился въ Грозную, откуда, въ началѣ февраля 1855 года, отправилъ Ермолову нынѣ впервые печатаемое письмо. Ред.

Крѣпость Грозная, февраль 1855 г.

Милостивый государь, Алексѣй Петровичъ! Въ углу двора обширнаго и пышнаго дворца, въ коемъ сегодня ночую, стоитъ уединенная, скромная землянка ваша, какъ укоризна нынѣшнему времени. Изъ землянки вашей, при малыхъ средствахъ, исходила сила, положившая основаніе крѣпости Грозной и покоренію Чечни. Нынѣ средства утроились, учетверились, а все мало, да мало! дѣятельность вашего времени замѣнилась бездѣйствіемъ; тратящаяся нынѣ огромная казна не могла замѣнить безкорыстнаго усердія, внушеннаго вами подчиненнымъ вашимъ для достиженія предназначенной вами цѣли. Казна сія обратила грозныя крѣпости ваши въ города, куда роскошь и удобства жизни привлекли людей сторонникъ (женатыхъ), все перемѣнилось, обстроилось; съ настойчивостію и убѣжденіемъ въ правотѣ своей требуютъ войскъ для защиты; войска обратились въ горожанъ, и простота землянки вашей не поражаетъ ослабѣвшихъ воиновъ Кавказа, въ коихъ хотя духъ и не исчезъ, но силы стали немощны.

Такое состояніе дѣлъ, конечно, подало поводъ и къ частнымъ злоупотребленіямъ начальниковъ; хоть солдата не грабятъ, но пользуются трудами его, какъ работою тягловаго крестьянина, состояніе, которое солдатъ предпочитаетъ строевой службѣ. Посудите, каково мое положеніе исправить, въ короткое время, безпорядки, вкоренившіеся многими годами безпечнаго управленія, а въ послѣднее время и совершеннымъ отсутствіемъ всякой власти и управленія! Трудъ великій, позднихъ послѣдствій котораго я не увижу и который доставитъ мнѣ только нареканіе всего населенія! Но вы, зная меня, убѣдитесь, что это меня не остановитъ: если не достигну конца, то дамъ направленіе сему великому дѣлу, поглощающему и силы, и казну Россіи.

Въ землянку вашу послалъ бы ихъ учиться, но академія эта свыше ихъ понятій.

Не скажу, чтобы здѣсь не было покорности, напротивъ того, здѣсь всѣ покорны; но покорность эта не приводитъ ихъ къ изученію своихъ обязанностей, а только къ исполненію того, что прикажутъ. Надобно пока и этимъ довольствоваться съ надеждою на время, которое выкажетъ сотрудниковъ, ибо дарованій здѣсь встрѣчается болѣе, чѣмъ въ Россіи; но все погрязло въ лѣни и усыпленіи.

Отъ многихъ слышалъ справедливыя сужденія, что ваша Грозная крѣпость служила основаніемъ покоренія Чечни, и въ самомъ дѣлѣ, нынѣ видимъ множество огромныхъ мирныхъ ауловъ, приселяющихся подъ стѣны строимыхъ нами укрѣпленій. Чеченцы эти ходятъ съ нами въ экспедицію и безщадно дерутся противъ, непокорныхъ родственниковъ. Уже здѣсь учреждено пять наибствъ, есть пристава и судъ, установленный въ подражаніе вашего кабардинскаго суда.

Я былъ въ Нальчикѣ, гдѣ уставъ вашъ и прокламація служатъ единственнымъ руководствомъ для дѣлъ, встрѣчающихся не только между кабардинцами, но даже и между племенами, живущими въ горахъ.

Край этотъ, чрезъ который въ 1816 году нельзя было проѣзжать безъ сильнаго конвоя и пушекъ, нынѣ спокоенъ, благодаря началу, вами положенному, и я надѣюсь, что народы сіи не пошевелятся при теперешнихъ военныхъ обстоятельствахъ, и не прельстятся возваніемъ, развѣ увидятъ среди себя иностранные войска, чему не предвижу возможности даже на правомъ флангѣ нашемъ, который частію объѣхалъ, не касаясь Черноморья.

Заключаю письмо похвалою сыну вашему, который служитъ хорошо, дѣятельно и порученія, ему даваемыя исполняетъ съ точностію и отчетливо; онъ мнѣ полезенъ; теперь находится по порученію въ Кизлярѣ.

Послѣ завтра надѣюсь возвратиться въ Владикавказъ, гдѣ думаю провести нѣсколько дней до переѣзда моего черезъ горы.

Примите и проч. Николай Муравьевъ.

Примѣчаніе. Авторъ письма, да и самъ кажется Алексѣй Петровичъ, какъ надо полагать съ разрѣшенія Муравьева, не считали нужнымъ держать этотъ документъ подъ спудомъ и онъ разошелся по Россіи и въ особенности по Кавказу во множествѣ списковъ [1]). Служащіе на Кавказѣ, завѣщанные управленіемъ предмѣстника Муравьева кн. М. С. Воронцова — приняли это письмо какъ прямой вызовъ, какъ незаслуженное обвиненіе, тѣмъ болѣе оскорбительное, что оно исходило отъ человѣка, едва лишь два мѣсяца пробывшаго на Кавказѣ. Общее негодованіе служебно-кавказскаго міра выразилось въ ниже приводимомъ письмѣ кн. Святополкъ-Мірскаго. **Ред.**

[1]) Мы имѣемъ нѣсколько списковъ, изъ нихъ два отъ И. А. Пузыревскаго изъ бумагъ Н. В. Кукольника и отъ Л. Павлищева. **Ред.**

Отвѣтъ кавказскаго офицера на обвиненія Н. Н. Муравьева.

(письмо къ генералъ-адъютанту К*).

13-го марта 1855 г.

Новый нашъ главнокомандующій, на пути слѣдованія своего въ край, ввѣренный царскою милостію его управленію, написалъ изъ крѣпости Грозной — бывшему начальнику своему А. П. Ермолову — письмо, въ которомъ онъ излагаетъ мнѣніе свое о положеніи этого края и мысли, которыя должны служить началомъ его управленія.

Генералъ Муравьевъ дозволилъ снять съ этого письма копіи, не скрывая желанія, чтобы оно получило всеобщую извѣстность, а потому, я полагаю, что оно уже извѣстно и вамъ, и что ѣдкія выраженія онаго, отозвались въ вашемъ русскомъ сердцѣ, скорбнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ сотнямъ тысячъ русскихъ сердецъ, которыя бьются на Кавказѣ, полныя любви и преданности къ царю и отечеству.

Эти строки, написанныя въ положеніи генерала Муравьева и адресованныя къ А. П. Ермолову, будутъ имѣть огромный отголосокъ въ цѣлой Россіи и не могутъ поколебать того мнѣнія, которое Россія имѣла до сего времени о кавказскомъ войскѣ. Кавказъ отъ Россіи далеко, а сочетаніе двухъ именъ Ермолова и Муравьева, внушаетъ русскому — довѣріе. Не одинъ русскій, думающій о судьбахъ своей родины, прочитавъ эти строки, задастъ себѣ страшный вопросъ: не на краю ли гибели эта родина, когда тѣ изъ ея сыновъ, которые онъ привыкъ считать самыми дѣятельными, воинственными и сильными, стали немощны силами и „погрязли въ лѣни и усыпленіи?“

Но неужели мы, кавказскіе служивые, должны безропотно покориться этому приговору и со стыдомъ преклонить предъ нимъ голову? Нѣтъ! наша совѣсть слишкомъ чиста для такого униженія! не стали немощными и безсильными тѣ войска, которыя побѣдили многочисленныхъ враговъ подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, Курюкъ-Даре и на Чолокѣ! Мы не обманывали Россіи въ теченіе четверти вѣка, она смѣло можетъ гордиться нами и сказать, что нѣтъ арміи на свѣтѣ, которая переносила бы столько трудовъ и лишеній, сколько кавказская! Нѣтъ арміи, въ которой бы чувство самоотверженія было бы болѣе развито; здѣсь каждый фронтовой офицеръ, каждый солдатъ убѣжденъ, что не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ послѣ-завтра, онъ будетъ убитъ или изувѣченъ.... а много-ли въ Россіи кавказскихъ ветерановъ? ихъ тамъ почти нѣтъ, кости ихъ разбросаны по цѣлому Кавказу!

Кавказскій солдатъ работаетъ много и отстаетъ отъ фронтоваго

образованія, но онъ не „тягловой крестьянинъ“, потому, что онъ трудится не для частныхъ лицъ, а для общей пользы. Вмѣсто денежнаго капитала употребляется капиталъ его силъ и способностей; онъ расходуетъ силы эти и потъ свой для сбереженія государственной казны, если это дурно — не мы въ томъ виноваты. Что же касается до вопроса землянокъ и дворцовъ, то не намъ, темнымъ людямъ, его разрѣшать; помню только, что когда меня учили исторіи я видѣлъ въ ней, что завоеваніе земель и особенно упрочиваніе оныхъ, не дѣлалось всегда одною силою оружія, и что постройка великолѣпныхъ зданій и распространеніе цивилизаціи, часто къ этому способствовали; это зависитъ отъ принятой системы, которую не мы рѣшаемъ. Мы бы желали только, чтобы не было рѣзкихъ переворотовъ,—нельзя же по произволу въ одинъ мигъ передѣлать афинянина въ спартанца или спартанца въ афинянина; это дѣло многихъ лѣтъ, болѣе обстоятельствъ, чѣмъ людей, и оно принадлежитъ къ общей системѣ государства.

Кавказская война не есть война обыкновенная, кавказское войско не есть войско, дѣлающее кампанію. Это скорѣе воинственный народъ, создаваемый Россіею и противопоставляемый воинственнымъ народамъ Кавказа для защиты Россіи. Такое положеніе дѣлъ незаведено ни кѣмъ, оно создалось силою обстоятельствъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ устроенія здѣшняго края. Избѣжать этого положенія, не покоривъ Кавказа, невозможно; развѣ завести, по примѣру среднихъ вѣковъ, воинственный орденъ монаховъ, отрѣшившихся отъ всего земнаго, кромѣ боя и молитвы, но возможно ли это?

Не намъ также рѣшать вопросъ: почему Кавказъ еще непокоренъ? потому ли, что теперь не живемъ въ землянкахъ, имѣемъ законныхъ женъ и нѣкоторыя удобства жизни, или потому, что его не умѣли покорить нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, когда цѣлое народонаселеніе разбѣгалось отъ одного гула пушечныхъ выстрѣловъ; когда не было никакой связи между кавказскими племенами и обществами и когда не было мюридизма, начало и отчасти развитіе котораго относится также ко времени землянокъ.

Изъ всего вышесказаннаго не слѣдуетъ ли заключить, что, по моему мнѣнію, все на Кавказѣ совершенно хорошо? Гдѣ же нѣтъ дурныхъ людей и злоупотребленій, гдѣ же люди понимаютъ вполнѣ и исполняютъ въ совершенствѣ свои дѣла! Мы всѣ убѣждены, что здѣсь многое остается сдѣлать, многое исправить и завести, и всегда желали болѣе совокупной и послѣдовательной системы веденія войны, болѣе разборчиваго распредѣленія царскихъ наградъ и потому, когда мы убѣдились, что силы князя Воронцова ему измѣнили и что онъ

уже не въ состояніи управлять нашимъ краемъ, въ эти трудныя времена, скорбя о горькой участи заслуженаго старца, одного изъ знаменитѣйшихъ представителей русской славы, мы могли желать и ждали съ нетерпѣніемъ новаго энергическаго начальника. Люди, желающіе добра, желаютъ всегда сильной власти.

Назначеніе генерала Муравьева мы встрѣтили съ восторгомъ, не потому, чтобы онъ уже ознаменовалъ себя великими дѣлами на военномъ или на гражданскомъ поприщѣ, а потому, что онъ умѣлъ какъ-то возбудить великія надежды, которыя и мы раздѣляли; но мы ожидали, что генералъ Муравьевъ ѣдетъ сюда съ чувствомъ уваженія къ кавказскому войску, уваженіе котораго мы вправѣ требовать по нашимъ заслугамъ и чувствамъ, насъ оживляющимъ; въ добромъ дѣлѣ здѣсь всѣ почти сотрудники. Мы съ истинною скромностію, свойственною людямъ, испытавшимъ свои силы, ожидали, что намъ укажутъ наши ошибки и недостатки, пособятъ намъ ихъ исправить и усовершенствовать по мѣрѣ силъ и способностей; но мы не ждали оскорбленій.

Заботливаго хотя и суроваго отца, а не насмѣшливаго порицателя ожидали мы отъ царской милости.

Письмо, написанное новымъ главнокомандующимъ въ Грозной и распространенное по Кавказу и Россіи, изумило насъ и огорчило; но не долго будетъ наше уныніе; намъ чуждо чувство подлаго униженія, мы покорны, но покорны царской волѣ и закону, а не бранному слову; мы подымаемъ брошенную намъ перчатку передъ судомъ Россіи и потомства; пусть нами руководятъ мудрыя начертанія, пусть геніальная рука укажетъ путь — мы готовы, готовы на все, что возможно человѣку, на всякія жертвы и лишенія. Сколько бы ни было сихъ жертвъ и страданій частныхъ, во всякомъ случаѣ это исполинское соревнованіе поведетъ ко благу и славѣ нашего отечества. Намъ остается вознести къ Всевышнему усердные мольбы, дабы потомство сказало, что вождь былъ достоинъ арміи, а армія была достойна вождя.

Тенгинскаго пѣхотнаго полка подполковникъ князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій.

ВОСПОМИНАНІЯ И. И. ЕВРОПЕУСА.

Бунтъ военныхъ поселянъ короля прусскаго полка [1]), 17-го іюля 1831 г.

I.

По выступленіи короля прусскаго полка противъ польскихъ мятежниковъ, остался я единственнымъ врачемъ, какъ по округу, такъ равно и въ госпиталѣ. Возвратившись 16-го іюля, 1831 г., послѣ осмотра резервной и 4-й ротъ, я могъ замѣтить, что поселяне уже тогда роптали на строгія карантинныя мѣры, по ихъ здравому понятію, ни къ чему не ведущія, и просили меня выхлопотать у баталіоннаго командира майора Яцковскаго нѣкоторое снисхожденіе. Я представилъ угрожающую ему и намъ опасность, подобную въ австрійскомъ полку, но Яцковскій, любимый поселянами, былъ вполнѣ увѣренъ, что подобнаго безчинства у насъ случиться не можетъ; тѣмъ не менѣе на другой день хотѣлъ составить комитетъ и посовѣтоваться съ ротными командирами, но не успѣлъ. 17-го числа, еще до обѣда, переправилась толпа австрійскихъ поселянъ въ резервную и 4-ю роты прусскаго полка, возмутила поселянъ, начавшихся волноваться, и подозрѣвая офи-

[1]) О бунтѣ поселянъ этого же полка см. разсказъ священника П. В. Воинова, въ нашемъ изданіи: «Бунтъ военныхъ поселянъ 1831 г., разсказы очевидцевъ». Спб., 1870, г. стр. 133—168. Нынѣ печатаемый отрывокъ изъ воспоминаній доктора И. И. Европеуса во многомъ дополняетъ подробности, сообщенныя о. Воиновымъ. Другой отрывокъ изъ Записокъ Европеуса именно о графѣ Аракчеевѣ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1872 г, т. VI стр. 225.

Ред.

церовъ въ измѣнѣ и подкупѣ, ворвалась гурьбою въ квартиру капитана Дасаева, начала его тиранить, била чѣмъ попало, связала ему руки, и несмотря на вопли жены и дѣтей, обнявшихъ колѣны варваровъ, поволокла его безъ чувствъ до 4-й роты; тамъ захватила толпа штабсъ-капитана Денисова, мучила, тиранила и повлекла на полковой плацъ, гдѣ обоихъ добила до смерти, покрыла рогожею и оставила до другого дня. Исправляющаго должность полиціймейстера поручика Федулова, бросившагося въ Волховъ, въ надеждѣ переплыть, злодѣи догнали, избили его еще въ водѣ, и потащили полумертваго на полковой плацъ; здѣсь пихнули ему земли въ ротъ и добили до смерти; тѣло же брошено въ общую кучу убитыхъ. Также поступила толпа съ гдѣ-то пойманнымъ аптекарскимъ ученикомъ Руфомъ Ѳедоровымъ, заподозривъ его въ раздачѣ яда по приказанію офицеровъ; потомъ бросилась гурьбою въ канцелярію, вытащила изъ-за стола. выслужившаго изъ писарей, аудитора Рубанова, била, колотила, повлекла на плацъ и грозила его убить, ежели онъ не покажетъ, кому розданъ ядъ сперва для отравленія коровъ, дабы не чѣмъ было отпаивать поселянъ, а потомъ и самихъ хозяевъ. Къ несчастію, лѣто было необыкновенно знойное, повсюду стоялъ дымъ, рѣки высыхали, берега рѣкъ и озеръ покрылись дохлою рыбою ираками, что еще болѣе утвердило мнѣніе о существованіи въ водѣ отравы.

— «Покажи намъ списки, кому и сколько роздано яду! Ты все сидишь въ канцеляріи съ утра до вечера и тебѣ все извѣстно; а ежели непокажешь, то поступимъ съ тобою также, какъ и съ прочими предателями!»

— «Ей-Богу у меня никакихъ списковъ нѣтъ, я ничего не знаю».

— «Врешь, закричала толпа, поколотивъ его порядочно, дай-ка мы его высѣчемъ, авось признается и все разскажетъ».

Сняли съ него сюртукъ и приготовили розги.

— «Ребята, что же вы хотите со мною дѣлать! грѣхъ будетъ на вашей душѣ, ежели вы меня больного, храмого старика невинно накажете. Дайте же мнѣ хотя Богу помолиться».

— «Ну, молись!»

— «Кажется я жилъ съ вами всегда въ мирѣ, помогалъ вамъ въ чемъ могъ и предупреждалъ васъ, когда нужно было. Поду-

майте хорошенько», и вытащивъ изъ кармана рожокъ съ нюхательнымъ табакомъ, Рубановъ понюхалъ, попотчивалъ сперва унтеръ-офицера Красникова, выбраннаго того же вечера въ начальники, а потомъ и нѣкоторыхъ другихъ, и продолжалъ увѣрять ихъ со слезами на глазахъ, что онъ ничего не знаетъ. Поселяне смягчились, имъ стало жаль старика, и отпустили его съ Богомъ; такимъ образомъ Рубановъ обязанъ единственно махоркѣ, что остался живъ. Майоръ Яцковскій, какъ разсказывали иные, хотѣлъ ускакать, но его лошадь споткнулась, онъ упалъ, доползъ до ржанаго поля, спрятался въ рожъ, гдѣ и былъ взятъ. По другимъ показаніямъ, его схватили въ то самое время, когда онъ въѣхалъ въ 4-ю роту графа Аракчеева полка, связали ему руки, били, волокли до полковаго плаца, плевали ему въ лицо, скинули съ головы киверъ, сорвали эполеты, сняли сюртукъ, добили до смерти и бросили въ общую кучу. Ротные же командиры Журавко, Зальцеръ и Луцкій, предупрежденные заранѣе преданнымъ имъ старо-служащимъ и майоромъ Яцковскимъ — переправились чрезъ Волховъ и успѣли ускакать.

При посѣщеніи моемъ утромъ больныхъ, одержимыхъ холерою, нашелъ я мать поручика С. А. Дмитріева почти окостенѣвшею, и просилъ ея дѣтей быть готовыми къ ея кончинѣ. Но каково же было мое удивленіе, когда я узналъ въ Новгородѣ, что г-жа Дмитріева выздоровѣла и спасенію своему обязана бунтовавшимся поселянамъ, ворвавшимся съ шумомъ и крикомъ въ ея квартиру, съ намѣреніемъ замучить ея дѣтей; они остановились предъ ихъ воплями, а кажется болѣе, увидавъ жалостно-умоляющій взглядъ умиравшей старухи, перекрестились и вышли. Все здѣсь упомянутое случилось послѣ моего бѣгства изъ госпиталя, т.-е. 17-го іюля въ день храмоваго праздника въ Отницкомъ монастырѣ, въ семи верстахъ отъ штаба.

II.

Около двухъ часовъ пополудни мимо моихъ оконъ проскакалъ майоръ Яцковскій и закричалъ мнѣ по-нѣмецки: «Спасайтесь, у насъ бунтъ!» Онъ намѣревался ускакать во 2-ю и 1-ю роты, предупредить ротныхъ командировъ, но не успѣлъ, и былъ захваченъ поселянами. Почти въ одно и то же время прислала насъ предупредить полковница Чевакинская, оставшаяся въ

штабѣ съ дѣтьми [1]). Страшное слово бунтъ и дошедшіе до насъ наканунѣ слухи о варварскомъ избіеніи офицеровъ и врача австрійскаго полка, возбудили во мнѣ всю энергію къ самосохраненію и спасенію семейства. Сообщивъ женѣ о предстоявшей опасности и неминуемой мучительной смерти, ежели поселяне насъ застанутъ, я рѣшился бѣжать. Жена, закутавъ 6-ти-недѣльную дочь въ шаль, сняла съ подушки наволочку и бросила въ нее нѣсколько дѣтскаго бѣлья. Мы побѣжали въ сопровожденіи тетки, капитана Костырева и аптекаря Масалина къ рѣкѣ, гдѣ, къ счастію, нашли какую-то ветхую лодку, въ которую кондукторъ 6-го военно-рабочаго баталіона Богдановъ бросилъ свою шинель, а мой кучеръ — армякъ, съ словами: «Можетъ быть пригодятся», будто предчувствуя предстоящую въ нихъ надобность. Мы переправились, ни живые, ни мертвые на противоположный берегъ и оглянувшись, увидѣли, какъ пестрая толпа поселянъ, поселянокъ и кантонистовъ съ кольями, вилами, шкворнями и косами бросилась прямо въ госпиталь. Въ надеждѣ найти меня тамъ, мятежники вошли цѣлою гурьбою въ мою квартиру, брянчали на фортепіянахъ, и вообще не стѣснялись присутствіемъ моей тещи, г-жи Телешовой и жены аптекаря Масалина; эти дамы, во что бы то ни стало, не рѣшились предоставить все добро на произволъ бунтующихъ и потому, оставшись въ квартирѣ, были свидѣтельницами всѣхъ безчинствъ. Узнавши отъ нихъ, что я отправился къ берегу, поселяне сказали: «Слава Богу, что ушелъ, добрый былъ для насъ человѣкъ, но жаль, надобно бы было и его убить! смотрите, ребята, здѣсь ничего нетрогать», и, дѣйствительно, у меня ничего не пропало.

Какъ объяснить человѣколюбивый поступокъ поселянъ, жаждавшихъ вообще мщенія и кровопролитія?

Ворвавшись въ госпиталь, поселяне распустили всѣхъ больныхъ, которые и побрели по садикамъ и огородамъ, многіе ушли домой, а на другое утро присоединились къ толпѣ бунтующихъ. Мы увидѣли, что вся эта толпа валила прямо къ берегу, откуда два человѣка верхомъ, а нѣсколько—въ какой-то полусгнившей баркѣ, старались переправиться на нашъ берегъ; — я простился съ женою, съ которою сдѣлалось дурно, и хотѣлъ бѣжать;

[1]) Разсказъ И. М. Чевакинскаго о мятежѣ военныхъ поселянъ, смотр. въ книгѣ: «Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія», изд. «Русской Старины» 1871 г. Ред.

но уменя захватило дыханіе и я чуть ни упалъ. Капитанъ Костыревъ взялъ меня подъ руку, толкнулъ впередъ со словами: «Ради Бога бѣгите, а то застанутъ васъ поселяне», а самъ возвратился къ моей женѣ, стараясь ее успокоить, что я до прибытія поселянъ успѣю далеко убѣжать.

Костыревъ былъ увѣренъ, что его, какъ не принадлежащаго къ военному поселенію и часто защищавшему интересы поселянъ въ качествѣ производителя работъ, не тронутъ; но не такъ случилось. Поселяне бросились сперва къ рыдающей моей женѣ, а потомъ окружили Костырева, упрекая его въ томъ, что онъ меня перевезъ, и несмотря на всѣ его увѣренія, что лодка была моя, грозили смертью, ежели онъ не покажетъ, въ которую сторону я бѣжалъ. Онъ показалъ на деревню Теремецъ, мызу генерала Клейнмихеля, ввелъ ихъ туда, искалъ меня по разнымъ сараямъ, дабы дать мнѣ время уйдти и возвратился опять къ моей женѣ, остававшейся на берегу среди поселянъ, грозившихъ ей смертью.

— «Пощадите меня, хотя ради невиннаго ребенка».

— «У насъ такихъ щенятъ уже много въ Волховѣ!» былъ отвѣтъ сидѣвшаго подлѣ ея поселянина австрійскаго полка.

— «Дайте же мнѣ, добрые люди, хотя воды напиться».

— «Да что, матушка, съ ума что ли сошла или отравиться хочешь?» а между тѣмъ, по усиленной ея просьбѣ, принесли ей воды въ какомъ-то ковшѣ, найденномъ въ баркѣ, и жена напилась; поселяне же, увидѣвъ, что ни рвоты, ни судорогъ не послѣдовало, напились сами до-сыта.

Ежели-бъ всѣ такъ поступали, то можетъ быть менѣе было бы несчастныхъ жертвъ нелѣпаго заблужденія. Потомъ возвратились поселяне съ капитаномъ Костыревымъ, уже не связаннымъ, въ штабъ, назначили его помощникомъ унтеръ-офицера Красникова, а на другой день ихъ начальникомъ.

Между тѣмъ я и аптекарь, пробѣжавши уже версты двѣ, до того устали, что принуждены были отдохнуть хотя съ четверть часа и сняли форменные сюртуки; я надѣлъ шинель Богданова, взялъ свой узелъ на плечо, а аптекарь надѣлъ армякъ кучера. Въ страшномъ утомленіи доплелись мы до Подберезья. Въ промежутокъ этого времени прискакали къ оставшейся на берегу толпѣ два поселянина верхомъ, изъ далека показывая, съ какимъ-то торжествомъ, наши сюртуки, и увѣряя, что я и апте-

карь, принявъ яду, лежимъ въ оврагѣ, и что насъ раздуло горой. «Туда имъ и дорога», былъ отвѣтъ. Опять не объяснимъ поступокъ поселянъ, не желавшихъ насъ поймать, тѣмъ болѣе, что мы, между рѣдкими кустарниками, никуда скрыться не могли. Между прочими разговорами и грубыми шутками поселяне объявили женѣ, что ежели не сегодня, то завтра нужно завернуть къ Литвинову, его ограбить, такъ какъ онъ богатъ, или убить за строгое обращеніе съ людьми. Послѣ ухода поселянъ дотащилась жена моя кое-какъ до Литвинова, разсказала ему все слышанное. Не прошло и часу, какъ у Литвинова всѣ экипажи были заложены; въ нихъ онъ помѣстилъ не только свое большое семейство, мою жену съ ребенкомъ и старухою теткою, но и запасся разными съѣстными припасами, съ намѣреніемъ ускакать въ Петербургъ; но такъ какъ онъ былъ членомъ холернаго комитета, то его удержали въ деревнѣ Ушакахъ, въ имѣніи полковника Верещагина; удержали его съ тѣмъ, что ежели никто въ теченіе трехъ дней холерою не заболѣетъ, то его отпустятъ, а въ противномъ случаѣ убьютъ. При этомъ женѣ моей сказали: «мы тебя, матушка, не знаемъ, поѣзжай куда хочешь». Но такъ какъ Литвиновъ ни одного изъ своихъ экипажей женѣ моей дать не могъ, или не хотѣлъ, то она принуждена была обратиться къ случившемуся въ имѣніи Верещагину съ просьбой одолжить ей хотя телѣгу до Петербурга. «Я готовъ все для васъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что кажется я когда-то былъ знакомъ съ покойнымъ вашимъ отцомъ, Телешовымъ, но и у меня всѣ люди вышли изъ повиновенія; одно, что могу, это приказать нанять для васъ вѣрнаго ямщика, на котораго вы вполнѣ можете положиться»; а между тѣмъ приказалъ подать семейству Литвинова и моей женѣ, приставшимъ въ какомъ-то постояломъ дворѣ, чай. Жена успокоенная вниманіемъ гостепріимнаго хозяина, отправилась ночью въ Петербургъ. Рядомъ съ нею ѣхали до Ижоры депутаты поселянъ съ донесеніемъ государю о ихъ вѣрноподданничествѣ и о числѣ убитыхъ ими «измѣнниковъ и отравителей». Депутатовъ въ Царское-Село не допустили, а задержали въ Ижорѣ; жена принуждена была отправиться по шлиссельбургской дорогѣ, такъ какъ тогда прямо въ Петербургъ не пускали. Разстроенная душевно и утомленная физически, принуждена она была нѣсколько разъ останавливаться и даже на Невскомъ проспектѣ кормить и

перепеленывать ребенка, такъ что проходящіе мимо показывали на нее, какъ на сумашедшію. Пріѣхавши въ Петербургъ, остановилась она на дачѣ управлявшаго С.-Петербургскою коммиссіею д. с. с. Долинскаго, гдѣ и была принята какъ родная дочь и прожила въ дружески расположенномъ къ ней семействѣ болѣе двухъ недѣль, до полученія моего письма, ибо до того мы ничего другъ о другѣ не знали; я впрочемъ былъ увѣренъ, что она перебралась въ Петербургъ, такъ какъ я, во время нахожденія въ плѣну у поселянъ, узналъ отъ ямщиковъ, что въ одномъ изъ экипажей Литвинова, проскакавшаго чрезъ Подберезье, сидѣла имъ незнакомая женщина съ ребенкомъ; о моей же участи она ничего знать не могла.

III.

Никѣмъ не замѣченные прибыли мы, уже подъ вечеръ, въ Ямъ-Подберезье, гдѣ и предполагали нанять лошадей у знакомаго мнѣ станціоннаго смотрителя и отправиться въ Новгородъ; но не такъ случилось. Только что мы успѣли войти въ квартиру смотрителя, какъ пьяные ямщики окружили домъ, вошли въ комнату и увидѣвъ меня, всѣмъ имъ хорошо знакомаго, спросили отчего я въ солдатской шинели и отчего бѣжалъ?

— Оттого, что прусскіе поселяне съ ума сошли, бунтуютъ и убиваютъ своихъ офицеровъ.

«Ежели бы ты не былъ за одно съ поляками и не отравлялъ бы людей, то зачѣмъ было тебѣ бѣжать? Обыскать, нѣтъ ли у него и здѣсь яду!»

— Ежели вы уже хотите меня обыскивать, то не здѣсь; взгляните на умирающую малютку смотрителя и на рыдающую мать!

«Ну хорошо, отвести его въ мирскую избу, подъ караулъ!»

Пришли мы въ избу, назначенную для сходокъ; насъ тотчасъ раздѣли, обшарили всѣ карманы, сняли даже сапоги, но конечно ничего не нашли; къ счастію, впрочемъ, что мы во время ходьбы успѣли бросить бумажки съ хлоровою известью, которыя тогда всѣ носили при себѣ, а то не миновать бы мучительной смерти. Потомъ вытрясли изъ наволочки все на столъ, развертывали даже дѣтскіе чулки. Увидѣвъ довольно большой вызолоченный образъ Спасителя, спросили: «Зачѣмъ тебѣ образъ, когда ты не православной вѣры?»

Какимъ образомъ попала икона въ мѣшокъ съ дѣтскимъ бѣльемъ,

ни я, ни жена не помнимъ; но вѣроятно во время сборовъ къ бѣгству, вложена была моею тещею.

— Вотъ видите, ребята, ежели Богъ меня спасетъ отъ рукъ поселянъ и вы благополучно доставите меня въ Новгородъ губернатору, то подарю этотъ образъ въ вашу церковь».

«Къ какому губернатору? былъ отвѣтъ: развѣ ты не знаешь, что губернаторъ Денферъ давно въ кандалахъ и въ тюрьмѣ».

— Кто же теперь губернаторомъ?

«Егоръ Петровичъ Кошкинъ» (одинъ изъ закоренѣлыхъ старообрядцевъ) былъ отвѣтъ.

Не зналъ я что и думать, вѣрить или не вѣрить, ибо во время холерной эпидеміи и по дошедшимъ до насъ разнымъ сказочнымъ слухамъ изъ Старой-Русы вѣрилось всему, каждымъ овладѣло какое-то тупоуміе и одуреніе; необыкновенные факты казались возможными и не естественное представлялось въ порядкѣ вещей. «Намъ рукъ своихъ марать не слѣдуетъ, рѣшила пьяная толпа ямщиковъ и австрійскихъ поселянъ; пусть подъѣдутъ прусскіе поселяне и управятся съ ними, какъ хотятъ»,—и оставивъ четырехъ караульныхъ, разошлись и гурьбою отправились въ ближайшій кабакъ. Намъ, плѣннымъ, ничего не оставалось, какъ ежеминутно ждать мучительной и позорной смерти, тѣмъ болѣе, что австрійскіе поселяне разсказывали съ какимъ-то восторгомъ и удовольствіемъ, какъ они мучили и убивали подполковника Бутовича, майора Солтанова, лѣкаря Богоявленскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Осужденный дезертиръ знаетъ, по крайней мѣрѣ, что его разстрѣляютъ и онъ умретъ мгновенно; мы-же были лишены и этого утѣшенія. Каково у насъ было на душѣ, пойметъ каждый, но описать этого чувства я не въ силахъ.

Хозяйка дома, въ которомъ насъ задержали, кажется, солдатка, приняла въ насъ большое участіе, и узнавъ, что я разлученъ съ женою и ребенкомъ, горевала, охала и даже плакала. Она подала мнѣ мысль послать ночью нарочнаго къ Литвинову, узнать объ участи моей жены и привела даже ямщика, котораго я просилъ съѣздить на мызу Литвинова, и ежели жена моя тамъ, то привезти ее въ Подберезье, дабы вмѣстѣ спастись или умереть. Я предлагалъ ему деньги. «Я изволь тебѣ, баринъ, уважу, но денегъ твоихъ мнѣ не нужно, ибо тебѣ самому, можетъ быть, понадобятся», отправился и около полуночи возвра-

тился съ извѣстіемъ, что жена моя уѣхала съ Литвиновымъ въ Петербургъ. «Слава Богу, подумалъ я, по крайней мѣрѣ она внѣ опасности!»

Увидавъ въ окно сотскаго Ѳедора Григорьева, мнѣ хорошо знакомаго, я попросилъ его отправиться къ губернатору съ донесеніемъ, что я и аптекарь Масалинъ задержаны ямщиками и отданы подъ караулъ, несмотря на его усовѣщеваніе, и что они непремѣнно хотятъ насъ отдать прусскимъ поселянамъ. Получивъ отъ меня нѣсколько денегъ, сотскій нанялъ лошадей и ускакалъ, но, не доѣзжая 7-ми верстъ до Новгорода, встрѣтилъ губернатора, желавшаго, вѣроятно, удостовѣриться о бывшихъ и существующихъ безпорядкахъ въ австрійскомъ полку. За губернаторомъ слѣдовалъ подберезскій голова. «Куда ты такъ спѣшишь?» спросилъ его Денферъ, и, узнавши въ чемъ дѣло, приказалъ ему, равно и головѣ, во что бы то ни стало, доставить насъ въ Новгородъ.

Возвратившись въ Подберезье, сотскій объявилъ приказаніе губернатора, но пьяные поселяне никого знать не хотѣли и отвѣчали угрозами. Австрійскіе же поселяне, узнавши, что я пойманъ, грозили сотскому, при возвращеніи его изъ Новгорода, смертью, ежели онъ насъ доставитъ губернатору. Потерявъ и здѣсь надежду, призвалъ я къ себѣ мимопроходившаго фурштата, снялъ солдатскую шинель, объявивши кто я, и просилъ доложить его офицеру, чтобы онъ взялъ насъ подъ свою защиту. «Слушаю, ваше высокоблагородіе», ушелъ и глазъ не показалъ; вѣроятно и офицеръ не могъ надѣяться на свою команду.

Изба, въ которой насъ арестовали, все болѣе и болѣе наполнялась пьяными ямщиками и нѣкоторыми австрійскими поселянами, которые кричали, шумѣли, насмѣхались надъ нами и разсказывали, какъ они тиранили своихъ начальниковъ и «тебѣ, баринъ, этого неминовать!» Каково у насъ было на душѣ, описать не берусь. Особенно отличался одинъ ямщикъ, краснорожій великанъ; онъ болѣе всѣхъ кричалъ, шумѣлъ и надъ нами подтруниваль.

«Что ты такъ кричишь и шумишь! развѣ ты меня не знаешь, и въ чемъ я виноватъ предъ тобою? вмѣсто того, чтобы уговорить своихъ, исполнить приказаніе губернатора, ты ихъ еще подстрекаешь!»

—«Какъ васъ не знать, ежели бы не вы, то дѣло мое стало бы въ копѣйку».

Тогда только вспомнилъ я, что болѣе года тому назадъ онился у него въ квартирѣ нашъ фурштатъ, и полковникъ Чевакинскій просилъ меня, чтобы какъ-нибудь дѣло округлить и съѣздить самому на слѣдствіе; такъ какъ слѣдователь и гражданскій врачъ были мнѣ знакомые, то дѣло кончилось, благодаря апоплексическому удару, ничѣмъ.

Полночь. Пьяная толпа исподоволь разошлась, оставивъ только двухъ караульныхъ, мною подпосенныхъ и не бывшихъ уже въ состояніи стоять на ногахъ. Сотскій оставилъ насъ на попеченіе двухъ, уже не страшныхъ, стражей, что-то задумался и удалился, а спустя полчаса, вовсе нежданно, явился съ тѣмъ же самымъ атлетомъ ямщикомъ, который болѣе всѣхъ шумѣлъ и кричалъ на сходкѣ.

«Вотъ, Иванъ Ивановичъ, ямщикъ, который берется доставить васъ въ городъ». Я взглянулъ, и увидѣвъ стараго своего непріятеля, оробѣлъ; но узнавъ, что онъ добровольно вызвался доставить меня къ губернатору, успокоился.

— «У меня тройка отличная, а потому менѣе 25-ти рублей взять не могу».

— Согласенъ, былъ мой отвѣтъ, но скажи, любезнѣйшій, за что же ты такъ шумѣлъ и кричалъ на сходкѣ?

— «Такъ нужно было, ежели бы я не подстрекалъ своихъ, то они могли бы думать, что я за васъ стою».

Между тѣмъ возвратился Григорьевъ, принесъ для меня армякъ и ямщицкую шапку; отвязали колокольчикъ и телѣга подъѣхала тихо къ воротамъ. Мы намѣревались уже сѣсть, какъ вдругъ прибѣжала старуха, мать сотскаго, упала предо мною на колѣна и Христомъ-Богомъ умоляла не ѣхать, ибо у «австрійскихъ поселянъ поставлено нѣсколько карауловъ (т.-е. пикеты), они какъ разъ поймаютъ и навѣрно убьютъ, а у меня только одинъ кормилецъ Ѳедоръ и вся надежда на него. Останься, баринъ добрый, не поѣзжай, я за тебя Богу помолюсь и поселяне тебя не обидятъ!».

— «Нѣтъ, матушка родная, этого нельзя, губернаторъ мнѣ приказалъ и я долженъ исполнить».

Помолившись Богу, оставили рыдающую старуху на улицѣ. Предъ самымъ отъѣздомъ, поблагодаривъ нашу добрую хозяйку-солдатку за ея услуги и участіе, я вручилъ ей образъ Спасителя,

съ просьбою передать священнику для помѣщенія въ церковь. Образъ сей и до настоящаго времени въ Подберезьи, въ церкви. Ѳедоръ Григорьевъ, взявъ меня подъ руку, посадилъ рядомъ съ собою, а изнуреннаго послѣ тифа аптекаря втиснули въ телѣгу.

Проскакавъ нѣсколько верстъ, наткнулись мы на пикетъ, потомъ еще на другой, но къ счастію стража, снабженная, кажется, даже ружьями, была столь пьяна, что не могла стоять на ногахъ, и мы, несмотря на ихъ крики: «стой, стой», проскакали благополучно чрезъ всю роту австрійскаго полка. Не доѣзжая 7-ми верстъ до Новгорода, остановилъ насъ скачущій уланъ, кажется, ямбургскаго полка, посланный завѣдующимъ командою офицеромъ Воробьевымъ, къ намъ на встрѣчу.

— «Кто ѣдетъ?»

— «Купцы, отвѣчалъ Григорьевъ, полагая тѣмъ и отдѣлаться, но сметливый воинъ этимъ не удовольствовался и подозрѣвая въ насъ не купцовъ, обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ.

— «Тебѣ что за дѣло, кто мы?» Удостовѣрившись изъ моего рѣзкаго отвѣта, что мы не купцы, онъ прибавилъ:

— «Мнѣ приказано встрѣтить лекаря короля прусскаго полка и препроводить его до губернаторскаго дома».

— Ежели такъ, то я тотъ самый и есть.

— «Такъ поѣдемте, ваше высокоблагородіе; теперь опасаться уже нечего, и, проводивъ до крыльца, повернулъ такъ быстро лошадь, что я не успѣлъ его даже поблагодарить. — Дежурный чиновникъ доложилъ обо мнѣ его превосходительству Августу Ульяновичу Денферу, и я былъ тотчасъ приглашенъ въ его кабинетъ, гдѣ онъ спалъ. Увидѣвъ приближающагося къ себѣ незнакомаго человѣка въ солдатской шинели, генералъ соскочилъ и схватилъ что-то со стола, вѣроятно кинжалъ или пистолетъ, (въ самомъ городѣ боялись возмущенія черни), и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

«Что тебѣ надобно и кто тебя сюда пустилъ?»

— Не тревожьтесь, ваше превосходительство, это я, Европеусъ.

«Отчего же вы въ солдатской шинели?»

— Это объясню я вамъ завтра, а теперь, прикажите меня проводить въ корпусный штабъ, къ знакомому мнѣ адъютанту, майору Хаминскому, ибо товарищъ мой, аптекарь, такъ слабъ, что насилу стоитъ на ногахъ.

Губернаторъ призвалъ къ себѣ дежурнаго квартальнаго надзирателя и приказалъ насъ проводить съ жандармомъ до корпуснаго штаба, почти въ сосѣдствѣ съ губернаторскимъ домомъ.

25-го іюля 1831 г. медицинскій департаментъ строго предписалъ мнѣ возвратиться къ своей должности, но я выхлопоталъ, чтобы меня оставили въ Новгородѣ, тѣмъ болѣе, что для изувѣченныхъ офицеровъ, помѣщенныхъ во флигелѣ корпуснаго штаба, нужна была медицинская помощь [1]); а 7-го сентября, препоручено было мнѣ и пользованіе арестованныхъ поселянъ, помѣщенныхъ въ строеніяхъ бывшей парусной фабрики, снабженныхъ уже рѣшетками и раздѣленныхъ на нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ камеръ. Звѣрскій видъ поселянъ, ихъ злоба, можетъ быть и желаніе кровавой мести такъ перепугали меня, что я безъ конвоя не рѣшился обойти ихъ камеры.

Я былъ свидѣтелемъ ихъ молитвъ, слезъ, раскаянія и отчаянія; былъ свидѣтелемъ и ихъ заслуженнаго хотя и жесточайшаго наказанія.....

Желая, по возможности, быть полезнымъ Ѳедору Григорьеву и отблагодарить за его самоотверженіе и спасеніе насъ отъ дикой толпы, я просилъ словесно, а послѣ и рапортомъ, губернатора Денфера, о награжденіи этого крестьянина; губернаторъ, призвавъ меня къ себѣ, объявилъ, что охотно желалъ бы удовлетворить мою справедливую просьбу, но не можетъ, такъ какъ онъ уже донесъ министру, что Подберезскіе ямщики не бунтовались. Отзывъ губернатора не успокоилъ, однако, мою совѣсть, и я рѣшился обратиться къ начальнику штаба военныхъ поселеній съ докладною запискою, объ исходатайствованіи Григорьеву заслуженной награды. Вся эта переписка кончилась тѣмъ, что губернатору было рекомендовано, объявить Григорьеву признательность губернскаго начальства и только! моя же благодарность неизгладима до гробовой доски. Пока я жилъ въ Новгородѣ, онъ меня не забывалъ, но года полтора тому назадъ, какъ говорятъ, онъ умеръ.

Иванъ Европеусъ.

---

[1]) А именно для капитана австрійскаго полка Соколова, этого же полка священника Лавра, котораго поселяне переломили руку, хромого аудитора прусскаго полка Рубанова и для нѣкоторыхъ другихъ. **И. Ш.**

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Бутурлины и Юшковы.

Замѣтки изъ бумагъ семейнаго архива Н. Ѳ. Самарина.

Въ семейномъ архивѣ моемъ, въ деревнѣ, есть, между прочимъ, связка черновыхъ бумагъ, озаглавленныхъ прадѣдомъ моимъ Николаемъ Михайловичемъ Самаринымъ: „О пустоши Сурьѣ", на Выборгской сторонѣ, что поступилась отцу моему, сенатору Михаилу Михайловичу Самарину, сестра его, а моя тетка, вдова окольничаго Петра Васильевича Бутурлина, Аксинья Михайловна 1716—1717 гг.".

Изъ этого дѣла, между прочимъ, видно, что Аксинья Михайловна Бутурлина, рожденная Самарина, овдовѣла въ 1716 г., имѣвъ отъ Петра Васильевича Бутурлина двухъ дочерей, изъ коихъ одна Ѳедосья была за Семеномъ Ивановичемъ Хрущевымъ, а другая (имени не припомню)—за Степаномъ Тимоѳеевичемъ Клокачевымъ, замѣнившимъ Якова Корсакова въ должности с.-петербургскаго вице-губернатора. Аксинья Михайловна грамотѣ не знала, и подъ всѣми ея челобитными (какъ значутся въ современныхъ копіяхъ) „вмѣсто матки своей Аксиньи Михайловны Петровой, жены Бутурлина" подписывался „Сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ".

Мнѣ сдается, что объ этой именно Аксиньѣ Михайловнѣ и упоминалъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ въ своей извинительной подпискѣ 1708 г., называя ее въ шутку (при живомъ мужѣ, къ тому же, родственникѣ) женою своею. („Рус. Стар." 1872 г., т. V, стр. 854). Очень можетъ статься, что Аксинья Михайловна въ первомъ бракѣ была за стольникомъ Иваномъ Ивановичемъ Чаадаевымъ (сыномъ окольничаго того же имени), скоропостижно умершимъ на пути въ Москву, въ сентябрѣ 1680 г. (см. Пам. Дипл. Сношѳ., т. V, стр. 870); но точныхъ указаній на то, пока не имѣю.

Время кончины князь-папы Бутурлина ошибочно отнесено (Р. С. 1872, т. V, стр. 88) къ первой половинѣ 1723 г., вмѣсто второй. Бутурлинъ, Петръ Ивановичъ, умеръ 22-го августа 1723 г., какъ свидѣтельствуетъ Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ (часть III, стр. 159). Но, кромѣ того, ссылаюсь на современное письмо кн. Михаила Михайловича Голицына, писавшаго изъ Ахтырки 9-го сентября 1723 г., въ Парижъ къ тестю своему, кн. Борису Ивановичу Куракину, между прочимъ, слѣдующее: „При томъ же вашему сіятельству о себѣ доношу, егда прошедшаго году былъ я оставленъ въ Петербургѣ и положенное дѣло было мнѣ не малаго труда, а нынѣ надѣялся, по прибытіи въ Украйну покою и, кромѣ покою, не могу угрѣть себѣ мѣста; ѣзжу для осмотрѣнія полковъ и форпостовъ по всей границѣ. А военные конъ-юкторы, за помощію Вышняго, по отпускъ сего, обстоятъ суть благополучные и отъ непріятеля дѣйствія никакого не показалось".

„О смерти Волошскаго господаря и князь Григорія Долгорукова и князь Папиноя, такожъ и о ссорѣ Александра Головкина надѣюсь, ваше сіятельство, не безъизвѣстны; а о князѣ Васильѣ Долгорукомъ пишутъ, яко повелѣно сидѣть въ сенатѣ; въ протчемъ пребываю вашего сіятельства всегдашній слуга князь Михайла Голицынъ".

Сентября 9-го дня 1723 г.
Ахтырка.

„Прошу, государь-батюшка, отписать о сынѣ нашемъ, какія продолжаетъ науки, а мы намѣрены его взять сей зимы къ себѣ и къ чему онъ склоненъ, гражданству или солдатству? Татьяна Голицына, благословеніе прося, челомъ бьетъ [1]).

Кстати уже сообщу то, что въ семейныхъ бумагахъ моихъ сохранилось о ближнемъ стольникѣ Василіѣ Алексѣевичѣ Юшковѣ [2]), коего вторая дочь Прасковья Васильевна была за младшимъ сыномъ помянутаго М. М. Самарина, Иваномъ Михайловичемъ Самаринымъ. Любопытно, во-первыхъ, что В. А. Юшковъ собственныхъ своихъ, отъ законнаго брака съ нѣкоею Татьяною Михайловною, дочерей (сыновей у него не было) окрестилъ первыхъ двухъ тѣми именами,

[1]) Извлечено мною изъ подлинной переписки князей Голицыныхъ, знаменитыхъ братьевъ Дмитрія и Михаила Михайловичей, съ князьями Борисомъ Ивановичемъ и сыномъ его кн. Александромъ Куракиными, переписки, находящейся нынѣ у прямого потомка ихъ кн. Дмитрія Михайловича Голицына въ Москвѣ. Н. С.

[2]) Этотъ Юшковъ вызванъ изъ забвенія М. И. Семевскимъ въ его монографіи «Царица Прасковья» Спб. 1861 г. Н. С.

которыя носили дочери царицы Прасковьи Ѳедоровны, при которой онъ состоялъ комнатнымъ стольникомъ, а именно: старшую дочь назвалъ Екатериною (она была за кн. М. И. Мещерскимъ), вторую—Прасковьею (род. 27-го ноября 1722 † 4 февр. 1789 г. за Ив. М. Самаринымъ); третью, родившуюся послѣ кончины царицы Прасковьи—Ириною. (впоследствіи за Ив. Антоновича Алексѣева [1]). Послѣ ссылки въ Нижній, В. А. Юшковъ какъ бы канулъ въ воду: на смотръ 1724 г. не являлся въ Герольдмейстерской конторѣ. Въ 1735 г. по списку лицъ, „недостроивающихъ въ С.-Петербургѣ своихъ домовъ значится стольникъ В. А. Юшковъ и противъ него отмѣтка: оный Юшковъ умре". Жена его, Татьяна Михайловна (не знаю изъ какого рода) многими годами пережила его, по крайней мѣрѣ, въ 1742 г., она поступилась нѣкоторыми изъ своихъ имѣній зятю Ивану Михайловичу Самарину.

Какъ проходилъ царскую службу свою В. А. Юшковъ, видимъ изъ сказки его 1722 г., мая 3-го дня въ канцеляріи Герольдмейстерскихъ дѣлъ; комнатный стольникъ В. А. Юшковъ, сказалъ: „отъ роду ему, Василью, 45-ть лѣтъ (слѣдовательно родился въ 1677 г.), пожалованъ онъ въ комнату блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича, великой малой и большой Россіи самодержца, во 197 году, (слѣдовательно тогда Юшкову было всего 12-ть или много 13-ть отъ роду), а въ 206 г. записанъ онъ, Василій, лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ, въ сержанты, и былъ въ походѣ и на службѣ въ 208 г. въ Азовѣ и подъ Керчью, а въ 700 г. подъ Нарвою въ первой походъ, а въ 1701 году, по имянному его императорскаго величества указу, опредѣленъ къ комнатѣ ея величества великой государыни благовѣрной царицы и великой княгини Прасковьи Ѳедоровны и къ дѣтямъ ея величества, государынямъ царевнамъ и служитъ при ея величествѣ и по се число; дѣтей у него, Василья, нѣтъ (о дочеряхъ не упоминали въ подобныхъ сказкахъ); а крестьянъ, по переписнымъ книгамъ 186 г., въ разныхъ городахъ, 132 двора, да въ С.-Петербургѣ, въ Капорскомъ уѣздѣ, 10 дворовъ".

Отецъ его, Алексѣй Александровъ, сынъ Юшковъ † въ 1722 г. (до 22-го сентября), въ чинѣ окольничаго, съ 4-го ноября 1711 г. о службѣ своей показалъ въ 703 г. „служитъ со 179 года, тому 32 года, и былъ на 3-хъ службахъ, да въ походахъ ѣздилъ 4 года, да вмѣсто 3-хъ службъ платилъ деньги. А по осмотру въ разрядѣ у него, Алексѣя, наружныя болѣзни нѣтъ, а сказалъ боленъ-де онъ головною и животною болѣзньми, да въ ногахъ ломъ и отъ головной болѣзни видитъ и слышитъ мало, и за тѣми-де болѣзньми полковыя службы служить ему

[1]) Онъ былъ при Петрѣ I поручикомъ и консуломъ въ Бордо. Л.

немочно; отъ роду-де ему 56-ть лѣтъ (слѣдовательно род. въ 1647 г.), дѣтей у него сынъ Василій въ стольникахъ комнатныхъ, крестьянъ за нимъ на Кинешмѣ, въ Можайску, въ Вязьмѣ, въ Казельску, въ Медынску 28 дворовъ, съ полдворомъ, да за сыномъ особыхъ въ Галичѣ, въ Вереѣ, въ Казельску, во Володимірѣ, въ Нижнемъ, въ Торжку 128 дв.".

Отецъ имѣлъ всего 42 года отъ роду и былъ просто стольникомъ, когда 13-ти лѣтній сынъ его, Василій, пожалованъ былъ въ комнату царя Іоанна Алексѣевича. Чему же приписать эту милость, которой въ то время удостоивались только дѣти знатныхъ или по чину, или по происхожденію родителей? Юшковы же, хотя и древняго рода, не высоко стояли до того на служебномъ поприщѣ.

Въ 1700 г., декабря 3-го дня, стольникъ Алексѣй Александровъ, сынъ Юшковъ, поступился бо́льшею частію своихъ помѣстій и вотчинъ въ Ливенскомъ, Козельскомъ, Галичскомъ, Володимірскомъ, Нижегородскомъ и Верейскомъ уѣздахъ, сыну своему, Василію Алексѣевичу Юшкову, „а ему, Василью, его, Алексѣя, поить и кормить, обувать и одѣвать, и почитать, а будетъ онъ, Алексѣй, тѣ свои помѣстья похочетъ поворотить и ему, Алексѣю, поворотить вольно, и чтобъ повелѣно было тѣ его помѣстья за нимъ, сыномъ его, справить".

Но вотъ послѣ долгаго вдовства, вступаетъ старикъ во второй бракъ съ молодою вдовою, Аграфеною Вельяминовою, и осчастливленъ рожденіемъ сына Ивана.

А февраля 28-го дня 1711 г. стольникъ Алексѣй Александровъ, сынъ Юшковъ, билъ челомъ: „по его-де челобитью справлены помѣстья его и вотчины въ разныхъ городехъ за сыномъ его, за Васильемъ Юшковымъ, чтобъ повелѣно было по прежнему тѣ его помѣстья и вотчины справить за нимъ, Алексѣемъ, и дать отказную грамоту".

Отъ этой бѣды спасла Василія Алексѣевича Юшкова царица Прасковья. По всесильному ходатайству ея, старика-отца задобрили чиномъ окольничаго, коимъ онъ былъ пожалованъ именнымъ указомъ сенату 4-го ноября 1711 года. И дѣйствительно отецъ замолчалъ о возвратѣ ему отъ сына помѣстій и вотчинъ. „По оному его челобитью, — какъ объясняла вдова Алексѣя Юшкова, — Аграфена, въ челобитной своей отъ 20-го апрѣля 1725 года на пасынка, Василія Алексѣевича Юшкова,—за службами и за многими отлучками и за болѣзнями своими—того недвижимаго справить за собою ему, мужу ея, было нѣкогда".

Это было начало долго тянувшейся въ семействѣ Юшковыхъ тяжбы о наслѣдствѣ послѣ окольничаго Алексѣя Александровича. Изъ черновыхъ челобитень и раздѣльнаго акта, видно что Прасковьѣ Васильевнѣ Самариной достались, между прочимъ, въ Кромскомъ уѣздѣ,

сельцо Курбакино и дер. Солдаты, которыми ударилъ челомъ В. Ѳ. Салтыковъ сестрѣ своей царицѣ Прасковьѣ, а отъ нея вѣроятно перешли Василію Алексѣевичу Юшкову, послѣ котораго осталось много драгоцѣнныхъ камней и денегъ.

За кѣмъ изъ Юшковыхъ была знаменитая камеръ-фрау императрицы Анны Іоановны—Анна Ѳедоровна Юшкова—мнѣ неизвѣстно; но не изъ потомства Алексѣя Александровича, потому что у Василія Алексѣевича сыновей не было, а Иванъ Алексѣевичъ отъ брака съ Татьяною Михайловною (по второмъ мужѣ генералъ-аншефѣ и кавалерѣ Яковѣ Лукичѣ Фроловѣ-Багрѣевѣ) дѣтей не имѣлъ.

Сообщ. Н. Ѳ. Самаринъ.

Царица Прасковья.

р. 1679 † 1723.

Прасковья Ѳедоровна Салтыкова, — супруга царя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго,—была одною изъ типическихъ представительницъ русскаго общества петровской эпохи. Въ обширной монографіи пишущаго эти строки: «Царица Прасковья» (Спб. 1861 г.),—личность эта обрисована возможно полно и всесторонне по подлиннымъ, неизданнымъ до того времени документамъ. Нынѣ открытые и весьма обязательно сообщенные П. И. Барановымъ, новые о ней матеріалы суть письма царицы къ ея брату, кравчему Василію Ѳедоровичу Салтыкову въ Москву и ея дочерей къ нему же. Письма эти знакомятъ съ домашнимъ обиходомъ царицы Прасковьи интересны потому, что рисуютъ ея отношенія къ Петру I, къ роднымъ и къ ея дѣтямъ, изъ которыхъ «Аннушкѣ» суждено было явиться на престолѣ россійскомъ (1730—1740 гг.). Ред.

1.

Братецъ, свѣтъ мой, здравствуй! Пожалуй, отпиши по скорѣе ко мнѣ, что сдѣлалось? какъ взятъ Яшка и по Михаила Уварова присылали; не знаю, что думать, какое дѣло и неиму я вѣры; больше думаю, что есть подкупъ отъ жены, или отъ Бориски, а буде какое ихъ погрѣшеніе твоихъ людей и думай, какъ бы лучше, да пришли ко мнѣ вѣдомость или и Михайла самаго, а я надсѣлася; при семъ здравствуй. Ц. П.

Сестрица, свѣтъ мой, здравствуй! Здорова ли ты доѣхала? а я все таково-жъ, да больше съ печали еще прибыла братня печаль. Ц. П.

2.

Братецъ, свѣтъ мой, пожалу побережися, чтобы тебя неизвели или бы не убили; а у насъ есть такой голосъ, что четвертаго жеребей, хотя въ юстицъ-коллегію хотятъ дать и ты думай, какъ быть

больше, будто она тебѣ надобна просить ей; а затѣмъ ходилъ, какъ бы отбыть, она била челомъ и руку приложила „Васильева, жена Ѳедоровича Салтыкова"; а челобитня писана по прежнему, только прибавки: „хуже-де я вдовы и дѣвки"; да еще пишетъ: „взялъ-де мою бабу и живетъ блудно и бьетъ челомъ, блуднаго дѣла съ тобою разойтится"; ко государю пишетъ просительное письмо, чтобы онъ миловалъ. Надобно тебѣ быть сюда по скорѣе; я не знаю, что дѣлать на ихъ челобитню: твоя надобна ли, или нѣтъ? и безъ твоей челобитной будто нельзя быть, а безъ твоей руки не примутъ; всеконечно, надобно тебѣ быть по скорѣе, по послѣдней мѣрѣ, что къ ц. Екатеринѣ ангелу; а лучше бы по скорѣе, я не знаю, что дѣлать и лишь надсѣлася. Афанасій „надежна" говоритъ; да я не надѣюся, есть сильнѣе его; много умиляются за нее и стоятъ за нее; больше самъ знаешь, кто ея друзья; да пишешь про деньги, что есть деньги мои у васъ, а не присылаете, а я здѣсь надсѣлася, что у меня нѣтъ ни копѣйки; а Петру Коке не давайте въ переводъ и тутъ не кѣмъ перевесть и вы пишите ко мнѣ писавку. Ц. П.

Далъ человѣкъ письмо и я тутъ положила, а не мое, велѣли мнѣ къ тебѣ писать.

3.

Братецъ, свѣтъ мой, другъ сердечный, здравствуй! Велѣла я тебѣ все сказать Воейкову, какъ я была у государя и что била, какія слова и благодари Бога, только надобно тебѣ быть; еще, свѣтъ мой, здравствуй. Ц. П.

С. Т. Братецъ, свѣтъ мой, вели Еропкину отдать денегъ двѣсти пятьдесятъ рублевъ Николаю Ивановичу Бутурлину.

4.

Братецъ, свѣтъ мой, здравствуй! А я и дочь моя — у насъ дѣло твое состоялося: бить тебѣ челобитную принимать, отпиши по скорѣе, я стану просить, чтобы тебѣ не бить, а мнѣ всѣ говорятъ, „лучше бить" и нельзя-де не бить и мнѣ не велятъ просить, спрашивалъ государь: для чего ты поѣхалъ безъ просу? Макаровъ сказалъ, что я отпустила и послала для памяти не на долго, скоро-де будетъ и всѣ говорятъ, что надобно быть. При семъ здравствуй! Ц. П.

Изъ С.-Петербурга 1721 г., февраля 4-го дня.

5.

Братецъ, свѣтъ мой, Василій Ѳедоровичъ, здравствуй, другъ мой сердечный на множество лѣтъ!

Не покручинься, что я не писала, а я въ добромъ здоровьи и царевна; какъ пріѣдешь къ Москвѣ, пиши ко мнѣ; а которыя деньги выдадутъ мои изъ приказовъ, изволь взять на память изъ нихъ пятьсотъ рублевъ; а другія всѣ прислать ко мнѣ; есть мнѣ въ нихъ великая нужда; изволь приказать Еропкину, чтобы ходилъ о выдачѣ оныхъ денегъ и присылайте ихъ ко мнѣ чрезъ векселъ, или отъ меня, по векселямъ, отдавайте; да подумай съ Матреною Никифоровною о племянникѣ Николаѣ Петровичѣ: къ себѣ ли мнѣ его взять, или къ мѣсту устроить? только бъ ему у меня незакоснѣть, а больше, чтобъ Матрена Никифоровна пріѣхала зимою ко мнѣ, хошь на мой коштъ, и въ ту пору подумаемъ; да управь хорошенько по государѣ память. Пишетъ ко мнѣ дочь письма въ великихъ печалѣхъ, пришлю списки къ тебѣ, для того мнѣ и деньги нужны — послать къ ней пять тысячь рублевъ; да попроси у кого у друзей, или купи журавлей два или три гнѣзда; да какъ ты и поѣхалъ, все кажется, ты не здоровъ, да пиши почаще, да и своего пришлю скоро писавку. Ц. П.

Да пишешь ты ко мнѣ, что печалишься, что я не писала; вѣдаешь мою лѣнь, чтобы было худо, то скорѣе бы писала, а мы слава Богу, въ добромъ здоровьи по сіе время знала тебя, свѣтъ мой, въ правду я надобна, что невѣдома, что про себя пиши и ко мнѣ, и къ Василію про свое здоровье, я на женку не могу ничего про то и писать, надобно тебя за ухо драть, что дурно пишешь про себя всѣхъ насъ не мношъ; да посланъ къ вамъ стременной Трегубовъ, ради пріему лошадей, которыя станутъ съ конюшни давать и тѣхъ, принявъ, съ нимъ же пришли; гораздо добръ дѣтина; да посылай Еропкина по приказамъ для денегъ почаще.

Еще здравствуй, другъ мой, братецъ, да посылаю тебѣ [1]) глазъ свой. Поцѣлуй его, сестришка твоя Парашка, дурашка.

Михайла Уваровъ! Пожалуй, береги братне здоровье. Михайла, поднеси про мое здоровье чарку водки брату и самъ выпей. Иванъ Леонтьевичъ! пожалуй непокинь брата, да здравствуй съ женою, которую нашли на дорогѣ.

6.

Братецъ, свѣтъ мой, Василій Ѳедоровичъ, здравствуй на множество лѣтъ! Пиши ко мнѣ: все ли ты въ добромъ здоровьи? а я съ дѣтьми жива; да послала я къ вамъ князя Михаила по деньги сего генваря, и по деньги и по се время очъ ко мнѣ не бывалъ; ни слуху,

[1]) Въ подлинномъ письмѣ царицею Прасковьею собственноручно перомъ нарисованъ глазъ. П. В.

ни вѣсти про него нѣтъ; а мнѣ самая нужда въ деньгахъ. Ни про себя ничего не пишешь, будешь ли, или нѣтъ? да писалъ ты, чтобы продать деревню Паранушкину, Брылкину и мнѣ ее не продавать; если бы продавать и я бы въ тѣ поры продала чужому безъ поворотно, для того и тебѣ продала; неравно мой вѣкъ продлится и какъ мнѣ придутъ нужды и я тебѣ деньги отдамъ, а деревню возьму; да пора тебѣ сюда ѣхать и дворъ строить, спрашиваю (тъ); намъ государь очень приказываетъ про строенія, какъ курьеры пріѣзжаютъ и чрезъ почту; и про Ершова ничего не пишешь, выдалъ ли деньги, или нѣтъ? а мнѣ самая нужда въ деньгахъ. И на тебѣ здѣсь въ приказы спрашиваютъ денегъ, и ко мнѣ приходитъ Иванъ, да проситъ, и я и сама сижу безъ денегъ; посадилъ меня князь Михайла безо всего, и ни жалованья людямъ, да еще надобно и къ Аннушкѣ послать есть нужда; да пуще всего взяты у жида товары и срокъ поставленъ въ маѣ, чтобъ моему лицу не было стыда, а взято на четыре тысячи, да и на тебя жидъ подалъ доношеніе государю и съ того доношенія послала я списокъ; а ко мнѣ писалъ князь В. Володимировичъ [1]), и то доношеніе немного поудержалъ онъ, князь В. Володимировичъ; пожалуй, пришли тѣ деньги мои, и дочь моя въ Россію ѣдетъ, и такъ мои печали неубавляются, а прибавляются сюда, и сами же мы и со всѣхъ сторонъ складываются.... съ княженья. При семъ здравствуй, свѣтъ мой, и жена. Ц. Прасковья.

Да посылаю наскоро своего человѣка и о всемъ буду писать и больше, а денегъ надобно мнѣ, на худой конецъ, тысячь десять и къ Аннушкѣ [2]) послать шесть тысячь, ей та есть нужда; въ сборѣ только двѣ тысячи, чѣмъ ей жить? Да сказывалъ князь Петръ Голицынъ, что выдалъ тебѣ четырнадцать тысячь и тебѣ можно съ долгами расплатиться, буде правда, и сюда ѣхать.

Царевны Екатерина и Прасковья,

дочери царицы Прасковьи.

1.

Василій Ѳедоровичъ! Никогда-бъ мы (не) желали вамъ о такой несной (несносной), приключившейся намъ, общей печали, объявить; однако невозможно миновать, чтобъ къ вамъ неписать, что дражайшая наша государыня-матушка, по долговременныхъ тяжкихъ болѣзняхъ своихъ, отъ сего временнаго житья въ вѣчное блаженство

[1]) Князь Василій Володимировичъ Долгорукій.

[2]) Анна Ивановна герцогиня курляндская.

отъѣзде сего октября 13-го дня, въ воскресенье, поутру; и хотя за сутки тихо говорила, однако въ памяти была до самой кончины; тѣло же ея достодолжному и честному погребенію предано 22-го числа сего мѣсяца въ Невскомъ монастырѣ. Ц. Екатерина. Ц. Прасковья.

С.-Петербургъ, октября въ 28-й день 1723 г.

2.

Василій Ѳедоровичъ! Увѣдомились мы, что вы отъ болѣзни своей нетокмо выздоровѣли, но и еще болѣзнь вамъ прибавилась; а къ тому-жъ зѣло печалитесь о кончинѣ государыни, нашей матушки. Правда, что сія печаль зѣло чувственна намъ всѣмъ, однако-жъ тому уже помочь невозможно, только что здоровье свое можете наипаче повредить. Къ тому-жъ, какъ мы слышимъ, что вы намѣрены ѣхать сюда къ намъ, и то свое намѣреніе, конечно, извольте отложить и сюда неѣздите, ибо мы надѣемся, что сами въ Москвѣ будемъ. Пожалуй, для Бога, не печальтеся, хотя для насъ. Царевна Прасковья [1]).

Изъ С.-Петербурга въ 19-й день ноября 1723 г.

3.

Василій Ѳедоровичъ! Увѣдомились мы, что вы отъ болѣзни своей не токмо выздоровѣли, но и еще болѣзнь вамъ прибавилась; а къ тому-жъ зѣло печалитесь о кончинѣ государыни, нашей матушки. Правда, что сія печаль зѣло чувственна намъ всѣмъ, однако-жъ тому уже помочь невозможно, только что здоровье свое можете наипаче повредить. Къ тому-жъ, какъ мы слышимъ, что вы намѣрены ѣхать сюда къ намъ, и то свое намѣреніе, конечно, извольте отложить и сюда неѣздите, ибо мы надѣемся, что сами въ Москву будемъ. Пожалуй, дорогой мой, непечалься. Ц. Екатерина.

Изъ С.-Петербурга, въ 19-й день ноября 1723 г.

Сообщ. П. И. Барановъ.

Указъ Петра III святѣйшему Синоду о соблюденіи правосудія.

26-го марта 1762 г.

Указъ нашему Синоду. Уже съ давняго времени, къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобит-

[1]) Напечатанное разрядкой есть собственноручныя приписки царевень. П. В.

чики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ, обыкновенно, безъ всякаго рѣшенія, къ тѣмъ-же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ, или не исполняется существительная онаго должность, или же, и того хуже, дѣлается одна токмо потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ. Приложенныя при семъ челобитныя черниговской епархіи священника Бордяковскаго и діакона Шаршановскаго суть новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ [1]); ибо, несмотря на данные синоду еще съ 1754 года именные указы, о рѣшеніи ихъ дѣла, неисполнено потому и донынѣ, а только отсылаются они на разсмотрѣніе въ туже епархію. Мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду, чрезъ сіе, стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія—соблазны истребить, и не токмо по симъ двумъ челобитнымъ немедленное рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда, по подобнымъ, здѣсь же рѣшать. Нашимъ императорскимъ словомъ, чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины накажется, какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ синодѣ и къ настольнымъ указамъ присовокупить.

Петръ.

Въ Санктпетербургѣ.

Сообщ. Ж. Ж.

Примѣчаніе. Этотъ замѣчательный указъ не вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ и вообще, сто десять лѣтъ тому назадъ, все было сдѣлано нашими іерархами, чтобъ уничтожить самый слѣдъ этого постановленія. Смерть Петра III и осужденіе всего, что дѣлось въ его правленіе не мало помогли тому, чтобы указъ, предназначенный быть настольнымъ, схоронепъ былъ подъ спудъ. Во всякомъ случаѣ, настоящій документъ вновь подтверждаетъ справедливость мысли, проведенной чрезъ нашъ трудъ: «Очеркъ царствованія Петра III» («Отеч. Записки» 1867 г.), что несмотря на всѣ недостатки нравственной личности этого государя, въ немъ много было стремленій къ добру; столь замѣчательные государственные люди, какими были Дм. Вас. Волковъ, Ал. Ив. Глѣбовъ, Ник. Ив. Панинъ, Алексѣй Петр. Мельгуновъ и нѣкоторые другіе изъ приближенныхъ Петра III, съумѣли воспользоваться этимъ и положить начало многимъ благимъ реформамъ, частью осуществленнымъ въ послѣдующее царствованіе. Ред.

[1]) Приложеній этихъ у насъ неимѣется. Ред.

Ф. И. де-Ливронъ.

Францъ Ивановичъ, баронъ Сильвестръ де-Ливронъ, сынъ уроженца французской Швейцаріи, бывшаго прусскимъ генеральнымъ консуломъ въ Испаніи, родился въ Кадиксѣ въ 1765 году.

По достиженіи совершеннолѣтія, онъ, какъ протестантъ, былъ, по распоряженію патеровъ инквизиціи, высланъ изъ Испаніи и поступилъ въ австрійскій флотъ, гдѣ, въ званіи мичмана, сдѣлалъ кампанію въ Ость-Индію, а въ 1788 году былъ, по приглашенію адмирала графа Чернышева, принятъ въ русскую службу съ чиномъ лейтенанта во флотѣ.

Во время войны Россіи со Швеціею въ 1789 и 1790 годахъ, участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ со шведами между Готландомъ и Эландомъ, потомъ при отраженіи нападенія шведскаго флота на ревельскомъ рейдѣ и наконецъ въ выборгской губѣ и финляндскихъ шхерахъ. Въ 1805 году онъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, поступилъ командиромъ 1-й кадетской роты въ морской корпусъ, а впослѣдствіи (съ 1818 по 1826 гг.), исправлялъ должность инспектора классовъ по иностранной словесности. Въ 1827 году былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады ластовыхъ экипажей балтійскаго флота и произведенъ въ генералъ-майоры. Въ 1841 году баронъ Сильвестръ де-Ливронъ скончался на 77 году жизни, оставивъ по себѣ вполнѣ добрую память между еще оставшимися въ живыхъ моряками, бывшими въ его время воспитанниками морского корпуса.

Нижепомѣщаемый документъ, относящійся къ одному изъ славнѣйшихъ эпизодовъ русско-шведской кампаніи 1790 г., сообщенъ генералъ-майоромъ К. Ф. де-Ливрономъ, сыномъ храбраго моряка. **Ред.**

I. (Переводъ съ франц.). **Отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ фрегата „Венусъ“ въ кампанію 1790 года, подъ командою г. капитана и кавалера Кроуна.**

При выходѣ ревельскаго флота 19-го мая 1790 года изъ Ревеля, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, фрегатъ „Венусъ“ получилъ приказаніе быть всегда передовымъ флота, находясь въ $^3/_4$ миляхъ разстоянія отъ онаго для открытія непріятельскихъ судовъ; въ тотъ же день, въ 5 часовъ утра, мы увидѣли на вѣтрѣ въ разстояніи $^3/_4$ мили отъ насъ парусъ и дали о томъ знать сигналомъ. Въ восьмомъ часу мы получили приказаніе гнаться за непріятелемъ, для чего поставили всевозможные паруса; вѣтеръ свѣжій, отъ NO и NNO; въ полдень нашъ флотъ былъ уже въ 4-хъ миляхъ позади насъ и гоняемое нами судно (шведскій фрегатъ) приблизилось на $^1/_4$ мили; въ 3 часа флотъ скрылся изъ виду, но мы находились уже настолько близко къ непріятельскому фрегату, что могли бы обмѣняться нѣсколькими выстрѣлами, если бы, къ несчастію нашему, не показались-бы пять катеровъ, шедшихъ къ нему на помощь, а вскорѣ затѣмъ мы увидѣли весь шведскій флотъ, шедшій на насъ полнымъ вѣтромъ. Та-

кимъ образомъ мы принуждены были оставить гонку и возвратиться къ нашему флоту.

22-го мая наши оба флота соединились. „Венусъ“ находился по обыкновенію въ крейсерствѣ на вѣтрѣ у эскадры; мы вскорѣ открыли шведскій флотъ, стоявшій на якорѣ и подъ вѣтромъ у Питкопаса, еще до тридцати парусныхъ судовъ непріятельской флотиліи, пробиравшихся на присоединеніе къ главнымъ силамъ флота. Мы привели къ вѣтру и вступили въ дѣйствіе противъ тринадцати канонерскихъ лодокъ; бой продолжался три часа, и намъ удалось двумъ лодкамъ снести рангоутъ, третьей разбить корму, а прочихъ, обратившихся въ бѣгство, было невозможно преслѣдовать, такъ какъ онѣ скрылись за скалами, которыми тамъ усѣяны всѣ проходы.

5-го іюня нашъ фрегатъ былъ посланъ въ Питкопасъ вмѣстѣ съ фрегатомъ „Патрикій“ и тремя катерами; мы тамъ взяли семь транспортовъ, а восьмой былъ сожженъ самимъ непріятелемъ. Будучи посланъ потушить огонь на томъ транспортѣ, я не успѣлъ въ этомъ, несмотря на всѣ мои усилія, и ограничился тѣмъ, что просверлилъ въ немъ отверстіе, чтобъ пустить его ко дну и чтобъ спасти часть его груза; но такъ какъ его несло по волѣ вѣтра, то онъ сгорѣлъ весь до киля, бывъ снесенъ на отмель. Затѣмъ мы присоединились къ эскадрѣ съ нашими призами.

19-го іюня фрегаты „Венусъ“ и „Поддержи Славу“, бригъ „Летучій“ и катеръ „Счастливый“ были вновь посланы къ Питкопасу. Бросивъ якорь 21-го числа въ $^1/_4$ мили отъ того мѣста, мы съ „Венуса“ вскорѣ увидѣли флотилію непріятельскихъ канонерскихъ лодокъ, которыя произвели на насъ довольно выгодную для себя атаку, такъ какъ сами закрывались скалами; канонада продолжалась два часа, не причинивъ никому видимыхъ поврежденій, а по прошествіи этого времени непріятель удалился.

Такъ какъ было невозможно преслѣдовать его между скалами, то капитанъ Кроунъ (который при этомъ случаѣ выказалъ много храбрости и способности: находясь на шлюпкѣ съ лотомъ въ рукахъ во главѣ своей флотиліи, велъ оную подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ), послалъ просить у контръ-адмирала Ханыкова канонерскія лодки, которыя и были тотчасъ отправлены въ числѣ двадцати вмѣстѣ съ гребнымъ фрегатомъ „Александра“. Но еще до ихъ прибытія въ 4 часа утра шведы съ шестьюдесятью слишкомъ канонерскими лодками и нѣсколькими шкунами открыли сильный огонь по фрегату „Венусъ“, которому прочія суда эскадры не могли подать помощи по причинѣ мелководія. Это дѣло продолжалось до девяти часовъ, когда шведы, замѣтивъ приближеніе нашихъ канонерскихъ лодокъ,

удалились въ шхеры. Результатомъ этого боя было: 2 чел. убитыхъ и 15 раненыхъ на фрегатѣ „Венусъ", 2 орудія разбитыхъ на части непріятельскими ядрами, одинъ рангоутъ сильно поврежденъ, одно ядро попало въ руль и болѣе тридцати ядеръ въ самыя слабыя мѣста судна и близъ ватерлиніи. Капитанъ Кроунъ пересѣлъ затѣмъ на канонерскую лодку, куда и я имѣлъ честь его сопровождать. Погоня за непріятелемъ продолжалась, но шведы, которыхъ мы считали запертыми въ шхерахъ, вышли въ открытое море проходами, неизвѣстными намъ и необозначенными на нашихъ картахъ. Удалось однако отрѣзать двѣ небольшія яхты, оставленныя непріятелемъ. Слѣдующій день былъ употребленъ на починки и исправленіе поврежденій.

23-го числа дулъ ровный вѣтеръ отъ OSO; большой шведскій флотъ прошелъ мимо нашего, при чемъ наше положеніе было довольно критическое, такъ какъ мы находились подъ вѣтромъ у непріятеля. Капитанъ Кроунъ благоразумными маневрами и короткими галсами во все время держался за скалами, пока наконецъ не встрѣтилъ непріятельскій галерный (гребной) флотъ, который и пожелалъ отрѣзать; для этого мы вышли на вѣтеръ и въ 10-ть часовъ завязали бой. Вскорѣ шведскіе флаги стали одинъ за другимъ спускаться и я былъ посланъ на шлюпкѣ съ 8-ю матросами и пистолетомъ на первое сдавшееся судно для овладѣнія имъ; это была галера „Etkblas". По прибытіи туда, капитанъ галеры объявилъ мнѣ, что въ трюмъ прибыло до 4-хъ футовъ воды, вслѣдствіе полученной пробоины ниже ватерлиніи, и я тотчасъ принялся задѣлывать отверстіе насаленными пробками, но въ это время нашъ фрегатъ продолжалъ погоню; находясь между преслѣдователями и получая залпы съ судовъ нашего флота, я принужденъ былъ стать на якорь; вскорѣ затѣмъ и капитанъ Пелисье съ фрегатомъ „Александра" сталъ возлѣ меня на якорь. Не имѣя достаточно средствъ для подчиненія себѣ непріятеля, я былъ замѣненъ однимъ изъ офицеровъ съ вооруженною шлюпкою съ фрегата а меня послали принять командованіе надъ галернымъ (непріятельскимъ) фрегатомъ „Oster Gochland", сдавшемся фрегату „Венусъ"; тамъ я засталъ нашего шкипера съ 12-ю человѣками матросовъ нашей команды.

Мы испытали очень свѣжій вѣтеръ отъ O, изъ-за котораго я лишился каната и вообще потеряли при этомъ много нашихъ призовъ. Но на слѣдующій день вѣтеръ, перейдя къ SO, стихъ, и я получилъ приказаніе сняться съ якоря и отвести новую галеру ея величества въ Кронштадтъ, гдѣ она оказалась укомплектованною 274 человѣками плѣнныхъ. На другой день туда прибылъ и капитанъ Пелисье съ прочими призами.

Вотъ, милостивѣйшій государь, факты, которыхъ я былъ лично свидѣтелемъ и участникомъ, и считаю себя счастливымъ, что имѣлъ случай доказать свое усердіе, которое будетъ всегда и впредь оказываться мною на службѣ нашей августѣйшей монархини.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою вашего превосходительства, Францъ баронъ Сильвестръ де-Ливронъ.

Его превосходительству, милостивѣйшему государю графу Чернышеву, г-ну вице-президенту адмиралтействъ коллегіи.

II. Аттестатъ о де-Ливронѣ. Лейтенантъ де-Ливронъ, по прибытіи изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ, по повелѣнію его сіятельства графа Ивана Григорьевича Чернышева, отправился сухимъ путемъ въ Ревель и по пріѣздѣ явился ко мнѣ на фрегатъ, о чемъ вашему высокопревосходительству честь имѣю донести; и при томъ рекомендовать, что помянутый лейтенантъ де-Ливронъ возложенную на него должность исправлялъ съ великимъ усердіемъ, имѣя у себя въ конвоѣ малое число россійскихъ людей, содержалъ плѣнныхъ столь превосходное число въ послушаніи на вышеписанныхъ судахъ, наполненныхъ плѣнными людьми, (и) въ Кронштадтъ привелъ (ихъ) благополучно. Капитанъ 2-го ранга Кроунъ.

(1790).

Сообщ. К. Ф. де-Ливронъ.

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Въ «Русской Старинѣ» выражено было сожалѣніе, что до нынѣ не обнародованы біографическія свѣдѣнія о Радищевѣ, написанныя его сыномъ Николаемъ Александровичемъ Радищевымъ.

Занимаясь нынѣ, по предложенію князя П. А. Вяземскаго, разборомъ бумагъ его драгоцѣннаго архива, я нашелъ между ними собственноручную записку Николая Александровича Радищева: «О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева». Свѣдѣнія какъ объ авторѣ, такъ и о запискѣ его заключаются въ слѣдующей собственноручной приписке князя П. А. Вяземскаго: «Радищевъ, отецъ, кажется, во время службы своей въ коммиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, проектъ весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній Записка сія составлена и доставлена мнѣ сыномъ Радищева, извѣстнымъ нѣкоторыми литературными занятіями. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ, Жуковскимъ: въ этомъ кружкѣ познакомился и я съ нимъ въ 1810 году, а послѣ нашелъ его въ Саратовской губерніи, за короткое время до смерти его (скоропостижной). Онъ тогда занимался переводомъ сельско-хозяйственныхъ сочиненій. Былъ очень любимъ и уважаемъ въ губерніи; служилъ предводителемъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ. Княгиня Дашкова говоритъ о Радищевѣ-отцѣ и о книгѣ его».

Эта приписка сдѣлана княземъ Вяземскимъ въ то время, когда онъ получилъ отъ Н. А. Радищева упомянутую рукопись, что видно изъ позднѣйшей отмѣтки его, сдѣланной карандашемъ на той же рукописи.

Съ разрѣшенія князя Петра Андреевича, записка эта предлагается нынѣ читателямъ «Русской Старины».

Н. П. Барсуковъ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ, родился въ Москвѣ 1749 г. 20-го августа. Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ послужило къ тому, что онъ получилъ хорошее воспитаніе. Дѣдъ его, бѣдный калужскій дворянинъ, былъ въ потѣшныхъ Петра Великаго, былъ его деньщикомъ, служилъ въ гвардіи, и наконецъ, женившись въ сорокъ лѣтъ на богатой и весьма молодой дѣвушкѣ, въ царствованіе импе-

ратрицы Анны, сдѣлался полковникомъ и командиромъ одного изъ малороссійскихъ драгунскихъ полковъ, почему и прожилъ долго въ Глуховѣ. Онъ своему сыну, отцу Александра Николаевича, судя по тогдашнему времени, когда просвѣщеніе едва проникало въ Россію, далъ хорошее воспитаніе; молодой человѣкъ зналъ языки: латинскій, французскій, нѣмецкій и польскій; имѣлъ свѣдѣнія богословскія и историческія, и любилъ сельское хозяйство, о коемъ читалъ много. Бывъ, самъ по себѣ и по женѣ своей, довольно богатъ, онъ хотѣлъ и своему сыну доставить свѣдѣнія. Впрочемъ, начала русскаго языка преподаны были Александру Николаевичу обыкновеннымъ тогдашнимъ способомъ, то-есть посредствомъ часослова и псалтыри; но когда ему минуло шесть лѣтъ, то у него былъ уже учитель французъ, оказавшійся впослѣдствіи бѣглымъ солдатомъ.

Сіе домашнее ученіе продолжалось не долго, ибо Александръ Николаевичъ отданъ былъ въ домъ родственника матери своей, Михайла Ѳедоровича Аргамакова, человѣка умнаго, богатаго и просвѣщеннаго, бывшаго куратором московскаго университета. Тутъ, вмѣстѣ съ дѣтьми своего родственника и другими молодыми людьми (въ числѣ коихъ былъ гр. Аркадій Ивановичъ Марковъ), Александръ Николаевичъ воспитывался подъ надзоромъ француза, совѣтника руанскаго парламента, по политическимъ причинамъ, удалившагося изъ отечества, и пользовался уроками профессоровъ и учителей университетскихъ. Во время коронаціи императрицы Екатерины, г. Аргамаковъ записалъ Александра Николаевича въ пажи и, по возвращеніи двора въ С.-Петербургъ, отправилъ его туда, гдѣ онъ продолжалъ ученіе въ пажескомъ корпусѣ.

Въ 1765 году, императрица Екатерина II, видя недостатокъ въ Россіи, въ самыхъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, въ людяхъ знающихъ законоискусство и, чувствуя, сколько бы такіе люди были для отечества полезны, приказала избрать 12 молодыхъ людей, въ томъ числѣ шестерыхъ пажей, для отправленія ихъ учиться правовѣдѣнію въ лейпцигскій университетъ. Пажей приказано было избрать лучшихъ, отличившихся въ корпусѣ какъ поведеніемъ, такъ и успѣхами въ наукахъ. Александръ Николаевичъ былъ въ числѣ сихъ избранныхъ пажей [1]). Императрица ничего не жалѣла, дабы отправленные молодые люди могли представиться въ иностранномъ универ-

[1]) Сколько я помню, вотъ имена отправленныхъ молодыхъ людей: Яновъ, Челищевъ, Кутузовъ, Радищевъ, Рубановскій, кн. Несвицкій — пажи; Ѳ. Ушаковъ, М. Ушаковъ, Насакинъ, кн. Трубецкой, Олсуфьевъ. Потомъ на мѣсто умершихъ: кн. Несвицкаго, кн. Трубецкаго и Ѳ. Ушакова, присланы: Д. А. Олсуфьевъ, О. П. Козодавлевъ и Н. Д. Волковъ. Н. Р.

ситетѣ достойными званія ея питомцевъ. Всѣ пріуготовленія были сдѣланы щедрою рукою, содержаніе молодымъ людямъ назначено болѣе, чѣмъ достаточное (по осьми сотъ рублей на человѣка въ годъ), но выборъ наставника сдѣланъ былъ неразборчиво.

Александръ Николаевичъ, описывая жизнь товарища своего Ѳ. В. Ушакова, изобразилъ маіора Бокума, отправленнаго для надзора за молодыми людьми, назначенными къ важному служенію отечеству: онъ не имѣлъ не только хорошихъ свойствъ путеводителя юношества, но никакихъ свѣдѣній, былъ корыстолюбивъ, золъ и хотѣлъ образовать питомцевъ своихъ палкою. Такое обращеніе наставника едва не ввергло молодыхъ людей въ погибель, а семейства ихъ въ вѣчную горесть.

Юноши, бывъ въ безпрестанной ссорѣ съ своимъ наставникомъ, хотѣли, дабы избавиться отъ угнѣтеній Бокума, бѣжать въ Сѣверную Америку, гдѣ тогда начались и вскорѣ вспыхнули распри съ Англіею, отдѣлившія на вѣкъ сіи колоніи отъ отечества. Благоразумныя увѣщанія и мѣры, принятыя россійскимъ посланникомъ, въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскимъ, который отрѣшилъ Бокума, остановили отчаянное предпріятіе молодыхъ людей; они одумались и продолжали учиться. Еще должно замѣтить странность при отправленіи ихъ на долгое время въ чужую землю; имъ не дано было учителя русскаго языка, такъ что, въ пять лѣтъ пребыванія своего въ Германіи, они почти забыли свой языкъ и, въ разговорахъ на немъ, вмѣшивали многія латинскія, нѣмецкія и французскія слова.

Между тѣмъ, курсъ ученія молодыхъ людей кончился; они возвратились въ отечество, обогащенные разнообразными познаніями, потому что, исключая правовѣдѣніе, всякій изъ нихъ слушалъ курсы тѣхъ наукъ, къ которымъ имѣлъ болѣе склонности. Александръ Николаевичъ слушалъ философію у Платнера, начинавшаго тогда ученое свое поприще, на которомъ онъ впослѣдствіи прославился. Сверхъ сего, Александръ Николаевичъ пристрастился къ медицинѣ, и постоянно, въ теченіе пяти лѣтъ, учась ей, могъ бы выдержать экзаменъ докторскій; но, слѣдуя своему назначенію, не искалъ сего званія; однако-жъ, во все теченіе жизни своей, практиковалъ медицину съ довольнымъ успѣхомъ.

По возвращеніи въ отечество, только трое изъ молодыхъ людей, назначенныхъ быть юристами, поступили въ сенатъ въ званіе протоколистовъ, съ чинами титулярныхъ совѣтниковъ. Въ числѣ сихъ трехъ былъ Александръ Николаевичъ и всегдашній другъ его Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ. Служба ихъ въ сенатѣ была непродолжительна; незнаніе русскаго языка, товарищество съ приказными и об-

хожденіе высшихъ чиновниковъ, не отличавшихъ ихъ отъ прочихъ приказнослужителей, сдѣлали имъ сей родъ служенія противнымъ. Первый Кутузовъ вышелъ въ армію капитаномъ, и успѣлъ быть на сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, подъ предводительствомъ безсмертнаго Румянцова. За нимъ вслѣдъ вышелъ изъ сената и Александръ Николаевичъ также капитаномъ, въ штатъ тогдашняго главнокомандующаго въ Петербургѣ, гр. Брюса, и отправлялъ при немъ должность оберъ-аудитора.

Служба сія—была самая пріятная эпоха въ жизни Александра Николаевича. Бывъ любимъ своимъ начальникомъ, онъ, посредствомъ его, сдѣлался вхожъ въ лучшія петербургскія общества; вкусъ его образовался и онъ получилъ ловкость и пріятность въ обхожденіи. Хотя въ то время молодые свѣтскіе люди мало занимались русскимъ языкомъ, но Александръ Николаевичъ не придерживался вреднаго сего отвращенія; онъ съ самой молодости любилъ свое отечество, а любя его, можно ли было пренебрегать языкомъ своей родины. Первый наставникъ его въ русскомъ языкѣ былъ Александръ Васильевичъ Храповицкій, тогда еще гвардіи офицеръ, и подъ его руководствомъ Александръ Николаевичъ перевелъ изъ Монтескьё „Разсужденіе о величіи и упадкѣ римлянъ“. Книга сія была напечатана Н. И. Новиковымъ.

Пробывъ три или четыре года при гр. Брюсѣ, Александръ Николаевичъ вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ и женился въ 1775 г. Въ женитьбѣ своей онъ не искалъ богатства; хотя, бывъ членомъ многочисленнаго семейства (оно состояло изъ семи братьевъ и четырехъ сестеръ), не могъ надѣяться на большое состояніе, несмотря на то, что родители его имѣли около двухъ тысячъ душъ. Жена его, дочь члена придворной конторы, была не богата; но имѣла все то, что могло составить счастіе хорошаго человѣка. Александръ Николаевичъ женился въ Москвѣ; жена его лишилась отца незадолго до замужества, бывъ уже помолвлена, и Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ нею возвратился въ Петербургъ, чтобъ снова вступить въ службу.

Въ 1776 году онъ былъ опредѣленъ ассессоромъ въ коммерцъ-коллегію, коей президентомъ былъ тогда гр. Александръ Романовичъ Воронцовъ. Сей умный вельможа, принялъ сначала молодого сотрудника своего весьма сухо и, полагая, несмотря на извѣстную его ученость, что онъ ни что болѣе какъ человѣкъ свѣтскій и разсѣянный, не надѣялся найти въ немъ способностей къ дѣлу. Но Александръ Николаевичъ, принявъ должность, принялъ и твердое намѣреніе, отправлять ее сколько можно лучше. Цѣлый годъ онъ занимался един-

ственно чтеніемъ журналовъ и опредѣленій коммерцъ-коллегіи, чтобъ вникнуть въ существо и образъ теченія дѣлъ ея, стараясь всѣ, встрѣчающіяся въ сихъ бумагахъ обстоятельства соображать съ законами и при томъ прилежалъ къ изученію русскаго языка, руководствуясь священными книгами, почему и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ придерживался славянскихъ оборотовъ, и даже употреблялъ много славянскихъ словъ.

Вникнувъ, наконецъ, въ дѣла коммерцъ-коллегіи, онъ началъ показывать непреклонную твердость характера въ защитѣ правыхъ дѣлъ. Между прочими, встрѣтилось дѣло пеньковыхъ браковщиковъ, несправедливо обвиняемыхъ въ упущеніяхъ по должности. Президентъ, вице-президентъ и всѣ члены были того мнѣнія, что люди сіи виновны и присуждали ихъ къ наказанію. Одинъ Александръ Николаевичъ, будучи младшимъ членомъ коллегіи, осмѣлился принять на себя ихъ защиту. Онъ подалъ въ пользу ихъ голосъ, совершенно противный ясно изложенному мнѣнію президента, противъ котораго никто не смѣлъ спорить. Вице-президентъ Беклемишевъ, устрашенный смѣлостію Александра Николаевича, представлялъ ему, какъ дерзко молодому человѣку, неимѣющему ни связей, ни покровителей, спорить такъ упорно противъ сильнаго вельможи, и доказывалъ, что если и точно голосъ его справедливъ, то все же должно сообразоваться съ мнѣніемъ знатнаго начальника. Но Александръ Николаевичъ остался непреклоненъ и объявилъ, что если президентъ будетъ его гнать за голосъ, чего онъ, однако же, никакъ не предполагаетъ, то онъ, оставя службу, уѣдетъ въ деревню къ отцу своему, и цѣлый вѣкъ проживетъ въ неизвѣстности, но не отступитъ отъ мнѣнія, которое почитаетъ справедливымъ, и беззаконно не подпишетъ приговора совершенно невиннымъ людямъ.

Долго никто изъ членовъ и секретарей коммерцъ-коллегіи не осмѣливался доложить президенту о неслыханномъ упорствѣ молодого человѣка, младшаго члена, не искусившагося ни въ судебныхъ дѣлахъ, ни въ порядкѣ приказномъ. Наконецъ, вице-президентъ, употребившій всевозможные способы къ преклоненію Александра Николаевича, и почитая его погибшимъ, доложилъ президенту, какъ о дѣлѣ, такъ и объ упорствѣ младшаго ассессора. Гр. Воронцовъ сначала подосадовалъ, полагая, что Александръ Николаевичъ защищаетъ браковщиковъ по какимъ-нибудь корыстнымъ видамъ; но, прочитавъ голосъ его со вниманіемъ, захотѣлъ, чтобъ упорный молодой человѣкъ самъ предъ нимъ защищалъ свое мнѣніе. Александръ Николаевичъ былъ призванъ, и слѣдствіемъ продолжительнаго разговора его съ гр. Воронцовымъ было то, что начальникъ,

совершенно согласясь съ мнѣніемъ своего подчиненнаго, приказалъ, сообразно оному, передѣлать все дѣло; прежде приготовленное рѣшеніе было отмѣнено, браковщики были оправданы, а Александръ Николаевичъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ, и можно сказать первымъ совѣтникомъ по дѣламъ коммерческимъ у гр. Воронцова и скоро послѣ сего происшествія получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а гр. Воронцовъ навсегда остался его покровителемъ.

Кажется въ 1780 году открылась С.-Петербургская губернія по новому образованію, изложенному въ учрежденіи о управленіи губерній. Дѣла, до таможенъ относящіяся, да и самыя таможни, отданы были въ веденіе совѣтника таможенныхъ дѣлъ, который, какъ третій членъ, присутсвовалъ въ казенной палатѣ. Въ сію должность (былъ) опредѣленъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Даль, образовавшій рижскую таможню, человѣкъ умный, ученый, свѣдущій въ порученной ему должности, но старый и совершенно незнавшій русскаго языка. Ему данъ былъ въ помощники Александръ Николаевичъ, съ званіемъ совѣтника казенной палаты. Г. Даль, узнавъ его, полюбилъ какъ сына; они вмѣстѣ устроили с.-петербургскую таможню и, наконецъ, когда здоровье г. Даля стало ослабѣвать, онъ совершенно предоставилъ всю власть свою Александру Николаевичу, а самъ, по одному разу въ мѣсяцъ, по дѣламъ таможеннымъ докладывалъ императрицѣ.

Александръ Николаевичъ, вступя въ управленіе С.-петербургской и всѣхъ таможень сей губерніи, исключая ученаго латинскаго языка, зналъ совершенно нѣмецкій и французскій, на коихъ, какъ въ разговорахъ, такъ и на письмѣ, объяснялся правильно, съ легкостію и пріятностію. Но въ новомъ званіи своемъ увидѣлъ, что какъ главная торговля Россіи производится съ Англіею, то незнаніе англійскаго языка можетъ подвергнуть его непріятности быть нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ своего переводчика; и потому, несмотря на многотрудныя свои по должности занятія, а особливо въ лѣтнее время, когда приходятъ иностранные купеческіе корабли, началъ учиться по-англійски, имѣя уже болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Черезъ годъ ему переводчикъ былъ уже не нуженъ. Употребленіе англійскаго языка по дѣламъ, внушило Александру Николаевичу любопытство узнать англійскую словесность, и онъ въ свободные часы занимался ею; наконецъ, сей языкъ сдѣлался ему также знакомъ, какъ французскій и нѣмецкій; онъ не могъ выговаривать его совершенно чисто, но объяснялся свободно и правильно. Между тѣмъ онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и скоро потомъ, недавно учрежденный, орденъ св. Владиміра 4-й степени. Но домашнее его благополучіе разстроено было смертью нѣжно-любимой супруги.

Императрица Екатерина, видя необходимость новаго тарифа какъ для привозныхъ, такъ и для отпускныхъ товаровъ, учредила коммиссію для составленія онаго, сообразно настоящему времени и обстоятельствамъ. Президентомъ сей коммиссіи назначенъ былъ гр. Воронцовъ, а въ числѣ членовъ былъ г. Даль. Александръ Николаевичъ, хотя ни въ какомъ званіи въ сей коммиссіи причисленъ не былъ, но вмѣстѣ съ г. Далемъ составилъ тарифъ, а такъ какъ трудился надъ нимъ частно, то и не участвовалъ въ наградахъ. Однако-жъ г. Даль обратилъ на него вниманіе начальства, и онъ получилъ перстень.

Сей благородный старецъ, удрученный лѣтами и болѣзнями вышелъ въ отставку, а Александръ Николаевичъ опредѣленъ былъ на его мѣсто, но не пользовался неоцѣненною выгодою г. Даля; онъ не докладывалъ самъ императрицѣ по дѣламъ таможенным; доклады сіи шли уже чрезъ вице-губернатора или чрезъ гр. Воронцова. Между тѣмъ императрица имѣла довѣріе въ непоколебимой честности и совершенному безкорыстію Александра Николаевича. По ея повелѣнію ему поручаемы были весьма щекотливыя дѣла, напримѣръ, при началѣ войны съ шведами, арестованіе и опись шведскихъ купеческихъ кораблей, и обыскъ запрещенныхъ товаровъ во всѣхъ лавкахъ и магазинахъ въ С.-Петербургѣ. Всѣ современники отдали Александру Николаевичу справедливость въ томъ, что онъ совершенно былъ чуждъ корыстолюбія. Начальствуя таможнями С.-Петербургской губерніи, онъ могъ нажить милліоны, но онъ не нажилъ ничего и оставилъ дѣтямъ своимъ небольшое родительское наслѣдство и честное имя.

Все свободное время отъ службы, Александръ Николаевичъ посвящалъ ученію и трудамъ. Онъ написалъ „Исторію россійскаго сената“, которую уничтожилъ впослѣдствіи, имѣлъ философическую переписку съ другомъ и товарищемъ своимъ А. М. Кутузовымъ, однимъ изъ первыхъ мартинистовъ. Кутузовъ желалъ привлечь въ сіе общество друга своего, но Александръ Николаевичъ никогда на то не соглашался, изъ чего произошла пространная и занимательная переписка, которая могла бы составить важную книгу; но изъ сей переписки не осталось ничего. Потомъ написалъ онъ „Жизнь Ѳедора Васильевича Ушакова“, и пріобщилъ къ ней нѣкоторыя изъ его сочиненій. Г. Ушаковъ былъ товарищъ Александру Николаевичу въ лейпцигскомъ университетѣ, и умеръ тамъ не старѣе 25-ти лѣтъ. Въ жизни сего молодого человѣка замѣчательна пламенная страсть къ ученію. Онъ уже былъ коллежскимъ асессоромъ и секретаремъ одного знатнаго человѣка. Узнавъ о предполагаемомъ отправленіи двѣнадцати дворянъ въ Лейпцигъ, Ушаковъ оставилъ службу и чрезъ своего покровителя исходатайствовалъ позволеніе быть въ числѣ от-

правляемыхъ молодыхъ людей, хотя и былъ всѣхъ ихъ гораздо старѣе. Жизнь его, описанная Александромъ Николаевичемъ, есть описаніе успѣховъ всѣхъ посланныхъ тогда въ Лейпцигъ для обученія правовѣдѣнію. Книга сія была напечатана въ 1786 или 1787 году и теперь сдѣлалась столь рѣдкою, что едва ли и отыскать ее можно [1]). Въ ней Александръ Николаевичъ съ откровенностію описываетъ все, что было съ нимъ и его товарищами въ Лейпцигѣ, похваляетъ хорошее, но не утаиваетъ и дурнаго. Потомъ занимался онъ сочиненіемъ своего путешествія въ Москву, которое по излишней свободности мыслей и слишкомъ рѣзкому образу сужденій о правительствѣ, повлекло его въ несчастіе. Въ 1790 году, онъ, вскорѣ послѣ напечатанія „Путешествія“, посаженъ былъ подъ стражу, судимъ уголовнымъ порядкомъ и сосланъ на десять лѣтъ въ Иркутскую губернію, въ безъуѣздный городъ Илимскъ [2]), откуда возвращенъ государемъ императоромъ Павломъ I, съ позволеніемъ жить въ деревнѣ.

Время, въ заточеніи проведенное, Александръ Николаевичъ употреблялъ на воспитаніе младшаго своего сына и дочери; притомъ не забывалъ и о старшихъ сыновьяхъ своихъ, жившихъ у дяди въ городѣ Архангельскѣ. Онъ написалъ для нихъ „разсужденіе о человѣкѣ, о смертности его и о безсмертіи души“. Тамъ же написалъ онъ „Письмо о китайскомъ торгѣ“, и началъ „Исторію покоренія Сибири“ и историческую повѣсть „Ермакъ“; но ни того, ни другаго сочиненія не кончилъ, а послѣдняго остались только небольшіе отрывки. Живучи въ Илимскѣ, онъ упражнялся въ практической медицинѣ, лѣчилъ сибиряковъ, и къ нему ѣздили изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ лѣчиться. Прежній начальникъ и покровитель его, гр. Воронцовъ, не оставлялъ его и въ заточеніи, писалъ къ нему, доставлялъ ему книги и многія нужныя въ сихъ пустынныхъ странахъ для жизни вещи.

По вступленіи на престолъ государя императора Александра I, Александру Николаевичу возвращено было прежнее его званіе и совершенная свобода. Онъ воспользовался ею, чтобъ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, благодарить великодушнаго монарха и, по весьма краткомъ тамъ пребываніи, опредѣленъ былъ членомъ коммиссіи о составленіи законовъ. Послѣ священнаго обряда коронаціи, Александръ Николаевичъ отправился изъ Москвы въ Петербургъ и ревностно приступилъ къ отправленію своей должности; но здоровье ему измѣ-

[1]) Она вошла въ «Полное собраніе сочиненій Радищева», изданное Бекетовымъ. Кн В.

[2]) О ссылкѣ Радищева въ Илимскій (а не Ишимъ, какъ ошиб. напечатано) острогъ, см. въ «Русск. Старинѣ» 1872 г., т. VI, стр. 436—438. Ред.

нило, онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость и, наконецъ, къ неописанной горести семейства своего, скончался 1802 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, имѣя 53 года отъ рожденія.

Оставшіяся послѣ него сочиненія были напечатаны въ шести небольшихъ томахъ, въ Москвѣ, въ типографіи г. Бекетова; къ нимъ приложенъ довольно схожій портретъ его. Въ сихъ шести книжкахъ заключаются сочиненія Александра Николаевича, писанныя во время пребыванія его въ Сибири и въ деревнѣ. Конечно, слогъ ихъ устарѣлъ, но смѣлость и здравость мыслей, чистая, и глубокая философія никогда не старѣются. Въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ, въ отрывкахъ повѣсти „Бова“ и „О Тредьяковскомъ“ много веселости.

Александръ Николаевичъ былъ нрава прямаго и пылкаго; всѣ горести сносилъ съ стоическою твердостію, никогда не изгибался и былъ врагъ лести и подобострастія. Въ дружбѣ былъ непоколебимъ, а оскорбленія забывалъ скоро; честность и безкорыстіе были отличительными его чертами. Обхожденіе его было просто и пріятно, разговоръ занимателенъ, лицо красиво и выразительно, ростъ средній. Исключая „Жизни Ушакова“, послѣ него не осталось никакихъ записокъ касательно собственной его жизни.

Сообщ. **Н. П. Барсуковъ.**

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

I.

Распоряженіе о книгахъ для духовнаго юношества.

1817.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Почтеннѣйшій, о Господѣ, братъ и сослужитель! Коммиссія духовныхъ училищъ, при полученіи отъ подателей образцовыхъ сочиненій, купленныхъ для академическихъ и семинарскихъ библіотекъ, усмотрѣла въ нѣкоторыхъ томахъ статьи не совсѣмъ нравственныя и для духовнаго юношества не назидательныя; почему, хотя и дозволила разослать оныя по принадлежности, но съ тѣмъ, чтобы томы сей книги раздавать для чтенія учащимся съ особеннымъ разборомъ.

По порученію коммиссіи, сообщая о семъ вашему высокопреосвященству для исполненія по кишиневской семинаріи, съ истиннымъ почитаніемъ пребываю, вашего высокопреосвященства усерднѣйшій слуга Амвросій, митрополитъ новгородскій.

Сообщ. **Л. С. Мацѣевичъ.**

№ 1,378.
17-го декабря 1817 г.
Его высокопреосв. Гавріилу, митрополиту кишиневскому.

Примѣчаніе. Книга, вызвавшая неодобреніе митрополита Амвросія есть: «Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ», въ стихахъ и прозѣ, изданное обществомъ любителей отечественной словесности (А. И. Тургеневымъ, В. А. Жуковскимъ, А. Воейковымъ) и проч., 12 ч. Спб. 1815—1817 гг. Для своего времени это дѣйствительно было собраніе лучшихъ произведеній русской словесности, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ что въ 1822—1824 гг. оно выдержало второе изданіе. **Ред.**

II.

Распоряженіе объ изъятіи изъ продажи книги: „Утреннія и вечернія молитвы".

1835.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго, изъ с.-петербургскаго губернскаго правленія здѣшняго магистрата 1-д., правленіе сіе слушавъ предложеніе г. с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора отъ 10-го ноября за № 10,887, въ коемъ изъяснено: г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ прошедшемъ январѣ мѣсяцѣ, относился къ его сіятельству, объ изъятіи изъ продажи книги: „Утреннія и вечернія молитвы". По сдѣланному, вслѣдствіе того, распоряженію, найдено здѣсь 20 экземпляровъ сказанной книги у книгопродавца Заикина, который объявилъ, что она есть отрывокъ изъ другой, подъ заглавіемъ: „Дѣтскій наставникъ, или полная россійская азбука", на продажу коей онъ имѣетъ билетъ цензурнаго комитета; напечатана же оная отдѣльно потому, что многіе покупатели желали имѣть молитвы особо отъ азбукъ и нравоучительныхъ повѣстей, и что помянутые 20 экземпляровъ отобраны отъ него и отосланы въ московскій цензурный комитетъ. О семъ сообщено было оберъ-прокурору святѣйшаго синода, за отсутствіемъ коего, тайный совѣтникъ князь Мещерскій, нынѣ увѣдомляетъ, что, по разсмотрѣніи показаній книгопродавца Заикина и представленныхъ московскимъ цензурнымъ комитетомъ свѣдѣній, относительно помянутой книги, святѣйшій синодъ находитъ, что купецъ Заикинъ, получивъ позволеніе отъ учрежденнаго при с.-петербургскомъ университетѣ цензурнаго комитета, на изданіе вторымъ тиснѣніемъ книги подъ заглавіемъ: „Дѣтскій наставникъ или полная россійская азбука", содержащая въ себѣ, между прочимъ, молитвы утреннія при божественной литургіи, напечаталъ оную въ 1833 году въ типографіи Карла Края, а послѣ, будто бы, по просьбѣ покупателей, желавшихъ имѣть особо означенныя молитвы, онъ, Заикинъ, напечаталъ оныя отдѣльно, не испросивъ на то отъ духовнаго начальства дозволенія; на оберточномъ же листѣ, подъ словомъ молитвы, изобразилъ нѣчто похожее на мечеть съ луною, а внизу крестъ, и въ таковомъ видѣ выпустилъ оныя въ продажу, какъ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, чрезъ книгопродавца Логинова; опредѣлилъ, на основаніи устава о цензурѣ 22-го апрѣля 1828 года, означенную книгу, равно и упомянутыя молитвы, напечатанныя особою книжкою, какъ изданныя безъ дозволенія духовной цензуры, отобрать отъ книгопродавца Заикина, равно и отъ другихъ, у кого

онѣ окажутся, и препроводить въ духовный цензурный комитетъ; а книгопродавца Заикина и содержателя типографіи Края, печатавшихъ объ оныя книги безъ дозволенія духовной цензуры и книгопродавца Логинова, продававшаго оныя, предать суду по гражданскому начальству. При чемъ князь Мещерскій, по порученію святѣйшаго синода, проситъ объ учиненіи распоряженія, дабы книги духовнаго содержанія, напечатанныя безъ дозволенія духовной цензуры, нигдѣ не были продаваемы, а тотчасъ, какъ скоро гдѣ таковыя окажутся, отбирались и отсылались въ духовный цензурный комитетъ; извѣщая губернское правленіе, о таковомъ отношеніи князя Мещерскаго, предлагаетъ учинить, въ исполненіе вышеписаннаго, надлежащее распоряженіе, о которомъ и увѣдомить его сіятельство въ свое время. Приказали: о точномъ и непремѣнномъ исполненіи по сему предложенію г. военнаго генералъ-губернатора, предписать градскимъ и земскимъ полиціямъ и нарвскому магистрату указали, а къ гг. кронштадтскому военному губернатору и управляющему городомъ Царскимъ Селомъ сообщить; о чемъ равномѣрно дать знать и прочимъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, сообщеніями и указами; виновныхъ же по сему дѣлу: книгопродавца Заикина, содержателя типографіи Края и книгопродавца же Логинова, предать сужденію 1-де магистрата съ тѣмъ, чтобы, въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла поступилъ по указу 1798 года февраля 18-го дня; о чемъ г. военному генералъ-губернатору донести іюля 8-го дня 1835 года. Совѣтникъ Васильевъ. Секретарь въ должности секретаря Дукшинскій. Свѣрилъ столоначальникъ Хотковскій.

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

III.

Александръ Ивановичъ Красовскій.

Въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1871 г., т. IV, стр. 440—442) помѣщена замѣтка, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи русской цензуры“, въ которой приведено нѣсколько примѣровъ, какимъ образомъ извѣстный А. И. Красовскій подвизался на цензурномъ поприщѣ.

У меня есть рукопись, процензурованная Красовскимъ въ 1823 г., переводъ съ французскаго: „Разсужденіе о военной наукѣ“, С. Калядина. Если не ошибаюсь, книга эта никогда напечатана не была, но г. Красовскій наложилъ на нее свою руку и поля рукописи испещрены его замѣчаніями. Онъ измѣнилъ даже заглавіе сочиненія, прибавивъ къ первоначальному заглавію: о военной наукѣ, слово разсужденіе. Большая часть его замѣчаній и поправокъ носятъ на

себѣ характеръ мелочности и больной придирчивости, которыя иногда измѣняютъ даже смыслъ текста. Напримѣръ, слово „свобода", онъ замѣняетъ „независимостью" выраженіе „освященное" примѣромъ римскаго легіона, замѣняетъ „одобренное" примѣромъ римскаго легіона. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что Наполеонъ быстро идетъ въ Моравію, поражаетъ русскихъ и подъ Аустерлицемъ заключаетъ миръ. Цензоръ зачеркиваетъ слова „поражаетъ русскихъ", такъ что выходитъ, будто Наполеонъ пришелъ въ Моравію, чтобы заключить миръ подъ Аустерлицемъ.

Александра Македонскаго, г. Красовскій не позволяетъ называть великимъ, а послѣдній титулъ замѣняетъ двумя словами: называемый великимъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ указываетъ на какіе-либо существенные недостатки военнаго устройства, цензоръ спѣшитъ въ выноскѣ помѣстить оговорку: читатель, конечно, вспомнитъ, что это „говорятъ французъ о французской, или другой иностранной арміи".

А иногда, такъ просто вычеркиваетъ цѣлые періоды, напримѣръ, авторъ говоритъ: „мы часто учимъ солдатъ парадными маневрамъ, не только безполезнымъ, но даже и опаснымъ на полѣ сраженія, которые служатъ только къ тому, чтобы запутывать ихъ понятіе". Цензоръ зачеркнулъ то, что съ разрядкою,—вслѣдствіе чего и первая половина фразы потеряла всякій смыслъ.

Наиболѣе интересныя измѣненія находимъ въ главѣ, „Военная Метафизика"; авторъ, разсуждая о храбрости воиновъ, говоритъ, что это чувство противуестественное. „Мы всѣ родимся робкими,—такъ хочетъ природа. Храбрость состоитъ въ преодолѣніи врожденнаго чувства самосохраненія, чего можно достигнуть только силою страстей, а не убѣжденіями разума; ибо разумъ, взвѣшивая все то, что можетъ быть для него выгодно или не выгодно, ничего ненаходитъ такого, чтобы могло вознаградить намъ потерю жизни". И далѣе. „Судя по правиламъ разума, Роше Фукольтъ почитаетъ храбрость большою глупостью",—цензоръ, поставивъ предъ послѣднею фразою слово хотя, дополняетъ ее своимъ выводомъ: однако храбрость всегда останется сколько необходимымъ, столько же и похвальнымъ качествомъ воина". Чѣмъ ставитъ воиновъ, въ виду вышеприведеннаго разсужденія въ весьма нелестное положеніе.

Говоря о страстяхъ, возбуждающихъ храбрость, авторъ упоминаетъ фанатизмъ и прелести загробной жизни, обѣщанныя Магометомъ его послѣдователямъ; умереть на полѣ сраженія—въ ихъ глазахъ было средствомъ летѣть въ объятія божественныхъ Гурій, всегда юныхъ, всегда дѣвственныхъ, всегда готовыхъ удовлетворять по-

хотямъ, которыя онѣ умѣли всегда воспламенять". Цѣломудренный цензоръ зачеркнулъ слово божественныхъ, вмѣсто „похотямъ", поставилъ „желаніямъ" и отъ себя сдѣлалъ слѣдующее добавленіе: „Но сіи мечты грубой чувственности, отвергаемыя разумомъ и ещ'е болѣе осуждаемыя истинною вѣрою, служатъ вмѣстѣ и къ ослабленію мужества, (т.-е. выходитъ, что Магометовъ рай и возбуждалъ и въ то же время ослаблялъ храбрость его воиновъ)!? время невѣжества и необузданности страстей не всегда продолжается!" Заканчиваетъ цензоръ устами автора.

Переходя къ европейскимъ арміямъ, авторъ говоритъ, что „Фанатизмъ есть не только „дѣйствительнѣйшее и сильнѣйшее изъ всѣхъ средствъ, употребляемыхъ правительствомъ для внушенія въ свои войска храбрости, но есть также самое хозяйственное. Всѣ представляемыя имъ награды, суть на небеси, и слѣдовательно владыки земли не дѣлаютъ себѣ никакого ущерба, заставляя ихъ пріобрѣтать; довольно для нихъ вознаградить только небольшое число священниковъ въ войскѣ. Къ удивленію, цензоръ оставилъ это мѣсто; слово фанатизмъ, замѣнилъ религіею, отъ чего послѣднее вышло горше перваго, и только зачеркнулъ окончаніе фразы о вознагражденіи священниковъ.

Далѣе авторъ говоритъ: „Но сія пружина, нѣкогда столь сильная, начинаетъ ослабѣвать въ наше время; употребленіе ея уже не согласно со степенью образованности большей части европейскихъ націй. Философскій умъ истребилъ легковѣріе, и религія, сдѣлавшаяся слабою и для черни, можетъ сдѣлать фанатиками только не многихъ. Русскіе солдаты суть почти одни въ Европѣ, надъ которыми сія пружина еще имѣетъ дѣйствіе". И далѣе.

Цензоръ же исправилъ это слѣдующимъ образомъ: „Но сія пружина, нѣкогда столь сильная, начинаетъ ослабѣвать въ наше время; употребленіе ея уже не согласно со степенью, такъ-называемой, образованности большей части европейскихъ націй. Философскій умъ XVIII вѣка, къ сожалѣнію, распространилъ въ Европѣ гибельныя сѣмена безвѣрія и легкомыслія. Русскіе солдаты суть почти одни..." и т. д.

„Россіяне имѣютъ ту выгоду, что ихъ религія идетъ всегда въ одну сторону съ правленіемъ; священники, употребляемые ими въ арміяхъ, подчинены, какъ и другіе офицеры, воинской дисциплинѣ; они воодушевляютъ солдатъ, смотря по духу, внушенному въ нихъ генералами. Чернь, всегда легковѣрная по своему невѣжеству, слѣпо вѣритъ симъ истолкователямъ воли неба и, безъ ропота покорившись подъ иго религіи, равнодушно идетъ почти на видимую смерть, или

по привычкѣ къ безотвѣтной покорности, или для полученія награды, обѣщанной имъ въ другомъ мірѣ".

Цензоръ, оставивъ начало періода, продолжаетъ его слѣдующимъ образомъ: „Священники воодушевляютъ солдатъ смотря по духу, внушенному въ нихъ генералами. А сей духъ согласенъ съ вѣрою и любовью къ порядку. Народъ, не обольщаясь ложными умствованіями новѣйшей философіи, къ счастію и не зная ихъ, вѣритъ истолкователямъ воли неба и, безъ ропота покорившись подъ иго религіи", и т. д.

Говоря о любви къ отечеству, какъ о средствѣ къ возбужденію храбрости, авторъ говоритъ: что „когда опасность угрожаетъ республикѣ, то всѣ граждане спѣшатъ на защиту ея и охотно подвергаются величайшимъ опасностямъ для сохраненія благъ, любимыхъ ими больше жизни. Напротивъ, деспотическое правленіе есть собственность одного и, слѣдовательно, важно только для повелителя. Рабы деспота не могутъ любить состояніе, которое ихъ унижаетъ, и если они и питаютъ нѣкоторыя чувства къ правленію, ихъ притѣсняющему, то это чувство есть ненависть, а не любовь. Посему, чѣмъ болѣе правленіе отдаляется отъ свободы и приближается къ деспотизму, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ любовь къ отечеству въ сердцахъ подданныхъ; и наконецъ послѣдняя степень порабощенія совершенно истребляетъ оную".

Цензоръ зачеркнулъ все это мѣсто, а на поляхъ карандашемъ написалъ: „Въ Европѣ нѣтъ деспотическаго правленія".

Далѣе авторъ говоритъ: „Граждане древнихъ республикъ любили отечество какъ свободу".

Цензоръ прибавляетъ отъ себя: „Но сія свобода была не своеволіе и не нарушеніе законовъ, которыхъ ищутъ для своей гибели нѣкоторые европейскіе либералы".

Авторъ продолжаетъ: „Любовь къ отечеству переходила изъ городовъ въ деревни, населенныя гражданами, а не невольниками; она воспламеняла храбрость воиновъ и производила чудеса, которымъ мы удивляемся въ греческой исторіи, въ той славной брани нѣкоторыхъ небольшихъ греческихъ городовъ, противъ могущественныхъ азіатскихъ монархій". Цензоръ добавляетъ: „Всякій знаетъ, что древнія азіатскія монархіи, духомъ и образомъ правленія, весьма отличны отъ новѣйшихъ монархій въ Европѣ, которыхъ исторія богата удивительными примѣрами любви къ отечеству.

Слѣдующія затѣмъ слова автора, г. Красовскій совершенно зачеркнулъ: „Можно замѣтить, что и въ Европѣ, народы, наслаждающіеся

наибольшею свободою, имѣютъ также болѣе любви къ отечеству и военной храбрости, которая есть слѣдствіе оной. Я не говорю о нѣкоторыхъ городахъ, которые дѣйствительно сохранили республиканскій образъ правленія, но которыхъ слабость лишила политическаго существованія между сильными монархіями, которыхъ они сдѣлались игралищемъ".

Мы могли бы привести еще много выписокъ, съ не менѣе интересными поправками г. Красовскаго, но полагаемъ, что и сдѣланнаго уже достаточно для опредѣленія характера и сущности его цензорской дѣятельности.

г. Касимовъ.

Сообщ. А. П. Мансуровъ.

АРАКЧЕЕВЩИНА.

I.

Отъ проживающаго въ Кіевѣ, бывшаго секретаря графа Аракчеева, Немѣровскаго, отецъ мой, полковникъ корпуса жандармовъ, слышалъ множество разныхъ разсказовъ объ Аракчеевѣ, изъ коихъ нѣкоторые отецъ разсказывалъ при мнѣ. Передаю въ записную книжку „Русской Старины“ два изъ этихъ анекдотовъ.

1) На Кавказѣ служилъ, въ артиллеріи, какой-то капитанъ, который, несмотря на свою долголѣтнюю службу, на раны и на всѣ оказываемыя имъ отличія, не получалъ никакихъ наградъ и все оставался въ чинѣ капитана; сколько его начальство ни представляло къ наградамъ, ничего не выходило; чрезъ всѣ инстанціи представленія проходили благополучно, но какъ до Петербурга дойдутъ, такъ тамъ безъ всякихъ послѣдствій и застрянутъ. Наконецъ, это капитана вывело изъ терпѣнія и онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ къ Аракчееву и, несмотря на весь ужасъ, имъ внушаемый, объясниться съ нимъ и спросить, за что онъ его преслѣдуетъ, такъ какъ капитанъ почему-то былъ убѣжденъ, что всѣ невзгоды на него нисходятъ отъ Аракчеева. Сказано—сдѣлано; взялъ капитанъ отпускъ и уѣхалъ; но какъ въ то время пути сообщенія были не теперешніе и какъ капитанъ, по кавказской привычкѣ, любилъ хорошенько выпить, то ѣхалъ онъ довольно долго, съ остановками и отдыхами. Наконецъ, недалеко уже отъ Петербурга, въ Новгородской губерніи, остановился онъ ночевать на одной станціи, велѣлъ подать самоваръ и сталъ попивать пуншикъ. Въ это время проѣзжалъ Аракчеевъ въ дорожномъ платьѣ, безъ эполетъ; заглянулъ къ капитану въ комнату

и назадъ, но капитанъ, по кавказскому гостепріимству, крикнулъ Аракчееву:

— Чего заглядываешь, заходи обогрѣться пуншикомъ.

Вслѣдствіе такого безцеремоннаго приглашенія, Аракчеевъ, будучи и самъ артиллеристъ, заинтересовался личностью капитана, вошелъ къ нему, подсѣлъ къ столику и у нихъ завязалась бесѣда. Наконецъ Аракчеева еще болѣе заинтересовалъ капитанъ, когда онъ узналъ его фамилію. Аракчеевъ узнаетъ, что по ошибкѣ преслѣдовалъ капитана, который того, къ кому Аракчеевъ питалъ семейную вражду лишь однофамилецъ. На вопросъ графа, за чѣмъ капитанъ ѣдетъ въ Петербургъ, тотъ, не подозрѣвая, что видитъ передъ собой Аракчеева, брякнулъ, что ѣдетъ объясниться съ разтакимъ-то Аракчеевымъ и спросить, за что онъ разтакой-то сынъ, преслѣдуетъ его, при чемъ разсказалъ все свое горе. Аракчеевъ замѣтилъ, что онъ, капитанъ вѣроятно не знаетъ, какъ силенъ и строгъ Аракчеевъ, а потому какъ бы ему, капитану, недосталось отъ графа еще хуже; но собесѣдникъ, будучи подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, отвѣчалъ, что не боится ничего и лишь бы только увидѣть ему Аракчеева, а ужъ тогда онъ ему выскажетъ все. За тѣмъ Аракчеевъ уѣхалъ, приказавъ на станціи не говорить капитану, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ; съ капитаномъ же попрощался по-пріятельски, посовѣтовавъ, что бы онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, шелъ прямо къ Аракчееву, котораго ужъ онъ предупредитъ объ этомъ, чрезъ своего хорошаго знакомаго, графскаго камердинера, и постарается замолвить чрезъ того же камердинера въ пользу его, предъ графомъ, словцо.

Пріѣхалъ офицеръ въ Петербургъ, надѣлъ форму и отправился къ Аракчееву, и какая же была его радость, когда онъ встрѣтилъ въ передней станціоннаго своего пріятеля, въ томъ самомъ видѣ и въ той же одеждѣ, какъ и на станціи. Мнимый пріятель, видя, что капитанъ хотя и обрадовался ему, но не настолько уже храбръ, какъ на станціи, обласкалъ его и обнадеживъ, что все будетъ хорошо, пошелъ объ немъ докладывать; выходитъ камердинеръ и проситъ пришедшаго къ графу, тотъ входитъ въ пріемную комнату и о, ужасъ! капитанъ въ Аракчеевѣ узнаетъ своего станціоннаго пріятеля, передъ которымъ онъ такъ безцеремонно отзывался объ Аракчеевѣ. Но графъ, сознавая свою передъ капитаномъ вину, обласкалъ его, обѣщалъ возвратить все имъ потерянное и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ, но непремѣнно въ сюртукѣ. Приходитъ бѣдный капитанъ на обѣдъ и, несмотря на всѣ ласки, все-таки—ни живъ, ни мертвъ; застаетъ общество въ мундирахъ, звѣздахъ и проч.; всѣ съ недоумѣніемъ на него смотрятъ. Но каково же его и всѣхъ остальныхъ было

удивленіе, когда Аракчеевъ, представляя его гостямъ, назвалъ своимъ пріятелемъ. Когда подали шампанское, Аракчеевъ разсказалъ, какъ, по его ошибкѣ, капитанъ былъ обходимъ множество разъ разными чинами и наградами, и что онъ желаетъ теперь поправить сдѣланное капитану зло, а потому предлагаетъ тостъ за здоровье подполковника такого-то; далѣе говоря, что тогда-то, за то-то капитанъ былъ представленъ къ наградѣ, пьетъ за полковника, далѣе за кавалера такого-то ордена, при чемъ и самый орденъ былъ поданъ, и такимъ образомъ провозглашались тосты до тѣхъ поръ, пока бывшій капитанъ не получилъ все то, что имѣли его сверстники...

2) Получаетъ однажды графъ Аракчеевъ отъ какого-то окружнаго командира военнаго поселенія и чуть ли не Херсонскаго, донесеніе, но съ слишкомъ неразборчивою подписью; разсердился графъ и велѣлъ вызвать окружнаго командира въ Петербургъ. Ѣдетъ бѣдный командиръ въ Питеръ. По пріѣздѣ въ столицу, кого только ни спрашивалъ за чѣмъ бы его требовалъ графъ, никто ничего не знаетъ. Наконецъ, ни живой, ни мертвый, является къ Аракчееву; тотъ его спрашиваетъ: „За чѣмъ онъ пріѣхалъ?“—„Не могу знать, за чѣмъ ваше сіятельство требовали“.—„Я требовалъ?!...“—„Какъ ваша фамилія?“—„Такъ-то“.—„Какъ, какъ?“—„Такъ-то, ваше сіятельство!“—„А!....“—Отодвигаетъ Аракчеевъ въ столѣ ящикъ, достаетъ какую-то бумагу и спрашиваетъ у предстоящаго передъ нимъ: „Это вашъ рапортъ?“—„Мой, ваше сіятельство.“—„Такъ вотъ видите ли, я никакъ не могъ разобрать вашу фамилію, за тѣмъ то и потребовалъ васъ, пожалуйста прочтите ее“.—„Теперь можете ѣхать обратно“.

Окружной командиръ былъ крѣпко радъ, что такъ дешево отдѣлался отъ грознаго Аракчеева и съ тѣхъ поръ фамилію подписывалъ совершенно разборчиво.

Кстати, проживая еще ребенкомъ въ Херсонскомъ военномъ поселеніи (въ г. Вознесенскѣ), я запомнилъ написанные, неизвѣстно мнѣ кѣмъ, изъ обитателей военныхъ поселеній, стихи[1]).

Сообщ. Г. С. Демянокъ.

II.

Гласъ вопіющаго въ воен. поселеніяхъ.

Жизнь въ военномъ поселеньи—
Настоящее мученье,
Только не для всѣхъ.

[1]) Стихи эти приводимъ по двумъ спискамъ: Г. С. Демянока и Л. С. Мацѣевича (послѣдній списокъ присланъ изъ Кишенева). Ред.

Поселяне голодаютъ,
За то власти поживаютъ
Очень хорошо.

Для полковъ здѣсь заточенье,
Голодъ, холодъ, изнуренье,
Хуже чѣмъ въ Крыму.

Здѣсь ячмень даютъ уланамъ,
А рожь прячутъ по карманамъ,
Такъ заведено.

Въ рядъ по стрункѣ, какъ солдаты,
Поселянскія здѣсь хаты,
Все по чертежамъ.

Чисто прибрано снаружи,
А внутри едва ли хуже
Можно отыскать.

Комитеты, магазины,
Образцовые овины,
Только на показъ.

Окружные, волостные,
Всѣ мошенники такіе,
Какихъ не найдешь.

Казначеи, аудиторы
И квартермистры, всѣ воры,
.....

Писаря—капиталисты,
Мрутъ, какъ мухи, кантонисты,
Воздухъ вишь такой!

Хлѣбъ казенный не родится,
За то собственный спорится,
Не куда дѣвать!

Страшно плохи лазареты,
За то славныя кареты
У смотрителей.

Люди въ полѣ убираютъ,
Здѣсь же графа ожидаютъ,
Площади метутъ.

Офицерикъ—оборванецъ,
Первый былъ въ полку.....
По уши въ долгахъ.

А какъ здѣсь пообживется,
Всѣмъ на свѣтѣ заведется,
Брюхо отростетъ.

А спросите у любого:
Съ содержанья небольшого,
Какъ живете вы?

«Хотя сами не богаты,
Такъ на богатыхъ мы женаты,
Этимъ и живемъ».

Имъ примѣръ начальникъ штаба [1]),
Онъ же строилъ вѣдь дворецъ [2]),
. . . . . .

На тѣ денежки дворцовы,
Взялъ имѣньице Чернова [3]),
Вотъ вамъ образецъ!

Изъ полковъ заводъ исправилъ,
Тѣмъ доходецъ поприбавилъ,
Ай да молодецъ!

Вѣдь Панаевъ генералъ
И для слѣдствія пріѣзжалъ,
Было плутъ струхнулъ.

Да долги руки [4]) помогли,
Все къ порядку привели
И концы къ чертямъ.

Вотъ пасторовы дѣтишки
Добываютъ такъ чинишки,
А починочку въ карманъ.

Жизнь въ военномъ поселеньи
Настоящее мученье,
Только не для всѣхъ.

На бумагѣ—все прекрасно,
А на дѣлѣ—такъ ужасно,
Хоть не говори!

---

[1]) Л.

[2]) Въ Елисаветградѣ, Херс. губ., царскій дворецъ.

[3]) Въ Харьковской губерніи.

[4]) Князь Долгоруковъ, бывшій военный министръ, а потомъ шефъ жандармовъ, до того же, начальникъ штаба инспектора резервной кавалеріи, при графѣ Никотинѣ.

III.

Пѣсня объ Аракчеевѣ.

Аракчеевъ, графъ Ракчеевъ господинъ,
Опиваетъ, объѣдаетъ наше жалованье:
Боевое, строевое, третье—денежное.
Онъ на эти-то на деньги, графъ, палаты себѣ склалъ,
Онъ повыстроилъ хоромы—бѣлъ-хрустальный потолокъ,
И на этомъ потолокѣ бѣжитъ рѣчкою вода,
Бѣжитъ рѣчкою вода, бѣла-рыба пущена,
Бѣла-рыба пущена, кровать нова взмощена.
Какъ на этой на кровати графъ Ракчеевъ почивалъ,
Графъ Ракчеевъ почивалъ, бѣлу-рыбу искушалъ [1]),
Бѣлу-рыбу искушалъ [1]), генераловъ созывалъ,
Генераловъ созывалъ, имъ похвастывалъ:
«Я повыстрою хоромы, да не эдаки еще:
Я не хуже, я не лучше государева дворца,
Я и тѣмъ будто похуже—золотова нѣтъ орла,
Золотова нѣтъ орла, позолоченова».

Примѣчаніе. Приведенная пѣсня пѣлась еще въ 1830 годахъ солдатами оренбургскаго линейнаго баталіона, расположеннаго въ г. Троицкѣ, гдѣ мною и записана. Не лишнимъ считаю сообщить, что между современниками Аракчеева—простолюдинами—почему-то распространилось баснословіе, что въ своемъ имѣніи Аракчеевъ устроилъ такой домъ, въ которомъ по хрустальному потолку пропущена вода и въ ней живетъ посаженная рыба, что и выражается словами пѣсни «и на этомъ потолокѣ бѣжитъ рѣчкою вода»; это убѣжденіе очень характеристично, какъ народное указаніе на всемогущество Аракчеева.

г. Троицкъ,
Оренбургской губ.

Сообщ. **Я. П. Безувладниковъ.**

IV.

Пѣсня о Ракчеевѣ.

Какъ по рѣчкѣ, по рѣчкѣ,
По матушкѣ, по Невѣ,
Лёхка лоточка плыветъ;
За собой лотка ведетъ
Тридцать восемъ кораблевъ [2]).
Во каждомъ во кораблѣ
По пяти сотъ молодцовъ,
Гребцовъ—пѣсельничковъ.
Хорошо гребцы гребутъ,
Весёлы пѣсни поютъ,
Разговоры говорятъ,

---

[1]) Кушалъ.

[2]) Поютъ также: «триста восемь».

Все Рахчеева [1]) бранятъ.
«Ты, Рахчеевъ, осподинъ [2]),
За столомъ сидишь одинъ,
Передъ нимъ водки графинъ,
Пропиваешь, проѣдаешь
Нашо жалованьё,
Что другоё трудовоё [3]),
Третьё денежноё.
Какъ на эти жо на деньги
Сталъ заводы заводить [4]),
Сталъ палаты становить,
Бѣлокаменны полаты,
Стѣны мнаморныя,
Весь хрустальной потолокъ,
Что съ подвырѣзомъ окошки [5]),
Позолоченой конекъ,
Изъ Москвы первой домокъ,
И не хуже онъ, не лучче
Осударева дворца;
Только тѣмъ-то жо похуже,
Золотова орла нѣтъ.
«Тысячь сорокъ издержу,
Золотой орелъ солью,
Всю Русею удивлю,
Всю я чернедь раззорю».

Примѣчаніе. «Пѣсня о Рахчеевѣ» записана нами въ деревнѣ Коряковнѣ, близъ Царево-Кокшайска, въ 1854 году. Пѣсню эту нельзя считать самобытною. Болѣе или менѣе сходными штрихами въ пѣсняхъ очерчены нелюбимыя народомъ личности правителей. Въ пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ (вып. 8, стр. 294 — 302), гребцы бранятъ князя Бориса Рѣпнина, Астраханскаго воеводу и князя Меншикова:

«Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
Кормовое — годовое, наше денежнос».

Но болѣе близкое сходство «Пѣсни о Рахчеевѣ» мы видимъ въ пѣсняхъ о князѣ Гагаринѣ. Тамъ только иное мѣсто дѣйствія, но тоже ставленіе (въ Москвѣ) хитрыхъ палатъ, даже съ фонтанами и живой рыбой, а самъ Гагаринъ,

---

[1]) употребляется и «Разчеева».

[2]) По другому варьянту:

Вотъ Разчеевъ, дворянинъ,
За столомъ сидитъ одинъ,
Пропиваетъ и т. д.

[3]) Поютъ и «строевое».

[4]) Употребляется также:

Онъ заводы заводилъ,
Палатушки становилъ.

[5]) Поютъ и «Изъ подвырѣзомъ окошки».

любующійся съ кровати на рыбу и мечтающій послужить въ Сибири, и построить потомъ палаты

не лучше бы, не хуже государева дворца,
Только тѣмъ развѣ похуже,—золотого орла нѣтъ.
Ужъ за эту похвальбу государь его казнилъ.

Въ «Пѣснѣ о Рахчеевѣ» вполнѣ самобытными чертами остаются только сидѣнье его одного за столомъ съ графиномъ водки и намѣреніе его, слить золотаго орла на удивленіе Россіи, съ раззореніемъ черни.

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

V.

Аракчееву.

«Безъ лести преданный!» Врагу преданный льстецъ.
Добыча адская и чорныхъ книгъ писецъ!
Во адѣ, по дѣламъ своимъ, ты стоишь обелиска,
Объ этомъ уже есть у сатаны записка.
Ты—пища вѣчная превѣчнаго огня,
Ты адскихъ фурій братъ, ты—чортова родня;
Тебя самъ чортъ кроилъ, ты цѣлымъ адомъ шитый,
Куда тебѣ готовъ давно и листъ открытый.
О, хитрый временщикъ! Царь, лестью упоенный,
Не зритъ въ тебѣ того, что̀ видитъ царь вселенной:
Что цѣлая тобой раззорена страна,
Что въ пышныхъ житницахъ въ запасѣ нѣтъ зерна,
Что жизнію людей ты осушаешь бла̀та,
Что пухнутъ безъ соли, тиранятъ что солдата,
Что хлѣба даннаго на мѣсяцъ не стаетъ,
Что высохшую грудь младенецъ не сосетъ,
Что въ тридцати селахъ телицы нѣту млечной,
Что равнодушно зритъ мать сонъ дитяти вѣчный!

Примѣчаніе. Эти нескладныя, но исполненныя желчи вирши заимствованы изъ рукописнаго сборника временъ Аракчеевщины. Сообщ. изъ бумагъ И. П. К. Если мы приводимъ такія стихотворенія и пѣсня на страницахъ «Русской Старины», то только какъ выраженіе того глубокаго озлобленія, какое возбуждалъ къ себѣ Аракчеевъ въ своихъ современникахъ. Между прочимъ, извѣстный девизъ Аракчеева: «Безъ лести преданъ»—шутники его времени обыкновенно писали: «Бѣсъ—лести преданъ!» Ред.

СЪѢЗДЪ ЧЛЕНОВЪ „СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВІЯ“ ВЪ МОСКВѢ.

1821 г.

(Отвѣтъ Н. М. Орлову).

Въ 1821 году съѣхались въ Москву нѣкоторые члены „Союза Благоденствія“, чтобы рѣшить: можетъ ли существовать тайное общество, или слѣдуетъ его закрыть.

О первомъ засѣданіи этого съѣзда есть разсказъ въ „Запискахъ“ И. Д. Якушкина. Вотъ что говоритъ онъ: „Въ первыхъ числахъ января 1821 года, Граббе, Бурцевъ и я жили вмѣстѣ у фонъ-Визиныхъ. Вскорѣ потомъ пріѣхали въ Москву изъ Петербурга Н. Тургеневъ и Ѳ. Глинка, а потомъ изъ Кіева и М. Орловъ съ Охотниковымъ. Было рѣшено, Комарова не принимать на наши совѣщанія; ему уже тогда не очень довѣряли. На первомъ изъ этихъ совѣщаній были: Орловъ, Охотниковъ, Н. Тургеневъ, Ѳ. Глинка, два брата фонъ-Визины, Граббе, Бурцевъ и я. Орловъ привезъ писанныя условія, на которыхъ онъ соглашался присоединиться къ тайному обществу. Въ этомъ сочиненіи, послѣ многихъ фразъ, онъ старался доказать, что тайное общество должно рѣшиться на самыя крутыя мѣры и, для достиженія своей цѣли, должно прибѣгнуть къ средствамъ, которыя даже могутъ казаться преступными. Во-первыхъ, онъ предлагалъ завести тайную типографію или литографію, посредствомъ которой можно бы было печатать разныя статьи противъ правительства и потомъ въ большомъ количествѣ разсылать ихъ по всей Россіи. Второе его предложеніе состояло въ томъ, чтобы завести фабрику фальшивыхъ ассигнацій, черезъ что, по его мнѣнію, тайное общество съ перваго раза пріобрѣло бы огромныя средства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подрывался бы кредитъ правительства. Когда онъ кончилъ чтеніе, всѣ смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ. Я, наконецъ, сказалъ ему, что онъ вѣроятно шутитъ, предлагая такія неистовыя мѣры;

но ему того только и нужно было. Помолвленный на Раевской, въ угодность ея роднымъ, онъ рѣшился прекратить всѣ сношенія съ членами тайнаго общества. На возраженія наши, онъ сказалъ, что если мы не принимаемъ его предложеній, то онъ никакъ не можетъ принадлежать къ нашему тайному обществу. Послѣ чего, онъ уѣхалъ и ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался и только, уѣзжая уже изъ Москвы, въ дорожной повозкѣ заѣхалъ проститься съ фонъ-Визинымъ и со мной. При прощаніи, показавъ на меня, онъ сказалъ: „Этотъ человѣкъ никогда мнѣ не проститъ!“ Въ отвѣтъ я пародировалъ нѣсколько строкъ изъ письма Брута къ Цицерону и сказалъ ему: „Если мы успѣемъ, Михайло Ѳедоровичъ, мы порадуемся вмѣстѣ съ вами, если же не успѣемъ, то безъ васъ порадуемся одни“. Послѣ этого онъ бросился меня обнимать“.

Разсказъ этотъ вызвалъ опроверженіе со стороны Н. М. Орлова, который утверждаетъ, что въ немъ все вымышлено, кромѣ того, что М. Ѳ. Орловъ былъ помолвленъ на дочери Н. Н. Раевскаго и что онъ присутствовалъ на московскомъ съѣздѣ членовъ Союза Благоденствія, съ цѣлію прервать съ нимъ всякое общеніе [1]). Мнѣніе свое Н. М. Орловъ основываетъ на разсказѣ своего отца, который передавалъ ему факты совершенно иначе. Привожу подлинныя слова Н. М. Орлова.

„На съѣздѣ батюшка занялъ предсѣдательское мѣсто, отъ котораго отказался Н. И. Тургеневъ, вовсе даже небывшій въ первый день въ числѣ присутствующихъ. На этомъ фактѣ, что отецъ былъ предсѣдателемъ и что Тургеневъ не присутствовалъ, я особенно настаиваю, такъ какъ я его, именно, слышалъ неоднократно отъ отца. Якушкинъ же о семъ умалчиваетъ и даже говоритъ противное, и, вообще, разсказываетъ о съѣздѣ, какъ о какомъ-то частномъ совѣщаніи, или просто разговорѣ девяти лицъ, на квартирѣ одного изъ участниковъ. Торжественность и обрядность, не забудемъ, были въ обычаяхъ масонизма и вообще тайныхъ обществъ того времени. Съѣздъ уполномоченныхъ и членовъ Союза, о которомъ я всегда слышалъ, какъ о довольно многочисленномъ, естественно, не могъ обойтись безъ нѣкоторой обрядности и постановки [2]). Засѣданіе было довольно бурное; послѣ двухъ или трехъ запальчивыхъ заявленій со

[1]) См. статью «М. Ѳ. Орловъ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. V, стр. 775—781.

[2]) Желаніе нѣкоторыхъ членовъ, установить торжественность и обрядность, уже ранѣе встрѣтило противодѣйствіе со стороны многихъ. На съѣздѣ 1821 г. торжественности было такъ мало, что не было даже постояннаго предсѣдателя; только тогда, когда пренія дѣлались слишкомъ неправильными, просили управлять ими одного изъ присутствующихъ. «Записки Н. Тургенева», стр. 87. Е. Я.

стороны нѣкоторыхъ членовъ, батюшка выразилъ свои задушевныя убѣжденія; объявилъ, что направленіе, выразившееся въ засѣданіи, и неоднократно внѣ его, ставитъ его въ необходимость протестовать противъ него, что оно совершенно извращаетъ цѣль и свойства Союза, что подобныя увлеченія положительно опасны для отечества, и могутъ завтра же каждаго довести до преступленія; что посему онъ, какъ членъ Союза, объявляетъ, что не можетъ слѣдовать по этому пути, отказывается отъ званія члена и, какъ одинъ изъ основателей Союза и предсѣдатель собранія, распускаетъ оное, убѣдительно совѣтуя всѣмъ, коимъ дорого отечество и общее благо, послѣдовать его примѣру“.

Затѣмъ, Н. М. Орловъ задаетъ себѣ вопросъ: что побудило Якушкина написать „Записки“, пропитанныя ядовитою неправдою? „Про И. Д. Якушкина, говоритъ онъ, я слышалъ отзывъ, какъ о человѣкѣ честномъ и добромъ въ сущности, но нервномъ, впечатлительномъ и весьма способномъ къ страстнымъ увлеченіямъ; кромѣ того, какъ о единственномъ изъ декабристовъ, который вынесъ изъ ссылки чувство глубокаго озлобленія. На это одинъ отвѣтъ: кто можетъ знать, какую форму, въ нервномъ и озлобленномъ человѣкѣ, могутъ принять воспоминанія, сквозь миражъ 30-ти лѣтъ физическихъ и нравственныхъ страданій? воображеніе — калейдоскопъ“. Далѣе онъ высказываетъ догадку, что Якушкинъ мстилъ Орлову за свои неудачи.

Тридцатилѣтнія страданія, на которыя указываетъ Н. М. Орловъ уже потому ничего необъясняютъ, что разсказъ о московскомъ съѣздѣ слышали отъ Якушкина его товарищи, и вскорѣ послѣ ссылки, и впослѣдствіи на поселеніи, когда еще были живы лица, принимавшія участіе въ съѣздѣ и когда невѣрность разсказа не могла бы остаться безъ опроверженія. Ссылаюсь на свидѣтельство П. Н. Свистунова и М. И. Муравьева-Апостола.

Что касается до мысли, высказанной Н. М. Орловымъ, что Якушкинъ мстилъ своимъ разсказамъ его отцу за свою неудачу, то она совершенно непонятна. Отказъ Орлова отъ участія въ обществѣ не помѣшалъ обществу образоваться, и, слѣдовательно, никакой неудачи не было. Если же подъ неудачей авторъ статьи подразумѣваетъ ссылку декабристовъ въ Сибирь, то это показываетъ, что онъ совершенно незнакомъ съ ихъ характеромъ; они твердо и съ достоинствомъ несли наказаніе, и имъ нечего было завидовать тѣмъ, которые, оставивъ дѣло, избѣгли ссылки. Этимъ и объясняется совершенное отсутствіе въ нихъ всякаго озлобленія. Въ этомъ отношеніи И. Д. Якушкинъ, конечно, не составлялъ исключенія. Я не намѣренъ

распространяться о его личныхъ качествахъ, но не могу не сказать о нихъ нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить достовѣрность его „Записокъ“, насколько она зависитъ отъ его личнаго характера. Товарищи ставили его, какъ человѣка и какъ гражданина, очень высоко. Е. П. Оболенскій, въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ, говоритъ: „Если можно назвать кого-нибудь, кто осуществилъ нравственную цѣль и идею общества, то, безъ сомнѣнія, имя И. Д. Якушкина всегда будетъ на первомъ планѣ“. Другой его товарищъ по ссылкѣ, П. Н. Свистуновъ, дѣлаетъ о немъ слѣдующій отзывъ: „Якушкинъ такъ высоко цѣнилъ духовное начало въ человѣкѣ, что неумолимъ былъ къ себѣ за малѣйшее отступленіе отъ того, что признавалъ своимъ долгомъ, равно и за всякое проявленіе душевной слабости. Несмотря на то, я рѣдко встрѣчалъ человѣка, который бы оказывалъ ближнему столько терпимости и снисходительности. Зная его добросовѣстность, можно поручиться, что не только онъ не былъ способенъ выдавать ложь за правду, но и не передалъ бы факта или свѣдѣнія, въ подлинности коихъ предварительно бы не удостовѣрился“ [1]).

Обращаюсь теперь къ разсказу М. Ѳ. Орлова. Онъ исполненъ такихъ несообразностей, что, очевидно, память измѣнила автору статьи, и онъ передалъ невѣрно слова своего отца. Очень можетъ быть, что М. Ѳ. Орловъ ни слова не говорилъ сыну о тѣхъ предложеніяхъ, о которыхъ упоминается въ „Запискахъ“ И. Д. Якушкина, но ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ передавать того, что напечатано въ статьѣ; онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы такъ неловко исказить факты.

По словамъ Н. М. Орлова, Тургеневъ отказался отъ предсѣдательства и даже не былъ въ первый день въ числѣ присутствовавшихъ. Ежели онъ не присутствовалъ въ первомъ засѣданіи, то, очевидно, ему не могло быть предложено предсѣдательство и онъ не могъ отъ него отказаться. Едва ли въ какомъ-нибудь собраніи возможенъ выборъ предсѣдателя прежде начала засѣданій; во всякомъ случаѣ, такого предварительнаго выбора не могло быть на съѣздѣ 1821 г. Н. И. Тургеневъ, въ своихъ „Запискахъ“, положительно утверждаетъ, что въ ихъ собраніяхъ обыкновенно не было вовсе предсѣдателя и только, когда нарушался порядокъ преній, то просили кого-нибудь управлять ими.

Какъ извѣстно, поводомъ къ собранію съѣзда въ Москвѣ было полное бездѣйствіе общества и желаніе удалить нѣкоторыхъ ненадежныхъ членовъ. Вслѣдствіе неразборчиваго пріема въ члены обще-

[1]) «Рус. Архивъ» 1870 г.; стр. 1657 и 1663.

ства, въ него вступили лица, не только равнодушныя къ дѣлу, но и болѣе чѣмъ сомнительной нравственности. Особенно малою разборчивостью въ пріемѣ отличался А. Н. Муравьевъ. Такъ имъ былъ принятъ въ члены одинъ секретарь сената, получившій впослѣдствіи нѣкоторую извѣстность въ литературѣ; вступивши въ общество, онъ требовалъ денегъ, угрожая донести обо всемъ правительству. Муравьевъ принужденъ былъ купить его молчаніе. Хотя численность членовъ и возрастала, но дѣятельность общества все болѣе и болѣе падала. Центрами тайнаго общества были въ то время: Петербургъ, Тульчинъ и Москва. Въ Петербургѣ, со времени неудачной попытки Тургенева издавать журналъ, общество не подавало никакихъ признаковъ жизни. Собранія мало по малу прекратились, и члены Союза Благоденствія почти забыли о его существованіи. Болѣе дѣятельнымъ считался Тульчинъ, но и тамъ признаки дѣятельности были такъ же мало замѣтны, какъ и въ Петербургѣ [1]). Тоже было и въ Москвѣ. Бурцеву, ѣхавшему изъ Тульчина въ Москву, поручено было понудить членовъ московскаго отдѣла къ большей дѣятельности [2]) М. А. фонъ-Визинъ, посланный въ Петербургъ приглашать на съѣздъ, заявилъ, что дѣло въ совершенномъ застоѣ, такъ что нельзя даже сказать: существуетъ ли общество, или нѣтъ [3]). Главная цѣль московскаго съѣзда была пробудить къ жизни общество, которое, по словамъ Тургенева, фактически уже не существовало; на этомъ съѣздѣ, конечно, никому не могло прійти въ голову протестовать противъ опасныхъ увлеченій.

Еще менѣе могъ Орловъ заявить, что онъ, какъ одинъ изъ основателей Союза и предсѣдатель собранія, распускаетъ его. Во-первыхъ, Орловъ не принадлежалъ къ числу основателей Союза Благоденствія; по его собственному показанію, онъ сдѣлался членомъ Союза не раньше іюля 1820 г., т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ до его закрытія [4]); во-вторыхъ, предсѣдатель назначался только для управленія преніями и никакой другой власти ему не предоставлялось.

Если бы о московскомъ съѣздѣ мы имѣли свѣдѣнія только изъ „Записокъ“ Якушкина и разсказа Орлова, то и тогда бы послѣдній не могъ подорвать значенія и достовѣрности первыхъ; но сохранился еще одинъ разсказъ и при томъ современный, который уничтожаетъ всякое сомнѣніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1821 г., М. К. Грибовскій, служившій въ то время

[1]) «Зап. Тургенева», стр. 85 и 86.
[2]) «Зап. Басаргина», стр. 11.
[3]) «Зап. Тургенева», стр. 86.
[4]) Донесеніе слѣд. ком., 3-е примѣчаніе на стр. 17.

въ главномъ штабѣ, представилъ императору Александру I, черезъ И. В. Васильчикова, записку о тайномъ обществѣ и съѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ. Послѣ смерти императора, она найдена была въ его бумагахъ и передана въ слѣдственную комиссію [1]). Авторъ этой записки, любопытной во многихъ отношеніяхъ, упомянувъ о распаденіи общества, говоритъ: „Сіе заставило ревностнѣйшихъ членовъ составить, въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго года, чрезвычайное засѣданіе въ Москвѣ. Тамъ были изъ главнѣйшихъ, кромѣ Муравьевыхъ, Н. Тургеневъ, Глинка, М. Орловъ, два фонъ-Визина, Граббе, Комаровъ. Собранія бывали у фонъ-Визина и Тургенева. Мнѣніе о приведеніи въ порядокъ дѣлъ были не согласны. Орловъ ручался за свою дивизію, требовалъ полномочія дѣйствовать по своему усмотрѣнію; настаивалъ объ учрежденіи невидимыхъ братьевъ, которые бы составляли центръ и управляли всѣмъ; прочихъ предлагалъ раздѣлить на языки (по народамъ: греческій, еврейскій и проч.), которые бы, какъ лучи, сходились къ центру и приносили дани, не вѣдая, кому; о заведеніи типографіи въ лѣсахъ, даже дѣланіи тамъ фальшивыхъ ассигнацій, для доставленія обществу потребныхъ суммъ".

По замѣчанію автора „Записки", Орловъ сдѣлалъ эти предложенія, можетъ быть, для того, чтобы найти предлогъ отстать отъ общества, такъ какъ невозможно было ожидать, чтобы онѣ были приняты.

Вполнѣ уважая то чувство, которое побудило Н. М. Орлова написать статью въ защиту своего отца, я сожалѣю, что онъ неловкой защитой, можетъ быть, оказалъ дурную услугу его памяти. Слабость характера, выказанная М. Ѳ. Орловымъ, есть, конечно, большой недостатокъ, но она не отнимаетъ отъ него тѣхъ достоинствъ, которыя поставили его высоко въ обществѣ, послѣ ссылки его бывшихъ товарищей.

Е. И. Якушкинъ.

16 сентября 1872 г.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Замѣтка о годѣ его рожденія.

Въ напечатанныхъ мною, въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" 1869 года, „Воспоминаніяхъ о К. Ѳ. Рылѣевѣ", были изложены, имѣвшіяся въ моихъ рукахъ, свѣдѣнія объ этомъ лицѣ, насколько было то нужно для исправленія показаній покойнаго Н. И. Греча.

---

[1]) Въ Дон. слѣд. ком. о запискѣ этой упоминается въ 1-мъ примѣчаніи на стр. 18. Е. Я.

О Грибовскомъ, какъ объ тайномъ агентѣ, см. въ «Р. Ст.», 1871 г., т. IV, стр. 661. Ред.

Въ настоящее время возникли сомнѣнія относительно достовѣрности приведеннаго мною времени рожденія Рылѣева. „Любитель Старины", въ своей замѣткѣ („Р. Ст.", 1872 г., стр. 438) о стихотвореніяхъ Рылѣева, отвергая показанія г. Ефремова и мое, полагаетъ болѣе достовѣрнымъ сослаться на статью А. А. Бестужева, „Взглядъ на старую и новую словесность", помѣщенную въ „Полярной Звѣздѣ" 1823 года, гдѣ означенъ годъ рожденія Рылѣева —1795.

О рожденіи Рылѣева мнѣ извѣстно слѣдующее: до рожденія Кондратія Ѳедоровича, мать его, Настасья Матвѣевна, имѣла нѣсколькихъ дѣтей, но всѣ они были не долголѣтны. Чтобы сохранить новорожденнаго малютку отъ участи, постигшей другихъ дѣтей, то мать Рылѣева, на основаніи народнаго повѣрья, послала на улицу пригласить въ воспріемники, при святомъ крещеніи, двухъ первыхъ встрѣтившихся на перекресткѣ людей. Такъ и было сдѣлано. Встрѣтившійся мужчина былъ какой-то отставной солдатъ Кондратъ, а женщина какая-то нищенка. По имени воспріемника дано было новорожденному имя Кондрата.

При составленіи вышеприведенныхъ „Воспоминаній" я имѣлъ уже въ виду оба показанія, приведенныя любителемъ старины. Первое изъ нихъ показаніе г. Ефремова, полагающаго, что Рылѣевъ родился въ 1797 г., имѣетъ источникомъ весьма сомнительное семейное преданіе, основанное на словахъ няни, Натальи Михайловны Рылѣевой, которая удостовѣряла, что когда онъ сватался за барышней, то былъ очень моложавъ и на ея взглядъ никакъ не могъ имѣть тридцати лѣтъ.

Второе показаніе (о рожденіи въ 1795 г.), какъ происходящее отъ А. А. Бестужева, ближайшаго друга Рылѣева, имѣвшаго возможность получить болѣе точныя свѣдѣнія о времени его рожденія, заслуживаетъ болѣе вѣры и, по моему мнѣнію, приближается къ истинѣ.

Имѣя въ виду это разнорѣчіе, я былъ вынужденъ обратиться къ повѣркѣ этихъ показаній свѣдѣніями оффиціальными, имѣющими несомнѣнную достовѣрность. Такъ какъ, въ числѣ документовъ, требовавшихся при опредѣленіи въ кадетскій корпусъ, самый важный и необходимый составляло метрическое свидѣтельство о рожденіи, безъ котораго желающій поступить въ заведеніе не могъ быть принятъ, то я и обратился тогда въ архивъ бывшаго 1-го кадетскаго корпуса, въ которомъ Рылѣевъ воспитывался. Хотя въ архивѣ и не оказалось подлиннаго метрическаго свидѣтельства, такъ какъ оно, впослѣдствіи, было выдано самому Рылѣеву, но однако же остались слѣды этого свидѣтельства. Въ большой прошнурованной алфавитной книгѣ, въ которую вносили всѣхъ поступавшихъ въ корпусъ воспитанниковъ, съ отмѣтками въ графахъ противъ каждаго, времени рожденія и

другихъ свѣдѣній, въ соотвѣтствующей его фамиліи графѣ, отмѣчено: „Принятъ 23-го января 1801 года, имѣя 12 лѣтъ отъ роду".

Кромѣ означенныхъ трехъ показаній о времени рожденія Рылѣева, имѣется еще четвертое, также основанное на собственныхъ словахъ Рылѣева и данное имъ во время производства слѣдствія и суда по дѣлу 14-го декабря 1825 года, о тайныхъ обществахъ. Тутъ онъ показалъ, что въ 1825 году ему было отъ роду 29 лѣтъ, слѣдовательно окажется, что онъ родился не въ 1795 или 1797 гг., а въ 1796 г.

Не имѣя никакой надобности уменьшать или увеличивать его возрастъ, я полагаю однако же болѣе основательнымъ придерживаться оффиціальнаго показанія, которое имѣетъ, между прочимъ, и то преимущество, что при старшинствѣ своемъ, лишено неудобствъ голословности. Предоставляю также другимъ судить, насколько будетъ вѣроятно предположеніе, чтобы мать Рылѣева, одна изъ добрѣйшихъ женщинъ, рѣшилась бы разлучиться съ единственнымъ своимъ сыномъ, когда ему было три или четыре года отъ роду. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что представляемое мною показаніе о времени рожденія Рылѣева въ 1789 году должно пользоваться преимуществомъ предъ прочими, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не отыщется подлиннаго метрическаго свидѣтельства.

Сообщ. **Дмитрій Кропотовъ.**

КЪ ИСТОРІИ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО ПОГРОМА.

I.

Кн. И. Ѳ. Паскевичъ къ кн. М. Д. Горчакову.

Въ одномъ изъ списковъ замѣчательнаго письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову, по поводу защиты и паденія Севастополя, есть слѣдующее мѣсто, дополняющее текстъ нами изданнаго документа («Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 429). **Ред.**

Вы пишите: „Наступательное движеніе это, которое было въ видахъ государя императора и при томъ было необходимо для удовлетворенія общаго мнѣнія Россіи (точно Бородинское сраженіе было необходимо прежде отдачи Москвы!), я намѣренъ былъ сдѣлать съ большою осмотрительностію и только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на которыя, впрочемъ, мало разсчитывалъ, перейти къ дѣй-

ствительному наступленію". Приводя параграфъ сей слово въ слово, я дѣлаю нѣкоторыя замѣчанія:

1) Непростительно главнокомадующему писать, что наступательное движеніе это было въ видахъ государя императора. Главнокомандующій, въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ жертвовать всѣмъ для спасенія арміи, а не обвинять Государя, находившагося въ 1,300 верстахъ.

2) Государь, пославшій въ Крымъ, за исключеніемъ гвардіи и 1-го корпуса, всю свою армію, былъ вправѣ требовать отъ главнокомандующаго, чтобы онъ что-нибудь да сдѣлалъ; но ни Государь, ни Россія не могли предвидѣть, что армію поведутъ, такъ сказать, на убой.

3) Никогда не повѣрю, чтобы государь приказалъ вамъ идти на вѣрное пораженіе, зная изъ вашихъ донесеній, что укрѣпленія на Федюхиныхъ-горахъ сильнѣе Севастопольскихъ. Если вы получили такое повелѣніе, тогда вамъ, какъ хранителю русской чести, оставалось изложить то, что совѣсть и долгъ вашъ указывали. А что вамъ указывали совѣсть и честь? Откровенно сознаться предъ Государемъ въ невозможности исполнить его волю, и затѣмъ просить отозвать васъ изъ арміи, какъ человѣка, неоправдавшаго довѣрія. Вотъ какъ должны вы были поступить, и тогда на душѣ вашей не лежала бы кровь 10-ти тысячъ жертвъ, погибшихъ подъ Черной, потому только что вы не осмѣлились чистосердечно изложить ваше мнѣніе! Повѣрьте, если бы вы приняли на себя благородную рѣшимость говорить правду, вы не только не лишились бы милости Государя, но возвысили бы себя въ глазахъ Императора, до котораго доступны слова истины. Наконецъ, допустимъ даже, что васъ отозвали бы изъ арміи, тогда вашему сіятельству предстояло завидное утѣшеніе въ собственномъ сознаніи исполненія долга предъ Государемъ и Россіею, и наконецъ, въ увѣренности, что рано или поздно исторія и потомство отдадутъ вамъ справедливость; а чувства сіи неоцѣненны, когда наступаетъ минута разставаться съ жизнью; говорю вамъ по опыту, ибо вижу мое безнадежное состояніе.

II.

Записка императора Николая Павловича барону Вревскому.

1854.

Прикажи Г. А. Фельдману, быть завтра ко мнѣ съ планомъ Севастополя и со всѣми свѣдѣніями и отчетными рабочими чертежами, которые имѣться должны въ департаментѣ. Что пишетъ Меньшиковъ— мнѣ не совсѣмъ понятно, ибо проектъ, сколько помню, давно утверж-

день, и работы, ему сходно, постепенно производились. Послѣднее было еще мной съ княземъ Меньшиковымъ, разрѣшено на мѣстѣ, два года тому. Отчего же оно не исполнилось, не могу я понять.

Съ подлиннымъ вѣрно: директоръ канцеляріи генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій.

Примѣчаніе. Копія съ этой записки, переносящей въ эпоху трудовъ покойнаго Государя относительно обороны Севастополя, сообщена была Ѳ. В. Булгарину, изъ бумагъ котораго доставлена намъ В. Ѳ. и В. Ѳ., при посредствѣ Т. А. Сосновскаго. Ред.

Замѣтки, поправки и дополненія.

Подстрочное примѣчаніе къ 190 разсказу Карабанова («Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 289, пр. 1), надо читать такъ: дочь извѣстной актрисы Семеновой, была въ замужествѣ за княземъ И. А. Гагаринымъ. Эта дочь Семеновой отъ извѣстнаго богача Мусина-Пушкина, который отдалъ за дочерью въ приданое, на имя князя, свои имѣнія въ Симбирской губерніи. Отъ этого брака родились сынъ и четыре дочери, вышедшія замужъ, 1-я — за Т. П. Языкова, 2-я — за его роднаго брата, А. П. Языкова, 3-я — за г. Бекетова и 4-я — за г. Бѣлякова. По кончинѣ первой супруги, князь Гагаринъ женился вторично. Знаменитая нѣкогда актриса Семенова, въ глубокой старости, живетъ до сихъ поръ въ Москвѣ, какъ представительница давно минувшей русской сценической славы.

Симбирскъ. Кн. В. Баюшевъ.

Въ «Рус. Ст.» 1872 г., т. VI, на стр. 409, въ родословіи княжеской вѣтви фамиліи Суворовыхъ, какъ указываетъ кн. А. А. Суворовъ-Рымникскій, вкрались погрѣшности: княжна Марія Аркадіевна была не два раза въ замужествѣ, какъ показано, а одинъ разъ, именно за княземъ М. М. Голицынымъ и умерла княгинею Голицыной. Княжна Варвара Аркадіевна — отъ брака съ д. с. с. Башмаковымъ имѣла трехъ сыновей: Александра, Аркадія и Сергѣя Дмитріевичей Башмаковыхъ. Въ числѣ орденовъ, украшавшихъ грудь доблестнаго генералиссимуса Суворова—необходимо упомянуть сардинскій орденъ «Благовѣщенія», переходящій къ старшему въ родѣ Суворовыхъ и австрійскій военный орденъ «Маріи Терезіи» 1-й степени.

Къ стр. 461 («Р. Ст.», т. VI). По поводу замѣтокъ о дѣятельности А. Ѳ. Гильфердинга, въ званіи предсѣдателя петербургскаго отдѣла благотворительнаго московско-славянскаго комитета,—отмѣтимъ, что мысль объ образованіи таковаго отдѣла, первоначально даже въ видѣ самостоятельнаго общества, возникла въ 1867 г., при отъѣздѣ гостей-славянъ изъ Петербурга; возникла она въ отсутствіе Гильфердинга, путешествовавшаго тогда по Турціи, и до возможной степени осуществлена В. И. Ламанскимъ, І. П. Печаткинымъ (ратоборцемъ русскаго дѣла въ Прибалтійской окраинѣ), А. В Фрейгангомъ и нѣкоторыми другими. Съ возвращеніемъ Гильфердинга—отдѣлъ пріобрѣлъ въ этомъ ученомъ и уважаемомъ дѣятелѣ и предсѣдателя, и энергическаго руководителя.

Въ «Р. Ст.» 1872 г., т. VI, на стр. 474, строка 10 снизу, напеч. «нандутца», читай: «кладутца».

Къ стр. 290—292 «Р. Ст.», 1872 г., т. VI. Въ собраніи автографовъ М. Н. Похвиснева хранится одна изъ копій письма Ермолова къ историку Устрялову. Списокъ руки самого Алексѣя Петровича. По сличеніи съ напечатаннымъ нами спискомъ, находимъ слѣдующій варьянтъ: стр. 291, строка 8 сверху, напечатано: «оскорбленіе истины», читай: «искаженіе истины». Кстати замѣтимъ, что первоначальная редакція тѣхъ страницъ, въ трудѣ Устрялова, за которыя есть указаніе на 291 стр. «Р. Ст.», 1872 г., т. VI — передѣланы совершенно императоромъ Николаемъ Павловичемъ собственноручно.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ редакціи. Обращаемъ вниманіе читателей „Русской Старины“ и всѣхъ любителей отечественной исторіи на слѣдующія, заслуживающія полнѣйшей похвалы изданія:

ПЕТРЪ I ВЕЛИКІЙ
и
ЕГО ДѢЯТЕЛИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ,
составленный
художникомъ А. М. ЛУШЕВЫМЪ.

А. М. Лушевъ, художникъ-фотографъ, извѣстный изданіемъ очень хорошо составленнаго и исполненнаго „Историческаго Альбома“ портретовъ извѣстныхъ русскихъ лицъ XVII и XVIII вв. (см. отзывъ въ „Русск. Стар.“ 1871 г., кн. XII), желая почтить память великаго монарха, по случаю празднованія двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра I, составилъ два „Историческихъ Альбома“:

I. **Современниковъ и дѣятелей Петра Великаго и II. Историческихъ событій его царствованія.**

Въ первомъ Альбомѣ заключается любопытная коллекція въ 122 портрета изъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ по управленію государствомъ, современныхъ особъ царствующаго дома, предстоятелей церкви, ученыхъ, техниковъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ исторіи. Въ составъ „Альбома“ вошли также портреты нѣкоторыхъ иностранныхъ государей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ политикѣ Петра I, во время сѣверной войны его съ Карломъ XII. Портретъ шведскаго короля, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ его извѣстныхъ генераловъ, также находится въ этомъ собраніи. Всѣ портреты снабжены біографическими замѣтками.

Цѣна Альбому въ очень хорошемъ, тисненномъ золотомъ, переплетѣ 15 руб.

Второй „Альбомъ“ состоитъ изъ 26 рисунковъ, представляющихъ историческія событія царствованія перваго императора, виды мѣстностей и современныхъ зданій, снятыхъ преимущественно съ весьма рѣдкихъ гравюръ Петровскаго времени, преимущественно изъ собранія Д. А. Ровинскаго. Каждый рисунокъ, величиною въ размѣрѣ альбомнаго листа, снабженъ историческими поясненіями.

Цѣна Альбому также въ хорошемъ, тисненномъ золотомъ, переплетѣ 15 руб.

Независимо отъ сего, Лушевъ, для удобства пріобрѣтенія, раздѣливъ первый „Альбомъ“ на группы, изготовилъ **отдѣльные альбомы**, по цѣнѣ, доступной каждому пріобрѣтателю, а именно:

I. **Петръ I, его генералъ-адмиралы, фельдмаршалы, генералы и генералъ-адъютанты.**

1) Петръ I Великій. 2) Лефортъ, Францъ Яковлевичъ. 3) Головинъ, гр. Ѳед. Алексѣев. 4) Шеинъ, боляр. Алекс. Семенов. 5) Шереметевъ, гр. Бор. Петров. 6) Апраксинъ, гр. Ѳед. Матвѣев. 7) Меншиковъ. кн Ал. Данилов. 8) Голицынъ, кн. Мих. Михайл. 9) Репнинъ, кн. Аник. Иванов. 10) Гордонъ, Петръ Иванов. 11) Долгорукій, кн. Як. Ѳедоров. 12) Крюйсъ, Корнел. Ивановичъ. 13) Головинъ, Автон. Михайлов. 14) Брюсъ, Яковъ Вилимовичъ. 15) Бутурлинъ, Ив. Иванов. 16) Трубецкой, кн. Ив. Юрьев. 17) Долгорукій, кн. В. Владимір. 18) Чернышевъ, гр. Петръ Григор 19) Ласи, гр Петръ Петров. 20) Шереметевъ, гр. М. Борисов. 21) Девіеръ, гр. Ант. Мануилов. 22) Ягужинскій, гр. Павелъ Иванов. 23) Волынскій, Артемій Петров. 24) Ушаковъ, гр. Андрей Ивановичъ.

II. **Правители, канцлеры и дипломаты.**

25) Голицынъ, кн. Вас. Васильев. 26) Ромодановскій, кн. Ѳед. Юрьевичъ. 27) Голицынъ, кн. Бор. Алексѣев. 28) Голицынъ, кн. Дм. Михайлов. 29) Толстой, гр. Петръ Андреев. 30) Долгорукій, кн Гр. Ѳедоров. 31) Головкинъ, гр. Гавр. Иванов. 32) Паткуль, Іоганъ Рейнгольдъ. 33) Матвѣевъ, гр. Андрей Артемон. 34) Шафировъ, бар. Петръ Павлов. 35) Веселовскій, Авраамъ Павлов. 36) Хилковъ, кн. Андрей Яковлев. 37) Куракинъ, кн. Бор. Иванов. 38) Румянцевъ, гр. Ал. Иванов. 39) Остерманъ, гр. Андр. Иванов. 40) Бестужевъ-Рюминъ, гр. М. Петров. 41) Бестужевъ-Рюминъ, гр. А. Петров. 42) Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ.

III. **Правители Малороссіи, кабинетъ-секретари, ученые, инженеры и техники.**

43) Мазепа, Иванъ Степановичъ. 44) Скоропадскій, Иванъ Ильичъ. 45) Полуботокъ, Павелъ Леонтьев. 46) Кочубей, Вас. Леонтьев. 47) Кантемиръ, кн Дм. Констант. 48) Апостолъ, Дан. Павлов. 49) Черкаскій, кн. Ал. Михайлов. 50) Головинъ, Ив. Михайлов. 51) Геннинъ, Вилимъ Егоров. 52) Люберасъ, бар. Іоганнъ Людвигъ. 53) Макаровъ, Алексѣй Васильев. 54) Ѳеофанъ Прокоповичъ. 55) Минихъ, гр. Бурх. Христоф. 56) Соймоновъ, Ѳедоръ Иванов. 57) Тиммерманъ, Францъ Ѳедор. 58) Демидовъ, Акинф. Никитичъ. 59) Татищевъ, Васил. Никитичъ. 60) Антуфьевъ, Никита Демидов. 61) Сердюковъ, Мих. Ивановичъ 62) Тургеневъ, Яковъ Ѳедоровичъ.

Цѣна Историческому Альбому,

состоящему изъ I отд., въ 24 портр. 3 р. 50 к.
„ „ I и II „ 42 „ 6 „ — „
и за всѣ три отд., въ 62 „ 8 „ — „

Съ требованіями по выпискѣ, могутъ обращаться въ редакцію «Историческаго Альбома»: на Невскій проспектъ, домъ № 14, въ С.-Петербургѣ.

За пересылку взимается по разстоянію; считая „Альбомъ“ въ 24 портр.—за 2 ф.; въ 42 портр.—за 3 ф.; и въ 62 портр.—за 4 фунта.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. **Записки А. Т. Болотова.** 1738—1771 гг., два тома. Спб., 1870—1871 гг., стр. 1002 и 1120, въ два столбца, съ рисунками въ текстѣ—Болотова, и съ портретомъ его, гравированными академикомъ **Л. А. Сѣряковымъ.** (Приложенія къ «Русск. Стар.» 1870 и 1871 гг.).

Цѣна, въ отд. изданіи, за оба тома **6 руб.**

II. **Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго,** полиціймейстера—при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы, и сенатора при Екатеринѣ II. 1705—1777 гг., Спб. въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. 50 коп.

III. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина.** 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 380 стр.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

IV. **Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.** 1809—1831 гг. Новые разсказы очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., 1871 г., въ 8-ю д. л.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

V **Записки Екатерины Александровны Хвостовой.** 1812—1841 гг. Очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., 260 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

VI. Состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ, сочиненіе капитана **Джона Перри,** переводъ съ англійскаго, кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ **М. И. Семевскаго.** Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1872 г., въ 8-ю д., 200 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

I-й ВЫПУСКЪ КНИГИ:

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЛАХЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изданіе Вспомогательной Кассы С.-Петербургскихъ наборщиковъ.

КНИГА СОСТАВЛЕНА ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ СТАРИНА".

Цѣна 1-го выпуска, на веленевой бумагѣ, съ приложеніями фотографическаго портрета Петра I и снимками съ указа и азбуки, съ поправками на нихъ рукою Петра Великаго . . **2** р.

На простой бумагѣ, съ приложеніемъ портрета Петра I. **1** »

Книгопродавцамъ дѣлается уступка 20%.

Главный складъ по Большой Садовой, противъ Юсупова сада, домъ № 49, въ типографіи Балашева.

Контора редакціи «Русской Старины» извѣщаетъ, что поступающія, на нижеслѣдующія изданія, требованія не могутъ быть удовлетворяемы, такъ какъ книги эти разошлись сполна, до послѣдняго экземпляра, а именно: 1) «Русская Старина», изд. 1870 г. (первый годъ); 2) «Русская Старина», изд. 1871 г. (второй годъ); 3) «Записки М. И. Глинки», изд. 1870 г.; 4) «Бунтъ военныхъ поселянъ», изд. 1870 г., и 5) «Дневникъ Іоанна Георга Корба, о бунтѣ и казняхъ стрѣльцовъ въ 1698 — 1699 гг.».

архивѣ,—оказывается, что оно—далеко не полное: въ «Полномъ Собраніи» напечатано за время съ 1649 по 1865 г. всего—42,860 статей (изъ нихъ 2,310 статей относятся ко времени, предшествовавшему учрежденію сената, 1711 г.); между тѣмъ въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за періодъ съ 1704 по 1865 г. имѣется 124,177 высочайшихъ повелѣній и указовъ, слѣдовательно, **втрое болѣе**. Причину такой замѣтной разницы (справедливо замѣчаетъ П. И. Барановъ) слѣдуетъ видѣть, прежде всего, въ томъ, что многіе указы и повелѣнія оставались вовсе не розысканными въ массѣ архивныхъ бумагъ составителями «Полнаго Собранія Законовъ».

Для пополненія этого весьма важнаго пробѣла, а также для того, чтобы дать возможность пользоваться матеріалами, хранящимися въ сенатскомъ архивѣ,—завѣдывающій архивомъ, д. с. с. П. И. Барановъ, приступилъ къ хронологическому описанію его и, ко дню Петровскаго юбилея, издалъ первый выпускъ, заключающій въ себѣ опись именнымъ высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ царствованія императора Петра Великаго (1704—1725). Въ этотъ выпускъ вошло описаніе 1,543 №№, противъ «Полнаго Собранія» болѣе на 995, т.-е. почти на $^2/_3$. Въ началѣ выпуска помѣщено обстоятельное предисловіе, въ которомъ П. И. Барановъ сперва сообщаетъ о составѣ петербургскаго сенатскаго архива, а затѣмъ систематически обозрѣваетъ содержаніе перваго выпуска «Описи». Къ концу приложенъ указатель: 1) мѣстъ и предметовъ (ихъ слѣдовало бы раздѣлить) и 2) лицъ. Съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ выпусковъ этого почтеннаго и полезнаго труда, и не можемъ не указать на тотъ добрый примѣръ, который даетъ Министерство Юстиціи другимъ вѣдомствамъ, издавая описанія своихъ архивовъ, какъ Московскаго, такъ и Петербургскаго Сенатскаго.

Пособіе для занятій по судебно-гражданской части. Сводъ Законовъ Гражданскихъ, по изданіямъ 1832, 1842 и 1857 годовъ и по продолженіямъ 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 годовъ, и Сборникъ подлинныхъ узаконеній, на которыхъ основаны статьи Свода Законовъ Гражданскихъ, изданія 1857 года. Составилъ Е. Карновичъ. Книга 1-я. О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Книга 2-я. О порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества. С.-Петербургъ 1872 года. Цѣна за обѣ книги 3 р. 50 коп.

Не говоря о томъ практическомъ примѣненіи, какое должно получить изданіе г. Карновича, какъ сборникъ всего того, что, по гражданскому судопроизводству, бываетъ необходимо имѣть подъ рукою и лицамъ, служащимъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, и мировымъ судьямъ, и адвокатамъ, мы указываемъ, съ своей стороны, на это изданіе, какъ на трудъ, состоящій въ связи съ русскою юридическою, а до нѣкоторой степени и съ бытовою нашею стариною. «Пособіе» г. Карновича, заключающее въ себѣ до 50 листовъ убористой, а отчасти и мелкой печати, раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ, по весьма удобной, принятой издателемъ системѣ, помѣщены 1-я и 2-я книги X тома 1 части «Свода Законовъ Гражданскихъ», по всѣмъ бывшимъ доселѣ изданіямъ, а также по «Продолженіямъ», изданнымъ до настоящаго времени. Такимъ образомъ этотъ отдѣлъ представляетъ ходъ нашего гражданскаго законодательства въ продолженіе сорока лѣтъ и указываетъ на тѣ, какъ существенныя, такъ равно и редакціонныя измѣненія, какія произошли въ немъ въ теченіе означеннаго немалаго промежутка времени. Извѣстно, что изданія «Свода Законовъ» 1832 и 1842 годовъ, въ особенности первое изъ нихъ, сдѣлалось теперь библіографическою рѣдкостію, а потому этотъ отдѣлъ «Пособія» и получаетъ особенную важность. Во второмъ отдѣлѣ помѣщено собраніе подлинныхъ узаконеній, на которыхъ основаны нынѣ дѣйствующія у насъ статьи Свода Законовъ Гражданскихъ. Пользоваться «Полнымъ Собраніемъ Законовъ», вслѣдствіе рѣдкости и дороговизны этого изданія, бываетъ чрезвычайно затруднительно, а между тѣмъ «Судебные Уставы» 1864 года допускаютъ, при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ, руководствоваться не только буквою закона, какъ это было прежде, но и принимать въ соображеніе ихъ разумъ, или,—говоря иначе,—тѣ подлинныя узаконенія, на которыхъ основаны статьи «Свода Законовъ», и которыя помѣщены въ «Полномъ Собраніи». Съ своей же стороны «Пособіе», изданное г. Карновичемъ, по отношенію къ «Своду Законовъ Гражданскихъ», замѣнитъ и упомянутое «Собраніе». Въ «Пособіи» находятся выписки изъ «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича, а также законодательныя мѣры его преемниковъ и мѣры эти, во многихъ случаяхъ, оказываются весьма любопытными по тому вліянію, какое онѣ должны были имѣть на нашъ гражданскій, общественный и семейный бытъ. Такимъ образомъ, въ виду того, что изданіе г. Карновича заключаетъ въ себѣ, кромѣ дѣйствующихъ у насъ узаконеній, еще и не мало подлинныхъ памятниковъ нашего стариннаго законодательства, мы признаемъ за этимъ изданіемъ не только громадную пользу собственно для юристовъ, но и полагаемъ, что оно не лишено интереса и для любителей отечественной старины.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома,** изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія,** не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ** «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова** (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Трута кв. № 12 и въ д. Лисицына.**

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны: **Записки Болотова** (томъ IV и послѣдній), **Лагарпа, М. А. Бестужева, Т. П. Пассекъ;** документы изъ архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова,** кн. **Куракиныхъ,** гр. **Стакельбергова,** кн. **Щербатова,** свѣтл. кн. **А. А. Италійскаго** графа **Суворова-Рымникскаго,** именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. **Суворова;** свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина,** — записки: гр. **Ѳ. П. Толстаго,** адмир. **Колзакова, И. И. Горбачевскаго,** кн. **С. Г. Волконскаго,** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго,** записки ген. **Толя,** кн. **А. А. Шаховскаго, Европеуса** о бунтѣ военныхъ поселянъ, **И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); генерала **Фелькнера,** ак. жив. **А. В. Ступина** (1775—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича;** секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Дѣло **Волынскаго;** письма гр. **Бестужева-Рюмина,** гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II;** письма императоровъ: **Павла I, Александра I,** цесар. **Константина;** императр. **Елизаветы Алексѣевны; Трощинскаго;** гр. **Аракчеева,** гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова;** мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова;** и воспоминанія; 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховитинова;** неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батюшкова** (болѣе 50 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина,** статьи **В. Н. Каразина;** сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щебальскаго;** статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **И. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади,** кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова,** проф. **Бриннера.** Сообщ.: Гр. **К. И. Палена, К. С. Сербиновича,** кн. **П. Д. Волконскаго,** кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго,** кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Деляновa, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе,** гр. **З. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича,** бар. **Ѳ. А. Бюлера, М. Ѳ. Бороздина, Н. П. Дурова,** и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи — **Мих. Ив. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ третій. ДЕКАБРЬ. 1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней. Воспоминанія **Т. П. Пассекъ**. 1810—1825 гг. . . 607

II. Генералъ-лейтенантъ Левъ Измайловъ, Дѣдновскій помѣщикъ, въ 1802—1831 гг. Сообщ. **А. Г. Пупаревъ** 649

III. Письма Петра Великаго къ Скорнякову-Писареву. 1707—1722 гг. Сообщ. **А. Н. Маринъ**. 665

IV. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Историческіе разсказы и анекдоты, записанные и сообщенные разными лицами: Суворовъ, атаманъ Платовъ и друг. (675). 2. О напечатаніи рѣчи императора Николая I-го Варшавскимъ депутатамъ 1835 г. Замѣтки бар. **Ѳ. А. Брюлера**. (679). 3. Академикъ П. И. Пекарскій † 12-го іюля 1872 г. (684). 4. Разсказъ крестьянина Касьянова объ А. Ѳ. Гильфердингѣ. (694).

V. Замѣтки, мелочи и поправки: 1. Генеалогическое разъясненіе. Сообщ. **А. Л. Потаповъ**. (698). 2. Замѣтка **Н. Ѳ. Дубровина** о кн. Мадатовѣ. (699). 3. Артистка Семенова. Сообщ. **В. М. Ѳедоровъ**. (699). 4. Письмо кн. Паскевича. (700). 5. Рапортъ о тайномъ обществѣ. Сообщ. **Черепановъ**. (700). 6. Отвѣтъ Запорожцевъ Турецкому Султану въ XVII столѣтіи. Сообщ. **Я. А. Симоновскій**. (701). 7. Ермакъ Тимоѳеевичъ. Былина. Сообщ. **И. Куприяновъ**. 702

VI. Списокъ лицъ, сообщившихъ историческіе и историко-литературные матеріалы для напечатанія въ «Русской Старинѣ». 703

VII. Алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ», въ томахъ V и VI, изд. 1872 г.

VIII. Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1794 гг. **томъ третій,** часть XXI, письма 216—220: Бытъ русскаго дворянства.—Знакомство съ намѣстникомъ.—Изданіе журналовъ.— 1784 г. (Прилагается оглавленіе III-го т. Записокъ Болотова).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. **1873 г.** (четвертый годъ изданія). Цѣна 8 руб. съ пересылкой и доставкой.

„Русская Старина“ **1870** г. (два изданія) и **1871** г. разошлись сполна по подпискѣ.

„Русская Старина“ **1872** г. (изданіе второе) можно получить всѣ 12-ть книгъ, цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

О портретахъ Петра Великаго. Изслѣдованіе А. А. Васильчикова. М. 1872. 8°, 126 стр.

Книга г. Васильчикова — книга весьма интересная и, не смотря на сухость заглавія, отличающаяся весьма живымъ изложеніемъ, особенно предисловіе, помѣщенное на первыхъ 39-ти страницахъ. Въ началѣ предисловія авторомъ сообщены краткія историческія свѣдѣнія о «парсунномъ дѣлѣ или письмѣ» въ Россіи XVII вѣка, а затѣмъ—о болѣе замѣчательныхъ портретныхъ коллекціяхъ и ихъ владѣльцахъ. Между послѣдними видное мѣсто занимаетъ покойный князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій, авторъ нѣсколькихъ книгъ, изданныхъ на французскомъ языкѣ, между прочимъ, объ Аннѣ Ярославовнѣ, супругѣ французскаго короля Генриха I. Почтенный князь, много потрудившійся надъ собраніемъ гравюръ Петра Великаго, подарилъ свою богатую коллекцію, вмѣстѣ съ подробнымъ каталогомъ, Императорской публичной библіотекѣ и положилъ этимъ начало богатѣйшему ея собранію гравированныхъ и литографированныхъ изображеній Петра Великаго. Однородность занятій сблизила г. Васильчикова съ княземъ А. Я. Лобановымъ, который сообщилъ ему, г. Васильчикову, свой рукописный каталогъ, часто помогалъ совѣтами и знакомствомъ съ заграничными торговцами и любителями. По кончинѣ князя Александра Яковлевича, племянникъ его, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, тоже любитель и большой знатокъ старины и иконографіи, передалъ г. Васильчикову на разсмотрѣніе полученныя имъ въ наслѣдство бумаги. Вѣроятно, по этому случаю и поводу г. Васильчиковъ и посвятилъ свою книгу памяти покойнаго князя. Въ концѣ предисловія, на основаніи историческихъ источниковъ, перечислены лица, писавшія съ Петра Великаго портреты. Портретовъ (въ ростъ, поколѣнныхъ, поясныхъ, грудныхъ, верхомъ, въ баталіяхъ, на смертномъ одрѣ, и пр.), подробно описанныхъ, съ показаніемъ вышины и ширины и мѣста храненія, въ книгѣ г. Васильчикова находится 38. Они почти всѣ были на московской политехнической выставкѣ. Кромѣ этихъ, г. Васильчиковымъ описаны еще 18 портретовъ, указано на значительное количество фантастическихъ изображеній Петра Великаго и на пять его бюстовъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ два новыхъ труда того же почтеннаго автора: 1) Академія Наукъ печатаетъ на французскомъ языкѣ подробный каталогъ гравированнымъ русскимъ портретамъ, обнимающій эпоху отъ Петра Великаго включительно до Александра I — плодъ десятилѣтнихъ розысканій г. Васильчикова; 2) г. Васильчиковъ готовитъ къ печати русскій каталогъ исключительно гравированныхъ портретовъ Петра Великаго. Отъ души желая полнаго успѣха почтенному автору, мы, основываясь на достоинствахъ теперешней книги, заранѣе убѣждены, что оба новые труда г. Васильчикова будутъ отличаться тѣми же качествами: добросовѣстностью и серьезнымъ знаніемъ предмета.

Провинціальные труды по областной исторіи и библіографіи.

Такое общее названіе мы придали восьми книгамъ и брошюрамъ, присланнымъ въ редакцію «Русской Старины» изъ Пскова, Орла и Владиміра-на-Клязьмѣ. Псковъ прислалъ: 1) Псковскій статистическій сборникъ, изданный въ прошломъ году мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ (большая книга въ 405 стр.; содержаніе: о санитарномъ состояніи Великолуцкаго уѣзда; этнографическій очеркъ быта крестьянъ Псковскаго уѣзда; результаты однодневной переписи въ городахъ Псковской губерніи 12-го октября 1870 г.; метеорологическія наблюденія въ 1870 г.); 2) первый выпускъ Памятной книжки Псковской губерніи на 1870 г., содержащій въ себѣ адресъ-календарь, съ алфавитнымъ указателемъ; 3) хронологическій указатель статей, касающихся Псковской губерніи, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей за тридцать одинъ годъ (1838—1869), составленный К. Г. Евлентьевымъ; 4) «Книги псковитина, посадскаго торговаго человѣка Сергѣя Иванова, сына Поганкина» (этотъ памятникъ псковской старинной письменности конца XVII вѣка изданъ К. Г. Евлентьевымъ и составляетъ особое приложеніе къ «археологической запискѣ о родѣ Поганкиныхъ»); 5) Протоколъ 1-го засѣданія Археологической Коммиссіи, состоящей при Псковскомъ Статистическомъ Комитетѣ, въ которомъ протоколѣ приведено нѣсколько историческихъ документовъ. Орелъ прислалъ: 6) и 7) два первые выпуска «Орловской Старины» въ 160 стр., первоначально помѣщенныхъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ А. Г. Пупаревымъ. Владиміръ прислалъ: 8) «Владимірскій историко-статистическій сборникъ», изданный мѣстнымъ комитетомъ, подъ редакціею секретаря К. Н. Тихонравова: содержаніе книжки весьма разнообразное; изъ историческихъ матеріаловъ обращаютъ на себя вниманіе подлинныя письма великой княжны Маргариты Алексѣевны, хранящіяся въ библіотекѣ Александровскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря, и крайне любопытная опись 1665 года Вла-

ИЗЪ РАННИХЪ ЛѢТЪ, ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕЙ.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

1810—1842.

Кто имѣетъ право писать свои воспоминанія?
Всякій,
Потому что никто не обязанъ ихъ читать.
И.

Давно уже замѣчено, что русская литература весьма бѣдна записками женщинъ. Даже въ послѣднее время, когда на „Воспоминанія“ явилось нѣчто въ родѣ моды, и то русская женщина рѣдко принимается за перо, не обнародовываетъ своихъ записокъ и охотнѣе вступаетъ въ литературу съ повѣстями и даже романами. Между тѣмъ, прошлое, пережитое нашимъ обществомъ, представляетъ обширное поле для наблюдательности женщины образованной, одаренной болѣе или менѣе художническимъ чутьемъ и впечатлительнымъ сердцемъ. Своеобразныя черты нравовъ разныхъ слоевъ нашего общества, встрѣчи и столкновенія съ людьми замѣчательными на тѣхъ или другихъ поприщахъ, факты историческіе и явленія общественныя, — все это даетъ богатый матеріалъ для разсказа занимательнаго, хотя бы простаго и безъискуственнаго. Нынѣ предлагаемыя „Воспоминанія“, какъ намъ кажется, до нѣкоторой степени, восполняютъ указанный пробѣлъ...

Татьяна Петровна Пассекъ, вдова нѣкогда довольно извѣстнаго, даровитаго писателя Вадима Васильевича Пассека († 1842 г.), съ младенчества своего была поставлена въ среду богатѣйшей древнедворянской фамиліи, старшимъ представителемъ которой былъ отецъ ея матери, Натальи Петровны Кучиной, генералъ Петръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Эта фамилія, въ мужеской вѣтви, нынѣ угасла. Въ свое же время, то-есть въ концѣ прошлаго и въ первыя десятилѣтія теку-

щаго столѣтія, она соединяла въ своей средѣ нѣсколько чрезвычайно типическихъ личностей.

Перо одного изъ талантливыхъ писателей нашего времени воспроизвело уже нѣсколько художническихъ бытовыхъ картинъ, въ которыхъ ярко освѣщены члены этой фамиліи. Это не отнимаетъ, однако, ни интереса, ни значенія въ воспоминаніяхъ близкой родственницы, совоспитанницы и друга дѣтства этого писателя. Если г-жа Пассекъ, при общности нѣкоторыхъ замѣтокъ съ этимъ писателемъ, и вынуждена, въ первыхъ двухъ-трехъ главахъ, воспользоваться нѣкоторыми изъ характеристикъ ея родственниковъ, начертанныхъ его мастерскимъ перомъ, тѣмъ не менѣе, въ послѣдующихъ главахъ, у нея много и своихъ фактовъ, подмѣченныхъ тонко, чисто съ женскою наблюдательностью.

Воспоминанія Татьяны Петровны обнимаютъ довольно много главъ: въ нихъ рисуются жизнь московскаго общества, бытъ русскаго дворянства въ провинціи, въ царствованіе Александра I, очерки быта молодежи московскаго университета тридцатыхъ годовъ, выступаетъ кружокъ друзей ея мужа Вадима Пассека и проч. Авторъ, составляя записки,—не столько для печати, сколько для себя,—нѣкоторыя главы не призналъ пока возможнымъ печатать: онѣ слишкомъ семейнаго, частнаго характера, а потому оставлены пока въ рукописи.

Ред.

ГЛАВА ВТОРАЯ [1]).

Младенчество.

1813 — 1814.

«Онъ, передъ моими глазами, переходилъ изъ своей младенческой хризолиды къ жизни полной». —ъ.

Было лѣто. Мы жили въ подмосковной деревнѣ. Разъ, оставшись одна дома, утомленная зноемъ, легла я отдохнуть, въ гостинной, на диванѣ. Вокругъ меня не было ни звука, ни дви-

---

[1]) Въ первой, опущенной главѣ (до 1812 г.), авторъ описываетъ дѣтство своей матери, проведенное въ богатомъ селѣ Тверской губерніи, близъ г. Корчевы, въ Новоселье — имѣніи Петра Алексѣевича Яковлева; воспитаніе матери и увозъ ее помѣщикомъ Кучинымъ. Эпиграфомъ къ первой главѣ приведены слѣдующіе стихи: **Ред.**

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней

женія. Изъ далекой пустоши доносилась пѣсня и, какъ бы, удвоивала тишину. Въ раскрытыя окна и двери балкона, сквозь опущенныя занавѣси, пробивались лучи солнца и наполняли комнату какимъ-то волшебнымъ, золотистымъ свѣтомъ. Читать не было возможности, но можно думать, и я задумалась о быломъ.

Тихо вызывала я «моихъ прошедшихъ дней исчезнувшія тѣни».

«Изъ отдаленныхъ мѣстъ, изъ смолкнувшихъ временъ,
«Онѣ передо мной, ласкаясь, возникали,
«И я, забывшися, поникла въ кроткой сонъ
«Про счастье дѣтское, про дѣтскія печали...
«О, погодите же! Вживитесь въ жизнь мою...»

Какъ сквозь утренній туманъ, представилась обширная дѣтская комната, раздѣленная колоннами, а за ними двѣ маленькія кроватки. Въ итальянское окно, длинной, широкой полосой падаютъ лучи закатывающагося солнца, и вытягиваются тѣни всѣхъ предметовъ, находящихся въ комнатѣ. Зайчикъ, свѣтлымъ, радужнымъ кружкомъ, мелькаетъ по стѣнѣ. Старушка-няня вертитъ хрустальную подвѣску, упавшую отъ люстры, забавляется какъ я ловлю зайчика и дивлюсь, что онъ убѣгаетъ изъ-подъ нажавшей его ручонки.

Изъ-за этой картины выдвигается широкая терраса. Передъ ней паркъ, прудъ, густо обнесенный акаціями; сквозь акаціи виднѣются бѣлыя мраморныя статуи и бюсты. На террасѣ—моя мать; она держитъ меня на колѣняхъ, качаетъ и ласкаетъ, то расчесываетъ мои бѣлокурые волосы...

Что это? Кричитъ иволга, шумитъ лѣсъ. Какъ сквозь дымку вижу—цвѣтутъ розаны, зеленѣютъ деревья.

Въ сосновой рощѣ горитъ огонекъ на сложенныхъ въ клѣтку кирпичикахъ. Двѣ старушки пекутъ, на огонькѣ, сыроѣшки. Подлѣ нихъ, на подушкѣ, сидитъ братъ мой, Алеша, изъ-за маленькой повозочки выглядываю я.

Набѣгаетъ густой туманъ и все скрывается за нимъ. Когда въ одномъ мѣстѣ стало проясняться, то не было уже видно ни прежней дѣтской, ни парка, ни пруда; я играю на обширномъ

Вновь оживаютъ по немногу,
И грусть, и радость тѣ же въ ней,
И знаетъ ту-жъ она тревогу,
И такъ же вновь тѣснится грудь,
И такъ же хочется вздохнуть. Н. А. —въ.

дворѣ, поросшемъ травой, и валяюсь по ней между одуванчиковъ и колокольчиковъ, забавляясь кузнечиками и божьими коровками.....

Цѣлый рядъ едва уловимыхъ образовъ тихо протекаетъ передъ моимъ внутреннимъ взоромъ. Какъ бы начерченные на облакахъ, они безпрестанно видоизмѣняются, блѣднѣютъ, снова образуются, таятъ, исчезаютъ и уносятъ съ собою цѣлую часть жизни. Когда на дальномъ горизонтѣ опять появились образы—очертанія ихъ были уже отчетливѣе. Точно теперь вижу, какъ разъ, проснувшись рано поутру, я услышала, въ сосѣдней комнатѣ, оживленный разговоръ и незнакомый дѣтскій голосъ. Въ одной рубашенкѣ, босикомъ, я встала съ постели, растворила дверь и остановилась на порогѣ, увидавши мать мою и какую-то незнакомую молодую даму, которыя держали за руки, стоявшаго на столѣ, ребенка и надѣвали на него мой теплый, левантиновый капотецъ, стальнаго цвѣта. Огорченная этимъ зрѣлищемъ, я заплакала, чѣмъ и обратила на себя общее вниманіе.

Ребенокъ этотъ былъ Александръ Ивановичъ Г — нъ, впослѣдствіи столь извѣстный въ литературѣ подъ именемъ И — а, а незнакомая дама — его мать.

Вѣроятно, страхъ лишиться капотца запечатлѣлъ этотъ случай такъ глубоко въ моей памяти.

Впослѣдствіи мнѣ разсказывали, какъ тогда мать моя взяла меня на руки, уговаривала не плакать, а я, указывая на ребенка, усѣвшагося въ моемъ капотцѣ на столѣ, плакала еще сильнѣе и долго не могла уняться, сколько ни старались меня урезонить и разжалобить, сколько ни склоняли меня на дружбу къ Александру, говоря, что маленькій Саша мнѣ родня, милый мальчикъ, надобно его любить, отдать ему не только капотецъ, но подѣлиться платьицами и рубашечками; что ему нечего надѣть — все отняли французы, а жадничать стыдно, но я была неутѣшима.

Когда я успокоилась, мать Александра взяла меня на руки, приласкала и посадила подлѣ Саши на столъ, чтобы мы поцѣловались и познакомились.

Сквозь слезы я его обняла, поцѣловала и, надувши губы, дала ему такой толчокъ, что онъ едва не полетѣлъ со стола. За этотъ подвигъ, другимъ толчкомъ, меня согнали со стола.

За нѣсколько дней передъ этимъ, Александръ и мать его пріі-

ѣхали въ Новоселье съ Иваномъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ, мать моя ихъ навѣстила наканунѣ, а вечеромъ Сашу съ матерью привезла къ намъ ночевать.

Мать Александра—Генріетта-Луиза-Вильгельмина Гаагъ, родилась въ Штутгардѣ, отъ небогатыхъ родителей. Жизнь ея, въ родномъ семействѣ, была тяжела и несчастна, поэтому она часто гостила, по нѣсколько дней, въ одномъ богатомъ домѣ, гдѣ бывали русскій посланникъ Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ и братъ его Иванъ Алексѣевичъ. Оба брата, узнавши о несчастной жизни хорошенькой, пятнадцати-лѣтней Генріетты, относились къ ней съ участіемъ и, шутя, предлагали ей перейти къ нимъ въ посольство. Однажды, сильно обиженная и огорченная, она ушла изъ родительскаго дома, явилась въ русское посольство и просила, чтобы ее тамъ скрыли.

Ей дали должность - по утрамъ наливать кофе посланнику и его брату. Вскорѣ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ уѣхалъ въ Италію. Возвратясь, онъ нашелъ Генріетту беременной. Это было въ концѣ 1811 года, въ Касселѣ, гдѣ—при королѣ Жеромѣ Бонапартѣ—Левъ Алексѣевичъ состоялъ посланникомъ.

Готовилась война, Иванъ Алексѣевичъ собирался въ Россію. Проѣздъ былъ не безопасенъ и для мужчины, поэтому Генріетту хотѣли передать ея семейству. Она пришла въ такое отчаяніе, что Иванъ Алексѣевичъ рѣшился взять ее съ собой. Для большаго удобства, дѣвушку переодѣли въ мужское платье и обрѣзали ей волосы.

Пріѣхавши въ Москву, они остановились на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Александра Алексѣевича Яковлева. 25-го марта 1812 года, въ бель-этажѣ этого дома, у Генріетты родился сынъ. Его назвали Александромъ, въ честь крестнаго отца Александра Алексѣевича, а по отчеству Ивановичемъ, по Ивану Алексѣевичу, усыновившему его, какъ воспитанника. Фамилію ему дали Герценъ, подразумѣвая подъ этимъ, что онъ «даръ сердца» и желая этой фамиліей выразить свою любовь къ нему [1]).

Александръ родился слабымъ, щедушнымъ. Къ нему взяли кормилицу изъ крестьянокъ—Дарью. Сверхъ того, приставили къ нему

---

[1]) Александръ, будучи моложе меня, приходился мнѣ дядей. Т. П.

няню — Вѣру Артамоновну, пожилую дѣвушку, худощавую, съ наивно-добродушнымъ лицомъ съ длинной, морщиноватой шеей.

Чтобы прислугѣ не такъ затруднительно было называть Генріетту, изъ всѣхъ имянъ ея выбрали, какъ самое легкое имя Луизы, а по Ивану Алексѣевичу назвали Ивановной. Александра же, по безмѣрной любви къ нему—отецъ и всѣ родные, отъ самаго рожденія мальчика — звали его «Шушкой»; названіе это перешло и къ его сыну, также Александру.

Въ то время, какъ Иванъ Алексѣевичъ уѣхалъ заграницу, въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ у него родился сынъ Егоръ Ивановичъ. Кстати, за одно съ Александромъ и Егору Ивановичу дали фамилію Герцена, не смотря на то, что Иванъ Алексѣевичъ былъ къ нему больше, чѣмъ холоденъ.

Втораго Г— на, когда ему было четыре или пять лѣтъ, взяла къ себѣ княгиня Хованская.

Когда Иванъ Алексѣевичъ возвратился изъ-за границы, княгиня представила ему его сына. Посмотрѣвши на ребенка, отецъ положилъ ему на плечо руку, холодно поцѣловалъ и, обратясь къ сестрѣ на французскомъ языкѣ выразилъ свое неудовольствіе за то, что она, не посовѣтовавшись съ нимъ, взяла на воспитаніе его дитя.

Повидимому, Иванъ Алексѣевичъ, съ перваго взгляда, почувствовалъ нерасположеніе къ Егору Ивановичу, которое и продолжалось до конца его жизни. Оно выражалось, ни чѣмъ не заслуженными, притѣсненіями, доходившими до оскорбленій самыхъ глубокихъ.....

Еще въ дѣтствѣ у Егора Иванонича оказалась болѣзнь, вслѣдствіе которой ему сдѣлана была операція. При приближеніи къ Москвѣ непріятеля, вмѣстѣ съ прочими жителями изъ нея стала выбираться и княгиня. Егора Ивановича, еще не оправившагося послѣ операціи, она оставила въ Москвѣ у отца и при немъ няньку, которую за ея оригинальность называли «Костенькой». Съ этого времени больной остался у отца навсегда. На мальчика не было обращено ни малѣйшаго вниманія, между тѣмъ онъ былъ далеко не безъ способностей — въ особенности къ музыкѣ. Впослѣдствіи онъ уже собственнымъ трудомъ добился въ ней значительныхъ успѣховъ.....

Родные Ивана Алексѣевича, выѣзжая изъ Москвы, уговари-

вали его, не мѣшкая, выѣхать, но онъ, сговорившись съ своимъ зятемъ, Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ, ѣхать вмѣстѣ, все толковалъ, да перетолковывалъ, собирался, да откладывалъ, и пробирался до тѣхъ поръ, пока непріятель вступилъ въ Москву — въ то самое время какъ они были готовы къ отъѣзду. Карета, коляска и бричка стояли запряженными у крыльца, а они сѣли, передъ дорогой, пообѣдать. Павелъ Ивановичъ былъ еще въ своемъ домѣ. Во время обѣда Иванъ Алексѣевичъ спросилъ воды; ему отвѣтили, что дворникъ давно уѣхалъ съ бочкой за водой и неизвѣстно почему его, до сихъ поръ нѣтъ, а черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ Ивана Алексѣевича доложилъ, не своимъ голосомъ, что дворникъ возвратился безъ бочки и безъ лошади, что ихъ отняли у него французы. Всѣ встали изъ-за стола. Подойдя къ окну, увидали французскихъ драгунъ, въ каскахъ, съ конскими хвостами, идущихъ по бульвару и скачущихъ по улицѣ.

Заставы были, тотчасъ, заперты. Выѣздъ изъ Москвы былъ запрещенъ. Такъ Иванъ Алексѣевичъ, со всѣми своими, въ ней и остался.

Вскорѣ домъ Александра Алексѣевича Яковлева загорѣлся.... Всѣ вышли на площадь Страстнаго монастыря и сѣли на сложенныя тамъ бревна.

Полупьяный французскій солдатъ, увидавши на бревнахъ многочисленную компанію, подошелъ къ ней со штофомъ водки и сталъ ихъ подчивать. Замѣтивши на Иванѣ Алексѣевичѣ шляпу, онъ снялъ ее съ него вмѣстѣ съ парикомъ и надѣлъ на себя, потомъ стащилъ съ него и сапоги. По счастію, по площади проходилъ французскій офицеръ со взводомъ солдатъ; увидавши грабежъ, онъ заставилъ солдата возвратить отнятыя вещи. Вскорѣ передъ ними проѣхали ихъ экипажи, со всѣми уложенными въ нихъ пожитками, увезенные непріятелями.

Съ площади отправились въ домъ Голохвастова, находившійся на противоположномъ концѣ бульвара; домъ Голохвастова загорался. Они вошли въ садъ. Въ саду нашли Павла Ивановича сидящимъ на скамейкѣ, а подлѣ него сложены были его вещи. Они помѣстились вмѣстѣ съ нимъ, но не успѣли еще отдохнуть, какъ въ садъ ворвалось нѣсколько польскихъ уланъ и ограбили ихъ дочиста, даже пеленки съ ребенка поснимали. Одинъ уланъ потя-

нулъ у Павла Ивановича изъ кармана золотые часы; Павелъ Ивановичъ часовъ не давалъ, говоря и божась, что онъ не можетъ отдать ему эти часы, что они ему дороги, потому что ихъ прислалъ ему изъ Лондона братъ—Левъ Алексѣевичъ, на память. Въ отвѣтъ на это уланъ, на память отъ себя, ударилъ его саблей по лицу и разсѣкъ носъ, а часы отобралъ.

Когда они остались одни, кормилица Александра, одѣтая въ нагольный тулупъ, засунула себѣ за пазуху полуобнаженнаго ребенка и подвязалась поясомъ, чтобы онъ не вышелъ.

Передъ ихъ глазами домъ Голохвастова превратился въ развалины. Они оставили садъ и вошли въ первый встрѣтившійся домъ, но едва въ немъ помѣстились, какъ съ улицы имъ закричали: «выходите, огонь!» Домъ горѣлъ. Они поспѣшно вышли и стали искать новаго убѣжища; добравшись до Тверской площади, сѣли отдохнуть. Вблизи солдаты тушили пожаръ; по площади ходили караульные, ѣздили верховые. У кормилицы пропало молоко, ребенокъ кричалъ, надрываясь отъ голода. Костенька, видя, что солдаты что-то ѣли, отправилась къ нимъ и знаками, да указывая на ребенка, говорила: manger,—а по-русски бранила солдатъ, разсмѣшила ихъ, и такимъ образомъ выпросила у нихъ хлѣба и воды для ребенка. Эту ночь они провели на площади. Поутру французскій офицеръ забралъ всю мужскую прислугу, а вмѣстѣ съ ними и Ивана Алексѣевича, заливать горѣвшіе дома. Вечеромъ, возвращаясь съ должности брандъ-маіора, Иванъ Алексѣевичъ встрѣтилъ эскадронъ итальянскихъ кавалеристовъ. Онъ подошелъ къ ихъ начальнику, разсказалъ ему по-итальянски о положеніи своего семейства и просилъ о помощи. Офицеръ обѣщалъ просьбу его передать герцогу Тревизскому, а пока отрядилъ офицера оберегать ихъ и снабдилъ съѣстными припасами. Они помѣстились въ домѣ, кажется, князя Одоевскаго, на Тверской площади, но не успѣли еще тамъ расположиться, какъ услышали военную музыку. Подойдя къ окну, увидали Наполеона, окруженнаго блестящей свитой и войскомъ. Императоръ ѣхалъ верхомъ по Тверской площади; Иванъ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ Луизой Ивановной, вышелъ на площадь, приблизился къ Наполеону и сталъ просить у него пропускъ изъ Москвы себѣ и своему семейству. Наполеонъ, узнавши, что онъ Яковлевъ, спросилъ его:

не родственникъ ли онъ тому Яковлеву, который былъ посланникомъ въ Вестфаліи?

— «Это мой братъ», отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ.

Наполеонъ сказалъ ему, чтобы онъ явился къ нему во дворецъ, когда онъ назначитъ время.

На слѣдующее утро, Мортье, знавшій Ивана Алексѣевича еще въ Парижѣ, обратилъ на него вниманіе Наполеона какъ на русскаго вельможу, способнаго вести переговоры съ русскимъ дворомъ. Императоръ велѣлъ И. А. Яковлеву явиться къ нему. Въ синемъ, поношенномъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами, назначенномъ для охоты, безъ парика, въ сапогахъ нѣсколько дней нечищенныхъ, въ грязномъ бѣльѣ, съ небритой бородой, Иванъ Алексѣевичъ, «поклонникъ приличій и строжайшаго этикета, явился въ тронную залу Кремлевскаго дворца, по зову Наполеона».

Разговоръ ихъ, который мы вмѣстѣ съ Сашей столько разъ слышали, довольно вѣрно переданъ въ исторіи барона Фена и въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго.

«Послѣ обыкновенныхъ фразъ, отрывочныхъ словъ и лаконическихъ отмѣтокъ, которымъ лѣтъ тридцать пять приписывали глубокій смыслъ, пока недогадались, что смыслъ ихъ былъ очень пошлъ, Наполеонъ разбранилъ Растопчина за пожаръ, говорилъ, что это вандализмъ; увѣрялъ, какъ всегда, въ своей непреодолимой любви къ миру; толковалъ, что его война въ Англіи, а не въ Россіи, хвастался тѣмъ, что поставилъ караулъ въ Воспитательному дому и къ Успенскому собору, жаловался на императора Александра, говорилъ, что онъ дурно окруженъ, что мирныя расположенія его неизвѣстны русскому императору.

«Иванъ Алексѣевичъ замѣтилъ, что предлагать миръ — скорѣе дѣло побѣдителя.

— «Я сдѣлалъ, что могъ, посылалъ къ Кутузову; онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры, не доводитъ до свѣдѣнія государя моихъ предложеній. Хотятъ войны, не моя вина — будетъ имъ война!»

«Послѣ всей этой комедіи, Иванъ Алексѣевичъ попросилъ у него пропускъ для выѣзда изъ Москвы.

— «Я пропусковъ не велѣлъ ни кому давать, за чѣмъ вы ѣдете, чего вы боитесь? я велѣлъ открыть рынки».

«Императоръ французовъ, въ это время, кажется, забылъ, что сверхъ открытыхъ рынковъ, не мѣшаетъ имѣть покрытый домъ, и что жизнь на Тверской площади, среди непріятельскихъ солдатъ, не изъ самыхъ пріятныхъ.

«Иванъ Алексѣевичъ замѣтилъ ему это. Наполеонъ подумалъ и вдругъ спросилъ:

— «Возьметесь-ли вы доставить императору письмо отъ меня; на этомъ условіи я велю вамъ дать пропускъ со всѣми вашими».

— «Я принялъ бы предложеніе, ваше величество, замѣтилъ ему Иванъ Алексѣевичъ, но мнѣ трудно ручаться.

— «Даете-ли вы честное слово, что употребите всѣ средства лично доставить письмо»?

— «Je m'engage sur mon honneur, Sire».

— «Этого довольно. Я пришлю за вами. Имѣете ли вы въ чемъ-нибудь нужду»?

— «Въ крышѣ для моего семейства, пока я здѣсь, больше ни въ чемъ».

— «Герцогъ Тревизскій сдѣлаетъ, что можетъ.

«Мортье, дѣйствительно, далъ комнату въ генералъ-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ насъ снабдить съѣстными припасами; его метръ-д'отель прислалъ даже вина. Такъ прошло нѣсколько дней, послѣ которыхъ, въ четыре часа утра, Мортье прислалъ за Иваномъ Алексѣевичемъ адъютанта и отправилъ его въ Кремль.

«Пожаръ достигъ, въ эти дни, страшныхъ размѣровъ, накаленый воздухъ, непрозрачный отъ дыма, становился невыносимъ отъ жара. Наполеонъ былъ одѣтъ и ходилъ по комнатѣ, озабоченный, сердитый. Онъ начиналъ чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнутъ, и что тутъ не отдѣлаешься такой штукой, какъ въ Египтѣ.

Планъ войны былъ нелѣпъ, — это знали всѣ, кромѣ Наполеона, Ней, Нарбонь, Бертье и простые офицеры; на всѣ возраженія, онъ отвѣчалъ кабалистическимъ словомъ «Москва»; въ Москвѣ догадался и онъ.

«Когда Иванъ Алексѣевичъ вошелъ, Наполеонъ взялъ запечатанное письмо, лежавшее на столѣ, подалъ ему и сказалъ, откланиваясь: «Я полагаюсь на ваше честное слово». На конвертѣ было написано: «à mon frère l'Empereur Alexandre».

Пропускъ, данный Яковлеву, долго былъ цѣлъ въ его семей-

ствѣ; онъ подписанъ былъ герцогомъ Тревизскимъ и внизу скрѣпленъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Лесепсомъ.

Множество крестьянъ, принадлежавшихъ Яковлевымъ, проживавшихъ въ Москвѣ, и нѣсколько постороннихъ лицъ, узнавъ о пропускѣ, просили взять ихъ, подъ видомъ прислуги или родныхъ. Для Луизы Ивановны съ ребенкомъ и больнымъ Голохвастовымъ, дана была четырехмѣстная карета, остальные ѣхали въ колескѣ и открытой линейкѣ, толпа народа шла пѣшкомъ. Отрядъ французскихъ уланъ проводилъ ихъ до русскаго арріергарда.

Вокругъ Москвы стояла французская кавалерія въ боевомъ порядкѣ. Она пропустила странныхъ выходцевъ до передовой цѣпи. Провожавшіе ихъ уланы, въ виду русскаго войска, раскланялись и пожелали имъ счастливаго пути. Яковлевъ былъ принятъ на передовыхъ нашихъ постахъ какъ лице подозрительное.

Черезъ минуту, ихъ окружили казаки и повели въ главную квартиру арріергарда. Тутъ начальствовали Винценгероде и Иловайскій IV-й.

Узнавъ о письмѣ Наполеона къ государю, Винценгероде немедленно отправилъ Ивана Алексѣевича съ двумя драгунами, на фельдъегерскихъ, въ Петербургъ къ императору Александру Павловичу.

Иловайскій говорилъ Ивану Алексѣевичу, что его семейству тутъ оставаться невозможно, что они не внѣ ружейныхъ выстрѣловъ и, со дня на день, можно ждать серьезнаго дѣла. Иванъ Алексѣевичъ просилъ Иловайскаго доставить его семейство въ его ярославское имѣніе, и при этомъ сказалъ, что у него нѣтъ ни копѣйки денегъ.

— «Сочтемся послѣ, отвѣчалъ Иловайскій, будьте покойны, даю вамъ слово доставить ихъ до мѣста».

И сдержалъ слово.

По отъѣздѣ Ивана Алексѣевича, онъ отправилъ остальныхъ, въ тѣхъ экипажахъ, которые они получили для выѣзда изъ Москвы [1]), до ближайшаго городка, съ партіей плѣнныхъ, подъ прикрытіемъ казаковъ, снабдилъ деньгами на прогоны и вообще сдѣлалъ все, что было возможно въ суетѣ и тревогѣ военнаго времени.

«Ивана Алексѣевича привезли къ Аракчееву и у него въ домѣ

[1]) Карета въ цѣлости хранилась у Ивана Алексѣевича, и мы не рѣдко въ ней ѣзжали. Т. П.

задержали. Графъ спросилъ письмо. Иванъ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что далъ честное слово доставить его государю лично. Графъ обѣщалъ доложить государю, и на другой день, письменно сообщилъ, что государь поручилъ ему взять письмо, для немедленнаго доставленія. Въ полученіи письма Аракчеевъ далъ росписку.

Около мѣсяца Иванъ Алексѣевичъ жилъ въ Петербургѣ подъ арестомъ, въ домѣ Аракчеева. Къ нему никого недопускали; одинъ Шишковъ пріѣзжалъ, по приказанію государя, разспросить о подробностяхъ пожара, вступленіи непріятеля и о свиданіи съ Наполеономъ. Онъ былъ первый очевидецъ, явившійся въ Петербургъ. Наконецъ, Аракчеевъ объявилъ Ивану Алексѣевичу, что императоръ велѣлъ его освободить, не ставя ему въ вину, что онъ взялъ пропускъ отъ непріятельскаго начальства, что извиняется крайностью, въ которой онъ находился. Освобождая его, Аракчеевъ велѣлъ ему немедленно ѣхать изъ Петербурга, не видавшись ни съ кѣмъ, кромѣ старшаго брата, съ которымъ разрѣшено было проститься. Высланному запрещенъ былъ и на будущее время въѣздъ въ Петербургъ. Это событіе осталось le grand événement de sa vie, за которымъ послѣдовали многіе годы глубокаго покоя въ Москвѣ и разстройства здоровья отъ поѣздки въ осеннее время на фельдъегерскихъ.

Луиза Ивановна, пріѣхавши съ остальными въ небольшую ярославскую деревеньку, помѣстилась въ крестьянской избѣ—господскаго дома не было. Они терпѣли пропасть неудобствъ въ жестокую зиму 1812 года. Окна плохо притворялись, снѣгъ пробивался въ щели, заносилъ часть скамѣекъ и лежалъ на подоконникахъ. Всѣ были въ большомъ смущеніи, особенно Луиза Ивановна. Она боялась полудикихъ людей съ бородами, одѣтыхъ въ нагольные тулупы, говорившихъ на совершенно неизвѣстномъ ей языкѣ. А эти дикари жалѣли ее со всѣмъ радушіемъ, со всей простотой своей. Староста посылалъ нѣсколько разъ своего сына въ городъ за изюмомъ, пряниками и баранками для нее.

Спустя лѣтъ пятнадцать, послѣ этого времени, староста былъ еще живъ: онъ пріѣзжалъ, временами, въ Москву и всегда привозилъ гостинцы. Луиза Ивановна угощала его чаемъ, обѣдомъ и вспоминала зиму, проведенную вмѣстѣ; какъ она его боялась, а маленькій Саша вовсе не боялся его бороды, и охотно ходилъ къ нему на руки».

Весной, Иванъ Алексѣевичъ со всѣми своими пріѣхалъ въ тверское имѣніе моего дѣда—Новоселье. Дѣда моего въ Новосельѣ уже не было—онъ лечился въ Твери. Съ нимъ была его жена и большая часть прислуги.

Вслѣдъ за Иваномъ Алексѣевичемъ пріѣхалъ и Александръ Алексѣевичъ.

Устроивши въ Новосельѣ Луизу Ивановну и дѣтей, оба брата отправились въ Тверь. Тамъ они помѣстились въ квартирѣ больнаго моего дѣда, старшаго своего брата, не столько изъ участія къ нему, сколько изъ ненависти и недовѣрія къ его женѣ, которую, за-глаза, называли вдовой Ульской, плутовкой и мошенницей. Опасаясь, чтобы она не сдѣлала чего въ ущербъ ихъ интересамъ, они хотѣли слѣдить за всѣми ея дѣйствіями, и не услѣдили.

Еще до ихъ пріѣзда она успѣла сдѣлать фальшивое (какъ былъ общій слухъ) духовное завѣщаніе въ свою пользу [1]).

Оставшись одна съ дѣтьми и больнымъ Павломъ Ивановичемъ въ Новосельѣ, Луиза Ивановна почти не разставалась съ моей матерью. Онѣ такъ привязались другъ къ другу, что до конца дней моей матери оставались друзьями.

Время, проведенное ими въ Новосельѣ, представляется мнѣ какъ неясный сонъ, и мѣстами только вырѣзываются отчетливыя представленія. Большею же частью, все, что тогда было, мнѣ извѣстно по разсказамъ.

Въ памяти у меня сохранилось какъ я тревожилась и огорчалась, видя, что вниманіе и заботы всѣхъ обращены на маленькаго, слабаго здоровьемъ, Сашу, а обо мнѣ какъ-будто забывали.

Матери я нѣсколько боялась—она была вспыльчива и иногда меня сѣкла, но, несмотря на это, я рѣшалась къ ней подходить, ласкалась и увѣряла, что люблю ее больше, нежели Сашенька, что Саша ей никогда этого не скажетъ, что онъ глупъ, не ходитъ и не говоритъ. Мать брала меня на колѣни, цѣловала, говоря: «И я тебя люблю—ты моя дочка, люблю и Сашу. Чѣмъ же онъ глупъ?... Онъ умное дитя, а не ходитъ и не говоритъ потому, что малъ и нездоровъ. Если ты дѣвочка умная, то мо-

---

[1]) Мой дѣдъ, не задолго до своей кончины, обвѣнчался со вдовой чиновника Ульскаго, отъ которой не имѣлъ дѣтей. Моя мать была дочерью одной швейцарки, увезенной Петромъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ. Т. П.

жешь понять, что ты старше его, поэтому должна его учить, беречь и утѣшать».

Я выслушивала это съ стѣсненнымъ сердцемъ.

Когда, послѣ такихъ разговоровъ, я видѣла, какъ Саша переходилъ съ рукъ на руки, и мать моя заставляла его прыгать на своихъ колѣняхъ, подъ дѣтскія пѣсни, то, чтобы понравиться ей, я сама начинала передъ нимъ прыгать, хлопать въ ладоши и пѣть. Александръ, всегда серьезный, какъ бы всматривающійся во все, что его окружало, глядя на меня, радостно протягивалъ ко мнѣ рученки и улыбался.

Еще грустнѣе было мнѣ, когда Сашей занималась сестра моей матери, Елисавета Петровна. Я ее любила больше нежели мать, потому что она обращалась со мной кротко и разсудительно. Чтобы отвлечь ее отъ него, я тащила къ ней свои книжки съ картинками и просила ее мнѣ ихъ объяснять. Увѣряла ее въ своей привязанности, измѣряла свои чувства къ разнымъ лицамъ, видимыми предметами.

— «Васъ, говорила я тетушкѣ, люблю до неба, и протягивала руки къ небу; маму — до церкви, Сашу — до пола».

Мало по малу, я стала привыкать къ Сашѣ и любить его. Видя какъ онъ радуется, когда я подхожу къ нему и обнимаетъ меня своими худенькими рученками, я стала играть съ нимъ; держала за ручку, когда онъ переступалъ, учила говорить. Когда его катали по саду въ повозочкѣ—бѣжала подлѣ. Погулявши, мы всегда останавливались отдыхать въ англійскомъ домикѣ,—Сашу вносили въ зеленую комнату, и всѣ входили туда же. Тамъ мы помѣщались на широкихъ диванахъ. Увеселяя Сашу и себя, я начинала на диванѣ скакать, кататься и часто, разыгравшись, поднимала такой шумъ, что выводила всѣхъ изъ терпѣнія. Чтобы унять меня, нянька брата моего, всегда прибѣгала къ одному, разъ ей удавшемуся средству, она говорила:

— «Вотъ, постойте, ужо баба-яга сойдетъ со стѣны, да и съѣстъ васъ за то, что вы не слушаетесь. Съ этими словами, отдергивала зеленый флеръ, закрывавшій картину Тиціана—Венеру, сдѣланную во весь ростъ. Зная, что такое баба-яга изъ сказокъ, я, въ ужасѣ, спрыгивала съ дивана и инстинктивно ретировалась къ окну, чтобы, въ случаѣ бѣды, изъ него выпрыгнуть въ рощу и убраться. Но такъ какъ предметъ, котораго мы боимся, насъ

къ себѣ притягиваетъ. то и я, ретируясь къ окну, не спускала глазъ съ Венеры. Часто, засмотрѣвшись на красоту ея лица и тѣла, забывала страхъ, и потихоньку начинала подходить къ картинѣ, а вскорѣ и совсѣмъ перестала ее бояться.

Одно изъ любимыхъ мѣстъ моихъ въ Новосельѣ, какъ въ первомъ возрастѣ моемъ, такъ и впослѣдствіи, была широкая канава, отдѣлявшая паркъ отъ темнаго бора. Канава эта была всегда полна воды, отъ этого берега ея осыпали кукушкины слезки и ряды крупныхъ незабудокъ.

Когда Сашу везли около этой канавы, онъ всегда тянулся къ ярко голубѣвшимъ цвѣтамъ. Я бѣжала нарвать ихъ ему, но иногда, наклонившись къ незабудкамъ, вдругъ отдергивала руку—мнѣ казалось, что онѣ смотрятъ на меня своимъ лазоревымъ взоромъ и говорятъ:

— «Не рви насъ — мы живемъ.....»

Въ то время, какъ въ Корчевѣ и Новосельѣ текла тихая, идиллическая жизнь, въ Твери кипѣла вражда и тревога.

Дѣдъ мой былъ ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Сохраняя полное самосознаніе, онъ съ огорченіемъ видѣлъ и понималъ все, что вокругъ него происходило. Жена и братья толпились у его постели, считали каждый часъ его жизни и нетерпѣливо ждали его конца.

Бывшіе, въ это время при дѣдѣ, разсказывали мнѣ, что онъ нѣсколько разъ старался выразить братьямъ какое-то желаніе, но они или дѣйствительно не понимали его, или не хотѣли понять. Разъ, въ присутствіи своего духовника, онъ такъ ясно выразилъ требованіе, чтобы подали ему образъ Спасителя, много лѣтъ находившійся въ ихъ семействѣ, что нельзя было не исполнить его воли. Ему подали образъ и поставили подлѣ него на столѣ. Здоровой рукой онъ пригласилъ братьевъ подойти къ себѣ, а женѣ знакомъ велѣлъ подать свою шкатулку и отпереть ее. Когда вынули изъ шкатулки актъ, которымъ дѣти его признавались законными и наслѣдниками, онъ схватилъ его, залился слезами и, указывая бумагой на образъ, трясъ ее передъ братьями. Духовникъ былъ взволнованъ. Обращаясь къ больному, онъ сказалъ:

— «Можетъ быть, вы желаете, чтобы братцы ваши, передъ образомъ Спасителя, дали обѣтъ исполнить волю вашу, изложенную въ этой бумагѣ?»

Дѣдъ радостно едѣлалъ утвердительный знакъ и жестомъ просилъ братьевъ приступить къ образу.

Они поклялись передъ Спасителемъ исполнить сказанное въ актѣ и приложились къ нему. Когда они кончили, дѣдъ показалъ имъ на образъ, потомъ на небо и строго погрозилъ пальцемъ.

Когда дѣдъ мой скончался, братья оставались въ Твери до шести недѣль, и заявивили себя и отсутствующаго брата своего Льва Алексѣевича, законными наслѣдниками.

Тѣло Петра Алексѣевича отправили въ Новоселье, по Волгѣ, въ большой шлюпкѣ, убранной, снаружи и внутри, чернымъ сукномъ и флеромъ.

Покойнаго сопровождала вдова Екатерина Валерьяновна и вся ихъ прислуга, въ глубокомъ траурѣ. У берега Корчевы, погребальная процессія остановилась — на берегу, гдѣ ожидали тѣло обѣ дочери Петра Алексѣевича также въ траурѣ и съ искренними слезами.

Всѣ провожатые вышли на берегъ, приглашенный священникъ отслужилъ панихиду—и процессія поплыла далѣе; къ ней присоединились и дочери покойнаго.

Въ Новосельѣ, когда еще не знали о случившемся, поваръ Сафонычъ сталъ говорить, со страхомъ и удивленіемъ, что часто слышитъ дивные голоса, гдѣ-то поющіе: «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!» Потомъ, и другіе начали увѣрять, что слышатъ, какъ бы въ воздухѣ, ангельское пѣніе.

Вскорѣ, въ Новосельѣ получили извѣстіе, что владѣлецъ его скончался, а тѣло его везутъ по Волгѣ, и приказъ, приготовить для него могилу, близъ алтаря въ выстроенной имъ церквѣ.

Тѣло встрѣтили на берегу — священникъ съ причтомъ и хоромъ пѣвчихъ. Тысячи человѣкъ народа осыпали берегъ. Дворовые и крестьяне рыдая подняли гробъ изъ шлюпки и на рукахъ донесли къ послѣднему пристанищу.

Дѣда положили близъ алтаря рядомъ съ Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ, незадолго передъ тѣмъ, кончившимъ жизнь въ Новосельѣ отъ апоплексическаго удара. Павла Ивановича похоронили Луиза Ивановна, моя мать и тетка.

По духовному завѣщанію, имѣніе Шумново отдавалось вдовѣ покойнаго — Екатеринѣ Валерьяновнѣ. Братья завели съ нею

процессъ, въ которомъ оспаривали законность ея брака и духовнаго завѣщанія.

Иванъ и Александръ Алексѣевичи явились въ Новоселье, какъ законные наслѣдники. Съ матерью моей и теткою, они были ласковы и внимательны до крайности, называли ихъ племянницами. Какъ знакъ своего расположенія и участія къ дѣтямъ брата-благодѣтеля, а еще больше для примиренія себя съ Богомъ и совѣстью, дали каждой племянницѣ по 3,000 рублей серебромъ, а матери ихъ 2,000 и приказъ оставить Шумново, гдѣ она въ это время проживала. Она переѣхала въ домъ къ моимъ родителямъ. Каково все это переживалось ими — представить себѣ не трудно. Новоселье съ деревнями, и все, что находилось въ домѣ, нажитое тридцатилѣтними трудами и заботами моей бабушки, даже явно принадлежащее ей и ея дѣтямъ, и отмѣченное ихъ вензелями, какъ-то: серебро, фарфоръ, книги и другія вещи, все осталось у «законныхъ» наслѣдниковъ, т.-е. у братьевъ покойнаго.

Въ Новоселье Александръ Алексѣевичъ узналъ отъ бывшаго письмоводителя дѣда, крѣпостнаго его человѣка, Константина Толочанова, что въ спальной покойнаго, дверь которой была запечатана, лежатъ въ бюро вольноотпускныя всѣмъ дворовымъ людямъ и листъ съ назначенными наградами. Прислуга у дѣда была прекрасная и многочисленная. Александръ Алексѣевичъ рѣшился удержать ее за собой и братьями.

Въ одну темную ночь, въ сопровожденіи Толочанова, онъ отправился въ садъ, и пробрался подъ окно спальной покойнаго брата. При помощи инструмента, онъ, вмѣстѣ съ Константиномъ, вынулъ раму изъ окна и взобрался въ комнату. На окна опустили темно-зеленыя штофныя занавѣсы, при свѣтѣ фонаря увидали бюро, очень знакомое Константину, и выбрали изъ него, какъ вольноотпускныя, такъ и наградный листъ. Вылѣзли обратно въ окно изъ спальной, вставили раму и, въ отдаленномъ углу сада, сожгли всѣ бумаги, пепелъ засыпали землей.

Надъ этой насыпью воздвиглись надгробнымъ памятникомъ мрачные образы крѣпостныхъ мучениковъ и ихъ слезы.

Иванъ Алексѣевичъ ничего не зналъ, даже не подозрѣвалъ и, конечно, не допустилъ бы до этого преступленія.

Ужасъ и отчаяніе распространились по всему дому, когда

узнали, что вольныя и награды, о существованіи которыхъ всѣ знали навѣрное, уничтожены, и они поступаютъ въ раздѣлъ.

Помочь было нечѣмъ. Яковлевы были сила, а сила солому ломитъ. Несчастные, снова закрѣпленные, стали служить молебны и давать обѣты святымъ угодникамъ уже не объ освобожденіи своемъ, а о томъ только, чтобы не достаться на долю Александра Алексѣевича. Мущинъ онъ тиранилъ и мучилъ, молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ бралъ въ свой гаремъ.

Иванъ Алексѣевичъ не гнался за прислугой, даже, по желанію брата, предоставлялъ ему нѣкоторыхъ на обмѣнъ, для избѣжанія споровъ и непріятностей.

Прислуга дѣлилась по жребію. Въ числѣ тѣхъ, которымъ назначены были вольныя и награды, находилась крестьянская дѣвушка Лиза — побочная дочь моего дѣда.

Александру Алексѣевичу досталось семейство, бывшаго управляющаго дѣда, Григорія Андреяновича. Старика съ женой онъ оставлялъ при прежней должности, а двухъ дочерей—Машу и Наташу бралъ въ Москву. Дѣвушки, выросшія въ нѣгѣ и почетѣ, въ отчаяньи, едва не убили себя. Отецъ упалъ къ ногамъ новаго господина, умоляя о пощадѣ. Господинъ его благосклонно поднялъ, обѣщалъ свои милости, а дочерей увезъ. Въ Москвѣ онъ заперъ обѣихъ дѣвушекъ въ верхнемъ этажѣ своего дома, и никого къ нимъ не допускалъ. Измученныя, онѣ нашли случай переслать письмо къ своимъ родителямъ, въ которомъ описывали свою ужасную жизнь.

Убитые горемъ, старики написали княгинѣ Хованской и Елис. Ал. Голохвастовой, умоляя заступиться за несчастныхъ дѣвушекъ и взять ихъ подъ свое покровительство. Когда сестры стали просить Александра Алексѣевича пощадить дѣтей Григорія Андреяновича въ память брата Петра, онъ прикинулся изумленнымъ, началъ увѣрять, что все это клевета и онъ готовъ обѣихъ отпустить къ отцу, лишь только найдетъ къ дѣтямъ хорошую няньку, такъ какъ онѣ у него находятся при дѣтяхъ; что онѣ живутъ покойно и въ довольствѣ и ему ни на что не надобны, старшая — дурна какъ смертный грѣхъ, а меньшую — Наташу, онъ мало и видѣлъ — она отъ него все прячется.

Этимъ разговоромъ все и кончилось.

Достигнувши своей цѣли, Александръ Алексѣевичъ Машу

отправилъ къ родителямъ. Она поступила въ монастырь. Наташа, миловидная блондинка, томилась у него въ гаремѣ съ другими женщинами до его кончины. У нея родилась отъ него дочь Лиза. По смерти Александра Алексѣевича, она уѣхала къ родителямъ и увезла съ собою своего ребенка.

Старики, обнимая внучку, проклинали ея отца.

Отъ одной изъ заключенницъ у Александра Алексѣевича была дочь Наталья, впослѣдствіи, жена Александра Г — на.

Сверхъ многихъ побочныхъ дѣтей, рожденныхъ отъ разныхъ матерей, Александръ Алексѣевичъ имѣлъ совершеннолѣтняго сына Алексѣя, умнаго, ученаго, образованнаго, извѣстнаго подъ названіемъ химика. О немъ Грибоѣдовъ сказалъ, въ своей безсмертной комедіи:

«Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
«Князь Ѳедоръ, нашъ племянникъ.
«Онъ женщинъ бѣгаетъ...

Въ наводненіе 1824 года, Александръ Алексѣевичъ ѣхалъ по англійской набережной въ каретѣ, его залило водой, онъ простудился и въ началѣ 1825 года умеръ.

Незадолго до своей кончины, уже 60-ти лѣтъ, онъ женился на матери химика. Этимъ бракомъ привѣнчалъ своего сына и доставилъ ему всѣ права законнаго наслѣдства. Онъ поступилъ такимъ образомъ не изъ любви къ сыну, а изъ ненависти къ братьямъ, чтобы не досталось имъ, послѣ него, его имѣніе. Дяди возненавидѣли Алексѣя Александровича за ускользнувшее отъ нихъ наслѣдство и за глаза не называли его иначе, какъ «химикъ», въ смыслѣ порицательномъ, подразумѣвая, что порядочнаго круга человѣкъ не можетъ заниматься химіей.

«Отецъ страшно тѣснилъ Алексѣя Александровича. Химикъ, послѣ смерти отца, далъ отпускную несчастнымъ женщинамъ и отправилъ ихъ съ дѣтьми въ свое Шацкое имѣніе. Уменьшивъ на половину тяжелый оброкъ, положенный отцемъ на крестьянъ, химикъ простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старикъ, отдавая дворовыхъ въ солдаты».

По завѣщанію отца, всѣмъ остальнымъ дѣтямъ, онъ выдавалъ по 3,000 руб. серебромъ, когда они достигали совершеннолѣтія; но на воспитаніе ихъ — химикъ съ умысломъ не обращалъ вни-

манія, опасаясь, по возрастѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ воспитать себѣ какія либо затрудненія. Такъ одинъ изъ нихъ Петръ Александровичъ послѣ тщетныхъ просьбъ опредѣлить его въ ученье, долженъ былъ бѣжать изъ деревни въ Москву и здѣсь явился къ дядямъ своимъ Яковлевымъ.

Вся прислуга, оставшаяся послѣ Петра Алексѣевича, была раздѣлена между тремя наслѣдниками. Одни изъ нихъ были отпущены по оброку, другіе распредѣлены въ разныя должности при господахъ. Крестьянскую дѣвушку — Лизу, выдали замужъ за новоселъскаго крестьянина и не только не дали вольной и награды, но даже не отрѣшили отъ барщины. Константинъ Голочановъ остался письмоводителемъ у сенатора. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ отравился мышьякомъ; одни говорили съ отчаянія, что жена его бросила и убѣжала съ кѣмъ-то; другіе — отъ мученій совѣсти за выкраденныя вольныя. Онъ же, принявши мышьякъ, пришелъ ко Льву Алексѣевичу и объявилъ ему, что онъ отравился потому, что растратилъ ввѣренныя имъ ему деньги. Его хотѣли спасти, но онъ не допустилъ до этого и умеръ.

Вслѣдствіе частыхъ непріятностей, возникавшихъ между Катериной Валерьяновной и обоими братьями — Александръ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ братомъ и его семействомъ, переселился въ Шумново. Вскорѣ присоединился къ нимъ и Левъ Алексѣевичъ, возвратившійся изъ Швеціи, куда былъ посланъ, за чѣмъ-то, къ Бернадоту.

Одновременно съ наслѣдствомъ послѣ роднаго брата, Яковлевы получили еще огромное наслѣдство, послѣ двоюроднаго брата своего, Николая Михайловича Яковлева, и завели большой процессъ съ графами Девіеръ, также получившими значительную часть имѣнія, послѣ Николая Михайловича.

«Александръ Алексѣевичъ перессорился съ обоими братьями, но, невзирая на открытый разрывъ, они рѣшили не дѣлиться имѣньями до окончанія процессовъ и управлять сообща. И стали сообща имѣнье раззорять. Безпорядокъ тройнаго управленія, при ссорѣ, былъ вопіющъ. Два брата дѣлали все на перекоръ старшему, а онъ—имъ. Старосты и крестьяне теряли голову; одинъ требуетъ подводъ, другой — сѣна, третій—дровъ; каждый распоряжается, каждый посылаетъ своихъ повѣренныхъ. Старшій братъ

назначаетъ старосту, меньшой — смѣняетъ его черезъ мѣсяцъ, придравшись къ какому-нибудь вздору, и назначаетъ другаго, котораго старшій братъ не признаетъ.

При этомъ, какъ слѣдуетъ, сплетни, переносы, лазутчики, фавориты и, на днѣ всего, бѣдные крестьяне, не находившіе ни расправы, ни защиты, и которыхъ тормошили въ разныя стороны, обременяя двойной работой и неустройствомъ капризныхъ требованій.

Ссора между братьями имѣла первымъ слѣдствіемъ, поразившемъ ихъ, потерю огромнаго процесса, въ которомъ они были правы. Имѣя одинъ интересъ, они не могли никогда согласиться въ образѣ дѣйствія; противная партія, естественно, этимъ воспользовалась. Сверхъ потери большаго, прекраснаго имѣнія, сенатъ приговорилъ, каждаго изъ братьевъ, къ уплатѣ проторей и убытковъ: по тридцати тысячъ рублей ассигнаціями».

Процессъ съ Екатериной Валерьяновной еще продолжался. Во всѣхъ бумагахъ они называли ее не Яковлевой, а почему-то «удосужливой вдовой Ульской». За Екатерину Валерьяновну вступился Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, и она процессъ выиграла. Ей выдѣлили во всѣхъ имѣніяхъ седьмую часть и утвердили за ней Шумново, гдѣ она и прожила до конца дней своихъ, называясь не «удосужливой вдовой Ульской», а «ея превосходительствомъ Екатериной Валерьяновной Яковлевой».

Проживши около полутора года въ Твери и Новосельѣ, Иванъ Алексѣевичъ, со всѣми своими, уѣхалъ въ Москву, гдѣ нанялъ домъ, вмѣстѣ со Львомъ Алексѣевичемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ [1]).

Изъ-за тумановъ мрачной ночи
Восходитъ жизнь прошедшихъ лѣтъ,
Облечена въ полупрозрачный,
Полузадумчивый разсвѣтъ.

Н. А. —въ.

Иванъ Алексѣевичъ, по пріѣздѣ въ Москву, нанялъ большой домъ, въ приходѣ Рождества, въ Палашахъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ сенаторомъ Львомъ Алексѣевичемъ.

Верхній этажъ дома занялъ Иванъ Алексѣевичъ. Внизу, въ одной

[1]) Въ опущенной третьей главѣ, описывается жизнь автора въ деревенькѣ Карповкѣ, находившейся въ 60-ти верстахъ отъ Корчевы, гдѣ Т— на П — на провела годы своего ранняго дѣтства и отрочества. Деревенскія удовольствія

половинѣ, помѣстился сенаторъ; въ другой—Луиза Ивановна съ Александромъ, Егоромъ Ивановичемъ и женской прислугой. Хозяйство было общее. Иванъ Алексѣевичъ выдавалъ деньги на расходы и принималъ отчеты. Покупки дѣлалъ и завѣдывалъ домашнимъ хозяйствомъ, большею частію, Карлъ Ивановичъ Кало, камердинеръ сенатора, привезенный имъ изъ Пруссіи. Это былъ человѣкъ самый честный и добродушный. Онъ пользовался не только всеобщей любовью, но и глубочайшимъ уваженіемъ.

Сверхъ домашняго хозяйства, Кало завѣдывалъ расходами и гардеробомъ сенатора, присутствовалъ при его одѣваньи и раздѣваньи; варилъ и подавалъ ему утромъ кофе; готовилъ закуску, когда сенаторъ заѣзжалъ, передъ обѣдомъ, домой, чтобы перемѣнить платье, или четверку лошадей. Кало встрѣчалъ и провожалъ сенатора и до того былъ ему преданъ, что не рѣшился жениться на любимой дѣвушкѣ, когда сенаторъ, на просьбу его о женитьбѣ, отвѣчалъ, что женатаго человѣка въ услуженіи при себѣ держать не станетъ. Подъ наблюденіемъ Кало состояла вся прислуга сенатора: одни убирали комнаты, другіе были выѣздными. Послѣдніе полжизни не сходили съ запятокъ экипажа. Сенаторъ былъ по характеру человѣкъ очень добрый, любившій разсѣяніе. «Онъ провелъ всю жизнь, какъ говорилъ потомъ Александръ: въ мірѣ, освѣщенномъ лампами, въ мірѣ оффиціально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь, что есть другой міръ, посерьезнѣе; не смотря даже на то, что всѣ событія 1789 и 1815 годовъ не только прошли подлѣ, но зацѣпляясь за него. Графъ Воронцовъ посылалъ его къ лорду Гренвилю, чтобъ узнать о томъ, что предпринимаетъ генералъ Бонапартъ, оставившій египетскую армію. Онъ былъ въ Парижѣ во время коронованія Наполеона. Въ 1811 году Наполеонъ велѣлъ его остановить и задержать въ Касселѣ, гдѣ онъ былъ посломъ при «царѣ Еремѣ» (Jerome), какъ выражался Иванъ

и дѣтскія игры наполняли все время. Въ Корчевѣ ребенокъ былъ свидѣтелемъ шумной жизни своего отца. Эпиграфъ къ третьей главѣ:

На умъ приходятъ часто мнѣ,
Мои младенческіе годы:
Село въ вечерней тишинѣ,
Въ саду свѣтящіяся воды
И жизнь въ какомъ-то полуснѣ.

О.

Алексѣевичъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ на лицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени, но какъ-то странно, не такъ какъ слѣдуетъ. Пока дипломатическіе вопросы разрѣшались штыками и картечью—онъ былъ посланникомъ и заключилъ свою дипломатическую каррьеру во время вѣнскаго конгресса». «Возвратившись въ Россію, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные камергеры, въ Москвѣ, гдѣ не было двора; не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ сенатъ и сдѣланъ членомъ Опекунскаго совѣта, начальникомъ Маріинской больницы и начальникомъ Александринскаго института; всѣ должности исполнялъ съ рвеніемъ и строптивостью, которыя вредили; съ честностью, которую никто не замѣчалъ». Утромъ онъ ѣхалъ въ сенатъ, два раза въ недѣлю въ Опекунскій совѣтъ, сверхъ института и больницы; обѣдалъ, раза три въ недѣлю, въ англійскомъ клубѣ. Вечеромъ навѣщалъ тетку, княжну Анну Борисовну, сестеръ, или являлся во французскій спектакль, часто въ срединѣ пьесы уѣзжалъ, не дождавшись конца. Домой заѣзжалъ разсказать новость. Разсказывалъ съ жаромъ; самъ добродушно смѣялся своему разсказу и чрезвычайно былъ доволенъ, когда смѣшилъ другихъ, или заинтересовывалъ брата Ивана.

Иванъ Алексѣевичъ, слушая его, часто показывалъ видъ полнаго невниманія, и когда сенаторъ, разсказывая что-нибудь занимательное, думалъ, что моритъ со смѣха, — онъ переспрашивалъ его, въ чемъ дѣло.

Сенаторъ, какъ старшій братъ, говорилъ Ивану Алексѣевичу ты; а Иванъ Алексѣевичъ, какъ младшій, сенатору—вы, но, несмотря на этотъ знакъ уваженія къ старшинству, при малѣйшемъ противорѣчіи сенатора, иногда, ни съ того, ни съ сего, а такъ просто отъ дурнаго расположенія духа, Иванъ Алексѣевичъ нападалъ на сенатора съ такимъ хладнокровіемъ, что тотъ выходилъ изъ себя и, запальчиво хлопнувъ дверью, уѣзжалъ со двора.

Скучать сенатору было некогда, онъ всегда былъ занятъ, разсѣянъ; онъ все ѣхалъ куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорахъ по міру обертокъ и переплетовъ; за то онъ до 75-ти лѣтъ былъ здоровъ, какъ молодой человѣкъ, являлся на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ, на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и годовыхъ актахъ, все равно какихъ: агрономиче-

сныхъ, или медицинскихъ, страховаго общества отъ огня, или естество-испытателей... Нельзя ничего себѣ представить больше противоположнаго вѣчноподвижущемуся, сангвиническому сенатору, иногда заѣзжавшему домой,—какъ его брата Ивана Алексѣевича, почти никогда невыходившаго со двора, ненавидящаго весь оффиціальный міръ, вѣчно капризнаго и недовольнаго. У него было тоже восемь лошадей (прескверныхъ), но его конюшня была въ родѣ богоугоднаго заведенія для клячъ. Иванъ Алексѣевичъ держалъ ихъ отчасти для того, чтобы два кучера и два форейтора имѣли какое-нибудь занятіе, сверхъ хожденія за «Московскими Вѣдомостями» и пѣтушиныхъ боевъ, которые они завели съ успѣхомъ между каретнымъ сараемъ и сосѣднимъ дворомъ.

«Иванъ Алексѣевичъ рѣдко бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ постоянно былъ всѣмъ недоволенъ; человѣкъ большаго ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣлъ, слышалъ, помнилъ; свѣтскій человѣкъ, accompli, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого, и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе отъ всѣхъ. Трудно сказать, что, собственно, влило столько горечи и желчи въ его кровь. Эпохи страстей, большихъ несчастій, ошибокъ, потерь—вовсе не было въ его жизни. Я, разсказывалъ Александръ: никогда не могъ вполнѣ понять, откуда происходила злая насмѣшка и раздраженіе, наполнявшія его душу, его недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада, снѣдавшая его. Развѣ онъ унесъ съ собой въ могилу какое-нибудь воспоминаніе, которое никому не довѣрилъ. или это было просто слѣдствіе встрѣчи двухъ вещей, до того противоположныхъ, какъ осемнадцатый вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей, ужасно способствующей развитію праздности. Прошлое столѣтіе произвело удивительный кряжъ людей на западѣ, особенно во Франціи, со всѣми слабостями регенства, со всѣми силами Спарты и Рима. Эти Фоблазы и Регулы вмѣстѣ отворили настежь двери революціи и первые ринулись въ нее, поспѣшно толкая другъ друга, чтобы выйдти въ «окно» гильотины. Нашъ вѣкъ не производитъ больше этихъ цѣльныхъ, сильныхъ натуръ, прошлое столѣтіе, напротивъ, вызвало ихъ вездѣ, даже тамъ, гдѣ онѣ не были нужны, гдѣ онѣ не могли иначе развиться, какъ въ уродство. Въ Россіи люди, подвергнувшіеся влія-

нію этого мощнаго западнаго вѣянія, не вышли историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы — дома, иностранцы — въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными предразсудками, для запада — русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ.

«Къ этому кругу принадлежалъ въ Москвѣ, на первомъ планѣ, блестящій умомъ и богатствомъ русскій вельможа, европейскій grand seigneur и татарскій князь Николай Борисовичъ Юсуповъ. Около него была цѣлая плеяда сѣдыхъ волокитъ и ésprits forts.

«Иванъ Алексѣевичъ, по воспитанію, по гвардейской службѣ, по жизни и связямъ, принадлежалъ къ этому же кругу, но ему, ни его нравъ, ни его здоровье не позволяли вести до семидесяти лѣтъ вѣтряную жизнь, и онъ перешелъ въ противоположную крайность. Онъ хотѣлъ устроить себѣ жизнь одинокую, въ ней его ждала смертельная скука, тѣмъ болѣе, что онъ только для себя хотѣлъ ее устроить. Твердая воля превращалась въ упрямые капризы, незанятыя силы портили нравъ, дѣлая его тяжелымъ.

«Людей онъ презиралъ, откровенно, открыто всѣхъ. Ни въ какомъ случаѣ онъ не разсчитывалъ ни на кого, и ни къ кому не обращался съ значительной просьбой, онъ и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ. Въ сношеніяхъ съ посторонними онъ требовалъ одного,— сохраненія приличій; les apparences, les convenances составляли его нравственную религію. Онъ многое прощалъ или, лучше сказать, пропускалъ сквозь пальцы, но нарушеніе формъ и приличій выводило его изъ себя, и тутъ онъ становился безъ всякой терпимости, безъ малѣйшаго снисхожденія и состраданія. Онъ впередъ былъ увѣренъ, что всякій человѣкъ способенъ на все дурное, и если не дѣлаетъ, то или не имѣетъ нужды, или случай не подходитъ. Въ нарушеніи же формъ, онъ видѣлъ личную обиду, неуваженіе къ нему, или «мѣщанское воспитаніе», которое, по его мнѣнію, отлучало человѣка отъ всякаго людскаго общества.

«Душа человѣческая, говаривалъ онъ, потемки, и кто знаетъ, что у кого на душѣ; у меня своихъ дѣлъ слишкомъ много, чтобъ

заниматься другими, да еще судить и пересуживать ихъ намѣренія; но съ человѣкомъ, дурно воспитаннымъ, я въ одной комнатѣ не могу быть, онъ меня оскорбитъ «фруасируетъ», а тамъ, онъ можетъ быть добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, за то ему будетъ мѣсто въ раю, но мнѣ его ненадобно. Въ жизни всего важнѣе ésprit de conduite, важнѣе превыспренняго ума и всякаго ученія. Вездѣ умѣть найтиться, нигдѣ не соваться впередъ, со всѣми — чрезвычайная вѣжливость и ни съ кѣмъ—фамильярности».

«Онъ не любилъ никакого abandon, никакой откровенности, онъ все это называлъ фамильярностію, такъ, какъ всякое чувство— сантиментальностью. Онъ постоянно представлялъ изъ себя человѣка, стоявшаго выше всѣхъ этихъ мелочей, для чего? съ какой цѣлью? въ чемъ состоялъ высшій интересъ, которому жертвовалъ сердце? я не знаю. И для кого этотъ гордый старикъ, такъ искренно презиравшій людей, такъ хорошо знавшій ихъ, представлялъ свою роль безстрастнаго судьи? Для женщины, которой волю онъ сломилъ, не смотря на то, что она иногда ему противорѣчила; для больнаго, постоянно лежавшаго подъ ножемъ оператора, для мальчика, изъ рѣзвости котораго онъ развилъ непокорность, для дюжины лакеевъ, которыхъ онъ не считалъ людьми! И сколько силъ, терпѣнія было употреблено на это, сколько настойчивости, и какъ удивительно вѣрно была доиграна роль, несмотря ни на лѣта, ни на болѣзни! Дѣйствительно, душа человѣческая потемки.

«Разумѣется, онъ не былъ счастливъ, всегда на сторожѣ, всѣмъ недовольный; онъ видѣлъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, непріязненныя чувства, вызываемыя имъ у всѣхъ домашнихъ; онъ видѣлъ, какъ улыбка пропадала съ лица, какъ останавливалась рѣчь, когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой, съ досадой, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшей настойчивостію своей дорогой. Насмѣшка, иронія холодная, язвительная и полная презрѣнія — было орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически; онъ его равно употреблялъ противъ всей семьи и противъ слугъ. Въ первую юность многое скорѣе можно вынести, нежели шпынянье».

Вслѣдствіе этого, Саша удалялся отъ отца и даже велъ противъ него маленькую войну, соединяясь со слугами и служанками.

Вмѣстѣ съ меланхоліей у Ивана Алексѣевича росла бережли-

вость, обращенная на ничтожные предметы. Своимъ имѣніемъ онъ управлялъ дурно и для себя, и для крестьянъ. Старосты и его missi dominici грабили барина и мужиковъ, за то все, находившееся на глазахъ, было подвержено двойному контролю; тутъ береглись свѣчи, въ то самое время, какъ въ деревнѣ изводили цѣлый лѣсъ, а въ другой — ему же продавали его собственный овесъ. У него были привилегированные воры: крестьянинъ, котораго онъ сдѣлалъ сборщикомъ оброка въ Москвѣ и котораго посылалъ, всякое лѣто, ревизовать старосту, огородъ, лѣсъ и работы, купилъ, лѣтъ черезъ десять, въ Москвѣ домъ.

Александръ съ дѣтства не могъ терпѣть этого министра безъ портфеля, какъ онъ называлъ его. Разъ, увидѣвши, какъ онъ на дворѣ билъ какого-то стараго крестьянина, Саша вышелъ изъ себя, бросился на него, вцѣпился ему въ бороду и чуть не упалъ въ обморокъ, и послѣ этого никогда не могъ его видѣть равнодушно. Всегда говорилъ отцу, что Шкунъ, такъ звали этого довѣреннаго, его обкрадываетъ; и на возраженія Ивана Алексѣевича, спрашивалъ: «откуда же Шкунъ взялъ деньги на покупку дома?»

— «А вотъ что значитъ трезвость, отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, онъ капли вина въ ротъ не беретъ».

Сверхъ всего остальнаго, Иванъ Алексѣевичъ увѣрилъ себя, что опасно болѣнъ и безпрестанно лѣчился; кромѣ домоваго доктора, къ нему ѣздили два или три медика, и онъ дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, три консиліума въ годъ.

Кромѣ разныхъ лѣкарствъ, ежедневно пилъ декоктъ изъ корней конскаго щавеля, а для смягченія груди — отваръ изъ яблоковъ и сухой земляники. Комнаты его были всегда жарко натоплены, но, не взирая на это, онъ постоянно носилъ халатъ на бѣлыхъ мерлушкахъ и поярковые сапоги, а на обритой головѣ—красную, суконную шапочку, съ лиловой кистью, которую, впослѣдствіи, замѣнилъ бархатной [1]).

Единственнымъ предметомъ его привязанности былъ Александръ. Любовь его къ нему выражалась особенно ярко во время

[1]) У сына автора настоящихъ записокъ—В. В. Пассека—имѣется портретъ Ив. Алекс. Яковлева. Это мастерской рисунокъ съ натуры и на камнѣ (литографія) исполненный въ 1845 г. К. Горбуновымъ. Ив. Алекс. изображенъ въ креслѣ, въ халатѣ и ермолкѣ, съ высоко поднятыми воротничками рубахи

дѣтства послѣдняго. Заботливость о его здоровьѣ и забавахъ доходила до крайности.

Сберегая ребенка отъ простуды, онъ не выпускалъ его изъ комнаты цѣлую зиму, а если дозволялъ прокатить въ каретѣ, то, сверхъ шубы и теплой шапки, закутывалъ платками и шарфами. Предостерегая отъ разстройства желудка, держалъ его на строгой діэтѣ. Обѣдъ Александра, до восьми или девятилѣтняго возраста, состоялъ изъ тарелки бульона, съ бѣлымъ хлѣбомъ, котлеты, или кусочка жаренаго и компота изъ яблокъ и чернослива, или печеного яблока. До этого же возраста, одежда его состояла изъ пантолонъ, сшитыхъ изъ китайки, планжеваго цвѣта, съ высокимъ воротомъ и длинными рукавами, сверхъ нихъ; во время обѣда и завтрака, состоявшаго изъ чашки бульона и котлеты, надѣвали на него фартукъ изъ салфеточнаго полотна. При малѣйшемъ насморкѣ, или кашлѣ, поднимались такія страшныя хлопоты и тревога, что, глядя на нихъ, ребенокъ начиналъ воображать себя очень больнымъ и принимался блажить до того, что всѣхъ выводилъ изъ терпѣнія. Сейчасъ являлся докторъ, прописывалъ лѣкарства, которыя давалъ ему, по часамъ, самъ Иванъ Алексѣевичъ, и самъ за нимъ ухаживалъ. Если Александръ, отъ жара въ комнатѣ и излишняго за нимъ ухода, раздражался и принимался колобродить и метаться,—Иванъ Алексѣевичъ садился подлѣ него и старался его развлечь, а когда это не помогало, бралъ его на руки, ходилъ съ нимъ по комнатѣ, несмотря на то, что ребенокъ изгибался у него на рукахъ и брыкался ногами, носилъ его до тѣхъ поръ, пока онъ успокоивался. Кромѣ Ивана Алексѣевича, Сашу баловали на всѣ руки. Сенаторъ дарилъ ему дорогія, затѣйливыя игрушки. Карлъ Ивановичъ, имѣвшій къ нему женскую привязанность, нянчилъ и тѣшилъ его. Саша часто цѣлые дни проводилъ въ его комнатѣ, докучалъ ему, притѣснялъ его, шалилъ—онъ все выносилъ съ добродушной улыбкой, вырѣзывалъ ему изъ картонной бумаги разныя чудеса, точилъ разныя бездѣлицы изъ дерева. По вечерамъ приносилъ изъ библіотеки книги съ картинками: «Путешествія Гмелина и Палласа» и еще толстую

и наглухо застегнутомъ жилетѣ. Выраженіе лица въ высшей степени своеобразно: вы видите предъ собой какого-то мизантропа съ явнымъ сарказмомъ, проглядывающимъ во всемъ выраженіи лица. Странно сказать, но вся фигура напоминаетъ извѣстный бюстъ Вольтера. Ред.

книгу «Свѣтъ въ лицахъ»; по два часа Кало показывалъ ему однѣ и тѣ же изображенія, повторяя тѣ же объясненія въ тысячный разъ.

Луиза Ивановна меньше другихъ его нѣжила, но не перечила шумѣть, кричать, шалить цѣлые дни. Онъ былъ такъ живъ и рѣзвъ, что пяти минутъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ безъ шума. Колотилъ, стучалъ, ломалъ, только трещали дорогія игрушки. По цѣлымъ часамъ барабанилъ въ барабанъ, расхаживая вокругъ комнатъ и ни на кого не обращая вниманія. Иногда становился на притолкѣ двери, складывалъ назадъ руки, начиналъ продолжительно прыгать на одномъ мѣстѣ и пѣть на всю комнату краковякъ. Для этой операціи, почему-то, онъ всегда надѣвалъ халатикъ и подпоясывался зеленымъ шелковымъ поясомъ Ивана Алексѣевича, съ серебряной пряжкой. Разъ онъ такъ надоѣлъ матери шумомъ и трескотней, что она стала строго останавливать его. Новость эта до того поразила Александра, что онъ, посмотрѣвши пристально на мать, вскрикнулъ: «Прощайте, умираю», бросился навзничь, сложилъ руки, закрылъ глаза и долго оставался неподвиженъ, какъ ни уговаривали его встать. Къ этому средству онъ сталъ прибѣгать при малѣйшемъ противорѣчіи. Чтобы прекратить такую выходку, однажды, какъ онъ, сказавши «умеръ», протянулся на полу, Луиза Ивановна закричала: «Подите сюда кто-нибудь, Саша умеръ, вынесите его и похороните». Въ одно мгновеніе онъ вскочилъ на ноги, говоря: «Какъ, меня похоронить? Нѣтъ! Я умеръ, но уйду!» и мгновенно исчезъ; съ тѣхъ поръ больше не пробовалъ умирать.

Дни имянинъ и рожденія Саши праздновались торжественно. Вотъ какъ объ этомъ онъ самъ разсказывалъ и чему я, съ раннихъ лѣтъ, была свидѣтельницею.

«Передъ этими торжественными днями, Кало запирался въ своей комнатѣ, откуда были слышны разные звуки молотка и другихъ инструментовъ; часто быстрыми шагами проходилъ онъ по корридору, всякій разъ запирая на ключъ свою дверь, то съ кастрюлькой клея, то съ какими-то, завернутыми въ бумагу, вещами. Можно себѣ представить, какъ мнѣ хотѣлось знать, что онъ готовитъ; я подсылалъ дворовыхъ мальчиковъ вывѣдать, но Кало держалъ ухо востро. Мы какъ-то открыли на лѣстницѣ небольшое отверстіе, падавшее прямо въ его комнату, но и оно

намъ не помогло; видна была верхняя часть окна и портретъ Фридриха II, съ огромнымъ носомъ, съ огромной звѣздой и съ видомъ исхудалаго коршуна. Дня за два, шумъ переставалъ, комната была отворена, все въ ней было по старому, кой-гдѣ валялись только обрѣзки золотой и цвѣтной бумаги; я краснѣлъ, снѣдаемый любопытствомъ; но Кало, съ натянуто-серьезнымъ видомъ, не касался щекотливаго предмета.

Въ мученьяхъ доживалъ я до торжественнаго дня. Въ пять часовъ я уже просыпался и думалъ о приготовленіяхъ Кало; часовъ въ восемь — являлся онъ самъ, въ бѣломъ галстукѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ синемъ фракѣ, съ золотыми пуговицами и съ пустыми руками,—когда же это кончится? Не испортилъ ли онъ? И время шло, и обычные подарки шли, и лакей Елисаветы Алексѣевны Голохвастовой уже приходилъ съ завязанной въ салфеткѣ богатой игрушкой, и сенаторъ уже приносилъ какія-нибудь чудеса, но безпокойное ожиданіе сюрприза мутило радость. Вдругъ, какъ-нибудь невзначай, послѣ обѣда, или послѣ чая, нянюшка говорила мнѣ:

— «Сойдите на минутку внизъ, васъ спрашиваетъ одинъ человѣчекъ».

— Вотъ оно, думалъ я, и спускался, скользя на рукахъ, по поручнямъ лѣстницы. Двери въ залу отворяются съ шумомъ, играетъ музыка, транспарантъ съ моимъ вензелемъ горитъ, дворовые мальчики, одѣтые турками, подаютъ мнѣ конфекты, потомъ кукольная комедія, или комнатный фейерверкъ. Кало, въ поту, суетится, все самъ приводитъ въ движеніе и не меньше меня въ восторгѣ.

«Какіе же подарки могли стать рядомъ съ такимъ праздникомъ, я же никогда не любилъ вещей, бугоръ собственности и стяжанія никогда не былъ у меня развитъ, ни въ какой возрастъ. Усталь отъ неизвѣстности, множество свѣчекъ, фольги и запахъ пороха! Недоставало, можетъ, одного товарища, но я все ребячество провелъ въ одиночествѣ, и, стало, не былъ избалованъ съ этой стороны».

Родственники Ивана Алексѣевича, видя безмѣрную избалованность Александра, предрекали, что въ немъ не будетъ пути, а, основываясь на его тщедушности, ожидали, что чахотка скоро унесетъ его изъ этого міра.

Дѣйствительно, это былъ ребенокъ худой, блѣдный, съ рѣдкими, длинными, бѣлокурыми волосами, съ большими, темно-сѣрыми глазами, въ которыхъ порой блестѣли искры, и рано засвѣтилась мысль. Не взирая на его чрезмѣрную живость, онъ рѣдко улыбался, шалилъ, ломалъ, шумѣлъ съ серьезнымъ видомъ, какъ-будто дѣлая дѣло. Часто, бросивши игрушки, онъ останавливалъ взоръ на одномъ предметѣ, и какъ бы вдумывался во что-то. Чувствуя нерасположеніе къ себѣ родныхъ со стороны отца своего, несмотря на ихъ видимое вниманіе, онъ и самъ ихъ не любилъ, и старался избѣгать ихъ присутствія. Въ особенности онъ старательно удалялся отъ княгини Маріи Алексѣевны Хованской, которая, изъ любви къ брату Ивану и по долгу христіанки, какъ она выражалась, желая сколько-нибудь исправить избалованнаго ребенка, всякій разъ, какъ только онъ попадался ей на глаза, читала ему нравоученія и пугала его, говоря, что до нея доходятъ слухи, какъ онъ капризничаетъ и никого не слушаетъ, и что, если это правда, то она его запретъ въ свой ридикюль или табакерку. Потомъ, обращаясь къ брату, прибавляла: «отдайка мнѣ своего баловника на исправленіе, я его сдѣлаю шелковымъ». Александръ боялся ее до смерти, иногда достаточно было сказать: «Вотъ постойте, я скажу княгинѣ, что вы не слушаетесь», и онъ дѣлался шелковымъ.

Всѣ видѣли въ «Шушкѣ» только баловня, изъ котораго не будетъ никакого толка, но никто не умѣлъ, изъ-за баловства, разсмотрѣть, сколько ума, добродушнаго юмора и нѣжности было въ этомъ ребенкѣ. Никто не обратилъ вниманія на врожденныя ему чувства деликатности и человѣколюбія, которыя, не взирая на эгоистическую, полную деспотизма среду, въ которой онъ росъ и развивался и въ которой могъ быть первымъ деспотомъ, были въ немъ такъ сильны, что онъ рано почувствовалъ, а вскорѣ и понялъ все отталкивающее окружавшаго его міра, сочувствовалъ всему угнетенному, до слезъ возмущался несправедливостью, постоянно нуждался въ сердечномъ привѣтѣ, страстно, беззавѣтно отдавался чувству дружбы и любви, и умѣлъ сохранить эти свойства души.

Одинъ Иванъ Алексѣевичъ понималъ его, понималъ содержавшіяся въ немъ возможности и старался развить въ немъ сдержанность. Разъ, когда Александру было лѣтъ четырнадцать, вечеромъ,

собралось у Ивана Алексѣевича человѣкъ десять почетныхъ посѣтителей, въ томъ числѣ былъ и сенаторъ; всѣ они усѣлись въ залѣ около круглаго стола, за которымъ Луиза Ивановна разливала чай; мы съ Александромъ помѣстились въ этой же комнатѣ, за особымъ небольшимъ столомъ и, разложивши на немъ огромную книгу, въ богатомъ переплетѣ, съ дворянскими гербами и родословными, стали ее разсматривать. Кто-то изъ посѣтителей, обратясь къ намъ, спросилъ, какая это у насъ книга. Александръ, не задумавшись, отвѣтилъ: «Зоологія». Я засмѣялась, нѣкоторые изъ гостей, изъ угожденія Ивану Алексѣевичу, одобрительно улыбнулись Александровой остротѣ; но Иванъ Алексѣевичъ не улыбнулся, а когда гости разъѣхались, задалъ намъ такую гонку, что мы долго не забывали «Зоологіи». Меня распекъ, зачѣмъ поощряю Шушку къ дерзостямъ, забавляясь его неумѣстными остротами, а его — какъ смѣлъ непочтительно выразиться о русскомъ дворянствѣ, служившемъ отечеству; и заключилъ свою нотацію, обращаясь уже къ одному Александру, словами:

— «Ты не думай, любезный, чтобы я высоко ставилъ превыспренній умъ и остроуміе, не воображай, что очень утѣшитъ меня, если мнѣ скажутъ вдругъ: вашъ Шушка издалъ сочиненіе: «Чортъ въ телѣжкѣ», а я на это отвѣчу: «скажите Вѣрѣ, чтобы вымыла его въ корытѣ».

Мы покатились со смѣха.

Старикъ сдѣлалъ видъ, что этого не замѣтилъ, подошелъ къ круглому столу, подъ которымъ спокойно лежалъ любимый его песъ Макбетъ, крикнулъ человѣка и велѣлъ ему вывести Макбета во дворъ.

Потомъ, обратясь къ намъ, сказалъ:

— «Въ жизни, ésprit de conduite важнѣе превыспреннаго ума и всякаго ученья».

Луиза Ивановна, кроткая, добродушная больше всѣхъ въ домѣ была любима. Съ каждымъ обращалась она ласково и снисходительно, за каждаго заступалась, не вмѣшиваясь ни въ какія дѣла. Вмѣстѣ со всѣми она несла долю притѣсненій и оскорбленій отъ капризовъ Ивана Алексѣевича. Иногда, выйдя изъ терпѣнія, она дѣлала оппозицію, но какъ это бывало всегда въ бездѣлицахъ, то и оставалось безъ всякаго полезнаго результата. Тихо протекала лучшая пора ея жизни, въ мелкихъ домашнихъ заботахъ, въ

чтеніи книгъ нѣмецкихъ авторовъ, попеченіи объ Александрѣ и о постоянно больномъ и капризномъ старикѣ. Знакомыхъ у нее почти никого не было; выѣзды Луизы Ивановны ограничивались, по праздникамъ посѣщеніемъ лютеранской церкви, да утренними прогулками на Прѣсненскіе пруды, и иногда поѣздками загородъ вмѣстѣ со всѣми нами.

Проведя нѣсколько лѣтъ за границей, Иванъ Алексѣевичъ и сенаторъ хотѣли устроить жизнь на иностранный манеръ, безъ большихъ тратъ и съ сохраненіемъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь на иностранный манеръ не устраивалась, оттого ли, что не умѣли сладить, оттого ли, что помѣщичья натура брала верхъ надъ иностранными привычками. Хозяйство было общее, имѣніе нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ дома, всѣ условія безпорядка, стало-быть, были на лицо. Пока сенаторъ жилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, общей прислуги было человѣкъ до шестидесяти, кромѣ ребятишекъ, которыхъ пріучали къ службѣ, т.-е. къ праздности, лѣни и лганью.

Семейныя женщины не несли никакой службы, и занимались только своимъ хозяйствомъ. Въ прислугѣ находилось нѣсколько горничныхъ и прачекъ.

Во главѣ женской прислуги была Вѣра Артамоновна; вторую роль играла Марія Ивановна Юдина, столько же вспыльчивая и самолюбивая, сколько Вѣра Артамоновна была тиха и простодушна. Держала себя Марія Ивановна свысока, одѣвалась изысканно. По воскресеньямъ всегда въ кисейномъ платьѣ на розовомъ чехлѣ, съ бантами изъ розовыхъ лентъ. Ее приставили было въ помощь Вѣрѣ Артамоновнѣ къ Шушкѣ, но скоро отъ этой должности отстранили. Замѣтили, что, укладывая спать неугомоннаго ребенка, она, чтобы унять его, щипала его, била и угрожала, что если онъ пикнетъ, то она приколотитъ его еще больнѣе, ребенокъ плакалъ втихомолку.

Луизѣ Ивановнѣ служила молоденькая дѣвушка, Марина, переименованная въ Марріаны. Комнаты на половинѣ Луизы Ивановны убирались тремя дочерьми повара Сафоныча, ими же исполнялись разныя черныя работы въ домѣ. М-me Прово давалась особая комната. Она занимала мѣсто при Александрѣ, въ родѣ женскаго menin. Должность ея состояла въ томъ, чтобы говорить съ нимъ по-нѣмецки, учить читать и водить гулять.

Мужская прислуга состояла изъ камердинера Ивана Алексѣевича — Никиты Андреевича, низенькаго, плѣшиваго, раздражительнаго и сердитаго. Онъ помѣщался подлѣ барининой спальнѣ, читалъ «Московскія Вѣдомости», трессировалъ волосы для парпковъ и неистово нюхалъ табакъ. Иванъ Алексѣевичъ постоянно дѣлалъ ему поученія, но какъ этотъ человѣкъ былъ ему необходимъ, сносилъ иногда отъ него самые грубые отвѣты и дерзкія выходки. Бакай занималъ должность выѣзднаго слуги при Луизѣ Ивановнѣ и исполнялъ съ той же торжественною важностью, какъ и при бабушкѣ моей. Сверхъ того, дрессировалъ кудрявую, съ коричневыми ушами, собаку Берту, а по смерти ея взялъ подъ свое покровительство ньюфаундленскую бѣлую собаку, Макбета. Кромѣ Бакая въ передней находилось человѣка четыре прислуги. Кто убиралъ комнаты, вправлялъ свѣчи и смотрѣлъ за печами, кто обязанъ былъ грѣть передъ печкой газеты, прежде нежели подавали ихъ барину. «Ни сенаторъ, ни Иванъ Алексѣевичъ не тѣснили особенно дворовыхъ, т.-е. не тѣснили физически. Сенаторъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, и именно потому часто грубъ и несправедливъ, но онъ такъ мало имѣлъ съ ними соприкосновенія и такъ мало ими занимался, что они почти не знали другъ друга. Иванъ Алексѣевичъ докучалъ имъ капризами, не пропускалъ ни взгляда, ни слова, ни движенія и безпрестанно училъ; для русскаго человѣка это часто хуже побоевъ». Содержали прислугу довольно хорошо, дѣломъ не обременяли. У каждаго и каждой была своя обязанность, очень легкая, но Иванъ Алексѣевичъ умѣлъ сдѣлать ее, временами, тяжелѣе тяжелой, безпрестанными капризами, испытаніемъ и поученіями. Тѣлесныя наказанія были почти неизвѣстны. Два-три случая, въ которые прибѣгли къ посредству частнаго дома, были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того они были вызываемы значительными проступками. Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты; наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей; безъ рода, безъ племени, они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели тянуть лямку.

Дядю Шушку сцены эти поражали жестоко. Онъ отдавалъ несчастному все, чѣмъ только могъ распорядиться.

Каждую зиму мать моя, а вмѣстѣ съ нею и тетушка, Елисавета Петровна, пріѣзжали въ Москву, иногда привозили и меня

съ собою. Мы останавливались всегда у княжны Анны Борисовны. Въ передней насъ встрѣчали старые, сѣдые лакеи, которые постоянно занимались строченьемъ подтяжекъ по заказу и мальчики, читающіе засаленныя книги духовнаго содержанія, удовлетворяясь процессомъ чтенія. Глубокая тишина, распространенная во всемъ домѣ, прерывалась время отъ времени визгомъ мартышки въ нарядѣ Дебардера, сидѣвшей на цѣпи въ дѣвичьей, подлѣ печки. Во внутреннихъ комнатахъ насъ принимали чинныя горничныя, одѣтыя въ темныя платья, съ большими чепцами на головахъ. Онѣ ходили тихо, говорили шепотомъ, доклады дѣлали едва шевеля губами. Въ спальной комнатѣ представлялись мы княжнѣ. Я ее помню уже старушкой, небольшаго роста, съ добрымъ, но важнымъ и нѣсколько строгимъ выраженіемъ лица. Она сидѣла всегда на зеленомъ штофномъ диванѣ, передъ овальнымъ столомъ, на которомъ раскладывала иногда пасьянсъ, или складывала касъ-тетъ. Тутъ же стояли передъ ней на столѣ разныя штучки, родъ игрушекъ, которыми забавляли ее племянники. Она любовалась ими нѣсколько времени, потомъ дарила кому нибудь. Полъ въ этой комнатѣ былъ обитъ зеленымъ сукномъ, на окнахъ, выходившихъ въ садъ Голохвастовыхъ, висѣли зеленыя штофныя занавѣсы. Подлѣ внутренней стѣны было аршина въ четыре длины и ширины небольшое возвышеніе, съ двумя ступеньками, отдѣленное колоннами отъ остальной части комнаты. Тамъ стоялъ турецкій, широкій диванъ, на которомъ княжна спала ночью; передъ нимъ столъ и два кресла, а въ сторонѣ большой кіотъ, наполненный образами въ богатыхъ ризахъ и вѣнцахъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Передъ ними неугасимо теплилась лампада. При входѣ въ эту комнату, насъ заставляли прежде всего помолиться въ землю передъ образами, потомъ подходила каждая изъ насъ къ княжнѣ. Между оконъ, подъ зеркаломъ, стояли англійскіе столовые часы и неумолкаемымъ стукомъ нарушали глубокую тишину этой комнаты.

Подлѣ спальной, въ небольшой комнатѣ, постоянно находилась пожилая женщина, служившая княжнѣ и наблюдавшая за хозяйствомъ. Тутъ стоялъ шкафъ съ чайной посудой и разливался чай.

Княжна рѣдко выходила изъ своей спальни въ другія комнаты, которыя были просторны и удобно расположены; но отъ

времени и не бывши долго поправлены, имѣли видъ полинялый и темноватый. Вездѣ висѣли люстры, съ хрустальными подвѣсками, отъ копоти походившими на дымчатые топазы. Когда проходили близко отъ нихъ, онѣ, сверкая, позванивали. Тяжелая, краснаго дерева, мебель, обитая штофомъ, столы съ бронзовыми рѣшеточками, фарфоровыя куклы, все напоминало — другія времена и нравы.

Въ одной изъ гостинныхъ висѣли портреты, прекрасно сдѣланные гуатью, въ овальныхъ, вызолоченыхъ рамахъ, всего семейства Яковлевыхъ, въ ихъ молодости, съ напудренными волосами, въ щегольскихъ костюмахъ. Ни одинъ изъ нихъ не походилъ уже на эти портреты когда я ихъ стала знать, какъ-будто они сняты были съ другихъ людей; только добродушное выраженіе лица Льва Алексѣевича сохранилось тоже, что и на портретѣ, его узнать было можно. Но откуда взялся холодно-язвительный взглядъ у этого вѣжливо-улыбающагося, нѣжнаго молодаго человѣка? Откуда взялась тучность и важность у этой полу-воздушной дѣвочки, съ розой въ распущенныхъ волосахъ? Я въ дѣтствѣ разсматривала эти портреты, какъ картинки; бывшіе со мной, указывая на портретъ прекраснаго молодаго человѣка, съ открытой физіономіей, говорили: «вотъ это твой дѣдушка». Впослѣдствіи, разсматривая эти портреты въ гостиной княгини, куда они перешли вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ княжны, послѣ ея кончины, я глубоко задумывалась. Княжна прожила 100 лѣтъ, и кончила жизнь мгновенно безъ болѣзни, кончина ея была похожа на сонъ.

Послѣ 1812 года, княгиня, съ своимъ семействомъ, поселилась во флигелѣ при домѣ княжны. Домъ княгини сгорѣлъ въ бытность въ Москвѣ непріятеля.

Почти каждый вечеръ у княжны собирались родные: княгиня съ дѣтьми, Елисавета Алексѣевна съ двумя сыновьями Дмитріемъ и Николаемъ Павловичами, и очень молоденькой дочерью Натальей Павловной, въ сопровожденіи жившей у ней старушки — компаньонки, Надежды Ивановны, и двухъ служителей, съ напудренными головами, въ башмакахъ и ливрейныхъ фракахъ съ галунами.

Сверхъ дней имянинъ, рожденія и большихъ праздниковъ, всѣ родные встрѣчали у княжны новый годъ; поднималась Иверская Божія Матерь, послѣ молебна, всѣ поздравляли старушку и да-

рили ей разныя бездѣлицы, какъ дарятъ дѣтямъ. По смерти княжны, домъ заколотили, дворъ заросъ травой, стѣны почернѣли, прислуга, получивъ отпускныя, разошлась, только желтыя, лохматыя собаки лежали на каменномъ крыльцѣ. Княгиня осталась жить во флигелѣ, куда я съ матерью и тетушкой стали пріѣзжать.

Пріѣзжая въ Москву, мать моя бывала и у дядей, особенно часто навѣщала Ивана Алексѣевича не столько для него, сколько для Луизы Ивановны, которую очень любила. Часто она оставляла меня у нихъ на нѣсколько дней. Александръ всегда радовался моему пріѣзду. Онъ росъ одинокъ и былъ избалованъ, по этому не умѣлъ и не любилъ играть съ товарищами, малѣйшее противорѣчіе выводило его изъ себя. Только со мной онъ былъ уступчивъ и игралъ охотно. Игрушекъ у него было множество. Меня больше всѣхъ игрушекъ занимала кухня, въ которой на плитѣ готовился обѣдъ, и всѣ повара приходили въ движеніе, тронутые пружинкой; но скоро они прекратили свою дѣятельность: чтобы узнать отчего повара пекутъ и жарятъ, Александръ разломалъ заднюю стѣнку кухни, вытащилъ пружину и успокоился, отдохнули и повара.

Спала я всегда въ комнатѣ Луизы Ивановны; тутъ же стояла желѣзная кровать Саши, обтянутая парусиной; когда Вѣра Артамоновна, надѣвши на него ночную сорочку, укладывала въ кровать, тогда у насъ начинались продолжительные разговоры, и нельзя уже было ни бѣгать, ни скакать, ни ломать игрушекъ. Въ это время Александръ разсказывалъ мнѣ слышанные имъ ужасы отъ m-me Прово о масонахъ, при ложѣ которыхъ мужъ ея занималъ когда-то, какую-то должность. «Разъ, говорилъ онъ, m-me Прово зашла въ залу, гдѣ собирались масоны, когда никого тамъ не было, и перепугалась до смерти. Она увидала комнату, обтянутую чернымъ сукномъ; по срединѣ стоялъ столъ, на немъ крестъ-на-крестъ два кинжала, а на нихъ мертвая голова. На стѣнахъ висѣли портреты всѣхъ въ мірѣ масоновъ, и если въ который-нибудь портретъ выстрѣлятъ, то гдѣ бы ни находился его подлинникъ, онъ мгновенно упадалъ мертвымъ». Я дрожала отъ страха, слушая эти разсказы, мнѣ живо представлялась и черная комната, кинжалы и портреты. «А вотъ еще, говорилъ Александръ, была революція во Франціи; народъ шу-

мѣлъ, бѣгалъ по улицамъ, людямъ рубили головы, кровь текла ручьями; хотѣли повѣсить на фонарѣ m-r Прово, насилу спасла его m-me Прово».

Александръ любилъ разсказы больше игрушекъ; игрушки, по своей безжизненности и безотвѣтности, скоро надоѣдали ему и онъ ихъ ломалъ отъ скуки. Если нечего было слушать, онъ игралъ съ собакой Бертой, ѣздилъ на ней верхомъ или запрягалъ въ повозочку. Иногда мы втроемъ бѣгали въ запуски вокругъ комнатъ. Когда меня увозили отъ Ивана Алексѣевича, Александръ тосковалъ, оставаясь опять одинокимъ.

Чтобы утѣшить Москву, раззоренную непріятелемъ, императоръ Александръ Павловичъ, въ 1817 году, переѣхалъ въ Москву со всѣмъ своимъ дворомъ, министрами, гвардіей, государственнымъ совѣтомъ и прожилъ въ ней почти годъ. Къ Ивану Алексѣевичу и сенатору каждый день ѣздили генералы, участвовавшіе въ войнѣ 1812 года, ихъ бывшіе товарищи и сослуживцы и нерѣдко у нихъ по нѣскольку человѣкъ обѣдало. Изъ числа частыхъ посѣтителей я видѣла у нихъ двухъ братьевъ Бахметьевыхъ, одинъ былъ безъ ноги, ее оторвали ему при Бородинѣ, князя Петра Михайловича Волконскаго, графа Милорадовича, графа Комаровскаго, Болховскаго и графа Орлова.

Милорадовичъ очень любилъ Александра. Часто вечерами, держа его на колѣняхъ, съ жаромъ что-нибудь разсказывалъ и не замѣчалъ какъ Александръ, играя на его груди его орденами и перебирая ихъ, иногда отрывалъ нѣкоторые и ронялъ на полъ. Милорадовичъ, не замѣчая этого, уѣзжалъ. На другой день орденъ или два находили на полу и ему отсылали.

Когда я стала постарше, то довольно часто бывала въ домѣ Голохвастовыхъ. Сыновья и дочь Елисаветы Алексѣевны очень любили меня и также, какъ и княжны Хованскія, называли дикимъ ребенкомъ за мою врожденную нелюдимость и робость, а изъ Татьяны перекрестили въ Темиры, какъ и называлась я такъ долго, что нѣкоторое время названіе Темиры считала своимъ настоящимъ именемъ.

Большой домъ Голохвастовыхъ стоялъ во дворѣ, выходившемъ на Тверской бульваръ. Комнаты въ немъ были обширныя, убранныя прекрасно. Мнѣ особенно нравилась диванная, яхонтоваго цвѣта, съ гирляндами цвѣтовъ, вмѣсто багетки. Мебель и зана-

вѣсы въ ней были штофныя, лимоннаго цвѣта. Въ этой комнатѣ Елисавета Алексѣевна (сестра Яковлевыхъ) или сидѣла, или лежала на диванѣ. До 45-ти лѣтъ она сохранила слѣды замѣчательной красоты. Тутъ находилась всегда и молоденькая дочь ея съ прекрасными, добродушными, черными глазами, совершенный портретъ своего брата, Николая Павловича, младшаго сына Елисаветы Алексѣевны. Легкомысленный, страстный, энергическій, онъ составлялъ совершенную противоположность съ старшимъ братомъ своимъ, Дмитріемъ Павловичемъ, высокимъ, стройнымъ блондиномъ, съ легкимъ золотистымъ отливомъ волосъ, съ правильными чертами лица и выраженіемъ спокойствія и уваженія къ себѣ. Жизнь его была рядомъ успѣховъ и наградъ. Онъ много читалъ, умно разсуждалъ, благоразумно дѣйствовалъ, но чувствовалось, что чего-то недостаетъ, онъ слишкомъ помнилъ всегда себя. Братъ же его, кажется, и не думалъ никогда о себѣ, да кстати и о другихъ мало заботился. Онъ родился хромымъ, что̀ мѣшало ему, при высокомъ ростѣ, пріобрѣсти античную ногу и версальскую поступь брата. При огромномъ богатствѣ они вели жизнь самую скромную и уединенную. Мать ихъ почти никуда не выѣзжала, кромѣ родныхъ, и то изрѣдка; къ нимъ ѣздили немногіе. Сыновья имѣли очень мало товарищей — самый близкій изъ нихъ былъ Н. Свербѣевъ. Въ домѣ у нихъ, въ этихъ богато-убранныхъ комнатахъ, было какъ-то пусто и беззвучно. Николай Павловичъ женился очень рано, противъ воли матери, на бѣдной, незнатной, но прелестной дѣвушкѣ. Мать, исполненная аристократизма, думавшая, что сыновей ея достойны невѣсты самаго высокаго рода и богатства, по крайней мѣрѣ, равнаго ихъ богатству, такъ огорчилась этимъ бракомъ, что занемогла и скоро окончила жизнь. Жившая у нихъ старушка-компаньонка — вдова коменданта Орской крѣпости, часто говорила: «съ дѣтства Николая Павловича я видѣла, что въ немъ пути не будетъ. Разъ собаки оторвали хвостъ у тирольской коровы, любимицы его матери, а онъ глядитъ на это, да хохочетъ, не жаль своего добра». И точно, онъ не жалѣлъ своего добра никогда. Когда, по смерти матери, они раздѣлились, Наталья Павловна вышла замужъ за Н. В. Шатилова, и вскорѣ скончалась, оставивши малолѣтнихъ сына и дочь, которыхъ мы съ Луизой Ивановной часто навѣщали и очень любили. Дмитрій Павловичъ уѣхалъ за границу смотрѣть

Лондонъ, а Николай Павловичъ «сталъ показывать себя Москвѣ»: онъ купилъ домъ, великолѣпно его убралъ, роскошно рядилъ жену и дѣтей и сталъ давать обѣды, балы и спектакли. Домъ его съ утра до ночи былъ биткомъ набитъ любителями хорошихъ обѣдовъ, гвардейцами, танцующей молодежью и даже высшей аристократіей. Вино лилось и музыка играла. Мы иногда бывали у Николая Павловича, онъ и жена его очень любили Лизу Ивановну, она была кума Николаю Павловичу и много способствовала его примиренію съ дядями. Несмотря на то, что у него было уже пять человѣкъ прелестныхъ дѣтей, онъ жилъ какъ въ чаду, какъ бы отыскивая, какъ скорѣе прожить состояніе, и кончилъ тѣмъ, что разорился на танцовщицу, нестоившую развязать ленточку у башмака жены его. Имѣніе ихъ описали, жена умерла, домъ распадался,— все это сдѣлалось очень быстро. Мы навѣщали часто осиротѣлыхъ дѣтей и разорившагося пріятеля. Въ крайности Николай Павловичъ заложилъ бриллианты своей матери, доставшіеся по раздѣлу ему. Дмитрій Павловичъ далъ ему на себя вексель, чтобы онъ выкупилъ бриллианты и привезъ къ нему на сохраненіе для его дѣтей. Бриллианты Николай Павловичъ выкупилъ и повезъ къ брату, но, въ подражаніе коту-муру Гофмана, который несъ матери головку селедки и съѣлъ самъ, chemin faisant— заѣхалъ къ другому ростовщику, заложилъ ихъ, а деньги промоталъ. Это возбудило изумленіе и негодованіе Дмитрія Павловича и всѣхъ родныхъ. Истощивши всѣ средства, Николай Павловичъ сталъ продавать вещи, мебель, потомъ вырубилъ садъ, чтобы топить печи, продалъ небольшую подмосковную. Онъ не унывалъ, весело разъѣзжалъ по роднымъ, часто бывалъ и у насъ (я была уже замужемъ), звалъ меня по-прежнему дикимъ ребенкомъ и Темирой, смѣясь, разсказывалъ разные анекдоты и новости, нерѣдко имъ же сочиненные. Жизнь свою онъ окончилъ на дачи своего двоюроднаго брата. Среди разговора схватилъ себя за голову, упалъ и умеръ.

Пока Николай Павловичъ угощалъ и веселилъ Москву, Дмитрій Павловичъ правильно осмотрѣлъ Европу, выучился англійскому языку и возвратился въ Россію съ англійскимъ берейторомъ, ньюфаундленскими собаками, изъ которыхъ далъ по собаки дядямъ. У дѣдушки Ивана Алексѣевича—это былъ извѣстный Макбетъ. Дмитрій Павловичъ привезъ планы фермы и конскихъ заводовъ,

книги, въ томъ числѣ, по порученію Ивана Алексѣевича, цѣлый ящикъ французскихъ и нѣмецкихъ книгъ Александру. Моремъ привезли Дм. Пав. разныя земледѣльческія машины и машины для орошенія полей. Онъ занялся устройствомъ хозяйства въ своемъ подмосковномъ имѣньи Покровскомъ. Обсѣялъ поля клеверомъ и развелъ породистыхъ лошадей и коровъ. Наконецъ, женился на умной дѣвушкѣ.

Въ послѣдніе годы жизни брата своего, по желанію князя Сергѣя Михайловича Голицына, бывшаго тогда попечителемъ московскаго университета, Д. П. Голохвастовъ сдѣланъ его товарищемъ.

Въ университетское управленіе, при князѣ С. М. Голицынѣ, онъ ввелъ слишкомъ много формализма. Мѣсто князя Голицына заступилъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Положеніе университета при немъ совершенно измѣнилось. Онъ отстаивалъ права его, облагораживалъ, защищалъ отъ полицейскихъ притѣсненій, старался поднять его въ глазахъ государя императора, и самъ былъ либераленъ. Время управленія графа было одной изъ цвѣтущихъ эпохъ московскаго университета. При графѣ С. Г. Строгановѣ университетъ измѣнился, отъ зданія и аудиторіи, до профессоровъ и объема преподаванія. Послѣднему способствовало то, что изъ-за границы возвратилось много новыхъ профессоровъ, изъ числа которыхъ были люди чрезвычайно талантливые, съ свѣтлымъ направленіемъ. Они имѣли громадное вліяніе на студентовъ и на общество, посѣщавшее ихъ популярныя чтенія и по средствамъ студентовъ, вносившихъ свѣжія понятія изъ аудиторіи въ свои семейства. Какъ этимъ профессорамъ, такъ и графу С. Г. Строганову, поддержавшему ихъ, многимъ обязаны и университетъ и русское общество.

Черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ вышелъ изъ университета графъ С. Г. Строгановъ, вышелъ въ отставку и Дмитрій Павловичъ, и расположился отдохнуть отъ служебнаго дѣла среди сельскаго хозяйства, семьи и книгъ. Сверхъ этого онъ пристрастился къ скачкамъ, на которыхъ отличалась и выигрывала призы его любимая скаковая лошадь Бычокъ; съ Бычка у него было нѣсколько портретовъ, въ разныхъ положеніяхъ. Оставалось только жить и наслаждаться жизнью. Но суждено было иначе. Вскорѣ послѣ отставки, сильный и здоровый Дмитрій Павловичъ,

не старѣе 50-ти лѣтъ, занемогъ горловой чахоткой и послѣ тяжкихъ мученій окончилъ жизнь въ 1849 году.

Смерть уравняла обоихъ братьевъ. Дѣти Дмитрія Павловича достойно пользуются состояніемъ, оставленнымъ имъ ихъ отцомъ, о которомъ я вспоминаю съ чувствомъ дружескимъ, съ каковымъ и онъ былъ расположенъ ко мнѣ во всю его жизнь и которое не разъ доказывалъ мнѣ не словами, но дѣломъ. Подъ холоднымъ формализмомъ у него было сердце не безъ теплоты.

Т. П. Пассекъ.

ЛЕВЪ ИЗМАЙЛОВЪ.

Не тотъ-ли вы, къ кому меня, еще съ пелёнъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитёй возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ.
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь, и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
На нихъ онъ вымёнялъ борзыя три собаки!!

Влагая эти слова въ рѣчь Чацкаго — авторъ комедіи «Горе отъ ума» направлялъ ихъ, какъ разсказываютъ москвичи-старожилы, — въ генералъ-лейтенанта Льва Измайлова.

Кто же такой былъ отставной генералъ-лейтенантъ Левъ Измайловъ, или лучше сказать, какими дѣяніями оставилъ онъ по себѣ память?

Для отвѣта обратимся къ подлинному судному дѣлу, производившемуся о немъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, и познакомимся съ этимъ пышно-распустившимся цвѣткомъ на почвѣ крѣпостнаго права. Передаемъ главнѣйшія подробности подлинной записки изъ его дѣла въ изложеніи А. Г. Пупарева. **Ред.**

„До свѣдѣнія моего дошло, что отставной генералъ-маіоръ Левъ Измайловъ, имѣющій въ Тульской губерніи вотчину, село Хитровщину, ведя распутную и всѣмъ порокамъ отверзтую жизнь, приноситъ любострастію своему самыя постыдныя и для крестьянъ утѣснительнѣйшія жертвы. Я поручаю вамъ о справедливости сихъ слуховъ развѣдать, безъ огласки, и мнѣ съ достовѣрностію донести, безъ всякаго лицепріятія, по долгу совѣсти и чести“:

Такъ писалъ императоръ Александръ I, еще 23-го марта 1802 года, тульскому гражданскому губернатору Иванову, но не извѣстно, какое исполненіе сдѣлано Ивановымъ по этому высочайшему повелѣнію. Вѣдомо однако, что цѣлую четверть столѣтія потомъ, Измайловъ, пожѣ-

щикъ Зарайскаго, Михайловскаго уѣздовъ, Рязанской губерніи и Епифановскаго уѣзда, Тульской, не встрѣчалъ преграды своему произволу. Только въ 1827 г. оффиціально выяснились поведеніе и домашняя жизнь Измайлова, а также поступки его съ подвластными.

Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, отставной генералъ-лейтенантъ [1]), жилъ въ своемъ Епифановскомъ имѣніи, селѣ Хитровщинѣ, имѣя при себѣ дворню, собранную изъ разныхъ его деревень. Въ Хитровщинѣ считалось: дворовыхъ — мужчинъ 270, женщинъ: 12 горничныхъ, 37 въ прислугахъ при домѣ, 182 фабричныхъ и бездолжныхъ дѣвокъ и женокъ и вольнонаемныхъ 14.

Дворня эта помѣщалась весьма тѣсно, въ худыхъ, деревянныхъ хижинахъ, по 4 и по 5 семей вмѣстѣ. Такъ въ одномъ покоѣ, на пространствѣ 41 квадратнаго аршина, жило 14 душъ мужескаго пола и 15 женскаго, и нужно было удивляться, какъ, при такой тѣснотѣ и нечистотѣ, люди эти оставались здоровыми.

Впрочемъ, для дворни былъ лазаретъ; каменное, неоштукатуренное строеніе, съ двумя рядами небольшихъ комнатъ, раздѣленныхъ въ срединѣ широкимъ темнымъ корридоромъ, въ которомъ, отъ недостатка свободнаго сообщенія съ наружнымъ воздухомъ, господствовалъ непріятный, тяжелый запахъ. Все строеніе запущенное какъ внутри, такъ и снаружи, мебель худая и ветхая. Сюда отсылали людей, которые, по болѣзни, отказывались идти на работу. Содержаніе имъ было мука и крупа. Тутъ же содержалась часть арестантовъ.

Лазаретъ былъ въ завѣдываніи доктора и имѣлъ аптеку; но въ случаѣ выѣзда барина изъ имѣнія, докторъ отправлялся съ нимъ, аптека запиралась и запечатывалась; оставался фельдшеръ, который никого и ничѣмъ не пользовалъ.

Въ Хитровщинѣ была и такъ-называемая богадѣльня. Это крестьянская полусгнившая изба. Стѣны и потолокъ ея покрыты сажею. Тутъ, на 63 квадр. аршинахъ, кромѣ печи, помѣщалось 34 престарѣлыхъ женщины, въ рубищахъ и лоскутьяхъ. За исключеніемъ пространства, необходимаго для хода, на каждую изъ женщинъ приходилось не болѣе одного кв. аршина для помѣщенія. Получали онѣ на содержаніе по одному пуду ржаной муки на мѣсяцъ и за то обязаны были прясть господскую пеньку. Въ богадѣльню ссылались женщины и въ наказаніе, и посылались отсюда въ разныя работы. Въ другой, такой же хижинѣ, на 25 кв. аршинахъ, мѣстилось 6 мужчинъ и 12 женщинъ.

---

[1]) Въ 1812 году, онъ былъ сначала рязанскимъ губернскимъ предводителемъ, потомъ начальникомъ рязанскаго ополченія. Имѣлъ ордена св. Анны 1-го класса и Георгія 4-й степени. А. П.

Хозяйственныя заведенія въ Хитровщинѣ давали занятія дворовымъ. Но вотъ въ какомъ положеніи находились эти заведенія.

Суконная фабрика помѣщалась въ старомъ деревянномъ строеніи, гдѣ, сквозь стѣны и заколоченныя досками окна, свободно проходилъ вѣтеръ. Здѣсь, въ тѣснотѣ и нечистотѣ, пряли дворовыя дѣти, на простыхъ ручныхъ прялкахъ, шпанскую и мѣшанныхъ породъ шерсть, ткали сукна; для валянія же, крашенія и отдѣлки сукно отсылалось на московскія фабрики.

Полуразрушенный поташный заводъ уже нѣсколько лѣтъ вываривалъ поташъ только въ небольшомъ количествѣ, для домашняго обихода и, казалось, существовалъ единственно въ наказаніе дворовымъ людямъ. Въ такомъ же видѣ былъ и кирпичный заводъ.

Конскій заводъ находился, собственно, въ Зарайскомъ уѣздѣ, но на зиму лошади, бо́льшею частію, пригонялись въ Хитровщину, гдѣ содержались въ конюшняхъ жеребцы. Конюшни соотвѣтствовали прочему строенію и были завалены внутри и снаружи нечистотами. По недостатку въ Хитровщинѣ сѣна, крестьяне возили его изъ села Дѣднова, за 150 верстъ, и за растрату въ пути должны были отвѣчать своимъ собственнымъ. Но если хозяйственныя заведенія находились въ разстройствѣ и вообще въ весьма плохомъ состояніи, то псарнею своею Измайловъ могъ похвалиться. Собакъ разныхъ породъ было 673, жили онѣ въ лучшихъ домахъ, гдѣ, для каждой изъ нихъ, сдѣлано было особое гнѣздо, набитое свѣжею соломою. На кормъ ихъ выходило ежегодно овса болѣе 1,600 четвертей. Кромѣ того, когда осенью 1827 года, при наступленіи холодовъ, рогатый скотъ Измайлова сталъ падать отъ чумы, то, по содраніи шкуръ съ палаго скота, мясомъ кормили тѣхъ же собакъ. Страсть помѣщика къ охотничьимъ собакамъ была такъ сильна, что, въ 1823 году, онъ промѣнялъ помѣщику Шебякину четырехъ дворовыхъ, служившихъ ему по 30 лѣтъ, на четыре борзыя собаки, впрочемъ, въ михайловскомъ уѣздномъ судѣ совершены были одновременно четыре купчія крѣпости этихъ людей, каждая въ четыреста рублей, такъ какъ судъ, по закону, имѣлъ право писать крѣпости цѣною только до 500 рублей.

За малѣйшіе проступки, а нерѣдко и невинно, дворовые люди, по приказанію Измайлова, наказывались плетьми, розгами и псарскими арапниками, сложенными вмѣстѣ съ ручкою; сверхъ того, содержались въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ, на стѣночныхъ цѣпяхъ и заклепанныхъ на шеѣ желѣзныхъ рогаткахъ. Такихъ рогатокъ имѣлось болѣе двухъ сотъ, и въ нихъ многіе ходили по году и болѣе. Съ 1-го сентября 1826 года по 23-е марта и 2-го апрѣля 1827 г. въ рогаткахъ содержались 23 человѣка. Въ рогаткахъ же, а иногда

и безъ нихъ, люди ссылались на неограниченное время въ тяжелыя работы на кирпичный, винокуренный и поташный заводы, рыть землю и засыпать прудъ въ холодное время. Такихъ ссыльныхъ бывало всегда не менѣе 40 человѣкъ; обременяемые работою до совершеннаго изнуренія, они получали весьма скудную пищу, безъ платы и одежды, даже и тогда, если по нѣскольку лѣтъ находились въ этихъ работахъ. Не только наказываемые, но и вообще дворовые и крестьяне должны были производить работы даже въ большіе годовые праздники. Такія заявленія на Измайлова послѣдовали отъ 166 человѣкъ дворовыхъ; но изъ нихъ многіе отозвались, что получаемыми жалованьемъ и содержаніемъ остаются довольны. Кромѣ того, 24 крестьянина обнаружили, что и они были наказаны и заключены въ рогатки.

Измайловъ и самъ не отвергалъ, что дворовые, хотя и наказывались тѣлесно и на нѣкоторыхъ бывали рогатки, но эти наказанія и употребленіе желѣзныхъ вещей не могутъ назваться жестокими и истязательными, потому что „первыя производились человѣколюбиво и соотвѣтственно винамъ каждаго, для единаго только страха, а послѣднія, по легкости ихъ, служили къ воздержанію отъ пьянства, буйства и побѣговъ, слѣдовательно, совсѣмъ не безвинно, подвижными же цѣпными стульями никогда не наказывались", что, вообще, эти орудія не были въ употребленіи со времени объявленія ему высочайшаго повелѣнія 20-го марта 1826 г. объ истребленіи ихъ [1]). Впрочемъ, на лицо оказалось: 26 шейныхъ рогатокъ, вѣсомъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 4 фунтовъ; 9 ножныхъ желѣзъ, вѣсомъ отъ 2 до 4 фунтовъ, одни ручныя въ 2 фунта; 2 подвижныхъ, съ цѣпями, стула—одинъ вѣсомъ въ 1 пудъ и 21 фунтъ, другой—въ 1 пудъ и 12 фунтовъ. Сверхъ того, предъявлены двѣ однохвостныя плети, употребляемыя при наказаніи, и 12 приказовъ, данныхъ Измайловымъ за своимъ подписомъ, въ 1823, 1824, 1826 и 1827 годахъ, о посылкѣ людей рыть канавы, сѣченіи ихъ, надѣваніи на нихъ рогатокъ и, по наказаніи, запираніи въ черную.

Эта черная, т.-е. арестантская, вмѣстѣ съ канцеляріею, помѣщалась въ одномъ изъ двухъ каменныхъ флигелей, находившихся по сторонамъ господскаго дома, и имѣла особый входъ. Она видомъ своимъ приводила въ ужасъ и отвращеніе; при крайней нечистотѣ, имѣла всего пространства, за исключеніемъ печи, 57 квадр. аршинъ, но въ ней помѣщалось не рѣдко до 30 человѣкъ, окно съ желѣзной рѣшоткой, а въ стѣнахъ прикованы цѣпи.

---

[1]) Повелѣніе это напечатано въ «Русск. Стар.» изд 1871 г. т. IV, стр. 418.

Другая половина этого флигеля сообщалась только корридоромъ съ внутренними покоями господскаго дома, да небольшая калитка, въ высокой каменной стѣнѣ, вела отсюда на главный фасадъ, но она была всегда заперта внутреннимъ и, сверхъ того, висячимъ замкомъ. Въ окнахъ вставлены были рѣшотки. Здѣсь содержалось до 30 дѣвокъ разнаго возраста. Запертыя днемъ и ночью, онѣ лишены были всякаго сообщенія даже съ родственниками. Въ случаѣ выѣзда барина въ другія имѣнія и даже въ Москву, эти женщины должны были слѣдовать за нимъ, и тамъ содержались такимъ же порядкомъ. Съ ними Измайловъ вступалъ въ предосудительную связь; нѣкоторыя изъ нихъ рождали, во время заключенія своего, дѣтей; изъ нихъ дѣвочки содержались тутъ же во флигелѣ съ матерьми и иногда терпѣли одинакую долю съ родительницами. Нимфодора Харитонова, по достиженіи 13-ти лѣтъ, а Татьяна Канаева въ 19-ть лѣтъ были растлѣны Измайловымъ. Всѣ эти побочныя дѣти, въ числѣ ихъ и мальчики, считались дворовыми. Исключеніе было только для рожденнаго дворовою дѣвушкой Акулиной Барановой сына Дмитрія, которому въ 1827 году было 11-ть лѣтъ. Онъ содержался отлично и воспитывался вмѣстѣ съ младшею дочерью Измайлова.

Въ составъ этого гарема поступали не однѣ дворовыя, но и крестьянскія дѣвушки и горе было тѣмъ, кто бы ослушался приказанія барина, о выдачѣ ему требуемой. Крестьяне деревни Кашиной, едва ли не около того времени, какъ послѣдовалъ рескриптъ императора Александра I къ тульскому губернатору, были за это наказаны, и домъ одного изъ нихъ Измайловъ хотѣлъ было сжечь.

Опостылѣвшія или провинившіяся одалиски этого гарема подвергались исключенію изъ него и наказывались. Двадцать три крестьянки, бывшія прежде горничными, обнаружили, что онѣ, противъ ихъ воли, лишены были дѣвства Измайловымъ, имѣли съ нимъ по нѣсколько лѣтъ связь и были наказываемы, а потомъ нѣкоторыя сосланы въ тяжелыя работы.

Повидимому, Измайловъ недовольствовался гаремными заключенницами. Четыре крестьянскія дѣвушки отозвались, что хотя были съ нимъ въ связи, но потеряли невинность съ другими; сверхъ того, три объявили, что онѣ были приведены въ домъ Измайлова и тамъ, по волѣ его, лишены дѣвства гостями: Самаринымъ, Козловымъ и Бѣлеградомъ. Впослѣдствіи ихъ приводили, по приказанію барина, какъ для другихъ гостей, такъ и для него самого.

Въ 1827 году, Измайловъ былъ старикъ и лѣтъ восемь какъ лежалъ въ подагрѣ, лишенный употребленія рукъ и ногъ. Его носили на рукахъ, и если въ это время онъ, бывало, почувствуетъ малѣйшее безпокой-

ство, то обвинялъ въ томъ прислуживающихъ ему и приказывалъ сѣчь ихъ безъ пощады плетьми, угрожая всѣхъ сослать на поселеніе. Но и тогда все же нѣсколько дѣвокъ содержалось у него во флигелѣ, и, только за годъ предъ тѣмъ, онъ взялъ къ себѣ двухъ родныхъ сестеръ и изъ нихъ съ одною продолжалъ, въ числѣ прочихъ, связь и въ послѣднее время.

Не однѣ, впрочемъ, животно-чувственныя отношенія къ женскому полу наполняли жизнь Измайлова. Онъ обладалъ нѣкоторое время женщиной, которая, повидимому, имѣла на него благодѣтельное вліяніе. Ей Измайловъ ввѣрилъ въ управленіе и свое имѣніе когда былъ за границей. Женщина эта была г-жа Давыдова, отъ которой Измайловъ имѣлъ двухъ побочныхъ дочерей и изъ нихъ Анна, въ 1827 году, была уже взрослая. Неизвѣстно по какому случаю и когда выѣхала изъ Хитровщины Давыдова, оставивъ тамъ своихъ дочерей. Ихъ Измайловъ признавалъ своими дѣтьми, и жили онѣ въ особомъ отдѣленіи дома, съ своими горничными, никуда не выпускались, но запирали ихъ только на ночь. Вотъ все отличіе ихъ отъ гаремныхъ затворницъ, жившихъ черезъ корридоръ и всегда запертыхъ. Еще при матери старшей изъ нихъ удавалось, вмѣстѣ съ ними, бывать въ церкви, на исповѣди и у св. причастія, а послѣ того были въ церкви только однажды, когда отецъ уѣзжалъ на Кавказскую линію.

Самъ Измайловъ былъ далекъ отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ. Мѣстные священники, въ теченіе 20 лѣтъ, не видали его на исповѣди и у св. причастія. Причастился онъ по случаю болѣзни, на дому, въ селѣ Горкахъ, уже 8-го іюля 1828 года, во время производства о немъ дѣла. Большая часть дворовыхъ, также только въ случаяхъ болѣзни, приступали къ этому таинству, хотя и бывали въ церкви. По документамъ церковнымъ, съ 1816 по 1827 годъ показано пріобщавшимися изъ общаго числа дворовыхъ, въ селѣ Хитровщинѣ, 270 мужчинъ и 40 женщинъ, только 136. На Измайлова введено было обвиненіе даже въ богохульствѣ, но оно не подтвердилось.

Браки между дворовыми были строго воспрещены, и просить на то дозволенія у Измайлова никто не смѣлъ. Когда онъ былъ за границею, г-жа Давыдова дозволила четверымъ человѣкамъ жениться; но Измайловъ, какъ только возвратился въ Хитровщину, то разлучилъ переженившихся и сослалъ въ работы: мужей на винокуренный, а женъ на поташный заводы и приказалъ мужьямъ считаться холостыми. Впослѣдствіи одному изъ четырехъ позволилъ жить съ женою, а прочіе остались разлучены, и одна изъ женъ находилась

въ работѣ 15 лѣтъ. Браковъ не было, между тѣмъ, незаконнорожденныхъ дѣтей отъ дворовыхъ дѣвокъ окрещено: въ 1825 году—20, въ 1826 году—11, въ 1827 году по 19 октября—17 младенцевъ.

Жестокіе и безчеловѣчные поступки Измайлова съ своими людьми много разъ вынуждали ихъ приносить жалобы губернскому начальству; но Измайловъ былъ въ дружбѣ и пріятельскихъ связяхъ со многими знатными лицами, по богатству своему легко могъ все затмить, и жалобы угнетенныхъ обращались на ихъ же погибель. Что могли получить въ защиту свою люди Измайлова, когда, и послѣ раскрытія слѣдствіемъ его поступковъ, помѣщики Зарайскаго, Михайловскаго и Епифанскаго уѣздовъ отозвались, что онъ „жизнь свою велъ всегда отлично и благородно, съ людьми своими велъ обращеніе самое кроткое и благодѣтельное, содержаніе имъ давалъ не только безнуждное, но во всемъ изобильное, и хотя нѣкоторымъ изъ тѣхъ же людей за дурные поступки наказанія и производились, но самыя умѣренныя; во время праздничныхъ и воскресныхъ дней люди и крестьяне не только не употреблялись ни въ какія господскія работы [1]), но строго имъ о семъ было запрещено, а самые крестьяне его находились въ избыточномъ положеніи". Впрочемъ, многіе изъ помѣщиковъ объявили, что имѣютъ съ Измайловымъ короткое знакомство, пользовались его одолженіями и были подъ его начальствомъ. О томъ же, какимъ сочувствіемъ пользовались люди Измайлова и какъ было велико его вліяніе у мѣстнаго начальства, мы сейчасъ разскажемъ.

Выведенные изъ терпѣнія дворовые люди, въ числѣ 105 человѣкъ, дали изъ среды себя пятерымъ: Николаю Птицыну, Николаю Кузнецову, Павлу Самойлову, Ивану Лапкину и Николаю Нечаеву, довѣренность на подачу государю прошенія о жестокостяхъ Измайлова. Прошеніе это дѣйствительно и послано было чрезъ тульскую почтовую контору, 10-го марта 1827 года. Описывая свое отчаянное положеніе, они просили объ изслѣдованіи всего чрезъ довѣренную особу, миновавъ мѣстное начальство.

Какъ ни секретно вели свое дѣло крестьяне, но о посылкѣ прошенія узналъ какъ-то жившій у Измайлова прапорщикъ Аллигирей Баазетовъ, принимавшій долю участія въ угнетеніи дворовыхъ, и донесъ Измайлову 8-го апрѣля. Оба они принялись допрашивать съ угрозами людей, приводили ихъ къ присягѣ, держали подъ карауломъ, но ничего не узнали. Тогда Измайловъ, 9-го апрѣля, отправилъ епи-

[1]) Въ противномъ этому слѣдователи имѣли случай лично убѣдиться, остановивъ господскія работы въ Петровъ день. А. П.

фанскому земскому исправнику, Попову, объявленіе, „что нѣкоторые дворовые люди составили скопъ и заговоръ и сдѣлали между собою неизвѣстно какую подписку, клонящуюся, повидимому, къ ложному противъ него, Измайлова, извѣту, и просилъ: въ отношеніи худыхъ послѣдствій отъ таковаго заговора, произвести на мѣстѣ изслѣдованіе и съ виновными поступить по законамъ".

Исправникъ въ тотъ же день явился въ Хитровщину, привезя съ собою пуки розокъ, угрожая ими усмирять людей, невыходившихъ изъ повиновенія. Они жаловались на притѣсненія Измайлова и высказывали о согласіи нѣкоторыхъ жаловаться на него.

Въ то же время Измайловъ подалъ новое объявленіе исправнику, описывая происшедшее, будто бы, въ людяхъ его волненіе, тайный между ними заговоръ и намѣреніе ихъ поколебать крестьянъ въ тишинѣ и должномъ повиновеніи, просилъ довести о томъ до свѣдѣнія начальника губерніи, для принятія надлежащихъ мѣръ къ удержанію людей его отъ незаконнаго стремленія.

Исправникъ вытребовалъ инвалидную команду и созвалъ въ Хитровщину земскій судъ, а исправлявшему должность тульскаго губернатора, предсѣдателю губернскаго правленія Хрулеву, 10-го апрѣля донесъ, что „отъ дворовыхъ людей Измайлова, кромѣ не открытія, въ чемъ заключается всеподданнѣйшее ихъ прошеніе и въ чемъ они имѣютъ на господина своего неудовольствіе, другихъ непослушаній и неповиновеній помѣщику нѣтъ".

Между тѣмъ, по распоряженію Хрулева, прибылъ къ производству слѣдствія епифанскій уѣздный предводитель дворянства Албычевъ и 12-го апрѣля объявилъ земскому суду полученное отъ Измайлова свѣдѣніе, что онъ въ дворовыхъ людяхъ своихъ замѣчаетъ тайные разговоры, для чего, особенно по ночамъ, ходятъ они другъ къ другу и собираются партіями. Поэтому онъ подозрѣваетъ ихъ въ томъ, что они намѣрены взбунтоваться противъ него, а быть можетъ, и противъ земскаго суда, или привести въ исполненіе какой-нибудь другой злой умыселъ. Измайловъ считалъ себя въ большой опасности, считалъ, что находящихся при исправникѣ 14 воинскихъ чиновъ недостаточно не только къ удержанію людей въ услугахъ, въ случаѣ бунта, но даже и для караула при взятыхъ подъ надзоръ и просилъ вытребовать въ Хитровщину роту воинской команды. 13-го апрѣля, по требованію земскаго суда, рота была прислана отъ ярославскаго пѣхотнаго полка. Ее размѣстили въ крайне тѣсныхъ жилищахъ дворовыхъ и заняли содержаніемъ подъ карауломъ тѣхъ изъ нихъ, кого производители слѣдствія признавали нужнымъ отдать подъ арестъ. О дѣйствіяхъ этихъ

производителей слѣдствія можно имѣть понятіе изъ жалобъ на нихъ дворовыхъ.

Члены земскаго суда допрашивали дворовыхъ при повѣренномъ Измайлова, коллежскомъ регистраторѣ Ѳедоровѣ, который, по словамъ дворовыхъ, первоначально склонялъ ихъ къ подачѣ жалобы на господина, а потомъ сочинялъ Измайлову объявленіе о скопѣ, заговорѣ и бунтѣ людей; пріятели Измайлова также допускались къ присутствію при допросахъ, которые переписывалъ крестьянинъ Измайлова. Чиновники эти и уѣздный стряпчій пользовались квартирою и столомъ отъ помѣщика; табакъ, чай, пуншъ и водка шли отъ него же. Все это истреблялось при открытомъ зерцалѣ. За то чиновники и склоняли допрашиваемыхъ оставить жалобы на господина, угрожая, въ противномъ случаѣ, наказаніемъ и ссылкою въ Сибирь; исправникъ и засѣдатель Хрущовъ били и сажали подъ караулъ. Предводитель Албычевъ, готовясь къ осмотру арестантской избы, промедлилъ столько, что, по приказанію помѣщика, успѣли изъ нея вычистить нечистоту и навозъ, выдергать и скрыть стѣнныя цѣпи. Албычевъ склонялъ людей, чтобъ не показывали о неудовольствіи своемъ на господина, ругалъ ихъ и стращалъ; при этомъ выставлялъ въ примѣръ строгость наказанія, какому подвергаетъ своихъ крестьянъ, и что они не смѣютъ жаловаться. Сверхъ того, чиновники сообщали Измайлову всѣ показанія; не писали въ нихъ всѣхъ объявленныхъ угнетеній, добавляя отъ себя слова въ пользу господина, а засѣдатель Хрущовъ приносилъ къ Измайлову и читалъ всѣ отвѣты женщинъ.

Имѣя въ виду донесеніе исправника 10-го апрѣля, Хрулевъ справился у тульскаго губернскаго почтмейстера. Оказалось, что крестьяне дѣйствительно послали 10-го марта всеподданнѣйшую жалобу. Тогда Хрулевъ, 12-го апрѣля, отправилъ въ Хитровщину совѣтника губернскаго правленія Трофимова, съ тѣмъ, чтобы онъ, при посредствѣ исправника, произвелъ изслѣдованіе по жалобѣ Измайлова. При этомъ Хрулевъ поручилъ Трофимову внушить дворовымъ людямъ, чтобъ они объявили ему, какъ чиновнику, довѣренному отъ начальства, свои неудовольствія, для отысканія справедливости, отклонивъ, впрочемъ, всякое непослушаніе ихъ помѣщику. Повидимому, Трофимовъ, съ прочими чиновниками, задался тѣмъ, чтобъ открыть, во что бы то ни стало, въ чемъ заключается посланное на высочайшее имя прошеніе и кто въ немъ участвовалъ, и эта часть дѣла была ими выполнена съ полнымъ успѣхомъ. Они, посредствомъ обысковъ, нашли сначала черновыя бумаги съ жалобами на помѣщика, въ томъ числѣ довѣренность на хожденіе по этому дѣлу, за тѣмъ списокъ людей, согласившихся на жалобу къ государю и наконецъ, въ чуланѣ одного изъ

дворовыхъ, копію со всеподданнѣйшаго прошенія и журналъ, веденный съ 19-го марта по 4-е апрѣля о дѣйствіяхъ помѣщика и бывшихъ отъ него дворовымъ людямъ наказаніяхъ.

Узнавъ, такимъ образомъ, содержаніе жалобы и имена лицъ, въ ней участвовавшихъ, Трофимовъ принималъ всѣ мѣры, чтобъ представить въ иномъ свѣтѣ дѣйствія Измайлова: грозилъ допрашиваемымъ, кричалъ на нихъ: „палокъ!“, билъ собственноручно по зубамъ, писалъ относительно многихъ не то, что показывали, посылалъ и самъ носилъ показанія людей Измайлову по ночамъ, и сочинялъ отъ него, по соображенію съ дѣломъ, объясненія. Въ квартирѣ повѣреннаго Измайлова, Ѳедорова, найдена была потомъ даже записка изъ слѣдствія, писанная засѣдателемъ Хрущевымъ и Ѳедоровымъ. Она была точный списокъ съ такой же, приложенной къ дѣлу.

По слѣдствію Трофимова и свидѣтельству епифанскаго штабъ-лекаря Никитина выходило, что если кто и былъ изъ дворовыхъ лицъ наказанъ, то слишкомъ умѣренно и легко, что ежели нѣкоторые, и то весьма не многіе, и замѣчены въ разстроеномъ здоровьѣ, то это произошло не отъ побоевъ, а отъ невоздержной жизни, болѣзненныхъ припадковъ и тому подобнаго.

Обитательницы флигеля найдены Трофимовымъ въ „приличномъ одѣяніи, занимающимися рукодѣліями, свойственными ихъ полу. Въ окнахъ флигеля, выходящихъ въ садъ, рѣшотокъ нѣтъ, и, слѣдовательно, изъ флигеля выходъ въ садъ свободенъ“. Служанки эти не заявили Трофимову жалобы на свою тутъ жизнь и высказали, что имъ не воспрещается, въ свободное отъ занятій время, прохаживаться по саду и бывать въ церкви.

Впрочемъ, Трофимовъ, кажется, небезкорыстно такъ дѣйствовалъ. На него, впослѣдствіи, возникло обвиненіе, что, при отъѣздѣ изъ Хитровщины въ Тулу, онъ получилъ, будто бы, отъ Измайлова 15,000 рублей, подъ предлогомъ займа на заплату по поручительству за какого-то несостоятельнаго должника. Просьба Трофимова о ссудѣ этими деньгами получаетъ нѣкоторое вѣроятіе по найденному черновому письму его, разорванному на множество лоскутковъ. Кромѣ того, получено было свѣдѣніе, что, въ день полученія письма Трофимова Измайловымъ, повѣренный его отвезъ 15,000 рублей въ Зарайскъ, гдѣ былъ тогда Трофимовъ.

Уже кончилъ-было Трофимовъ свое слѣдствіе и занялся приготовленіемъ изъ него записки, а Измайловъ, какъ носились слухи, рѣшился, по окончаніи производящагося о немъ дѣла, срыть до основанія жилища дворовыхъ людей своихъ, сослать ихъ съ семействами на поселеніе и на отправленіе ихъ туда разсчиталъ 20,000 рублей про-

гоновъ, какъ 11 мая, прибылъ, по высочайшему повелѣнію, въ Епифановскій уѣздъ офицеръ жандармскаго корпуса Шаминъ и остановилъ у Трофимова отсылку дѣла. При бытности Шамина, 15 дворовыхъ дѣвокъ и замужнихъ показали о растлѣніи ихъ господиномъ, держаніи ихъ въ заперти, недозволеніи видѣться съ родными и ходить въ церковь,— а дворовый Николай Пелицынъ, къ доказательству о жестокости наказаній, представилъ 13-ть письменныхъ приказовъ Измайлова.

Когда слѣдствіе было закончено Трофимовымъ и отослано къ тульскому губернатору, повѣренный Измайлова, Ѳедоровъ, 21-го августа 1827 года представилъ найденныя, будто бы имъ, черновыя бумаги дворовыхъ людей. На одной изъ этихъ бумагъ, подъ руку отыскивавшаго вольности Пармена Храброва, сдѣлана была карандашемъ приписка: „помните общее наше слово: въ случаѣ нашего невыигрыша, карачунъ дать ему“. Приписка эта была истолкована въ смыслѣ посягательства на жизнь Измайлова. Объ этомъ возникло особое слѣдствіе одновременно въ Епифановскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ, но никакихъ слѣдовъ умысла дворовыхъ людей на жизнь Измайлова неоткрыто. Тѣмъ не менѣе, по волѣ его, взято было подъ караулъ, въ селѣ Хитровщинѣ 7 и въ селѣ Дѣдновѣ 24 человѣка. Послѣдніе чрезъ Зарайскъ, Рязань и Тулу, отправлены въ Хитровщину скованные. Впослѣдствіи оказалось, что бумага найдена была не въ то время и не въ томъ мѣстѣ, какъ писалъ Ѳедоровъ. Тогда обнаружившихъ это, писаря Шанскаго и Тарасова, Ѳедоровъ сослалъ пасти скотину. Вообще на Ѳедорова пало подозрѣніе, что онъ, когда увидѣлъ по дѣлу недостаточность обвиненій противъ дворовыхъ, придумалъ приписать карандашемъ на черновыхъ бумагахъ умыселъ на жизнь господина, стараясь этимъ показать свое усердіе, пріобрѣсть полную довѣренность и сдѣлаться необходимымъ Измайлову.

Между тѣмъ, начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества сообщилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о дошедшихъ до государя свѣдѣніяхъ, что производившій слѣдствіе совѣтникъ Трофимовъ былъ вызванъ для того самимъ Измайловымъ, составлялъ для него отвѣты и объясненія и что государь, не полагая, чтобы дѣло это было ведено безъ всякаго лицепріятія, повелѣть соизволилъ: „полученныя вновь объ образѣ жизни и обращеніи съ дворовыми людьми Измайлова свѣдѣнія доставить къ нему, управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ: пріостановилъ разсмотрѣніе произведеннаго совѣтникомъ Трофимовымъ слѣдствія, поручилъ тульскому гражданскому губернатору, вмѣстѣ съ тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, удостовѣриться какъ въ безпристрастіи учиненнаго совѣтни-

комъ Трофимовымъ изслѣдованія, такъ и въ справедливости вновь дошедшихъ о Измайловѣ свѣдѣній и о послѣдующемъ доложилъ бы его императорскому величеству". Управляющій министерствомъ передалъ это повелѣніе къ исполненію тульскому губернатору Фонъ-Трейбуту 2-го сентября, съ тѣмъ, чтобы онъ донесъ потомъ съ приложеніемъ заключеній какъ своего, такъ и губернскаго предводителя. Затѣмъ отъ 14-го сентября переданы были еще дополнительныя свѣдѣнія о Трофимовѣ и Измайловыхъ, генералъ-лейтенантѣ и подпоручикѣ, полученныя также отъ начальника главнаго штаба, съ увѣдомленіемъ, согласно волѣ государя, что „свѣдѣнія сіи были поставлены на видъ губернатору и губернскому предводителю дворянства" для общаго соображенія при возложенномъ на губернатора порученіи, удостовѣриться въ справедливости изслѣдованія, совѣтникомъ Трофимовымъ произведеннаго.

Мы не приводимъ этихъ свѣдѣній, они включены уже въ своемъ мѣстѣ въ разсказъ, основанный на результатахъ, полученныхъ изслѣдованіемъ губернатора Фонъ-Трейбута и предводителя Мансурова. Но къ разсказу этому считаемъ нужнымъ добавить, что и при производствѣ Фонъ-Трейбута съ Мансуровымъ содержалось подъ арестомъ 70 человѣкъ. Имъ подано было, отъ имени Измайлова, довѣреннымъ его, Ѳедоровымъ, о взятіи подъ карауль еще 81 человѣка дворовыхъ, но домогательство это осталось неуваженнымъ. Тогда Ѳедоровъ объявилъ на дворовыхъ людей, что они покушаются и на его жизнь, но этого также ничѣмъ не доказалъ. Слѣдователи, для указанія насколько простирается мстительность Измайлова, обнаружили еще тотъ фактъ, что бывшаго у него прикащикомъ, сужденнаго и наказаннаго за утѣсненіе крестьянъ, двороваго человѣка Пармена Храбраго, Измайловъ уже осьмой годъ содержитъ подъ строжайшимъ карауломъ, въ томъ числѣ, уже послѣ наказанія по суду, болѣе двухъ лѣтъ.

Записка изъ дѣла была внесена въ Комитетъ Министровъ и, по положенію его, состоялось 20-го февраля 1828 года высочайшее повелѣніе: „1) произведенное о поступкахъ генералъ-лейтенанта Измайлова слѣдствіе, предоставить разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, но не въ Тульской губерніи, ибо тамошніе чиновники, состоя подъ начальствомъ производившаго слѣдствіе тамошняго гражданскаго губернатора, были бы стѣснены въ сужденіи ихъ объ ономъ, а въ Рязани. 2) Генералъ-лейтенанту Измайлову объявить, чтобъ онъ, по требованію суда, давалъ нужныя объясненія и чтобъ до окончанія дѣла не имѣлъ пребыванія въ своихъ деревняхъ. 3) Для управленія имѣніями его въ Тульской и Рязанской губерніяхъ учредить опеку, но съ тѣмъ, впрочемъ, чтобъ собираемые съ имѣній сихъ доходы предо-

ставлены были непосредственному его распоряженію и чтобы губернскія начальства имѣли строжайшее наблюденіе, дабы дворовые люди и крестьяне Измайлова отнюдь не уклонялись отъ исполненія обязанностей ихъ въ отношеніи къ помѣщику. 4) Совѣтника тульскаго губернскаго правленія Трофимова, обвиненнаго въ лихоимствѣ, предать суду также не Тульской, а Рязанской уголовной палаты, и для того отъ должности его нынѣ же удалить; и 5) Управляющему министерствомъ юстиціи за ходомъ сего дѣла имѣть строгій надзоръ, а управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ строго наблюдать, чтобы взяты были всѣ нужныя мѣры къ охраненію покорности и тишины въ имѣніи Измайлова". Наконецъ, по прошенію Измайлова, о позволеніи ему остаться въ имѣніи своемъ, въ сельцѣ Горкахъ, по болѣзненному его состоянію и по удостовѣренію о томъ Рязанской врачебной управы акушера, свидѣтельствовавшаго его въ сентябрѣ 1828 года, Комитетъ Министровъ положилъ: „по уваженію болѣзненнаго состоянія генералъ-лейтенанта Измайлова, оставить его въ настоящемъ мѣстѣ пребыванія и затѣмъ не дѣлать ежемѣсячныхъ свидѣтельствъ чрезъ медицинскаго чиновника, какъ о томъ отъ правительствующаго сената предписано".

Едва дѣло поступило къ судебному разсмотрѣнію, какъ снова началось угнетеніе дворовыхъ уже со стороны судебныхъ властей. Большое число дворовыхъ было вытребовано въ рязанскій уѣздный судъ для подтвердительныхъ показаній. Тамъ судья Морозовъ воспрещалъ имъ показывать истину и говорилъ, что если они не подпи, шутъ всѣхъ показаній просто, то онъ сдѣлаетъ ихъ ослушниками. Замѣчательно, что изъ людей вытребованы были въ уѣздный судъ для передопросовъ не всѣ, а по какому-то предварительному выбору. За тѣмъ вытребованные всѣ заключены въ тюрьму и приговорены судомъ къ наказанію и ссылкѣ въ Сибирь, хотя судъ долженъ былъ производиться надъ однимъ ихъ помѣщикомъ. Онъ былъ совершенно оправданъ судомъ, вѣроятно вслѣдствіе приведеннаго уже нами одобрительнаго отзыва о немъ помѣщиковъ. Рязанская уголовная палата подтвердила опредѣленіе уѣзднаго суда, а тамошній гражданскій губернаторъ Карцовъ, не только согласился съ рѣшеніемъ палаты, но сверхъ присужденныхъ ею, потребовалъ подвергнуть тому же наказанію и другихъ людей.

Содержащимися въ тюрьмѣ людей этихъ нашли ревизовавшіе Рязанскую губернію сенаторы Огаревъ и Салтыковъ и распорядились водворить ихъ, впредь до рѣшенія дѣла, въ мѣсто ихъ жительства, село Хитровщину, подъ присмотръ опекуна маіора Шебалова. Отъ него неоднократно потомъ доходили жалобы на дворовыхъ людей въ

неповиновеніи, будто бы ему, какъ опекуну, а также и вотчиннымъ начальникамъ; но жалобы эти, по разсмотрѣніи, оказывались незаслуживающими уваженія. Не лучше Шебалова дѣйствовали и прочіе опекуны имѣній Измайлова, люди, ему преданные и исполняющіе его велѣнія; таковы были опекуны его имѣній тульскаго Хрущовъ и Шебаловъ, рязанскаго—Лихаревъ. Изъ нихъ Хрущовъ, какъ жаловались потомъ дворовые, неправильно отдалъ въ рекруты 26-ть человѣкъ.

Наконецъ, въ 1830 году, дѣло Измайлова было разсмотрѣно во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента сената. Сенатъ полагалъ:

1) Какъ имѣніе Измайлова уже взято въ опеку и самъ онъ, по образу обращенія его съ своими людьми, не можетъ быть допущенъ до управленія того имѣнія, то оное оставить въ опекѣ, и хотя было бы неумѣстно имѣть Измайлову пребываніе въ своемъ имѣніи, но такъ какъ онъ, по уваженію къ тяжкой болѣзни, оставленъ въ настоящемъ мѣстѣ пребыванія, то дозволить ему находиться тамъ впредь до выздоровленія.

2) О долговременномъ небытіи Измайлова на исповѣди и у св. причастія, предоставить разсмотрѣнію духовнаго начальства, по назначенію коего, также возложить на него церковное покаяніе за незаконное его сожитіе.

3) По воспрещенію людямъ быть у исповѣди и у св. причастія и вступать имъ въ бракъ, оставить Измайлова въ сильномъ подозрѣніи.

4) Случай о наказаніи Измайловымъ дворовыхъ и крестьянъ въ деревни Кашиной, за недачу посланному отъ него, дѣвки для непотребства, за давностію и на основаніи 14-й ст. дворянской граматы оставить безъ сужденія.

5) По обвиненію въ богохульныхъ насмѣшкахъ, при отсутствіи доказательствъ, оставить Измайлова безъ взысканія.

6) Совершеніе въ михайловскомъ уѣздномъ судѣ 4-хъ купчихъ крѣпостей на дворовыхъ людей, подвергнуть дѣйствію всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 года.

7) Обстоятельства о дачѣ Измайловымъ денегъ совѣтнику Трофимову, разсмотрѣть при рѣшеніи поступившаго въ сенатъ дѣла, по обвиненію Трофимова въ лихоимствѣ.

8) Коллежскаго регистратора Ѳедорова въ составленіи фальшивой приписки и въ ложномъ извѣтѣ на дворовыхъ людей, въ покушеніи будто бы ихъ на жизнь господина своего и его, Ѳедорова, оставить въ сильномъ подозрѣніи и какъ человѣка неблагонадежнаго ни къ управленію имѣніемъ, ни къ хожденію по постороннимъ дѣламъ не

допускать и объ этомъ рязанское губернское правленіе имѣетъ публиковать повсемѣстно.

9) Дворовыхъ людей Измайлова, какъ непризнавшихся и неизобличенныхъ въ неповиновеніи къ помѣщику своему и въ покушеніи на его жизнь, отъ суда и слѣдствія по сему дѣлу освободить.

10) Людей и дѣвокъ, сознавшихся въ блудодѣяніи, предать церковному покаянію, по назначенію духовнаго начальства.

11) Утвердить рѣшеніе уголовной палаты: объ истребленіи найденныхъ у Измайлова желѣзныхъ орудій, объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія прапорщика Боязетова и побочной дочери Измайлова, Анны Львовой, о представленіи разсмотрѣнію военнаго начальства, поступковъ подпоручика Измайлова, о взысканіи съ генералъ-лейтенанта Измайлова 1,061 руб. 60 коп., употребленные на прогоны и канцелярскіе расходы, при производствѣ слѣдствія губернаторомъ и предводителемъ. Затѣмъ, въ прочихъ частяхъ рѣшеніе палаты, равно и мнѣніе рязанскаго гражданскаго губернатора, какъ несообразныя съ существомъ дѣла и законами—оставить.

12) Жалобу дворовыхъ на опекуновъ передать разсмотрѣнію 1-го департамента сената.

13) Противозаконныя дѣйствія: исправника Попова, дворянскихъ засѣдателей: Нечаева, Хрущова, секретаря Савельева и уѣзднаго предводителя Албычева поручить разсмотрѣнію и опредѣленію тульской уголовной палаты, а о дѣйствіяхъ уѣзднаго стряпчаго предоставить разсмотрѣнію управляющаго министерствомъ юстиціи.

14) Разсмотрѣніе дѣйствій рязанскаго уѣзднаго суда, по жалобѣ относительно передопроса нѣкоторыхъ изъ дворовыхъ и притомъ съ угрозами, и взысканіе съ виновныхъ, буде окажутся, предоставить рязанскому губернскому правленію.

15) Правившему должность тульскаго гражданскаго губернатора, предсѣдателю губернскаго правленія, статскому совѣтнику Хрулеву, не воспретившему земскому суду требовать въ Хитровщину роту воинской команды и не приказавшему возвратить ее къ своему мѣсту, въ виду донесенія исправника, что со стороны дворовыхъ людей никакого ослушанія помѣщику ихъ нѣтъ, рязанскимъ: уѣздному суду и уголовной палатѣ, оправдавшимъ совершенно Измайлова и большое число людей безвинно присудившимъ къ наказанію и ссылкѣ въ Сибирь, тамошнему гражданскому губернатору Карцову, который не только согласился съ неправильнымъ рѣшеніемъ уголовной палаты, но, сверхъ присужденныхъ ею, подвергалъ тому же наказанію и другихъ людей,—сдѣлать строгій выговоръ.

На приведеніе въ исполненіе опредѣленія относительно послѣдней

статьи, было испрашиваемо высочайшее соизволеніе и 11-го ноября 1830 года объявлено Комитету Министровъ собственноручное повелѣніе государя императора: „Согласенъ. Г. Измайлова выслать на жительство въ Рязань или Тулу, куда пожелаетъ, безвыѣздно; кто-жъ по опекѣ назначится къ управленію имѣніемъ, донести".

7-го января 1831 года послѣдовала печатная публикація отъ сената о сдѣланномъ строгомъ выговорѣ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, и циркулярное печатное сообщеніе рязанскаго губернскаго правленія отъ 30-го января 1831 года во всѣ губернскія правленія, съ цѣлію опубликованія приговора о Ѳедоровѣ.

Генералъ-лейтенантъ Левъ Измайловъ далеко не исключительный типъ помѣщика пережитой крѣпостной эпохи. Поступки его, какъ видно, не казались рѣзкими въ окружавшей его средѣ дворянъ, и онъ находилъ защиту своимъ дѣйствіямъ не только между своимъ братомъ-помѣщикомъ, но и между мѣстными, какъ уѣздными, такъ и губернскими чиновниками. Объяснять же крайнее снисхожденіе къ его звѣрскимъ и скотскимъ поступкамъ исключительно однимъ подкупомъ или связями, въ виду того, что на дѣло Измайлова было обращено высочайшее вниманіе, положительно невозможно.

Въ томъ же убѣждаютъ насъ и другія дѣла о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ, во множествѣ возникавшія въ недавніе еще годы до великаго дня 19 февраля 1861 г.[1]).

Сообщ. **А. Г. Пупаревъ.**

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ, сообщенныя А. Г. Пупаревымъ и друг. лицами, имѣются въ распоряженіи «Русской Старины». **Ред.**

ПИСЬМА ПЕТРА ВЕЛИКАГО КЪ СКОРНЯКОВУ-ПИСАРЕВУ.

1707—1722.

Представляемыя здѣсь подлинныя письма Петра Великаго писаны къ Григорію Скорнякову-Писареву и отчасти къ Екиматову-Писареву. Изъ этихъ сподвижниковъ Петра I Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ «птенцовъ» великаго монарха; онъ обучался за границей и рано отличенный Петромъ за умъ, смѣтливость и энергію, скоро былъ сдѣланъ капитанъ-поручикомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Въ 1718 году на него возложенъ былъ арестъ царицы Евдокіи Ѳедоровны въ Суздальско-Покровскомъ монастырѣ и вообще все производство «Суздальско розыскнаго дѣла». Въ 1719 году Григорій Григорьевичъ начальникъ Морской Академіи (Навигацкой школы), гдѣ уже лѣтъ пять предъ симъ сталъ онъ преподавать артиллерію; вслѣдъ затѣмъ ему ввѣренъ надзоръ за постройкой Ладожскаго канала. Въ 1722 г. онъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ сената. Въ 1727 году Скорняковъ-Писаревъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь по дѣлу гр. Девіера и только въ 1743 году возвращенъ изъ ссылки.

Приводимые ниже документы объемлютъ время съ 1707 по 1722 годъ включительно, т.-е. самый дѣятельный періодъ царствованія преобразователя. Тутъ читатель встрѣтитъ самыя разнообразныя распоряженія Петра Великаго: о приготовленіи и доставкѣ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, также судовъ во время войнъ со шведами и турками, распоряженія по осмотру и описанію озеръ и рѣкъ для устройства водяной коммуникаціи, письма по производству ареста царицы Евдокіи, первой жены Петра, и всѣхъ ея «фаворитовъ»; распоряженія по производству дознанія о разныхъ злоупотребленіяхъ, повелѣнія относительно работъ по Ладожскому каналу и проч., и проч.

Подлинники печатаемыхъ документовъ писаны на 23 четвертушкахъ одинаково сѣрой, толстой бумаги; большая часть писемъ руки самого Петра, при чемъ каждое изъ нихъ, на тѣхъ же листкахъ, на оборотахъ переписано четкимъ почеркомъ прошлаго же столѣтія. Очевидно, одинъ изъ старинныхъ владѣльцевъ этихъ документовъ, для удобнѣйшаго прочтенія, снялъ съ нихъ копіи. Весь сборникъ переплетенъ въ черный сафьянъ съ выбивкою: «Собственноручныя письма Петра Великаго». Сборнику предпослано слѣдующее предисловіе нынѣшняго его владѣльца:

«Письма эти намъ достались отъ прабабушки моей, Мавры Антиповны Гурьевой; она была при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ ея любимой фрейлиной; когда императрица выдавала замужъ эту красавицу Гурьеву (впослѣдствіи Якушкину), то пожаловала ей много вещей работы Петра Великаго, въ томъ числѣ и эти собственноручныя его письма. Я пріобрѣлъ ихъ отъ моей матушки. А. Маринъ».

Редакція «Русской Старины» обязана А. Н. Марину, при посредствѣ г. А. Хованскаго, сообщеніемъ настоящаго собранія писемъ Великаго государя. Печатаемъ ихъ дословно, но безъ соблюденія тогдашней орѳографіи, хорошо извѣстной каждому любителю исторіи, между прочимъ, и изъ буквально напечатанныхъ автографовъ Петра I въ «Русской Старинѣ»[1]; къ нашему же изданію былъ приложенъ снимокъ съ подлинныхъ резолюцій этого государя. (См. «Русскую Старину», изд. 1871 г., т. IV, прилож. къ стр. 464). **Ред.**

I.

†

Господинъ поручикъ. Письмо ваше, писанное изъ подъ Быхова, до насъ дошло, и за труды ваши и прочихъ нашей роты бомбардировъ благодарствуемъ. Артиллерію, а именно: пушки и мартиры, которыя изъ Смоленска взяты, отпусти паки въ Смоленскъ, только оставить въ Быховѣ два мартира изъ нашихъ и къ нимъ достальныя бомбы, которыя остались, также и ядра остаточныя прибрать по калибрамъ къ быховскимъ взятымъ пушкамъ и оставить. И сверхъ того взять ядеръ изъ Смоленска, чтобъ было довольно. Будеже къ которымъ пушкамъ ядеръ въ Смоленску прибрать невозможно и въ Быховѣ нѣтъ, то тѣ пушки изъ Быхова взять въ Смоленскъ; а вмѣсто тѣхъ прибавить еще изъ Смоленска двадцать пушекъ желѣзныхъ съ ядрами и съ прочими къ нимъ потребностьми, чтобъ къ осадѣ было довольно, а хотя изъ Быхова въ Смоленскъ пушки и не возмутся, а изъ Смоленска 20-ть желѣзныхъ взять вели. По управленіи же сего съ бомбардирскою ротою поди въ слученіе къ первому баталіону, который будетъ при насъ; а въ Быховѣ оставь артиллерійскихъ служителей тѣхъ, которые къ вамъ присланы отъ Гинтера и съ ними одного артиллерійскаго офицера и другаго унтеръ-офицера „l'iter“[2]).

«Изъ Люблина, въ 24-й день іюня 1707 года.»

II.

(Собственноручно).

Поручику.. въ капитаны-поручики.

Подпоручику... въ поручики.

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. V, стр. 895—902 и проч.

[2]) Слова въ ковычкахъ « » писаны Петромъ собственноручно.

Сержантамъ двумъ въ подпоручики.
Въ сержанты:
Данила Новицкой,
Василій Екимовъ.
Въ капитанармусы: Любимъ Кутуковъ.

А выписнымъ осемнадцати человѣкамъ сказать, что они написаны будутъ въ бумбардиры и жалованіе имъ дано будетъ по 36-ти рублевъ на годъ, только-бъ они прежде научились по росписи, что и бомбардирству нѣчто надлежитъ.

III.

(Собственноручно).

1) Суды на Касплѣ [1]) починить и поставить въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ грузить.

2) Пушки 18 — 12 фунтовыя и къ нимъ порохъ, ядры и прочее взять изъ Смоленска и нагрузить въ суды, токожъ 8-мь мартировъ и къ нимъ бомбы и амуницію, сколько потребно по росписи генерала Я. Брюса.

3) Въ остальныя судны положить провіанту.

Въ 12-й день іюля. Отъ Полтавы 1709 года.

IV.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ! Послали мы къ вамъ Ефима Рагузинскаго, которому вели быть при себѣ и чтобъ онъ не гулялъ, поучился бомбардирству при васъ. „Piter“.

Изъ Питербурха. Мая въ 25-й день 1710 года.

V

†

Господинъ капитанъ-поручикъ. По полученіи сего указа, пришли сюда, ни мѣшкавъ, нашей роты капрала Инехова и съ нимъ бомбардировъ и лучшихъ солдатъ, чтобъ всѣхъ ихъ было человѣкъ сорокъ для дѣла фейерверка. „Piter“.

Въ 6-й день сентября. Отъ Питербурха 1710 г.

---

[1]) Касплѣ—рѣка Смоленской и Витебской губерній, лѣвый притокъ Западной Двины. Ред.

VI.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ! Надобно вамъ маршъ свой отъ Смоленска имѣть къ Могилеву со всѣмъ, какъ съ рекрутами, такъ съ денежною казною, ружьемъ и съ прочемъ, что „у васъ есть“—и для того пошли въ Могилевъ кого-нибудь напередъ, дабы тамъ приготовилъ суды, на чемъ вамъ оттоль водою съѣхать до Кіева. „Понеже симъ путемъ вамъ сюды поспѣть невозможно, но трудитесь, чтобъ скоряя водою то исполнить“. „Piter“.

Изъ Луцка, въ 15-й день марта 1711.

P. S. Курьера Тонѣева или Кирилла Баканова съ линѣею возьмите съ собою.

VII.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ. Письмо ваше чрезъ Кобелева до насъ дошло, на которое отвѣтствуемъ. Когда вы къ Кіеву прибудете и оттоль подите совсѣмъ къ Полонному, ибо полки наши оба, Преображенской и Семеновской туда-жъ маршируютъ. Однакожъ, смотрите того, дабы вамъ безопасно было отъ непріятеля, понеже съ вами не мало есть казны. „Piter“.

Изъ Луцка, въ 6-й день апрѣля 1711.

VIII.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ. Подтверждаемъ вамъ, дабы вы, какъ наискоряя, сюда поспѣшали, ибо мы не имѣемъ объ васъ вѣдомости, что у васъ чинится, что зѣло нужно; а особливо какъ надѣетесь сюда быть, „ибо мы завтра чрезъ Днѣстръ пойдемъ“. „Piter“.

Отъ Сорокиръ[1]) въ 16-й день іюня 1711 г.

IX.

†

Указъ капитану-поручику Екиматову Писареву. Обыскавъ, какъ по Двинѣ, такъ по Каспле и по другимъ рѣкамъ, которыя впали въ Двину, всякія суды сколько какихъ мочно и вычинить, и къ ходу учинить во всякой готовности, и чтобъ тѣхъ судовъ было подъ ди-

---

[1]) Государь перешелъ Днѣстръ 17-го іюня и ночевалъ близъ молдавскаго пограничнаго съ Польшею городка Сороки. Ред.

визію и подъ два полка гвардіи. Для насъ такожъ приготовить четыре или пять суденъ небольшихъ. „Петръ“.

X.

(Собственноручно).

†

Господинъ капитанъ-поручикъ! Когда наши приходомъ своимъ позамѣшкаются, а вамъ дѣлать будетъ нечего, то потщитесь осмотрѣть межъ Днѣпра и Двины: не можно-ль слузовъ сдѣлать тамъ;— а я слышалъ, что есть способное къ тому мѣсто, чему чертежъ (?) сдѣлай, осмотря. Однакожъ сіе дѣло, дѣлай тайно, дабы прежде времени не разгласилось. Петръ.

Отъ Каменца [1]), въ 7-й день августа 1711 г.

XI.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ. Письмо ваше чрезъ сего посланнаго до насъ дошло купно и съ чертежемъ, и за исполненіе того врученнаго вамъ дѣла благодарствуемъ. И по полученіи сего письма поѣзжай прямо на Луки-Великія, и какъ тамъ, на Лукахъ, такъ и въ польскомъ городѣ Невлѣ освѣдомься о комуникаціи отъ Ловати съ Двиною, ибо я въ бытность мою, передъ нѣсколькими годами, въ Невлѣ отъ тамошней шляхты и купцовъ слышалъ, что въ полую воду нѣкоторыми рѣчками и озерами такъ разливаются, что мочно ѣздить изъ Двины въ Ловать. И хоть для нынѣшняго зимняго времени подлинно вамъ осмотрѣть того нельзя, однако-жъ сколько возможно того осмотрѣть, дабы на весну то дѣло знакомѣе вамъ окончать было, и съ тѣмъ нынѣ пріѣзжай къ намъ „въ Петербурхъ“. „Петръ“.

Изъ Ревеля, въ 20-й день декабря 1711 г.

XII.

(Собственноручно).

†

Сыскать черезъ ватеръ-пасъ, озеро Двинъ, озера Едрица выше или ниже.

„Также и озеро Узмя [2]) Ловати вышель?

---

[1]) Каменецъ-Подольскій въ 1711 г. польская крѣпость; Петръ прибылъ сюда 6-го августа и провелъ въ ней двое сутокъ. Ред.

[2]) Вѣроятно Усмайтенское озеро, протяженіемъ 37 кв. верстъ, находящееся въ Курляндіи. Ред.

Послѣ полой воды осмотрѣть рѣкъ Ловати, Кунью, Усвять, которыми изъ оныхъ способнѣе судами ходить и описать пороги съ мѣрою глубины.

Также и въ Смоленскомъ уѣздѣ осмотрѣть и описать озера и рѣки, надлежащія противъ чертежа.

Учиня вышеповелѣнное, ѣхать въ то мѣсто; гдѣ будемъ обрѣтаться мы.

Суды, которыя взяты въ городахъ Смоленской губерніи и Княжества Литовскаго у разныхъ чиновъ людей, отдать тѣмъ, чьи они были. „Петръ".

«Въ Питербурхѣ, въ 8-й день марта 1712 г.»

XIII.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ! Понеже господинъ адмиралъ графъ Апраксинъ писалъ, дабы выслали въ Петербургъ съ Москвы изъ Навигацкой школы учениковъ, которые выучили геометрію, двадцать человѣкъ, и когда оные въ Петербургъ пріѣдутъ, тогда ихъ прими и учи артиллеріи, а заранѣе о томъ донеси князю Александру Даниловичу Меншикову, дабы онъ велѣлъ къ пріѣзду ихъ сдѣлать въ Петербургѣ въ удобномъ мѣстѣ избы, гдѣ ихъ учить. „Петръ"

Съ корабля св. Екатерины, стоящаго на якорѣ у Березовыхъ острововъ, мая въ 26-й день 1714 года [1]).

XIV.

Меморія. Осмотрѣть рѣкъ (въ Можайскомъ и въ прочихъ принадлежащихъ уѣздахъ), которыя текутъ въ Волгу, а верховьями своими комуникацію имѣютъ съ Десною, съ Днѣпромъ и съ прочими украинскими текущими въ нихъ рѣками. А именно: Вазузу, Гжать, Касну [2]) и прочія, которыя ближе комуникацію имѣютъ съ оными украинскими рѣками. И осмотря, учинить чертежъ, а будетъ гдѣ надлежитъ каналы копать и слюзы дѣлать, въ тѣхъ мѣстахъ, смѣреть, которой рѣки вода—которой ниже, и описать то подлинно съ мѣрою. А которыми рѣками возможно судами ходить безъ слюзовъ и глубину оныхъ и съ каковыми судами мѣрою и съ какимъ грузомъ ходить возможно—описать же; и съ того мѣста, и съ котораго возможно ходить судамъ для подлиннаго свидѣтельства, сдѣлавъ судно или два и на-

[1]) Государь еще 20-го апрѣля вышелъ съ флотомъ къ берегамъ Финляндіи. Достойно замѣчанія, что 26-го же мая, когда Петръ подписывалъ указъ Писареву объ ученикахъ, указомъ сенату повелѣно было сдѣлать развѣдки къ Бухарѣ и Хивѣ, куда вслѣдъ за тѣмъ наряжена была и экспедиція. Ред.

[2]) Касня—правый притокъ Вазузы въ Смоленской губ. Ред.

грузя хлѣбомъ, прислать въ Тверь. Подводы и проводниковъ брать отъ мѣста до мѣста, гдѣ надлежитъ. Учиня вышеписанное, пріѣзжать въ Санктъ-Петербургъ, „или гдѣ обрѣтаться будемъ. Петръ".

«Въ 13-й день марта 1715».

XV.

(Собственноручно).

†

Указъ бомбардирской роты капитану-поручику Писареву. Ѣхать тебѣ въ Суздаль и тамъ въ кельяхъ бывшей жены моей и ея фаворитовъ осмотрѣть письма, и ежели найдутся подозрительныя, по тѣмъ письмамъ, у кого ихъ вынутъ, взять за арестъ и привесть съ собою, купно съ письмами, оставя караулъ у воротъ. Петръ.

Въ Преображенскомъ,
въ 9-й день февраля 1718.

XVI.

(Собственноручно).

Мой господинъ. Письма твои получилъ [1]), на которыя отвѣтствую: бывшую жену и кто при ней, также и кто ея фавориты, и мать ее, привези сюды, а перво разыщи, для чего она не пострижена, что тому причина и какой былъ указъ въ монастырь о ней, какъ ее Семенъ Языковъ привезъ, и кто въ то время былъ? И кто о семъ вѣдаетъ, всѣхъ забери и привези съ собою. Петръ.

Изъ Преображенскаго,
въ 12-й день февраля 1718.

XVII.

Указъ ландратамъ Смоленской губерніи. Понеже посланъ отъ насъ объявитель сего, отъ гвардіи капитанъ-поручикъ Скорняковъ-Писаревъ въ Смоленскъ для нѣкотораго нужнаго дѣла, того для, о чемъ оный будетъ вамъ предлагать, то исполняйте неотложно. „Петръ".

Въ 18-й день марта 1718.
Изъ Преображенскаго.

XVIII.

Господинъ маіоръ. По полученіи сего, увѣдомьте насъ о работѣ большаго канала, сколько онаго подрядчики отдѣлали и довольно ль

---

[1]) Донесенія Скорнякова-Писарева изъ Суздаля напечатаны въ VI т. Исторіи царствованія Петра Великаго. Соч. Устрялова. Прилож. стр. 458—460, но письма Петра къ Писареву, нынѣ печатаемыя, не были извѣстны Устрялову. Ред.

у нихъ работниковъ. И въ которыхъ мѣстахъ зачато копать, въ тѣхъ велите землю всю вынять и берега отдѣлать на отдѣлку, и пустить воду, дабы нынѣшнимъ лѣтомъ мочно было освидѣтельствовать, какъ вода во оном будетъ. А ежели канала много занято копать, такъ что симъ лѣтомъ на зачатомъ мѣстѣ не мочно будетъ всю землю вынять, то вели нѣкоторую часть отдѣлить столько, чтобъ мочно всю землю на отдѣлку вынять и пустить воду. „Петръ".

Отъ острова Ламеландъ.
Іюля въ 18-й день, 1719.

XIX.

По доношенію Василія Филиппова: 1) О тѣснотѣ рекрутъ, отъ провожатыхъ офицеровъ и драгунъ Смоленскихъ неизслѣдовано, за раскомандированіемъ рекрутъ въ разные полки, и за неприсылкою изъ полковъ оныхъ;

2) На князь Андрея Соколинскаго и на бурмистра кабацкаго Бородавкина не изслѣдовано за счетомъ.

И прочія его дѣла, которыя вершены и которыя не вершены, за неприсылками вѣдомостей и прочихъ справокъ, по которымъ, кромѣ его, Филиппова, плутостей никакихъ интересовъ, взысканій чаю не будетъ.

Оные, кому повелѣно будетъ отдать, „разослать по Коллегіямъ".

XX.

Господинъ капитанъ-поручикъ. Когда отъ васъ будетъ требовать капитанъ-отъ-флота Иванъ Синявинъ, для нагрузки корабельныхъ дубовыхъ лѣсовъ, работниковъ, тогда ему дайте столько, сколько онъ будетъ требовать, хотя изъ тѣхъ, которые у васъ на канальной работѣ (ежели иныхъ вскорѣ сыскать будетъ невозможно), на нѣкоторое время. И за тое работу заплатите имъ деньги по разсмотрѣнію; а что заплачено будетъ денегъ, и тому пришли къ намъ вѣдомость, и то число велимъ вамъ отдать; „сіе конечно учини, дабы здѣсь корабельная работа не остановилась. Петръ".

Изъ Санктъ-Петербурха,
въ 8-й день іюня 1720 года.

Помѣта Писарева: «Получено чрезъ капитана Синявина, іюня 13-го дня 1720 года».

XXI.

Господинъ полковникъ. Изъ машинъ водоливныхъ, которыя дѣлаютъ въ Шлютель-Бурхѣ на Ладожской большой каналъ отправьте съ симъ посланнымъ двѣ или три машины на Котлинъ островъ къ господину Самарину на нѣкоторое время для выливанья изъ новаго

канала воды; которыя послѣ изъ Котлина паки къ вамъ присланы будутъ. „Сіе конечно скоро учини, понеже зѣло нужно. Петръ".

Въ 14-й день іюня 1720. Въ Оранибомѣ.

Помѣта: «Подано въ Новой Ладогѣ, іюня въ 17-й день 1720 г.»

XXII.

Указъ генералъ-маіору Скорнякову-Писареву. Отъ Ладоги до Шлютельбурха каналъ съ того мѣста, до котораго до сего отъ Ладоги отдѣлано въ отдѣлку, вели дѣлать слюзами и на тѣ слюзы плиту, и прочіе матеріалы вели заготовить нынѣшнимъ лѣтомъ и будущею зимою, чтобъ на будущее лѣто зачать тѣ слюзы дѣлать, а нынѣшнимъ лѣтомъ, гдѣ выкопано равно съ поверхностью воды озерской, въ тѣхъ мѣстахъ дамбы дѣлать, а гдѣ несравнено съ поверхностью воды озерской, въ тѣхъ мѣстахъ сравнять. „Петръ".

Мая 11-го дня 1722.

Примѣчаніе. Помѣстивъ въ нашемъ изданіи драгоцѣннѣйшее достояніе семейнаго архива А. Н. Марина, мы позволяемъ себѣ сообщить нѣсколько данныхъ изъ біографіи этого доблестнаго ветерана русской арміи. Время сохранило изъ нихъ столь немногихъ, что нельзя не интересоваться ими и не желать, чтобы они подѣлились съ обществомъ воспоминаніями о своей долговременной, полной событіями жизни. Ред.

Апполонъ Никифоровичъ Маринъ получилъ воспитаніе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ шести лѣтъ во время царствованія императора Павла. Малютку часто возили ко двору и однажды, представляясь на ординарцахъ государю, г. Маринъ имѣлъ случай видѣть великаго Суворова. Фельдмаршалъ обратилъ вниманіе на миніатюрнаго гренадера, одѣтаго по формѣ того времени, напудреннаго и въ гренадерской шапкѣ, съ надписью: «съ нами Богъ». Суворовъ подошелъ къ нему и, шутя сказалъ: «Помилуй Богъ! какой гренадеръ, пойдемъ бить французовъ!» Это былъ день, когда Суворовъ пріѣзжалъ откланяться императору Павлу предъ отправленіемъ своимъ въ Италійскую кампанію.

Въ 1808 г. Апполонъ Никифоровичъ произведенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи финляндскій баталіонъ милиціи (нынѣ полкъ) и участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. Подъ Бородинымъ Апполонъ Никифоровичъ командовалъ цѣпью стрѣлковъ и контуженъ въ грудь картечью; спасеніемъ своей жизни онъ обязанъ тому, что картечъ попала въ офицерскій знакъ, который висѣлъ у него на груди. Изъ этого знака онъ приказалъ впослѣдствіи вылить распятіе.

Подъ Лейпцигомъ Апполонъ Никифоровичъ Маринъ вновь раненъ, именно въ плечо и въ ногу. Подъ селеніемъ Госсе, раненый, съ подвязанною рукою, Апполонъ Никифоровичъ, при осмотрѣ съ двумя конвойными передовыхъ постовъ, наткнулся на непріятельскій передовой постъ, который стоялъ за угломъ строенія. Одинъ изъ парныхъ непріятельскихъ часовыхъ выскочилъ изъ-за угла, ударилъ кулакомъ его въ голову и въ то же время схватилъ его за грудь. «Бросьте шпагу!» закричалъ французъ. Молодые солдаты изъ чухонъ, которые были при Маринѣ конвойными, оторопѣли, но въ то время,

когда французъ велъ его къ своему офицеру, плѣнникъ неожиданно ловкимъ ударомъ здоровой лѣвой руки свалилъ француза съ ногъ и приказалъ своимъ конвойнымъ приколоть его. Поднявъ шпагу, Маринъ быстро прошелъ къ своимъ постамъ вмѣстѣ съ конвойными. Подобныхъ эпизодовъ много въ боевой жизни Апполона Никифоровича. Сюртукъ финляндскаго полка, который былъ на немъ во время сраженій, пронизанъ пулями и картечью; онъ до сихъ поръ хранится у него. Вся боевая жизнь финляндскаго полка описана Аполлономъ Никифоровичемъ въ исторіи этого полка, которую онъ составилъ изъ своихъ замѣтокъ и воспоминаній. Этотъ трудъ былъ первою полковою исторіею [1]); самая же война 1812 года описана имъ въ отдѣльномъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Русскіе богатыри»; оно выдержало два изданія.

Въ 1819 году г. Маринъ произведенъ въ полковники; въ 1831 году, будучи комендантомъ въ Кейданахъ, выдержалъ сильную осаду поляковъ; отбивъ многочисленнаго непріятеля, онъ взялъ въ плѣнъ одного изъ ихъ довудцевъ Кашевскаго, который имѣлъ намѣреніе отбить плѣнныхъ. Вообще въ польской кампаніи г. Маринъ имѣлъ случай показать много предпріимчивости, храбрости и находчивости. Въ 1834 году онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1844 году мы его встрѣчаемъ членомъ управленія государственнаго коннозаводства, а въ 1856 году, августа 26-го, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, Апполонъ Никифоровичъ, прослужа 50 лѣтъ, оставилъ службу, по болѣзни.

Кстати замѣтимъ, что фамилія Маринныхъ представляетъ нѣсколько лицъ, замѣчательныхъ въ военной исторіи нашего отечества. Предокъ Апполона Никифоровича — Петръ Маринъ — при осадѣ Казани, въ 1552 году, подъ главнымъ начальствомъ кн. А. М. Курбскаго, велъ подкопныя работы, т.-е. былъ розмысломъ [2]), такимъ образомъ былъ одинъ изъ виновниковъ паденія столицы татарскаго царства.

Никифоръ Михайловичъ Маринъ — товарищъ Воронежскаго намѣстника генералъ-аншефа Потапова (дѣдъ генералъ-адъютанта А. Л. Потапова), былъ однимъ изъ замирителей этого обширнаго края, взволнованнаго кровавымъ Пугачевскимъ бунтомъ. Другъ архіепископа св. Тихона-Задонскаго, Никифоръ Михайловичъ — оставилъ по себѣ память добротою и великодушіемъ. Въ то время какъ окрестъ Воронежа шла кровавая расправа съ людьми, увлеченными мятежниками, Маринъ, соорудивъ висѣлицы въ Воронежѣ, исполнялъ лишь надъ большинствомъ осужденныхъ обрядъ казни. Обвиненныхъ подводили къ висѣлицамъ, св. Тихонъ читалъ имъ наставленія и затѣмъ Маринъ бралъ ихъ къ себѣ на поруки. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ семейныя въ родѣ Маринныхъ преданья. Братъ Апполона Никифоровича, Сергѣй Никифоровичъ, любимый флигель-адъютантъ императора Александра Павловича, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и остроумныхъ людей своего времени; ему принадлежатъ нѣсколько сатиръ, разошедшихся по Россіи во множествѣ списковъ. Сергѣй Никифоровичъ умеръ, въ чинѣ полковника, на 35 году отъ рожденія, отъ полученной имъ раны. Ред.

---

[1]) Достоинства этой книги указаны въ нашей статьѣ: «Полковые исторіографы» («Русскій Вѣстникъ» 1860 г., кн. X). Ред.

[2]) Какъ жаль, что вполнѣ выразительное слово розмыслъ замѣнено иностраннымъ наименованіемъ инженеръ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Историческіе разсказы и анекдоты,

записанные со словъ разныхъ лицъ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ «Русской Старинѣ» 1871 и 1872 гг. напечатано большое собраніе разсказовъ, записанныхъ извѣстнымъ археологомъ П. Ѳ. Карабановымъ; подъ этимъ же заглавіемъ мы будемъ, время отъ времени, помѣщать разсказы, записанные либо нами самими, либо обязательно сообщенные почтенными сотрудниками «Русской Старины». **Ред.**

1.

По взятіи Мантуи, при вступленіи русскихъ войскъ въ эту крѣпость, толпы итальянцевъ тѣснились по всѣмъ улицамъ, но въ особенности около городскаго фонтана, украшеннаго цвѣтами и вѣнками. Всѣ нетерпѣливо желали увидѣть Суворова. Онъ явился нагой; за нимъ Прошка съ ведромъ. Суворовъ прибѣжалъ въ припрыжку къ фонтану, облился водой и убѣжалъ.

(Отъ кн. Андр. Ив. Горчакова).

2.

Парламентеры ничтожной итальянской крѣпосцы или городишка явились къ Суворову для переговоровъ. Суворовъ, чтобы сбить съ нихъ спесь, велѣлъ подать рундукъ.

— „Простите, господа, я нездоровъ, но это не помѣшаетъ продолжать переговоры".

И онъ продолжалъ переговоры о сдачѣ города, сидя на рундукѣ.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

3.

Великая Екатерина оставила прекрасное собраніе римскихъ и греческихъ золотыхъ медалей; она, по охотѣ, не щадила издивенія на составленіе онаго, всегда имѣла въ кабинетѣ и любила хвалиться имъ. Все, принадлежавшее ей, не имѣло никакой цѣны въ глазахъ преемника и оставалось въ забвеніи. Понадобилось много золота на украшеніе Михайловскаго замка, любимецъ государя, оберъ-камергеръ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, изъ угожденія напомнилъ о забытыхъ медаляхъ и предложилъ употребить ихъ на позолоту.

Въ отвѣтъ сказано: „счастливая мысль“ и повелѣно исполнить.

(Отъ гр. А. Ив. Мусина-Пушкина, самовидца).

4.

Митрополитъ Платонъ, окончивъ священнодѣйствіе коронованія Александра I, сказалъ князю Зубову:

— „Мы сподобились увидѣть ангела въ коронѣ и порфирѣ — поберегите его!“

— „Не опасайтесь, отвѣчалъ Зубовъ, не вашъ ученикъ“.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

5.

Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій [1]) умеръ христіаниномъ, послѣднее его слово было: „готовъ“. Василій Ивановичъ ** [2]) умеръ безбожникомъ и ожесточеннымъ; когда ему предложили исповѣдь, то онъ сказалъ:

— „Не нужно — если нѣтъ Бога, — не нужно также — если есть Богъ: я столько нагрѣшилъ, что не будетъ прощенія“.

Боже великій! подаждь при концѣ покаяніе.

(Отъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго).

6.

При вторженіи французовъ въ Россію, отъ св. синода предписано было молиться о ниспосланіи благословенія нашему оружію, а прочимъ исповѣданіямъ дано знать, чтобъ составить подобныя молитвы. Чухонскій патеръ, въ Петербургѣ, молился: „Чтобъ Господь Богъ от-

[1]) Род. 1737 г., ум. 1814 г.

[2]) Василій Ивановичъ **, оберъ-гофмейстеръ (16-го февраля 1800 г.), ум. 1803 г.

нялъ разумъ у Наполеона". Ему сдѣлали за это выговоръ, а когда французы были уже на обратномъ пути за Березиной, сказано: „что его молитва услышана у престола Божія".

(Отъ П. А. Муханова).

7.

Въ проѣздъ Елисаветы Алексѣевны чрезъ Берлинъ, статсъ-дама Нарышкина [1]), возвращавшаяся въ Россію, является къ ней въ утреннемъ платьѣ. Скромная императрица, подозвавъ своего камердинера, сказала:

— „Петръ Ильичъ, проводите Марью Антоновну къ княжнѣ Прозоровской. (Статсъ-дама въ ея свитѣ).

(Отъ П. А. Муханова).

8.

Графъ Платовъ любилъ пить съ Блюхеромъ. Шампанскаго Платовъ не любилъ, но былъ пристрастенъ къ цимлянскому, котораго имѣлъ порядочный запасъ. Бывало сидятъ, да молчатъ, да и налижутся. Блюхеръ въ безпамятствѣ спустится подъ столъ, а адъютанты его поднимутъ и отнесутъ въ экипажъ. Платовъ, оставшись одинъ, всегда жалѣлъ о немъ:

— „Люблю Блюхера, славный, пріятный человѣкъ, одно въ немъ плохо: не выдерживаетъ".

— „Но, ваше сіятельство, замѣтилъ однажды Николай Ѳедоровичъ Смирной, его адъютантъ или переводчикъ, Блюхеръ не знаетъ по-русски, а вы по-нѣмецки; вы другъ друга не понимаете, какое вы находите удовольствіе въ знакомствѣ съ нимъ?"

— „Э! Какъ будто надо разговоры; я и безъ разговоровъ знаю его душу; онъ потому и пріятенъ, что сердечный человѣкъ".

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

9.

Графъ Платовъ носилъ всегда бѣлый галстухъ. Императоръ Александръ замѣтилъ ему это. „Бѣлый галстухъ поопрятнѣе. Вспотѣешь, такъ можно вымыть", отвѣчалъ графъ.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

10.

Платовъ писалъ не Варшава, но Аршава. Ему это замѣтили.

— „Что тутъ толковать, отвѣчалъ Платовъ; она Аршава, а не Варшава; бунтовщики прозвали ее Варшавой".

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

---

[1]) Марья Антоновна, рожденная княжна Четвертинская, род. 1779 г., ум. 1854 г.

11.

Платовъ ни съ кѣмъ не церемонился. На балѣ, напр., въ присутствіи дипломатовъ, онъ говорилъ, указывая на лица:

— „Чортъ ихъ побери; не подойду къ нимъ; вотъ, напр., Ветерныхъ, ну, ужъ по шерсти и кличка; туда и вертится, куда вѣтеръ подуетъ. Вотъ и Ш....копфъ, что онъ думаетъ, поклонюсь я ему; нѣтъ; хоть онъ и фельдмаршалъ, да не нашъ; не хочетъ ли онъ ...“.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

12.

Платовъ приказалъ Смирному написать письмо герцогу де-Ришелье. Смирной написалъ: герцогъ Эммануилъ..... и пр.

— „Какой онъ герцогъ; напиши дюкъ“.

— „Да, ваше сіятельство, герцогъ все равно что дюкъ.

— „Вотъ еще, станешь учить; дюкъ поважнѣе; герцогъ ни къ чорту не годится предъ дюкомъ.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

13.

Англичанинъ пріѣхалъ нарочно изъ Лондона въ Москву посмотрѣть на графа Ростопчина. Докладываютъ графу; англичанинъ входитъ.

— „Vous êtes le Comte Rostopschin?

— „A Votre service“.

— „Vous avez brûlez Moscou?“

— „Veuillez bien me dire le but de Votre visite“.

Англичанинъ осмотрѣлъ графа съ ногъ до головы и сказалъ уходя:

— „Très bien. Mon cousin James viendra Vous voir demain“.

(Отъ графини Е. П. Ростопчиной).

О напечатаніи рѣчи императора Николая Варшавскимъ депутатамъ.

1835 г.

Въ „Русской Старинѣ", изд. 1872 г., т. VI, стр. 391, напечатана рѣчь, которую императоръ Николай Павловичъ произнесъ въ 1835 г. предъ депутаціей города Варшавы, во дворцѣ Лазенки, и въ примѣчаніи къ этой рѣчи названы два русскихъ журнала, въ которыхъ она была впервые на русскомъ языкѣ напечатана въ 1863 и 1864 гг., съ присовокупленіемъ, что редакція „Русской Старины" основала свой текстъ на двухъ спискахъ, имѣющихъ варьянты противу печатныхъ.

Считаемъ не безъинтересными слѣдующія данныя относительно перваго появленія въ печати въ Россіи на французскомъ языкѣ этой замѣчательной рѣчи. Оффиціальный ея текстъ (произнесенной на французскомъ языкѣ) былъ напечатанъ въ Россіи, въ издаваемомъ на французскомъ же языкѣ „Journal de St.-Pétersb urg", $\frac{\text{21 ноября}}{\text{3 декабря}}$ 1835 г., № 140, т. е. шесть недѣль послѣ того, когда рѣчь была произнесена; но, сколько намъ извѣстно, она не была переведена въ газетахъ, издававшихся тогда въ обѣихъ столицахъ на русскомъ языкѣ, такъ что въ журналахъ, вполнѣ русскихъ, она впервые напечатана въ 1863 и 1864 гг., именно въ „Вѣстникѣ Юго-Западной Россіи" и въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи".

Поводомъ къ напечатанію этой рѣчи въ „Journal de St.-Pétersbourg", было искаженіе ея прежде всего, если не ошибаемся, періодически-выходившимъ въ Лондонѣ тоненькими брошюрами „Portofolio" (на французскомъ языкѣ); а затѣмъ, 11-го ноября нов. ст., и парижскимъ „Journal des Débats", который ежедневно читалъ императоръ Николай Павловичъ и который часто возбуждалъ его негодованіе (ср. прекрасное его жизнеописаніе въ „Biographie Universelle de Michaud", tome XXX).

Въ то время „Journal de St.-Pétersbourg" (нынѣ безцензурный) имѣлъ совершенно характеръ правительственнаго органа. Редакція его состояла, большею частію, изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ и была подъ главнымъ руководствомъ гофмейстера графа Лаваля. Редакціи „Journal de St.-Pétersbourg" объявлено было высочайшее повелѣніе перепечатать изъ „Journal des Débats", не только появившійся въ немъ текстъ рѣчи, но и тѣ враждебные комментаріи, которые онъ къ ней присовокупилъ, объяснивъ притомъ, въ чемъ этотъ текстъ разнствовалъ отъ настоящаго.

Нумеръ „Journal de St.-Pétersbourg", о которомъ мы говоримъ,

начинается чѣмъ-то въ родѣ предисловія, гдѣ прямо сказано: „Намъ приказано перепечатать статьи „Journal des Débats“ (Nous avons reçu l'ordre и проч.), и которое, судя по тону, а также потому, какъ въ немъ осторожно взвѣшено каждое выраженіе, конечно, написано было въ министерствѣ. Тутъ же сказано, что статьи эти перепечатываются для того, чтобы онѣ сдѣлались извѣстны въ Россіи; притомъ потому, что онѣ не заслуживаютъ иного отвѣта и что такое распоряженіе равносильно самой ѣдкой критикѣ, ибо оно докажетъ, какъ мало у насъ придаютъ вѣса посягательствамъ безсильной вражды. Далѣе сказано, что слова государя приняты будутъ съ благоговѣніемъ въ Россіи, а въ Польшѣ—какъ благодѣтельная истина, тѣмъ болѣе, что счастіе народовъ не созидается потачкою его страстямъ (Ce n'est pas en flattant les passions des peuples, que l'on parvient à en assurer le repos).

Очевидно, эта послѣдняя фраза обращена была прямо противъ Людовика-Филиппа; да и объ „Journal des Débats“ тутъ же замѣчено, какъ объ органѣ орлеанской партіи, что его комментаріи на рѣчь государя (réflexions aussi haineuses que perfides), составляютъ рѣзкую противуположность съ принципами порядка, которые онъ съ нѣкотораго времени проповѣдуетъ. А тотъ фактъ, что все это не было переведено въ русскихъ газетахъ, заставляетъ полагать, что главная цѣль перепечатыванія изъ „Journal des Débats“, было возстановленіе въ виду Европы настоящаго текста рѣчи.

Сущность ея изложена вкратцѣ, въ концѣ этого предисловія, съ присовокупленіемъ слѣдующихъ, опущенныхъ парижскою газетою, словъ прощенія и примиренія (paroles de pardon et de paix), предназначенныхъ, какъ это и огласилъ „Journal de St-Pétersbourg“, служить залогомъ благоденствія царства польскаго: „Я давно простилъ оскорбленія, нанесенныя мнѣ и моему семейству. Единственное мое желаніе, воздать добромъ за зло, содѣлать васъ счастливыми, хотя вопреки вамъ самимъ. Я далъ въ этомъ клятву Богу,—и я не нарушаю своихъ клятвъ“.

За этою передовою статьею слѣдуютъ въ „Journal de St-Pétersbourg:“

1) Статья „Journal des Débats“, 11-го ноября.

2) Рѣчь императора Николая Павловича въ томъ видѣ, какъ ее напечатала эта газета, и

3) Статья „Journal des Débats“, 13-го ноября.

При этомъ въ послѣдней статьѣ ошибочно обозначено 10-е октября, какъ день, въ который произнесена была рѣчь. Въ „Русской Старинѣ“ совершенно вѣрно сказано, что императоръ Николай Пав-

ловичъ произнесъ эту рѣчь 5/17 октября. Изъ „Journal de St-Pétersbourg", 15/27 октября 1835 года, № 124, видимъ, что покойный государь прибылъ въ Варшаву 3-го октября; а 4-го, въ 9-ть часовъ утра, принималъ начальствующихъ лицъ, равно какъ депутацію отъ города, которая просила, чрезъ его свѣтлость фельдмаршала, о томъ, чтобы быть представленною. Тутъ же прибавлено, что, посѣтивъ княгиню Паскевичъ, его величество отправился въ Новогеоргіевскъ, куда прибылъ въ тотъ же день, въ 6-ть часовъ вечера, и откуда продолжалъ свое путешествіе въ Кіевъ, Харьковъ, Курскъ и Чугуевъ. 30-го октября императоръ прибылъ въ Царское-Село.

Принимая этотъ французскій текстъ, съ сдѣланными къ нему въ „Journal de St-Pétersbourg" дополненіями, за оффиціальный, — мы находимъ въ текстѣ „Русской Старины" нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ варьянтовъ, а также и нѣкоторыя неточности въ переводѣ.

Важнѣйшій, впрочемъ, варьянтъ, судя по тексту „Journal des Débats", который въ этомъ мѣстѣ нисколько не измѣнилъ „Journal de St-Pétersbourg", — это тотъ, что въ рѣчи не было оговорки о томъ, что императоръ Александръ I сдѣлалъ для поляковъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ русскому императору слѣдовало; покойный государь прямо сказалъ: „Императоръ Александръ I сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ русскому императору слѣдовало".

Тоже находимъ и въ вышеуказанной біографіи императора Николая Павловича, гдѣ воспроизведены нѣкоторые отрывки изъ этой рѣчи съ выраженіемъ сожалѣнія, что тогдашнія политическія увлеченія западной Европы исказили мудрыя и благія намѣренія, которыми были внушены эти достопамятныя слова.

Въ заключеніе нашей замѣтки остановимся на рѣдкомъ изданіи „Portofolio", а также напомнимъ о г. Лавалѣ.

1) Чуть ли не еще при императорѣ Александрѣ Павловичѣ введено было въ обычай, чтобы посольства и миссіи наши доставляли цесаревичу Константину Павловичу копіи съ депешъ, которыя они посылали въ Петербургъ. Такимъ образомъ, вице-король зналъ, шагъ за шагомъ, весь ходъ нашей политики. По отбытіи его изъ Варшавы, во время возмущенія, мятежники завладѣли этими бумагами. Онѣ отвезены были въ Лондонъ и поступили въ распоряженіе одного англичанина, который былъ извѣстенъ своею ненавистью къ Россіи и потому поспѣшилъ обратить ихъ въ политическую спекуляцію, постепенно печатая эти депеши въ журналѣ, получившемъ названіе „Portofolio". Въ Петербургѣ онъ былъ еще большею рѣдкостью, чѣмъ

тому нѣсколько лѣтъ „Колоколъ“. Немногіе экземпляры „Portofolio“ почти исключительно обращались въ рукахъ высшихъ должностныхъ лицъ администраціи и преимущественно тѣхъ, которыя занимали видныя мѣста въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Живо помню отца моего, читающаго „Portofolio“. Онъ всегда имѣлъ случай доставать эти книжки по мѣрѣ полученія ихъ здѣсь. Какъ отставнаго дипломата, его чрезвычайно интересовала политика; а ею, и чтеніемъ не только иностранныхъ, но даже русскихъ газетъ мало кто занимался тогда въ Петербургѣ.

2) Въ тридцатыхъ годахъ существовала въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ особая канцелярія, составленная изъ четырехъ отдѣльныхъ частей, называвшихся экспедиціями, завѣдываемыхъ управляющими, состоявшими въ прямой зависимости отъ государственнаго канцлера, на правахъ директоровъ. 1-ю и 2-ю экспедиціей управлялъ тайн. сов. Христ. Андр. Бекъ (пострадавшій во время опалы гр. Сперанскаго и просидѣвшій тогда 6 недѣль въ крѣпости), человѣкъ высокаго ума и образованія многосторонняго; 3-й экспедиціей управлялъ 30 лѣтъ сряду графъ Лаваль, умершій въ 1846 году, будучи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго; наконецъ 4-й экспедиціей, составленной изъ прежняго департамента церемоніальныхъ дѣлъ, управлялъ оберъ-церемоніймейстеръ, дѣйств. тайн. сов. графъ Ив. Ил. Воронцовъ-Дашковъ. Графъ Иванъ Степановичъ Лаваль былъ французскій эмигрантъ, начавшій службу въ Россіи учителемъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Преданіе гласитъ, что онъ до того умѣлъ понравиться младшей дочери статсъ-секретаря Козицкаго, Александрѣ Григорьевнѣ, что вслѣдствіе несогласія матери на этотъ бракъ, она написала всеподданнѣйшую жалобу и опустила ее въ существовавшій тогда просьбо-пріемный ящикъ. По прочтеніи этой бумаги, Павелъ I потребовалъ объясненія. Козицкая—наслѣдница несмѣтныхъ богатствъ купцовъ Мясниковыхъ и Твердышевыхъ, и уже выдавшая свою старшую дочь за оберъ-шенка князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, дала объясненіе по пунктамъ. Во-1-хъ, Лаваль не нашей вѣры; во-2-хъ, никто не знаетъ откуда онъ и въ-3-хъ, чинъ у него небольшой. Резолюція также состоялась по пунктамъ: Во-1-хъ, онъ христіанинъ, во-2-хъ, я его знаю, въ-3-хъ, для Козицкой у него чинъ весьма достаточный,—а потому—обвѣнчать. Повелѣніе это, несмотря на то, что оно послѣдовало наканунѣ постнаго дня, было тотчасъ же исполнено въ приходской церкви. Отъ этого брака былъ сынъ, застрѣлившійся въ молодости,—и 4 дочери: княгиня Трубецкая, жена декабриста, послѣдовавшая за нимъ

въ Сибирь; графиня Лебцельтренъ, у которой укрылся Трубецкой, за что̀ мужъ ея, бывшій тогда австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, отозванъ былъ отъ этого по̀ста; графиня Борхъ († 1871 г.) и графиня Коссаковская. Лаваль, во время пребыванія Людовика XVIII въ Митавѣ, ссудилъ его деньгами и былъ имъ пожалованъ въ графы; въ дипломѣ же сказано, что это сдѣлано во вниманіе къ тому, что Лаваль занимаетъ-де значительное мѣсто при русскомъ дворѣ: онъ былъ тогда камергеромъ. Супруги Лаваль имѣли великолѣпный домъ на Англійской набережной, возлѣ сената; давали тамъ пышныя празднества для царской фамиліи и постоянно, по средамъ, принимали дипломатическій корпусъ и все Петербургское высшее общество. Графъ Лаваль оставилъ по себѣ память остроумнаго и весьма начитаннаго собесѣдника, и притомъ вліятельнаго и очень доброжелательнаго начальника. Личный составъ его подчиненныхъ былъ многочисленъ, такъ какъ кромѣ занятій по 3-й экспедиціи, онъ имѣлъ надзоръ за редакціей и еще за цензурованіемъ „Journal de St.-Pétersbourg“. Изъ этой школы вышло нѣсколько искусныхъ дипломатовъ. Собственно редакторами были: сперва г. Линдквистъ, потомъ графъ Сансе (нынѣ дѣйств. ст. сов. и членъ совѣта дѣтскихъ пріютовъ). Къ числу сотрудниковъ журнала принадлежалъ г. де-Сенъ-Жульенъ, самъ издававшій здѣсь одно время газету „Le Furet“, помѣщавшій иногда свои статьи (напр. въ 1838 г. объ А. С. Пушкинѣ) въ „Revue des Deux Mondes“ и тому еще нѣсколько лѣтъ бывшій въ С.-Петербургѣ корреспондентомъ „Indépendance Belge“. Теперь „Journal de St.-Pétersbourg“ не только давно уже не цензируется въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но издается не состоящимъ на службѣ иностраннымъ подданнымъ, на правахъ безцензурнаго редактора, который вноситъ денежный залогъ въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕКАРСКІЙ,

академикъ, докторъ русской исторіи.

родился въ мае 1828 г. † 12 іюля 1872 г.

Едва ли когда-нибудь русская наука, литература и искусство въ самое короткое время понесли столь много весьма чувствительныхъ и неожиданныхъ потерь, какъ это случилось въ послѣдніе пять мѣсяцевъ.

В. И. Даль, А. Ѳ. Гильфердингъ, С. Н. Палаузовъ, П. П. Пекарскій, Б. И. Утинъ, В. И. Кельсіевъ (писатель не безъ таланта), доктора медицины Шипулинскій и Янушкевичъ, артистъ П. М. Садовскій, музыкантъ кн. Ю. Н. Голицынъ и еще нѣсколько замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей уже выхвачены смертью изъ среды русскаго общества.

Академикъ П. П. Пекарскій былъ однимъ изъ самыхъ достойныхъ полнѣйшаго уваженія тружениковъ въ области русской исторіи и исторіи русскаго просвѣщенія (науки и литературы).

Уроженецъ Оренбургскаго края, потомокъ издавна обрусѣлой польской фамиліи, Пекарскій кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ въ 1847 году [1]).

---

[1]) Вотъ выдержка изъ послужнаго списка Пекарскаго, обязательно сообщенная Г. К. Рѣпинскимъ: Пекарскій, по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ, опредѣленъ, 22-го апрѣля 1848 г., помощникомъ столоначальника Оренбургскаго губернскаго правленія. 20-го октября 1848 г.—исправляющимъ должность депутата Самарской удѣльной конторы. 17-го февраля 1849 г.—исправляющимъ должность столоначальника въ той же конторѣ. 18-го ноября 1851 г.—старшимъ помощникомъ секретаря канцеляріи министра финансовъ. 1-го іюня 1854 г.—помощникомъ главнаго бухгалтера канцеляріи. 14-го іюля 1854 г.—младшимъ секретаремъ. Уволенъ по прошенію отъ службы 7-го февраля 1862 г. 29-го марта 1862 г. опредѣленъ старшимъ архиваріусомъ въ государственномъ архивѣ.

11-го янв. 1863 г. Пекарскій сдѣланъ адъюнктомъ Акад. Наукъ. 19-го апрѣля 1864 г.—начальникомъ отдѣленія архива. 1-го мая 1864 г.—экстраординарнымъ

Въ 1851 году прибылъ онъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство финансовъ, но при этомъ Пекарскій скоро отдался занятіямъ русской исторіей и разработкѣ матеріаловъ по исторіи русскаго просвѣщенія; этому роду занятій весьма поспособствовала и перемѣна его служебнаго положенія: въ 1862 году онъ оставилъ министерство финансовъ и поступилъ архиваріусомъ въ государственный архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Труды его стали появляться въ журналахъ съ 1855 года. Всѣ они, не блистая живостью изложенія и глубиною критическаго взгляда, отличаются, однако, громаднымъ достоинствомъ: замѣчательною добросовѣстностью въ собраніи матеріаловъ и въ возможно полной ихъ обработкѣ. Почти каждая статья Пекарскаго, не говоря уже объ изданныхъ имъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и сборникахъ, смѣло можетъ быть поставлена въ число основныхъ источниковъ при разработкѣ преимущественно XVIII вѣка.

Лучшимъ памятникомъ Пекарскому было бы полное собраніе и напечатаніе въ отдѣльномъ изданіи хотя бы главнѣйшихъ его замѣтокъ, статей и изслѣдованій. Нашимъ историческимъ обществамъ или Академіи Наукъ слѣдовало бы изыскать средства для такого изданія и, пріобрѣтя право его, выпустить оное въ свѣтъ. Это было бы прекраснымъ подаркомъ для всѣхъ любителей отечественной исторіи, а число ихъ, по мѣрѣ того какъ расширяется поле ея изслѣдованія, замѣтно увеличивается.

Редакція „Русской Старины“ съ признательностью вспоминаетъ о вниманіи къ ней покойнаго академика. Мы пользовались многими совѣтами и указаніями почтеннаго ученаго и надѣемся подѣлиться нѣкоторыми рукописями, имъ сообщенными изъ его собственнаго собранія. Желая облегчить какъ будущимъ издателямъ трудовъ П. П. Пекарскаго, дѣло собранія его сочиненій, такъ и тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые не вполнѣ или и вовсе незнакомы съ ними, мы представляемъ возможно полный ихъ списокъ. Онъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ,

---

академикомъ. 4-го октября 1868 г.—ординарнымъ академикомъ. 25-го апрѣля 1872 г.—совѣтомъ Казанскаго университета П. П. Пекарскій «за разъясненіе эпохи и значенія дѣятельности Петра I и вообще за заслуги на поприщѣ отечественной исторіи», возведенъ въ степень доктора русской исторіи. За нѣсколько дней до внезапной своей смерти, Пекарскій, во вниманіе къ его историческимъ трудамъ, получилъ, по ходатайству «Русскаго Историческаго (С.-Петербургскаго) Общества» и по представленію г. министра народнаго просвѣщенія, высочайшую награду: шесть тысячъ руб. Послѣднею предъ этимъ наградою было производство его, также за историческій трудъ, въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Ред.

свидѣтельствуетъ о той тяжкой потерѣ, какая понесла русская историческая наука со смертью достойнаго ея подвижника — Пекарскаго [1]). Ред.

Труды академика П. П. Пекарскаго.

I. Изданія историческихъ памятниковъ и матеріаловъ.

1. Слово о полку Игоревѣ, по списку найденному между бумагами императрицы Екатерины II.

Приложеніе къ V тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 2. Спб., 1864 г., 43 стр., in 8°.

2. Маркизъ-де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ. Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ. Издалъ съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскій. Спб., 1862, IV, XXII и 638 стр., in 8°.

3. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. По порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, издали съ примѣчаніями и указателемъ Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866, in 8°.

4. Историческія бумаги, собранныя Константиномъ Ивановичемъ Арсеньевымъ. Съ портретомъ К. И. Арсеньева. Спб. 1872, in 8°.

Сборникъ II Отдѣл. Академіи Наукъ. Т. IX. Спб., 1872.

II. Статьи по русской исторіи.

5. Грамоты царя Ивана Васильевича къ Іоанну, королю шведскому, 1572—1573 гг.

Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи. Выпускъ V, (1871). Отд. II, стр. 30—47.

6. Списокъ дѣвицъ, изъ которыхъ въ 1670 и 1671 годахъ выбиралъ себѣ супругу царь Алексѣй Михайловичъ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V, (1865), столб. 469—472.

7. Царица Марѳа Матвѣевна, урожденная Апраксина, вторая супруга царя Ѳедора Алексѣевича.

Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ. Издан. Фридебурга, тетр. 33 (1860), 16 стр. въ листъ.

8. Петербургская старина.

Современникъ. Т. LXXXI (1860), отд. I, стр. 311—338; Т. LXXXII, отд. I, стр. 143—204; Т. LXXXIII, стр. 577—638.

---

[1]) Весьма прочувствованная, хотя и краткая біографическая замѣтка о Пекарскомъ принадлежитъ сотоварищу покойнаго, академику Я. К. Гроту. Она помѣщена въ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1872 г., № 208 и 301.

9. Воображаемый подлогъ, бывшаго кабинетъ-министра императрицы Анны Іоанновны, Волынскаго.

Спб. Вѣдомос., 1859, № 177.

10. Походъ Русскихъ въ Пруссію, подъ начальствомъ Фельдмаршала Апраксина въ 1757 году.

Военный Сборникъ, Т. III, отд. II, стр. 289—350.

III. Статьи по исторіи русскаго просвѣщенія.

11. Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Годуновымъ для обученія наукамъ въ Англію въ 1602 году.

Сборникъ статей втораго отд. Ак. Наукъ т. I (1867), LXVI—LXXI.
Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XI (1867), стр. 91—96.

12. Представители кіевской учености въ половинѣ XVII-го столѣтія. Историко-литературные очерки.

I и II статья въ Отеч. Записк. Т. CXL (1862), отд. I, стр. 552—594.
III и IV статья тамъ-же. Т. CXLI (1862), отд. I, стр. 196—228.
V-я статья тамъ-же. Т. CXLI (1862), отд. I, стр. 367—391.

13. Извѣстія объ одной брошюрѣ, напечатанной въ Кіевѣ въ 1632-мъ году. (Посвященной Петру Могилѣ). Съ рисункомъ.

Извѣстія Имп. Археол. Общества. Т. III (1861), столб. 198—205.

14. Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ Сѣверо и Юго-Западныхъ краяхъ Россіи, съ конца XVI до начала XVII столѣтія.

Программа на задачу о преміи, напечатанная въ Отчетѣ о десятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, 25-го сентября 1867 года на стр. 12.

15. О русскихъ книгахъ, напечатанныхъ въ Галлѣ, въ 1735 году.

Библіографическія Зап. Т. III (1861), столб. 35—45.

16. Записка о разборѣ II-й части „Обзоръ Духовной Литературы", преосвящ. Филарета — г. Пономаревымъ.

Зап. Имп. Академіи Наукъ Т. IV (1864), стр. 87—91.

17. Прошеніе Тредьяковскаго о дозволеніи печатать стихотворное переложеніе псалмовъ.

Библіографическія Зап. Т. I (1858), столб. 483—485.

18. Ломоносовъ: эпиграмма его на стихотворца Шишкина.—Пародія-памфлетъ на притчу Сумарокова. Насмѣшка надъ выраженіемъ въ трагедіи Гамлетъ.

Библіографическія Зап. Т. I (1858), столб. 485—488.

19. Письмо И. И. Шувалова о дозволеніи издать въ свѣтъ переводъ Поповскаго: „Опытъ о человѣкѣ".—Отзывъ и поправки этого перевода преосвященнымъ Амвросіемъ.

Библіографическія записки. Т. I (1858), столб. 489—491.

20. Разборъ сочиненія г. Смирнова: „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи".

Отчетъ объ 11-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб., 1869, стр. 58—64.

21. Матеріалы для исторіи библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Записка П. П.

Зап. Академіи Наукъ. Т. XII (1868), стр. 92—98. Сборникъ статей II Отд. Акад. Наукъ Т. II, стр. XIV—XXI.

22. Разборъ сочиненія Илар. Чистовича: „Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи". 1857.

Современникъ. Т. LXV (1857), отд. IV, стр. 21—29.

IV. Время Петра Великаго.

23. Планъ и образцы библіографическаго обозрѣнія русскихъ книгъ Петровскаго времени. II. 1855.

Извѣст. Имп. Акад. Наукъ. Т. IV, столб. 259—272.

24. Мистеріи и старинный театръ въ Россіи. (Глава изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ").

Современникъ. Т. LXI—LXII (1857), отд. II, 49—98, 1—38.

25. Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Современникъ. Т. LXVII (1858), отд. I, стр. 185—198.

26. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе П. Пекарскаго 2 тома. Спб., 1862, in 8^0.

Т. I. Введеніе въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII ст.

Т. II. Описаніе славяно-русскихъ книгъ и типографій (1698—1725).

27. Собственноручныя поправки Петра Великаго въ заглавіи двухъ гравюръ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 257—258.

28. О пѣснѣ, сложенной въ народѣ на постриженіе царицы Евдокіи, первой супруги Петра Великаго.

Зап. Акад. Наукъ. Т. V (1864), стр. 203—207.

29. Лѣтописецъ 1700 года.

Лѣтопись занятій Археогр. Комм. Вып. IV (1868), отд. II, стр. 131—157.

30. Извѣстія о русскомъ переводѣ одной лютеранской книги во времена Петра Великаго.

Зап. Акад. Наукъ. Т. V (1864), стр. 57—61.

31. Свѣдѣнія о жизни и смерти царевича Алексѣя Петровича. (Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Т. VI).

Современникъ. Т. LXXIX (1860), отд. III, стр. 67—113.

32. Современное извѣстіе о кончинѣ Петра Великаго.

Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. IV (1864), стр. 64—67.

V. Исторія Академіи Наукъ.

33. Очеркъ дѣятельности Академіи Наукъ по отношенію къ Россіи въ 1-й половинѣ XVIII вѣка.

Отчетъ И. Акад. Наукъ за 1863 г. Прилож. къ V тому Зап. Акад. Наукъ, стр. 92—107.—Спб. Вѣдомости, 1864. №№ 81 и 82.

34. Архивныя розысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго Rhytina borealis. (Со снимкомъ старинаго изображенія Rhytina borealis).

Приложеніе къ XV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. I. Спб., 1869. стр. 33 in 8°.

35. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ.

Приложеніе къ XII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 5. Спб., 1867 стр. 88 in 8°.

36. Библіографическія замѣтки объ Адресъ-Календарѣ 1765 года. Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. X, 61—63. — Сборникъ статей II отд. Акад. Наукъ. Т. I (1867), стр. XXXVI — XXXVIII.

37. Отчетъ о занятіяхъ въ 1863—1864 годахъ по составленію Исторіи Академіи Наукъ, читанъ въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности, 10-го декабря 1864 года.

Приложеніе къ VII-му т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 4. Спб., 1865. стр. 72 in 8°.

38. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Т. I. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ. Спб., 1870. Т. II. (печатается).

39. Академическая Типографія въ старину и нынѣ.

Образцы шрифтовъ Типографіи и Словолитни Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1870, in 4, стр. IX—XVIII.

VI. Жизнеописанія и біографическіе матеріалы.

40. Русскіе мемуары XVIII вѣка.

Современникъ. Т. L (1855), отд. II, стр. 53 — 90. Т. LI, отд. II стр. 29—62. Т. LII, отд. II, стр. 63—120.

41. Разборъ дневника камеръ-юнкера Верхгольца. Ч. I. М., 1857.

Современникъ. Т. LXV (1857), отд. IV, стр. 12—20.

42. Баронъ Гюйссенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII столѣтія.

Отечеств. Записки. Т. CXXIX (1860), отд. I, стр. 49—72.

43. Путешествія академика Николая Іосифа Делиля въ Березовѣ въ 1740 году. Со снимками видовъ Березова, рисованныхъ въ 1740 году.

Приложеніе къ VI-му т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 3. Спб., 1865 г. стр. 74 in 8°.

44. Подробности о печатаніи Симфоніи на псалтырь князя Антіоха Кантемира, посвященіе и предисловіе этой книги.

Библіограф. Зап. Т. I (1858), столб. 531—535.

45. Кондратовичъ, русскій прозаикъ и стихотворецъ, филологъ и беллетристъ XVIII столѣтія.

Современникъ. Т. LXIX (1858), отд. I, стр. 452—484.

46. Переписка Лейбница съ разными лицами о славянскихъ нарѣчіяхъ и древностяхъ. По поводу письма Лейбница къ Петру Великому, 22-го января 1715 г.

Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. IV (1864), стр. 1—19.

47. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова.

Приложеніе къ VIII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 7. Спб., 1865 г., стр. IV и 128 in 8°.

48. Письмо Ломоносова къ князю А. М. Голицыну.

Зап. Акад. Наукъ (1868), Т. XIII, стр. 180—186.—Сборникъ статей II Отд. Акад. Т. II, стр. XLVI—LII.

49. Прошеніе Ломоносова о пенсіи и чинѣ, 1762 года.

Зап. Акад. Наукъ. Т. XII (1868), стр. 104—106. Сборникъ статей II Отд. Акад. Т. II, стр. XXVI—XXVIII.

50. О рѣчи въ память Ломоносова, произнесенной въ Академіи Наукъ докторомъ Ле-Клеркомъ.

Сборникъ статей II Отд. Акад. Наукъ. Т. I (1867), стр. LIII—LVI.—Зап. Акад. Наукъ. Т. X (1867), стр. 178—187.

51. Собственноручныя письма Ломоносова.

Зап. Акад. Наукъ. Т. X (1867), стр. 181—187. — Сборникъ статей II Отд. Акад. Наукъ. Т. I (1867), стр. LVI—LX.

52. Поѣздка графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 г.

Современникъ. Т. LVII (1856), отд. II, стр. 39—66.

53. Студенческія воспоминанія о Дмитріѣ Ивановичѣ Мейерѣ, профессорѣ Казанскаго университета.

Братчина. Часть I (Спб., 1859), стр. 207—242.

54. Нейбауеръ и его брошюра противъ Россіи.

Отечеств. Зап. Т. CXXXII (1860), отд. I, стр. 689—722.

55. Разборъ изслѣдов. г. Лонгинова: „Новиковъ и москов. мартинисты".

Отчетъ объ 11-мъ присужд. наградъ гр. Уварова. Спб., 1869, стр. 30—38.

56. Извѣстія объ уфимскихъ дворянахъ Пекарскихъ (19 стр. in—8°).

Справочная книжка Уфимскаго Статистическаго Комитета.

57. Замѣтка о русскомъ стихотворцѣ изъ крѣпостныхъ въ XVIII вѣкѣ. (Иванъ Розовъ-Майковъ).

Библіограф. Зап. Т. III (1861), столб. 65—68.

58. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Съ портретомъ и снимкомъ почерка Рычкова. Изд. Отдѣла Русскаго языка. Спб., 1867. IV, IV и 184 стр., in 8°.

Сборникъ статей II отд. Акад. Т. II, № 1.

59. Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи.

Торжеств. Собр. Акад. Наукъ 29-го дек. 1865 г. (in—4°, стр. 75—85).—Сборн. статей II Отд. Акад. Наукъ. Т. I, № 3. Спб., 1866.

60. Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ. (Съ портретомъ Татищева и снимкомъ его почерка).

Приложеніе къ IV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 4. Спб., 1864 г., стр. 66, in 8°.

61. Извѣстія, собранныя В. Татищевымъ въ бытность его въ Сибири и въ Швеціи, 1721—1726 гг.

Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1863 г., Кн. III, стр. 110—128.

62. Матеріалы для біографіи В. К. Тредьяковскаго.

Сборникъ статей II Отд. Академіи Наукъ. Зап. Акад. Наукъ. Т. IX (1866), стр. 175—193. Т. I (1867), стр. XI—XXVII.

63. Записка о Тредьяковскомъ.

Зап. Акад. Наукъ. Т. XIV (1868), стр. 71—80.—Сборникъ статей II Отд. Акад. Т. VII, стр. XXVI—XXXV.

64. О перепискѣ академика Штелина, хранящейся въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. VII (1865), стр. 117—133.

65. Разборъ сочиненія г. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ".

34-е присужденіе Демидовскихъ наградъ II. 1866, стр. 117—144.

66. Отзывъ о сочиненіи г. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ".

Отчетъ о 10-мъ присужденіи наградъ графа Уварова 25-го сентября 1867 г., стр. 13—35.

67. Екатерина II и Эйлеръ.

Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. VI (1865), стр. 59—92.

VII. Время Екатерины II.

68. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Собраны и изданы съ Высочайшаго разрѣшенія по предначертанію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича великаго князя Александра Александровича, академикомъ П. П. Пекарскимъ. Томъ I, 1744—1764 годъ. Спб., 1871 г., XXXVI и 418 стр. in 8°.

Изъ VII тома Сборника истор. Общ. Второй томъ бумагъ печатается.

69. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II.

Приложеніе къ III т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 6. Спб., 1863 г. стр. 90 in 8°.

70. Дополненія къ исторіи масонства XVIII столѣтія.

Сборникъ статей II Отд. Т. VII, № 4, 1869.

71. Любитель литературы Екатерининскихъ временъ.

Отечеств. Зап. Т. CV (1856), отд. I, стр. 493—514.

VIII. Археологія.

72. Отчетъ о полученныхъ въ разное время въ Археологическомъ Обществѣ статьяхъ.

Извѣст. Археол. Общ. Т. II (1859), столб. 362—368.

73. Замѣчанія по поводу рукописнаго сочиненія г. Ровинскаго „Русскіе граверы и проч.“.

Отчетъ о седьмомъ присужд. наградъ графа Уварова. Спб., 1864 г., стр. 53—55.

74. Матеріалы для исторіи иконописанія въ Россіи.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 317—335.

75. Опись старинныхъ сельскихъ церквей и помѣщичьяго хозяйства.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 153—162.

76. Свѣдѣніе о домѣ въ Москвѣ, принадлежавшемъ въ XVII вѣкѣ боярину Никитѣ Ивановичу Романову.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 258—259.

77. Жалованныя граматы тульскимъ кирпичникамъ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 254—256.

78. Извѣстіе о печатяхъ царя Алексѣя Михайловича.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1865), столб. 472—474.

79. Извѣстіе временъ царя Алексѣя Михайловича, о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ и посудѣ, попадавшихся въ татарскихъ могилахъ въ Сибири.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1863), столб. 38—40.

80. О старинномъ чертежѣ, изображающемъ выступленіе стрѣльцовъ въ походъ противъ Разина.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1865), столб. 474—477.

81. Старинное извѣстіе о золотѣ и серебрѣ, добываемомъ въ Уфимскомъ уѣздѣ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 256—257.

82. Дознаніе о звонѣ и пѣніи, слышанномъ ночью въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ церквахъ въ 1717 и 1719 годахъ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1863), столб. 43—50.

83. Отчего у насъ въ настоящее время рѣдки монеты и медали съ изображеніями младенца—императора Іоанна III Антоновича.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1863), столб. 40—42.

84. Журналистика во Франціи до первой революціи.

Современникъ. Т. LXXXVI и LXXXVII (1861), отд. I, стр. 139—174 и Т. LXXXVII (1861), стр. 111—146 (1862), стр. 177—223.

IX. Статьи, помѣщенныя въ Энциклопедическомъ словарѣ.

85. Мих. Петр. Аврамовъ, первый директоръ Петербургской типографіи, Т. I (1861), стр. 272—276.

86. Агаѳія Семеновна, урожд. Грушецкая, первая супруга Ѳедора Алексѣевича. Т. I, стр. 441—442.

87. Вас. Евдоким. Адодуровъ, Т. II (1861), стр. 56—60.

88. Академіи духовныя православныя въ Россіи, Т. II, 239—251, стр. 250—251.

89. Академія Россійская. Т II, стр. 286—290.

90. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Т. III (1891), стр. 236—246.

91. Вас. Григор. Анастасевичъ, Т. IV (1862), стр. 249—251.

92. Анна Іоанновна. Т. IV, стр. 423—442.

93. Анна Петровна. Т. IV, стр. 459—463.

94. Аониды—первый вышедшій въ Россіи литературный альманахъ. Т. V (1862), стр. 73—74.

95. Аполлосъ Байбаковъ. Т. V, стр. 143—144.

96. Апраксины. Т. V, стр. 167—169.

97. Степанъ Ѳедор. Апраксинъ. Т. V, стр. 169—171.

98. Графъ Ѳед. Матв. Апраксинъ. Т. V, стр. 172—175.

99. Арсеній Мацѣевичъ. Т. V, стр. 459—462.

100. Конст. Ив. Арсеньевъ. Т. V, стр. 468—471.

101. Государственный Архивъ въ Спб. Т. V, стр. 539—541.

102. Елисавета Петровна. Отд. II. Т. I, (1843), стр. 459—474.

Примѣчаніе. Списокъ приведенныхъ статей составлялся въ началѣ съ чисто практической цѣлью, а потомъ уже расширенъ. Вслѣдствіе этого систематическое распредѣленіе статей не удовлетворитъ вполнѣ требованіямъ библіографической науки, такъ какъ если бы строго держаться систематическаго порядка, слѣдовало бы многія статьи помѣстить въ двухъ или даже въ трехъ отдѣлахъ. Кромѣ того, для строго-систематическаго порядка необходимо было бы просмотрѣть всѣ многочисленные томы оригинальныхъ протоколовъ II Отдѣленія Академіи, въ коихъ, какъ видно изъ печатныхъ „Извлеченій“ изъ нихъ, не только содержатся многія мелкія замѣтки Пекарскаго, невошедшія въ напечатанный нынѣ списокъ, но и проглядываютъ мотивы, которыми онъ руководствовался при описаніи или собраніи напечатанныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ.

Воспоминаніе крестьянина объ А. Ѳ. Гильфердингѣ.

Помѣщая воспоминаніе объ А. Ѳ. Гильфердингѣ, принадлежащее перу крестьянина, считаемъ нужнымъ замѣтить, что нами поправлены только знаки препинанія, кое-гдѣ ѣ и указаны для набора красныя строки; особенности же Олонецкаго произношенія отмѣчены разрядкой. Для характеристики писавшаго, приводимъ маленькое извѣстіе, имъ же составленное. Вотъ оно:

«Господи благослови! Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Кижской волости, Яндомо-Космозерскаго мірского общества, деревни Космозерскаго Погоста, крестьянинъ Иванъ Аникіевъ Касьяновъ, родился въ 1825 году, декабря 4-го дня. Отецъ мой, Аника Устиновъ, мастерство имѣлъ плотника и землепашца, который скончался въ 1864 году, 83-хъ лѣтъ; матушка моя Мавра Назарова, скончалася въ 1865 году, 80-ти лѣтъ. До 1860 года были въ расколѣ по Даниловской сектѣ. Я, Касьяновъ, воспитанъ въ деревнѣ и обучался въ грамоты у крестьянина Егора Иванова Холопова; занимался землепашествомъ и частью рыбною ловлею и разными извозами. Женатъ и имѣю дѣтей. Всѣ мы исповѣданія единовѣрческаго. Обратился въ единовѣріе изъ раскола въ 1860 году съ отцомъ, матерью, замужнею сестрою и съ тётенькой Агафьей. Былъ избранъ волостнымъ судьею въ 1865 году, а по изобраніи на второе трехлѣтіе, поданъ мною письменный отзывъ объ увольненіи отъ службы, Въ 1871 году, августа 7-го дня, пріѣзжали ко мнѣ миссіонеръ Палеостровскаго монастыря іеромонахъ отецъ Исихій, который основалъ единовѣріе, и священникъ отецъ Іоаннъ Богословскій и прихожане разныхъ деревень, которые объявили указъ Олонецкой духовной консисторіи о изобраніи изъ среды себя сборщика, и, по предложенію всѣхъ прихожанъ, на что согласился я, Касьяновъ, для окончательнаго устройства и украшенія бѣдной единовѣрческой церкви въ честь Вознесенія Господня, о которой было отпечатано въ «Петербургской Газетѣ», ноября 14-го числа».

Въ заключеніе замѣтимъ, что печатаніе сборника Былинъ покойнаго Александра Ѳедоровича, которое предполагалось передать профессору О. Ѳ. Миллеру («Русск. Ст.» 1872 г., т. VI, стр. 464), по желанію г. Миллера и вдовы покойнаго вновь поступило подъ наблюденіе знатока этнографіи и археологіи П. А. Гильтебрандта. Ред.

Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ пріѣхалъ въ Олонецкую губернію, въ городъ Повѣнецъ, съ крестьяниномъ Кижской волости, Васильемъ Яковлевымъ Мореходовымъ [1]), гдѣ случился тогда быть крестьянинъ той же волости, деревни Космозерскаго Погоста, Степанъ Парамоновъ Куницынъ, который съ Мореходовымъ очень знакомъ. И узнавъ, что господинъ Гильфердингъ собираетъ былины и разсчитывается щедро, тогда крестьянинъ Куницынъ говоритъ Мореходову:

„И у насъ человѣкъ есть, крестьянинъ Иванъ Аникіевъ Касьяновъ, знаетъ былины, а только онъ сюда не пойдетъ, потому что очень далеко“.

---

[1]) Лодочникъ, возившій по озеру Онегу: онъ, рулевой и 6-ть гребцовъ. К.

А Мореходовъ говоритъ:

„Я довольно знаю Ивана Аникіева, и онъ меня послушаетъ — придти въ Чолмужу, на 18-е число іюля 1871 года".

И написалъ отъ имени своего записку, что господинъ Гильфердингъ очень добрый и разсчитывается щедро. По пріѣздѣ Куницына въ Космозерскую волость, подаетъ записку мнѣ, Касьянову что проситъ господинъ прибыть за 45-ть верстъ въ деревню Чолмужу на 18-е число.

Но хотя время и рабочее и не свободное, но понудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе привело во удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былины: говоримъ между собою, что „господамъ должно быть въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего".

Но какъ прошенный запиской, отправился въ путь, отойдя въ Толвуйскую волость, верстъ за 30-ть, гдѣ было нужно нанять лодку и перевозчика на 15-ть верстъ черезъ озеро Онего. По прибытіи моемъ въ деревню Чолмужу, гдѣ тоже былъ пріѣхавши крестьянинъ Мореходовъ, а господина Александра Ѳедоровича Гильфердинга не было, потому что онъ изъ города Повѣнца ѣхалъ сухимъ путемъ черезъ монастырь Даниловъ,—подъ вечеръ, около 8-ми часовъ, черезъ Губу увидали огонь, и поѣхали туда на лодкахъ и встрѣтили его. На другой день, то-есть 19-го числа въ понедѣльникъ по утру явился и размышляю такъ: что наши уѣздные господа становые пристава и разныя служащія лица весьма гордые, и думалъ, какъ явлюсь я къ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю:

„А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ, думается, и не взыщетъ".

И во-первыхъ увидѣлъ служителя при немъ, Ефима Ивановича, который собою очень привѣтливый и скромный, и проситъ меня чаю пить. Но желая я прежде познакомиться со слугою, пью и думаю: „должно быть хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ". Потомъ камеръ-инеръ предложилъ господину, что Иванъ Аникіевъ пришелъ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ. И онъ, господинъ, видитъ во мнѣ перемѣну и говоритъ Ефиму Ивановичу: „налей рюмочку хорошей водки"! Но отъ которой я отозвался, потому что никогда не пивалъ. Потомъ говоритъ генералъ: „А пьете ли чай?" Я говорю: „Чай я пью". Тогда господинъ сказалъ: „Ефимъ, подай намъ чаю". Когда выпилъ я, Касьяновъ, стаканъ чаю, то поосвѣжился духомъ, какъ-будто стало

и посмѣлѣе. Тогда началъ я пѣть былину о Добрынѣ Никитичѣ, а генералъ началъ самъ писать, такъ очень скоро и успѣшно, что едва поспѣваю я голосомъ пропѣвать. Потомъ о Дюкѣ Степановичѣ другую былину. Потомъ господинъ приказалъ меня хозяевамъ кормить и чаемъ поить. Потомъ пропѣлъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ Московскомъ, объ отданіи города Смоленца.

На другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что онъ человѣкъ очень скромный, смирный и ласковый, и размышляю про себя: „Должно быть господа, что чинъ выше, то и добрѣе, не какъ наши уѣздные господа; придешь, за какимъ-либо случится дѣломъ, то онъ наскачетъ, какъ звѣрь на рогатину, не взирая ни на какія твои справедливости".

Потомъ я пропѣлъ о Михаилѣ Пóтыкѣ сынѣ Ивановичѣ, пятую я пропѣлъ о Настасьѣ королевичнѣ, шестую я пропѣлъ о пахарѣ Никулѣ Силениновичѣ, седьмую я пропѣлъ о взятіи Казани Грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

А подъ вечеръ пригласилъ онъ меня съ нимъ вмѣстѣ прогуливаться. Тогда стала у хозяевъ домой скотина приходить. Но какъ скотъ пасется безъ пастуха, то когда она пришла къ рѣкѣ Чолмужѣ, то сама пошла въ воду, не взирая ни на какую быстрину, плыветъ сама безъ погонщика, стадомъ. То мы смотрѣли съ большимъ удивленіемъ. И говорилъ Александръ Ѳедоровичъ: „Ну я этого не премину разсказать господамъ по пріѣздѣ въ Петербургъ".

Еще тутъ же пріѣхалъ въ Чолмужу Толвуйской волости, деревни Загубъ, крестьянинъ Иванъ Кузьминъ, съ былинами другой разъ. То Александръ Ѳедоровичъ спросилъ:

— „А ты, старичокъ, чего пріѣхалъ?"

А старикъ говоритъ:

— „Батюшка, я былину вспомнилъ".

— „Ну, спой же, старичокъ".

Тогда началъ онъ пѣть о Чурилушкѣ Пленковичѣ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ далъ ему 3 руб. за одну былину. А у меня еще ничего не получено и думаю: „что̀ мнѣ Богъ дастъ". Болѣе въ Чолмужѣ никого не сыскалося.

А тутъ бояре приходили свою грамоту показывать (которая дана, за сбереженіе царицы Маѳы Іоанновны, Михаиломъ Ѳедоровичемъ попу Ермолаю) на квартирѣ, гдѣ квартировалъ Александръ Ѳедоровичъ, у крестьянина Петра Иванова Сурина. И разсказывали генералу, что̀ значитъ пядина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста.

— „Это, говорятъ бояре, надоть растолковать!"

Тогда господинъ говоритъ:

— „Это намъ ваша грамота была извѣстная, а вы ѳ храните у себя, какъ зѣницу ока. Прощайте!“

На третій уже день, то-есть 20-го числа іюня, освободился отъ всѣхъ занятій. А вѣтеръ былъ очень сильный, что было нельзя по Онегу ѣхать ни господину, ни мнѣ. То мы всѣ провожали время вмѣстѣ, а Ефимъ Ивановичъ настрѣлялъ утокъ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ говоритъ камеръ-динеру:

— „Ефимъ, подай сюда Ивану Аникіевичу чаю со мною вмѣстѣ, пущай пьетъ!“

А я ему говорю:

— „Позвольте мнѣ къ самовару поближе, тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стаканъ—два, а три—и то много, а тамъ и пятокъ—такъ ничего“.

Онъ разсмѣялся, говоритъ:

— „Ну, впрочемъ, гдѣ вамъ угодно“, и далъ мнѣ денегъ 13 рублей. Тогда я очень обрадовался такой неожиданной наживѣ. Иду на квартиру, погляжу и думаю: „Слава Богу! Господь послалъ какого благотворителя!“

Но какъ уже къ вечеру вѣтеръ подтихъ, то они стали собираться въ путь, готовиться къ поѣзду на Пудожскую гору, Пудожскаго уѣзда. Тогда я пособилъ носиться въ лодку и проводилъ глазами, покуда было можно видѣть.

Послѣ этого по осени пріѣхалъ я въ Петербургъ по сбору на церковь, и у меня пришло большое желаніе увидѣть своего благотворителя. И думаю я, что такой ли будетъ здѣсь весьма добрый, какъ былъ въ нашихъ мѣстахъ, или не припуститъ и на глаза. Но однако, что Богъ ни дастъ, а попробую сходить. Показалъ городовой квартиру, и я постучалъ въ колокольчикъ. Вдругъ выбѣгаетъ знакомый слуга Ефимъ Ивановичъ. И я ему разсказался. Тогда онъ взялъ меня къ себѣ, потомъ предложилъ обо мнѣ Александру Ѳедоровичу. Тогда господинъ приказалъ мнѣ зайти къ себѣ въ покои, гдѣ сидѣла у него законная супруга Варвара Францовна, и такъ ласково и милостиво посадилъ подлѣ себя. А генеральша наливала сама намъ чай и съ закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливаетъ чай простому мужику. Сижу и про себя думаю: „это должно быть вторая Сарра; имѣла 300 рабынь, а сама мѣсила тѣсто и кормила рабочихъ[1])“. Но тутъ же мнѣ сказалъ Александръ Ѳедоровичъ:

---

[1]) Надо замѣтить, что крестьянинъ Касьяновъ, какъ бывшій старовѣръ,—человѣкъ весьма грамотный и большой начётчикъ въ церковныхъ книгахъ.

Ред.

„я предложу Географическому Обществу, можетъ мы васъ попросимъ въ собраніе". Но когда я былъ потребованъ, то, по приходѣ моемъ, вышелъ Александръ Ѳедоровичъ, взялъ меня подъ руку и посадилъ на стулъ, гдѣ сидѣло большое собраніе господъ. Тогда я подумалъ: „гдѣ Господь привелъ быть и сидѣть между учеными людьми, просвѣтителями и разъяснителями народу, и всѣ учтиво принимаютъ". И тутъ я пропѣлъ три былины о пахарѣ Никулѣ Селяниновичѣ и объ Алексѣѣ Михайловичѣ, о Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о взятіи Казани, а болѣе—время было поздо. И послѣ этого былъ награжденъ деньгами, и всѣ очень ласково приняли. А сердце мое наиболѣе возрадовалось потому, что нашелъ въ ученыхъ людяхъ кротость и смиреніе, по писанному: „блаженни кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю".

Крестьянинъ Касьяновъ.

Генеалогическое разъясненіе.

Редакція „Русской Старины" получила отъ А. Л. Потапова слѣдующее письмо:

„По поводу напечатаннаго въ девятомъ нумерѣ уважаемаго изданія вашего „Русской Старины" сообщеннаго мною вамъ письма св. Димитрія Ростовскаго къ прадѣду моему, по матери, Михаилу Григорьевичу Грохольскому, въ 10 № „Русскаго Архива" появилась замѣтка, подъ названіемъ „Генеалогическое недоумѣніе". Въ этой замѣткѣ говорится, что родительница моя, сколько извѣстно по родословной книгѣ (т. I, стр. 157) была родомъ княжна Шаховская (Татьяна Васильевна) и только въ первомъ бракѣ находилась за г. Грохольскимъ.

Считаю нужнымъ разъяснить, что упоминаемая въ этой замѣткѣ княжна Татьяна Васильевна Шаховская была моя родная бабка, т. е. родная мать родительницы.

Она была въ замужествѣ только одинъ разъ за Петромъ Михайловичемъ Грохольскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, бывшимъ съ 27 января 1799 года волынскимъ вице-губернаторомъ. Въ имѣющейся въ моемъ семейномъ архивѣ копіи съ послужнаго списка П. М. Грохольскаго пояснено, что онъ женатъ на княжнѣ Татьянѣ Шаховской и имѣетъ, между прочимъ, дочь Александру въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Львомъ Потаповымъ. Точно также и въ россійской родословной книгѣ (ч. I, стр. 175, № 264) показано: княжна Татьяна Васильевна Шаховская за Петромъ Грохольскимъ. Этотъ П. М. Грохольскій былъ сынъ Михаила Григорьевича, къ которому

адресовано помѣщенное въ вашемъ изданіи („Р. Ст." 1872 г., т. VI, стр. 292) письмо святителя Димитрія Ростовскаго.

Кромѣ того, въ статьѣ „Генеалогическое недоумѣніе" вкралась и другая ошибка: хранившаяся въ моемъ семействѣ икона св. Димитрія принесена мною въ даръ не Святодуховскому монастырю, а Виленскому Святодуховскому Православному братству.

А. Л. Потаповъ.

Кн. В. Г. Мадатовъ.

Въ примѣчаніи Н. Ѳ. Дубровина къ донесеніямъ Ермолова, Дибича и Паскевича, вкралась важная погрѣшность, произшедшая отъ описки Варшава вмѣсто Тифлисъ. Тамъ сказано („Русск. Стар." 1872 г., т. VI, стр. 280): „кн. Паскевичъ, осуждая Мадатова, сдѣлалъ его своимъ близкимъ помощникомъ и даже вызвалъ потомъ, какъ извѣстно, въ Варшаву, гдѣ и оказывалъ полную довѣренность".

Н. Ѳ. Дубровинъ, указывая на эту погрѣшность (въ газетѣ „Русскій Міръ", № 297), проситъ „снять съ редакціи „Русской Старины" всякое нареканіе, такъ какъ ошибка эта вкралась по его, г. Дубровина, случайному недосмотру".

Князь Мадатовъ не былъ вызванъ въ Варшаву и умеръ при обложеніи Шумлы, 2-го сентября 1829 года. Мы надѣемся представить на страницы „Русской Старины" вполнѣ любопытныя данныя объ отношеніяхъ генерала Паскевича (впослѣдствіи князя) къ доблестному кн. Мадатову. Отношенія эти всегда исполнены были вражды, такъ какъ кн. Паскевичъ не любилъ въ Мадатовѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ Ермолова. **Ред.**

Замѣтки, мелочи и поправки.

Прочитавъ Ноябрьскую книгу любопытной «Русской Старины», считаю необходимымъ сообщить нѣсколько строкъ на замѣтку кн. В. Баюшева: 1) Не дочь извѣстной актрисы Семеновой была въ замужествѣ за княземъ И. А. Гагаринымъ, а сама она. 2) Дѣти Мусина-Пушкина были отъ родной ея сестры, Нимфодоры Семеновны Семеновой, мен., весьма извѣстной въ свое время прелестной оперной актрисы. 3) Княгиню же Гагарину, то-есть знаменитѣйшую трагическую актрису Семенову, бол., нашу незабвенную Жоржъ, Рашель и Ристори, съ соединенными въ ней одной ихъ достоинствами, — звали Екатерина Семеновна. 4) Дочь ея была за сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Карніолиномъ-Пинскимъ. 5) Екатерина Семеновна, оставя сцену, играла нѣсколько разъ въ Москвѣ и здѣсь на домашнихъ театрахъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, съ благотворительною цѣлью. Въ Петербургѣ — на дачѣ Галлера. Она скончалась еще въ цвѣтѣ красоты, хотя уже и не въ цвѣтѣ лѣтъ, и похоронена на здѣшнемъ Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Этому прошло

болѣе 20-ти лѣтъ. Если жива еще въ Москвѣ «знаменитая нѣкогда актриса Семенова», то, безъ сомнѣнія, родная сестра знаменитѣйшей Екатерины Семеновны—Нимфодора Семеновна, мать дѣтей извѣстнаго богатствомъ Мусина-Пушкина.

В. М. Ѳедоровъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь! Возвратясь изъ-за границы, я только что прочелъ въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины» проектъ частнаго письма покойнаго фельдмаршала отца моего къ князю Горчакову. Какъ черновой проектъ, письмо это не было никогда ни подписано, ни отправлено, и слѣдовательно могло быть не одинъ еще разъ измѣнено. Не постигаю, кто бы могъ доставить его вамъ, милостивый государь, для напечатанія безъ моего согласія; ни я, ни тайный совѣтникъ Панютинъ вамъ его не сообщали.

Позвольте васъ просить, милостивый государь, впредь, въ подобномъ случаѣ, снестись предварительно со мною. Я поставилъ себѣ за правило, избѣгать всякой полемики и не отвѣчать на появляющіяся въ печати иногда ошибочныя, иногда ложныя статьи о покойномъ отцѣ моемъ до изданія его полной біографіи, для чего не наступило еще время.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, напечатать настоящее мое заявленіе въ ближайшемъ нумерѣ «Русской Старины» и примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. Кн. Паскевичъ.

Рапортъ о тайномъ обществѣ.

1826 г.

Послѣ грустнаго событія 14-го декабря 1825 года, правительство нашло необходимымъ отобрать отъ всѣхъ служащихъ лицъ, особенно завѣдывающихъ какими-либо частями управленій, подписки о томъ: «нѣтъ ли въ ихъ вѣдомствахъ какихъ-либо тайныхъ обществъ и непринадлежатъ ли они сами къ какому-либо таковому обществу?». О чемъ и было повсемѣстное распоряженіе. Вслѣдствіе этого троицко-савская пограничная канцелярія требовала отъ восьми дистаночныхъ начальниковъ китайской пограничной линіи (на которыя она была раздѣлена въ нынѣшней Забайкальской области) означенныя подписки. Изъ нихъ начальникъ Харацайской дистанціи 9-го класса Злогостевъ донесъ:

«Въ Харацайской дистанціи есть только одно общество—Баянхусунское [1]), которое по справедливости можно назвать не только тайнымъ, но и вреднымъ ибо оно, находясь въ близкомъ разстояніи отъ китайской границы, дѣлаетъ весьма часто поползновенія къ тайной торговлѣ съ монголами, зачѣмъ и имѣется съ моей стороны, къ недопущенію сего, бдительный надзоръ посредствомъ ежедневныхъ разъѣздовъ по чертѣ границы. Я какъ къ этому, такъ и ни къ какому другому обществу не принадлежу и принадлежать не могу, ибо есть чиновникъ, состоящій на службѣ, а не крестьянинъ и не ясачный, о чемъ и честь имѣю почтительнѣйше донести».

---

[1]) Тогда крестьянскія волости раздѣлялись на общества по селамъ.
Прим. С. Ч.

Другой дистаночный начальникъ (Островскій), донося пограничной канцеляріи о появленіи въ его дистанціи на поляхъ саранчи, которая въ Сибири называется **кобылкой**, не рѣшился употребить въ оффиціальной бумагѣ такого неприличнаго названія и, не зная слова саранча, замѣнилъ его въ рапортѣ словомъ: **жеребчики**.

Сообщ. С. И. Черепановъ.

Отвѣтъ Запорожцевъ Турецкому Султану.

Двадцать два года тому назадъ, я—тогда еще восьми-лѣтнимъ ребенкомъ а также сосѣдъ мой, по мѣсту моего рожденія въ Черниговской губерніи, село Михайловка,— Скоропадскій, бабка моя тоже почти сосѣдка (30-ть верстъ деревня Хоробричи, тетка Н. В. Гоголю), Коробчицъ — всѣ мы знали на память нынѣ напечатанный въ «Рус. Стар.» (изд. 1872 г., т. VI, стр. 450). отвѣтъ запорожцевъ. Наши предки всегда служили въ «запорозьскімъ війскі». Отъ бабки Софіи Андреевны Коробчицъ я слышалъ изустно, а затѣмъ читалъ два списка — одинъ, списанный печатной формы буквами моимъ прадѣдомъ Даніиломъ Симоновскимъ, а другой — предкомъ Скоропадскаго (бывшаго гетмана), но не знаю, кѣмъ именно, и по всѣмъ этимъ тремъ даннымъ, говорящимъ слово въ слово «Отвѣтъ Запорожцевъ къ Султану», передаю тотъ отвѣтъ на страницы «Русской Старины», какъ помню наизусть съ восьмилѣтняго возраста. Редакція настоящаго списка имѣетъ существенныя отличія отъ напечатаннаго въ «Русской Старинѣ». При этомъ для правильности чтенія пишу «Отвѣтъ» съ соблюденіемъ ореографіи, употреблявшейся при изданіи журнала «Основа», такъ какъ точной ореографіи малороссійскаго языка не существуетъ. Я. С.

Ти шайтáнъ турéцькій, проклáтого чóрта братъ и самóго Люцúперя секлетáрь, да не отáманъ!.... Нà тобí!

Якíй ти въ чóрта лúцарь?!.. Чортъ ...., а ти и твое вíйсько поідáе! Не будешь ти синíвъ христя́ньскихъ підъ собою мàти!

Твогó вíйська ми не баúмося, и водóю и земле́ю бýдемо бúтьця зъ тобóю: — бо ти вавилóньскій кухарь, македóньскій колесни́къ, ерусалúмській бровàрникъ, александровськый козолýпъ, бíльшаго та мéньшаго Египта свинопáсъ, армя́нська ти свиньня́, татáрськый ти сагайдáкъ камінецькій ти катъ, подóльскій ти злòдій, самóго ти гàспида внукъ и всёго світа и пíдсвіта ти блазнюкъ, а нàшого Бога—ти дурень,— свиня́ча ти мòрда, кобúляча ... ка, різьни́цька собáка, нехрíщена бíсова голова, ... матъ, а на тебе намъ на ..... Отъ-якъ тобí козáки відказàли, погàний, плюгàвій! не вгоденъ ти до насъ вірнихъ христя́нь!

Рòківъ не считали, мíсяцъ на нéбі, числò у календарí, день у насъ такій, якъ и у васъ: поцілуйте въ ..... насъ.

Сообщ. Я. А. Симоновскій.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ спискахъ, имѣющихся у насъ, а также какъ сообщаетъ Г. П. Надхинъ — въ его спискѣ, «грамата къ запорожцамъ» приписывается султану Ахмету III и относится къ 1600 г.

Ермакъ Тимоѳеевичъ.

былина.

Былинъ о Ермакѣ издано много (Кирѣевскій, VI, 36—54; Савельевъ, 74—79); но помѣщаемая нами, по сравненіи съ изданными, отличается послѣдовательностію, менѣе перебита въ своихъ частяхъ и, во всякомъ случаѣ, представляетъ любопытный варьянтъ. Ред.

Какъ на славныхъ черноморскихъ островахъ
Собиралися охотники, люди вольные,
Становилися охотники во единый кругъ,
Они думали думушку единую:
— Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
— Атаманомъ быть Ермаку Тимоѳеевичу.
А Ермакъ говоритъ, что труба трубитъ:
«Вы думайте, ребятушки, подумайте,
«А меня, Ермака, вы послушайте:
«Какъ проходитъ у насъ, братцы, лѣто теплое,
«Настаетъ у насъ, братцы, зима холодная.
«А и-де-то мы, ребята, зимовать будемъ;
«На Яикъ намъ идти—переходъ великъ,
«А на Волгу идти—ворами слыть,
«Ворами слыть, переловленнымъ быть
«И по разнымъ городкамъ поразосланнымъ,
«И по разнымъ тюрьмамъ поразсаженнымъ,
«А и мнѣ, Ермаку, быть повѣшену».
Тутъ-то Ермакъ нову рѣчь возговоритъ:
«Полно намъ, ребятушки, здѣсь вольничать,
«Пора намъ и время испокаяться;
«Пойдемъ мы, ребята, подъ Казань городъ,
«А слышно, братцы, стоитъ тамъ грозный царь,
«Грозный царь, Иванъ Васильевичъ.
«А какъ намъ, ребята, города пройти?
«Астраханскую губернію ввечеру пройдемъ,
«Черноярской городокъ во глуху полночь,
«А Камышенку пройдемъ, кочета вспоютъ,
«А Царицынъ городокъ на бѣлой зарѣ,
«А самой Волгѣ-матушкѣ поклонимся.
«Какъ придемъ мы, ребята, подъ Казань городъ,
«Мы явимся, ребята, къ самому царю.
«Ты, батюшка-надежа православный царь,
«Не вазни Ермака со казаками,—
«Мы отслужимъ тебѣ вѣрой-правдою,
«И возьмемъ тебѣ Казань городъ въ три часа».
Тогда подкапывалъ у города онъ стѣны каменны,
Онъ закатывалъ подъ стѣны бочки съ порохомъ.
И взялъ-то тутъ Ермакъ Казань городъ.
Тутъ Ермаку царь рѣчь возговорилъ:
— Чѣмъ тебя, Ермакъ, дарить, чѣмъ жаловать
— За твою службу, за вѣрную? —
«Вы не жалуйте меня генералушкой,
Не хочу я вашей золотой казны,
«А пожалуйте меня рѣкой Дономъ,
«Прикажите заселить людьми вольными
«И назваться Донскими имъ казаками».

Сообщ. И. Куприяновъ.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе или историко-литературные матеріалы.

Поименовываемъ въ настоящемъ спискѣ только тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ либо только отчасти были напечатаны въ „Русской Старинѣ“, либо и вовсе еще не были въ ней помѣщены, но будутъ напечатаны въ книгахъ „Русской Старины“ изд. 1873 г. и послѣдующихъ годовъ.

Ред.

И. П. Авраамовъ, В. А. Альбицкій, А. П. Аникиевъ, А. П. Арбузовъ, А. И. Артемьевъ, проф. Н. Я. Аристовъ, Я. П. Баклановъ, О. С. Балкъ, А. Д., Е. Д. и Н. Д. Бантышъ-Каменскіе, Г. Барабанщиковъ, П. И. Барановъ, Н. П. Барсуковъ, Н. П. Барышниковъ, кн. В. Баюшевъ, Я. Безукладниковъ, А. П. Берже, П. В. Березинъ, Я. А. Березинъ-Ширяевъ, Беръ, Н. Билибинъ, М. И. Богдановичъ, Н. К. Богушевскій, И. Н. Божериновъ, В. А. Болотовъ, М. Борисоглѣбскій, А. А. Бородулинъ, К. А. Боровковъ, М. Ѳ. Бороздинъ, проф. А. Бриннеръ, Б. Ѳ. и В. Ѳ. Вулгарины, баронъ Бутлеръ, Н. Д. Быковъ, акад. А. Ѳ. Вычковъ, проф. И. Д. Вѣляевъ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, В. Н. Вакселъ, И. И. Васильевъ, П. И. Великопольскій, М. А. Веневитиновъ, Н. И. Викинскій, Н. Виноградовъ, Ѳ. А. Витбергъ, А. Ѳ. Волковъ, кн. П. Д. Волконскій, И. И. Вологдинъ, А. С. Вороновъ, А. Н. Вульфъ, С. Н. Гавриловъ, кн. Ив. Гагаринъ, К. И. Гамаринъ, Г. Н. Геннади, П. А. Гильтебрандтъ, В. С. Глинка, М. С. Глинка, Глуховъ, В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Н. Н. Голицынъ, кн. Н. П. Голицынъ, кн. Н. С. Голицынъ, кн. С. П. Голицынъ, Гольцъ-Миллеръ, И. Я. Голубевъ, И. Ѳ. Горбуновъ, А. Д. Градовскій, Е. И. Гречъ, А. Н. Григорьевъ, А. Громачевскій, акад. Я. К. Гротъ, Н. В. Губерти, П. Гулакъ-Артемовскій, С. И. Гуляевъ, В. Д. Давыдовъ, И. Д. Деляновъ, А. П. Демидовъ, Н. Н. Де-Прерадовичъ, М. Ѳ. Де-Пуле, В. Х. фонъ-Дерфельденъ, В. Док — ій, кн. В. Долгоруковъ, Х. И. Долухановъ, Н. Ѳ. Дубровинъ, Н. П. Дуровъ, К. Евлентьевъ, И. И. Европеусъ, А. П. Есиповъ, Г. В. Есиповъ, И. Есимовъ, П. А. Ефремовъ, В. Жуковъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Загряжскій, Е. Б. Зубова, Д. П. и П. П. Зуевы, В. А. Зыбинъ, И. А. Ибердусовъ, А. Д. Ивановскій, проф. В. С. Иконниковъ, Императорское Географическое Общество, П. С. Калачевскій, граф. Л. М. Каменская, Ф. В. Каразинъ, А. А. Карасевъ, П. А. Каратыгинъ, П. Карнауховъ, Е. П. Карновичъ, Н. А. Карцевъ, Н. Т. Кедровъ, Н. Ф. Клюги-фонъ-Клюгенау, Н. П. Кельшъ, Князевичъ, А. С. Князевъ, М. М. Ковязинъ, Козачокъ, К. П. Колзаковъ, Н. М. Колмаковъ, гр. М. Н. Коновницына, О. И. Константиновъ, о. Кустодіевъ, М. В. Кюхельбекеръ, И. П. Корниловъ, Ю. В. Косова, А. А. Краевскій, В. А. Краснокутскій, Н. Ѳ. Крузе, академ. А. А. Куникъ, И. К. Купріяновъ, кн. А. Б. Куракинъ, проф. Н. Лавровскій, проф. В. И. Ламанскій, П. Лашкаревъ, С. И. Лашкевичъ, Э. Ф. Лермонтова, И. Н. Лермонтовъ, П. П. Лебке, А. Ф. Леопольдовъ, К. Ф. де-Ливронъ, И. П. Липранди, В. И. Лихачевъ, А. В. Лишинъ, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, М. Н. Лонгиновъ, Е. А. Лопушинскій, И. Лучацкій, В. Лѣствицынъ, княгиня С. Мадатова, Н. С. Маевскій, Л. Н. Майковъ, Л. С. Маковъ, А. Н. Матвѣевъ, Н. Я. Максимовъ, К. А. Маньковс-

кій, Б. М. Маркевичъ, А. А. Мартыновъ, Е. П. Масловъ, Л. С. Мацѣевичъ, бар. Мейендорфъ, П. И. Мельниковъ, П. Н. Меншиковъ, Ѳ. Б. Миллеръ, Г. А. Милорадовичъ, М. Н. Милюковъ, М. П. Митковъ, гр. А. А. Мордвиновъ, В. Михайловъ, Д. К. Морозъ, Е. Т. Морошкина, Н. Н. Мурзакевичъ, В. И. Мятлевъ, Е. С. Некрасова, Несвѣтаевъ, А. Н. Неустроевъ, А. Г. Новосѣловъ Ѳ. Д. Нордманъ, кн. Д. А. Оболенскій, С. Оболенскій, П. Огіевскій. Ю. А. Озмобишинъ, П. О. Омельяненко, о. С. И. Опатовичъ, Ѳ. К. Опочининъ, В. Б. Орловъ, П. А. Орловъ, И. Т. Осининъ, Л. Н. Павлищевъ, И. Павловскій, А. А. Павловъ, Гр. К. И. Паленъ, А. В. Пальчиковъ, Панаѳидинъ, Н. И. Панковъ, П. Д. Паренцовъ, Г. Г. Перетцъ, Т. П. Пассекъ, А. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, М. П. Погодинъ, Е. И. Подтягинъ, А. А. Плансонъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Поповъ. А. Л. Потаповъ, А. Преображенскій, М. С. Прокудинъ-Горскій, И. А. Пузыревскій, А. Г. Пупаревъ, А. П. Пятковскій, М. М. Рангъ, Н. В. Реутскій, М. М. Розенгеймъ, А. В. Рачинскій, бар. А. Е. Розенъ, Д. А. Рокотовъ, П. Рословъ, Г. К. Рѣпинскій, Рябининъ, П. И. Савваитовъ, А. А. Саворскій, акад. И. И. Свѣзевъ, Н. Н. Семеонтовъ, К. С. Сербиновичъ, бар. М. Н. Сердобинъ, Д. И. Скобелевъ, Р. Сорокинъ, Т. А. Сосновскій, Н. И. Стародубскій, Н. П. Степановъ, П. А. Степановъ, А. Д. Столыпинъ, В. Я. Стоюнинъ, А. И. Стригоцкій, Н. С. Стромиловъ, Д. Смышляевъ, А. В. Старчевскій, В. А. Степановъ, кн. А. А. Суворовъ-Рымникскій, А. И. Сухозанетъ, Д. П. Сушковъ, К. Н. Тихонравовъ, проф. Н. С. Тихонравовъ, гр. Ѳ. П. Толстой, Ѳ. М. Толстой, Ю. В. Толстой, Л. Н. Трефолевъ, А. Труворовъ, С. И. Турбинъ, кн. Н. Н. Туркестановъ, А. Ф. Ушаковъ, А. И. Фелькнеръ, Т. И. Филиповъ, О. Е. Франкъ, Флиге, И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ, А. В. Фрейгангъ, Б. М. Федоровъ, П. В. Хавскій, М. Д. Хмыровъ, Е. А. Харитоновъ, А. М. Цвиленевъ, графини Цухато, гр. Э. К. Чапскій, А. П. Чеботаревъ, С. И. Черепановъ, Г. С. Чириковъ, И. А. Чистовичъ, П. В. Шейнъ, А. В. Шереметевъ, Л. И. Шестакова, Г. И. Ширяевъ, А. Д. Шишковъ, С. Н. Шубинскій, П. К. Щебальскій, Н. Н. Щукинъ, П. И. Юркевичъ, С- М. Якимахъ, В. А. Яковлевъ, С. А. Яковлевъ, Е. И. Якушкинъ, Т. Д. Яновичъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

Въ числѣ лицъ, сообщившихъ намъ матеріалы, мы считаемъ долгомъ съ величайшею признательностью вспомнить о покойныхъ: А. Н. Аѳанасьевѣ, М. А. Бестужевѣ, Н. В. Веригинѣ, А. Ѳ. Гильфердингѣ, В. И. Далѣ, П. П. Ламбинѣ, о. М. Я. Морошкинѣ, Ѳ. Н. Муратовѣ, С. Н. Палаузовѣ А. И. Рыковѣ, И. И. Сосницкомъ, В. И. Фелькнерѣ, П. А. Мухановѣ, В. Ѳ. Ратчѣ, П. П. Пекарскомъ, Бар. В. И. Штейнгейлѣ — сообщенные ими матеріалы находятся также въ распоряженіи «Русской Старины».

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ

ВЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“

1872 г.

А.

А....., полковникъ и флиг.-адъютантъ 1827 г., т. VI, 316.

Абакумовъ, сенаторъ, ген.-интендантъ 1831 г., т. VI, 311.

Аббасъ-Мирза, персидскій наслѣдный принцъ 1828 г. Письма его къ кн. Паскевичу, т. V, 720—721. Письма по поводу умерщвленія русскаго посольства въ Тегеранѣ 1829 г.: 1) къ императору Николаю, т. VI, 185—186; 2) къ графу Нессельроде, т. VI, 186—187; 3) къ гр. Паскевичу, т. VI, 187—188, Упом. т. V, 714—717, 719, 724, 725; т. VI, 40—42, 44, 46, 165, 167, 171, 172, 181, 189, 192, 194, 195, 198, 199, 207, 250, 260, 276, 291, 333, 386, 481, 530.

Абди-паша, 1713 г., т. V, 928.

Абди-паша, предводитель турецкихъ войскъ 1853 г., т. V, 432.

Абхазовъ, кн., ген.-маіоръ 1829 г., т. VI, 191, 268, 270, 271.

Августинъ, архіепископъ московскій 1817 г. Отношенія его къ А. Л. Витбергу, т. V, 180, 181, 186, 519, 522, 523, 527, 560. Упом. т. VI, 287.

Августъ, король польскій, т. V, 922, 923.

Аврамовъ, Мих. Петр., первый директоръ Петербургской типографіи, т. VI, 692.

Ага-Мамедъ-ханъ, совершившій нашествіе на Тифлисъ, 1795 г., т. VI, 186.

Ага-Миръ-Феттъ, высшее духовное лицо въ Персіи (муджтехидъ) 1829 г., т. VI, 189.

Агафія Семеновна, рожд. Грушецкая, первая супруга царя Ѳедора Алексѣевича, † 1681 г., т. VI, 693.

Агильвій, ген.-фельдмаршалъ 1704 г., т. V, 793.

Ададуровъ, Вас. Евдокимов., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и кураторъ москов. университета, р. 1709 † 1780 г., т. V, 958, т. VI, 693.

Аделунгъ, протоколистъ при русскомъ посольствѣ въ Персіи, уб. 1829 г., т. VI, 169.

Адлербергъ, графъ, полковникъ 1864 г., т. VI, 472.

Адлербергъ, гр. Влад. Ѳед., ген. отъ инфант., ген.-адъютантъ, министръ императорскаго двора, т. V, 637; т. VI, 258.

Адлербергъ, гр. Юлія Ѳед., статсъ-дама, начальница Смольнаго монастыря, р. 1760 † 1839 г., т. V, 773.

Адріанъ, послѣдній москов. патріархъ † 1701 г., т. V, 850, 881.

Аплечѣевъ, генералъ-маіоръ 1824 г., т. VI, 516.

Аксаковъ, Серг. Тимоф., писатель, т. V, 42.

Аксаковы, литераторы, т. V, 122; т. VI, 454.

Алартъ, генералъ, дивизіонный командиръ 1709 г., т. V, 794.

Албычевъ, епифанскій уѣздный предводитель дворянства 1827 г., т. VI, 656, 657, 663.

Александра Павловна, великая княжна. Разсказы о предполагавшемся замужествѣ ея съ Густавомъ Адольфомъ, т. V, 461—462.

Александровъ, членъ управы благочинія, бывшій с.-петерб. уѣздный судья, 1841 г., т. V, 319.

Александровъ, Сергѣй, астраханскій уроженецъ, т. V, 724, 725.

Александръ Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ, т. VI, 691.

Александръ Николаевичъ, императоръ, т. V, 320, 534.

Александръ Павловичъ, императоръ. Коронованіе его, т. VI, 676. Распоряженіе на счетъ ген.-маіора Измайлова 1802 г., т. VI, 649. Призваніе имъ Буксгевдена изъ Германіи 1802 г., т. V, 286. Возвращеніе свободы А. Н. Радищеву, т. VI, 380. Повелѣнія объ обращеніи съ крестьянами и солдатами 1802—1804 гг., т. VI, 281—284. Рѣчь въ первомъ засѣданіи государственнаго совѣта 1810 г., т. V, 472—474. Письмо Наполеона изъ Москвы 1812 г., т. VI, 615—616. По поводу храма, воздвигнутаго имъ въ честь Христа Спасителя 1812 г., т. V, 19, 20, 25. Объясненіе Витбергомъ проекта строенія храма, т. V, 173—177; 183—185. Отношенія къ Витбергу, т. V, 522 — 526. Мнѣніе объ Ермоловѣ, т. VI, 360. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 478. Донесенія Ермолова 1812 и 1820 гг., т. VI, 493—498. Отношенія къ М. А. Нарышкиной и ея брату, т. V, 630—631. Отношенія къ императору цесаревича Константина Павловича, т. V, 681—682. Окончательное присоединеніе Польши 1815 г., т. VI, 3. Новыя учрежденія въ пріобрѣтенномъ краѣ, т. VI, 3, 4, 8. Дѣйствія относительно поляковъ, т. VI, 9. Переѣздъ съ дворомъ въ Москву 1817 г., т. VI, 644. Пребываніе въ Орловской и Костромской губ. и посѣщеніе Патерсоновъ 1823 г., т. VI, 144—148. Путешествіе внутрь Россіи 1824 г., т. V, 355 — 378. Пребываніе въ Пензѣ, 356. Осмотръ симбирскаго деревяннаго замка, 357. Посѣщеніе Ставрополя и Оренбурга, 358—360. Путешествіе по Уралу, 361. Осмотръ Златоустовскаго завода, 362—364. Нерасположеніе къ Колтовской, 364, 365. Пребываніе въ Екатеринбургѣ и осмотръ екатеринбургскихъ фабрикъ и заводовъ, 365 — 372. Поѣздка въ Варшаву 1825 г., т. V, 379. Смотръ войскамъ въ Варшавѣ, т. V, 382. Пребываніе въ Калишѣ, т. V, 383. Рѣчь по случаю закрытія варшавскаго сейма, т. V, 384—385. Выѣздъ изъ Варшавы, т. V, 385. Обратное путешествіе, т. V, 385—388. Политика въ послѣдніе годы царствованія, т. VI, 482. Послѣднее путешествіе на югъ Россіи 1825 г., т. VI, 100. Прибытіе въ Таганрогъ, т. VI, 104. Поѣздка въ Новочеркаскъ и Аксай, т. VI, 105—106. Присутствіе на рыбной ловлѣ въ Ростовѣ, т. VI, 107. Жизнь въ Таганрогѣ и заботливое вниманіе къ императрицѣ, т. VI, 108—109. Путешествіе по Крыму, т. VI, 110—120. Возвращеніе въ Таганрогъ и начало болѣзни, т. VI, 121. Ходъ болѣзни, т. VI, 122—124. Пріобщеніе св. Таинъ, т. VI, 125—126. Послѣднія минуты, т. VI, 127. Кончина, т. VI, 128. Слѣдованіе тѣла изъ Таганрога въ Петербургъ, т. VI, 129—136. Встрѣча его въ Царскомъ Селѣ, т. VI, 137. Прощаніе императорской фамиліи, т. VI, 138 — 139. Погребеніе, т. VI, 140 — 141. Исторія болѣзни и послѣднихъ минутъ жизни, т. VI, 149—162. Разсказы изъ его царствованія, т. VI, 285 — 290. Упом. т. V, 36, 149, 235, 241, 242, 247, 249, 251, 255, 342, 398, 466, 472, 580, 624, 636, 680, 777, 780, 782; т. VI, 298, 314, 355, 358, 391, 393, 433, 475, 476, 487, 492, 514, 602, 608, 617, 653, 674, 677, 681.

Александръ (Ягеллонъ), вел. кн. литовскій, потомъ король польскій, съ 1501 г.

† 1506. Отношенія его къ кн. М. Л. Глинскому, т. V, 271.

Алексѣевъ, с.-петербургскій губернаторъ 1797 г., т. V, 237.

Алексѣевъ, Ив. Антон., поручикъ и консулъ въ Бордо при Петрѣ Великомъ, т. VI, 561.

Алексѣй, митроп. кіевскій, т. VI, 693.

Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 1629 † 1676 г., т. V, 182, 572, 624, 930, т. VI, 686, 692.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра Великаго, р. 1690 † 1718 г., т. VI, 688, 693.

Али-паша, турецкій визирь, 1711 г., т. V, 935.

Али-шахъ (Зилли-султанъ), губернаторъ Тегерана 1828 г., т. VI, 165, 168, 170, 171, 177, 179, 183, 184, 189.

Аллахъ-Кули-ханъ, персидскій сановникъ 1828 г., т. VI, 165.

Аллахъ-Яръ-ханъ, одинъ изъ первостепенныхъ хановъ Юхари-баша 1828 г., т. VI, 167, 179, 181, 189, 199.

Аллеманъ, профессоръ, т. V, 604.

Алленовъ, уѣздный учитель 1829 г., т. VI, 447.

Альбрехтъ, офицеръ 1811 г., т. V, 266, 267, 692.

Амалія-Фредерика, принцесса гессенъ-дармштадская, т. V, 247.

Амбургеръ, Н. С. Назначеніе его генеральнымъ консуломъ въ Персію 1828 г. т. VI, 163. Донесенія его гр. Паскевичу: 1) по дѣлу объ умерщвленіи русскаго посольства 1829 г., т. VI, 170—171, 195, 204; 2) о препровожденіи тѣла Грибоѣдова въ Тифлисъ, т. VI, 200 — 202. Уп. т. V, 708, 709; т. VI, 172—174, 184, 187, 188, 194, 207.

Амвросій (Подобѣдовъ), въ мірѣ Андрей, архіепископъ казанскій, р. 1742 † 1818 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 247.

Амвросій (Орнатскій), пензенскій епископъ 1819 — 1825 гг., род. 1778 г. Разсказы о немъ, т. VI, 480—481.

Амвросій, митрополитъ новгородскій. Распоряженіе его о книгахъ для духовнаго юношества 1817 г., т. VI, 582. Улом. т. VI, 687.

Аминони, художникъ, т. V, 959.

Ананьинъ, Михаилъ, сержантъ 1712 г. т. V, 923.

Ананьинъ, мануфактуръ-совѣтн. 1855 г., т. V, 453.

Анастасевичъ, Вас. Григ., т. VI, 693.

Андреева, Тат. Борис., т. VI, 231, 237, 241.

Андреевъ, полков. командиръ 1827 г., т. VI, 263, 274, 279.

Андреевъ, капитанъ, при Петрѣ I, т. V, 907.

Андреевъ, поручикъ, боровичскій помѣщикъ 1834 г., т. VI, 231.

Андреевъ, В. Замѣтки его къ документамъ, относящимся къ сподвижникамъ Петра Великаго, т. V, 903—904.

Андреевъ, Ефимъ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Андреевъ, Игнатій Ив., крестьянинъ, т. V, 498.

Андреевъ, Никита, камердинеръ, т. VI, 640.

Андреяновъ, Григорій, управляющій. Поступокъ съ нимъ его владѣльца Яковлева, т. VI, 624.

Андроникиновъ, кн. Ив. Михазѣевичъ, бывшій тифлисскій губернаторъ, потомъ генералъ-лейтенантъ, т. V, 444.

Анжу, адмиралъ. Дружба его съ бар. Врангелемъ, т. V, 391—393. Поѣздка его для изслѣдованія Восточной Сибири 1820 г., т. V, 396.

Аникиновъ, камерд. Александра I, т. VI, 123, 155.

Аничковъ, маіоръ 1715 г., т. V, 886.

Анна Іоанновна, императрица, т. V, 147, 245, 239, 798, 799; т. VI, 563, 566, 574. 687, 693.

Анна Леопольдовна, принцесса брауншвейгъ-люнебургская, правительница Россійской имперіи, р. 1718 † 1746 г., т. V, 799, 800.

Анна Петровна, цесаревна, дочь Петра Великаго, р. 1708 † 1728 г., т. V, 801. т. VI, 693.

Анненковъ, П. В., издатель сочиненій Пушкина, т. V, 616; т. VI, 296.

Анрепъ, Іосифъ Романов., полковникъ, впослѣд. гр. Анрепъ-Эльмптъ, генер.-лейт. и ген.-адъютантъ, † 1860 г. Замѣтки

о немъ Д. В. Давыдова, т. VI, 368, 369. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 330, 332, 370, 371, 380, 381.

Анрепъ, Романъ Карловъ. (Генрихъ-Рейнгольдъ), генер.-лейт., р. 1759 † 1807 г., т. VI, 369.

Антолини, капельмейстеръ 1816 г., т. VI, 299.

Анфимова, домовладѣлица, т. V, 617.

Апачининъ, Данила Ив., т. V, 801.

Апраксинъ, гр. Петръ Матв., боярин. и дѣйств. тайн. сов., р. 1659 † 1728 г., т. V, 914, 927, 928.

Апраксинъ, гр. Петръ Ѳед., ген.-лейт., † 1813 г., т. V, 466.

Апраксинъ, Степ. Ѳед., фельдмаршалъ, р. 1702 † 1760 г., т. VI, 687, 693.

Апраксинъ, гр. Ѳед. Матв., ген.-адмиралъ, р. 1661 † 1728 г., т. V, 794 — 798, 877, 882, 883, 888, 927. т. VI, 670, 693.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андр., воен. министръ, † 1834 г. Сатира на него Рылѣева, т. V, 279, 280, 282. Мнѣніе его о Сперанскомъ, т. V, 470. Разсказы о немъ священника Ильинскаго и А. С. Нартова, т. V, 471—472. Убіеніе домоправительницы его Настасьи Шумской, т. VI, 121. Участіе къ нему Александра I, т. VI, 122. Горесть о кончинѣ императора, т. VI, 136. Воспоминанія доктора Европеуса, т. VI, 225 — 241. Письма къ Европеусу, т. VI, 241—242. Письмо баронета Вилліе къ графу, т. VI, 242. Акростихъ на него, т. VI, 241. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 478, 480, 481, 488. Письмо отъ Ермолова, т. VI, 496—497. Разсказы о немъ, т. VI, 589 — 591. Пѣсни, сочиненныя на него, т. VI, 591 — 596. Упом., т. V, 179, 182, 183, 238, 241, 530, 531, 549, 550, 578, 579, 695, 776; т. VI, 137, 258, 547, 549. 617, 618.

Артамановъ, Мих. Ѳед., кураторъ моск. университета, т. VI, 574.

Аргутинскій-Долгоруковъ, кн. Моисей Захар., ген.-лейт. (вносл. ген.-адъют.), командующій войсками въ южномъ Дагестанѣ 1846 г., † 1855 г., т. V, 435—438, 440; т. VI, 201.

Арескинъ, докторъ, 1715 г., т. V, 884.

Аршиверъ, франц. художникъ, которому приписывается работа полтавскаго портрета Петра Великаго, т. V, 959 — 961.

Аристовъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. VI, 75.

Аристовъ, полковн. 1827 г., т. VI, 274.

Армфельдъ, т. V, 695.

Армольди, артиллеристъ, т. VI, 315.

Арсеньева, Анна Александр., рожд. кн. Хованская, т. V, 250.

Арсеньева, Варв. Мих., т. V, 801.

Арсеньевъ, директоръ орловскихъ училищъ 1829 г. Курьезный рапортъ къ нему смотрителя сѣвскихъ училищъ, т. VI, 446—447.

Арсеньевъ, Александръ Александр., гвард. офиц., впослѣдствіи сенаторъ, род. 1756 † 1844 г., т. V, 249.

Арсеньевъ, Ив. Мих., ст. сов., алексинскій помѣщикъ, род. 1726 † 1799 г., т. V, 249.

Арсеньевъ, Конст. Иван., тайн. сов., извѣстный статистикъ, т. VI, 686. 693.

Арсеньевъ, Михаилъ, рядовой 1711 г., т. V, 941.

Арсеньевъ, Ник. Ив., прокуроръ воен. коллегіи, вносл. дѣйств. ст. сов. и курляндскій губернаторъ, р. 1760 † 1830 г. Высочайшее повелѣніе о заключеніи его въ крѣпость 1799 г., т. V, 249.

Артамонова, Вѣра, няня, т. VI, 612, 614, 639, 643.

Артелѣевъ, Иванъ, оберъ-секретарь сената при Екатеринѣ II, т. V, 958.

Артемьева, Елисавета, въ замужествѣ Витбергъ, т. V, 555, 556, 568, 569, 570.

Артемьевъ, титул. сов., т. V, 552 — 557, 559, 568 — 570.

Артемьевъ, т. V, 555.

Артемьевъ, Вас., бригадиръ 1809 г. Отношенія его къ А. Л. Витбергу, т. V, 18, 19.

Артемьевъ, Нефедъ, цѣловальникъ, 1711 г., т. V, 940.

Архаровъ, Ив. Петр., ген. отъ инфант., моск. воен. губернат., † 1815 г. Разсказъ его объ императ. Павлѣ, т. VI, 91.

Архаровъ, Ник. Петр., ген.-аншефъ, моск. об.-полиціймейстеръ, потомъ тверской ген.-губернаторъ, р. 1742 † 1814 г. Разсказы его объ императрицѣ Екате-

ринѣ II, т. V, 143, 144, 146, 147, 461, 671. Разсказы о немъ, т. V, 768. Упом., т. V, 140; т. VI, 93.

Арцруни, генералъ, т. VI, 190, 191.

Арцруни, полковникъ 1855 г., нынѣ ген.-маіоръ въ отставкѣ, т. V, 451.

Арцыбашевъ, т. V, 339.

Архивъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову 1702 г., т. V, 905.

Аѳраасіабъ, царь туранскій, т. VI, 166.

Ахенбахъ, 1715 г., т. V, 883.

Ахмедъ-паша, аджарскій паша 1828 г., т. V, 432.

Ахметъ III, султанъ, т. VI, 702.

Аѳанасьевъ, Александръ Ник., литераторъ, р. 1826 † 1871 г. Некрологъ его, т. V, 787 — 790.

Б.

Баадеръ, германскій философъ, т. V, 665.

Бабкинъ, Дан., камеръ-гофъ-фурьеръ, т. VI, 158.

Бабковъ, генералъ 1825 г., т. VI, 130.

Багратіонъ, кн. Петръ Иван., генер. отъ инфантеріи, р. 1756 † 1812 г. Отношенія его къ Д. В. Давыдову, т. V, 631—632. Краткая характеристика его, т. VI, 358. Упом. т. V, 261, 630, 656; т. VI, 355, 478, 496, 674.

Баженовъ, Вас. Иван., академикъ, впослѣдствіи вице-президентъ академіи художествъ, р. 1737 † 1799 г. Гнѣвъ на него имп. Екатерины II и покровительство в. кн. Павла Петровича, т. V, 141.

Базилевскій, А. И., камеръ-юнкеръ 1870 г. Поднесеніе имъ государю рыцарскаго вооруженія, принадлежавшаго Лжедмитрію, т. V, 331, 334.

Байковъ, Аполлонъ, т. VI, 693.

Байковъ, Илья Иван., кучеръ императора Александра Павловича, ум. ок. 1830 г. Преданность его государю, т. VI, 135. Упом. т. V, 550; т. VI, 102, 103, 157.

Байронъ, поэтъ, т. V, 730; т. VI, 702.

Байрай, слуга, т. VI, 640.

Бакановъ, Кирилла, курьеръ 1711 г., т. VI, 668.

Баклановъ, Як. Петр., ген.-лейт., р. 1809 г. Ссылки на его записки, т. V, 454 т. VI, 379.

Бакунинъ, Петръ Вас., тайн. сов., членъ коллегіи иностр. дѣлъ, при Екатеринѣ II. Замѣтка о немъ, т. V, 219. Упом. т. V, 222, 227.

Балашовъ, Александ. Дмитр., рязанскій генер.-губернаторъ, членъ госуд. сов. и министръ полиціи, † 1837 г. Пререканія его съ губернаторомъ Шредеромъ, т. VI, 145. Упом. т. V, 695, 697.

Балкъ, адмиралъ. Ордеръ его кап.-лейтенанту де-Ливрону 1802 г., т. V, 773.

Балкъ, Матрена Ив., въ замуж. Салтыкова, фрейлина императр. Елизаветы Петровны, † 1813 г., т. V, 803.

Балкъ, Ѳедоръ. Письмо его къ гр. Б. П. Шереметеву, 1712 г., т. V, 923—924.

Бальзакъ, франц. писатель, т. V, 730.

Банниковъ, А. И., учитель русскаго языка, т. V, 638.

Бантышъ-Каменскій, Дмитр. Никол., тайн. сов., составитель «Словаря достопамятныхъ людей русской земли», р. 1788 г. Разсказъ его о В. И. Левашевѣ и Н. Н. Бантышѣ-Каменскомъ, т. VI, 676. Упом. т. V, 215, 221, 623.

Бантышъ-Каменскій, Никол. Никол., дѣйств. ст. сов., управлявш. архивомъ коллегіи иностр. дѣлъ 1799 г., р. 1737 † 1814 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 676.

Банъ, ген.-маіоръ 1707 г., т. V, 840.

Баранова, Акулина, дворовая дѣвушка, т. VI, 653.

Барановъ, П. И. Сообщ. распоряженіе Петра I о вознагражденіи за археолог. находки 1718 г., т. VI, 474. Поправка, т. VI, 606. Письма царицы Прасковьи къ брату В. Ѳ. Салтыкову, т. VI, 563—566. Письма царевенъ Екатерины и Прасковьи Іоанновныхъ къ Салтыкову 1723 г., т. VI, 566—567.

Барантъ. Письмо Лермонтова по поводу дуэли съ нимъ, т. V, 295.

Барбé, домовладѣлецъ, т. V, 310, 319.

Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богд., ген.-фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г. Характеристика его, т. VI, 358. Упом. т. V, 268, 689, 788; т. VI, 478.

Барсовъ, литераторъ, т. VI, 462.

Барсуковъ, Н. П. Сообщ. письмо Н. П. Липранди къ брату Ивану, 1854 г., т. V, 662—683. Стихотвореніе М. А. Максимовича, т. VI, 224. О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева, т. VI, 573 — 581.

Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, т. V, 463.

Бартоломей, полковникъ 1826 г., т. V, 719.

Барятинскій, кн. Александръ Ив., ген.-лейт., ген.-адъютантъ, намѣстникъ кавказскій, р. 1814 г., т. VI, 273.

Барятинскій, кн. Ив. Ив., тайн. сов., посланникъ въ Мюнхенѣ, извѣстный агрономъ, т. V, 770.

Барятинскій, кн. Ив. Серг., посланникъ въ Парижѣ 1777 г., потомъ ген.-поручикъ, р. 1738 † 1811 г., т. V, 614; т. VI, 415.

Барятинскій, кн. Ѳед. Серг., об.-гофмаршалъ, р. 1742 † 1814 г. Разсказъ его о депутаціи отъ Новгородской губерніи въ 1776 г., т. V, 134. О поступкѣ Г. Н. Теплова, т. V, 135. О сожалѣніи импер. Екатерины II о кн. Долгорукомъ-Крымскомъ, т. V, 138—139. О посѣщеніи императрицею Полторацкихъ, т. V, 140. Упом. т. V, 459.

Батюшковъ, Конст. Никол., поэтъ, р. 1788 † 1854 г., т. V, 322.

Баумгартенъ, Карлъ Ив., костромской губернаторъ 1824 г., т. VI, 146.

Вауръ, ген.-лейт. 1707 г., т. V, 829, 834.

Вауръ, Ѳед. Вильимов., ген.-инженеръ. Порученіе ему провести въ Москвѣ водопроводъ изъ Громоваго источника, 1779 г., т. V, 136.

Ваханова, полковница, т. VI, 389.

Вахметева, Софья Львовна, рожд. Маслова, т. V, 253.

Вахметевъ, Алексѣй Никол., ген. отъ инфантеріи, впослѣд. генер.-губернаторъ нижегород., казан., пензен. и симбирскій и членъ госуд. совѣта, р. 1774 † 1841 г., т. VI, 644.

Вахметевъ, А. Н., адъютантъ гр. П. А. Толстаго въ 1825 г., т. V, 335.

Вахметевъ, Дмитрій Ефрем., полковн. 1704 г., т. V, 906, 910.

Вахметевъ, Никол. Иван., гв. капитанъ, т. V, 253.

Вахметевъ, Никол. Никол., ген.-лейт., † около 1830 г., т. V, 253; т. VI, 644.

Вахтеяровъ, Алексѣй, т. V, 942.

Вахтинъ, Ив. Ив., слободско-украинскій губернаторъ 1810 г., т. V, 83.

Вахтинъ, Никол. Ив., т. VI, 292, 450.

Вахтіоновъ, капитанъ 1715 г., т. V, 886.

Вачманова, адмиральша, т. VI, 158.

Вашмановъ, Александ. Дмитр., т. VI, 409, 606.

Вашмановъ, Аркадій Дмитр., т. VI, 606.

Вашмановъ, Дмитр. Евлампіев., полковникъ, потомъ дѣйств. стат. сов., т. VI, 409, 606.

Вашмановъ, Сергѣй Дмитр., т. VI, 606.

Ваюшевъ, кн. В. Сообщ. замѣтку объ актрисѣ Семеновой, т. VI, 606. Поправка замѣтки, т. VI, 699.

Вебутова, кн. Марія Соломоновна, т. V, 445.

Вебутовъ, кн. Вас. Осипов., ген. отъ инфант. и членъ госуд. совѣта, † 1858 г. Краткій очеркъ его служебной дѣятельности, т. V, 431 — 433. Письма къ нему А. П. Ермолова, 1846 — 1857 гг., т. V, 433—456. Упом. т. V, 684.

Вегичевъ, Никита, капитанъ 1715 г., т. V, 886.

Ведряга, Николай, ветеранъ 1812 г., т. V, 633.

Безбородко, кн. Александръ Андр., государственный канцлеръ, род. 1747 † 1799 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 243. Примѣръ необыкновенной памяти его, т. V, 677. Шутка его съ лейбъ-медикомъ Рожерсономъ, т. V, 771. Упом. т. V, 144, 219, 222, 227, 462, 465; т. VI, 406, 413, 420, 421, 424, 425.

Безбородко, Андр. Яковл., малорос. генеральн. писарь, т. V, 243.

Безбородко, Евд. Мих., рожд. Забѣла, ст.-дама 1797 г., т. V, 243.

Безбородко, кн. Илья Андр., генер.-лейт., потомъ дѣйств. тайн. сов., с.-петербургскій губернскій предводитель дво-

рянства, основатель Нѣжинскаго лицея, р. 1756 † 1815 г., т. V, 243.

Безобразовъ, Петръ, вахмистръ 1711 г., т. V, 935.

Безумнадинковъ, Я. П. Сообщ. разсказы и пѣсни о гр. Аракчеевѣ, т. VI, 589—594.

Бекетовъ, т. VI, 606.

Бекетовъ, Дмитр. Алексѣев., участникъ въ войнѣ 1812 г., т. V, 638.

Бекетовъ, Плат. Петр., содержатель типографіи, т. VI, 581.

Бекленищевъ, вице-президентъ коммерцъ-коллегіи 1770-хъ гг., т. VI, 577.

Бемонъ, ученый, т. V, 37.

Бекъ, Христ. Анд., тайн. сов., управлявшій 1 и 2 экспедиціями министерства иностр. дѣлъ въ 1830-хъ гг., т, VI, 682.

Белле, генералъ-лейтенантъ 1799 г., т. V, 684.

Бенедиктовъ, Влад. Григ., поэтъ, т. V, 154.

Бенкендорфъ, гр. Александръ Христофор., ген. отъ кавалеріи, генер.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта и шефъ корпуса жандармовъ, р. 1783 † 1844 г., т. V, 295.

Бенкендорфъ 2-й, Конст. Христофор., ген.-лейт., ген.-адъютантъ, † 1828 г. Копіи съ предписаній, данныхъ ему Ермоловымъ 1827 г., т. VI, 273 — 278. Упом. т. V, 267, 706; т. VI, 48, 53, 258, 260, 261, 263, 269, 272, 278, 279.

Беннигсенъ, гр. Леонтій Леонтьев., (Людвигъ-Августъ), генер. отъ кавалеріи, главнокоманд. арміями 1807 и 1813 гг., † 1826 г. Краткая характеристика его, т. VI, 357—358. Упом. т. V, 268, 649, 651, 652, 783; т. VI, 355.

Бентамъ, англійскій политико-экономистъ. Отношенія его къ гр. Н. С. Мордвинову и вліяніе его на графа, т. V, 37, 39, 40.

Березинъ, Алексѣй, подъячій 1711 г., т. V, 939, 940, 941.

Бергъ, капитанъ, ротн. командиръ 1826 г., т. V, 713.

Бергъ, Н. В. Эпиграмма на него Щербины, т. V, 150. Сообщ. о дополненіяхъ къ „Майору" Ѳедотова, т. VI, 208. Замѣтку объ академикѣ Витбергѣ, т. VI, 222—223. Воспоминанія о Н. В. Гоголѣ, т. V, 118—128. Упом. т. V, 283.

Берже, Ад. П. Сообщ. письма А. П. Ермолова къ кн. В. О. Бебутову, 1846—1857 гг., т. V, 431—456. Подробное описаніе трагической смерти А. С. Грибоѣдова, т. VI, 163—207. Упом. т. VI, 484.

Берлинскій, придворн. регентъ 1824 г., т. V, 374, 375.

Бернадотъ, французъ. маршалъ, впослѣд. шведскій король Карлъ XIV, т. VI, 626.

Бертье, франц. маршалъ, т. VI, 314, 616.

Верхгольцъ. Ссылка на его Дневникъ, т. V, 879. Упом. т. VI, 689.

Веръ, академикъ, т. V, 410.

Вестужевъ, костром. помѣщ. 1824 г., т. VI, 148.

Вестужевъ, 1715 г., т. V, 883, 911.

Вестужевъ, 1791 г., т. VI, 424, 425.

Вестужевъ, Александръ Александр., (псевдонимъ Марлинскій), писатель, декабристъ, р. 1797 г., уб. на Кавказѣ 1837 г., Свидѣтельство его объ Ермоловѣ, т. VI, 490. Упом. т. V, 424—426; т. VI, 488, 490, 606.

Вестужевъ, Михаилъ Петр., 1715 г., т. V, 884, 938.

Вестужевъ, Петръ, ген.-кригсъ-цалмейстеръ 1711 г., т. V, 938.

Вестужевъ-Рюминъ, К. Н., историкъ. Свидѣтельство его о томъ, какое вліяніе имѣла на А. Ѳ. Гильфердинга московскій кругъ славяноф. и отзывъ о нрав. качествахъ Гильферд., т. VI, 454, 465, 467.

Ветанкуръ-де, Огюстенъ, генер.-инженеръ, управл. публичн. сооруженіями и путями сообщеній 1816 г., т. V, 178.

Ветховенъ, композиторъ, т. V, 426.

Вехтѣевъ, членъ «сумазброднѣйшаго собора», Петра I, т. V, 848.

Вецкій, Ив. Иван., дѣйств. тайн. сов. и камергеръ, р. 1704 † 1795 г. Разсказъ о немъ, т. V, 459. Упом. т. V, 38, 467, 679.

Вибикова, Анаст. Степ., рожд. кн. Козловская, т. V, 769.

Бибикова, Екат. Александровна, т. V, 266, 689.

Бибикова, Софья Гавриł., фрейлина 1813 г., т. V, 689, 690.

Бибиковъ, Александръ Ильичъ, подполковн. измайлов. полка, р. 1729 † 1774 г., т. V, 769.

Бибиковъ, Алексѣй, 1715 г., т. V, 886.

Бибиковъ, Гавр. Ильичъ, полковникъ 1777 г., т. V, 615.

Бибиковъ, Дмитрій Гавр., ген.-адъютантъ, т. V, 658.

Бибиковъ, Пав. Гавр., генер.-маіоръ, † 1812 г., т. V, 266, 657, 658.

Биллингсъ, капитанъ, т. V, 397.

Бильбасовъ, т. V, 865.

Биронъ, Іоганнъ-Эрнестъ, герцогъ Курляндскій, потомъ регентъ и правитель Россіи, р. 1690 † 1772 г., т. V, 894.

Блакьеннагель, инжен. ген.-маіоръ, первый свекло-сахарный заводчикъ въ Россіи, т. V, 83.

Блекный, полковникъ. Тяжба его съ князь-папою Зотовымъ, т. V, 850—851.

Блеверъ (Плеерь), австр. резидентъ въ Петербургѣ, 1715 г., т. V, 883, 888.

Блюментростъ, 1715 г., т. V, 884.

Бнихерь, (Gebhart), князь Вальштадскій, прусскій фельдмаршалъ, р. 1742 † 1819 г. Разсказъ объ отношеніяхъ къ нему гр. Платова, т. VI, 677.

Боборыкинъ, Петръ Ив., ген.-лейт., команд. л.-гв. коннаго полка 1788 г. Отношенія къ нему Екатерины II, т. V, 143—144.

Бова, Евдокія Семен., рожд. Гурьева, вдова кн. Трубецкая, т. V, 577.

Бова (Iosephus Iohannes Baptista Carolus Bova), Іосифъ Иван., архитекторъ, р. 1784 † 1834 г. Отзывъ о немъ Витберга, т. V, 529. Замѣтка о немъ, т. V, 577—578. Уп. т. V, 174.

Богдановичъ, Сообщ. М. И. Замѣтку Н. М. Орлова по поводу фактовъ, изложенныхъ имъ въ «Исторіи царствованія Александра I» и касающихся выхода М. Ѳ. Орлова изъ членовъ тайнаго общества, т. V, 775—781. Упом. т. V, 36, 472, 230.

Богдановъ, кондукторъ, т. VI, 550, 551.

Богословскій, Іоаннъ, священникъ, т. VI, 694.

Богоявленскій, лекарь, убитый военными поселянами 1831 г., т. VI, 554.

Богоявленскій, Мих. Максимов., директоръ С.-Петербургскаго инженернаго училища. Сообщ. отрывки и варьянты поэмы «Мертвыя души», т. V, 88—117.

Бокумъ, маіоръ, наставникъ молодыхъ людей, отправленныхъ въ Лейпцигъ для изученія правовѣдѣнія 1765 г., т. VI, 575.

Бокъ, Ив. Самойлов., инспекторъ театральнаго училища, 1822 г., т. V, 423. 425.

Болотовъ, Андр. Тимоѳ. Ссылки на его записки, т. V, 772; т. VI, 407.

Болховитиновъ, Евгеній, митрополитъ, т. V, 481; т. VI, 406.

Болховскій, маіоръ, 1704 г., т. V, 910.

Бонневаль, графъ, т. V, 619.

Бордановскій, черниговскій священникъ 1762 г., т. VI, 568.

Борзовъ, чиновникъ 1792 г., т. V, 146.

Бороздинъ, Андр. Мих., генер.-лейт. 1813 г., впослѣд. таврическій губернаторъ и сенаторъ, р. 1765 † 1838 г., т. V, 682, 694—696.

Ворхъ, графиня, рожд. гр. Лаваль. † 1871 г., т. VI, 682.

Ворхъ, гр. Анна Петр., рожд. Богомолецъ, т. V, 253.

Ворхъ, гр. Іоаннъ-Андрей, великій коронный канцлеръ и воевода лифляндскій, † 1780 г., т. V, 253.

Ворхъ, гр. Луиза, рожд. Зибергъ, т. V, 253.

Ворхъ, гр. Осипъ Ив. (Іосифъ-Генрихъ), стат. сов., предводит. дворянства Витебской губ., р. 1753 † 1835 г. Высочайшее повелѣніе о заключеніи его въ Шлиссельбургскую крѣпость, 1799 г., т. V, 252.

Ворчуговъ, ген.-маіоръ, шефъ гусарскаго Ахтырскаго полка 1801 г. Ордеръ къ нему гр. Салтыкова, т. V, 681.

Вотвиновъ, греческій переводчикъ 1710 г., т. V, 932.

Воуръ, генер.-лейт. Повелѣніе къ нему отъ импер. Александра I объ обращеніи съ солдатами 1804 г., т. VI, 283—284.

Вонвезовъ, прапорщикъ 1827 г., т. VI, 655, 663.

Врайво, т. V, 617.

Брантъ, Христоферъ, 1704 г., т. V, 913, 914.

Брауншвейгскій, принцъ, т. V, 604.

Вредихинъ, капитанъ, 1715 г., т. V, 886.

Бремеръ, генер.-маіоръ 1831 г., т. VI, 370.

Бремна, архитекторъ около 1800 г., т. V, 251.

Бримморъ, генералъ 1854 г., т. V, 450.

Брисеніемъ-фонъ, гофъ-дама 1715 г., т. V, 887.

Бронникъ, смотритель и экономъ Смольнаго монастыря, т. V, 612.

Броневскій, Семенъ, авторъ сочин. «Новѣйшія Географич. и Историч. свѣдѣнія о Кавказѣ» 1823 г., т. VI, 513.

Бронниковскій, предсѣдатель якобинскаго клуба въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19.

Броунъ, кораб. мастеръ 1715 г., т. V, 885.

Броунъ-фонъ, Юрій Юрьев., генер.-маіоръ, впослѣдствіи рижскій ген.-губернаторъ. Отношенія къ нему великой княгини, потомъ императрицы Екатерины Алексѣевны, т. V, 129—130.

Брукенталь-фонъ, ген.-адъют. 1707 г., т. V, 819, 843.

Брызгаловъ, Кононъ, каптенармусъ 1704 г., т. V, 911.

Брыкинъ, помѣщикъ 1720 г., т. VI, 566.

Брюловъ, Карлъ Павл., художникъ, т. V, 25, 306, 308, 580; т. VI, 507.

Брюловъ, Пав. Ив., академикъ, т. V, 580.

Брюсъ, графиня, 1715 г., т. V, 887.

Брюсъ, гр. Праск. Александр., рожд. гр. Румянцева, р. 1729 † 1786 г. Разсказъ ея о полоцкомъ губернаторѣ Кречетниковѣ, т. V, 133. Упом. т. V, 769.

Брюсъ, Романъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову 1704 г., т. V, 908—912.

Брюсъ, Сара Ив., т. V, 798.

Брюсъ, гр. Яковъ Александров., ген.-аншефъ, главнокоманд. въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, † 1791 г., т. VI, 421, 576.

Брюсъ, гр. Яковъ Вилимов., генералъ-фельдмаршалъ, р. 1660 † 1735 г., т. V, 796, 883; т. VI, 667.

Брянчаниновъ, жандармскій подполковникъ 1831 г., т. V, 478.

Будберхъ, 1715 г., т. V, 884.

Будиловичъ, т. VI, 465.

Будневичъ, Дмитр. Мих., ген.-поруч., новгород. губернскій предводитель дворянства 1776 г., т. V, 134.

Буковскій, польскій генералъ 1831 г., т. VI, 389.

Бунсгевденъ, гр. Наталья Александр., рожд. Алексѣева, т. V, 236.

Бунсгевденъ, гр. Ѳед. Ѳед., генер. отъ инфант., с.-петерб. воен. губернаторъ, главнокомандующій арміею въ Финляндіи 1808 г., р. 1750 † 1811 г. Повелѣнія къ нему императ. Павла, 1797—1798 гг., т. V, 236—239. Упом. т. VI, 338.

Булгаковъ, В. П. Сообщ. свѣдѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16.

Булгаковъ, К. Я., завѣдывавшій почтовою частію въ Москвѣ 1816 г., т. V, 180, 531.

Булгаковъ, Як. Ив., дѣйств. тайн. сов., посланникъ въ Константинополѣ, р. 1743 † 1809 г. Отношенія къ нему кн. Н. В. Репнина, т. V, 767—768. Упом. т. V, 223, 224, 616, 617, 620.

Булгаринъ, Ѳад. Венед., писатель, р. 1789 † 1859 г. Письма къ нему Л. В. Дубельта и замѣтка объ отношеніяхъ его къ Н. А. Полевому, т. V, 299. Письмо его къ П. В. Хавскому по поводу смерти Гоголя, т. V, 481 – 482. Упом. т. V, 297, 419; т. VI, 606.

Булгарины, Б. Ѳ. и В. Ѳ. Сообщ. балладу гр. Растопчиной «Насильный бракъ», т. V, 297—299. Записку императора Николая Павловича къ бар. Вревскому 1854 г., т. VI, 605—606.

Буличъ. Н. Замѣтка его о гр. П. С. Потемкинѣ, т. V, 346.

Буланова, Галатея, 1723 г., т. V, 876.

Бунина, поэтесса, т. V, 688, 691, 692.

Бурдуковъ, Михаилъ, иркут. архіерей

1814—1830 гг. Отношенія его къ иркутскому губернатору, т. V, 683.

Вурмонъ, франц. министръ, т. VI, 321.

Вурцевъ, членъ «Союза Благоденствія» 1821 г., т. VI, 597, 601.

Вутковъ, В. П., государств. секретарь 1861 г., т. VI, 455.

Вутовичъ, полковникъ, убитый военными поселянами 1831 г., т. VI, 554.

Вутурлина, т. V, 887.

Вутурлина, NN. Петр., въ замуж. Клокачева, т. VI, 559.

Вутурлина, Аксинья Мих., рожд. Самарина, т. VI, 559.

Вутурлина, Анна Еремѣев., рожд. Пашкова, вдова гр. Зотова, т. V, 854, 859, 887,

Вутурлина, Ѳедосья Петр., въ замужс Хрущева, т. VI, 559.

Вутурлинъ, офицеръ 1827 г., т. VI, 264.

Вутурлинъ, гр. Александръ Борис. фельдмаршалъ, р. 1694 † 1767 г., т. V, 852, 880.

Вутурлинъ, Борисъ Ив., гвардіи капитанъ, † 1708 г., т. V, 854.

Вутурлинъ, Дмитрій Петр., дѣйств. тайн. совѣтн., членъ государств. совѣта, предсѣдатель секретнаго комитета 1848 г., р. 1790 † 1849 г., т. V, 784 — 786.

Вутурлинъ, Ив. Ив., генералъ-аншефъ р. 1661 † 1738 г., т. V, 796, 849, 852, 883.

Вутурлинъ, Никол. Иванов., маіоръ, р. 1692 † 1761 г., т. VI, 564.

Вутурлинъ, Петръ Васил., окольничій, † 1716 г., т. VI, 559.

Вутурлинъ, Петръ Иванов., боярин., † 1723 г. Отношенія къ нему Петра Великаго, т. V, 851 — 856. Избраніе его въ «князь-папы», 1717 г., т. V, 860—875. Его правленіе, т. V, 875—880. Упом. т. V, 859, 883, 887; т. VI, 559 — 560.

Вутурлинъ, Ѳедоръ, 1715 г., т. V, 884.

Вухгольцъ, адъютантъ при бар. Дибичѣ 1827 г., т. VI, 264.

Вухольцъ, Аврамъ, 1715 г., т. V, 886,

Вухъ, негоціантъ, серебрян. мастеръ 1796 г., т. V, 461.

Бычковъ, А. Ѳ., академикъ. Сообщ. философ. отрывки и афоризмы гр. М. М. Сперанскаго, т. V, 68 — 79; т. VI, 703.

Вѣгичевъ, Дмитр. Никит., тайн. сов. и сенаторъ, т. V, 625.

Вѣлеградъ. попѣщикъ, т. VI, 653.

Вѣлецкій, переводч. польскій 1710 г., т. V, 932.

Вѣлецкій, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. V, 74, 77, 81, 88.

Вѣлосельская, кн. Анна Мих., рожд. Наумова, т. V, 772.

Вѣлосельская-Вѣлозерская, княгиня Анна Григ., рожд. Козицкая, р. 1767 † 1846 г., т. V, 672.

Вѣлосельскій, кн. Анд. Мих., камергеръ, посланникъ въ Дрезденѣ, † 1779 г., т. V, 798.

Вѣлосельскій, кн. Мих. Андр., лейтенантъ 1743 г., потомъ вице-адмиралъ, р. 1702 † 1755 г., т. V, 798.

Вѣлосельскій-Вѣлозерскій, князь Александръ Михайловичъ, оберъ-шенкъ, р. 1752 † 1809 г. Разсказъ о назначеніи его посланникомъ въ Дрезденъ, т. V, 672. Упом. т. VI, 575, 682.

Вѣляковъ, т. VI, 606.

Вѣлявскій, ген.-лейтен. 1849 г., т. V, 440 — 442.

Вюлеръ, бар. Ѳед. Анд., гофмейстеръ. Замѣтки его по поводу напечатанной рѣчи императора Николая къ депутатамъ города Варшавы 1835 г., т. VI, 679—683.

Вьерништерна, издатель депешъ гр. Штединга швед. посла въ Петерб., т. V, 580.

В.

Валевскій, депутатъ отъ варшавскаго временнаго правительства въ Парижъ, 1831 г., т. VI, 23.

Валеріанъ, Егоръ Карпов., главный врачъ адмиралт. госпиталя, членъ медиц. совѣта, т. V, 612, 616.

Валеріанъ, Екат. Егоров., въ 1-мъ замуж. Делямаръ, во 2-мъ — Яковлева, т. V, 612.

Валеріанъ, Марія Иван., рожд. Хемницеръ, † 1819 г., т. V, 612.

Валуева, Екат. Петр., камеръ-фрейлина, р. 1774 † 1848 г. Пребываніе ея съ императ. Елизаветой Алексѣевной въ

Таганрогѣ 1825 г., т. VI, 102, 103, 104, 130.

Валуевъ, 1813 г., т. V, 694.

Валуевъ, Петръ Степ., оберъ-церемонимейстеръ при имп. Павлѣ I, потомъ дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и начальникъ москов. кремлевской экспедиціи и оружейной палаты, † 1814 г. Разсказы его объ императорѣ Павлѣ, т. VI, 89—90. Разсказъ о Наполеонѣ I и попѣ Пылаѣ 1812 г., т. VI, 267. Упом. т. VI, 91.

Вальвиль, актриса 1811 г., т. V, 261.

Ванъ-Галенъ, Донъ-Жуанъ, извѣстный испанскій генералъ, впослѣд. маіоръ русской службы. Донесенія Ермолова по поводу высылки его въ Австрію 1820 г., т. VI, 497—499.

Ванъ-Дикъ, живописецъ, т. V, 604.

Варасскинъ, Степанъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 914.

Варваринъ, домовладѣлецъ, т. V, 321.

Варшавскій, кн. Ив. Ѳед., см. **Паскевичъ-Эриванскій**.

Василевскій, стат. совѣтникъ, 1827 г., т. VI, 280.

Василій, инвалидъ 1825 г., т. V, 386.

Василій IV Іоанновичъ, вел. князь, † 1533 г. Отношенія его къ кн. М. Л. Глинскому, т. V, 271—272.

Васильевъ, штабъ-лекарь 1825 г., т. VI, 129.

Васильевъ, совѣтникъ, с.-петербург. губернскаго правленія 1835 г., т. VI, 583.

Васильевъ, графъ. Стихи его на Д. В. Давыдова, т. V, 629.

Васильевъ, Вадимъ И. Сообщ. о маршалкѣ Пусловскомъ, т. VI, 148—149.

Васильевъ, Максимъ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Васильевъ, Семенъ, 1715 г., т. V, 877, 885.

Васильчиковъ, конной гвардіи корнетъ 1841 г., т. V, 316, 317, 318, 320.

Васильчиковъ, ген.-адъютантъ 1813 г., т. V, 690, 691.

Васильчиковъ, Александ. Вас., т. V, 466.

Васильчиковъ, кн. Иларіонъ Вас., генер. отъ кавалеріи, предсѣдатель государст. совѣта и комитета министровъ, р. 1776 † 1847 г., т. V, 316, т. VI, 602.

Ваценко, переводчикъ, т. VI, 201.

Ваценко, Ив. Зинов., правитель дѣлъ барона Дибича, т. VI, 317.

Введенскій, И. И., т. V, 430.

Веберъ, ганноверскій посланникъ въ Петербургѣ, 1715 г., т. V, 883.

Веберъ, композиторъ, т. V, 426.

Ведерниковъ, управляющій имѣніемъ Кутузова 1810 г., т. V, 259, 260.

Вейде, Адамъ, генералъ 1715 г., т. V, 883, 939.

Вейеръ, книгопродавецъ 1828 г., т. VI, 534.

Веймарнъ, генералъ, корпусн. командиръ 1772 г., т. VI, 407.

Веймарнъ, ген.-адъютантъ, начальн. штаба 1855 г., т. V, 730; т. VI, 431.

Веймарнъ, капитанъ фельдъегерскаго корпуса 1825 г., т. VI, 131.

Вейсенгофъ, генералъ 1831 г., т. VI, 37.

Вейсманъ, генералъ, † 1770 г., т. V, 131.

Вейсфлохъ, генер., бригадн. командиръ 1831 г., т. VI, 23.

Велингтонъ, лордъ, т. V, 700.

Величинскій, подполковникъ 1831 г., т. VI, 35.

Вельяминовъ, Алексѣй Александр., начальникъ корпусн. штаба въ Тифлисѣ 1827 г., потомъ ген.-лейт. и начальникъ кавказской области, † 1838 г., т. V, 451, 707, 719, 723, 726; т. VI, 39, 40, 41, 67, 259, 262, 268, 477, 529.

Венелитиновъ, М. А., т. V, 300, 301.

Венедиктовъ, Семенъ, т. V, 939.

Венцель, офицеръ генеральн. штаба 1824 г., т. V, 378.

Веревкинъ, Мих. Ив., профессоръ, основатель казанской гимназіи 1758 г., т. V, 464.

Верещагинъ, молодой человѣкъ, выданный Ростопчинымъ народу предъ вступленіемъ Наполеона въ Москву, т. V, 559.

Верещагинъ, полковникъ, помѣщикъ 1831 г., т. VI, 552.

Вершбицкій, Николай, Разсказъ о подвигѣ его, т. V, 475—477.

Вершининъ, полковникъ 1829 г., т. VI, 334.

Веригина, Марія Ѳедот., въ замуж. Донаурова, фрейлина, т. V, 685.

Веригина, Нат. Ѳедот., въ замуж. Плещеева, фрейлина, потомъ ст.-дама, т. V, 685.

Веригинъ, офицеръ 1827 г., т. VI, 264.

Веригинъ, К. Сообщ. замѣтку о фрейлинѣ и статс-дамѣ Веригиныхъ, т. V, 685.

Веригинъ, Ѳедотъ Мих., ген.-маіоръ членъ воен. коллегіи при Екатеринѣ II, т. V, 685.

Верховская, Ольга Карл., т. VI, 146.

Верховскій, Влад. Ив., костромской исправникъ 1824 г., т. VI, 146.

Верховскій, Мих. Ив., ветлужскій предводит. дворянства 1824 г., т. VI, 146.

Веселитскій, Серг. Гавр., ген.-лейт., т. VI, 2.

Веселовскій, Абрамъ Павл., русскій резидентъ въ Вѣнѣ 1715—1719 гг., эмигрировавшій потомъ изъ Россіи, р. 1685 † 1782 г., т. V, 893.

Веселовскій, В. И. Сообщ. замѣтку о первомъ знакомствѣ Гоголя съ Щепкинымъ, т. V, 282—283.

Весининъ, курьеръ 1712 г., т. V, 924.

Вибикинъ, архитекторъ, т. V, 540.

Вигель, Ф. Ф., дѣйств. тайн. сов., управл. департ. духовн. дѣлъ иностран. исповѣданій, р. 1786 † 1856 г., т. V, 38.

Вигманъ, гданскій купецъ 1717 г., т. V, 925, 926.

Вишнинскій, подполковникъ 1826 г., т. V, 725.

Виландъ, т. V, 698.

Вилліе, баронетъ Як. Вас., президентъ медико-хирургической академіи 1818—1824 гг. Путешествія его съ государемъ по Россіи 1824—1825 гг., т. V, 359—387; т. VI, 101, 108, 114, 115, 117, 120, 129, 151, 169. Отчаяніе по смерти имп., т. VI, 161. Неблагодарность въ отношеніи хирурга Тарасова, т. VI, 132, 141. Письмо къ гр. Аракчееву, т. VI, 242. Упом. т. V, 698, т. VI, 142, 145, 147, 236, 238, 239.

Виллié, Л. М., медикъ 1824 г., т. V, 527.

Вильбоа, Францъ, ген.-фельдцейхмейст. 1717 г., т. V, 893, 897, 925, 926.

Вильстеръ, архитекторъ 1822 г., т. VI, 507.

Виндишгероде, бар. Фердинандъ Ѳед., (Фердинандъ-Фридрихъ), генер. отъ кавалеріи, ген.-адъютантъ, р. 1770 † 1818 г., т. V, 650, 651, 691, т. VI, 617.

Виртембергскій, принцъ Адамъ, т. VI, 389, 390.

Виртембергскій, принцъ Александръ, т. V, 688, 693.

Витбергъ, Александръ Лаврентьев., академикъ, р. 1787 † 1855 г. Записки его, т. V, 16—32; 159—192; 519—576. Примѣчанія къ запискамъ, т. V, 577—582. Замѣтка о немъ Н. В. Берга, т. VI, 222—223.

Витбергъ, Анна Ив., т. V, 17.

Витбергъ, Елиз. Вас., рожд. Артемьева, т. V, 18.

Витбергъ, Лаврентій Самойлов., шведскій бюргеръ 1779 г. Письмо къ нему сына, 1818 г., т. V, 523—526. Упом. т. V, 17.

Витбергъ, Любовь Александ. Сообщ. свѣдѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16.

Витбергъ, Ѳедоръ Александ. Сообщ. свѣдѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16, 17. Упом. т. V, 523, 582.

Витгенштейнъ, кн. Петръ Христіанов., р. 1768 † 1843 г., т. V, 687, 689, 692, 695; т. VI, 52, 245, 494.

Витковскій, А. Г., т. V, 733.

Витовтъ, вел. князь литовскій, † 1430 г., т. V, 271.

Виттъ, учитель технологич. института 1849 г., т. VI, 75.

Виттъ, графъ, корпусн. командиръ 1831 г. Участіе его въ польской кампаніи, т. VI, 330, 349, 350, 365, 367, 370, 372.

Витценъ, бургомистръ 1704 г., т. V, 909.

Вишневецкій, польскій князь 1707 г., т. V, 828, 829, 834.

Віалопольскій, (Валенольскій), депутатъ отъ временнаго варшавск. правительства въ Лондонъ 1831 г., т. VI, 23.

Власовъ, донской наказной атаманъ 1825 г., т. VI, 105, 106.

Вобанъ, г-жа, т. V, 261.

Воейкова, В. Н., рожд. Львова. О сохранившемся у нея портретѣ Хемницера, т. V, 224.

Воейковъ, помѣщикъ 1830-хъ гг., т. V, 633.

Воейковъ, 1720-хъ гг., т. VI, 564.

Воейковъ, Александ. Ѳед., писатель, р. 1773 † 1839 г. Замѣтка объ отношеніяхъ его къ Н. М. Карамзину, т. V, 147—148. Упом. т. V, 41; т. VI, 573, 582.

Воейковъ, Алексѣй. Вас., флигель-адъютантъ 1811 г., потомъ генер.-маіоръ, р. 1778 † 1825 г. Отзывъ о немъ кн. Голенищева-Кутузова, т. V, 262. Упом. т. V, 659.

Воейковъ, Левъ Ѳед., по прозв. Бобръ, полковникъ, 1723 г., т. V, 876, 877.

Воейковъ, Никол. Павл., адъютантъ при А. П. Ермоловѣ 1825 г., т. VI, 521.

Воиновъ, П. В., полковой священникъ 1831 г., т. VI, 225, 228, 547.

Войновичъ, гр. Марко, контръ-адмиралъ 1788 г., впослѣдствіи адмиралъ и директоръ черноморскихъ училищъ, † 1806. Разсказъ о томъ, какъ получилъ онъ графское достоинство, т. V, 144.

Войцеховичъ, А. И. Сообщ. резолюцію архіепископа Иринея, т. V, 477—478.

Волковъ, домовладѣлецъ, т. V, 465.

Волковъ, ген.-маіоръ 1722 г., т. V, 797.

Волковъ, художникъ, т. V, 962.

Волковъ, Алексѣй, подъячій 1704 г., т. V, 884, 911.

Волковъ, А. Ѳ., т. VI, 406.

Волковъ, Григорій, секретарь 1715 г., т. V, 825, 882, 885.

Волковъ, Дмитр. Вас., тайный секретарь Петра III, † 1785 г., т. VI, 568.

Волковъ, Н. Д., правовѣдъ 1760-хъ гг., т. VI, 574.

Волконская, княгиня, т. V, 867.

Волконская, кн. Александра Никол., рожд. кн. Репнина, р. 1787 † 1834 г., т. V, 959.

Волконская, кн. Варв. Мих., камеръ-фрейлина, р. 1778 † 1866 г. Пребываніе ея въ свитѣ имп. Елизаветы Алексѣевны въ Таганрогѣ 1825 г., т. VI, 102, 103, 104, 130.

Волконскій, кн. Мих. Никит., генералъ-шефъ, москов. главнокомандующій, р. 1713 † 1789 г. Разсказъ его объ отношеніяхъ Екатерины II къ Ю. Ю. фонъ-Брюну, т. V, 130. Разсказъ о немъ, т. V, 132. Упом. т. V, 772.

Волконскій, кн. Никол. Серг., ген. отъ инфант., р. 1753 † 1821 г. Разсказы его: 1) о первомъ свиданіи Екатерины II съ Іосифомъ II, т. V, 136—137; 2) о вниманіи императрицы къ Перекусихиной, т. V, 142. Отзывъ его о гр. А. Р. Воронцовѣ, т. V, 146—147. Разсказъ объ А. Ю. Нелединскомъ, т. V, 675—676. Упом. т. V, 132.

Волконскій, кн. П. Д. Сообщ. письма А. П. Ермолова къ П. А. Кикину 1817—1832 гг., т. VI, 501—537.

Волконскій, кн. Петръ Мих., мин. двора и фельдмаршалъ, р. 1776 † 1852 г. Путешествіе его въ Таганрогъ въ свитѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, 1825 г., т. VI, 102, 104, 109, 125, 127, 128, 129, 153, 156, 158. Письмо къ нему Ермолова, 1820 г., т. VI, 498—499. Упом. т. V, 261, 265, 639, 650—652; т. VI, 262, 360, 514, 540, 541, 644.

Волконскій, кн. Ѳедоръ, 1715 г., т. V, 884.

Вольскій, докторъ 1827 г., т. VI, 532, 533, 534, 536.

Вольтеръ (François-Marie-Arouet), франц. писатель, р. 1694 † 1778 г. Свидѣтельство его объ обрядахъ, сопровождавшихъ избраніе папы, т. V, 865. Упом. т. V, 226, 231, 346, 614, 616.

Волынскій, Артемій Петр. Свѣдѣнія о первой служебной дѣятельности его, т. V, 934—936. Переданный имъ фельдм. Шереметову приказъ Петра Великаго 1711 г., т. V, 936. Письма его къ Меншикову и Шереметову, т. V, 936—937. Извѣстіе о недочетѣ въ присланной съ

ними казнё, т. V, 938—941. Письма къ бар. П. П. Шафирову, т. V, 948. Объ обидахъ, нанесенныхъ имъ кн. Мещерскому, т. V, 949—951. Упом. т. VI, 687.

Воронихинъ, Анд. Никифор., профессоръ-преподаватель архитектуры въ Академіи Художествъ, строитель Казанскаго собора, р. 1760 † 1814 г. Замѣтка о немъ, т. V, 519—520. Упом. т. V, 165, 174, 544, т. VI, 97.

Вороновъ, А. С. Составленный имъ некрологъ С. Н. Палаузова, т. VI, 471—473.

Воронцова, графиня, т. V, 579.

Воронцовъ, гр. Побѣды его въ Польшѣ 1813 г., т. V, 691.

Воронцовъ, гр. Александръ Роман., государств. канцлеръ, р. 1741 † 1805 г. Отзывъ о немъ кн. Н. С. Волконскаго, т. V, 146—147. Отношенія его къ А. Н. Радищеву, т. VI, 576—580. Упом. т. VI, 88, 414, 628.

Воронцовъ, гр. Мих. Иларіон., государств. канцлеръ, р. 1714 † 1767 г., т. V, 227.

Воронцовъ, гр. Мих. Семен., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, намѣстникъ кавказскій, р. 1781 г., т. V, 31, 432, 434, 437, 440, 442, 446, 448, 454, 661, 667; т. VI, 109, 111, 112, 150, 160, 206, 296, 314, 542, 543, 545.

Воронцовъ-Дашковъ, гр. Ив. Иллар., дѣйств. тайн. сов., оберъ-церемонимейстеръ, членъ госуд. совѣта, управлявшій 4-ю экспедиціею мин—ства иностр. дѣлъ, р. 1790 † 1854 г., т. VI, 682.

Воротниковъ, воспитанн. театральн. училища 1822 г., т. V, 424.

Врангель, 1854 г., т. V, 447.

Врангель, бар. Елизавета, рожд. бар. Россильонъ, т. V, 403.

Врангель, бар. Фердинандъ Петров., ген.-адъют., адмиралъ и членъ государ. совѣта, † 1870 г. Біографическій очеркъ его, т. V, 389—418. Уп. т. V, 392, 684.

Вревскій, бар. Пав. Александр., ген.-адъютантъ, р. 1810 г., уб. въ Крыму 1855 г. Записка къ нему императора Николая Павловича 1854 г., т. VI, 605—606.

Вреде, шведскій графъ 1830 г., т. VI, 232.

Вріонни, П. И. Сообщ. документы, относящіеся до Дибича, Ермолова и Паскевича, т. V, 706; т. VI, 39 и 243.

Врончепко, гр. Ѳед. Павл., дѣйств. тайн. сов., министръ финансовъ, † 1852 г., т. VI, 206.

Всеволожскій, Никита Всеволодов., камеръ-юнкеръ 1818 г., впосл. дѣйств. стат. сов. и егермейстеръ, т. VI, 304, 305.

Вульферъ, учитель шведск. языка, т. VI, 231.

Вульфъ, гв. офицеръ, при Павлѣ I т. VI, 96.

Вундесъ, Іоганнъ, оружейникъ, т. V, 330.

Вурмзеръ, т. VI, 347.

Вырубовъ, Петръ Ив., камергеръ, потомъ дѣйств. тайн. совѣтн. и сенаторъ, † 1804 г., т. V, 131.

Высоцкій, Петръ Егоров., т. V, 463.

Вяземская, княгиня, т. V, 695.

Вяземскій, кн. Александ. Алексѣев., дѣйств. тайн. сов. и ген.-прокуроръ, р. 1727 † 1793 г., т. V, 146, 767.

Вяземскій, кн. Петръ Андр., писатель, р. 1792 г., т. VI, 573.

Вязмитиновъ, 1813 г., т. V, 692.

Вятковскій, Ѳед. Ѳед., гв. поручикъ 1777 г., т. V, 615.

Г.

Габербиръ, музыкантъ 1841 г., т. V, 312.

Габлицъ, писатель, т. V, 661.

Гавриловъ, С. Н. Сообщ. списокъ съ курьезныхъ прошеній штатнаго смотрителя сѣвскихъ училищъ Шелкова, 1829 г., т. VI, 444—448.

Гавріилъ, с.-петербургскій митрополитъ 1796 г., т. V, 80, 493.

Гавріилъ, митрополитъ кишиневскій 1817 г. Сообщенныя ему преосвящ. Амвросіемъ распоряженія о книгахъ для духовнаго юношества, т. VI, 582.

Гагарина, кн. Анна Петр., рожд. кн. Лопухина, р. 1777 † 1805 г., т. V, 280, 241, 255, 685.

Гагаринъ, князь, т. V, 579.

Гагаринъ, кн. Ив. Алексѣев., дѣйств.

тайн. сов. и шталмейст., р. 1771 † 1832 г., т. VI, 289, 606, 700.

Гагаринъ, кн. Матв. Петр., сибирскій губернаторъ, † 1721 г. Письма его къ А. Д. Меншикову 1708 г., т. V, 917—918. Упом. т. VI, 595.

Гагаринъ, кн. Пав. Павл., членъ государств. сов. и предсѣдат. департ. законовъ, р. 1789 † 1872 г. Некрологъ его, т. V, 518. Упом. т. VI, 71, 72.

Гагаринъ, кн. Серг. Вас., дѣйств. тайн. сов. и шталмейстеръ, † 1782 г., т. V, 772.

Гайдинъ, композиторъ, т. V, 426.

Гакки-Паша, главнокомандующій турецкой арміей, т. VI. 334.

Галлуа, франц. офиц. 1831 г., т. VI, 37.

Галяминъ, т. V, 314.

Гамалея, С. А. мартинистъ, другъ и сподвижникъ Н. И. Новикова. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 560 — 567.

Гамба, (Chevalier de Gamba), авторъ соч. «Voyage dans la Russie méridionale» etc, т. VI, 503.

Гамильтонъ, Томасъ, капитанъ 1704 г., т. V, 908, 910.

Ганнибалъ, Ив. Абрам., строитель гор. Херсона, т. V, 605, 616.

Гарденбергъ, 1813 г., т. V, 692.

Гардингъ, Карлъ-Іоганнъ, швед. поручикъ 1791 г., т. VI, 417.

Гарковенко, воспитатель морск. кадет. корпуса ок. 1815 г., т. V, 391.

Гарновскій, домовладѣлецъ 1841 г., т. V, 318.

Гарновскій, воен. совѣтникъ. Повелѣніе императ. Павла объ отдачѣ его подъ судъ, 1797 г., т. V, 237 — 238.

Гаррисъ, (лордъ Мальмсбёри), англійск. посланникъ при Екатеринѣ II, т. V, 219.

Гартвигъ, авторъ, соч. «Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ», т. V, 398.

Гартвигъ, генералъ 1818 г., т. V, 533.

Гарцони, венеціанскій посланникъ въ Смирнѣ 1782 г., т. V, 618.

Гассанъ-Ханъ, защитникъ Эривани 1828 г., т. VI, 334.

Гаузенъ, Гаспаръ, т. V, 684.

Гауве, графиня, т. VI, 389.

Гваренги, архитект., академикъ 1815 г., т. V, 168, 174.

Гвидо-Рени, живописецъ, т. V, 544.

Гедеоновъ, театральн. цензоръ 1841 г., т. V, 322 — 323.

Гедеоновъ, Мих. Александр., директоръ с.-петерб. театровъ 1841 г., т. V, 322 — 323.

Гедерштернъ, А. К., дѣйств. стат. сов. 1849 г., т. VI, 71.

Гейденъ, гр. Логинъ Петр. (Людвигъ), адмиралъ, ревельскій воен. губернат. и главный командиръ ревельскаго порта, р. 1772 † 1850 г. О побѣдѣ его подъ Наварином, т. V, 400.

Гейне, ген.-маіоръ 1707 г., т. V, 840.

Гейнингъ, баронъ, статск. сов. прусск. службы, 1777 г., т. V, 615.

Гейнсіе, генералъ-лейтенантъ 1707 г., т. V, 828.

Гейсмаръ, баронъ, генер.-адъютантъ, командовавшій отрядомъ въ польскую кампанію 1831 г., т. VI, 320, 332, 350—355, 366, 367, 372, 373, 375.

Гекертъ, писатель, т. V, 230 — 231.

Гельгудъ, командиръ пѣхотн. бригады 1831 г., т. VI, 20, 28.

Генрихъ II, король англійскій, т. V. 323.

Генрихъ IV, франц. король, т. V, 602.

Герарди, привратникъ, т. V, 577.

Герасимовъ, Ив., слобожанинъ 1711 г., т. V, 940.

Герлахъ, Георгъ-Карлъ, живописецъ 1803 г., т. V, 543, 579.

Герлахъ, Христина-Альбертина, рожд. Витбергъ, т. V, 579.

Герсдорфъ-фонъ, Давидъ, поручикъ 1704 г., т. V, 908.

Герценъ, Александ. Александр., т. VI, 612.

Герценъ, Александръ Иван., писатель (Искандеръ). Родители его, т. VI, 611. Его рожденіе, т. VI, 611. Дѣтскіе годы въ домѣ отца, т. VI, 619—621, 634—639. Характеръ, т. VI, 640. Любознательность, т. VI, 643—644. Отношенія къ отцу, т. VI, 632—634, 637, 638. Замѣтки его о жизни А. А. и Л. А. Яковлевыхъ и характер. отца, т. VI, 628—632. О замѣткѣ его объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16. По поводу отношеній его

къ Витбергу, т. V, 530—532. Упом. т. V, 531, 544, 554; т. VI, 610, 630, 647.

Герценъ, Егоръ Ив. Отношенія къ нему отца, т. VI, 612. Упом. т. V, 581, 582.

Гессенъ-Гомбургскій, ландгр. 1736 г., т. V, 800, 801.

Гете, нѣмецкій поэтъ, т. V, 698.

Гизенъ, баронъ, 1715 г., т. V, 885.

Гильтебрандтъ, П. А., т. VI, 464, 467, 684.

Гильфердингъ, Александръ Өед., помощникъ статсъ-секретаря, предсѣдатель этнографич. отдѣленія Русскаго Географическаго Общества, предс. Благотв. Слав. Комитета, р. 1831 †1872 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ, обзоръ его дѣятельности и извѣстія о его кончинѣ и погребеніи, т. VI, 452—470, Поправка 606. Воспоминанія крестьянина Касьянова, т. VI, 694—698. Сообщ. свѣдѣнія о Рябининѣ и записанныя со словъ его русскія былины, т. V, 497—517. Упом. т. VI, 684.

Гильфердингъ, В. Ф., урожд. Рядель, супруга А. Ѳ., т. VI, 455, 468, 697.

Гильфердингъ, Өед. Иван., директоръ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ царства польскаго кн. Паскевичѣ, т. VI, 453.

Гинтеръ, генералъ 1707 г., т. VI, 666.

Гладкій, Ив. Вас., с.-петерб. оберъ-полиціймейстеръ, т. V, 474.

Глинка, Марья Петр., рожд. Иванова, т. V, 316.

Глинка, Мих. Ив., композиторъ, р. 1804 † 1857 г. Письма его къ В. Ѳ. Ширкову и програмы либретто оперы «Русланъ и Людмила», т. V, 300—329. О подпискѣ на памятникъ ему, т. V, 330.

Глинка, Ѳедоръ Николаев., писатель. Экспромтъ его Ермолову и отвѣтъ ему М. А. Дмитріева, т. VI, 539—540. Упом. т. V, 775, 779; т. VI, 597, 602.

Глинскій, кн. Вас. Львовичъ, по прозванію Слѣпой, т. V, 272.

Глинскій, кн. Мих. Львов., литовскій вельможа, †1534 г. Замѣтка о немъ и дума по поводу его Рылѣева, т. V, 271—275.

Глинъ, англичанинъ, механикъ-машинистъ 1820 г., т. VI, 230.

Глотовъ, Герасимъ, правитель канцеляріи 1711 г., т. V, 938.

Гнѣбова, госпожа, т. V, 887.

Гнѣбова, Марія Симон., рожд. Гендрикова, вдова Чоглокова, т. V, 674.

Гнѣбовъ, полковникъ 1777 г., т. V, 614.

Гнѣбовъ, Александ. Ив., ген.-кригсъ-коммиссаръ и ген.-прокуроръ сената, потомъ ген.-аншефъ, р. 1718 † 1790 г. Исторія его возвышенія и паденія, т. V, 674—675. Упом. т. V, 568.

Гнѣбовъ, Василій, 1723 г., т. V, 876, 887.

Гнѣбовъ, Мих. Ив., окольничій при Петрѣ Великомъ, т. V, 883.

Гнѣбовъ, Пав. Ив., т. VI, 289.

Гнѣбовъ, Ѳедоръ, 1715 г., т. V, 885.

Гогель, флигель-адъютантъ 1831 г., т. V, 478.

Гоголь, Никол. Вас., писатель. Отрывки и варьянты изъ его поэмы «Мертвыя Души», т. V, 87—117. Воспоминанія о немъ Берга, т. V, 118—128. Первое знакомство его съ Щепкинымъ, т. V, 282—283. Мнѣніе о немъ Булгарина, т. V, 481—482. Письмо къ И. И. Сосницкому о постановкѣ «Ревизора», 1846 г., т. VI, 441—444. Упом. т. V, 730; т. VI, 700, 701.

Годефроа, фельдъегерь 1825 г., т. VI, 112, 118.

Годефруа, поручикъ 1824 г., т. V, 357, 377.

Годуновъ, Борисъ, царь, † 1605 г., т. V, 333. т. VI, 687.

Годуновъ, Дмитр. Иван., бояринъ, т. V, 331.

Годуновъ, Ѳедоръ Борисов., царь, † 1605 г., т. V, 333.

Голенищева-Кутузова, Анна Мих., въ замуж. Хитрово, р. 1782 † 1846 г., т. V, 259, 264, 692, 693, 698.

Голенищева-Кутузова, Дарія Иларіон. Пожалованіе ей пенсіи, 1813 г., т. V, 695.

Голенищева-Кутузова, Дарія Мих., въ замуж. Опочинина, р. 1788 † 1854 г., т. V, 259, 260, 261, 262, 268, 654, 657—660, 688, 690, 693, 697.

Голенищева-Кутузова, Екат. Мих., въ перв. замуж. кн. Куданева, во 2-мъ—Сарачинская, р. 1787 † 1826 г., т. V, 259, 262, 648, 651, 657, 687, 699, 692, 695.

Голенищева-Кутузова, Елиз. Мих.,

въ 1-мъ замуж. гр. Тизенгаузенъ, а во 2-мъ — Хитрово, р. 1783 † 1839 г., т. V, 259, 260, 262, 264, 466, 651, 657, 689, 695.

Голенищева-Кутузова, Праск. Мих., въ замуж. Толстая, р. 1777 † 1844 г., т. V, 259, 260, 347, 698.

Голенищева-Кутузова-Смоленская, кн. Екат. Ильинич., рожд. Бибикова, род. 1754 † 1824 г. Письма къ ней мужа 1810—1812 гг., т. V, 257—269, 647—660, 687—698. Письма къ ней Г. де-Сталь, 1812—1813 гг., т. V, 698—705. Упом. т. V, 347, 781.

Голенищевъ, Мих. 1715 г., т. V, 884.

Голенищевъ-Кутузовъ, Ив. Логин., адмиралъ, р. 1729 † 1802 г., т. V, 260.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Иллар., фельдмаршалъ, р. 1745 † 1813 г. Сѣтованія на него Наполеона т. VI, 615. Письма его къ женѣ 1810-1812 гг., т. V, 227—269; 647—660; 687—698. Письма къ нему маршалка Пусловскаго 1813 г., т. VI, 148—149. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 479. Характеристика, т. VI, 358. Замѣтка о потомкахъ его, т. V, 346—347. По поводу изданія его бумагъ, т. V, 781—783. Упом. т. V, 149, 182, 252, 700—705; т. VI, 355, 408, 426.

Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, Пав. Матв., ген.-маіоръ, р. 1800 г. По поводу заявленія его противъ изданія писемъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, т. V, 781—783. Упом. т. V, 347.

Голиковъ, Ив. Ив., писатель. Ссылки на соч. его «Дѣянія Петра Великаго», т. V, 857—860, 880. Разсказъ его о свадьбѣ Зотова, князь-папы, 1715 г., т. V, 881-890.

Голицына, кн. Анаст. Петр., рожд. Прозоровская, р. 1655 † 1729 г., придворная шутиха, т. V, 875, 879.

Голицына, кн. Анна Матв., рожд. Толстая, т. V, 347.

Голицына, кн. Варв. Вас., рожд. Энгельгардтъ, р. 1757 † 1815 г., т. V, 769.

Голицына, кн. Тат. Борис., рожд. кн. Куракина, р. 1696 † 1757 г., т. VI, 560.

Голицынъ, князь 1813 г., т. V, 689, 698.

Голицынъ, кн. Александ. Мих., ген.-фельдмаршалъ, р. 1718 † 1783 г., т. V, 218.

Голицынъ, кн. Александ. Мих., вице-канцлеръ и вице-президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, потомъ оберъ-камергеръ, р. 1723 † 1807 г., т. V, 679. т. VI, 690.

Голицынъ, кн. Александръ Никол., оберъ-прокуроръ синода 1815 г., впослѣдствіи министръ народн. просвѣщ., р. 1773 † 1844 г. Покровительство его А. Л. Витбергу, т. V, 160. 161, 164, 165, 168, 169, 172—174, 177—181, 185, 186, 522, 526, 532. Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія 1818 г., т. V, 534. Рескриптъ по поводу строенія храма Христа Спасителя 1820 г., т. V, 539. Упом. т. V, 533, 538, 542, 577; т. VI, 45. 102, 137—141.

Голицынъ, кн. Александ. Өед., статсъ-секретарь, членъ государственн. совѣта 1849 г., р. 1796 г., т. V, 71, 80.

Голицынъ, кн. Алексѣй Вас., род. 1832 г., т. VI, 409.

Голицынъ, кн. Борисъ Алексѣевичъ, (во иноч. Боголѣпъ), бояринъ, р. 1654, † 1714 г., т. V, 792.

Голицынъ, кн. Вас Серг., камергеръ, р. 1792 г., т. VI, 409.

Голицынъ, кн. Дмитрій Алексѣев., 1715 г. Письмо его къ кн. Меншикову, 1704 г., т. V. 913—914. Упом. т. V, 883.

Голицынъ, кн. Дмитр. Влад., ген. отъ кавал., москов. генер.-губернаторъ, род. 1771 † 1844 г. Распоряженія его при встрѣчѣ тѣла императ. Александра I въ Москвѣ, т. VI, 134-135. Упом. т. V, 339, 628; т. VI, 364.

Голицынъ, кн. Дмитрій Мих., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, кіевскій губернат. и членъ верховн. тайн. совѣта, р. 1665 † 1738 г., т. V, 935, 937; т. VI, 560.

Голицынъ, кн. М. А., придворн. шутъ 1740 г., т. V, 862.

Голицынъ, кн. Михаилъ, убитъ подъ Ландсбергомъ 1807 г., т. VI, 314.

Голицынъ, кн. Мих. Мих. старшій, фельдмаршалъ, членъ верховн. тайн. совѣта, р. 1674 † 1730 г., т. VI, 560.

Голицынъ, кн. Мих. Мих. младшій, ген.-адмиралъ, р. 1684 † 1764 г., т. V, 793, 796, 797.

Голицынъ, кн. Мих. Мих., генер.-маіоръ, р. 1793 г., т. VI, 409, 606.

Голицынъ, кн. Мих. Никол., тайн. сов., ярославскій губернаторъ, р. 1756 † 1827 г., т. VI, 95.

Голицынъ, кн. Петръ Алексѣев., сенаторъ, архангельскій губернаторъ, род. 1660 † 1722 г., т. V, 635, 636, 883.

Голицынъ, кн. Сергѣй Мих., попечитель московск. университета 1840 г., т. VI, 647.

Голицынъ, кн. Серг. Ѳед., ген. отъ инфантеріи, членъ госуд. совѣта, р. 1748 † 1810 г., т. V, 769.

Голицынъ, кн. Юрій Никол., извѣстный учредитель вокальныхъ концертовъ, р. 1823 † 1872 г., т. VI, 684.

Голицынъ, кн. Ѳед. Алексѣев., р. 1668 † 1736 г., т. V, 884.

Головина, госпожа 1715 г., т. V, 887.

Головинъ, генералъ 1846 г., т. V, 439.

Головинъ, Василій, 1715 г., т. V, 886.

Головинъ, Ив. Мих., адмир., † 1738 г., т. V, 900.

Головинъ, Матвѣй Алексѣев., † 1725 г., т. V, 876, 877.

Головинъ, гр. Ѳед. Алексѣев., боярин, фельдмаршалъ, генер.-адмиралъ и президентъ посольскихъ дѣлъ, род. 1650 † 1706 г., т. V, 799, 851, 895, 902, 909, 956.

Головины, ген.-маіоры 1713 г., т. V 796, 885.

Головкина, графиня 1715 г., т. V, 887

Головкина, Домна Андр., т. V, 798.

Головкинъ, гр. Александ. Гаврил., дѣйств. тайн. сов., † 1760 г., т. VI, 560

Головкинъ, гр. Гавр. Ив., канцлеръ, р. 1660 † 1734 г. Письмо его 1713 г., т. V, 926—929. Упом. т. V, 794, 798, 799, 801, 882, 883, 888, 935, 944.

Головнинъ, В. М., капитанъ, потомъ ген.-интендантъ 1824 г. Путешествіе его вокругъ свѣта, 1816 г., т. V, 394 — 396. Упом. т. V, 400.

Головцынъ, стат. сов. 1797 г., т. V, 237.

Голохвастова, Елиз. Алексѣев., рожд. Яковлева, т. VI, 624, 636, 642, 644, 645.

Голохвастова, Нат. Павл., въ замуж. Шатилова, т. VI, 642, 645.

Голохвастовъ, Дмитр. Павл., впослѣд. тайн. сов. и попечитель московск. университета, † 1849 г. Характеристика его, т. VI, 645—648. Упом. т. VI, 642.

Голохвастовъ, Никол. Павл. Характеристическія замѣтки о немъ, т. VI, 645—646. Упом. т. VI, 642.

Голохвастовъ, Пав. Ив., дѣйств. ст. сов., † 1812 г. Ограбленіе его французами въ 1812 г., т. VI, 613 — 614, 617. Упом. т. VI, 619, 622, 641.

Гольвель (Holwell), секретарь прусскаго посольства 1707 г., т. V, 812.

Гольцъ, ген.-маіоръ 1712 г., т. V, 922.

Гончаровъ, Ив. Ал., писатель, т. V, 417.

Горбуновъ, К., литографъ, т. V, 119, т. VI, 633.

Горбуновъ, Ив. Ѳед., артистъ. Сообщ. письма Кулибина къ дѣтямъ 1802 г., т. V, 583 — 584; 773 — 774. Дополненія къ «Маіору» Ѳедотова, т. VI, 208. Письмо Гоголя къ Сосницкому о постановкѣ «Ревизора» 1846 г., т. VI, 441—444.

Гордонъ, вице-адмиралъ 1723 г., т. V, 36.

Гордѣевъ, Ѳед. Горд., ректоръ Акад. Художествъ, скульторъ, † 1810 г., т. V, 545, 579.

Горнъ, ген.-маіоръ, нарвскій комендантъ 1704 г., т. V, 793.

Горнъ, Клеменсъ, оружейникъ, т. V, 330.

Горчаковъ, кн. Алексѣй Ив., адъютантъ кн. Потемкина-Таврическаго, впослѣдствіи воен. министръ, р. 1769 г. Первое представленіе его императр. Екатеринѣ II, т. V, 144. Упом. т. V, 635; т. VI. 410.

Горчаковъ, кн. Анд. Ив., генер. отъ инфантеріи, р. 1776 г. Разсказы его: 1) о Суворовѣ, т. VI, 675; 2) о князѣ П. Зубовѣ, т. VI, 676; и 3) о графѣ Платовѣ, т. VI. 677—678. Упом. т. VI, 409.

Горчаковъ, кн. Ив. Ром., генер.-поручикъ, р. 1716 † 1801 г., т. VI, 406, 409.

Горчаковъ, кн. Мих. Дмитр., генер. отъ артиллеріи, ген.-адъютантъ, главнокомандующій южною арміею, намѣстникъ Царства Польск., р. 1790 † 1861 г. Предсмертное письмо къ нему кн. Паскевича-Эриванскаго: мысли по поводу обо-

роны и паденія Севастополя, 1855 г., т. VI, 427—435, 604 — 605. Упом. т. V, 339, 452 — 453; т. VI, 365, 700.

Гослеръ, капитанъ-поручикъ 1715 г., т. V, 886.

Готовцовъ, Павелъ, т. V, 848, 925, 926.

Граббе, ген.-маіоръ, бригадный командиръ 1827 г., т. VI, 258, 259, 260, 348, 351, 354.

Граббе, членъ «Союза Благоденствія», 1821 г., т. VI, 595, 602.

Грабовскій, полковникъ 1777 г., т. V, 615.

Грабовскій, гр. Степанъ Ѳомичъ, ген.-лейт., потомъ дѣйств. тайн. сов., россійскаго госуд. совѣта членъ, статсъ-секретарь Царства Польскаго, р. 1767 † 1847 г., т. V, 385; т. VI, 17, 19, 35.

Граве, подполковникъ 1840 г., т. V, 959, 960.

Граве, Ю. И., жена предъидущаго, т. V, 959.

Гревенбухъ, иностранецъ, т. V, 334.

Грёзъ, художникъ, т. V, 603.

Грейгъ, адмиралъ. Памятникъ, воздвигнутый ему по повелѣнію Екатерины II, т. V, 388. Упом. т. V, 145.

Грейгъ, адмиралъ 1825 г., т. VI, 113, 114, 150.

Грей, садовникъ и ботаникъ, т. VI, 109.

Грейнолсъ, т. V, 694.

Грековъ, бригадн. адъютантъ 1829 г., т. VI, 200.

Грековъ, командиръ одного изъ казачьихъ полковъ 1831 г., т. VI, 369—370.

Грековъ, ген.-маіоръ, † 1827 г., т. VI, 509, 522, 523.

Грековъ, Михаилъ, маіоръ, т. V, 439.

Гренвилль, лордъ, т. VI, 628.

Гретбачъ, англ. граверъ, т. V, 959.

Гречъ, Никол. Ив., писатель, т. V, 482.

Грибовскій, М. К. Донесеніе его императору Александру I о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества 1821 г., т. VI, 601 — 602.

Грибовъ, Александръ, камердинеръ А. С. Грибоѣдова, т. V, 428 — 429.

Грибоѣдова, Анаст. Ѳед., т. VI, 204.

Грибоѣдова, Нина Александр., рожд. кн. Чавчавадзе, † 1857 г., т. VI, 163, 173, 205.

Грибоѣдовъ, Александр. Серг., писатель, † 1829 г. Воспоминанія о немъ П. А. Каратыгина, т. V, 423—430. Эпиграмма его на Карамзина, т. V, 766; т. VI, 296. Подробное описаніе трагической смерти его, т. VI, 163 — 207. Упом. т. V, 41; т. VI, 484, 625.

Гриве, лейбъ-медикъ. Пожалованіе ему императ. Павломъ дома, 1799 г., т. V, 256.

Гриве, Елизавета, рожд. Тапесъ, т. V, 256.

Гриве, Іоганна, въ замуж. Монсей, т. V, 256.

Гриве, Яковъ, докторъ, р. 1706 † 1763 г., т. V, 256.

Григоровичъ, Вас. Иван., издатель «Журнала изящныхъ искусствъ», потомъ дѣйств. стат. сов., конференцъ-секретарь Академіи Худож. 1829 — 1859 гг., т. V, 531, 578.

Григоровичъ, Софья Ив., рожд. Мартосъ, т. V, 578.

Григорьевъ, Аполлонъ Александров., литераторъ. Епитафія ему, соч. Щербины, т. V, 155. Упом. т. V, 152.

Григорьевъ Васил., мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Григорьевъ, Г. Г., олонецкій губернаторъ, т. VI, 465.

Григорьевъ, Давыдъ, слобожанинъ 1711 г., т. V, 940.

Григорьевъ, Иванъ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Григорьевъ, Петръ Иван., актеръ и писатель, т. V, 424 — 425.

Григорьевъ, Ѳедоръ, сотскій 1831 г., т. VI, 555 — 558.

Гримъ, Егбертъ, англичанинъ, написавшій книгу о папессѣ Іоаннѣ, т. V, 865.

Гротъ, Як. Карл., академикъ. Статья его: баснописецъ Хемницеръ, т. V, 215—234. Примѣчанія къ баснямъ Хемницера, т. V, 588—594, 609. Упом. т. VI, 288, 406, 686.

Грохольская, Тат. Вас., рожд. кн. Шаховская, т. VI, 698.

Грохольскій, Мих. Григ. Письмо къ

нему св. Димитрія Ростовскаго, 1709 г., т. VI, 292 — 293. Упом. т. VI, 698.

Грохольскій, Петръ Мих., дѣйств. стат. сов., волынскій вице-губернаторъ 1799 г., т. VI, 698.

Грундъ, датскій посланникъ въ Россіи 1707 г., т. V, 844.

Губинъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 877, 884.

Гудовичъ, гр. Ив. Вас., ген.-фельдмаршалъ, р. 1741 † 1821 г., т. VI, 412.

Гудоновичъ, агентъ 1712 г., т. V, 921 — 922.

Гудфелъ, 1704 г., т. V, 911.

Гуле, садовникъ, т. V, 668, 669.

Гулицъ, Андрей, ген.-маіоръ 1703 г., т. V, 953.

Гуріели, ген.-маіоръ, т. V, 465.

Гурко, полковн. 1827 г., т. VI, 274, 279.

Гурлянда, домовладѣлецъ, т. VI, 212.

Гурьева, Мавра Антип., въ замуж. Якушкина, любимая фрейлина императр. Елизаветы Петровны, т. VI, 666.

Гурьевъ, гр. Дмитр. Александр., мин. финансовъ, р. 1751 † 1825 г., т. V, 39, 40, 264, 535, 537, 538, 549, 579, 696; т. VI, 514, 524.

Гуссейнъ-Ага, главный начальн. куртинцовъ 1827 г., т. VI, 279.

Густавъ III, король шведскій, т. V, 580.

Густавъ-Адольфъ, король шведскій, т. V, 461—462, 537, 615.

Гусятникова, Нат. Ив., т. VI, 223.

Гуфландъ, извѣстный врачъ, т. V, 698.

Гюйонъ, венгерецъ, т. V, 447 — 449.

Гюйссенъ, баронъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ царствованіе Петра Великаго, т. VI, 689.

Д.

Давидовичъ, т. VI, 347.

Даву, франц. маршалъ 1812 г., т. VI, 495.

Давыдова, госпожа, т. VI, 654.

Давыдова, Аглаида Антон., рожд. герцогиня де-Грамонъ, во 2-мъ замужествѣ графиня Себастіани, т. V, 632, 633.

Давыдова, Александра Вас., въ замуж. Бѣгичева, т. V, 625, 633.

Давыдова, Анна Андр., рожд. Колычева, т. V, 624.

Давыдова, Анна Вас., рожд. Лихачева, т. V, 625.

Давыдова, Екат. Никол., рожд. гр. Самойлова, въ 1-мъ замуж. Раевская, т. V, 624.

Давыдова, Екат. Никол., рожд. Ермолова, т. V, 625.

Давыдова, Елена Евдокимовна, рожд. Щербинина, т. V, 624.

Давыдова, Мавра Серг., т. V, 133.

Давыдова, Марія Денисовна, въ 1-мъ замуж. Каховская; во 2-мъ — Ермолова, т. V, 624.

Давыдова, Праск. Никол., рожд. Лопухина, т. V, 624.

Давыдова, Софія Никол., рожд. Чиркова, т. V, 636.

Давыдовъ, воспитат. морскаго кадет. корпуса, около 1815 г., т. V, 391.

Давыдовъ, Александ. Львов., генер.-маіоръ, т. V, 632, 634.

Давыдовъ, Вас. Денис., команд. полтав. легко-конным полкомъ, бригадиръ, отецъ партизана, т. V, 624—625.

Давыдовъ, Вас. Денис. Составленный имъ біографическій очеркъ его отца — партизана Д. В. Давыдова, т. V, 624—639. Сообщ. записки своего отца: воспоминанія о польской войнѣ 1831 г., т. VI. 1—38; 309—390. Замѣтки по поводу этихъ записокъ, т. VI, 399—402.

Давыдовъ, Вас. Львов., полковникъ, декабристъ, † 1853 г., т. V, 632, 636, 637.

Давыдовъ, Влад. Денисов., т. V, 624.

Давыдовъ, Денисъ Вас., дѣдъ партизана, т. V, 624.

Давыдовъ, Денисъ Вас., ген.-лейтен., извѣстный партизанъ и поэтъ, род. 1784 † 1839 г. Біографическій очеркъ его, т. V, 624—639. Записки его: воспоминанія о польской войнѣ 1831 г., т. VI, 1—38; 309—390. Эпоха паденія Наполеона и пріобрѣтеніе Россіею герцогства Варшавскаго, 2. Намѣренія Александра I относительно пріобрѣтеннаго края, 2—4. Дѣйствія его въ отношеніи поляковъ, 7—9. Послѣдствія, 9—10. Зарожденіе мятежа и приготовленія къ возстанію, 10—15. Замыслы заговорщиковъ, 15—16.

Покушеніе на жизнь цесаревича, 16. Начало мятежа и дѣйствія Совѣта правленія, 17—19. Хлопицкій, 19. Переговоры цесаревича съ депутатами отъ Совѣта правленія, 19—21. Диктаторство Хлопицкаго, 21—23; 32—34. Отступленіе цесаревича къ Пулавѣ, 23. Дѣйствія цесаревича и его отношенія къ полякамъ, 24—31. Паденіе Хлопицкаго, 34—36. Составъ польской арміи, 36—37. Засѣданіе сейма и избраніе кн. М. Радзивилла главнокомандующимъ, 37—38. Учрежденіе національнаго правленія, 310. Составъ русской арміи, 310—311. Причины продолжительности войны 1831 г., 311—312; 319—324. Дибичъ—виновникъ этой продолжительности, 312—316. Дибичъ, Ермоловъ и Паскевичъ, 316—317. Взглядъ польскаго крестьянства на возстаніе шляхетства и духовенства, 324—325. Причины равнодушія крестьянъ къ возстанію, 325—327. Обзоръ мѣстъ военныхъ дѣйствій, 327—330. Рапорты Дибича, 330—332. Разборъ его плановъ и дѣйствій, 333—348. Прибытіе составителя записокъ въ главную квартиру, 348. Пріемъ отъ главнокомандующаго и графа Толя, 348. Предписаніе Дибича партизану Давыдову, 349. Критическій разборъ этого предписанія, 350—354. Главная квартира въ Шеницѣ, 355—356. Непредставительность Дибича въ сравненіи съ другими русскими полководцами, 356—359. Нерасположеніе императора Николая Павловича къ Ермолову, 359—360; 362. Слухи объ Ермоловѣ въ Петербургѣ 1825 г., 360—361; 364. Опроверженіе Ермолова на доносъ Паскевича, 363—364. Сѣщеніе Ермолова 1827 г., 364—365. Сраженіе при Милосвѣ 1831 г., 367. Пріѣздъ Давыдова къ отряду, 367—368. Полковникъ Анрепъ, впослѣдствіи графъ Анрепъ-Эльмптъ, 368—369. Диспозиція войскъ своднаго корпуса, 369—370. Дѣйствія русскихъ и польскихъ войскъ, 370—385. Смерть Дибича, 385. Назначеніе Паскевича главнокомандующимъ, 385. Польская анархія, 386—387. Послѣдніе дѣйствія русскихъ и окончаніе войны, 387—390. Замѣтки на приведенныя записки, т. VI, 399—402. Письмо партизана Давыдова къ гр. Чернышеву 1831 г., т. VI, 403. Письмо его къ графу Толю 1831 г., т. VI, 404—405. Упом. т. V, 778; т. VI, 264, 477, 492, 523.

Давыдовъ, Денисъ Денисов., полковникъ, т. V, 638.

Давыдовъ, Дмитр. Денисов., т. V, 624.

Давыдовъ, Евдокимъ Вас., ген.-маіоръ, т. V, 625, 630.

Давыдовъ, Ив. Ив., проф., визитаторъ народныхъ училищъ, впослѣдствіи директоръ педагогическаго института. Жалоба на него смотрителя сѣвскихъ училищъ Шелкова, 1829 г., т. VI, 445—446.

Давыдовъ, Левъ Васил., ген.-маіоръ † 1848 г., т. V, 625.

Давыдовъ, Левъ Денисов., т. V, 624.

Давыдовъ, Никол. Денисов., т. V, 638.

Давыдовъ, Петръ Львов., гофмейстеръ, † 1842 г., т. V, 632.

Дадашъ-Векъ, т. VI, 169, 180.

Даль, дѣйств. стат. сов., совѣтникъ таможенныхъ дѣлъ 1780 г. Отношенія его къ А. Н. Радищеву, т. VI, 578—579.

Даль, Влад. Ив., литераторъ, † 1872 г., т. VI, 684.

Дамаскинъ, (Димтр. Семен. Рудневъ), архіеписк. нижегородскій 1784—1794 г., р. 1737 † 1795 г. Черта характера его, т. V, 139.

Даневскій, авторъ «Исторіи государственнаго совѣта», т. V, 472.

Даниловскій, Г. П. Сообщ. замѣтку по поводу столѣтія со дня рожденія основателя Харьковскаго университета В. Н. Каразина, т. VI, 294—296.

Даниловскій, Николай, авторъ: «Описанія смерти Александра I», т. VI, 158.

Даниловъ, ген.-лейтенантъ 1720-хъ гг., т. VI, 235.

Даніель-Векъ, султанъ Елисуйскій, † 1871 г., т. V, 438.

Дарія Арчиловна, мегрелинская царевна 1724 г., т. V, 801.

Дарья, служанка, т. VI, 289.

Дасаевъ, капитанъ. Истязаніе и убіеніе его военными поселянами 1831 г., т. VI, 548.

Дашкова, кн. Екатер. Роман., рожд.

гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г. Ея смѣлость, т. V, 130 — 131. Упом. т. V, 241; т. VI, 573.

Дашковъ, 1704 г., т. V, 913, 923.

Дверницкій, начальникъ польскихъ войскъ. Дѣйствія его въ польскую кампанію 1831 г., т. VI, 30, 338, 349—354, 366, 369—372, 375—378.

Деазля, Томасъ, оружейникъ, т. V, 331.

Де-Вилетъ, капитанъ, т. V, 942.

Девисъ, архитекторъ, т. V, 174.

Девонширскій, герцогъ, т. V, 540.

Делиль, Николай Іосифъ, академикъ 1740 г., т. VI, 689.

Деллингсгаузенъ, бар. Ив. Ѳедоров., флиг.-адъютантъ, впослѣдствіи ген.-лейт. и ген.-адъютантъ, † 1845 г. Свидѣтельство о немъ Давыдова, т. VI, 380—381.

Делямаръ, провіантмейстеръ морскаго вѣдомства, т. V, 613.

Дембовскій, членъ совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19, 20.

Дембровскій, Кондратій, воспитанникъ театральн. училища, танцоръ, т. VI, 304, 305.

Демидовъ, мичманъ 1816 г., т. V, 394.

Демидовъ, Петръ, гв. прапорщ. 1801 г., т. V, 681.

Демяновъ, Г. С. Сообщ. списокъ съ пѣсни «Гласъ вопіющаго въ поселеніяхъ», т. VI, 591.

Денгофъ, маршалъ польскихъ конфедератовъ 1707 г., т. V, 821.

Денисовъ, штабсъ-капитанъ. Истязаніе и убіеніе его военными поселянами 1831 г., т. VI, 548.

Денисовъ, Иванъ, 1723 г., т. V, 876

Денферъ, Августъ Ульянов., новгород. губернаторъ 1831 г., т. VI, 233, 554, 555, 557, 558.

Деръ 1-й, ген.-маіоръ, ген.-инженеръ 1831 г., т. VI, 311.

Дерерадовичъ, поручикъ 1827 г., т. VI, 261.

Де-Пуле, М. Ѳ. Сообщ. замѣтку о портретѣ Петра Великаго, находящемся въ Полтавѣ, т. V, 958 — 962. Упом. т. V, 787, 790.

Державинъ, Гавр. Романов., писатель. Пререканія его съ Гарновскимъ, т. V, 237 — 238. Свидѣтельство о немъ Витберга, т. V, 552. Гнѣвъ имп. Павла, т. VI, 89. Упом. т. V, 216, 220, 222, 231, 233; т. VI, 288.

Джафаръ-Кули-Ага, полковникъ, т. V, 718, 444.

Джафаръ-Кули-Ханъ, шекинскій ханъ 1807 г., т. V, 717.

Дзеваховъ, протоіерей тифлисскаго воен. госпиталя 1827 г. О наградѣ ему, т. VI, 500.

Дзеньковскій, польскій генералъ. Дѣйствія его въ кампанію 1831 г., т. VI, 381, 382, 383, 385.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., фельдмаршалъ, р. 1785 † 1831 г. Путешествіе его въ свитѣ государя внутрь Россіи 1824 г., т. V, 355—378. Путешествіе на югъ Россіи 1825 г., т. VI, 102—147. Поѣздка въ Варшаву 1825 г., т. V, 379—388. Письма къ нему Паскевича 1826 г., т. V, 708—709; т. VI, 41—43. Донесенія императору Николаю по дѣламъ Паскевича и Ермолова 1826—1827 гг., т. VI, 45—57, 64 — 68, 243 — 249, 253 — 255, 257 — 273, 279. Дѣйствія въ Грузіи и поступки въ отношеніи Ермолова, т. VI, 316 — 317, 485 — 487. Письмо Ермолова, т. VI, 43. Представленное Ермоловымъ мнѣніе на счетъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Персіи, т. VI, 249 — 253. Отвѣтъ Ермолову, т. VI, 253. Письмо къ гр. Толстому, т. VI, 256 — 257. Назначеніе главнокомандующимъ арміей въ войнѣ съ Польшею 1831 г., т. VI, 311. Характеристика его, т. VI, 312—316. Критическій разборъ его плановъ и дѣйствій во время польской кампаніи, т. VI, 318—220, 330—332, 335—357, 367, 373—385. Непредставительность его въ сравненіи съ другими русскими полководцами, т. VI, 356 — 357. Упом. т. V, 337, 342, 441, 706; т. VI, 36, 61, 349, 405, 475—477, 480, 514, 523, 530, 531, 699.

Дидло, балетмейстеръ 1816 г. Замѣтки о немъ П. А. Каратыгина, т. VI, 297—303.

Дидло, Карлъ, сынъ предъидущаго, танцовщикъ 1816 г., т. VI, 299.

Дидро, Денисъ, философъ XVIII стол., т. V, 346, 768.

Дишканецъ, управляющій имѣніями кн. Голенищева-Кутузова, т.V, 695, 698.

Дмитріева-Мамонова, Анна Иван., рожд. Бобрыкина, р. 1723 † 1792 г., т. V, 143.

Дмитріевъ, Александръ, камердинеръ, т. VI, 169.

Дмитріевъ, Ив. Ив., членъ государств. совѣта, баснописецъ, † 1837 г., т. V, 24, 159, т. VI, 686.

Дмитріевъ, Мих. Александр., писатель. Отвѣтъ его на экспромтъ Ѳ. Н. Глинки Ермолову, т. VI, 540.

Дмитріевъ, С. А., поручикъ 1831 г., т. VI, 549.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александ. Матв., любимецъ Екатерины II, р. 1758 † 1803 г., т. V, 14².

Дмитрій, св. (Туптало), митрополитъ Ростовскій. Письмо его къ отцу Ѳеологу, т. V, 952. Письмо къ М. Г. Грохольскому, т. VI, 292 — 293, Упом. т. VI, 698, 699.

Доббертъ-фонъ, медикъ 1825 г., т. VI, 104, 129, 155.

Добрынинъ, Гавр. Ив., р. 1752 † 1824 г. Ссылка на его записки, т. V, 143.

Добрынскій, вятскій граждан. губернаторъ. Отрѣшеніе его отъ должности и преданіе суду за злоупотребленія по управленію Вятской губерніей, 1824 г., т. V, 374.

Довъ, (Дау), художникъ-живописецъ, членъ лондонской и с.-петерб. академій художествъ. О портретѣ, написанномъ имъ съ Ермолова, т. VI, 519—520. Упом. т. VI, 514.

Док — ій. Сообщ. письма партизана Давыдова къ гр. Чернышеву и гр. Толю 1831 г., т. VI, 403—405.

Доводовскій, Александръ, 1715 г., т. V, 885.

Долгово-Сабуровъ, полковн., бригадн. командиръ 1826 г., т. V, 712, 713, 722.

Долгорукой, князь 1810 г., т. V, 259, 688.

Долгорукой, князь 1707 г., т. V, 842.

Долгорукой, князь, полковой командиръ 1799 г., т. V, 254.

Долгорукой, кн., ген.-маіоръ 1829 г., т. VI, 199.

Долгорукой, князь, сенаторъ. Ревизія его въ Вяткѣ, 1824 г., т. V, 374.

Долгорукой, князь Вас. Андр., генлейтен., ген.-адъютантъ, воен. министръ, потомъ шефъ жандармовъ, р. 1804 г., т. VI, 71, 593.

Долгорукой, кн. Василій Вас., гвард. маіоръ 1777 г., т. V, 615.

Долгорукой, кн. Васил. Влад., ген.-фельдмарш., членъ верховн. тайн. совѣта, р. 1667 † 1746 г., т. V, 798, 883, 935, 937; т. VI, 560, 566.

Долгорукой, кн. Влад. Мих., 1704 г., т. V, 911.

Долгорукой, кн. Григорій Прохоров., 1715 г., т., V, 883.

Долгорукой, кн. Григ. Ѳед., дѣйств. тайн. совѣтн., русскій посолъ въ Польшѣ, р. 1657 † 1723 г. Письмо его къ барону П. П. Шафирову 1719 г., т. V, 929. Упом. т. V, 885; т. VI, 560.

Долгорукой, кн. Илья Андр., ген.-лейтен., ген.-адъютантъ, р. 1797 † 1848 г., т. V, 775, 779.

Долгорукой, кн. Мих. Влад., дѣйств. тайн. сов., членъ верхов. тайн. совѣта, р. 1667 † 1750 г., т. V, 883.

Долгорукой, кн. Никол. Андр., ген. отъ кавал., ген.-адъютантъ, полномочный министръ при персидскомъ дворѣ, р. 1794 † 1847 г., т. VI, 48, 190, 191, 317.

Долгорукой, кн. П. В., издатель «Зап. Давыдова» въ Лондонѣ, т. V, 639. Упом. т. V, 463; т. VI, 698.

Долгорукой, кн. Петръ Никол., бригадиръ, 1791 г., т. VI, 410—412, 418—420, 424, 425.

Долгорукой, кн. Петръ Петр., ген. отъ инфантеріи, московскій губернаторъ, р. 1744 † 1815 г., т. V, 672.

Долгорукой, кн. Серг. 1812 г., т.V, 656.

Долгорукой, кн. Юрій Влад., генер. отъ инфантеріи, р. 1740 † 1830 г., т. VI, 407.

Долгорукой, кн. Як. Ѳед., боярин, сенаторъ, р. 1639 † 1720 г., т. V, 850, 851, 883.

Долгорукой-Крымскій, кн. Василій Мих., ген.-аншефъ, москов. главнокомандующій, р. 1722 † 1782 г. Разсказъ о немъ,

т. V, 136, 138. Сожалѣніе о его смерти императрицы Екатерины II, т. V, 138—139. Поступокъ его въ отношеніи гр. З. Г. Чернышева, т. V, 772.

Долеръ, К. Х., докторъ, т. VI, 238.

Долинскій, дѣйств. стат. сов. 1831 г., т. VI, 553.

Донауровъ, Мих. Ив., тайн. совѣтникъ, т. V, 685.

Дора, франц. писатель, т. V, 231.

Дороѳей, новоспасскій архимандритъ 1724 г., т. V, 801.

Доссъ, Н. Ф., художн. сдѣл. портр. Рябинина, т. V, 497.

Дохтуровъ, Дмитр. Серг., генер. отъ инфант., корпусный командиръ 1812 г., † 1816 г., т. VI, 70.

Друвиль, полковникъ 1826 г., т. VI, 41.

Дружининъ, правитель канцеляріи министер. финансовъ 1819 г., т. V, 535; т. VI, 505.

Дружининъ, А. В., писатель, т. V, 733.

Друцкой-Любецкій, князь Ксаверій Францов., министр. финансовъ въ царствѣ польскомъ, потомъ членъ россійск. государственаго совѣта и дѣйств. тайн. сов., р. 1778 † 1846 г., т. V, 41.

Дубасовъ, Автамонъ 1724 г., т. V, 880, 881.

Дубельтъ, Леонтій Вас., начальникъ штаба корпуса жандармовъ. Письма его къ Булгарину о Н. А. Полевомъ, 1846 г., т. V, 299. Упом. т. V, 317, 318, 323; т. VI, 70, 71.

Дубенскій, учитель 1827 г., т. V, 293, 294.

Дубровинъ, Н. Ѳ., историкъ Кавказа. Примѣчаніе его къ донесеніямъ князя Паскевича, т. VI, 280. Поправка этого примѣчанія, т. VI, 699.

Дудышкинъ, Степ. Семен. Объ изданіи имъ стихотвореній Лермонтова, т. V, 284—285. 291.

Думшинскій, губернскій секретарь 1835 г., т., VI, 584

Думшинъ, Г. А. Сообщ. списокъ «Маіора» Ѳедотова, т. VI, 208.

Дундуковъ-Корсаковъ, князь В. М., 1855 г., т. V, 451, 453.

Дурасовъ. Егоръ Александр., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, † 1855 г. Ревизія его въ Вяткѣ, 1824 г., т. V, 374.

Дурново, Мих. Дмитр. Разсказъ его объ императорѣ Павлѣ, т. VI, 90 — 91.

Дурново, Никол. Дмитр., генер. отъ инфантеріи, † 1816 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 90 — 91.

Дуровъ, Сергѣй участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74.

Дуровъ, Н. П. Сообщ. солдатскую сказку Ѳ. С. Чернышева, т. V, 970. Описаніе смерти Александра I, т. VI, 149—162.

Дьякова, Марія Алексѣев., въ замуж. Львова. Дружескія отношенія ея къ Хемницеру, т. V, 222 — 223.

Дьяковъ, т. V, 695.

Дьяковъ, Алексѣй Аѳанас., сенаторъ, оберъ-прокуроръ, 1780 г., т. V, 222.

Дыдымовъ, поручикъ 1851 г., т. VI, 538.

Дюбарри, фаворитка Людовика XV, т. V. 602.

Дюмонъ, воспитанница театральнаго училища 1816 г., впослѣд. жена актера Ефремова, т. VI, 302.

Дюръ, Николай Осип., впослѣд. извѣстный актеръ и комическій пѣвецъ. Замѣтка о немъ, т. V, 303. Упом. т. V. 430.

Дѣевъ, Алексѣй, бургомистръ 1710 г., т. V, 940.

Е.

Евдокія Ѳедоровна, царица, первая жена Петра Великаго, р. 1669 † 1731 г. Отношенія къ ней Петра и заключеніе ея въ монастырь, т. V, 803. Распоряженія Петра о ея постриженіи, т. VI, 671. Упом. т. VI, 665.

Евреиновъ, подполковн. 1827 г., т. VI. 261.

Европеусъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74.

Европеусъ, Анна Иван., т. VI, 232.

Европеусъ, Ив. Исаков., докторъ. Воспоминанія его о службѣ въ военномъ поселеніи и объ отношеніяхъ къ гр. Аракчееву, т. VI, 225—241. Письма къ нему графа, т. VI, 241 — 242. Воспоминанія о бунтѣ военныхъ поселянъ 1831 г., т. VI, 547—558.

Игорова, Вѣра Иван., рожд. Мартосъ, т. V, 578.

Игоровъ, Алексѣй Егор., профессоръ живописи, р. 1776 † 1851 г., т. V, 532, 578.

Изерскій, депутатъ къ импер. Николаю отъ Варшавскаго временнаго правительства 1831 г., т. VI, 21, 32.

Екатерина I, императрица, т. V, 803, 892, 893, 894.

Екатерина II, императрица. Отношенія ея къ Н. С. Мордвинову, т. V, 37—38. Отправленіе въ Лейпцигъ молодыхъ людей для изученія правовѣдѣнія 1765 г., т. VI, 574. Учрежденіе новаго тарифа, т. VI, 579. Довѣріе къ А. Н. Радищеву, т. VI, 579. Повелѣніе объ именованіи перваго гренадерскаго полка—лейбъ-гренадерскимъ 1775 г., т. V, 247. Покровительство кн. Четвертинскимъ, т. V, 630. Докладъ сената о мѣстѣ для памятника Петру Великому, т. V, 957. Указъ сенату о ссылкѣ Радищева въ Сибирь 1790 г., т. VI, 436—437. Разсказы изъ ея царствованія, т. V, 129—147; 457—468; 670—680; 767—772. Упом. т. V, 44, 173. 217, 218, 219, 224, 229, 236, 243, 244, 246, 251, 388, 468, 498, 575, 614, 661, 782; т. VI, 87, 88, 89, 90, 106, 111, 406, 487, 676, 686, 691.

Екатерина Іоанновна, царевна. Письма ея къ В. Ѳ. Салтыкову 1723 г., т. VI, 566—567. Упом. т. V, 798; 799; т. VI, 564.

Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская. Посѣщеніе ею Кіевопечерскаго монастыря, т. VI, 286.

Екиматовъ-Писаревъ, капитанъ-поручикъ. Указъ къ нему Петра Великаго о починкѣ судовъ, т. VI, 668, 669. Упом. т. VI, 665.

Екимовъ, Василій, сержантъ 1707 г., т. VI, 667.

Елагинъ, Ив. Перфильев., оберъ-гофмейстеръ и сенаторъ, писатель, р. 1725 † 1796 г., т. V, 466.

Елена Васильевна, великая княгиня, правительница, жена вел. кн. Василія III, рожд. княж. Глинская, † 1538 г. Отношенія ея къ дядѣ кн. М. Глинскому, т. V, 272.

Елена Павловна, великая княгиня, т. V, 251.

Елизавета Александровна, великая княжна, р. 1806 † 1809 г., т. VI, 285.

Елизавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа), императрица, р. 1779 † 1826 г. Болѣзнь ея, т. V, 359, 378. Болѣзнь и путешествіе въ Таганрогъ 1825 г., т. VI, 100—103. Пребываніе въ Таганрогѣ, т. VI, 104. Заботливое вниманіе къ ней супруга, т. VI, 109. Болѣзнь его и уходъ за нимъ императрицы, т. VI, 124—127. Кончина императора, т. VI, 128. Самообладаніе государыни, т. VI, 128, 130, 131. Преданность ея Александру, т. VI, 287—288. Разсказъ о ней, т. VI, 676. Упом. т. V, 247; т. VI, 132.

Елизавета Петровна, императрица. Распоряженіе ея о портретѣ Петра Великаго, подаренномъ духовнику его Тимоѳею Надаржинскому, 1753 г., т. V, 956—957. Основаніе лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка 1756 г., т. V, 246. Пожалованіе Глѣбова оберъ-прокуроромъ сената, т. V, 674. Даритъ письма Петра I-го фрейлинѣ Гурьевой, т. VI, 666. Упом. т. V. 129. 135, 140, 239. 245, 251, 799—801, 894, т. VI, 693.

Елустафьевъ, Илья, крестьян., т. V, 498, 499.

Еремѣевъ, Иванъ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 939.

Ермакъ, былина о немъ, т. VI, 702.

Ермолаевъ, вятскій вице-губернаторъ 1824 г., т. V, 374.

Ермолай, попъ, т. VI, 696.

Ермолова, Марія Денис., рожд. Давыдова, въ перв. замуж. Каховская, т. VI, 487.

Ермолова, Софія Алексѣев., т. V, 453.

Ермоловъ, Александръ Петров., ген.-поруч., фаворитъ Екатерины II, р. 1754 † 1836 г., т. V, 138, 140; т. VI, 88.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., генер. отъ артил., членъ гос. совѣта, р. 1777 † 1861 г Обзоръ его служебной дѣятельности, т. VI. 478—486. Его наружность, нравъ, характеръ и своеобразность, т. VI, 487—490. Московская жизнь его, т. VI, 490. Примѣръ необычайной физическ. силы, т. VI. 490—491. Характеристика его, т. VI,

358 — 360. Донесенія императору Александру 1812 и 1820 гг., т. VI, 493—496; 497 — 498. Письмо къ Аракчееву, т. VI, 496 — 497. Предписаніе дистанціонному коммиссіонеру, т. VI, 497. Письмо къ кн. П. М. Волконскому, т. VI, 498—499. Генералу Паскевичу, т. VI, 499—500. Дежурному генералу главнаго штаба, т. VI, 500. Отношенія къ Дибичу и Паскевичу, т. VI, 40 — 58; 65 — 69; 243; 316 — 318; 348; 362; 475 — 477. Объ отношеніяхъ къ нему императора Николая, т. VI, 359 — 362. Письмо къ Дибичу, т. VI, 43. Объясненіе о 42-мъ егерскомъ полку, о полковникѣ Реуттѣ, почему крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ и о томъ, какимъ образомъ защита пограничной крѣпости была ввѣрена Ильинскому, т. VI, 58—60. Донесеніе императору Николаю, т. VI, 61 — 64. Представленное Дибичу мнѣніе о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Персіи, т. VI, 249 — 253; 255 — 256. Отвѣтъ Дибича, т. VI, 253. Слухи, распространяемые врагами его въ Петербургѣ, т. VI, 360—365. О доносахъ на него Паскевича, т. VI, 385—386. Опроверженіе на доносъ, т. VI, 363—364. Увольненіе отъ службы, т. VI, 267, 272. Предписаніе Бенкендорфу, т. VI, 277 — 278. Причины удаленія съ Кавказа, т. V, 706—726. Воспоминанія о немъ С. И. Храповицкаго, т. VI, 539—542. Письмо къ нему намѣстника кавказскаго Н. Н. Муравьева, 1855 г., т. VI, 542—543. Письмо къ Н. Г. Устрялову по поводу «Исторіи 20-ти-лѣтія царствов. императ. Николая», 1847 г., т. VI, 290—292. Письма къ кн. В. О. Бебутову, 1846—1857 гг., т. V, 431—456. Переписка съ П. А. Кикинымъ 1817—1832 гг., т. VI, 501 — 537. Упом. т. V, 8, 19, 41, 42, 624, 628, 632, 636, 637; т. VI, 243, 244, 258, 259, 261, 268, 280, 324, 377, 382, 492, 544, 606, 699.

Ермоловъ, Викторъ Алексѣев., офиц. 1854 г., сынъ Алек. Петр., т. V, 446, 448.

Ермоловъ, Клавдій Алексѣев., офицеръ 1846 г., сынъ Алексѣя Петр., т. V, 434, 435, 437, 442, 448 — 450; 452 — 454.

Ермоловъ, Н. П., г. VI, 476, 478, 483, 489.

Ермоловъ, Петръ Алексѣев., стат. совѣтн., † 1832 г. Замѣтка о немъ, т. VI, 487. Упом. т. V, 624; т. VI, 492.

Ермоловъ, Северъ Алексѣев., офицеръ 1846 г., сынъ Алекс. Петр., т. V, 434—438, 440.

Ермоловъ, Петръ Никол., ген.-маіоръ, р. 1787 † 1844 г., т. V, 453.

Ермоловъ, Сергѣй Никол., ген.-маіоръ тифлисскій ген.-губернаторъ, впослѣд. ген.-лейтенантъ, † 1856 г., т. V, 441, 442.

Ершикина, Софія Алексѣев. Рѣшеніе импер. Павломъ ея процесса съ Олсуфьевой, т. VI, 88.

Ершовъ — 1720-къ гг., т. VI, 564, 565.

Ершовъ, Петръ Дмитр., ген.-аншефъ, москов. главнокомандующ., р. 1724 † 1805 г. Безкорыстіе его, т. V, 679—680.

Ершовъ, т. VI, 566.

Ершовъ, Василій. Донесеніе его кн. А. Д. Меншикову по дѣлу о воровствѣ Щукина, 1708 г., т. V, 915—917.

Есиповъ, Г. В. Сообщ. донес. о кладѣ Александра Македонскаго, т. V, 953—956. Повелѣніе Александра I объ обращеніи съ крестьянами 1802 г., т. VI, 281—283.

Ефремовъ, актеръ, т. VI, 302.

Ефремовъ, Петръ Александ., библіографъ. Сообщ. Стих. Рылѣева: думы, сатиру, посланія и юношес ія стихотворенія, т. V, 62—67; 270—282; 640—646; 758—766. Сочиненія Лермонтова: стихотворенія, отрывки и письма, т. V, 84, 284 — 296. Замѣтку объ изд. сочиненій Лермонтова, т. V, 284—285. Стихотвореніе изъ альбома Щербины, т. V, 155 — 156. Примѣчаніе къ замѣткѣ о М. Ѳ. Орловѣ, т. V, 781. Некрологъ А. Н. Аѳанасьевъ, т. V, 787—790. Одинъ изъ списковъ: сказки Ѳ. С. Чернышева, т. V, 970. Заграничное изданіе «Маіора» Ѳедотова, т. VI, 208, 209. Упом. т. V, 138, 147, 430, 966; т. VI, 438.

Ж.

Ж....., Екат. Вас., рожд. Патерсонъ. Разсказъ ея о посѣщеніи Александромъ I ея отца, т. VI, 145—148.

Жандръ, Андрей Андр., т. V, 428.

Жанъ-Жанъ. Сообщ. Распоряженіе имп. Елизаветы о портретѣ Петра Великаго, подаренномъ Надаржинскому, т. V,

956—957. Докладъ сената Екатеринѣ II о мѣстѣ для памятника Петру I, т. V, 957—958. Указъ Петра III синоду о соблюденіи правосудія 1762 г., т. VI, 567—568.

Ждановъ, Прохоръ Ив., учитель въ кадет. корпусѣ, т. VI, 289.

Желтухиныхъ, 1824 г., т. VI, 516.

Жеонловъ, (Jeonlow). Письма его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 913—914.

Жеребцовъ Петръ Никол., генер.-лейтенантъ, т. VI, 289.

Жеромъ, (Іеронимъ Бонапартъ, братъ Наполеона I), король вестфальскій, т. VI, 611, 628.

Жилярди, Антонъ Рафаилов., архитекторъ, т. V, 529—577.

Жолкѣвскій, польскій гетманъ 1610 г., т. V, 334, 337.

Жомини, бар. Генрихъ Вильямов., генер.-адъютантъ, ген. отъ инфантеріи, членъ воен. коллегіи, военный писатель, р. 1773 г., т. VI, 6.

Жуковскій, ген.-интендантъ 1826 г., т. V, 707; т. VI, 68, 259.

Жуковскій, Вас. Андр., поэтъ, р. 1783 † 1852 г. Отрывокъ изъ его стихотв. на рожденіе в. кн. Александра Николаевича, т. V, 419. Упом. т. VI, 573, 582.

Журавко, ротный командиръ 1831 г., т. VI, 549.

Журсанво, баронъ, составившій собраніе историческихъ актовъ, т. V, 341.

Жюль-Жаненъ, француз. журналистъ-критикъ, т. VI, 307.

З.

Заблоцкій - Десятовскій, А. П., статсъ-секретарь 1861 г., т. VI, 455.

Заборовскій, маіоръ, 1715 г., т. V, 886.

Забржезенскій, польскій вельможа 1506 г., т. V, 271.

Заффла, бунчуковый товарищъ, сдѣлавшій доносъ на Мазепу въ 1699 году, т. V, 931.

Завадовская, гр. Вѣра Никол., рожд. гр. Апраксина, † 1845 г., т. V, 246.

Завадовская, гр. Тат. Петр., въ замужествѣ Каблукова, т. V, 246.

Завадовскій, Василій, бунчуковый товарищъ, т. V, 245.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., дѣйств. тайн. сов., ст.-секретарь Екатерины II, впослѣдствіи мин. народ. просвѣщ. и предсѣдат. департамента законовъ, род. 1738 † 1812 г. Замѣтка о немъ, т. V, 245—246. Упом. т. V, 656; т. VI, 414, 421.

Завьяловъ, Ив. Агапитовъ, крестьянинъ, т. V, 498.

Загряжскій, Никол. Александр., оберъ-шенкъ, † 1821 г., т. V, 336.

Заикинъ, Иванъ, книгопродавецъ и издатель 1827 года, т. VI, 157, 583, 584.

Заіончекъ, кн. Іосифъ, ген. отъ инфантеріи, вице-король Царства Польскаго 1825 г., † 1826 г., т. V, 383, 385.

Закревскій, гр. Арсеній Андр., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, московскій ген.-губернаторъ, р. 1783 г., т. V, 448, 635; т. VI, 502, 513, 514, 518, 528, 530.

Заленскій, издатель «Украинской Старины» 1866 г., т. VI. 295.

Заленскій, Степанъ, портной 1704 г., т. V, 912.

Зальцеръ, ротный командиръ 1831 г., г. VI, 549.

Замойскій, помѣщикъ 1831 г., т. VI, 37.

Замойскій, польскій гетманъ, т. V, 334.

Замойскій, графъ, адъютантъ Хлопицкаго 1831 г., т. VI, 22.

Замятнинъ, Александ. Гавр., любимецъ Румянцева-Задунайскаго. Разсказъ о немъ, т. V, 131—132.

Зарембо, лейтенантъ 1834 г., т. V, 405, 406.

Зарифъ - Мустафъ - паша, муширъ, предводитель турецкаго корпуса 1854 г., т. V, 432.

Зассъ, генералъ. Побѣда его надъ турками въ 1811 году, т. V, 266.

Засѣкинъ, князь, 1715 г., т. V, 885.

Захаровъ, Яковъ, поваръ, т. VI, 169.

Захрисонъ, шведъ, 1798 г., т. V, 243.

Звіерковскій, одинъ изъ главнѣйшихъ

членовъ польскаго заговора въ 1831 г., т. VI, 16.

Злогостевъ, т. VI. 700.

Злотницкая, въ замуж. кн. Голицына, т. V, 635.

Змаевичъ, морской офицеръ, 1715 г., т. V, 886.

Золотарева, Е. Д., въ замуж. Маннева, т. V, 637.

Зотова, гр. Анна Еремѣев., рожден. Пашкова, въ 1-мъ замуж. Стремоухова, въ 3-мъ—Бутурлина. Свадьба ея въ 1715 году, т. V, 859—860.

Зотовъ, Вас. Никитичъ, впослѣд. бригадиръ и ген.-ревизоръ, т. V, 883.

Зотовъ, Григорій, екатеринбург. заводскій правитель. Его знанія по горному дѣлу и разговоръ его съ государемъ, 1824 г., т. V, 366—372.

Зотовъ, Зах. Константиновичъ, т. VI, 425.

Зотовъ, Ив. Никитичъ, т. V, 856, 857, 881, 883.

Зотовъ, Кононъ Никитичъ, капит.-лейт., впослѣд. контръ-адмиралъ и ген.-экипажмейстеръ флота, † 1742 г. Письмо его къ царю Петру по поводу шутовской свадьбы отца 1715 г., т. V, 857—858. Упом. т. V, 856. 859, 860, 883.

Зотовъ, гр. Никита Моисеев., (князь-папа), первый воспитатель Петра Великаго, потомъ думн. дворянинъ, посолъ въ Крыму, ген.-президентъ ближней канцеляріи и тайн. совѣтн. Шутки надъ нимъ царя и роль его въ «сумазброднѣйшемъ соборѣ», т. V, 848—856. Шутовская свадьба его въ 1715 г., т. V, 856—860; 881—889. Упом. т. V, 879.

Зотовъ, графъ Никол. Ив., дѣйств. стат. совѣтникъ, т. VI, 108.

Зубовъ, гр. Валерьянъ Александр., ген.-аншефъ и членъ государст. совѣта, р. 1771 † 1804 г. Вражда его съ кн. Потемкинымъ, т. V, 467. Упом. т. V, 214. 240.

Зубовъ, гр. Никол. Александр., оберъ-штальмейстеръ, р. 1763 † 1805 г., т. VI, 406, 409.

Зубовъ, кн. Платонъ Александр., ген.-фельдцейхмейстеръ, впослѣд. генер. отъ инфантеріи и шефъ перваго кадет. корпуса, р. 1767 † 1822 г. Упом. т. V, 144. 145, 259, 460; т. VI, 406, 411, 415, 418. 424, 425, 676.

Зуевъ, Д. Павл., т. VI, 1.

Зуевъ, Петръ Павл. Сообщ. списокъ соч. Д. Давыдова: «Воспоминанія о польской кампаніи 1831 года», т. VI, 1.

Зузинъ, Александръ, губерн. прокуроръ 1800 г., т. VI, 98.

Зурабъ-ханъ, т. VI, 176.

Суровъ, Эпиѳифоръ Антіохов., адъютантъ-ротмистръ 1825 г., т. VI, 133.

Зыковъ, П. А., докторъ. Шутка съ нимъ А. П. Ермолова, т. VI, 490—491.

И.

Ибердусовъ, И. А., художникъ. Сообщ. дополненія къ «Маіору» Ѳедотова, т. VI, 208. Упом. т. V, 582.

Ивановъ, тульскій тражд. губернат. Высочайшее распоряженіе къ нему на счетъ ген.-маіора Измайлова 1802 г., т. VI, 649—650.

Ивановъ, Антипъ, цѣловальникъ 1710 года, т. V, 940.

Ивановъ, Дмитр. Иван., живописецъ. О медали, полученной имъ въ 1808 г. за картину «Марѳа Посадница», т. V. 159—160. Уп. т. V, 119, 120, 579.

Ивановъ, Ефимъ, камердинеръ, т. VI. 465, 695, 697.

Ивановъ, Ив. Мих., т. V, 953—956.

Ивановъ, Михаилъ, волошанинъ. Извѣщеніе его о кладѣ Александра Македонскаго 1703 г., т. V, 953—956.

Ивановъ, Моисей Мих., т. V, 953—956.

Ивановъ, Никифоръ, сотникъ 1710 г., т. V, 940.

Ивановъ, Ѳома, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 939.

Иванъ Антоновичъ, императоръ, т. VI, 692.

Игельстремъ, гр. Осипъ Андр., (Оттонъ-Генрихъ), ген.-аншефъ, потомъ ген. отъ инфантеріи, русскій уполномоченный въ Стокгольмѣ, потомъ въ Варшавѣ, р. 1737 † 1823 г., т. VI, 18.

Измаилъ-Ага, начальникъ персид. конницы 1827 г., т. VI, 278, 279.

Измаилъ-Ханъ, ген.-маіоръ, † 1819 г., т. V, 718.

Измайлова, Марія Александ., розд. Нарышкина, р. 1730 † 1780 г., т. V, 460.

Измайловъ, капитанъ 1715 г., т. V, 886.

Измайловъ, Левъ Дмитр., отставн. ген.-лейтенантъ, тульскій помѣщикъ. Жестокости его въ отношеніи крестьянъ и судебное разбирательство по этому дѣлу 1827 г., т. VI, 649—664.

Измайловъ, Мих. Львов., приближенный Петра III, впослѣдствіи ген.-лейтен. Отношенія къ нему Екатерины II, т. V, 130.

Измайловъ, Мих. Мих., начальникъ Кремлевской экспедиціи 1785 г., впослѣд. дѣйст. тайн. сов., москов. главнокоманд., р. 1722 † 1800 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 87. Упом. т. V, 141, 460.

Ивонниковъ, Влад. Степ., профессоръ кіевскаго университета. Сообщ. свѣдѣнія о гр. Н. С. Мордвиновѣ, т. V, 35—43. Примѣчаніе къ мнѣнію Мордвинова относительно Крыма, т. V, 214.

Иловайскій, генер.-маіоръ 1827 года, т. VI, 268, 270, 386.

Иловайскій 3-й, ген.-лейтен. 1826 г., т. V, 712.

Иловайскій 4-й, начальникъ арріергарда 1812 г., т. VI, 617.

Ильинскій, маіоръ 1827 г., т. VI, 60, 61.

Ильинскій, Никол. Степан., протоіерей Грузинскаго Андреевскаго собора, впослѣд. архимандритъ и намѣстникъ Александроневской Лавры, † 1863 г. Разсказы его о гр. Аракчеевѣ, т. V, 470—472.

Ильинъ, 1812 г., т. V, 267.

Ильюченко, П. Н., коллеж. ассесоръ 1849 г., т. VI, 72.

Имамъ-дзум'э, т. VI, 203, 204.

Инеховъ, капралъ 1710 г., т. VI, 667.

Иностранцевъ, фельдъегерь 1827 г., т. VI, 64.

Инфлантъ, Николай. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, т. V, 906.

Ираклій 2-й, грузинскій царь, т. VI, 289.

Ириней, иркутскій архіепископъ, р. около 1785 † 1864 г. Резолюція его на отношеніе игумена одного изъ монастырей его епархіи, т. V, 477—478. Отношенія его къ губернатору Лавинскому, т. V, 684.

Исихій, іеромонахъ Палеостровскаго монастыря, т. VI, 694.

Искра, полтав. полковникъ, донесшій на Мазепу 1708 г., т. V, 930—931.

Искрицкій, т. V, 314.

Истомина, знаменитая танцовщица, т. VI, 299.

I.

Іаковъ I-й, король англ., т. VI, 323.

Іоакимъ, старецъ, т. V, 954.

Іоанна, (Гильберта или Ангелика), папесса. Замѣтки о ней, т. V, 865, 889, 890.

Іоаннъ, король шведскій 1572 г., т. VI, 686.

Іоаннъ IV-й Грозный, царь, р. 1530 † 1584 г., т. V, 36, 333, 624, т. VI, 686, 698, 702.

Іаннъ V-й Алексѣевичъ, царь, род. 1666 † 1696 г., т. VI, 561, 562, 563.

Іона, митрополитъ, экзархъ Грузіи. Письмо къ нему гр. Паскевича о погребеніи Грибоѣдова, т. VI, 202.

Іорданъ, граверъ, т. VI, 288.

Іосифъ II-й, императоръ германскій. Первое свиданіе его съ Екатериною II въ 1780 г., т. V, 136—137.

К.

Каблуковъ, Влад. Петр., дѣйств. тайный совѣтникъ, т. V, 246.

Кабе, франц. писатель, т. VI, 76.

Каверъ, генералъ 1831 г., т. VI, 375.

Кавецкій, членъ совѣта варшав. временнаго правленія 1831 г., т. VI, 19.

Казариновъ, Василій, 1715 г., т. V, 885.

Казначеева, Софья Александр. Сообщ. свѣдѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16.

Казначеевъ, капитанъ 1854 г., т. V, 447, 449.

Казумбекъ, помощникъ полиціймейстера Шушинской крѣпости 1826 г., т. V, 720.

Кайдановъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75, 76.

Кайсаровъ, генералъ 1831 г., т. VI, 381.

Кайсаровъ, Анд. Серг., маіоръ, † 1813 г., т. V, 264, 265, 668, 694.

Калачевскій, маіоръ 1829 г., т. VI, 169, 191.

Каліостро, извѣстный авантюристъ, т. V, 231.

Кало, Карлъ Ив., камердинеръ сенатора Яковлева, т. VI, 628, 634—636.

Калядинъ, С., переведшій «Разсужденіе о военной наукѣ», т. VI, 584.

Каменскій, гр. Никол. Мих., ген. отъ инфант., главноком. дунайскою арміею, р. 1776 † 1811 г. Болѣзнь его, т. V, 261—263. Упом. т. V, 783; т. VI, 355, 358.

Каминскій, польскій генералъ 1831 г., т. VI, 390.

Канаева, Татьяна, крестьян. дѣвушка, т. VI, 653.

Каницъ, полковникъ, прусскій коммиссаръ 1831 г., т. VI, 357,

Канкринъ, гр. Егоръ Францов., ген. отъ инфант., мин. финансовъ съ 1823 — 1844 гг., † 1845 г., т. V, 41, 244; т. VI, 203, 481.

Канкринъ, Францъ Ив., ст. сов., впослѣд. дѣйств. ст. совѣт., † 1816 г. Пожалованіе ему Павломъ I дома, т. V, 243—244.

Кантемиръ, князь, т. V, 243.

Кантемиръ, кн. Антіохъ Дмитр., писатель-сатирикъ, р. 1708 † 1744 г., т. VI, 690.

Кантемиръ, кн. Дмитр. Констант., внукъ молдав. господаря, р. 1749 † 1820 г., т. V, 136.

Капнистъ, Вас. Вас., стат. сов., писатель, р. 1756 † 1823 г., т. V, 216, 220, 221, 222, 227, 232, 233, 588, 592, 594, 595, 599, 600, 616, 623.

Капнистъ, Ив. Семен. Сообщ. Акад. Я. К. Гроту бумаги Хемницера, т. V, 216, 586, 612.

Капнистъ, Петръ Вас., т. V, 605, 618,

Капподистрія, гр. Ив. Ант., росс. ст.-секретарь, потомъ президентъ Греціи, р. 1776 † 1831 г. Отношенія его къ А. Л. Витбергу, 1817 г., т. V, 31, 160 Упом. т. VI, 359.

Карабанова, Анаст. Грит., рожд. Кисловская, р. 1731 † 1791 г., т. V, 133.

Карабановъ, Пав. Ѳед., археологъ. Историческіе разсказы и анекдоты, записанные имъ, т. V, 129—149; 457—468; т. VI, 285—290. Упом. т. V, 37, 606, 675.

Карабановъ, Ѳед. Леонт., бригадиръ вице-губернат. полоцкій 1774 г., р. 1738 † 1813 г., т. V, 133, 140.

Каразинъ, Вас. Назаров., р. 1773 † 1842 г. Письмо его къ гр. М. М. Сперанскому, т. V, 82—88. О стихахъ, написанныхъ на него Воейковымъ, т. V, 148—149. Взглядъ на Тавриду, т. V, 661—669. Заявленіе по поводу столѣтія со дня его рожденія, т. VI, 294—296.

Каразинъ, Филадельфъ Вас. Сообщ. письмо В. Н. Каразина къ М. М. Сперанскому 1810 г., т. V, 82—83. Взглядъ В. Н. Каразина на Тавриду, т. V, 661—669.

Карамзинъ, Никол. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г. Замѣтка объ отношеніяхъ его къ А. Ѳ. Воейкову, т. V, 147—148. Эпиграмма на него приписываемая Грибоѣдову, т. V, 766. Упом. т. V, 230, 482; т. VI, 210, 296, 686.

Карамышевъ, т. V, 567.

Карамышевъ, служащ. по горной части 1777 г., т. V, 616.

Каратыгина, Любовь Осипов., рожд. Дюрова, † 1828 г., т. V, 430.

Каратыгинъ, Вас. Андр., т. V, 426.

Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ. Воспоминанія его объ А. С. Грибоѣдовѣ, т. V, 423—430. Записки его: воспоминанія о русскомъ театрѣ во времена Александра I, т. VI, 297—308.

Карбонье, инженеръ-ген.-маіоръ 1817 г. Пререканія его съ Витбергомъ, т. V, 188—192, 528. Упом. т. V, 161, 529.

Карлъ, принцъ Курляндскій, т. V, 799.

Карлъ V, король франц., т. VI, 323.

Карлъ VII, король франц., т. VI, 323.

Карлъ XII, король шведскій, т. V, 520, 794, 853, 936; т. VI, 166.

Карлъ-Густавъ, шведскій король, т. VI, 233.

Карлъ-Людовикъ, маркграфъ баденъ-дурлахскій, т. V, 247.

Карніолинъ-Пинскій, тайн. сов. и сенаторъ, т. VI, 700.

Каррачи, художникъ, т. V, 692.

Карповъ, полков. командиръ 1827 г., т. VI, 263, 274, 279.

Карповъ, Кононъ, капитанъ 1715 г., т. V, 879, 886.

Карцовъ, тульскій гражд. губернаторъ 1827 г., т. VI, 663.

Карчагинъ, цѣловальникъ 1711 г., т. т. V, 939.

Каръ, Филиппъ Алексѣев., т. V, 679.

Касьяновъ, Ив. Аник., крестьянинъ, пѣв. былинъ. Воспоминанія его объ А. Ѳ. Гильфердингѣ, т. VI, 694—698.

Катасановъ, командиръ одного изъ казачьихъ полковъ. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 349, 369, 370, 377, 404.

Катеневъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. VI, 75, 77.

Катенинъ, драмат. писатель, т. V, 263.

Каульбарсъ, Карлъ Ив., ген.-поручикъ 1786 г., т. V, 138.

Каховскій, Александръ Мих., генералъ. Замѣтка о немъ, т. VI, 488. Упом. т. VI, 424.

Каховскій, Михаилъ, т. V, 624; т. VI, 487.

Кашевскій, предводитель отряда польскихъ войскъ 1831 г., т. VI, 674.

Кашинъ, Григорій, т. V, 877.

Квитницкій, генералъ 1831 г., т, VI, 384.

Кенбъ-Али-Султанъ, начальн. персидской конницы 1829 г., т. VI, 200.

Кейзерлингъ, маіоръ 1813 г., т. V, 697.

Кейзерлингъ-фонъ, Георгъ-Іоганнъ, представитель короля прусскаго при дворѣ Петра Великаго, 1707 г., † 1711 г. Отношенія его къ дѣвицѣ Монсъ, ходатайство за ея семейство и оскорбленіе его при русскомъ дворѣ, т. V, 803—844.

Келлеръ, прусскій баронъ 1786 г. Отзывъ о немъ Екатерины II, т. V, 142.

Кельсіевъ, писатель, т. V, 789.

Кеммереръ, К. А. дѣйств. ст. сов., завѣдывающій собственными Его Величества библіотеками и арсеналами. Статья его: «Доспѣхи Лжедмитрія I», т. V, 330—334.

Кёне, баронъ. Ссылка на его сочиненіе «Notices sur les sceaux et les armoiries de la Russie», т. V, 338.

Кешенъ, Петръ Ив., стат. совѣт., академикъ 1842 г., т. V, 661.

Кернъ, генералъ, инспекторъ оружейныхъ заводовъ, 1824 г., т. V, 876.

Кетлеръ, офицеръ русской службы 1831 г., т. VI, 389.

Кикина, Марія Ардаліон., рожд. Торсукова. Письма къ ней Ермолова, т. VI, 530—533. Упом. т. VI, 491, 503, 524, 525, 527, 528, 534.

Кикинъ, Алексѣй Андр., т. VI, 536.

Кикинъ, Петръ Андр. полковникъ и флиг.-адъютантъ 1812 г., впослѣд. статсъ-секретарь. Дружба его съ А. П. Ермоловымъ, т. VI, 490, 491, 492. Письма къ нему Ермолова 1817—1832 гг., т. VI, 501—537.

Кингстонъ, графиня, авантюристка 1777 г., т. V, 287, 238.

Кирѣевъ, командиръ одного изъ казачьихъ полковъ. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 349, 369, 370, 380, 382, 404.

Кирешинъ, полковникъ 1813 г., т. V, 691.

Кирѣевскіе, писатели, т. VI, 455.

Кирѣевскій. О собранныхъ имъ пѣсняхъ, т. VI, 595, 702.

Киселевъ, 1715 г., т. V, 884.

Киселевъ, гр. Пав. Дмитр., ген. отъ инфант., ген.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта и мин. госуд. имуществъ, р. 1788 † 1872 г., т. VI, 52.

Китаевъ, управляющій Верхъ-Исетскими заводами 1824 г., т. V, 867.

Кичинъ, Францъ, 1715 г., т. V, 886.

Клауберъ, граверъ, т. VI, 268.

Клейнмихель, гр. Петръ Анд., главноуправляющій путями сообщенія. Обращеніе съ нимъ Аракчеева, т. VI, 229. Упом. т. V, 470; т. VI, 232, 233, 240, 551.

Климентъ X, папа римскій, т. V, 889

Клинкинъ, купецъ, т. V, 244.

Клокачевъ, Степ. Тимоѳ., с.-петербург. вице-губернаторъ, т. VI, 559.

Ключаревъ, членъ «сумазброднѣйшаго собора» при Петрѣ Великомъ, т. V, 877.

Кнеллеръ, англ. художникъ, написавшій портретъ Петра Великаго въ 1698 г., т. V, 959.

Кнорингъ, т. VI, 541.

Кнутовъ, капитанъ 1715 г., т. V, 885.

Княжевичъ, Александ. Максимов. Сообщ. Рѣчь Александра I въ первомъ засѣданіи госуд. совѣта 1 января 1810 г., т. V, 472—474. Сатиру на Н. В. Шушковичъ, т. V, 474—475. Распоряженія военно-цензурнаго комитета въ 1848 г., т. V, 784—786.

Княжнинъ, Як. Борис., писатель, р. 1742 † 1791 г. Высылка его изъ столицы за трагедію «Вадимъ Новгородскій», т. V, 147. Упом. т. VI, 306.

Кобелевъ, курьеръ 1711 г., т. VI, 668.

Кобога, графъ, австр. коммиссаръ 1831 г., т. VI, 357.

Кобуловъ, кн., канцелярист при русск. посольствѣ въ Персіи, уб. 1829 г., т. VI, 169.

Кобылицкій, Дороѳей, драгунъ 1711 г., т. V, 941.

Ковалева, классная дама въ театральномъ училищѣ, т. V, 425.

Ковалевъ, полковникъ 1827 г., т. VI, 274, 365.

Ковальскій, коценскій уѣздный врачъ 1825 г., т. V, 386.

Кожина, Марія Дмитр., рожд. Философова. Наказаніе ея за нескромность въ разговорѣ, т. V, 137—138.

Кожинъ, морской офицеръ 1716 г., т. V, 948, 949.

Кожинъ, Петръ Никит., тайн. сов., впослѣд. дѣйств. тайн. сов. Разсказъ о немъ, т. VI, 91.

Козенцъ, корабельн. мастеръ 1715 г., т. V, 885.

Козецкій, членъ Совѣта варшавск. временнаго правленія 1831 г., т. VI, 17.

Козицкая. Объясненіе, представленное ею императ. Павлу по поводу брака ея дочери съ гр. Лавалемъ, т. VI, 682.

Козицкій, Григ. Вас., статсъ-секретарь, т. V, 672.

Козловскій, кн. Алексѣй Сем., ген.-поручикъ и сенаторъ, † 1776 г., т. V, 958.

Козловскій, Григ. Матв., президентъ ком.-коллегіи. Отношенія его къ племяннику, кн. Потемкину, т. V, 466—465.

Козловскій, Серг. Григ., т. V, 464, 465.

Козловъ, помѣщикъ, т. VI, 653.

Козловъ, Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1788 г. Разсказы его объ императрицѣ Екатеринѣ II, т. V, 134 — 136; 674—675; 677—678, 679.

Козляниновъ, В. А., 1791 г., т. VI, 423.

Козминъ, польскій дипломатическій агентъ 1831 г., т. VI, 310.

Ководавлевъ, Осипъ Петр., впослѣд. мин. внутрен. дѣлъ, † 1819 г., т. VI, 574.

Козыревъ, членъ «сумазброднѣйшаго собора» при Петрѣ Великомъ, т. V, 877.

Коковинъ, директоръ екатеринбургской гранильной фабрики, 1824 г., т. V, 365.

Кокойкинъ, Ив., крестьянинъ, т. V, 499.

Кокоринов, домовладѣлецъ, т. V, 580.

Кологривовъ, камергеръ 1815 г., т. V, 164.

Кологривовъ, полковникъ, дивизіон. командиръ 1831 г., т. VI, 377, 388.

Кологривовъ, Андр. Семен., генер. отъ кавалеріи, † 1825 г., т. VI, 92.

Колокольцовъ, баронъ Ѳед. Мих., сенаторъ, † 1818 г. Шутка надъ нимъ Львова, т. VI, 285—286.

Колонтай, участникъ конфедераціи, т. V, 346.

Колтовская, землевладѣлица. Приготовленіе ею торжественной встрѣчи имп. Александру I, 1824 г., т. V, 364—365.

Колтовскій, 1720-хъ гг., т. V, 877.

Кольцовъ-Масальскій, кн. Николай-Андрей Александров., камергеръ, впослѣдствіи об.-гофмейстеръ, р. 1758 †1843 г. Разсказъ его объ Екатеринѣ II, т. V, 142.

Кольцовъ-Масальскій, кн. Яковъ Ив., комиссаръ 1711 г., т. V, 939.

Колычовъ, Матвѣй, 1723 г., т. V, 876.

Комаровскій, 1810 г., т. V, 258, 268.

Комаровскій, гр. Евграфъ Ѳедот., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъют., командиръ отдѣльн. корпуса внутрен. стражи и сенаторъ, † 1843 г., т. VI, 644.

Коминацо, Лазарино, оружейникъ, т. V, 330.

Кондратовичъ, писатель и филологъ XVIII стол., т. VI, 690.

Кондратъ, отстав. солдатъ, воспріемникъ К. Ѳ. Рылѣева, т. VI, 603.

Кондонди, Григ. Павл., т. V, 617.

Коноваловъ, Дмитрій, мастеръ, дѣлавшій броню царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1616 г., т. V, 334.

Коновницынъ, графъ Петръ, прапорщикъ, декабристъ, † 1830 г., т. VI, 261.

Коноши, декораторъ 1810-хъ годовъ, т. VI, 303.

Консидеранъ, французскій писатель, т. VI, 76.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, т. V, 497.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ. Представленіе имъ войскъ Александру I, 1825 г., т. V, 382. Присутствіе при закрытіи сейма, 1825 г., т. V, 384. Присяга ему и отреченіе его отъ престола, т. VI, 131, 139. Отношенія къ нему поляковъ, т. VI, 10—11. Дѣйствія его во время польскаго возстанія 1831 г., т. VI, 19—21; 23—34. Письмо къ Н. Н. Новосильцеву 1816 г., т. V, 681. Награжденіе А. П. Ермолова, т. VI, 479. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 481, 488. Упом. т. VI, 360, 361, 366, 385, 681.

Конти, принцъ, т. V, 602.

Коргановъ, поручикъ, впослѣдствіи полковникъ. О доносахъ его на Ермолова, т. V, 441; т. VI, 316, 348, 386. Упом. т. V, 726; т. VI, 39.

Кореневъ, Е. Я. Сообщ. списокъ солдатской сказки Ѳ. С. Чернышева, т. V, 970.

Корицкій, П. Григ. 1791 г., т. VI, 410, 411, 413, 414, 415, 418.

Корминъ, англійск. докторъ, т. VI, 204.

Корнель, франц. писатель, т. V, 614.

Корниловичъ, докторъ 1825 г., т. VI, 108.

Корниловъ, генералъ 1855 г., т. V, 452.

Корниловъ, И. П., бывшій попечит. виленскаго учебнаго округа, т. V, 889.

Коробчицъ, Софья Андр., помѣщица, т. VI, 700.

Корсаковъ, ген.-маіоръ. Высочайшее повелѣніе о ссылкѣ его въ Саратовъ, 1799 г., т. V, 248.

Корсаковъ, Андрей, 1715 г., т. V, 883, 893.

Корсаковъ, Ив. Никол. Отзывъ о немъ кн. Орлова, т. V, 136.

Корфъ, графъ Модестъ Андр., авторъ «Жизни гр. Сперанскаго», т. V, 36, 472.

Коса-Мегмедъ-паша, предводитель турецкаго корпуса 1828 г., т. V, 432.

Коссаковская, графиня, рожд. гр. Лаваль, т. VI, 682.

Костинъ, полковн. донскаго казач. полка 1826 г., т. V, 712.

Костомаровъ, Н. И. Сообщ. «Отвѣтъ Запорожцевъ на письмо турецкаго султана», 1680 г., т. VI, 450—451.

Костюшко, предводитель польскихъ войскъ, т. V, 346; т. VI, 539.

Костыревъ, капитанъ. Опасность его во время бунта воен. поселянъ 1831 г., т. VI, 550—551.

Котлеръ, Іоаннъ, маіоръ, командиръ лейбъ-гвардейскаго полка 1707 г., т. V, 843.

Котляревскій, генер. отъ инфант. 1828 г., т. VI, 61, 268.

Кохановскій, членъ Совѣта варшавскаго временнаго правленія 1831 г., т. VI, 17, 20.

Кохъ, Янъ, 1715 г., т. V, 884.

Коцебу, 1812 г., т. V, 659.

Коцебу, Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ, писатель, р. 1761 † 1819 г., т. V, 548; т. VI, 308.

Коцебу, Отто, капитанъ-лейтенантъ, извѣстный путешественникъ, р. 1787 г., т. V, 242.

Коцебу, Пав. Евстаф., генералъ лейт., начальникъ главнаго штаба на Кавказѣ, р. 1802 г., т. VI, 279.

Кочетъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 886.

Кочубей, Вас. Леонтьев., малорос. генеральный судья, казненъ 1708 г., т. V, 930, 931.

Кочубей, кн. Викторъ Павл., мин. внутрен. дѣлъ, предсѣдатель госуд. совѣта и комитета министровъ, наконецъ государств. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., т. V, 38, 243, 541, 542, 549, 579; т. VI, 507.

Кочубей, кн. Елена Павл., рожд. Бибикова, вдова кн. Бѣлосельская - Бѣлозерская, т. V, 658.

Кошелевъ, об.-шенкъ 1815 г., т. V, 164.

Кошелевъ, Александ. Ив., литераторъ, т. V, 122.

Кошелевъ, Герасимъ, 1715 г., т. V, 885.

Кошелевъ, Иродіонъ, 1715 г., т. V, 884.

Кошкинъ, Ив. Петр., старовѣръ 1831 г., т. VI, 554.

Краббе, ген.- маіоръ 1826 г., т. V, 707.

Край, Карлъ, содержатель типографіи 1835 г., т. VI, 583, 584.

Крапоткинъ, кн. Ив. Алексѣев., эскадрон. командиръ 1800 г., т. V, 625.

Красниковъ, унтеръ-офицеръ, начальникъ бунтующихъ военн. поселянъ 1831 г., т. VI, 549, 551.

Красовскій, Александръ Иван., цензоръ 1823 г. Процензурованная имъ книга: «Разсужденіе о военной наукѣ», т. VI, 584—588.

Красовскій, Аѳанасій Иван., генер.-лейт. 1827 г., впослѣд. ген. отъ инфант., ген.-адъютантъ, командиръ 1-го пѣхотнаго корпуса, † 1843 г., т. VI, 62, 267, 268, 270, 333, 477.

Крейсъ, Корнеліусъ, вице-адмиралъ 1704 г. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 908 — 909. Упом. т. VI, 912.

Крейцъ, бар. Кипріанъ Антон., (впослѣд. графъ), ген.-лейт., потомъ генер. отъ кавалеріи, р. 1778 † 1850 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 30, 320, 330, 332, 337, 338, 349—354, 368, 369, 370, 371, 375, 376, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 387.

Кречетниковъ, Мих. Никит., губернаторъ полоцкій 1774 г., р. въ 1720-хъ гг. † 1793 г. Его справедливость, т. V, 133.

Крефтъ, Андрей, 1715 г., т. V, 884.

Кривцова, домовладѣлица, т. V, 465.

Кричъ, винодѣлъ, т. V, 666.

Кроа-де-ла, графъ, т. V, 387.

Кропотовъ, Дмитрій. Сообщ. Замѣтку о годѣ рожденія К. Ѳ. Рылѣева, т. VI, 602—604. Упом. т. VI, 438.

Кроунъ, Романъ Вас., капитанъ, впослѣд. адмиралъ, † 1841 г. Участіе его въ войнѣ со шведами 1790 г., т. VI, 569—572.

Кругликовъ, издатель «Невскаго Зрителя» 1820 г., т. V, 281.

Крузенштернъ, морякъ, т. V, 390.

Крузъ, Александръ Иван., адмиралъ, р. 1727 † 1799 г., т. V, 145.

Круковецкій, генералъ, начальникъ польскихъ войскъ 1831 г., т. VI, 20, 38.

Крыловъ, Ив. Анд., р. 1768 † 1844 г., т. V, 231, 423; т. VI, 7.

Ксенофонтъ, владим. митрополитъ, т. VI, 288.

Кудашевъ, кн. Никол. Даніл., ген.-маіоръ, † 1813 г. Письма его къ кн. Е. И. Голенищевой - Кутузовой, т. V, 648—656, 659. Упом. т. V, 268, 660, 689, 783.

Кудрявцевъ, Никита. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 914.

Кузьминъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. VI, 74, 75.

Кузьминъ, Иванъ, шутъ 1724 г., т. V, 950.

Кузьминъ, Иванъ, крестьянинъ, т. VI, 696.

Кузьминъ, Серг. Матв., писатель, тайн. сов. 1777 г., т. V, 134.

Кузнецовъ, Николай, дворовый Измайлова, т. VI, 655.

Кузнецовъ, командиръ атаманскаго казач. полка 1831 г., т. VI, 366.

Кукольники, братья, т. V, 304.

Кукольникъ, Несторъ Вас., литераторъ, т. V, 296, 306, 313, 314, 321, 322, 323; т. VI, 543.

Кулибина, Марія Иван., т. V, 583.

Кулибинъ, Дмитрій Ив. Письма къ нему отца, т. V, 583 — 584; 773 — 774.

Кулибинъ, Ив. Петр., механикъ-самоучка, р. 1735 † 1818 г. Замѣтка о немъ и письма его къ дѣтямъ 1802 г., т. V, 582—584, 773—774. Награжденіе его Екатериною II, т. V, 468.

Кулибинъ, Пав. Иван. Письма къ нему отца, т. V, 583—584, 773—774.

Кулибинъ, Петръ Иван., р. 1802 г., т. V, 583.

Кулибинъ, Сем. Ив. Письма къ нему отца, 1802 г., т. V, 583—584, 773—774.

Кулишъ, П. А., издатель сочиненій Гоголя, т. V, 87, 88; т. VI, 441, 442, 444.

Кумань, англійскій купецъ, 1825 г., т. V, 387.

Куницынъ, Александръ Петровичъ, дѣйствительный стат. сов., профессоръ, р. 1783 † 1840 г., т. V, 156.

Куницынъ, Степ. Парам., крестьян., т. VI, 694, 695.

Купреяновъ, воспитатель морскаго корпуса, около 1815 г., т. V, 391.

Купреяновъ, костром. губерн. предводитель дворянства, 1824 г., т. VI, 146.

Куракинъ, кн. Александ. Борис., вице-канцлеръ, р. 1752 † 1818 г. Разсказы о немъ, т. VI, 89, 92. Упом. т. V, 770; т. VI, 560.

Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., ген.-прокуроръ, р. 1759 † 1829 г., т. V, 80, 238; т. VI, 108, 137.

Куракинъ, кн. Борисъ Ив, дѣйств. тайн. сов., дипломатъ, р. 1677 † 1727 г. Письмо его къ гр. Б. П. Шереметеву 1712 г., т. V, 924. Выписка изъ письма къ нему кн. М. М. Голицына, 1723 г., т. VI, 560.

Курбатовъ, Алексѣй. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 908.

Курбатовъ, П. А., т. V, 572.

Курбатовъ, Петръ, 1715 г., т. V, 885.

Курбскій, кн. Анд. Мих., бояринъ и воевода, р. 1529 г., т. VI, 674.

Курута, гр, Дмитрій Дмитр., ген. отъ инфантеріи, † 1838 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 366.

Кустодіевъ, протоіерей. Слово, сказанное имъ по случаю смерти А. Ѳ. Гильфердинга, т. VI, 467.

Кутайсовъ, гр. Ив. Павл., об.-шталмейстеръ, † 1834 г. О тяжбѣ его съ гр. Салтыковымъ за Эмбинскія ловли, 1802 г., т. V, 38. Упом. т. V, 241.

Кутузовъ, Алексѣй Мих., пажъ, отправленный въ Лейпцигъ для изученія правовѣдѣнія 1765 г., впослѣд. капитанъ, т. VI, 574—576.

Кутузовъ, см. **Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій**, кн. Иллар. Мих.

Кутузовъ, Любимъ, капитенармусъ 1707 г., т. VI, 667.

Кутыгинъ, лейтенантъ 1817 г., т. V, 395.

Кухенрейтеръ, братья, оружейники, т. V, 330.

Кучина, Нат. Петр., рожд. Яковлева, т. VI, 607.

Кучинскій, польскій помѣщикъ 1831 года, т. VI, 37.

Кучинъ, Алексѣй Петр., т. VI, 609.

Кучинъ, Василій, унт.-офиц. 1846 г. Ходатайство о немъ А. П. Ермолова, т. V, 434, 438.

Кучинъ, Петръ, помѣщикъ, т. VI, 608.

Кушелева, гр. Александ. Григ., въ замуж. кн. Лобанова-Ростовская, т. V, 250.

Кушелева, гр. Любовь Ильинич., рожд. гр. Безбородко, † 1809 г., т. V, 250.

Кушелевъ, гр. Григ. Григ., адмиралъ, вице-президъ адмиралтейцъ-коллегіи, †1833 года. Замѣтка о немъ, т. V, 250. Упом. т. V, 38.

Кушелевъ, гр. Григ. Григ. 2-й, ген.-маіоръ, членъ воен. совѣта 1846 г., т. V, 250.

Кушелевъ-Безбородко, гр. Александ. Григ., сенаторъ, государ. контролеръ, р. 1800 г., т. V, 250.

Кушель, сѣдлецкій помѣщикъ 1831 г., т. VI, 37.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карл., поэтъ, декабристъ, р. 1797 † 1846 года, т. V, 281, 425; т. VI, 262.

Кюхельбекеръ, Мих. Вильгельмов. Сообщ. «Рѣчь императора Николая депутатамъ города Варшавы» 1835 г., т. VI, 391—393.

Л.

Лабзина, Анна Евдокимовна, вдова Карамышева, т. V. 579.

Лабзинъ, Александ. Ѳед., конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника». Отношенія его къ А. Л. Витбергу, т. V, 160, 166—168, 171, 519—521, 546—548, 552—557, 575. Характеристика его, т. V, 549—551. Упом. т. V, 21, 180, 560, 562, 565, 568.

Лаваль, гр. Александра Григ., рожд. Козицкая, т. VI, 682.

Лаваль, гр. Ив. Степ., дѣйств. тайн. сов., гофмейстеръ, управлявшій 3-ю экспедиціей министерства иностр. дѣлъ, † 1846 г. Свѣдѣнія о немъ, т. VI, 682—683. Упом. т. VI, 679, 681.

Лавинскій, иркутскій ген.-губернаторъ 1824 г., т. V, 390, 478, 684.

Лавровскій, Н. А., профессоръ харьков. университета, т. VI, 295.

Лавровъ, Як. Иван., капитанъ-лейтенантъ 1782 г., т. V, 606, 619.

Лавръ, священникъ въ новгород. поселеніяхъ 1831 г., т. VI, 558.

Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь, воспитат. вел. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1754 † 1838 г., т. V, 38.

Ладыженскій, адъютантъ при гр. П. А. Толстомъ, 1825 г., т. V, 335.

Лазаркко, Лазаро, оружейникъ, т. V, 380.

Лаліеръ, авторъ «Русской Геральдики», 1853 г., т. V, 833.

Лаліеръ, таганрогскій городовой лекарь 1825 г., т. VI, 129.

Лакомбъ, историкъ, т. V, 334.

Ламанскій, Влад. Иван., профессоръ петербург. университета, т. VI, 465, 606.

Ламбинъ, П. П. Біографическая о немъ замѣтка, 904—905. Сообщ. бумаги кн. А. Д. Меншикова, бар. Шафирова, А. П. Волынскаго, т. V, 905—949.

Ламене, аббатъ, писатель, т. VI, 6.

Лампе, нѣмец. пасторъ. Высочайшее повелѣніе о пожалованіи ему земли, 1798 г., т. V, 244—245.

Лампи, художникъ, написавшій портретъ Хемницера, т. V, 611.

Лангермонъ, французъ, участвовавшій въ польскомъ возстаніи 1831 г., т. VI, 37.

Ланнъ, (герцогъ Монтебелло), франц. маршалъ, т. VI, 37.

Ланской, владим. гражданск. губернаторъ. Распоряженіе его о соблюденіи гражданскими чиновниками формы, 1833 г., т. VI, 294.

Ланской, Александ. Дмитр., ген.-поруч., фаворитъ Екатерины II, р. 1758 † 1784 г., т. V, 137—138.

Ланской, Вас. Серг., бывшій правитель герцогства Варшавскаго, 1813—1815 г., потомъ управлявшій министерствомъ внутр. дѣлъ, т. VI, 516.

Ланской, С. Н., убитъ подъ Краономъ 1814 г., т. V, 635; т. VI, 402, 403.

Лансонъ, полковой квартирмейстеръ 1707 г., т. V, 832.

Ланчинскій, камергеръ, чрезвычайный посланникъ при цесарскомъ дворѣ 1738 г., т. V, 801.

Лапкинъ, Иванъ, дворовый Измайлова, подавшій на него жалобу государю 1827 г., т. VI, 655.

Лаптевъ, генералъ 1828 г., т. VI, 333.

Ларіоновъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 885.

Ласунскій, Архипъ, капралъ 1711 г., т. V, 938.

Ласунскій, Мих. Ефим., заговорщикъ 1762 г. Ссылка его, т. V, 131.

Латуръ, надворн. совѣтн. Высочайшее повелѣніе о заключеніи его въ Шлюссельбургскую крѣпость 1799 г., т. V, 252—253.

Лаудонъ, англичанинъ, т. V, 575, 576.

Лафайетъ, (Gilbert Mathier marquis de Lafayette), р. 1757 † 1834 г., француз. генералъ, т. VI, 6, 7.

Лафонтенъ, франц. баснописецъ, т. V, 230, 231, 232.

Лачиновъ, ординарецъ при кн. Кутузовѣ въ 1812 г., т. V, 267.

Лебедева, въ замуж. Шелихова, т. V, 425.

Лебедевъ, Петръ Семен., писатель, т. V, 733.

Лебрюнъ, франц. художникъ, т. V, 960.

Лебцельтернъ, графиня, рожд. гр. Лаваль, т. VI, 682.

Лебцельтернъ, графъ, австр. посланникъ въ Петербургѣ, 1825 г., т. VI, 682.

Левальдъ, баронъ, об.-гофмаршалъ 1738 г., т. V, 799, 883.

Левальдъ 2-й, 1715 г., т. V, 884.

Леванда, кіевскій протоіерей, 1775 г., т. V, 768.

Левашевъ, Василій Ивановичъ, оберъ-гофмейстеръ, † 1803 г., т. VI, 676. Упом. т. V, 137.

Левшина, Александра Петр., въ замуж. кн. Черкасская, р. 1758 † 1782 г. Привязанность къ ней импер. Екатерины II, т. V, 675—676.

Левшина, Анаст. Иван., въ замуж. Темирязева, т. V, 480.

Левшина, Анна Ив., рожд. кн. Львова, полковница. Пожалованіе ей импер. Павломъ дома, 1799 г., т. V, 255. Уп. т. V, 479—480.

Лейбницъ, извѣстный нѣмецкій ученый, 1715 г., т. VI, 690.

Леингоптъ, 1705 г., т. V, 851.

Лекенъ (Lekain), франц. актеръ, т. V, 226, 603.

Ле-Клеркъ, французъ, писатель по русской исторіи, т. VI, 690.

Лелевель, профессоръ, предсѣдатель якобинскаго клуба въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19, 20, 28, 310.

Лелли, Конст. Ѳед., дѣйств. стат. сов., управляющій дипломатич. канцеляріею намѣстника кавказскаго 1850 г., т. V, 443.

Леманъ, академикъ, извѣстный химикъ, т. V, 220.

Лемке, г-нъ, т. V, 616.

Ленивцевъ, Александ. Александр., т. V, 164.

Леонтьевъ, Алексѣй, 1715 г., т. V, 886.

Леонтьевъ, Степанъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову 1704 г, т. V, 914—915.

Леопольдъ, австр. императоръ, т. VI, 422.

Лермонтовъ, Михаил. Юрьев. Его стихотворенія и отрывки, т. V, 84; 286—293. Письма: а) къ теткѣ 1827 г., т. V, 293—295; б) къ в. кн. Михаилу Павловичу, 1840 г., т. V, 295—296. Упом. т. V, 630, 730.

Лесевицкій, бригадиръ, т. V, 956, 957.

Лесевицкій, Константинъ, полковникъ, т. V, 956.

Лесепсъ, москов. оберъ-полиціймейстеръ, назначенный Наполеономъ въ 1812 г., т. VI, 617.

Лефортъ, Францъ Яковл., ген.-адмиралъ, любимецъ Петра Великаго, т. V, 849, 884.

Лёшёффель-фонъ, секретарь прусскаго посольства при русскомъ дворѣ 1707 г. Депеша его прусскому королю объ обидѣ королевскаго посла кн. Меншиковымъ, т. V, 810—813. Упом. т. V, 829, 840, 843.

Лещинскій, Станиславъ, познанскій воевода, потомъ король польскій, т. V, 921, 922.

Лжедмитрій I. О доспѣхахъ, найденныхъ въ Парижѣ и приписываемыхъ ему, т. V, 330—334.

Либе, ген.-маіоръ 1813 г., т. V, 688.

Либрехтъ, стат. совѣтникъ, т. V, 255.

Ливенъ, кн. Дарія Христоф., рожд. Бенкендорфъ, † 1857 г., ст.-дама 1828 г., т. V, 252.

Ливенъ, баронъ Отто-Генрихъ, ген.-маіоръ, р. 1726 † 1781 г., т. V, 252.

Ливенъ, кн. Христоферъ Анд., ген.-адъютантъ, ген. отъ инфант., посолъ въ Лондонѣ, потомъ членъ госуд. совѣта, р. 1773 † 1838 г., т. V, 252, 703, 704.

Ливенъ, гр. Шарлотта Карл., (впослѣд. княгиня), рожд. Поссе, воспитательница дѣтей императора Павла, р. 1743 † 1828 г. т. V, 252, 460, 697.

Ливронъ-де, бар. К. Франц., ген.-маіоръ. Сообщ. бумаги своего отца, т. V, 773; т. VI, 569—572.

Ливронъ-де, бар. Францъ Иван., генералъ, инспекторъ морскаго корпуса, р. 1765 † 1841 г. Замѣтка о немъ, т. VI, 569. Ордеръ ему о катаньи воспитанницъ Смольнаго Монастыря 1802 г., т. V, 773. Отчетъ его о военныхъ дѣйствіяхъ

фрегата «Венусъ» въ кампанію 1790 г., т. VI, 569—572. Аттестатъ его, т. VI, 572.

Лизандеръ, поручикъ 1771 г., т. V, 615.

Линденфельдъ, капитанъ, ротный командиръ 1826 г., т. V, 712.

Ландинистъ, бывшій редакторъ «Journal de St.-Petersburg», т. VI, 683.

Линь-де, принцъ, австрійскій фельдмаршалъ, т. V, 672.

Липранди, И. П., генералъ. Записки его: Мнѣніе по дѣлу Петрашевскаго, т. VI, 70—86. Замѣтки его по поводу писемъ кн. Голенищева-Кутузова къ женѣ, т. V, 257—258; 268—269. Примѣчанія къ этимъ письмамъ, т. V, 647—659. Замѣтка о гр. Н. М. Каменскомъ, т. V, 261. Письмо брата 1854 г., т. V, 682—683. Упом. т. V, 783.

Липранди, П. П., генералъ. Письмо его къ брату, 1854 г., т. V, 682—683.

Лисаневичъ, ген.-лейтенантъ, т. VI, 509, 522, 523.

Литвиновъ, докторъ 1831 г., т. VI, 552, 553, 554.

Литке, Ѳед. Петр., мичманъ 1817 г., нынѣ графъ, президентъ Академіи Наукъ, т. V, 395, 411.

Лихаревъ, капитанъ, 1715 г., т. V, 886.

Лихаревъ, тульскій помѣщикъ 1827 г., т. VI, 662.

Лихаревъ, Алексѣй Тимоѳ., 1715 г., т. V, 877, 883.

Лихаревъ, Борисъ Ив., 1715 г., т. V, 884.

Лихаревъ, Дмитрій, капитанъ 1715 г., т. V, 886.

Лихачевъ, зять кн. Потемкина, т. V, 463.

Лихачевъ, Петръ Александр., помѣщикъ, т. V, 463.

Лихтъ-фонъ-деръ, секретарь посольства 1707 г., т. V, 825, 831.

Лобановъ, кн. Ив. Ив., р. 1731 † 1791 г., т. V, 769.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Александр., сенаторъ, т. V, 250.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Борис., статсъ-секр., товарищъ мин. внутр. дѣлъ. Сообщ. письмо цесар. Константина Павловича къ Н. Н. Новосильцеву, 1816 г., т. V, 681—682.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Александ. Ивановичъ., ген.-маіоръ, р. 1754 † 1830, т. V, 133, 134.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Як. Иван. † 1732 г., т. V, 876.

Ловенгіельмъ, швед. графъ, т. V, 702.

Ловичъ, кн. Анна, супруга цесаревича Констант. Павловича. Вниманіе къ ней Александра I, т. V, 384.

Логиновъ, книгопродавецъ, 1835 г., т. VI, 583, 584.

Лодеръ, художникъ, т. V, 558.

Ломоносовъ, 1810 г., т. V, 260.

Ломоносовъ, адъют. при ген. Давыдовѣ 1827 г., т. VI, 264.

Ломоносовъ, Мих. Вас., академикъ, р. 1711 † 1765 г. Отрывокъ изъ письма его къ гр. Шувалову по поводу ссоры съ Сумароковымъ, т. V, 335—336. Упом. т. V, 230, 616; т. VI, 687, 690.

Лонгиновъ, Н., статсъ-секрет., 1825 г., т. VI, 104, 128, 129.

Лонгиновъ, Мих. Никол., писатель, т. V, 346; т. VI, 690.

Лопухина, рожд. Хоненева, т. V, 240.

Лопухина, кн. Екат. Никол., рожд. Шетнева, р. 1763 † 1839 г., ст.-дама, 1798 г., т. V, 241.

Лопухина, кн. Праск. Иван., рожд. Левшина, т. V, 241, 480.

Лопухинъ, калужскій гражд. губернаторъ, 1801 г., т. V, 681.

Лопухинъ, Вас. Алексѣев., маіоръ, т. V, 240.

Лопухинъ, Ив. Влад., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1756 † 1816 г. Выдержки изъ его записокъ, т. V, 214.

Лопухинъ, кн. Петръ Вас., тайн. сов. и ген.-прокуроръ сената, потомъ предсѣдат. госуд. совѣта и комитета министровъ, р. 1753 † 1827 г. Пожалованіе ему императ. Павломъ дома, т. V, 240. Упом., т. V, 480.

Лосевъ, Иванъ, т. V, 877.

Лось, баронъ, 1715 г., т. V, 883.

Лотовъ, Дмитрій, слобожанинъ 1711 г., т. V, 940.

Лошкаревъ, генералъ-маіоръ 1831 г., т. VI, 349, 353, 371.

Лубенскій, тайн. сов., сенаторъ, т. V, 344.

Лубяновскій, пензенскій губернаторъ 1824 г., т. V, 481.

Луи-Бланъ, франц. писат., т. VI, 76.

Лукинъ, Александръ, 1715 г., т. V, 886.

Лунинъ, Петръ Мих., гвард. капит. 1774 г. Разсказъ о перехваченномъ имъ извѣстіи о взятіи Пугачева, т. V, 133.

Лури, книгопродав. 1849 г., т. VI, 84.

Лутковскій, 1715 г., т. V, 884.

Лутковскіе, гардемарины 1817 г., т. V, 395.

Луцкій, ротный командиръ 1831 г., т. VI, 549.

Лучининъ, казакъ-великанъ, впослѣд. тамбуръ-мажоръ преображенскаго полка, 1824 г., т. V, 362.

Львова, Анна, т. VI, 654, 663.

Львова, Марія Алексѣев. Написанный ею эпиграфъ къ баснямъ Хемницера, т. V, 585, 609.

Львовъ, тайн. сов., т. V, 42.

Львовъ, Алексѣй Ѳедор., директоръ придворной пѣвческой капеллы, т. VI, 226.

Леонтьевъ, В. Н. Сообщ. о пребываніи Александра I въ Орлѣ, т. VI, 144—145.

Львовъ, Никол. Александр., литераторъ. Отношенія его къ Хемницеру и письма къ нему послѣдняго, т. V, 215—228, 604, 607, 613, 614, 620.

Львовъ, Н. Л., членъ москов. опекун. совѣта 1819 г., т. V, 538.

Львовъ, кн. Петръ Лукичъ, окольничій 1715 г., т. V, 884.

Львовъ, Сергѣй Лаврент. Шутка его съ Колокольцовымъ, т. VI, 285.

Львошниковъ, Владиміръ. Сообщ. письмо Д. В. Давыдова къ А. Д. Ольшевскому, т. V, 635—636. Поправка ошибки г. Рачинскаго, т. VI, 402—403.

Лѣнивцевъ, Николай, подпоручикъ корпуса путей сообщ., † 1843 г. Объясненіе, какимъ образомъ къ нему попалась рукопись записокъ партизана Давыдова, т. VI, 1, 399—402.

Любарскій, издатель «Украинской Старины» 1866 г., т. VI, 295.

Любецкій, кн., членъ варшавск. Совѣта правленія 1831 г., т. VI, 17, 20, 21, 22, 32.

Любомирская, кн. Магдалина, рожд. Рачинская, т. V, 241.

Любомирскій, кн. Іосифъ Мих., тайный совѣтникъ русской службы, р. 1785 г., т. V, 241.

Любомирскій, кн. Мих. Станислав., польскій генер.-лейтенантъ. Повелѣніе ему выѣхать изъ Петербурга въ 1798 г., т. V, 241.

Людвигъ, придворный лакей 1791 г., т. VI, 412.

Людовикъ XIV, франц., король, т. VI, 323.

Людовикъ XV, франц. король, т. V, 602.

Людовикъ XVI, франц. король, т. V, 242, 602, 698.

Людовикъ XVIII, франц. король, т. V, 632, 699, т. VI, 505.

Людовикъ-Филиппъ, король франц., т. VI, 680.

М.

Маврикъ, капитанъ, 1715 г., т. V, 885.

Магалейко, смотритель 1818 г., т. VI, 497.

Магницкій, Мих. Леонт., попечитель казанскаго университета, статсъ-секретарь департ. законовъ 1810—1812 гг., т. V, 82, 149.

Мадатовъ, кн. В. Г., ген.-лейтенантъ 1826 г. Отзывы о немъ Паскевича, Дибича и Ермолова, т. V, 706, 707, 716, 718, 721, 723, 724—726; т. VI, 39—41, 48, 58, 65, 66, 257—260, 268, 270, 477. Отношенія къ нему кн. Паскевича, т. VI, 699.

Мазаровичъ, рожд. Рибопьеръ, т. VI, 518.

Мазаровичъ, Сем. Иван., генералъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ при персид. дворѣ, т. V, 719, 720; т. VI, 513, 518, 528, 530.

Мазаролли, Франциск., оружейникъ, т. V, 330.

Мазепа, Иванъ, малороссійскій гетманъ. Письмо его къ кн. Меншикову 1708 г., т. V, 929—931. Замѣтки его, т. V, 931—932. Сатира, найденная въ его бумагахъ, т. V, 932—934. Упом. т. V, 271, 331.

Майдель, генералъ 1704 г., т. V, 910.

Майковъ, домовладѣлецъ, т. V, 465.

Майковъ, Аполлонъ Никол., поэтъ, т. VI, 223.

Майковъ, Вас. Ив., поэтъ, т. V, 616, 622, 770.

Майковъ, Л. Н., авторъ «Сборника народныхъ заклинаній», т. VI, 462.

Майковъ, Влад. Сообщ. преданіе о Сидоркиномъ курганѣ, т. V, 962—965.

Макарій, архіепископъ литовскій и виленскій, т. VI, 292, 293.

Макаріусъ, грузинскій полиціймейстеръ 1830-хъ гг., т. VI, 236.

Макаровъ, прапорщикъ 1829 г., т. VI, 202.

Макаровъ, Алексѣй Иван., кабинетъ-секретарь при Петрѣ Великомъ, т. V, 848, 862, 883; т. VI, 564.

Макаровъ, М. Н., издатель «Московскаго Вѣстника» 1809 г., т. V, 346.

Макдональдъ, франц. маршалъ 1812 г., т. V, 431, 657, 658, 659, 687.

Макдональдъ, капитанъ 1829 г., т. VI, 173, 193.

Макдональдъ, англійскій посланникъ въ Персіи 1829 г. Письмо его къ графу Паскевичу по поводу умерщвленія русскаго посольства, т. VI, 171—174. Письмо о томъ же къ Мирзѣ-Абуль-Хасанъ-хану, т. VI, 192—193. Упом. т. VI, 190, 192.

Максимовичъ, М. А. Стихотвореніе его, т. VI, 224. Упом. т. V, 122.

Малѣевъ, А. М., докторъ. Разсказъ его объ Ермоловѣ, т. VI, 491—492.

Малаховъ, докторъ 1811 г., т. V, 263.

Мальмбергъ, ординаторъ эриванскаго госпиталя, уб. 1829 г., т. VI, 169.

Мальбрукъ, герцогъ Чурчиль, англійск. полководецъ 1707 г., т. V, 829.

Мальтебрунъ, норвежецъ, авторъ соч. «Le Tableau de la Pologne», т. V, 338.

Мальтицъ, т. VI, 414, 415.

Мальцовъ, Ив. Серг., титул. совѣтн., секретарь русскаго посольства въ Персіи 1828 г., нынѣ дѣйств. тайн. совѣтн. Донесеніе его гр. Паскевичу объ умерщвленіи русскаго посольства 1829 г., т. VI, 174 — 179. Тоже о неоказаніи англичанами никакихъ почестей тѣлу Грибоѣдова, т. VI, 192. Упом. т. VI, 168, 169, 173, 187, 188, 207.

Малыровъ, Онисимъ, 1715 г., т. V, 886.

Мамедъ-Мирза, сынъ Аббасъ-Мирзы, т. VI, 200.

Мамедъ-Хусейнъ-ханъ, адъютантъ Аббасъ-Мирзы 1830 г., т. VI, 191.

Мамедъ-шахъ, персидскій шахъ, т. VI, 165, 167, 170.

Мамоновъ, Э. А., нарисовавшій портретъ Н. В. Гоголя, т. V, 120.

Мандерштернъ, генер.-маіоръ 1832 г., т. VI, 330, 331, 345, 346.

Манкошевъ, П. Н., штабсъ-капитанъ 1830-хъ гг., т. VI, 234.

Мансуровъ, тульскій губерн. предводитель дворянства 1827 г., т. VI, 660.

Мансуровъ, А. П. Сообщ. о цензорствѣ А. И. Красовскаго, т. VI, 584—588.

Манштейнъ, составитель записокъ о Россіи, т. V, 616.

Манукевъ, Ѳедосей, 1715 г., т. V, 884.

Манучехръ-ханъ, тифлисскій армянинъ, впослѣдствіи правитель Испагани, т. VI, 175, 176, 177, 178.

Маржеретъ, иностранецъ, писавшій о самозванцѣ Лжедимитріѣ, т. V, 334.

Марина, горничная, т. VI, 639.

Маринъ, Аполлонъ Никифоровичъ, генералъ-лейтенантъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ, т. VI, 673 — 674. Сообщ. письма и распоряженія Петра Великаго къ Скорнякову-Писареву и Екиматову-Писареву, 1707—1722 гг., т. VI, 665—673.

Маринъ, Никифоръ Мих., одинъ изъ усмирителей пугачевскаго бунта. Замѣтки о немъ, т. VI, 674.

Маринъ, Петръ, розмыслъ (инженеръ), участвовавшій въ осадѣ Казани 1552 г., т. VI, 674.

Маринъ, Сергѣй Никифоров., флигель-адъютантъ императ. Александра Павло-

вича, полковникъ. Замѣтка о немъ, т. VI, 674.

Марія Іоанновна, царевна, дочь царя Іоанна V Алексѣевича, т. V, 792.

Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская, т. V, 368, 378.

Марія Ѳедоровна, императрица. Ходатайство ея за Гваренги, т. V, 174. Упом. т. V, 399, 544, 782; т. VI, 101, 131, 138.

Марковъ, литераторъ, т. V, 733.

Марковъ, гр. Аркадій Иван., членъ иностранной коллегіи, р. 1747 † 1824 г. Гнѣвъ на него Екатерины II за неудачные переговоры съ Густавомъ Адольфомъ 1796 г., т. V, 462. Разсказъ о немъ, т. VI, 285. Упом. т. V, 647; т. VI, 574.

Мартинесъ, Хуанъ, оружейникъ, т. V, 331.

Мартосъ, Ив. Петр., дѣйств. стат. сов., ректоръ Академіи Художествъ, р. 1753 † 1835 г. О составленномъ имъ проектѣ памятника Минину и Пожарскому, т. V, 529—530. Замѣтка о немъ, т. V, 578. Упом. т. V, 531, 532.

Мартыновъ, извѣстный актеръ. Замѣтка о немъ, т. VI, 303.

Маршалъ-фонъ-Биберштейнъ, 1715 г., т. V, 884.

Марѳа, великая инокиня, (въ мірѣ Ксенія Ивановна), мать царя Михаила Ѳедоровича, † 1631 г., т. VI, 696.

Марѳа Матвѣевна, рожд. Апраксина, царица, вторая жена царя Ѳеодора Алексѣевича, р. 1664 † 1715 г., т. VI, 686.

Маса-Векъ, персіянинъ, т. V, 718.

Масалинъ, аптекарь 1831 г., т. VI, 551, 555.

Масковъ, фельдъегерь. Смерть его, 1825 г., т. VI, 118—119.

Масса, Исаакъ, голландецъ, т. V, 340.

Матвѣевъ, гр. Андрей Артам., посолъ въ Вѣнѣ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову 1704 г., т. V, 912 — 913. Упом. т. VI, 690.

Матвѣевъ, Иванъ, т. V, 906.

Матернови, итальян. архитект. 1717 г., т. V, 251.

Маттеи, г-нъ, т. V, 616.

Матюшкина, граф. Анна Алексѣев., рожд. кн. Гагарина, ст.-дама, впослѣд. об.-гофмейстерина, р. 1716 † 1804 г., т. V, 680.

Матюшкинъ, т. V, 617.

Матюшкинъ, мичманъ 1820 г., т. V, 396.

Матюшкинъ, ген.-лейт. и гв. маіоръ 1724 г., т. V, 949—951.

Матюшкинъ, гр. Дмитр. Мих., р. 1725 † 1800 г., тайн. сов. и дѣйств. камергеръ, т. V, 680.

Матюшкинъ, Мих. Ѳеоф., деньщикъ Петра Великаго, ген.-аншефъ, т. V, 885.

Матюшкинъ. Николай Кирил., маіоръ, т. V, 801.

Махметъ, турецкій паша 1713 г., т. V, 937.

Мацѣевичъ, Л. С. Сообщ. «Распоряженіе о книгахъ для духовн. юношества 1817 г.», т. VI, 582. Списокъ пѣсни «Гласъ вопіющаго въ воен. поселеніяхъ», т. VI, 591.

Мациевъ, 1828 г, т. VI, 533.

Мацѣевичъ, Арсеній, архіепископъ ярославскій, т. VI, 693.

Медемъ-фонъ, 1813 г., т. V, 692.

Мейеръ, закройщ. Повелѣніе Павла I объ освобожденіи его изъ подъ ареста, 1798 г., т. V, 239.

Мейеръ, маіоръ 1777 г., т. V, 615.

Мейеръ, Дмитр. Ив., профессоръ Казанскаго университета, т. VI, 690.

Меликовъ, князь 1827 г., т. VI, 278, 279.

Меликовъ, кн. Соломонъ, переводчикъ при русскомъ посольствѣ въ Персіи, уб. 1829 г., т. V, 169, 178.

Мелиссино, Петръ Ив., ген.-аншефъ, директоръ кадетскаго корпуса, † 1797 г. Замѣтка о немъ, т. V, 238—239.

Мельгуновъ, состоящій при Адмиралтействѣ въ 1720-хъ гг., т. V, 893.

Мельгуновъ, Алексѣй Петр., дѣйств. тайн. совѣтн., ярославскій и вологодскій ген.-губернаторъ, т. VI, 568.

Мельникова, Любовь Ив., рожд. Мартосъ, р. 1800 г., т. V, 578.

Мельниковъ, Авраамъ Иван., профессоръ, потомъ ректоръ архитектуры въ Академіи Художествъ, р. 1784 † 1854 г. Поступокъ его въ отношеніи Витберга, т. V, 161—163; 530—532.

Менчуковъ, адвокатъ, т. V, 320.

Меншикова, кн. Дарья Мих., рожд. Арсеньева, р. 1682 † 1728 г., т. V, 798, 887.

Меншиковъ, кн. Александръ Данил., генералиссимусъ, президентъ воен. коллегіи, сенаторъ, членъ верховн. тайн. совѣта и с.-петербургскій ген.-губернаторъ, р. 1673 † 1729 г. Оскорбленіе имъ прусскаго посла фонъ-Кейзерлинга, т. V, 803—807; 813—823. Извинительное письмо къ Кейзерлингу, т. V, 835—836. Примиреніе, т. V, 838—842. Письма къ нему разныхъ лицъ, 1702 — 1708 гг., т. V, 905—918. Письмо Мазепы, т. V, 929—931. Упом. т. V, 797, 798, 801, 828, 843, 882, 883, 891, 935, 937; т. VI, 595, 670.

Меншиковъ, кн. Александръ Серг., адмиралъ, ген.-адъютантъ, финлянд. ген.-губернаторъ, главнокомандующій войсками въ Крыму и членъ госуд. совѣта, р. 1787 г., т. V, 411, 412, 708, 709, 719, 720, 726; т. VI, 483, 605, 606.

Меншиковъ, Гаврила, 1706 г., т. V, 851, 885, 893.

Мерзляковъ, А. Ѳ., профессоръ и поэтъ, т. VI, 573.

Меркуловъ, Петръ Иван., мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Мерлини, генер.-маіоръ 1829 г., т. VI, 200, 201.

Мерлинъ, 1791 г., т. VI, 406, 423.

Мертваго. Ссылки на его записки, т. V, 214.

Мерцъ, домовладѣлецъ 1840 г., т. V, 305.

Метлинъ, Осипъ, т. V, 877.

Меттернихъ, князь, австрійскій дипломатъ, т. VI, 9, 678.

Мехти-Кули-ханъ, ген.-маіоръ 1826 г., т. V, 718.

Мещерскій, князь, гвард. поручикъ 1777 г., т. V, 615.

Мещерскій, князь Егоръ, мичманъ. Объ обидахъ, нанесенныхъ ему Волынскимъ, 1724—1725 гг., т. V, 949—951.

Мещерскій, князь Петръ Серг., тайн. совѣтн., впослѣд. дѣйств. тайн. совѣтн. и сенаторъ. Распоряженіе его за оберъ-прокурора синода объ изъятіи изъ продажи книги: «Утреннія и вечернія молитвы» 1835 г., т. VI, 583—584.

Мещерскій, князь М. И., т. VI, 561.

Микуцкій, авторъ соч. «Остатки жизни Полабскихъ славянъ», т. VI, 462.

Миллеръ, органистъ, т. V, 604.

Миллеръ, придворный метръ д'отель 1825 г., т. V, 377; т. VI, 107, 112, 113.

Миллеръ, К. П., докторъ 1830-хъ гг., т. VI, 239.

Миллеръ, Орестъ Ѳед., профессоръ с.-петербургскаго университета, т. VI, 462, 464, 694.

Милоновъ, Мих. Вас., поэтъ. О переводѣ имъ Персіевой сатиры, т. V, 282.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., с.-петербургскій военный губернаторъ, † 1825 г. Взятіе имъ Варшавы 1813 г., т. V, 690. Разсказы о немъ, т. VI, 286—287. Упом. т. V, 425, 540; т. VI, 158, 644.

Милютинъ, Дмитрій Алексѣев., военный министръ и историкъ, т. VI, 408.

Милютинъ, Никол. Алексѣев., членъ госуд совѣта, извѣстный дѣятель въ Царствѣ Польскомъ, т.V, 518; т.VI, 456, 460.

Мининъ, Козьма, нижегородскій гражданинъ, т. V, 529, 530.

Минихъ, гр. Бурхардъ- Христофоръ, ген.-фельдмаршалъ, р. 1683 † 1767 г., т. V, 130, 131.

Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ, персид. министръ иностр. дѣлъ 1828 г. Письмо къ нему англ. посла Макдональда по поводу умерщвленія русскаго посольства, т. VI, 192—193. Упом. т. VI, 165, 177.

Мирза-Безюргъ, т. VI, 170.

Мирза-Максудъ, персидскій коммиссаръ, секретарь и переводчикъ Аббасъ-Мирзы 1829 г., т. VI, 187, 189, 198.

Мирза-Месихъ, муджтехидъ, 1828 г., (высшее духовное лицо въ Персіи), т. VI, 177, 178, 181.

Мирза-Муса-ханъ, персіянинъ, т. VI, 170.

Мирза-Мухаммедъ-Али-ханъ, персид. визирь 1828 г., т. VI, 165, 179.

Мирза-Салехъ, чиновникъ особыхъ порученій при Аббасъ-Мирзѣ 1828 г., т. VI, 189, 207.

Мирза-Сулейманъ, персіянинъ, т. VI, 183.

Мирза-Нариманъ, персидскій переводчикъ, т. VI, 182.

Мирза-Фезлъ-Уллахъ-Мустоуфи, т. VI, 165.

Миріанъ Иракліевичъ, грузинскій царевичъ, сенаторъ, дѣйств. тайн. сов., † 1834 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 289—290.

Мирхондъ, персид. историкъ, т. VI, 164.

Митрофановъ, Ѳедоръ, 1715 г., т. V, 886.

Митусовъ, Григ. Петр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1871 г., т. V, 138.

Митусовъ, Петръ, тайн. сов., сенаторъ, т. V, 138.

Митусовъ, Степ. Петр., гвард. капитанъ 1796 г., т. VI, 87.

Михаилъ Павловичъ, вел. кн. Письмо къ нему Лермонтова, 1840 г., т. V, 295—296. Встрѣча имъ тѣла императора Александра Павловича въ Царскомъ Селѣ, т. VI, 137. Упом. т. V, 285, 729; т. VI, 361. 536.

Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, р. 1596 † 1645 г., т. V, 180, 334, 544; т. VI, 696.

Михайловскій-Данилевскій, Александ. Иван., ген.-лейтенантъ, писатель, т. V, 639; т. VI, 615.

Михайловъ, купецъ. Анекдотъ о немъ, т. V, 608 609.

Михайловъ, маіоръ фельдъегерскаго корпуса 1825 г., т. VI, 119.

Михайловъ, Андр. Алексѣев., профессоръ Акад. Художествъ 1815 г., потомъ ректоръ архитектуры въ Академіи, т. V, 168, 169, 170, 171, 174, 520, 545, 579.

Михайловъ, Николай, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Михельсонъ, крымскій военный губернаторъ 1802 г., т. V, 201.

Михѣевъ, Макаръ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Мишо, графъ, (де-Боретуръ), генер.-адъютантъ 1827 г., т. VI, 271.

Мищенко, полковникъ 1826 г., т. V, 714.

Могила, Петръ, митрополитъ кіевскій, т. VI, 687.

Можайскій, мичманъ 1815 г., т. V, 392.

Можайскій, авторъ статьи «Воспоминанія о Ѳедотовѣ» 1859 г., т. V, 733.

Моисей, викарій новгородскій 1825 г., т. V, 471.

Моллеръ, художникъ, т. V, 120.

Моллеръ, Ѳед. Вас., адмиралъ, морской министръ 1825 г., т. V, 401.

Молоствовъ, Влад. Влад., т. VI, 409.

Молоховскій, членъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19, 23.

Молчановъ, подполковникъ донскаго казач. полка 1826 г., т. V, 712.

Молчановъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 885.

Монахинъ, начальникъ штаба, † 1812 г., т. VI, 70.

Монбели, (Монбеле), участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74, 75.

Монсей, Яковъ, лейбъ-медикъ, т. V, 256.

Монсъ, Анна Иван., въ замуж. фонъ-Кейзерлингъ. Отношенія къ ней Петра Великаго и прусскаго посла фонъ-Кейзерлинга, т. V, 803—806.

Монсъ, Вилимъ Ив. Ходатайство за него фонъ-Кейзерлинга, 1707 г., т. V, 803, 805. Упом. т. V, 966.

Монферранъ, архитекторъ, строитель Исакіевскаго собора, 1817 г., т. V, 251.

Мордвинова, Вѣра Никол., въ замуж. Столыпина, т. V, 42.

Мордвинова, Генріетта Александр., рожд. Кобле, т. V, 37.

Мордвинова, Над. Никол., т. V, 42.

Мордвинова, Нат. Ив., рожд. Еремѣева, р. 1733 † 1795 г., т. V, 37.

Мордвинова, Нат. Никол., въ замуж. Львова, т. V, 42.

Мордвинова, Ѳ. С., рожд. Муравьева, т. V, 37.

Мордвиновъ, гр. Александ. Александр. Сообщ. бумаги дѣда своего графа Н. С. Мордвинова. т. V, 35—61; 193—214.

Мордвиновъ, Александръ Николаев. т. V, 42.

Мордвиновъ, Александ. Семен., тайн.

сов., русскій повѣренн. въ Генуѣ и Венеціи, 1781—1785 гг., р. 1753 г., т. V, 37.

Мордвиновъ, Муратъ, помѣщ. 1546 г., родоначальникъ Мордвиновыхъ, т. V, 36.

Мордвиновъ, гр. Николай Семеновъ. адмиралъ, вице-президъ. адмиралтействъ-коллегіи и морской министръ., р. 1753 † 1845 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 35—43. Бумаги его: а) Предложеніе манифеста о трудопоощрительномъ банкѣ, т. V, 43—61. б) Предложеніе комитету по Черноморской коммерціи, т. V, 193—198. в) Мнѣніе относительно Крыма, т. V, 199 — 214. Упом. т. V, 662.

Мордвиновъ, Петръ Яковл., полковникъ 1794 г., т. V, 137—138.

Мордвиновъ, Семенъ Иван., адмиралъ, членъ адмиралтейцъ-коллегіи, р. 1701 † 1777 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 36 — 37.

Мореходовъ, Вас. Яковл., крестьянинъ, т. VI, 694, 695.

Морковъ, гр. Аркад. Ив., см. **Марковъ**, гр. Аркад. Ив.

Морозовъ, рязанскій судья 1827 г., т. VI, 661.

Морошкинъ, купецъ, т. VI, 233.

Мортемаръ, герцогъ, франц. посолъ при русскомъ дворѣ, т. VI, 310.

Мортье, Эдуардъ-Адольфъ-Казиміръ-Жозефъ, герцогъ Тревизскій, маршалъ и перъ Франціи, р. 1768 † 1835 г., т. VI, 614—617.

Мостовскій, членъ Совѣта варшавскаго временнаго правленія 1831 г., т. VI, 17, 23.

Моцартъ, композиторъ, т. V, 426.

Моцоновъ, (Моцоловъ?) отставн. полковн. 1797 г. Повелѣніе имп. Павла о надзорѣ за нимъ, т. V, 237.

Мошковъ, художникъ 1822 г., т. VI, 511.

Мстиславскій, князь, т. V, 337.

Мудрова, Софья Алексѣев., т. V, 556, 579.

Мудровъ, Алексѣй Яковл., коллеж. регистраторъ, т. V, 579.

Мудровъ, Матв. Яковл., медикъ, профессоръ москов. университета. Отзывъ о немъ Витберга и замѣтка объ отношеніяхъ его къ А. Ѳ. Лабзину, т. V, 180. Упом. т. V, 186, 187, 526, 527, 560, 565, 568, 579.

Муравьевъ, с.-петербургскій полиціймейстеръ 1797 г., т. V, 237, 238.

Муравьевъ, лейтенантъ, 1817 г., т. V. 395.

Муравьевъ, полковникъ 1827 г., т. VI. 262, 268, 270, 274, 278, 477.

Муравьевъ, Александ. Никол., декабристъ, иркутскій полиціймейстеръ 1830 г., т. V, 478; т. VI, 601.

Муравьевъ, гр. Мих. Никол., генер.-губернаторъ въ западномъ краѣ, т. V, 454, 781.

Муравьевъ, Николай, сенаторъ, т. V. 958.

Муравьевъ, Никол. Ерофѣев., ген.-аншефъ, т. V, 771.

Муравьевъ, Никол. Никол., генер. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, намѣстникъ кавказскій. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 369, 370, 379, 381. Письмо его къ А. П. Ермолову 1855 г., т. VI, 542 — 543. Отвѣтъ на это письмо кавказскаго офицера, т. VI, 544 — 546. Упом. т. V, 432, 452, 454.

Муравьевъ-Апостолъ, П. М., писатель, т. V, 661.

Муравьевъ-Апостолъ, М. И., декабристъ, т. VI, 599.

Муравьевы, декабристы, т. VI, 602.

Мусина-Пушкина, рожд. Савелова. 1715 г., т. V, 887.

Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный богачъ. т. VI, 606, 700.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Алексѣй Ив., об.-прокуроръ синода, президентъ с.-петербургск. Академіи Художествъ, потомъ дѣйств. тайн. совѣтн. и сенаторъ, р. 1744 † 1817 г. Разсказы его изъ временъ Екатерины II и Павла I, т. V, 142 — 143; 458—459; 462—463; 674, 677, 770; т. VI, 87—89; 92, 96—97; 676. Упом. т. V, 460, 461.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Валентинъ Плат., фельдмаршалъ, р. 1735 † 1804 г. Разсказъ о его твердости, т. V, 142—143.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Иванъ

Алексѣев., боярин, потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, † 1729 г., т. V, 877, 883.

Мустафа, ханъ ширванскій 1819 г., т. V, 718; т. VI, 504.

Мустафъ-паша, предводитель турецкихъ войскъ 1828 г., т. V, 432.

Мухамедъ-Вели-ханъ, касумлинскій аварь 1828 г., т. VI, 165, 167.

Мухамедъ IV, турецкій султанъ 1648—1687 гг. Повелѣніе его Запорожцамъ и отвѣтъ Запорожцевъ 1680 г., т. VI, 450—451; 700—701.

Муханова, Натал. Павл., т. V, 344.

Мухановъ, членъ «Всешутѣйшаго собора» 1723 г., т. V, 876.

Мухановъ, Ипнатъ Калинычъ, т. V, 342.

Мухановъ, Пав. Александр., членъ госуд. совѣта и предсѣдатель археографической комиссіи, р. 1798 † 1871 г. Сообщ. повелѣнія Павла I с.-петербугскимъ губернаторамъ 1797—1799 гг., т. V, 235—256. Разсказы изъ временъ императ. Александра I, т. VI, 676—677. Некрологъ его, т. V, 335—345.

Мухановъ. Петръ Александр., декабристъ, † 1854 г., т. V, 335, 336.

Мюнстеръ, издатель «Портретной галлереи русскихъ дѣятелей», т. V, 733.

Мюратъ, франц. принцъ (Іоахимъ, король неаполитанскій), т. V, 649.

Мясниковы, купцы, т. VI, 682.

Мясоѣдова, Марія Алек. Разсказъ ея объ Екатеринѣ II, т. V, 460.

Мясоѣдовъ, Никол. Ефимов., дѣйств. тайн. совѣтникъ, р. 1750 † 1825 г. Разсказы его объ Екатеринѣ II и генералѣ Шестаковѣ, т. V, 673, 676. Упом. т. V, 672.

Мятлевъ, И. И.. 1840 г., т. V, 307.

Н.

Набоковъ, ген.-адъютантъ, 1849 г., т. VI. 71, 72.

Нагаевъ, курьеръ, т. V, 945.

Нагибинъ, коллеж. совѣтникъ 1825 г., т. VI. 520, 521.

Наги-Ханъ, персид. старшина 1828 г., т. VI, 277.

Нагорный, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. VI, 74.

Надаржинскій, Тимоѳей Вас., духовникъ Петра Великаго. Распоряженіе о портретѣ, пожалованномъ ему царемъ, т. V, 956—957.

Надаржинскій, Филиппъ, отставной маіоръ. Распоряженіе императрицы о высылкѣ имъ портрета Петра Великаго, 1753 г., т. V, 956—957.

Надхинъ, Г. П. Сообщ. подлин. бумаги Хемницера, т.V, 585—623. Уп. т.VI, 701.

Назаревъ, Михаилъ, подъячій, т. V, 907.

Назарова, Мавра, крестьянка, т. VI, 694.

Назаръ-Али-ханъ, персид. чиновн. 1828 г., т. VI, 165, 168.

Назимовъ, подполковникъ 1827 г., т. VI, 58.

Назимовъ, Влад. Иван., ген.-адъютантъ, попечитель москов. учебн. округа 1852 г., т. V, 128.

Назоновъ, домовладѣлецъ, т. VI, 222.

Наибъ-султанъ, 1829 г., т. VI, 192.

Най, кораб. мастеръ 1715 г., т. V, 885.

Накашидзе, молодой человѣкъ 1857 г., т. V, 455.

Наполеонъ I, императоръ французовъ, т. V, 19, 20, 242, 269, 386, 447, 559, 647, 648, 650, 652—657, 691, 698, 701, 703, 704; т. VI, 2—5, 19, 37, 38, 285, 287, 310, 314, 320, 341, 342, 344, 347, 369, 378, 390, 398, 433, 478, 479, 541, 614—616, 628, 677.

Нарбонъ (le comte Louis de Narbonne), дипломатъ, адъют. Наполеона въ 1812 г., т. VI, 616.

Нарсесъ, армянскій архимандритъ 1827 г., т. VI, 44.

Нарышкина, Анна Никит., рожд. Румянцева, р. 1730 † 1820 г., гофмейстерина 1796 г., т. V, 461.

Нарышкина, Марія Антоновна, рожд. кн. Святополкъ-Четвертинская, р. 1779 † 1854 г. Объ отношеніяхъ къ ней имп. Александра Павловича, т. V, 630—631. Разсказъ о ней, т. VI, 677. Упом. т. V, 264, 265, 652, 654.

Нарышкина, Марія Павловна, рожд. Валкъ-Полева, р. 1720 † 1793 г., т. V, 769.

Нарышкинъ, Александръ Александр., об.-гофмарш. и сенаторъ, р. 1726 † 1795 г., т. V, 461.

Нарышкинъ, Александръ Львов., об.-гофмарш., об.-камерг., р. 1760 † 1826 г., т. VI, 97, 676.

Нарышкинъ, Дмитрій Львовичъ, об.-камергеръ, р. 1764 † 1838 г., т. V, 630.

Нарышкинъ, Кирилла. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 912.

Нарышкинъ, Левъ Александр., об.-шталмейстеръ, р. 1733 † 1799 г.. т. V, 139, 140, 222, 232, 651.

Нарышкинъ, Сем. Кирил., об.-егермейстеръ, р. 1710 † 1775 г., т. V, 769.

Насакинъ, правовѣдъ 1765 г., т. VI. 574.

Насыръ, шушинскій татаринъ, т. V, 718.

Насръ-эддинъ, персид. шахъ, т. VI, 164.

Нассаускій, принцъ 1791 г., т. VI, 426

Натъ, Антонъ Ефимов., 1791 г., т. VI, 421.

Натье, художникъ 1717 г., т. V, 959, 960.

Нащокинъ. Ссылка на его свидѣтельство о свадьбѣ кн. М. А. Голицына, т. V. 862.

Небогатово, Иванъ, подъячій 1713 г.. т. V, 937.

Небольсинъ, Вас. Александр., московскій вице-губернаторъ, т. V, 145.

Негейбауръ, бреславльскій крестьянинъ, русскій агентъ 1712 г., т. V, 923.

Нейбауеръ, нѣмецкій пасторъ, т. V, 216.

Нейбауеръ, воспитатель царевича Алексѣя Петровича, написавшій брошюру противъ Россіи, т. VI, 690.

Неплюевъ, генералъ-маіоръ 1791 г., т. VI, 423.

Нейдгардтъ, генералъ 1846 г.. т. V, 439.

Нейдгардтъ 2-й, ген.-адъютантъ, ген.-квартирмейстеръ при дѣйствующей арміи 1831 г., т. VI, 311, 348.

Нейдгардтъ, адъютантъ при гр. Румянцовѣ-Задунайскомъ, т. V, 771.

Ней (Michel), французскій маршалъ 1812 г., т. V, 654, 657; т. VI, 616.

Нейрейтеръ, Каспаръ, оружейникъ, т. V, 330.

Неккеръ, Жакъ, франц. министръ, р. 1732 † 1804 г., т. V, 698, 699.

Нелединскій, Степанъ, 1715 г., т. V, 884.

Нелединскій-Мелецкій, Александръ Юрьев., камергеръ и дѣйств. тайн. сов. при Екатеринѣ II. Его остроуміе, т. V, 675—676.

Нелединскій-Мелецкій. Юрій Александровичъ, т. VI, 91.

Нелидова, Екат. Ив., р. 1756 † 1837 г., кам.-фрейлина 1797 г. Ходатайство ея о Н. С. Мордвиновѣ, т. V, 38.

Нелидовъ, уфимскій ген.-губернаторъ 1824 г., т. V, 360.

Нелюбохтинъ, Василій, прапорщикъ 1723 г., т. V, 879.

Немѣровскій, секретарь гр. Аракчеева. Разсказы его о графѣ, т. VI, 589—591.

Неплюевъ, составитель записокъ. Разсказъ его о тяжбѣ князь-папы Зотова съ полковник. Блекымъ, т. V, 850—851.

Неронова, госпожа 1715 г., т. V, 887.

Нероновъ, Борисъ. Челобитная его о «характерѣ». 1721 г., т. V, 965—966.

Несвицкій, князь, пажъ, посланный за границу для изученія правовѣдѣнія 1765 г., т. VI, 574.

Нессельроде, гр. Карлъ Васильевичъ (Карлъ-Робертъ), государств. канцлеръ. р. 1780 г. Письмо къ нему Аббасъ-Мирзы по поводу убійства русскаго посланника въ Тегеранѣ 1829 г., т. VI, 186 — 187. Письма по тому же дѣлу отъ гр. Паскевича, т. VI, 188—190, 205—206. Письмо къ гр. Паскевичу, т. VI, 193—195; 198—199. Упом. т. V, 406—408, 786; т. VI, 44, 182, 205, 207, 475, 482, 484.

Нетельгорстъ-фонъ, бригадиръ 1707 г., т. V, 814, 820, 821.

Нечаевъ, туньск. дворянск. засѣдатель 1827 г., т. VI, 663.

Нечаевъ, Николай, дворовый Измайлова, подавшій на него жалобу государю 1827 г., т. VI, 655.

Нефловъ, плацъ-полковникъ 1724 г., т. V, 949, 950.

Никитинъ, штабъ-лекарь 1827 г., т. VI, 659.

Никитинъ, гр. Алексѣй Петр., ген. отъ кавалеріи, инспекторъ резервной кавалеріи, т. VI, 593.

Никифоровъ, Григорій, слобожанинъ 1711 г., т. V, 940.

Никола, аббатъ, т. V, 518.

Николаевъ, полковникъ, командиръ донскаго казачьяго полка 1825 г., т. VI, 104, 122.

Николай Павловичъ, императоръ. Вступленіе его на престолъ и присяга ему, т. VI, 134. Встрѣча имъ тѣла Александра Павловича въ Царскомъ Селѣ, т. VI, 137. Донесенія ему Паскевича, Дибича и Ермолова по дѣламъ Кавказа 1826—1828 гг., т. VI, 43—58; 61—68; 243—249; 253—255; 257—273; 278—279. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 359—362. Учрежденіе министерскаго поста при персидскомъ дворѣ 1828 г., т. VI, 169. Письмо Аббасъ-Мирзы по поводу умерщвленія русскаго посольства въ Тегеранѣ 1829 г., т. VI, 185—186. Указъ сенату объ исключеніи князя М. Чарторыжскаго изъ русской службы, 1831 г., т. VI, 405. Рѣчь депутатамъ города Варшавы при пріемѣ ихъ во дворцѣ Лазенки 1835 г., т. VI, 391—393; 678—683. Записка барону Вревскому 1854 г., т. VI, 605—606. Мнѣніе Тарасова о царствованіи императора, т. VI, 143. Упом. т. V, 42, 366, 406, 432, 475, 476, 518, 532, 578, 580, 624, 628, 959, 969; т. VI, 22, 32, 35, 103, 151, 159, 161, 164, 316, 450, 476, 483, 529.

Николевъ, Юрій Алексѣев., приставъ, подъ надзоромъ котораго находился Суворовъ во время своей ссылки въ деревню. Разсказы о немъ, т. V, 768; т. VI, 93.

Никонъ, патріархъ москов., т. VI, 92.

Никулаевъ, Терентій, мѣщан. 1711 г., т. V, 939.

Ниловъ, т. V, 692.

Ниротъ, 1715 г., т. V, 884.

Новиковъ, подрядчикъ 1791 г., т. V, 423.

Новиковъ, адъютантъ А. П. Ермолова, т. VI, 534.

Новиковъ, Никол. Ивановичъ, армейскій поручикъ, глава московскихъ мартинистовъ. Гнѣвъ противъ него императрицы Екатерины II, 1793 г., т. V, 146. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 560—568. Упом. т. V, 338, 549; т. VI, 576, 690.

Новицкая, первая танцовщица 1816 г., т. VI, 299.

Новицкій, Валентинъ. Сообщ. разсказъ о подвигѣ Вержбицкаго, т. V, 475—477.

Новицкій, Даніла, сержантъ 1707 г., т. VI, 667.

Новокщеновъ, тверской почтмейстеръ 1815 г., т. V, 161.

Новосильцевъ, Никол. Никол., дѣйств. тайн. сов., попечитель виленскаго университета, † 1838 г. Письмо къ нему цесаревича Константина Павловича, 1816 г., т. V, 681—682. Упом. т. V, 38.

Ножанъ, французскій писатель, т. V, 231.

Норовъ, Авраамъ Сергѣев., предсѣдатель археографической коммиссіи, †1869 г. Разсказъ его объ Аракчеевѣ, т. V, 472. Упом. т. V, 339.

Носковъ, маіоръ 1829 г., т. VI, 201.

Носовичъ, литераторъ, т. V, 462.

Ностицъ, саксонскій генералъ 1813 г., т. V, 691.

Ноульсъ, адмиралъ, начальникъ Дунайской флотиліи 1773 г., т. V, 37.

Нумерсъ, генер., корпусн. командиръ 1770 г., т. VI, 407.

Ньютонъ, англ., ученый, т. V, 37.

Нѣмцевичъ, поэтъ и историкъ, т. V, 270; т. VI, 17, 20.

Нѣмцовъ, Өед. Глѣб., тобольскій губернаторъ 1762 г., т. V, 671.

О.

Ободовскій, Платонъ Григ., писатель 1840 г., т. V, 307.

Оболенская, княгиня, 1715 г., т. V, 887.

Оболенскій, кн. Е. П., декабристъ. Свидѣтельство его о И. Д. Якушкинѣ, т. VI, 600.

Оболенскій, кн. Мих. Андр., дѣйств. стат. сов. 1860 г., т. V, 879.

Оболенскій, кн. Михаилъ Матв., ком-

натный стольникъ 1723 г., т. V, 876, 884.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанфовичъ, ген.-прокуроръ, впослѣдствіи генер. отъ инфантеріи, † 1841 г. Пожалованіе ему императоромъ Павломъ дома 1799 г. и замѣтка о немъ, т. V, 254 — 255. Упом. т. V, 235, 253; т. VI, 95, 627.

Обрѣзкова, Елиз. Семен., рожд. Волкова, въ 1-мъ замуж. бар. Остенъ, а въ 3-мъ — кн. Хилкова, т. V, 244, 480.

Обрѣзкова, Софья Александр., рожд. кж. Щербатова, т. V, 244, 480.

Обрѣзковъ, адъютантъ 1811 г., т. V, 263, 659, 688.

Обрѣзковъ, Алексѣй Мих., дѣйств. тайн. сов., резидентъ въ Константинополѣ, т. V, 244.

Обрѣзковъ, Петръ Александровичъ, т. V, 480.

Обрѣзковъ, Петръ Алексѣев., тайн. сов., состоявшій при имп. Павлѣ, † 1814 г., т. V, 244, 480.

Оверъ, А. И., докторъ 1852 г., т. V, 126, 127.

Огаревъ, сенаторъ 1827 г., т. VI, 661.

Огинскій, Николай, каштелянъ троцкій, надворный подскарбій литов., посолъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. V, 826.

Огюстъ (Пуаро), танцовщикъ и балетмейстеръ 1816 г, т. VI, 300.

Одинцовъ, Евстафій Степ., контръ-адмиралъ 1790 г. Полученіе имъ подарка отъ императрицы Екатерины II, т.V, 145.

Одоевскій, кн., московск. домовладѣлецъ 1812 г., т. VI, 614.

Озеровъ, дѣйств. стат. сов. 1864 г., т. VI, 472.

Околовъ, генер.-контролеръ царства польскаго 1820 г., т. VI, 7, 8.

Оксенштіерна, Аксель, швед. дипломатъ, бывшій регентомъ за малолѣтствомъ кор. Христины, † 1654 г., т. V, 537.

Оленинъ, Алексѣй Никол., президентъ Академіи Художествъ, † 1842 г., т. V, 160, 549, 550; т. VI, 507.

Олешева, Марія Вас., рожд. Суворова, т. VI, 406, 409.

Олешевъ, Алексѣй Вас., дѣйств. стат. сов., т. VI, 409.

Олсуфьевъ, Адамъ Вас., дѣйств. тайн. совѣтн., статсъ-секретарь и управлявшій собствен. канцеляріею императр. Екатерины II, † 1784 г. Разсказъ объ обжорствѣ его, т. V, 670. Упом. т. V, 958.

Олсуфьевъ, Василій Дмитр., оберъ-гофмейстеръ при Петрѣ Великомъ, т. V, 884.

Олсуфьевъ, Дмитр. Адам., стат. сов., т. VI, 574.

Олсуфьевъ, Матвѣй Дмитр., оберъ-гофмейстеръ при Екатеринѣ I, т. V, 884.

Олсуфьевъ, Ѳед. Яковл., ген.-маіоръ и гв. маіоръ, т. VI, 88.

Ольга Павловна, великая княжна, т. VI, 89.

Ольшевскій, А. Д., командиръ бѣлорусскаго гусарск. полка. Письмо къ нему партизана Давыдова 1816 г., т. V, 635—636, 402. Участіе его въ польской войнѣ 1831 г., т. VI, 384, 387, 388.

Омеро, драгоманъ, т. V, 608.

Омеръ-паша, командующій турецкими войсками 1855 г., т. V, 452.

Опочининъ, Констан. Ѳед., т. V, 695, 696, 697, 781, 952.

Опочининъ, Ѳед. Конст. Сообщ. письма прадѣда своего кн. М. И. Голенищева-Кутузова къ женѣ 1810 — 1812 гг., т. V, 257 — 269; 647 — 660; 687 — 698. Письма Г-жи де-Сталь къ кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой, 1812—1813 гг., т. V, 698—705. Записки гр. Г. П. Чернышева, т. V, 791—802. Письмо св. Димитрія Ростовскаго. т. V, 952. Замѣтка по поводу изданія имъ бумагъ кн. Кутузова, т. V, 781—783. Упом. т. VI, 501.

Опочининъ, Ѳед. Петр., об.-гофмейстеръ, † 1852 г., т. V, 260, 268, 654, 660, 690, 691, 696, 697, 952.

Опперманъ, графъ Александръ Карл., флиг.-адъютантъ 1827 г., потомъ генер.-маіоръ, т. VI, 43, 386.

Оранскій, принцъ, т. V, 604.

Орбеліани, кн. Григ. Дмитр., генер.-отъ инфантеріи, т. V, 453.

Орженцкій, офицеръ, декабристъ, т. VI, 261, 264.

Орлеанскій, герцогъ, т. V, 602.

Орликъ, кіевскій воевода 1711 г., т. V, 935.

Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексѣевна, р. 1785 † 1848 г., кам.-фрейлина 1817 г., т. V, 624; т. VI, 232, 242, 508.

Орловскій, извѣстный живописецъ, т. V, 546.

Орловъ, офицеръ 1846 г. Ходатайство о немъ А. П. Ермолова, т. V, 433.

Орловъ, гр. Алексѣй Ѳед., (впослѣд. князь), ген. отъ кавалеріи, ген.-адъют., предсѣдатель госуд. сов. и комитета министровъ, † 1861 г., т. V, 299, 433, 448, 450; т. VI, 70, 72, 73, 385.

Орловъ, кн. Григ. Григ., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1734 † 1783 г. Разсказъ о медали, выбитой въ честь его за усмиреніе возмущенія въ Москвѣ 1771 г., т. V, 132. Сожалѣніе, выраженное импер. Екатериною II о его смерти, т. V, 139. Упом. т. V, 130, 136, 236, 468, 678, 770.

Орловъ, Илья, 1715 г., т. V, 885.

Орловъ, Мих. Ѳед., ген.-маіоръ, декабристъ, † 1842 г. Замѣтки о немъ по поводу выхода его изъ членовъ тайнаго общества, 1821 г., т. V, 775—781; т. VI, 597—602. Упом. т. V, 637.

Орловъ, Н. М. Замѣтка его о М. Ѳ. Орловѣ, т. V, 775—781; т. VI, 597—602.

Орловъ, Степ. Петр., полковой лекарь 1820 г. Отношенія его къ гр. Аракчееву, т. VI, 230, 231, 235—239, 242.

Орловъ-Денисовъ, гр. Вас. Вас., ген.-лейт., ген.-адъютантъ, впослѣд. ген. отъ кавалеріи, р. 1780 † 1843 г. Препровожденіе имъ тѣла императора Александра Павловича въ Петербургъ, т. VI, 131—139. Упом. т. VI, 507, 508.

Орловъ-Чесменскій, графъ Алексѣй Григ., генер.-аншефъ, р. 1735 † 1807 г. Записка къ нему Екатерины II по поводу смерти брата его князя Григорія, т. V, 139. Разсказъ о наказаніи его Павломъ I, т. VI, 89 — 90. Упом. т. V 131, 772; т. VI, 413, 415.

Орловы, братья-фавориты. Старанія ихъ помѣшать возвышенію Потемкина, т. V, 465—466. Упом. т. V, 675.

Осипова, П. А., владѣт. села Тригорскаго, другъ А. С. Пушкина, т. V, 627.

Осиповъ, полковникъ, горный чиновникъ на Уралѣ, 1824 г., т. V, 371.

Осиповъ, Григ. Мих., гвард. офицеръ 1762 г., впослѣд. д. тайн. сов., т. V, 671.

Осипъ Петровичъ, мундшенкъ, т. V, 135.

Оскаръ, наслѣдный шведскій принцъ. Посѣщеніе имъ военн. поселеній 1830 г., т. VI, 232.

Османъ, турецкій императоръ, т. VI, 451.

Остенъ-Сакенъ, бар. Дмитр. Ерофѣев., ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи 1849 г., т. V, 442; т. VI, 331, 334, 372.

Остенъ-Сакенъ, бар. Карлъ Иванов. (впослѣд. графъ), воспитатель вел. кн. Павла Петровича, дѣйств. тайн. сов., р. 1733 † 1808 г., т. VI, 418.

Остенъ-Сакенъ, бар. Фабіанъ Вильгельмов., впослѣд. фельдмаршалъ и князь, р. 1752 † 1837 г. Письмо его къ генералиссимусу Суворову 1791 г., т. VI, 416. Письмо къ нему Суворова, т. VI, 424. Упом. т. VI, 418.

Остергарденъ, Михаилъ, 1704 г., т. V, 912.

Остерманъ, ген.-маіоръ 1769 г., т. V, 218.

Остерманъ, Андрей Иван. (Генрихъ-Іоаннъ-Фридрихъ), впослѣд. графъ, дѣйств. тайн. совѣтн., каб.-министръ и ген.-адмиралъ, р. 1686 † 1747 г., т. V, 885.

Остерманъ, гр. Ив. Анд., вице-канцлеръ, потомъ государств. канцлеръ и президентъ коллегіи иностр. дѣлъ, р. 1725 † 1811 г., т. V, 219, 695; т. VI, 94, 425.

Остерманъ-Толстой, гр. Александръ Иванов., генер. отъ инфантеріи, генер.-адъютантъ, т. VI, 541.

Остолоповъ, т. VI, 409.

Островскій, членъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19, 20.

Островскій, Александръ Никол., драматургъ. Мнѣніе Гоголя о его сочиненіяхъ, т. V, 121—122.

Охотниковъ, членъ «Союза Благоденствія» 1821 г., т. VI, 597.

II.

Павелъ Петровичъ, императоръ. Отношенія его къ мартинистамъ, т. V, 549, 563—564. Покровительство В. И. Баженову 1787 г., т. V, 141. Поступокъ въ отношеніи короля Густава-Адольфа 1796 г., т. V, 463. Отношенія къ Н. С. Мордвинову, т. V, 38. Ссылка Ермоловыхъ въ Орловскую деревню, т. VI, 487. Возвращеніе Радищева изъ ссылки, т. VI, 580. Учрежденіе Сиротскаго дома 1797 г., т. V, 245. Повелѣнія с.-петербургскимъ губернаторамъ 1797 — 1799 гг., т. V, 236—256. Распоряженіе объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и о замѣнѣ ихъ новыми 1800 г., т. VI, 98. Преданность Аракчеева, т. V, 471—472. Употребленіе золотыхъ медалей, собранныхъ Екатериною II, на украшеніе Михайловскаго замка, т. VI, 676. Разсказы изъ царствованія императора, т. VI, 87—97. Упом. т. V, 148, 465, 544, 559, 563, 625, 671, 684, 770, 782, 802; т. VI, 406, 673, 682.

Павлищевъ, Л. Н. Сообщ. списокъ съ письма Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову 1855 г., т. VI, 543.

Павлова, Анна Петр., рожд. Ермолова, т. VI, 501, 508, 524, 530, 532.

Павловъ, инспекторъ 1827 г., т. V, 294.

Павловъ, Алексѣй Александров., камергеръ и синод. об.-прокуроръ, т. VI, 501, 508, 509, 513, 526, 531.

Павловъ, Никол. Филип., литераторъ, т. V, 122.

Павлоцкій, бригадн. адъютантъ 1829 г., т. VI, 200.

Палаузовъ, Спиридонъ Никол., ученый, р. 1819 † 1872 г. Некрологъ его, т. VI, 471—473. Упом. т. V, 682, 684.

Паленъ-фонъ-деръ, гр. Петръ Алексѣев. (Петръ-Людвигъ), генер. отъ кавалеріи, с.-петербург. воен. губернаторъ, потомъ первоприсут. въ коллегіи иностр. дѣлъ и главный директоръ почтъ, р. 1745 † 1826 г. Повелѣнія ему отъ императора Павла 1798—1799 гг., т. V, 240—256. Замѣтка о его службѣ, т. V, 479. Разсказъ о его смѣлости, т. VI, 96.

Паленъ-фонъ-деръ, гр. Петръ Петр., генер.-инспекторъ всей кавалеріи, ген.-адъютантъ и членъ госуд. совѣта, † 1864 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 330, 331, 372. Упом. т. V, 240.

Паленъ-фонъ-деръ, гр. Юліана Ив., рожд. бар. фонъ-Шепингъ, р. 1753 † 1814 г., т. V, 240.

Палибинъ, т. V, 877.

Палласъ, извѣстный путешественникъ и писатель, т. V, 661.

Пальмъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74, 82.

Пальчиковъ, А. В. Сообщ. бумаги прадѣда своего Филиппа Пальчикова, т. V, 893—902.

Пальчиковъ, Филиппъ Петр. Біографическая замѣтка о немъ, т. V, 893—894. Письма и указы къ нему Петра Великаго, 1717—1724 гг., т. V, 895—902. Упом. т. V, 886.

Панаевъ, Ив. Ив., литераторъ. Шутка на него Щербины, т. V, 157—158.

Панина, Над. Андр., рожд. Ладыженская. Доносъ ея на заговорщиковъ 1762 г., т. V, 131.

Панинъ, Вас. Алексѣев., коллеж. совѣтникъ, т. V, 131.

Панинъ, гр. Никита Иванов., дѣйств. тайн. сов., первоприсутств. въ коллегіи иностр. дѣлъ, сенаторъ и воспитатель вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г. Исторія его возвышенія, т. V, 466. Упом. т. V, 131, 219, 679, 958; т. VI, 425, 568.

Панинъ, гр. Петръ Ив., ген.-аншефъ и сенаторъ, р. 1721 † 1789 г., т. V, 133, 767, 771, 958.

Панкратьевъ, генер.-маіоръ 1827 г., т. VI, 268, 270.

Пановъ, Н. И. Сообщ. ордеръ гр. Салтыкова Борчугову, 1801 г., т. V, 681.

Панютинъ, С. Ѳ., камеръ-юнкеръ 1855 г. (нынѣ тайн. сов.). Диктованное ему предсмертное письмо кн. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову, т. VI, 427.

Паплонскій, славянистъ, т. VI, 454.

Парри, мореплаватель, т. V, 398.

Парротъ, профессоръ 1819 г., т. V, 396.

Пароехъ, армянскій архіерей 1829 г., т. VI, 201.

Парсуковъ, Василій, 1715 г., т. VI, 885.

Паскевичъ-Эриванская, гр. Елизав. Алексѣев., кн. **Варшавская**, рожд. Грибоѣдова, † 1856 г., т. VI, 680.

Паскевичъ-Эриванскій, гр. Ив. Өед., кн. **Варшавскій**, фельдмаршалъ, намѣстникъ Царства Польскаго 1832 г. Его военныя дарованія, т. VI, 476. Отзывъ о немъ императора Николая при отправленіи его въ Грузію 1826 г., т. VI, 362. Отношенія къ А. П. Ермолову 1826—1827 гг., т. VI, 40, 47, 48, 51—57, 65—68, 245, 316, 317, 348, 362—365, 385—386, 475, 477, 484—487. Письма отъ Ермолова, 1827 г., т. VI, 499—500. Донесенія императору Николаю по дѣламъ Кавказа, т. V, 706—708, 709—726; т. VI, 43—45, 57—58. Замѣчанія о 42 егерскомъ полку, о полковникѣ Реуттѣ, и отчего крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ, т. VI, 58—60. Замѣчанія о томъ, какимъ образомъ защита пограничной крѣпости была ввѣрена Ильинскому, т. VI, 60—61. Письма къ генералу Дибичу, т. V, 708—709; т. VI, 41—43, 69. Назначеніе на мѣсто Ермолова, т VI, 267. Побѣда надъ персіянами, т. VI, 279. Обстоятельства взятія Эривани, т. VI, 333—334. Донесенія по поводу умерщвленія русскаго посольства въ Персіи 1829 г., т. VI, 169—179, 195, 204. Письмо по тому же дѣлу отъ Аббасъ-Мирзы, т. VI, 187—188. Письма о томъ же къ графу Нессельроде, т. VI, 188—190, 196—198. Тоже отъ гр. Нессельроде, т. VI, 193—195. Донесенія Амбургера о препровожденіи тѣла Грибоѣдова въ Тифлисъ, т. VI, 200—202. Письмо къ митрополиту Іонѣ о погребеніи Грибоѣдова, т. VI, 202. Мнѣніе о вознагражденіи вдовы и матери Грибоѣдова, т. VI, 205—206. Отношенія къ кн. В. Г. Мадатову, т. VI, 699. Предсмертное письмо къ кн. М. Д. Горчакову: мысли по поводу обороны и паденія Севастополя 1855 г., т. VI, 604—605; 427—435. Упом. т. V, 339, 432, 433, 441, 444, 452, 682; т. VI, 140, 164, 184, 203, 207, 254, 258, 264, 268—272, 280, 323, 326, 358, 362, 375, 393, 530, 533.

Паскевичъ-Эриванскій, кн. Өедоръ Иван. Письмо его въ редакцію, т. VI, 700.

Пассекъ, генералъ 1846 г., т. V, 434.

Пассекъ, Вадимъ Васильев, писатель, † 1842 г., т. VI, 607, 608.

Пассекъ, В. Вадимов., т. VI, 633.

Пассекъ, Петръ Богданов., ген.-адъютантъ, могилев. губернаторъ, потомъ ген.-губернаторъ бѣлорусскій 1782 г. Выговоръ ему отъ императр. Екатерины II, т. V, 134. Упом. т. V, 459.

Пассекъ, Татьяна Петр., рожд. Кучина. Записки ея: воспоминанія объ А. И. Герценѣ и семействѣ Яковлевыхъ, т. VI, 607—648. Сообщ. Записки А. Л. Витберга въ подлинномъ спискѣ А. И. Герцена, т. V, 17—32; т. VI, 159—192.

Патерсонъ, Вас. Вас. Посѣщеніе его Александромъ I, 1824 г., т. VI, 145—148.

Патерсонъ, Дмитр. Вас., т. VI, 147.

Патерсонъ, Евгенія Акимовна, рожд. Львова. Принятіе ею у себя Александра I, т. VI, 145—148.

Паткуль, ливонецъ, колесованный шведами въ 1706 г., т. V, 908.

Паулуччи, маркизъ, кавказскій главнокомандующій 1813 г., рижскій воен. генералъ-губернаторъ 1825 г., т. V, 387, 431.

Пацъ, генералъ, членъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 17, 20, 38.

Пашковъ, Александръ Васил. генер.-маіоръ 1831 г., т. VI, 352, 366, 369, 381, 382, 383.

Пашковъ, Егоръ, 1715 г., т. V, 886.

Пекарскіе, уфимскіе дворяне, т. VI, 690.

Пекарскій, Петръ Петр., дѣйств. ст. сов., академикъ, р. 1828 † 1872 г. Свѣдѣнія о немъ, т. VI, 684—686. Перечень его трудовъ, т. VI, 686—693. Упом. т. VI, 471.

Пелисье, капитанъ 1790 г., т. VI, 571.

Пелисье, франц. маршалъ, т. V, 453.

Пенинскій, составитель христоматіи, т. VI, 701.

Перголезе, композиторъ, т. V, 603.

Перекусихина, Марія Савишна, любимица Екатерины II, р. 174... † 1826 г. Вниманіе къ ней императрицы, т. V, 142, 145. Разсказы ея объ Екатеринѣ, т. V, 460, 670, 674. Упом. т. V, 141; т. VI, 90, 491.

Перле, иностранецъ, т. V, 334.

Перовскій, гр. Вас. Алексѣев., ген. отъ кавалеріи, ген.-адъютантъ, членъ гос. совѣта, оренбургскій и самарскій ген.-губернаторъ, т. V, 412.

Перовскій, гр. Левъ Алексѣев.. дѣйств. тайн. сов., гофмейстеръ, мин. внутрен. дѣлъ 1840—1852 гг., потомъ министръ удѣловъ, т. VI, 72, 73.

Петерсонъ, генералъ 1777 г., т. V, 615.

Петрашевскій, Мих. Вас., † 7 дек. 1867 г., основ. тайн. общества. Мнѣніе И. П. Липранди по его дѣлу 1849 г., т. VI, 70—86.

Петреіусъ, историкъ, т. V, 334.

Петровъ, В. Набросокъ эпиграммы на него Хемницера, т. V, 610. Упом. т. V, 618.

Петровъ, библіотекарь при императр. Екатеринѣ II, т. V, 466.

Петровъ, NN Павловичъ, юнкеръ, 1855 г., т. V, 449.

Петровъ, фельдъегерь 1827 г., т. VI, 266.

Петровъ, А. Н. Сообщ. повелѣніе императ. Александра I объ обращеніи съ солдатами, 1804 г., т. VI, 283—284.

Петровъ, Иванъ, счетчикъ 1711 г., т. V, 939.

Петровъ, Пав. Иван., т. V, 446.

Петровъ, П. Н. Сообщ. примѣчанія къ Запискамъ Витберга, т. V, 159—160, 162, 168—172, 178 -181, 183, 519—520, 532, 533, 577—580.

Петровы, пѣвцы, т. V, 304.

Петръ Великій, императоръ. Объ отношеніяхъ его къ Аннѣ Монсъ, т. V, 803. Объ оскорбленіи прусскаго посла фонъ-Кейзерлинга 1707 г., т. V, 803 — 844. О построенномъ имъ въ 1712 г. Итальянскомъ дворцѣ, т. V, 245. Указъ о строеніяхъ въ Петербургѣ 1715 г., т. V, 953. Распоряженія по кораблестроенію 1717—1724 гг., т. V, 893—902. Преданіе о словахъ, будто бы произнесенныхъ имъ передъ статуей Ришелье 1718 г., т. V, 603. Распоряженіе о вознагражденіи за археологическія находки 1718 г., т. VI, 474. Челобитная Бориса Неронова о характерѣ 1721 г., т. V, 965—966. Шутки и потѣхи Петра Вел, т. V, 845—892. Сподвижники его, т. V, 903—951. Легенда о свиданіи его съ атаманомъ Сидоркой, т. V, 963—964. Распоряженіе императр. Елизаветы Петровны о портретѣ Петра, подаренномъ Надаржинскому, т. V, 956—957. О портретѣ его въ Полтавѣ, т. V, 958—962. Докладъ императр. Екатеринѣ II о мѣстѣ для памятника ему, т. V, 957—958. Упом. т. V, 26, 38, 44, 184, 217, 226, 229, 238, 250, 342, 604, 608, 791, 792, 795, 799; т. VI, 103, 166, 561, 563, 688, 690.

Петръ II, императоръ, т. V, 237.

Петръ III, императоръ. Указъ его синоду о соблюденіи правосудія 1762 г., т. VI, 567 — 568. Упом. т. V, 37, 129, 130, 131, 255, 390, 674; т. VI, 89, 90.

Петръ, наслѣдн. принцъ Курляндскій 1738 г., т. V, 799.

Печаткинъ, Г. П., т. VI, 606.

Пизани, т. V, 694.

Пиранъ, визирь туранскій, прославившійся мудростію, т. VI, 166.

Писаревъ, т. V, 692.

Писаревъ, Александ. Александр., ген.-маіоръ, попечитель москов. учебн. округа 1829 г. Прошенія къ нему смотрителя сѣвскихъ училищъ Шелкова, т. VI, 444—447. Предписаніе объ увольненіи Шелкова отъ должности, т. VI, 447—448.

Писаревъ, Александ. Іевличъ, маіоръ 1776 г., т. V, 604.

Писаревъ, Богданъ, 1715 г., т. V, 885.

Писаревъ, Григорій, 1715 г., т. V, 885.

Писарской, Семенъ, 1715 г., т. V, 885.

Питтъ, англичанка, находившаяся въ качествѣ собесѣдницы при импер. Елизаветѣ Алексѣевнѣ, т. VI, 137, 138.

Пичини, Іоаннъ, оружейникъ, т. V, 330.

Платовъ, гр. Ив. Матв. младшій, полковникъ войска Донскаго. Участіе его въ

польской кампаніи 1831 г., т. VI, 349, 369, 370, 404.

Платовъ, гр. Матв. Ив., ген. отъ кавалеріи, наказной атаманъ войска Донскаго, основатель Новочеркаска, р. 1751 † 1818 г. Участіе его въ битвѣ подъ Бородинымъ 1812 г., т. V, 269. Характеристическіе разсказы о немъ, т. VI, 677—678. Упом. т. V, 656, 689; т. VI, 105, 106, 494.

Платонъ, моск. митрополитъ. Совершеніе имъ коронованія императора Александра Павловича, т. VI, 676. Разсказы о немъ, т. V, 768.

Племянниковъ, Григорій Ив., сенаторъ 1711 г., т. V, 891.

Плетневъ, Петръ Александр., писатель, т. VI, 443, 444.

Плещеевъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74, 75.

Плещеевъ, Алексѣй. Эпиграмма его на Щербину и отвѣтъ послѣдняго, т. V, 151.

Плещеевъ, Серг. Ив., дѣйств. тайн. сов., т. V, 685.

Плотникова, воспитанница театральнаго училища, т. VI, 304.

Плохово, генералъ, команд. отрядомъ 1831 г., т. VI, 383, 384.

Погодинъ, Мих. Петр., академикъ. О доставшемся ему портретѣ Н. В. Гоголя, т. V, 119—120. Составленный имъ некрологъ П. А. Муханова, т. V, 335—342. О статьяхъ его объ А. П. Ермоловѣ, т. VI, 475, 490, 500. Упом. т. V, 121, 122, 148, 420.

Подобѣдовъ, 1813 г., т. V, 690.

Подушкинъ, штабсъ-капитанъ, 1799 г., т. V, 254.

Пожарскій, кн. Дмитр. Мих., боярин, т. V, 331, 529, 530.

Позняковъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 885.

Полевой, Никол. Алексѣев., издатель «Телеграфа». Замѣтка объ отношеніяхъ къ нему Булгарина, т. V, 299.

Поликола, 1715 г., т. V, 884.

Полторацкая, Агафоклея Александр., т. V, 139.

Полторацкій, Марко Ѳед., директоръ пѣвческой капеллы. Разсказъ о посѣщеніи его императр. Екатериною II, 1785 г., т. V, 139.

Полѣнова, т. V, 261.

Пономаревъ, т. VI, 687.

Пономаревъ, С. И. Сообщ. отрывокъ стихотворенія М. А. Максимовича, т. VI, 224.

Понятовскій, Станиславъ-Августъ, послѣдній польскій король, т. V, 960.

Поповскій, переводчикъ соч. «Опытъ о человѣкѣ», т. VI. 687.

Поповъ, командиръ одного изъ казач. полковъ 1831 г., т. VI, 349, 371.

Поповъ, камердинеръ Екатерины II, т. V, 135.

Поповъ, епифанскій земскій исправникъ 1827 г., т. VI, 656.

Поповъ, Андрей, авторъ «Описанія хронографовъ», т. VI, 450.

Поповъ, Вас. Петр. Сообщ. біографическую замѣтку о П. А. Ѳедотовѣ, т. V, 729—733.

Поповъ, Вас. Степ., правит. канцеляріи кн. Потемкина-Таврическаго, впослѣд. дѣйств. тайн сов. и предсѣдатель департамента гражд. дѣлъ въ госуд. совѣтѣ, † 1822 г. Высочайшее повелѣніе объ арестѣ его въ 1799 г., т. V, 253—254. Разсказы его: а) о кн. Долгорукомъ-Крымскомъ, т. V, 136; и б) объ императрицѣ Екатеринѣ II, т. V, 461—462. Упом. т. VI, 415.

Поповъ, М., писатель, т. V, 616.

Поповъ, Ѳед. Ив., кавалергар. ген.-маіоръ, т. V, 678.

Порошины, т. V, 695.

Порошинъ, Василій, шлиссельбург. комендантъ въ 1700-хъ годахъ, т. V, 906.

Потаповъ, рейткнехтъ при Александрѣ I и потомъ камердинеръ импер. Николая, т. VI, 103.

Потапова, Александра Петр., рожд. Грохольская, т. VI, 698.

Потаповъ, ген.-аншефъ, воронежскій намѣстникъ 1774 г., т. VI, 674.

Потаповъ, ген.-адъютантъ. Записка къ нему А. П. Ермолова 1827 г., т. VI, 63.

Потаповъ, Александ. Львовичъ, ген.-адъютантъ, ген.-губерн. Сѣверо-западн. края. Сообщ. письмо св. Димитрія Ростов-

ского къ Грохольскому 1709 г., т. VI, 293. Замѣтку о Грохольскихъ, т. VI, 698—699. Упом. т. VI, 674.

Потаповъ, Левъ, ген.-маіоръ, т. VI, 698.

Потемкина, т. V, 887.

Потемкина, Дарія Вас., рожд. Ковдырева, вдова Скуратова, р. 1704 † 1780 г. Отношенія къ ней мужа, т. V, 463—464.

Потемкинъ, Александ. Вас., подполковн., смолен. помѣщикъ, р. 1673 † 1746 г. Отношенія его къ семьѣ, т. V, 463—464.

Потемкинъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 884.

Потемкинъ, Мих. Серг., ген.-поручикъ, ген.-кригсъ-комиссаръ, † 1791 г., т. V, 464.

Потемкинъ, гр. Пав. Серг., ген.-аншефъ, кавказск. ген.-губернат., писатель, р. 1743 † 1796 г. О письмѣ его къ И. И. Шувалову въ 1794 г, т. V, 346. Упом. т. V, 464

Потемкинъ, Сергѣй Дмитр., секундъ-маіоръ. Прописки его въ отношеніи Дарьи Вас. Потемкиной, т. V, 464.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александровичъ, ген.-фельдмаршалъ, р. 1738 † 1791 г. Фамильныя свѣдѣнія о немъ, т. V, 463—468. Покровительство его кн. А. И. Горчакову, т. V, 144. Основаніе города Херсона, т. V, 223. Выговоръ отъ императрицы, т. V, 142. Упом. т. V, 37, 39, 130, 138, 142, 219, 237, 253, 462, 479, 638, 661, 671, 672, 678, 769; т. VI, 408, 412, 414, 415, 420, 421.

Потоцкая, гр. Викторія Феликсов., въ 1-мъ замуж. гр. Шуазёль-Гуффье, во 2-мъ—Бахметева; р. 1780 † 1827 г., фрейлина 1794 г. Пожалованіе ей императр. Екатериною II жемчуговъ, т. V, 457—458. Упом. т. V, 261.

Потоцкій, гр. Александръ Станиславовичъ, оберъ-шталмейстеръ Россійскаго двора, р. 1776 † 1845 г., т. V, 41.

Потоцкій, гр. Станиславъ, мин. народн. просвѣщенія и духовн. дѣлъ, президентъ сената въ Царствѣ Польскомъ, р. 1752 † 1822 г., т. V, 691.

Потоцкій, гр. Северинъ Осип., дѣйствит. тайн. совѣтникъ, сенаторъ и членъ государствен. совѣта, р. 1762 † 1829 г., т. V, 18.

Похвисневъ, М. Н. Сообщ. Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ, т. VI, 475—492. Переписку его съ разными лицами. 1812—1851 гг., т. VI, 493—500. Упом. т. VI, 606.

Похвисневъ, Никол. Никол., состоявшій при А. П. Ермоловѣ, т. VI, 509.

Пошманъ, адъютантъ 1818 г., т. V, 533.

Пошманъ, Антонъ, стат. совѣтникъ 1809 г., физикъ и механикъ, т. V, 575, 576.

Пошманъ, С. А., директоръ института законовѣденія 1836 г., т. V, 576.

Прасковья Іоанновна, царев. Письма ея къ В. Ѳ. Салтыкову 1723 г., т. VI, 566—567.

Прасковья Ѳедоровна, рожд. Салтыкова, царица, жена царя Іоанна V, р. 1679 † 1723 г. Покровительство ея В. А. Юшкову, т. VI, 562 — 563. Письма къ брату В. Ѳ. Салтыкову, т. VI, 563—566. Упом. т. VI, 561.

Пржецлавскій, Осипъ. Сообщ. замѣтку о маршалкѣ Пусловскомъ, т. V, 684—685. Упом. т. VI, 148.

Приваловскій, Юрій, издатель стих. Ѳедотова, «Маіоръ», т. VI, 209.

Приклонская, Марѳа Иван., рожд. Булгакова, т. V, 617.

Приклонскій, Вас. Григ., тверской прокуроръ 1782 г., т. V, 617.

Прилуцкая, воспитанница театральн. училища 1822 г., т. V, 425.

Прово, гувернантка, т. VI, 639, 643. 644.

Проворовская, кн. Анна Мих., рожд. кж. Волконская, р. 1747 † 1824 г., статсъ-дама 1801 г., т. VI, 677.

Проворовскій, кн. Александръ Александровичъ младшій, ген.-фельдмарш., московскій главнокомандующій, р. 1732 † 1809 г. Его примота, т. V, 145. Упом. т. V, 258, 783.

Проворовскій, кн. Петръ Ив., боярин. т. V, 875, 877, 883.

Прокоповичъ, Никол. Яковл., † 1857 г., т. V, 88.

Прокоповичъ, Ѳеофанъ, новгородскій архіерей, т. VI, 691.

Прокофьевъ, акціонеръ, 1840 г., т. V, 409.

Прокофьевъ, крѣпостной, архитект.-самоучка, т. V, 577.

Протасова, Анна Степ., впослѣдствіи графиня, р. 1745 † 1826 г., кам.-фрейлина 1785 г., т. V, 140, 267.

Протасовъ, графъ Николай Александ., оберъ-прокуроръ синода, † 1855 г., т. V, 320.

Протасьевъ, Ѳедоръ 1723 г., т. V, 876.

Протопоповъ, Алексѣй. Прошеніе его о небытіи въ маскарадѣ, 1722 г., т. V, 892.

Протопоповъ, Лаврентій, дьякъ 1713 г., т. V, 928.

Проттъ, придворный аптекарь 1825 г., т. VI, 104, 129.

Прохоровъ, Вас. Александров. О его изданіи: «Христіанскія древности и Археологія», т. V, 491—496.

Прошка, камердинеръ Суворова, т. VI, 93, 675.

Прудонъ, писат.-соціалистъ, т. VI, 76.

Птицынъ, Николай, дворовый Измайлова, т. VI, 655, 659.

Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ, т. V, 133.

Пузыревскій, И. А. Сообщ. списокъ съ письма Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову 1855 г., т. VI, 543.

Пулавскій, ксендзъ 1831 г., т. VI, 28, 389.

Пупаревъ, Аркад. Гавр. Сообщ. Распоряженіе объ изъятіи изъ продажи книги «Утреннія и вечернія молитвы», 1835 г., т. VI, 583—584. Пѣсню о Рахчеевѣ, т. VI, 594—596. Судебное дѣло ген.-лейтенанта Измайлова съ крестьянами 1827 г., т. VI, 649—664.

Пусловскій, маршалокъ, дѣйств. ст. сов., слонимскій уѣздн. предводит. двор. Замѣтки о немъ, т. V, 684—685; т. VI, 148. Данный имъ обѣдъ императ. Александру Павловичу 1825 г., т. V, 381. Цѣль этого обѣда, т. V, 382. Письма его къ князю Голенищеву-Кутузову 1813 г., т. VI, 148—149.

Пуссенъ, живописецъ, т. V, 160.

Путиловъ, Артемій Вас., ген.-лейт. Рѣшеніе императ. Павломъ его процесса, т. VI, 90.

Путята, смолевскій помѣщикъ, т. VI, 289.

Пуффендорфъ, историкъ, т. V, 334.

Пушкина, госпожа 1715 г., т. V, 887.

Пушкинъ, 1841 г., т. V, 314, 319.

Пушкинъ, Александръ Серг., р. 1799 † 1837 г. Наружность его и эпиграмма на Дембровскаго, т. VI, 304—305. О подпискѣ на памятникъ ему, т. V, 348. Упом. т. V, 41, 302, 307, 308, 322, 323, 327, 638, 730; т. VI, 114, 200, 296, 299.

Пушкинъ, Ив. Ѳед., окольнич. 1715 г., т. V, 884.

Пушкинъ, Левъ Александр., гв. капитанъ, р. 1723 † 1790 г., т. V, 615.

Пущина, Анастасія Кондр., рожд. Рылѣева. Объ изданіи ею Собранія сочиненій К. Ѳ. Рылѣева, т. V, 270.

Пущинъ, декабристъ, офицеръ, т. VI, 261.

Пущинъ, Петръ (Ѳедоръ) Иван., адмиралъ 1790 г., т. V, 145.

Пылай, священникъ 1812 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 287.

Пыпинъ, Александръ Никол., авторъ соч. «Очерки общественнаго движенія при императорѣ Александрѣ I», т. V, 36.

Пѣтуховъ, чиновникъ 1825 г., т. VI, 128.

Р.

Работинъ, гр., семиградскій генералъ 1703 г., т. V, 964.

Работинъ, П., лекарь 1825 г., т. VI, 162.

Равинскій, авторъ соч. «Русскіе граверы», т. VI, 692.

Равичъ, драгоманъ, т. V, 617.

Рагоцкій, (Рагоцци), князь 1707 г., т. V, 835.

Рагузинскій, Ефимъ, 1710 г., т. VI, 667.

Рагузинскій, гр. Савва (Рагузинскій-Владиславичъ), агентъ Петра Великаго, т. V, 883.

Рагульскій, Ив. Дмитр., т. V, 907.

Радзивиллъ, княгиня, т. V, 842.

Радзивиллъ, кн. Антоній-Генрихъ, намѣстникъ велик. герцогства Познанскаго, р. 1775 † 1833 г., т. VI, 38.

Радзивиллъ, кн. Михаилъ, членъ Совѣта временнаго варшавскаго правленія, главнокомандующій польскими войсками 1831 г., т. VI, 17, 38, 347.

Радищевъ, Александ. Никол., писатель, р. 1749 † 1802 г. Рапортъ изъ иркутскаго намѣстническаго правленія о ссылкѣ его въ Сибирь 1791 г., т. VI, 436—438. О жизни и сочиненіяхъ его, т. VI, 573—581.

Радищевъ, Никол. Александр. Записка его «О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева», т. VI, 573—581.

Радожицкій, бригадн. команд. 1827 г., т. VI, 45.

Радухинъ, казачій полковникъ 1831 г., т. VI, 366, 367.

Раевская, домовладѣлица, т. V, 778.

Раевская, NN Никол., т. VI, 598.

Раевскій, генералъ-маіоръ 1829 г. Донесеніе его гр. Паскевичу на счетъ слуховъ объ умерщвленіи русскаго посольства въ Персіи, т. VI, 169. Упом. т. VI, 261, 264.

Раевскій, Никол. Никол., герой отечественной войны 1812 г. Замѣтка о немъ, т. V, 778. Упом. т. V, 433, 624, 632, 636, 775; т. VI, 495, 598.

Разинъ, Стенька, т. V, 965; т. VI, 692.

Разумовская, гр. Елиз. Кирилов., въ замуж. гр. Апраксина, р. 1749 г., фрейлина при Екатеринѣ II, т. V, 466.

Разумовскій, гр. Алексѣй Григор., фельдмаршалъ, т. V, 679, 960.

Разумовскій, гр. Алексѣй Кирилов., мин. народн. просвѣщ. 1815 г. Вниманіе его къ А. Л. Витбергу, т. V, 166, 170—171. Упом. т. V, 160, 161, 169, 769.

Разумовскій, гр. Кирилла Григорьев., малоросс. гетманъ, т. V, 130.

Разумовскій, гр. Левъ Кирил., т. V, 160, 161, 164.

Райкевичъ, римскій надворн. секрет. 1782 г., т. V, 618.

Ральстонъ. Составленный имъ некрологъ А. Н. Аѳанасьева, т. V, 787—789.

Рамазановъ, А. Н., скульпторъ 1852 г., т. V, 128.

Рамбо, генералъ 1708 г., т. V, 913.

Рангъ, М. М. Сообщ. о пребываніи Александра I въ Костромской губерніи 1824 г. т. VI, 145—148.

Расинъ, франц. писатель, т. V, 614.

Растопчина, гр. Енд. Петр., рожд. Сушкова, поэтесса, † 1858 г. Баллада ея: «Насильный бракъ», т. V, 296—299. Разсказъ ея о гр. Ѳ. В. Растопчинѣ и объ англичанинѣ, т. VI, 678. Упом. т. V, 121, 122.

Растопчинъ, гр. Ѳед. Вас., управлявшій коллегіею иностр. дѣлъ, потомъ оберъ-камергеръ, ген. отъ инфантеріи, членъ госуд. совѣта, москов. главнокомандующій 1812 г., р. 1765 † 1826 г. Замѣтки о немъ Витберга, т. V, 558—559. Отношенія къ Витбергу, т. V, 19, 21, 22. Разсказъ о посѣщеніи его англичаниномъ, т. VI, 678. Упом. т. V, 160, 285, 479, 551, 557, 579; т. VI, 288, 615.

Расторгуевъ, екатеринбургскій купецъ-домовладѣлецъ 1824 г., т. V, 365, 969, 971.

Ратчъ, Вас. Ѳед. Сообщ. письмо къ вельможамъ, правителямъ государства. соч. кн. М. М. Щербатова, т. V, 1—15.

Раутенштраухъ, членъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 17, 19.

Раухъ, инж.-генералъ 1818 г., т. V, 534.

Рафаэль, живописецъ, т. V, 602.

Рахмановъ, инспекторъ театральной школы 1816 г., бывшій актеръ. Добродушіе его, т. VI, 301. Упом. т. VI, 300.

Рачинскій, А. В. Сообщ. письмо Давыдова къ А. Д. Ольшевскому 1816 г., т. V, 635; т. VI, 404.

Реадъ, генералъ, извѣстный участникъ севастопольской обороны, т. VI, 430, 431.

Ребрандъ, живописецъ, т. V, 604.

Ребровъ, Алексѣй Ѳед., коллежскій совѣтникъ, извѣстный на Кавказѣ коллекціонеръ-шелководъ 1825 г., т. VI, 520, 521.

Ревельоти, т. VI, 150.

Рейналь, писатель, т. V, 346.

Рейнгольдъ, придвор. докторъ 1825 г., т. VI, 104, 123, 124, 128, 129, 153.

Рейтъ, граверъ, т. VI, 520.

Рейе, франц. корпусный командиръ, 1813 г., т. V, 691.

Ренвенъ, механикъ, т. V, 603.

Ренне, ген.-лейтенантъ 1707 г., т. V, 817, 819, 821, 833, 839, 842, 918, 920, 922.

Ренненкампфъ, полковникъ 1828 г., т. VI, 189.

Рентель, ген.-маіоръ 1707 г., т.V, 828.

Репнина, кн. Марѳа Яковл., рожд. кж. Лобанова-Ростовская, т. V, 769.

Репнина, княгиня Варвара Алексѣев., урожденная графиня Разумовская, т. V, 959, 960.

Репнинъ, князь, состоящій при адмиралтействѣ въ 1720-хъ гг., т. V, 893.

Репнинъ, кн. Аникита Иван., фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи и генер.-губернаторъ лифляндскій, р. 1668 † 1726 г., т. V, 792, 793, 834, 877, 883, 926.

Репнинъ, кн. Борисъ Александровичъ, бояринъ, астраханскій военода, † 1670 г., т. VI, 595.

Репнинъ, кн. Ив. Аникитичъ, полковникъ, р. 1696 † 1737 г. Письмо его къ гр. Б. П. Шереметеву 1717 г., т. V, 925.

Репнинъ, кн. Никол. Вас., ген.-губернаторъ вилен., гродненскій, лифланд. и эстланд., потомъ ген. фельдмаршалъ и посолъ въ Берлинѣ, р. 1734 † 1801 г. Щедрость его, т. V, 767—768. Великодушіе, т.V, 769. Упом. т. V, 131, 467, 959; т.VI, 96, 340, 407, 412—414, 424.

Репнинъ, кн. Петръ Иван., ген.-поручикъ, потомъ оберъ-шталмейстеръ, † 1778 г., т. V, 769.

Репнинъ-Волконскій. кн. Николай Григ., генер. отъ кавалеріи, ген.-адъют., членъ госуд. совѣта, ген.-губернат. королевства Саксонскаго 1813 — 1814 гг., и ген.-губернаторъ Малороссіи 1816—1834 гг., р. 1778 † 1844 г. Замѣтка о немъ, т. V, 959—960. Упом. т. VI, 440.

Реуттъ, Іосифъ Антонов., ген.-лейт., членъ совѣта главнаго управленія Закавказскимъ краемъ. Отзывъ о немъ А. П. Ермолова, т. V, 441. Упом. т. V, 708, 724, 725; т. VI, 58—60.

Ржевская (князь - игуменья), Дарья Гавр., рожд. Соконнина. Письма ея къ Петру Великому, 1708 — 1717 гг., т. V, 890—892. Упом. т. V, 798, 859, 861, 875, 879, 887.

Ржевскій, Алексѣй Андр., камергеръ, потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, † 1804 г., т. V, 468, 579.

Ржевскій, Василій, 1723 г., т. V, 876.

Ржевскій, Ив. Ив., 1715 г., т. V, 798, 885, 891.

Рибасъ, Анаст. Ив., рожд. Соколова, т. V, 467.

Рибасъ, Осипъ Иван., вице-адмиралъ 1798 г., † 1800 г., т. V, 38, 241, 467.

Рибопьеръ, Александ. Ив. (впослѣд. графъ), посланникъ въ Царьградѣ и Берлинѣ, потомъ оберъ-камергеръ и членъ госуд. совѣта, т. VI, 518.

Рибопьеръ, Ив. Александр. (?), флиг.-адъютантъ, потомъ 1799 г. дѣйств. камергеръ. Разсказъ о немъ, т. VI, 92—93.

Риго, Гіацинтъ, живописецъ, р. 1659 † 1743 г., т. V, 959, 960.

Ридигеръ, Ѳед. Вас. (впослѣд. графъ), ген. отъ кавал., ген.-адъютантъ, членъ госуд. совѣтъ, бывшій варшавскій воен. генералъ-губернаторъ, † 1856 г. Отношенія его къ Д. В. Давыдову, т. VI, 384—385. Участіе въ польской кампаніи 1831 г. т. VI, 30, 337, 353, 371, 375—378, 381—383, 387—390, 405.

Риза-Кули, персид. историкъ, т. VI, 164.

Рикордъ, губернаторъ Камчатки 1818 г., т. V, 242.

Рикордъ, адмиралъ, предсѣдат. морскаго ученаго комитета, † 1855 г., т. V, 413.

Римскій-Корсаковъ, Алексан. Мих., ген. отъ инфантеріи, ген.-губернаторъ въ Бѣлоруссіи, потомъ въ Вильнѣ, р. 1753 † 1840 г. Разсказъ о немъ, т. VI. 94. Упом. т. V, 143, 577.

Римскій-Корсаковъ, Яковъ. Письма его къ кн. А. Д. Меншикову, т. V, 906—907.

Рикальди, архитекторъ 1768 г., т. V, 251.

Рихтеръ, 1812 г., т. V, 657.

Ришелье-дюкъ-де, основатель Ри-

шельевскаго лицея, т. V, 603; т. VI, 296, 504.

Ришелье-де, герцогъ Эммануилъ, т. VI, 678.

Роберманъ, Екатерина, т. V, 577.

Робеспьеръ, Максимиліанъ, р. 1759 † 1794 г., т. VI, 310.

Ровандъ, англійскій банкиръ 1814 г., т. V, 575, 576.

Роде, капитанъ 1715 г., т. V, 885.

Розерсонъ, лейбъ-медикъ при импер. Екатеринѣ II, т. V, 670, 771.

Розиковъ, издатель «Невскаго Зрителя» 1820 г., т. V, 281.

Розенъ, генералъ 1813 г., т. V, 689.

Розенъ, бар. Григ. Влад., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, кавказскій ген.-губернаторъ и командиръ отдѣльн. кавказскаго корпуса, р. 1782 † 1841 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 22, 320, 330, 350—353, 367, 372—375, 385, 388. Письмо къ нему гр. Симонича о погребеніи русск. погибшихъ въ Тегеранѣ 1829 г., 1836 г., т. VI, 203—204.

Розовъ-Майковъ, Иванъ, стихотворецъ XVIII стол., т. VI, 690.

Роллеръ, декораторъ 1840 г., т. V, 306, 308.

Романовъ, Никита Иван., боярин, т. V, 331; т. VI, 692.

Ромарино, генералъ, начальникъ польскихъ войскъ 1831 г., т. VI, 37, 388.

Ромбергъ, артистъ 1812 г., т. V, 268.

Ромодановская, кн. Анаст. Ѳедоров., рожд. Салтыкова, † 1736 г., т. V, 879.

Ромодановскій, кн. Ив. Ѳед. (князь-кесарь), дѣйств. тайн. сов., москов. ген.-губернаторъ, † 1730 г. Шутки и потѣхи надъ нимъ Петра Великаго, т. V, 846—850, 852, 861, 862, 874, 879.

Ромодановскій, кн. Ѳед. Юрьевичъ (князь-кесарь), москов. главнокомандующій, † 1717 г. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, т. V, 907. Упом. т. V, 846, 847, 849.

Роновъ, т. V, 877.

Ропп-фонъ-деръ, Христоферъ-Фромгольдъ, генералъ-поручикъ, † 1728 г., т. V, 817.

Рославлевъ, Никол. Ив., ген.-поруч., † 1785 г. Ссылка его за участіе въ заговорѣ противъ Екатерины II, 1762 г., т. V, 131.

Росси-де. Участіе его въ битвѣ подъ Бородинымъ, т. V, 269.

Ростовцевъ, Яковъ Иван., генералъ-адъютантъ 1849 г., т. VI, 71.

Роттъ, генералъ, корпусн. командиръ 1825 г., т. VI, 122, 523.

Ртищевъ, генералъ, т. VI, 291.

Рубановскій, пажъ, посланный въ Лейпцигъ для изученія правовѣдѣнія, 1765 г., т. VI, 574.

Рубановъ, аудиторъ. Истязаніе его военными поселянами 1831 г., т. VI, 548—549, 558.

Рубанъ, стихотворецъ, секретарь кн. Потемкина, т. V, 229, 467—468.

Рубенсъ, живописецъ, т. V, 602, 615.

Ружицкій, предводитель польскихъ войскъ 1831 г., т. VI, 388.

Румовскій, переводчикъ Эйлера, т. VI, 617.

Румянцева, графиня, т. V, 245.

Румянцева-Задунайская, гр. Екатер. Мих., рожд. кн. Голицына, р. 1725 † 1779 г., т. V, 242, 771.

Румянцевъ, Александръ Иван., денщикъ Петра Великаго, т. V, 861.

Румянцевъ, гр. Мих. Петр., дѣйств. тайн. сов. и оберъ-шенкъ, т. VI, 93.

Румянцевъ, гр. Никол. Петров., об.-гофмейстеръ, дѣйств. тайн. сов., впослѣдствіи мин. иностран. дѣлъ и предсѣдатель государств. совѣта, р. 1755 † 1826 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 242—243.

Румянцевъ, Сергѣй Петр., посланникъ при прусск. дворѣ, † 1838 г., т. V, 680.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., фельдмаршалъ. Разсказы о немъ, т. V, 131, 132, 242, 243, 771. Упом. т. V, 132, 680; т. VI, 576.

Руничъ, Аркадій Павл., членъ комиссіи построенія храма Христа Спасителя, 1820 г., т. V, 539.

Руничъ, Дмитрій Павлов., управляв. почтовою частью въ Москвѣ 1813 г., впослѣд. попечитель с.-петербург. учеб.

наго округа. Отношенія его къ А. Л. Витбергу, т. V, 19, 22, 23. Упом. т. V, 149, 180, 526, 539, 557.

Руничъ, Павелъ Степ., владимірскій губернаторъ, потомъ сенаторъ, составитель записокъ о пугачевскомъ бунтѣ, р. 1747 † 1825 г.,т. V, 133, 526; т. VI, 408.

Руссо, Жанъ-Батистъ, франц. лирическій писатель, р. 1671 † 1741 г., т. V, 616.

Руссо, Жанъ-Жакъ, франц. писатель. р. 1712 † 1778 г., т. V, 346, 368.

Рустемъ, грузинъ, т. VI, 169, 178, 180.

Рыбинскій, кузьмскій казначей 1707 г., т. V, 821.

Рыбниковъ. О собранныхъ имъ былинахъ, т. V, 498, 499; т. VI, 453.

Рыкачевъ, исправникъ 1875 г. Разсказъ его объ Екатеринѣ II, т. V, 139.

Рылѣева, Анаст. Матв., т. VI, 603.

Рылѣева, Марія Ив., т. VI, 441.

Рылѣева, Нат. Мих., т. VI, 603.

Рылѣевъ, Кондр. Ѳед., писатель, декабристъ. Сочиненія его. Думы Волынскій, т. V, 62—65. Глинскій, т. V, 271—275. Смерть Ермака, т. V, 275—277. «Богданъ Хмельницкій», т. V, 277—279. «Видѣніе». т. V, 419—422. «Дмитрій Донской», т. V, 640—642. «Борисъ Годуновъ», т. V, 642—644. «Дмитрій Самозванецъ», т. V, 644—646. «Мстиславъ Удалой», т. V, 760—762. Михаилъ Тверской, т. V, 762—764. Сатира: «Къ временщику», т. V, 279. Посланія: къ К—му, т. V, 65—66. Къ NN, т. V, 66—67. В. Н. Столыпиной, т. V, 280—281. Отрывки изъ поэмы «Наливайко», т V, 764—766. Юношескія стихотворенія, т. V, 758—762. Стихотв. «На смерть Байрона» т. VI, 439—440. Замѣтка о его стихотвореніяхъ, т. VI, 438. Предчувствія его о своей судьбѣ, т. VI, 440—441. Замѣтка о годѣ его рожденія, т. VI, 602—604. Упом. т.V, 41, 282, 336; т.VI, 701.

Рылѣевъ, Мих. Никол., комендантъ города Дрездена 1813 г., т. VI, 440, 441.

Рылѣевъ, Никол. Иван. с.-петербургскій об.-полиціймейстеръ 1788 г., т. V, 143, 147, 459; т. VI, 415.

Рыхлевскій, т. VI, 517.

Рычковъ, Петръ Ив., писатель, т. VI, 690, 691.

Рѣпнинскій, Г. К. Сообщ. распоряженіе императ. Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и о замѣнѣ ихъ другими, т. VI, 98. Указъ сенату объ исключеніи изъ службы кн. Чарторыжскаго 1831 г., т. VI, 405. Рапортъ иркутскаго намѣстнич. правленія о Радищевѣ 1791 г., т. VI, 436—438. Распоряженіе владим. гражд. губернатора о соблюденіи чиновниками формы 1833 г., т. VI, 294. Выдержку изъ послужнаго списка академика П. П. Пекарскаго, т. VI, 684 - 685.

Рюль, И. Ѳ., лейбъ-медикъ 1825 г., т. VI, 101, 138.

Рюминъ, откупщикъ, т. VI, 142.

Рябининъ, Трофимъ Григор., крестьянинъ Олонецкой губ., пѣвецъ былинъ, р. 1793 г. Пѣтыя имъ былины, т. V, 497—517. Упом. т. VI, 463.

Рязанцевъ, артистъ 1830 г., т. V, 424.

С.

Сабанѣевъ, Ив. Вас., генералъ, корпусн. командиръ 1820-хъ гг., т. V, 778; т. VI, 317, 477.

Саблуковъ, Александръ Александр., сенаторъ и президентъ мануфактуръ-коллегіи, впослѣд. дѣйств. тайн. сов. и членъ государств. совѣта, † 1828 г. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ его изъ Петербурга, 1799 г., т. V, 255. Упом., т. V, 480.

Саблуковъ, Никол. Александр., оставившій любопытныя воспоминанія объ импер. Павлѣ, т. V, 480.

Савва, духовникъ Екатерины II. Разсказъ о недовѣріи къ нему Павла I, т. VI, 87—88.

Савваитовъ, П. И. Сообщ. стихотвореніе Словцова къ Сперанскому т. V, 80—81. Замѣтки о гр. М. М. Сперанскомъ и гр. Аракчеевѣ, т. V, 469—472.

Савеловъ, Антонъ, 1723 г., т. V, 876.

Савельевъ, секретарь, т. VI, 663.

Савельевъ, этнографъ, т. VI, 702.

Савенковъ, подполк. 1715 г., т.V, 886.

Сагтынскій, А. А., тайн. совѣтникъ 1849 г., т. VI, 71.

Савоновъ, подполковникъ. Извѣстіе о немъ императ. Павла, 1797 г., т. V, 236.

Салтыковъ, корпусный командиръ 1824 г., т. V, 481.

Салтыкова, рожд. бар. Шафирова, т. V, 771,

Салтыкова, Анаст. Мих. Разсказы о ней, т. V, 771—772.

Салтыкова, Анна Борис., рожд. кн. Долгорукая, т. VI, 564.

Салтыкова, Евд. Мих., рожд. кн. Бѣлосельская, т. V, 772.

Салтыковъ, графъ. Ордеръ его ген.-маіору Борчугову, 1801 г., т. V, 681.

Салтыковъ, сенаторъ 1827 г., т. VI, 661.

Салтыковъ, Александ. Мих. Замѣтка о немъ, т. V, 772.

Салтыковъ, Алексѣй Петр., боярин. 1715 г., т. V, 883.

Салтыковъ, Борисъ Мих. Замѣтка о немъ, т. V, 772.

Салтыковъ, Вас. Петр., дѣйств. тайн. сов., † 1807 г., т. V, 772.

Салтыковъ, Вас. Ѳед. (впослѣд. графъ) кравчій, дѣйств. тайн. совѣтн., † 1730 г. Письма къ нему сестры его царицы Прасковьи Ѳедоровны, т. VI, 563 — 566. Письма царевенъ Екатерины и Прасковьи Іоанновныхъ, т. VI, 566—567. Упом. т. V, 886.

Салтыковъ, Мих. Мих., кравчій и окольничій при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, † 1671 г., т. V, 334.

Салтыковъ, Мих. Мих., сенаторъ и президентъ камеръ-коллегіи, т. V, 771.

Салтыковъ, гр. Никол. Иван. (впослѣдствіи князь), воспитатель вел. кн. Александра и Константина Павловичей, потомъ фельдмаршалъ и предсѣдатель госуд. сов. и комитета министровъ, р. 1736 † 1816 г. Письмо къ нему Суворова 1791 г., т. VI, 418. О тяжбѣ его съ гр. Кутайсовымъ за Эмбинскія ловли, т. V, 38. Упом. т. V, 144, 467; т. VI, 340, 406, 411. 413—416, 418, 420, 421, 424, 425.

Салтыковъ, князь Петръ. О пріобрѣтеніи въ 1861 году принадлежавшаго ему восточнаго оружія, т. V, 531.

Салтыковъ, Петръ Салтыковичъ, боярин., смоленскій губернаторъ. Письмо его къ гр. Б. П. Шереметеву, 1712 г., т. V, 924—925.

Салтыковъ, Семенъ Андр., ген.-маіоръ и гвард.-маіоръ, впослѣд. графъ, генер.-аншефъ, оберъ-гофмейстеръ и москов. генер.-губернаторъ, р. 1672 † 1742 г., т. V, 885.

Сальватонъ, докторъ 1817 г., т. V, 527.

Самаринъ, 1812 г., т. V, 268.

Самаринъ, помѣщикъ, т. VI, 653.

Самаринъ, Ив. Мих., т. VI, 560, 561.

Самаринъ, Мих. Мих., сенаторъ, 1716 г., т. V, 884; т. VI, 559, 560, 672.

Самаринъ, Никол. Мих., т. VI, 559.

Самаринъ, Н. Ѳ. Сообщ. замѣтки о Бутурлиныхъ и Юшковыхъ, т. VI, 559—563.

Самойловъ, гр. Александръ Никол., ген.-прокуроръ и государств. казначей, † 1812 г., т. V, 146, 238, 263; т. VI, 487.

Самойловъ, А. Н., авторъ соч. «Жизнь и дѣянія кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго», т. V, 463.

Самойловъ, Никол. Борис., тайн. сов. и сенаторъ, т. V, 463.

Самойловъ, Павелъ, дворовый Измайлова, подавшій на него жалобу государю 1827 г., т. VI, 655.

Сакоо, гр., бывшій редакторъ «Journal de St.-Petersbourg», нынѣ дѣйств. стат. сов. и членъ совѣта дѣтскихъ пріютовъ, т. VI, 683.

Сапѣга, польскій князь 1707 г., т. V, 834.

Сарафановъ, крестьянинъ, т. V, 498.

Сарафановъ, Вас. Софроновъ, крестьянинъ, т. V, 498.

Саундерсъ, художникъ, т. VI, 97.

Сафоновъ, Иванъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1708 г., т. V, 917.

Сафоновъ, Ѳедоръ, цѣловальникъ 1711 г., т. V, 940.

Сахаровъ, издатель басень Хемницера, т. V, 232.

Свербеева, Екат. Александ., рожд. кн. Щербатова, т. V, 480.

Свербеевъ, Николай, т. VI, 645.

Свиньинъ, Пав. Петр., издатель «Оте-

ственныхъ Записокъ» 1824 г., т. V, 144, 518.

Свистуновъ, П. Н., декабристъ. Свидѣтельство его объ И. Д. Якушкинѣ, т. VI, 600. Упом. т. VI, 599.

Свіязевъ, И. И., дѣйств. стат. сов., академикъ. Сообщ. свѣдѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16. Упом. т. V, 373.

Святополкъ-Мирскій, кн. Дмитрій, полковникъ тенгинскаго полка (нынѣ ген.-адъют.). Отвѣтъ его на письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову 1855 г., т. VI, 544—546.

Себастіани, франц. маршалъ 1812 г., т. V, 632, т. VI, 37, 286.

Севаршидзевъ, князь, полков. командиръ 1827, т. V, 719; т. VI, 274, 277, 279.

Северинъ, Ив. Ив., секретарь посольства 1782 г., т. V, 607, 617, 620.

Сегюръ, гр. француз. посланникъ въ Россіи, писатель, т. V, 243.

Селивановскій, содержатель типографіи 1823 г., т. VI, 513.

Селифонтовъ, Н. Н. Сообщ. письмо А. П. Ермолова къ Н. Г. Устрялову, т. VI, 290—292. Списокъ съ повелѣнія турецкаго султана Запорожцамъ 1680 г., т. VI, 450.

Семенниковъ, Ѳедоръ, бургомистръ 1711 г., т. V, 940.

Семенова, Нимфодора Сем., извѣстная актриса. Замѣтка о ней, т. VI, 699, 700.

Семенова, Екат. Семен., въ замуж. кн. Гагарина, р. 1786 † 1849 г., знаменитая трагическая актриса. Замѣтки о ней, т. VI, 289, 606. Поправка ошибки о ней, т. VI, 700.

Семенъ, слуга Гоголя, т. V, 123, 127, 128.

Сенакъ-де-Мельянъ, франц. эмигрантъ 1790 г., т. V, 37.

Сенковскій, Осипъ Иванов., (баронъ Брамбеусъ) литераторъ, т. V, 638.

Сенъ-Жульенъ, литераторъ, издатель газеты «Le Furet», т. VI, 683.

Сенъ-Мобанъ, 1812 г., т. V, 267.

Сенъ-Никола, маіоръ 1799 г., т. V, 254.

Сенъ-Симонъ, писатель и ученый, т. VI, 76.

Сеньковъ, Ѳедоръ, подъячій 1711 г., т. V, 940.

Сенявинъ, Алексѣй Наумовичъ, адмиралъ, т. V, 400.

Сенявинъ, Ив. Іоакимов., капитанъ-поручикъ 1715 г., т. V, 886; т. VI, 672.

Серавскій, польскій генералъ 1831 г., т. VI, 370, 371, 376, 378, 379.

Серапинъ, чиновникъ почтамта 1816 г., т. V, 185.

Сераѳіонъ, кіевскій митрополитъ, т. V, 7 68; т. VI, 28.

Серафимъ, с.-петерб. митрополитъ, т. V, 471, 539.

Сербиновичъ, К. С. Замѣтка его объ отношеніяхъ Н. М. Карамзина къ А. Ѳ. Воейкову, т. V, 147 — 149. Сообщ. замѣтку о П. А. Обресковѣ, т. V, 480.

Серебряковъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75.

Серчевскій, т. VI, 164.

Сибирскій, кн. Вас. Ѳед., ген.-кригскомиссаръ, ген. отъ инфантеріи, потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ. Замѣтка о немъ, т. VI, 95.

Сибиряковъ, Дмитрій, т. V, 880, 881.

Сибургъ. Высочайшее повелѣніе объ арестѣ его 1799 г., т. V, 253.

Сиверсъ, морской офицеръ 1715 г., т. V, 886.

Сиверсъ, Яковъ Ефимоф., (впослѣд. графъ), ген.-поручикъ, намѣстникъ тверской, новгородской и псковской, потомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, посланникъ въ Польшѣ и наконецъ глав. начальникъ воспитат. домовъ, † 1808 г., т. V, 134.

Сигизмундъ I, король польскій 1508—1548 гг., т. V, 271, 272.

Сигизмундъ III, король польскій, т. V, 337; т. VI, 451.

Сидорка, атаманъ. Преданіе о немъ, т. V, 962—965.

Сильвестръ, преосвящ. Разсказъ о немъ, т. V, 771.

Симанскій, 1791 г., т. VI, 423.

Симеонъ, священникъ, т. V, 694.

Симоничъ, графъ, посланникъ въ Персіи 1826 г. Письмо его къ барону

Розену о погребеніи русскихъ, погибшихъ въ Тегеранѣ 30 янв. 1829 г., т.VI, 203—204.

Симоновскій, Я. А. Сообщ. отвѣтъ Запорожцевъ турецкому султану Махмету III, т. VI, 700—701.

Симойовскій, Даніилъ, т. VI, 701.

Симпсонъ, Георгъ, директоръ Гудзонбайской компаніи, 1834 г., т. V, 406.

Симсонъ, г-нъ, т. V, 659.

Симчевскій, подполковн., ротн. командиръ 1826 г., т. V, 713.

Синельниковъ, стихотворецъ 1812 г., т. V, 658.

Синявинъ, Ѳедоръ 1715 г., т. V, 884.

Синявскій, польскій гетманъ 1712 г., т. V, 835, 841, 918, 923.

Синягинъ, ген.-адъютантъ, дивизіон. командиръ 1824 г., т. V, 356; т. VI, 268, 271.

Скавронская, гр. Екат. Вас., рожд. Энгельгардтъ, р. 1761 † 1829 г., гофмейстерина 1824 г., т. V, 462.

Скавронскій, гр. М., сенаторъ, т. V, 958.

Скавронскій, гр. Пав. Март., тайн. сов., р. 1757 † 1791 г., т. V, 462, 615.

Скворцовъ, Ермолай, 1715 г., т.V, 886.

Скворцовъ, Кузьма Петр., протоколистъ академич. конторы 1811 г., т. V, 568, 569.

Скляевъ, 1715 г., т. V, 883.

Скопинъ-Шуйскій, кн. Михаилъ Вас., военоначальникъ, т. V, 337.

Скорняковъ-Писаревъ, Григ, Григ., капитанъ-поручикъ, начальникъ морской академіи, потомъ оберъ-прокуроръ сената. Письма и распоряженія къ нему Петра Великаго 1707—1722 гг., т. VI, 665—673.

Скоропадскій, т. VI, 701.

Скржинецкій, командиръ одного изъ польскихъ полковъ 1831 г., т. VI, 20, 28, 38, 372—374, 379, 383.

Скрипицына, т. V, 628.

Слатвинскій, генер. 1831 г., т.VI, 389.

Словцовъ, Петръ А., учитель тобольской и с.-петербургской семинарій, потомъ директоръ гимназіи и визитаторъ учебныхъ заведеній въ Сибири, † 1843 г. Замѣтка о немъ и о дружбѣ его съ гр. Сперанскимъ, т. V, 80. Его сочиненія и стихотвореніе къ Сперанскому, т. V, 81, 469—470.

Слуховъ, Вас. Ив., мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Смирновъ, авторъ соч. «Исторія Троицкой Лаврской семинаріи», т. VI, 688.

Смирной, Никол. Ѳед., адъютантъ гр. М. И. Платова, т. VI, 677, 678.

Смитинъ, издатель «Невскаго Зрителя», 1820 г., т. V, 281.

Смитъ, Адамъ, извѣстный англ. экономистъ, т. V, 37.

Сноваловъ, уѣздный учитель 1829 г., т. VI, 445, 447.

Собакинъ, Мих. Григ., сенат., 1723 г., т. V, 679, 876.

Собакинъ, Петръ Александров., т. V, 679.

Соболевскій, подполковникъ, управляющій канцеляріею военно-цензурн. комитета 1848 г., т. V, 786.

Соболевскій, гр. Валентинъ, предсѣдатель административн. совѣта въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 17, 19.

Собѣсскій, Янъ, кор. пол., т. VI, 422.

Соймонова, Праск. Алексѣев., т. VI. 289.

Соймоновъ, Мих. Ѳедор., сенаторъ, об.-прокуроръ, директоръ горнаго училища 1773 г., впослѣд. попечитель опекунскаго совѣта въ Москвѣ, † 1804 г. Основаніе имъ горнаго училища, т. V, 218. Покровительство Хемницеру, т. V, 219, 602. Причины, побудившія его выйти въ отставку, т. V, 222. Упом. т. V, 605, 613, 614.

Соймоновъ, Никол. Алекс., т. VI, 289.

Соймоновъ, Петръ Александр., т. V, 219; т. VI, 289.

Соковнинъ, Алексѣй Прокоф., окольничій, сторонникъ царевны Софіи, замученный по приказанію Петра, т. V, 875.

Соковнинъ, Гавр. Петр., т. V, 875.

Соколинскій, кн. Андрей, 1719 г., т. VI, 672.

Соколовскій, Петръ, мѣщан. 1711 г., т. V, 939.

Соколовъ, авторъ брошюры: «Описа-

ніе закладки храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ 1817 г.», т. V, 192.

Соколовъ, капит. 1831 г., т. VI, 558.

Солнцевъ, дѣйств. стат. сов. 1823 г., т. VI, 144.

Соловой, капитанъ 1715 г., т. V, 885.

Соловьевъ, Сергѣй Мих., историкъ. Отзывъ его о свадьбѣ Н. М. Зотова въ 1715 г., т. V, 860. Упом. т. V, 845.

Соломирскіе, братья, т. V, 364.

Соломка, полковникъ 1825 г. т. V, 373, т. VI, 112, 118, 145, 147.

Соломка, генералъ 1824 г., т. V, 356.

Соломонъ, чернецъ, казенный по подозрѣнію въ доносѣ на Мазепу въ 1692 г., т. V, 920.

Солтановъ, маіоръ, убитый воен. поселянами 1831 г., т. VI, 554.

Солтыкъ, польскій нунцій. Выписки изъ сочиненія его о польскомъ возстаніи 1831 г., т. VI, 11—17, 33, 326, 393—399. Упом. т. VI, 7, 21, 22, 23, 310.

Сосницкій, Ив. Ив., извѣстн. актеръ. Замѣтка о немъ, т. VI, 303. Письмо къ нему Н. В. Гоголя о постановкѣ «Ревизора», 1846 г., т. VI, 441—444.

Сосновскій, Т. А. Сообщ. письма А. В. Дубельта къ Булгарину и замѣтку объ отношеніяхъ Булгарина къ Н. А. Полевому, т. V, 299. Письмо императора Николая къ бар. Вревскому 1854 г., т. VI. 605 - 606. Упом. т. V, 297.

Софья Алексѣевна, царевна-правительница, р. 1657 † 1704 г., т. V, 36.

Сперанскій, гр. Мих. Мих., гос. секретарь въ 1810 г., р. 1772 † 1839 г. Отношенія его къ гр. Н. С. Мордвинову, т. V, 39—40. Бумаги его: 1) философскіе отрывки и афоризмы, т. V, 68—79; 6) замѣтки, т. V, 80—81; письмо къ нему В. Н. Каразина, т. V, 82—83. Отзывъ о немъ бар. Ф. П. Врангеля, т. V, 396—397. Посланіе къ нему Словцова, т. V, 469—470. Мнѣніе о немъ Аракчеева, т. V, 470. Упом. т. V, 36, 42; т. VI, 460, 682.

Сталь, генералъ 1822 г., т. VI, 512.

Сталь, баронъ, астрономъ, р. 1790 † 1827 г., т. V, 699.

Сталь-Гольштейнъ, бар. Анна-Луиза-Жермена, рожд. Неккеръ, р. 1766 † 1817 г., писательница. Письма ея къ кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой-Смоленской, 1812—1813 гг., т. V, 698—705.

Сталь-Гольштейнъ, баронъ Эрикъ-Магнусъ, швед. посланникъ въ Парижѣ, † 1802 г., т. V, 698.

Станиславъ (Лещинскій), король польскій, т. V, 812.

Станопуло, грекъ, 1817 г., т. V, 541.

Старицкій, кн. Влад. Андр., т. V, 331.

Старовъ, дѣйств. стат. совѣтн., архитекторъ 1783 г., т. V, 237; т. VI, 97.

Стасовъ, Вас. Петр., архитекторъ. р. 1769 † 1848 г. Замѣтка и отзывъ о немъ Витберга, т. V, 178—179.

Стасовъ, Влад. Вас. Поясненія его къ письмамъ М. И. Глинки къ Ширкову, т. V, 300—329.

Стверъ, франц. актеръ 1812 г., т. V, 650.

Стелсъ, 1704 г., т. V, 915.

Степановъ, адвокатъ 1841 г., т.V, 319.

Степановъ, Василій, 1715 г., т. V, 885.

Степановъ, Никол. Петр. Сообщ. предсмертное письмо кн. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову: мысли о защитѣ и паденіи Севастополя 1855 г., т. VI, 427—435.

Степановъ, Петръ Александр., ген.-лейтенантъ и комендантъ въ Царскомъ Селѣ, т. V, 300, 315, 318.

Степановы, братья, т. V, 315.

Стефановъ, священникъ троицкаго собора въ Петербургѣ 1797 г., т. V, 289.

Стефанъ, митрополитъ рязанскій, блюститель патріаршаго престола, 1701 г., т. V, 881.

Стефанъ, (Романовскій), архіерей вологодскій, потомъ архіепископъ астраханскій, † 1841 г., т., V, 478.

Столыпина, Вѣра Никол. Посланіе къ ней Рылѣева, т. V, 280—281.

Столыпинъ, оберъ-прокуроръ сената, современникъ гр. Сперанскаго, т. V, 42.

Строгоновъ, баронъ, т. V, 465.

Строгоновъ, бар. Александр. Серг. гофмаршалъ, р. 1771 † 1815 г., т. V, 771.

Строгоновъ, графъ Александр. Серг.,

оберъ-камергеръ, членъ госуд. совѣта и президентъ академіи художествъ, р. 1734 † 1811 г. Его богатство, т. V, 137. Упом. т. V, 519, 544; т. VI, 97.

Строгоновъ, графъ Пав. Александр., сенаторъ и товарищъ мин. внутр. дѣлъ, потомъ гон.-лейт. и ген.-адъютантъ, р. 1744 † 1817 г., т. V, 38.

Строгоновъ, гр. Серг. Григ., ген. отъ кавал., ген.-адъютантъ, сенаторъ, попечитель москов. университета. Его заботы объ усовершенствованіи университета, т. VI, 647.

Строевъ, археологъ, состав. указателя къ русскимъ лѣтописямъ, т. V, 242, 340.

Строевъ, Иванъ, т. V, 876, 877, 884.

Строевъ, П. М. Примѣчаніе его о кн. М. Л. Глинскомъ, т. V, 271—272.

Струве, профессоръ 1819 г., т. V, 396.

Стурдза, секретарь гр. Каподистрія 1817 г., т. V, 31.

Стрѣшнева, «архи-игуменья», т. V, 879, 887.

Стрѣшневъ, Иванъ Иродіон., р. 1665 † 1722 г. т. V, 884.

Стрѣшневъ, Тихонъ Никитичъ. боярин и сенаторъ, р. 1649 † 1719 г. Письма его къ кн. А. Д. Меншикову 1704 г., т. V, 906, 908. Упом. т. V, 883.

Суворова, Анна Вас., въ замуж. кн. Горчакова, т. VI, 409.

Суворова, Марія Вас., въ замуж. Олешева, т. VI, 409.

Суворова-Рымникская, кн. Александра Александр., т. VI, 409.

Суворова-Рымникская, кн. Варв. Аркад., въ 1-мъ замуж. Башмакова, во 2-мъ—кн. Горчакова, т. VI, 409, 606.

Суворова-Рымникская, кн. Любовь Александр., въ 1-мъ замуж. кн. Голицына, во 2-мъ—Молоствова, т. VI, 409.

Суворова-Рымникская, кн. Марія Аркад., въ замуж. кн. Голицына. т. VI, 409, 606.

Суворова-Рымникская, граф. Нат. Александр., въ замуж. гр. Зубова, р. 1775 † 1844 г. Письма къ ней отца 1791 г., т. VI, 424—426. Упом. т. VI, 410—415, 418—422.

Суворова-Рымникская, кн. Италійская, рожд. Базилевская, въ 1-мъ замуж. Шиловская, во 2-мъ—гр. Кушелева-Безбородко, р. 1835 † 1862 г., т. VI, 409.

Суворова-Рымникская, гр. Варв. Ив., **кн. Италійская**, рожд. кж. Прозоровская, р. 1750 † 1806 г., т. VI, 408, 409.

Суворова-Рымникская, гр. Елена Александр., **кн. Италійская**, во 2-мъ замуж. кн. Голицына, рожд. Нарышкина, р. 1785 † 1855 г., т. VI, 409.

Суворова-Рымникская, гр. Елизав Алексѣев., **кн. Италійская**, рожд. Хитрово, † 1859 г., т. VI, 409.

Суворова-Рымникская, гр. Любовь Вас., **кн. Италійская**, рожд. Ярцова. т. VI, 409.

Суворовъ, Вас. Ив., генер.-аншефъ, сенаторъ, кенигсберг. губернаторъ, 1760 г., р. 1705 † 1776 г., т. VI, 407.

Суворовъ-Рымникскій, графъ Александръ Аркад., **кн. Италійскій**, ген.-адъют., ген. отъ инфант., членъ госуд. совѣта. Сообщ. бумаги своего дѣда генералиссимуса Суворова, т. VI, 407—425. Упом. т. VI, 264, 606.

Суворовъ-Рымникскій, графъ Александръ Вас., князь **Италійскій**, генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г. Объ изданіи его бумагъ, т. VI, 406—407. Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, т. VI, 407—408. Письма его къ Д. И. Хвостову, т. VI, 410—415, 417—422, 425; къ графу Н. И. Салтыкову, т. VI, 418. Къ П. И. Турчаниновy, т. VI, 422—424. Къ бар. Сакену, т. VI, 424. Къ дочери, т. VI. 424—426. Письмо къ нему бар. Сакена, т. VI, 416. О дѣйствіяхъ его въ польскую кампанію 1791 г., т. VI, 340. Разсказы о немъ, т. V, 769—770; т. VI, 93—94. 675. Упом. т. V, 37, 236, 635; т. VI. 338. 341, 342, 344, 356, 357, 539, 673.

Суворовъ-Рымникскій, гр. Аркадій Александр., **кн. Италійскій**, ген.-лейт., ген.-адъютантъ, р. 1780 † 1811 г. Смерть его въ рѣкѣ Рымникѣ, т. V, 262. Упом. т. VI, 406, 408, 409.

Суворовъ-Рымникскій, гр. Аркадій Александ., **кн. Италійскій** р. 1833 г., т. VI, 409.

Суворовъ-Рымникскій, гр. Констан. Аркад., кн. Италійскій, полковникъ, т. VI, 409.

Сумарокова, госпожа, т. V, 887.

Сумароковъ, Алексан. Петров., писатель, р. 1718 † 1777 г. О ссорѣ его съ Ломоносовымъ, т. V, 335 — 336. Упом. т. V, 229, 239, 661, 767; т. VI, 687.

Сумароковъ, Панкратій Богданов., стряпчій съ ключемъ при царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, т. V, 884.

Сурминъ, Петръ Ив., крестьянинъ, т. VI, 696.

Сухозанетъ, Ив. Онуфр., генер.-адъютантъ, начальникъ артиллеріи 1831 г., т. VI, 311.

Сухомлиновъ, М. И., авторъ изслѣдов. «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи при Александрѣ I,» т. V, 36.

Сухотинъ, капитанъ 1715 г., т. V, 886.

Сухотинъ, Як. Ник. Сообщ. акростихъ на Аракчеева, т. VI, 241.

Сушковъ, Никол. Вас., писатель. Эпиграмма на него, т. V, 153.

Сѣверцовъ. Эпиграмма его на Щербину и отвѣтъ послѣдняго, т. V, 151.

Сѣряковъ, Л. А., академикъ. Награвированный имъ портретъ Рябинина, т. V, 497.

Сюаръ, французъ, участвовавшій въ польскомъ возстаніи 1831 г., т. VI, 37.

Т.

Талызина, Анна Яковл., рожд. Олсуфьева. Рѣшеніе процесса ея съ Еропкиной, т. VI, 88.

Талызинъ, штабъ-ротмистръ, 1827 г., т. VI, 46, 534.

Талызинъ, домовладѣлецъ 1850 г., т. V, 123.

Тарасова, Елиз. Плат., рожд. Граматина, т. VI, 142, 143.

Тарасова, Марія Никол., рожд. княж. Барятинская, † 1871 г. Объ отношеніяхъ къ ней мужа и о смерти ея, т. VI, 99—100.

Тарасова, Надежда Дмитр., т. V, 143.

Тарасовъ, писарь, т. VI, 659.

Тарасовъ, Александ. Дмитр., камергеръ, помощникъ статсъ-секретаря госуд. совѣта, р. 1839 † 1872 г. Некрологъ его, т. VI, 99—100. Сообщ. записки своего отца Д. К. Тарасова, т. V, 355 — 388; т. VI, 100—143.

Тарасовъ, Дм. Клемент., почетн. лейбъ-хирургъ, р. 1792 † 1866 г. Записки его, т. V, 355—388; т. VI, 100—143. Путешествіе Александра I-го внутрь Россіи 1824 г., т. V, 355. Пребываніе въ Пензѣ, 356. Осмотръ симбирской тюрьмы, 357. Пребываніе въ Ставрополѣ и Оренбургѣ, 358. Смотръ оренбургскимъ иррегулярнымъ войскамъ, 358—359. Оренбургскій кумысъ, 359. Семья шотландскаго миссіонера, 359—360. Илецкая-Защита, 360. Городъ Уфа и уфимскіе дома, 361. Путешествіе по Уралу, 361—364. Златоустовскій заводъ, 362 — 364. Казакъ-великанъ Лучкинъ, 362. Неудачныя приготовленія Колтовской, 364. Екатеринбургъ и его заводы, 365—372. Заводскій управитель Зотовъ, 366 — 372. Пребываніе въ Перми, 372. Смѣна вятскаго губернатора, 373—374. Пѣніе на клиросѣ, 374—376. Импровизированный обѣдъ въ Боровичахъ, 377. Возвращеніе въ Петербургъ, 378. Поѣздка Александра I въ Варшаву 1825 г., 378. Награды врачамъ, 380. Обѣдъ у генерала Пусловскаго, 381. Поѣздка въ Калишъ, 383. Засѣданія сейма, 384. Рѣчь императора по случаю закрытія сейма, 384—385. Городъ Ковно, 385. Рига и Ревель, 387—388. Болѣзнь императрицы и приготовленія къ путешествію въ Таганрогъ, т. VI, 100—101. Выѣздъ изъ Петербурга и предчувствія государя, 102. Императорскій дворецъ въ Таганрогѣ, 103 — 104. Александръ I въ Новочеркасскѣ и Аксаѣ, 105—106. Рыбная ловля въ Ростовѣ, 107. Жизнь въ Таганрогѣ, 107—109. Путешествіе государя по Крыму, 110 — 120. Возвращеніе его въ Таганрогъ и начало болѣзни, 120—121. Ходъ болѣзни, 122—124. Опасность и пріобщеніе Св. Таинъ, 125—126. Послѣднія минуты, 127. Кончина, 128. Горесть окружающихъ и самообладаніе импера-

трицы, 128. Государственный актъ о кончинѣ Александра I, 129. Бальзамированіе тѣла, 129—130. Присяга цесаревичу Константину Павловичу, 131. Слѣдованіе тѣла Александра I изъ Таганрога, 131 — 133. Народные слухи по поводу кончины императора, 134. Вступленіе печальной процессіи въ Москву, 135. Кучеръ Илья Байковъ, 135. Встрѣча тѣла императоромъ Николаемъ въ Царскомъ-Селѣ, 137. Прощаніе императорской фамиліи съ почившимъ, 138 — 139. Погребеніе, 140 — 141. Послѣдующ. служба составителя записокъ, 141 — 142. Юбилей его и кончина, 142—143. Упом. т. V, 480, 683, 684; т. VI, 144.

Тарасовъ, Ник. Дмитр., т. VI, 143.

Тарбѣевъ, Петръ, 1715 г., т. V, 884.

Тарсуковъ, Лука, 1715 г., т. V, 885.

Татариновъ, горный начальникъ уральскаго Златоустовскаго завода 1824 г., т. V, 362, 363.

Татариновъ, Петръ, 1715 г., т. V, 885.

Татищевъ, Аѳанасій, прапорщикъ 1723 г., т. V, 879.

Татищевъ, Вас. Никит., тайн. совѣт., ген.-бергъ-атмейстеръ, губернаторъ оренбургскій и астраханскій, р. 1686 † 1750 г., т. VI, 691.

Татищевъ, Дмитр. Павл., об.-камергеръ, членъ гос. совѣта, посланникъ въ Мадритѣ, Неаполѣ и Вѣнѣ, род. 1767 † 1845 г., т. V, 364.

Твердышевы, купцы, т. VI, 682.

Тевкелевъ, Рамазанъ, татарскій переводчикъ, 1710 г., т. V, 932.

Телепневъ-Оболенскій, князь, любимецъ правительницы Елены Васильевны, т. V, 272.

Телешова, госпожа, т. VI, 550.

Телешовъ, т. VI, 552.

Телешовъ, Ив. Яковл., учитель, т. V, 148.

Тельфортъ, англ. архитекторъ, т. V, 576.

Темирязевъ, т. V, 480.

Тепловъ, Григ. Никол., писатель, р. 1720 или 1725 † 1779 г. Разсказы о немъ, т. V, 134—135.

Терещенко, А., авторъ соч. «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи», т. V, 938.

Тибо, театральный машинистъ 1816 г., т. VI, 298.

Тизенгаузенъ, гр. Екат. Ив., рожд. Стакельбергъ, т. V, 252.

Тизенгаузенъ, гр. Елиз. Мих., рожд. Голенищева-Кутузова, р. 1783 † 1839 г., т. V, 252.

Тизенгаузенъ, гр. Ив. Андр., дѣйств. тайн. совѣтн., об.-гофмейстеръ, р. 1745 † 1815 г., т. V, 251—252.

Тизенгаузенъ, гр. Ѳед. Ив., флигель-адъютантъ, † 1805 г., т. V, 252.

Тилліевъ, Яганъ, капитанъ 1704 г., т. V, 908.

Тимаевъ, графъ, генералъ 1831 г., т. VI, 348, 354, 384.

Тимашевъ, т. V, 877.

Тимашевъ, полковн., команд. оренбург. иррегулярныхъ войскъ, 1824 г., т. V, 358—359.

Тимбаевъ, Касай, юртовскій мурза, т. V, 947.

Тимковскій, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75.

Тимковскій, Егоръ Ѳед., извѣстный путешественникъ въ Китай, т. VI, 510. 521.

Тимковскій, Ив., цензоръ 1820 г., т. V, 281.

Тимоѳеевъ, Сидоръ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Титловскій, составитель «Дневника» въ XVI стол. т. VI, 451.

Тихменевъ, Александръ Григорьевичъ. Эпиграмма его на Щербину и отвѣтъ послѣдняго, т. V, 151.

Тихменевъ, Н., авторъ «Историческаго Обозрѣнія Рос.-Америк. Компаніи». т. V, 408.

Тихонравовъ, Н. С., т. V, 220, 476.

Тихонъ-Задонскій, св., архіепископъ воронежскій, т. VI, 674.

Тихоцкая, госпожа, т. V, 261.

Тишинъ, капитанъ 1715 г., т. V, 885.

Тишинъ 2-й, полковникъ, директоръ госпиталей 1831 г., т. VI, 311.

Толбинъ, В. В., писатель, т.V, 739, 754.

Толочановъ, Константинъ, письмоводитель изъ крѣпостныхъ. Похищеніе имъ завѣщанія П. А. Яковлева, т.VI, 623, 626.

Толстая, Екат. Матв., т. V, 347.

Толстая, Нат. Ѳед., рожд. Лопухина, т. V, 137.

Толстая, Праск. Мих., рожд. Голенищева-Кутузова, † 1844 г., т. V, 347.

Толстовъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75, 77, 83.

Толстой, гр. Алексѣй Петров., генер.-лейт., сенаторъ, р. 1798 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 379, 380, 381.

Толстой, Гавр. Матв., т. V, 347.

Толстой, Григор. Матв., полковникъ, т. V, 347.

Толстой, гр. Егоръ Петр., ген.-маіоръ, калужскій губернаторъ, оберъ-прокуроръ синода. Отношенія его къ Н. В. Гоголю, т. V, 123—128.

Толстой, Ив. Матв., шталмейстеръ, т. V, 347.

Толстой, Иллар. Матв., † 1821 г., т. V, 347.

Толстой, гр. Левъ Никол., писатель. Приписываемая ему пѣснь о Крымской войнѣ 1855 г., т. V, 682.

Толстой, Матвѣй, штыкъ-юнкеръ 1724 г., т. V, 950.

Толстой, Матв. Ѳедоровичъ, сенаторъ, † 1816 г., т. V, 347.

Толстой, Никол. Матв., ген.-лейтен. и ген.-адъютантъ, директоръ Чесменской богадѣльни, т. V, 347.

Толстой, гр. Петръ Александр., ген. отъ инфантеріи, начальникъ воен. поселеній и предсѣдатель департамента воен. дѣлъ въ госуд. совѣтѣ, р. 1769 † 1844 г. Письмо къ нему барона Дибича 1827 г., т. VI, 256—257. Упом. т. V, 335; т. VI, 49, 65.

Толстой, гр. Петръ Андр., стрѣлецкій полковникъ, посолъ въ Царьградѣ, потомъ сенаторъ, дѣйств. тайн. совѣтн., президент. ком.-коллегіи и членъ верховн. тайн. совѣта, р. 1645 † 1729 г., т.V, 861, 883, 920, 946.

Толстой, Юрій Вас., тайн. сов., товарищъ оберъ-прокурора синода, т. V, 481.

Толстой, Ѳед. Матв., т. V, 347.

Толстой, Ѳед. Матв., ген.-маіоръ и гвард. маіоръ 1781 г., любимый чтецъ Екатерины II, т. V, 137—138.

Толстой, Ѳеофилъ Матв. Сообщ. замѣтку о потомкахъ кн. Голенищева-Кутузова, т. V, 346—347. Упом. т. V, 360, 969.

Толстяковъ. Его дебютъ въ роли Веверлея, т. VI, 308.

Толь, гр. Карлъ Ѳедор. (Карлъ-Вильгельмъ), генер. отъ инфант., ген.-адъют., впослѣд. главноуправляющій путями сообщеній и публичными зданіями, р. 1777 † 1842 г. Назначеніе его начальникомъ штаба дѣйствующей арміи 1831 г., т. VI, 311. Объ участіи его въ битвѣ подъ Кулевчею, т. VI, 315. Отношенія къ Д. В. Давыдову, т. VI, 348, 368. Жалобы на него Дибича, т. VI, 385. Письмо къ нему Давыдова, т. VI, 404—405. Упом. т. VI, 375, 377, 378.

Толь, Феликсъ Густав., литераторъ, т. VI, 77, 83.

Тонкачевъ, Сулейманъ, татарскій переводчикъ 1710 г., т. V, 932.

Тончи, Нат. Ив., рожд. кн. Гагарина, р. 1778 † 1832 г., т. VI, 288.

Тончи, Сальваторъ, коллеж. совѣтн., живописецъ, р. 1756 † 1844 г. Острота его, т. VI, 288. Замѣтки о немъ, т. V, 558—559, 580.

Тонѣевъ, курьеръ 1711 г., т. VI, 668.

Тормасовъ, гр. Александръ Петров., ген. отъ кавалеріи, ген.-губернаторъ кіевскій и минскій 1807 г., кавказскій главнокомандующій 1809 г. и москов. воен. ген.-губернаторъ 1816 г. Отношенія его къ Витбергу, т. V, 186—191. Упом. т. V, 431, 530; т. VI, 68, 495.

Торри, маіоръ генеральнаго штаба 1800-хъ гг., т. VI, 314.

Торсукова, Екатер. Вас., т. VI, 532, 537.

Тоузаковъ, 1791 г., т. VI, 412, 413, 415, 416.

Траверсе-де, маркизъ Ив. Иван. (Іоаннъ-Францъ), адмиралъ, морской министръ, р. 1754 † 1830 г. Посѣщеніе его император. Александромъ Павловичемъ, т. V, 355, 379.

Трегубовъ, офиц. 1712 г., т. V, 921, 923.

Трегубовъ, стремянной 1720-хъ гг., т. VI, 565.

Тредьяковскій, Вас. Кирил., стихотворецъ, т. V, 862; т. VI, 687, 691.

Трейденъ, полковникъ 1704 г., т. V, 909.

Трейденъ, поручикъ 1704 г., т. V, 909.

Трепалинъ, Ѳед., крестьянинъ, т. V, 499.

Трикилевичъ, піонерный поручикъ 1828 г., т. VI, 333.

Трофимовъ, совѣтникъ тульскаго губернск. правленія 1827 г. Поступки его по дѣлу помѣщика Измайлова съ крестьянами, т. VI, 657—662.

Троханіатовъ, т. V, 877.

Трощинскій, Дмитрій Прокоф., тайн. совѣтн. и сенаторъ, потомъ членъ госуд. совѣта 1814 — 1817 гг., † 1829 г., т. V, 676; т. VI, 89, 98, 424, 425.

Трубецкая, кн., рожд. граф. Лаваль, жена декабриста, т. VI, 682.

Трубецкой, кн., правовѣдъ 1765 г., т. VI, 574.

Трубецкой, кн. Никита Юрьев., ген.-прокуроръ и ген.-фельдмаршалъ, р. 1700 † 1768 г., т. V, 791, 883.

Трубецкой, кн. Сергѣй Алексѣев., полковникъ, декабристъ, т. VI, 682.

Трушковскій, Н. П., издатель «Мертвыхъ Душъ» въ 1855 г., т. V, 87.

Турбинъ, С. И. Сообщ. списокъ поэмы «Маіоръ», т. V, 729—757. Объ обидахъ, нанесенныхъ Волынскимъ кн. Мещерскому, т. V, 949—951.

Тургеневъ, Як., членъ «всешутѣйшаго собора» при Петрѣ Великомъ, т. V, 877.

Тургеневъ, Александръ Иван., писатель, т. VI, 582.

Тургеневъ, Никол. Ив., д. с. с., помощникъ статсъ-секретаря въ департаментѣ государств. экономіи, декабристъ. Отношенія его къ гр. Н. С. Мордвинову, т. V, 40. Участіе его въ собраніяхъ общества «Союза благоденствія», т. V, 776, 778; т. VI, 597, 598, 600, 601, 602.

Тургеневы, братья, т. VI, 460.

Турчаниновъ, Петръ Ив., генералъ. Письмо къ нему генералиссимуса Суворова, 1791 г., т. VI, 422—424. Упом. т. V, 770; т. VI, 406, 412, 419, 420, 421, 422, 425.

Тухолка, ген.-маіоръ 1826 г., т. V, 714.

Тучковъ, Пав. Алексѣев., ген.-маіоръ 1812 г., потомъ дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. совѣта и предсѣдатель комиссіи прошеній, р. 1776 г., т. VI, 479.

Тюренъ, франц. полководецъ, т. VI, 94.

Тютчевъ, Ѳ. И., знамен. поэтъ, т. V, 337.

У.

Уваровъ, Михаилъ, 1720-хъ гг., т. VI, 565.

Уваровъ, гр. Сергѣй Сем., дѣйст. тайн. сов., членъ госуд. сов., президентъ Академіи Наукъ и министръ народн. просвѣщенія 1833—1848 гг., т. VI, 295, 687, 688, 690, 691, 692.

Угрюмовъ, профессоръ натуральной живописи 1809 г., т. V, 18, 544.

Угурлу-ханъ, ханъ елизаветпольскій 1827 г., т. V, 717—719.

Угурлу-ханъ 2-й, т. V, 719, 723, 726; т. VI, 41.

Удомъ, ген.-лейт., начальникъ внутрен. стражи въ Симферополѣ 1825 г., т. VI, 111.

Уланъ, ломженскій помѣщикъ 1831 г., т. VI, 37.

Ульскій, чиновникъ, т. VI, 619.

Уминскій, начальникъ польск. войскъ 1831 г., т. VI, 372, 373.

Ураковъ, кн. Мих., прапорщ. 1724 г., т. V, 950.

Урусова, кн. Анна Андр., вдова Муравьева, рожд. Волкова, т. V, 771.

Урусова, кн. Софія Александр., въ замуж. бар. Строгонова, р. 1779 † 1801 г., т. V, 771.

Урусовъ, кн., адъютантъ при гр. П. А. Толстомъ, 1825 г., т. V, 335.

Урусовъ, кн. Александръ Вас., ген.-маіоръ, т. V, 771.

Урусовъ, кн. Григ. Алексѣев., ген.-

поручикъ и потомъ сенаторъ, † 1743 г., т. V, 886.

Урусовъ, кн. Ив. Алексѣев., капитанъ 1724 г., т. V, 949.

Устиновичъ, надворный совѣтникъ 1825 г., т. VI, 520, 521.

Устинова, помѣщица 1818 г., т. VI, 497.

Устиновъ, Аникій, плотникъ, т. VI, 694.

Устряловъ, Никол. Герас., историкъ, † 1870 г. Эпиграмма на него, т. V, 156. Письмо къ нему Ермолова по поводу «Исторіи 20-ти-лѣтія царств. Николая I», 1847 г., т. VI, 290—292. Упом. т. V, 959; т. VI, 671.

Ухтомскій, кн. Ив. Мих., дѣйств. стат. совѣтн. и нижегород. губернаторъ, р. 1759 † 1829 г. Разсказъ его о Суворовѣ, т. V, 771.

Ушакова, Анна Иллар., рожд. Голенищева-Кутузова, р. 1746 † 1813 г., т. V, 263.

Ушакова, гр. Елена Леонтьев., вдова Апраксина, рожд. Кокошкина, т. V, 800.

Ушакова, С. Г. Сообщ. письма А. П. Ермолова къ П. Н. Ушакову, т. VI, 538.

Ушаковъ, капитанъ 1713 г., т. V, 796.

Ушаковъ, адмиралъ, т. V, 210.

Ушаковъ, гр. Анд. Ив., ген.-аншефъ, начальникъ тайн. канцеляріи, † 1747 г., т. V, 799, 800.

Ушаковъ, Ив. Степ., 1704 г. Объ его отсылкѣ съ провіан., т. V, 912.

Ушаковъ, М., правовѣдъ 1765 г., т. VI, 574.

Ушаковъ, Пав. Никол., генер.-адъют. Письма къ нему А. П. Ермолова 1851 г., т. VI, 538.

Ушаковъ, Ѳед. Вас., писатель. Замѣтки о немъ, т. VI, 574, 575, 579. Упом. т. VI, 581.

Ф.

Файо, Фридрихъ. Разсказъ его о кончинѣ императора Александра Павловича, т. VI, 160—161.

Фалькъ, 1715 г., т. V, 883.

Фальконетъ, художникъ-ваятель, сооружившій памятникъ Петру Великому, т. V, 958.

Фалѣевъ, купецъ, т. V, 605, 619.

Фарафонтьева, жена смотрителя, т. VI, 229.

Фарафонтьевъ, полковой смотритель 1820 г., т. VI, 229.

Федоровъ, Борисъ Мих., литераторъ, т. V, 148, 149.

Федуловъ, поручикъ, исполняв. должность полиціймейстера въ воен. поселеніи. Убіеніе его военными поселянами 1831 г., т. VI, 548.

Фези, генералъ русской службы 1831 г., т. VI, 379.

Фельдманъ, Г. А., инженеръ-генералъ 1854 г., т. VI, 605.

Фельзерзамъ, адъютантъ при генер. Паскевичѣ 1827 г., т. VI, 264.

Фельзнеръ, А. И. Сообщ. замѣтку о предчувствіи К. Ѳ. Рылѣева, т. VI, 440—441.

Фенчъ, 1813 г., т. V, 686.

Фенишъ, камергеръ 1831 г., т. VI, 389.

Фенъ, баронъ, историкъ, т. VI, 615.

Фердинандъ. Высочайшее повелѣніе объ арестѣ его, 1798 г., т. V, 244.

Фердинандъ-Эсте, эрцъ-герцогъ, авст. посолъ 1825 г., т. VI, 361.

Ферзенъ, гр. Ив. Евстаф., генер. отъ инфантеріи, директоръ сухопутн. кадет. корпуса, † 1800 г., т. VI, 539.

Феррара, Андреа, оружейникъ, т. V, 330.

Фехтъ-Али, персид. шахъ 1828 г. Фирманъ его къ Аббасъ-Мирзѣ по поводу убійства русскаго посольства, т. VI, 182—184. Упом. т. VI, 164, 167, 181, 189, 198, 207.

Фигнеръ, партизанъ 1812 г., т. V, 652, 653, 657, 783.

Филаретъ, (Дроздовъ), москов. митрополитъ. Объясненіе его съ Витбергомъ по поводу проекта строенія храма Христа Спасителя, т. V, 164—165. Упом. т. V, 127, 337; т. VI, 135, 136, 222, 687.

Филатьевъ, Ѳедоръ, бургомистръ 1711 г., т. V, 939.

Филиппов, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 77.

Филиппов, Василій, 1719 г., т. VI, 672.

Филиппъ-Августъ, король франц., т. VI, 323.

Философовъ, Мих. Мих., генер. отъ инфантеріи, смоленск. воен. губернаторъ 1800 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 94 — 95.

Фицтумъ, графъ, саксонскій посланникъ въ Россіи 1715 г., т. V, 883.

Флямминковъ, Андрей, мѣщан. 1711 г., т. V, 940.

Фольданъ, госпожа, т. V, 694.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель, р. 1744 † 1792 г. Талантъ его подражать всякому голосу, т. V, 679. Упом. т. V, 228, 230, 730.

Фонъ-Визины, члены «Союза Благодѣянія» 1821 г., т. V, 775, 779; т. VI, 597, 601, 602.

Фонъ-деръ-Ховенъ, И. Р. Сообщ. наставленіе ректору и деканамъ с.-петерб. университета 1849 г., т. VI, 448—450.

Фонъ-деръ-Ховенъ, Р. И., тифлисскій губернаторъ 1825 г., т. VI, 521.

Фонъ-Трейбутъ, тульскій губернаторъ 1827 г., т. VI, 660.

Фотій, новгородскій архимандритъ 1825 г., т. V, 471; т. VI, 136, 508.

Франклинъ, мореплаватель, т. V, 398.

Францискъ I, король франц., т. VI, 323.

Францъ I, императоръ австр., т. V, 782.

Франчини, Джіовани-Батиста, оружейникъ, т. V, 330.

Фредериксъ, бар. Петръ Андр., ген.-адъют., командиръ л.-гвар. москов. полка, потомъ оберъ-шталмейстеръ, т. V, 708; т. VI, 48, 104, 122, 260, 273.

Фредро, гр., членъ варшав. временнаго Совѣта правленія 1831 г., т. VI, 17, 19.

Фрейгангъ, Анд. Вас., контръ-адмиралъ, т. VI, 606.

Фридебургъ, Г. К., издатель, т. VI, 686.

Фридрихъ I, король прусскій. Объ отношеніяхъ его къ русскому двору и объ обидѣ посла его Г. І. фонъ-Кейзерлинга, т. V, 803—844.

Фридрихъ II Великій, король прусскій, т. V, 142, 616; т. VI, 341. 342, 344, 541.

Фрикенъ-фонъ, Анна Григ., т. VI, 232, 242.

Фрикенъ-фонъ, Ѳед. Карл., генер., бригадный командиръ 1820-хъ гг., т. VI, 232, 234, 235, 236.

Фролова-Багрѣева, Елиз. Мих., рожд. Сперанская. Пожертвованныя ею бумаги гр. М. М. Сперанскаго, т. V, 68.

Фроловъ-Багрѣевъ, Яковъ Лукичъ, генер.-аншефъ, т. VI, 563.

Фуксъ, Егоръ Борис. Разсказы его о Суворовѣ, т. VI, 93—94. Разсказы о гр. Милорадовичѣ, т. VI, 286-287.

Фуль, бар. Карлъ-Людвигъ-Августъ, генералъ, любимецъ Александра I, р. 1767 † 1826 г., т. VI, 314.

Фурріе, франц. писатель, т. VI, 76.

X.

Хавскій, Петръ Вас., ученый. Письмо къ нему Булгарина по поводу смерти Гоголя, 1852 г., т. V, 481—482.

Хаджи-Халилъ-ханъ, персид. посланникъ въ Индіи, т. VI, 184.

Хади-бекъ, персид. маіоръ 1829 г., т. VI, 179.

Хаминскій, маіоръ, полков. адъютантъ 1831 г., т. VI, 557.

Ханыковъ, контръ-адмиралъ 1790 г., т. VI, 570.

Харадецкій, польскій помѣщикъ 1831 г., т. VI, 37.

Харитонова, Нимфодора, крестьянка, т. VI, 653.

Харитоновъ, екатеринбургскій домовладѣлецъ, т. V, 365.

Харитоновъ, Ермилъ, счетчикъ 1711 г., т. V, 940.

Харламовъ, воспитатель въ морскомъ корпусѣ около 1815 г., т. V, 391.

Хассанъ-ханъ, начальникъ персид. кавалеріи 1827 г., т. VI, 278.

Хвостовъ, Александ. Сем., литераторъ, бывшій посланникомъ въ Царьградѣ при Екатеринѣ II. Эпиграмма на него Хемницера, т. V, 228, 229. Упом. т. V, 220.

Хвостовъ, гр. Дмитр. Иван., об.-прокуроръ синода, потомъ сенаторъ и дѣйств. тайн. сов., р. 1756 † 1835 г. Письма

къ нему генералиссимуса Суворова 1791 г., т. VI, 406—415; 417—422; 425.

Хемницеръ, Андрей Иван., т. V, 616.

Хемницеръ, Вильгельмъ Иванов., т. V, 616.

Хемницеръ, Ив. Ив., баснописецъ, р. 1745 † 1784 г. Біографическія и характеристическія свѣдѣнія о немъ и замѣтки о его басняхъ, т. V, 215—234. Басни и сказки по подлин. его рукоп., т. V, 585—600. Памятная книж. его, т. V, 601—623.

Хемницеръ, Іоганъ-Адамъ, † 1789 г., т. V, 612.

Хемницеръ, Софія, † 1789 г., т. V, 612.

Херасковъ, Мих. Матв., писатель, р. 1733 † 1807 г. Набросокъ эпиграммы на него Хемницера, т. V, 609.

Херманесъ, Севастіанъ, оружейникъ, т. V, 331.

Хилкова, княгиня, 1715 г., т. V, 887.

Хилковъ, кн. Степ. Александр., ген.-лейтен., р. 1786 † 1854 г., т. V, 244.

Хилковъ, князь Юрій Яковл., ген.-маіоръ, новгород. губернаторъ, р. 1661 † 1729 г., т. V, 877, 884.

Хитровъ, Никол. Ѳед., ген.-маіоръ, т. V, 264, 466.

Хитровъ, Ѳед. Александр., гвардіи офицеръ, заговорщикъ 1762 г. Ссылка его, т. V, 131.

Хитровы, Никита и Петръ, 1715 г., т. V, 884.

Хлопицкій. Избраніе его главнокомандующимъ польскими войсками въ 1831 г., т. VI, 19—21. Диктаторство его, т. VI, 21—23, 31—34. Паденіе его, т. VI, 34—36. Упом. т. VI, 17.

Хмельницкій, Никол. Иван., писатель, т. V, 426, 427.

Хмыровъ, Мих. Дмитр. Примѣчанія его къ повелѣніямъ императора Павла, т. V, 235—256. Поправка его примѣчаній, т. V, 479—480. Упом. т. V, 733.

Хованская, кн. Екат. Никит., рожд. Зотова, т. V, 248.

Хованская, кн. Екат. Петр., рожд. Нарышкина, р. 1757 † 1795 г., т. V, 248.

Хованская, кн. Елена Вас., рожд. Толстая, вдова Дмитріева-Мамонова, т. V, 248.

Хованская, кн. Марія Алексѣев., рожд. Яковлева, † 1847 г., т. VI, 612, 624, 637.

Хованскій, князь, домовладѣлецъ, т. V, 465.

Хованскій, А., редакт. «Филолог. Зап.». Сообщ. собраніе писемъ Петра Великаго, т. VI, 666.

Хованскій, кн. Алексѣй Вас., р. 1738 † 1799 г., т. V, 248.

Хованскій, кн. Вас. Алексѣев., дѣйст. стат. совѣтн., об.-прокуроръ синода, р. 1755 † 1830 г. Высочайшее повелѣніе о ссылкѣ его въ Симбирскъ, 1799 г., т. V, 248.

Ховены, см. выше: **фонъ-деръ-Ховены.**

Ходзько, польскій ученый, т. V, 338.

Хоціусъ, инженеръ-маіоръ 1817 г., т. V, 188, 189, 190, 191.

Хозревъ-Мирза, персид. принцъ, сынъ Аббасъ-Мирзы, т. VI, 199.

Холоповъ, Егоръ Ив., крестьянинъ, т. VI, 694.

Хомутскій, маіоръ, баталіон. командиръ 1827 г., т. VI, 274.

Хомяковъ, Алексѣй Степ., писатель и славянистъ, т. V, 122; т. VI, 454.

Хоперскій, командиръ одного изъ казачьихъ полковъ 1831 г., т. VI, 369, 382.

Хотинской, Никол. Конст., совѣтникъ посольства въ Парижѣ 1777 г., т. V, 614.

Хотковскій, столоначальникъ департамента с.-петербург. губернскаго правленія 1835 г., т. VI, 584.

Храбрый, Парменъ, дворовый человѣкъ Измайлова, т. VI, 659, 660.

Храповицкій, Александръ Вас., ст.-секретарь Екатерины II. Ссылка на его записки, т. V, 37. Упом. т. VI, 576.

Храповицкій, С. И. Воспоминанія его объ А. П. Ермоловѣ, т. VI, 539—542.

Храповицкій, Исонъ Семен., участн. въ войнѣ 1812 г., т. V, 633.

Хржановскій, начальникъ одного изъ польскихъ отрядовъ 1831 г., т. VI, 30, 379—381, 383—385.

Хрисанфъ, архимандритъ, ректоръ с.-петербургской духовной семинаріи.

Слово, сказанное имъ при погребеніи А. Ѳ. Гильфердинга, т. VI, 468—470.

Христина, швед. королева, т. V, 537.

Христина, королева испанская, т. VI, 498.

Хрулевъ, стат. совѣт., предсѣдатель тульскаго губернскаго правленія, исправлявшій должность губернатора 1827 г. Распоряженія его по дѣлу Измайлова съ крестьянами, т. VI, 656, 657, 663.

Хрущовъ, тульскій дворянскій засѣдатель. Поступки его при изслѣдованіи дѣла ген.-лейт. Измайлова 1827 г., т. VI, 657, 658, 662, 663.

Хрущовъ, Сем. Иван., т. VI, 559.

Хусейнъ-ханъ, сердарь эриванскій 1828 г., т. VI, 174.

Ц.

Цвѣтковъ, сѣвскій протоіерей 1829 г., т. VI, 445, 447.

Циціановъ, князь, т. VI, 288.

Циціановъ, кн. Пав. Дмитр., ген. отъ инфантеріи, главнокомандующій Грузіи, астраханск. воен. губернаторъ, р. 1754 † 1806 г. О заслугахъ его, т. V, 715, 716, 717.

Цівверъ, 1715 г., т. V, 884.

Ч.

Чаадаевъ, Ив. Ив., стольникъ, † 1680 г., т. VI, 559.

Чаадаевъ, Ив. Ив., окольничій, т. VI, 559.

Чайчиковъ, воспитанникъ театральн. училища 1822 г., т. V, 425.

Чарторыжская, княгиня, т. VI, 23.

Чарторыжскій, кн. Адамъ Адамов., президентъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г. Участіе его въ польскомъ возстаніи, т. VI, 17, 20, 23, 26, 310. Указъ сенату объ исключеніи его изъ русской службы 1831 г., т. VI, 405. Упом. т. V, 38.

Чарушинъ, Д. Я., художникъ. Сообщ. свѣдѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16.

Чебышева, госпожа, т. V, 887.

Чебышевъ, Семенъ, 1715 г., т. V, 885.

Чебышевъ, адъютантъ при кн. П. М. Волконскомъ 1815 г., т. VI, 360.

Чевакинская, полковница 1831 г., т. VI, 549, 550.

Чевакинскій, полковникъ, командиръ полка короля прусскаго 1830 г., т. VI, 228, 230, 556.

Чевакинскій, И. М., сынъ предъидущаго, т. VI, 225.

Чевкинъ, Данило, 1715 г., т. V, 884.

Чевкинъ, К. В., предсѣдатель департамента государств. экономіи 1863 г., т. VI, 455.

Чемалевскій, П. П., вице-президентъ Академіи Художествъ до 1817 г., т. V 160, 167, 168, 169, 520, 546.

Чемицевъ, пажъ, отправленный въ Лейпцигъ для изученія правовѣдѣнія 1765 г., т. VI, 574.

Чемесовъ, комендантъ 1715 г., т. V, 883.

Чепелевъ, Андрей. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, т. V, 906.

Чередѣевъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 884.

Черешаковъ, полковникъ 1813 г., т. V, 698.

Черкасовъ, бар. Александръ Иванов., дѣйств. тайн. сов. и президентъ медиц. коллегіи. Разсказъ о немъ, т. V, 673.

Черкасовъ, бар. Ив. Антон., дѣйств. стат. совѣт. и кабинетъ-секретарь при Петрѣ Великомъ, потомъ сенаторъ и дѣйствит. тайн. совѣт., † 1752 г., т. V, 673, 894.

Черкасовъ, Терентій Ив., стат. сов., магистрат. судья 1780 г., т. V, 136.

Черкасскій, поручикъ 1704 г., т. V, 911.

Черкасскій, А. Б., 1716 г., т. V, 948.

Черкасскій, кн. Алексѣй Мих., сибирскій губернаторъ, потомъ дѣйств. тайн. сов. и кабинетъ-министръ, и наконецъ госуд. канцлеръ и президентъ коллегіи иностр. дѣлъ, р. 1680 † 1742 г., т. V, 883, 946, 953.

Черкасскій, кн. Данила Григ., казанскій воевода 1691 г., т. V, 792.

Черкасскій, кн. Петръ Александров., т. V, 675.

Черновъ, Иванъ Потапов., академикъ историч. живописи, † 1817 г., т. V, 554—555.

Черносвистовъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75.

Чернышева, гр. Авд. Ив., рожд. Ржевская, р. 1693 г., ст.-дама 1730 г., т. V, 798, 802, 887.

Чернышева, Анна Аѳанасьевна, рожд. Вердяева, т. V, 792.

Чернышева, Анна Григ., въ замуж. кн. Голицына, р. 1724 † 1744 г., т. V, 801.

Чернышева, гр. Екат. Андр., рожд. гр. Ушакова, р. 1715 † 1779 г., т. V, 799—800.

Чернышева, гр. Екат. Григ., въ 1-мъ замуж. Матюшкина, во 2-мъ—Племянникова, р. 1715 † 1791 г., т. V, 801.

Чернышева, кн. Елиз. Никол., рожд. гр. Зотова, т. VI, 108.

Чернышева, гр. Нат. Григ., въ замуж. кн. Бѣлосельская, р. 1711 † 1760 г., т. V, 798, 801.

Чернышевъ, 1715 г., т. V, 883.

Чернышевъ, кн. Александръ Иван., ген. отъ кавал., ген.-адъютантъ, военный министръ, предсѣдатель госуд. сов. и комитета министровъ, р. 1786 г. Письмо къ нему партизана Давыдова 1831 г., т. VI, 403. Упом. т. V, 633, 784; т. VI, 7, 105, 106, 108, 128, 129, 507, 508.

Чернышевъ, гр. Григ. Григ., бригадиръ, † 1750 г., т. V, 801, 802.

Чернышевъ, гр. Григ. Петр., генер.-губерн. московскій, р. 1672 † 1745 г. Записки его, т. V, 791—802.

Чернышева, гр. Зах. Григ., генер.-фельдмаршалъ, бѣлорусск. ген.-губернат., потомъ москов. главнокомандующій, р. 1722 † 1784 г. Поступокъ въ отношеніи его кн. В. М. Долгорукаго-Крымскаго, т. V, 772. Упом. т. V, 131, 801, 802.

Чернышевъ, гр. Ив. Григ., фельдмаршалъ по флоту, р. 1726 † 1797 г. Представленный ему бар. Ф. И. де-Ливрономъ отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ фрегата «Венусъ» 1790 г., т. VI, 569—572. Упом. т. V, 801, 802.

Чернышевъ, гр. Петръ Григ., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и посланникъ при разныхъ европ. дворахъ, р. 1712 † 1773 г., т. V, 799—802.

Чернышевъ, Петръ Захаровичъ, полковникъ, † 1689 г., т. V, 792.

Чернышевъ, Ѳед. Серг., ген.-лейтен. Написанная имъ въ 1835 г. «Солдатская сказка про двухъ царей, русскаго и нѣмецкаго», т. V, 970—980. Біографическія свѣдѣнія о немъ, т. VI, 223—224.

Чертковъ, т. V, 339.

Чертовъ, ген.-маіоръ, т. V, 767.

Четвертинская, кн. Жанета Антонов., въ замуж. Вишневская, † 1854 г., т. V, 631.

Четвертинскій, кн. Борис. Ант., об.-шталмейстеръ, † 1865 г. Объ отношеніяхъ его къ импер. Александру I, т. V, 630—631.

Чеченскій, участн. въ войн. 1812 г., т. V 633.

Чириковъ, астрахан. губернаторъ въ 1710-хъ гг., т. V, 946, 947.

Чириковъ, Иванъ, 1723 г., т. V, 876.

Чирковъ, Александръ Александров., ген. отъ инфантеріи 1800 г., т. VI, 94.

Чирковъ, Николай, ген.-маіоръ 1822 г., т. V, 636.

Чистовичъ, Иларіонъ Алексѣевичъ, профессоръ и писатель, т. VI, 688, 691.

Чихачевъ, т. V, 697.

Чичаговъ, вице-адмиралъ, морской министръ 1803 г., т. V, 39.

Чичаговъ, командующій арміею 1812 г., т. V, 647, 655, 656, 657.

Чичаговъ, Вас. Яковл., адмиралъ при Екатеринѣ II, т. V, 248; т. VI, 569.

Чичаговъ, Пав. Вас., контръ-адмир., р. 1765 † 1849 г. Высочайшія повелѣнія 1799 г.: 1) о заключеніи его въ равелинѣ, т. V, 248; 2) объ освобожденіи его, т. V, 250. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 248—249.

Чичеринъ, Николай, сенаторъ т. V, 958.

Чумиковъ, Ѳед. Ив., визитаторъ сѣвскихъ училищъ 1820-хъ гг., т. VI, 445.

III.

Шабельскій, ген.-маіоръ, командиръ нижегород. драгун. полка 1826 г., т. V, 712.

Шагинъ-Гирей, крымскій ханъ, т. V, 609.

Шамиль, имамъ кавказскій, т.V, 432, 435, 438.

Шаминъ, офицеръ жандармскаго корпуса. Слѣдствіе его по дѣлу Льва Измайлова, т. VI, 659.

Шанскій, писарь, т. VI, 659.

Шанскій, Ѳеофилактъ, шутъ Петра Великаго. Свадьба его въ 1702 г., т. V, 849. Упом. т. V, 852.

Шапковъ. П. А., таганрогскій градоначальникъ 1825 г., т. VI, 162.

Шапошниковъ, Петръ Григорьевичъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 77.

Шарлота-Христина-Софія, жена царевича Алексѣя Петровича, р. 1694 † 1715 г., т. V, 875.

Шартръ-де, герцогъ, т. V, 602.

Шарфъ, ген.-маіоръ 1705 г., т.V, 793.

Шаршановскій, діаконъ 1762 г., т. VI, 568.

Шатиловъ, Н. В., т. VI, 645.

Шафировъ, бар. Петръ Павловичъ, вице-канцлеръ. Экстрактъ изъ писемъ его изъ Константинополя 1712 г., т. V, 918—923. Письмо къ нему кн. Григорія Долгорукаго 1719 г., т. V, 929. Письма Волынскаго, т. V, 941—948. Упом. т. V, 798, 805, 807, 815, 831, 832, 883, 935, 936, 937, 938.

Шахардинъ, инженеръ-маіоръ, 1820 г., т. VI, 230.

Шахматовы, домовладѣльцы 1815 г., т. VI, 156.

Шах-Назаровъ, штабсъ-капитанъ, уб. въ Персіи 1829 г., т. VI, 169, 176.

Шаховской, кн., Александ. Александ., драмат. писат., р. 1777 † 1846 г., т. V, 423, 424, 430; т. VI, 303.

Шаховской, кн., Ив. Леонт., ген. отъ инфант., членъ госуд. совѣта, р. 1777 г., т. VI, 330, 331, 345, 347, 365.

Шаховской, кн., Мих., 1715 г., т. V, 885.

Шванвичъ, Назарета Вас., рожд. Гладкая, игуменья тверскаго Рождественскаго монастыря. Сатира на нее, т. V, 474—475.

Шварцъ, К. Н. Составленный имъ біографическій очеркъ бар. Ф. П. Врангеля, т. V, 389—418.

Шебаловъ, маіоръ 1827 г., т. VI, 661, 662.

Шебуевъ, Вас. Ковичъ, профессоръ и ректоръ живописи. Замѣтка о немъ, т. V, 160. Упом. т. V, 24.

Шевченко, малорос. поэтъ, т. VI, 77.

Шевыревъ, Степ. Петр., профессоръ москов. универс., т V, 87, 118—127, 154, 339.

Шеинъ, Мих. Борис., бояринъ и военоначальникъ, прославившійся защитой Смоленска, казненъ 1634 г., т. V, 337.

Шейнъ, составитель «Сборника пѣсенъ», т. VI, 462.

Шелиховъ, танцоръ, т. V, 425.

Шелковъ, Илья, смотритель училищъ въ городѣ Сѣвскѣ 1829 г. Оригинальныя прошенія его къ попечителю моск. учеб. округа А. А. Писареву, т. VI, 444—447. Предписаніе объ увольненіи его отъ должности, т. VI, 447—448.

Шембекъ, польскій корон. канцлеръ 1707 г., т. V, 821.

Шембекъ, полковникъ 1831 г., т. VI, 20, 37.

Шемякинъ, т. V, 877.

Шенигъ, офицеръ генеральн. штаба 1824 г., т. V, 378.

Шепелевъ, домовладѣлецъ 1815 г., т. V, 181.

Шепелевъ, Дмитр. Андр., об.-гофмаршалъ, † 1759 г., т. V, 800, 884.

Шервудъ, (Вѣрный), офицеръ 1825 г., т. VI, 122.

Шереметевъ, бригадиръ 1724 г., т. V, 950.

Шереметевъ, графъ, домовладѣлецъ 1772 г., т. V, 218.

Шереметевъ, офицеръ 1827 г., т. VI, 264.

Шереметевъ, ген.-маіоръ, партизанъ 1831 г., т. VI, 404.

Шереметевъ, графъ Борисъ Петров., бояринъ и фельдмаршалъ, р. 1652 † 1719 г. Письма къ нему разныхъ лицъ 1712—1717 гг., т. V, 923—925. Письмо его къ царю 1717 г., т. V, 926. Приказъ ему отъ государя о войскахъ въ Польшѣ 1711 г., т. V, 936. Упом. т. V, 792, 798, 927, 934, 928, 935.

Шереметевъ, гр. Петръ Борис., об.-камергеръ, р. 1713 † 1788 г., т. V, 958.

Шереметевъ, Ѳедоръ Петр., боярин 1723 г., т. V, 876.

Шестакова, Людмила Иван., рожд. Глинка, т. V, 300.

Шестаковъ, Ѳед. Матв., ген.-маіоръ. Разсказы о немъ, т. V, 673.

Шетарди-де-ла, маркизъ, французск. посланникъ въ Россіи 1740 — 1742 гг., т. VI, 686.

Шешковская, Елена Петр., † 1805 г., т. V, 188.

Шешковская, Марія Степ., въ зам. Митусова, т. V, 188.

Шешковскій, Степ. Ив., тайн. сов. и политич. сыщикъ, р. 1720 † 1794 г., т. V, 138.

Шиллингъ, полковникъ 1831 г., т. VI, 370, 380.

Шиллеръ, нѣмец. писатель, т. V, 699.

Шимановскій, Никол. Викторов., состоявшій при А. П. Ермоловѣ 1824 г., т. VI, 519.

Шинделеръ, полковн., команд. одного изъ казач. полковъ 1831 г., т. VI, 331.

Шишковъ, Василій, 1715 г., т. V, 886.

Шипулинскій, докт. медиц., † 1872 г., т. VI, 684.

Ширай, Михайло, подкоморій, т. V, 246.

Ширингъ, переводчикъ 1710 г., т. V, 932.

Ширинскій-Шихматовъ, кн., воспитатель въ морскомъ корпусѣ ок. 1815 г., т. V, 391.

Ширинскій-Шихматовъ, кн. Платонъ Александров., тайн. сов., министръ народн. просвѣщ., † 1853 г. Наставленіе его ректору и деканамъ университета 1849 г., т. VI, 448—450.

Ширкова, Александра Григ., рожд. Хитрово. Дружба ея съ М. И. Глинкой, т. V, 300, 303, 305, 307, 312, 315, 316, 317, 319, 321, 323.

Ширкова, Анна Валерьяновна, т. V, 318.

Ширковъ, В. В. Сообщ. письма М. И. Глинки къ В. Ѳ. Ширкову, т. V, 300—329.

Ширковъ, Валер. Ѳед., полк. генер. штаба, р. 1805 † 1856 г. Письма къ нему М. И. Глинки, 1840—1841 гг., т. V, 300—329.

Шишкина, Максимила Петр., игуменья новгородскаго монастыря 1820-хъ гг., т. VI, 231.

Шишкинъ, стихотворецъ, т. VI, 687.

Шишкинъ, І. И., составитель біографіи А. П. Волынскаго, т. V, 935, 946.

Шишковъ, А. Д. Сообщ. письмо Запорожцевъ къ турецкому султану Мухамеду IV, т. VI, 450—451.

Шишковъ, Александръ Семен., адмиралъ, государств. секретарь въ 1812 г., министръ народн. просвѣщ. и духовныхъ дѣлъ въ 1824 г., президентъ академіи и членъ госуд. совѣта, р. 1754 † 1841 г. Отношенія его къ гр. Н. С. Мордвинову, т. V, 41. Упом. т. V, 659, 690 691, 692, 695, 696; т. VI, 618.

Шкунъ, крестьянинъ, т. VI, 633.

Шкурина, Марія Вас. (во иноч. Павла) р. 1755 † 1824 г., фрейлина 1769 г., т. V, 474.

Шлейснеръ, докторъ, т. V, 172.

Шлиппенбахъ, швед. генер., т. V, 884.

Шлотгауеръ, домовладѣлецъ, т. V, 304.

Шнейдеръ, т. V, 654, 695.

Шодуаръ, купецъ 1810 г., т. V, 259.

Шпаковской, 1715 г., т. V, 886.

Шпигель, камердинеръ польскаго короля Августа, 1712 г., т. V, 922.

Шредеръ, учитель, т. V, 544.

Шредеръ, Никол. Иван., дѣйств. стат. сов., орловскій губернаторъ 1823 г., потомъ губернаторъ рязанскій и наконецъ тайн. сов. и губернаторъ въ Витебскѣ 1831 г. Замѣтка о службѣ его и о пререканіяхъ съ ген.-губерн. Балашевымъ т. VI, 144—145.

Штединтъ, швед. посланникъ, т. V, 521.

Штединтъ, гр. Куртъ, швед. фельдмаршалъ, р. 1746 † 1836 г., т. V, 580.

Штейнгель, бар. Ѳад. Ѳед. (Фабіанъ) ген.-лейт., финлянд. ген.-губернаторъ и командиръ отдѣльн. финлянд. корпуса впослѣд. графъ и ген. отъ инфантеріи р. 1762 † 1831 г.; т. VI, 423.

Штейнъ, саксон. ген.-фельдмаршалъ 1701 г., т. V, 792.

Штелинъ, академикъ, т. V, 336.

Штиллингъ, писатель, т. V, 549.

Штоффрегенъ, Кондратій, дѣйств. стат. сов. лейбъ-медикъ. Поѣздка его съ императрицей Елизаветой Алексѣевной въ Таганрогъ, 1821 г., т. V, 101, 104, 121, 123, 124, 128. Упом. т. VI, 141, 151, 153, 160.

Шуазёль-Гуфье, графиня, рожд. гр. Тизенгаузенъ, т. VI, 161.

Шуваловъ, гр. Андр. Петр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и главн. директоръ ассигнаціон. банка, р. 1743 † 1789 г., т. VI, 88, 411.

Шуваловъ, Ив. Иван. оберъ-камергеръ, кураторъ московскаго университета, р. 1727 † 1797 г. О письмѣ къ нему кн. П. С. Потемкина въ 1794 г., т. V, 346. Упом. т. V, 459, 602, 614; т. VI, 687.

Шуваловъ, гр. Петръ Ив., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1711 † 1762 г. Отрывокъ изъ письма къ нему Ломоносова по поводу ссоры его съ Сумароковымъ, т. V, 335 -336. Упом. т. V, 674.

Шугуровъ, М. Ѳ., т. V, 623.

Шуйскій, Василій Ивановичъ, царь, т. V, 337.

Шульгинъ, с.-петерб. оберъ-полиціймейстеръ. Повѣстка его о кончинѣ императора Александра I, т. VI, 159.

Шумская, Наст. Ѳед., домоправительница Аракчеева. Убіеніе ея, т. VI, 121—122. Упом. т. V, 471; т. VI, 231, 237, 238.

Шумскій, актеръ 1850 г., т. V, 125.

Шумскій, флигель-адъютантъ, т. VI, 231.

Шуппе, домовладѣлецъ 1841 г., т. V, 321.

Шушеринъ, т. V, 877.

Шхелтинъ, морской офицеръ, 1715 г., т. V, 886.

Щ.

Щаповъ, Пав. Вас. Сообщ. письмо Булгарина по поводу смерти Гоголя, 1852 г., т. V, 481—482.

Щелковъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74.

Щепкинъ, Мих. Сем., артистъ. Первое знакомство его съ Гоголемъ, т. V, 282—283. Упом. т. V, 121, 125; т. VI, 441.

Щепкинъ, П. М. Разсказъ его о первомъ знакомствѣ Гоголя съ М. С. Щепкинымъ, т. V, 282—283.

Щербатова, княгиня. Высочайшее распоряженіе о запрещеніи ей пріѣзда ко двору и въѣзда въ столицу, 1799 г., т. V, 252.

Щербатова, кн. Марія Павл., рожд. Муханова, т. V, 341, 344.

Щербатовъ, 1704 г., т. V, 911.

Щербатовъ, кн. А. А., дѣйств. стат. сов., т. V, 341, 344.

Щербатовъ, кн. Алексѣй Григ., ген. отъ инфантеріи, членъ госуд. совѣта, москов. ген.-губернаторъ съ 1843 г., р. 1777 † 1848 г., т. V, 629.

Щербатовъ, кн. Дмитрій, членъ «сумазбродиѣйшаго собора», т. V, 880, 881.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., сенаторъ, исторіографъ, р. 1733 † 1790. Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства, т. V, 1—15.

Щербатовъ, кн. Мих. Юрьев., ген.-маіоръ, москов. оберъ-комендантъ, потомъ губернаторъ въ Архангельскѣ, р. 1678 † 1738 г., т. V, 885.

Щербатовъ, кн. Осипъ Ив., окольничій, т. V, 884.

Щербатовъ, кн. Пав. Петр., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1762 † 1831 г., т. VI, 98.

Щербатовъ, кн. Юрій Ѳед. (во иноч. Софроній), окольничій и бригадиръ, † 1737 г., т. V, 876, 885.

Щербина, Никол. Ѳед., поэтъ. Стихи изъ его альбома, т. V, 150—158.

Щербинина, Анаст. Мих., рожд. кн. Дашкова. Разсказъ ея о смѣлости матери ея — кн. Ек. Р. Дашковой, т. V, 130—131.

Щербининъ, Евдокимъ, намѣстникъ новороссійскій, т. V, 625.

Щербининъ, Мих. Павл., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, бывшій директоръ канцеляріи намѣстника кавказскаго. Отзывъ о немъ А. П. Ермолова, т. V, 446.

Щукинъ, 1715 г., т. V, 884.

Щукинъ, Онисимъ, 1708 г., т. V, 915—917.

Э.

Эдуардъ I, король англійскій, т. VI, 323.

Эйлеръ, физикъ, академикъ, т. V, 616, 617; т. VI, 691.

Эйлеръ, Александръ Христофоровичъ, генералъ 1830-хъ гг., т. VI, 234.

Эйнартсгаузенъ, писатель, т. V, 549.

Эксанъ-ханъ, полковникъ 1829 г., т. VI, 200, 201.

Экунинъ, воспитанникъ театральнаго училища 1822 г., т. V, 425.

Эльмурза, т. V, 947.

Эльсонъ, архитекторъ 1825 г., т. VI, 150.

Эммануэль, ген.-лейт. 1827 г., т. VI, 55, 257.

Энаволоповъ, переводчикъ 1827 г., т. VI, 60.

Энгельгардтъ, профессоръ 1819 г., т. V, 396, 397.

Энгельгардтъ, Вас. Андр., подполковникъ, т. VI, 463.

Эристовъ, князь Георгій Евсѣевичъ, ген.-лейт. 1827 г., впослѣд. ген. отъ инфантеріи, сенаторъ, т. V, 441; т. VI, 67, 268, 270.

Эсциланте, Базилio, оружейникъ, т. V, 331.

Эссенъ, гр. Петръ Кирил., генер. отъ инфант., оренбургск. ген.-губернаторъ и командиръ оренбургск. корпуса, потомъ с.-петербург. военный ген.-губернаторъ и членъ госуд. совѣта, р. 1772 † 1844 г., т. V, 358, 359, 360.

Ю.

Юдина, Марія Ив., княг., т. VI, 609.

Юдинъ, маіоръ 1826 г., т. VI, 39.

Юнкъ, архитекторъ 1822 г., т. VI, 507.

Юрасовъ, И. П., надворн. сов. 1849 г., т. VI, 72.

Юрьевъ, Ѳедоръ, цѣловальникъ 1711 г., т. V, 940.

Юсупова, княгиня, т. V, 579.

Юсуповъ, кн. Григор. Дмитр., генер.-маіоръ и сенаторъ, впослѣд. ген.-аншефъ, р. 1676 † 1730 г., т. V, 797, 885.

Юсуповъ, кн. Мих. Дмитр., начальникъ кремлевск. экспедиціи, т. VI, 288.

Юсуповъ, кн. Никол. Борис., посланникъ въ Турцiи и сенаторъ, потомъ дѣйств. тайн. сов. и министръ удѣловъ, р. 1751 † 1831 г., т. V, 184; т. VI, 631.

Юшкова, госпожа, т. V, 887.

Юшкова, Аграфена, вдова Вельяминова, т. VI, 562, 563.

Юшкова, Анна Ѳедор., камеръ-фрау пипер. Анны Іоанновны, т. VI, 563

Юшкова, Екат. Вас., въ замуж. кн. Мещерская, т. VI, 561.

Юшкова, Ирина Вас., въ замуж. Алексѣева, т. VI, 561.

Юшкова, Праск. Вас., въ замуж. Самарина, р. 1722 † 1789 г., т. VI, 560, 561, 562.

Юшкова, Тат. Мих., т. VI, 560, 561.

Юшкова, Тат. Мих., вдова Фролова-Багрѣева, т. VI, 563.

Юшковъ, Алексѣй Александр., окольничій, † 1722 г. Замѣтки о немъ, т. VI, 561—561, Упом. т. V, 877, 884.

Юшковъ, Ив. Алексѣев., т. VI, 562, 563.

Юшковъ, Василій Алексѣев., ближній стольникъ, р. 1677 г., ум. ок. 1735 г. Замѣтки о немъ, т. VI, 560 -563.

Я.

Яблоновскій, Янъ-Станиславъ, воевода волынскій и черниговскій, † 1731 г., т. V, 921—922.

Ягужинскій, Пав. Иван. 1710 г., впослѣдствій графъ, ген.-аншефъ и об.-шталмейстеръ т. V, 798, 883.

Языковъ, кабинетъ-курьеръ 1753 г., т. V, 957.

Языковъ, А. П., т. VI, 606.

Языковъ, Николай Михайлов., поэтъ, т. V, 128; т. VI, 701.

Языковъ, Платонъ Евграф., владимір. вице-губернаторъ, т. VI, 288.

Языковъ, Семенъ, 1718 г., т. VI, 671.

Языковъ, Т. П., т. VI, 606.

Яковлева, Екат. Валерьянов., вдова

ОГЛАВЛЕНІЕ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1872 года.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ІЮЛЬ. АВГУСТЪ. СЕНТЯБРЬ. ОКТЯБРЬ. НОЯБРЬ. ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. Русскій театръ при Александрѣ I, воспоминанія **П. А. Каратыгина** 297

II. Воспоминанія моей жизни, 1792—1856 гг. Записки поч. лейбъ-хирурга **Дмитрія Клементьевича Тарасова.** Гл. XIV—XVIII. 1825—1856 гг. Сообщ. А. Д. Тарасовъ 99

Приложенія къ «Воспоминаніямъ»: а) Некрологъ А. Д. Тарасова † 1872 г. (99). б) Александръ I въ Орлѣ 1823 г., замѣтка В. Н. Леонтьева. (144); в) Александръ I въ Костромской губерніи 1824 г., замѣтка М. М. Ранга. (145); г) Маршалокъ Пусловскій. Сообщ. В. И. Васильевъ. (148); д) Исторія болѣзни и послѣднихъ минутъ Александра I, переводъ съ франц. рукописи. Сообщ. Н. П. Дуровъ. (149).

III. Записки партизана **Дениса Давыдова:** воспоминанія о польской войнѣ 1831 года. Части I и II. Сообщ. В. Д. Давыдовъ . . . . . 1 и 309

Приложенія: I. Рѣчь императора Николая Павловича депутатамъ города Варшавы при пріемѣ ихъ во дворцѣ Лазенки 1835 г. Сообщ. А. Н. Яхонтовъ и М. В. Кюхельбекеръ. (391). б) Замѣтки по поводу напечатанія рѣчи Николая I въ 1835 г. Сообщ. баронъ Ѳ. А. Бюлеръ. (679). II. Дѣйствія польскихъ войскъ въ 1831 г. Сообщ. А. Распоповъ. (393). III. Замѣтки о запискахъ моего отца, партизана. Сообщ. В. Д. Давыдовъ. (399). Поправка. Сообщ. Владиміръ Лыко-

СТРАН.

шинъ. (402). IV. Два письма партизана Давыдова. Сообщ. В. Док—ій. (403). V. Указъ сенату о кн. Чарторыжскомъ. 6-го октября 1831 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. (405). VI. Поправка опечатки въ «Зап. Давыдова». (296).

IV. Воспоминанія доктора **И. И. Европеуса**: а) служба въ военныхъ поселеніяхъ и графъ Аракчеевъ. 1820—1826 гг.; б) Бунтъ Новгородскихъ военныхъ поселянъ 1831 г. . . . . 225 и 547

Приложенія: а) Акростихъ на Аракчеева. (241). б) Письма гр. Аракчеева къ Европеусу. (241). в) Письмо баронета Вилліе къ гр. Аракчееву. (242).

V. Воспоминанія **М. Н. Похвиснева** объ А. П. Ермоловѣ. 475

VI. **Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней. Воспоминанія Т. П. Пассекъ.** 1810—1825 гг. 607

Указы, письма, донесенія, разсказы, замѣтки.

До Петра I.

I. Султанъ турецкій и запорожцы: грамата султана и отвѣтъ казаковъ. 1680 г. Сообщ. А. Д. Шишковъ и Н. Н. Селифонтовъ, съ примѣч. Н. И. Костомарова. 450

Отвѣтъ Запорожцевъ султану по другимъ спискамъ. Сообщ. Я. А. Симоновскій, замѣтка Г. П. Надхина. (701).

Царствованіе Петра I.

II. Письма Петра Великаго къ Григорію Григорьевичу Скорнякову-Писареву. 1707—1722 гг. Сообщ. А. Н. Маринъ 450

III. Распоряженіе Петра I о вознагражденіи за археологическія находки. 1718 г. Сообщ. П. И. Барановъ. 474

Исправленіе опечатки. (606).

IV. Царица Прасковья Ѳедоровна и ея дочери, царевны Екатерина Іоанновна и Прасковья Іоанновна: письма ихъ къ кравчему Вас. Ѳедор. Салтыкову. 1721—1723 гг. Сообщ. П. И. Барановъ 563

V. Бутурлины и Юшковы въ царствованіе Петра I. Замѣтки изъ семейнаго архива. Сообщ. Н. Ѳ. Самаринъ. 559

Царствованіе Петра III.

I. Указъ святѣйшему синоду о соблюденіи правосудія. 26-го марта 1762 г. Сообщ. Ж. Ж. 567

СТРАН.

Царствованіе Екатерины II.

I. Францъ Ивановичъ де-Ливронъ. Эпизодъ изъ русско-шведской войны. 1790 г. Сообщ. К. Ф. де-Ливронъ. 569

III. Александръ Васильевичъ Суворовъ, генералиссимусъ россійск. войскъ, кн. Италійскій, графъ Рымникскій, 1729—1800 гг.:

а) Письма его къ роднымъ и знакомымъ. 1791—1792 гг. Сообщ. кн. А. А. Суворовъ, кн. Италійскій, графъ Рымникскій 410

Поправки въ родословіи фамиліи Суворовыхъ. Сообщ. кн. А. А. Суворовъ-Рымникскій. (606).

б) Анекдоты о Суворовѣ 676

Царствованіе императора Павла.

I. Историческіе-разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Ѳ. Карабановымъ о времени съ 1796 по 1801 г. 87

II. Распоряженіе императора Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими. 1800 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 98

Царствованіе императора Александра I.

I. Объ обращеніи съ крестьянами. Проектъ циркулярнаго секретнаго указа губернаторамъ. 1802 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 281

II. Объ обращеніи съ солдатами. Указъ генералу Боуру. 1804 г. Сообщ. А. Н. Петровъ 283

III. Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Ѳ. Карабановымъ: о времени 1801—1825 гг. (окончаніе) 284

IV. Историческіе разсказы и анекдоты, записанные въ разное время разными лицами: о дѣятеляхъ и времени Александра I 676

Поправки. Сообщ. кн. В. Баюшевъ (стр. 606). Исправленіе ошибки кн. Баюшева. Сообщ. Б. М. Ѳедоровъ. (699).

V. Распоряженіе о книгахъ для духовнаго юношества. 1817 г. Сообщ. Л. С. Мацѣевичъ 582

VI. Цензоръ А. И. Красовскій. 1823 г. Сообщ. А. П. Мансуровъ 584

VII. Аракчеевщина: разсказы, стихи и народныя пѣсни о немъ, и объ учрежденныхъ имъ военныхъ поселе-

СТРАН.

ніяхъ. Сообщ. Г. С. Демянокъ, Л. С. Мацѣевичъ, А. Г. Пупаревъ и И. П. Корниловъ 589

VIII. Съѣздъ членовъ „Союза Благоденствія“ въ Москвѣ. 1821 г. Статья Е. И. Якушкина 597

IX. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ:

1) Донесенія и письма Ермолова: императору Александру I, гр. Аракчееву, кн. П. М. Волконскому, генералу Паскевичу и друг. 1812—1820 гг. Сообщ. М. Н. Похвисневъ. 493

2) Письмо Ермолова къ дежурному генералу главнаго штаба. Сообщ. Б. М. Ѳедоровъ 500

3) Письма Ермолова къ П. А. Кикину. 1817—1832 гг. Сообщ. кн. П. Д. Волконскій 501

4) Письмо Ермолова къ Н. Г. Устрялову по поводу исторіи двадцати-лѣтія царствованія Николая I. 17-го сентября 1847 г. Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ 290

5) Письмо Ермолова къ Пав. Ник. Ушакову 1851 г. Сообщ. С. Г. Ушакова. 538

6) Знакомство съ Ермоловымъ. Разсказъ С. И. Храповицкаго 539

7) Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову 1855 г. (542). Отвѣтъ кн. Д. Святополкъ-Мірскаго. Сообщ. И. А. Пузыревскій и Л. Н. Павлищевъ . . . . . 542 и 544

Царствованіе императора Николая Павловича.

I. Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ въ 1826—1827 гг. секретныя донесенія императору Николаю Павловичу и переписка. VI—XXXIX. Сообщ. П. И. Вріони . . . . . 39 и 243

Замѣтки по поводу этихъ документовъ: а) Н. Ѳ. Дубровина. (280). б) Поправка описки г. Дубровина относительно генерала Мадатова. (699). в) Статья М. Н. Похвиснева (см. выше, въ отд. «Воспоминаній»).

II. Смерть А. С. Грибоѣдова. 1829 г. Изслѣдованіе по подлиннымъ, неизданнымъ документамъ. Составилъ и сообщ. А. П. Берже 163

III. Левъ Измайловъ, генералъ-лейтенантъ, Дѣдновскій помѣщикъ. Записка изъ слѣдственнаго о немъ дѣла. 1829 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ 649

стран.

IV. Смотритель училищъ въ 1829 г. Донесенія Шелкова. Сообщ. С. Н. Гавриловъ 444

V. Распоряженіе о соблюденіи формы гражданскими чиновниками. 1833 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій . . . 294

VI. Распоряженіе объ изъятіи изъ продажи книги: „Утреннія и вечернія молитвы“. 1835 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ 583

VII. Записка, представленная въ секретную коммиссію, учрежденную по дѣлу Мих. В. Буташевичъ-Петрашевскаго. 1849 г. Сообщ. И. Н. Липранди 70

VIII. Высочайше утвержденная инструкція ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультетовъ, 24 октября 1849 г. Сообщ. Р. И. Фонъ-деръ-Ховенъ 448

IX. Записка императора Николая Павловича барону Вревскому. 1854 г. Сообщ. Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины и Т. А. Сосновскій 605

X. Рапортъ о тайномъ обществѣ. Сообщ. С. И. Черепановъ 700

Царствованіе императора Александра II.

Мысли фельдмаршала И. Ѳ. Паскевича кн. Варшавскаго, графа Эриванскаго объ оборонѣ и паденіи Севастополя. Черновой проектъ письма къ кн. М. Д. Горчакову. 16 сентября 1855 г. Сообщ. Н. П. Степановъ . . . . . 604 и 427

Заявленіе кн. Ѳ. И. Паскевича по поводу напечатанія этого документа. (700).

Исторія русской литературы.

Русскіе писатели XVIII вѣка.

I. Св. Димитрій Ростовскій. Письмо его къ Мих. Григ. Грохольскому. 1709 г. Сообщ. А. Л. Потаповъ . 292

Генеалогическое разъясненіе. Сообщ. А. Л. Потаповъ. (698).

II. Александръ Николаевичъ Радищевъ:

1) А. П. Радищевъ, біографическій очеркъ, составленный его сыномъ, Н. А. Радищевымъ. Сообщ. кн. П. А. Вяземскій 573

2) Рапортъ иркутскаго намѣстническаго правленія

стран.

въ правительствующій сенатъ о ссылкѣ Радищева въ Илимскій острогъ. 1791 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 436

Русскіе писатели XIX вѣка.

I. Василій Назаровичъ Каразинъ. 1801—1843 гг.:
Воззваніе о сооруженіи ему въ Харьковѣ памятника. Сообщ. Г. П. Даниловскій. 294

II. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ. 1795—1826 гг.:
1) Замѣтки объ изданіи его стихотвореній и о годѣ рожденія Рылѣева. Сообщ. „Любитель Старины“ и Дм. Кропотовъ . . . . . 438 и 602
2) „На смерть Байрона“, стихотвореніе, приписываемое Рылѣеву 439
3) Предчувствія Рылѣева о своей судьбѣ. Замѣтка А. И. Фелькнера 440

III. Николай Васильевичъ Гоголь:
Письмо къ И. И. Сосницкому о постановкѣ „Ревизора“. 1846 г. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ 441

IV. Петръ Андреевичъ Ѳедотовъ: шутка-поэма „Маіоръ“. Поправки, дополненія и замѣтки о шуткѣ-поэмѣ „Маіоръ“. Сообщ. Н. В. Бергъ, И. Ѳ. Горбуновъ, Г. А. Думшинъ, П. А. Ефремовъ и И. А. Ибердусовъ 208

V. Ѳедоръ Сергѣевичъ Чернышевъ (авторъ „Солдатской сказки про царей русскаго и нѣмецкаго“). 1805—1869 гг. Біографическая о немъ замѣтка. . 223

VI. М. А. Максимовичъ.
Отрывокъ изъ его стихотв. Сообщ. Н. П. Барсуковъ. 224

VII. Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ. 1831—1872 гг.
1) Воспоминанія о немъ 452
Дополнительная къ нимъ замѣтка (606).
2) Встрѣча съ Гильфердингомъ, разсказъ пѣвца былинъ, крестьянина Касьянова. 694

VIII. Спиридонъ Николаевичъ Палаузовъ. † 14-го августа 1872 г.
Воспоминаніе о немъ А. С. Воронова 471

IX. Петръ Петровичъ Пекарскій, академикъ, докторъ русской исторіи, † 12-го іюля 1872 г. Очеркъ его жизни и перечень трудовъ его по русской исторіи и исторіи отечественной литературы 684

стран.

X. Аполлонъ Никифоровичъ Маринъ, генералъ-лейтенантъ, военный писатель. Свѣдѣнія изъ его біографіи 673

XI. Замѣтка объ эпиграммѣ Пушкина на Карамзина . 296

Исторія русскаго искусства.

Академикъ Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ. Замѣтка о немъ Н. В. Берга 223

Народная русская словесность.

I. Былина: „Ермакъ Тимоѳеевичъ“. Сообщ. И. Купріяновъ 702

II. Пѣсни о Рахчеевѣ (см. выше).

Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ.

1. Дневныя морскія записки, веденныя на кораблѣ «Уриилъ» во время плаванія его въ Средиземное море съ эскадрою, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина состоящею, **Г. М. Мельникова.** Спб., 1872 г., in 8°, VIII, IV и 234 стр. Съ гравированнымъ въ Англіи портретомъ автора Часть I (на оберткѣ VII кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою коммиссіею. Тифлисъ. Тип. Гл. Упр. in magno folio. Томъ I (1866, X и 816); т. II (1868, VI и 1238 стр.); т. III (1869, VI и 760 стр.); т. IV (1870, III и 1015 стр.) Цѣна каждому тому 30 рублей (тамъ-же).
3. Брошюры, изданныя къ юбилею Петра Великаго (тамъ-же).
4. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. Москва, 1872 г. Томы I и II, стр. 420 и 406; въ 8°. Изданіе Николая и Дмитрія **Востряковыхъ**, подъ редакціею **Г. В. Есипова** (на оберткѣ VIII кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
5. Сочиненія и переписка Кондратія Ѳедоровича Рылѣева. Изданіе его дочери, подъ редакціею **П. А. Ефремова.** Спб., 1872 г., въ 8°, стр. X и 382. Ц. 2 р. (тамъ-же).
6. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ VIII. Спб., 8°, 1872. LVI, VII, 314, 2, 10, 108, 23, 94, 42 и 37 стр. Ц. 1 р. 50 к. (тамъ-же),
7. Дополненіе къ актамъ историческимъ. Томъ XII. Изданіе **Императорской Археографической коммиссіи.** Спб., въ листъ, 1872 г. (на оберткѣ IX кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
8. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе **В. Ключевскаго.** М., 1871 (8°, III, 465 и VII). Ц. 2 р. (тамъ-же).
9. Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Составилъ **П. Н. Полевой.** Часть II (средній возрастъ). Спб., 1872. Тип. Траншеля, 12°, VI, III и 374 стр. Ц. 70 коп. (тамъ-же).
10. Составители Кіево-Печерскаго патерика и позднѣйшая его судьба. Историко-литературный очеркъ **М. Виноторовой.** Съ предисловіемъ **И. И. Некрасова.** Воронежъ, 1871, 8°, 39 стр. (тамъ-же).

11. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе **Археографической коммиссіи**. Спб., 1872, 4°. Тип. Ак. Наукъ, XIV, 512 и 63 стр. Ц. 3 р. (на оберткѣ X кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
12. Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, собранные и изданные Петербург. **Археографическою коммиссіею**. Томъ VII. Спб., 1872. Тип. Пратца, 4°, VI, 10 и 398 стр. Ц. 2 р. (тамъ-же).
13. Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Имп. Пуб. Библіотеки и описаніе находящихся въ ней рукописей, содержащихъ матеріалы для исторіи его царствованія. Состав. **А. Ѳ. Бычковымъ**. Спб. Тип. Траншеля, 1872 г. (тамъ-же).
14. Обозрѣніе книгъ, гравюръ и монетъ времени царствованія Петра Великаго. Состав. **Я. Березинъ-Ширяевъ**. Спб., 1872, 12°, X и 80 стр. (тамъ-же).
15. Русская историческая библіотека, издаваемая петербургскою Археографическою коммиссіею. Т. I. Спб., 1872, 8°, 2 нен., XIII и 846 столбцевъ. Ц. 2 р. (на оберткѣ XI кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
16. Архивъ Юго-Западной Руси. Часть I. Томъ IV. Кіевъ, 1871, 8°, 4 нен., 100 и 747 стр. Ц. 2 р. (тамъ-же).
17. Архивъ правительствующаго сената. Томъ I. Составилъ **П. Барановъ**. Спб., Сен. тип. 1872, 8°, XXXI и 167 стр. (тамъ-же).
18. Пособіе для занятій по судебно-гражданской части. Сводъ Законовъ Гражданскихъ, по изданіямъ 1832, 1842 и 1857 годовъ и по продолженіямъ 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 годовъ, и Сборникъ подлинныхъ узаконеній, на которыхъ основаны статьи Свода Законовъ Гражданскихъ, изданія 1857 года. Составилъ **Е. Карновичъ**. Книга 1-я: О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Книга 2-я: О порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества. Спб. 1872 года. Цѣна за обѣ книги 3 р. 50 к. (тамъ-же).
19. О портретахъ Петра Великаго. Изслѣдованіе **А. А. Васильчикова**. М., 1872, 8°, 126 стр. (на оберткѣ XII кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
20. Провинціальные труды по областной исторіи и библіографіи (тамъ-же).

Приложенія къ шестому тому «Русской Старины»:

I. **Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ.** 1738—1795 гг. Томъ третій, части: XVII, XVIII, XIX, XX и XXI. 1774—1784 гг., стр. 417—1214 (съ приложеніемъ, въ текстѣ, четырехъ рисунковъ, исполненныхъ А. Т. Болотовымъ, авторомъ „Записокъ“, и гравированныхъ академикомъ, Его Императорскаго Величества граверомъ, Л. А. Сѣряковымъ. (Одинъ изъ рисунковъ, на стр. 496-й, изображаетъ казнь Емельки Пугачева).

Это вторая половина третьяго тома «Записокъ Болотова» должна быть выдѣлена изъ книгъ (7-й по 12-ю включительно, 1872 г.), къ которымъ она приложена и переплетена въ одну книгу съ первою половиною (прилож. съ 1-й по 5-ю кн. 1872 г.). Въ концѣ III-го тома помѣщено подробное особое оглавленіе, какъ это сдѣлано при первыхъ двухъ томахъ «Записокъ Болотова».

II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ матеріалы для русской исторіи или исторіи отечественной словесности.

III. Алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ „Русской Старинѣ“, въ томахъ V и VI, изд. 1872 г. Состав. Ж. К. Піотровскаая, подъ наблюденіемъ Е. П. Карновича.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. **Записки А. Т. Болотова.** 1738—1771 гг., три тома. Спб., 1870—1872 гг., стр. 1002, 1120 и 1220, въ два столбца, съ рисунками въ текстѣ—Болотова, и съ портретомъ его, гравированными академикомъ **Л. А. Сѣряковымъ.** (Приложенія къ «Русск. Стар.» 1870, 1871 и 1872 гг.).

Цѣна, въ отд. изданіи, за три тома **9 руб.**

II. **Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго,** полицій-мейстера—при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы, и сенатора при Екатеринѣ II. 1705—1777 гг., Спб. въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. 50 коп.

III. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина.** 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 380 стр.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

IV. **Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.** 1809—1831 гг. Новые разсказы очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., 1871 г., въ 8-ю д. л.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

V **Записки Екатерины Александровны Хвостовой.** 1812—1841 гг. Очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., 260 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

VI. Состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ, сочиненіе капитана **Джона Перри.** переводъ съ англійскаго, кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ **М. И. Семевскаго.** Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1872 г., въ 8-ю д., 200 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

I-й ВЫПУСКЪ КНИГИ:

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЛАХЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изданіе Вспомогательной Кассы С.-Петербургскихъ наборщиковъ.

КНИГА СОСТАВЛЕНА ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ СТАРИНА".

Цѣна 1-го выпуска, на веленевой бумагѣ, съ приложеніями фотографическаго портрета Петра I и снимками съ указа и азбуки, съ поправками на нихъ рукою Петра Великаго . . 2 р.

На простой бумагѣ, съ приложеніемъ портрета Петра I. 1 „

Книгопродавцамъ дѣлается уступка 20%.

Главный складъ по Большой Садовой, противъ Юсупова сада, домъ № 49, въ типографіи Балашева.

Контора редакціи «Русской Старины» извѣщаетъ, что поступающія, на нижеслѣдующія изданія, требованія не могутъ быть удовлетворяемы, такъ какъ книги эти разошлись сполна, до послѣдняго экземпляра, а именно: 1) «Русская Старина», изд. 1870 г. (первый годъ); 2) «Русская Старина», изд. 1871 г. (второй годъ). 3) «Записки М. И. Глинки», изд. 1870 г.; 4) «Бунтъ военныхъ поселянъ», изд. 1870 г., и 5) «Дневникъ Іоанна Георга Корба, о бунтѣ и казняхъ стрѣльцовъ въ 1698 — 1699 гг.».

II.

О ПОДПИСКѢ НА 1873 ГОДЪ

НА

ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

въ родѣ «The Illustrated London News», «The Graphic», «Leipziger Illustrirte Zeitung», «Illustration», «Monde Illustré», «Univers Illustré».

Съ 1-го января 1873 года журналъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» начнетъ **V-й годъ** (т.-е. **Томы IX и X**) своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнею, со стороны издателя, заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» выходитъ **еженедѣльно** (т.-е. 52 нумера въ годъ), въ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги и каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ 16-ть страницъ, изъ которыхъ половина наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

ПРОГРАММА „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

I. **Политическій отдѣлъ.** Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ. — II. **Внутреннія извѣстія.** Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—III. **Изящная словесность.** Повѣсти, разсказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.— IV. **Науки и художества.** Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и проч., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п.—V. **Прикладныя науки и промышленность.** Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и проч. — VI. **Критика и библіографія.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.— VII. **Театральный и музыкальный обзоръ.** Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ.—VIII. **Смѣсь и новости.** Мелкія литературныя, художественныя и ученыя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.— IX. **Фельетонъ.** Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр. — X. **Юмористическій листокъ.** Карикатуры. — XI. **Шахматныя задачи**, шарады, ребусы, и т. п. — XII. **Частныя объявленія.** Съ 1-го января 1873 года въ журналѣ «Всемірная Иллюстрація» начнетъ печататься русскій историческій романъ Нестора Кукольника «Іоаннъ III, собиратель земли русской».

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 12 р. — к.
Безъ доставки въ Москвѣ . . . 13 » 50 »
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . 13 » 50 »
Съ доставкою въ другіе города . 15 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» представляетъ исторію, географію, путешествія, изящныя искусства, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, политическія событія, войну и проч., и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ. Каждый томъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» представляетъ собою роскошный альбомъ и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной; «ИЛЛЮСТРАЦІЯ» необходима вездѣ и для всѣхъ. По просьбѣ многихъ подписчиковъ, издатель заказалъ роскошныя покрышки для переплета изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 руб. 75 коп., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Гг. подписчиковъ, желающихъ пріобрѣсти эти покрышки для переплетовъ, издатель «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» проситъ обращаться со своими заказами по возможности заблаговременно.

Цѣна первыхъ 8-ми томовъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“.

1869 г., т.-е. томы I и II вмѣстѣ — 12 руб., съ пересылкою — 15 руб. Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты — 16 руб., съ перес. — 19 руб.

1870 г., т.-е. томы III и IV вмѣстѣ — 12 руб., съ пересылкою — 15 руб. Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты — 16 руб., съ пересылкою 19 руб.

1871 г., т.-е томы V и VI вмѣстѣ—12 руб., съ пересылкою 15 руб. Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты—16 руб., съ пересылкою 19 руб.

1872 г., т.-е. томы VII и VIII вмѣстѣ—12 руб., съ пересылкою 15 руб. Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты—16 руб., съ пересылкою 19 руб.

1873 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» за 1873 г., т.-е. для томовъ IX и X, имѣются уже также роскошныя покрышки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная контора „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, домъ Кероввна, № 16.

Редакторъ-Издатель «Всемірной Иллюстраціи» **ГЕРМАНЪ ГОППЕ.**

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ быв. Загряжскаго; **А. Ланга**, на Кузнецкомъ мосту; **Г. Постъ**, **М. М. Черенина** и друг.

III.

О ПОДПИСКѢ НА 1873 ГОДЪ

НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Съ 1-го января 1873 года «МОДНЫЙ СВѢТЪ» начнетъ VI-й годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнею, со стороны издателя, заботливостью наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1873 году будетъ выходить также въ двухъ изданіяхъ.

Въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т.-е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 2,000 политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Болѣе 200 выкроекъ на 12-ти большихъ листахъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для I-го изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками.

Коллекцію рисунковъ: модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“:

I изданію, съ 12 раскрашенными парижскими картинами:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . 4 руб. — коп.
» » съ доставкою . 5 » 50 »
Для иногородныхъ. . . . . 6 » — »

II изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинами:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . 5 руб. — коп.
» » съ доставкою . 6 » 50 »
Для иногородныхъ. . . . . 7 » — »

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: 1-му изданію 5 р, II-му изданію 6 р. 50 коп.

Издатель «МОДНАГО СВѢТА» ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

Главная контора редакціи «МОДНАГО СВѢТА» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ бывш. Загряжскаго; **А. Ланга**, на Кузнецкомъ мосту; **г. Поссъ**, **М. М. Черенина** и друг.

IV.

Приглашеніе пустынnаго успенскаго православнаго церковнаго братства могилевской епархіи къ принятію участія въ его дѣятельности.

Православные Соотечественники! Учредители православнаго церковнаго братства при пустынскомъ свято-успенскомъ монастырѣ поставили своею задачею: всевозможное содѣйствіе къ распространенію христіанскаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви и утвержденію доброй нравственности и трудолюбія въ крестьянскихъ селеніяхъ могилевской епархіи, преимущественно же Мстиславскаго уѣзда, и устраненіе всего того, что со стороны враговъ православія и русской народности можетъ пагубно дѣйствовать на нравственность крестьянъ, равно и на хозяйственный или матеріальный ихъ бытъ. Съ этою цѣлію братство, по мѣрѣ средствъ, имѣетъ заботиться: о распространеніи по церковно-приходскимъ училищамъ книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго и православно-обличительнаго содержанія, о судьбѣ лицъ, принимающихъ православіе, оказывая имъ возможное покровительство и пособіе, о поддержаніи и благопреуспѣяніи учрежденныхъ при пустынскомъ монастырѣ поселянскаго училища для обученія въ немъ крестьянскихъ мальчиковъ на религіозно-нравственныхъ началахъ, и больницы на случай, если кто изъ посѣтителей богомольцевъ заболѣетъ, и о составленіи при братствѣ библіотеки изъ книгъ религіозно-нравственныхъ и научнаго содержанія, для безмезднаго чтенія желающимъ.

Но въ этомъ святомъ дѣлѣ развитія внутренней силы православія, въ массѣ здѣшняго русскаго народа и огражденія его нравственности отъ вредныхъ вліяній со стороны латинства и еврейскаго элемента, при отсутствіи собственныхъ средствъ, православное церковное братство при пустынскомъ свято-успенскомъ монастырѣ возлагаетъ надежду свою на высокое патріотическое чувство старшихъ братій своихъ — вѣрныхъ сыновъ великой Россіи, кои всегда съ полною любовію отзывались къ интересамъ своихъ меньшихъ братій, православныхъ чадъ отечественной церкви Христовой, живущихъ на Западной окраинѣ Россіи.

Пустынско-успенское братство твердо вѣритъ, что великій русскій народъ не откажетъ въ своемъ великодушномъ сочувствіи, въ своей нравственной и матеріальной поддержкѣ посильному служенію братства дѣлу православія и христіанской нравственности въ здѣшнихъ мѣстностяхъ противъ напора враждебныхъ вліяній.

Оно обращается къ вамъ, православные соотечественники, съ покорнѣйшею просьбою—принять христіанское участіе въ дѣятельности его, содѣйствуя къ распространенію этой просьбы и между другими лицами, извѣстными вамъ своею ревностію къ православію и русской народности. Изъ устава братства, который изложенъ въ прилагаемой при семъ брошюрѣ, вы можете усмотрѣть, какъ цѣль братства, такъ и планъ дѣйствій его. Всякая лепта усердія, въ чемъ бы она ни состояла, въ денежномъ ли приношеніи, въ пожертвованіи ли книгами, брошюрами и другими вещами, могущими служить цѣлямъ братства, въ трудахъ ли ученыхъ или другихъ какихъ-либо благодѣя-

віяхъ на пользу братства, послужитъ средствомъ къ развитію православнаго русскаго населенія и огражденію его отъ пагубныхъ вліяній на его нравственность и матеріальный бытъ, и укрѣпленію въ народѣ истинъ православной вѣры и правилъ христіанской дѣятельности. Жертва вашего усердія принята будетъ братствомъ съ искреннею благодарностію, а имя ваше внесено будетъ въ памятникъ братства для возношенія молитвъ къ престолу Божію за богослуженіемъ въ большомъ соборномъ храмѣ пустынскаго успенскаго монастыря.

Заявленіе ваше братство покорнѣйше проситъ адресовать, на основаніи 17-го пункта устава «въ совѣтъ пустынскаго свято-успенскаго братства, въ городъ Мстиславль, Могилевской губесніи».

Предсѣдатель совѣта братства пустынскаго успенскаго монастыря, настоятель,

Архимандритъ Анатолій.

V.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
ОВЪ ИЗДАНІИ ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ ВЪ 1873 ГОДУ.

„Христіанское Чтеніе“ будетъ издаваться въ 1873 году по прежней программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ въ 1872 г., т.-е. ежемѣсячно книгами отъ 12-ти до 15-ти листовъ. Задача, характеръ и направленіе его достаточно извѣстны редакція не намѣрена измѣнять ихъ и въ слѣдующемъ году. Въ научномъ отдѣлѣ своего журнала мы падѣемся представить лучшіе въ настоящее время опыты изслѣдованія по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ, по прежнему руководясь строгою разборчивостію и обращая вниманіе сколько на ученое ихъ достоинство, столько же на близость отношенія ихъ къ современнымъ вопросамъ науки и потребностямъ церковной жизни. Въ особенности намъ желалось бы способствовать разъясненію и научной разработкѣ мало извѣстныхъ, или недостаточно понятыхъ, замѣчательныхъ событій въ исторіи нашей отечественной церкви, преимущественно ближайшаго къ намъ времени Изслѣдованія касательно исторіи, статистики или современнаго положенія инославныхъ исповѣданій тогда только найдутъ у насъ мѣсто, когда они проливаютъ новый свѣтъ на отношенія западныхъ инославныхъ обществъ къ церкви православной, или служатъ къ объясненію современнаго движенія церковно-религіозной жизни на западѣ въ пользу православія.

Быстрота въ развитіи общественной жизни, характеризующая наше время, возлагаетъ на служителей церкви обязанность относиться къ вопросамъ современности съ особенною живостію и зоркостію, чтобы не утратить надлежащей доли своего вліянія на общество и не остаться позади его. Сознавая это, мы значительно расширили въ своемъ журналѣ отдѣлъ Современнаго Обозрѣнія и раздѣлили его на двѣ части, изъ которыхъ первая—посвящена обзору текущихъ явленій внутренней жизни нашей отечественной церкви, а вторая обнимаетъ важнѣйшія современныя событія въ средѣ православныхъ церквей на востокѣ, въ кругу вообще славянскихъ церквей и въ жизни инославныхъ религіозныхъ обществъ, насколько все это касается церкви русской.

Редакція считаетъ долгомъ и въ наступающемъ году оправдать то со-

чувствіе и то довѣріе къ своему журналу, которое продолжаетъ высказываться къ нему постоянно болѣе и болѣе со стороны просвѣщеннѣйшей части нашего общества, какъ къ органу духовной литературы, который всегда служилъ лучшимъ выраженіемъ современнаго состоянія у насъ духовнаго образованія.

Подписная цѣна за годовое изданіе: въ С.-Петербургѣ, безъ доставки на домъ, 6 руб., а съ доставкою и пересылкою во всѣ губерніи 7 руб. Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Въ избѣжаніе замедленія въ высылкѣ первыхъ нумеровъ журнала, редакція покорнѣйше проситъ иногородныхъ подписчиковъ не запаздывать своими требованіями и адресовать ихъ исключительно въ редакцію «Христіанскаго чтенія при духовной академіи, въ С.-Петербургѣ, съ точнымъ обозначеніемъ города, или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, а также — званія, имени, отчества и фамиліи подписчика.

Въ редакціи „Христіанскаго Чтенія“ можно получать также: 1) „Христіанское Чтеніе“ за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго изъ этихъ годовъ, порознь, назначается 3 руб. безъ пересылки, и 4 руб. съ пересылкою. Выписывающіе журналъ за всѣ исчисленные годы вмѣстѣ (всего за 14 лѣтъ) платятъ и съ пересылкою 35 руб. 2) „Христіанское Чтеніе“ за 1848, 1849, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго года 4 руб. безъ пересылки и 5 руб. съ пересылкою. 3) „Христіанское Чтеніе“ за 1850, 1852, 1853, 1854, 1855, 1870, 1871 и 1872 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго года 6 руб. безъ пересылки и 7 руб. съ пересылкою. Помѣщены въ „Христіанскомъ Чтеніи“ слѣдующія бесѣды св. Іоанна Златоустаго: а) на книгу Бытія—за 1849 и 1852 годы; б) на книгу Дѣяній святыхъ Апостоловъ—за 1856 и 1857 годы; в) на посланія къ Ефесеямъ и къ Колоссаямъ — за 1858 г.; г) на посланіе къ Солунянамъ, а также на 1-е и 2-е посланія къ Тимоѳею, на посланіе къ Титу, Филимону и къ Евреямъ — за 1859 годъ. Слѣдующія бесѣды св. Іоанна Златоустаго, напечатанныя въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за разные годы, можно получать и отдѣльными книгами по слѣдующимъ цѣнамъ: 4) на Псалмы, два тома. Цѣна 3 руб.; 5) къ Антіохійскому народу. Цѣна 2 руб; 6) на разныя мѣста Св. Писанія, три тома. Цѣна 4 руб. 50 коп.; отдѣльно каждый томъ по 1 руб. 50 коп.; 7) на разные случаи, два тома. Цѣна 3 руб.; 8) на Евангеліе отъ Іоанна, два тома. Цѣна 2 р.; 9) на 1-е посланіе къ Коринфянамъ, два тома. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 10) письма св. Іоанна Златоустаго къ разнымъ лицамъ. Цѣна 1 руб. 11) Письма преп. Ѳедора Студита, два тома 2 р. 50 к.; отдѣльно: 1-й томъ— 1 р., 2-й — 1 р. 50 к. 12) Церковная исторія Евсевія Памфила. Цѣна 2 руб. 13) Св. подвижницы восточной церкви, сочиненіе преосв. Филарета. Цѣна 1 р. 50 к. 14) Древнія формы символа вѣры православной церкви, или такъ называемые апостольскіе символы, историческое изслѣдованіе профессора И. В. Чельцова. Цѣна 1 р. 25 к. 15) Систематическій указатель къ Христіанскому Чтенію за 1821—1870 гг. Цѣна 75 к. 16) Вновь поступила въ продажу книга: «Каноническое Право» митрополита Андрея Шагуны; переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 2 р. Пересылку всѣхъ означенныхъ отдѣльныхъ изданій редакція принимаетъ на свой счетъ.

Редакторъ «Христіанскаго Чтенія» Профессоръ **Иванъ Чельцовъ.**

димірскаго Успенскаго Княгинина дѣвичьяго монастыря, съ весьма обстоятельною статьею почтеннаго редактора.

Такихъ городовъ, какъ Владиміръ, Псковъ, Орелъ, Витебскъ, Новгородъ, Нижній, и такихъ лицъ, какъ К. Тихонравовъ, Евлентьевъ, Пупаревъ, Сементовскій, Богословскій, Гацискій—немного: почти только и есть, что—они! Между тѣмъ, городовъ областныхъ и губернскихъ (съ ихъ статистическими комитетами), вѣдомостей губернскихъ, областныхъ и епархіальныхъ, разныхъ мѣстныхъ вѣстниковъ и телеграфовъ (съ ихъ редакторами)—цѣлыя сотни! Шесть городовъ и шесть лицъ дѣло дѣлаютъ, а остальное громадное большинство, если и производитъ, то весьма немного. Между тѣмъ, правительство, устроя статистическіе комитеты, поставило въ обязанность имъ: заботиться о составленіи подробныхъ описаній губерній и областей, уѣздныхъ городовъ и отдѣльныхъ мѣстностей въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско-хозяйственномъ и пр., и издавать эти труды въ свѣтъ (ст. 3); печатать соотвѣтственныя статьи въ губернскихъ вѣдомостяхъ (ib.); издавать памятныя книжки и отдѣльныя монографіи, пріискивая для сего средства (ib. и прим. къ ст. 21), и даже снаряжать особыя статистическія экспедиціи для мѣстныхъ изслѣдованій (ст. 15). Но, къ сожалѣнію, этотъ прекраснѣйшій законъ такъ и остался прекраснѣйшимъ закономъ, не возбудивъ къ себѣ не только сочувствія, но даже простаго вниманія со стороны большинства нашихъ градоначальниковъ: иначе—чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что значительное большинство секретарскихъ и редакторскихъ мѣстъ занято полуграмотными, необразованными чиновниками, даже вопреки закону (ст. 12)? Неужели Россія такъ уже обѣднѣла людьми образованными, цѣнящими и любящими свое отечество, что губернаторы во вѣренныхъ имъ губерніяхъ не могли найти даже одного такого человѣка, который отвѣчалъ бы условіямъ статистическаго закона и могъ бы съ честью и успѣхомъ выполнить секретарскую и редакторскую обязанности, столь тѣсно между собою связанныя? Нѣтъ, мы этому никогда не повѣримъ, ибо встрѣчали и знаемъ не одинъ десятокъ почтенныхъ русскихъ людей изъ разныхъ мѣстностей нашего отечества, которые съ готовностью приняли бы предложеніе и не даромъ бы занимали мѣсто секретаря и редактора. Что же касается содержанія, то minimum его доходитъ до 1050 р. (750 секретарскихъ и 300 редакторскихъ); но опытный и сочувствующій дѣлу губернаторъ можетъ разными, совершенно-законными, путями его значительно увеличить. Разъ уже коснувшись этого важнаго и неотложнаго вопроса, считаемъ не лишнимъ упомянуть о слухѣ, что директоромъ центральнаго статистическаго комитета, П. П. Семеновымъ, выработанъ, на новыхъ и современныхъ основаніяхъ, проектъ положенія объ устройствѣ статистической части въ губерніяхъ.

Подробнѣйшее разсмотрѣніе присланныхъ въ редакцію «Русской Старины» помянутыхъ книгъ и брошюръ, наводитъ насъ на слѣдующія соображенія. Было бы желательно, чтобы секретари губернскихъ статистическихъ комитетовъ и редакторы неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей, сообща рѣшились: 1) собрать, чрезъ посредство своихъ оффиціальныхъ и частныхъ корреспондентовъ, подробныя свѣдѣнія о правительственныхъ, частныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и проч. архивахъ, рукописныхъ собраніяхъ, отдѣльныхъ документахъ, библіотекахъ, старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, объ археологическихъ памятникахъ и мѣстностяхъ, о мѣстныхъ старинныхъ родахъ; 2) составленный изъ этихъ свѣдѣній списокъ напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ и особыми изъ нихъ оттисками; 3) составить хронологическій указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части вѣдомостей, съ самаго начала ихъ изданія, и напечатать его какъ въ вѣдомостяхъ, такъ и отдѣльно, и 4) доставляемые и собираемые историческіе матеріалы и документы печатать въ вѣдомостяхъ и особо, какъ это сдѣлалъ А. Г. Пупаревъ. Исполненіе этихъ четырехъ пунктовъ весьма легко и затруднить не можетъ ни на одну минуту: за то каждый № вѣдомостей будетъ приносить съ собою что-либо новое изъ области мѣстной исторіи и библіографіи. Въ концѣ же концовъ — этотъ трудъ, сначала быть можетъ скучный и мало замѣтный, составитъ (если будетъ исполняться повсемѣстно) величественное зданіе, за сооруженіе котораго всѣ мыслящіе и интересующіеся отечественною исторіею и библіографіею русскіе люди будутъ глубоко и искренно благодарны. Подобный почтенный трудъ, хотя и исполненный въ провинціи, несомнѣнно повліяетъ на успѣхи русской исторической науки. Полное убѣжденіе въ несомнѣнности этого вліянія и неотложности указаннаго труда—побудило насъ нѣсколько распространиться и выйти изъ обычныхъ рамокъ, впрочемъ въ той увѣренности, что это наше заявленіе не попадетъ въ умственную пустыню и будетъ сочувственно принято какъ градоначальниками, такъ и секретарями и редакторами мѣстныхъ статистич. комитетовъ и губернскихъ вѣдомостей.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложеній**, не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ **книжномъ** магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ—въ **книжномъ** магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) **лично, или** чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

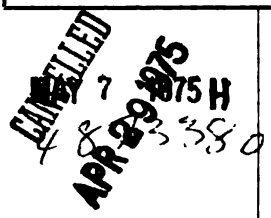
Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Трута. кв. № 12 и въ д. Лисицына.**

Въ послѣдующихъ книгахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** будутъ, между прочимъ, напечатаны: **Записки Болотова** (томъ IV и послѣдній), **Лагарпа, М. А. Бестужева, Т. П. Пассекъ**; документы изъ архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Станельбергова**, кн. **Щербатова**, свѣтл. кн. **А. А. Италійскаго** графа **Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. **Суворова**; свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова. Бахтина**, — записки: гр. **Ѳ. П. Толстаго**, адмир. **Колзакова, И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго**, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, записки ген. **Толя**, кн. **А. А. Шаховскаго**; Москов. театра артистки **Никулиной-Косицкой**; **И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831 - 1841 гг.); генерала **Фелькнера**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1775—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790—1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Дѣло **Волынскаго**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I, Александра I**, цесар. **Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны; Трощинскаго**; гр. **Аракчеева**; гр. **Беннигсена** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**; мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**; разсказъ **И. А. Сухозанета** о 14 дек. О пребываніи въ ссылкѣ Брауншв. фамиліи; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батюшкова** (болѣе 50 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина**, статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычнова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади**. кн. **Голицыныхъ. Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова**. проф. **Брикнера**. Сообщ.: Гр. **К. И. Палена, К. С. Сербиновича**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Деляновa**, акад. **А. А. Куника, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе**, гр. **Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Краснокутскаго. А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюлера, М. Ѳ. Бороздина, Н. П. Дурова**, и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Императорской Археографич. Коммиссіи—**М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.